

Евразийский юридический журнал

№ 9 (88) 2015

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКАШЕВ Камил Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
БыСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева – РГАУ-МСХА)
ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)
ГУСЕИНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской ассоциации международного права
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАПЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России)
МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)
МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)
НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., член-корреспондент РАН (Институт философии РАН)
СТЕПИН Вячеслав Семенович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),
Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ, Первый вице-президент Российского философского общества)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2015

Подписано в печать 09.11.2015
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasialaw.ru,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian Law Journal

№ 9 (88) 2015

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)
BATKHEEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
BYSTROV Grigory Efimovich, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation, First Vice-Chairman of the Russian Philosophical Society)
FAKHRTUDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FATKUDINOV Zulfar Maksimovich, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISB», Kazan)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))
GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KORBUT Leudmila Vasilievna, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MALEEY Yury Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)
MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))
SMAGULOV Asylbek Yarymovich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, the Corresponding Member of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)
STEPIN Vyacheslav Semenovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))
VALEEY Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2015

Signed for printing 09.11.2015

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasianlaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

www.eurasialegal.info

www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

литературный редактор:

СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович, к.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна, к.п.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, к.ю.н., с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимерович

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolievna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

literary editor:

SOROKINA Yulia Viktorovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

HUSEYNOV Oktay Ramazanovich, Ph.D. in Law

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IZMAILOVA Evgeniya Nikolaevna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor

KONNOVA Elena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Senior Researcher

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Ph.D. in Law

LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

MURZAGILDIN Nail Tashtimirovich

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

TRAPEZNIKOV Valery Anatolievich, Ph.D. in Law

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

СОДЕРЖАНИЕ

PERSONA GRATA

В. С. Ягья:

Роль Санкт-Петербурга в процессе развития евразийской интеграции..... 8

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Аксенчук М. А.

Формы и тенденции развития интеграции в Евразии..... 13

Понаморенко В. Е., Илюхина С. С., Галушкин А. А.

О современном состоянии валютной интеграции в ЕАЭС и БРИКС..... 18

Сычева О. В.

Аспекты правового регулирования международной трудовой миграции
(на примере Евразийского экономического союза)..... 20

Бабкина Е. В., Невдах Т. М., Хотькина О. К.

Сравнительно-правовой анализ противодействия коррупционной преступности
в России и странах ближнего зарубежья..... 23

Назарян Г. С.

Экономическая выгода для Армении в контексте интеграции в ЕАЭС..... 25

Щербаков А. С.

Этноисторические основы евразийской интеграции..... 28

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бекяшев К. А., Бекяшев Д. К.

Международно-правовые и национальные аспекты установления
Российской Федерацией запрета на ведение дрейфтерного
промысла анадромных видов рыб..... 32

Абулехия Бахаа Н. М.

Роль ЛАГ в урегулировании палестинско-израильского конфликта..... 42

Серикпа Аттеби Рене

Вооруженный конфликт как объект международного гуманитарного права (на
примере вооруженного конфликта в Кот-д'Ивуаре)..... 45

Овчинникова Ю. С.

Вклад Лиги Наций в развитие международного права..... 50

Арсеньев И. А.

Соотношение международной и национальной системы защиты прав человека..... 54

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Бисултанов А. К.

Международная уголовная юстиция и борьба с нарушениями международного
гуманитарного права..... 59

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Пантелеева К. А.

Территориальная юрисдикция ЕСЧП или критерий приемлемости жалоб *ratione loci*..... 62

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Дементьев А. А.

Управление воздушным движением: международно-правовая ответственность..... 68

ПРАВО СТРАН СНГ

Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г.

Единый регулятор финансовых рынков (на примере России и Казахстана)..... 71

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Азизова П. М.

Роль Декларации независимости США в защите прав человека..... 75

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Пономаренко Е. В.

К вопросу о предмете современной науки теории права..... 77

Журавлев Р. А., Нечевин Д. К., Журавлев А. Р., Посулихина Н. С.

Правовые основы обеспечения прав потерпевших от преступлений
на компенсацию в России..... 80

Бакланова К. Ю.

Генезис правового нигилизма в России..... 88

Панченко В. Ю., Пикулева И. В.

Оценка правовых режимов как способ распознавания и преодоления юридических
препятствий в реализации прав и законных интересов..... 92

Петров А. А.

Коллизии в праве как нормативные юридические препятствия в реализации прав
и законных интересов..... 95

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Лёзов И. Л.

Особенности российской правовой системы
второй половины XIX – начала XX века..... 97

Луканин В. В.

Организация спецпроверки в СССР в годы Второй мировой войны..... 103

Магомедова М. М.

Ретроспективный анализ возникновения волонтерских организаций..... 107

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Далгатова П. Р.

Конституционные принципы организации судебной власти
и судебной системы..... 109

Соколов В. В., Кисличко Ю. В.

Конституционно-правовой статус законодательного органа
в системе разделения властей..... 111

Сарибекян С. Н.

Коллизии в конституционном правотворчестве..... 113

Сафина С. Б.

Толкование конституций республик в составе Российской Федерации:
теоретические и правовые основы..... 115

Гарькавиченко О. Ю.

Конституционные гарантии непосредственного участия населения
в местном самоуправлении..... 118

Климова Д. В.

Проблемы реализации конституционного права на охрану здоровья лиц,
осужденных к лишению свободы..... 120

Лукоянов Д. Н.

Стабильность Конституции Российской Федерации как фактор стабилизации
правовой системы..... 123

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Русанова С. Ю.

Проблемы имплементации отзыва депутата представительного органа
муниципального образования в систему институтов непосредственной демократии
в Республике Крым..... 127

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Семивеличенко Е. А.

Особенности юридических конструкций договоров
о создании коммерческих организаций..... 130

Белова И. А., Акимов М. Ю.

Социально-правовой аспект взаимодействия власти и бизнеса..... 134

Мусаева А. Г.

Особенности осуществления индивидуальной
предпринимательской деятельности в РФ..... 137

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Ван Хуэй

Формирование, регулирование и понимание административно-правовых режимов
в сфере незаконного оборота наркотических средств..... 139

Панченко В. Ю., Сабиров А. М.

О правовом режиме реализации права на альтернативную
гражданскую службу..... 143

СТРАХОВОЕ ПРАВО

Михалева А. Е.

О некоторых особенностях правового режима прав страхователей,
выгодоприобретателей и застрахованных лиц при добровольном страховании
в Российской Федерации..... 145

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Кротов А. В.

Свобода информации в киберпространстве..... 148

Яковец Е. Н., Журавленко Н. И., Азизян В. Г.

История правовой охраны компьютерных программ и перспективные
направления борьбы с контрафактным программным обеспечением..... 151

Нестерчук О. А.

Запретительная и разрешительная составляющие информационной политики
на нормативно-правовом уровне..... 154

Ромашин Э. С.

Проблемы определения правообладателя аудиовизуального произведения..... 157

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Бирюкова В. В.

Государственное регулирование стратегических партнерств
в нефтегазовой отрасли..... 159

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Игуменов А. С.

Некоторые вопросы, связанные с розыском лиц,
скрывшихся от дознания, следствия или суда..... 161

Денисов А. Д.

К вопросу о понятии ресоциализации осужденных,
совершивших преступление при рецидиве..... 164

Ибрагимова Х. А.

К вопросу уголовно-правового анализа объективной стороны преступления,
предусмотренного ст. 285 УК РФ..... 166

Кемова Н. Н.

Экстремистский мотив в составе хулиганства..... 168

Козаченко Б. П., Аммосова В. И.

Международные стандарты в сфере защиты прав человека при назначении
уголовного наказания в виде исправительных работ..... 171

Коробова И. Н.

Применение к осужденным к лишению свободы мер взыскания:
вопросы теории и практики..... 174

Лядов Э. В.

Замена наказаний, альтернативных лишению свободы, более строгим наказанием:
вопросы правового регулирования..... 176

Базаров П. Р.

Экспертное и общественное мнение как критерии социальной
обусловленности введения ст. 258.1 УК РФ..... 180

ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО

Заидова М. У.

Преступность несовершеннолетних: общая характеристика..... 183

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Новикова Л. В.

Проверка сообщения о дезорганизации деятельности учреждений,
обеспечивающих изоляцию от общества..... 185

Вичева А. А.

Юридический механизм обеспечения права на охрану здоровья лиц,
находящихся в местах принудительного содержания..... 187

Грушин Ф. В.

Значение факторного подхода для развития уголовно-исполнительной политики,
уголовно-исполнительного законодательства и права..... 190

Давыдова И. А.

К вопросу об установлении правовых ограничений, применяемых в отношении
осужденных к пожизненному лишению свободы, освобождаемых условно-досрочно..... 192

Пестова О. Ю. Международно-правовые стандарты оказания медицинской помощи осужденным как основной алгоритм гуманизации отечественного уголовно-исполнительного законодательства	195	Чернова Г. Ш., Игбаева Г. Р., Пономарева Е. В. Правовые аспекты банкротства физических лиц	266
КРИМИНАЛИСТИКА		ПОЛИТИКА И ПРАВО	
Адигамова Г. З., Ситдилов В. М. Классификация элементов тактики производства следственных действий	199	Аюпов М. А. Новый этап регионализации и ее проблемы	268
Антонов В. В. Некоторые особенности исследования следов зубов, изъятых с места преступления	202	Аббасова Н. Р. Роль идеологического фактора в современной мировой политике	272
Петров А. И., Корнилова М. А. Проблема неопределенности исходных данных при проведении автотехнической экспертизы дорожно-транспортных происшествий	204	Бабаев Э. З. Технологии «цветных революций» в контексте геополитической напряженности на постсоветском пространстве	276
Петров А. И. Юридические аспекты проблематики видеофиксации нарушений правил дорожного движения	208	Бенина Л. И. Некоторые особенности политической культуры левых сил в современной России	278
КРИМИНОЛОГИЯ		Вильданов Р. Р. Зарождение системы советов как органов представительной власти в начале XX века	280
Абдулмуслимова Л. Г. Виктимологическая профилактика и значение виктимологических исследований для организации виктимологической профилактики преступлений против жизни и здоровья человека	210	Галаятдинов Р. Ф., Абдуллин А. Р. Формирование, структура Правительства РФ и распределение обязанностей его составе	282
Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимова Х. А. Виктимологическая профилактика убийства и причинения вреда здоровью человека: общий и специально-криминогенный уровень	213	Горбачев А. А. Противодействие коррупции как способ снижения угрозы национальной безопасности	284
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР		Гришин О. Е. Регресс политической системы: подходы, причины, технологии	287
Алиев Х. О., Зандова М. У. Общий надзор как одно из важнейших направлений деятельности прокуратуры	216	Ерофеева Н. В. Политическая стабильность: основные компоненты и их взаимосвязи	290
Габдрахманова Э. Ф. Особенности прокурорского надзора за обеспечением детей-сирот жилыми помещениями в новых условиях	218	Златанов Б. Г. Модернизация в политической системе	293
Шаврина Е. В. Особенности организации прокурорского надзора в сфере восстановления трудовых прав работников несостоятельных организаций	221	Иванова Е. А. Блогосфера как инструмент профессиональной политической коммуникации	295
СУДОПРОИЗВОДСТВО		Леонтьева О. В. Критерии качества и эффективности политической элиты	298
Шавкарова Е. Е. Вопросы использования убеждения и принуждения как методов побуждения лиц к участию в расследовании преступлений в качестве свидетелей	225	Макухин А. В. Критерии качества и эффективности политической элиты	298
Тордия И. В., Савченко С. А. Компенсация морального вреда в случае причинения вреда жизни и здоровью при оказании медицинских услуг: проблемы правоприменения	227	Мальшева А. С. Факторы становления западного неолиберализма как политико-правовой теории	303
АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРАВО		Миннигулова Д. Б., Курманов А. С., Ишмуратов М. М. Политика государства в сфере противодействия коррупции на государственной службе в Российской Федерации	305
Пашковский П. В. Проблемы правового регулирования правоотношений в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства в контексте злоупотребления властью	231	Пищулина М. В. Принцип обратной связи как общий принцип управления	308
АДВОКАТУРА		Рожков Г. А. Российские партии как субъекты обеспечения национальной безопасности	310
Рагулина И. Т. К вопросу о необходимости разрешения стажеру адвоката осуществлять оказание юридической помощи под руководством адвоката-куратора	234	Сабитов М. Р. Межнациональные отношения молодежи в полиэтнической среде (опыт Республики Башкортостан)	313
Поташник И. М. К вопросу о судебной власти, месте и роли адвокатуры	238	Тепляков Д. О., Хандрик Е. А. Участие граждан в управлении делами государства посредством направления обращений субъектам публичной дипломатии	317
Шевченко И. А. Клиентоориентированная юридическая практика (некоторые аспекты)	240	Третьюхин М. В. Изменения в социальной сфере общества как фактор трансформации массовой базы «левых» общественно-политических движений	321
МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО		Парфёнова С. Р., Шарипкулов А. В. Роль этнотрадиций в формировании политических явлений и процессов	327
Нуриев А. Д. Кража как вид преступления в мусульманском уголовном праве	242	Пашковский П. В. Государственно-частное партнерство и приватизация: проблемы соотношения в контексте злоупотребления властью	331
ПРАВО И ОБРАЗОВАНИЕ		Алиев Х. К. Магомедова М. М. Особенности функционирования волонтерских движений в России и США: сравнительный анализ	334
Галушкин А. А., Коровяковский Д. Г., Понаморенко В. Е. Высшее юридическое образование как фактор эволюции правосознания и правовой культуры	246	ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО	
Акимов М. Ю., Парченко И. Н. Развитие компетенций педагогических работников общеобразовательных школ в условиях модернизации кадровой политики государства	248	Бондаренко Г. В. Метафизика победы	337
Фахрисламов Т. Р., Хакимов Н. Н. Специфика профессиональной физической подготовки курсантов МВД России	250	Салихов Г. Г. К методологии глобализации: о факторах взаимоотношения людей	339
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО		Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Койше К. К. Актуализация философско-политической мысли Н. Макиавелли	343
Акимов А. М. Модель регулирования общественного здоровья мужчин трудоспособного возраста на региональном уровне	252	РЕЦЕНЗИЯ	
Теплякова О. А. Адресность как существенный признак социальных прав	255	Ермолина М. А. Рецензия на монографию Карташкина В. А. «ООН и международная защита прав человека в XXI веке». – М.: Норма, 2015. – 176 с.	346
ЭКОНОМИКА И ПРАВО		ОБЗОР	
Фирсова О. Н., Шепетько И. В. Влияние кризисных явлений в экономике России на малое и среднее предпринимательство	257	Корбут Л. В. Обзор работы 58-го ежегодного собрания Российской ассоциации международного права (24–26 июня 2015 г.)	348
Егоров В. С. Паевой инвестиционный фонд как оптимальный механизм коллективного инвестирования в РФ	259	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	357
Шумаев В. А., Илюхина С. С., Галушкин А. А. Инновационные направления развития инфраструктуры рынка и логистики	261	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	358
Аминева А. Г., Гареева З. А. Российские и международные нормы формирования консолидированной отчетности компании	263		

CONTENTS

PERSONA GRATA

V. S. Yagya:

The role of Saint Petersburg in development of Eurasian integration..... 8

EURASIAN INTEGRATION

Aksenchuk M. A.

Forms and tendencies of Eurasian integration development..... 13

Ponomorenko V. E., Ilyukhina S. S., Galushkin A. A.

About the current state of currency integration in the EEU and BRICS..... 18

Sycheva O. V.

Aspects of legal regulation of international labor migration (by the example of the Eurasian Economic Union)..... 20

Babkina E. V., Nevdakh T. M., Hotkina O. K.

The comparative and legal analysis of counteraction of corruption crime in Russia and near foreign countries..... 23

Nazaryan G. S.

Economic benefit for Armenia in the context of integration in EEU..... 25

Shcherbakov A. S.

Ethno-historical foundation of the Eurasian integration..... 28

INTERNATIONAL LAW

Bekyashev K. A., Bekyashev D. K.

International legal and national aspects of the Russian Federation's prohibition on driftnet fishing of anadromous fish species..... 32

Abulehia Bahaa N. M.

The role of the Arab League in resolving the Palestinian-Israeli conflict..... 42

Serikpa Attebi Rene

The armed conflict as an object of international humanitarian law (by the example of armed conflict in Côte d'Ivoire)..... 45

Ovchinnikova Yu. S.

The role of the League of Nations in the development of international law..... 50

Arsenyev I. A.

Correlation of national and international human rights protection systems..... 54

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Bisultanov A. K.

International criminal justice and combating violations of international humanitarian law..... 59

EUROPEAN LAW

Panteleeva K. A.

*The territorial jurisdiction of the ECHR or admissibility criterion *ratione loci**..... 62

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Dementyev A. A.

Air traffic control: the international liability..... 68

LAW OF THE CIS COUNTRIES

Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G.

The megaregulator of finance markets (through the example of Russia and Kazakhstan)..... 71

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Azizova P. M.

Role of the United States Declaration of Independence in human rights protection..... 75

THEORY OF STATE AND LAW

Ponomarenko E. V.

To the issue of subject of modern study of theory of law..... 77

Zhuravlev R. A., Nechevin D. K., Zhuravlev A. R., Posulikhina N. S.

The legal framework for ensuring the rights of victims of the crimes to compensation in Russia..... 80

Baklanova K. Yu.

Genesis of legal nihilism in Russia..... 88

Panchenko V. Yu., Pikuleva I. V.

Evaluation of legal regimes as a mean of recognition and bridging of legal barriers in implementation of rights and legitimate interests..... 92

Petrov A. A.

Conflicts of legal norms as normative legal barriers in exercising rights and legitimate interests..... 95

HISTORY OF STATE AND LAW

Lyozov I. L.

Features of Russian legal system of the second half of XIX – beginning of XX centuries..... 97

Lukanin V. V.

The organization of special check in the USSR in the years of World War II..... 103

Magomedova M. M.

Retrospective analysis of volunteer organizations..... 107

CONSTITUTIONAL LAW

Dalgatova P. R.

Constitutional principles of the judiciary and judicial system..... 109

Sokolov V. V., Kislichko Yu. V.

Constitutional and legal status of the legislative body in the system of separation of powers..... 111

Saribekyan S. N.

The collisions in constitutional lawmaking..... 113

Safina S. B.

Interpretation of constitutions of the republics within the Russian Federation: theoretical and legal basics..... 115

Garkavchenko O. Yu.

Constitutional guarantees of the direct participation of population in the local government..... 118

Klimova D. V.

Problems of realization of the constitutional right for health care of the convicted to imprisonment..... 120

Lukoyanov D. N.

The stability of the Constitution of the Russian Federation as a factor of stabilization of the legal system..... 123

MUNICIPAL LAW

Rusanova S. Yu.

Implementation problems of recall of the representative organ deputy of municipal institution in the system of immediate democracy in the Republic of Crimea..... 127

CIVIL LAW

Semivelichenko E. A.

The features of judicial constructions of agreements providing establishment of commercial entities..... 130

Belova I. A., Akimov M. Yu.

Social and legal dimension of business and government interaction..... 134

ADMINISTRATIVE LAW

Musaeva A. G.

Features of implementation of individual entrepreneurial activity in the Russian Federation..... 137

Wang Hui

The formation, regulation and understanding of administrative and legal regimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs..... 139

Panchenko V. Yu., Sabirov A. M.

About legal regime of the right to alternative civilian service..... 143

INSURANCE LAW

Mikhaleva A. E.

Some aspects of legal regime of policy holder`s, beneficiary`s and insured person`s rights in the context of voluntary insurance in the Russian Federation..... 145

INFORMARIONAL LAW

Krotov A. V.

Freedom of information in cyberspace..... 148

Yakovets E. N., Zhuravlenko N. I., Azizyan V. G.

History of legal protection of computer programs and future directions of anti-counterfeiting software..... 151

Nesterchuk O. A.

Prohibitive and permissive components of information policy at the regulatory level..... 154

Romashin E. S.

The problem of determining the copyright holder of the audiovisual work..... 157

ENERGETICAL LAW

Biryukova V. V.

State regulation of strategic partnerships in the oil and gas industry..... 159

CRIMINAL LAW

Igumenov A. S.

Some questions related to detection of persons fled from inquiry, investigation or court..... 161

Denisov A. D.

On the concept of resocialization of convicts who committed repetition of crime..... 164

Ibragimova Kh. A.

On the issue of criminal legal analysis of the objective side of a crime under Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation..... 166

Kemova N. N.

Extremist motive as a part of hooliganism..... 168

Kozachenko B. P., Ammosova V. I.

International standards in the field of human rights protection when assigning criminal punishment in the form of correctional labour..... 171

Korobova I. N.

Applying sanctions to persons sentenced to custodial measures: theory and practice..... 174

Lyadov E. V.

Replacement of the punishments alternative to imprisonment by more severe sentence: issues of legal regulation..... 176

Bazarov P. R.

Expert and public opinion as social causality criteria of the introduction of Art. 258.1 of the Criminal Code..... 180

JUVENILE LAW

Zaidova M. U.

Juvenile crime: general characteristic..... 183

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Novikova L. V.

Inspection of reports on the disruption of the activity of institutions providing isolation from society..... 185

Vicheva A. A.

The legal mechanism to ensure the right to health of persons held in detention..... 187

Grushin F. V.

Importance of factor approach for the development of penal policy, penal legislation and law..... 190

Davydova I. A. To the issue of establishment of the legal restrictions applied concerning condemned to lifelong imprisonment, released on parole	192	Chernova G. Sh., Igbaeva G. R., Ponomareva E. V. Legal aspects of bankruptcy of individuals.....	266
Pestova O. Yu. International legal standards of medical care provision for convicted as a basic algorithm for humanization of the domestic penitentiary legislation.....	195	POLICY AND LAW	
CRIMINALISTICS		Aupov M. A. A new phase of regionalization and its problems	268
Adigamova G. Z., Sitdikov V. M. Classification of the elements of investigative actions tactics	199	Abbasova N. R. The role of the ideological factor in modern world politics	272
Antonov V. V. Some features of research of traces of the teeth withdrawn from the crime scene.....	202	Babayev E. Z. Technologies of coloured revolutions within a context of geopolitical tension in the post-Soviet space.....	276
Petrov A. I., Kornilova M. A. Problem of basic data uncertainty when performing road accidents autotechnical expertise	204	Benina L. I. Some distinctive features of the Russian left forces political culture.....	278
Petrov A. I. Legal aspects of the video recording of the traffic rules violations	208	Vildanov R. R. Origin of Soviets as representative bodies in the early XX century	280
CRIMINOLOGY		Galyautdinov R. F., Abdullin A. R. Formation and structure of the government of the Russian Federation and allocation of responsibilities therein	282
Abdulmuslimova L. G. Victimologic prevention and importance of victimologic research for the organization of victimologic prevention of crimes against human life and health.....	210	Gorbachev A. A. Anti-corruption as a way to reduce the threat to national security.....	284
Abdulmuslimova L. G., Ibragimova H. A. Victimologic prevention of murder and causing harm to human health: general and special criminogenic level	213	Grishin O. E. Regress of the political system: approaches, causes, technology	287
PROSECUTOR'S SUPERVISION		Erofeeva N. V. Political stability: main components and their relationships	290
Aliiev Kh. O., Zaidova M. U. General supervision as one of the most important directions of public prosecution's activity.....	216	Zlatanov B. G. Modernization in political system	293
Gabdrakhmanova E. F. Features of prosecutor's supervision over provision of orphans with housing units under the new conditions.....	218	Ivanova E. A. Blogosphere as a tool of the professional political communication.....	295
Shavrina E. V. Specificity of organizing prosecutorial supervision in the sphere of employees' labour rights restoration in insolvent companies	221	Leontyeva O. V. Criteria of quality and efficiency of political elite.....	298
JUDICIARY		Makuhin A. V. Political and legal aspects of functioning of the local self-government system in the Republic of Poland.....	301
Shavkarova E. E. Issues of the use of persuasion and coercion as incentive methods for persons to participate in the investigation of crimes as witnesses.....	225	Malysheva A. S. Factors of formation of western neoliberalism as a legal and political theory.....	303
Tordiya I. V., Savchenko S. A. Compensation for moral harm in case of damage to life and health during healthcare servicing: the issues of law enforcement.....	227	Minnigulova D. B., Kurmanov A. S., Ishmuratov M. M. State policy on anti-corruption in the civil service in the Russian Federation.....	305
ANTICORRUPTION LAW		Pishchulina M. V. Principle of feedback as general principle of management	308
Pashkovskiy P. V. Problems of legal regulation of legal relationships in public-private partnership projects implementation in the context of abuse of power.....	231	Rozhkov G. A. Russian parties as subjects of national security provision.....	310
ADVOCACY		Sabitov M. R. Interethnic relations of young people in a multinational area (experience of the Republic of Bashkortostan)	313
Ragulina I. T. Towards a question of need to permit the trainee advocate to carry out rendering legal aid under the supervision of the advocate-curator.....	234	Teplyakov D. O., Khandrik E. A. The citizens' participation in managing state affairs by appealing to the actors of the public diplomacy.....	317
Potashnik I. M. To the question of the judicial authority, place and role of the legal profession	238	Tretiukhin M. V. Changes in the social sphere of society as a factor of transformation of the mass base of the «left» social and political movements.....	321
Shevchenko I. A. Client-centered legal practice (some aspects).....	240	Parfenova S. R., Sharipkulov A. V. The role of ethnic traditions in the formation of political phenomena and processes.....	327
MUSLIM LAW		Pashkovskiy P. V. Public-private partnership and privatization: the problems of correlation in the context of abuse of power.....	331
Nuriev A. D. Theft as a crime in the Muslim criminal law	242	Aliyev Kh. K., Magomedova M. M. Features of volunteer movements operation in Russia and the USA: a comparative analysis.....	334
EDUCATION AND LAW		PHILOSOPHY AND LAW	
Galushkin A. A., Korovyakovskiy D. G., Ponomorenko V. E. Higher legal education as a factor in the evolution of legal awareness and legal culture.....	246	Bondarenko G. V. Metaphysics of victory.....	337
Akimov M. Yu., Larchenko I. N. Development of teachers' competencies in secondary schools in the context of modernization of the state personnel policy	248	Salikhov G. G. To the methodology of globalization: on factors of people's relations.....	339
Fakhrislamov T. R., Khakimov N. N. Specific features of professional physical training of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	250	Lukiyarov M. Yu., Bondarenko A. V., Kojshke K. K. The actualization of philosophical and political thought of N. Machiavelli	343
SOCIOLOGY AND LAW		BOOK REVIEW	
Akimov A. M. Public health regulatory model of working-age men at the regional level.....	252	Ermolina M. A. Review of the monograph by V. A. Kartashkin «UN and international protection of human rights in twenty-first century». – M.: Norma, 2014. – 176 p.....	346
Teplyakova O. A. Targeting as a significant sign of social rights.....	255	REVIEW	
ECONOMICS AND LAW		Korbut L. V. Rewiev of the 58th annual meeting of the Russian Association of International Law (24–26 June 2015).....	348
Firsova O. N., Shepetko I. V. Impact of the economic crisis in Russia on small and medium business	257	INFORMATION FOR AUTHORS.....	357
Egorov V. S. Unit investment funds as optimal vehicle for collective investment in the Russian Federation.....	259	ABOUT THE AUTHORS.....	358
Shumaev V. A., Ilyukhina S. S., Galushkin A. A. Innovative directions of the market and logistics infrastructure development.....	261		
Amineva A. G., Gareeva Z. A. Russian and international standards of consolidated statements.....	263		

В. С. Ягья:
РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Сегодня Нашим собеседником выступает Советник Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, доктор исторических наук, заведующий кафедрой мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУ Ватаняр Саидович Ягья

V. S. Yagja:
THE ROLE OF SAINT PETERSBURG IN DEVELOPMENT OF EURASIAN INTEGRATION

Interview with Vatanyar Saidovich Yagya, the Chairman Advisor of the Legislative Assembly of Saint Petersburg, Ph.D. in History, head of the World Politics department of Saint Petersburg State University, honored worker of science of Russia, Honorable professor of SPbU

В. С. Ягья

Визитная карточка:

Ватаняр Саидович Ягья – Советник Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Заведующий кафедрой мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУ, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области науки им. В. В. Новожилова за выдающиеся достижения в области высшего и среднего профессионального образования. Автор около 350 научных работ и 10 монографий, многие из которых опубликованы за рубежом.

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV-ой степени и медалями к этому ордену I и II степени, медалью «В память 300-летия Петербурга», медалью «В память тысячелетия Казани», почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом», Офицерским крестом ордена «За заслуги перед Республикой Польша».

Трудовой путь начинал грузчиком. В 1958-1963 гг. – студент СПбГУ. 1963-1966 гг. – аспирант СПбГУ. В 1991-1996 гг. – главный советник мэра – Председателя Правительства Санкт-Петербурга. Четырежды избирался депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (1994-2011 гг.). В 2008-2011 гг. – Полномочный Представитель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным связям.

Наряду с высшим образованием в области востоковедения и африканистики имеет высшее юридическое образование, окончив в 2008 г. Северо-Западную Академию государственной службы при Президенте РФ.

– Уважаемый Ватаняр Саидович, Вы являетесь советником Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным вопросам. Какую роль, по Вашему мнению, играет Санкт-Петербург в развитии внешних связей Российской Федерации?

– Санкт-Петербург занимает одно из ведущих мест в структуре внешних связей России. Город позиционируется как влиятельный и перспективный актер мировой политики. Несколько лет тому назад появилось утверждение, что наш город – это вторая дипломатическая столица России. Здесь проходят судьбоносные международные встречи, в которых Москва играет значительную роль. Достаточно назвать прошедшие в городе на Неве саммиты G-8 в 2006 г. и недавно завершившийся саммит G-20, двусторонние переговоры президента России В. В. Путина, кстати, уроженца Петербурга, со своими коллегами, высшими руководителями ведущих стран мира: США, Германии, Польши, Финляндии, Турции, Белоруссии, Казахстана, Франции и др. Большое мирополитическое значение имеет Санкт-Петербургский международный экономический форум, собирающий, как правило, сотни видных политических, государственных и общественных деятелей, представителей бизнес-сообществ разных стран. В Санкт-Петербурге проводятся также крупные международные культурные форумы, международные инновационные форумы, международные женские форумы и интернациональные форумы ученых. Их позитивное влияние на повышение уровня стабильности в

мире, потенциала умственного труда, совершенствование образовательного процесса в мировом сообществе существенно.

Международный облик Санкт-Петербурга формируют также Межпарламентская ассамблея СНГ, представительство Министерства иностранных дел России, 35 аккредитованных в городе генеральных консульств европейских, азиатских, американских государств, а также около 20 почетных консулов, представляющих страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Сам город имеет юридически оформленные побратимские или партнерские отношения с более чем 90 зарубежными городами, провинциями, губерниями и даже национальными правительствами, а также межпарламентские связи. Важно, что в соглашениях с ними о сотрудничестве стали в последние годы специально вносить положения о распространении русского языка и государственных языков в рамках имеющихся полномочий у каждого из участников-подписантов.

Международные связи Санкт-Петербурга развиваются в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами и местными законами. Эти связи способствуют повышению имиджа Санкт-Петербурга и, конечно, России. В конечном счете таким образом укрепляется доверие и к городу, и к стране. Ведь не случайно представители городских властей неоднократно включались в составы официальных делегаций Совета Федерации РФ, Министерства иностранных дел России, других государственных ведомств. Город посещали и вели пло-

дотворные переговоры коронованные особы Великобритании, Норвегии, Швеции, Дании, других монархий.

Особое место в международной деятельности Санкт-Петербурга принадлежит Законодательному Собранию, которое сотрудничает со своими коллегами целого ряда региональных и национальных парламентов. В их числе — высшие законодательные органы Франции, Польши, Вьетнама, Китая, Японии, Кореи, Ирана, Сирии, Турции и иных государств.

Председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В. С. Макаров выступал в сенате американского штата Калифорния, в парламенте швейцарского кантона Тичино, в Рижской Думе, перед парламентариями Финляндии, Индонезии, Аргентины, Уругвая, других стран. Высокий отклик в политических кругах государств Балтийского моря имеет деятельность ЗакСа в Парламентской Конференции Балтийского моря; на ее ежегодных сессиях начиная с 1992 г. в Осло петербургские депутаты принимали активное участие, выступая с дельными предложениями, взвешенными комментариями по текущим мировым событиям, добивались решений по «Северному измерению» и «Балтийской стратегии развития», соответствующих национальным интересам России, и укреплению геоэкономических позиций Санкт-Петербурга в балтийском сообществе.

– Вы участвовали во многих международных встречах, как в нашей стране, так и за рубежом. Какие из них Вам большего всего запомнились?

– Став депутатом Ленинградского городского совета в 1990 г. и будучи избран его сессией председателем Постоянной комиссии по международным и внешнеполитическим связям, я сразу включился в работу по налаживанию, умножению и совершенствованию отношений с Зарубежьем. Еще больше возможностей появилось, когда с декабря 1991 г. мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак назначил меня своим главным советником по международным делам. Приходилось трудиться в этом направлении с Первым заместителем мэра и Председателем Комитета по внешним связям В. В. Путиным, нынешним Президентом России. В наследство от предыдущей власти достался ограниченный уровень контактов с Зарубежьем. Судите сами, в городе действовали всего лишь 14 генеральных консульств, было не больше 10 городов-побратимов, обмен официальными делегациями находился на очень низком уровне. Ведь в советское время доминировала боязливость в общении с иностранцами: как бы в чем-нибудь не заподозрили. Приходилось ломать устоявшиеся неэффективные традиции, преодолевать чуждые демократии установки. Принимались решения по привлечению инвестиций из-за рубежа, но не в ущерб городу, стране. Менялась сама атмосфера связей с Зарубежьем, с иностранными делегациями, преобладали открытость, отсутствие боязливости «а что скажет княгиня Марья Алексеевна», а также многочисленные визиты дипломатов, государственных деятелей. Среди последних стоит назвать президентов Польши Леха Валенсы, Южной Кореи Ро Де У, Италии Франциско Косига, Китая Цзян Цземина и др.

Исключительной была роль в перестройке международной деятельности, как и всего уклада жизни в Петербурге А. А. Собчака. На беседу к нему специально приезжали послы разных стран из Москвы, руководители многих государств. По словам президента В. В. Путина, сказанным на презентации пятитомного собрания сочинений А. А. Собчака в сентябре

2013 г., это делалось, потому что мэр Петербурга рассматривался как будущий президент России, преемник Б. Н. Ельцина.

– Как, по Вашему мнению, изменились международные связи Санкт-Петербурга по сравнению с началом 1990-х годов?

– Количество международных встреч, в которых я принимал участие, не счесть. Многого помнится, как будто произошло вчера. Так, в конце мая 1990 г., в тогда еще Ленинград прибыла высокопоставленная делегация Меджлиса Турции (Великого Национального Собрания) во главе с заместителем его Председателя Елдырымом Авджи. Это была моя первая беседа с иностранной делегацией в Красном зале Мариинского дворца. Вполне понятно мое волнение. Особую торжественность придавало то обстоятельство, что я, встретив гостей у входа в Мариинский дворец, поднимался вместе с ними рядом с их главой по роскошной дворцовой лестнице, ярко освещенной и утопавшей в цветах. Сама беседа протекала живо, заинтересованно. Речь шла о развитии взаимоотношений между Турцией и Россией. Мои собеседники поглядывали часто на человека, сидевшего за мной. Да и я что-то неуютно чувствовал себя. Вначале подумалось, что это агент, записывающий что-то и, казалось, следивший за моими словами. Потом посчитал, что это шептун, который должен подсказать что-нибудь нужное, если я запнусь, не найду нужного слова. По окончании беседы ситуация разрядилась. Это оказался корреспондент ТАСС Н. А. Кондратенко. Он занял то место, которое ему отводилось прежними властями. У меня сложились с Николаем Александровичем дружеские отношения. Ему и его коллегам я в следующие разы отводил место за общими стойками переговоров. Он хохотал, когда услышал, как я его воспринял во время беседы с турками.

– Ватаняр Саидович, Вы – один из немногих петербургских политиков, избравшихся в Законодательное Собрание нескольких созывов. Как Вам удалось в непростое время с успехом проводить предвыборные кампании и не разочаровывать Ваших избирателей?

– Я избирался депутатом Ленсовета (1990-1993) и затем четырежды в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. Народ верил мне, видел мою работу, готовность прийти на помощь и оказать поддержку всем, кто в ней нуждался. Люди воспринимали меня как представителя национальности, названной писателем Довлатовым «ленинградцы». Я — потомственный петербуржец. Мои предки поселились в городе на Неве в XIX веке. Думается, что я не посрамил это великое звание.

– Вы возглавляете Санкт-Петербургское Общество дружбы с Турцией. Какие цели Общество ставит перед собой на ближайшие годы с учетом сложной международной ситуации в Европе и на Ближнем Востоке?

– Петербургское общество дружбы с Турцией ставит перед собой задачу достижения, путем использования компонентов мягкой силы, самых теплых, самых искренних, самых деловых и самых гуманных отношений между петербуржцами (и в целом россиянами) и турками. В России проживает около 80 тысяч граждан Турции, занятых в разных сферах экономики, культуры и общественной жизни. В то же самое время в самой Турции постоянными жителями являются почти 300 тыс. россиян. Нельзя забывать, что среди них около 100 тыс. межэтнических браков. Это — потенциальные участники формирования той среды, где чувства взаимообщения, товарищества и доброжелательства наиболее глубоки и распространены.

Они являют собой блестящий пример сближения, стечения и единения стран, которые, несмотря на разногласия, развивают свои добрососедские и плодотворные отношения.

Большое значение общество придает участию в фестивалях русской культуры в Стамбуле, молодежных олимпиадах по турецкому и русскому языкам, в научных конференциях. Немало делается для организации торжеств по случаю 25-летия побратимства Петербурга и Стамбула в ноябре 2015 г. Декларация о побратимстве была подписана тогда, когда Петербург посетила стамбульская делегация во главе с мэром города на Босфоре Сёзенем. От Петербурга подписи поставили тогдашний председатель горисполкома Щелканов и ваш почкорный слуга.

Заметный объем работы выполняет Общество по сотрудничеству с Русско-турецким культурным центром, инициативы которого, как правило, одобряются и очень успешны: например, культурные мероприятия в библиотеке им. В. В. Маяковского.

В Обществе немало планов по культурному обмену. Вопрос порой упирается в неудачные поиски источников финансирования. Но мы их находим.

Члены Общества проделали конструктивную работу по организации торжеств по случаю 180-летия кафедры тюркской филологии СПбГУ, которая за годы своего существования превратилась в кузницу квалифицированных кадров тюркологов и туркологов. В церемониальных заседаниях, приуроченных к этому знаменательному событию в жизни всей страны и в Зарубежье, и сопровождавшихся очень содержательными дискуссиями о прошлом, текущих делах и перспективах мировой и отечественной тюркологии, принимали участие представители научных кругов 40 стран мира. Одно лишь это количество ученых – свидетельство широкомасштабного признания заслуг петербургской тюркологической школы.

– Вы не только политик, но и ученый-международник. В чем вы видите потенциал для дальнейшего развития связей нашей страны с такими акторами мировой политики, как США и Европейский Союз?

– Расширение и углубление научных изысканий в области мировой политики является исключительно плодотворным направлением в стабилизации ситуации в международной жизни. Дело в том, что наука и образование являются очень эффективными факторами во внешней политике многих государств мира. Не случайно, например, власти РФ озабочены ростом международных рейтингов отечественной науки и вузов. Наука и образование обеспечивают позитивное присутствие страны в ее партнерах за рубежом. Они также – немаловажные компоненты наших, российских внешних связей с США и ЕС. Наши научные разработки, характеризующиеся высоким творческим потенциалом и располагающие существенными концептуальными идеями, способствуют предотвращению фальсификации исторической правды, формированию фундаментальных знаний о днях минувших и устойчивых ценностей мировосприятия.

– Ваша сфера научной работы охватывает историю, географию, международные отношения. Как столь широкие интересы и знания помогают Вам в практической деятельности?

– Знание истории, теории и практики международных отношений, экономической и политической географии, основных положений языковедения и самих языков – вот тот

фундамент, на котором базируются мои беседы, встречи и переговоры с зарубежными партнерами. Оно позволяет избежать ошибочных суждений, решений и выводов.

Собеседники всегда видят глубину и обстоятельность доводов в обоснование той или иной точки зрения, когда делается ссылка на реальные факты истории, события, научные данные, подлинные аргументы, книги, документы, архивные сведения, а не на пустые слова, почерпнутые из разглагольствований тех, кого в советские времена называли борзописцами.

Умение говорить на родном языке собеседника располагает его к тому, с кем он ведет разговор, т.е. знатоку. Могу подтвердить это своими беседами на амхарском языке с высокопоставленными парламентариями и чиновниками Эфиопии. У представителей Кении, Танзании и Уганды, посещавших Мариинский дворец, вызвало благочестивое восприятие, когда им приводились пословицы на суахили. Примеров таких можно приводить десятками. Познанием английского языка никого не удивишь ныне, а вот даже простое упоминание местных языков Африки, Азии и Латинской Америки у собеседников вызывает чуть ли не умиление. Вот эпизод из недавней совсем встречи с председателем верхней палаты парламента Индонезии И. Гусманом. Стоило только сказать об изучении индонезийского языка на Восточном факультете СПбГУ, которому в этом году исполнилось 150 лет, это вызвало у сенаторов из этой страны благостное восприятие звучавших слов из уст их петербургского коллеги. А сколько светилось восторга в глазах парламентариев Ганга, Мали, Нигерии и других африканских государств, когда лишь назывались языки малинке, хауса, волоф, йоруба, ашанти и др.!

– Вы – историк, географ, политолог, Ваш опыт работы в системе высшего образования позволяет Вам видеть место, которое наша высшая школа занимает в мировой системе, если критически оценивать, конечно.

– Мой педагогический стаж в высшей школе насчитывает почти 50 лет а, если учитывать мою лекторскую работу по линии общества «Знание», то более полувека. Мне пришлось трудиться в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, в Институте советской торговли им. Ф. Энгельса, на экономическом и восточном факультетах СПбГУ, а теперь, вот уже свыше 20 лет, на факультете международных отношений (или как ныне предпочитают глаголить – в рамках образовательной программы «международные отношения») этого же вуза. Я читал лекции также в вузах Финляндии, Израиля, Германии и США, а в советское время, помимо Ленинграда, – в Армении, Грузии, Москве, Казани. Словом, вероятно, имею немалый опыт преподавательской деятельности в разных вузах, а следовательно, судя по всему, могу судить о том, каковы успехи и неудачи высшей отечественной школы. Поставленная Президентом РФ В. В. Путиным задача «5–100» по существу не выполняется, ибо осуществляемое в университетах инновационное регулирование касается обюрокчивания учебной и научной работы, а отнюдь не повышения качества. Среди вузовских ученых сегодняшнего помолда нет ни одного лауреата Нобелевской премии, а те, кто получал образование до развала СССР, они имеются. Да и в зарубежных лабораториях и университетах – немало выпускников советских вузов.

– В последние годы Вы участвовали в различных мероприятиях, связанных с ШОС и БРИКС. Как Вы видите перспективы развития этих международных объединений, влияют ли они на эволюцию двусторонних связей

России с государствами Центральной Азии, Китаем, Индией, другими странами?

– В мире идет процесс глобальной и региональной институализации, направленной на повышение управляемости мирополитическими процессами. В нем заметна роль ШОС и БРИКС. На мой взгляд, многополярность в мире может быть достигнута только через взаимодействие равнодействующих международных универсальных и региональных организаций. Разумеется, они влияют на развитие двусторонних межгосударственных отношений. В том числе России с Зарубежьем.

– Ватаняр Саидович, по первому образованию Вы африканист и, как мы знаем, прежде всего, специалист по Эфиопии. Как, по Вашему мнению, должны развиваться российско-эфиопские и российско-африканские отношения, особенно в свете последнего миграционного кризиса и глобальной борьбы за ресурсы?

– Еще Президент США Рейган предсказывал, что будущие войны – это войны за ресурсы. Они приобретают различную окраску, чаще всего этноконфессиональную. Это, однако, не означает, что среди них не может быть, скажем, чисто религиозных. Яркий пример тому – обострившееся суннитско-шиитское противоборство на Большом Ближнем Востоке. Но и оно подчас служит лишь прикрытием для достижения, скажем, регионального лидерства или доминанции одних государств над другими, в чем проявляются историко-генетические устремления, часто сокрытые вековыми смирениями, политическим словоблудием, дипломатическим завуалированием истинных целей и намерений.

Несколько лет тому назад Государственная Дума РФ организовала очень представительную конференцию «Россия – Африка в XXI веке». Она прошла успешно. На ней были намечены пути активизации нашей страны на Африканском континенте. Ажиотаж вокруг Африки в советское время, когда экономическая, военная, гуманитарная и политическая помощь Москвы распространилась чуть ли не на все африканские страны, прошел. В перестроечные и постсоветские годы масштаб, глубина и качество российских связей с Африкой заметно сократились. Наступили десятилетия возврата в Африку. Однако это возвращение должно стать по существу обновлением всех аспектов нашей деятельности на континенте на принципах прагматизма, взаимовыгодности, отказа от фактической безвозмездности в оказании кредитов, займов и иных видов финансовых вложений в африканскую экономику. Курс взят был верный, но его реализация наталкивается на огромные трудности, порожденные мировым финансовым и экономическим кризисом. Так и напрашиваются заключительные слова Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС: «Цели поставлены, задачи ясны, за работу, товарищи». Но, увы, рецессия не дает возможности достигнуть мгновенных масштабных положительных результатов наших связей с Африкой. Все впереди.

– Какие положительные аспекты Вы видите в евразийской экономической интеграции?

– Евразийская интеграция стала реальностью. Она осуществляется в настоящее время в формате Евразийского экономического союза, куда входят Россия, Казахстан, Белоруссия, Кыргызстан и Армения. С ЕАЭС ведутся переговоры или уже достигнуты соглашения с (с Израилем, Вьетнамом и с начала 2016 г. с Китаем) с Китаем по созданию зон свободной торговли и, как с Поднебесной, о заключении торгово-экономического договора. К деятельности ЕАЭС и Таможенного со-

юза присматривается Анкара. К этой организации приглядываются и другие евразийские страны.

ЕАЭС дает возможность каждому члену совместно решать сложные проблемы современной экономики, добываясь увеличения своей доли в мировом суммарном ВВП. В этих целях на проведенном 16 октября 2015 г. саммите глав государств-членов ЕАЭС в казахстанском поселке Бурабай были подписаны судьбоносные документы, определившие развитие этой крупной региональной организации до 2030 г. Развитие ЕАЭС позволит ее членам осуществить сопряжение с проектами китайского «Экономического пояса шелкового пути», территориально охватывающего в том числе и всю Центральную Азию, а также значительные пространства России. Нарастивание мощи ЕАЭС, уже не говоря о синхронизации и состыковании намечаемых к реализации объектов, должно будет предотвратить, устранить или, по крайней мере, смягчить риски в центральноазиатском регионе.

Государствам – членам ЕАЭС нужно быть толерантнее друг к другу, а не так, как это проявили на сочинских выставках-форумах регионов России-Казахстана и России-Белоруссии, в октябре 2015 г., когда в высокопоставленных речах звучали, хотя весьма скрытно, осуждения некоторых порядков в этом сообществе (например, осуждалось приобретение Россией из Израиля клубники, а мог бы Казахстан поставлять ее).

Подписывая документы о взаимодействии в интеграционном процессе, следовало бы знать, как и когда их положения будут реализовываться.

И еще – всегда размышлять над тем, как эти осуществляемые планы скажутся на обыденной жизни простолюдинов, а не ограничиваться только допускаемыми показателями роста ВВП. Не следует также исходить их принципов собственного возвеличивания, выпренности сентенций, принятия опрометчивых шагов и т.п. и действовать надо реально, конкретно во имя человека.

– В современных международных отношениях все более перспективным направлением становится региональное сотрудничество. Какие мероприятия осуществляются в Санкт-Петербурге в контексте развития евразийской интеграции?

– В рамках ЕАЭС идет напряженная работа по синхронизации планов экономического развития, которые должны составить основу интеграционного процесса, набирающего темп. Большую роль в нем сыграет региональное сотрудничество. Не случайно Москва уделяет немало внимания созданию территорий опережающего роста на Дальнем Востоке. Не стоят в стороне и российские регионы Северо-Запада. И здесь, конечно, выделяется Санкт-Петербург, у которого сложились доверительные и взаимовыгодные отношения со своими партнерами (например, в Таджикистане, где недавно побывала официальная делегация Петербурга во главе с Г. С. Полтавченко), с которыми установлены конкретные и деловые контакты по торговле, в частности, по поставкам в город на Неве овощей и фруктов. Конечно, важно и то, что осуществляются образовательные и научные программы между ведущими вузами России (на примере Петербурга), Казахстана, Армении и других стран-членов ЕАЭС. Так, среди студентов, обучающихся в СПбГУ, немало выходцев из этих государств.

– Вы представляете один из ведущих российских вузов – Санкт-Петербургский государственный университет. Проявляют ли Ваши коллеги заинтересованность в

расширении международного сотрудничества со странами евразийского пространства?

– В прошлом году в Петербурге проводилась очень содержательная I Международная конференция «Перспективы развития Евразийского экономического союза. Взгляд из Санкт-Петербурга», на которой выступили с очень интересными докладами ряд преподавателей кафедры мировой политики СПбГУ. В текущем году сходным проблемам посвящена очень представительная конференция в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Петербургские ученые принимали участие и в международной конференции в Москве 26-28 июня 2014 г., где, в частности, представили доклад на тему «Турецкий фактор в Евразийской интеграции». Попутно отмечу, что в Турции не исключают, по крайней мере, присоединения к тем или иным проектам в рамках ЕАЭС.

– Какие экономически значимые проекты и взаимные инвестиции, на Ваш взгляд, намечаются между Россией в лице Санкт-Петербурга и её соседями – азиатскими странами в целях продуктивной интеграции в ЕАЭС?

– Огромный импульс росту связей Петербурга в контексте углубления интеграции в ЕАЭС придают реальные договоренности в области сотрудничества с КНР, где разработана инвестиционная программа, включающая широкомасштабные проекты китайских капиталовложений в экономику Российской Федерации, в том числе в ней учтены российские регионы. Только в 2015 г., помимо ранее заключенных соглашений с китайскими бизнесменами, удалось достигнуть договоренности об участии КНР в нескольких стратегических инвестиционных проектах Санкт-Петербурга. Речь идет, например, о строительстве конгрессно-выставочного центра «Дружба», в которое китайская компания «Дунбао» вложит 34 млрд руб., а также о сооружении в Петербурге оптово-распределительного центра «Агрополис» при посредстве китайской металлургической компании «Чжэн И».

По итогам 2014 г. товарооборот между Санкт-Петербургом и Китаем составил 7 млрд долл. Это чуть меньше 10% всего объема торговли России и Китая. Следовательно, в последние годы Петербург активизировал свои связи с Китаем, с его городами – Шанхаем, Циндао, провинцией Гуандун.

Конечно, наибольший эффект и Петербург, и Россия в целом, и, несомненно, Китай и Казахстан, а следовательно, и весь Евразийский экономический союз, получают, когда полностью осуществят крупнейший инфраструктурный проект, связанный с сооружением высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва-Астана-Пекин», которая начнется с обговоренного уже участка «Москва-Нижний Новгород-Казань». Кстати, Москва-то уже связана такой высокоскоростной дорогой с Петербургом, а китайские власти предлагают построить такую же железную дорогу с Владивостоком. В самой Москве китайскими предпринимателями предполагается построить два крупных технопарка. Стимулирующую роль для российско-китайского сотрудничества сыграет провозглашение Владивостока свободным портом, а также открытие в Иркутске зоны свободной российско-китайской торговли. Упоминание здесь обо всех проектах, связанных с Китаем, сделано для того, чтобы показать открывающиеся возможности для сопряжения деятельности в рамках Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Велико в этом процессе также будет значение завершения проекта автодоро-

ги Западная Европа – Западный Китай, что, в частности, обсуждали президенты России и Казахстана на встрече в октябре 2015 г.

В ее ходе особо подчеркивалось, что российские инвестиции в Казахстан достигли 9 млрд долл., что на территории этой центральноазиатской республики действует более 5600 предприятий с участием российского капитала, что средний годовой оборот составляет почти 21 млрд долл. и что в подписанном протоколе оговаривается совместная разработка нефтяного месторождения «Центральная», расположенного в российской части Каспийского моря. Все эти данные показывают, насколько существенно взаимодействие России и Казахстана для всего ЕАЭС. В то же самое время они свидетельствуют о перспективности российско-казахстанского сотрудничества и его синергетическом воздействии на развитие ЕАЭС, а также исторической предопределенности этого регионального объединения, имеющего перспективы стать одним из самых мощных экономических союзов в многополярной системе современного мироустройства.

– Ватаняр Саидович, помогает ли Вам дополнительное юридическое образование в Вашей работе?

– Высшее юридическое образование дало мне возможность обстоятельнее, основательно и точнее оценивать соглашения, договоры, декларации и другие документы, относимые к международному праву, расставить правильные акценты при анализе двусторонних и многосторонних отношений, а также всесторонне рассматривать судьбоносные события на мировой арене.

– Что Вы хотели бы пожелать читателям, авторам, сотрудникам «Евразийского юридического журнала»?

– Отвечая на поставленные вопросы, я старался открыто, без утайки, без ложного фанатизма и фанфаронства, рассказать о своем понимании тенденций и трендов в современном мироздании. Желаю всем сотрудникам и авторам столь досточтимого журнала, каковым является «Евразийский юридический журнал», быть и впредь искренними со своими читателями. Именно они – подлинные ценители того, о чем вы пишете и публикуете. А читателям необходимо больше знакомиться с содержательными материалами, повышающими их правовые знания.

– Спасибо!

Интервью брали:

*Добронравин
Николай Александрович,
доктор филологических наук,
профессор СПбГУ*

*Ермолина
Марина Анатольевна,
кандидат юридических наук,
доцент СПбГУ*

Аксенчук М. А.

ФОРМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИИ*

В статье рассматриваются стадии интеграции, через которые прошли постсоветские страны на пути к созданию ЕАЭС; анализируются форма и дальнейшее направление развития организации.

Ключевые слова: теория экономической интеграции, ЕАЭС.

Aksenchuk M. A.

FORMS AND TENDENCIES OF EURASIAN INTEGRATION DEVELOPMENT

The article discusses stages of integration leading post-Soviet states to establishing EAEU; analyses the form of integration and further development of organization.

Keywords: economic integration theory, EAEU.

Аксенчук М. А.

Понятие «форма интеграции» (иногда в литературе именуется стадией интеграции¹) используется для характеристики «глубины» интеграционного процесса. Наибольший вклад в его разработку был сделан венгерским экономистом Бела Баласса (Bela Balassa) в работе «Теория экономической интеграции» (The Theory of Economic Integration). Он рассматривал интеграционный процесс как последовательный переход интеграционного объединения от одной формы к другой по мере увеличения взаимодействия стран-участников. Каждая последующая форма включает в себя предыдущую и добавляет новые свойства, углубляющие интеграционный процесс. Всего Б. Баласса выделял 4 формы (стадии) интеграции²:

1. Зону свободной торговли. Страны-участники устанавливают нулевые тарифы на товары, произведенные на их территории. Каждое государство при этом сохраняет собственные тарифные барьеры в отношениях с третьими странами (ст. XXIV, п. 8, пп. b ГАТТ).

2. Таможенный союз. Зона свободной торговли, в которой страны-участники устанавливают общий внешний тариф на товары, импортируемые из третьих стран (ст. XXIV, п. 8, пп. a ГАТТ).

3. Общий рынок. Таможенный союз, в котором разрешено свободное перемещение рабочей силы и капитала на территории стран-участников. Общий рынок также связывают с окончательным исчезновением всех торговых барьеров, включая нетарифные ограничения, и определенным уровнем согласованности экономической политики.

4. Экономический союз. Общий рынок, в котором страны-участники гармонизировали или унифицировали монетарную и налоговую политику, широко сотрудничают в области экономической политики.

Экономический союз, по мнению автора, естественным образом приводил к «тотальной экономической интеграции» или политическому союзу, который он связывал с образованием общего, единого аппарата управления³.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-33-01214 («Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ»).

1 Обуховский В. В. Теории международной экономической интеграции // Экономика XXI века. — 2007. — № 1. — С. 27.

2 Marinov E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Countries // International Institute of Social and Economic Sciences. — Prague, 2014. — P. 365.

3 Смоляков В. А. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточноазиатской моделей) //

В качестве критериев, предопределяющих отнесение интеграционного объединения к той или иной форме, Б. Баласса обозначил:

- свободу передвижения товаров, услуг, капитала, рабочей силы внутри интеграционного объединения;
- наличие общих ограничений в отношениях со странами, не являющимися участниками интеграционного объединения;
- проведение общей таможенной, монетарной, экономической политики.

Современная система форм (стадий) интеграции во многом основана именно на классификации Б. Баласса. Однако некоторые из его идей оказались пересмотрены: исследователи отмечают некоторую схематичность и упрощенность приведенной им схемы. Критика его взглядов ведется по трем основным направлениям⁴:

- подвергается сомнению естественность и неизбежность перехода интеграционного объединения от одной формы к другой;
- высказывается тезис об отсутствии примеров интеграционных объединений, которые бы в точности соответствовали одной из форм (поэтому говорить о той или иной форме интеграционного объединения можно лишь с определенной долей условности);
- сегодня не существует единого мнения ни о характеристике каждой отдельной формы интеграции, ни об их общем количестве: разные исследователи выделяют от 4 (как в классификации Б. Баласса) до 8 форм⁵. Связано это с тем, что многие видят необходимость дополнить существующую классификацию промежуточными формами.

Так, помимо формы «общего рынка», отдельно выделяют форму «единого рынка» (когда помимо свободы движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы происходит унификация юридических и технических условий)⁶; помимо зоны свободной торговли — зону свободной торговли «плюс» (предполагающую либерализацию не только торговли товарами и услугами, но и других сфер экономического сотрудничества); помимо экономического союза — экономический и валютный

Вестник ХГАЭП. — 2010. — № 3 (48). — С. 24.

4 Спартак А. Н. Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века // Российский экономический вестник. — № 6. — С. 52.

5 Marinov E. Указ. соч. — С. 365.

6 Спартак А. Н. Указ. соч. — С. 53.

союз⁷. Дискуссионным остается вопрос и о начальном этапе интеграционного процесса: в некоторых классификациях он считается инициированным с момента создания зоны свободной торговли, в то время как другие первым этапом называют заключение преференциальных соглашений.

Традиционно в качестве события, положившего начало процессу евразийской интеграции, рассматривается заключение **Соглашения об образовании Содружества Независимых Государств** (8 декабря 1991 г.)⁸. Развитие интеграционных процессов здесь предусмотрено, например, ст. 4 Соглашения, которая декларирует широкий спектр целей, стоящих перед сторонами: развитие сотрудничества в области экономики, политики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, торговли и других сферах. Некоторые исследователи выражают сомнение в корректности обозначения СНГ как интеграционного объединения. Для сотрудничества в рамках СНГ свойственно рьяное отстаивание участниками своей полной независимости и отрицание наднационализма (который, по мнению Т. Н. Нешатаевой, и является главным признаком интеграционного объединения)⁹. Еще одним аргументом против рассмотрения образования СНГ как стадии интеграционного процесса является и то, что в самом Соглашении (например, в преамбуле) говорится, в первую очередь, о последствиях распада Советского Союза, что позволяет оценивать создание СНГ, скорее, как этап дезинтеграции, «площадку для развода»¹⁰ стран бывшего СССР.

СНГ, как объединение государств, ставящее целью развитие сотрудничества между постсоветскими странами, часто критикуется за излишнюю декларативность положений, отсутствие четкого механизма реализации межгосударственных решений, отсутствие возможности принудительного их исполнения (решения Экономического Суда СНГ имели рекомендательный характер) и применения санкций к нарушителям¹¹. За 10 лет деятельности СНГ из 173 документов, предусматривающих ратификацию и выполнение внутригосударственных процедур, только 8 вступили в силу для всех участников¹², поэтому Содружество действовало на базе заключения двусторонних договоров и соглашений (по состоянию на 1 марта 2007 г. было принято 1657 документов)¹³. Однако нельзя отрицать, что попытки наладить сотрудничество и найти оптимальный способ дальнейшей интеграции первоначально происходили именно в рамках Содружества (проводился поиск эффективной системы межгосударственных органов; попытки гармонизации законодательства стран через принятие модельных законов; попытки интеграции на базе договоров и на базе ММПО и т.д.).

24 сентября 1993 г. между странами СНГ (кроме Туркменистана и Украины) был подписан **Договор о создании**

Экономического союза. По задумке участников договора, Экономический союз подразумевал гармонизацию законодательства, а также проведение согласованной денежно-кредитной, бюджетной, налоговой, ценовой, внешнеэкономической, таможенной и валютной политики (ст. 3). Статья 4 предусматривала поэтапное углубление интеграции через последовательное создание ассоциации свободной торговли, таможенного союза, общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы и валютного (денежного) союза. Для каждого из этапов предусматривалось подписание собственного соглашения. Таким образом, данный договор можно рассматривать в первую очередь как декларацию намерений государств. В рамках реализации проекта о создании Экономического союза были подписаны следующие соглашения:

- 15 апреля 1994 г. подписано **Соглашение о создании зоны свободной торговли**.

Многосторонний режим свободной торговли, введение которого предполагалось при подписании Соглашения, так и не был создан. Взаимоотношения стран регулировались двусторонними соглашениями о свободной торговле. При этом уже протоколом от 2 апреля 1999 г. положение о дальнейшем преобразовании зоны свободной торговли в Экономический союз было вычеркнуто. Впоследствии Соглашение было заменено Договором о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г.

- 6 января 1995 г. подписано **Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь**. Позже к соглашению присоединились Республика Казахстан (20 января 1995 г.), Кыргызская Республика (29 марта 1996 г.), Республика Таджикистан (26 февраля 1999 г.).

В реализации Соглашения было предусмотрено несколько этапов. Первый этап — практическое применение положений Соглашения от 15 апреля 1994 г. (отмена тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле), т.е. фактически введение режима свободной торговли, уже предусмотренного предыдущим соглашением. Второй этап — унификация внешнеторгового, таможенного, валютно-финансового, налогового и другого законодательства, затрагивающего внешнеэкономическую деятельность, в том числе установление одинакового торгового режима, общих тарифов в отношении третьих стран (предполагалось, что унификация будет завершена в течение 4 месяцев с даты подписания Соглашения). Полномочия по установлению взаимоотношений с другими странами предполагалось делегировать одной из сторон.

На данном этапе стала очевидна бесперспективность попыток выстроить единое интеграционное объединение, в котором бы участвовали все страны СНГ: пока некоторые из них выступали за углубление интеграции, другие не готовы были пойти дальше. Как отмечает Т. Н. Нешатаевой, «формирование Таможенного союза, ЕЭП, а затем и ЕАЭС произошло не благодаря институтам СНГ, а скорее в связи с отходом от них»¹⁴. В этом смысле шагом вперед было подписание 29 марта 1996 г. **Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях** (с участием РФ, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана). Для договора все еще характерна некоторая декларативность: в качестве цели здесь заявлено создание в перспективе Сообщества интегрированных государств (в ст. 7 рассматривается и возможность введения валютного союза). Важным отличием является создание наднациональных органов управления интеграцией:

14 Дьяченко Е. Б., Мысливский П. П., Нешатаева Т. Н. Указ. соч. — С. 304.

7 Долгов С. И. Общее экономическое пространство — новый интеграционный формат в условиях глобализации // Российский внешнеэкономический вестник. — 2010. — № 9. — С. 3.

8 Гинзбург Ю. В. Этапы экономической интеграции на постсоветском пространстве // Публично-правовые исследования (электронный журнал). — 2014. — № 3. — С. 11—12.

9 Дьяченко Е. Б., Мысливский П. П., Нешатаева Т. Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой. — М.: Статут, 2015.

10 Там же.

11 Тиунов О. И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. — 2012. — № 8. — С. 92—98.

12 Воробьев В. В. Этапы формирования Содружества Независимых Государств в 1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 34 (249). — С. 93.

13 Там же. — С. 96.

Межгосударственного совета, Интеграционного комитета, Межпарламентского комитета. Здесь же впервые была признана возможность равноуровневой интеграции в рамках СНГ. На территории Содружества начали появляться объединения, нацеленные на более активную интеграцию (Союз Белоруссии и России, ГУАМ, ЦАС, ЕврАзЭС), большинство из которых, однако, не показали большой эффективности.

26 февраля 1999 г. заключен **договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве** (с участием РФ, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана). В преамбуле стороны ссылались уже не на Договор о создании Экономического союза (в котором участвовало большинство стран СНГ), а на договор от 29 марта 1996 г. (где участвовали лишь 5 государств). По сути, договор представляет собой взаимное обязательство завершить формирование Таможенного союза и создать на его основе единое экономическое пространство. Под ним понималось создание общего рынка товаров, услуг, капиталов и труда, а также проведение согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой, таможенной и тарифной политики (ст. 1). Здесь же содержится обязанность сторон реализовать в полном объеме режим свободной торговли, действующий на основании уже принятых соглашений.

10 октября 2000 г. был подписан **Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества** (с участием РФ, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана и, с 2006 г., Узбекистана). Организация была создана для повышения эффективности формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства. В отличие от предыдущих попыток интеграции, которые были основаны на деятельности внеорганизационных объединений государств и не принесли впечатляющих результатов, в этом договоре предусматривалось создание межгосударственной межправительственной организации. По мнению некоторых исследователей, реальная интеграция на евразийском пространстве начала осуществляться только с момента создания ЕврАзЭС¹⁵. Связывается это со сложностью создания на базе внеорганизационных объединений любых интеграционных проектов амбициозней зоны свободной торговли – для таких задач гораздо лучше подходит интеграция на базе ММПЮ (хоть и отмечается, что существуют примеры успешной интеграции обоих видов). При этом 19 сентября 2003 г. было подписано **Соглашение о создании Единого экономического пространства** (с участием РФ, Белоруссии, Казахстана и Украины), которое, в свою очередь, действовало именно как внеорганизационное объединение. Здесь предусматривалась гораздо большая свобода государств. Как отмечается в работе С. М. Босовец: «Государства могут самостоятельно определять, когда и к какому международному договору присоединяться, могут выбирать сферы и направления интеграции, мероприятия и проекты, в которых будут участвовать, и объем этого участия»¹⁶. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация, когда параллельно действовали ЕврАзЭС и ЕЭП, преследующие одинаковые цели – углубление интеграции до формирования общего рынка и находящиеся на одном географическом пространстве (участником ЕврАзЭС не являлась лишь Украина, которая ого-

варивала, что собирается участвовать лишь в создании Зоны свободной торговли).

6 октября 2007 г. был подписан **Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза** на базе ЕврАзЭС (с участием РФ, Белоруссии, Казахстана). В результате с 1 июля 2011 г. на внутренних границах был снят таможенный контроль. С 2012 г. вступили в силу 17 базовых соглашений, формирующих Единое экономическое пространство.

Таким образом, за время попыток создания с 1995 г. Таможенного союза и Единого экономического пространства было подписано более сотни международных договоров. В 2011 г. было поручено провести их кодификацию, результатом которой стал Договор о Евразийском экономическом союзе.

18 ноября 2011 г. была **принята Декларация о евразийской экономической интеграции**. Здесь констатировалось успешное функционирование Таможенного союза и переход к следующему этапу интеграции – единому экономическому пространству, договоры о котором вступали в силу с 2012 г. При дальнейшей интеграции планировалось формирование согласованной промышленной, транспортной, энергетической и аграрной политики; гармонизация и, в определенных сферах, унификация законодательства; осуществление согласованной экономической политики, углубление сотрудничества в валютной сфере; обеспечение совместных стандартов образования; сотрудничество в вопросах миграционной политики; развитие сотрудничества в сфере внешней политики. Идеи же многих должностных лиц простирались еще дальше: «Мы не останавливаемся на этом и ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции – к Евразийскому союзу»¹⁷, — рассуждал В. В. Путин в конце 2011 г.

Последним этапом интеграции является подписание 29 мая 2014 г. **Договора о Евразийском экономическом союзе**. ЕАЭС начал функционировать с 2015 г. с участием РФ, Казахстана, Белоруссии. Позже к договору присоединились Армения (которая стала участником со 2 января 2015 г.) и Киргизия (с 12 августа 2015 г.). ЕАЭС не достиг того уровня интеграционного объединения, которого от организации многие ожидали изначально. В договоре не осталось декларативных положений о политической составляющей союза: не рассматриваются вопросы о миграционно-визовой политике, общем гражданстве, согласованной внешней политике. Несколько раз были отвергнуты инициативы о создании общего наднационального органа – Евразийского парламента. В выступлениях должностных лиц Белоруссии и Казахстана подчеркивается именно экономический характер объединения и недопустимость его политизации: «Такие направления, как охрана границ, миграционная политика, система обороны и безопасности, а также вопросы здравоохранения, образования, культуры, правовой помощи по гражданским, административным и уголовным делам не относятся к экономической интеграции и не могут быть перенесены в формат экономического союза», — считает Н. Назарбаев¹⁸. Прогрессом можно считать достижение соглашения о гармонизации законодательства в сфере финансовых

15 Босовец С. М. Правовое регулирование интеграции между Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной: к вопросу о соотношении ЕврАзЭС и ЕЭП // Журнал международного права и международных отношений. — 2009. — № 2. — С. 16—17.

16 Там же. — С. 17.

17 Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761#ixzz3njaiV9BP> (дата обращения: 30.09.15)

18 Назарбаев раскритиковал политизацию ЕАЭС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nur.kz/295894.html> (дата обращения: 30.09.15).

рынков и создание к 2025 г. наднационального органа-мегарегулятора.

Несмотря на формальное декларирование перехода к форме экономического союза, однозначно отнести ЕАЭС к этой стадии интеграции нельзя. По мнению некоторых исследователей, все еще продолжается формирование полноценного таможенного союза и общего рынка. В качестве изъянов интеграционного образования называют существование множества нетарифных барьеров, самостоятельное определение каждой страной экспортной пошлины, отсутствие единого органа ветеринарного и фитосанитарного надзора¹⁹. Помимо этого, в самом договоре содержатся положения лишь о предстоящем формировании общего рынка: рынка лекарственных средств и медицинских изделий – к 2016 г.; общего рынка электроэнергетики – к 1 июля 2019 г.; общего рынка нефти и газа – к 2025 г.

Плохо согласуется с наличием единой таможенной территории и единоличное введение РФ санкций в виде запрета на ввоз с/х продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются США, ЕС, Канада, Австралия, Норвегия²⁰ (в июне 2015 г. эмбарго было продлено еще на год). Белоруссия и Казахстан становятся посредниками в преодолении таких санкций, ведь после попадания на территорию таможенного союза, он должен свободно перемещаться внутри интеграционного объединения, как внутри одной страны. Проведение координированной политики подразумевает присоединение Белоруссии и Казахстана к российским санкциям или воспрепятствование поступлению запрещенных продуктов на свой рынок, что является для них нецелесообразным. При этом таможенные границы между РФ, Казахстаном и Белоруссией были отменены еще в 2010 г., что усложняет процедуру проверки страны происхождения.

Помимо запланированного создания общего рынка лекарственных средств, электроэнергетики, нефти и газа, развитие ЕАЭС в данный момент идет по нескольким направлениям:

- Создание Свободной зоны торговли стран ЕАЭС с государствами, выразившими в этом заинтересованность (с предложением заключить соглашение обратились более 30 стран и региональных объединений)²¹.

На данный момент подписано лишь Соглашение о создании Зоны свободной торговли с Вьетнамом (от 29 мая 2015 г.)²². Вступление Соглашения в силу произойдет через 60 дней после ратификации всеми странами-участниками. В рамках Соглашения предусматривается отмена Вьетнамом таможенных пошлин на 88 % товарных линий от общей номенклатуры (59 из которых будут отменены сразу, а для отмены остальных предусматривается переходный период). В отношении оставшихся – у стран ЕАЭС отсутствует экспортный интерес. При этом предусмотрена обоюдная возможность введения ряда

защитных и заградительных мер при превышении установленного годового объема импорта.

Помимо Вьетнама, переговоры о создании Зоны свободной торговли ведутся с Израилем, Индией и Египтом²³. На данный момент прогнозы имеются лишь в отношении Египта: рассчитывается, что соглашение о ЗСТ будет подписано к концу 2016 г.²⁴

Остаются замороженными по инициативе партнеров переговоры с Новой Зеландией и Европейской ассоциацией свободной торговли (Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн). Возможность возобновления переговоров предсказать трудно²⁵.

В далекой перспективе предусматривается сотрудничество стран ЕАЭС и Китая в рамках «Шелкового пути», однако даже по самым оптимистичным прогнозам заключение интеграционных соглашений – вопрос не одного десятка лет²⁶. Кроме того, предложение об интеграции ЕАЭС и ЕС выдвинул 28 сентября В. В. Путин на 70 сессии Генеральной Ассамблеи ООН²⁷.

- Инициатива углубления сотрудничества стран ЕАЭС до валютного союза.

Со стороны Российской Федерации настойчиво вносятся предложения о создании валютного союза на базе ЕАЭС. Так, 10 марта В. В. Путин поручил Банку России рассмотреть вопрос о возможности создания валютного союза (Поручение Президента ПР-398, п. 2)²⁸. 29 мая Д. А. Медведев выступил с предложением создания валютного союза на заседании Евразийского межправительственного совета²⁹. При этом представители Казахстана и Белоруссии относятся к подобным инициативам негативно, подчеркивая, что вопрос о введении единой валюты не является темой сегодняшнего дня³⁰, и не устывая напоминать, что в рамках Договора о ЕАЭС вплоть до 2025 г. предусматривается лишь гармонизация законодательства в области регулирования финансовых рынков (ст. 103), а валютного союза в планах нет³¹. Аналогичного мнения придерживаются и эксперты Евразийской экономической комис-

19 Кнобель А. Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. — 2015. — № 3. — С. 98.

20 Постановление Правительства РФ от 20.08.2014 N 830 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778» // Собрание законодательства РФ. — № 34. — Ст. 4685.

21 Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 30.09.15).

22 Вьетнам и страны ЕАЭС подписали соглашение о свободной торговле [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/444590> (дата обращения: 30.09.15).

23 Россия ведет переговоры о ЗСТ с Израилем, Индией, Египтом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eurasiancenter.ru/economynews/20150928/1004256025.html> (дата обращения: 30.09.15).

24 Оценка перспектив создания ЗСТ Египта будет готова к декабрю [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20150918/1261101843.html> (дата обращения: 30.09.15).

25 Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 30.09.15).

26 Китай и ЕАЭС могут создать ЗСТ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/05/12/kитай-i-evraziiskii-ekonomicheskii-soyuz-mogut-sozdat-zonu-svobodnoi-torgovli> (дата обращения: 30.09.15).

27 Путин отметил перспективность интеграции ЕАЭС с ЕС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/469794> (дата обращения: 30.09.15)

28 Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47838> (дата обращения: 30.09.15).

29 Медведев предложил создать валютный союз на базе ЕАЭС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2617286> (дата посещения: 30.09.15).

30 Мясникович: Валютный союз в ЕАЭС – это угроза суверенитету [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.profi-forex.by/news/entry5000029543.html> (дата обращения: 30.09.15).

31 Почему Россия педантирует идею валютного союза в ЕАЭС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://forbes.kz/finances/pochemu_rossiya_pedaliruet_ideyu_valyutnogo_soyuza_v_eaes (дата обращения: 30.09.15)

сии, которые в аналитической записке отмечают невозможность создания валютного союза на данном этапе³².

Следует отметить, что прошлая попытка создания единой валюты на постсоветском пространстве – между Россией и Беларуссией, несмотря на подписание в 1994 г. соответствующего соглашения, закончилась неудачей (стороны не сумели договориться о едином эмиссионном центре).

- Расширение ЕАЭС.

С начала функционирования ЕАЭС членами организации стали Армения (2 января 2015 г.) и Киргизия (12 августа 2015 г.). Перспектива вступления в ЕАЭС также обсуждается в Таджикистане³³. Так, Н. С. Зиядулаев отмечает: «В ближайшей перспективе возможно вступление в ЕАЭС еще одной страны Центральной Азии – Таджикистана, где это было бы решением многих острых социально-экономических проблем, в частности, связанных с модернизацией и диверсификацией экономики, огромной внешней трудовой миграцией и другими сложностями ее развития. На этом процесс расширения Евразийского союза, по-видимому, завершится до лучших времен»³⁴.

Вступление в интеграционное объединение других постсоветских стран представляется маловероятным. Несмотря на активное продвижение в 2013 г. идеи членства Украины в Таможенном союзе, в свете последних событий вероятность её участия в подобном проекте стремится к нулю. Другие страны, как Молдавия и Грузия, в большей степени тяготеют к интеграции с ЕС и уже подписали соглашения об ассоциации. Соглашение об ассоциации с ЕС, по сути, представляет собой создание Свободной зоны торговли и постепенную имплементацию норм ЕС в ряде отраслей, обязательства в сфере противодействия коррупции. Отмечается, что соглашение об ассоциации во многих аспектах более глубокое, чем договор ЕАЭС: он, вместе с приложениями, занимает 361 страницу, а соглашение об ассоциации – 2200³⁵. Здесь встает вопрос о соотношении ассоциации с ЕС (и, как следствие, уменьшение пошлин) с Зонай свободной торговли СНГ, участниками которой являются также и страны ЕАЭС. В Договоре о создании Зоны свободной торговли СНГ предусмотрена возможность защиты внутреннего рынка – при объемах поставок, которые угрожают нанести ущерб промышленности, возможно введение пошлины в размере ставки наибольшего благоприятствования после проведения с консультацией с заинтересованными сторонами.

Пристатейный библиографический список

1. Marinov E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Counties // International Institute of Social and Economic Sciences. — Prague, 2014.
2. Дьяченко Е. Б., Мысливский П. П., Нешатаева Т. Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т. Н. Нешатаевой. — М.: Статут, 2015.
3. Босовец С. М. Правовое регулирование интеграции между Беларуссией, Казахстаном, Россией и Украиной:

32 ЕАЭС пока не готов к единой валюте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/586121> (дата обращения: 30.09.15).

33 В Таджикистане обсуждают перспективы вступления в ЕАЭС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://riss.ru/analytics/11108/> (дата обращения: 30.09.15).

34 Зиядулаев Н. С. ЕАЭС: между политикой и экономикой // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — № 11. — С. 32.

35 Кнобель А. Ю. Указ. соч. — С. 101.

к вопросу о соотношении ЕврАзЭС и ЕЭП // Журнал международного права и международных отношений. — 2009. — № 2.

4. Воробьев В. В. Этапы формирования Содружества Независимых Государств в 1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 34 (249).
5. Гинзбург Ю. В. Этапы экономической интеграции на постсоветском пространстве // Публично-правовые исследования (электронный журнал). 2014. № 3. С. 8 - 19.
6. Долгов С. И. Общее экономическое пространство - новый интеграционный формат в условиях глобализации // Российский внешнеэкономический вестник. — 2010. — № 9.
7. Зиядулаев Н. С. ЕАЭС: между политикой и экономикой // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — № 11.
8. Кнобель А. Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. — 2015. — № 3.
9. Обуховский В. В. Теории международной экономической интеграции // Экономика XXI века. — 2007. — № 1.
10. Смоляков В. А. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточно-азиатской моделей) // Вестник ХГАЭП. — 2010. — № 3 (48).
11. Спартак А. Н. Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века // Российский экономический вестник. — № 6.
12. Тиунов О. И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. — 2012. — № 8.

Понаморенко В. Е., Илюхина С. С., Галушкин А. А.
О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС И БРИКС

В данной статье дается обзор современного состояния валютной интеграции стран Евразийского экономического союза и стран БРИКС, отмечаются преимущества валютной интеграции и препятствия на ее пути. Авторы анализируют различия в моделях межгосударственной интеграции в ЕАЭС и БРИКС и проявление этих различий в валютной сфере.

Ключевые слова: валютная интеграция, валютная политика, монетарная политика, Евразийский экономический союз, БРИКС, финансовый рынок, единая валюта.

Ponomorenko V. E., Ilyukhina S. S., Galushkin A. A.
ABOUT THE CURRENT STATE OF CURRENCY INTEGRATION IN THE EEU AND BRICS

This article provides a review of the current state of monetary integration of the countries of the Eurasian Economic Union and BRICS countries, marks the benefits of monetary integration and the obstacles in its path. The authors analyze the differences in the models of interstate integration in the EEU and BRICS and the manifestation of these differences in the currency sphere.

Keywords: currency integration, currency policy, monetary policy, Eurasian Economic Union, BRICS, financial market, common currency.

В условиях интенсификации региональной экономической интеграции с участием Российской Федерации, особое значение обретает анализ интеграционных процессов в валютной сфере государств ЕАЭС и БРИКС, а также предпосылок и современного состояния формирования наднациональных правовых и институциональных основ валютной интеграции в рамках данных интеграционных объединений.

Согласно известной модели Б. Балассы, валютный союз — это высшая ступень межгосударственной интеграции. Стадиями движения к валютному союзу являются: координация валютных и монетарных политик; взаимная увязка курсов национальных валют; введение единой валюты и единого эмиссионного центра.

Формирование единых правил валютного регулирования, координация монетарной политики дают странам массу преимуществ, прежде всего – интенсификацию взаимной торговли, повышение эффективности общих финансовых рынков. Как правило, введение единой валюты снижает затраты при торговых операциях, позволяет «импортировать» экономическую стабильность.

Евразийская интеграция в валютной сфере сегодня развивается пусть и медленно, но относительно успешно по сравнению со смежными направлениями (фискальная сфера, финансовые рынки). Правовая основа интеграционных процессов в валютной сфере является во многом сформированной (для текущего этапа интеграционного взаимодействия)¹.

29 мая 2014 г. президенты Беларуси, Казахстана и России подписали Договор о создании Евразийского экономического союза, к которому имеются 33 приложения.

Раздел XIV Договора и Приложение № 15 к нему (Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики) направлены на формирование и обеспечение функционирования общего валютного рынка России, Беларуси и Казахстана.

В рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и договорами в рамках Союза.

Существование Союза означает, что: а) функционирует единый внутренний рынок товаров и услуг; б) функционирует Таможенный Союз Беларуси, Казахстана и России; в) применяются Единый таможенный тариф и иные единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами; г) осуществляется единое таможенное регулирование; д) осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного)², за исключением случаев, предусмотренных Договором.

Принятие Договора о ЕАЭС создает надежный фундамент для принятия дальнейших решений в части валютной интеграции. Так, Поручением Президента РФ № ПР-398 Банку России совместно с Правительством РФ во взаимодействии с центральными (национальными) банками государств-членов Евразийского экономического союза предписано определить дальнейшие направления интеграции в валютной и финансовой сферах в рамках Евразийского экономического союза с проработкой целесообразности и возможности создания в перспективе валютного союза. Ответственной за исполнение поручения назначена председатель ЦБ Эльвира Набиуллина. Срок исполнения поручения определен как 1 сентября 2015 года.

Для целей развития валютной интеграции требуется, среди прочего, реанимировать **Межгосударственный банк СНГ**, который формально существует с 1993 года, однако пока не выполняет всех функций³, которые на него возложены по первоначальному проекту.

1 Концепция сотрудничества государств-членов Евразийского экономического сообщества в валютной сфере от 22 июня 2005 г.; Соглашение о сотрудничестве в области организации интегрированного валютного рынка государств-членов Евразийского экономического сообщества от 25 января 2006 г., и другие документы.

2 Коровяковский Д. Г. Правовые вопросы информационного взаимодействия налоговых органов с таможенными и финансовыми органами субъектов Российской Федерации, МВД России и с банками // Бухгалтер и закон. 2009. № 5. С. 28-34.

3 Коровяковский Д. Г. Правовые основы, способы и методы обеспечения экономической безопасности банковской деятельности в

В то же время нельзя не отметить существенную аналитическую работу, которую проводит Межгосбанк СНГ относительно монетарных, платежных, банковских аспектов интеграции в ЕАЭС. Так, на информационном портале Межгосударственного банка СНГ публикуются ежеквартальные обзоры денежно-кредитной политики государств-участников ЕАЭС, освещаются правовые основы деятельности национальных (центральных) банков, инструменты денежно-кредитной политики и другие тенденции развития финансовых рынков этих стран, публикуется статистическая информация центральных (национальных) банков государств ЕАЭС.

Нельзя не выделить и **препятствия** на пути валютной интеграции ЕАЭС:

1. Пространство ЕАЭС пока слишком разнородно по макроэкономическим показателям.
2. Центральные банки придерживаются различных режимов монетарной политики и режимов курсовой политики.
3. Единая валюта существенно ограничит возможности центральных банков стран по проведению независимой монетарной политики.

С вопросами валютной интеграции тесно связаны вопросы **интеграции финансовых рынков** и, в особенности, банковских систем стран ЕАЭС. Вопросам интеграции банковских систем государств – членов ЕАЭС посвящен Протокол о финансовых услугах (Приложение № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе), согласно которому государства-члены осуществляют гармонизацию в сфере финансового рынка к 2020 году, а к 2025 году будет создан единый орган по регулированию финансового рынка, будет располагаться в городе Алматы⁴.

Интеграционные процессы в **группе БРИКС** с 2014 года вышли на качественно новый уровень. Итогами 6-го саммита БРИКС, проходившего 15 июля 2014 года в Форталезе (Бразилия), стали прежде всего:

1. Соглашение о создании Нового банка развития (НБР), целью которого является мобилизация ресурсов для финансирования инфраструктурных проектов. Первоначальный объявленный капитал Банка составит 100 млрд долл. США. Его первоначальный подписной капитал будет составлять 50 млрд долл. США и будет поровну распределяться между представителями Банка.
2. Договор о создании Пула условных валютных резервов БРИКС, первоначальный размер которого составит 100 млрд долл. США. Этот Пул, как указано в Декларации, будет играть позитивную роль страхового механизма, помогать странам избегать краткосрочных проблем с ликвидностью и способствовать углублению сотрудничества между странами БРИКС, а также поможет укрепить глобальную систему финансовой безопасности⁵ и станет важным дополнением к существующим международным механизмам.

По результатам состоявшегося 8–9 июля 2015 года **саммита БРИКС в Уфе**:

1. Приняты Уфимская декларация, Стратегия экономического партнерства БРИКС, поставлена задача

разработать Дорожную карту торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран БРИКС на период до 2020 года.

2. Участники Уфимского саммита БРИКС приветствовали завершение процесса ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов БРИКС и его вступление в силу.

3. На саммите было подписано Операционное соглашение между центральными банками стран БРИКС, определяющее технические параметры операций в рамках функционирования Пула.

4. Стороны подтвердили наличие потенциала для расширения практики взаиморасчетов в национальных валютах между странами БРИКС и просят соответствующие государственные органы стран БРИКС продолжить обсуждение возможности более широкого использования национальных валют во взаимной торговле.

Несмотря на то, что страны БРИКС не сформировали еще даже зоны свободной торговли и таможенного союза, исповедуемая ими модель скачкообразной интеграции может дать свои плоды в валютной сфере. Так, уже идет речь о создании на базе Пула условных валютных резервов корзины валют «бриксо», как некоего аналога СДР, которая может использоваться во взаимных расчетах между странами.

Таким образом, ЕАЭС и БРИКС демонстрируют различные модели интеграционного взаимодействия, что позволяет нам с интересом следить за тем, какая и них окажется эффективнее, а также каким образом эти модели будут дополнять друг друга, балансироваться в рамках интеграционной политики России.

Пристатейный библиографический список

1. Понаморенко В.Е. Современное состояние и перспективы гармонизации банковского законодательства государств-участников Единого экономического пространства // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3(70). С. 19-25.

современных условиях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 3. С. 43-52.

4 Подробнее см.: Понаморенко В. Е. Современное состояние и перспективы гармонизации банковского законодательства государств-участников Единого экономического пространства // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3(70). С. 19-25.

5 Коровяковский Д.Г. Проблемы правового регулирования банковской тайны // Финансы и кредит. 2008. № 8. С. 55-63.

Сычева О. В.

АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА)

Настоящая статья посвящена анализу понятия «международная трудовая миграция», причин ее возникновения и подходов к изучению. Автор приводит анализ внутреннего законодательства стран – членов Евразийского экономического союза, регулирующего международную трудовую миграцию. Определяются стадии миграционного процесса, требующие установления границ правового регулирования. Делается вывод об эффективности правового регулирования, исходя из достижения баланса соотношения публичных и частных интересов.

Ключевые слова: трудовая миграция, проблемы миграции, стадии миграционного процесса, эффективность правового регулирования, Евразийский экономический союз.

Sycheva O. V.

ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL LABOR MIGRATION (BY THE EXAMPLE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION)

This article is devoted to analysis of the concept of international labor migration, its causes of emergence and approaches to study. The author gives an analysis of the internal laws of the Eurasian Economic Union member states regulating international labor migration. The stages of the migration process are being determined, which require the setting of legal regulation limits. The conclusion concerning the effectiveness of the legal regulation based on achieving a balance ratio of public and private interests is made.

Keywords: labor migration, migration issues, stages of the migration process, effectiveness of legal regulation, Eurasian Economic Union.

Сычева О. В.

Миграция, будучи закономерным явлением пространственного перемещения населения, имеющим глубокие корни в экономической и социально-политической жизни общества, сопровождала человечество на всех этапах его развития, соединяя фактическое место жительства людей со сферой их трудовой и иной деятельности¹.

В последнее время миграция приобрела огромные масштабы. Облик современного мира является иллюстрацией результатов миграционных процессов. По оценкам Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций, на начало 2014 г. в мире с населением 7 млрд человек, более 232 млн проживают за пределами стран, где они родились. При этом международная миграция характеризуется высокой концентрацией. В 2014 г. Половина всех международных мигрантов приходилась на 10 стран, из которых на первом месте США, где проживает 45,8 млн мигрантов, на втором – Российская Федерация (11 млн)². Становление такого нового международного образования, как ЕАЭС, увеличило интенсивность миграционных потоков, так, только в 1 квартале 2015 г. в России количество жителей Казахстана увеличилось на 46,8 тыс. (7,8 %), Белоруссии – на 18,5 тыс. (3,6 %), Армении – на 16,3 тыс. (3,4 %)³.

Оценивая теоретико-методологическую основу изучения проблем миграции современной отечественной наукой, следует отметить, что чаще всего анализ миграции осуществляет-

ся в научных исследованиях в трех основных аспектах: институциональном, нормативном, процессуальном.

Институциональная теория строится на положении о необходимости изучения миграционных процессов с точки зрения характеристики функционирования организаций, оказывающих помощь и различные услуги потенциальным и реальным мигрантам.

Особенностью процессуального подхода к анализу миграционной политики является рассмотрение миграции в неразрывной связи трех ее стадий: формирования миграционных намерений, реальных перемещений и приживаемости мигрантов.

В рамках нормативного подхода производится анализ норм международного и внутригосударственного права, разработки нормативных правовых актов, регулирующих основные права и обязанности мигрантов для осуществления целенаправленной политики, защищающей интересы различных сторон в сфере миграции.

Придерживаясь нормативного подхода к изучению миграции, считаем необходимым определение механизмов и границ правового регулирования всех стадий миграции. В результате исследования терминов и определений, закрепленных в нормативных актах стран – членов Евразийского экономического союза, можно сделать вывод, что действующие законодательства этих стран не содержат четких, единообразно применяемых определений трудовой миграции⁴. Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22 июля 2011 г. определяет миграцию как постоянное или временное, до-

1 Зинченко Н. Н. Миграционное право в международно-правовой доктрине и практике: становление и перспективы развития: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012. – С. 12.

2 Пресс-релиз ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf

3 Соков К. А. Миграция в рамках СНГ обретает своеобразную динамику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.risneurasia.org/news--2015-04-29--migraciya-v-ramkakh-sng-obretayet-svoeobraznuju-dinamiku-17733> (дата обращения: 14.09.2015).

4 Смашников Т. Б. Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Челябинск, 2012. – С. 18.

бровольное или вынужденное перемещение физических лиц из одного государства в другое, а также внутри государства⁵.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года не дается определения понятию миграция, однако устанавливаются такие понятия, как временная миграция, долго- и краткосрочная миграция, трудовая миграция, образовательная миграция, незаконная миграция⁶.

В законодательстве Республики Беларусь, несмотря на широкое использование, также не дается определение термину миграция. В Законе Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» раскрывается только понятие «внешняя трудовая миграция», согласно Закону термин определяется как выезд из Республики Беларусь для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности по трудовому договору в государстве трудоустройства, а также въезд в Республику Беларусь для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности по трудовому договору и осуществление такой деятельности в Республике Беларусь⁷.

Законодательство Республики Армения вообще не содержит понятия миграции. Закон Республики Армения от 16 января 2007 г. № ЗР-47 «Об иностранных лицах»⁸ указывает лишь на борьбу с незаконной миграцией, т.е. прибытие в Республику Армения незаконным путем.

Согласно Закону Республики Киргизия от 17 июля 2000 г. «О внешней миграции» трудовая миграция – добровольное перемещение на законном основании физических лиц, постоянно проживающих на территории Кыргызской Республики, за пределы Кыргызской Республики, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих вне пределов Кыргызской Республики и прибывающих на территорию Кыргызской Республики с целью осуществления ими оплачиваемой временной или постоянной трудовой деятельности.

В то же время государства – члены ЕАЭС осуществляют сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза. Сотрудничество в сфере трудовой миграции осуществляется в том числе в формах: согласования общих подходов и принципов в сфере трудовой миграции; обмена нормативными правовыми актами; обмена информацией. А Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.⁹ хотя и имеет в понятийном аппарате термин «трудовая миграция», определения таковой не содержит, ограничиваясь терминами «трудовая деятельность», «трудящийся государства-члена».

5 О миграции населения: Закон Респ. Казахстан от 22 июля 2011 г. № 477-IV ЗРК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298 (дата обращения: 14.09.2015).

6 Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения: 14.09.2015).

7 О внешней трудовой миграции: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2010 г. № 225-З <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&po=N11000225&p2=> (дата обращения: 14.09.2015).

8 Об иностранных лицах: Закон Республики Армения от 16 января 2007 г. № ЗР-47 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26545 (дата обращения: 14.07.2015)

9 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170264> (дата обращения: 04.04.2015).

В связи с изложенным для целей настоящего исследования необходимо дать определение внешней трудовой миграции. Согласимся с Р. Ш. Давлетгильдеевым, который определил процесс внешней трудовой миграции как совокупность территориальных перемещений граждан, сопровождающихся временным изменением места жительства и осуществляемых на добровольной основе с целью занятия оплачиваемой деятельностью в иностранном государстве¹⁰.

Трудовая миграция является важнейшим компонентом глобального развития, а ее неурегулированность представляет серьезную угрозу для стабильного развития социальных институтов и государств в целом. Кроме того, все более значительные массы трудящихся-мигрантов оказываются в уязвимом правовом положении, в силу того, что рынок труда не поддерживается синхронизированными межгосударственными мерами в сфере управления миграционными процессами. В результате складывается ситуация, когда потребность стран в иностранной рабочей силе растет, а легитимные возможности реализации этих потребностей сужаются.

Неэффективность правового регулирования трудовой миграции выражается также в росте нелегальных перемещений и занятости трудящихся-мигрантов в сфере теневой экономики, приобретающих массовый характер. Государства, в свою очередь, отвечают ужесточением мер борьбы против нерегулируемой миграции. Указанное противоречие приводит к массовым нарушениям правопорядка и прав трудящихся-мигрантов¹¹.

Таким образом, считаем необходимым определить эффективные способы правового регулирования международной трудовой миграции как на уровне отдельных государств, так и на международном уровне. Для этого целесообразно рассмотреть критерии эффективности правового регулирования.

По мнению С. С. Алексеева, эффективность права охватывает ряд моментов, в том числе:

- фактическую эффективность (соотношение между фактически достигнутым, действительным результатом и той непосредственной, ближайшей целью, для достижения которой были приняты соответствующие юридические нормы);
- обоснованность и целесообразность (условия и требования, касающиеся в основном правотворчества, правовой культуры, состояния законности и обеспечивающие такое содержание правовых установлений и порядка их претворения в жизнь, которые позволяют ему выступать в качестве действенного, результативного регулятора общественных отношений);
- полезность (фактическую эффективность, взятую под углом зрения обоснованности и целесообразности правового регулирования, его реального положительного эффекта);
- экономичность (полезность юридического регулирования, скорректированную с учетом количества затраченных материальных средств, человеческой энергии, времени)¹².

Указанные показатели выражают эффективность достижения социального эффекта в рамках существующей правовой системы с точки зрения ожидания законодателя. Следовательно, эффективность права должна выражаться в том, в

10 Давлетгильдеев Р. Ш. К вопросу об определении понятия «внешняя трудовая миграция» в российском праве // Российский юридический журнал. – 1997. – № 4. – С. 15–23.

11 Прудникова Т. А. Международно-правовое регулирование трудовой миграции: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2007. – С. 23.

12 Алексеев С. С. Общая теория права. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 196.

какой мере достигается конечная цель нормы права как регулятора правоотношений.

При этом нормотворец должен сопоставлять интересы общества с интересами конкретного лица, находить компромисс между ними, не допуская ситуации, когда требования публичного интереса полностью подавляют частный интерес, и наоборот, когда публичные интересы вообще не учитываются. Важно, чтобы обязанности частноправового и публично-правового характера не противопоставлялись друг другу, так как установление жесткого приоритета для одних из них означает невозможность реализации и умаление значимости защиты прав и законных интересов других участников правоотношения.

Эффективность в достижении баланса соотношения публичных и частных интересов, эффективность самой нормы права – одна из самых важных предпосылок возрастания авторитета нормотворца.

Основной проблемой для достижения наибольшей эффективности применительно к рассматриваемой тематике является определение границ правового регулирования. Правильное определение пределов правового регулирования необходимо для того, чтобы исключить использование юридических инструментов в сферах взаимодействия людей, требующих иных средств социальной регуляции. Считаем актуальным соотношение пределов правового регулирования трудовых отношений на национальном и международном уровнях. Международно-правовое регулирование трудовой миграции осуществляется посредством двусторонних и многосторонних межправительственных соглашений, где определяются общие принципы отношений, связанных с внешней трудовой миграцией, в то же время национальное законодательство определяет механизмы реализации международных норм, а также ответственность за их нарушение, кроме того, в случае отсутствия тех или иных норм на международном уровне, национальное законодательство их заменяет.

Регулирование может быть эффективным только на целевой основе. В ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе указана цель правового регулирования трудовой миграции – стремление к формированию единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза. Для более эффективного достижения вышеуказанной цели целесообразно обозначить задачи правового регулирования трудовой миграции в рамках союза в главе XXVI Договора:

- 1) уравнивание в правах граждан стран выезда с гражданами стран приема в рамках ЕАЭС;
- 2) защита социальных прав трудящихся-мигрантов.

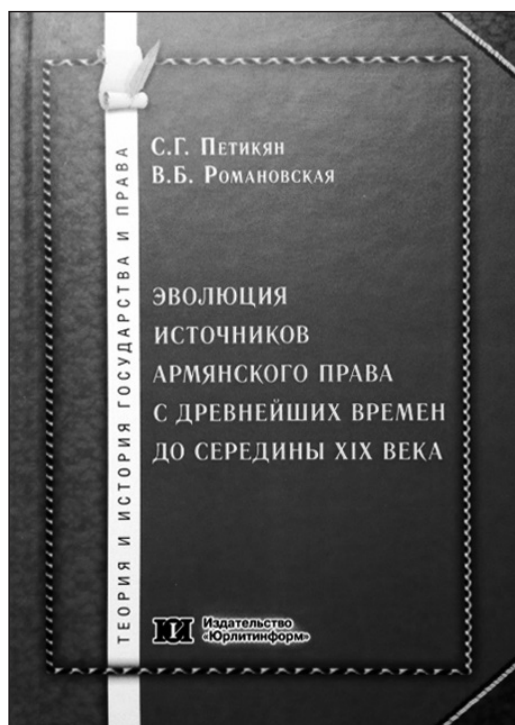
Указанное также необходимо в связи с тем, что Договор имеет интеграционный характер, а в странах – членах ЕАЭС наблюдается неравенство в объеме прав, к примеру, различен возраст выхода на пенсию (от 55 до 63 лет у женщин, и от 60 до 63 у мужчин), уровень социальной помощи населению, не во всех странах существует система обязательного медицинского страхования¹³.

В связи с этим целесообразно использование помимо договорного регулирования на уровне ЕАЭС еще и регулирования недоговорного путем гармонизации законодательства в

сфере трудовой миграции, функции по осуществлению которой теперь должна взять на себя Евразийская комиссия.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. – М.: Юридическая литература, 1981.
2. Давлетгильдеев Р. Ш. К вопросу об определении понятия «внешняя трудовая миграция» в российском праве // Российский юридический журнал. – 1997. – № 4.
3. Зинченко Н. Н. Миграционное право в международно-правовой доктрине и практике: становление и перспективы развития: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012.
4. Прудникова Т. А. Международно-правовое регулирование трудовой миграции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
5. Смашикова Т. Б. Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012.

¹³ Об основных социально-экономических показателях государств – членов Евразийского экономического союза. Январь – май 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Indicators201505.pdf (дата обращения: 14.07.2015).

Бабкина Е. В., Невдах Т. М., Хотькина О. К. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Противодействие коррупционной преступности в настоящее время является одной из основных задач, стоящих перед всеми государствами – участниками СНГ. Коррупция осознается правительствами этих стран как серьезная проблема национальной безопасности и рассматривается как внешняя и внутренняя угроза. Законодательная практика стран ближнего зарубежья свидетельствует о непрекращающихся усилиях найти оптимальную линию борьбы с коррупционной преступностью в своих государствах. Выработка целостной государственной стратегии противодействия коррупции и осуществление последовательной политики в этой сфере на основе опыта и анализа антикоррупционного законодательства близлежащих стран являются одними из наиболее важных задач правовых преобразований на современном этапе в Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупционная преступность, изучение причин и условий коррупционной преступности, предупреждение коррупционной преступности в России и странах СНГ.

Babkina E. V., Nevдах T. M., Hotkina O. K. THE COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS OF COUNTERACTION OF CORRUPTION CRIME IN RUSSIA AND NEAR FOREIGN COUNTRIES

Counteraction of corruption crime is one of the main objectives facing all CIS member states. Corruption is realized by the governments of these countries as a serious problem of national security and is considered as external and internal threat. Legislative practice of near foreign countries testifies to ongoing efforts to find the optimum line of fight against corruption crime in the states. Elaboration of complete state strategy of counteraction of corruption and implementation of a consistent policy in this sphere on the basis of experience and the analysis of the anti-corruption legislation of the nearby countries are one of the most important problems of legal transformations at the present stage in the Russian Federation.

Keywords: corruption crime, study of the reasons and conditions of corruption crime, the prevention of corruption crime in Russia and the CIS countries.

Коррупция представляет собой одно из наиболее опасных социальных явлений, поразивших большинство государств, образовавшихся после распада СССР, в том числе Россию, Кыргызстан, Азербайджан, Казахстан, Украину и другие государства – участники СНГ. Согласно данным международной неправительственной организации Transparency International¹ в 2014 г. Россия ухудшила своё положение в рейтинге Индекса восприятия коррупции на 9 позиций и заняла 136-е место, набрав 27 баллов. Такой же результат показал и Кыргызстан. Что касается бывших советских республик, то многие из них заметно перегнали Россию по Индексу. Лучшие результаты показали Грузия (50), Армения (94), Молдова (103), Беларусь (119), Азербайджан и Казахстан (делят 126 место). Ниже России в рейтинге оказались Украина (142, самая коррумпированная страна в Европе), Таджикистан (152), Узбекистан (166) и Туркменистан (169).

Нельзя не отметить наш особый интерес к опыту противодействия коррупции в странах СНГ, поскольку у наших народов, живших достаточно продолжительное время в одном государстве, имеется общая история и в чем-то сходный менталитет. Как представляется, сравнительно-правовой анализ нормотворческой антикоррупционной деятельности постсоветских стран ближнего зарубежья для совершенствования российского законодательства не будет являться лишним, а поможет перенять положительный опыт и исключить негативные тенденции при дальнейшей разработке и реализации на практике комплекса мер, в том числе правового характера, в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации.

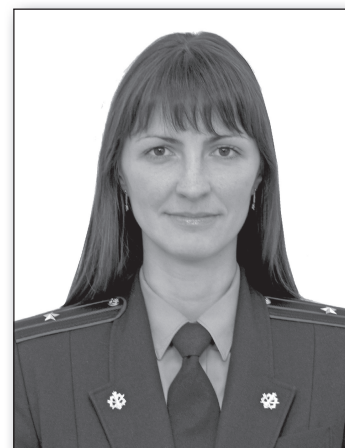
Согласно исследованиям Всемирного банка коррупция в большинстве стран СНГ в 1990-е годы имела следующие признаки: фактическое отсутствие институтов, проверяющих злоупотребление служебным положением; перераспределение государственного имущества и богатств частным лицам; потребность создавать новые институты и переписывать за-

коны, указы и проводимый курс. Большинство проблем, связанных с коррупцией в странах СНГ, возникло не из-за экономических реформ 1990-х годов, а в большинстве случаев из-за отсутствия или неполной реализации рыночно ориентированных реформ. Переход от командной к рыночной экономике в странах СНГ оказался намного более трудным, чем планировалось первоначально, особенно в таких странах, как Молдова, Армения, Грузия, Киргизия и Таджикистан, ввиду нехватки природных ресурсов. Согласно исследованиям Всемирного банка, большинство стран – членов СНГ имеют низкие показатели по: контролю за коррупцией; ответственности; политической стабильности; эффективности правительства; развитию правового государства. Их сочетание и стало главной причиной развития коррупции в постсоветском пространстве².

В связи со сложившимися обстоятельствами противодействие коррупционной преступности в настоящее время является одной из основных задач, стоящих перед всеми пост-

Бабкина Е. В.

Невдах Т. М.

Хотькина О. К.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transparency.org>

2 Захаров А. В. Развитие коррупции в 1990-е годы XX века на постсоветском пространстве // История государства и права. – 2007. – № 5. – С.16.

советскими государствами. Современная законодательная практика стран ближнего зарубежья свидетельствует о непрекращающихся усилиях найти оптимальную линию борьбы с коррупционной преступностью в своих государствах. Одна из особенностей состоит в том, что коррупция осознается правительствами этих стран как серьезная проблема национальной безопасности и рассматривается как внешняя и внутренняя угроза³.

Широкая коррумпированность государственного аппарата и распространенность коррупционных преступлений во многих постсоветских странах заставляет законодателей этих стран принимать особо строгие меры борьбы со взяточничеством, злоупотреблениями и другими опасными должностными преступлениями⁴.

Итак, обратимся к действующему законодательству ближнего зарубежья.

При законодательном описании должностных преступлений УК РФ и УК стран ближнего зарубежья сходство явно превалирует над различиями. В целом совпадает объем криминализации, используется единый концептуальный подход и тождественная либо синонимичная терминология при легальной обрисовке его элементов и признаков.

Несмотря на единый подход к регулированию ряда вопросов ответственности за получение взятки, уголовное законодательство России и стран ближнего зарубежья во многом по-разному описывает признаки данного преступления.

Предметом получения взятки уголовное законодательство в большинстве постсоветских стран признает имущество и имущественные блага. Исключение составляет УК Украины, упоминающий о взятке «в любом виде».

Обращает на себя внимание специфика подходов, которая проявляется: в увеличении объема понятия должностного лица (УК Республики Беларусь, УК Республики Казахстан, УК Республики Узбекистан); включении исчерпывающего перечня должностных лиц и лиц, занимающих ответственное положение (УК Республики Беларусь); наличии специального состава превышения власти военным должностным лицом; признании повышенной общественной опасности деяния в зависимости от тех или иных обстоятельств его совершения.

Так, в УК РФ, как и в уголовном праве большинства стран СНГ, достаточно полно определен перечень надлежащих функций должностного лица. Используя достижения советской доктрины и судебной практики, к должностным лицам относят представителей власти и лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. В УК Кыргызской Республики сделана попытка дополнить этот перечень за счет лиц, выполняющих контрольно-ревизионные функции (примечание 1 к ст. 304)⁵. На наш взгляд, в этом нет нужды, поскольку такие лица традиционно признаются представителями власти и относятся к должностным лицам.

Ярко выраженной особенностью по рассматриваемому вопросу отличается позиция белорусского и некоторых других законодателей стран СНГ. Так, понятие должностного лица формулируется не в Особой, а в Общей части УК Республики Беларусь (ч. 4 ст. 4) и УК Республики Молдова (ст. 123), либо в заключительном разделе кодекса (см. раздел VIII «Правовое значение терминов» УК Республики Узбекистан). Тем самым подчеркивается, что данное понятие является универсальным: оно не замыкается рамками раздела (главы) о должностных (служебных) преступлениях, а простирается и на другие разделы (главы) УК, что является явным преимуществом в законодательном плане.

3 Редкоус В. М. Правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 5 (41). – С. 87–93.

4 Васильев С. В., Зубков А. Ю., Аленкин С. В. Белая книга о борьбе с коррупцией. – М.: ООО «ТПП-ИНФОРМ», 2007.

5 Редкоус В. М. Указ. соч. – С. 96–98.
Гуторова Н. А. Уголовное право Украины. Особенная часть. – Харьков, 2009. – С. 129–130.

Уголовное законодательство большинства стран постсоветского пространства повышает уголовную ответственность за получение взятки должностными лицами, занимающими важное положение. При этом необходимо отметить законодательство Украины и Белоруссии, ужесточающее ответственность в случае получения взятки сотрудниками правоохранительных органов⁶.

Позитивно следует оценить положения УК Казахстана и Модельного УК для государств – участников СНГ, декриминализирующие получение заранее не оговоренной взятки-благодарности за совершение законных действий в небольшом размере.

Кроме того, заслуживает внимания опыт в организации предупреждения коррупции в республике Беларусь, где система борьбы с коррупцией включает в себя разработку и принятие антикоррупционной нормативно-правовой базы и обязательное определение механизма ее выполнения. Деятельность государственных органов по противодействию коррупции сопровождается научными исследованиями. Важную роль играют государственные СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции. Таким образом, белорусским властям удалось снизить уровень коррупции, реализуя целостную систему последовательных мер на ключевых направлениях.

Нельзя не сказать и о положительном опыте противодействия коррупции в Грузии, которая близка России по менталитету. Так, во времена СССР Грузия была одной из самых коррумпированных республик. Однако, сообразно политической воле и «жесткости» принятых решений в рамках искоренения коррупции, в 2004–2005 гг. в Грузии был принят ряд законодательных актов, упрощающих процедуру задержания чиновников, подозреваемых в коррупционных действиях, была введена конфискация их собственности, бремя доказывания законности приобретения легло на подозреваемого в коррупции. И спустя десятилетие положительный опыт Грузии в борьбе с коррупцией пытаются перенять уже многие страны.

Таким образом, выработка целостной государственной стратегии противодействия коррупции и осуществление последовательной и скоординированной политики в этой сфере на основе уже отлаженного мирового опыта и анализа антикоррупционного законодательства близлежащих стран являются одними из наиболее важных задач правовых преобразований на современном этапе в Российской Федерации. От их решения зависит реализация национальных интересов России практически во всех сферах общественных отношений. Безусловно, зарубежный опыт борьбы с коррупцией не может быть перенесен в нашу правоприменительную и законодательную практику в полном объеме. Однако его использование в разумных пределах с учетом российских условий может принести положительные результаты в деле противодействия коррупции. Готовность же к эффективной борьбе с коррупционной преступностью является важнейшим показателем цивилизованности государства, его приверженности к демократическим принципам и ценностям.

Пристайный библиографический список

1. Васильев С. В., Зубков А. Ю., Аленкин С. В. Белая книга о борьбе с коррупцией. – М.: ООО «ТПП-ИНФОРМ», 2007.
2. Гуторова Н. А. Уголовное право Украины. Особенная часть. – Харьков, 2009.
3. Захаров А. В. Развитие коррупции в 1990-е годы XX века на постсоветском пространстве // История государства и права. – 2007. – № 5.
4. Редкоус В. М. Правовое регулирование противодействия коррупции в государствах-участниках СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 5 (41).

6 Там же. – С. 129–130.

Назарян Г. С.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЫГОДА ДЛЯ АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС

Основной целью интеграционных процессов является повышение стабильности развития страны и уровня жизни населения. Перед Арменией стоит важнейший вопрос выбора интеграционного направления. Основными интеграционными векторами Армении являются европейский вектор и вектор Евразийского союза. Армения политическое предпочтение отдала последнему, но это отнюдь не свидетельствует о том, что страна разрывает связи с ЕС. Вопрос сейчас состоит в том, как совместить эти важнейшие интеграционные процессы и в какой степени они могут пересекаться. В статье раскрываются основные положительные стороны присоединения страны к ЕАЭС.

Ключевые слова: экономическая интеграция, рост ВВП, ЕврАзЭС, прямые инвестиции, дешевые энергоносители, интеграционный процесс, экономическая безопасность.

Nazaryan G. S.
ECONOMIC BENEFIT FOR ARMENIA IN THE CONTEXT OF INTEGRATION IN THE EEU

The main purpose of integration is to increase the stability of the country and the standard of living of the citizens. Armenia faces the most important question of choice of the integration direction. The main vectors of Armenia's integration are the European vector and the vector of the Eurasian Union. Armenia gave its political priority to the latter, but this does not imply breaking bonds with the EU. The current question is how to combine these important integration processes, and what is the extent to which they can overlap. The article describes the main positive aspects of the country's accession to the EAEU.

Keywords: economic integration, GDP growth, the Eurasian Economic Community, direct investment, cheap energy, integration process, economic security.

Назарян Г. С.

Во всем мире активно происходят интеграционные процессы, и Армения не может оставаться в стороне. Не секрет, что сырьевые ресурсы и внутренний рынок Армении недостаточны для обеспечения быстрого экономического роста собственными силами. Эта проблема характерна для многих стран мира, поэтому экономическая стратегия страны должна содержать основные направления внутренней экономической политики и интеграции мировой экономики, которые соответствуют возможностям страны.

Очевидно, что основной целью интеграционных процессов является повышение уровня жизни населения. Для достижения этой цели необходимо обеспечить рост ВВП. В ходе осуществления интеграционных процессов требуется формирование четких критериев оценки того, что получит государство от присоединения к тому или иному интеграционному формированию или сотрудничества с ними. В первую очередь надо оценить, насколько этот шаг способствует повышению уровня безопасности страны, в частности экономической безопасности, насколько и каким образом интеграция способствует росту ВВП, улучшению его структуры, решению проблемы дефицита роста экспорта и торгового баланса, также необходимо уделять особое внимание вопросу, насколько эта интеграция способствует решению проблемы занятости¹. В интеграционном процессе надо комплексно оценить и положительные, и отрицательные стороны интеграции, реальные возможности влияния, правила интеграции и рычаги контроля их осуществления.

Армения, как и большинство постсоветских стран, пытается вести многовекторную внешнюю политику. Это объясняется сложной геополитической ситуацией в стране, в первую очередь, неурегулированностью карабахской проблемы и об-

ширной географией армянской диаспоры. Экономическими причинами многовекторности являются ограниченность внутреннего рынка, перегрузка трудовых ресурсов при дефиците капитала и технологий. В результате Армения существенно зависит от внешних рынков сбыта своей продукции и внешнего спроса на ее трудовые ресурсы. В то же время страна не может в полной мере использовать огромный рынок СНГ из-за транспортной блокады и высоких транспортных расходов на транзит через Грузию и Иран.

Перед Арменией стоит важнейший вопрос выбора направления интеграции. С одной стороны – ЕС со своими предложениями, изложенными в Ассоциативном соглашении, которое страна, как ожидалось, должна была парафировать в конце 2013 г., с другой стороны – ЕАЭС, членом которого уже является страна.

В ЕС сформированы четкие требования, которые строго должны осуществить новые члены этого формирования. Требования, связанные с рынком товаров и услуг, были оформлены первыми членами ЕС, которые в основном соответствуют этим критериям. В результате европейский рынок, в частности рынок готовой продукции, давно уже разделен, что означает, что «завоевание» места на этом рынке для новых членов – огромная проблема, если не сказать, что почти невозможно. Новые члены также не могут повлиять на европейскую политику, поскольку практически на все важные решения, например на решения Европейского парламента, влияют крупные страны ЕС.

Не секрет, что вектор развития экономики диктуется не договорами, а экономической выгодой. Например, Грузия, которая подписала Ассоциативное соглашение с ЕС, в США и в Германию экспортирует 5 % своей продукции, а Армения соответственно 11 %², поэтому нельзя сказать, что с точки зрения

1 ЕС начинает переговоры о зоне свободной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediamax.am/am/news/foreignpolicy/4159/> (дата обращения: 10.07.2015). – С. 28–42.

2 ЕС начинает переговоры о зоне свободной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediamax.am/am/>

экономического роста соглашение дает Грузии дополнительные возможности. Одновременно с ослаблением российских ограничений экспорт грузинских товаров в СНГ в 2013 г. вырос на 17 %³. Вышесказанное доказывает теорию, что экономическую выгоду предопределяет вектор экспорта экономики.

Армения является активным участником программы Восточного партнерства, принимала активное участие в процессе подписания соглашения свободной торговли и Ассоциативного соглашения. В рамках Восточного партнерства многостороннее сотрудничество осуществляется на четырех разных тематических платформах:

- демократия, эффективное управление и стабильность;
- экономическая интеграция и соответствие политике ЕС;
- энергетическая безопасность;
- общение.

Ассоциативное соглашение должно было заменить Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. На выбор Армении влияют геополитическое состояние страны, зависимость от России в таких сферах, как безопасность, энергетика, связь, что и ограничило перспективы сотрудничества с ЕС. Но, как уже сказали, Армения не может отставать от мировых интеграционных процессов, и, по словам президента С. Саргсяна, страна должна развивать сотрудничество с ЕС по следующим направлениям:

- развитие демократических институтов;
- улучшение судебной системы;
- стимулирование прав человека и верховенство закона;
- эффективное управление;
- борьба с коррупцией и т.д.

Важно отметить также, что еще 16 марта 2015 г. на заседании комитета Евранеста министр иностранных дел Армении отметил, что окончательная форма сотрудничества РА – ЕС еще на этапе окончательного обсуждения⁴, что свидетельствует о намерении Армении продолжать развивать активное сотрудничество с ЕС, несмотря на политический выбор страны.

Что касается членства Армении в ЕАЭС, то если бы Армения не подписала соглашение о присоединении к нему, реальные экономические отношения не могли оставаться неизменными. В случае неподписания Армения могла столкнуться с рядом проблем – повышением цен на энергоносители, ростом цен на газ до \$400 за 1000 куб. м.³, а ЕС не обещал компенсацию, с ростом цен на товары стратегического значения, возможными изменениями таможенных пошлин на экспортируемые в страны ЕАЭС товары, с сокращением трансфертов из России, и, что самое важное, сокращением прямых инвестиций из евразийских стран.

ЕС в рамках разных программ может предоставлять кредиты и некоторые гранты, но от них пользы намного меньше, чем от прямых инвестиций. ЕС заинтересован в цветных металлах и может снять таможенные пошлины на данный вид сырья, но их цена составляет около \$30 млн и не может компенсировать сокращения прямых инвестиций и изменения цен на энергоносители. Выгода Армении от снижения цены на газ с 270 до 189\$ составляет около 140\$ млн. Это наглядным

образом показывает, что присоединение к ЕАЭС было жизненной необходимостью для Армении.

Процесс интеграции Армении с Таможенным союзом показывает, что данное решение стало возможным в контексте зависимости от России в ряде экономических вопросов и в сфере безопасности. Такая зависимость является последствием политического предпочтения Армении, когда политическое руководство страны предпочло краткосрочные выгоды и предоставляло России объекты страны стратегического значения.

Евразийский союз для Армении решает ряд вопросов, которые связаны с проблемами страны. Это безработица и связанная с ней трудовая миграция, огромный дефицит бюджета, закрытые границы с двух сторон и самая важная проблема – проблема безопасности. Членство в ЕАЭС предоставляет огромные возможности, это рост экспорта готовой продукции, возможность роста прямых инвестиций, дешевые энергоносители, и, наконец, обеспечивающий безопасность товары и средства, которые предоставляются значительно дешевле мировых цен.

Таким образом, выгода интеграционных процессов с ЕАЭС – рост прямых инвестиций и низкая цена на импорт, будут способствовать росту экспорта, развитию предпринимательства, сокращению безработицы, улучшению социального состояния населения.

Необходимо уточнить основную проблему – по какому сценарию интеграция будет развиваться. Первый вариант предусматривает решение проблем, связанных с торговым балансом, развитие местного производства, улучшение социальной сферы и т.д. Второй сценарий направлен в основном на развитие ограниченного числа сфер внутреннего рынка, таких как строительство, рынок недвижимости, розничной торговли за счет трансфертов, грантов, кредитов. Интеграция Армении со странами Евразийского союза дает возможность развиваться по первому сценарию. Этот сценарий важен, так как очевидно неуравновешенное состояние сфер экономики, где преобладают сферы, обслуживающие внутренний рынок. В ВВП Армении сфера строительства, торговли, транспорта и услуг составляет около 60%. Сокращение кредитов и трансфертов грозит сокращением данных сфер. И если бы Армения не стала членом Евразийского союза, трудно было бы избежать второго сценария. Армения, избрав направление развития экспорта, получает ряд стратегических возможностей:

- быстрый рост ВВП;
- выравнивание цен на энергоносители;
- прямые инвестиции в сферах, направленных на экспорт;
- вход без ограничений в огромный и защищенный евразийский рынок;
- осуществление дорожных/железнодорожных программ даст возможность увеличения товарооборота, что будет способствовать повышению роли страны как транзитного государства.

Таким образом, при выборе основного интеграционного вектора перед Арменией стоял вопрос не о том, что более выгодно для страны, а о том, без чего страна не может существовать, по крайней мере, при нынешних внешнеэкономических факторах. Важен и тот факт, что Армения становится полноправным членом Евразийского союза в начале его формирования. Это будет способствовать соответствию законов и правил во всех сферах экономики, что повысит доверие инвесторов. В дальнейшем экономическая интеграция обеспечит повышение заработной платы и процента занятости.

news/foreignpolicy/4159/ (дата обращения: 10.07.2015).

3 Тавадян А. Реальные возможности интеграционных процессов. 13.10.2014. Научный журнал «21-й век». – 2014. – № 5. – С. 5–25 /на армянском/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12941 (дата обращения: 10.07.2015).

4 Торговый оборот Грузии со странами СНГ вырос на 17%. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.georgians.ru/news.asp?idnews=138999> (дата обращения: 10.07.2015).

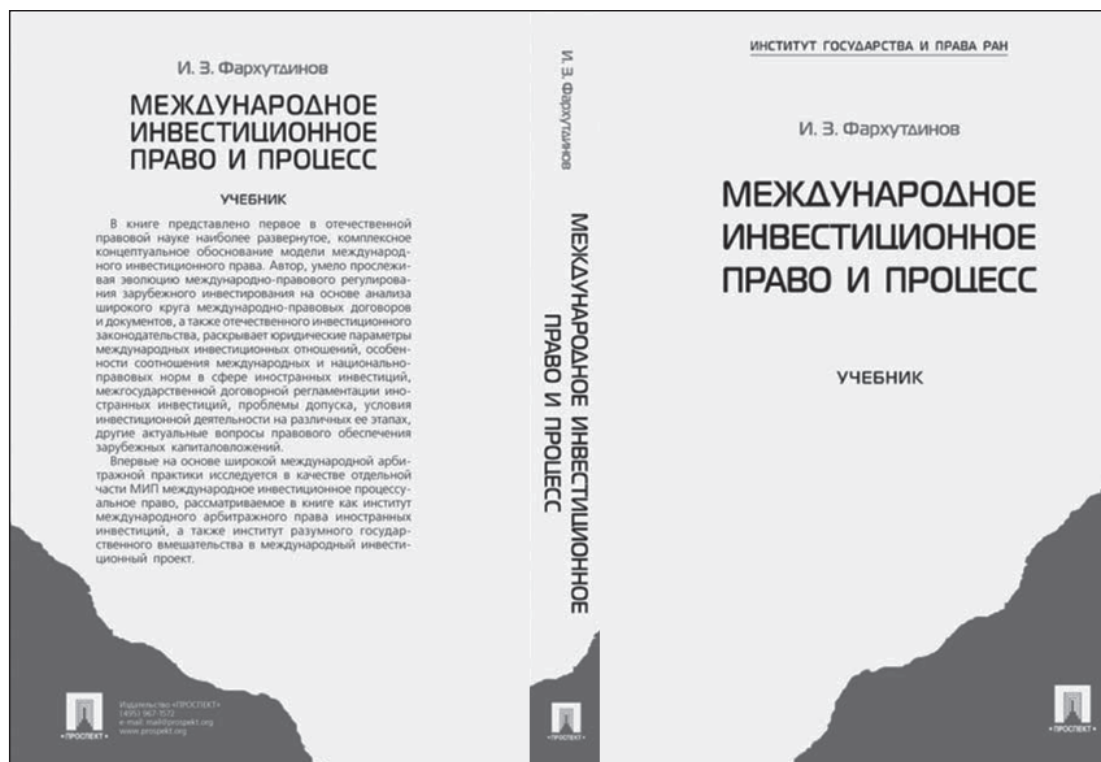
Интеграционные процессы Армении с Евразийским союзом имеют ряд структурных преимуществ, которые повышают возможности стабильного развития.

Таким образом, основными интеграционными векторами Армении являются европейский вектор и вектор Евразийского экономического союза. Армения политическое предпочтение отдала последнему, но это отнюдь не свидетельствует о том, что страна разрывает связи с ЕС. Вопрос сейчас заключается в том, как совместить эти важнейшие интеграционные процессы и в какой степени они могут пересекаться. По словам одного из известных армянских политологов, «для Армении принцип “и-и” – не формальность, а жизненная необходимость идти дальше по принципу максимально возможного совмещения этих двух направлений развития»⁵.

Внешняя политика Армении в отношении и ЕС, и ЕАЭС включает явные несоответствия, которые являются последствием системных проблем. Для преодоления таких проблем необходимо укрепление национальных и институциональных возможностей, планирование и осуществление краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной стратегии государственного развития.

Пристатейный библиографический список

1. Документ «Ассоциативное соглашение» необязателен, но сотрудничать с ЕС Армения должна [Электронный ресурс] / ИА REGNUM. Ереван, 17 мая 2014 г. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1802886.html> (дата обращения: 10.07.2015).
2. ЕС начинает переговоры о зоне свободной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediamax.am/am/news/foreignpolicy/4159/> (дата обращения: 10.07.2015).
3. Тавадян А. Интеграционные приоритеты Армении: взгляд из Еревана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2014_02/Prioritet_tavd.pdf (дата обращения: 10.07.2015).
4. Тавадян А. Реальные возможности интеграционных процессов. 13.10.2014. Научный журнал «21-й век». – 2014. – № 5 /на армянском/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12941 (дата обращения: 10.07.2015).
5. Торговый оборот Грузии со странами СНГ вырос на 17% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.georgians.ru/news.asp?idnews=138999> (дата обращения: 10.07.2015).
6. Armenia to combine EU and EEU integration processes. 17.03.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediamax.am/en/news/politics/13529/> (дата обращения: 10.07.2015).
7. Mkrtchyan A. Armenia's Integration into the Customs Union – Prospects for Regional Cooperation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regional-dialogue.com> (дата обращения: 10.07.2015).

Щербаков А. С.

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье изложен обзор миграционной концепции этнической истории части Евразийского континента. Выделены основные континентальные миграции этнокультурных общностей на разных этапах истории. Отмечается взаимосвязь этнических миграций и интеграционных процессов.

Ключевые слова: Евразия, интеграция, этнос и история, миграция.

Shcherbakov A. S.

ETHNO-HISTORICAL FOUNDATION OF THE EURASIAN INTEGRATION

The article describes an overview of the migration concept of the ethnic history of the Eurasian continent, the basic continental migrations of ethnic and cultural communities at different stages of history. The author notes the relationship of ethnic migration and integration processes.

Keywords: Eurasia, integration, ethnicity and history, migration.

Щербаков А. С.

Тема евразийской интеграции в самых разных её аспектах (экономических, культурных, геополитических) является в наши дни актуальной и обсуждаемой. Свое распространение она получила в последнее десятилетие XX в., после распада СССР, когда в 1994 г. президентом Казахстана Н. Назарбаевым был предложен проект Евразийского союза в составе пяти государств – республик бывшего СССР: России, Казахстана, Белоруссии, Киргизии, Таджикистана. В перспективе, по мнению автора проекта, в него могли войти и другие государства. Основой такой интеграции представлялось общее прошлое, сложившиеся хозяйственно-экономические и культурные связи.

В XX в. впервые о необходимости создания Евразийского союза писали в 20-х – 30-х гг. классические евразийцы: Н. С. Трубецкой¹, П. Н. Савицкий². Им это виделось как поэтапное превращение Советского Союза в Евразийский Союз, путем смены коммунистической идеологии на евразийскую. Подобный детализированный проект «Союза Советских Социалистических Республик Европы и Азии – Европейско-Азиатского Союза» был предложен академиком А. Д. Сахаровым в конце 1980-х гг.

Таким образом, истоки современной идеи евразийской интеграции лежат в представлениях о былых общих исторических судьбах в границах одного государства.

Между тем, у евразийской интеграции имеются хронологически более ранние основания. Они заключены в самом прошлом того континентального пространства, на котором расположены государства – участники евразийской интеграции. Это обширное «разбегающееся» пространство еще в работах классиков евразийства получило название «Северная Евразия». На протяжении многих столетий эта территория была зоной формирования, развития и взаимодействия различных этнических, культурных и потестарно-политических общностей, не раз создававших крупные государственные объединения, которые, хоть и кратковременно, объединяли данную территорию.

В качестве одного из главных факторов этногенетических процессов на евразийском континенте выступают массовые миграции – великие переселения, сыгравшие определяющую роль в формировании сложного этнического, культурного и религиозного мира Евразии. Эти миграции всякий раз существенным образом видоизменяли этнографическую карту региона, являясь катализатором активных этнических процессов. Наиболее полно их реконструкция представлена выдающимся отечественным этнографом Р. Г. Кузеевым и является следствием его методологических подходов к той фундаментальной проблеме, которую он сформулировал для себя еще в начале своей научной деятельности и к решению которой приступил только в конце 1980-х гг. – когда накопил информацию и опыт. Эта проблема заключалась в осмыслении роли этноса в истории.

«Проблема, которую обобщенно назовем “этнос и история”, нуждается в фундаментальных исследованиях, как теоретических, так и конкретно-исторических», – писал он в одной из последних своих работ. При этом этнос для Р. Г. Кузеева – это не статика, а процесс, и только отталкиваясь от постоянной динамики параметров культуры можно понять его суть. При этом этничность осмысливается и реализует себя только в контексте с другими этносами и именно в этом Р. Г. Кузеев видит роль этноса в истории: «Этнические (этнокультурные, этнополитические) процессы постоянны, бесконечны; они развиваются не только (и не столько) в рамках отдельного этноса, а в ходе взаимодействия между несколькими или многими народами <...> Основным объектом этнополитических и этнокультурных процессов является не этнос, а исторически сложившееся и организованное пространство (историко-культурный регион, государство, часть суверенного государства...), на котором разворачиваются контакты и взаимодействия народов»³.

Этот вывод – результат масштабной реконструкции этнических процессов в Урало-Поволжье на протяжении нескольких тысячелетий. Скрупулезный и пристальный «этногенетический взгляд» на этническую историю Волго-Уральского историко-культурного региона был представлен Р. Г. Кузеевым в его известной монографии, до сих пор остающейся под-

1 Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003 и др. работы.

2 Савицкий П. Н. Евразийская концепция русской истории // Классика геополитики, XX век: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. Он же. Географические и геополитические основы евразийства // Там же и др. работы.

3 Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 11–50.

линным научным бестселлером⁴. Впоследствии, опираясь на эти взгляды и под воздействием возродившейся в 1990-е годы евразийской доктрины, Р. Г. Кузеев сосредоточился на теоретическом обобщении ранее начатых изысканий и выстроил свою теорию этнической истории Северной Евразии⁵, выделив около десятка великих миграций⁶.

Первым из поддающихся этнологическому анализу миграционных потоков является распад уральской культурно-языковой общности на западную (финно-угорскую) и восточную (самодийскую) ветви. В III тыс. до н.э. начинается движение финских племен на север (к берегам Белого моря) и на запад по лесной и лесостепной зонам Восточной Европы и завершается во II тыс. до н.э. в пределах Прибалтики.

В ходе этой миграции образуются ареалы расселения финских племен: западно-финский, где сложились впоследствии прибалтийско-скандинавские народы (финны-суоми, эстонцы, карелы, ливы, ижоры, лопари) и центральный, где в средневековье обитали финские этносы (меря, мурома, возможно, мешера, мордва и, возможно, буртасы). Эти народы впоследствии отчасти ассимилировались в составе русского этноса, отчасти тюркизировались (мешера), отчасти дали начало новым финским народам, которых мы видим на современной карте региона. Угорские племена в основном оставались на Среднем Урале и в Зауралье. Отсюда угры, начиная с конца II тыс. до н.э., продвигаются к югу, в степи, вплоть до Приаралья. Позднее угорские племена вошли в тесный контакт с кочевниками из Центральной Азии и сыграли крупную роль в истории великих миграций в Евразии.

Таким образом, движение древних прафиннов, праугров и их потомков к рубежу II–I тыс. до н.э. изменило этническую карту северной лесной полосы Евразии. Финно-угорские племена и древние народы образовали одну обширную историко-культурную провинцию, включившую территорию между Сибирью и Балтийским морем.

Вторая великая миграция начинается в I тыс. до н.э. активизацией племен савроматской языковой группы индоевропейской семьи. В лесостепных и степных зонах Восточной Европы и Центральной Азии они образуют крупные очаги расселения. Это скифы (в Причерноморье), савроматы (в приуральско-поволжских степях), саки (на территории Казахстана и восточного Туркестана), массагеты (в Приаралье).

Сарматы с III в. до н.э. по IV в. н.э. освоили значительную территорию от р. Тобол до Дуная. При этом основной зоной расселения сарматов был Волго-Уральский регион. Индоиранское присутствие здесь «было настолько очевидным, длительным и ярким, что многие исследователи усматривают влияние индоиранского субстрата на культуру, антропологический тип и язык народов региона. Именно с этим связывают они некоторые мотивы «пермского звериного стиля» в искусстве прикамских финно-угорских народов, светлый европеоидный тип в составе мордвы, татар и башкир, возможно – особенно фонетического строя башкирского языка»⁷.

Третья, четвертая и пятая миграции были тюркскими. Начинается это движение во II в. н.э. с появления ранних тюрков в Восточной Европе, что связано с созданием Гуннской империи. По мере экспансии гуннов на запад с ним присоединялось кочевое население степей, «в том числе многочисленные и воинственные угры-савиры, захваченные движением гуннов в Западной Сибири, в Мугоджарах и в Приаралье». Как известно, гуннская конница во главе с Атиллой в начале 70-х годов IV в. н.э. достигла Дуная и римской провинции Паннония.

Последствия этих миграций видны в культуре всех современных народов Поволжья и Южного Урала. В то же время в составе Волжской Булгарии уже в момент ее формирования были компоненты тюрков, язык которых обладал особенностями «новых» тюркских языков – печенегов, огузов, кипчаков.

Вектор последующих, четвертой и пятой миграций, направлен с востока на Запад. Это волны экспансии печенегов (IX в.) и огузов, или торков (X в.), которые также достигли Карпатских гор и вышли на Дунай в Трансильванию (современные Венгрия, Румыния). На путях своего движения печенеги и огузы-торки оказали заметное влияние на этнокультурное развитие населения Северного Кавказа, Крыма, южнорусских степей. Особенно тесным и длительным было взаимодействие печенегов и торков с Киевской Русью. Военные походы друг против друга и битвы сменялись брачными обменами, «куначеством», торговлей.

Часть печенежско-огузских племен в это же время (IX – XI вв.) продвинулась в Среднее Поволжье. Здесь они смешались с местным болгарским и финским населением, особенно в городах, «в которых, видимо, уже в X в. сформировался близкий к современным тюркским языкам печенежско-огузско-кипчакский язык, известный в Киеве как “булгарский”». Двумя потоками с запада и юго-востока печенеги и огузы проникли в Предуралье и в южное – степное Зауралье, где оказали заметное влияние на культуру, язык башкир и активизировали освоение последними всей территории Южного Урала.

В ходе описываемого великого волнообразного, с наплывами и откатами, движения тюрков, реализовалась еще одна, не столь масштабная, но значительная по последствиям для этнической истории Европы, миграция угров. Они, как уже отмечалось, задолго до X в. в составе гуннов, позже (VI в. н.э.), аваров (обров), достигали берегов Дуная. В IX в. часть угорских (мадьярских) племен расположилась в Волго-Уральском регионе.

Особое место в средневековых миграциях занимают кипчаки – тюркские племена центральноазиатского происхождения, кочевавшие в древности в предгорьях Алтая, по верхнему и среднему течению Иртыша. На рубеже VIII – IX вв. кипчаки достигли Сыр-Дарьи, Приаралья. Здесь они в союзе с карлуками (предками узбеков) вступили в противоборство с огузами, печенегами, башкирами («башджардами»). С этим событием был связан уход печенегов сначала в Прикаспий и на Северный Кавказ, затем, как уже упомянуто, далее на запад. Вслед за ними по тому же пути двинулась в Европу часть огузов.

Что касается кипчаков, мощь их союза росла, и на рубеже XI–XII вв. они стремительно двинулись на запад. Пройдя в начале XII в. через Северный Кавказ, Причерноморье, Крым, южнорусские степи, Закарпатье они превратили евразийскую степь от Дуная до Сыр-Дарьи и далее до Алтая в свое кочевое государство – Дешт-и-Кипчак. На всем этом пространстве кипчаки оставили свой след: островки кипчакского населения, кипчакское этнокультурное степное влияние, кипчакские курганские захоронения и даже особый физический тип населения. К кипчакским в составе алтайской общности (с теми или

4 Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992.

5 Подробнее об этом: Якупов Р. И. Как осмысливалась этническая история Евразии (памяти Р.Г. Кузеева) // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 2. – С. 110–129.

6 Кузеев Р. Г. Башкортостан в Волго-Уральском историко-культурном регионе // Этности и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа, 2000. – С. 21–62. Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 15–26.

7 Кузеев Р. Г. Народы Башкортостана: история, современность, взгляд в будущее // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2002. – С. 11–50.

иными региональными особенностями) относятся языки башкирский и татарский (булгаро-кипчакская, или северо-западная, группа); кумыкский, балкарский, карачаевский, континентальный – крымский, караимский (южная, или кавказо-крымская, группа), казахский, каракалпакский, ногайский (восточная группа). И это лишь самый осязаемый результат кипчакского влияния на культуру современных народов.

Наиболее известной нам из курса отечественной истории является монгольская великая миграция. Ее привычно называют «татаро-монгольской», хотя она к татарам прямого отношения не имеет. Осмысливая последствия этой миграции, мы до сего дня не всегда адекватно трактуем события, связанные с монгольской экспансией в Европу. В результате монгольских походов на обширном пространстве степной и лесостепной Евразии возникла Золотая Орда – государство, в котором правили монголы-чингизиды, а население было тюркским. Золотая Орда фактически стала этнической и этнокультурной наследницей Кипчакской конфедерации. Монголы и монгольские родо-племенные группы, участвовавшие в походах, по свидетельству источников, вскоре «сами стали точно как кипчаки». Правда, они старались, видимо, строго следить за наследными правами золотоордынской – монгольской элиты. В то же время важно подчеркнуть, что Золотая Орда консолидировала в своей истории политический, социальный, хозяйственный и военный опыт многих тюркских и монгольских племен и народов.

Следующей великой миграцией следует назвать восточно-славянскую. Многовековое движение финно-угров и тюрков на запад сменяется в XVI в. обратным движением славян русских на восток. Началом этого процесса становится сперва окончательное подчинение Московскому царству северских земель, затем спорадическое продвижение его границ к Среднему Уралу и освоение правобережья Волги. Но главным толчком к активному продвижению становится покорение Казанского ханства, а затем Сибирского, Астраханского и т.д. Дальнейшие события и их этнокультурные последствия широко известны. Славянская миграция развивалась не только на восток, но и в Прибалтику и Скандинавию, в Крым, на Кавказ и в Среднюю Азию. В результате сложилась Российская империя, вновь, в который уже раз, замкнувшая в себе народы континентальной Евразии.

Таким образом, осмысливается этническая история в разрезе 4–5 тысячелетий. И это история великих миграций, которые «сотрясали» Евразию, «накладываясь одна на другую». Еще раз напомним, наиболее крупные из них – уральская (финно-угорская), индоиранская, гуннская, печенежская, огузская, угро-мадьярская, кипчакская, монгольская, восточно-славянская. На фоне названных, великих, были миграции и более мелкие, но и они имели свои локальные следствия.

Миграционная концепция этнической истории Северной Евразии наглядно иллюстрирует общее историческое и этнокультурное прошлое народов, населяющих современные государства, расположенные на этой территории. Она имеет важное методологическое значение для исторических изысканий или интерпретаций, а также является весомой доктриной противодействия всем идеологизированным, националистическим и прочим теориям, выдвигаемым как бы от истории или от этнологии. А также не только им, но и всем попыткам экспортировать в одни историко-культурные зоны опыт других, развивавшихся по иным сценариям.

Безусловно, в наши дни наряду с этническим фактором существуют и другие условия. Например, учитывая направленность экономики России, важное геополитическое зна-

чение приобретает топливно-энергетический комплекс⁸ и, в частности, его транспортно-трубопроводная составляющая. Поддержание политической и социальной стабильности на всем протяжении магистралей трубопроводов является необходимым условием поставки энергоресурсов. Следовательно, интеграция на обширном континентальном пространстве может обуславливаться в том числе и интересами потребителей энергоресурсов.

Кроме того, современное значение этнического фактора, как интегрирующего, представляется неоднозначным. В XX в. направление и динамика этнических процессов как в нашей стране, так и во многих других государствах мира заметно изменились. Под влиянием общемировых процессов, в частности: индустриализации, урбанизации, секуляризации общественного сознания и др. происходило изменение традиционной системы жизнеобеспечения многих этносов, размывались и исчезали многие элементы этнической культуры, активнее происходили межэтнические контакты и ассимиляционные процессы.

В таких условиях могут изменяться сами механизмы формирования и функционирования этничности. Известны случаи, когда этничность, как свойство этноса, может сохраняться и бытийствовать даже при полной утрате всех критериев. Более того, уровень развития средств коммуникаций, быстрая распространяемость больших объемов информации делает возможным даже формирование этничности.

В наши дни основным фактором, способствующим этому, является глобализация, ставшая в последней трети XX в. экономической, политической и культурной доминантой мирового развития⁹.

Основные составляющие процесса глобализации имеют своим результатом ослабление связей гражданина со своим государством. Одним из них является этнопространство – «ландшафты личностей», повышение мобильных этнических фактора и выплеск миграционных потоков на глобальный уровень. Другим таким «потоком» выступает идеологическое пространство – создание идеологий и контридеологий, рождающихся из встречи западных ценностей и «периферийных» культур, возрождение религиозного фундаментализма, рост национализма, усиление роли «панидеологических» потоков, распространение в мировом масштабе определенных стандартов поведения, образа жизни, потребления, досуга; формирование идеологии глобализма, стремящейся обосновать неизбежность происходящих изменений, их позитивный характер, а также обеспечить согласие общественного мнения и активное участие самых широких социальных и политических сил в формировании нового мирового порядка.

В этих условиях трансформируется само понятие «национальный (государственный) суверенитет», происходит утрата чувства идентичности, формирование ее в ином качестве – корпоративной, региональной, этнонациональной и даже космополитической. Так, например, утверждается, что госу-

8 См. об этом: Бахтизин Р. Н., Верещагин А. С., Фурман А. Б. Битва за нефть. — Уфа, 2003; Бахтизин Р. Н., Верещагин А. С., Кийко М. Ю. Нефтяной фактор в российской государственной политике. — Уфа, 2007; Бахтизин Р. Н., Верещагин А. С., Зайнетдинов Э. А. Нефть: история и политика. — Уфа, 2014; Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. *Persona Grata*. Значение нефтегазовой политики России для глобальной экономики. Интервью с Рамилем Назифовичем Бахтизиным, Президентом Академии наук Республики Башкортостан, и.о. ректора Уфимского государственного нефтяного технического университета // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11. — С. 8—11.

9 Геополитика / Под ред. А. С. Тургаева. — СПб., 2007.

дарства уже не могут требовать к себе прежней лояльности: готовность умереть за общее дело чаще наблюдается в среде этнических или религиозных общностей, чем среди обычных граждан в обычном государстве.

Как следствие этого, идентификация, особенно в критические моменты, нередко идет по одному, наиболее очевидно-му основанию, например, этническому или религиозному¹⁰.

Действительно, пока мы наблюдаем не формирование новых глобальных идентичностей, не замещение и преодоление этничности «наднационализмом», а явную актуализацию этничности и плюс к этому усиление регионализма. Весьма показателен тот факт, что за 50 лет интенсивной европейской интеграции все еще не сложилось достаточно условий для того, чтобы можно было говорить об общеевропейской культуре или общеевропейской идентичности, хотя элементы и того, и другого, безусловно, существуют.

Глобализация приводит также к политической активизации малых народов и этнических групп, усиливает их стремление к превращению в реальных политических акторов на национальной политической сцене и в международных акторов. Это стремление нашло свое отражение в создании Организации Непредставленных Народов, которая ставит своей целью поддержку усилий коренных и местных народов, направленных на автономию и признание своих законных экономических и политических прав.

В итоге напрашивается вывод о том, что глобализация оказывает сильное воздействие на современную эволюцию этносов в коммуникативном отношении; при этом необходимо учитывать, что глобализация является локальным и дифференцирующим явлением в не меньшей степени, чем всемирным и гомогенизирующим; воздействие глобализации на этнические общности проявляется в своего рода размывании национального государства и в этнизации политики¹¹; в определенном смысле глобализация – это этнизация.

Таким образом, в условиях глобализации этничность, как фактор и вариант формирования идентичности, не только сохраняется, но и показывает потенциал к мобилизации¹². Очевидными рисками в такой ситуации могут стать всплески национализма, создание идеологий и квазинаучных концепций особого положения («исторического пути») тех или иных этнических общностей с претензией на их исключительность, сопровождающиеся, как правило, фальсификациями истории. Воспрепятствовать этому может грамотный, трезвый и взвешенный взгляд на этноисторическое прошлое континента, являющегося общей родиной многих современных народов и государств.

Пристатейный библиографический список

1. Бахтизин Р. Н., Верещагин А. С., Фурман А. Б. Битва за нефть. — Уфа, 2003.
2. Бахтизин Р. Н., Верещагин А. С., Кийко М. Ю. Нефтяной фактор в российской государственной политике. — Уфа, 2007.
3. Бахтизин Р. Н., Верещагин А. С., Зайнетдинов Э. А. Нефть: история и политика. — Уфа, 2014.
4. Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Persona Grata. Значение нефтегазовой политики России для глобальной экономики. Интервью с Рамилем Назифовичем Бахтизиным, Президентом Академии наук Республики Башкортостан, и.о. ректора Уфимского государственного нефтяного технического университета // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11.
5. Геополитика / Под ред. А. С. Тургаева. — СПб., 2007.
6. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. — М.: Наука, 1992.
7. Кузеев Р. Г. Башкортостан в Волго-Уральском историко-культурном регионе // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. — Уфа, 2000.
8. Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. — Уфа: Гилем, 2002.
9. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Классика геополитики, XX век: Сб. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
10. Савицкий П. Н. Евразийская концепция русской истории // Классика геополитики, XX век: Сб. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
11. Тишков В. А. Этнология и политика. — М.: Наука, 2005.
12. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век: Сб. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
13. Шабаев Ю. П. Этничность в процессе социальных изменений // Социально-политический журнал. — 1996. — № 3.
14. Шабаев Ю. П., Чагилов В. Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. — М., 1999.
15. Щербаков А. С. Этничность в условиях глобализации: проблемы интерпретации // Евразийский регион в глобальной архитектуре современного мира. Материалы межвузовских научно-практических конференций. — СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2012.
16. Якупов Р. И. Как осмысливалась этническая история Евразии (памяти Р. Г. Кузеева) // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 2.

10 Шабаев Ю. П. Этничность в процессе социальных изменений // Социально-политический журнал. — 1996. — №3. — С. 43–51.
Шабаев Ю. П., Чагилов В. Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. — М., 1999.

11 Тишков В. А. Этнология и политика. — М.: Наука, 2005. — С. 166–177.

12 Щербаков А. С. Этничность в условиях глобализации: проблемы интерпретации // Евразийский регион в глобальной архитектуре современного мира. Материалы межвузовских научно-практических конференций. — СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2012. — С. 241–248.

Бекашев К. А., Бекашев Д. К.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ЗАПРЕТА НА ВЕДЕНИЕ ДРИФТЕРНОГО
ПРОМЫСЛА АНАДРОМНЫХ ВИДОВ РЫБ

В статье рассматриваются резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о запрете дрифтерного промысла, положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., других международных договоров о статусе анадромных видов и их промысле. Анализируется законодательство о запрете дрифтерного промысла ряда государств, в том числе Российской Федерации. Разработаны рекомендации по дальнейшему развитию промысла анадромных видов и сохранению сотрудничества России с другими государствами.

Ключевые слова: Генеральная Ассамблея ООН, дрифтерный промысел, международные договоры, законодательство государств, сотрудничество Российской Федерации с Японией по промыслу анадромных видов.

Bekyashev K. A., Bekyashev D. K.
INTERNATIONAL LEGAL AND NATIONAL ASPECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S
PROHIBITION ON DRIFTNET FISHING OF ANADROMOUS FISH SPECIES

The article explores the resolutions of General Assembly of the United Nations about banning driftnet fishing, statements of United Nations Convention on the Law of the Sea 1982, other international agreements about status and fishery of anadromous species. Legislation on prohibition of driftnet fishing of a number of countries including Russian Federation is analyzed. Recommendations for further development of anadromous species fishery and preserving cooperation between Russia and other states are proposed.

Keywords: General Assembly of the United Nations, driftnet fishing, international agreements; national legislation; cooperation between Russia and Japan on fisheries of anadromous species.

I. Общие положения

В результате поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. Россия потеряла право на монопольное распоряжение в своих водах рыбными ресурсами и вынуждена была допустить японских рыбаков к промыслу анадромных видов в прибрежных водах России. Они расставляли морские стационарные неводы, которые в настоящее время стали называться дрифтерными сетями (или «ловушками»). Для регулирования иностранного промысла анадромных видов генерал-губернатор Приморского края утвердил в то время Правила рыболовства.

Анадромные виды рыб – виды, воспроизводящиеся в море и проводящие большую часть своего жизненного цикла во внутренних водах или в территориальном море соответствующего государства и возвращающиеся через некоторое время в места своего рождения. К таким рыбам относятся горбуша, кета, нерка, кижуч, чавыча, сима и стальноголовый лосось (радужная форель).

Дрифтерный промысел сетями большого размера – это метод рыбной ловли при помощи сети или соединения сетей, удерживаемых в более или менее вертикальном положении поплавками и грузами, цель которых заключается в добыче рыбы на путях миграции путем дрейфа по поверхности или в погруженном состоянии.

Дрифтерный промысел позволяет отлавливать разреженные скопления рыб на огромных акваториях Мирового океана. Эта возможность резко возросла после появления полимерных безузелковых сетематериалов – дешевых, прочных и хорошо удерживающих добычу¹.

1 Подробнее о биологических организационных и правовых вопросах дрифтерного промысла см.: Алексеев И. Краткая история российского дрифтерного промысла; Зиланов В. К. О дрифтерном промысле и управлении запасами дальневосточных лососей с пристрастием, но без гнева // Рыбное хозяйство. – 2008. – № 6. – С. 32–38; Курмазов А. А., Цыгир В. В. Правовое регулирова-

Бекашев К. А.

Бекашев Д. К.

Тысячи рыболовных судов применяют пелагические дрифтерные сети большого размера в водах Тихого, Атлантического и Индийского океанов и в других районах открытого моря Мирового океана.

Дрифтерный промысел является крайне хищническим и опустошительным методом промысла, который по всеобщему признанию создает угрозу эффективному сохранению живых морских ресурсов, таких как далеко мигрирующие и анадромные виды рыб, птицы и морские млекопитающие.

В настоящее время дрифтерный промысел анадромных видов ведется в прибрежных водах США, Японии, Канады, России и ряда других стран. Однако, в отличие от российского промысла в Японии, США и Канаде вся добытая рыба доставляется в порты своих государств для внутреннего потребления. При дрифтерном лове судами под российским флагом продукция после таможенного оформления доставляется в Японию. Как правило, на их борту находятся японские консультанты, которые руководят обработкой лососей в целях соответствия качества продукции требованиям японского рынка.

В исключительной экономической зоне Российской Федерации жаберными дрифтерными сетями изымается около 10 % общего допустимого улова (ОДУ) лососевых рыб, а в других странах (США, Канаде – около 35 % ОДУ).

ние промысла тихоокеанских лососей // Морское право и практика. – 2006. – № 3. – С. 11–26; Caddell R. Caught in the net: driftnet fishing restrictions and the European court of justice // Journal of Environmental Law. – 2010. – Vol. 22. – № 2. – P. 301–314; Caddell R. The prohibition on driftnet fishing in European Community waters: problems, progress and prospects // Journal of International Maritime Law. – 2007. – Vol. 13. – № 4. – P. 265–288.

На Дальнем Востоке этим видом промысла занимаются 35 японских и 16 российских судов. Они перекрывают до 1,6 тыс. км моря на путях подхода лосося на нерест.

Достоинства и недостатки дрейферного промысла более 20 лет активно обсуждаются в ООН, ФАО и других международных организациях. В специальной литературе высказаны мнения за продолжение этого промысла или его безоговорочном запрете.

По мнению С. А. Синякова, «дрейферный лов в настоящее время не может рассматриваться в числе угроз воспроизводству российских лососей как по причине незначительных масштабов в сравнении с общим выловом, так и по причине того, что его объем и режим изъятия поддаются эффективно управлению и всегда могут быть приведены в соответствие с состоянием запасов»². Данный автор полагает, что дрейферный промысел анадромных видов является полноправным экономическим элементом российского рыболовства.

«Существование отдельного сегмента дрейферной продукции на лососевом рынке – это факт, и было бы неправильно потерять российскую долю и наши возможности в этом сегменте», – считает С. А. Синяков³.

Крупнейший российский специалист по анадромным видам рыб О. Ф. Гриценко считает, что морской дрейферный промысел лососей является «традиционным эффективным способом добычи, дающим ценную товарную продукцию, пользующуюся большим рыночным спросом. Если его вести по правилам, то по своему негативному воздействию на окружающую среду он не отличается в худшую сторону от других способов лова и других видов хозяйственной деятельности человека. Формирование общественного мнения против дрейферного промысла обусловлено противоречивыми экономическими интересами различных стран и используется для ограничения деятельности конкурентов»⁴. Данный тезис О. Ф. Гриценко резюмирует так: дрейферный промысел сам по себе ни хорош, ни плох. Это профессиональный инструмент рыбака, нужный ему в определенных случаях для достижения определенных целей. Как топор плотнику. Все зависит от того, кто и как этот инструмент применяет. Для дрейферного промысла, как и для всякого другого, нужны меры ограничения и контроля, равно как при использовании топора необходимо соблюдение техники безопасности⁵.

II. Генеральная Ассамблея ООН, другие форумы о дрейферном промысле

Генеральная Ассамблея ООН многократно одобряла резолюции, касающиеся лова рыбы пелагическими дрейферными сетями большого размера и его последствия для живых морских ресурсов. В последние несколько лет она ежегодно одобряла резолюции со стандартным названием: «Масштабный пелагический дрейферный промысел, неразрешенный промысел в зонах национальной юрисдикции и в открытом море, промысловый прилов и выброс рыбы и прочие события». Наиболее содержательными являются резолюции 44/225 от 22 декабря 1989 г., 46/215 от 20 января 1991 г., 49/116 и 49/118 от 19 декабря 1994 г., 50/25 от 5 декабря 1995 г., 51/36 от 9 декабря 1996 г., 52/29 от 26 ноября 1997 г., 53/33 от 24 ноября 1998 г., 55/8 от 30 октября 2000 г., 55/8 от 30 октября 2000 г., 57/142 от 12 декабря 2002 г.

2 Синяков С. А. Дрейферный лов тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне Российской Федерации: биологические, экономические и нормативно-правовые аспекты // Рыбное хозяйство. – 2008. – № 1. – С. 19.

3 Там же. – С. 22.

4 Гриценко О. Ф. О дрейферном промысле лососей без гнева и пристрастия // Рыбное хозяйство. – 2005. – № 1. – С. 40.

5 Там же. – С. 42.

В резолюции 44/225 от 22 декабря 1989 г. отмечается, что многие страны встревожены расширением применения пелагических дрейферных сетей большого размера, общая длина которых может достигать или превышать 30 миль (55,5 км).

Генеральная Ассамблея ООН призвала всех, кто занимается ловлей рыбы пелагическими дрейферными сетями большого размера, в полной мере сотрудничать с международным сообществом, и особенно с прибрежными государствами и соответствующими международными и региональными организациями, в расширении сбора статистически достоверных научных данных и обмене ими в целях дальнейшей оценки последствий таких методов лова рыбы и обеспечения сохранения живых морских ресурсов.

Генеральная Ассамблея рекомендовала государствам – членам ООН ввести мораторий на любой лов рыбы пелагическими дрейферными сетями большого размера в открытом море, к 30 июня 1992 г., при том понимании, что такая мера не будет введена в каком-либо регионе или, в случае ее осуществления, может быть отменена, если будут приняты эффективные меры по сохранению и управлению на основе статистически достоверного анализа, проведенного совместно с соответствующими членами международного сообщества, заинтересованными в промысле рыбных ресурсов в этом регионе, в целях предоставления неприемлемого воздействия такой политики лова рыбы на этот регион и обеспечения, сохранения живых ресурсов этого региона.

В соответствии с этой резолюцией государства обязаны принять незамедлительные меры для поэтапного сокращения деятельности по лову рыбы пелагическими дрейферными сетями большого размера в тихоокеанском регионе в целях прекращения такой деятельности к 1 июля 1991 г. в качестве промежуточной меры до тех пор, пока заинтересованные стороны не достигнут соответствующих договоренностей о сохранении ресурсов длинноперого тунца и управлении ими в южной части Тихого океана.

Генеральная Ассамблея потребовала прекращения дальнейшего расширения лова рыбы пелагическими дрейферными сетями большого размера в открытых водах северной части Тихого океана и во всех других районах открытого моря за пределами Тихого океана.

В резолюции Генеральной Ассамблеи 46/215, принятой 20 декабря 1991 г., признается, что мораторий на лов пелагическими дрейферными сетями большого размера необходим, несмотря на то, что это будет иметь неблагоприятные социально-экономические последствия для общин, занимающихся ловом рыбы пелагическими дрейферными сетями в открытом море.

Генеральная Ассамблея ООН призвала государства начиная с 1 января 1992 г. сократить масштабы ведущегося лова рыбы пелагическими дрейферными сетями большого размера в открытом море путем, в частности, уменьшения числа ведущих лов рыбы судов, длины сетей и района промысла, с тем, чтобы достичь к 30 июля 1992 г. 50-процентного сокращения рыболовного усилия.

Государствам было рекомендовано обеспечить осуществление к 31 декабря 1992 г. глобального моратория на весь лов рыбы пелагическими дрейферными сетями большого размера в открытых водах Мирового океана, включая закрытые и полузакрытые моря. В морских районах, находящихся под национальной юрисдикцией государств, использование дрейферных сетей должно быть лицензировано.

В резолюции Генеральной Ассамблеи 55/8 от 20 октября 2000 г. отмечается, что хотя в целом число сообщений о случаях масштабного пелагического дрейферного промысла в большинстве акваторий Мирового океана заметно сократилось, в некоторых районах масштабный пелагический дрейферный

промысел по-прежнему представляет угрозу для морских живых ресурсов.

В резолюции Генеральной Ассамблеи 57/142 от 12 декабря 2002 г. с удовлетворением отмечалась сохраняющаяся малочисленность сообщений о фактах масштабного пелагического дрейферного промысла в большинстве акваторий Мирового океана.

Главный орган ООН выразил неизменную заинтересованность в усилиях по обеспечению того, чтобы осуществление резолюции 46/215 в одних районах мира не приводило к переносу дрейферному промыслу, противоречащего этой резолюции, в другие районы мира.

Согласно правилам ЕС № 345/92 от 27 февраля 1992 г. и № 894/97 от 29 апреля 1997 г. с 1992 г. хранение на борту или использование дрейферных сетей, общая длина которых более 2,5 км, запрещено в европейских водах и за пределами вод ЕС.

С 2002 г. ЕС запретил использование дрейферных сетей вне зависимости от их длины при промысле отдельных пелагических видов рыб. С 2008 г. запрещено ведение дрейферного промысла в Балтийском море, в проливах Большой и Малый Бельты и проливе Зунд, а также не разрешается хранение дрейферных сетей на борту судов. В случае если не ведется специализированный промысел в Балтийском море, в Бельтах или в проливе Зунд, разрешается хранение на борту малых дрейферных сетей, если: а) их общая длина не превышает 2,5 км; б) они не используются для промысла в отношении видов, перечисленных в приложении 8 к Регламенту № 894/97; в) когда виды, перечисленные в приложении 8, попали в дрейферные сети, не могут быть выгружены на берег.

Таким образом, ЕС запретил применение всех дрейферных сетей, вне зависимости от их размеров, если они используются для ловли пелагических видов, а также тунцов, акул, копченонос, рыбы-меч и других видов, указанных в приложении VII Правил ЕС 1239/98.

Государства – члены Организации восточно-карибских государств (ОВКГ) 24 ноября 1989 г. одобрили Декларацию, в которой выразили озабоченность в связи с ущербом, наносимым морской среде дрейферными сетями и другими орудиями неизбирательного лова в морях и океанах. Государства – члены ОВКГ убеждены в том, что «любое распространение применения этих неразумных, безответственных и разрушительных методов рыболовства в акватории района ОВКГ может иметь необратимые последствия для характера и запасов живых морских ресурсов района».

Авторы указанной Декларации отмечают, что «неизбирательное использование рыболовных орудий, будь то в открытом море или в исключительной экономической зоне прибрежного государства, несовместимо с правовыми положениями, провозглашенными в Конвенции ООН по морскому праву».

Государства – члены ОВКГ должны стремиться к установлению «такого регионального режима регулирования и использования пелагических ресурсов в районе Малых Антильских островов, при котором запрещалось бы законом использование дрейферных сетей и других разрушительных методов рыболовства коммерческими рыболовными судами». Декларация призывает другие государства к сотрудничеству в этой области в данном регионе. В качестве промежуточного шага все государства – члены ОВКГ примут все возможные меры по предотвращению использования неизбирательных методов рыболовства в своих исключительных экономических зонах.

III. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. и другие международно-правовые договоры и договоренности о дрейферном промысле.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) не содержит специальных статей о правовом

режиме использования дрейферных сетей. Для нее этот вопрос является частным, производным. Однако статьи 63, 64, 87, 116–119 Конвенции 1982 г. имеют непосредственное отношение к режиму промысла живых ресурсов Мирового океана. Согласно ст. 63 этой Конвенции в случае, когда один и тот же запас или запасы ассоциированных видов встречаются в исключительных экономических зонах двух или более прибрежных государств, а также в районе открытого моря, прибрежное государство и государства, ведущие промысел таких запасов, должны стремиться прямо или через региональные организации согласовать меры, необходимые для сохранения этих запасов.

Примерно такая же диспозиция изложена в ст. 64 Конвенции 1982 г. относительно промысла далекомигрирующих видов рыб.

В ст. 87 Конвенции 1982 г. закреплен принцип свободы открытого моря и его важнейший элемент – свобода рыболовства. Но она должна осуществляться с учетом условий, закрепленных в других международных договорах (в т.ч. в части запрета дрейферного промысла).

Согласно ст. 116 этой Конвенции все государства имеют право на то, чтобы их граждане занимались рыболовством в открытом море при условии соблюдения: а) их договорных обязательств; б) прав и обязанностей, а также интересов прибрежных государств; в) положений раздела 2 части VII Конвенции 1982 г.

Все государства обязаны принимать такие меры или сотрудничать с другими государствами в принятии в отношении своих граждан таких мер, которые окажутся необходимыми для сохранения живых ресурсов открытого моря.

Конвенция 1982 г. уделяет значительное внимание вопросам сохранения живых ресурсов открытого моря. Согласно ст. 118 государства обязаны сотрудничать в сохранении живых ресурсов и управлении ими. В ст. 119 перечислены меры по сохранению живых ресурсов. В частности, они должны принимать во внимание воздействие на виды, ассоциированные с вылавливаемыми видами или зависящие от них, в целях поддержания или восстановления популяций таких ассоциированных или зависящих видов выше уровней, при которых их воспроизводство может быть подвергнуто серьезной опасности.

Практика показывает, что дрейферный промысел часто мешает поддержанию популяции анадромных рыб на оптимальном уровне или подвергает их серьезной опасности.

Ряд положений Соглашения об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов далекомигрирующих рыб и управления ими 1995 г. (далее – Соглашение 1995 г.) имеют прямое отношение к анадромным видам. В частности, государства должны охранять биологическое разнообразие морской среды, а также принимать во внимание интересы рыбаков, занимающихся кустарным и натуральным промыслом.

Как известно, прибрежные рыбаки занимаются промыслом анадромных видов, и многокилометровые дрейферные сети, расположенные в исключительной экономической зоне, значительно подрывают запасы этих ценных видов рыб.

Помимо общих международных договоров государства подписали ряд специальных актов, направленных на запрещение дрейферного промысла.

На 20-й сессии Южно-Тихоокеанского форума в г. Тарава (Кирибати) 11 июля 1989 г. государства – члены одобрили Таравскую декларацию. В ней подчеркивается, что использование дрейферных сетей в Южной части Тихого океана для ловли длинноперого тунца (альбакора) не совместимо с требованиями, предъявляемыми международным правом к сохранению и рациональному использованию морских живых

ресурсов и принципам по охране окружающей среды. В этой связи ради нынешнего и будущего поколений населения Тихоокеанских островов следует запретить в данном регионе использование дрейфтерных сетей. Данный запрет мог бы стать первым шагом к полному запрету такого вида промысла. В целях охраны морских живых ресурсов государства Южно-Тихоокеанского форума должны разработать и заключить конвенцию, устанавливающую районы, свободные от дрейфтерного промысла. До подписания такой конвенции государства должны предпринять необходимые меры по запрещению дрейфтерного промысла в своих водах. Кроме того, государства должны проводить жесткую позицию в региональных организациях по запрету применения дрейфтерных сетей.

В Таравской декларации содержится призыв к Республике Корея, Японии и Тайваню к прекращению дрейфтерного промысла в Южной части Тихого океана.

Таравская Декларация явилась первым международно-правовым документом, в котором заинтересованные стороны выразили обеспокоенность по поводу использования этого пагубного с экологической и экономической точки зрения способа рыболовства.

Таравская декларация в октябре 1989 г. была одобрена совещанием глав государств – членов Южной части Тихого океана.

В соответствии с содержащимися в Таравской декларации рекомендациями, 24 ноября 1989 г. в г. Веллингтоне была подписана Конвенция о запрещении промысла длинными дрейфтерными сетями в южной части Тихого океана. В преамбуле этой конвенции отмечается, что дрейфтерные сети наносят ущерб тунцовым ресурсам, окружающей среде и экономике государств южной части Тихого океана, а также судоходству в этом регионе. Но наибольший ущерб этот вид промысла наносит рыбным ресурсам.

В ст. 1 Соглашения дано описание конвенционного района и приведено следующее определение дрейфтерных сетей – это жаберная или другая сеть или комбинация сетей, длина которых составляет более 2,5 км, цель которых состоит в том, чтобы запутать, завлечь рыбу путем дрейфинга на поверхности воды или в толще воды.

Дрейфтерный промысел, согласно ст. 1 Конвенции, означает следующее: а) лов, изъятие или сбор морских живых ресурсов с использованием дрейфтерных сетей; б) попытка лова, изъятия и сбора рыб с использованием дрейфтерных сетей; в) вовлечение в любую другую деятельность, которая обосновано может быть результатом изъятия или сбора морских живых ресурсов с использованием дрейфтерных сетей; г) любые действия, направленные на поддержку такой деятельности, включая применение электронного оборудования, радиомаяков, самолетов, вертолетов; д) перевозка рыбопродукции наземным или морским транспортом.

Согласно ст. 2 Конвенции каждая сторона обязуется запретить своим гражданам и судам, зарегистрированным в соответствии с законодательством, заниматься дрейфтерным промыслом в указанном Конвенцией районе.

Каждая сторона обязуется: а) не помогать и не поощрять использование дрейфтерных сетей в конвенционном районе; б) принимать, в соответствии с международным правом, меры по отражению дрейфтерного промысла в конвенционном районе, включая, но не ограничиваясь запрещением дрейфтерных сетей в находящихся под их юрисдикцией морских районах и запрещая перевалки рыбопродукции, полученной в результате дрейфтерного промысла.

Каждая сторона может также принимать, в соответствии с международным правом, меры по запрещению на своей территории: а) выгрузки уловов, полученных в результате дрейфтерного промысла, а также их переработки; импорта любой рыбы, выловленной с помощью дрейфтерных сетей; наличия

дрейфтерных сетей на борту любого рыболовного судна, зарегистрированного на территории государства – участника Конвенции.

Государства – участники вправе принимать и иные более строгие меры, чем они определены в ст. 3 Конвенции.

Каждое государство – участник Конвенции обязано оперативно направлять в Южно-Тихоокеанский форум информацию о принятых мерах по имплементации Конвенции, а также любую информацию о дрейфтерном промысле и итогах научных исследований о воздействии такого промысла в Конвенционном районе.

Все государства – участники Конвенции, а также государства, не участвующие в ней, должны сотрудничать в целях содействия эффективному осуществлению ее целей.

Конвенция о сохранении лосося в северной части Атлантического океана от 2 марта 1982 г. (Россия участвует в ней с 1984 г.) запрещает любой вид промысла лосося за пределами районов юрисдикции прибрежных государств в области рыболовства, т.е. за пределами 200-мильных исключительных экономических зон.

Согласно ст. III Конвенции о сохранении запасов анадромных видов в северной части Тихого океана от 11 февраля 1992 г. (Россия участвует в ней с 1992 г.) запрещается в открытом море промысел анадромных видов. Конвенция запрещает также удержание на борту рыболовного судна анадромных видов, добытых в качестве случайного изъятия при промысловой деятельности, направленной на неанадромные виды рыбы. Промысел неанадромных видов должен осуществляться в такое время, в таких районах и таким образом, чтобы в максимальной степени свести к минимуму случайное изъятие анадромных видов, с тем, чтобы снизить такое случайное изъятие до несущественных уровней.

Как правило, на сессиях Комиссии по анадромным рыбам северной части Тихого океана (НПАФК) отмечается, что благодаря усилиям неконтролирующих органов пока не допускается незаконный дрейфтерный промысел в Конвенционном районе. Однако угроза ведения такого промысла существует и Комиссия рекомендует государствам-членам предпринимать эффективные меры по недопущению незаконного, несообщаемого и нерегулируемого (ННН) промысла анадромных видов рыб⁶.

IV. Двусторонние соглашения Российской Федерации по вопросам дрейфтерного промысла

Принципиальные положения относительно правового статуса анадромных видов рыб содержатся в Соглашении между правительствами СССР и США о взаимных отношениях в области рыболовства от 31 мая 1988 г.

Согласно ст. VII данного Соглашения в интересах сохранения анадромных видов и рационального управления ими обе стороны признают принципы, в соответствии с которыми промысел анадромных видов рыб не должен осуществляться за пределами исключительной экономической зоны или аналогичной ей зоны.

Обе стороны сотрудничают в соответствии со своими международными обязательствами в целях обмена информацией и, в надлежащих случаях, принятия мер в отношении промысла анадромных видов рыб, образующихся в водах каждой из сторон, гражданами и судами третьих государств в районах за пределами исключительной экономической зоны или аналогичной ей зоны и содействия иным образом сохранению этих видов.

В данном Соглашении закреплён принцип запрета промысла анадромных видов в открытом море гражданскими

6 См.: Ким О. И. Комиссия по анадромным рыбам северной части Тихого океана: правовой статус и основные направления деятельности // Морское право и практика. – 2008. – № 3(19). – С. 25–26.

судами обоих государств, а также препятствование промыслу гражданами и судами других государств.

Соглашение не затрагивает промысла анадромных видов в исключительных экономических зонах двух стран.

Правительства СССР и Японии 12 мая 1985 г. заключили Соглашение о сотрудничестве в области рыбного хозяйства. В ст. III данного акта закреплены следующие принципиальные положения относительно промысла анадромных видов гражданскими судами каждой из стран.

Во-первых, стороны признают, что государство происхождения запасов анадромных видов обеспечивает их сохранение путем принятия соответствующих мер по регулированию промысла этих запасов во всех водах к берегу от внешних границ своей 200-мильной зоны и промысла этих запасов за пределами 200-мильной зоны.

Во-вторых, Стороны признают, что государство происхождения может после консультации с государством, ведущим промысел запасов анадромных видов, образующихся в его реках за пределами 200-мильных исключительных зон на основе соглашения с ним, и с ведущим промысел этих запасов государством, в воды или через воды к берегу от внешних границ 200-мильной исключительной экономической зоны которого мигрируют такие запасы, и которое сотрудничает с государством происхождения в сохранении и управлении такими запасами, устанавливать общий объем допустимых уловов в отношении таких запасов.

В-третьих, Стороны признают, что промысел запасов анадромных видов ведется только в водах к берегу от внешних границ 200-мильных исключительных экономических зон, кроме случаев, когда это положение может привести к нарушениям в экономике какого-либо государства, иного, чем государство происхождения. В отношении такого промысла запасов анадромных видов, образующихся в реках СССР, за пределами 200-мильных исключительных экономических зон в северо-западной части Тихого океана, стороны проводят консультации с целью достижения договоренности о порядке и условиях такого промысла Японии с должным учетом требований, касающихся сохранения этих видов, и потребности в них России.

В-четвертых, Российская Федерация должна принимать во внимание обычный улов и метод ведения Японией промысла запасов анадромных видов и вне районов, в которых ведется такой промысел. Япония пользуется особым вниманием со стороны России в отношении промысла этих запасов.

В-пятых, стороны признают, что обеспечение выполнения правил, касающихся запасов анадромных видов, за пределами 200-мильных исключительных экономических зон осуществляется на основе соглашения между государствами происхождения и другими заинтересованными государствами.

В-шестых, обеспечение выполнения правил, касающихся запасов анадромных видов, образующихся в реках Российской Федерации, за пределами 200-мильных исключительных экономических зон в северо-западной части Тихого океана осуществляется на основе договоренности между Россией и Японией в соответствии со следующими положениями: а) свидетели, дающие японским рыболовным судам на основе положений данного Соглашения разрешение на ведение промысла запасов анадромных видов за пределами 200-мильных экономических зон в северо-западной части Тихого океана, выдаются компетентными органами Японии. Эти компетентные органы незамедлительно уведомляют компетентные органы России о названиях и характеристиках рыболовных судов, которым выданы эти свидетельства, о номерах этих свидетельств, а также о других необходимых данных; б) должным образом уполномоченное должностное лицо Российской Федерации (т.е. инспекторы Пограничной службы ФСБ России) должно подняться на борт японского рыболовного судна, ведущего промысел анадромных видов, для осмотра оборудо-

вания, трюмов, судовых журналов и иных документов, улова и других предметов, а также для опроса членов экипажа; в) если японское рыболовное судно действительно ведет промысел в нарушение относящихся к нему договоренностей, или если имеются достаточные основания полагать, что это рыболовное судно действительно вело такой промысел до того, как указанное должностное лицо России поднялось на борт судна, оно может задержать это рыболовное судно. В этом случае Российская Федерация должна как можно скорее сообщить японским уполномоченным органам о задержании такого рыболовного судна, передать на месте задержания это рыболовное судно вместе с его экипажем, если только между сторонами не будет согласован вопрос о передаче этого судна иначе; г) компетенция производить судебное разбирательство по делам, возникающим в связи с нарушением японскими рыболовными судами относящихся к ним договоренностей, а также подвергать виновных лиц наказанию принадлежит исключительно надлежащим властям Японии; д) Япония уведомляет Россию о мерах, принятых властями Японии по нарушению японскими судами относящихся к ним договоренностей; е) японская сторона примет соответствующие меры к тому, чтобы должным образом уполномоченное должностное лицо Российской Федерации имело возможность беспрепятственно подниматься на борт японского рыболовного судна, и чтобы во время его пребывания на борту члены экипажа этого рыболовного судна оказывали ему содействие в проведении инспекции, включая принятие мер по обеспечению устранения вскрытых в результате инспекции нарушений; ж) компетентные органы Японии направляют компетентным органам России по согласованным каналам и в согласованные сроки информацию о ходе использования Японией установленного объема вылова запасов анадромных видов.

Согласно ст. IV Соглашения Российская Федерация и Япония в надлежащих случаях должны сотрудничать в сохранении и управлении живыми ресурсами за пределами 200-мильных исключительных зон в северо-западной части Тихого океана, в которых они имеют общую заинтересованность, учитывая при этом имеющиеся наиболее достоверные научные данные.

Для достижения целей Соглашения 1985 г. стороны создали Смешанную комиссию по рыбному хозяйству. На своих ежегодных сессиях стороны обмениваются информацией о промысле японскими рыболовными судами лососей, образующихся в реках России за соответствующий год; обсуждают вопросы, связанные с лососями в северо-западной части Тихого океана; с предотвращением рыболовной деятельности судами третьих стран в отношении запасов лососей, образующихся в реках одной из сторон, за пределами 200-мильных зон в северо-западной части Тихого океана.

На этих сессиях утверждаются объемы японского промысла лососей российского происхождения в 200-мильных исключительных экономических зонах Российской Федерации и Японии. Например, на 31-й сессии Смешанной комиссии по рыбному хозяйству, состоявшейся 16–24 марта 2015 г. в г. Москве, были одобрены следующие объемы: в зоне России – 2050 т., в зоне Японии – 2050 т.⁷

V. Законодательство зарубежных государств о дрейфтерном промысле

Наиболее подробные нормы о запрете ярусного промысла содержатся в Законе Магнусона-Стивенса о рыболовстве 1996 г. (США). Раздел 206, посвященный крупномасштабному лову дрейфтерными сетями, дополняет положения Акта о контроле и оценке влияния лова дрейфтерными сетями 1987 г.

7 См.: Протокол тридцать первой сессии российско-японской смешанной комиссии по рыбному хозяйству. Приказ Росрыболовства № 495 от 24 июня 2015 г.

Данный Закон содержит определение крупномасштабного дрейферного промысла. Это понятие означает «метод ведения промысла, при котором в воду помещается жаберная сеть, состоящая из полосы или полос сетевого полотна или из группы таких сетей общей длиной 2,5 или более километра, дрейфующая по течению с целью запутывания рыбы в сетевом полотне». По данному Закону «судно, занимающееся крупномасштабным дрейферным промыслом», означает судно, которое: а) используется, оборудовано с целью использования, или судно такого типа, которое обычно используется для крупномасштабного дрейферного промысла; или б) используется для оказания помощи одному или большому количеству судов на море в ведении крупномасштабного дрейферного промысла, включая подготовку, поставку, хранение, охлаждение, транспортировку или обработку рыбы.

В соответствии с Законом Магнусона-Стивенса 1996 г. длительное крупномасштабное использование длинных дрейферных сетей за пределами исключительной экономической зоны любого государства является деструктивным и представляет угрозу для живых ресурсов Мирового океана, включая, но не ограничиваясь северной и южной частями Тихого океана и Берингова моря.

Использование крупных дрейферных сетей имеет место в других районах Мирового океана, включая Атлантический океан и Карибское море. США обязуются соблюдать мораторий на дрейферный промысел, объявленный в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 44/225 от 22 декабря 1989 г. США поддерживают Таравскую декларацию 1989 г. и обеспечат постоянный запрет на применение деструктивных методов рыбного промысла, в особенности длинных дрейферных сетей, в районах за пределами исключительной экономической зоны любого государства. Береговая охрана США должна обеспечить соблюдение международных соглашений с целью незамедлительного проведения в жизнь решений, политики и положений данного Закона Магнусона-Стивенса, в особенности в отношении международного запрета на лов длинными дрейферными сетями.

Закон о рыболовстве Австралии 1951 г. запрещает дрейферный промысел австралийскими гражданами, компаниями, зарегистрированными в Австралии, и австралийскими судами в австралийской рыболовной зоне и за пределами этой зоны.

В Новой Зеландии с 1991 г. действует закон о запрещении дрейферного промысла и имплементации Веллингтонской конвенции 1989 г. В разделе 3 дано определение дрейферного промысла. В соответствии с этим законом запрещен дрейферный промысел в новозеландской рыболовной зоне и в районе действия Веллингтонской конвенции 1989 г. Судам запрещено иметь на борту дрейферные сети, перевозить или разгружать рыбопродукцию, полученную в результате дрейферного лова. Разделы 8–11 запрещают: а) разгружать или обрабатывать рыбу, полученную в результате дрейферного промысла; б) посещать иностранные суда, имеющие на борту дрейферные сети или которые в течение трех месяцев участвовали в дрейферном промысле во внутренних водах Новой Зеландии; в) снабжать суда, занимающиеся дрейферным промыслом.

Президентский декрет Греции № 40 запрещает использование дрейферных сетей в водах, находящихся под юрисдикцией этой страны.

В 1995 г. в Ирландии принят Закон о морском рыболовстве. Он запрещает судам заниматься рыболовством в ирландских водах, если они имеют на борту одну или более дрейферной сети, которые имеют длину 2,5 км. Согласно закону дрейферная сеть означает используемое в промысле плетение, свободно перемещающееся по течению и по ветру.

Закон о рыболовстве Самоа 1999 г. запрещает применение дрейферного промысла во всех водах, над которыми Самоа осуществляет юрисдикцию, и в районе действия Веллингтонской конвенции 1989 г. Ни одно судно под флагом Самоа не должно: а) использоваться для ведения дрейферного промысла или содействовать такому промыслу; б) иметь во владении или на борту дрейферные сети в районе действия Веллингтонской конвенции.

Гражданам Самоа запрещено участвовать или оказывать помощь в ведении дрейферного промысла в районе действия Веллингтонской конвенции 1989 г.

VI. Российское законодательство о дрейферном промысле

Государственная Дума РФ 10 июня 2015 г. приняла ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» № 208 (далее – ФЗ № 208), в соответствии с которым в последний внесена ст. 502 следующего содержания: «В целях обеспечения сохранения анадромных видов рыб на миграционных путях к местам нереста запрещается применение плавных (дрейферных) сетей при осуществлении промышленного рыболовства, рыболовства в научно-исследовательских и контрольных целях и прибрежного рыболовства анадромных видов рыб во внутренних морских водах Российской Федерации, в территориальном море и в исключительной экономической зоне Российской Федерации». Соответствующие изменения внесены и в ч. 4 ст. 57 ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».

Законопроект был внесен в Государственную думу группой сенаторов и депутатов 8 декабря 2014 г., а 10 июня 2015 г. был принят в третьем чтении. Совет Федерации одобрил его 24 июня 2015 г., а Президент России подписал 29 июня 2015 г.

Таким образом, целью принятия данного Федерального закона является сохранение анадромных видов рыб на миграционных путях к местам нереста. Этот закон запрещает применение дрейферных сетей при осуществлении всех видов рыболовства (промышленного рыболовства, рыболовства в научно-исследовательских и контрольных целях и прибрежного рыболовства).

Применение дрейферных сетей запрещается как российским, так и иностранным юридическим лицам и гражданам. Наконец, закон запрещает применение дрейферных сетей во всех водных пространствах Российской Федерации (во внутренних морских водах, территориальном море и исключительной экономической зоне).

Как и следовало ожидать, данный закон получил неоднозначную оценку как в России, так и в других странах.

Президент России В.В. Путин во время встречи с заместителем Министра сельского хозяйства РФ – руководителем Росрыболовства И. В. Шестаковым 20 июня 2015 г. отметил, что дрейферным промыслом японские рыбаки нанесли существенный ущерб анадромным видам, нерестящимся на территории Российской Федерации. Причем ФЗ № 208, указал Президент РФ, «касается не только наших партнеров, это касается всех участников этой производственной деятельности»⁸.

Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко заявила, что дрейферный промысел – это варварский вылов рыбы, который наносит огромный ущерб экосистеме Мирового океана. Данный закон позволит увеличить объемы добычи прибрежным способом, обеспечит новые рабочие места и налоговые поступления, увеличение поставок рыбопродукции на внутренний рынок⁹.

Руководитель Росрыболовства И. В. Шестаков полагает, что дрейферный промысел нес в себе очень серьезный урон, не позволяя лососю в оптимальном режиме доходить до нерестилищ¹⁰.

8 Российская газета. – 2015. – 21 июня.

9 См.: Дрейфер закрыт // Fishnews. – 2015. – № 6 (60). – С. 7.

10 Глава Росрыболовства: вылов лососевых видов рыб в России скоро увеличится [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.>

Однако ряд регионов России весьма отрицательно воспринял принятие норм о запрете применения дрейфтерных сетей. Так, сахалинские предприятия, участники дрейфтерного промысла лососевых, являются добросовестными приобретателями долей квот по итогам аукциона. Ими было уплачено в бюджет порядка 210 млн рублей. Заключенные в результате аукционов договоры с Росрыболовством гарантировали рыбакам доли квот на добычу тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне Российской Федерации до 2020 г. в объеме 600 т. на каждое судно. Кроме того, в результате запрета дрейфтерного промысла за период с 2016 по 2020 гг. бюджет и внебюджетные фонды недополучат 661,6 млн руб. От запрета дрейфтерного промысла в предприятиях Северо-Курильска при досрочном закрытии промысла недополученная выручка составит за 4 года 5 910, 6 млн руб.¹¹

Как отмечает информационное агентство «Fishnews», законодатели, принявшие решение о закрытии дрейфтерного промысла, должны были подумать об альтернативе для людей, которые остаются без работы.

С момента вступления в силу ФЗ № 208 будут ликвидированы 500 постоянных квалифицированных рабочих мест.

Кроме отечественных рыбаков, дрейфтерным промыслом в российской исключительной экономической зоне занимаются японские рыбаки, причем не одно столетие. Еще в середине XIX в. они вели в прибрежных водах России добычу анадромных видов стационарными орудиями.

А. А. Курмазов определил этапы развития японского лососевого промысла в российских водах:

1. Прибрежный, с использованием стационарных орудий лова (1855–1926 гг.), японская сторона получила на него права в силу традиционности до 1905 г. и как контрибуцию страны (России), потерпевший поражение в войне после 1907 г.

2. Прибрежный и дрейфтерный в пределах 50 миль от побережья Камчатки и Северных Курильских островов (1927–1944 гг.) права Японии на промысел были установлены Первой советско-японской рыболовной конвенцией. Россия по-прежнему не получила никаких компенсаций.

3. Крупномасштабный дрейфтерный морской промысел в северо-западной части Тихого океана на значительном удалении от берега (1952–1977 гг.); рамки промысла были установлены Советско-Японской рыболовной комиссией (СЯРК). Российские тихоокеанские лососи получили международно-правовую и национально-правовую защиту.

4. Дрейфтерный промысел в открытой части Тихого океана за пределами 200-мильной экономической зоны России (1978–1991 гг.); Россия получила компенсацию от японских рыбаков за право пользования ее лососевыми ресурсами; велась подготовка к усилению международного контроля промысла анадромных видов.

5. Дрейфтерный промысел в 200-мильной исключительной экономической зоне России (1992 г. по настоящее время). Промысел является полностью платным и контролируемым¹².

После подписания ФЗ № 208 премьер-министр Японии С. Абэ в телефонном разговоре с Президентом России В. В. Путиным попросил разрешения продолжить японским рыбакам дрейфтерный промысел анадромных видов рыб в российской исключительной экономической зоне.

Таким промыслом ежегодно занимается 30–35 японских судов. В 2014 г. японские суда добыли в исключительной экономической зоне 6,4 тыс. т. лососевых видов рыб. Это лишь 2 % от годового вылова японскими рыбаками анадромных видов

в Мировом океане. До Второй мировой войны этот вылов достигал 400 тыс. т., а в 1950 г. – 175 тыс. т. В результате запрета в наших водах дрейфтерного промысла многие рыбаки Хоккайдо могут лишиться работы. Цены на российскую нерку уже выросли вдвое. Эта рыба является торговой маркой Хоккайдо. В целом экономический ущерб для рыбаков Восточного Хоккайдо составит примерно 220 млн долл. 26 июля 2015 г. секция по рыболовству правящей Либерально-демократической партии Японии одобрила резолюцию, требующую продолжения дрейфтерного промысла лососей в российских водах. В этой резолюции указывается, что «промысел лосося в северо-западной части Тихого океана является базовой отраслью промышленности восточного Хоккайдо, и правительство Японии должно сконцентрировать всю силу для воздействия на правительство России (с целью продолжения этого промысла)». В резолюции отмечается, что при самом худшем развитии событий, если дрейфтерный промысел японским рыбакам в российских водах будет запрещен, то правительство должно немедленно приступить к разработке мер оказания всесторонней помощи рыбакам.

Возможность перехода японских рыбаков на другие методы и орудия лова ввиду дороговизны и сроков на официальном уровне пока не рассматривается¹³.

Губернатор Хоккайдо обратилась в правительство Японии с предложением принять все возможные меры по снижению отрицательного воздействия на рыбопромышленников запрета Россией дрейфтерного промысла.

В 2015 г. на XXI сессии Смешанной российско-японской комиссии по рыболовству квота вылова была снижена до 1961 т. (для сравнения: в 1995 – 28 000 т.), что привело к отказу от выхода на промысел 19 судов. Таким образом, в 2015 г. завершилась последняя в истории лососевая путина для японских рыбаков в 200-мильной исключительной экономической зоне Российской Федерации дрейфтерными орудиями лова. Причем завершилась она задержанием 17 июля 2015 г. японского судна «Хоко-мару № 10», на борту которого российские пограничные инспекторы обнаружили лососевых рыб, выловленных с существенным превышением разрешенного объема.

Сложившаяся ситуация вызывает ряд вопросов междунаrodnно-правового характера. Во-первых, вправе ли Россия в одностороннем порядке запретить японским рыбакам дрейфтерный промысел анадромных видов в своей исключительной экономической зоне? Во-вторых, должна ли Российская Федерация компенсировать экономические потери японским рыбакам в результате прекращения ими дрейфтерного промысла? В-третьих, вправе ли Россия или Япония денонсировать Соглашение о сотрудничестве между данными странами в области рыбного хозяйства от 12 мая 1985 г.? Ниже попытаемся ответить на эти вопросы.

Как было отмечено, экологические и экономические факторы обусловили принятие ФЗ № 208. Стоит согласиться с В. И. Матвиенко в том, что дрейфтерный промысел – «это варварский вылов рыбы, который наносит огромный ущерб экосистеме Мирового океана»¹⁴. В результате такого промысла японскими судами, российскими браконьерскими судами и судами других стран традиционные уловы отечественных прибрежных рыбаков ежегодно снижаются. Как было показано выше, ООН, а также многие государства коллективно и индивидуально призывали к запрету дрейфтерного промысла и одобрили международно-правовые и национально-правовые нормы. В России движение за отмену дрейфтерного промысла началось в 2008 г.

Однако запрет дрейфтерного промысла ни в коем случае не является контрмерой против санкций Японии в отношении Российской Федерации. В 2008 г., как известно, «санкционных

fishnet.ru/news/novosti_otrasli/50740.html

11 См. Васильева С. Сенаторы отстаивали интересы нерки и альбатроса. Кто подумает о рыбаках? // Fishnews. – 2015. – № 2 (39). – С. 49.

12 См.: Курмазов А. А. Международно-правовые условия освоения морских биологических ресурсов в Тихом и Индийском океане. В кн.: Мировой океан. Вып. 2. – М. 2001. – С. 27.

13 По материалам представительства Росрыболовства в Японии.

14 См.: Дрейфтер закрыт // Fishnews. – 2015. – № 6 (60). – С. 7.

войн» не было. Россия совершенно справедливо приняла меры по защите своих анадромных рыб, которые образуются на ее территории и согласно ст. 66 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Наша страна в первую очередь заинтересована в таких запасах и несет за них первоочередную ответственность. Россия вправе принять соответствующие меры по регулированию промысла таких видов, включая полный или частичный запрет их промысла.

Что касается обязанности Российской Федерации в отношении компенсации экономических потерь японским рыбакам, то Конвенция 1982 г. не обязывает государства, в реках которых образуются анадромные виды, возмещать иностранным рыбакам потери в результате запрета им промысла анадромных видов в их исключительной экономической зоне. Таких норм нет и в Соглашении от 12 мая 1985 г. Наоборот, государства происхождения анадромных видов вправе потребовать у других государств компенсации за свои расходы по созданию условий для нереста анадромных видов.

Наконец, о возможности денонсации Соглашения от 12 мая 1985 г. в результате принятия ФЗ № 208 создалась ситуация, которая в международном праве классифицируется как коренное изменение обстоятельств (*rebus sic stantibus*). Согласно ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. последствия изменения обстоятельств, которые коренным образом изменяют сферу действия договора, являются основанием от отказа такого договора. В ст. IX Соглашения от 12 мая 1985 г. определены условия о денонсации. Любая сторона вправе за 6 месяцев до истечения срока Соглашения заявить о намерении прекратить его действие.

VII. Некоторые рекомендации по продолжению промысла анадромных видов рыб российскими и японскими рыбопромышленниками

Применение с 1 января 2016 г. ФЗ-208 вызывает следующие вопросы.

1. Совершенен ли ФЗ № 208 в свете практики ведения промысла анадромных видов.

По нашему мнению, этот закон имеет несовершенные положения, которые существенно затрудняют выполнение Договоров о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биоресурсов – тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне Российской Федерации для осуществления промышленного рыболовства (далее – Договор о промысле лососей). Укажем на некоторые из них.

Во-первых, ФЗ № 208 запрещает применение плавных сетей при осуществлении рыболовства во внутренних морских водах, в территориальном море и в исключительной экономической зоне Российской Федерации. Однако плавные сети¹⁵ применяются в бассейнах и устьях рек. Дрифтерные сети не являются плавными сетями. Однако ФЗ № 208 не запрещает применение плавных (дрифтерных) сетей в реках или озерах.

Во-вторых, по смыслу ФЗ № 208 запрещается применение дрифтерных сетей на миграционных путях к местам нереста анадромных видов рыб. По логике в других местах возможен промысел этих видов рыб дрифтерными орудиями лова.

В-третьих, ФЗ № 208 не содержит понятия дрифтерного промысла, сетей и судов, занятых в таком промысле. Его нет в российском законодательстве, учебной и доктринальной литературе. В российской литературе дано лишь общее понятие дрифтерной сети. Например, В. Н. Мельников указывает, что дрифтерная сеть – сетное полотно, посаженное на подборы и оснащенное плавком, а иногда и грузом¹⁶.

15 Плавные сети применяются в речном рыболовстве при наличии широких ровных плесов достаточной протяженности с сравнительно небольшим течением воды. (Подробнее см.: Орудия рыболовства. – М., 1951. – С. 31).

16 См.: Мельников В. Н. Устройство орудий лова и технология добычи рыбы. – М., 1991. – С. 107.

Как было отмечено выше, такие определения даны в Веллингтонской конвенции 1989 г. и в законодательстве США, Новой Зеландии, Самоа и многих других стран.

Закрепление понятия в российском законодательстве необходимо в целях борьбы с ННН промыслом и незаконными приловами.

2. Какие орудия лова могут применять российские и иностранные рыбопромышленники при промысле анадромных видов в исключительной экономической зоне Российской Федерации?

Как показывает мировой опыт, ни одно из существующих орудий лова не способно стать рентабельной альтернативой дрифтеру.

Руководители ряда рыболовных компаний и Ассоциация научно-исследовательских и промысловых организаций по изучению лососей северо-западной части Тихого океана (АДИС) обратились в Росрыболовство и отраслевые НИИ за получением официального разъяснения о наличии апробированного в отечественной или мировой практике вида орудий лова, позволяющего осуществлять рентабельную добычу лососей в 200-мильной российской исключительной экономической зоне.

СахНИРО ответило, что в мировой практике, помимо дрифтерного, известен другой способ ширококомасштабной добычи тихоокеанских лососей в открытом море – это крючковой или ярусный. После второй мировой войны этот способ широко практиковался японскими рыбаками в Северной части Тихого океана, но с начала 90-х годов значительно сократился в связи с вступлением в силу Конвенции ООН по морскому праву 1982г. и осуществлялся лишь в японской 200-мильной исключительной экономической зоне.

В российских водах промышленный лов тихоокеанских лососей крючковой снастью запрещен Правилами рыболовства для Дальневосточного бассейна (п. 18.1). К тому же, по оценке сахалинских ученых, в сравнении с дрифтерным промыслом ярусный лов анадромных убыточен.

Также, по мнению Сахалинского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, не заслуживают рассмотрения в качестве серьезной альтернативы траловый и кошельковый промысел лососей в 200-мильной исключительной экономической зоне. Другие апробированные способы добычи лососей в открытых водах Мирового океана ученым этого института неизвестны.

По данным Тихоокеанского научно-исследовательского рыбохозяйственного центра в начале 90-х годов велись разработки пелагических ловушек как альтернативы дрифтерным сетям. Первые же исследования показали, что при небольшом волнении эти орудия лова запутываются и прекращают облавливать рыб. При этом операции с ними (постановка, выборка, распутывание) весьма трудоемки и продолжительны по времени.

Камчатский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства сообщил, что не располагает сведениями о наличии апробированного и рентабельного вида лова тихоокеанских лососей в 200-мильной исключительной экономической зоне РФ¹⁷.

Таким образом, актуальным является вопрос, каким образом 20 рыбопромышленных компаний будут изымать анадромные виды рыбы лососей, выполнять обязанности по Договору о промысле лососей. Этот проблемой озабочены как наши, так и японские рыбопромышленные компании. Например, ООО «Фрегат» в своем письме на имя руководителя Росрыболовства И. В. Шестакова просит дать «разъяснение по вопросу возможности осуществления освоения долей квот в соответствии с заключенными договорами иными орудиями лова» (письмо от 09.07.15 ФР-1) Руководство ЗАО «Шумшу Ко.

17 По материалам сети Интернет.

Лта» в письме на имя И. В. Шестакова просит сообщить, с использованием каких орудий и какими способами разрешается осуществлять добычу (вылов) разреженных скоплений тихоокеанских скоплений лососей в море (письмо от 07.07.2015 г. № 007/15-02 ФАР).

Посольство Японии в Москве в своем письме, адресованном Росрыболовству от 14 июля 2015 г. по вопросу о применимых орудиях лова, указало на следующее: какие способы лова лососевых видов, помимо дрейферного, можно использовать? Кроме того, посольство Японии хотело бы знать о нормах российского законодательства, разрешающих применять другие виды промысла, например траловый лов, кошельковый лов, ярусный лов, ставной невод, жаберные сети.

В Японии активно обсуждается возможность перехода на промысел анадромных видов рыб в российской 200-мильной зоне без использования дрейферных сетей. По мнению Департамента рыболовства Японии, наиболее вероятной альтернативой дрейферным сетям могут стать ярусные орудия лова или близнецовый траловый промысел. Однако российские правила рыболовства для Дальнего Востока запрещают применение ярусных орудий лова. Проблематичен и промысел близнецовым тралом: для промысла таким тралом необходимы два высокоскоростных мощных судна, что экономически весьма ощутимо.

Япония хотела бы получить у Правительства Российской Федерации разрешение на ведение промысла лососевых траловыми орудиями лова. Причем в исключительной экономической зоне Японии траловый промысел лососевых запрещен. Как показывает практика, такой промысел малопродуктивен, так как лососевые рыбы, в основном, обитают на поверхности воды (на глубине до 10 метров). По заверению Департамента рыболовства Японии, если рыбаки понесут материальные убытки, то будут выделены бюджетные средства для их погашения.

В Японии рассматривается возможность применения кошелькового невода для промысла «российского» лосося. В японской зоне кошельковый промысел не развит, хотя она обладает высокоразвитыми технологиями для промысла кошельком скумбрии, иваси, тунцов, терпуга и даже кальмаров. В японских водах лососей кошельком не ловят, но считают, что освоить его с учетом огромного опыта работы на лососевых объектах не очень сложно. Японские рыбаки, ведущие промысел кошельковыми неводами, хотели бы взамен на техническую помощь получить доступ к ресурсам лосося в российской исключительной экономической зоне для своих судов (своеобразный бартер).

По нашему мнению, в соответствии со сложившейся ситуацией следовало бы п. 18.19 Правил рыболовства для Дальнего Востока изложить в такой редакции: «Запрещается применение в территориальном море Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации при добыче (вылове) тихоокеанских лососей всех орудий и способов добычи (вылова) за исключением: тралов, в том числе близнецовых; кошельковых неводов; поверхностных ловушек; ставных сетей; обметных сетей; лампар».

По мнению Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, альтернативой дрейферному (сетному) способу лова лососевых можно считать сетное каскадное устройство для промысла поверхностных объектов лова. Это устройство включает соединенную между собой крылом в единое орудие лова ловушку. Изобретение относится к области промышленного рыболовства, а именно к устройствам для облова поверхностных видов рыб в прибрежном, морском и океаническом рыболовстве. В 90-х годах были изготовлены опытные образцы данного устройства, проводились морские технические испытания. Но дальнейшего развития это изобретение не получило.

С нашей точки зрения, Росрыболовство должно дополнить Правила рыболовства положением о том, что при промысле тихоокеанских лососей применяются многие орудия лова (кроме дрейферных сетей и крючковой снасти) с соответствующими размерами ячеи. В Дальневосточных морях размеры ячеи в дрейферных сетях составляли 130 мм.

3. Будет ли уменьшена доля промышленной квоты предприятиям – сторонам договора?

Как было отмечено выше, 20 юридических лиц на основании результатов аукциона подписали договоры о промысле лососевых. Согласно этим договорам, заключенным в 2010 г., промышленные квоты распределяются соответствующему юридическому лицу, на каждый календарный год по определенному договору виду биоресурсов – тихоокеанскому лососю и району добычи (вылова) водных биоресурсов, исходя из утвержденных в установленном порядке на этот год соответствующих видов квот и доли, закрепленной за юридическим лицом.

В этих договорах не указано, какими орудиями лова будут выбраны квоты. Они не могут заниматься только дрейферными сетями или другими орудиями лова, запрещенными правилами рыболовства. Проблему выборки квоты должно решать само рыбопромысловое предприятие. Однако возникает вопрос: вся промысловая инфраструктура 20 предприятий по выбору квот добычи тихоокеанских лососей основывалась на дрейферном промысле, который запрещен законом и, естественно, могут возникнуть проблемы с выборкой ими квот, и кто должен возместить реальный материальный ущерб? Как представляется, никто, т.к. ФЗ № 208 вступает в силу с 1 января 2016 г., и рыбопромышленники имеют примерно 6–8 месяцев для выбора орудий лова на 2016 г. и последующие сезоны промысла (до 2020 г.).

4. Вправе ли стороны договора расторгнуть его и на каких условиях?

В каждом из договоров о промысле тихоокеанских лососей имеются положения о порядке прекращения и расторжения договора. Согласно ст. IV договор прекращается в следующих случаях: а) в связи с истечением срока его действия; б) при отказе юридического лица (т.е. рыбопромышленной компании), которому предоставлены в пользование водные биоресурсы, от права на их добычу (вылов); в) в связи с ликвидацией юридического лица или со смертью гражданина, которому было предоставлено право на добычу (вылов) водных биоресурсов; г) в иных случаях, предусмотренных ГК РФ и другими федеральными законами. Договор может быть расторгнут по окончании срока его действия по решению Росрыболовства о принудительном прекращении права на добычу (вылов) водных биоресурсов в случае: а) возникновения необходимости использования водных объектов для государственных нужд; б) если добыча (вылов) водных биоресурсов осуществляется в течение 2 лет подряд в объеме менее 50 % от промышленных и прибрежных квот; в) если юридическое лицо в течение календарного года 2 раза или более нарушило правила рыболовства в результате чего был причинен крупный ущерб водным биоресурсам (в порядке, определенном ст. 53 ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» № 116).

Запрещение использования дрейферных орудий промысла, на наш взгляд, является односторонним отказом от исполнения Российской Федерацией в лице Росрыболовства своих договорных обязательств.

Согласно ст. 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законом. Односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и одностороннее изменение условий такого обязательства допускаются также в случаях, предусмо-

тренных договором, если иное не вытекает из закона или существа обязательства.

Из содержания данной статьи ГК РФ вытекает два вопроса: а) имело ли место со стороны российского законодателя одностороннее изменение условий договора, т.е. запрет дрифтерного промысла; и б) как понимать оговорку «за исключением случаев, предусмотренных законом» применительно к рассматриваемому нами случаю?

В договоре о промысле тихоокеанских лососей не регламентируются типы применяемых орудий лова. Они определены в правилах рыболовства для конкретного бассейна. Например, п. 15.22 Правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна 2013 г. запрещает специализированный промысел тихоокеанских лососей с применением плавных (дрифтерных) сетей и связанных или сшитых из них порядков в исключительной экономической зоне Российской Федерации: Камчатско-Курильской подзоне, Западно-Беринговоморской зоне, Карагинской подзоне, Петропавловско-Командорской подзоне и Северо-Курильской зоне – с 1 октября по 31 мая; в Северо-Охотноморской подзоне – с 16 сентября по 30 июня, в Южно-Курильской зоне – с 1 октября по 30 июня.

В этот период лососевые идут на нерест в реки прибрежных регионов России, и промысел в этих районах запрещен российским и иностранным рыбакам. Следовательно, о таком запрете им заранее было известно и никакого одностороннего изменения условий именно для этого района не было. Но ФЗ № 208 запрещает промысел во всех акваториях внутренних морских вод, территориального моря и исключительной экономической зоны Российской Федерации. Это можно смело считать односторонним изменением условий промысла. Однако ГК РФ предусматривает односторонний отказ от исполнения обязательств и одностороннее изменение его условий, если они предусмотрены законом. В этом случае возникает вопрос: о каком законе идет речь? Вне сомнения, имеется в виду ФЗ № 208. Если бы речь шла о других, ранее принятых законах, то соответствующие условия должны быть учтены в договорах о промысле тихоокеанских лососей. Следовательно, одностороннее изменение условий договора относительно запрета дрифтерного промысла является легитимным. На наш взгляд, Росрыболовство должно предложить предпринимателям подписать приложение к договорам, в котором следует изложить нормы о запрете дрифтерного промысла и о разрешении промысла другими орудиями лова при соответствующих условиях.

5. Каковы перспективы сотрудничества РФ и Японии по вопросам промысла тихоокеанских лососей?

Председатель Совета Федерации РФ В. И. Матвиенко после одобрения ФЗ № 208 отметила заинтересованность России в развитии сотрудничества с Японией и заявила, что Соглашение 1985 г., «разрешающее японским рыбакам вылов рыбы в нашей исключительной экономической зоне, остается в силе, оно не денонсируется... Не уменьшаются квоты вылова для японских рыбаков, только они должны ловить рыбу цивилизованным способом, не нанося вреда морской экосистеме, и в соответствии с международными требованиями строго соблюдать эти правила»¹⁸.

Руководитель Росрыболовства И. В. Шестаков 13 августа 2015 г. также указал на то, что Россия открыта для сотрудничества с Японией в рыбном промысле. Он выразил «поддержку развитию взаимодействия по вопросу о ведении японскими рыболовными судами промысловой деятельности в исключительной экономической зоне РФ»¹⁹.

Как было отмечено выше, квоты, районы промысла японскими рыбаками ежегодно определяются на сессии Смешанной комиссии по рыбному хозяйству. Однако японская сторона должна определить, какими разрешенными в России орудиями лова японские рыбаки будут вести промысел тихоокеанских лососей в 200-мильной российской исключительной экономической зоне.

Согласно ст. 66 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. государства, осуществляющие промысел анадромных видов рыб, должны сотрудничать с государствами происхождения этих видов в осуществлении мер по возобновлению запасов этих видов, в особенности путем участия в расходах на эти цели. Япония за промысел в нашей исключительной экономической зоне ежегодно оплачивает 6–8 млн долларов, а промысел анадромных видов российского происхождения в своей зоне компенсирует путем поставки оборудования на значительную сумму для воспроизводства лососевых на территории Российской Федерации. Следовательно, в соответствии с международным правом Япония должна пользоваться особым вниманием Российской Федерации в отношении промысла тихоокеанских лососей в 200-мильной исключительной экономической зоне, но в рамках российского законодательства.

Постатейный библиографический список

1. Алексеев И. Краткая история российского дрифтерного промысла // Fishnews. – 2010. – 7 июля.
2. Зиланов В. К. О дрифтерном промысле и управлении запасами дальневосточных лососей с пристрастием, но без гнева // Рыбное хозяйство. – 2008. – № 6.
3. Курмазов А. А., Цыгир В. В. Правовое регулирование промысла тихоокеанских лососей // Морское право и практика. – 2006. – №3.
4. Caddell R. Caught in the net: driftnet fishing restrictions and the European court of justice // Journal of Environmental Law. – 2010. – Vol. 22. – № 2.
5. Caddell R. The prohibition on driftnet fishing in European Community waters: problems, progress and prospects // Journal of International Maritime Law. – 2007. – Vol. 13. – № 4.
6. Сияжков С. А. Дрифтерный лов тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне Российской Федерации: биологические, экономические и нормативно-правовые аспекты // Рыбное хозяйство. – 2008. – №1.
7. Гриценко О. Ф. О дрифтерном промысле лососей без гнева и пристрастия // Рыбное хозяйство. – 2005. – № 1.
8. Ким О. И. Комиссия по анадромным рыбакам северной части Тихого океана: правовой статус и основные направления деятельности // Морское право и практика. – 2008. – № 3.
9. Дрифтер закрыт // Fishnews. – 2015. – № 6 (60).
10. Глава Росрыболовства: вылов лососевых видов рыб в России скоро увеличится [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/50740.html
11. Васильева С. Сенаторы отстаивают интересы нерки и альбатроса. Кто подумает о рыбаках? // Fishnews. – 2015. – № 2 (39).
12. Курмазов А. А. Международно-правовые условия освоения морских биологических ресурсов в Тихом и Индийском океане. В кн.: Мировой океан. – Вып. 2. – М., 2001.
13. Орудия рыболовства. – М., 1951.
14. Мельников В. Н. Устройство орудий лова и технология добычи рыбы. – М., 1991.
15. Глава Росрыболовства: Россия открыта для сотрудничества с Японией в рыбном промысле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/2183657>

¹⁸ Дрифтер закрыт // Fish News. – 2015. – № 6 (60). – С. 7.

¹⁹ 15. Глава Росрыболовства: Россия открыта для сотрудничества с Японией в рыбном промысле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/2183657>

Абулехия Бахаа Н. М.

РОЛЬ ЛАГ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Статья посвящена роли ЛАГ в урегулировании палестино-израильского конфликта.

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт, ЛАГ.

Abulehia Bahaa N. M.

THE ROLE OF THE ARAB LEAGUE IN RESOLVING THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT

The article is devoted to the role of the League in resolving the Palestinian-Israeli conflict.

Keywords: The Palestinian-Israeli conflict, Arab League.

Абулехия Бахаа Н. М.

Мирное урегулирование конфликтов является одним из фундаментальных принципов, на которых строится современная международная система¹. Лига арабских государств (ЛАГ, Лига) – это одна из региональных международных организаций, утвердившая в своем Пакте принцип неприменения силы для разрешения споров между двумя или несколькими членами Лиги. Эта норма подтверждена и в Договоре о коллективной обороне и экономическом сотрудничестве, утвержденном Советом ЛАГ в апреле 1950 г. и вступившем в действие в 1952 г. В первой же статье указанного Договора говорится о необходимости поддержания безопасности и стабильности и разрешении конфликтов между странами-участницами мирными средствами². В ст. 5 Пакта ЛАГ запрещается прибегать к силе для урегулирования споров, которые могут возникнуть между двумя государствами – членами Лиги. Эта статья предусматривает только два средства: примирительная процедура (посредничество) и арбитраж. Таким образом, данная статья носит достаточно мягкий характер. Тем не менее, ЛАГ изыскала и иные средства для мирного урегулирования споров³.

Крупнейшей проблемой, стоявшей перед Лигой, была палестинская проблема. Не останавливаясь на ней подробно, мы ограничимся здесь лишь рассмотрением важнейших ее современных этапов, воплотившихся в интифаде 2000 г. и блокаде сектора Газа в 2008 г.

Палестинская интифада началась в сентябре 2000 г., после того как лидер блока «Ликуд» Ариэль Шарон во время президентства Эхуда Барака нарушил неприкосновенность иерусалимской святыни. Тогда израильтяне прибегали к самым

жестоким методам подавления, убивая и пытая палестинцев, всячески угнетая их, разрушая их дома, блокируя палестинские лагеря с целью вынудить палестинцев покинуть их, строя на месте этих лагерей израильские поселения. Однако Лига никак не вмешивалась в конфликт⁴.

В ходе международных переговоров речь шла о создании палестинского государства наряду с Израилем. Арабская и американская общественность требовала перенесения резиденции Организации освобождения Палестины на палестинскую территорию. После провала этих переговоров и начала вооруженного противостояния, а также израильских бомбардировок Палестины, состоялись два арабских саммита:

1) саммит в Аммане 27–28 марта 2001 г.;

2) очередное заседание Совета ЛАГ на высшем уровне в египетском Шарм-эш-Шейхе 1 марта 2003 г.

Однако в резолюциях как саммита, так и Совета ЛАГ⁵ лишь указывалось на стойкость палестинского народа, осуждалась израильская агрессия против народа Палестины и высказывалось недовольство тем, что США заблокировали в Совете Безопасности проект резолюции «О защите палестинского народа на оккупированных палестинских территориях и направлении сил ООН для наблюдения на этих территориях»⁶.

Арабские саммиты не смогли разрешить палестинскую проблему. На них выражалось стремление добиться мирного урегулирования, однако Израиль не шел на это.

Важнейшим шагом в урегулировании затяжного палестино-израильского конфликта стало принятие 28 марта 2002 г. в Бейруте Лигой арабских государств так называемой Арабской мирной инициативы⁷, предложенной королем Саудовской Аравии Абдаллахом ибн Абдель Азизом. Инициатива объявляет, что всеобъемлющий и справедливый мир на Ближнем Востоке является для арабских государств стратегической целью,

1 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. – М: РУДН, 2012.

2 Абд аль-Фаттах Оде. Лига арабских государств и урегулирование конфликтов. – Касабланка, 1977. – С. 58; см. также: Галеб аль-Утайби. Лига арабских государств и урегулирование межарабских конфликтов. – Эр-Рияд, 2010. – С. 38.

3 Статья 5 Пакта ЛАГ, где говорится: «Запрещается прибегать к силе для урегулирования споров, которые могут возникнуть между двумя государствами – членами Лиги. Если возникнет спор, не затрагивающий независимости, суверенитета и территориальной целостности государств, и если обе спорящие стороны обратятся к Совету для разрешения этого спора, то решение Совета будет являться обязательным и окончательным. В таких случаях государства, между которыми возник спор, не будут принимать участия в обсуждениях и решениях Совета. Совет предложит свои услуги в любом споре, который может привести к войне между двумя государствами – членами Лиги или между государством – членом Лиги и третьей стороной.

Решения, принимаемые в порядке примирительной и арбитражной процедуры, будут приниматься большинством голосов».

4 Амина Белуши. Исследование вооруженных конфликтов между арабскими государствами // Аль-Вахда. – 2008. – № 17. – С. 107–112.

5 Постановление Совета Лиги арабских государств, принятое на заседании в Аммане 27–28 марта 2001 г.; Заявление 15-й сессии Совета Лиги арабских государств на высшем уровне, 1 марта 2003 г.

6 Анс ар-Рахэб. Лига арабских государств: черная дыра для будущего Родины. – Дамаск, 2014. – С. 93.

7 لعل فيدوعسلا فيبرعلا مالسلا فدادبم (لجن يطرسل فلغا فيضرقلا) // Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mofa.gov.sa/aboutKingDom/KingdomForeignPolicy/Pages/PalestineCause25461.aspx>.

которая должна быть достигнута на основе международного права. Лига предложила Израилю следующее:

- полный вывод Израиля с оккупированных территорий к границам 1967 г., в том числе уход с оккупированных у Сирии Голанских высот и ферм Шебаа в Южном Ливане;
  - достижение разрешения проблемы палестинских беженцев путем обсуждений в соответствии с резолюцией ГА ООН № 194⁸;
  - соглашение с признанием на оккупированных территориях (Сектор Газа и Западный берег реки Иордан) независимого и суверенного палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме.
- В ответ арабские страны обязуются:
  - подписать мирный договор с Израилем и считать арабо-израильский конфликт завершённым, обеспечивать безопасность для всех стран региона;
  - установить нормальные отношения с Израилем;
  - отвергать все требования палестинцев, выходящие за рамки данной инициативы.

Арабские государства, в том числе глава автономии Махмуд Аббас, одобрили мирную инициативу, но Израиль по сей день не отреагировал на неё.

После создания палестинской национальной администрации и разделения ее на две части – ФАТХ и Хамас – израильцы закрыли пограничные переходы, начали жестокую войну и неоправданную блокаду Сектора Газа⁹. ЛАГ ничего не сумела предпринять, чтобы снять блокаду с Газы, поддержать палестинский народ и дать отпор израильской агрессии. Не была даже сформирована комиссия для передачи вопроса в международные судебные инстанции. Вместо практических шагов Лига ограничивалась официальными заявлениями относительно продолжающейся блокады. Так, в 2011 г. на саммите в Шарм-эль-Шейхе генеральный секретарь организации Амр Муса заявил, что блокада является нарушением принципов и норм международного гуманитарного права и, таким образом, дал понять, что он считает продолжение блокады неприемлемым.

Подводя итог, можно сказать, что ЛАГ не сумела урегулировать конфликты между арабскими странами, равно как и сам арабо-израильский конфликт, что привело к их расширению и эскалации. Объясняется это рядом причин. Наряду с тем, что в Пакте Лиги названы лишь два способа разрешения споров – посредничество и арбитраж, существует еще целый ряд причин, которые можно свести к следующему:

1) проект создания арабского арбитражного суда не был осуществлен. В ст. 19 Пакта говорилось о возможном создании арабского арбитражного суда, однако он так и не был создан вследствие недоверия государств-членов к наднациональной судебной власти как средству урегулирования конфликтов. Иначе говоря, Лига ограничилась лишь политико-дипломатическими способами разрешения споров¹⁰;

2) дипломатические усилия арабских стран, направленные на урегулирование региональных конфликтов, заметно

запаздывали по сравнению с действиями ООН. Так, когда в 1958 г. возник спор между Ливаном и Египтом, Совет Лиги собрался на заседание лишь спустя десять дней после его начала, между тем как Совет Безопасности провел заседание уже через 24 часа после того, как получил уведомление о конфликте. Когда в 1975 г. вспыхнула ливанская гражданская война, Совет ЛАГ собрался лишь спустя шесть месяцев после начала событий;

3) военные меры. Вооруженные силы, принадлежащие той или иной международной или региональной организации, считаются важным инструментом обеспечения международной безопасности и мира. Однако ЛАГ предприняла вооруженное вмешательство лишь дважды: в ходе иракско-кувейтского конфликта 1961 г. и во время гражданской войны в Ливане;

4) ст. 5 Пакта ЛАГ гласит, что Совет не должен рассматривать конфликты, затрагивающие независимость, суверенитет и территориальную целостность государств. Этим обуславливается недостаточность роли Лиги в урегулировании такого рода конфликтов, носящих политический характер. Что касается прочих споров, то указанная статья требует согласия спорящих сторон передать конфликт на рассмотрение Лиги. Иными словами, вмешательство ЛАГ обуславливается желанием конфликтующих сторон прибегнуть к нему, что также ослабляет роль Лиги в урегулировании конфликтов¹¹.

Таковы основные причины, негативно влияющие на деятельность ЛАГ в сфере урегулирования конфликтов. Очевидно, что в связи с этим Лиге следует пересмотреть свои уставные документы и инструменты действия.

В 2002 г. ЛАГ приняла документ под названием Саудовская инициатива. В этом документе ЛАГ предлагает государству Израиль отступить с оккупированных им в ходе войны территорий к границе 1967 г., признать Палестину на территории сектора Газа и Западного берега реки Иордан со столицей в Восточном Иерусалиме и позабиться о справедливом решении проблемы беженцев. В ответ на эти действия Израиля государств – члены ЛАГ обязуются считать арабо-израильский конфликт законченным, признать Израиль, заключить с ним мир и установить дипломатические отношения¹². Израиль по состоянию на конец 2009 г. так и не дал официального ответа на это предложение.

ЛАГ также приветствовала речь президента Соединённых Штатов, в которой он призвал к соблюдению резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН по урегулированию арабо-израильского конфликта. Об этом было заявлено на сессии министров иностранных дел ЛАГ, которая прошла в начале сентября 2007 г. в столице Египта. Председатель ЛАГ Амр Муса сказал, что государства – члены ЛАГ стремятся к прекращению конфликтов. Вместе с тем проведение конференции «Аннаполис» (Международная конференция по ближневосточному урегулированию) потребовало серьезных подготовок¹³.

8 Саммит в Бейруте завершился историческим принятием мирной инициативы и объятием представителей Саудовской Аравии и Ирака // Asharq Al-Awsat (قارعة اوطان) 29.03.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issue=8522&article=95678#.UT5Zv9YqXIk>.

9 Пункт 5 постановления межарабского саммита, Дамаск, 2008.

10 Жданов Н. В., Эмин В. Г. Международные организации по поддержанию мира и безопасности в регионе // Ближний Восток и международное право. – М., 1992. – С. 196.

11 Сухейль Хусейн аль-Фатлауи. Международная система. – Амман, 2009. – С. 261.

Macdonald R. W. The League of Arab States. A study in the dynamics of regional organization. – Princeton. Wash. – PP. 315–318.

12 Саммит Бейрут столкнулся обращение мира и достигла единодушия и согласия // Официальный сайт ливанской армии (تحرير فني) 29.05.2002. <http://www.lebanon-army.gov.lb/ar/news/?540#.VghGKPntmko>.

13 Особая статья: Куда обратиться ближневосточному региону после конференции в Аннаполисе? // Asharq Al-Awsat (صاخ لاقم) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Среди последних конференций, которые направлены на попытку усадить израильтян и палестинцев за стол переговоров, стал 19-й саммит представителей ЛАГ, который прошёл 28–29 марта 2007 г. в Эр-Рияде, на котором были одобрены саудовская мирная инициатива, которая определяла условия палестино-израильского урегулирования. Участники выразили свою озабоченность по поводу необходимости достижения справедливого, прочного и всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН.

В Министерстве иностранных дел Российской Федерации отметили значение проведенного саммита Лиги в Эр-Рияде. Россия поддержала направленные в адрес Израиля призывы к политическому диалогу с арабами, а также с Ливаном и Сирией в целях установления прочного мира на Ближнем Востоке¹⁴.

В результате «арабской весны» ЛАГ оказался озабочен теми проблемами, которые сложились в арабских странах, как, например, в Йемене, Сирии и т.п., что отвлекло внимание организации от палестинской проблемы. Этим воспользовался Израиль для осуществления своих планов, в частности, продолжил строительство разделительной стены. Созданная с целью решения проблем между арабскими государствами, Лига в настоящее время проявляет свою беспомощность.

Автор считает, что какая-либо роль Лиги в урегулировании палестино-израильского конфликта после 2007 г. отсутствует. Мир не наступит, пока Израиль не будет выполнять резолюции ООН и мирные инициативы Лиги арабских государств. Израиль как продолжал, так и продолжает узурпировать неотъемлемые права палестинского народа в глазах государств — членов Лиги.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. – М: РУДН, 2012.
2. Абд аль-Фаттах Оде. Лига арабских государств и урегулирование конфликтов). – Касабланка, 1977.
3. Амина Белуши. Исследование вооруженных конфликтов между арабскими государствами // Аль-Вахда. – 2008. – № 17.
4. Анс ар-Рахеб. Лига арабских государств: черная дыра для будущего Родины. – Дамаск, 2014.
5. Арабская мирная инициатива (أيبرعلع المزلع قردابعم) // Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mofa.gov.sa/aboutKingDom/KingdomForeignPolicy/Pages/PalestineCause25461.aspx>
6. Галейб аль-Утайби. Лига арабских государств и урегулирование межарабских конфликтов). – Эр-Рияд, 2010.
7. Жданов Н. В., Эмин В. Г. Международные организации по поддержанию мира и безопасности в регионе // Ближний Восток и международное право. – М., 1992.
8. Заявление 15-й сессии Совета Лиги арабских государств на высшем уровне, 1 марта 2003 г.

<http://arabic.people.com.cn/31662/6313811.html>.

- 14 Международно-правовые вопросы разрешения Палестино-Израильского конфликта, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://odiplom.ru/pravo/mezhdunarodno-pravovye-voprosy-razresheniya-palestino-izraiskogo-konflikta-problemy-i-perspektivy>.

9. Международно-правовые вопросы разрешения Палестино-Израильского конфликта, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://odiplom.ru/pravo/mezhdunarodno-pravovye-voprosy-razresheniya-palestino-izraiskogo-konflikta-problemy-i-perspektivy>.
10. Особая статья: Куда обратиться ближневосточному региону после конференции в Аннаполисе? // Asharq Al-Awsat (صااخ لاقم : قرشال ؤقطنم هجوتت نيا علأ : صااخ لاقم) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arabic.people.com.cn/31662/6313811.html>.
11. Постановление Совета Лиги арабских государств, принятое на заседании в Аммане 27–28 марта 2001 г.
12. Саммит Бейрут столкнулись обращение мира и достигла единодушия и согласия // Официальный сайт ливанской армии (عمجالا تقوقو المزلع ءادن تهجو توريب فق) (ةجل اصلءاو) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lebarmy.gov.lb/ar/news/7540#.VghGKPntmko>.
13. Семенова Н. С. Роль образования в области прав человека в предупреждении межнациональных конфликтов // Актуальные проблемы гармонизации межнациональных отношений на муниципальном уровне: сборник трудов научно-практической конференции. – М.: Издательство «Юрист», 2013.
14. Сухейль Хусейн аль-Фатлауи. Международная система. – Амман. 2009.

Серикпа Аттеби Рене ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В КОТ-Д'ИВУАРЕ)

Статья посвящена анализу событий, происходивших в Кот-д'Ивуаре, содержанию правовой категории «вооруженный конфликт», типологии современных вооруженных конфликтов. В статье рассматриваются причины вооруженных конфликтов и гражданских войн в Кот-д'Ивуаре, роль международного сообщества в урегулировании данного конфликта. Автор анализирует понятие военного конфликта и рассматривает эту дефиницию применительно к событиям в Кот-д'Ивуаре, а также дает характеристику противостоящих сторон в конфликте.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, гражданская война, повстанцы, процесс урегулирования, Кот-д'Ивуар.

Serikpa Attebi Rene THE ARMED CONFLICT AS AN OBJECT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW (BY THE EXAMPLE OF ARMED CONFLICT IN CÔTE D'IVOIRE)

This article deals with the analysis of the events that took place in Côte d'Ivoire, subject of the legal category of armed conflict, typology of modern armed conflicts. This article discusses the causes of armed conflict and civil war in Côte d'Ivoire, the role of the international community in resolving the conflict. The author analyzes the concept of military conflict and considers this definition in relation to the events in Côte d'Ivoire, as well as gives a description of the opposing sides in the conflict.

Keywords: armed conflict, civil war, rebels, settlement process, Côte d'Ivoire.

Серикпа Аттеби Рене

Международное гуманитарное право применяется в период вооруженных конфликтов, т.е. его правовые нормы и принципы зависят от вида вооруженного конфликта, его особенностей, характера¹. Вооруженный конфликт, общественные отношения, его сопровождающие, являются объектом международного гуманитарного права, поэтому рассмотрение понятия «вооруженный конфликт» является необходимостью при исследовании причин современных вооруженных конфликтов, поиска путей их разрешения.

Международно-правовые нормы не содержат определения понятия «вооруженный конфликт», но на базе четырех Женевских конвенций, двух Дополнительных протоколов к ним, различных нормативно-правовых документов определяются основные параметры этой категории.

Вооруженный конфликт представляет собой вооруженное противостояние между государствами или между социальными общностями внутри страны для разрешения политических, социально-экономических, в т.ч. национально-этнических, конфессиональных противоречий.

Вооруженные конфликты сопровождают всю историю общественных отношений человечества, они обусловлены нерешенными противоречиями в различных областях жизни разных стран и регионов. Участники вооруженных конфликтов отстаивают свою культурную и религиозную идентичность, права на средства производства (в т.ч. ограниченные природные ресурсы), трудовые ресурсы, результаты научно-технических достижений, право на здоровую окружающую среду² и т.д.

Национально-конфессиональные, социально-экономические, политические причины военного противостояния различного уровня повсеместно не искоренены, поэтому военные конфликты являются реальностью и в настоящее время, приобретая качественно новые черты, соответствуя современным тенденциям.

Современное международное гуманитарное право выделяет два основных вида вооруженных конфликтов – международные (межгосударственные) и немеждународные (внутригосударственные). В настоящее время снижается количество международных конфликтов и растет число вооруженных столкновений в рамках отдельных стран. Так, если в XX в. до начала Второй мировой войны произошло лишь 5 внутригосударственных вооруженных конфликтов, то к 1994 г. – уже 313.

К межгосударственным вооруженным конфликтам относятся война (государства открыто применяют оружие друг против друга), а также любое действие, подпадающее под понятие акта агрессии (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 от 14 декабря 1974 г.). Международными признаются и вооруженные конфликты национально-освободительной направленности, в которых ведется борьба «против колониального господства, иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение» (согласно Женевским конвенциям и I Дополнительному протоколу к ним)⁴. Вмешательство во внутренний вооруженный конфликт третьего государства в интересах одной из сторон, а также участие вооруженных сил ООН также подпадают под категорию международного вооруженного конфликта.

Внутренним считается вооруженный конфликт, происходящий на территории какого-либо государства между его

щита окружающей среды во время вооруженных конфликтов. – М.: РУДН, 2009.

3 Смирнов М. Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект. – М., 2014. – С. 6.

4 Национально-освободительные вооруженные конфликты между правительством и населением к международному типу не относятся.

1 До принятия Женевских конвенций 1949 г. международное гуманитарное право применялось к категории «войны». Женевские конвенции расширили область применения международного гуманитарного права – не только к условиям формального объявления войны или признания состояния войны, но и к вооруженным конфликтам.

2 Абашидзе А. Х., Васильев Ю. Г., Солнцев А. М. Международное экологическое право: Документы и комментарии. Выпуск II. За-

вооруженными силами, антиправительственными вооруженными формированиями и другими организованными вооруженными группами, либо между организованными вооруженными группами, находящимися под ответственным командованием, осуществляющими контроль над частью территории этого государства, позволяющий им вести непрерывные и согласованные военные действия и применять положения Протокола II 1977 г. и ст. 3 Женевской конвенции 1949 г.⁵

Характерными признаками внутренних вооруженных конфликтов, отмеченных II Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям, являются наличие сторон конфликта – вооруженных сил правительства и антиправительственных, организованных вооруженных групп. Причем последние имеют ответственное командование, осуществляют контроль над частью территории государства, ведут непрерывные и согласованные военные действия, а также соблюдают положения Протокола IIб.

В международном гуманитарном праве немеждународные вооруженные конфликты подразделяются на три группы, согласно:

- 1) ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций;
- 2) II Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям;
- 3) ситуации «нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности».

Статья 3, общая для четырех Женевских конвенций, предусматривает несколько критериев, позволяющих отнести тот или иной вооруженный конфликт к немеждународному конфликту. Так, немеждународным вооруженным конфликтом признается тот, который происходит на территории одного государства между противоборствующими группами, действия которых нельзя рассматривать как действия третьего государства. Последнее возможно в трех случаях, если вооруженный конфликт происходит между:

- несколькими группами в правительстве (Сьерра-Леоне в мае 1997 г., путч в Нигерии в апреле 1999 г.);
- правительством и неправительственными организованными группами (Республика Конго в августе 1998 г.);
- организованными группами, правительства нет, поэтому не принимает участия (Ангола в середине 1970-х годов).

Вышеуказанная статья Женевских конвенций определяет критерии, позволяющие отнести то или иное вооруженное противостояние к вооруженному конфликту, характеризующемуся «определенной интенсивности применением силы»⁷. Так, выделяются такие основные критерии, характеризующие вооруженный внутригосударственный конфликт, как: применение сторонами так называемых «экстраординарных мер», «массовость», длительность конфликта, размер территории, захваченной восставшими, «потребность жертв конфликта в защите»⁸. Безусловно, эти критерии во многом носят субъективный характер, но общая ст. 3 Женевских конвенций предусматривает рассматривать их в системе, позволяя экспертам

делать более взвешенные выводы, ограничивая злоупотребление со стороны правительств.

Вторую группу составляют внутригосударственные конфликты, соответствующие положениям II Дополнительного протокола к Женевским конвенциям. Этот протокол предъявляет большее количество требований к характеру конфликтов, критериям принадлежности вооруженных столкновений к конфликтам, чем ст. 3, общая для четырех Женевских конвенций. Так, согласно ст. 1 II Дополнительного протокола к внутренним вооруженным конфликтам не относятся конфликты, в которых ни одна из противоборствующих сторон не является правительственной⁹. Кроме того, внутренний вооруженный конфликт не должен иметь межгосударственный, национально-освободительный характер. При этом к внутренним вооруженным конфликтам не относятся «случаи нарушения внутреннего порядка, возникновения обстановки внутренней напряженности, такие, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера»¹⁰.

Третью группу немеждународных вооруженных конфликтов составляют нарушения внутреннего порядка (протесты, забастовки, демонстрации, акции гражданского неповиновения), в также «ситуации возникновения внутреннего напряжения» (приостановка действия основных судебных гарантий, исчезновения людей, массовые аресты, в т.ч. по политическим мотивам)¹¹. К этому типу вооруженного конфликта применяется, прежде всего, внутригосударственное право, а также такие отрасли международного права, как права человека. Но Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея ООН (в соответствии с Уставом), а также международные правительственные и неправительственные организации, третьи государства могут обязать стороны конфликта применять международное гуманитарное право.

Следует отметить, что разграничение вооруженных конфликтов, исходя из ареала его развертывания, принадлежности участников, на внутренние и международные является во многом условным. В настоящее время внутригосударственные вооруженные конфликты часто оказываются в центре межгосударственных, межрегиональных взаимоотношений, превращаются в катализатор международной напряженности. Государство, на территории которого развернулся вооруженный конфликт, может выступать лишь ареной борьбы этих субъектов между собой.

Кроме международных и немеждународных вооруженных конфликтов выделяются другие типы и формы, обусловленные современными изменениями в характере вооруженного противостояния. Так, столкновения несоразмерно разных по уровню социально-экономического развития и политического влияния стран привели к появлению так называемых асимметричных вооруженных конфликтов. К ним относятся военные действия НАТО против Югославии в 1999 г., вторжение США с союзниками в Ирак в 2003 г.

Появился и такой вид вооруженного конфликта, как «внегосударственный». К нему можно отнести противоречия, которые могут трансформироваться в противостояние, – между

5 Остроухов Н. В. Актуальные проблемы применения международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов. – М., 2010. – С. 93.

6 Абашидзе А. Х. Запрещенные методы ведения войны // Международное гуманитарное право / Отв. ред. А. Я. Капустин, И. И. Котляров. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 113–121.

7 Блищенко И. П. Принятие Дополнительных протоколов 1977 г. // Международный журнал Красного Креста. – Женева, 1997. – № 18, сентябрь–октябрь. – С. 592–593.

8 Гассер Х.-П. Запрет на акты террора в международном гуманитарном праве. – М., 1994. – С. 34–35.

9 Комментарий к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. – М., 2001.

10 Блищенко И. П. Принятие Дополнительных протоколов 1977 г. // Международный журнал Красного Креста. – Женева, 1997. – № 18, сентябрь–октябрь. – С. 594.

11 Комментарий к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. – 2-ое изд. – М.: МККК, 2001. – С. 68–69.

США и их союзниками с радикально-исламистским движением ИГИЛ. В этом транснациональном «внегосударственном» конфликте противостояние не привязано к какой-либо конкретной территории, не продиктовано нацеленностью на приход к власти той или иной социальной общности.

Выделяется интернационализированный вид вооруженного конфликта немеждународного типа. В нем на стороне одной из противоборствующих сторон принимают участие направленные иностранным государством войска, вооруженные формирования или наемники. Во время внутреннего вооруженного конфликта руководство страны должно проводить осторожную и сбалансированную политику, в т.ч. и с соседними странами. Проявление последними целенаправленной политики по восстановлению якобы нарушенных прав граждан во время конфликта может доходить до необоснованного вмешательства их во внутренние дела, с продвижением своих интересов¹².

Важнейшими источниками права вооруженных конфликтов являются Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., посвященные четырем направлениям: улучшению участи раненых и больных в действующих армиях; улучшению участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; обращению с военнопленными; защите гражданского населения во время войны.

Для более полного учета специфики современных вооруженных конфликтов были приняты в 1977 г. два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям – I Дополнительный протокол посвящен защите жертв международных вооруженных конфликтов, II Дополнительный протокол – немеждународных.

Следует отметить, что нормативная база, регулирующая общественные отношения, возникающие в период международных вооруженных конфликтов, гораздо шире, чем вооруженных конфликтов немеждународного характера. Так, в четырех Женевских конвенциях 1949 г. и двух Дополнительных протоколах к ним 1977 г. почти 500 статей регулируют общественные отношения, возникающие в период международных войн, и только 20 положений регламентируют вооруженные конфликты немеждународного характера¹³.

В современном международном праве имеются другие конвенции, применимые к условиям вооруженных конфликтов¹⁴, документы, относящиеся к сфере уголовной ответствен-

ности отдельных лиц за серьезные нарушения правовых норм в условиях вооруженных конфликтов¹⁵ и принципам международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях против человечества¹⁶ и др.

Различные страны формируют свою нормативную базу для вооруженных конфликтов, учитывая местные особенности и международно-правовые нормы. Следует отметить, что международно-правовые нормы международного права тем более эффективны, чем скорее и полнее они инкорпорируются во внутреннее законодательство страны¹⁷.

В Кот-д'Ивуаре вооруженный конфликт, переросший в полномасштабную гражданскую войну, имел два пика обострения – в 2002 и 2010 гг., и в настоящее время сохраняет условия для возобновления ввиду наличия нерешенных причин, приведших к военным столкновениям.

В ходе гражданской войны, начавшейся в сентябре 2002 г., страна фактически была разделена на две части – северную (в которой проживали в основном представители народности дьола, исповедующие ислам, мигранты из других стран, прежде всего, из Буркина-Фасо; из их представителей – действующий президент страны Аюссан Уаттара) и южную (сторонники бывшего президента Л. Гбамбо, христиане, принадлежащие к народности бете). Это условное разделение страны обусловлено наличием противоречий между двумя группами населения относительно экономического, политического устройства страны, а также нежеланием проявить межконфессиональную толерантность друг к другу.

Массовые беспорядки были спровоцированы проведенными в 2000 г. президентскими выборами (победил Лоран Гбамбо), во многом из-за несовершенства избирательного права, отсутствия действенного механизма реализации норм, закрепляющих избирательные права граждан и иных участников избирательных отношений, а также отсутствия регламентации порядка их реализации и защиты при проведении выборов.

Л. Гбамбо, представитель южной части страны, в своей деятельности пытался преодолеть раскол страны, предложив программу «Перестройка», направленную на подъем экономики, расширение внешнеполитических связей¹⁸. Президентом проводилась и работа по правовому урегулированию конфликта.

Но в конфликт вмешались ООН и Франция, которые ввели военные силы на территорию Кот-д'Ивуара с целью защиты европейцев, находящихся в стране, а также поддержки существующей власти. Операция ООН в Кот-д'Ивуаре началась 4 апреля 2004 г. на основании резолюции Совета Безопасности ООН № 1528 от 27 февраля 2004 г., соответствующей положениям гл. 7 Устава ООН. Мандат операции включал содействие ивуарийским сторонам в реализации мирного соглашения

12 Котляр В. С. Международное право и современные стратегические конвенции США и НАТО. – М., 2008.

13 Приказ Министра обороны СССР № 75 от 16.02.1990 г. «Об объявлении Женевских конвенций о защите жертв войны и Дополнительных протоколов к ним». – М., 1989.

14 Наиболее важные из международно-правовых актов правового регулирования международных вооруженных конфликтов: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 1907 г.); Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 1949 г.); Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Женева, 1949 г.); Конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 1949 г.); Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 1949 г.); Конвенция о защите культурных ценностей (Гаага, 1954 г.); Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН) (Нью-Йорк, 1976 г.); Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям, касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов и конфликтов немеждународного характера (Берн, 1977 г.); Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия, его полном уничтожении (Париж, 1993 г.).

15 Уставы международных трибуналов (Нюрнберг и Токио) 1945 г.; статуты международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, Международного уголовного суда; Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.; резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о выдаче и наказании военных преступников (резолюция 3 (I) от 13 февраля 1946 г.).

16 Резолюция 3047 (XXVIII) от 3 декабря 1973 г. // Международное право / Отв. ред. С. А. Егоров. – М., 2013. – С. 14.

17 Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право: основные проблемы. – М., 1976. – С. 57.

18 Бочкарев А. Е., Осминина М. А. «Повестка дня» как средство манипулирования общественным сознанием: Президентские выборы в Кот-д'Ивуаре // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2. – С. 19–23.

Лина-Маркуси, подписанного в январе 2003 года. Резолюцией от 25 июня 2014 г. № 2162 (2014) Совета Безопасности Мандат Миссии ООН в Кот-д'Ивуаре продлен до 30 июня 2015 г.

В соответствии с соглашением Лина-Маркуси действия ООН в Кот-д'Ивуаре направлены на: а) защиту гражданского населения от угрозы физического насилия; б) устранение угроз безопасности и решение пограничных проблем; в) реализацию национальной программы разоружения, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов и роспуска ополчений и групп самообороны; содействие разоружению и репатриации иностранных вооруженных элементов; г) воссоздание и реформирование органов безопасности; д) контроль за соблюдением оружейного эмбарго; е) содействие соблюдению международного гуманитарного права и международных норм в области прав человека, действуя с независимым экспертом, назначенным в соответствии с резолюцией А/НRC/17/26 Совета по правам человека; отслеживание случаев нарушения прав человека и нарушения норм международного гуманитарного права в соответствии с резолюциями 1612 (2005), 1882 (2009), 1998 (2011) и 2068 (2012); ж) содействие оказанию гуманитарной помощи; з) защиту персонала ООН¹⁹.

После президентских выборов 2010 г., также сопровождавшихся военными столкновениями, Франция уже подержала представителя севера страны (А. Уаттару). В апреле 2011 г. Л. Гбагбо, не признавший результаты президентских выборов, был захвачен французским спецназом и передан сторонникам А. Уаттары. Это произошло после авиаударов с боевых вертолетов миссии ООН и французского контингента по дворцу, резиденции Л. Гбагбо в Абиджане, а также армейским частям. Подобное вооруженное вмешательство не обеспечило стабильность в стране, повсеместно проводились антифранцузские манифестации.

Внутренний военный конфликт в Кот-д'Ивуаре сопровождается прямым вооруженным вмешательством французских вооруженных сил, а также участием миротворческих сил ООН в военных действиях на стороне одного из участников конфликта. Действия ООН и Франции в Кот-д'Ивуаре продиктованы нормами международного права, допускающими вмешательство третьей стороны по инициативе правительства, согласно Уставу ООН, резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН.

Франция, на наш взгляд, проявляет определенную избирательность при применении силы для одной из сторон конфликта, без приоритета достижения политической стабильности в Кот-д'Ивуаре. Для того, чтобы исключить в Кот-д'Ивуаре практикующуюся в различных регионах так называемую «войну по доверенности», зачастую ведущую в интересах сторонних государств, необходима целенаправленная выверенная правовая основа для сопровождения этого вооруженного конфликта.

Следует отметить, что в конфликте в Кот-д'Ивуаре происходит столкновение интегрированных интересов больших социальных групп, выраженных в виде политических ценностей, связанных с борьбой за ресурсы власти. В стране необходимо достижение мирного решения всех существующих противоречий, для формирования условий развития правового государства. Если допустить, что предоставление гуманитарной помощи и защиты, облегчение положения военнопленных, беженцев, перемещенных лиц в международном праве рассматривается не как независимая, внешнеполитическая деятель-

ность, а как средство политического урегулирования²⁰, то перед Кот-д'Ивуаром стоит задача поиска действенных внутренних резервов консолидации страны.

В 2002 г. представители дьюла, уволенные из армии по подозрению в неоязычности к властям, перешли на сторону повстанцев севера. Это свидетельствует о том, что причины противостояния кроются не только в национально-конфессиональной принадлежности. Поэтому необходимы нормативные правовые акты, учитывающие этническую принадлежность, но с позиции соответствия интересам страны в целом, единства государства.

Так, если закон 2000 г. был направлен на отстранение от участия в выборах на должность президента А. Уаттара, которого поддерживала половина населения страны, то не случайно этот нормативный акт был отменен, сопровождаясь кровопролитием митингующих.

Безусловно, внешняя помощь способствовала снижению числа жертв среди местного населения Кот-д'Ивуара, уменьшила количество материальных потерь во время военного противостояния. Но присутствие третьей стороны во время вооруженного конфликта на фоне не решенных экономических проблем, этно-конфессиональных противоречий, отсутствия действенной правовой базы, в т.ч. в области вооруженных конфликтов, этапа становления законодательства в условиях современных реалий, может сыграть негативную роль в стабилизации общества.

Присутствие внешних вооруженных сил потенциально чревато их непосредственным участием в конфликтах при малейших вольных или невольных провокациях. Свидетельствует об этом ошибочный авиаудар правительственной армии по позициям французских и международных миротворцев 6 ноября 2004 г. (погибли 9 французских граждан). В результате ответной бомбардировки со стороны Франции был уничтожен весь небольшой авиапарк ВВС Кот-д'Ивуара. А за весь период военного конфликта погибло более 3 тысяч человек местного населения.

Роль внешних сил – Франции, ООН, соседних Буркина-Фасо, Либерии – не следует однозначно признавать конструктивной на различных этапах развития вооруженного конфликта в Кот-д'Ивуаре. Международное право, на основании которого эти силы действовали, было направлено на решение задач, стоящих на конкретных этапах общественного развития Кот-д'Ивуара, но не разрешило противоречия в целом, ликвидировав или уменьшив причины военного противостояния населения севера и юга страны.

Внешняя военная поддержка одной из сторон военного конфликта не решает проблем, из-за которых возник конфликт. Внешняя военная помощь лишь снимает напряженность в период обострения противоречий, переводя противостояние в латентную фазу, всегда готовую превратиться в открытую стадию конфликта.

Некоторые специалисты настаивают на необходимости применения принципа нейтралитета при оказании помощи во время внутренних вооруженных конфликтов, предусматривающего запрещение поставок оружия и предоставление финансовой помощи обеим сторонам, ставя их в условия материального равенства по отношению друг к другу²¹.

19 Абашидзе А. Х. Обычное международное гуманитарное право. Монография / Жан-Мари Хенкерте, Луиза Досвальд-Бек; Международный Комитет Красного Креста. – М: МККК, 2006.

20 Имплементация международного гуманитарного права / Сб. статей и документов. – М., 1998. – С. 368.

21 Егоров С. А. Вооруженные конфликты и международное право. – М., 2003.

Само государство должно решать существующие проблемы на своей территории, и привлечение внешних сил является мерой вынужденной и временной. Принятая Советом Безопасности ООН в 2011 г. резолюция 1975 о разрешении ситуации в Кот-д'Ивуаре подтвердила ответственность Кот-д'Ивуара за нарушение прав человека и норм международного права на его территории. В резолюции предусмотрена государственная обязанность привлекать к ответственности лиц за выявленные нарушения.

Безусловно, Совет Безопасности осудил любое насилие, совершаемое в отношении гражданского населения Кот-д'Ивуара, призвал стороны, участвующие в конфликте, прекратить нарушения и злоупотребления правами человека в стране.

Права человека в военном конфликте в Кот-д'Ивуаре регламентируются местным законодательством, международным гуманитарным правом. Право страны в области вооруженных конфликтов испытывает определенные сложности применения международно-правовых норм, оно требует совершенствования, т.к. существующая правовая система не в должной мере отражает права военнопленных, раненых, беженцев, перемещенных лиц...

В сложившейся ситуации необходимо международное сотрудничество для обмена опытом и определения задач по имплементации международного гуманитарного права в правовую систему Кот-д'Ивуара. На наш взгляд, следует активизировать контроль над практическим обеспечением уже существующих правовых актов в области вооруженного противостояния, превратить судебное преследование военных преступников в действенный механизм снижения военной напряженности в стране.

Необходимость гуманизации военного противостояния в Кот-д'Ивуаре в первую очередь правовыми средствами продиктована не только большими материальными и человеческими потерями, прежде всего, среди мирного населения, но и нерешенностью проблем, приведших к этому противостоянию.

В Кот-д'Ивуаре недостаточны законодательные акты, касающиеся деятельности вооруженных отрядов боевиков и преступных группировок, действующих, прежде всего, на границе с Либерией. Международно-правовые нормы должны быть подкреплены местным законодательством, регламентируя возможность переговоров с высланными из страны офицерами, советниками бывшего президента Л. Гбагбо.

В Кот-д'Ивуаре не применяется репарация, представляющая собой форму материальной ответственности субъекта международного права за ущерб, причиненный в результате совершенного им международного правонарушения другому субъекту международного права.

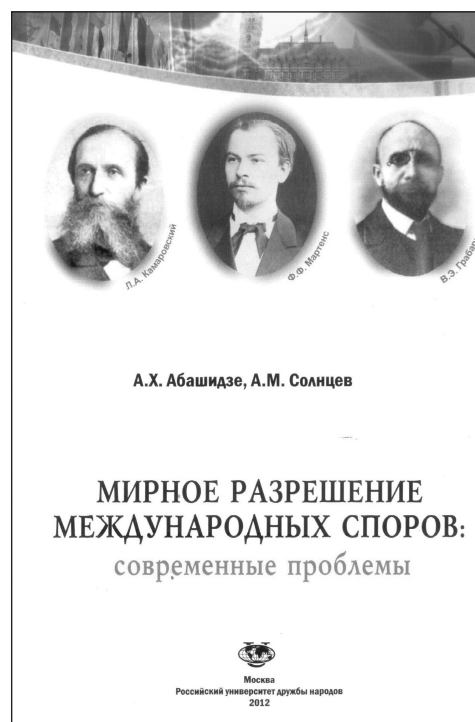
Для того, чтобы третья сторона лишь помогала в урегулировании существующих противоречий, государственная власть должна, на наш взгляд, целенаправленно проводить политику, максимально консолидирующую общество. Третья сторона может лишь помочь решить проблемы, подвластные местной власти, прежде всего, посредством участия в издании нормативных актов, позволяющих примирить стороны вооруженного конфликта.

Консолидация населения страны возможна только посредством обеспечения прав всех жителей страны, вне зависимости от того, родились ли они на территории страны или в поисках лучшей участи приехали из других стран, какую религию исповедуют.

Необходимо правовое обеспечение устойчивой единой структуры органов власти, политической консолидации, решение общенациональных задач, направленных на возрождение страны, подъем ее социально-экономического развития, укрепление целостности страны.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х. Запрещенные методы ведения войны // Международное гуманитарное право / Отв. ред. А. Я. Капустин, И. И. Котляров. – М.: Юрлитинформ, 2010.
2. Абашидзе А. Х. Обычное международное гуманитарное право. Монография / Жан-Мари Хенкертс, Луиза Досвальд-Бек. Международный Комитет Красного Креста. – М.: МККК, 2006.
3. Абашидзе А. Х., Васильев Ю. Г., Солнцев А. М. Международное экологическое право: Документы и комментарии. Вып. II. Защита окружающей среды во время вооруженных конфликтов. – М.: РУДН, 2009.
4. Блищенко И. П. Принятие Дополнительных протоколов 1977 г. // Международный журнал Красного Креста. – Женева, 1997. – № 18, сентябрь-октябрь.
5. Бочкарев А. Е., Осминина М. А. «Повестка дня» как средство манипулирования общественным сознанием: Президентские выборы в Кот-д'Ивуаре // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2.
6. Котляр В. С. Международное право и современные стратегические конвенции США и НАТО. – М., 2008.
7. Остроухов Н. В. Актуальные проблемы применения международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов. – М., 2010.
8. Смирнов М. Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект. – М., 2014.

Овчинникова Ю. С.

ВКЛАД ЛИГИ НАЦИЙ В РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Будучи первой международной организацией общей компетенции, Лига Наций стремилась придать универсальный характер закрепленным в ее Статуте принципам межгосударственного взаимодействия. В данной статье представлен подробный правовой анализ Статута Лиги Наций с целью выявления его роли в развитии общепризнанных принципов международного права, известных сегодня как нормы *jus cogens*.

Ключевые слова: Лига Наций, международная организация, принципы международного права, разрешение международных конфликтов.

Ovchinnikova Yu. S.

THE ROLE OF THE LEAGUE OF NATIONS IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

Being the first international organization of General competence, the League of Nations strove for universality established in its Statute, the principles of inter-state interaction. This article presents a detailed legal analysis of the Statute of the League of Nations to identify its role in the development of the universally recognized principles of international law known as *jus cogens*.

Keywords: League of Nations, international organization, principles of international law, resolving of international conflicts.

Начало XX века было ознаменовано всплеском небывалого оптимизма, когда казалось, что высокий уровень развития цивилизации сделал невозможным ведение новых войн. Однако, разразившаяся мировая война, показала всю утопичность этих настроений, запомнившись современникам как самый масштабный и жестокий конфликт в истории человечества. Результатом этой войны стало не только неслыханное для той поры количество жертв, но и распад четырех империй¹, возникновение на карте Европы новых государств, значительный спад экономики, голод, вспышки эпидемий и огромное количество беженцев, искавших пристанища по всему свету. Все это привело к интенсивному поиску путей прекращения войны и неповторения подобных конфликтов впредь. За период с 1914 по 1918 годы появилось более 50 проектов, направленных на предотвращение будущих войн и разработанных отдельными лицами, общественными объединениями, а затем и правительственными комиссиями различных стран. Именно в этих документах получила развитие идея о единой международной организации, способной обеспечивать постоянный мир и безопасность². Таким образом, учреждение Лиги Наций³ являло собой готовность мирового сообщества к созданию международной организации многоцелевого характера, способной на практике реализовать идею поддержания всеобщего мира.

Конечно, всем нам известен печальный итог деятельности Лиги, не сумевшей справиться со своей первоочередной задачей – предотвратить новую мировую войну. Вместе с тем было бы неверно утверждать, что все начинания Лиги потерпели неудачу, поскольку ряд принципов и идей, заложенных в ее Статуте, впоследствии получили закрепление и развитие в рамках ООН. Так, например, основные органы Лиги Наций – Ассамблея, Совет и Секретариат – были сохранены в ООН⁴.

1 Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской.

2 См.: Мир/реассе: Альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны: Антология / Отв. ред. Чэтфилд Ч., Илюхина Р. М. – М.: Наука, 1993. – С. 161-166; Илюхина Р. М. Лига Наций. 1919-1934. – М.: Наука, 1982. – С. 25; Иванов Л. Н. Лига Наций. – М.: Московский рабочий, 1929. – С. 15-18.

3 Более подробно о создании Лиги Наций на Парижской мирной конференции см.: Водозов В. В. Версальский мир и Лига Наций. – Пг.: Центральное кооперативное издательство «Мысль», 1922. – С. 23-40.

4 С учетом и ликвидацией существовавших во времена Лиги Наций организационных недостатков.

Овчинникова Ю. С.

К тому же на базе соответствующих органов и отделов Лиги были сохранены и воссозданы такие международные организации, как ЮНЕСКО, Международный Суд ООН, ЭКОСОС, МОТ и др. Нельзя забывать и о том, что в Статуте Лиги были закреплены новаторские для своего времени идеи, способствовавшие развитию основополагающих принципов международного права.

Прежде чем приступить к исследованию, необходимо помнить, что в начале XX века еще не существовало императивных норм *jus cogens* в привычном нам понимании. Вместо них были основные права государств, признаваемые международным сообществом⁵. К этим правам относились: 1) право на существование и самосохранение; 2) право на равенство; 3) право на независимость; 4) право на уважение; 5) право на международное общение⁶.

Отметим, что Статут не содержал никаких специальных глав или статей, посвященных исключительно правам государств либо принципам межгосударственного сотрудничества. Несмотря на это, в ряде статей нашли свое прямое или косвенное закрепление идеи, оказавшие влияние на развитие общепризнанных принципов международного права. Рассмотрим их более подробно.

Несмотря на то, что вступить в Лигу могли любые государства, самоуправляющиеся доминионы и колонии (ст. 1), принцип суверенного равенства государств не был напрямую закреплен в ее Статуте. Ведь уже в преамбуле к Статуту указывалось, на необходимость исполнять налагаемые договорами обязательства лишь во взаимоотношениях между «организованными народами».

Изучение ряда статей позволяет прийти к выводу, что в Статуте скорее говорилось о суверенном равенстве государств-членов Лиги. Например, в нем была закреплена признанная сегодня формула участия в международных организациях: «одно государство – один голос» (ст. 3, 4). Предусмотренное в статье 5 требование единогласного принятия решений, позво-

5 Эти права имели ограниченный характер, поскольку не распространялись на колонии, а также на государства, исключенные из круга «цивилизованных народов».

6 См.: Алексидзе Л. А. Некоторые вопросы теории международного права: Императивные нормы *jus cogens*. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982. – С. 126-128.

ляло учитывать мнение каждого государства-члена Лиги, также указывая на их формально-юридическое равенство⁷.

Подтверждением сказанного является и то, что не входившие в Лигу государства находились в заведомо неравном положении по сравнению с ее членами. Так, Лига Наций не могла приступить к урегулированию международного конфликта до тех пор, пока государство-член не обращалось к ней с этой просьбой (ст. 11). Следовательно, если пострадавшей стороной являлось не входившее в Лигу государство, международная организация оставалась безучастна к его просьбам о вмешательстве в конфликт. При этом Статут допускал возможность интервенции Лиги в конфликты, сторонами которого выступали лишь третьи государства (ст. 11)⁸.

На неравное положение членом Лиги и не входивших в ее состав государств также указывает статья 17, из текста которой следует, что: «В случае спора между двумя государствами, из которых лишь одно является членом Лиги... оно приглашается подчиниться обязательствами, лежащим на ее [Лиге] членах... на условиях, признанных Советом справедливыми. Если это приглашение принимается, то применяются постановления статей 12-16 с соблюдением изменений, сочтенных Советом необходимыми»⁹. Таким образом, с одной стороны, здесь указывается на суверенное равенство государств и невозможность распространения положений договора на третьи страны – ведь Статут не требует, а приглашает их к сотрудничеству в разрешении спора. С другой же стороны, не вызывает сомнения изначально неравное положение третьих стран, согласившихся принять на себя возлагаемые Статутом обязательства, по сравнению с членами Лиги. Более того данная статья предусматривала ведение коллективных санкций в отношении третьего государства, отказавшегося подчиниться положениям Статута, не давая ответа на вопрос о допустимости этих же санкций к члену Лиги, который являлся бы агрессором по отношению к третьему государству, принявшему на себя возлагаемые Лигой обязательства.

Статут не содержал четко обозначенных обязательств невмешательства организации во внутренние дела государств. Более того, статья 11 наделяла Лигу правом вмешиваться в любой конфликт, при условии, что он несет угрозу международному миру, тем самым предоставляя Лиге возможность для интервенции в дела любого государства. Вместе с тем в ряде статей Статута косвенно говорится о невмешательстве во внутренние дела, но не всех государств, а лишь членом Лиги. Так, статья 10 посвящена территориальной целостности и политической независимости членом Лиги от внешней агрессии, поэтому можно предположить, что она допускала сепарационные движения внутри этих государств. Помимо этого, в соответствии со статьей 15, Совет не мог заниматься разрешением споров, относимых международным правом исключительно к внутренней компетенции государства, а закрепившая доктрину Монро статья 21 фактически указывала на принцип невмешательства в дела целого континента.

Один из старейших принципов международного права – принцип территориальной целостности также не был прямо закреплен в Статуте Лиги Наций. В упоминавшейся выше статье 10 содержалась обязанность уважения и защиты от внеш-

ней агрессии территориальной целостности лишь членом Лиги, а не всех государств¹⁰.

О необходимости добросовестного исполнения обязательств говорится в преамбуле к Статуту, а также в ряде его статей. Так, согласно статье 1, одним из условий включения государства в состав Лиги являлось предоставление действительных гарантий соблюдения взятых на себя международных обязательств. Предусмотренное статьей 8 ограничение национальных вооружений зависело от необходимости исполнения международных договоров. Статья 18 была направлена на упразднение тайной дипломатии, поскольку содержала требование обязательной регистрации заключаемых членами Лиги международных договоров. Нельзя обойти вниманием статью 19, допускавшую пересмотр неприменимых договоров, а также международных положений, сохранение которых угрожало бы всеобщему миру. Отметим, что на практике данная статья ни разу не применялась, однако детальное ее изучение позволяет сделать вывод, что она ограничивает принцип *pacis sunt servanda*, ставя его в зависимость от интересов государств-членом Лиги¹¹. Статья 20 указывала на недействительность ранее заключенных договоров, несовместимых с положениями Статута. Эта статья не получила практического применения, по следующим причинам: 1) в ней отсутствовал ответ на вопрос о том, кто был правомочен определять степень соответствия ранее заключенных договоров положениям Статута; 2) в статье 21 была предусмотрена возможность отступления от положений статьи 20;¹² 3) практика показала неготовность членом Лиги отказаться от заключения несовместимых со Статутом договоров¹³. Несмотря на указанные недостатки, значение статьи 20 заключалось в том, что в ней была предпринята попытка закрепить иерархию норм международного права, которая сегодня получила развитие в Уставе ООН.

Международное право первой половины XX века не знало принципа неприменения силы или ее угрозы, а право на войну рассматривалось как естественное право государств. Возможно поэтому Статут не поставил под однозначный запрет агрессивные войны, закрепив в своем тексте лишь принцип ненападения, который впоследствии трансформировался в принцип неприменения силы или ее угрозы¹⁴. Вместе с тем несмотря на формальное деление войн на «допустимые» и «недопустимые», Статут сохранял за Лигой возможность вмешательства в любой конфликт, независимо от того была ли это «допустимая» война, угроза войны, внешний или внутренний конфликт, участвовали ли в нем члены Лиги или третьи государства (ст. 11)¹⁵. Отметим, что предусмотренные статьей 11 основания для вмешательства Лиги в конфликт могли бы стать вполне эффективной мерой поддержания всеобщего мира, если бы не компромиссный характер ее Статута. С одной стороны, он наделяет Лигу достаточно широкими полно-

7 Некоторые ученые указывали на демократический характер данной статьи, считая ее определенной гарантией от лоббирования определенных решений со стороны заинтересованной группы государств. См.: Schücking W. und Wehberg H. Die Satzung des Völkerbundes. – 2 umg. Auflage. – Berlin.: Verlag von Franz Vahlen, 1924– S. 334.

8 При условии, что государство-член Лиги обратит внимание организации на данный конфликт.

9 См.: Статья 17 Статута Лиги Наций // История международных отношений 1918-1939 / Составители А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М.: Центрполиграф, 2008. – С. 487.

10 См.: Сильченко Ю. С. Закрепление принципа неприменения силы или угрозы силой в Статуте Лиги Наций // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета. Вып. 12 / Науч. ред. А. И. Абдуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – С. 374-375.

11 См.: Schücking W. und Wehberg H. Die Satzung des Völkerbundes. – S. 662.

12 Согласно данной статье, договоры о третейском разбирательстве, а также соглашения регионального характера, обеспечивавшие сохранение мира, не рассматривались как несовместимые с каким-либо из положений Статута.

13 Например, Соглашение Мусолини-Грэхэм (1925 г.) о разделе Эфиопии и ликвидации ее независимости. Протест регента Эфиопии в Лиге Наций, вынудил правительства Великобритании и Италии заявить о том, что данное соглашение связывало лишь указанные страны, и не имело отношения к Эфиопии или любому другому государству.

14 См.: Сильченко Ю. С. Закрепление принципов мирного разрешения международных споров и неприменения силы или угрозы силой в Статуте Лиги Наций и Пакте Бриана-Келлога // Юридические науки. – 2011. – № 4(50). – С. 44.

15 Более подробно см.: Kunz J. L. Die intrasystematische Stellung des Art. XI des Völkerbündpaktes. – Leipzig: Noske, 1934.

мочиями, а с другой, – содержит нормы, препятствующие их практической реализации.

Так, существенным недостатком статьи 11 было отсутствие у Лиги права самостоятельной инициативы в разрешении возникавших конфликтов. Организация не могла предпринимать никаких шагов до тех пор, пока один из ее членов не обратился бы к ней с этой просьбой. Практика показала, что в случае, когда агрессором выступал член Лиги, последняя оставалась безучастной к просьбам пострадавшего третьего государства¹⁶. Это обстоятельство, а также то, что Статут допускал возможность вмешательства Лиги (по просьбе ее члена) в конфликт, сторонами которого были только третьи государства, с самого начала подорвали авторитет этой международной организации как гаранта всеобщего мира.

Следующий момент, усложнявший практическое применение статьи 11 – она обходила молчанием вопрос о том, какой орган Лиги должен был предпринимать меры по урегулированию конфликта. Логично было бы предположить, что это право закреплялось за Советом, поскольку многочисленный состав Ассамблеи, а также требование единогласного принятия решений, могли свести «на нет» любые попытки воздействия на агрессора.

Помимо статьи 11, принцип неприменения силы был также закреплен и в статье 10 Статута, согласно которой «Члены Лиги обязуются уважать и защищать от внешней агрессии территориальную целостность и политическую независимость всех Членов Лиги. В случае агрессии или угрозы ее совершения Совет определяет меры к обеспечению выполнения данного обязательства»¹⁷.

При беглом изучении данных статей может показаться, что содержание статьи 11 было шире по сравнению со статьей 10. Так, под действие статьи 11 попадали не только внешние и внутренние военные конфликты, но и любые обстоятельства, угрожавшие всеобщему миру. К тому же она наделяла Лигу правом предпринимать активные действия для предотвращения конфликтов (включая использование санкций), а не просто выносить рекомендации. Более того, статья 11 распространяла свое действие на всех участников международных отношений, независимо от их членства в Лиге, в то время, как статья 10 была направлена на защиту интересов входивших в Лигу государств. Вместе с тем статья 10 была лишена главного недостатка статьи 11 – отсутствия у Лиги инициативы для вмешательства в конфликт. Так, в соответствии со статьей 10 Лига должна была защищать сложившийся после Первой мировой войны status quo, независимо от наличия соответствующего обращения от ее члена.

Таким образом, закрепленный в Статуте принцип неприменения силы стал лишь полумерой, поскольку ведущие державы в то время еще не были готовы отказаться от «права на войну». Вместе с тем было бы неверно считать, что Лигой не предпринималось никаких попыток по запрету агрессивных войн. Определенное влияние на развитие принципа нападения оказали Женевский протокол о мирном урегулировании международных конфликтов (1924 г.), объявивший агрессивную войну международным преступлением; Декларация Лиги Наций об агрессивных войнах (1927 г.), также запрещающая агрессивные войны. Наибольшую известность получил Пакт Бриана-Келлога (1928 г.), закреплявший отказ от использования войны в качестве законного средства разрешения международных споров¹⁸. К тому же предпринимались

попытки внесения в Статут поправок с целью исключения из него допускавших войну положений¹⁹.

Важное значение в Статуте уделено принципу мирного разрешения международных споров. Согласно статье 12, все споры должны были передаваться на рассмотрение Совета либо третейскому разбирательству. При этом стороны конфликта не должны были прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей или доклада Совета²⁰. В статье 13 содержался перечень споров, подлежащих обязательному третейскому разбирательству, а осуществление принятого судебного решения обеспечивалось возможностью применения предусмотренных статьей 16 санкций. Здесь же стоит упомянуть статью 19, предусматривавшую право Ассамблеи предлагать ревизию международных договоров, сохранение которых угрожало бы всеобщему миру. Несмотря на отсутствие практики применения данной статьи, можно предположить, что она также могла бы использоваться для мирного разрешения международных споров (при условии ликвидации имевшихся в ее тексте коллизий).

Оценивая практическую деятельность Лиги в данной сфере, мы можем выявить как успешные акции – разрешение польско-литовского конфликта (1920 г.), греко-болгарского конфликта (1925 г.), конфликта между Колумбией и Перу (1935 г.), так и действия, завершившиеся провалом – неспособность повлиять на воюющие стороны во время гражданской войны в Испании (1935–1939 гг.), а также на судетскую проблему в Чехословакии (1938 г.).

Отметим также, что в рамках Лиги Наций был заключен ряд документов, закреплявших принцип мирного разрешения международных споров. Среди них резолюции Ассамблеи от 26 сентября 1928 года «О мирном разрешении международных споров, о ненападении и о взаимной помощи» и от 26 сентября 1931 года «О всеобщей конвенции для развития средств предотвращения войны». К тому же создание Постоянной палаты международного правосудия также оказывало определенное влияние на стороны конфликта, поскольку они более не могли ссылаться на затруднения, связанные с созданием суда или отсутствием компетентных для разрешения данного спора лиц.

Затрагивая вопросы защиты прав человека, отметим, что в Статуте ничего не говорилось о принципах национального, расового или религиозного равенства. Вместе с тем в нем нашли закрепление справедливые и гуманные условия труда, запрет работорговли (ст. 23), а также обеспечение свободы совести и вероисповедания в отношении туземного населения территорий, на управление которыми были выданы мандаты (ст. 22). Отметим также, что в рамках Лиги Наций был детально разработан механизм защиты прав меньшинств, который, несмотря на свои недостатки, способствовал дальнейшему развитию данного принципа.²¹ В частности, личные, имущественные и социально-культурные права представителей меньшинств получили закрепление в двусторонних и

ние войны из жизни общества. Международно-правовые проблемы. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 31-36.

19 Например, Резолюция XII Ассамблеи Лиги Наций от 25 сентября 1931 года об изменении Статута Лиги Наций для согласования его с Парижским пактом. // Сборник документов по международной политике и международному праву... Вып. III. – С. 150.

20 Здесь важно иметь в виду следующее: доклад Совета имел обязательную силу при условии, что он был принят единогласно (за исключением голосов спорящих сторон). При принятии доклада простым большинством голосов, он носил характер рекомендации и в этом случае обращение к войне до истечения трехмесячного срока не считалось нарушением Статута.

21 Более подробно см.: Кечежян С. Ф. Международно-правовая защита национальных меньшинств. – Баку, 1929. – С. 40; Scheuermann M. Minderheitenschutz contra Konfliktverhütung? Die Minderheitenpolitik des Völkerbundes in den zwanziger Jahren. – Marburg/Lahn, 2000.

16 В ноябре 1920 года еще не состоявшая в Лиге Венгрия обратилась с заявлением об угрозе миру со стороны стран Малой Антанты, но Генеральный Секретарь на принял его к рассмотрению, сославшись на положения статьи 11.

17 Статья 10 Статута Лиги Наций // История международных отношений 1918-1939. / Составители А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М.: Центрполиграф, 2008. – С. 483.

18 См.: Орловский А. В. Ответственность государства за агрессию. – Минск: Наука и техника, 1969. – С. 41-45; Романов В. А. Исключе-

многосторонних договорах, контроль за соблюдением которых осуществляла Лига Наций. К тому же, допускалось разрешение споров, связанных с защитой прав нацменьшинств в Постоянной палате международного правосудия.

В Статуте Лиги ничего не говорилось о праве наций на самоопределение, однако уже известная статья 10 Статута закрепляла косвенный запрет на вмешательство Лиги во внутренние дела ее членов, допуская мирное изменение существовавших тогда государственных границ. К тому же в рамках Лиги Наций была создана система мандатов, которая, несмотря на ее неоднозначную оценку, признавала временный характер управления подопечными территориями²², с возможностью приобретения ими независимости мирным путем²³. Более того, факт публичного обсуждения в Лиге Наций колониальных проблем сам по себе стал определенным сигналом на изменение положения народов подопечных территорий.

Конечно же одной из основных целей создания Лиги Наций было укрепление и развитие международного сотрудничества государств в различных сферах – в области ограничения вооружений (ст. 8) и поддержания международного мира и безопасности (ст. 10–13, 15, 16), а также в социально-экономической и гуманитарной сферах (ст. 23–25). Здесь примечательным является тот факт, что несмотря на декларативный характер статей, посвященных неполитическому сотрудничеству государств, именно в этой сфере Лиге удалось добиться наиболее значимых результатов, нежели в вопросах обеспечения коллективной безопасности. Так, в рамках проводимых Лигой международных конференций, были подготовлены проекты сокращения таможенных пошлин, установления свободы передвижения капиталов и др. Приняты конвенции о свободе транзита (1921 г.), об упрощении таможенных формальностей (1923 г.), об отмене запретов и ограничений импорта и экспорта (1927 г.), обсуждался разработанный А. Брианом план по учреждению Европейского федеративного союза с созданием общего европейского рынка (1929 г.). Некоторые принятые Лигой конвенции действуют до сих пор, другие, не вступившие в силу, – оказались забыты, однако все они имеют важное значение для становления и развития современного международного права, поскольку при создании ВТО, ЕС, ЕАЭС и других международных организаций, в полной мере использовался опыт Лиги Наций²⁴.

Завершая статью, можно прийти к выводу, что несмотря на противоречивое содержание Статута, в нем была предпринята попытка придать универсальное значение тем принципам и идеям, без которых немислимо современное международное право. Свободное участие в деятельности международной организации, равенство прав и обязанностей членов Лиги, добросовестное исполнение обязательств, защита территориальной целостности и политической независимости, отказ от тайной дипломатии, развитие межгосударственного сотрудничества в различных сферах – вот небольшой перечень принципов, закрепленных в Статуте и ставших сегодня императивными нормами. К тому же прогрессивному развитию современного международного права способствовали: косвенный запрет любых войн и вмешательства во внутренние дела государства; введение международной судебной защиты индивидуальных прав нацменьшинств; соз-

дание системы международного контроля над управляемыми территориями, а также международное управление спорными территориями; создание постоянной международной судебной инстанции; стремление к сотрудничеству с третьими государствами в вопросах обеспечения всеобщего мира.

Все сказанное выше позволяет прийти к выводу, что для своего времени Статут Лиги Наций был в определенной мере прогрессивным документом, а содержащиеся в нем идеи не только не утратили в наши дни своей актуальности, но и стали основой современного международного права, получив закрепление и развитие в Уставе ООН.

Пристатейный библиографический список

1. Алексидзе Л. А. Некоторые вопросы теории международного права: Императивные нормы *jus cogens*. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982. – 406 с.
2. Водозов В. В. Версальский мир и Лига Наций. – Пг.: Центральное кооперативное издательство «Мысль», 1922. – 87 с.
3. Иванов Л. Н. Лига Наций. – М.: Московский рабочий, 1929. – 181 с.
4. Илюхина Р. М. Лига Наций. 1919-1934. – М.: Наука, 1982. – 355 с.
5. Кечекьян С. Ф. Международно-правовая защита национальных меньшинств. Баку, 1929.
6. Мир/ реасе: Альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны: Антология / Отв. ред. Чэтфилд Ч., Илюхина Р. М. – М.: Наука, 1993. – 349 с.
7. Орловский А. В. Ответственность государства за агрессию. – Минск: Наука и техника, 1969. – 148 с.
8. Романов В. А. Исключение войны из жизни общества. Международно-правовые проблемы. – М.: Госюриздат, 1961. – 200 с.
9. Сборник документов по международной политике и международному праву. Выпуск III Японо-китайский конфликт. План Гувера и репарационная проблема. Деятельность Лиги Наций и др. / под ред. К. В. Антонова. – М.: Изд-е НКВД, 1932.
10. Статут Лиги Наций // История международных отношений 1918-1939./ Составители А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М.: Центрполиграф, 2008. – С. 479-491.
11. Сильченко Ю. С. Закрепление принципа неприменения силы или угрозы силой в Статуте Лиги Наций // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета. Вып. 12 / Науч. ред. А. И. Абдуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – С. 347-379.
12. Сильченко Ю. С. Закрепление принципов мирного разрешения международных споров и неприменения силы или угрозы силой в Статуте Лиги Наций и Пакте Бриана-Келлога // Юридические науки. – 2011. – №4 (50). – С. 43-48.
13. Четвериков А. О. Забытые страницы истории интеграционного права: интеграционные проекты Лиги Наций и их влияние на правовые системы Всемирной торговой организации, Европейского союза и Евразийского экономического союза. / Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2015).
14. Kunz J. L. Die intrasystematische Stellung des Art. XI des Völkerbundespaktes. – Leipzig: Noske, 1934. – 143 S.
15. Scheuermann M. Minderheitenschutz contra Konfliktverhütung? Die Minderheitenpolitik des Völkerbundes in den zwanziger Jahren. – Marburg/Lahn: Verl. Herder-Inst., 2000. – 516 S.
16. Schücking W. und Wehberg H. Die Satzung des Völkerbundes. – 2 umgearbeitete Auflage. – Berlin.: Verlag von Franz Vahlen, 1924. – 794 S.

22 Например, приобретение Ираком независимости в 1932 году и его последующее вступление в Лигу Наций.

23 Это подтверждает Постановление Совета Лиги Наций об условиях прекращения мандатного режима (от 04.09.1931 г.). См.: Сборник документов по международной политике и международному праву ... – Вып. III. – С.172 – 175.

24 Более подробно см.: Четвериков А. О. Забытые страницы истории интеграционного права: интеграционные проекты Лиги Наций и их влияние на правовые системы Всемирной торговой организации, Европейского союза и Евразийского экономического союза. / Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2015).

Арсеньев И. А. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В данной статье рассматриваются процесс формирования системы защиты прав человека на национальном и международном уровне, основы взаимодействия национального и международного права в контексте прав человека, также анализируются общие принципы их осуществления. В статье предпринимается попытка анализа некоторых теоретических аспектов сравнительно новой, молодой отрасли международного права – права прав человека в диалектическом единстве и взаимодействии ее двух составных частей – международной системы права прав человека и национальной системы права прав человека. Методологическая основа исследования – общая теория государства и права, историко-правовой и нормативно-правовой методы юридического анализа.

Ключевые слова: международное право, национальное право, соотношение международного и национального права, система защиты прав человека, ратификация, принцип субсидиарности.

Arsenyev I. A. CORRELATION OF NATIONAL AND INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS PROTECTION SYSTEMS

The subject of the article is the development of human rights protection system at the national and international level of regulation, the fundamental principles of interrelation of national and international law in the context of human rights, general principles of their implementation. The author analyzes theoretical aspects of the relatively young branch of international law – human rights law in the dialectical unity and interaction of its two components – international human rights protection system and its national dimension. The methodological basis of research – the general theory of state and law, historical, legal and regulatory methods of analysis.

Keywords: international law, national law, co-relation of national and international law, human rights protection system, process of ratification, the principle of subsidiarity.

Понятие «права человека» (далее – ПЧ) как юридическая категория, зафиксированная в нормативном порядке, возникло в конце XVIII в. в рамках национальных правовых систем Франции периода Великой французской революции и США в эпоху национально-освободительной борьбы за независимость от британской короны.

В юридической литературе по правам человека традиционно принято «искать корни» юридической концепции (теории права прав человека) в достаточно глубокой древности. Особенно характерны такие попытки для американских и английских политиков, философов и теоретиков права, которые в попытках «научно обосновать» историческую роль Великобритании в становлении права прав человека искусственно включают в число ее юридических первоисточников т.н. Великую хартию вольностей (Magna Charta of Liberties) 1215 г. Реальное значение этого документа состояло в том, что она чуть-чуть ограничила абсолютную власть английского короля Джона I в отношениях с верхушкой феодальной знати – баронами (они получили «свободу» от произвольного тюремного заключения, право на быстрый суд и создание «Совета» из 25 наиболее выдающихся баронов, право свободно высказываться в стенах тогдашнего парламента). Это была своего рода феодальная «советская власть» для 25 человек, которая не имела ничего общего с правами человека. Куда более полным сводом законов, в котором содержится и гораздо более широкое описание некоторых прав человека, включая право собственности, является «Русская Правда» Ярослава Мудрого (XI в.).

Декларация независимости США 1776 г. стала первым законодательным актом государства и одновременно – одним из важнейших юридических документов международного права ПЧ. В ней провозглашается в качестве «естественного права» народа право на политическую независимость и отделение

Арсеньев И. А.

от другого народа (первое предложение). Во втором разделе содержится указание на «самоочевидную истину» того, что «все люди созданы равными и наделены их Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых право на жизнь, на свободу и стремление к Счастью». Здесь же содержится указание на «право народа изменить или отменить любую форму правления», если оно «не находит согласия со стороны управляемых». В следующем разделе Декларации, где содержится перечень претензий к британскому королю Георгу III касательно нарушений прав жителей подвластных ему колоний, среди прав личности отмечаются право на справедливые законы, право быть представленными в законодательном органе, право на натурализацию (для иммигрантов), право на независимость судебной власти от власти монарха (в том числе материальной), право на суд присяжных и др.

В Конституции США зафиксированы не только юридическая категория «права человека», но и их конкретное содержание (как объект права), которое охватывает в качестве основных прав человека права политические, юридические и политико-экономические (право на частную собственность).

Юридически ПЧ нашли свое отражение в «Билле о правах», который зафиксировал в качестве неотъемлемых прав человека (читай: гражданина США) свободу слова, печати, вероисповедания, собраний, петиций (I поправка к Конституции), право на хранение и ношение оружия (II), право на суд присяжных по уголовным и гражданским делам (V–VII), право на частную собственность (V).

Примечательно также, что IX поправка к Конституции 1791 г. особо оговаривает, что перечень ПЧ, в ней содержащийся, не является исчерпывающим. В самой Конституции США закреплены следующие права: право избирать и быть избранным (ст. 1 и 2, ч. 1); право рассмотрения уголовного

дела судом присяжных (ст. 3, ч. 2); запрет на дискриминацию граждан различных штатов внутри страны (ст. 4, ч. 2).

Вслед за США права человека нашли нормативное закрепление в конституциях формировавшихся на обломках испанской колониальной империи государств Латинской Америки. Эти страны, государственность которых формировалась на основе буржуазно-демократических принципов (со всеми оговорками, связанными с особенностями их преимущественно аграрно-сырьевой экономики, доминированием плантационных и концессионных форм хозяйствования), практически у самых истоков своей государственности оказались «на голову впереди» не только Европы всей, но и США, особенно в части трактовки и нормативного закрепления прав человека на конституционном уровне.

Первые латиноамериканские конституции, которые были приняты вслед за получением независимости в первой трети XIX в., заимствовали передовые принципы эпохи. Они во многом опережали свое время. Новые латиноамериканские конституции содержали серьезный блок социально-экономических прав человека. Был закреплен целый ряд конституционных принципов¹, которые сохранили свое значение и в последующих редакциях конституций стран региона. В самой Конституции США закреплены следующие права: право избирать и быть избранным (ст. 1 и 2, ч. 1); право рассмотрения уголовного дела судом присяжных (ст. 3, ч. 2); запрет на дискриминацию граждан различных штатов внутри страны (ст. 4, ч. 2).

Во Франции в 1789 г. была принята Декларация прав человека и гражданина, в которой нашла свое отражение концепция естественного права, и ее главная идея равенства: все люди равны и свободны от рождения. Именно идея прав человека и гражданина стала основной движущей силой Французской революции². Декларация является неотъемлемой составной частью нынешней Конституции Франции. Речь идет о принципе суверенитета народа; верховенстве конституции; равенстве граждан перед законом; ответственности, выборности и сменяемости высших должностных лиц; принципе разделения властей. Особо подчеркивается (в ст.4) ограничение прав человека правами других лиц³.

Что касается России, то одним из первых документов, в котором были нормативно закреплены ПЧ (в отличие от США, они распространялись на все слои общества – все население страны) может считаться «Свод законов Российской империи» второй половины XIX – начала XX века. Пример – Свод Законов в редакции 1906 г. В нем законодатель, в частности, провозглашает такие права человека, как:

- неприкосновенность жилища (ст. 33);
- свобода избрания места жительства и свобода избрания занятия, свобода пользования и распоряжения имуществом, свобода передвижения (ст. 34);
- неприкосновенность частной собственности (ст. 35);
- свобода собраний мирно и без оружия (ст. 36);
- свобода мысли и печати (ст. 37);
- свобода открытия союзов (ст. 38)

Пример «отсталой России», «тюрьмы народов» (как с легкой руки большевиков и прочих революционеров стали называть нашу страну) весьма показателен и интересен. Он свидетельствует о том, что развитие капитализма в Российской

империи не могло не проявиться в адекватном нормативно-правовом закреплении основных ПЧ, включая право частной собственности – основу частнокапиталистических отношений, полностью определявших вектор социально-экономического развития России второй половины XIX – начала XX в.

Вопреки расхожему мнению, международное право прав человека – это не «слепок» и не продолжение права прав человека в понимании национального права.

Формирование международной составляющей права прав человека связано с именем Элеоноры Рузвельт – супруги великого американского президента Ф. Рузвельта. Будучи первым председателем Комиссии ООН по правам человека, Э. Рузвельт стала движущей силой создания в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, которая навсегда останется её наследием⁴. Именно с ее именем связано формирование права прав человека как особой отрасли международного права, его обобщение и систематизация.

ВДПЧ была принята в формате декларации – добровольного, не обязывающего документа, она не содержит обязательственных норм. Тем не менее Декларация имеет фундаментальное значение, ее положения были использованы в качестве основы для создания нормативных документов – пактов, конвенций и др.

Тело международного права прав человека составляют международные конвенции, которые носят обязательный характер для стран-подписантов. К ним относятся Пакты ООН 1966 г.: Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и факультативные протоколы к ним. Нормативная база международно-правовой системы защиты прав человека включает и колоссальный массив правозащитных документов Международной организации труда, относящихся к политическим, экономическим и социальным правам трудящихся, Всемирной организации здравоохранения в контексте обеспечения права на жизнь и здоровье и запрета на дискриминацию, права детей и подростков⁵.

Все нормы МОТ тесно связаны с такими универсальными ценностями, как свобода, равенство и человеческое достоинство, провозглашенными в ВДПЧ, а многие положения принятого впоследствии Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах совпадают с ранее одобренными МОТ нормами по этим вопросам⁶. Фактически конвенции МОТ, юридически обязывающие для государств-членов, развивают положения Международных пактов в контексте гражданских, политических, экономических и социальных прав.

Во всех названных нормативных документах системы ООН содержится исчерпывающий перечень конкретных естественных, политических, социальных и экономических ПЧ, как индивидуальных, так и коллективных.

К числу основных ПЧ, зафиксированных в упомянутых международно-правовых актах, имеющих силу закона, среди прочих относятся: право на жизнь, свободу и личную непри-

1 Конституционное право зарубежных стран / Под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – М.: Норма, 2004, гл. 24.

2 Бизнес и права человека: Практическое пособие. – М.: Агентство социальной информации, 2009.

3 Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М., 1989. – С. 26–29.

4 Элеонора Рузвельт [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Объединяйтесь за права человека». – Режим доступа: <http://www.humanrights.com/ru/voices-for-human-rights/eleanor-roosevelt.html>

5 Сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/topics/human_rights/ru

6 Вестник Субрегионального бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии Международной организации труда. № 4 (35), декабрь 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_309293.pdf

косновенность; право на свободу мысли, совести и религии; право на свободу мнений и их выражения. В самой Декларации нашли свое закрепление в том числе следующие права: свобода и равенство всех лиц; личная свобода; свобода собственности; право на безопасность; равенство перед законом; право избирать и быть избранным; презумпция невиновности; запрет на дискриминацию; свобода выражения мнения; разделение властей; право собственности;

К сожалению, объем настоящей статьи не позволяет подробнее проанализировать весь комплекс прав, закрепленных на международном уровне⁷.

В целом зафиксированные ПЧ отражают в юридической форме всю совокупность характеристик человеческой личности как субъекта права (субъекта общественных отношений):

- особенный физический и умственный статус (право на жизнь, запрет на насильственное лишение жизни, в том числе запрет на смертную казнь, право на добровольное согласие на медицинское и биологическое вмешательство и т.д.);

- материальный статус (право собственности, включая неимущественные права, в т.ч. право на информацию, право интеллектуальной собственности);

- социальный статус (право на вступление в брак, право на гражданство);

- политический статус как носителя прав участия в политической жизни общества, определении властных полномочий государства, непосредственного участия в формировании (избрании) и работе госорганов (право избирать и быть избранным в представительные органы власти и т.д.);

- экономический статус (право на труд, право на ведение бизнеса, свобода предпринимательства и т.д.);

- право на свободу общественной и политической деятельности (право на ассоциацию, свобода слова, свобода информации, право доступа к информации).

Эти международно-правовые акты носят обязательный (нормативный) характер для государств, участвующих в соответствующих договорах. Все остальные «новомодные» концепции права прав человека (вроде так называемых «прав сексуальных меньшинств») не входят в сферу нормативных актов международного права.

Международные документы о правах человека составляют неотъемлемую часть национального законодательства стран-участниц конкретных международных соглашений в этой области. Интеграция (имплементация) международного и национального законодательства в области прав человека основывается на механизме ратификации или присоединения государств к международным соглашениям. Этот механизм предусмотрен как самими этими соглашениями, так и соответствующими нормами национального права.

Механизм ратификации или присоединения государств к международным договорам в области прав человека имеет ключевое значение в формировании и функционировании международной, региональных и национальных правовых систем обеспечения и защиты прав человека.

Ратификация/присоединение к международному договору:

- определяет правовой статус и географическую (пространственную) сферу действия самого международного договора, в том числе срок вступления договора в законную силу

(после того, как его ратифицирует оговоренное в договоре число стран-участниц);

- создает для отдельных государств возможность частичного исключения из действия на территории этого государства отдельных положений соглашения или дополнительных протоколов к нему;

- законодательно (юридически) устанавливает приоритет положений международного договора над национальным законодательством страны-подписанта (над юрисдикцией конкретной страны, ратифицировавшей договор).

На основе ратификации (присоединения) международно-правовая норма, во-первых, становится действующей для принявшего такое решение конкретного государства; во-вторых, приобретает силу национального закона; в-третьих, распространяет свое действие на всех субъектов правоотношений, находящихся под юрисдикцией этого государства.

При этом – что особо оговаривается международными актами по ПЧ – ратификация международного акта по правам человека создает для национального государства обязанность привести свое законодательство в соответствие с таким актом, но сохраняет за ним право определять (сохранять в качестве национальной правовой нормы) иные права человека, не входящие в предмет международно-правового регулирования. Также акты должны быть подписаны и ратифицированы необходимым числом участников, т.е. вступить в законную силу.

Таким образом, международное законодательство по правам человека фиксирует отличие между международно-правовой системой регулирования ПЧ и национальными (национально-государственными) системами прав человека по степени охвата конкретных юридически определенных прав человека.

Однако отличия между международно-правовой и национальной подсистемами прав человека как двумя взаимосвязанными элементами единой системы защиты прав человека как особой отрасли права этим не ограничиваются. Это связано с тем, что между международно-правовой и национально-правовой подсистемами прав человека существуют принципиальные функциональные отличия: в международно-правовой подсистеме представлены, прежде всего, законодательная и судебная функции правоотношений, в то время как в национально-правовой подсистеме не менее, а может быть, и более важное значение приобретает исполнительная функция государства по:

- практическому обеспечению прав человека юридическими средствами, включая недопущение нарушений прав человека и наказание за них со стороны:

- а) государственных органов исполнительной и судебной власти различных уровней;

- б) негосударственных субъектов правоотношений в сфере прав человека;

- в) отдельных лиц;

- исполнению наказаний за установленные в соответствии с законом нарушения прав человека, кем бы они ни совершались;

- охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (включая предотвращение терактов) с точки зрения защиты физической безопасности людей (их права на жизнь) и прав частной собственности;

- выплате компенсаций в случаях установленных законом нарушений прав человека, исполнению решений национальных и международных судов по вопросам соблюдения прав человека (в тех случаях, когда виновником правонарушения

⁷ Подробнее см. Арсеньев И. А. Магистерская диссертация на тему «Инкорпорация прав человека в частный сектор: проблемы и перспективы правового регулирования». – М.: МГИМО-Университет, 2013 г.

является орган государственной власти или его должностное лицо);

– юридическому закреплению прав личности (оформление гражданства, регистрация гражданского состояния, регистрация/оформления прав собственности, в т.ч. авторских прав и других прав интеллектуальной собственности, лицензирование, выдача разрешений экономической деятельности и т.д.).

Так, нынешняя американская администрация Б. Обамы объявила приоритетом своей внешней и внутренней политики права сексуальных меньшинств (лесбиянок, геев, бисексуалов и трансвеститов), несмотря на то, что в самих США не существует единства мнений по этому вопросу между отдельными штатами. С точки зрения прав человека как особой отрасли права, это всего лишь проявление суверенной воли государства защищать и другие виды прав человека, которые не регулируются нормативно международным законодательством по правам человека. Так что «флаг в руки» Бараку Обаме и его соратникам. Только вот навязывать этот американский приоритет другим странам и народам, как это напористо делает американская администрация, является откровенно противозаконным актом, поскольку такие действия откровенно нарушают целый ряд прав человека за пределами США

В России, вопреки мнению обывателей, Конституция не устанавливает автоматическое преимущество международного договора, то есть это преимущество не является абсолютным. Ст. 15 Конституции РФ в ч. 4 гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Что такое «международный договор Российской Федерации»? Это договор, подписанный уполномоченным на это представителем государства и прошедший обязательную для него процедуру ратификации.

Ратификация международных договоров является одним из способов выражения согласия нашего государства на обязательность международного договора и требуется в случаях, перечисленных в ст. 15 ФЗ № 101 «О международных договорах». Исполнительная функция государства здесь рассматривается в ее правовой форме – как совокупность мер правового характера, устанавливающих права (полномочия) и обязанности органов исполнительной власти государства (исполнительной ветви государства), их должностных лиц, регламентирующих их деятельность и устанавливающих ответственность за правонарушение.

Так, ратификация требуется:

- если она предусмотрена самим международным договором;
- если международный договор устанавливает иные правила, нежели законы РФ;
- если предметом договора являются основные права и свободы человека и гражданина;
- если договор относится к вопросам территориального разграничения РФ с другими государствами;
- если договор относится к вопросам, затрагивающим обороноспособность РФ;
- если договор относится к вопросам, касающимся участия РФ в межгосударственных союзах, организациях и иных объединениях, особенно если они затрагивают каким-либо образом ограничение суверенитета.

Функциональное единство международно-правовой и национальной подсистем прав человека в рамках этой отрасли права, помимо названного механизма ратификации международных договоров и их инкорпорирования в национальное законодательство, обеспечивается также на основе применения правового принципа субсидиарности.

Субсидиарность как нормативная категория формально (нормативно) является сравнительно новым правовым институтом. Его принято связывать с правом Европейского Союза, в котором он законодательно закреплён в качестве основного (фундаментального) принципа разделения властных компетенций между ЕС и государствами-членами⁸.

Этот принцип права ЕС распространяется и на разграничение компетенции между наднациональным Судом ЕС и национальными судами стран-членов Союза. На деле этот принцип изначально (до возникновения ЕС) закладывался в «тело» международного законодательства по правам человека, которое возлагает обязанности по защите прав человека на национальные государства в лице его органов законодательной, исполнительной и судебной власти (см. ст. 2 пактов 1966 г.).

В соответствии с этим принципом, обеспечение и защита прав человека, нормативно определенных международным правом, должны осуществляться в первую очередь на уровне отдельного государства, а на более высокий, международный уровень решение этой задачи выносятся в тех случаях, когда национальный механизм по тем или иным причинам не позволяет ее решить.

Этот принцип де-факто закреплён:

- положениями международно-правовых актов по правам человека, возлагающими обязанности по обеспечению прав человека прежде всего на государство – участника соответствующего акта;
- нормами международно-правовых актов по правам человека, определяющими компетенцию международных организаций, включая международные суды, и регламент их деятельности (Совет по правам человека, Комитет по экономическим и социальным правам, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Международный Суд, Европейский суд по правам человека и др.);
- нормами международных актов по правам человека, устанавливающими возможность прямого обращения отдельных лиц в международные судебные инстанции по поводу нарушений прав человека в случаях, если национальная система защиты прав человека оказывается не в состоянии обеспечить такую защиту⁹.

Таким образом, субсидиарность в международном праве имеет все основания для того, чтобы стать нормативно закреплённым принципом, вне зависимости от его конкретной отрасли. Безусловно, этот вопрос является темой отдельного научного исследования.

Сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека разъясняет, что признание ПЧ означает не только собственно признание права за человеком их осуществлять, но и «обязательства по уважению, защите и выполнению прав человека», при этом «уважение прав человека подразумевает

8 Официальный русскоязычный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/RU/Issues/Pages/WhatAreHumanRights.aspx>.

9 United Nations, Treaty Series. – Vol. 999. – P. 315–317.

невмешательство государства в осуществление прав человека и воздержание от ограничения прав» [8].

При этом особо отмечается, что:

– обязательство по защите ПЧ предполагает недопущение государством правонарушений;

– выполнение ПЧ предполагает обязательство государства гарантировать беспрепятственное пользование основополагающими правами человека.

Как говорилось выше, многие документы содержат оговорки, ограничивающие ПЧ. Так, в межамериканской Декларации о правах и обязанностях человека от 2 мая 1948 г. (ст. 28) предусмотрено, что права каждого заканчиваются там, где начинаются права другого человека, права ограничены соображениями всеобщей безопасности и общего благосостояния и необходимостью демократического развития. В Сан-Сальвадорском протоколе (1988 г.), посвященном экономическим, социальным и культурным правам, зафиксировано, что ПЧ соблюдаются в зависимости от экономических возможностей государств.

Права человека не абсолютны. ПЧ как юридическая категория – это совокупность нормативно закрепленных в национальном, наднациональном и международном праве экономических, социальных, культурных, гражданских и политических индивидуальных и коллективных свобод личности как субъекта права, общих принципов их применения и их общих (универсальных) правовых ограничений (обязанностей).

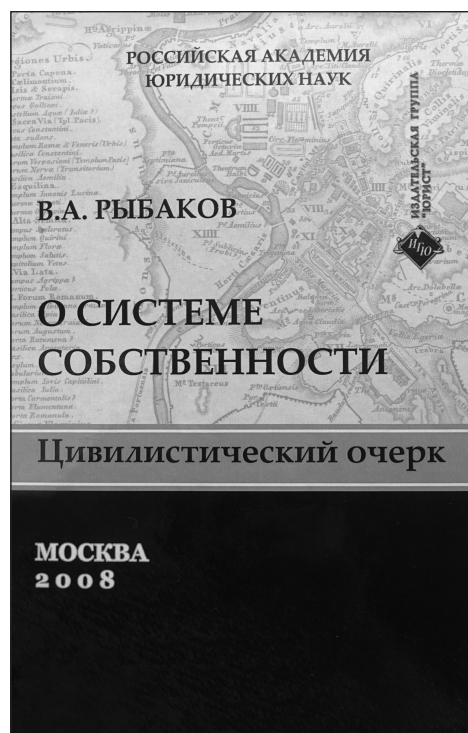
Права и обязанности человека в том виде, в котором они закреплены в международных правообразующих актах, составляют единое целое. Они включают в себя не только «естественные права», вроде права на жизнь, запрет на бесчеловечное обращение, не только политические права, которые, как правило, обусловлены наличием гражданства. К их числу относятся и право на собственность, и право на ведение бизнеса, и право на учредительскую деятельность, и право на получение вознаграждения за труд, и право на забастовку, и право на образование профсоюзов. Упоминание «прав человека» основаны на нормативных международно-правовых документах. При этом права человека не абсолютны, а выступают в неразрывном единстве с обязанностями человека (и государства) по их обеспечению и защите, в том числе и в тех случаях, когда реализация конкретных (индивидуальных или коллективных) прав человека угрожает законодательно определенным интересам общества в целом, в том числе общепринятым моральным ценностям и интересам общественной безопасности.

Приоритет международного права над национальным обеспечивается механизмом ратификации соответствующих международных соглашений. Он позволяет инкорпорировать нормы международного права в национальное законодательство и сделать эти нормы обязательными для отдельных национальных правовых систем, с необходимыми оговорками, которые также закрепляются соответствующими международно-правовыми документами. Важное значение имеет и принцип субсидиарности, в соответствии с которым проводится граница между компетенцией национальной и международной системой защиты прав человека.

Пристатейный библиографический список

1. Арсеньев И. А. Магистерская диссертации на тему: Инкорпорация прав человека в частный сектор: проблемы и перспективы правового регулирования. – М.: МГИМО-Университет, 2013.

2. Бизнес и права человека. Практическое пособие. – М.: Агентство социальной информации, 2009.
3. Вестник Субрегионального бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии Международной организации труда. № 4 (35), декабрь 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_309293.pdf
4. Европейское право: Учеб. для вузов. 3-е изд. – М.: НОРМА ИНФРА-М, 2011.
5. Конституционное право зарубежных стран / Под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – М.: Норма, 2004.
6. Официальный русскоязычный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/RU/Issues/Pages/WhatareHumanRights.aspx>
7. Сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/topics/human_rights/ru/
8. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М., 1989.
9. Элеонора Рузвельт [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Объединяйтесь за права человека». – Режим доступа: <http://www.humanrights.com/ru/voices-for-human-rights/eleanor-roosevelt.html>
10. United Nations, Treaty Series, vol. 999.

Бисултанов А. К.

МЕЖДУНАРОДНАЯ УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ И БОРЬБА С НАРУШЕНИЯМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Статья посвящена отдельным аспектам истории создания международных трибуналов, роли Совета Безопасности ООН в этом вопросе и перспективе создания нового международного судебного учреждения в контексте борьбы с «Исламским государством».

Ключевые слова: международное гуманитарное право, международное уголовное право, международные трибуналы, ответственность, военные преступления, Совет Безопасности ООН, ИГ.

Bisultanov A. K.

INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE AND COMBATING VIOLATIONS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

The article is devoted to the certain aspects of history of International Tribunals foundation and the UNSC role regarding such foundation, as well as prospects of establishing a new international judicial body for the purposes of struggle against ISIS.

Keywords: international humanitarian law, international criminal law, international tribunals, liability, war crimes, UNSC, ISIS.

Бисултанов А. К.

События на полях сражений часто развиваются стремительно, порой непредсказуемо и очень трагично. Жестокость, чрезмерное кровопролитие, неизбирательность применения оружия – с этими проблемами порой не могут разобраться как военачальники на месте, так и представители международных организаций постфактум. В своем желании вести борьбу до победного конца человек может переступить черту дозволенного, как в моральном смысле, так и в правовом. Но если разбирательство с моральным аспектом можно оставить самому нарушителю, то нарушение тех или иных норм, особенно норм международного гуманитарного права, не должно оставаться безнаказанным. Инструментом справедливости в данном вопросе выступает международное уголовное правосудие. Принципы и сама философия международного уголовного правосудия вытекают из «общих принципов права», восходящих и к международной правовой системе, и к национальным нормам права¹.

Идея принятия мер против конкретных лиц за серьезные нарушения норм международного права не является новой. В январе 1919 г. на предварительной мирной конференции была учреждена комиссия из 15 человек. Они должны были решить вопрос наличия оснований для обвинения подданных Германии и её союзников в нарушении действующего на тот момент международного права. В отношении ответственности военных преступников комиссией были внесены рекомендации и предложения виновных в нарушении законов и обычаев войны или законов человечности привлекать к уголовной ответственности. Это решение было поддержано выводом комиссии, который гласит, что международное право разрешает воюющей стороне привлекать за некоторые правонарушения к судебной ответственности лиц, находящихся под её контролем, и для этого учреждать собственные суды и осуществлять судопроизводство². Однако отказ правительства Нидерландов выдать бежавшего на территорию их страны Вильгельма II не дал реализовать положение ст. 227 Версальского мирного договора, гласившее: «Союзные и Объединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему Германскому Императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров.

Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты...»³.

Правительство Германии также ссылалось на невозможность выдачи подозреваемых союзниками лиц создаваемому по Версальскому мирному договору международному судебному учреждению. Однако обвиняемые предстали перед Императорским Верховным судом в Лейпциге, правда, позже все были оправданы по различным основаниям, например, за отсутствием состава преступления по уголовному праву Германии⁴.

Во время Второй мировой войны Советский Союз настаивал на том, что зверства нацистов на оккупированных территориях не должны остаться безнаказанными. В 1943 г. в Москве проходило совещание министров иностранных дел стран-союзников антигитлеровской коалиции. Результатом совещания стала Московская декларация, частью которой является Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. В ней провозглашалось: «...В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобождённых стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии...»⁵.

1 См.: Bassiouni M. Ch. A Functional Approach to "general Principles of International Law" // Michigan Journal of International Law. – 1990. – № 11. – P. 780; Bin Cheng. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. – Cambridge, 1987. – P. 4.

2 См.: Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: РКонсульт, 2002. – С. 12.

3 Текст Мирного договора между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор от 28.06.1919) // Петербургский правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=20302> (дата обращения: 19.09.2015 г.).

4 См.: Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: РКонсульт, 2002. – С. 14.

5 См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны». Источник: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы. Т. 1 // ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы – 1944. – С. 363–364.

Согласование различных вопросов, деталей по реализации процесса осуществления правосудия вылилось в длительные переговоры между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. В итоге 8 августа 1945 г. в Лондоне было заключено соглашение, в соответствии с которым предусматривалось утверждение Международного военного трибунала. В отличие от неудачной попытки судить военных преступников после Первой мировой войны, Международный военный трибунал для суда над главными немецкими военными преступниками и Международный военный трибунал для Дальнего Востока (для суда над главными японскими военными преступниками) заложили основу «Нюрнбергскому» и «Токийскому» процессам, что в итоге позволило правосудию восторжествовать после окончания Второй мировой войны. Более того, по мнению авторитетного советского юриста П. С. Ромашкина, уставы этих трибуналов представляют собой, по существу, первые в истории международные уголовные и уголовно-процессуальные кодексы и являются основными источниками международного уголовного права⁶.

Приговоры указанных выше трибуналов имеют огромное значение потому, что впервые в истории международного права международными судебными актами была осуждена агрессия, как тягчайшее преступление против человечества. Более того, помимо исполнителей, ответственность понесли и подстрекатели с организаторами. Нюрнбергский и Токийский процессы стали серьезным предостережением для будущих нарушителей международного гуманитарного права.

С принятием Устава ООН международное право стало развиваться быстрее и прогрессивнее. Можно отметить, что защита прав и свобод человека, как в мирное время, так и во время боевых действий, становится приоритетным интересом международного права. Наряду с созданием новых конвенционных основ международной защиты прав человека, это обстоятельство подтолкнуло национальные государства к совершенствованию собственных законодательств, приведению их в соответствие со своими международными обязательствами и к конвергенции со стандартом общих принципов международного права, ставших результатом коллективной воли государств, сформированной в свою очередь на основе различных исторических традиций⁷.

Государство, как полноценный член международного сообщества, не может отказываться от своих обязательств по защите прав человека, ссылаясь на национальное законодательство.

Начало и середина 90-х годов XX в. исполнены трагических событий. Падение социалистического строя в ряде государств восточной Европы и на Балканах послужило причиной возникновения целого ряда вооруженных конфликтов на их территориях.

Так, исторически важным стал процесс распада Югославии и образования на политической карте мира новых субъектов международного права. Однако распад осложнился тем, что республики, вставшие на путь самостоятельности, не хотели ждать принятия согласованного закона о правилах выхода из федерации. Словения и Хорватия, первыми объявившие о своей независимости, решительно требовали вывода со своей территории Югославской народной армии (ЮНА), а также закрепления за административными границами статуса межгосударственных. Вопросы многонационального государства, распределения имущества, определения границ, судьбы армии, прав национальных меньшинств, условия признания новых государств не обсуждались. На несколько лет вооруженные столкновения стали единственным средством решения накопившихся проблем⁸.

В другой точке света, Руанде, в результате переворота к власти в стране приходят силы, имеющие происхождение из

народности хуту, спровоцировавшие сначала нападения, а позже истребление представителей этнического меньшинства – народности тутси. Это вызвало ответную реакцию со стороны представителей «Руандийского патриотического фронта» – военно-политической организации, состоящей из выходцев народности тутси, а также хуту, на уничтожение тех, кто исполнял и организовывал нападения на тутси.

Армия Руанды заняла нейтральную позицию, десантники из Бельгии и Франции, находившиеся во время трагических событий в Руанде, занимались лишь эвакуацией белого населения.

События, повлекшие огромные человеческие жертвы и нарушения норм международного гуманитарного права, проходившие на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии и в Руанде, привели к серьезному обсуждению международным сообществом вопроса об улучшении эффективности мер защиты прав человека во время их грубого и систематического нарушения. Советом Безопасности ООН в 1993 и 1994 г. в срочном порядке были образованы два международных трибунала: Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершённые на территории бывшей Югославии с 1991 года и Международный трибунал по Руанде. Их основной задачей было судебное преследование лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения норм международного гуманитарного права, а также восстановление справедливости в отношении жертв указанных выше событий.

Сколько бы отдельные авторы или конкретные нарушители норм международного гуманитарного права, как, например, Душко Тадич⁹, ни пытались убедить общественность в нелегитимности такого рода трибуналов, они учреждены Советом Безопасности на основании главы VII и в соответствии с требованиями ст. 29 Устава ООН, гласящей, что «Совет Безопасности может учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций»¹⁰. Более того, из ст. 34 Устава ООН вытекает, что Совет Безопасности ООН уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности¹¹. В соответствии с положениями их уставов, юрисдикция указанных трибуналов распространяется на физических лиц. При этом официальное положение обвиняемого, будь он хоть главой государства – не освобождает его от уголовной ответственности. К тому же такие лица несут ответственность за то, что не предотвратили совершение преступлений своими подчиненными. Создание и работа данных трибуналов стали большим шагом (как в вопросе устройства, так и в процессуальном плане) к учреждению Международного уголовного суда.

Международный уголовный суд (МУС) – *de facto* необходимый орган для современного международного права в целом и международного уголовного права в частности. Он призван служить гарантом реализации основных принципов международного уголовного права, компетентен привлекать к индивидуальной уголовной ответственности лиц, совершивших самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества. В случае нежелания государства, подписавшего и ратифицировавшего Римский статут Международного уголовного суда (договор, учредивший указанный суд), осуществлять расследование и преследование преступника, МУС самостоятельно начнет осуществление правосудия.

6 Ромашкин П. С. К вопросу о понятиях и источниках международного права // Советское государство и право. – 1948. – № 3. – С. 28.

7 Принципы уголовного правосудия в международном праве. Эволюция и особенности имплементации / В. А. Оганесян. – М.: NOTA BENE, 2011. – С. 9.

8 Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии (хроника событий). Гуськова Е. Ю. – М.: ИНИОН, 1998. – С. 5.

9 См.: Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. – 2-е изд., доп. – М.: Издательство МНИИМП, 1999. – С. 285–293.

10 Текст Устава ООН [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter5.shtml> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

11 См.: Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: РКонсульт, 2002. – С. 23.

Помимо указанных судебных учреждений, для отправления международной уголовной юстиции могут использоваться смешанные (гибридные) суды и трибуналы. Их основа – специальные соглашения отдельных государств с ООН (Специальный суд по Сьерра-Леоне; Специальный трибунал по Ливану) или решения временной администрации ООН на территориях проведения миротворческих операций (Смешанные судебные коллегии Косово; Специальные палаты по тяжким преступлениям Тимора-Лешти).

Стоит отметить интернационализованные суды на базе национальных систем правосудия, но с привлечением международных судей и иных участников судопроизводства. Цель – рассмотрение дел о международных преступлениях (Судебная палата по расследованию военных преступлений Суда Боснии и Герцеговины; Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи для расследования преступлений, совершенных в период демократической Кампучии)¹².

Государства прибегают к таким способам судебного преследования только в самых тяжелых и сложных случаях, когда имеет место серьезное нарушение норм международного права, а нарушители представляют реальную угрозу всему мировому сообществу.

На сегодняшний день существует реальная угроза со стороны террористической организации «Исламское государство» (деятельность указанной организации, признанной террористической, запрещена в Российской Федерации Верховным Судом)¹³, выделяющейся на фоне других организаций подобного рода. Движение, объединенное из различных террористических группировок, развивающееся и периодически пополняющееся новыми бойцами, достаточно сильно отличается от других подобных образований. В большинстве случаев у любой террористической организации есть конкретная идеологическая основа и противник, но данная организация нацелена на борьбу с «неверными» не только на Среднем Востоке, но и по всему миру. Более того, эта организация, еще в июне 2014 г. провозгласила халифат и имеет полноценный контроль над частью территории Сирии и Ирака. Существенным фактом является то, что в этой организации есть структурированная иерархия войск, как в полноценной армии настоящего государства. Пропитанные духом реваншизма, бывшие (достаточно высокопоставленные) офицеры вооруженных сил Ирака, времен правления Саддама Хусейна, активно участвуют в незаконной деятельности этой организации и создают эффективные вооруженные силы на основе остатков той старой иракской армии¹⁴.

Освещение своей деятельности в СМИ, контрабандная торговля нефтью, показательные казни (с особой жестокостью) на местах, жестокое обращение с гражданским населением на оккупированных территориях, уничтожение культурных ценностей, памятников, входящих в список Всемирного наследия – все это деятельность указанной выше террористической организации. Более того, представители данного образования открыто воюют с другими оппозиционными силами в гражданской войне в Сирии.

Исходя из сложившейся на данный момент ситуации в Сирии и Ираке, когда международной коалицией, возглавляемой США, производятся бомбардировки территорий этих стран без резолюции Совета Безопасности ООН, когда так называемая «умеренная оппозиция» поддерживается западными странами, существует опасность, что многие участники террористических группировок, действующих на территории Сирии и Ирака, смогут избежать правосудия. Вместе с тем нет

гарантий, что при такой поддержке «оппозиционеров», будет полноценно применен на практике принцип «aut dedere aut judicare» (либо выдай, либо суди).

Эффективное решение вопроса преследования участников «Исламского государства» видится автору в обращении правительств Сирии и Ирака в Совет Безопасности ООН и создании международного судебного учреждения, аналогичного трибуналам по бывшей Югославии и Руанде. Ведь в соответствии со ст. 24 Устава ООН «её Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности»¹⁵.

Международный трибунал по преследованию участников незаконных вооруженных формирований на Среднем Востоке – может стать реальным механизмом для отправления правосудия, достижения справедливости и наказания виновных в совершении серьезных нарушений норм международного гуманитарного права. Безусловно, деятельность данного трибунала невозможна без активного содействия государств, что логично. Устав трибуналов такого рода обычно обязывает государства оказывать помощь, включая розыск и опознание обвиняемых лиц, а также их передачу трибуналу. Хочется верить, что политическая воля того или иного государства будет обязана отойти на второй план, т.к. в соответствии со ст. 25 Устава ООН «Члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их»¹⁶. Более того, решения Совета Безопасности, принятые в соответствии с гл. VII Устава ООН, обязывают все государства принимать меры для исполнения судебных решений¹⁷.

Таким образом, для эффективной и успешной борьбы с различными террористическими группировками, действующими на территории Сирии и Ирака, а также отправления правосудия над их участниками, необходимы скоординированные действия всего мирового сообщества.

Приставленный библиографический список

1. Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: РКонсульт, 2002.
2. Международное право / Витцум В. Г. – М.: Инфортопик Медиа, 2011.
3. Международное право: Особенная часть / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013.
4. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000.
5. Сассоли М., Буве А. Правовая защита во время войны. В 4-х т. Том I. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2008.
6. Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. – М.: МККК, 2006.
7. Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defence. 5th Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
8. Jean-Marie Henckaerts, Louise Doswald-Beck. Customary International Humanitarian Law. – Vol. I: Rules. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
9. McCorquodale R., Dixon M. Cases and Materials on International Law. 4th Ed. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

12 См.: Право международных организаций: учебник / Под ред. И. П. Блиценко, А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2013. – С. 536.

13 Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. [Электронный ресурс] // Сайт ФСБ РФ. – Режим доступа: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

14 Бывшая армия Саддама Хусейна активно поддерживает ИГИЛ // Информационное агентство «Росбалт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/06/18/1410046.html> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

15 Текст Устава ООН. Сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter5.shtml> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

16 Текст Устава ООН. Сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter5.shtml> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

17 См.: Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: РКонсульт, 2002. – С. 24.

Пантелеева К. А.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ЕСПЧ ИЛИ КРИТЕРИЙ ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБ RATIONE LOCI

В настоящей статье уделено внимание основным тенденциям практики Европейского суда по правам человека по вопросам территориального действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод в контексте применения Европейским судом по правам человека критерия приемлемости жалоб *ratione loci*.

Ключевые слова: критерии приемлемости, территориальная юрисдикция, экстратерриториальная юрисдикция, *ratione loci*.

Panteleeva K. A.

THE TERRITORIAL JURISDICTION OF THE ECHR OR ADMISSIBILITY CRITERION RATIONE LOCI

The article is focused on the main tendencies of the European Court of Human Rights case law concerning application of the admissibility criterion *ratione loci* in order to determine territorial scope of the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms.

Key words: acceptance criteria, territorial jurisdiction, extraterritorial jurisdiction, *ratione loci*.

Пантелеева К. А.

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) Европейский суд по правам человека (далее – Европейский суд, Суд, ЕСПЧ) может принимать жалобы от любого лица, которое утверждает, что его права нарушены одним из государств, подписавших Конвенцию¹.

Вместе с тем Конвенцией предусмотрены условия приемлемости индивидуальных жалоб, регулирующие право на их подачу. В числе таких условий выделяют критерий приемлемости «*ratione loci*», согласно которому заявленное в жалобе нарушение должно произойти на территории, на которую государство-участники Конвенции распространяют свою юрисдикцию.

Данный критерий проистекает из статьи 1 Конвенции, согласно которой государства обеспечивают каждому находящемуся в пределах их юрисдикции соблюдение прав и обязанностей, предусмотренных Конвенцией².

Интересно, что изначальная формулировка данного положения, подготовленная Комитетом Консультативной Ассамблеи по правовым и административным вопросам Совета Европы, гласила следующее: «государства-участники принимают на себя обязательство по обеспечению каждому, **проживающему на их территории, права...**» (выделение мое – К.П.). Межправительственный комитет экспертов, который рассматривал проект Консультативной Ассамблеи, пришел к выводу, что термин «проживающий» может быть истолкован слишком ограничительно. С целью расширения применения Конвенции к иным лицам, которые постоянно не проживают на территории какого-либо договаривающегося государства, но, тем не менее, находятся на его территории, было принято решение о замене формулировки «**каждому, проживающему на их территории**» на «**каждому, находящемуся под их юрисдикцией**». Текст в таком виде был принят Консультативной Ассамблеей 25 августа 1950 г. без внесения дальнейших поправок³.

Из данной нормы следует, что Договаривающиеся государства несут ответственность за любые нарушения прав и свобод каждого лица, находящегося под их юрисдикцией⁴.

Следовательно, индивидуальная жалоба будет признана неприемлемой, если ЕСПЧ сочтет, что лицо не «находилось под юрисдикцией» государства-участника Конвенции.

Такая расплывчатая формулировка требовала дальнейшего уточнения. Суду мало помогли подготовительные материалы (*Travaux préparatoires*) к Европейской конвенции, поскольку под «юрисдикцией» составители Конвенции, в первую очередь, понимали государственный суверенитет. Так, в *Travaux préparatoires* указано, что «юрисдикция, как правило, определена и ограничена суверенными территориальными правами независимых государств, и в ее основе лежат принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела»⁵.

Однако Суд в своей практике не использует понятие «суверенитет», ЕСПЧ исходит из того, что осуществление юрисдикции является обязательным условием для возможности несения ответственности государством за действия или бездействия, которые могут быть ему вменены, при возникновении спора о нарушении прав и свобод, гарантированных Конвенцией⁶.

В целях обозначения территории, на которую договаривающееся государство распространяет свою юрисдикцию, ЕСПЧ использует понятие «правовое пространство» («*espace juridique*») государства-участника Конвенции. Совокупность «правовых пространств» государств-участников составляет пространство территориального действия Конвенции.

Вопрос установления границ данного пространства является крайне важным, поскольку от ответа на него зависит приемлемость жалоб. Правила определения границ правового пространства государств-членов, а следовательно и правового пространства Конвенции, выработывались более чем пятидесятилетней практикой Суда.

1 Ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

2 Там же. Ст. 1.

3 Collected Edition of the *Travaux {préparatoires}* of the European Convention on Human Rights Vol. III. P. 260.

4 ECHR № 48787/99 *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia* judgment of 8/07/2004. § 311.

5 Collected Edition of the *Travaux {préparatoires}* of the European Convention on Human Rights Vol. III. P. 262.

6 См. например, ECHR *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*, §311; №55721/07 *Al-Skeini and others v. United Kingdom* judgment of 07/07/2011. § 130; №43370/04 *Catan and others v. Moldova and Russia* judgment of 19/10/2012. § 130.

1. Территориальный принцип юрисдикции

ЕСПЧ традиционно придерживается концепции территориального распространения юрисдикции, иными словами, согласно позиции Суда, «правовое пространство» страны-участницы Конвенции ограничено ее территориальными границами.

Суд неоднократно подчеркивал, что по общему правилу государства-участники Конвенции ответственны за ее соблюдение в границах собственной территории⁷.

Так, в деле «Серинг против Соединенного Королевства» Суд постановил: «Статья 1 Конвенции устанавливает ограничение, а именно территориальное, в пределах Конвенции. В частности, обязательство, взятое Договаривающимся государством, ограничено "обеспечением" перечисленных в Конвенции прав и свобод лицу, находящемуся под его "юрисдикцией". Конвенция не регулирует действия государств, не являющихся ее стороной, а также не подразумевает, что она требует от Договаривающихся государств предъявлять стандарты Конвенции другим государствам»⁸.

В своем решении о приемлемости жалобы «Банкович и другие против Бельгии и 16 других стран» Большая Палата Европейского суда единогласно постановила, что юрисдикционная компетенция государства является в первую очередь территориальной и, таким образом, государства по общему правилу не могут быть признаны ответственными за действия, совершенные за пределами их территорий⁹.

2. Экстратерриториальная юрисдикция государств-участников Конвенции

Тем не менее разнообразие ситуаций, в которых оказывались заявители, заставило ЕСПЧ признать, что в виде исключения из принципа территориальности юрисдикция государства в соответствии со статьей 1 Конвенции может распространяться за пределы его территории (т.е. экстратерриториально). При этом вопрос о наличии исключительных обстоятельств, обосновывающих осуществление государством экстратерриториальной юрисдикции, определяются Судом с учетом конкретных фактов каждого дела.

В своих решениях Суд выделяет две модели экстратерриториальной юрисдикции – персональную и пространственную.

2.1. Пространственная модель экстратерриториальной юрисдикции или осуществление эффективного контроля над территорией другого государства

В качестве первого исключения из принципа территориальности выделяют «эффективный контроль», осуществляемый государством-участником Конвенции над территорией (частью территории) другого государства. Согласно позиции Суда «эффективный контроль» возникает, «когда в результате военных действий»¹⁰, законных или незаконных, государство получает возможность осуществлять контроль над территориями, находящейся за пределами его собственных национальных границ»¹¹.

Данная категория дел представляет особую сложность. Во-первых, такие дела зачастую поднимают вопросы межгосударственных отношений. Во-вторых, касаются действий военного характера. В-третьих, рассматривая дела об осуществлении государствами-участниками Конвенции «эффективного контроля» за пределами собственной территории, Суд сталкивается со сложностями применения норм международного гуманитарного права и норм о международно-правовой ответственности государств через призму Европейской конвенции. Возможно, что по этим причинам, практика ЕСПЧ по данной категории дел является пока достаточно противоречивой.

Одним из первых знаковых дел, в котором Суд рассмотрел вопросы осуществления эффективного контроля, явилось дело «Лоизиду против Турции». Заявительница по данному делу (жительница южной части острова Кипр) жаловалась на нарушение турецкими властями ее права пользования своей недвижимостью в северной части острова по причине высадки турецких вооруженных сил в 1974 г. на данную территорию и создания там государства Турецкая Республика Северный Кипр (ТРСК).

Несмотря на возражения Турции о невозможности вменения ответственности за действия иного самостоятельного государства — ТРСК, Суд удовлетворил жалобу заявительницы, установив, что Турция осуществляла «эффективный контроль» над данной территорией. Ключевое значение для Суда имела численность военного присутствия в данной местности, а также степень военной, экономической и политической поддержки местной администрации¹².

Отметив, что ТРСК является непризнанным государством с точки зрения международного права, а многочисленный состав турецких войск полностью контролировал северную часть острова, ЕСПЧ пришел к выводу о существовании администрации ТРСК лишь в силу турецкой поддержки. Учитывая международно-правовой характер Конвенции, Суд констатировал, что действия и решения администрации ТРСК, а также лица, проживающие на данной территории, находятся под «юрисдикцией» Турции по смыслу статьи 1 Конвенции.

В последовавшем затем постановлении «Кипр против Турции»¹³ Европейский суд добавил, что «эффективный контроль» может осуществляться как напрямую, через вооруженные силы контролирующего государства, так и посредством подчиненной местной администрации. При этом, согласно мнению ЕСПЧ, всеобщего контроля над политикой и действиями подчиненной администрации государством может и не осуществляться, достаточно того факта, что местная администрация продолжает существовать в результате военной или иной поддержки властей иностранного государства¹⁴.

Поскольку Турция осуществляла такой «эффективный контроль», ее ответственность не может быть ограничена действиями только ее собственных органов, находящихся на территории ТРСК. Согласно позиции Суда, установление юрисдикции Турции на данной территории предполагает ответственность и за действия «подчиненной ей местной администрации». Таким образом, было установлено, что юрисдикция Турции согласно статье 1 Конвенции распространялась в отношении обеспечения полного круга конвенционных прав на Северном Кипре, дабы не создавать «прикордонного вакуума в защите прав человека»¹⁵.

Выработанные в названных делах принципы стали хрестоматийными и применяются Судом практически в каждом деле, поднимающем вопросы экстратерриториальной юрисдикции государств. Вместе с тем нельзя не отметить, что названные постановления не были приняты единогласно, раз-

7 см. ECHR № 14038/88 *Soering v. United Kingdom*, judgment of 07/07/1989. § 86; № 52207/99 *Banković and Others v. Belgium and 16 other Contracting States* (dec.). §§ 61, 67; № 48787/99 *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*, §312; № 71503/01 *Assanidze v. Georgia*. § 139; *Al-Skeini and others v. United Kingdom*, § 131 and *Catan and others v. Moldova and Russia*. § 150.

8 ECHR *Soering v. United Kingdom*, § 100.

9 ECHR *Banković and Others v. Belgium and 16 other Contracting States*. § 63.

10 Европейский Суд по правам человека кроме военных действий выделяет восстание, действия иностранного государства, поддерживающего создание сепаратистского государства на данной территории.

11 См. например, ECHR № 15318/89 *Loizidou v. Turkey*, judgment of 23/03/1995. § 62. Series A № 310; № 25781/94 “Cyprus v. Turkey” §76, ECHR 2001IV.

12 № 15318/89 *Loizidou v. Turkey* judgment on merits of 18/12/1996.

13 ECHR *Cyprus v. Turkey*, ECHR 2001 IV.

14 Там же. § 77.

15 Там же. § 78.

нообразии особых мнений судей свидетельствует о различных подходах к вопросам осуществления юрисдикции в рассматриваемых обстоятельствах¹⁶. Безусловно, использование названных постановлений в качестве прецедентных к иным спорам и обстоятельствам вызывает еще больше дискуссий¹⁷.

2.2. Персональная модель экстратерриториальной юрисдикции или осуществление представителем государства функций власти и контроля

Суд в своей устоявшейся практике признал, что, в виде исключения из принципа территориальности, юрисдикция государства в соответствии со статьей 1 Конвенции может распространяться за пределы его территории, если органы (представители) данного государства осуществляют полномочия власти и контроля за границами государства¹⁸. Данное исключение представляет собой персональную модель экстратерриториальной юрисдикции, которая реализуется в трех ситуациях.

Во-первых, опираясь на положения публичного международного права, ЕСПЧ признает, что юрисдикция государств-участников Конвенции распространяется на действия его дипломатических или консульских служб на иностранной территории, а также на морские или воздушные суда, зарегистрированные под флагом такого государства (принцип флага)¹⁹.

Второй ситуацией, выделенной Судом в качестве основания признания экстратерриториальной юрисдикции государства-участника, является согласие, приглашение или допущение властей иностранного государства. ЕСПЧ отметил, что если в соответствии с обычаями, на основании международного договора или другого соглашения органы государства-участника Конвенции осуществляют некоторые или все публичные функции на территории другого государства, то государство-участник может нести ответственность за нарушения Конвенции, возникающие вследствие реализации таких функций, если действия могут быть ему вменены²⁰.

Так, в деле «Дрозд и Янусек против Франции и Испании»²¹ Европейский суд отклонил как неприемлемые *ratione loci* и *ratione personae* жалобы заявителей на нарушение судами Андорры (не являющейся на тот момент стороной Конвенции), состоявшими из французских и испанских судей, статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство). Проанализировав особый международно-правовой статус Андорры²², Суд указал, что осуществление французски-

ми и испанскими судьями судебных функций в Андорре не влекло за собой юрисдикцию Франции и Испании, поскольку суды действовали самостоятельно и независимо от властей соответствующих государств. У властей Франции и Испании не было полномочий по какому-либо влиянию на ход судебного процесса или его результат, а также по пересмотру принятых судами Андорры решений. Таким образом, Суд посчитал, что не обладает юрисдикцией для рассмотрения данного спора.

Третьим основанием для персональной модели является применение силы лицом, действия которого могут быть приписаны государству, за пределами своей территории. Таким образом, лица, в отношении которых была применена сила, оказываются под контролем государственного представителя, и – следовательно – под юрисдикцией данного государства.

Так, в деле «Оджалан против Турции» заявитель – гражданин Турции был задержан турецкими правоохранительными органами в транзитной зоне аэропорта города Найроби, Кении. Суд постановил, что «непосредственно после того, как заявитель был передан турецким должностным лицам, он пребывал в пределах «юрисдикции» Турции для целей статьи 1 Конвенции, хотя в данном случае Турция осуществляла свою власть за пределами собственной территории»²³.

В деле Аль-Саадун и Муфдхи против Соединенного Королевства²⁴ суд постановил, что два иракских гражданина, задержанные властями Великобритании и содержащиеся в подконтрольных Великобритании военных тюрьмах в Ираке, подпадают под юрисдикцию Соединенного Королевства, поскольку оно осуществляло исключительный контроль над зданиями тюрем и лицами, содержащимися в них.

В постановлении по делу «Медведев и другие против Франции»²⁵ Суд пришел к выводу, что заявители – члены экипажа Камбоджийского торгового судна, задержанного французскими военными в открытом море, находились под юрисдикцией Франции. Суд подчеркнул, что французские военные имели полный и непрерывный контроль над судном и его экипажем «как минимум с момента его задержания и до осуждения заявителей во Франции»²⁶.

Интерес также представляют дела, касающиеся Сомалийских пиратов²⁷. Заявители по этим делам в 2008 году захватили по очереди два круизных судна, ходивших под флагом Франции, и взяли членов экипажей этих судов в заложники. Заявители были задержаны и содержались под охраной военнослужащих французских вооруженных сил, а затем доставлены на военном самолете во Францию, где были заключены под стражу решением следственного судьи и в последующем привлечены к уголовной ответственности в связи с совершенными ими преступлениями.

В данных делах власти Франции, ссылаясь на постановление «Медведев против Франции», признали свою юрисдикцию, поскольку заявители находились под контролем французских военнослужащих. Однако власти оспаривали, что права пиратов на свободу и личную неприкосновенность были нарушены. Вместе с тем ЕСПЧ пришел к противополо-

16 ECHR *Loizidou v. Turkey* judgment on merits, concurring opinion of Mr Wildhaber, joined by Mr Ryssdal; dissenting opinion of Mr Bernhardt, joined by Mr Lopes Rocha; dissenting opinion of Mr Baka; dissenting opinion of Mr Jambrek; dissenting opinion of Mr Pettiti; dissenting opinion of Mr Gölcüklü;

17 Jacobs, White, Ovey. *The European Convention on Human Rights*. – Oxford University Press, 2009, fifth edition, p. 93; Harris, O'Boyle, Warbrick. *Law of the European Convention on Human Rights*. – Oxford University Press, 2014, third edition, p. 21-22; Lech Garlicki. *Judicial lawmaking (the Strasbourg Court on applicability of the European Convention) - New Millennium Constitutionalism: Paradigms of Reality and Challenges*, p. 395.

18 см. ECHR *Drozdz and Janousek v. France and Spain* of 26/06/1992, Series A № 240, § 91; *Loizidou v. Turkey*, of 23/03/1995, § 62, Series A № 310; *Banković and Others v. Belgium and 16 other Contracting States*, § 69.

19 См. ECHR *Banković and Others v. Belgium and 16 other Contracting States*, § 73; Commission admissibility dec. № 1611/62 *X v. Federal Republic of Germany* of 25/09/1965; Commission admissibility dec. №. 7547/76 *X v. the United Kingdom* of 15/12/1977.

20 ECHR *Al-Skeini and others v. United Kingdom*, § 135; Commission admissibility dec. №№ 7289/75, 7349/76 *X and Y v. Switzerland* of 14/07/1977.

21 см. ECHR *Drozdz and Janousek v. France and Spain*.

22 На момент рассматриваемых событий, Андорра являлась княжеством, соправителями (великими князьями) которого являлись президент Франции и Испанский епископ Урхельский. Каждый

из соправителей назначал своих судей для исполнения судебных обязанностей в судах Андорры. В 1993 г. в Андорре была принята первая Конституция, которая провозгласила ее суверенным самоуправляющимся государством и закрепила независимость судебной системы. В 1993 г. Франция и Испания признали суверенитет Андорры. В 1994 г. Андорра как самостоятельное государство подписала Конвенцию, которая вступила для нее в силу в 1996 г.

23 ECHR № 46221/99 *Öcalan v. Turkey* § 91.

24 ECHR № 61498/08, *Saadoon u Mufdhi*, admissibility dec. 30/06/2009, §§ 86-89.

25 ECHR N 3394/03 *Medvedyev and Others v. France*, judgment of 29/03/2010;

26 Там же. § 67.

27 ECHR № 46695/10, 54588/10 *Hassan et autres c. France* and № 17301/10 *Ali Samatar et autres c. France*, judgments of 4/12/2014.

ложенному выводу и обязал власти Французской Республики компенсировать заявителям моральный вред, причиненный незаконным лишением их свободы в период с момента их задержания до момента вынесения судебного решения о заключении пиратов под стражу.

Как указал ЕСПЧ, юрисдикция в такой категории дел не возникает исключительно из-за контроля зданий, кораблей или самолетов, решающее значение имеет именно физическое осуществление полномочий над заявителями²⁸.

3. Осуществление юрисдикции за пределами «правового пространства» Конвенции

Приведенные выше дела, да и вообще основная масса дел, поднимающих вопросы юрисдикции, возникала в основном в территориальных в границах или в «правовом пространстве» Совета Европы.

Между тем, сама Конвенция предоставляет государствам-участникам возможность расширения своей юрисдикции за пределы Европы. Так, в соответствии со ст. 56 Конвенции государства при ратификации Конвенции или впоследствии вправе заявить, что Конвенция распространяется на территории, за международные отношения которых государства несут ответственность²⁹. Эту статью не без основания называли «колониальной оговоркой»³⁰.

Как отмечает В. А. Туманов, колониальная оговорка была принята более 50 лет назад в совершенно других географических и политических условиях. Данная норма является отражением колониальной системы и является исключением из правила, позже сформулированного в Венской конвенции 1969 г., согласно которому действие международного договора распространяется на всю территорию участвующего в нем государства³¹.

Составители Европейской конвенции не были готовы к расширению концепции прав человека за пределы европейской территории государств-участников. Как отметил сам Европейский суд: «Система, предусмотренная статьей 63 (ныне ст. 56), изначально создавалась в ответ на то обстоятельство, что в момент разработки Конвенции еще имелись колониальные территории, чей уровень цивилизации не позволял, как тогда представлялось, в полной мере применять данный договор»³².

На основании данной нормы государства-участники по собственной воле расширяют пределы своей юрисдикции и, соответственно, территориальную юрисдикцию Суда. Однако возможна и иная ситуация, когда вне всякой связи с упомянутой статьей юрисдикция государства не ограничивается его национальной территорией и даже территориями иных государств-членов Совета Европы. В компетенции Суда оказывается оценка действий или бездействия властей, повлекших определенные последствия за границами «правового пространства» Конвенции, другими словами, на территории государства, не являющегося стороной Конвенции.

По мнению многих правоведов, практика Суда по данному вопросу является непоследовательной, выводы Суда в одном постановлении противоречат выводам в другом³³. Наибольший резонанс получили два дела – «Банкович и другие против Бельгии и 16 других стран» и «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства».

Дело «Банкович и другие» касалось жалобы родственников журналистов, убитых в результате бомбардировки теле-

радиостанции Белграда военно-воздушными силами НАТО³⁴ в ходе военного конфликта в Косово. Заявители утверждали, что жалоба соответствует *ratione loci* положениям Конвенции, поскольку в результате воздушной операции государства-ответчики установили «эффективный контроль» над Сербией (не являющейся на тот момент участницей Конвенции) и, следовательно, заявители находились под их юрисдикцией. Тем не менее, доводы заявителей были единогласно отклонены Судом.

ЕСПЧ пришел к выводу, что осуществление только бомбардировки государствами-ответчиками территории иной страны еще не достаточно для установления их юрисдикции. Государства, по мнению ЕСПЧ, должны осуществлять ряд публичных полномочий на соответствующей территории³⁵.

В этой связи Европейский суд отметил, что формулировка статьи 1 Конвенции не подразумевает обеспечение конвенционных прав способом, пропорциональным уровню осуществляемого контроля, предусмотренные Конвенцией права и свободы не могут быть «разделены и адаптированы» к конкретным обстоятельствам, они либо обеспечиваются, либо нет³⁶.

ЕСПЧ пришел к выводу, что заявители предложили слишком широкое толкование концепции «эффективного контроля». Как счел Европейский суд, довод заявителей равносителен утверждению, что каждый, в отношении которого были произведены неблагоприятные действия со стороны Договаривающегося государства, где бы в мире они ни происходили или ни имели последствий, подпадает, таким образом, под юрисдикцию этого государства. С точки зрения Суда, Конвенция не предназначена для применения во всем мире, даже в связи с действиями Договаривающихся государств, и создатели Конвенции также не намеривались придавать ей столь широкий смысл³⁷.

Между тем М. Миланович справедливо отмечает, что рассуждая таким образом, ЕСПЧ игнорирует, вероятно сознательно, возможность применения к обстоятельствам рассматриваемого дела персональной модели, согласно которой любые действия государственного представителя, способные нарушить права человека, могут быть признаны равными осуществлению власти и контролю над данным лицом, и соответственно породить юрисдикцию соответствующего государства³⁸.

Не удивительно, что решение по делу «Банкович и другие» не получило широкой поддержки в доктрине и достаточно скоро в практике Суда начался процесс аккуратного пересмотра изложенных в данном деле выводов³⁹.

34 17 государств-участников НАТО одновременно являются участниками Конвенции.

35 ECHR *Banković and Others v. Belgium and 16 other Contracting States*. § 71.

36 Там же. § 75.

37 ЕСПЧ в § 75 решения по делу Банковича указал: «Если бы создатели Конвенции пожелали обеспечить юрисдикцию настолько широко, насколько утверждают заявители, они бы приняли ту же формулировку или схожую с появившимися в то же время статьями 1 четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года». Названные Конвенции требуют от Договаривающихся государств уважать и обеспечивать уважение настоящей Конвенции «при любых обстоятельствах»;

38 Milanovic M. *Al-Skeini and Al-Jedda in Strasbourg* // *European Journal of International Law*. 2012. Vol. 23. P. 123.

39 Так, в деле «Исса и другие против Турции» (№ 31821/96 *Issa and others v. Turkey*, judgment of 16/11/2004) Суд, применив уже обе модели, признал жалобу неприемлемой в связи с недостаточностью доказательств того, что заявители находились под контролем Турецких военнослужащих при осуществлении военной операции в Северном Ираке.

В деле «Мансур Пад и другие против Турции» (№ 60167/00 *Mansur Pad and others v. Turkey*, решение о приемлемости от 28/06/2007)

28 ECHR *Al-Skeini and others v. United Kingdom*. § 134.

29 п. 1 ст. 56 Конвенции 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» // СЗ РФ 8/01/2001. № 2, ст. 163.

30 Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 40.

31 Там же. С. 42.

32 ECHR *Tyrrer v United Kingdom decision of 25/04/1978*, Series A, Volume 26 (1978). P. 19.

33 ECHR *Al-Skeini and others v. United Kingdom*, Concurring Opinion of judge Bonello. § 1.

Особого внимания в этой связи заслуживает, как было отмечено выше, постановление по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства». Предметом рассмотрения в данном деле явились действия британских военных в г. Басра (Южный Ирак), в результате которых погибли гражданские лица – родственники заявителей⁴⁰.

Решая вопрос о распространении на территорию Южного Ирака юрисдикции Соединенного Королевства, Суд применил смешанную, персонально-пространственную, модель.

В первую очередь, Суд указал на то, что Великобритания (совместно с США) являлась оккупирующим государством и осуществляла в отношении граждан Ирака ряд публичных функций, которые обычно осуществляет суверенное правительство. В частности, в рассматриваемый период на британских вооруженных силах лежала ответственность за поддержание безопасности и общественного порядка на территории Юго-Восточного Ирака⁴¹.

Затем Суд обратил внимание, что родственники всех, кроме одного из заявителей, погибли в связи с проведением вооруженными силами Великобритании операций по обеспечению безопасности в различных частях города Басра. Вместе с тем жена третьего заявителя погибла в ходе перестрелки между британскими военными и неизвестными вооруженными людьми, при этом достоверно не установлено, выстрел какой из сторон оказался смертельным. Однако, учитывая, что перестрелка осуществлялась в ходе патрульной операции британских военных вблизи с домом заявителя, Суд установил наличие юрисдикционной связи и в этом случае.

Суд постановил, что при таких исключительных обстоятельствах, Великобритания посредством своих солдат, привлеченных к обеспечению общественного порядка на рассматриваемой территории, осуществляла власть и контроль над заявителями, убитыми в ходе патрульных операций⁴².

Таким образом, Суд применил персональную модель, но только потому, что Великобританией осуществлялись публичные функции на данной территории.

Применяя такой подход, ЕСПЧ оставляет неизменной свою позицию по делу «Банкович и другие», где, по мнению

Суда, государства-ответчики не исполняли никаких публичных функций, нанося авиаудары по территории Сербии. М. Миланович в этой связи сформулировал следующую проблему: «В то время как возможность причинения смерти рассматривается в качестве проявления власти и контроля над человеком в случае осуществления публичных функций, причинение смерти не является проявлением власти и контроля в случае, если государство осуществляет авиабомбардировку. Отсюда следует, что государство может избежать ответственности, если оно не вовлечено в осуществление публичных функций в отношении гражданских лиц»⁴³.

Между тем в деле «Аль-Скейни и другие» Суд поменял свой подход к вопросу о неделимости конвенционных прав. Ранее Суд утверждал, что государство-ответчик на подвластной (оккупированной) ему территории должно обеспечивать соблюдение всех прав, закрепленных Конвенцией, если государство не в состоянии это сделать, то, соответственно, юрисдикцией оно не обладает⁴⁴. Теперь, в постановлении по делу Аль-Скейни, Суд придерживается вполне реалистичного подхода, согласно которому в случае военной интервенции за пределами европейского правового пространства, действуют лишь некоторые гарантии Конвенции (обеспечение которых реально)⁴⁵.

Развивая данную мысль, ЕСПЧ, несмотря на то, что Ирак не является стороной Конвенции и проживающие на его территории лица в принципе не могут страдать от «вакуума правовой защиты», не исключил, что соответствующий «вакуум» может возникнуть и за пределами европейского правового пространства. Суд специально обратил внимание, что он ни разу не применял ограничительное толкование статьи 1 Конвенции и не утверждал, что юрисдикция согласно данному положению Конвенции никогда не может существовать за пределами территории государств-членов Совета Европы⁴⁶.

Данное утверждение Суда можно растолковать двояко. С одной стороны, соответствующий подход означает, что Конвенция приобретает универсальный характер и может применяться в любой точке земного шара. Такое широкое толкование, между тем, противоречит выводам Суда в деле «Банкович и другие», суть которых заключается в том, что действия или решения государств-участников Конвенции за границами пространства Совета Европы не влекут автоматического признания их юрисдикции и применения Конвенции на данной территории.

М. Миланович в этой связи отмечает, что подход Суда, примененный в деле Аль-Скейни, превращает понятие «правового пространства» (*espace juridique*) государств-членов Совета Европы в простое французское словосочетание, за которым не скрывается правового смысла⁴⁷.

С другой стороны, ограничительное толкование понятия «правового пространства стран-участниц» или «европейского правового пространства» не может соответствовать идеям верховенства и универсальности прав человека. Как отметил судья Бонелло: «Когда государство ратифицирует Конвенцию, обязуются ли оно обеспечивать соблюдение прав человека где бы то ни было, или же оно обязуется содействовать осуществлению прав человека внутри своих собственных границ и нарушать в любом другом месте?»⁴⁸ Судья метко замечает, что соблюдая конвенционные положения исключительно внутри

заявителями являлись родственники граждан Ирана, проживавших вблизи Турецкой границы, и убитых с Турецкого вертолета, в ходе незаконного (как утверждали власти Турции) пересечения ими границы. Власти государства-ответчика настаивали на признании жалобы неприемлемой, поскольку заявители находились на территории Ирана и не подпадали, таким образом, под юрисдикцию Турции. Вместе с тем, ЕСПЧ, применяя персональную модель, постановил, что турецкие военнослужащие осуществляли над родственниками заявителей функции власти и контроля, независимо от того, на какой стороне границы произошел инцидент (§§ 52-54). Учитывая, что в данном деле, как и в деле «Банкович и другие» предметом рассмотрения ЕСПЧ явилось причинение смерти в результате авиа обстрела, разница в подходе Суда к разрешению данных дел поразительна.

Жалоба «Исаак и другие против Турции» (№ 44587/98 *Issak and others v. Turkey*), касающаяся избиения полицейскими ТРСК родственников заявителей до смерти в границах так называемой «зеленой полосы» (буферной зоны ООН, разделяющей северный и южный Кипр), также была признана Судом приемлемой. Примечательно то, что данная зона не находится под «эффективным контролем» турецких властей согласно выводам ЕСПЧ по делам «Лоизиду против Турции» и «Кипр против Турции». Вместе с тем, Суд посчитал, что оставление родственников заявителей без конвенционной защиты было бы не справедливым. ЕСПЧ указав, Турция осуществляла «эффективный контроль» над Северным Кипром (пространственная модель), должностные лица которого обладали властью и контролем над родственниками заявителей (персональная модель), признал юрисдикцию Турции в отношении заявителей (решение о приемлемости от 28/09/2006).

40 ECHR *Al-Skeini and others v. United Kingdom*.

41 Там же. § 149.

42 Там же.

43 Milanovic M. *Al-Skeini and Al-Jedda in Strasbourg* - European Journal of International Law. 2012. Vol. 23. P. 123.

44 ECHR *Banković and Others v. Belgium and 16 other Contracting States*. § 75.

45 ECHR *Al-Skeini and others v. United Kingdom*. § 142.

46 Там же. § 148.

47 Milanovic M. *Al-Skeini and Al-Jedda in Strasbourg* - European Journal of International Law. 2012. Vol. 23. P. 129.

48 ECHR *Al-Skeini and others v. United Kingdom*, Concurring Opinion of judge Bonello §17.

правового пространства Совета Европы, государства-участники придерживаются логики «джентльмены дома, бандиты за его пределами»⁴⁹.

В этой связи Бонелло предлагает функциональный (а не территориальный) критерий осуществления юрисдикции. В соответствии с его предложением, Суд должен концентрироваться на ответе на два вопроса: зависело ли от представителя государства совершение или предотвращение предполагаемого нарушения? Было ли в силах государства наказать виновных и выплатить компенсации жертвам? При положительном ответе на данные вопросы, согласно Бонелло, ЕСПЧ должен устанавливать юрисдикцию государства-участника Конвенции, и признавать его ответственным в нарушении прав и свобод человека независимо от географического положения⁵⁰.

Заключение

Очевидно, что практика Суда по вопросу территориального применения Конвенции достаточно непоследовательна. Приоритет одной концепции меняется приоритетом другой. Принципы, которые содержатся в одном постановлении, могут казаться более или менее оправданными сами по себе, но становятся нелепыми, когда сопоставляются с принципами, установленными в другом постановлении.

Вместе с тем достаточно явно в практике Суда прослеживается тенденция к недопущению «правового вакуума в защите прав человека». Суд стремится любой ценой «закрыть» так называемые «серые зоны», существующие на территории некоторых стран-участниц Конвенции (возникшие, например, в результате сепаратистских движений), где конвенционные положения по различным причинам не обеспечиваются. Добивается ЕСПЧ своей цели тем, что признает эти зоны подвластными (иногда даже оккупированными) другими государствами-членами Совета Европы, на которые Суд и накладывает ответственность за обеспечение конвенционных прав.

Как представляется, данная тенденция порождает другую – недостаточно скрупулезную оценку Судом представленных доказательств. Если проанализировать постановления по делам «Илашку и другие против Молдовы и России», «Катан и другие против Молдовы и России», а также недавно вынесенные постановления по делам «Чирагов и другие против Армении»⁵¹ и «Саргсян против Азербайджана»⁵² (в которых ЕСПЧ признал юрисдикцию Армении над Нагорным Карабахом), очевидно, что Суд оперировал общими, расплывчатыми суждениями и ссылался на недатированные высказывания политиков, а также основывался на докладах неправительственных организаций (например Human Rights Watch, Embassy International), не требуя предоставления подтверждения содержащейся в них информации.

Такой подход Суда к оценке доказательств уже был в свое время раскритикован бывшим судьей от России А. И. Ковлером⁵³. Недавно Судья ЕСПЧ Инета Зиемееле вновь отметила, что «в отличие от скрупулезного установления фактов, которое обычно проводит Международный Суд ООН в спорах, касающихся территорий, юрисдикции и международно-правовой ответственности, ЕСПЧ, как кажется, стремится размыть установленные стандарты доказывания в весьма спорных ситуациях»⁵⁴.

49 Там же. § 18.

50 Там же. § 16.

51 ECHR № 13216/05 *Chiragov and others v. Armenia*, judgment of 16/06/2015.

52 ECHR № 40167/06 *Sargsyan v. Azerbaijan*, judgment of 16/06/2015.

53 ECHR *Iaşcu and Others v. Moldova and Russia*, Dissenting opinion of Judge Kovler; Ковлер А. И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека» - Международное правосудие. 2013. № 3. С 45-59.

54 ECHR *Chiragov and others v. Armenia*, Partly concurring, Partly dissenting opinion of Judge Ziemele. § 5.

Думается, что та легкость, с которой Суд не допускает «правового вакуума» и оперирует непроверенными доказательствами, скажется на рассмотрении им будущих дел, поднимающих подобные вопросы (например, осуществляет ли Россия эффективный контроль над территорией Абхазии и Южной Осетии или Донбасса). Уже сейчас решение ЕСПЧ возможно спрогнозировать, если учесть его аргумент в пользу осуществления Арменией юрисдикции над Нагорным Карабахом: «В высшей степени сомнительно, что небольшое и немногочисленное образование было способно давать отпор намного большему государству, опираясь только на свой военный потенциал и не прибегая к посторонней поддержке»⁵⁵.

И наконец, наиболее масштабной тенденцией представляется не только стремление к «заштопыванию дыр» внутри Совета Европы, но и Расширения территориального применения Конвенции за его пределы. Дело Аль-Скейни подтверждает, что критерий *ratione loci* больше не является лишь процедурным средством по отсеиванию жалоб на нарушения прав и свобод человека, имевших место далеко за пределами привычной географий Конвенции. Несмотря на то, что аргументация Суда остается запутанной и противоречивой, представляется, что конечной целью является обеспечение исполнения обязательств государств-участников Конвенции в любой точке мира.

Возможно, в целях защиты прав человека названные тенденции носят вполне позитивный характер, но представляется, что они могут привести к новому кризису конвенционной системы. Расширяя границы применения Конвенции, Суд рискует увеличить число потенциальных заявителей и жалоб. Более того, выбранные ЕСПЧ подходы делают вынесенные постановления фактически неисполнимыми на практике, что вызывает все большие дискуссии и недовольство государств-участников.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенции 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» // СЗ РФ 8/01/2001 № 2. Ст. 163.
2. Ковлер А. И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека» / Международное правосудие. 2013. № 3. С. 45-59.
3. Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Издательство НОРМА, 2001.
4. Collected Edition of the Travaux {preparatoires} of the European Convention on Human Rights Vol. III. P. 260.
5. Milanovic M. Al-Skeini and Al-Jedda in Strasbourg / European Journal of International Law. 2012. Vol. 23. P. 123.
6. Jacobs, White, Ovey. The European Convention on Human Rights. Fifth edition Oxford University Press, 2009.
7. Harris, O'Boyle, Warbrick. Law of the European Convention on Human Rights. Third edition. Oxford University Press, 2014. P. 21-22.
8. Lech Garlicki. Judicial lawmaking (the Strasbourg Court on applicability of the European Convention) / New Millennium Constitutionalism: Paradigms of Reality and Challenges, p. 395.

55 ECHR *Chiragov*. § 174.

Дементьев А. А. УПРАВЛЕНИЕ ВОЗДУШНЫМ ДВИЖЕНИЕМ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

С начала XX в. международное сообщество занялось разработкой единых, универсальных правил управления воздушным движением. С увеличением международных полетов воздушных судов этот вопрос становится все острее. Несмотря на то, что в международном воздушном праве существуют международно-правовые акты, которые регулируют вопросы аэронавигации, остаются проблемы, которые не нашли своего решения по сей день. Одним из таких вопросов в аэронавигационном праве является ответственность органов управления воздушным движением.

Ключевые слова: международное воздушное право, институт ответственности, органы управления воздушным движением, международные полеты и перевозки.

Dementyev A. A. AIR TRAFFIC CONTROL: THE INTERNATIONAL LIABILITY

Since the beginning of the XX century, the international community engaged in the development of common, universal rules of air traffic control. With the growth of international aircraft operations, this issue is becoming more acute. Despite the fact that in the international air law international acts exist that regulate air navigation matters, there are problems that have not been resolved to the present day. One of these issues in the air navigation law is the responsibility of air traffic control organs.

Keywords: international air law, the institute of responsibility, air traffic control organs, international flights and transportation.

Дементьев А. А.

В международном воздушном праве существуют проблемы, которые до настоящего времени не нашли решения. Одной из таких наиболее острых проблем является ответственность органов управления воздушным движением.

Перед тем как переходить к вопросу ответственности органов управления воздушным движением, целесообразно будет осветить основополагающие положения правового режима воздушного пространства и управления воздушным движением.

Правовой режим воздушного пространства устанавливается в соответствии с его правовым статусом, который определяется, основываясь на достаточно признанной теории «непосредственного прилегания», в соответствии с которой статус воздушного пространства является тождественным статусу расположенной под ним территории.

Воздушное пространство, расположенное над территорией государства, имеет статус – «суверенное воздушное пространство» данного государства. Это пространство ограничивается вертикальной плоскостью, проходящей по линии государственной границы, устанавливаемой в соответствии с международными договорами (двусторонними, многосторонними, в том числе Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.)¹.

В суверенном воздушном пространстве государство, над территорией которого оно расположено (и только это государство), осуществляет всю полноту власти и на этом основании самостоятельно формирует правовой режим воздушного пространства.

Воздушное пространство, расположенное за пределами территории государства, имеет статус – «международное воздушное пространство», то есть воздушное пространство общего пользования.

В основе правового режима воздушного пространства с любым правовым статусом лежит разрешительный или уведомительный порядок на его использование либо их отсутствие².

Правовой режим суверенного воздушного пространства формируется нормами национального и международного права.

Влет в суверенное воздушное пространство иностранных воздушных судов осуществляется на основании международных договоров или разовых разрешений, выдаваемых компетентными органами государств, в воздушном пространстве которых планируется полет.

Подавляющее большинство международных полетов гражданских воздушных судов выполняется на основании межправительственных соглашений о воздушном сообщении, регламентирующих регулярные воздушные перевозки пассажиров, грузов и почты между государствами.

Разовые разрешения на выполнение эпизодических международных полетов иностранных гражданских воздушных судов, как правило, выдаются по линии ведомств гражданской авиации. В отношении государственных воздушных судов такие разрешения запрашивают и получают по дипломатическим каналам.

Правовой режим международного воздушного пространства над открытым морем формируется нормами части VII Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и положениями ст. 12 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г.³. Открытое воздушное пространство расположено за пределами суверенного воздушного пространства. В основе правового режима открытого воздушного пространства лежит принцип «свободы полетов». Понятие «свобода полетов» предполагает право любого государства использовать такое воздушное про-

1 Дементьев А. А., Травников А. И. Закон и Право. Law & Legislation, Проблемы института ответственности в международном воздушном праве. – М.: «Юнити-Дана», 2015. – № 5. – С. 131.

2 Бордунов В. Д. Международное воздушное право: Учеб. пособие. – Москва: НОУ ВКШ «Авиабизнес», 2007. – Ст. 91.

3 Грязнов В. С. Международные авиaperевозки (правовые вопросы). – М., 1982. – Ст. 68.

странство в любом его районе, в любое время, на любых высотах для полетов любых летательных аппаратов и устройств без получения каких-либо административных разрешений и направления административных уведомлений. Полеты гражданских воздушных судов в открытом воздушном пространстве должны выполняться в соответствии с правилами, установленными Конвенцией о международной гражданской авиации.

Управление воздушным движением (УВД) почти не было известно в 1944 г. И даже в 50–60 гг. роль органа управления воздушным движением заключалась в управлении воздушными судами, которые находились в поле зрения такого органа, не позволяя им столкнуться с объектами на земле или с другими воздушными судами, которые также находились в поле зрения органа⁴. Стоит отметить, что государства начали всерьез задумываться об ответственности органов управления воздушным движением лишь с появлением реактивных самолетов. Сегодня управление воздушным движением, полетная информация и оповещение, которые вместе образуют то, что называется обслуживанием воздушного движения, являются одними из наиболее важных составляющих элементов среди обязательных наземных обеспечивающих средств, необходимых для безопасного и эффективного осуществления воздушного движения во всем мире. Приложение 11 к Чикагской конвенции 1944 г. определяет элементы обслуживания воздушного движения и содержит стандарты и рекомендуемую практику, применяемые для обеспечения этих видов обслуживания.

Приложения к Чикагской конвенции 1944 г. являются обязательными для государств – участников Конвенции, если они в срок до 60 дней после принятия приложения не уведомили об ином⁵.

Приложение 11 «Обслуживание воздушного пространства» в ст. 2.1.3 определяет, что государство назначает полномочный орган, который будет обеспечивать обслуживание воздушного пространства. В примечании 1 к данной статье говорится, что таким органом может выступать само государство или «соответствующее агентство». Из смысла данного положения вытекает, что таким полномочным органом может быть либо государственное учреждение, либо неправительственное юридическое лицо. Исходя из статуса Приложения 11 для государств – участников Чикагской конвенции 1944 г., можно сделать вывод, что данная статья является для таких государств нормой международного права, если они не возражали против ее применения.

Главной целью обслуживания воздушного движения, как определено в Приложении 11, является предотвращение столкновений воздушных судов на всех этапах их движения: на рулении, взлете, посадке, полете по маршруту или по схеме ожидания аэродрома.

Для выполнения этих целей положения Приложения 11 предусматривают создание органов управления воздушным движением.

Управление воздушным движением заключается в выдаче диспетчерских разрешений и информации органами управления воздушным движением для обеспечения продольного, вертикального или бокового эшелонирования воздушных судов в соответствии с положениями, изложенными в главе 3 Приложения 11.

Упорядоченный процесс управления воздушным движением должен обеспечивать такое состояние, чтобы воздушное судно находилось под управлением только одного органа воздушного движения в каждый момент времени.

Приложение 11 требует от органов управления воздушным движением обеспечить организацию потоков воздушных судов для избегания чрезмерных загрузок в контролируемом воздушном пространстве, не допуская их сближения или столкновения.

Вопрос об ответственности органов управления воздушным движением неоднократно поднимался в Международной организации гражданской авиации (далее – ИКАО) и рассматривался в его Юридическом комитете. Однако после многолетней дискуссии прийти к единому мнению в отношении ответственности органов УВД не удалось и этот вопрос был снят с повестки дня ИКАО. На сегодняшний день мировое сообщество вновь задумалось о включении его в повестку, так как с каждым годом этот вопрос становится все острее. Приведем пример: в 1986 г. состоялась очередная сессия Ассамблеи ИКАО, на которой Юридический комитет представлял свой доклад. В тексте доклада говорится о том, что вопрос «ответственности органов обслуживания воздушного движения» был в очередной раз рассмотрен Секретариатом, мнения государств-участников получены, а Юридический комитет продолжает разрабатывать варианты решения данного вопроса⁶. Таким образом вопрос об ответственности органов УВД переносился в повестке дня ИКАО из года в год. Причин этому несколько: во-первых, разная правовая практика государств в отношении данного вопроса; во-вторых – органы управления воздушного движения имеют различный правовой статус в разных государствах. Чаще всего это были органы самого государства, на которые просто не может быть обращено взыскание⁷. Другой вариант – это унитарные предприятия или агентства, то есть частные юридические лица, которым государство делегирует свои полномочия по управлению воздушным движением; и, наконец, еще один вариант – международные неправительственные организации. Все эти варианты полностью соотносятся с указанной выше ст. 2.1.3 Приложения 11. Но не стоит забывать о том, что даже если государство делегировало свои полномочия по обеспечению воздушного движения коммерческой или международной структуре, Приложение 11 к Чикагской конвенции четко определяет, что в первую очередь эту обязанность несет само государство, а значит и ответственность, вне зависимости от правового статуса органа УВД, несет государство. Государство, в свою очередь, может прибегнуть к регрессу в отношении органа управления воздушным движением, но этот вопрос уже будет регулироваться сугубо внутренним законодательством этого государства. Немаловажным остается вопрос об ответственности конкретного физического лица, которое осуществляло управление. Но и этот вопрос решается по-разному в государствах. Например, в США иск может быть подан против конкретного служащего органа управления воздушного движения, в то время как в Великобритании такой возможности нет, законодательство Англии полностью защищает служащих от прямых исков⁸.

6 Доклад юридического комитета ИКАО в рамках 26 сессии Генеральной Ассамблеи ИКАО 23 сентября – 10 октября 1986 г. Doc. 9493, A26-LE, ст. 9.

7 Грязнов В. С. Международные авиаперевозки (правовые вопросы). – М., 1982. – Ст. 110.

8 Barnes L., MacDonald W. Search for the Legal Liability of air traffic controllers. – HeinOnline, 1970. – P. 187.

4 Stanley J. Levy, The Expanding Responsibility of the Government Air Traffic Controller // Fordham Law Review. – V. 36. – Is. 3. – Art. 2, P. 403.

5 Статья 38 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г., Doc ICAO 7300/9.

Из всего вышесказанного следует, что государства не могут прийти к единому мнению в вопросе ответственности органов управления воздушным движением, что по факту является нежеланием государств закреплять свою ответственность в универсальном международно-правовом акте. Следует отметить, что подобное решение уже существует в международной практике. Статья 6 Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. закрепляет ответственность государств за национальную деятельность и деятельность международных организаций: «Государства — участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в настоящем Договоре. Деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства — участника Договора. В случае деятельности в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, международной организации, ответственность за выполнение настоящего Договора несут, наряду с международной организацией, также и участвующие в ней государства — участники Договора»⁹.

⁹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 г.

Пристатейный библиографический список

1. Бордунов В. Д. Международное воздушное право: Учеб. пособие. – Москва: НОУ ВКШ «Авиабизнес», 2007. – Ст. 91.
2. Грязнов В. С. Международные авиаперевозки (правовые вопросы). – М., 1982. – Ст. 68.
3. Грязнов В. С. Международные авиаперевозки (правовые вопросы). – М., 1982. – Ст. 110.
4. Дементьев А. А., Травников А. И. Закон и Право. Law & Legislation, Проблемы института ответственности в международном воздушном праве. – М.: «Юнити-Дана», 2015. – № 5.
5. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 г.
6. Доклад юридического комитета ИКАО в рамках 26 сессии Генеральной Ассамблеи ИКАО 23 сентября – 10 октября 1986 г. Doc. 9493, A26-LE, ст. 9.
7. Barnes L., MacDonald W. Search for the Legal Liability of air traffic controllers. – HeinOnline, 1970.
8. Stanley J. Levy, The Expanding Responsibility of the Government Air Traffic Controller // Fordham Law Review. – V. 36. – Is. 3. – Art. 2, p. 403.

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает помный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межуниверситетском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН), Член Исполкома Российской ассоциации международного права, Член Всемирной ассоциации международного права, Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации, Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обозреватели». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. – член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. – член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казахстан и т.д.) опубликовано более 300 работ.

А.Х. Абашидзе

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Москва
2012

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А.Х. Абашидзе

Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. ЕДИНЫЙ РЕГУЛЯТОР ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА)

В статье рассматриваются модели организации и функционирования единых регуляторов финансового рынка (мегарегуляторов). Анализируются предпосылки создания мегарегулятора в России. Проводится сравнительный анализ функционирования мегарегуляторов в России и Казахстане.

Ключевые слова: единый регулятор финансового рынка, мегарегулятор, надзор на финансовом рынке, Банк России, Национальный банк Республики Казахстан.

Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. THE MEGAREGULATOR OF FINANCE MARKETS (THROUGH THE EXAMPLE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN)

The article reviews the models of organization and functioning of the megaregulators of finance markets. The prerequisites of the megaregulator foundation in Russia are analyzed. The comparative study of megaregulators functioning in Russia and Kazakhstan is conducted.

Keywords: megaregulator, supervision on the finance market, Bank of Russia, National Bank of the Republic of Kazakhstan.

1 сентября 2013 г. в России вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ (далее – Закон о едином регуляторе) который знаменует собой создание в Российской Федерации единого регулятора на финансовых рынках, наделенного функциями регулирования и надзора.

Идея создания единого регулятора (или мегарегулятора) не нова, ей уже почти 30 лет. При создании мегарегулятора реализуется модель интегрированного (или кросс-секторального) регулирования финансового рынка.

С чем связано появление идеи единого мегарегулятора?

Ядро финансовых систем современных государств составляют центральный банк как орган, осуществляющий денежно-кредитную политику, и министерство финансов, как орган, ответственный прежде всего за бюджетную политику. А вот моделей регулирования и надзора было и остается несколько.

Исторически первой является модель, в рамках которой регулирование и надзор осуществляются несколькими независимыми друг от друга органами (или агентствами). Такая концепция регулирования и надзора была реализована, например, в США, Аргентине, Бразилии.

Вторая модель предполагает частичную секторальную интеграцию: осуществление функций по регулированию банковского и страхового рынков (Канада, Венесуэла и др.), банковского и фондового рынков (Финляндия, Мексика и др.), фондового и страхового рынков (Болгария и др.).

Третья модель – объединение функций центрального банка и банковского регулирования и надзора (Россия до 2013 г. (Банк России), Украина и др.).

Четвертая модель – создание единого независимого органа финансового регулирования и надзора (Англия 1998–2008 гг., Казахстан 2004–2011 гг. и др.).

Пятая модель, «twin pr»», предполагает разделение функций по линии «макропруденциальный надзор» – «микропруденциальный надзор» с определенным доминированием первого органа. Эта модель реализована в Англии после реформы 2008 г.

Наконец, шестая модель – создание единого регулятора с объединением надзора за всеми секторами и интеграцией функций на базе центрального банка (Сингапур, Казахстан, Россия с 2013 г., др.)¹.

Из всех этих моделей только в первой не был реализован интегративный подход регулирования и надзора на финансовых рынках. Иные – так или иначе уже были его эмпирическим следствием. Верно будет отметить, что за появлением моделей интегрированного надзора первоначально не стояло какой-то сверхидеи: своим рождением концепция интегрированного надзора обязана необходимости удешевления бюджетных затрат на функционирование системы надзора. Однако впоследствии – под влиянием процессов консолидации в финансовом секторе, развития различных финансовых инструментов – она обрела новое дыхание и стала популярна в конце 1990- начале 2000 гг.

Именно в это время в ряде государств появились самостоятельные, часто обладающие определенной независимостью от правительства органы финансового надзора, которые осуществляли надзор за всеми основными секторами финансового рынка одновременно. Такие органы получили неофициальное название мегарегуляторов и появились в Норвегии (страна-пионер, 1986 г.), Исландии, Дании, Швеции, Англии, Германии, Южной Корее, Венгрии, Казахстане и еще примерно в 50 странах.

Дало ли создание мегарегуляторов положительный эффект? Несомненно, определенный эффект был, и связан он прежде всего с тем, что в отношении всех финансовых секторов были сделаны попытки разработать и начать применять

Рождественская Т. Э.

Гузнов А. Г.

1 См. также: Моисеев С.Р. Мегарегулятор / Терминология – сущностные аспекты // Деньги и кредит, 2013, №7 – С. 52-53.

единые стандарты и технологии регулирования и надзора, что ограничивало появление так называемого регуляторного арбитража (то есть возможности применения разных стандартов к одним и тем же сегментам со стороны различных надзорных органов).

Идеи о формировании мегарегулятора в России ходили давно – еще в конце 90-х гг. прошлого века обсуждался вопрос об объединении банковского надзора и надзора за деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг. В то время создание единого регулятора финансовых рынков виделось, прежде всего, способом преодоления чрезмерной сегментированности системы регулирования и надзора во многом уже ставшего единым финансовым рынком. Следует отметить, что до последнего времени в России регулирование и надзор на финансовых рынках были распределены между несколькими органами, обладающими известной самостоятельностью. Полномочия в области регулирования финансового рынка находились в руках законодателя, Правительства, Минфина, Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) и Банка России. Надзорные полномочия были сосредоточены в руках Банка России (надзор за кредитными организациями и субъектами национальной платежной системы); ФСФР (надзор за профессиональными участниками рынка ценных бумаг, страховыми компаниями, частично за деятельностью негосударственных пенсионных фондов, микрофинансовых организаций и ряда других участников финансового рынка). Также отдельные полномочия в области надзора существовали у служб, находящихся в ведении Минфина. Надзор за негосударственными пенсионными фондами осуществляло Министерство труда и социальной защиты. Таким образом, система регулирования и надзора за финансовым рынком была чрезмерно разрознена, что нередко приводило к рассогласованности действий, запаздыванию в принятии решений, наличию регуляторного арбитража и многим другим негативным последствиям в сфере регулирования и надзора на финансовом рынке. Кроме того, такая система не способствовала проведению комплексного анализа устойчивости финансового рынка.

Негативным следствием такой рассегментированной системы надзора является также то обстоятельство, что на ее поддержание требуются большие ресурсы – и кадровые, и финансовые. Применительно к российским условиям финансовые ресурсы – это средства федерального бюджета и Центрального банка РФ.

Предложения конца 90-х и начала 2000 гг. во многом базировались на идее выделения банковского надзора из сферы компетенции Банка России и создания мегарегулятора на базе ФСФР. Этот подход не нашел поддержки, хотя его отголоски можно увидеть в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на 2006–2008 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 1 июня 2006 г. № 793-р)².

Существует несколько причин, по которым не был реализован этот путь развития системы регулирования и надзора за финансовым рынком. Банковский надзор оказался более эффективным, чем надзор за иными участниками финансового рынка. Во многом это произошло именно благодаря тому, что система банковского надзора развивалась как часть системы Банка России. Как следствие, ресурсы, которые использовались для обеспечения банковского надзора, носили более стабильный характер – как с точки зрения кадрового потенциала, так и материально-технического обеспечения (прежде всего

– технологии получения и обработки отчетности и т.д.)³. Система банковского надзора России была более восприимчива к наилучшей международной практике и смогла имплементировать практически все стандарты современного эффективного банковского надзора. Надзор за иными некредитными финансовыми институтами в этом смысле оказался в роли догоняющего.

Данные обстоятельства и привели к тому, что в 2012 г. было принято решение о создании единого регулятора финансового рынка России на основе Банка России.

Кроме того, был учтен опыт других государств (в том числе, Республики Казахстан), анализ которого свидетельствовал о том, что «возврат» мегарегуляторов в структуру национальных банков в ряде стран был далеко не случаен. Мегарегулятор, как надзорный орган, нацелен на предупреждение финансовых кризисов с помощью ограничения рисков. Однако практика показала ограниченность пруденциальных мер надзорного характера без государственной поддержки в части предоставления участникам рынка (прежде всего банкам) больших объемов ликвидности с целью стабилизации денежных потоков и возвращения доверия рынков (такая ограниченность была наиболее очевидна в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.). И в этом смысле возможности национальных банков, обладающих неограниченным запасом ликвидности в национальной валюте, приобретают поистине колоссальное значение для стабилизации ситуации.

После того как было принято решение о создании на базе Банка России единого регулятора финансового рынка, и началась работа над проектом федерального закона, обеспечивающего переход к единому регулятору, в Центральном Банке Российской Федерации была проведена работа по определению структуры будущего единого регулятора.

В процессе этой работы особое внимание было уделено опыту Казахстана и Сингапура (как уже отмечалось, эти государства реализовали модель надзора, где надзор за финансовыми рынками и банковский надзор сосредоточены на базе центральных банков).

Опыт Казахстана был наиболее полезен, в силу того, что и Россия, и Казахстан имеют близкое правовое пространство, ментальность, единую правовую школу. В этом смысле сотрудники Банка России и Национального банка Республики Казахстан могли говорить «на одном языке».

Также, как и Банк России в Российской Федерации, НБ РК является ключевым органом организации финансовой системы Казахстана. Его цели, задачи, функции и полномочия определены Законом Республики Казахстан «О Национальном Банке Республики Казахстан» от 30 марта 1995 г. № 2155 (с изменениями и дополнениями)⁴. В соответствии со ст. 2 указанного закона Национальный банк Казахстана является государственным органом, обеспечивающим разработку и проведение денежно-кредитной политики государства; функционирование платежных систем; осуществляющим валют-

3 Собственно говоря, именно отсутствие необходимых ресурсов стало поводом к созданию единого регулятора. На протяжении последних лет ФСФР стала осуществлять полномочия по регулированию и надзору за страховыми компаниями, негосударственными пенсионными фондами, микрофинансовыми организациями, кредитными кооперативами и т.д. К 2012 г. стало ясно, что при наличии тех ресурсов, которые были в распоряжении ФСФР, эффективно осуществлять надзор за всеми субъектами финансовых рынков (даже исключая кредитные организации) практически невозможно.

4 Қазақстан Ұлттық Банкі [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalbank.kz/?docid=41>

ное регулирование и контроль; государственное регулирование, контроль и надзор финансового рынка и финансовых организаций; государственное регулирование функционирования регионального финансового центра города Алматы; содействующим обеспечению стабильности финансовой системы и проводящим государственную статистику.

В отличие от Банка России НБ РК подотчетен Президенту Казахстана (Банк России – Государственной Думе Российской Федерации).

Основной целью Национального банка Казахстана является обеспечение стабильности цен в Республике Казахстан (ст. 7 Закона «О Национальном Банке Республики Казахстан»), в то время как основной целью Банка России является обеспечение устойчивости рубля (ст. 3 Закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)'). Отметим, что с точки зрения современной теории монетарного управления именно стабильность цен, а не курсовая политика должны являться приоритетом деятельности центральных банков.

В структуре Национального банка Республики Казахстан выделяются два ведомства: Комитет по контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций и Комитет по защите прав потребителей финансовых услуг.

В отличие от России, где надзорно-контрольные полномочия в области финансовых рынков (за исключением банковского надзора) сосредотачивались на уровне Федеральной службы по финансовым рынкам и были переданы Банку России только в связи с созданием единого регулятора, в Казахстане «мегарегулятор» складывался на базе НБ РК.

В конце 90-х – начале 2000-х годов в течение нескольких лет Национальному банку Казахстана были переданы функции и полномочия Департамента страхового надзора Министерства финансов Республики Казахстан (по надзору страхового рынка (1998 г.)), Национальной комиссии Республики Казахстан по ценным бумагам (по регулированию рынка ценных бумаг (2001 г.)), Комитета по регулированию деятельности накопительных пенсионных фондов Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан (по регулированию деятельности накопительных пенсионных фондов (2002 г.)).

В 2003 г. было принято решение о создании самостоятельного надзорного ведомства, и с 1 января 2004 г. началось функционирование Агентства Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций (далее – Агентство), за которым законодательно были закреплены следующие цели и задачи:

1) обеспечение финансовой стабильности финансового рынка и финансовых организаций и поддержание доверия к финансовой системе в целом;

2) обеспечение надлежащего уровня защиты интересов потребителей финансовых услуг;

3) создание равноправных условий для деятельности финансовых организаций, направленных на поддержание добросовестной конкуренции на финансовом рынке;

4) установление стандартов деятельности финансовых организаций, создание стимулов для улучшения корпоративного управления финансовых организаций;

5) мониторинг финансового рынка и финансовых организаций в целях сохранения устойчивости финансовой системы;

6) сосредоточение ресурсов надзора на областях финансового рынка, наиболее подверженных рискам, с целью поддержания финансовой стабильности;

7) стимулирование внедрения современных технологий, обеспечение полноты и доступности информации для потре-

бителей о деятельности финансовых организаций и оказываемых ими финансовых услугах.

Однако это Агентство не было независимым в полном объеме от Национального банка Республики Казахстан: последний фактически обеспечивал финансирование деятельности Агентства.

После кризиса 2008–2009 гг. в Казахстане вновь вернулись к идее функционирования единого надзорного органа на базе НБ РК. Указом Президента Республики Казахстан от 12 апреля 2011 г. № 25 функции и полномочия Агентства были переданы Национальному банку Республики Казахстан, а Указом от 18 апреля 2011 г. № 61 был образован Комитет по контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций Национального банка Республики Казахстан (далее – КФН).

Положение о КФН было утверждено Советом директоров НБ РК 4 марта 2013 г. № 3164⁵. В соответствии с данным положением Комитет по контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций Национального Банка Республики Казахстан является ведомством Национального банка Республики Казахстан, осуществляющим в пределах его компетенции контроль и надзор за финансовым рынком и финансовыми организациями (п. 1).

Как определено Положением, КФН в пределах компетенции Национального банка в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Казахстан, выполняет основные функции по государственному контролю и надзору за банковской, страховой деятельностью, деятельностью накопительных пенсионных фондов, инвестиционных фондов, субъектов рынка ценных бумаг и кредитных бюро.

Будучи ведомством НБ РК, Комитет, тем не менее, обладает некоторой (хотя скорее символической) независимостью от НБ РК. В частности, Председатель Комитета назначается на должность и освобождается от должности Председателем Национального Банка по согласованию с Президентом Республики Казахстан или, по его поручению, с Руководителем Администрации Президента Республики Казахстан.

Комитет по защите прав потребителей финансовых услуг (КЗППФУ) был также образован с 1 марта 2013 г. в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2012 г. № 458 «О некоторых вопросах Национального Банка Республики Казахстан». КЗППФУ создан с целью усиления действующей системы защиты, внедрения превентивных мер по защите прав потребителей финансовых услуг, а также повышения финансовой грамотности населения.

В настоящее время в состав КЗППФУ входят 2 структурных подразделения: Департамент по правам потребителей (включающий Управление по защите прав потребителей и Управление финансовой грамотности) и самостоятельное Юридическое управление.

В соответствии с Положением о Комитете по защите прав потребителей финансовых услуг Национального банка Республики Казахстан (утверждено постановлением Совета директоров Национального Банка Республики Казахстан от 7 февраля 2013 г. № 27) основной задачей КЗППФУ является обеспечение надлежащего уровня защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. В этой связи КЗППФУ выполняет следующие основные функции:

1) рассматривает обращения физических и юридических лиц по вопросам предоставления финансовых услуг;

5 Ограниченные меры и санкции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afn.kz/?docid=1365>

2) предоставляет правовую помощь потребителям финансовых услуг по вопросам защиты их прав;

3) выявляет нарушения прав потребителей финансовых услуг;

4) ведет реестр обращений потребителей финансовых услуг и результатов их рассмотрения, проводит анализ соответствующей статистической информации;

5) ведет реестр нарушений финансовыми организациями и эмитентами ценных бумаг требований законодательства по защите прав потребителей финансовых услуг;

6) запрашивает и получает от физических и юридических лиц сведения, необходимые для обеспечения защиты прав потребителей финансовых услуг;

7) осуществляет контроль и проверки деятельности субъектов финансового рынка по соблюдению законодательно установленных требований при оказании финансовых услуг и раскрытии информации о финансовых услугах;

8) осуществляет надзор за качеством предоставляемых субъектами финансового рынка услуг и распространяемой ими информации о финансовых услугах;

9) разрабатывает стандарты оказания финансовых услуг и распространения информации о финансовых услугах финансовыми организациями;

10) проводит мероприятия по повышению качества финансовых услуг; и др.

Таким образом, в Казахстане вопросы надзора за субъектами финансового рынка и эмитентами оказались сосредоточены в рамках одной структуры – Комитета по контролю и надзору финансового рынка и финансовых организаций. Защита прав потребителей финансовых услуг также была структурирована по всем видам услуг, осуществление такой защиты было закреплено за Комитетом по защите прав потребителей финансовых услуг. К функциям непосредственно Национального Банка Казахстана в настоящее время по-прежнему относятся: осуществление монетарной политики; организация налично-денежного обращения; валютное регулирование и валютный контроль; развитие платежных систем; организация борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма.

Итак, в Казахстане реализована модель единого регулятора на базе центрального банка с полным секторальным и функциональным объединением.

Внимательно изучив опыт Республики Казахстан по организации регулирования и надзора на финансовом рынке, многое позаимствовав, тем не менее, Банк России пошел несколько отличным путем.

В структуре Банка России фактически образовалось 6 равнозначных направлений деятельности:

1) осуществление денежно-кредитной политики;

2) организация налично-денежного обращения;

3) банковское регулирование и банковский надзор (включая вопросы лицензирования деятельности кредитных организаций);

обеспечение стабильности и развития национальной платежной системы России (включая развитие платежной системы Банка России и надзор за частными платежными системами);

4) надзор и контроль за некредитными финансовыми организациями; защита прав потребителей финансовых услуг (кроме банковских);

5) организация борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма; валютное регулирование и валютный контроль.

В отличие от Национального банка Казахстана, эти направления не структурированы в отдельные ведомства, а реализуются через отдельные департаменты, которые находятся в подчинении первых заместителей (заместителей) председателя Банка России.

Можно констатировать, что банковский надзор и банковское регулирование являются самостоятельным направлением деятельности Банка России, существующим наряду и наравне с направлением регулирования и надзора за некредитными финансовыми организациями.

Регулирование и надзор за некредитными финансовыми организациями окончательно структурировано 3 апреля 2014 г., когда ранее существовавшая Служба Банка России по финансовым рынкам была упразднена и на ее базе образованы 9 структурных подразделений (имеющих региональное представительство), к которым относятся:

– Департамент развития финансовых рынков;

– Департамент допуска на финансовый рынок;

– Департамент страхового рынка;

– Департамент коллективных инвестиций и доверительного управления;

– Департамент рынка ценных бумаг и товарного рынка;

– Главное управление рынка микрофинансирования и методологии финансовой доступности;

– Департамент сбора и обработки отчетности некредитных финансовых организаций;

– Главное управление противодействия недобросовестным практикам поведения на открытом рынке;

– Служба Банка России по защите прав потребителей финансовых услуг и миноритарных акционеров.

При этом – также в отличие от Казахстана – правовое сопровождение и инспекционная деятельность – были централизованы соответственно в Юридическом департаменте и Главной инспекции Банка России.

Таким образом, несмотря на принадлежность мегарегуляторов Республики Казахстан и Российской Федерации к одной и той же модели, следует отметить, что организация их деятельности не является идентичной.

Однако цели деятельности, задачи и функции единых регуляторов финансового рынка в России и Казахстане близки, и это во многом будет определять сходство парадигмы развития мегарегуляторов в России и Казахстане.

Пристатейный библиографический список

1. Моисеев С. Р. Мегарегулятор / Терминология – существенные аспекты // Деньги и кредит. – 2013. – № 7.
2. Рождественская Т. Э. Создание мегарегулятора в России: цели, задачи, проблемы и перспективы развития // Банковское право. – 2013. – № 5.
3. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Чистюхин В. В. Единый регулятор финансовых рынков: новый ответ на вызовы современности // Законодательство. – 2013. – № 10.

Азизова П. М.

РОЛЬ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ США В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с историей принятия Декларации независимости США, и ее роли как документа, имевшего огромное историческое значение, утверждая принципы демократии и республиканскую форму правления.

День принятия Декларации (4 июля) стал национальным праздником США — Днем независимости, который ежегодно торжественно отмечается всей страной.

Ключевые слова: США, Декларация независимости США, колонисты, метрополии.

Azizova P. M.

ROLE OF THE UNITED STATES DECLARATION OF INDEPENDENCE IN HUMAN RIGHTS PROTECTION

The article is devoted to the study of issues associated with the history of the adoption of the U.S. Declaration of Independence and its value as a document of great historical significance, which asserted the principles of democracy and the republican form of government.

The day of the adoption of the Declaration (July 4) became the U.S. national holiday — the Independence Day which is annually celebrated throughout the country.

Keywords: United States, United States Declaration of Independence, the colonists, the mother country.

Азизова П. М.

Декларация независимости США — исторический документ, в котором британские колонии в Северной Америке объявили независимость от Великобритании, принят единогласно Вторым Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. в Филадельфии, штат Пенсильвания.

День принятия (но не подписания) Декларации независимости, 4 июля, празднуется в США как День независимости. Декларация стала первым официальным документом, в котором колонии именовались «Соединенными Штатами Америки».

Возникновение предпосылок создания Декларации независимости начинается как раз в ту пору, когда Северная Америка была охвачена бурными волнениями. Усилившийся нажим из Лондона затронул интересы широких слоев ее населения. Оказались обманутыми американские ветераны Семилетней войны, которым обещали богатые земли Огайо, но впоследствии отняли эту надежду. Новые навигационные законы, и особенно акт о сахаре, больно ударили по прибыльной для американских купцов торговле с Вест-Индией. Удвоенные пошлины на ввоз промышленных изделий из Англии привели к небывалой дороговизне.

Колонисты оказали открытое сопротивление жесткой политике Лондона. Ничто не могло удержать тех, кто стремился на Запад. Тайно продолжалась торговля с Вест-Индией. Английские товары подвергались массовому бойкоту.

Метрополия, желая пресечь нарушение имперских законов, в 1764 г. решила разместить в Северной Америке 10 тыс. солдат с тем условием, чтобы треть расходов на их содержание оплачивали сами колонии. Это означало новое увеличение налогов. Поборы еще больше возросли с принятием в 1765 г. закона о гербовом сборе, согласно которому для любых деловых операций, в том числе всех коммерческих сделок, нужно было покупать разрешительные марки.

Одним из наиболее выдающихся американских политиков того времени был Томас Джефферсон. Позиция Томаса Джефферсона основывалась не столько на возражениях против сохранившихся таможенных сборов за чай, сколько на неприятии самого принципа королевского вмешательства в дела американских колоний. Он полагал, что пошлина на чай является опасным прецедентом и оставлена в качестве символа английского господства над Северной Америкой. Дальнейшие события 1770—1772 гг. подтвердили данное его предположение. Особенно ситуация обострилась в 1772 г., когда в Лондоне было принято постановление, согласно которому жалование

губернаторам, чиновникам и судьям в колонии должна была выплачиваться королевской казна.

Американские купцы, промышленники и плантаторы расценили эти действия английского правительства как попытку метрополии подобным образом упрочить свою власть в Северной Америке. На данное нововведение они ответили созданием собственных, независимых органов управления в лице комитетов связи. Первый из них был утвержден в Бостоне, а вскоре они появились и во всех городах Массачусетса.

5 сентября 1774 г. в Филадельфии был созван I Континентальный конгресс, который выработал свод законов, которые защищали интересы колоний, и объявлял бойкот английским товарам вплоть до полной отмены дискриминационных актов. Но так как английский парламент и король Георг III отвергли требования конгресса, вооруженный конфликт между обеими сторонами стал неизбежным. Можно сказать, что созыв I Континентального конгресса и принятые на нём решения стали по существу первыми проявлениями совместной, организованной деятельности американских колоний. Именно тогда были заложены основы для их дальнейшего объединения, закреплённые на II Конгрессе принятием решения об организации совместных военных действий. Уже в ходе войны окончательно созрело стремление вести борьбу вплоть до полного отделения от метрополии и получения колониями статуса независимых государств. 15 мая 1776 г. по предложению Джона Адамса конгресс официально санкционировал образование независимых от Англии штатов. Конституции штатов расширяли демократические права населения. Почти повсеместно были приняты «билли о правах», которые провозглашали свободу слова, совести, собраний, неприкосновенности личности и т. д. Следует добавить, что принятие новых конституций во всех штатах знаменовало собой важный шаг революционного значения. Эти конституции уничтожали привилегии земельной аристократии, запрещали взыскивать фиксированную ренту и ликвидировали другие пережитки феодализма. Политическая власть перешла в руки национальной буржуазии и плантаторов.

Колонии объявили себя республиками-штатами, а 1 июля 1776 г. законодательным собранием Вирджинии была принята так называемая Вирджинская декларация прав, которая явилась первой декларацией в истории американского народа. Эта декларация охватывала весь круг идей, обосновавших отделение от Англии и образование демократической

республики. Она говорила о защите «жизни, свободы и собственности».

Самым важным в работе Второго Континентального конгресса является принятие 4 июля 1776 г. Декларации независимости Соединённых штатов Америки. Проект Декларации поручили подготовить комиссии из пяти членов конгресса в составе Томаса Джефферсона, Джона Адамса, Бенджамина Франклина, Роджера Шермана и Роберта Ливингстона. Однако полномочия по созданию проекта Декларации были переданы в руки Томаса Джефферсона, который 17 дней (с 11 по 28 июня) работал над её текстом, не прибегая к помощи научных трактатов, памфлетов и коллег по комитету.

Проект Джефферсона с незначительными редакционными поправками Дж. Адамса и Б. Франклина 28 июня был представлен конгрессу как «Декларация представителей Соединённых Штатов Америки, собравшихся на Генеральный Конгресс». 19 июля Конгресс изменил название: «Единогогласная декларация тринадцати объединённых Штатов Америки». Обсуждение проекта Декларации началось в первых числах июля и продолжалось три дня. В ходе обсуждения в него были внесены изменения, в частности был изъят раздел, который осуждал рабство и работорговлю. Он был вычеркнут в угоду Южной Каролине и Джорджии, которые никогда не пытались ограничить ввоз рабов, а напротив, намеревались продолжать работорговлю. Из 1800 слов документа члены Конгресса выбросили около четверти текста, было заменено несколько фраз и слов и сделано две вставки. Слова были заменены на более приемлемые, в ряде случаев более точные и менее эмоциональные. Декларация была одобрена 2 июля. Провозглашённые Декларацией принципы в наибольшей степени отвечали и интересам национальной буржуазии, которая выступала в союзе с плантаторами против старых колониальных порядков и господства тесно связанной с метрополией колониальной аристократии. Национальная буржуазия была заинтересована в революционных преобразованиях для того, чтобы смести со своего пути барьеры, мешавшие её продвижению к власти. В этом отношении показателен и состав депутатов, подписавших Декларацию Независимости. Вечером 4 июля Декларация была удостоверена подписями президента конгресса Хэнкока и секретаря Томсона. Три четверти подписавших нажили свои состояния на торговле и контрабанде. В целом из 56 подписей 28 принадлежали адвокатам, 13 — купцам, 8 — плантаторам и 7 — представителям различных профессий. Следует отметить, что делегация Нью-Йорка в голосованиях не участвовала из-за отсутствия у неё необходимых полномочий и присоединилась к общему мнению только 15 июля.

Для выработки текста декларации был создан комитет из 5 представителей колоний: Джон Адамс (Массачусетс), Бенджамин Франклин (Пенсильвания), Томас Джефферсон (Вирджиния), Роберт Ливингстон (Нью-Йорк) и Роджер Шерман (Коннектикут).

Основную работу по написанию декларации проделал Томас Джефферсон, впоследствии третий президент Соединённых Штатов. Памятник Томасу Джефферсону находится в Вашингтоне. На стене — вступительная часть Декларации.

1 июля 1776 г. текст декларации был представлен конгрессу на обсуждение, и 4 июля 1776 г. — утверждён конгрессом и подписан президентом конгресса Джоном Хэнкоком и секретарём Чарльзом Томсоном. В декларации можно выделить 3 части: первая гласит о том, что все люди по своему происхождению равны и обладают равными правами (на жизнь, на свободу, на достижение счастья и др.); вторая часть содержит перечень злоупотреблений английской короны по отношению к колониям; третья часть объявляет о разрыве политической связи между колониями и метрополией, каждая колония признаётся самостоятельным независимым государством («state»).

19 июля 1776 г. конгресс распорядился, чтобы декларация была «должным образом переписана крупными буквами на пергаменте под заголовком “Единогогласная декларация тринадцати Соединённых Штатов Америки” и подписана всеми членами Конгресса». По первоначальному, печатному вари-

анту, утверждённому 4 июля, была создана каллиграфическая копия документа.

Каллиграфическую работу поручили помощнику Чарльза Томсона, Тимоти Мэтлэку (Timothy Matlack). Этот рукописный вариант текста был подписан представителями всех тринадцати колоний 2 августа 1776 г.

Известие о единогласном принятии Декларации всеми колониями — Соединёнными Штатами Америки достигло короля Великобритании Георга III 10 сентября.

Оттиск этой рукописной копии документа с подписями всех представителей, выполненный В. Стоуном в 1820 г., хранится в Национальных архивах США.

Декларация независимости не только объясняла причины, побудившие американцев к отделению от метрополии. Это был первый в истории документ, провозгласивший принцип суверенитета как основы государственного устройства. Ее чеканные формулировки утверждали за народом право на восстание и свержение деспотического правительства, провозглашали основные идеи демократии — равенство людей, их «неотъемлемые права, среди которых право на жизнь, свободу и на стремление к счастью». Декларация стала не только «свидетельством о рождении» нового государства, но и признанным памятником американской литературы: Джефферсону удалось выразить известные принципы и идеи великолепным языком, в краткой и доступной форме.

Церемония подписания воспроизведенной на пергаменте Декларации состоялась 2 августа 1776 г., когда вслед за Дж. Хэнкоком поставили свои подписи еще 55 человек. Дж. Дикинсон, Дж. Джей и Р. Р. Ливингстон отказались подписать Декларацию. Вместе с тем свои подписи поставили К. Брактон и Э. Ратледж, выступавшие ранее против нее, и Р. Моррис, считавший ее преждевременной. Ряд подписей (Т. Маккин, М. Торнтон) появились значительно позже, 2 августа. Имена всех 56 человек, подписавших Декларацию, вошли в историю США, им посвящена обширная литература и мемориал в Вашингтоне. На известной картине Дж. Трамбла «Подписание Декларации независимости», висящей в Ротонде Капитолия, 36 из 48 изображенных персонажей написаны при их жизни.

Оригинал Декларации, хранившийся в Библиотеке конгресса, в декабре 1952 г. был перевезен в здание Национального архива США на Конститушн-авеню в Вашингтоне и наряду с подлинниками Конституции США и Билля о правах представлен для обозрения в выставочном зале. День принятия Декларации — 4 июля — стал национальным праздником США — Днем независимости, ежегодно торжественно отмечаемым всей страной.

По всей стране Декларацию читали на улицах и площадях. Люди приветствовали ее бурными овациями. Гремели салюты из 13 залпов (по числу штатов). В Нью-Йорке повергли статую короля Георга III. Свинцовую статую перелили в пули. Американцы говорили: «Пусть англичане попробуют пули, выплавленные из их короля!» Значение Декларации вышло за пределы одной страны. В эпоху, когда господствовал феодальный строй, она бросала вызов этому строю. Вместо власти королей власть народа, вместо сословных привилегий — равенство всех в правах, вместо монархии — республика.

Пристайный библиографический список

1. Азизова П. М. Дисциплина «История отечественного государства и права» в системе общественных и юридических дисциплин // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.
2. Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты. — М., 2003.
3. США. Конституция и права граждан / Под ред. В. А. Власихина. — М.: Мысль, 2001.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З. М. Черниловского. — М.: Юридическая литература, 2004.

Пономаренко Е. В. К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ ТЕОРИИ ПРАВА

Происходящие в современном мире глобальные гуманизационные преобразования обусловлены возвышением человека в правовой сфере. Для этого необходимо определиться с содержанием, классификацией и систематизацией правового знания, путями и способами его получения, усовершенствовать предмет познания современной науки теории права и ее научный инструментарий.

Ключевые слова: предмет современной науки теории права, гипотезы, доктрины, парадигмы, современная наука теории права.

Ponomarenko E. V. TO THE ISSUE OF SUBJECT OF MODERN STUDY OF THEORY OF LAW

Global humanization transformations in modern world are predetermined by the man's eminence in legal sphere. For this end it is required to determine the content, classification and systematization of legal knowledge, the ways and methods of its acquiring, to improve the subject of cognition of modern theory of law science and its research instrumentarium.

Keywords: the subject of modern study of theory of law, hypotheses, doctrines, paradigms, the modern study of theory of law.

Пономаренко Е. В.

В современной науке теории права предмет рассматривается с точки зрения единства теоретико-познавательной и практически-прикладной функций. Выделяются следующие элементы: закономерности права, догмы права, техника юриспруденции¹. Ряд ученых расширяет предмет исследования, включает в него различные направления, такие как правовая жизнь, правовая действительность, правовая политика, общие специфические элементы развития, основные признаки и черты².

Традиционно в литературе под предметом современной науки теории права понимают изучение права в широком смысле. Современная наука теории права рассматривает собственные предметно-закономерности, формулирует основные понятия и категории, которыми оперирует действующее законодательство, анализирует функции и роль правовых институтов. Она изучает не только правовые нормы, правоотношения, но и юридические познавательные процессы.

Современная наука теории права конструирует систему категорий, наполняет их содержанием, раскрывает их сущность и при этом непрерывно расширяет и углубляет правовое знание. Сам процесс познания начинается с изучения и осмысления таких явлений, как правосознание, естественные права и свободы человека, правовые нормы и правовые отношения, и таким образом обращается к правовой действительности. Данная наука существует в правовой сфере и может быть исследована с помощью правовых методов, имеет юридический, правовой характер³.

В литературе подходы к предмету современной науки теории права разнообразны. Так, Д. А. Керимов в предмет науки включает две составные части: социологию права и философию права. Основное различие данных частей заключается в специфике гносеологического и онтологического изучения. Именно поэтому социология и философия права составляют единый предмет науки⁴. По его мнению, современная наука теории права представляет социологическое истолкование права, поскольку онтологически изображает объективную ди-

алектику правовой действительности, ее реального развития, изменения и преобразования.

По мнению А. В. Полякова, предмет науки теории права следует охарактеризовать как результат тематизированной рефлексии об объекте науки, получивший текстуальную форму выражения. Тематизация рефлексии указывает на заданный ракурс исследования объекта. Текстуально-коммуникативная форма ее выражения указывает на форму знаковой системы как сообщения, предназначенного для передачи другим и признанного в рамках научного сообщества. Познание онтологической составляющей права является смысловым центром науки теории права, однако этот центр тесно связан с периферией, включающей в себя иные аспекты правовой действительности, за счет чего предмет науки теории права может расширяться в соответствии с той или иной складывающейся концепцией правопонимания⁵.

Так, по мнению В. С. Нерсисянца, предметом науки теории права является общая теория всей юриспруденции как единой, самостоятельной и системно целостной науки. Предмет науки теории права включает общенаучные основы всей юриспруденции, ее систему и структуру, ее онтологию, гносеологию и аксиологию⁶.

В. К. Бабаев считает, что современная наука теории права представляет собой систему знаний о праве, его глубинных свойствах, соотношении с другими социальными явлениями и науками. Система науки теории права обусловлена системой изучаемых социально-правовых явлений и максимально к ней приближена⁷.

Обобщая сказанное выше и выражая авторскую позицию, отметим, что предмет современной науки теории права включает в себя изучаемые объекты правовой действительности, выявляет новые свойства, признаки и характерные черты, теоретически обобщает элементы правового знания.

Предмет современной науки теории права включает в себя изучаемые объекты правовой действительности: теории, концепции, категории, конструкции, доктрины, парадигмы

1 Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х томах. Т. 1. – М., 1981. – С. 11.

2 Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: в 3-х томах. Т. 1. – М., 2002. – С. 16.

3 Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М., 1998. – С. 58; Богданова Н. А. Система науки конституционного права. – М., 2001. – С. 9–10.

4 Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: Учебное пособие. 2-е изд. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. – С. 19.

5 Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 18–19.

6 Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 3.

7 Общая теория права: курс лекций. / Под общей редакцией д-ра юрид. наук, профессора В.К. Бабаева. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородской высшей школы МВД РФ, 1993. – С. 35–36.

правового знания, как окончательно оформившиеся в реальности, так и существующие в процессе создания и преобразования.

При анализе предмета науки теории права необходимо обратиться к объекту. Объект и предмет познания – различные явления. Например, объект присутствует в правосознании, правоотношениях и нормах права, правотворчестве, а предмет связан с научным знанием о нормах и отношениях, получает оформление в научных источниках. Объект науки – то, на что направлена познавательная деятельность. Так, объектом науки теории права является право в целом и производные от него категории, понятия и процессы.

Для рассмотрения отдельных элементов предмета юридической науки следует определить содержание концепций, категорий, доктрин, парадигм.

Концепции юридической науки существуют в системе правового знания, имеют самостоятельное обособленное значение. Они представляют одно из направлений той или иной теории, находятся в процессе создания и оформления.

Концепция – это теоретическое построение, соединяющее различные структурные элементы и качественные характеристики познаваемого юридической наукой предмета, способствующее его целостному восприятию, пониманию, объяснению. Актуальность и значимость концепций юридической науки необходима для построения правовых догм, правовых технологий (законотворчества и правотворчества), юридической практики.

Концепции оказывают влияние на саморазвитие юридической науки и взаимодействуют с ней, обобщают правовое знание, и составляют систему той или иной теории⁸. Концепции являются основой законодательного регулирования правоотношений. Они определяют познание правовых феноменов и служат ориентиром для уяснения и разъяснения норм права. Они выражают различные аспекты правовой действительности, облегчают восприятие и изучение всего многообразия правовых явлений. Одними из видов концепций могут служить позитивная (нормативная), социологическая, естественно-правовая концепции права, правовая антропология, правовая аксиология, концепция правового статуса человека и т.д.

Так, например, правовая антропология понимается как гуманитарная сущность, назначение человека и человечества, научный анализ правового бытия человека в действительности, в том числе и правовой⁹. Правовая антропология существует как научное направление, предметом изучения которого является правовое бытие человека, его правовая деятельность, специфические связи и отношения с правовым государством, социальной и личной свободой.

Доктрина – систематизированное учение, целостная концепция, совокупность принципов, используемых в качестве основы программного действия, система официальных положений по какому-либо вопросу государственной жизни¹⁰.

Под правовой доктриной следует понимать систематизированную совокупность основополагающих взглядов и теоретических концепций, устанавливающих стратегические перспективы правового развития России, в ходе которого решаются задачи философского понимания, осмысления, освоения места и роли права и его источников в государственной, общественной и правовой системах. Определяются правовые стандарты взаимоотношений человека, общества и государства, исследуются юридические свойства норм основного закона. Правовые доктрины обладают историческим и национальным характером.

Роль правовой доктрины проявляется в том, что она создает понятия и конструкции, которыми пользуется современная

наука теории права, юридическая практика, законотворческие органы и т.д.¹¹. Именно правовая доктрина вырабатывает приемы и методы установления, толкования и реализации норм действующего законодательства. К тому же сами «создатели» права не могут быть свободны от влияния правовой доктрины, им приходится становиться на сторону той или иной юридической концепции, воспринимать ее предложения и рекомендации.

Существование правовой доктрины обусловлено динамикой развития правового бытия. Сама правовая доктрина непосредственная связана с правовой конституцией и действующим законодательством. Субъекты правотворчества связаны имеющимися в их распоряжении концепциями, теориями, взглядами, суждениями, убеждениями, обосновывающими направления воздействия на реальные отношения, складывающиеся между субъектами.

Так, например, правовая онтология политики является одним из направлений развития юридической науки в рамках ее доктрины¹². Правовая онтология политики связана анализом системы категорий юридической науки на уровне правового бытия.

Категории – это наиболее общие, предельно широкие правовые понятия. Они представляют собой результат обобщения существующей правовой действительности, результат обобщения юридических понятий. Например, обобщив понятие гражданской, административной, уголовной и иной отраслевой ответственности, можно получить предельно широкое понятие юридической ответственности¹³. Изучение категорий имеет философско-теоретическое, методологическое и практически-прикладное значение.

Правовые категории раскрывают общую методологию познания (сущность, содержание и форму, общее, особенное и единичное, историческое и логическое, абстрактное и конкретное и т.д.) в правовой науке. Именно для нее категории имеют ценность правового инструментария, обеспечивающего всестороннее и глубокое, кратное и ясное, грамотное и профессиональное изучение предмета науки. Так, например, раскрытие сущности права во многом предопределяет его юридические характеристики, а выявление видовых признаков права позволяет дать его общее определение, применимое для анализа явлений и процессов в праве.

Правовые категории в юридической науке выполняют две функции: методологическую и общетеоретическую. Методологическая функция категорий заключается в обозначении пути познания науки, а общетеоретическая – существует для развертывания всего многообразия правовых знаний.

Так, например, полные и систематизированные знания о правовых категориях у широкого круга участников правотворческого и нормотворческого процессов могут создать благоприятную ситуацию для нормального развития объективного права уже на стадии, формирования правовых норм. Достоверные и адекватные знания о правовых категориях помогают правопознанию, правопониманию, правоприменению и правовому освоению. Категория нацелена на организацию процесса правопознания, выделение основных моментов этого процесса. Категория включает описание содержания объекта, выявляет и решает задачи по исследованию законов существования как правовой действительности, так и конкретной действительности или обширной области этой действительности¹⁴.

8 См.: Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. – М., 1984; Автономов А. С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М.: ООО «Инфограф», 1999. – С. 5–8.

9 Пучков О. А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве (теоретические основы). Автореф. дисс.... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 15.

10 См.: Социологический энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 142.

11 См.: Митюков М. Проблема реализации демократического потенциала Конституции Российской Федерации // Проблемы в российской Конституции и возможности ее совершенствования. – М., 1998. – С. 49; Эбзеев Б. С. Выступление на научно-практическом семинаре «Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации: проблемы организации и деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1995. – № 4. – С. 35; Сюкияйнен Л. Р. Доктрина как источник мусульманского права // Источники права. – М., 1985. – С. 65–83.

12 Автономов А. С. Указ. соч. – С. 5–8.

13 Общая теория права: курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. – С. 92.

14 Автономов А. С. Указ. соч. – С. 5–23; Мартыненко П. В. Сравнительное конституционное право: Учебное пособие. – Киев, 1987.

Так, например, категорию «естественные права и свободы человека» можно изучать не только с точки зрения позитивизма, объективного права и субъективных прав, но и с точки зрения естественного права как явления цивилизации и культуры¹⁵.

Конструкции – это средство юридической техники и юридических технологий, которые играют существенную роль в правовом регулировании общественных отношений¹⁶, оказывают помощь юридической науке в познании, понимании, обобщении, объяснении правовой действительности. Правовые конструкции моделируют, реконструируют, преобразовывают общественные отношения специфическим юридическим инструментарием и тем самым значительно упрощают и стабилизируют юридические процессы в многообразной социальной жизни.

Так, например, существенное значение имеют правовые конструкции состава правоотношения, состава правонарушения, состава правового освоения для определения программы, алгоритма поведения субъектов правопознания, правотворчества, правоприменения. Применяя правовые конструкции к разнообразным общественным отношениям, субъекты правопознания, правотворчества, правоприменения упорядочивают социальную жизнь, удовлетворяют разнообразные интересы, стабилизируют общественный порядок.

Парадигмы – это совокупность мировоззренческих знаний об окружающей социальной действительности, совокупность предметного содержания, которым обладает человек. Следует выделить чувственно-пространственную, духовно-культурную, нравственную, правовую парадигму¹⁷.

Правовые парадигмы следует рассматривать как представления субъекта правопознания, правотворчества, правоприменения, аргументированную позицию, выверенный подход конкретного ученого к тому или иному вопросу концептуального познания правовой действительности.

Таким образом, подводя итог данной части исследования, следует отметить, что современная наука теории права изучает присущие ей явления как объекты с точки зрения формы и содержания. В рамках предмета теории права осуществляется осмысление правовой действительности. Данный процесс начинается с эмпирического восприятия и следует к объяснению и теоретическому воспроизведению системы понятий и категорий науки.

Само понятие права является и целью, и результатом познания. Предмет науки непосредственно связан с понятием права, что способствует более глубокому, системному познанию объектов правовой действительности, ориентирует процесс познания и создает категориально-понятийную характеристику правовой действительности.

В процессе познания объектов правовой действительности осуществляется подробное изучение новых свойств и признаков права, происходит систематизация отдельных элементов права в единое целое.

На взгляд автора исследования, существует несколько направлений развития предмета юридической науки. Большое влияние на предмет науки оказывают философско-теоретические, методологические, практически-прикладные проблемы. Становление в Российской Федерации гражданского общества, создание правового государства, реализация принципа разделения властей и т.д. требуют осмысления и разработки новых предметно-методологических подходов для их познания. Сегодня осуществляются попытки корректировки, реконструкции, преобразования, создания ряда основополагающих категорий науки теории права и расширения их содержания. В теории права имеются достаточные философско-теоретические и методологические основания для познания, аргументации и воплощения в правовом знании понятий и категорий

права в рамках юридического позитивизма, социологии права, естественного права, аксиологии права.

Развитие современной науки теории права в данном направлении приведет к расширению дискуссии о ее предмете в рамках позитивизма и естественного права, окажет влияние на систему правового знания и совершенствование категориального аппарата.

Одной из основных задач познания является получение обоснованных и достоверных знаний о явлениях и процессах, которые нас окружают и происходят в обществе. Познание права в дальнейшем будет осуществляться в рамках правовых характеристик действительности, описания его в понятиях и категориях, максимально приближенных к реальности от правопонимания к правовому освоению.

Думается, что развитие современной науки теории права создаст предпосылки к разработке и обоснованию новых понятий и категорий, которые станут ее смыслообразующими центрами, приведет к осмыслению «живых» правовых явлений и процессов, правовой действительности на новом методологическом уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Автономов А. С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М.: ООО «Инфограф», 1999.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х томах. Т. 1. – М., 1981.
3. Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. – 1991. – № 2.
4. Аннерс Э. История европейского права. Пер. со швед. – М., 1996.
5. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. – М.: Юрист, 2001.
6. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М., 1976.
7. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: в 3-х томах. Т. 1. – М., 2002.
8. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: Учебное пособие 2-е изд. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005.
9. Керимов Д. А. Философские проблемы права. – М., 1972.
10. Лазарев В. В. Теория права и государства. – М., 1992.
11. Мартыненко П. В. Сравнительное конституционное право: Учеб. пособие. – Киев, 1987.
12. Митюков М. Проблема реализации демократического потенциала Конституции Российской Федерации // Пробелы в Российской Конституции и возможности ее совершенствования. – М., 1998.
13. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М., 1998.
14. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательство НОРМА, 2000.
15. Общая теория права: курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородской высшей школы МВД РФ, 1993.
16. Поляков А. В. Общая теория права: Феноменологический коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
17. Пучков О. А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве (теоретические основы): Автореф. дисс.... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.
18. Социологический энциклопедический словарь. – М., 1998.
19. Сюкияйнен Л.Р. Доктрина как источник мусульманского права // Источники права. – М., 1985.
20. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА – М, 1997.

– С. 14–16; Аннерс Э. История европейского права: Пер. со швед. – М., 1996. – С. 264.

15 Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 9; Лазарев В. В. Теория права и государства. – М., 1992. – С. 112–116.

16 Общая теория права: курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. – С. 102.

17 Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА – М, 1997. – С. 201.

Журавлев Р. А., Нечевин Д. К., Журавлев А. Р., Посулихина Н. С.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА КОМПЕНСАЦИЮ В РОССИИ

В научной статье на основе анализа мировой практики, научных работ по вопросам обеспечения прав потерпевших от преступлений на компенсацию в России рассматриваются некоторые актуальные проблемы в этой области.

Ключевые слова: права потерпевших в России, международная практика, обеспечение безопасности потерпевших.

Zhuravlev R. A., Nechevin D. K., Zhuravlev A. R., Posulikhina N. S.

THE LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING THE RIGHTS OF VICTIMS OF THE CRIMES TO COMPENSATION IN RUSSIA

The article deals with provision of rights of victims of crimes for compensation in Russia. The study is based on the analysis of world practice and scientific works in this field.

Keywords: victims' rights in Russia, international practice, provision of victims' security.

В соответствии с положениями международного права, еще в Конституции СССР было провозглашено право граждан «на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»¹. В развитие данной нормы Указом ПВС СССР от 18 мая 1981 г. определено, что «ущерб, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается государством в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», утверждено Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда².

Но при всей необходимости и актуальности указанных норм они имели четко определенную направленность и не затрагивали вопросы компенсации потерпевшим от преступлений при бездействии должностных лиц, в том числе и по раскрытию преступлений, привлечению виновных к ответственности.

Важным правовым и гуманитарным шагом стало включение в Конституцию Российской Федерации 1993 г. положений, обеспечивающих:

– охрану законом прав потерпевшего от преступлений и злоупотреблений властью; доступ потерпевшим к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52);

– реализацию права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53)³.

Но и по истечении 20 лет после принятия Конституции РФ указанные выше конституционные нормы все еще не подкреплены действенным правовым и организационным механизмом их реализации, прежде всего в части компенсации потерпевшим от преступлений.

30 апреля 2010 г. был принят Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁴. Но применение норм указанного закона было обусловлено такими условиями и ограничениями, что фактически реализовать свое право на компенсацию потерпевшие смогли лишь в единичных случаях. Так, по приостановленным за 2012 г. и первое полугодие 2013 г. в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, 1 834 595 уголовным делам, в суды поступили лишь 111 заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное досудебное производство в разумный срок (что составляет 0,00006 % от числа приостановленных дел), из которых рассмотрены по существу только 85, в том числе лишь 68 с удовлетворением требований в среднем 51,4 тыс. рублей⁵. Очевидно, что нормы ФЗ-68 фактически исключили возможность миллионам потерпевших от преступных деяний, виновные по которым не установлены, получить реальную помощь, в том числе и компенсацию.

Не случайно Постановлением Конституционного Суда РФ № 14-П от 25 июня 2013 г. ряд норм указанного Федерального закона признаны не соответствующими Конституции РФ «в той мере, в какой эти законоположения по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, служат основанием для отказа потерпевшему в признании его лицом, имеющим право на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, на том лишь формальном основании, что подозреваемый или обвиняемый по делу не был установлен, при том что имеются данные, свидетельствующие о возможном нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства, в том числе в связи

1 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

2 Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» // Ведомости ВС СССР. – 27.05.1981. – № 21. – Ст. 741.

3 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от

30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 03.03.2014. – № 9. – Ст. 851.

4 Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. – 03.05.2010. – № 18. – Ст. 2144.

5 Пояснительная записка к законопроекту № 415612-6 // АСОЗД Государственной Думы РФ.

с принятием должных мер судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем в целях своевременного осуществления досудебного производства по уголовному делу и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления лиц, с учетом общей продолжительности производства по уголовному делу»⁶.

Недостаточно используется в этой сфере и весьма солидный опыт, накопленный мировым сообществом и обобщенный в ряде конвенций, деклараций и иных международных актов⁷.

Одним из основных нормативных актов ЕС, посвященных комплексному решению правовых и организационных проблем в рассматриваемой сфере, является **Директива № 2012/29/ ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений»**.

В Директиве на основе сложившейся практики определены общие минимальные подходы, рекомендации к решению проблемы обеспечения прав потерпевших от преступлений вне зависимости от правовых условий пребывания жертвы на территории государства или от гражданства или национальности жертвы, в том числе:

– жертвы преступлений требуют к себе уважительного, корректного и профессионального отношения и обращения, исключающего дискриминацию любого рода по признакам расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетическим признакам, языка, религии или убеждений, политических или иных убеждений, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения, инвалидности, возраста, пола, гендерного выражения, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, вида на жительство или здоровья.

Жертвы преступлений должны быть защищены от вторичной и повторной виктимизации, от запугивания и мести, должны получать соответствующую поддержку в целях содействия их восстановлению, должны иметь доступ к правосудию (п. 9);

– лицо должно считаться жертвой преступления независимо от того, установлен ли правонарушитель, аре-

стован, преследуется в судебном порядке или осужден, а также независимо от родственных отношений между ними. Члены семей жертв преступлений также могут являться пострадавшими в результате совершения преступления (п. 19);

– при предоставлении информации следует уделить особое внимание обеспечению уважительного обращения с жертвами преступлений и содействовать принятию ими обоснованных решений о своем участии в судопроизводстве. В связи с этим особое значение имеет информация, позволяющая жертве получить представление о текущем состоянии любого судопроизводства. Это в равной степени касается информации, позволяющей жертве принять решение о подаче заявления о пересмотре решения об отказе в возбуждении уголовного производства (п. 26);

– лица, относящиеся к особо уязвимой категории или оказавшиеся в ситуации, влекущей высокий риск причинения им вреда, такие как лица, подвергшиеся повторному насилию в семье, жертвы гендерного насилия, а также лица, которые становятся жертвами преступлений на территории государств – членом ЕС, гражданами или резидентами которых они не являются, должны быть обеспечены поддержкой специалистов и правовой защитой.

К видам поддержки, оказываемой такими службами специализированной помощи, могут относиться предоставление убежища и безопасного проживания, срочная медицинская помощь, направление на проведение медицинской и судебно-медицинской экспертиз для получения доказательств в случае изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера, разовые и долгосрочные консультации психолога, травматологическая помощь, оказание юридической поддержки, адвокатских услуг и специальных услуг для детей, являющихся непосредственными или косвенными жертвами преступлений (п. 38);

– предусмотреть меры, необходимые для защиты безопасности и достоинства жертв преступлений и членов их семей от вторичной и повторной виктимизации, от запугивания и мести; к таким мерам относятся временные судебные запреты или защита, судебные приказы-запреты (п. 52);

– все должностные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, которые могут вступать в личный контакт с жертвами преступлений, должны иметь возможность для получения и получать надлежащую начальную и последующую подготовку до уровня, позволяющего при контактах идентифицировать жертв и выявлять их потребности, проявляя при этом уважительное, корректное и профессиональное отношение, исключающее дискриминацию любого рода. В соответствующих случаях такая подготовка должна проводиться с учетом потребностей обоих полов (п. 61);

– государства – члены ЕС должны поощрять деятельность общественных организаций, включая признанные и активные негосударственные организации, работающие с жертвами преступлений, и тесно с ними сотрудничать, в частности, по вопросам формирования тактики, проведения информационно-просветительских кампаний, исследований, образовательных программ и подготовки, а также в процессе осуществления мониторинга и оценки эффективности мер поддержки и защиты жертв преступлений и др.

Наряду с указанными требованиями, Директива возлагает на государства-члены обязанности по предоставлению информации и поддержки (ст. 3-9), участие в уголовном су-

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 6.

7 Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>; Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS N 116) (заключена в г. Страсбурге 24.11.1983) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 81–85. Россия не участвует; Рекомендация N R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (принята 28.06.1985) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 114–116; Директива № 2004/80/ЕС Совета Европейского Союза «О компенсациях жертвам преступлений» (принята в г. Люксембурге 29.04.2004) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.07.14).

допроизводстве (ст. 10-17), защиту жертв преступлений и выявление жертв с особыми потребностями в защите (ст. 18-24)⁸.

Многие положения указанных конвенций и иных международных актов, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере, легли в основу принятых в ряде стран (США, Франция, Великобритания, ФРГ и др.) комплексных правовых актов по защите потерпевших от преступлений, в том числе и по компенсационным выплатам вреда, причиненного преступлением.

В США еще в 80-х годах была создана Президентская комиссия в этой сфере, в Заключительном сообщении которой отмечалось, что большинство реформ в сфере борьбы с преступностью направлены исключительно на расширение прав правонарушителям, при этом игнорируя интересы общества, обремененного этими преступлениями. Комиссия предложила 68 рекомендаций по расширению прав потерпевших в уголовном процессе США, в том числе изменения в шестую поправку Конституции США, дополнив ее параграфом, закрепляющим права потерпевших (жертв преступлений)⁹.

Законом США о жертвах преступлений 1984 г. предусмотрено, что возмещение вреда, причиненного преступлением, может осуществляться и за счет компенсационных выплат от государства, если возмещение вреда за счет виновных объективно невозможно. Установлено федеральное финансирование программ компенсаций жертвам преступлений из Фонда жертв преступлений (Crime Victims Fund, CVF)¹⁰.

В Великобритании парламент 2 февраля 1990 г. принял Хартию жертв преступления, закрепившую общие принципы защиты жертв преступлений. Правовой основой для компенсации потерпевших в Великобритании является Закон о компенсации вреда от преступлений 1995 г. Согласно его нормам:

– лица, которым в результате одного или нескольких серьезных преступлений причинен вред (ущерб), имеют право на его компенсацию со стороны государства;

– компенсация потерпевшему (жертве преступления) предоставляется в тех случаях, когда причиненный вред:

- не может быть восполнен виновным самостоятельно;
- не может быть возмещен по результатам уголовного или гражданского судопроизводства из-за нехватки средств у осужденного или ответчика;

• по характеру и размеру носит т. н. «фатальный» характер, ставящий под угрозу жизнь или реализацию иных неотъемлемых прав человека.

На основании указанного Закона принята Схема компенсации вреда, причиненного преступлением, которой, в частности, определено, что компенсация за вред здоровью подлежит выплате независимо от того, осуждено судом лицо, совершившее преступление, или нет. Компенсационные вы-

платы призваны покрыть лишь ту часть вреда, которая не возмещена иным образом¹¹.

Достаточно развита система восстановления прав жертв преступлений и во Франции. Законом от 3 января 1977 г. «О возмещении ущерба за телесный вред, причиненный потерпевшим преступлением» в Уголовно-процессуальный кодекс введены положения, регулирующие вопросы выплаты компенсаций потерпевшим от преступления. В июле 1983 г. принят Закон «Об усилении защиты жертв преступлений», который расширил круг лиц, имеющих право на компенсацию, в том числе и на лиц, которым был причинен телесный или моральный ущерб¹².

Вопросы компенсации потерпевшим от преступлений затронуты и в документах СНГ, в частности, в **Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам**, заключенной в Кишиневе 07 октября 2002 г. В Конвенции определено, что:

– граждане каждой из Договаривающихся Сторон, а также другие лица, проживающие на ее территории, пользуются на территориях всех других Договаривающихся Сторон такой же правовой защитой их личных, имущественных и неимущественных прав, как и собственные граждане этой Договаривающейся Стороны (ст. 1);

– если преступление, по которому возбуждено уголовное дело, влечет за собой гражданско-правовые требования лиц, понесших ущерб от преступления, то эти требования при наличии ходатайства таких лиц о возмещении ущерба рассматриваются в данном деле или в порядке гражданского судопроизводства (ст. 91);

– Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим законодательством и положениями Конвенции оказывают друг другу правовую помощь в розыске, аресте и изъятии имущества, денег и ценностей, полученных преступным путем, а также принадлежащих обвиняемым (подсудимым, осужденным) доходов от преступной деятельности, возмещении ущерба потерпевшим от преступлений (гражданским истцам), исполнении приговоров судов о взыскании штрафов и о конфискации (ст. 104)¹³.

Многие аспекты статуса потерпевшего от преступлений закреплены в Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств, в том числе:

– дано определение ущерба: моральный, физический или имущественный вред, подлежащий денежному измерению (п. 49 ст. 10);

– определен круг лиц, имеющих право на возмещение вреда, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органа, ведущего уголовный процесс (ст. 53);

– четко определен характер подлежащего возмещению вреда, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органа, ведущего уголовный процесс (ст. 54), в том числе и компенсация ущерба, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органа, ведущего уголовный процесс (ст. 55)

8 Директива № 2012/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений, а также о замене Рамочного решения 2001/220/ПВД Совета ЕС» [рус., англ.] (Принята в г. Страсбурге 25.10.2012) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9 Кухта К. И., Махов В. Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 31.

10 Дубровин В. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. – М.: Юрист, 2010. – № 3. – С. 15–19.

11 Шорманбаева А. Вопросы создания Фонда выплаты компенсаций жертвам торговли людьми в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pravo.zakon> (дата обращения: 25.12.2013).

12 Международный день защиты жертв преступлений [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ria.ru> (обращ. 11.09.2013).

13 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 2(41). – С. 82–130.

– в самостоятельный раздел УПК выделены имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве:

1. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве предъявляется, доказывается и разрешается по правилам, установленным положениями УПК (ст. 191).

Применение норм гражданского процессуального законодательства допускается, если они не противоречат принципам уголовного процесса и необходимые для производства по гражданскому иску правила не предусмотрены в нормах законодательства об уголовном судопроизводстве.

2. В случае если лицо не предъявляло гражданский иск в уголовном судопроизводстве, оно вправе предъявить гражданский иск в порядке гражданского судопроизводства. Гражданский иск, предъявленный в уголовном судопроизводстве, но оставленный судом без рассмотрения, может быть затем предъявлен в порядке гражданского судопроизводства (ст. 192).

3. Физические и юридические лица, которым имущественный ущерб причинен непосредственно запрещенным уголовным законом деянием, вправе предъявить гражданский иск о возмещении:

1) стоимости имущества, утраченного или поврежденного при совершении запрещенного уголовным законом деяния, а в соответствующих случаях – об истребовании имущества в натуре;

2) расходов на покупку утраченного, а также восстановление качества, товарного вида и починку поврежденного имущества;

3) выгоды, упущенной в результате запрещенного уголовным законом деяния;

4) морального ущерба;

5) в случае смерти кого-либо из физических лиц, имеющих право предъявить гражданский иск в ходе уголовного судопроизводства, право на предъявление гражданского иска переходит к их наследникам (ст. 193).

4. Гражданский иск, предъявляемый в уголовном судопроизводстве, освобождается от обложения государственной пошлиной (ст. 196).

5. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве может быть предъявлен в любой момент, начиная с возбуждения уголовного дела и до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Допускается предъявление гражданского иска с подачей заявления о совершенном преступлении или соответствующей жалобы (ст. 197).

6. Дознаватель, следователь, прокурор, суд обязаны как по ходатайству гражданского истца или его представителя, так и по собственной инициативе принять меры обеспечения предъявленного или возможного в будущем гражданского иска (ст. 199).

7. Потерпевший имеет право на получение за счет средств бюджета независимого государства компенсации ущерба, причиненного ему запрещенным уголовным законом деянием, если факт совершения в отношении него такого деяния установлен: приговором суда; итоговым решением органа уголовного преследования; решением суда или органа уголовного преследования о приостановлении производства по уголовному делу¹⁴.

Разработка и принятие на уровне СНГ столь актуальных правовых актов как Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Модельный уголовно-процессуальный кодекс, с содержащимися в них правовыми нормами по проблеме обеспечения прав потерпевших от преступлений на возмещение, компенсацию причиненного ущерба, безусловно, должны способствовать совершенствованию российского законодательства в данной сфере.

Вместе с тем в Российской Федерации до настоящего времени отсутствует правовой акт, комплексно решающий правовые, организационные и финансовые аспекты проблемы обеспечения прав потерпевшего в уголовном процессе по возмещению вреда, причиненного при совершении противоправного деяния, в том числе и в случае когда лицо, его совершившее, не установлено. В УПК РФ нет и раздела о гражданском иске в уголовном судопроизводстве.

Не случайно Председатель КС РФ В. Д. Зорькин отмечает, что в стремлении защитить права обвиняемого, что в новых условиях было крайне необходимо, законодатель в определенной степени упустил из виду права потерпевших. Между тем их права – не менее важная конституционная ценность. Без баланса этих ценностей немисливо правовое государство»¹⁵.

Еще в 2008 г. Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации В. Лукиным подготовлен Специальный доклад «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений».

В Докладе нашли отражение наиболее актуальные вопросы защиты прав потерпевших от преступлений, в том числе и по возмещению причиненного ущерба. Сделан вывод, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации из-за содержащихся в нем пробелов не способен обеспечить надлежащую защиту участников уголовного процесса.

Некоторые из предложений, содержащихся в Докладе, за минувшие 5 лет после его опубликования уже вошли в уголовно-процессуальное законодательство. В частности, в Докладе отмечается, что «потерпевшим признается лишь лицо, в отношении которого дознавателем, следователем, прокурором или судом принят соответствующий процессуальный акт. Во многих случаях лицо признается потерпевшим лишь на завершающей стадии уголовного судопроизводства»¹⁶.

Законодатель учел указанное замечание. В соответствии с ФЗ-432 от 28 декабря 2013 г. решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице¹⁷.

Независимых Государств от 17 февраля 1996 года) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. – 1996. – № 10.

15 Зорькин В. Д. Не теряйте веру в торжество закона // Российская юстиция. – 2006. – № 3.

16 Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 27.05.2008 «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons>.

17 Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. – 30.12.2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6997.

14 Модельный уголовно-процессуальный Кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (рекомендательный законодательный акт) (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества

Учен и содержащийся в Докладе Уполномоченного вывод, что УПК РФ не предусматривает предоставление бесплатной юридической помощи потерпевшему, в отличие от подозреваемого (с момента задержания или возбуждения в отношении него уголовного дела) и обвиняемого. Так, УПК РФ гласит, что потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям ст. 131 УПК РФ. Вместе с тем в самой же этой статье расходы на представителя как процессуальные издержки не указаны, что фактически лишает потерпевшего возможности получить бесплатную юридическую помощь. В соответствии с ФЗ-432 от 28 декабря 2013 г. суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, отнесены к процессуальным издержкам.

Указанным Федеральным законом реализовано и содержащееся в Докладе предложение о внесении в УПК РФ нормы, устанавливающей обязанность информировать потерпевшего о факте освобождения осужденного из мест лишения свободы¹⁸.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» действует и система государственной защиты по обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства¹⁹.

Для реализации положений указанного ФЗ разработаны государственные программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на 2006–2008 и 2009–2013 гг., которые успешно выполнены. Только в 2012 г. более 2800 участников уголовного судопроизводства были задействованы в программных мероприятиях, в отношении них было осуществлено более 5600 мер безопасности. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. подобная программа утверждена и на 2014–2018 гг. Всего на применение указанных в Законе мер безопасности и мер социальной поддержки предусмотрено направить свыше 1,4 млрд рублей²⁰.

Вместе с тем многие аспекты обеспечения прав потерпевших от преступлений на компенсацию причиненного ущерба и морального вреда все еще не нашли должного отражения в российском законодательстве. Пока на законодательном уровне определена лишь поддержка, в том числе компенсационные выплаты, потерпевших от террористических актов и пострадавших при иных чрезвычайных ситуациях. Определены и меры по социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, и лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, которые включают в себя психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию, правовую помощь, содействие в трудоустройстве, предоставление жилья и др.²¹

18 См.: Там же.

19 Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 23.08.2004. – № 34. – Ст. 3534.

20 Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 г. N 586 (ред. от 05.09.2014) «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 29. – Ст. 3965.

21 Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал

Приняты законодательные акты и по социальной поддержке членов семьи отдельных категорий должностных лиц, погибших при выполнении служебных обязанностей. Так, членам семьи сотрудника полиции и лицам, находившимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере трех миллионов рублей в случае гибели (смерти) сотрудника полиции вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей²².

Наряду с этим сложившаяся ситуация с обеспечением прав потерпевших в уголовном судопроизводстве, в том числе и по компенсации материального ущерба и морального вреда, исполнением решений ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ обусловили необходимость разработки законодательного акта, регулирующего отдельные аспекты расширения процессуальных прав потерпевших, защиты прав и законных интересов потерпевших, создания необходимых условий для реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве.

Ряд существенных новелл по статусу потерпевшего в уголовном процессе, защите его прав, в том числе и на возмещение ущерба, необходимость которых обосновали многие ведущие процессуалисты, появились в российском законодательстве с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» № 432-ФЗ от 28 декабря 2013 г.:

– в соответствии с новой редакцией ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела;

– расширены права потерпевшего, в том числе:

а) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта (ранее это было возможно лишь в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 198 УПК РФ);

б) знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе и в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела;

в) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций и др.;

г) возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке;

– расширены правовые основы обеспечения прав такой категории потерпевших, как несовершеннолетние;

– УПК РФ дополнен новой ст. 160-1, регулирующей уголовно-процессуальные меры по обеспечению гражданского иска. В соответствии с ней следователь, дознаватель, установив, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного

тал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

22 Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – Ст. 900; Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О судебных приставах» // Собрание законодательства РФ. – 28.07.1997. – № 30. – Ст. 3590.

имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество;

– ст. 74 УК РФ дополнена частью 2.1., в соответствии с которой, если условно осужденный в течение продленного испытательного срока в связи с его уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, систематически уклоняется от возмещения вреда, суд может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда²³.

Но, несмотря на принятие указанных и иных правовых норм по обеспечению прав потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве, очевидно, что все это не решает в полном объеме проблему надлежащей реализации прав потерпевших на возмещение ущерба, получение компенсации.

Не сможет решить эту проблему и Федеральный закон, подготовленный Правительством РФ во исполнение рассмотренного выше Постановления Конституционного Суда от 25 июня 2013 г. № 14-П. В частности:

– в законе по-прежнему закреплено, что право на подачу заявления в суд о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок наступает «в шестимесячный срок со дня принятия дознавателем, начальником подразделения дознания, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа постановления о приостановлении предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, если продолжительность досудебного производства по уголовному делу со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования превысила четыре года и имеются данные, свидетельствующие о неприятии прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, необходимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, осуществления предварительного расследования по уголовному делу и установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления»;

– устанавливается, что в заявлении о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок должны быть указаны:

- общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу, по которому принято решение о приостановлении предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, исчисляемая со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования;

- обстоятельства, известные лицу, подающему заявление, свидетельствующие о нарушении установленного уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения заявления, сообщения о преступлении, о незаконности или необоснованности отказа в возбуждении уголовного дела, приостановления предвари-

тельного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого в совершении преступления, прекращения уголовного дела или уголовного преследования;

- либо о недостаточности, несвоевременности или неэффективности мер, предпринятых органом, осуществляющим предварительное расследование, для установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого²⁴.

Как указано в пояснительной записке, принятие указанного федерального закона позволит обеспечить конституционное право потерпевшего или лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен физический или материальный вред, на судебную защиту в случае, если длительность производства по уголовному делу вызвана невозможностью осуществления уголовного преследования в отношении конкретного лица.

Представляется, что установленный законом 4-летний срок ведения предварительного расследования и такое обязательное условие, как наличие данных, свидетельствующих о неприятии органами расследования необходимых мер, не достаточно обоснованы, противоречат нормам международных актов, рекомендациям международного сообщества, не способствуют повышению эффективности в работе по изобличению преступника, не дают возможность анализа полноты расследования и качества проверки имеющихся версий. Все это по-прежнему будет серьезно осложнять доступ миллионов граждан к реальной реализации права потерпевшего от преступлений на компенсацию.

Известный криминолог профессор А. И. Гуров отмечает, что эта идея прогрессивная, но одновременно абсолютно не жизнеспособная. Ученый полагает, что «если потерпевший через четыре года решится ввязаться в бой за получение компенсации – сражение будет выиграть очень нелегко». Доказать через четыре года, что следователь волокитил дело, несвоевременно и необъективно расследовал, нереально²⁵.

И видимо, не случайно финансово-экономическое обоснование законопроекта подготовлено из годового расчета менее 40 удовлетворенных заявлений на компенсацию по уголовным делам, приостановленным производством²⁶.

Вместе с тем, как показал независимый опрос, за год жертвами преступных посягательств стали 12,5 % россиян. При этом в органы внутренних дел обратились лишь 41 % из числа пострадавших, что свидетельствует о все еще серьезном уровне недоверия населения к возможной помощи со стороны сотрудников полиции. Несомненно, что это оценка не только деятельности правоохранительной системы, но и степени выполнения государством своих функций по обеспечению правопорядка в стране, по защите граждан.

И это не случайно, поскольку из 4,5 млн преступлений, зарегистрированных в 2012–2013 гг., почти по 2 млн или 44 %

23 Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. – 30.12.2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6997.

24 Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 30.07.2014. – № 169.

25 Минюст предлагает выплачивать компенсации жертвам нераскрытых преступлений [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://vm.ru/news/2013/12/11.html>.

26 Финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // АСОЗД Государственной Думы РФ (дата обращения: 15.03.2014).

лица, их совершившие, не установлены. А всего на учете миллионы нераскрытых преступлений, по которым еще не прошли сроки давности и по которым потерпевшие не получили реальной помощи от государства и его правоохранительных структур в части избличения лиц, совершивших указанные преступные деяния, взыскания с них причиненного ущерба, что свидетельствует о том, что задача повышения эффективности системы по оказанию помощи потерпевшим, провозглашенная в ст. 9 Декларации ООН о преступности и общественной безопасности 1996 г., не решена и до настоящего времени²⁷.

Как отмечает В. И. Илларионов, современная Россия не учла международный опыт изучения размера ущерба, причиняемого преступностью, в частности, опыт подготовки в США аналитического отчета «Новый взгляд на ущерб от преступлений и их последствий», представленного Национальным институтом юстиции в 1996 г. В результате глубоких всесторонних исследований определены размеры ущерба, причиняемого гражданам преступностью, в 400 млрд долларов, что сопоставимо с расходами на содержание такого гигантского механизма, как Пентагон. Этот отчет произвел сенсацию в США и потребовал переоценки и модернизации многих аспектов уголовной политики и выделения значительных ассигнований не только на борьбу с преступностью, но и на возмещение причиняемого гражданам вреда²⁸.

Представляется, что все отмеченное выше обуславливает необходимость более полного использования практики международного сообщества по защите и оказанию помощи потерпевшим, разработки комплексного федерального закона «О государственной системе защиты и оказания помощи жертвам преступлений и насилия», в котором должны быть закреплены не только правовой статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве, но и многие иные аспекты восстановления его нарушенных прав и качества жизни, совершенствование службы поддержки потерпевших, организация профессиональной подготовки для сотрудников, работающих непосредственно с жертвами преступлений; повышение осведомленности общественности о возможности получения квалифицированной помощи и поддержки для жертв преступлений и др.

Наряду с совершенствованием правовых основ реализации прав потерпевших от преступлений на компенсацию причиненного ущерба, важной задачей является и более активное участие институтов общества, в том числе и с учетом зарубежной практики, в реализации указанной функции, затрагивающей интересы миллионов граждан. Но эта проблема требует самостоятельного рассмотрения.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация о преступности и общественной безопасности (принята 12.12.1996 Резолюцией 51/60 на 82-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». –

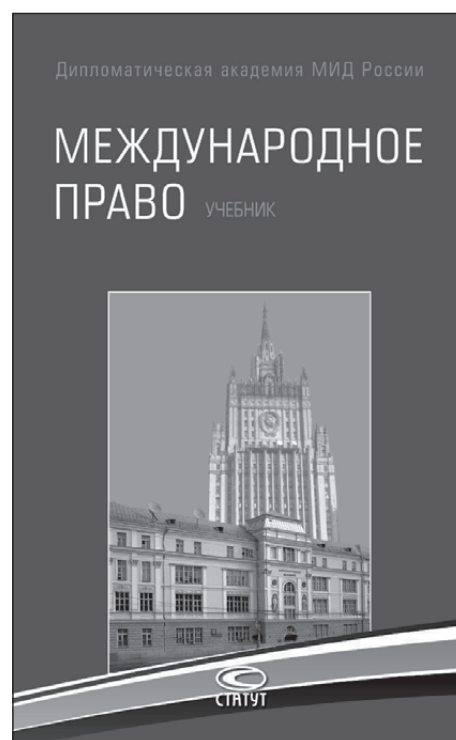
²⁷ Декларация о преступности и общественной безопасности (принята 12.12.1996 Резолюцией 51/60 на 82-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (обращ. 10.08.2014).

²⁸ Международная научно-практическая конференция «Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений». – М.: «Вариант», 2004.

Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2014).

2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Директива № 2004/80/ЕС Совета Европейского Союза «О компенсациях жертвам преступлений» (Принята в г. Люксембурге 29.04.2004) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (обращ. 17.07.14).
4. Директива № 2012/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений, а также о замене Рамочного решения 2001/220/ПВД Совета ЕС» [рус., англ.] (Принята в г. Страсбурге 25.10.2012) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 27.05.2008 «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons>.
6. Дубровин В. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. – М.: Юрист, 2010. – № 3.
7. «Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений» (ETS N 116) (Заклучена в г. Страсбурге 24.11.1983) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998.
8. Зорькин В. Д. Не теряйте веру в торжество закона // Российская юстиция. – 2006. – № 3.
9. «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заклучена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 2(41).
10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 03.03.2014. – № 9. – Ст. 851.
12. Кухта К. И., Махов В. Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. – М.: Юрлитинформ, 2008.
13. Международная научно-практическая конференция «Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений». – М.: «Вариант», 2004.
14. Международный день защиты жертв преступлений [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://gia.ru> (обращ. 11.09.2013).

15. Минюст предлагает выплачивать компенсации жертвам нераскрытых преступлений [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://vm.ru/news/2013/12/11.html>.
16. Модельный Уголовно-процессуальный Кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (рекомендательный законодательный акт) (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 года) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1996. – № 10.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”, частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 6.
18. Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 г. N 586 (ред. от 05.09.2014) «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 29. – Ст. 3965.
19. Пояснительная записка к законопроекту № 415612-6 // АСОЗД Государственной Думы РФ.
20. Рекомендация N R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (Принята 28.06.1985) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998.
21. Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» // Ведомости ВС СССР. – 27.05.1981. – № 21. – Ст. 741.
22. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. – 03.05.2010. – № 18. – Ст. 2144.
23. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. – 30.12.2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6997.
24. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 23.08.2004. – № 34. – Ст. 3534.
25. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
26. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – Ст. 900.
27. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О судебных приставах» // Собрание законодательства РФ. – 28.07.1997. – № 30. – Ст. 3590.
28. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 30.07.2014. – № 169.
29. Финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // АСОЗД Государственной Думы РФ (дата обращения: 15.03.2014).
30. Шорманбаева А. Вопросы создания Фонда выплаты компенсаций жертвам торговли людьми в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pravo.zakon> (дата обращения: 25.12.2013).

Бакланова К. Ю.
ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИИ

В статье исследуются философско-правовые воззрения относительно зарождения, становления и развития правового нигилизма как социального явления, которое выступает в качестве постоянного спутника и антипода права.

Ключевые слова: нигилизм, правовой нигилизм, правовая культура, деформации правосознания, антипод права, правовое сознание.

Baklanova K. Yu.
GENESIS OF LEGAL NIHILISM IN RUSSIA

In the article philosophical and legal views concerning origin, formation and development of legal nihilism as social phenomenon are investigated, which acts as the constant satellite and an antipode of the law.

Keywords: nihilism, legal nihilism, legal culture, deformations of legal consciousness, law antipode, legal consciousness.

Бакланова К. Ю.

Любое социальное явление, существующее в нашем обществе, объективно возникает на определенном этапе его развития. История предоставляет нам возможность проследить эволюцию отношения общества к тому или иному явлению, поскольку невозможно понять его сущность, в том числе и правового нигилизма, не познав причины его зарождения, становления, развития и отмирания. Не познав прошлое, невозможно оценить настоящее, от которого зависит будущее. Настоящее есть проявление прошлого, как бы далеко оно от нас ни отстояло. Ведь в природе все движется из прошлого в будущее, от причин к следствиям. Поэтому, не поняв причин, нельзя уяснить следствия, не познав прошлого, нельзя увидеть будущего. А поскольку настоящее представляет собой миг, который через мгновение становится прошлым, ответы на многие вопросы, которые возникают сегодня, можно найти в далеком минувшем. Подчас историческое изучение является единственной возможностью быстрого научного познания и единственной формой критического осмысления, позволяющего отличить ценное в огромном исследовательском материале.

Нигилизм (от лат. nihil – «ничего») – философская позиция, которая ставит под сомнение общепринятые ценности, идеалы, моральные нормы, культуру, все формы общественной и государственной жизни. Нигилисты утверждают: нет разумного доказательства наличия высшего правителя или создателя; «реальной нравственности» не существует; объективная светская этика невозможна, поэтому жизнь, в определенном смысле, не имеет истины, и никакое действие объективно не предпочтительнее любого другого¹.

Развитие правового нигилизма, как и любого социального явления, происходило постепенно. В философско-правовой литературе отмечается, что эволюция нигилизма представляет собой циклическое повторение следующих этапов: на первом происходит переоценка ситуации, сложившейся в данном обществе. Отказ от устаревших стереотипов, правил, идеалов, концепций дает импульс к развитию и перерождению той или иной области общественных отношений. Однако доля нигилистических взглядов не достигает максимума.

Начинается второй этап эволюции нигилизма. Переоценка существовавших ценностей неизбежно приводит к появлению новой идеи, в соответствии с которой рассматривается текущее положение. Общество в данной ситуации жаждет перемен, однако появляются и те, кого не устраивает ни текущая ситуация, ни предлагаемые новшества. Нигилизм становится максимальным, так как затрагивает практически все социальные слои населения.

Третий этап – принятие сбалансированного решения. На данном этапе доля общественного нигилизма минимальна, так как старое перестало существовать и отвергать уже нечего. После принятия подобного решения, как правило, интересы основной массы населения учтены, но в силу разнообразия взглядов нельзя учесть их одновременно, поэтому существует некоторая часть общества, которая остается недовольна. Она мала – и нигилистические взгляды минимальны. Принимается усредненный вариант, устраивающий большинство.

Четвертый этап является переходным. На данном этапе происходит постепенное увеличение массовости нигилизма в обществе. Рост нигилистических взглядов неизбежен, он обусловлен течением времени. Это нормальное явление, связанное напрямую с развитием как самого общества, так и отдельных индивидов. «Все течет, все изменяется». В результате этих изменений появляется массовость нигилистических взглядов, что приводит общество к переоценке и заставляет искать новые решения². Данная позиция, представляющая эволюцию нигилизма как циклическое повторение этапов, нашла свое подтверждение в работе А. Н. Зрячкина³.

Отмечается, что нигилизм – это именно циклический процесс. В силу того, что нигилизм есть социальное явление, а общество постоянно развивается, то с течением времени вновь настанет ситуация переоценки ценностей, что повлечет за собой и изменение нигилистических взглядов.

Развитие нигилизма можно рассматривать с нескольких позиций: 1) исходя из географических рамок (Европа и Россия); 2) с точки зрения религии; 3) исходя из источников права в различных правовых семьях. В данной работе хотелось бы

1 Ожегова Г. А. К понятию нигилизма как формы деформации правосознания // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1(4). – С. 86.

2 См.: Сафонов В. Г. Понятие правового нигилизма // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 68.

3 См.: Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 15 – 16.

более подробно остановиться на эволюции правового нигилизма в России.

Нигилизм – это общее понятие, в связи с этим считаем, что необходимо разграничить момент возникновения нигилизма как общесоциального явления и именно правового нигилизма. Нигилизм возникает с начала становления культуры как необходимого условия развития общества, которая включает в себя моральные принципы, нормы, ценности, идеалы⁴. Нигилизм есть отрицание данных нравственных установок, и соответственно момент возникновения нигилизма следует вести с того времени, когда данные ценности были сформированы.

В литературе высказывается мнение, что правовой нигилизм возник вместе с правом. Такой вывод основывается на использовании основных законов диалектического материализма «единичного и общего», «целого и части», «единства и борьбы противоположностей», «отрицания отрицания». «Борьба противоположностей завязывается на основе отрицания и преследует цель – определить качественные параметры явления, чтобы через имеющиеся противоречия установить истину. Поскольку отрицание существует во имя созидания, постольку правовой нигилизм существует во имя права»⁵.

Любое общество рано или поздно задается вопросами сущности права, государственных институтов, их назначения и роли. Неизбежно возникают противоположные взгляды на данные вопросы, что основано на вышеназванных законах диалектического материализма.

Возникновение нигилизма в России связывается с религией и христианством в частности, которое оказало решающее воздействие на правовой нигилизм. Отрицалось значение права как социального регулятора отношений, недооценивалось значение светской власти. В основе всего сущего было Божественное начало. Все происходящие в общественной жизни процессы объяснялись только с религиозной позиции.

В России религия оказывала существенное влияние на развитие общества, особая роль при этом отводилась духовенству. «Православное духовенство долгое время играло в духовной жизни российского общества фактически монопольную роль. В силу этого обстоятельства, а также благодаря тому, что церковь обладала высокой экономической, политической и правовой властью, духовенство наряду с дворянством занимало господствующее положение в русском обществе. Именно поэтому правовая система православной церкви, каноническое право было важным источником русского права. Церковная доктрина представляла собой особый мир формирования абстрактных понятий и метафизического мышления, в рамках которых, подобно другим наукам, очутилось и правоведение.

Православная церковь стремилась формировать правовую культуру народа, внедряя в сознание людей идеологию зарождающегося самодержавного государства, которая основывалась на следующих постулатах: «Москва – третий Рим», «Русское государство – православное царство», «Царь – помазанник Божий». Духовенство стало, по сути дела, одним из главных инструментов формирования общественного правосознания. Имея возможность постоянно и непосредственно взаимодействовать практически с каждым человеком, церковь

на протяжении нескольких столетий, используя этот фактор, стремилась вести воспитательную деятельность⁶.

Впоследствии «власть окончательно стала авторитарной силой, и это толкнуло людей к поиску “царства правды”. В основе раскола лежит борьба двух тенденций (авторитарной и гуманистической), которая приняла религиозные формы. Русские люди жаждали свободы, правды и справедливости, но вместо этого получали деспотическую власть. Думается, что раскольники были первыми идейными русскими нигилистами, которые смогли оформить на идеологическом уровне свое отрицание навязываемых и чуждых им ценностей»⁷.

На Руси противостояние церкви и государства всегда имело место. Однако государство, проводимые им реформы, были чужды обществу. Населению страны исторически была ближе церковь с ее нравственными ценностями и равенством людей независимо от социального положения. «Перед Богом все равны». Право такого равенства не предоставляло, поэтому в сознании людей именно религиозные нормы выдвигались на первый план. Данное положение можно рассматривать как одну из исторических предпосылок негативного отношения общества к праву.

Исследование развития такого феномена, как нигилизм, в России имеет свои особенности. «Для русского народа на ранних ступенях развития право было не способом создания и применения законов с целью установления вины и вынесения приговора, не орудием для разъединения людей, а скорее средством, соединяющим людей, инструментом их примирения в случае возникновения конфликта. Первоначально право воспринималось прежде всего как процесс посредничества, способ коммуникации, а не как процесс принятия законов и вынесения судебных решений. Основная функция древнерусского народного права – это достижение социальной гармонии, а не легитимизация эксплуатации и угнетения тех или иных слоев населения»⁸.

Е. А. Долгова приводит слова В. О. Ключевского: «Не я виноват, что в русской истории мало внимания обращают на право: меня принудила к этому русская жизнь, не признававшая никакого права»⁹. Как отмечает О. С. Радьков, «русское искание правды жизни всегда принимало нигилистический характер»¹⁰.

О. Р. Гулина, цитируя Н. А. Бердяева, отмечает, что: «Есть характерно русское явление, в такой форме неизвестное Западной Европе... Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности»¹¹.

Данная позиция, характеризующая правовой нигилизм как явление, исторически присущее русскому народу, находит свое отражение у многих мыслителей. Однако с утверждением о том, что правовой нигилизм имманентно присущ русскому народу, довольно трудно согласиться. Правовой нигилизм, подчеркнем, естественный феномен общественной жизни, который в большей или меньшей степени характеризует каждый народ, что подтверждается в работах современных ученых, таких как П. П. Марченя и С. В. Ткаченко. Так, например,

6 Гуляихин В. Н. Правовой нигилизм в России: монография. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 36–37.

7 Он же. – С. 38.

8 Он же. – С. 11–12.

9 Долгова Е. А. Истоки правового нигилизма в России // Право и образование. – 2011. – № 4. – С. 126.

10 Радьков О. С. Правовой нигилизм в России (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 38.

11 Гулина О. Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2002. – С. 20.

4 См.: Он же. – С. 16.

5 Полищук Н. И. Извечный спутник права – правовой нигилизм // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 1. – С. 79.

П. П. Марченя задается вопросом: «Как, каким образом народ, который создал самое или, как минимум, одно из самых больших и жизнеспособных Государств в истории человечества и распространил свои политические и правовые реалии на колоссальные территории, может именоваться правонигилистичным? Как можно упрекать в отрицании Права народ, который на протяжении своей истории неоднократно отстаивал свое право иметь великое государство, демонстрировал способность к мобилизации всех сил, готовность к подвигу и самопожертвованию во имя государства?»¹².

С. В. Ткаченко по данному поводу говорит следующее: «Думается, что феномен “правового нигилизма” в России существует только в головах западных и прозападно настроенных российских ученых, не говоря уже о политиках и прочих государственных мужах»¹³.

Новое прочтение и содержание правовой нигилизм получает в эпоху Просвещения (XII–XIII вв.). «В условиях нового мировоззрения, нового подхода к изучению государственно-правовой действительности он существенным образом изменился, выйдя за рамки общесоциальных религиозных абстрактных нигилистических конструкций, характерных для религиозного правового нигилизма и приобретя черты самостоятельных целостных политико-правовых учений, отрицающих ценность государства и права»¹⁴.

Новые идеи, преобразования всегда находят как сторонников, так и противников. Подчеркнем, что нигилизм – это циклический процесс, который сопровождает историю и неразрывно связан с ней. По мере общественного развития нигилизм также меняется, то спадая, то принимая крайние формы.

В XIX в. в России возникают два течения политической мысли: западники и славянофилы. Их представители имели противоположные взгляды на развитие России, но в вопросах, касающихся права, придерживались схожих мнений. Правовому регулированию не уделялось должного внимания. О. С. Радьков приводит в подтверждение слова А. С. Хомякова, принадлежавшего к славянофилам: «Закон является чем-то внешним, случайно примешивающимся к жизни», а обычай является «силой внутреннего, проникающего во всю жизнь народа, в совесть и мысль всех его членов». П. Я. Чаадаев спрашивал: «Каким же образом, скажите, могли зародиться хотя бы самые элементарные понятия справедливости права, какой-либо законности под управлением власти, которая со дня в день могла превратить в рабов целое население свободных земель?»¹⁵

В России во второй половине XIX в. термины «нигилизм» и «нигилисты» получили широкое распространение. Примечательно, что для России «нигилизм явился не только одним из видов деформации правосознания. В середине 1860-х годов (особенно после выхода романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») он стал образом мысли революционно настроенной разночинной интеллигенции и молодежи, которая отвергала дворянско-крепостнические нравственные и эстетические представления»¹⁶. В связи с этим хочется привести строки из вышеупомянутого произведения, отражающие атмосферу, царящую среди молодежи: «Молодые люди обрадовались. И в

самом деле, прежде они просто были болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты».

«В 60-х годы XIX века возникает русский нигилизм – эмансипационное умственное движение, неизвестное в такой форме Западной Европе. Ее главным идеологом признается Д. И. Писарев»¹⁷.

Нигилизм рассматривался как крайне отрицательное явление, требующее вмешательства государства. 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозов стрелял в Александра II. Первое в истории России покушение на царя явилось огромным потрясением. В связи с этим военный министр Д. А. Милютин подал царю записку «О нигилизме и мерах, против него необходимых», подчеркивая, что только последовательные реформы могут остановить революционное движение. Таким образом, борьба с нигилизмом происходила на государственном уровне.

Особенностью распространения идей правового нигилизма в России также являлось и то, что интеллигенция выступала главной проводящей силой данного явления. О. П. Сауляк приводит слова Б. А. Кистяковского: «Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло сформироваться прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития»¹⁸.

Таким образом, данные настроения формировали неуважительное отношение к праву, рубеж веков характеризуется недооценкой роли права в регулировании общественных отношений. Это неудивительно, так как действительность выступала основой развития правового нигилизма. Если данный феномен был распространен среди самой образованной части общества, то об остальном обществе не приходится и говорить.

Последующее историческое развитие только усугубило ситуацию. «В результате Октябрьской революции вместо рая на земле русский народ построил тоталитарное государство. В Советской России продолжил свое развитие “двухполюсный” правовой нигилизм: с одной стороны, нигилизм государственного аппарата, отрицавшего многие естественные права и свободы человека, с другой, нигилизм российских граждан, нарушавших по мере возможности действующие правовые нормы, низводивших их до положения инфантильных объектов чуждой им воли»¹⁹.

В начале XX в. были приняты декларации о правах трудящихся, различные законы, провозглашавшие правовые принципы. Но данные положения оставались лишь на бумаге, в жизнь они не претворялись. Потенциал, заложенный в них, не получил своего развития.

Право воспринималось лишь с карательных позиций. Масса репрессий, ссылок, расправ и арестов – все это характеризовало право того времени. Такое состояние общественной жизни не могло не сказаться на отношении людей к праву. В правовом регулировании выделялись лишь отрицательные черты. Право вообще должно было со временем отмереть.

С одной стороны, существовали демократические законы, которые, однако, не исполнялись, с другой стороны – только карательное право. Сложившаяся ситуация являлась мощным

12 Марченя П. П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. – 2006. – № 2. – С. 22.

13 Ткаченко С. В. Правовые реформы в России: проблемы рецепции Западного права. Миф о правовом нигилизме. – Самара, 2007.

14 Арбузов А. В. Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 156.

15 Радьков О. С. Указ. соч. – С. 40–41.

16 Зрячкин А. Н. Указ. соч. – С. 24.

17 Гуляихин В. Н. Указ. соч. – С. 58.

18 Сауляк О. П. Правовой нигилизм как инвариант отечественного правосознания // Российская юстиция. – 2009. – № 9. – С. 2.

19 Гуляихин В. Н. Указ. соч. – С. 74.

катализатором идей правового нигилизма в обществе. «Каждому была введена такая «сильнодействующая вакцина» нигилизма, что ее действие продолжается и сейчас»²⁰.

Однако в литературе существуют и другие мнения относительно советского этапа. В связи с этим интересно недоумение Г. Д. Гриценко, который вопрошает: «И если основной чертой народа является правовой нигилизм, то возникает правомерный вопрос: как общество избегает саморазрушения, если отсутствует массовое понимание необходимости в своей деятельности руководствоваться определенными общеобязательными правилами поведения – нормами права, ведь право есть тот обруч, который удерживает общество от самоуничтожения?»²¹

С. В. Ткаченко говорит о том, что «в современной российской литературе прямо или косвенно, но совершенно безапелляционно утверждается ошибочность всего советского прошлого России и острая необходимость следовать “прото-ренной” Западом тропой»²².

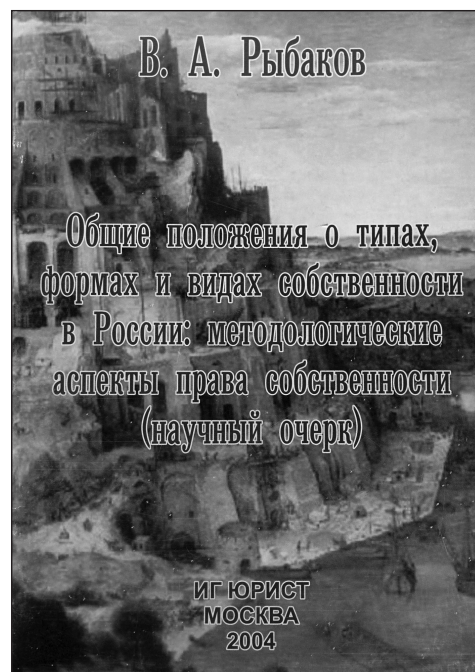
Таким образом, рассматривая генезис правового нигилизма в России, можно выделить основные этапы, которые одновременно являются и основными историческими периодами развития общества. Данное обстоятельство подчеркивает и подтверждает мысль о том, что правовой нигилизм – закономерный процесс, отражающий состояние общества. Итак, исторический путь правового нигилизма можно представить состоящим из следующих этапов: 1) религиозный этап развития правового нигилизма; 2) правовой нигилизм в Новое время; 3) дореволюционный этап; 4) советский период; 5) современный этап.

Нигилизм – явление, исторически сопровождающее каждое государство, каждый народ. Недопустимо говорить о правовом нигилизме как имманентно присущем именно русскому народу.

Пристатейный библиографический список

1. Арбузов А. В. Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2006.
2. Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): дис. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2003.
3. Гулина О. Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2002.
4. Гуляихин В. Н. Правовой нигилизм в России: монография. – Волгоград: Перемена, 2005.
5. Долгова Е. А. Истоки правового нигилизма в России // Право и образование. – 2011. – № 4.
6. Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
7. Марченя П. П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. – 2006. – № 2.
8. Ожегова Г. А. К понятию нигилизма как формы деформации правосознания // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1(4).

9. Полищук Н.И. Извечный спутник права – правовой нигилизм // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 1.
10. Радьков О. С. Правовой нигилизм в России (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
11. Сауляк О. П. Правовой нигилизм как инвариант отечественного правосознания // Российская юстиция. – 2009. – № 9.
12. Сафонов В. Г. Понятие правового нигилизма // Государство и право. – 2004. – № 12.
13. Сафонов В. Г. Правовой нигилизм работников государственного аппарата и пути его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
14. Ткаченко С. В. Правовые реформы в России: проблемы рецепции Западного права. Миф о правовом нигилизме. – Самара, 2007.

20 Сафонов В. Г. Правовой нигилизм работников государственного аппарата и пути его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 48.

21 Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): дис. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 327.

22 Ткаченко С. В. Там же.

Панченко В. Ю., Пикулева И. В.
ОЦЕНКА ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ КАК СПОСОБ РАСПОЗНАВАНИЯ
И ПРЕОДОЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРЕПЯТСТВИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ*

В статье обозначена необходимость модернизации категории «правовой режим» в направлении отражения им действительного правового состояния того или иного участка правовой жизни, когда определенный набор абстрактных правовых возможностей и средств претворяется в жизнь, получает воплощение посредством правомерного поведения субъектов права в конкретных правовых отношениях. Актуальность проблемы правовых режимов в реалистическом понимании заключается в недостаточности нормативной трактовки данного понятия для объяснения различий реального действия одинаковых наборов нормативно-регулятивных средств в разных территориальных, ситуационных и иных условиях в пределах государства. Оценка правовых режимов позиционируется в качестве основного прикладного направления реалистического понимания теории правовых режимов, позволяющего выявить содействующие и препятствующие факторы в реализации прав и законных интересов, состояние реальной возможности или невозможности пользования ими, а следовательно, определить меру благоприятности (или неблагоприятности) реализации той или иной правовой возможности. Авторами предложена общая характеристика методики оценки правовых режимов, позволяющая сопоставить реально имеющиеся данные правовой действительности для составления представления относительно действительной благоприятности правового климата определенного участка социальной жизни и подведения некоего итога, имеющего модальный характер. Основным результатом такой оценочной деятельности применительно к конкретному праву или законному интересу является установление общих тенденций и закономерностей функционирования той или иной сферы общественных отношений. Практический характер исследуемой проблемы заключается в формировании теории правового режима в качестве средства, предоставляющего возможность своевременного и эффективного распознавания, преодоления, устранения и предупреждения юридических препятствий в реализации прав и законных интересов субъектов права, в целях оптимизации правового регулирования, моделирования режима наибольшего благоприятствования.

Ключевые слова: правовой режим, теория правовых режимов, оценка правовых режимов, юридические препятствия в реализации прав и законных интересов, правовое регулирование, правовая жизнь, теория права.

Panchenko V. Yu., Pikuleva I. V.
EVALUATION OF LEGAL REGIMES AS A MEAN OF RECOGNITION AND BRIDGING
OF LEGAL BARRIERS IN IMPLEMENTATION OF RIGHTS AND LEGITIMATE
INTERESTS

Necessity of modernization of the notion «legal regime» in the direction of reflection of the real legal state of the certain branch of legal life, when the selection of abstract legal possibilities and measures are realized, is stated in the article. The actuality of the relevant problem resides in insufficiency of the normative conception of legal regimes for use with explanation of differences in the real action of the same sets of legal measures and regulations in different regional, situational, etc. conditions within the boundaries of the country. Evaluation of legal regimes is positioned as a basic practical direction of the theory of legal regimes. It allows to identify assisting and inhibiting factors in implementation of rights and legitimate interests and to determine the degree of favorableness (or unfavorableness) of rights' enforcement process. The authors offer a general characteristic of the assessment technique allowing comparison of different facts of legal reality with the purpose of having a notion about real favorableness of regulatory environment in the certain sphere of social life. Establishment of the tendencies and principles of functioning one or another field of social relations is the main result of such valuation activity. Practical nature of the problem consists in the usage of the theory of legal regimes as an instrument providing well-timed and effective recognition, bridging, elimination and prevention of legal barriers in implementation of rights and legitimate interests in the purposes of optimization of legal regulation, modeling of the most favored regime.

Keywords: legal regime, theory of legal regimes, evaluation of legal regimes, legal barriers in implementation of rights and legitimate interests, legal regulation, legal life, law theory.

Прежде чем приступить к рассмотрению обозначенной проблематики оценки правовых режимов, представляется целесообразным обозначить принципиальные положения, лежащие в основе реалистического понимания теории правовых режимов.

Утвердившейся в качестве традиционной в отечественной правовой науке является трактовка правовых режимов как нормативных порядков правовой регуляции той или иной сферы общественных отношений, представляющих собой совокуп-

ность правовых средств, набор и состав которых предопределяется спецификой регулируемых отношений, нуждающихся в правовой регламентации¹. Основной акцент в таком понимании расставлен на правовых средствах, представляющих

1 См., напр.: Беляева Г. С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Курск, 2013; Косак А. В., Малько А. В. Основы теории правовых режимов // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012; Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. и др.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 15-33-01354.

Панченко В. Ю.

Пикулева И. В.

собой «универсальный “строительный материал” системы права, различная комбинация которого выражает особый порядок организации конкретных общественных отношений»², программирует характер и особенности нормативного воздействия на тот или иной участок социальной жизни.

Придерживаясь такой «нормативной» трактовки правовых режимов, процесс познания закономерностей правовой жизни не выходит за пределы анализа массива формально установленных правил поведения, что не является исчерпывающим и должно быть эффективным для последующей оптимизации правового регулирования посредством создания режима наибольшего благоприятствования для субъектов права в реализации их прав и законных интересов. Таким образом, очевидной представляется необходимость модификации вектора развития теории правовых режимов в сторону отражения данной правовой категорией не только нормативно запрограммированной правотворческими органами, но и реальной степени обеспеченности прав и законных интересов субъектов права. Иными словами, для достижения вышеобозначенной цели акцент следует сделать на реально существующем правовом климате исследуемой области общественных отношений, сущность которого заключается в том, что он представляет собой итоговое правовое состояние (действительную правовую ситуацию) в той или иной сфере общественной жизни, возникающее как результат функционирования всех ее элементов, институтов. В этом и заключается вся суть реалистического понимания понятия правового режима, которое относится к реальной правовой деятельности, когда определенный набор абстрактных правовых возможностей и средств претворяется в жизнь, получает воплощение посредством правового поведения субъектов права в конкретных правовых отношениях.

Из этого следует следующая особенность реалистического понимания теории правовых режимов: ориентированность, главным образом, в отношении реализации прав и законных интересов субъектами права. То есть центральным элементом правового режима выступают не комплексы нормативно-регулятивных средств, а, в первую очередь, характеристики право-реализационного процесса с точки зрения особенностей использования правовых возможностей: простоты (сложности), доступности (недоступности), массовости (единичности) и т. д. Иными словами, права и законные интересы как объекты правовых режимов, определение меры благоприятности или неблагоприятности процесса их реализации определяют инструментальную ценность категории «правовой режим».

Прикладное значение теории правовых режимов в реалистическом понимании заключается в оценке определенного участка правовой жизни на предмет наличия (отсутствия) содействующих и препятствующих факторов в реализации прав и законных интересов, то есть правовой режим выступает «орудием, инструментом, средством»³ для решения задачи оптимизации правового регулирования. Иными словами, реалистический подход к пониманию правовых режимов не ограничивается констатацией того, что нормативно-регулятивные средства приобретают значение универсальных юридических инструментов правовой политики, посредством которых предопределяется общая специфика правового режима и действие правовых норм на том или ином участке правовой жизни, а позволяет определить функциональную сторону работы механизмов правовой регуляции общественных отношений – именно поэтому инструментально ценной является разработка методики оценки правовых режимов, отражающей действительный правовой климат.

Комплексный анализ и оценивание предоставляют возможность непосредственного отслеживания реальных усло-

вий и средств реализации того или иного права, совокупность которых позволяет выявить состояние реальной возможности или невозможности пользования правами, что свидетельствует о том или ином виде правового режима (благоприятном или неблагоприятном).

Так, первым этапом оценочной деятельности является фиксация как исходных состояний тех или иных участков правовой жизни, так и состояний, возникших в результате воздействия на них с помощью политико-правовых средств. Отражение правовым режимом и «должного», и «сущего» позволяет выявить реальные изменения в юридической практике под воздействием изменений в нормативно-правовом регулировании. Уже на данном этапе неизбежно столкновение, обнаружение юридических препятствий в правореализационной деятельности субъектов права.

Прежде всего, планируя комплексный анализ соответствующей сферы общественных отношений, следует изучить нормативную составляющую реализации той или иной правовой возможности, с целью выявления нормативных препятствий⁴, законодательных изъянов (пробелов, коллизий, нарушений, неточностей, иными словами, нормативных препятствий в реализации прав и законных интересов). Следуя нормативному пониманию теории правовых режимов, исследование благоприятности или неблагоприятности правового регулирования ограничилось бы данным начальным этапом. Однако для реалистического восприятия правовых режимов полученные результаты являются промежуточным итогом в изучении реального климата реализации права или законного интереса. Иными словами, здесь имеется в виду формирование представления об идеальных моделях максимально благоприятного (режим наибольшего благоприятствования) и нормативно-неблагоприятного правовых режимов. Однако, как уже отмечалось выше, при всей своей значимости анализ нормативных правовых актов и иных формальных источников права позволяет определить лишь наличие или отсутствие предоставленных государством (или сконструированных самими субъектами права в пределах их правотворческих полномочий) наборов правовых средств, характер направленности правового регулирования в зависимости от того, какие средства доминируют в структуре правового режима, а следовательно, и степень жесткости юридического регулирования, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности⁵, не предоставляя возможности для выявления реальных различий в действии норм права. Такой анализ – необходимое, но недостаточное условие для познания правовых режимов.

Некоторое своеобразие имеет и методика сбора информации, фиксирующая «метод или сочетание методов, используемых для сбора и сопоставления информации, необходимой для расчета количественных показателей», по той причине, что оценке подлежит и область «сущего», что предполагает изучение субъективного восприятия каждого реализующего свои права и законные интересы условий и иных заслуживающих внимания обстоятельств правореализационного процесса. По этой же причине определенной спецификой отличаются и источники фактических данных, под которыми необходимо понимать средства передачи и хранения информации, фиксирующие исходные данные, подлежащие измерению и оценке: реалистический подход при оценке правовых режимов предполагает анализ прежде всего тех источников фактических данных, которые позволяли бы понимать реальное положение дел в той или иной области, а не информацию, содержащуюся в нормативных правовых актах и иных формальных источ-

2 Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 2.

3 Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Издательская группа НОРМА - ИНФРА, 1998. – С. 345.

4 См. подр. о нормативных препятствиях в реализации прав и законных интересов: Панченко В. Ю., Петров А. А. Классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 9. – С. 8–10.

5 См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве // Собр. соч. – Т. 2. – С. 383.

никах права. Такими источниками выступают публикации в СМИ, печатные издания, Интернет, специальная литература, жалобы, сообщения и пр.

Отдельного внимания заслуживает процесс выработки универсальной системы критериев, индикаторов и показателей⁶, в результате использования которой становится возможным определить реальную степень обеспеченности прав и законных интересов субъектов права и меру благоприятности (неблагоприятности) для удовлетворения этих интересов, тем самым отмечая общие тенденции развития реальной правовой деятельности, юридической практики. Критерий представляет собой наиболее общую характеристику того или иного аспекта реализации права, предопределяющую предметную сферу вопроса. Индикаторы – это узкие тематические параметры какого-либо аспекта реализации права или законного интереса, сформулированные в форме закрытых вопросов, формирующие своей наиболее однородной совокупностью укрупненный блок критерия. Показатель выражает точное, конкретное значение того или иного параметра (индикатора), с помощью которого и становится возможным измерить правовой режим в количественном выражении. При этом критерии и индикаторы, по которым определяется правовой режим, должны позволять выявить не только формальные особенности правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, но и объективно существующие, практические условия реализации права, которые могут быть выражены в фактическом содействии или воспрепятствовании реализации прав и законных интересов субъектов права.

Разрешения требуют и такие практические задачи как разработка единой шкалы оценки благоприятности и неблагоприятности, формы отчета о полученных результатах, применимой для различных правовых возможностей, и пр.

Таким образом, оценка правовых режимов представляет собой процесс сопоставления реально имеющихся данных правовой действительности для составления представления относительно действительной благоприятности правового климата определенного участка правовой жизни и подведения некоего итога, имеющего модальный характер.

Регулярная оценка состояний правовых режимов реализации тех или иных прав, свобод и законных интересов⁷ (которая, в отличие от мониторинга, всегда сопровождается выводами, направленными на совершенствование правового регулирования) позволяет установить тенденции и закономерности изменения юридически значимого поведения при изменении в системе нормативно-регулятивных средств и корректировать последнюю в направлении наибольшего благоприятствования реализации прав и законных интересов. Соответствуя современным задачам и потребностям правового регулирования, теория правовых режимов в реалистическом понимании содействует модернизации и совершенствованию правового регулирования в интересах личности, гражданского общества и правового государства.

Конечным результатом оценочной деятельности является моделирование режима наибольшего благоприятствования реализации того или иного права и выработка конкретных рекомендаций и требований к деятельности различных субъектов (законодателя, правоприменителя, общественных ор-

ганизаций и т. д.) для стимулирования правовой активности субъектов, устранения препятствий, использования доступных и разумных правовых процедур, иными словами, обеспечения максимального содействия в реализации прав и законных интересов. Так, в частности, методики оценки правовых режимов могут использоваться органами публичной власти, правозащитными организациями в целях обнаружения конкретных путей решения правореализационных проблем для оценки состояний обеспеченности различных прав и свобод человека и гражданина, формирования правотворческих инициатив, осуществления на их основе проектно-нормативных работ и т. д.

Обозначенная проблема оптимизации правового регулирования, рассматриваемая через призму правового режима, предстает, прежде всего, как проблема преодоления препятствий на пути наиболее полного удовлетворения интересов субъектов права могут появляться разнообразные препятствующие, затрудняющие правореализационный процесс факторы, которые снижают эффект юридических инструментов, увеличивают затраты в различных сферах социальной деятельности⁸. Теория правовых режимов в реалистическом понимании и методика их оценки направлена на преодоление, устранение и предупреждение юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, независимо от их «среды обитания» (нормативные или деятельностьные) и специфики и пр. Всестороннее познание условий и средств процесса реализации прав и законных интересов посредством оценивающей деятельности в рамках правовых режимов позволяет изобличить факторы, осложняющие процесс осуществления правовых возможностей субъектами права, и преодолеть их посредством внесения изменений и корректировок в правовую форму.

Пристатейный библиографический список:

1. Автономов А. С., Гаврилова И. Н. Критерии оценки прав человека для уполномоченных по правам человека: методические рекомендации по мониторингу прав человека на доступ к суду, на митинг и на доступ к образованию. – М.: Юрист, 2011.
2. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве // Собрание сочинений. – Т. 2. – М.: Статут, 2010.
3. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Издательская группа НОРМА - ИНФРА, 1998.
4. Беляева Г. С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Курск, 2013.
5. Кондрашев А. А., Пикулева И. В. Правовые режимы конституционного права на бесплатную юридическую помощь: подходы к пониманию и методика оценки // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10.
6. Косак А. В., Малько А. В. Основы теории правовых режимов // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012.
7. Малько А. В. Оптимизация правового регулирования как проблема преодоления препятствий // Правоведение. – 1993. – № 3.
8. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – 1999. – № 2.
9. Панченко В. Ю., Петров А. А. Классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 9.
10. Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001.

8 Малько А. В. Оптимизация правового регулирования как проблема преодоления препятствий // Правоведение. – 1993. – № 3. – С. 58.

6 См., напр.: Автономов А. С., Гаврилова И. Н. Критерии оценки прав человека для уполномоченных по правам человека: методические рекомендации по мониторингу прав человека на доступ к суду, на митинг и на доступ к образованию. – М.: Юрист, 2011; Кондрашев А. А., Пикулева И. В. Правовые режимы конституционного права на бесплатную юридическую помощь: подходы к пониманию и методика оценки // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10. – С. 119–129.

7 Динамический аспект функционирования правовой системы государства и всего комплекса институтов, участвующих в правовой жизни общества, достижении целей правовой политики, переопределяет возможность трансформации по мере изменения условий и средств реализации прав и законных интересов, правовых процедур и пр. из одного вида в другой – из неблагоприятного в благоприятный и наоборот.

Петров А. А.

КОЛЛИЗИИ В ПРАВЕ КАК НОРМАТИВНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ*

Не любая коллизия в праве должна рассматриваться как нормативное препятствие в реализации прав и законных интересов. Коллизия в праве является таковой в случае, когда неясен критерий разрешения конфликта правовых регуляторов, а также когда реализация коллизионных норм приведет к невозможности реализации прав и законных интересов.

Ключевые слова: коллизия в праве, юридические препятствия в реализации прав и законных интересов, разрешение коллизий в праве.

Petrov A. A.

CONFLICTS OF LEGAL NORMS AS NORMATIVE LEGAL BARRIERS IN EXERCISING RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

A conflict of legal norms could not always be considered as a legal barrier to exercising of rights and legitimate interests. The conflict of legal norms creates the legal barrier to exercising of rights and legitimate interests either when a criterion for resolving the conflict of legal norms is uncertain or when using of conflict rules makes the implementation of rights and legitimate interests impossible.

Keywords: conflict of legal norms, legal barriers to exercising of rights and legitimate interests, resolution of legal norms conflicts.

Петров А. А.

Не всякий дефект в системе нормативно-регулятивных средств (норм права и нормативных обобщений) можно квалифицировать в качестве юридического препятствия в реализации прав и законных интересов¹, поскольку иначе содержание указанного понятия (и, следовательно, его различительная способность) будет неоправданно размыто.

Проиллюстрируем указанную мысль применительно к коллизиям в праве.

Как известно, проблематика несогласованности правовых установлений может исследоваться с социально-практической стороны (как изучение социальных конфликтов, преломляющихся в призме права) и с непосредственно юридической стороны (как конструирование механизма самосохранения и развития права, рассматриваемого в качестве сложной иерархически организованной системы).

В рамках объективного подхода коллизии описываются в литературе как «расхождение по содержанию норм», «несогласованность норм», «одновременное действие различных норм по одному и тому же вопросу», «различие по содержанию»²,

«диалектическое противоречие»³, «антиномия норм права»⁴, «столкновение норм права»⁵, «противоречие и различие норм права»⁶. Все вышеназванные трактовки юридических коллизий отражают общую идею – несовместимости одновременной действительности и действительности коллидирующих правовых регуляторов.

В результате осмысления накопленного опыта изучения коллизионной проблематики на основе выявленной природы коллизий в праве, с учетом современных тенденций исследования данной проблемы, коллизию в праве предлагается определить как объективно существующую в форме различия и противоречия связь нормативно-регулятивных средств, выражающую несовместимость их одновременной реализации без изменения содержания хотя бы одного регулятора и порождающую необходимость разрешения коллизионной ситуации.

В том случае, когда присутствует явный и понятный для участников правовой коммуникации и внешних наблюдателей критерий выбора определенного регулятора (критерий разрешения коллизии), вряд ли целесообразно рассматривать несогласованность таких нормативно-регулятивных средств как юридическое препятствие в реализации прав и законных интересов. Напротив, когда выбор одного из коллидирующих объектов неочевиден, следует вести речь о возникновении юридического препятствия в реализации прав и законных интересов.

Прежде всего, это положение применимо к дискреционным (структурным) коллизиям в праве. Они определяются Д. В. Агашевым как «различие норм, имеющих единый предмет регулирования (общественное отношение), не связанное с дифференциацией правового регулирования в рамках одного нормативно-правового акта»⁷. То есть в одном и том же источнике права содержатся одинаковые по объему, действующие на одной территории коллидирующие нормы. Эта разновидность коллизий является весьма сложным случаем дефектов в праве, так как весьма затруднительно определить, какая норма подлежит применению.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-33-01293.

1 Препятствия в реализации прав и законных интересов рассматриваются как нормативно установленные и юридико-фактические обстоятельства, осложняющие (затрудняющие либо блокирующие) процесс осуществления правовых возможностей, требующие от носителя прав и законных интересов дополнительных, нормативно незапрограммированных, либо несогласованных, неразумных организационных, материально-технических, временных, интеллектуальных и иных затрат. В рамках принятого в отечественной доктрине трехстадийного подхода к структурированию правового регулирования можно выделить следующие виды юридических препятствий: нормативные; правоконкретизирующие; правореализационные. Нормативные юридические препятствия возникают путем установления общих моделей поведения, закрепленных в формальных источниках права, препятствующих реализации прав и законных интересов (См.: Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 10– 18; Панченко В. Ю., Петров А. А. Классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 9 (105). – С. 6– 12).

2 Данные определения принадлежат, соответственно, Н. Г. Александрову, М. Д. Шаргородскому, А. В. Мицкевичу, А. Ф. Черданцеву (цит. по: Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск, 1984. – С. 20).

3 Агашев Д. В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения России. – Томск: Изд-во НТЛ, 2005. – С. 35. Отметим, что Д. В. Агашев наряду с таким пониманием пишет и о различии объектов коллизии в праве (Там же. – С. 36).

4 Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. – 1991. – № 3. – С. 21.

5 Алексеев С. С. Проблемы теории права. – Т. 2. – М., 1973. – С. 37.

6 Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Указ. соч. – С. 21–22.

7 Агашев Д. В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения России. – С. 128–129.

Лорд Элсмир сформулировал своеобразное правило разрешения антиномий правовых норм подобного рода: приоритет должно иметь «положение, которое является первым по порядку чтения текста»⁸. Г. Кельзен предлагал разрешать такие коллизии, предоставив правоприменителю право выбрать одну из коллидирующих норм по своему усмотрению⁹. Как представляется, последний вариант гораздо предпочтительнее первого, если дополнить его моральной обязанностью официальных лиц, принимающих такого рода решения, следовать выбранной на основе неюридических факторов (политика государства, представления о морали и т.д.) норме в дальнейшем. Интересный пример дискреционной (структурной) коллизии, существовавшей между положениями ч. 3 ст. 72 Трудового кодекса РФ и нормами частей 1, 4 ст. 57 того же кодекса (в редакции, действовавшей до принятия Федерального закона № 90-ФЗ от 30.06.2006), приводит В. В. Ершов¹⁰.

Применительно к «классическим» видам коллизий, таким как пространственные, иерархические, содержательные и темпоральные, статус «нормативных препятствий» применим лишь тогда, когда отсутствуют общепризнанные, понятные критерии их разрешения.

Так, «белые пятна» в построении иерархии источников права ведут к невозможности однозначного разрешения иерархических коллизий.

Например, до сих пор ни законодателем, ни юридической практикой не решен вопрос об общем принципе иерархического соотношения регионального законодательства и федеральных подзаконных нормативных правовых актов в сфере совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 72 действующей Конституции России). В ситуации конфликта федерального подзаконного права и региональных законов в сфере совместной компетенции сталкиваются между собой две идеи, положенные в основу организации иерархии формальных источников права в России: 1) приоритет закона над подзаконными актами и 2) приоритет федерального права над региональным с учетом «административно-кооперативной» модели современной федерации в России. Какая из них главная – неясно¹¹.

Неясно, как должен разрешаться конфликт приоритетов нормативных актов, когда два (или более) акта устанавливают свой приоритет над всеми иными однопорядковыми, и оба (или более) претендуют на регулирование одной и той же фактической ситуации¹².

Не решен спор о том, что главнее – Конституция России либо международные договоры и общепризнанные принципы и нормы международного права¹³.

Что касается содержательных коллизий, то проблемным вопросом является, например, соотношение специальных норм, выделяемых по различным основаниям.

Проиллюстрируем примером из гражданского законодательства. В соответствии с ч. 2 ст. 9 Федерального закона «Об автономных учреждениях» к компетенции учредителя в области управления автономным учреждением отнесено рассмотрение

и одобрение предложений руководителя автономного учреждения о создании и ликвидации филиалов автономного учреждения, об открытии и о закрытии его представительств. Вместе с тем в соответствии с ч. 3 ст. 8 действовавшего до 1 сентября 2013 г. Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» вузы были самостоятельны в формировании своей структуры, за исключением филиалов. Возникает вопрос: кто был уполномочен создавать представительство вуза: само автономное учреждение или его учредитель? Для преодоления данной коллизии необходимо определить, какой из законов является *lex speciali*. Обе указанные нормы посвящены определению структуры юридического лица, по своей отраслевой принадлежности являются нормами гражданского права. Первая из них распространяется на все автономные учреждения (включая вузы), вторая же – на все вузы (включая автономные учреждения). То есть определить, какая из норм является общей, а какая специальной, в данном случае достаточно сложно. Норма закона об автономных учреждениях является специальной в «юридическом» смысле; правило же, содержащееся в ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», напротив, можно было рассматривать как специальную норму по «территориальному», «предметному» признаку.

Кроме того, коллизии в праве следует рассматривать как нормативные препятствия в реализации прав и законных интересов и тогда, когда некая норма противоречит иной норме права, создающей более благоприятные условия для реализации прав и законных интересов, и не может применяться на основании общих принципов разрешения коллизий в праве (т.е. является нижестоящей в иерархии, либо общей, либо ранее принятой). Правоприменитель в таких ситуациях для преодоления юридического препятствия может попытаться избрать стратегию «примирения» (квазисовместного применения) конфликтующих правил.

Пристатейный библиографический список

1. Агашев Д. В. Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения России. – Томск: Изд-во НТЛ, 2005.
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права. – Т. 2. – М., 1973.
3. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск, 1984.
4. Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. – 1991. – № 3.
5. Ершов В. В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические вопросы // Российское правосудие. – 2006. – № 5.
6. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. – 2013. – № 3.
7. Панченко В. Ю., Петров А. А. классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 9 (105).
8. Петров А. А. Конфликт приоритетов кодифицированных актов как нормативное препятствие реализации и защиты прав и законных интересов // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8.
9. Петров А. А., Шинкевич Д. С. К вопросу о соотношении федеральных подзаконных актов и региональных законов // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2015. – № 2 (16).
10. Толстик В. А. Иерархия российского и международного права. – М.: Юрайт-М, 2001.
11. Толстых В. Л. Конституция и международный договор // Российский юридический журнал. – 2004. – № 2.
12. Фуллер Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2007.
13. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сборник переводов. Вып. 2 / Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович; Пер. с нем. С. В. Лезова. – М., 1988.
14. Шинкевич Д. С. Мониторинг регионального правового регулирования вопросов иерархии федеральных подзаконных актов и законов субъектов РФ // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5.

8 Thorne S. E. A Discourse upon the Statutes (1942), pp. 132–133. Цит. по: Фуллер Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 86.

9 Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сборник переводов. Вып. 2 / Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович; Пер. с нем. С. В. Лезова. – М., 1988. – С. 83.

10 Ершов В. В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические вопросы // Российское правосудие. – 2006. – № 5. – С. 11.

11 См.: Петров А. А., Шинкевич Д. С. К вопросу о соотношении федеральных подзаконных актов и региональных законов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 2 (16). – С. 5–13; Шинкевич Д. С. Мониторинг регионального правового регулирования вопросов иерархии федеральных подзаконных актов и законов субъектов РФ // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5. – С. 151–153.

12 См.: Петров А. А. Конфликт приоритетов кодифицированных актов как нормативное препятствие реализации и защиты прав и законных интересов // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8. – С. 118–121.

13 См., например: Толстик В. А. Иерархия российского и международного права. – М.: Юрайт-М, 2001; Толстых В. Л. Конституция и международный договор // Российский юридический журнал. – 2004. – № 2. – С. 49–56.

Лёзов И. Л.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена анализу специфических черт российской правовой системы рубежа XIX и XX вв., которые не только формировали отношение к праву в Российской империи, но и продолжают оказывать активное влияние на современный менталитет и современное общественное правосознание в России. К числу таких черт относятся отсутствие единой системы законодательства и огромная роль правовых обычаев в процессе регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: правовая система, Российская империя, правовые обычаи, местные обычаи, сущность права, действие законодательства, история права, философия права.

Lyozov I. L.

FEATURES OF RUSSIAN LEGAL SYSTEM OF THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

The article provides the analysis of the specific features of the Russian legal system of the late nineteenth and early twentieth centuries, which not only developed the outlook on law in the Russian Empire, but also continue to exert profound influence upon modern mentality and common legal conscience in Russia. Such features encompass the absence of a unified legislative system and a dominant role of legal customs in the course of regulating social relations.

Keywords: legal system, Russian Empire, legal custom, local custom, nature of law, implementation of legislation, history of law, philosophy of law.

Лёзов И. Л.

Материал, который будет рассмотрен в данной статье, затрагивает в равной степени вопросы как историко-правовой, так и философско-правовой проблематики. Специфика правовой системы Российской империи XIX в. как историко-правовая тема практически была предана забвению сразу после революционных событий 1917 г. и всерьёз не поднималась советскими исследователями по ряду известных идеологических причин. Не произошло полномасштабного осмысления данного вопроса и в постсоветский период, несмотря на многочисленные перестроечные и послеперестроечные призывы к изучению и использованию опыта дореволюционной России в формировании механизмов регулирования общественных отношений. Вместе с тем своеобразие и специфичность правовой системы нашей страны в указанный период могут стать предметом не одного монографического исследования.

Что касается философско-правового аспекта данного вопроса, он видится в возможности несколько по-новому взглянуть на три связанные между собой проблемы, активно дискутируемые в наши дни не только теоретиками права, но и очень широким кругом лиц, к праву причастных, начиная от студентов юридических факультетов и заканчивая опытными практикующими юристами.

Первая из этих проблем может быть определена как проблема правопонимания. Вопрос «что считать правом?» снова является жизненным и актуальным. Установившееся в 1930-е годы во многом на основе марксистского мировоззрения отношение к праву как к системе формально закреплённых общеобязательных норм, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения, в современной действительности вызывает много вопросов и многих правоведов не до конца удовлетворяет, несмотря на перемещение данного определения с классовой платформы («система норм, созданных эксплуататорским государством для подавления сопротивления эксплуатируемых») на платформу общесоциальную («система норм, создаваемая государством в интересах всего общества»). Одним из результатов такой неудовлетворенности и связанного с ней поиска истины явля-

ются многочисленные публикации работ западных авторов в области философии права, предлагающие альтернативные и зачастую весьма аргументированные ответы на тот же самый вопрос¹.

Вторая интереснейшая проблема, затрагивающая все без исключения сферы правовой действительности нашего современного общества – это вопрос об особенностях российского правосознания. До сих пор в большинстве работ оно (во многом, по инерции, заложенной в псевдолиберальные 1990-е годы) характеризуется как «низкое», «ущербное», «нигилистическое». Думается, подобный взгляд на вещи является правдой лишь в очень и очень небольшой степени. Реальная картина общественного правосознания в России и причин его своеобразия гораздо сложнее и интереснее.

Наконец, третий проблемный вопрос, носящий не только мировоззренческий, но отчасти и политический характер, – это вопрос отнесения российской правовой системы к той или иной правовой семье современного мира. В подавляющем большинстве исследований по теории государства и права авторы без тени сомнения (возможно, под влиянием всё той же инерции) рассматривают правовую систему России как составную часть романо-германской правовой семьи, ставя во главу угла такие критерии, как система источников права и его отраслевая структура, но забывая или не замечая другие специфические системообразующие факторы.

Комплекс указанных выше философско-правовых проблем многоаспектен. Современное состояние российской правовой системы вызвано различными причинами (в том числе причинами духовно-нравственного, политического, социологического, психологического и мировоззренческого характера). Но думается, что специфика исторического развития

1 См. Эрлих О. Основоположение социологии права. – СПб.: «Университетский издательский консорциум», 2011; Дворкин Р. О правах всерьёз. – М., РОССПЕН, 2004; Ллойд Д. Идея права. – М.: ИГОНА, 2002 и др.

российского права занимает в этом ряду отнюдь не последнее место.

В современной социологии общество предстаёт не менее сложным явлением, чем человеческая личность. Поэтому представляется достаточно уместной и корректной следующая аналогия. Подавляющее большинство психологов согласны с идеей о том, что любая личность с её характером, мировоззрением и поведенческими особенностями является результатом сложного процесса становления. Позитивные эмоции и психологические травмы, мировоззренческие установки и поведенческие стереотипы, заложенные в прошлом, формируют ту самую личность, которая существует в настоящем. То же происходит и с обществом. Общественное сознание устойчиво к восприятию различных материальных, культурных, духовных явлений. Устойчиво оно и к пониманию сущности и значения права. Вот почему изучение наиболее ярких специфических черт российской правовой системы столетней давности (а данный отрезок времени является сравнительно небольшим периодом в жизни народа), несомненно, поможет яснее увидеть и понять ее нынешние особенности.

В рамках данной статьи будут рассмотрены две весьма существенные характеристики правовой системы Российской империи XIX в., выделявшие её из всего спектра иных существовавших в то время развитых правовых систем. Одна из них хорошо известна и будет, скорее, обозначена. На анализе же второй черты мы остановимся более подробно.

Одной из особенностей отечественной правовой системы указанного периода являлась её многоукладность, проявлявшаяся, в том числе, и на уровне действия законодательства. Правильным было бы сказать, что российский правовой порядок не был однородным. Он, подобно лоскутному одеялу, представлял собой совокупность различных правовых порядков, значительно разнящихся между собой, но вполне гармонично уживавшихся на территории одной страны. Рассматривая данный феномен на уровне законодательного регулирования общественных отношений, можно выделить два важных фактора, определявших сферу действия нормативных актов. Использование тех или иных норм законодательства было во многом обусловлено территориальным местонахождением лица и его вероисповеданием. Действие различных законов на различных территориях было во многом связано с общими принципами внешней политики России в дореволюционный период. Несмотря на свой экспансионистский характер, она всегда отличалась гибкостью и достаточно очевидной мягкостью по отношению к населению завоёванных или иным образом присоединённых к Империи земель. Правительство не стремилось к созданию единообразного культурного пространства на всей подконтрольной ему территории за счёт подавления национального самосознания многочисленных народностей, составлявших наряду с титульной нацией население страны. Культурные ценности, выработанные русским национальным сознанием в течение всего длительного исторического процесса, не преподносились жителям присоединённых территорий как ценности высшего порядка, к которым должен стремиться весь цивилизованный мир. Те же взгляды и принципы распространялись и на сферу законодательного регулирования. Поэтому в Российской империи XIX в. существовали достаточно автономные территориальные единицы, продолжавшие после своего включения в состав нашей страны жить по привычным нормам в соответствии со своими исторически сложившимися обычаями, законами и культурными предпочтениями. Одним из самых ярких примеров вышесказанного являлось Великое княжество Финляндское, вошедшее в состав Империи после русско-шведской войны 1808–1809 гг. и сохранившее все атрибуты автономии (включая действие шведского законодательства) вплоть до провозглашения неза-

висимости в 1917 г. В качестве других примеров «лоскутности» и многоукладности российского правового порядка можно привести Польшу, Бессарабию, Закавказье, Среднюю Азию². Не таким значительным, но всё же заметным своеобразием отличалось законодательство, действовавшее в ост-зейских землях, а также на территориях Полтавской и Черниговской губерний. Нужно сказать, что подобная политика, совершенно не характеризующая дореволюционную Россию как «тюрьму народов», безусловно, способствовала снижению сепаратистских настроений и налаживанию нормальных межнациональных отношений. Примерно теми же политическими и социальными причинами было обусловлено различие правовых порядков по принципу вероисповедания, в наибольшей мере проявлявшее себя в сфере регулирования семейных отношений. Данная область взаимоотношений между людьми у всех народов носит исключительно традиционный характер, собственно, и являющийся основным гарантом их прочности и устойчивости. Именно поэтому в Российской империи не было и не могло быть единого семейного права для всех подданных. Вопросы, касающиеся порядка и условий заключения брака, возможности его расторжения, взаимных прав и обязанностей супругов и т.п., решались исключительно на основе догматов и обычаев того вероисповедания, к которому себя относил та или иная семья. Вследствие этого и шариат, и воззрения буддизма, и каноны католичества, и нормы иудаизма в равной степени относились к источникам российского права.

Второй специфической чертой отечественной правовой системы XIX в. являлась необычайно важная роль правового обычая в регулировании общественных отношений. В Российской империи рассматриваемого периода правовой обычай, как правило, представлял собой сложившееся в той или иной местности правило поведения, направленное на урегулирование какого-либо вопроса, тесным образом связанного с жизнью людей, в данной местности проживающих. Таким образом, обычаи вытекали из самого строя общественной жизни, из специфики отношений, существовавших внутри того или иного социального союза (семьи, рода, сельской или городской общины) и, по сути, генерировались самой жизнедеятельностью указанных союзов. Государственная власть в большинстве случаев не только не пыталась заменить обычное право законодательными формально-определёнными установлениями, но и всячески поддерживала его действие, в том числе, путём придания обычаям свойства санкционированных норм, обеспеченных судебной и административной защитой. Так, например, ст. 107 «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», принятого 19 февраля 1861 г., говорила о том, что волостной суд «решит дело либо на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту»³. Следует сказать, что к подсудности волостных судов закон относил «все споры и тяжбы собственно между крестьянами ценою до ста рублей включительно, как о недвижимом и движимом имуществе в пределах крестьянского надела, так и по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, а равно и дела по вознаграждению за убытки и ущерб, крестьянскому имуществу причиненные»⁴. Прочие имущественные споры (в том числе и споры с участием представителей других сословий) также могли передаваться на рассмотрение

2 Подробнее о действии различных законов на различных территориях Российской Империи – Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. – М.: «Статут», 2003.

3 Реформы Александра II // Сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. – : «Юридическая литература», 1998. – С. 60–61.

4 Там же.

данного судебного органа, но только при условии согласия на то сторон. При этом решения волостного суда, вынесенные на основании обычая, признавались окончательными и подлежащими обязательному исполнению.

При этом нужно отметить, что территориальное распространение каждого конкретного правового обычая по местностям было различным. Отдельные обычаи были известны и использовались на территориях целых губерний. Иные же действовали в пределах уезда или даже волости. В целом такое разнообразие объяснялось особенностями климата, спецификой почв и промыслов, иными бытовыми различиями в жизни людей, проживавших в разных уголках бескрайней России. Таким образом, вследствие активного использования местных обычаев возникла та же «лоскутность» правового поля, о которой мы говорили выше, рассматривая вопрос об использовании различного законодательства на различных территориях. Эта «лоскутность» не создавала правовой неразберихи и рассматривалась государственной властью как явление совершенно нормальное и ориентированное на жизненные запросы и жизненные интересы различных слоёв населения.

Практика деятельности судебных органов показывает, что большая часть судебных споров в отношении абсолютного большинства подданных Российской империи на рубеже XIX и XX вв. (а ещё раз подчеркнём, что столетний период – очень короткий хронологический этап в жизни народа) разрешалась не на основе законов или каких-либо иных нормативно-правовых актов, а на основе правовых обычаев той местности, на территории которой возник спор.

В свете вышесказанного хрестоматийная фраза из комедии Островского «Горячее сердце»: «Как судить будем – по закону или по совести?» – предстаёт уже не только саркастическим намёком на коррумпированность российского чиновничества, но и отражением совершенно естественной для данного периода правовой реальности. И ответ: «По совести», – свидетельствует не о забитости и необразованности русского простолюдина (во всяком случае, не только о них), а о совершенно понятном желании истца и ответчика решать спор по известным им правилам, сложившимся в период жизни их дедов и прадедов.

Интересным представляется вопрос о том, как отнеслась к такому обилию местных обычаев правовая наука рубежа XIX и XX вв.

Во-первых, необходимо отметить огромную и кропотливую работу по сбору, описанию и научной систематизации правовых обычаев, проведённую отечественными исследователями во второй половине XIX в. Начало этому процессу было положено деятельностью отделения этнографии Императорского географического общества, занимавшегося на протяжении нескольких десятилетий изучением различных сторон народного быта. Ещё более глобальная и целенаправленная работа по описанию правовых обычаев была проведена в 1873–1874 гг. Комиссией по преобразованию волостных судов. Результатом работы комиссии стало семитомное издание, вошедшее в себя наиболее яркие и показательные решения, выносившиеся волостными судами на основе обычного права⁵. В тот же период времени к теме обычного права обращаются такие авторы, как Е. И. Якушкин, И. Г. Оршанский, Н. В. Калачов и др.⁶ Но наиболее полным и систематизированным исследованием на данную тему стало известное двухтомное издание

С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России», вышедшее в свет соответственно в 1877 и 1879 гг.

Что касается работ в области философии права, наибольшее влияние указанная специфика российской правовой действительности оказала на идеи Л. И. Петражицкого, ставшего основателем психологической школы права⁷, и С. А. Муромцева, являвшегося самым ярким представителем социологического направления в отечественном правоведении указанного периода⁸. Первый видел в правовых обычаях результат действия «интуитивного права», представляющего собой совокупность особого рода эмоций. Второй рассматривал право как систему организованно-защищённых общественных отношений, далеко не всегда связанных с волеизъявлением государственной власти.

Перейдём к рассмотрению самих правовых обычаев, действовавших на территории России на рубеже XIX и XX вв. Для удобства описания разделим их на три группы.

1. Обычаи в сфере частноправовых отношений, не урегулированных или в недостаточной степени урегулированных законодательством. В рамках данной категории, в первую очередь, хотелось бы выделить многочисленные правила поведения, возникавшие в процессе жизнедеятельности таких специфических социальных союзов, существовавших в российском социуме, как община и артель. Соответственно, этим группам норм мы можем дать условные наименования «общинного права» и «артельного права».

Сельская община как форма совместного пользования землёй возникла в нашей стране очень давно, на заре отечественной государственности, вследствие ряда социально-экономических и природно-климатических причин. Прозошедший в XII–XIII вв. экономический поворот от лесного промысла в сторону земледелия потребовал создания эффективных форм ведения сельского хозяйства в условиях достаточно сурового и, в целом, неблагоприятного для аграрного строя климата. И такие формы были созданы самим народным сознанием. «Не государство создавало сельскую общину, – пишет С. В. Пахман, – ...основы её слагались гораздо ранее подчинения её общему строю государственного управления»⁹. Роль государства, по мнению многих исследователей данного вопроса, сводилась лишь к использованию этого социального института в своих целях. Государство «ввиду своих финансовых целей только воспользовалось корпоративной организацией общины: обязанность каждого вносить в казну известную сумму податей оно возвело в обязанность самой общины» и стало строить фискальные отношения непосредственно с ней, «а не с отдельными её членами, которые ответственны уже перед самой общиной и притом по принципу круговой поруки»¹⁰.

Отдельные нормы общинного права носили общий, универсальный характер для всех губерний России. К таким нормам, например, относилось установление, согласно которому право пользование землёй в общине принадлежало только домохозяевам, то есть лишь тем лицам, которые имели свой дом и своё хозяйство. Остальные члены крестьянских семей (домочадцы) подобным правом не наделялись, но могли его получить после своего выдела и обзаведения собственным домом. В этом случае новому домохозяину безвозмездно передавалась часть общинной земли. Что же касается порядка выдела нового домохозяина из старой семьи и условий этого выдела, здесь уже наблюдалась значительная вариативность местных обычаев по различным территориям страны. Ту же

5 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. I – VII. – СПб, 1873–1874.

6 См. Ефименко П. Юридические обычаи Архангельской губернии. – СПб., 1869; Оршанский И. Г. Народный суд // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – № 4; Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. – СПб, 1864; Якушкин Е. И. Обычное право. – М., 1875.

7 См. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб, 1909.

8 См. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. – М., 1879.

9 Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. – М., 2003. – С. 17.
10 Там же.

вариативность мы видим и в регулировании отношений, связанных с распределением имеющейся земли внутри общины. Исследователи выделяли три основные схемы решения данного вопроса, пользовавшиеся наибольшей популярностью и востребованностью. С. В. Пахман приводит следующее их описание: «Первая из них, исконно русская система, состоит в том, что вся общинная пахотная земля разбивается на части, называемые полосами, клиньями... и т.п. Число таких частей соответствует числу взрослых работников всей общины, но на долю каждого домохозяина отсчитывается столько частей, сколько в его семье работников. Другой принцип распределения пахотной земли заключается в том, что вся пашня делится также на число “душ” всей общины и получается, таким образом, душевая доля; затем высчитывается отношение между числом душ и числом взрослых работников: из получаемой цифры видно, какое количество душ приходится на работника; зная размер душевой доли, высчитывается доля, причитающаяся на работника, и затем уже каждому домохозяину отводится столько долей, сколько в его семье взрослых работников. Далее, третий способ распределения состоит в том, что вся пашня делится на части по числу душ и каждому хозяину отводится доля по числу душ, числящихся в его семье по последней ревизии»¹¹.

Ещё один пример универсальной нормы – правило «чересполосицы», суть которого заключалась в том, что ввиду разнокачественности земель общинный надел делился на «полосы» по критерию урожайности, после чего каждый домохозяин наделялся одинаковым количеством «высококачественных» и «низкокачественных» участков. Причём данные полосы через определённые промежутки времени обязательно меняли своих пользователей¹².

Наконец, отметим весьма интересное и важное правило, согласно которому община могла вмешиваться в хозяйственные дела своих членов с целью обеспечения общих экономических интересов. Так, на практике нередко возникали ситуации, когда сельский сход принимал решение о смене домохозяина, если тот, по мнению общины, не мог эффективно управлять экономической деятельностью семьи вследствие старости или по причине «беспорядочной и нетрезвой жизни». Причём подобное решение часто принималось без какой-либо инициативы домохозяев.

Нормы «артельного права» также выросли из экономического быта, но уже не сельского, а преимущественно городского населения Российской империи. Под артелью понималась организация, в которой «несколько лиц соединяли свои личные, а иногда и имущественные средства, с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли»¹³. Можно сказать, что артели являлись предтечами кооперативов. Основой их организации и деятельности являлся личный труд участников. Подобные организации возникали в самых разных сферах предпринимательской деятельности.

Народному быту XIX в. были хорошо известны ямские, лоцманские, рыбацкие, биржевые, бурлацкие артели. Создавалась артель на основе договора, условия и порядок заключения которого определялись весьма разнообразными по своему содержанию местными обычаями. Инициатива о заключении подобного договора могла исходить как от самих будущих участников организации, так и от постороннего выгодоприобретателя, вступавшего в данном случае в достаточно специфические отношения личного найма как с каждым из членов

артели в отдельности, так и со всей артелью как юридическим лицом.

На основе местных обычаев определялся и личный состав артели. В ряде случаев он был единообразным, но чаще в составе артелей находились лица с разным правовым статусом. Показательным в данном отношении является пример биржевых и лоцманских артелей. В составе первых различали «полных артельщиков», внесших всю определённую по договору «вкупную сумму» в капитал организации¹⁴, «новиков», уплативших лишь часть установленного взноса, и «мальчиков» – несовершеннолетних членов артели, отданных туда родителями или иными законными представителями для обучения делу и выполнявшими несложные действия вспомогательного характера. Лоцманская артель складывалась из лоцмана, его помощников и учеников. Положение, занимаемое тем или иным участником артели, определяло круг его обязанностей и напрямую влияло на долю в распределяемой прибыли.

Различные по своему характеру обычаи регулировали также и вопросы, связанные с самой организацией труда. Например, неявка артельщика на работу вследствие болезни влекла за собой потерю им рабочего места (а вместе с этим иногда и голодную смерть) в случае с волжскими бурлацкими артелями и воспринималась как повод для оказания дополнительной материальной помощи заболевшему товарищу в московских биржевых артелях (правда, лишь в том случае, если данная болезнь произошла не вследствие распутной жизни, пьянства или драки)¹⁵.

Интересные правила выработала общественная жизнь и в отношении справедливого распределения прибыли, получаемой артелью. Если в биржевых артелях доля в прибыли, как было показано выше, определялась размером вступительного взноса, что во многом объясняется спецификой деятельности подобных организаций, то, например, в рыбацких или лоцманских артелях на первое место выводился критерий личного умения и личного опыта в работе. Вот как описывается одна из схем распределения полученного дохода в одном из документальных сборников XIX в.: «Всё, добываемое промыслом, делится сперва на столько частей, чтобы их приблизительно было втрое больше сего числа членов артели; затем две трети этих частей идут лицу, давшему артели в пользование орудия лова, и остальные части или пай делятся между членами, причём полный пай даётся покрученнику, стоящему по способностям, умению на обыкновенном уровне; затем покрученники, стоящие в этом отношении выше его, получают один с половиной, два или два с половиной пая, а стоящие ниже – половину, треть или четверть пая»¹⁶.

В рамках артельных отношений народное сознание иногда конструировало оригинальные виды комплексных договоров. К их числу относился так называемый договор «забора». «Договор этот, – отмечает Пахман, – заключается между местными богачами и артелью, пользующейся своими орудиями лова. Богач даёт артели или известную сумму денег, или вносит за неё следуемые с её членов подати. Артель обязуется предоставить ему или весь лов с Благовещенья до Петрова дня, или часть его до погашения долга. ... В первом случае, если улов покроет всю сумму долга, артель всё-таки должна до Петрова дня промышлять рыбу в пользу своего кредитора, то есть в его присутствии поставлять её на суда и деньги вручать ему. Во втором случае артель сдаёт кредитору самую рыбу по установленной цене. Если выловленная рыба за весь промыс-

11 Там же. – С. 21.

12 Данные промежутки времени варьировались в зависимости от региона от года до десяти лет.

13 Пахман С. В. Указ. соч. – С. 207.

14 В крупных городах размен «вкупной суммы» составлял до тысячи рублей.

15 Пахман С. В. Указ. соч. – С. 237.

16 Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. – СПб., 1873. – С. 27.

ловый период не погасит долга, то артель обязана уплатить кредитору недостающую сумму деньгами»¹⁷.

Одной из наиболее важных норм универсального характера в «артельном праве» являлось правило круговой поруки, подразумевавшее ответственность артели как единого целого за действия отдельных своих членов, причинившие вред контрагентам или третьим лицам.

2. Обычаи в сфере частноправовых отношений, подорбно урегулированных законодательством. В данной категории обращают на себя внимание правила поведения, сложившиеся в сфере обязательственных и наследственных отношений. Обратим внимание на те из них, содержание которых противоречило нормам действовавшего законодательства.

Так, во многих губерниях России применялся принцип, согласно которому признавалась недействительной любая сделка по продаже за пределы общины имущества, которое в крестьянском быту расценивалось как источник благосостояния семьи и гарантия исправного платежа повинностей. К подобному имуществу обычай относил, как правило, дома, хозяйственные постройки, тягловый скот. Лишь согласие сельского схода делало продажу указанных объектов допустимой и правомерной.

Наиболее дифференцированная по местностям часть обычного обязательственного права касалась форм заключения договора. Они варьировались от обычного рукопожатия при свидетелях до совместной церковной молитвы. Своей оригинальностью обращает на себя внимание обычай «покопытного», существовавший в Архангельской губернии. Согласно данной норме, при купле-продаже коровы или лошади покупатель должен был передать продавцу штоф или бутылку водки, которой в присутствии свидетелей обмывались копыта продаваемого животного¹⁸.

Обычаи многих местностей допускали заключение договора купли-продажи под резолютивным условием. Наступление определённого события, указанного в договоре, отменяло последствия совершённой сделки и возвращала стороны в первоначальное положение.

В разных местностях по-разному решался вопрос о судьбе отчуждаемого имущества в том случае, если оно было продано неоднократно различным покупателям. Так, в отдельных уездах Тамбовской губернии волостные суды, сталкиваясь с фактами «двойной продажи», оставляли в силе вторую сделку, налагая вместе с тем на продавца обязанность возместить убытки первому покупателю. Если же проданное два раза имущество ещё не было передано ни одному из покупателей, суды той же губернии признавали действительными обе сделки, деля имущество между покупателями поровну¹⁹.

В договоре личного найма в качестве наёмного работника могло выступать любое лицо, вне зависимости от возраста и иных обстоятельств, указанных в законодательстве в качестве оснований ограничения правоспособности и дееспособности. Однако вместе с тем не только малолетние лица, но и совершеннолетние домочадцы не имели права заключать такой договор по собственному почину и собственной воле. По существовавшим обычаям они «отдавались в работу» родителями либо домохозяевами. Возникновение и действие данной нормы исследователи объясняли тем, что «семья, по народному воззрению, образует хозяйственную единицу, так что труд от-

дельных членов семьи не принадлежит им исключительно, а должен быть обращён в поддержку семьи»²⁰.

В крестьянском быту XIX в. наряду с практикой «универсального найма», при котором наёмный работник должен был выполнять любую работу, указанную нанимателем, встречались и договоры найма, рассчитанные на достижение конкретной хозяйственной или иной цели: «сделать окна и дверь, скласть печи, нарезать условленное количество кирпича, вспахать землю, сработать основу, нарезать спицы, выработать известный товар, вывезти лёд, вымолотить рожь... отыскать украденное, вылечить лицо, принадлежащее к семье нанимателя и др.»²¹.

В случае внедоговорного причинения вреда, например, связанного с кражей имущества, волостные суды во многих регионах страны выносили решения о взыскании с виновного в пользу потерпевшего денежной суммы, кратной стоимости похищенного имущества. Причём в отдельных местностях такая сумма взыскивалась не только с лица, вина которого в совершённом преступлении была полностью доказана, но и с подозреваемого, освобождённого от уголовной ответственности вследствие недостаточности улик.

Целый ряд обычаев касался определения круга наследников и распределения наследственной массы между ними. В Харьковской, Тамбовской и Ярославской губерниях наследниками в имуществе отца признавались только те сыновья, которые активно участвовали в хозяйственной деятельности семьи. Сыновья, жившие своими собственными домами и семьями, равным образом, как и лица малолетние, прав на наследство не имели и получали лишь то, «что дадут им братья из милости»²². В той же Ярославской губернии от участия в наследовании устранились те из сыновей наследодателя, которые теряли доверие общины вследствие их «дурного» (аморального) поведения. В Самарской и Харьковской губерниях преимущество при наследовании, выражавшееся в увеличении доли, отдавалось тем сыновьям, которые брали к себе в дом не получавших наследства сестёр. При этом братья брали на себя обязательство кормить своих сестёр, одевать их и наделять приданым при замужестве. Во многих губерниях наибольшую долю в отцовском наследстве получал тот из сыновей, который, по мнению общины, был достойнее, умнее и хозяйственнее других, поскольку в условиях круговой поруки любой иной выбор был чреват негативными экономическими последствиями для всего «мира».

При отсутствии у отца-наследодателя сыновей к наследованию, как правило, призывались его дочери. Причём в большинстве регионов обычай отдавал преимущество незамужним дочерям перед замужними. Последние либо не получали ничего, либо должны были довольствоваться небольшой долей.

При наследовании после смерти матери сыновья и дочери, как правило, наследовали имущество в равных долях. Однако в отдельных местностях обычное право предусматривало в данной ситуации переход имущества исключительно к дочерям.

Что касается правового положения вдовы после смерти мужа, то нужно сказать, что оно регулировалось обычаями достаточно единообразными, но вместе с тем также разнившимися с нормами Свода Законов гражданских.

Практически во всех губерниях России вдова имела право остаться жить в доме покойного мужа и притом, как указывает Пахман, «не только при малолетних, но и при взрослых

17 Пахман С. В. Указ. соч. – С. 255.

18 Ефименко П. Сборник юридических обычаев Архангельской губернии. – Архангельск, 1869 // Цит. по Пахман С. В. Указ. соч. – С. 107.

19 Пахман С. В. Указ. соч. – С. 129.

20 Там же. – С. 155.

21 Там же. – С. 161.

22 Там же. – С. 551.

детях»²³. Обязанность содержать свою мать лежала на всех сыновьях, принявших отцовское наследство. Исключением из этого правила выступала Киевская губерния, по обычаям которой такая обязанность лежала лишь на младшем сыне, который в качестве наследственного «бонуса» получал отцовский дом. В случае нежелания матери жить вместе с сыновьями последние были обязаны выстроить ей отдельное жильё и обеспечивать её материально.

3. Обычаи в сфере публично-правовых отношений. Интересно, что помимо частноправовых отношений, местные обычаи, хотя, конечно, и в гораздо меньшем объёме, регулировали отношения уголовного и процессуального характера.

Статья 183 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных со ссылкой на Приложение 4 к указанному документу закрепляло норму об исключении в действии уголовного законодательства Российской империи по круту лиц. Согласно этой норме в отношении целого ряда народностей, проживавших на территории России, Уложение могло применяться лишь в очень усеченном объёме. Так, например, в отношении кочевых и бродячих сибирских инородцев уголовное законодательство могло применяться лишь в случаях совершения ими «возмущения, убийства с намерением, разбоя, насилия, делания фальшивой монеты, хищения казённого и общественного имущества и корчемства», причём совершённого «не в местах кочевья их, а в городах или селениях»²⁴. Во всех остальных случаях общеимперское законодательство уступало место обычаям, принятым у данных народов.

Особые исключения такого же рода были предусмотрены для сибирских киргизов, якутов, кочевых инородцев Ставропольской губернии, калмыков, самоедов Архангельской губернии, инородцев Закавказья, киргизов Оренбургского края и Астраханской губернии.

Исследования Комиссии по преобразованию волостных судов, воспроизведённые впоследствии в целом ряде научных работ, отразили и факт существования в России XIX в. разнообразных неофициальных судов, пользовавшихся авторитетом у населения и рассматривавших огромную массу споров, не доводя их тем самым до суда официального. Государственная власть ни в коей мере не препятствовала функционированию таких общественных органов правосудия, разумно используя их как своего рода естественный фильтр, позволявший государственным судам справляться со своей нагрузкой. На вопрос членов комиссии о целесообразности существования таких органов, крестьяне вполне справедливо отвечали, что считают их совершенно необходимыми, поскольку «если бы всем прямо в суде судиться, в волость ходить, то очень часто надо было бы бывать там»²⁵.

Одной из наиболее распространённых форм «обычного» суда был суд сельского старосты, осуществляемый им совместно со «стариками» – наиболее опытными и авторитетными членами общины. Интересно, что зачастую состав такого суда не был спонтанным. Во многих регионах страны эти самые «старика» избирались «миром» на определённый срок, что служило поводом к формированию обычного избирательного права, также весьма разнообразного.

Другую группу неофициальных судов составляли сельские и волостные сходы. Решаемые здесь споры крайне редко доходили до волостного суда, поскольку неподчинение мнению схода ставило стороны в незавидное положение людей, идущих против общества.

Наконец, в отдельных уездах действовали органы по разрешению споров, характеризовавшихся каким-либо спе-

циальным предметом. В Тамбовской губернии функционировали «обычные» суды, разбиравшие конфликты между сельскими общинами. В Ярославской губернии существовал специальный суд, разрешавший споры, связанные с рыбной ловлей на озере Неро²⁶. В данном случае судьи избирались самими рыбаками из своей среды сроком на один календарный год. Решения суда считались окончательными; неподчинение им грозило нарушителю лишением работы и дохода.

Примечательно, что деятельность указанных судов порождала и свои специфические формы общественного судопроизводства, и свои обычаи в сфере доказывания. Одним из известных примеров в данной области является широко применявшееся народное правило «грех пополам», суть которого сводилась к тому, что в ряде случаев суд удовлетворял требования истца не в полном, а в половинном размере. Основаниями для такого решения могли стать: а) отсутствие в действиях ответчика умысла на причинение вреда; б) наличие в действиях истца неосторожности («неосмотрительности»), повлиявшей на наступление факта причинения вреда и в) недостаточность прямых и косвенных доказательств вины ответчика, если «по обстоятельствам дела есть вероятность, что иск не лишён основания»²⁷.

К каким выводам подводит нас проведенный анализ?

Во-первых, обращает на себя внимание тот неоспоримый факт, что на рубеже XIX и XX вв. российское право не представляло собой системы формально определённых норм, исходящих от государственной власти и закреплённых в нормативно-правовых актах.

Во-вторых, действовавшее в тот период времени законодательство не представляло собой единой системы норм, обращённой ко всему населению страны.

В третьих, правовые споры между крестьянами, составлявшими 90% населения России, разрешались, как правило, не на основании законов, а на основании местных обычаев.

И, наконец, в четвертых, правовая теория в лице большинства наиболее ярких её представителей, воспринимала сущность правовых явлений с позиций, весьма далёких от нормативизма.

Остаётся лишь сказать, что данные факторы не только оказали существенное влияние на мировоззрение людей, живших в Российской империи, но и продолжают его оказывать на нынешнее российское общество, его менталитет, правопонимание и правосознание. И игнорировать их при формировании современной теории права было бы серьёзной ошибкой.

Пристатейный библиографический список

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1. – М.: «Статут», 2003.
2. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. – М., 1879.
3. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. – М., 2003.
4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб, 1909.
5. Реформы Александра II. // Сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. – М.: «Юридическая литература», 1998.
6. Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. – СПб, 1873.
7. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. I – VII. – СПб., 1873–1874.
8. Эрлих О. Основоположение социологии права. – СПб.: «Университетский издательский консорциум», 2011.

23 Там же. – С. 581.

24 Цит. по изданию Свода Законов Российской Империи 1857 г. Т. 15. – С. 601–602.

25 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. I. – СПб, 1873. – С. 284.

26 Пахман С. В. Указ. соч. – С. 316.

27 Там же. – С. 350.

Луканин В. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦПРОВЕРКИ В СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается история создания системы спецлагерей СССР и их функционирование в конце 30-х – середине 40-х годов XX в. Раскрыто правовое положение заключенных, которые были вынуждены давать подписку о неразглашении всего, что услышали и увидели во время прохождения спецпроверки. Дается определение фильтрационной работы (фильтрации), определены ее главные цели и круг лиц, подвергавшихся спецпроверке, показаны официальные результаты проверочно-фильтрационной работы.

Ключевые слова: военнопленные, заключенные, плен, проверочно-фильтрационный лагерь, спецлагеря, спецпроверка, фильтрация.

Lukanin V. V.

THE ORGANIZATION OF SPECIAL CHECK IN THE USSR IN THE YEARS OF WORLD WAR II

In the article the history of establishment of system of the USSR special camps and their functioning in the late 30s – the middle of the 40s of the twentieth century is considered. The legal status of prisoners who were compelled to give a subscription about nondisclosure of everything heard and seen during special check is revealed. Definition of filtration work (filtration) is given, its main goals and circle of people, being exposed to special check are defined, official results of test and filtration work are shown.

Keywords: prisoners of war, prisoners, captivity, test and filtration camp, special camp, special check, filtration.

Луканин В. В.

После завершения советско-финской войны 1939–1940 гг. противоборствовавшие стороны на основании Московского мирного договора от 12 марта 1940 г. должны были возвратить друг другу захваченных военнопленных. В результате возвращения на родину советских военнопленных в количестве 5468 человек (из них 301 командир, 787 младших командиров, 4380 бойцов) для их содержания и проверки были образованы первые лагеря. Добровольно остались в Финляндии примерно 99 человек (из них 8 командиров, 1 младший командир и 90 бойцов). По другим данным, из финского плена вернулось 6017 человек¹.

Возвратившихся из плена незамедлительно отправляли группами в Южский спецлагерь, который был обнесен колючей проволокой и охранялся конвойными войсками Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Переписка заключенным была запрещена, равно как свидания с родными и близкими. Место их пребывания не разглашалось. Деньги и ценные вещи были отобраны, знаки различия сняты. Обращение к начальству «товарищ» запретили.

В докладной записке, направленной И. В. Сталину летом 1940 г., Л. П. Берия «считал необходимым» 4354 человека, бывших советских военнопленных, возвратившихся из Финляндии, «на которых недостаточно материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет»².

О количестве и составе переданных Советскому Союзу военнопленных, оказавшихся в Южском лагере, в справке начальника политуправления Московского военного округа дивизионному комиссару Лобачеву сообщалось следующее: «Южский лагерь начал свою работу с момента поступления бывших военнопленных 25 апреля 1940 года. Люди поступали эшелонами по 500–600 человек. На первое мая было 4815, на 10 – 4897, 29 человек отправлено в госпиталь в Вязники. В чис-

ле прибывших 314 человек начсостава от младшего лейтенанта до майора включительно»³.

Для прибывших в первое время был установлен военный лагерный порядок с физической зарядкой по утрам, без привлечения на работы. С их обмундирования, сданного в санобработку, были сняты петлицы, красные звезды и знаки различия. Через несколько дней заключенные были расселены по лагерным отделениям и в отдельные бараки. Днем их водили под конвоем на работы, а в ночное время работники лагерной оперчасти допрашивали их по поводу сдачи в плен.

Допросы продолжались до осени 1940 г., после чего решением Особого совещания бывших военнопленных, приговоренных к различным срокам заключения, разместили в Воркутлаге ГУЛАГа НКВД СССР. 450 человек, в отношении которых не имелось «компрометирующих материалов», которые попали в плен ранеными, больными или обмороженными, были освобождены из-под стражи и переданы в распоряжение Народного комиссариата обороны (НКО) СССР. 232 человека, по данным Ж. Росси, были приговорены к расстрелу⁴.

Осуждением практически всех побывавших в финском плену был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто в последующем оказался в немецком плену.

В конце 1941 г. по постановлению Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 27 декабря 1941 г. № 1069сс вновь создаются специальные лагеря, дополнительные обязанности по руководству которыми в связи с незначительным объемом работы с вражескими военнопленными возлагаются на управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР: Грязовецкий лагерь в Вологодской области – для Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов; Южский лагерь в Ивановской области – для Западного и Калининского фронтов; Тамбовский лагерь в Тамбовской области – для Брянского и Юго-Западного фронтов; Ново-Анненский в Сталинградской области – для Южного фронта.

1 См.: (Русское небо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-sky.org/history/library/w/w04.htm> (дата обращения: 11 октября 2015 г.).

2 См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 581. Лл. 78–79.

3 См.: Носырева Л., Назарова Т. Пойдем на Голгофу, мой брат... // Родина. – 1995. – № 12. – С. 105.

4 См.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ. – М., 1991. – Ч. 2. – С. 321.

А. Н. Яковлев, комментируя данное Постановление, обращает внимание на выражение «бывшие военнослужащие Красной Армии», справедливо подчеркивая, что советские военнопленные и «окруженцы» ставились вне рядов Красной Армии со всеми вытекающими отсюда последствиями⁵.

13 января 1942 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия утвердил Временную инструкцию о порядке содержания в специальных лагерях НКВД СССР бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника. Практически эти спецлагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима.

Создание проверочно-фильтрационных лагерей для освобожденных из плена было насущной необходимостью. По некоторым данным, с 1 июля 1943 г. по 1 мая 1945 г. на освобожденной от врагов территории органами НКВД были арестованы 77152 человека, в том числе за дезертирство из Красной Армии – 14254, полицейских – 10048, изменников, перебежчиков – 6223, бандитов – 6127, старост – 4638⁶.

Анализ деятельности органов НКВД СССР показывает активную работу по выявлению изменников Родины как на фронтах, так и в тылу. Например, органы НКВД Молотовской (Пермской) области с 23 июня 1941 г. по сентябрь 1944 г. арестовали 4142 человека, из них 205 как агентов иностранных разведок (прежде всего германской)⁷.

Кроме того, в своих мемуарах бывший начальник политической разведки службы безопасности Германии В. Ф. Шелленберг пишет: «В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах вглубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе»⁸.

В связи со значительным потоком бывших военнослужащих Красной Армии в первые месяцы войны к февралю 1942 г. было создано 19 спецлагерей, среди которых Череповецкий лагерь Вологодской области – для Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов; Рязанский (Рязанская область) и Суздальский (Ивановская область) – для Западного и Калининского фронтов; Острогжский (Воронежская область) и Подольский (Московская область) – для Брянского и Юго-Западного фронтов; Старобельский (Ворошиловоградская область) – для Южного фронта⁹.

Проверка проводилась Особыми отделами НКВД СССР, а в 1943 г. было принято решение о передаче этой функции органам контрразведки СМЕРШ НКО. На каждого заключенного заводилось учетное дело, состоящее из опросного листа и материалов проверки. По окончании проверки составлялось заключение, утверждаемое начальником Особого отдела лагеря. Выявленные изменники Родины, шпионы и дезертиры подвергались аресту, а их дела передавались на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР в установленном порядке. Для содержания таких лиц в лагерях создавались специальные помещения тюремного типа.

А. Е. Епифанов дал определение фильтрационной работы (фильтрации): «Это специфическая деятельность, связанная с проверкой определенных контингентов лиц выделенных

ми для этой цели подразделениями органов государственной безопасности»¹⁰.

Проверке подвергались следующие лица:

1) военнослужащие, находившиеся в плену и освобожденные войсками в ходе боевых действий;

2) военнослужащие, которые выдавали себя за бежавших из плена, а также присоединившиеся к воинским частям при различных обстоятельствах;

3) военнослужащие, вышедшие из окружения мелкими группами и в одиночку при сомнительных обстоятельствах;

4) лица, перешедшие со стороны противника на территорию, занимаемую советскими войсками, в том числе перемещенные лица (реэмигранты, репатрианты);

5) подозрительные лица, задержанные в расположении советских войск, нарушающие режим пребывания на данной территории или не имеющие при себе документов, удостоверяющих личность;

6) интернированные противником и освобожденные в ходе или после окончания боевых действий советские граждане.

Интересным представляется то обстоятельство, что правового основания для заключения под стражу в фильтрационных лагерях указанных лиц не было. Согласно Конституции СССР 1936 г. такими основаниями должны были быть исключительно постановление суда или санкция прокурора. Таким образом, фильтрационную работу можно назвать специфической неконституционной формой государственного принуждения, вызванной особыми обстоятельствами (военным временем).

Вероятно, что именно из-за этого обстоятельства спецорганы пытались скрыть всякую информацию, касающуюся массовой проверки в спецлагерях бывших военнопленных. Проверявшиеся были вынуждены давать подписку о неразглашении всего, что услышали и увидели во время прохождения спецпроверки, а 26 декабря 1944 г. вышла директива НКВД СССР № 53/2165 «О порядке выдачи справок бывшим военнослужащим о прохождении проверки в спецлагерях НКВД», в которой содержалось следующее разъяснение:

а) на руки никаких справок не выдавать;

б) при передаче проверенного контингента в постоянные кадры промышленности – составлять списки с установочными данными без указания о том, что эти лица прошли спецпроверку;

в) при передаче проверенного контингента в военкоматы – никаких пересыльных справок не выдается, составляются на них лишь списки;

г) выдача справок-отношений разрешается только по запросам правительственных и партийных органов; органов НКВД–НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности), СМЕРШ, судебно-следственных и прокуратуры; командования воинских частей и учреждений; Уполномоченного по делам репатриации при Совете народных комиссаров СССР и его аппарата на местах»¹¹.

Поступавший контингент делился на три учетные группы:

1-я – военнопленные и окруженцы;

2-я – рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности;

3-я – гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

По официальным данным, по состоянию на 1 октября 1944 г. из 297 644 красноармейцев около 90 % благополучно

5 См.: Яковлев А. Н. Военнопленные и депортированные // Московский комсомолец. – 1995. – 17 дек.

6 См.: Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. – М., 1995. – С. 231.

7 См.: Архив Управления ФСБ РФ по Пермской области. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 156.

8 См.: Шелленберг В. Мемуары / пер. с нем. – М., 1991. – С. 215.

9 См.: ГАЧО. Ф. Р. 467 (Управление Комитета государственной безопасности по Челябинской области. Историческая справка).

10 Епифанов А. Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. – Волгоград, 2007. – С. 169.

11 Герман А. А. Советские репатриационные документы Великой Отечественной войны и послевоенного времени // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. – Саратов, 2005. – Вып. 6. – С. 173.

Таблица 1 Справка о ходе проверки бывших окруженцев и бывших военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.*

Направлено	Всего	Из них офицеров
В воинские части через военкоматы	231 034	27 042
На формирование штурмовых батальонов	18 382	16 163
В промышленность по постановлениям ГКО	30 749	29
На формирование конвойных войск и охраны спецлагерей	5 924	?
Арестовано органами СМЕРШ	11 556	1 284
Убыло по разным причинам за все время – в госпитали, лазареты и умерло	5 347	?
Находились в спецлагерях НКВД СССР в проверке	51601	5 657
Всего	354592	50441

прошли спецпроверку. Репрессиям подверглись (то есть были арестованы или отправлены в штрафбаты) около 10 % военнослужащих (табл. 1).

На основе приведенного выше цифрового материала исследователь И. В. Пыхалов сделал подсчеты отдельно для рядового, сержантского состава и офицеров: среди рядового и сержантского состава благополучно проходило проверку свыше 95 % (или 19 из каждых 20) бывших военнопленных; офицеров арестовывалось меньше 3 %, но зато с лета 1943 г. по осень 1944 г. значительная их часть направлялась в качестве рядовых и сержантов в штурмовые батальоны¹².

Офицеры, попавшие в штрафбаты и искупившие свою вину, восстанавливались в звании. Например, 1-й и 2-й штурмовые батальоны, сформированные к 25 августа 1943 г., в течение двух месяцев боев показали себя с отличной стороны и приказом НКВД были расформированы. Бойцов этих подразделений восстановили в правах, в том числе офицеров, а затем снова отправили воевать в составе Красной Армии.

Следует отметить, что вопрос правового статуса заключенных специальных (фильтрационных) лагерей в литературе рассмотрен недостаточно широко. На протяжении 1942–1943 гг. он схож со статусом военнослужащих, а не заключенных исправительно-трудовых лагерей. Права и обязанности заключенных регламентировались Уставом Рабоче-крестьянской Красной Армии и практически не отличались от прав и обязанностей военнослужащих. Затем с изменением состава спецконтингента и появлением новых категорий заключенных (– различных пособников оккупантов, появляются различия в их статусе. В итоге первая учетная категория по-прежнему руководствовалась в повседневной жизни требованиями Устава РККА, а правовой статус второй фактически был приравнен к статусу заключенных ИТЛ. В 1945 г. в связи с увеличением потока немецких пособников режим содержания в спецлагерях был ужесточен.

Продовольственное обеспечение лагерей на первоначальном этапе не отличалось от снабжения тыловых частей, однако впоследствии наблюдается его увязка с выполнением спецконтингентом производственных норм. Как отмечает В. В. Шевченко¹³, уровень продовольственного снабжения спецконтингента при этом определялся не учетной категорией, а характером выполняемых работ и вместе с дополнительным трудовым пайком был вполне сопоставим с нормами, определенными для бойцов действующей армии. Различия в ма-

териальном обеспечении между учетными категориями были незначительны.

В связи с успехами советских войск на фронте и увеличением заключенных спецлагерей руководство СССР приняло решение активизировать их использование в качестве дополнительной бесплатной рабочей силы. Уже 6 апреля 1944 г. вышел приказ НКВД СССР № 00675 «О порядке трудового использования спецконтингента и о подготовке Табеля срочных донесений по трудовому использованию проверявшихся».

Привлечение заключенных к труду было реализацией норм Конституции СССР 1936 г., провозгласившей обязанностью и делом чести работать каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест», и Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. К тому же еще Ф. М. Достоевский отмечал, что заключенные без работы похожи на пауков в склянке, которые готовы поесть друг друга¹⁴.

19 июля 1944 г. по приказу НКВД СССР № 0149 спецлагеря были переданы из УПВИ НКВД СССР в подчинение ГУЛАГа НКВД СССР, при этом конвойные войска, охранявшие спецлагеря, были заменены на военизированную охрану ГУЛАГа НКВД СССР. А 28 августа 1944 г. приказом НКВД СССР № 001063 на базе Отдела спецлагерей ГУЛАГа был создан Отдел спецлагерей НКВД СССР, который 20 февраля 1945 г. получил название Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР.

На основании постановления ГКО СССР в ноябре 1944 г. освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря. В их числе оказалось и более 83 тыс. офицеров. Из них после проверки 56 160 человек было уволено из армии, более 10 тыс. – направлены в войска, 1567 лишены офицерских званий и разжалованы в рядовые, 15241 – переведены в рядовой и сержантский состав¹⁵.

После выхода Красной Армии к государственной границе на пограничной линии была создана сеть контрольно-пропускных пунктов, а в приграничной полосе на советской территории – сеть проверочно-фильтрационных пунктов (ПФП). Специальным постановлением устанавливалось, что питание лиц, содержащихся в ПФП, осуществлялось по нормам ГУЛАГа.

10 мая 1945 г. в ПФП находились 160 969 человек спецконтингента, которые использовались на работах по наркоматам: угольной промышленности – 90 900 человек, строительства – 2650, обороны – 800, вооружения – 5000, боеприпасов – 6600, минометного вооружения – 2300, цветной металлургии – 5000, химической промышленности – 3900, электростанций – 12 600, тяжелого машиностроения – 955, среднего машиностроения – 2000, легкой промышленности – 710, черной металлургии – 950, текстильной промышленности – 130, целлюлозно-бумажной

* Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. – 1991. – № 6. – С. 10–27; № 7. – С. 4–5.

12 Игорь Пыхалов. Правда и ложь о советских военнопленных [Электронный ресурс] // Антикюмпраддор.ру. – Режим доступа: http://anticomprador.ru/publ/igor_pykhalov_pravda_i_lozh_o_sovetskikh_voenнопленныkh/29-1-0-1076 (дата обращения: 11 октября 2015 г.).

13 Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 годах [Электронный ресурс] // (Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов). – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/deyatelnost-lagerei-spetsialnogo-naznacheniya-nkvd-sssr-v-1941-1946-godakh> (дата обращения: 11 октября 2015 г.).

14 См.: Мухтарова Ю. Ш. Организация трудовой деятельности осужденных – основа воспитательной работы // Уголовно-исполнительное право. – 2013. – № 2. – С. 43.

15 См.: Шабает А. А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. – 1998. – № 3. – С. 180.

Таблица 2 Результаты проверки и фильтрации репатриантов по состоянию на 1 марта 1946 г.**

Категории репатриантов	гражданские	%	военнопленные	%
Направлено к месту жительства	2 146 126	80,68	281 780	88,31
Призвано в армию	141 962	5,34	659 190	42,82
Зачислено в рабочие батальоны	263 647	9,91	344 448	22,37
Передано в распоряжение НКВД	46 740	1,76	226 127	14,69
Находилась на сборно-пересыльных пунктах и использовалась на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	61 538	2,31	27 930	1,81

промышленности – 359, станкостроения – 400, путей сообщения – 1100, НКВД – 18 200, НКГБ – 570, электропромышленности – 490, пищевой промышленности – 265, нефтяной – 280, военноморфлота – 1000 и прочих ведомств – 3800 человек¹⁶.

После окончания войны в связи с массовым освобождением советских военнопленных и гражданских лиц, которые использовались на принудительных работах в Германии и других странах, согласно директиве Ставки № 11086 от 11 мая 1945 г. наркоматом обороны было организовано 100 лагерей (70 – для военнопленных и 30 – для гражданских лиц). Кроме того, действовало 46 сборных пунктов для приема советских граждан, освобожденных советскими войсками¹⁷.

22 мая 1945 г. ГКО СССР принял постановление, в котором по инициативе Л. П. Берии устанавливался 10-дневный срок регистрации и проверки репатриантов, после чего гражданские лица подлежали отправке к месту постоянного жительства, а военные – в запасные части. Однако в связи с массовым наплывом репатриантов 10-дневный срок оказался нереальным и был увеличен до одного-двух месяцев.

К лету 1945 г. на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы работало еще 74 проверочно-фильтрационных и 22 сборно-пересыльных пункта. К концу 1945 г. через эту сеть прошли свыше 800 тыс. человек¹⁸.

Окончательные итоги проверки советских военнопленных и гражданских лиц, освобожденных после войны, выглядят следующим образом. К 1 марта 1946 г. было репатрировано 4 199 488 советских граждан (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 1 846 802 поступило из зон действия советских войск за границей и 2 352 686 принято от англо-американцев и прибыло из других стран¹⁹.

Результаты проверки и фильтрации репатриантов по состоянию на 1 марта 1946 г. показаны в таблице 2.

С завершением массовой репатриации 22 января 1946 г. отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР был расформирован, а его функции переданы в ГУЛАГ НКВД СССР. Управление ПФЛ просуществовало до 1947 г.

Таким образом, можно констатировать, что создание и функционирование проверочно-фильтрационных лагерей было необходимо, а проводимая проверка тщательно скрывалась спецорганами и имела следующие четыре главные цели, сформулированные А. Ф. Бичеховом²⁰: во-первых, в ходе фильтрации выявить гитлеровских пособников, предателей, перебежчиков, дезертиров, агентов иностранных разведок. Эта цель

была вполне понятна, объяснима и оправдана. Во-вторых, уполномоченным на это представителям системы проверить, как вели себя советские люди, оказавшиеся в экстремальных условиях за границей, дала ли положительные результаты официальная пропаганда, воспитывавшая советский народ в духе превосходства советского образа жизни, некритического восприятия действительности. Другими словами, спецорганы стремились проверить на лояльность сталинскому режиму возвратившихся из-за границы, тех, кто познакомился хотя бы поверхностно с элементами западной демократии, иным образом жизни, с культурой других народов, сумел, по образному выражению современников, «заглянуть на противоположную сторону луны». В-третьих, таким образом получить ценную для спецорганов информацию, в том числе разведывательного характера. Наконец, в-четвертых, организовать еще одно место концентрации бесплатной рабочей силы, которым стали ПФЛ, так как проходившие фильтрацию привлекались к работам на различных промышленных объектах.

Пристатейный библиографический список

1. Бичехов А. Ф. К истории создания специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для советских военнопленных и организации в них «Государственной проверки» // История пенитенциарной системы России в XX веке: сборник материалов международного научного семинара. – Вологда, 2007.
2. Герман А. А. Советские репатриационные документы Великой Отечественной войны и послевоенного времени // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. – Саратов, 2005. – Вып. 6.
3. Епифанов А. Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. – Волгоград, 2007.
4. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. – 1991. – № 6, 7.
5. Мухтарова Ю. Ш. Организация трудовой деятельности осужденных – основа воспитательной работы // Уголовно-исполнительное право. – 2013. – № 2.
6. Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. – М., 1995.
7. Носырева Л., Назарова Т. Пойдем на Голгофу, мой брат... // Родина. – 1995. – № 12.
8. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ. – М., 1991. – Ч. 2.
9. Шабаетв А. А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. – 1998. – № 3.
10. Шелленберг В. Мемуары / пер. с нем. – М., 1991.
11. Яковлев А. Н. Военнопленные и депортированные // Московский комсомолец. – 1995. – 17 дек.
12. Яковлев А. Н. Война со «своей» армией // Гражданин. – 2003. – № 2.

** См.: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Лл. 62, 70, 223.

16 См.: Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. – 1991. – № 6. – С. 10–27; № 7. – С. 5.

17 См.: ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 15. Лл. 6–8.

18 См.: Яковлев А. Н. Война со «своей» армией // Гражданин. – 2003. – № 2.

19 См.: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Лл. 62, 223–226.

20 См.: Бичехов А. Ф. К истории создания специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для советских военнопленных и организации в них «Государственной проверки» // История пенитенциарной системы России в XX веке: сборник материалов международного научного семинара. – Вологда, 2007. С. 62–73.

Магомедова М. М. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЛОНТЁРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье раскрываются понятие и современное значение термина «волонтёр». Особое внимание уделяется предпосылкам его возникновения и становления, формам его проявления в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: доброволец, волонтёр, альтруизм, взаимопомощь, пионер.

Magomedova M. M. RETROSPECTIVE ANALYSIS OF VOLUNTEER ORGANIZATIONS

The article deals with the concept and the modern meaning of the concept of volunteer. Particular attention is paid to the prerequisites of its occurrence and formation, the forms of its manifestation in historical retrospective.

Keywords: volunteer, altruism, mutual aid, a pioneer.

Магомедова М. М.

Термин «волонтёр» исторически произошло от французского «volontaire», которое в свою очередь берёт своё название от латинского «voluntarius» (на иврите – «митнадев»), и в переводе означает «доброволец», «желающий». В XVIII–XIX вв. волонтёрами назывались люди, добровольно поступившие на военную службу. «Этимологические термины волонтёр и доброволец имеют почти тождественное значение, хотя более пристальный взгляд позволяет увидеть важный отличительный нюанс русскоязычного термина, касающийся нравственной основы самой деятельности»¹. Аналогичной точки зрения придерживается и О. В. Потапенко. «В широком смысле понятие “волонтёр” означает человека, осуществившего сознательный, самостоятельный выбор, занимающегося каким-либо делом по собственному желанию и убеждению»².

Таким образом, русским синонимом термина «волонтёр» является термин «доброволец», который исторически происходит от слияния двух слов добро + воля и означает, по сути, человека, творящего добро по собственному желанию. В западном синониме отсутствует эта нравственная ориентация понятия. Здесь не отражается характер выполняемой индивидом деятельности, а лишь способ участия в ней (самостоятельно, произвольно). Более широко раскрывает этимологию данного понятия Н. Ю. Слабжанин, считая, что «доброволец – человек, занимающийся на безвозмездной добровольной основе (без какого-либо принуждения) деятельностью по разрешению социально значимых проблем»³. Таким образом, понятие «добровольчество» всё же шире деятельности, осуществляемой добровольно и безвозмездно (подразумевается отсутствие денежного вознаграждения), добавляется ещё один аспект: данная деятельность должна быть направлена на достижение социально значимых целей.

Современные российские исследователи – социологи, например, Е. И. Холостова, трактует данное понятие следующим образом: «Волонтёры (от англ. volunteer – доброволец) – это люди, делающие что-либо по своей воле, а не по принуждению. Они могут действовать либо неформально, работать бесплатно как в государственных, так и частных организациях медицинской, образовательной сферы, либо соци-

ального обеспечения, или являться членами добровольческих организаций»⁴.

Исторический анализ данного явления позволяет резюмировать, что предпосылки возникновения «добровольческого труда» опираются на известные в истории науки культуру и традиции народов России, базирующиеся на религиозных ценностях ислама, христианства, социалистически-коммунистических ценностях и либеральных идеях. Издревле формированию высоких гуманных, альтруистских идей населения способствовали религиозные догматы и верования народов. История донесла до нас много обычаев взаимопомощи, бескорыстной поддержки друг друга. Такими примерами служили сборы пожертвований на строительство больницы, школ, мечетей, медресе и храмов, совместное строительство новых домов. Традиционные правовые институты народов Северного Кавказа, на примере джамаатов или тухумов в сельских обществах, исторически играли важную роль в урегулировании вопросов организации взаимопомощи в вопросах землепользования, хозяйственной жизни и т.д.

Ретроспективный анализ данного понятия дает множество примеров безвозмездного труда и/или сознательного занижения платы за труд. «Один из известных примеров – безвозмездная деятельность представителей интеллигенции (учителей, врачей и т.д.) в сфере культуры – “хождение в народ”»⁵ – пример организованного волонтерского труда в сфере интеллектуального просвещения, это была широкомащтабная акция, ставившая своей конечной целью переустройство общества. Но организации, поддерживающие данное мероприятие, были нелегальными и оппозиционными действующей власти; мероприятие потерпело неудачу.

В связи с этим государство часто само становилось инициатором, формировало идеи добровольческого труда. Так, концепция социализма-коммунизма в качестве идеала рассматривала общество, основанное на принципах социальной справедливости, свободы и равенства. Поэтому в СССР проводилась государственная политика поддержки добровольного труда. Но, хоть добровольный труд граждан и носил массовый характер, он всё же являлся в большей степени не добровольным, а идеологически принудительным. «После революции 1917 года безвозмездный труд граждан в СССР был массовым,

1 Сикорская Л. Е., Ситаров В. А. Добровольческая деятельность как школа нравственного становления молодежи // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – С. 127.

2 Потапенко О. В. Волонтерство как активный вид деятельности по формированию гражданской ответственности и патриотизма студенческой молодежи / О. В. Потапенко, С.И. Тимошенко. – Горки.: БХСА, 2011. – С. 4.

3 Слабжанин Н. Ю. Как эффективно работать с добровольцами / Н. Ю. Слабжанин. – М.: Наука, 2011. – С. 38.

4 Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми: Учеб. пособие // Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко». – Москва, 2013. – С. 43–44.

5 Сикорская Л. Е., Ситаров В. А. Добровольческая деятельность как школа нравственного становления молодежи // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – С. 127.

но инициированным сверху государственно-партийными структурами»⁶. Он рассматривался как предкоммунистический или даже коммунистический труд (субботники, добровольные дружины, тимуровское движение, просветительская деятельность и пр.). Однако добровольный труд не был полностью свободным для граждан, а носил во многом идеологический и частично оплачиваемый характер.

Примеры санкционированного государством добровольческого труда можно найти после Великой Отечественной войны 1941–45 гг. Граждане страны принимали весомое участие в воссоздании страны, восстановлении разрушенных городов, они отправлялись возводить Комсомольск-на-Амуре, поднимать целину и строить БАМ.

В СССР решающую роль в процессе социализации подрастающего поколения играло участие молодых людей в общественном производстве и труде (это позволяло на практике знакомиться с производственными отношениями и обязанностями, действительно проявлять и развивать духовные и физические способности). С этой целью организовывалась работа в учебно-производственных комбинатах, молодежных производственных бригадах, лесничествах, лагерях труда и отдыха и др. В трудовом воспитании работающей молодёжи значительную роль играло получившее массовый характер наставничество – движение высококвалифицированных кадровых рабочих по подготовке рабочей смены. Соединение обучения с производственным трудом создавало широкие возможности для переноса знаний, полученных при изучении основ наук, в область практической деятельности, стимулировало способность к самостоятельному, творческому решению трудовых задач, формировало важнейшие качества личности молодого человека. С распадом СССР этот отлаженный механизм перестал действовать. Преобразования в России, коснувшиеся всех областей общественной жизни, наряду с положительными изменениями привели к существенному росту негативных явлений. Самым незащитным и неподготовленным к этим изменениям оказалось молодое поколение. Российское детско-молодежное общественное движение пережило в 1990-е гг. кардинальную ломку механизмов отношения к их инициативам со стороны государства. Произошла фактическая ликвидация и самоликвидация на государственном уровне крупнейших молодежных организаций, выполняющих воспитательную функцию в образовательных учреждениях и трудовых коллективах⁷. Уменьшилось влияние молодежи на социально-экономическое, политическое и духовное развитие страны. Многих представителей нового поколения коснулся кризис идентификации: они не осознавали своего предназначения в обществе. Постепенно, однако, ситуация изменялась: появилось много новых молодежных объединений, предпринимались попытки воссоздать в государственном масштабе движения детей и молодежи. По официальным данным, в 2005 г. в стране было зарегистрировано почти 600 тыс. общественных организаций, в том числе и волонтерские объединения.

Современным видом добровольчества, набирающим обороты, является спортивное волонтерство, которое призывает молодежь отказаться от алкоголизма, наркотиков и других негативных явлений и пропагандирует здоровый образ жизни. У истоков спортивного волонтерства стояли бойскаутские организации, члены которых на зимних Олимпийских играх 1924 г. в Шамони были удостоены чести нести национальные флаги команд-участниц во время торжественных церемоний открытия и закрытия⁸. В послевоенный период волонтерское движение вновь окрепло. В Олимпийских играх 1952 г. в Хельсинки приняли участие более 2 тыс. добровольцев. При

этом развитие спортивного волонтерства можно проследить по нескольким показателям: 1) увеличение числа участников (чуть более 2 тыс. волонтеров в Хельсинки в 1952 г. и рекордное количество в 500 тыс. человек в Пекине в 2008 г.); 2) расширение спектра выполняемых функций (лингвистические услуги, обслуживание церемоний, аккредитация и административная деятельность и т.д.) и 3) использование инновационных методик привлечения и отбора волонтеров (единый регистрационный портал, социальные сети). Однако неизменным для волонтеров всех стран оставалось одно: безвозмездность, человеколюбие и готовность оказать помощь там, где она действительно требуется⁹.

Таким образом, развитие волонтерской (добровольческой) деятельности в России является интересным и перспективным направлением. В перестроечный период существовали пионерские организации, которые выполняли различные политические и идеологические задачи. Октябренок, пионер, комсомолец в сознании советских людей был идеалом и олицетворением очень светлого и доброго будущего. В настоящее время, когда общество утратило четкую идеологическую направленность, развивается огромное количество различных направлений, подчас содержащих отрицательную («готы», «скинхейды»), а иногда и экстремистскую направленность (ваххабизм). Это связано с тем, что после развала СССР в нашем государстве нет единой объединяющей структуры, пользующейся всеобщим одобрением, как, например, институт пионерии. Возникла определенная идеологическая пустота, которую необходимо чем-то заполнить. Восполнить (ликвидировать) этот пробел возможно путём возвращения достойного аналога пионерии, которым при должном государственном санкционировании, возможно, мог стать институт волонтерства.

Пристатейный библиографический список

1. Потапенко О. В. Волонтерство как активный вид деятельности по формированию гражданской ответственности и патриотизма студенческой молодежи / О. В. Потапенко, С. И. Тимошенко. – Горки.: БХСА, 2011.
2. Савельева Т. В. Развитие добровольческого движения в студенческой среде. – Сургут, 2012.
3. Свинкина М. Ю. Олимпийские и паралимпийские игры как фактор развития волонтерского движения. – Волгоград, 2012.
4. Сикорская Л. Е., Ситаров В. А. Добровольческая деятельность как школа нравственного становления молодежи // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4.
5. Слабжанин Н. Ю. Как эффективно работать с добровольцами / Н. Ю. Слабжанин. – М.: Наука, 2011.
6. Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми: Учеб. пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2013.
7. Яницкий О. Перестройка и общественные движения 1980-х // Свободная мысль. – 2007. – № 9.
8. Магомедова Марьям Магомедовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоповедения и прав человека Дагестанского государственного педагогического университета. Республика Дагестан, г.Махачкала, 367008, ул. Атаева 5. kurkimahi@mail.ru.

6 Там же. – С. 125.

7 Яницкий О. Перестройка и общественные движения 1980-х // Свободная мысль. – 2007. – № 9. – С. 158–173.

8 Свинкина М. Ю. Олимпийские и паралимпийские игры как фактор развития волонтерского движения. – Волгоград, 2012. – С. 56.

9 Савельева Т. В. Развитие добровольческого движения в студенческой среде. – Сургут, 2012. – С. 67.

Далгатова П. Р.
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
И СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

В данной статье автор рассматривает принципы конституционности и законности, самостоятельности и независимости судебной власти, вопросы совершенствования законодательства о судебной деятельности, организации государственного руководства судебной системой и перспективы ее развития.

Ключевые слова: судебная власть, конституционность, законность, самостоятельность, независимость.

Dalgatova P. R.
CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF THE JUDICIARY AND JUDICIAL SYSTEM

In this article the author examines the principles of constitutionality and legality, independence of the judiciary, the improvement of legislation on judicial activities, organization of state management of the judicial system and its development prospects.

Keywords: judiciary, constitutionality, legality, autonomy, independence.

Далгатова П. Р.

Начиная с 90-х годов прошлого века в соответствии с конституционно провозглашенной концепцией разделения властей совершенно особый статус и особую роль приобретает самостоятельная и независимая судебная власть. Полномочия каждой из ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной) реализуются в правовых формах, но только судебная деятельность по осуществлению правосудия облечена в особую процессуальную форму, поскольку суд призван не только разрешать общественные конфликты, но и активно участвовать в системе «сдержек и противовесов», осуществлять судебный контроль деятельности других ветвей власти, особенно исполнительной.

Таким образом, эффективность судебной власти определяется не только ее конкретным институциональным состоянием, но и функционированием других социальных институтов и прежде всего других институтов государственной власти (президента, парламента, правительства)¹.

Конституция России не раскрывает понятия судебной власти, а лишь провозглашает ее самостоятельность и ставит в один ряд с законодательной и исполнительной властью (ст. 10). В таком «сложном юридическом феномене, каким является судебная власть»², воплощена «институционализация ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание»³.

Общеизвестно, что всякое научное изложение материала предполагает точность терминологии. Характеризуя «конституционные принципы», следует иметь в виду, что в теории права под ними принято понимать закрепленные в конституции страны или вытекающие из ее норм общие руководящие, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны того или иного вида государственной деятельности. Эти положения являются основополагающими для дальнейшего развития законодательства. Ведь из трех ветвей власти в современном мире только судебная власть формируется не на политической, а на профессиональной основе.

В науке имеется и иное понятие: «Конституционные принципы судебной власти можно определить как исходные, аксиоматичные и общеобязательные установки высшей степени нормативной обобщенности, закрепленные в Конституции

Российской Федерации. Соблюдение их при осуществлении судебной власти, в том числе при отправлении правосудия, является необходимым условием законности и правопорядка»⁴.

С точки зрения Конституции РФ правосудие – это исключительная деятельность, осуществляемая государственными органами судебной власти в четырех ее формах: гражданского, уголовного, административного и конституционного судопроизводства. В теории права и законодательстве правосудие трактуется в узком смысле – как судебная деятельность по рассмотрению и разрешению различных категорий дел, и в широком – как сфера юстиции, включающая процессуальную и исполнительную деятельность. Следует признать обоснованной точку зрения о том, что правосудие характеризуется следующими признаками: 1) судоустройством; 2) статусом судьи; 3) судопроизводством. То есть судоустройство выступает в качестве одной из составных частей правосудия, находясь во взаимосвязи с другими его частями.

Термин «судоустройство» содержится в Конституции РФ и в действующем законодательстве. Так, в ст. 71 Конституции РФ говорится о том, что судоустройство отнесено исключительно к ведению Российской Федерации. В связи с этим основную нагрузку в правовом регулировании организации и деятельности судебной системы несет федеральное конституционное законодательство о судебной системе Российской Федерации. Оно включает как саму Конституцию РФ, так и совокупность федеральных конституционных законов, федеральных законов. Однако ни содержание, ни объем признаков, характеризующих это правовое явление, в отечественном законодательстве до сих пор не раскрываются, дефиниции не приводятся. Поэтому термин «судоустройство» воспринимается неоднозначно, наполняется различным содержанием (совокупностью существенных признаков). Зачастую в юридической литературе судоустройство рассматривается и как правовая норма, и как совокупность судебных учреждений.

В настоящее время принципы правосудия являются предметом повышенного внимания юридической науки. Это объясняется активным интересом юридической науки к современному правосудию, устройству судебной власти, ее эффективности и др.

Многие принципы судебной власти и правосудия авторами не разделяются, что можно объяснить не только сложностью проблем, но и органической связанностью организации судебной власти и отправления правосудия. Заметим, что из-

1 Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // Арбитражные споры. – 2014. – № 1. – С. 6.

2 Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. – М.: Проспект, 2011. – С. 235.

3 Колоколов Н. А. История российского правосудия: проблемы познания // История государства и права. – 2009. – № 10.

4 Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / А. А. Гравина, В. П. Кашепов, О. В. Макарова; Отв. ред.: В. П. Кашепов. – М.: Юриспруденция, 2011. – С. 178.

учение современных принципов судебной власти должно учитывать методологические требования, предмет исследования, его реальность, системное качество.

В рамках данной статьи попытаемся раскрыть такие конституционные принципы, как конституционность и законность, самостоятельность и независимость судебной власти.

Раскрывая принцип конституционности и законности необходимо отметить, что судебная власть может быть ограничена ее конституционно установленным источником – волей народа, выраженной в конституционных нормах и в нормах законов, легитимно принимаемых законодательным органом государственной власти – парламентом Российской Федерации, который одновременно является и представительным органом в системе демократического управления обществом.

Принцип законности раскрывает природу, сущность норм права как обязательных правил поведения. Данный принцип является определяющим в организации и деятельности всех органов государственной власти, в том числе и судебных. Он вытекает из конституционного положения ст. 15 Конституции РФ о том, что все государственные органы, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы.

Для понимания принципа законности в системе основополагающих начал организации и деятельности судебной власти необходимо понимать, что судебная власть учреждается Конституцией РФ как высшим законом государства и основные ее элементы могут быть учреждены тоже законодательно (система органов, специализированные суды, полномочия, процедуры, статус судьи и т.п.)⁵.

Полагаем, что в современной юриспруденции принципы конституционности, законности получают более глубокое понимание, поскольку их органично дополняют требования правового характера самой Конституции, принимаемых законов, постулат о недопустимости действия актов, противоречащих Конституции РФ и федеральному закону. Следовательно, принцип конституционной законности в организации и деятельности судебной власти означает не только источник этих средств для судебной власти, но и творческое их взаимовлияние друг на друга.

В числе принципов организации и функционирования судебной власти традиционно важное место занимают принципы самостоятельности и независимости суда, которые обычно выделяются в качестве основных, определяющих как внешние связи судебной власти в системе государственности, так и ее внутреннее, структурное устройство, соотношение ее элементов и функциональных проявлений.

Анализ законодательства, развивающего и закрепляющего конституционные положения о самостоятельности органов судебной власти, позволяет сделать вывод о том, что самостоятельность органов судебной власти – это совокупность степеней свободы функционирования органов судебной власти в бюджетной, организационно-правовой и кадровой сферах в целях организационного, методического и кадрового обеспечения осуществления правосудия судьями – носителями судебной власти независимо от любых попыток воздействия со стороны сторон судебного процесса, представителей других ветвей государственной власти, политических, экономических, криминальных кругов.

По мнению ученых, самостоятельность органов судебной власти и независимость судьи – носителя государственной судебной власти – разные понятия, и обеспечиваются они принципиально разными организационно-правовыми механизмами, хотя цель у них одна и та же – гарантировать обществу объективное, независимое и беспристрастное, основанное на законе, рассмотрение любого конфликта правового характера между субъектами правоотношений⁶.

Самостоятельность органов судебной власти тесно связана с независимостью судьи. Тем не менее самостоятельность органов

судебной власти и независимость судьи – принципиально разные понятия, они имеют принципиально различное содержание и обеспечиваются принципиально разными организационно-правовыми механизмами, но это «две стороны одной медали», так как цель у них одна и та же – гарантировать обществу объективное, независимое и беспристрастное, основанное на законе, рассмотрение судьей любого конфликта правового характера между субъектами правоотношений при абсолютном обеспечении соблюдения права гражданина на судебную защиту.

Независимость судьи как гражданина – носителя государственной судебной власти – способность осуществлять исполнение обязанностей по замещаемой им государственной должности Российской Федерации, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Соответственно этому различны аспекты (компоненты) самостоятельности государственных учреждений судебной власти и независимости судьи, а также – соответствующие гарантии.

Самостоятельность органов судебной власти законодательно обеспечивается гарантиями самостоятельности органов судебной власти в бюджетной сфере (финансовая самостоятельность), в организационно-правовой сфере, в вопросах кадровой политики. И в обеспечении этой самостоятельности важную роль играют органы судейского сообщества.

Самостоятельность и независимость судебной власти – это необходимое средство для решения конституционных задач прогрессивного развития государства и общества, утверждения в Российской Федерации правового государства, эффективной реализации функций и назначения судебной власти в государственно-правовой системе, которое состоит в том, чтобы всемерно способствовать укоренению демократических принципов государственного строя, его стабилизации, укреплению господства права. Судебная власть в правовом государстве призвана утверждать в обществе идеи справедливости и гуманизма, нести в широкие массы населения высокую правовую культуру⁷.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что для реализации основополагающих конституционных принципов организации судебной власти, конституционных основ осуществления правосудия требуется продолжение исследования проблем организации судебной власти, дальнейшего обновления законодательной базы и совершенствования правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Колоколов Н. А. История российского правосудия: проблемы познания // История государства и права. – 2009. – № 10.
2. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / А. А. Гравина, В. П. Кашепов, О. В. Макарова; Отв. ред.: В. П. Кашепов. – М.: Юриспруденция, 2011.
3. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. – М.: Проспект, 2011.
4. Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // Арбитражные споры. – 2014. – № 1.
5. Правосудие в современном мире: монография / В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – М.: Норма, Инфра-М, 2012.
6. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации: монография. Колл. авторов: Абросимова Е. Б., Анишина В. И., Гаджиев Г. А., Ермошин Г. Т., Сафонов В. Е. / под ред. В. В. Ершова. – М.: Юрист, 2006.
7. Топорнин Б. Н. Развитие судебной власти в России: общие подходы // Судебная реформа: проблемы и перспективы / Отв. ред. Б. Н. Топорнин, И. Л. Петрухин. – М., 2001.

7 См.: Топорнин Б. Н. Развитие судебной власти в России: общие подходы // Судебная реформа: проблемы и перспективы / Отв. ред. Б. Н. Топорнин, И. Л. Петрухин. – М., 2001. – С. 3.

5 Правосудие в современном мире: монография / В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – С. 579.

6 Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации: монография. Колл. авторов: Е. Б. Абросимова, В. И. Анишина, Г. А. Гаджиев, Г. Т. Ермошин, В. Е. Сафонов / под ред. В. В. Ершова. – М.: Юрист, 2006. – С. 341.

Соколов В. В., Кисличко Ю. В.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА
В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

В статье исследуется конституционно-правовой статус законодательного (представительного) органа. Рассматривается система разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную власть.

Ключевые слова: законодательный (представительный) орган, органы государственной власти, конституционно-правовой статус, парламент.

Sokolov V. V., Kislichko Yu. V.
CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE LEGISLATIVE BODY IN THE SYSTEM
OF SEPARATION OF POWERS

This article examines the constitutional status of the legislative (representative) body. The system of separation of powers into legislative, executive and judicial power are examined.

Keywords: legislative (representative) body, the bodies of state power, the constitutional status of the Parliament.

В результате нескольких попыток в России не без противоречий все-таки начал складываться и постепенно совершенствоваться законодательный (представительный) орган. Однако принцип разделения властей между законодательной и исполнительной сферами, к сожалению, и в конституционном плане, и в правовом отношении реализуется на основе дисбалансного подхода, что способно парализовать необходимые сдержки и противовесы, нарушить единство самой власти, породить конфликт между её ветвями. Признавая фундаментальный характер этого принципа для становления федерального парламентаризма как такового, мы не вправе упускать из виду, что само такое разделение является не абсолютным, а, по всей видимости, релятивистским. Вне зависимости от структуры государственной власти и от обособленности различных по своему функциональному назначению её «ветвей», они должны взаимодействовать между собою таким образом, чтобы сохранялись генетическое единство и цельность самого правления. Последнее достижимо только при сбалансированном разделении властных полномочий. Эта истина подтверждается не только теоретическими изысканиями, но и, что гораздо удобнее, политической практикой многих государств, в том числе и российского.

Принцип разделения властей является одним из необходимых условий формирования правового государства и правовых законов, препятствуя возникновению какой-либо неограниченной власти, не связанной с естественным правом и конституционными принципами. При этом очень важно, чтобы три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) не были полностью разобщены или напротив – соединены под единым началом, в том числе и под эгидой президентской власти. Такое их состояние позволяет каждой из ветвей власти эффективно осуществлять свои полномочия для обеспечения сбалансированных интересов личности, общества и государства как основы национальной безопасности России.

В федеративном государстве система разделения властей имеет свои особенности, тем более в такой многосубъектной, многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, с целью обеспечения реализации принципа разделения властей не только на уровне Федерации, но и в ее субъектах. Данная проблема весьма сложная с точки зрения как нормативно-правового регулирования, так и практики реа-

лизации полномочий сторонами, требует самостоятельного изучения. Для нас же весьма важным представляется реализация конституционного принципа разделения властей на уровне Российской Федерации.

В ст. 10 Конституции Российской Федерации устанавливается, что государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны¹.

Конституция Российской Федерации (ст. 95)² определяет структуру и численный состав Федерального Собрания как постоянно действующего законодательного органа власти с активной ролью в политической жизни общества. Двухпалатный парламент России призван соответствовать федеральному устройству государства. В этом смысле Совет Федерации, как верхняя палата, по принципам формирования, своему статусу и компетенции является непосредственным выражением федерализма, а Государственная Дума, как нижняя палата, по способу избрания – представленным органом многонационального народа. В основном законе четко закреплены главные полномочия нижней палаты – федеральные законы принимаются образуемой путем выборов Думой, и такой подход соответствует мировой практике. Кроме того, согласно Конституции (ст. 100), Совет Федерации и Государственная Дума заседают раздельно, работая как независимые палаты парламента, и самостоятельно решают вопросы, относящиеся к их ведению. Между тем палаты могут собираться совместно, но лишь в конституционно предусмотренных случаях.

Соколов В. В.

Кисличко Ю. В.

1 Конституция РФ: федер. закон Рос. Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. 21.07.2014) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Там же.

Конституция (ст. 94) РФ устанавливает: «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является законодательным и представительным органом Российской Федерации»³. Как представительный орган, Федеральное Собрание осуществляет представительство интересов не только населения, проживающего на территории Российской Федерации, но и представительство интересов государственных органов, сформированных населением субъектов Российской Федерации.

Если сравнивать полномочия Президента США, который возглавляет исполнительную власть, Президент России не входит ни в одну из ветвей власти (ст. 11 Конституции РФ), обеспечивая при этом их согласованное функционирование и взаимодействие (ст. 80). Такое положение дел в научной литературе подвергалось критике. Так, академик РАН В.С. Нерсесянц предлагал «ввести полномочия Президента в русло и границы исполнительной власти...»⁴. Такое предложение в практике государственного строительства не нашло своего отражения, хотя произошла оптимизация структур Администрации Президента и Правительства России с целью исключения дублирования их деятельности, на необходимость которой указывал упомянутый выше известный ученый. Нашло признание через много лет его другое предложение относительно усиления контрольных функций Парламента над деятельностью Правительства. В своем послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г. бывший Президент России Д.А. Медведев предложил «Расширить конституционные права Федерального Собрания, отнести к предметам ведения Государственной Думы (ст. 103) контрольные функции в отношении исполнительной власти, установив конституционную норму, обязывающую Правительство России ежегодно отчитываться в Государственной Думе по итогам деятельности и по вопросам, поставленным непосредственно парламентом»⁵. По данной инициативе бывшего Президента были внесены соответствующие дополнения в ст. 103 Конституции Российской Федерации. Это явление примечательно не только с точки зрения укрепления демократических начал в государственном управлении, поиска оптимальных вариантов «сдержек и противовесов» между ветвями власти. Оно – позитивный пример того, как руководство страны проявляет восприимчивость к мнению ведущих ученых в сфере государственного управления.

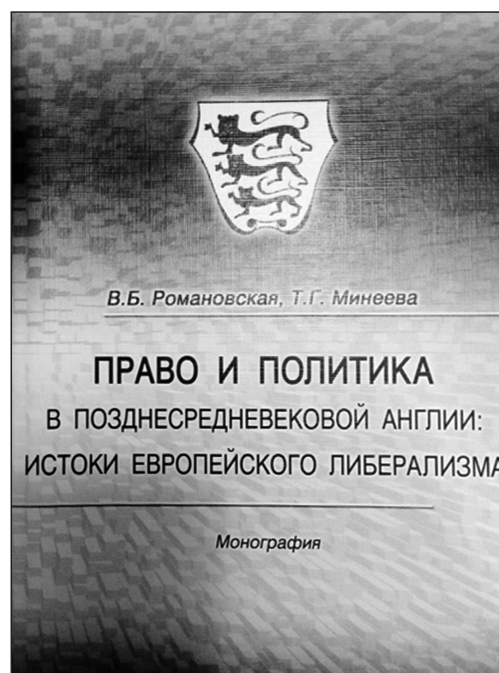
Существенное значение имеет то обстоятельство, что законодательно предусмотрена совершенно разноплановая компетенция палат парламента. Такой подход призван обеспечить систему сдержек и противовесов в деятельности Федерального Собрания. В этом смысле Совет Федерации предстает в роли своеобразного фильтра по отношению к Думе, что, по замыслу разработчиков Конституции, должно также предотвратить возможность установления «тирании большинства», которая может оформиться в результате победы тех или иных политических сил на выборах в нижнюю палату. Помимо этого, система сдержек и противовесов дополняется так называемым отлагательным вето Президента (ст. 107)⁶, что создает на практике двойную структуру «сдержек» по отноше-

нию к парламенту и, в частности, к его законотворческой палате – Государственной Думе. Вместе с тем пределы компетенции палат российского парламента, двойная «подстраховка» системы сдержек и противовесов во многом отражают определенную ограниченность прав Федерального Собрания, сформировавшегося в ходе той борьбы, которая разгорелась между различными политическими силами в период 1991–1993 годов и предшествовала принятию ныне действующей Конституции. На сегодняшний день в России на разных уровнях существуют довольно влиятельные политические силы, которые не прочь если не отказаться от парламента как важнейшего демократического института, то превратить его в послушную, не играющую самостоятельной роли ассамблею⁷.

Таковы основные, по нашему мнению, конституционно-правовые рамки, в которых оформился и функционирует в настоящее время законодательный (представительный) орган Российской Федерации в системе разделения властей.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ: федер. закон Рос. Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. 21.07.2014) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Авакьян С.А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. –М., НОРМА: ИНФРА-М, 2011.
3. Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию // Российская газета. –2008.–6 нояб.
4. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Для юридических вузов и факультетов. –М.: НОРМА, 2009.

³ Там же.

⁴ Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Для юридических вузов и факультетов. –М.: НОРМА, 2000. –С. 166.

⁵ Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию // Российская газета. –2008.–6 нояб. –С. 4.

⁶ Конституция РФ: федер. закон Рос. Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. 21.07.2014) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Авакьян С.А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. –М., НОРМА: ИНФРА-М, 2011. –С. 302.

Сарибекян С. Н.
КОЛЛИЗИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВЕ

В данной статье рассматриваются вопросы коллизий в конституционном правотворчестве. Дается структура коллизий в конституционном праве.

Ключевые слова: коллизии, структура коллизий, конституционное правотворчество.

Saribekyan S.N.
THE COLLISIONS IN CONSTITUTIONAL LAWMAKING

This article describes issues of collisions in constitutional lawmaking. The structure of collisions is given.

Keywords: collisions, structure of collisions, constitutional lawmaking.

Сарибекян С. Н.

В широком смысле под коллизиями можно понимать «столкновение противоположных сил, интересов, стремлений»¹. Многие исследователи признают наличие коллизий в системе права.

Сегодня ярко прослеживается необходимость поиска правовых и административных средств для разрешения противоречий между федеральным законодательством и нормативными актами субъектов. Задача модернизации механизма разрешения коллизий, возникающих в конституционном законодательстве, приобретает значимость как для теории, так и для практики. Во многом это обусловлено тем, что субъекты РФ реализуют свои полномочия по предметам совместного ведения (ст. 72 Конституции РФ), и возникают несоответствия между нормами Федерации и ее субъектов. В свою очередь данный правовой институт недостаточно эффективно работает.

Отметим, что такое правовое явление, как «пробелы и конфликты», в Конституции не тождественно конституционным пробелам и конфликтам в правовой системе, которые подразумевают под собой более широкое содержание. Так, в дополнение к пробелам к Конституции пробелы в правовой системе включают те или иные виды дефектов во всей системе конституционного регулирования, нормы и институты конституционного права, а также пробелы отраслевого законодательства, несущие конституционно значимые последствия. Тем не менее, во всех указанных случаях преодоление и разъяснение пробелов связано, как правило, с телеологическим

толкованием (то есть выявление целей законодателя в контексте закрепления несопадающих интересов и поиска на этой основе их баланса в реальной системе правового регулирования).

Коллизии в рамках конституционного права выступают в качестве самостоятельного правового явления, как противоречие публично-властного свойства между правовыми актами, правовыми нормами, действиями государственных органов, должностных лиц, граждан, правоупониманием в конституционно-правовой сфере.

Каждый из вышеназванных видов коллизий обладает своей спецификой в конституционном праве и может в свою очередь делиться на подвиды. При разрешении коллизий в рамках конституционного права необходимо руководствоваться следующими принципами:

- при разрешении коллизий приоритет должен отдаваться Конституции РФ;
- при разрешении коллизий недопустимо нарушение прав и свобод человека и гражданина;
- средства и процедуры разрешения коллизий должны обладать конституционно-правовой природой, быть законодательно закреплены и отвечать общим принципам устройства правового государства.

Показателен тот факт, что коллизии могут встречаться в конституционном правотворчестве субъектов РФ, что небла-

Рис. 1. Структура коллизий в конституционном праве.

1 Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 1998. – С. 202.

гоприятно сказывается на целостности системы, внося дисбаланс в правовое регулирование общественных отношений.

Ведь законодательство субъектов РФ является частью системы нормативно-правовых актов, функционирующих в России, которая как форма выражения права, в свою очередь, является элементом правовой системы России. Именно поэтому правовые противоречия между федеральными законами и нормативно-правовыми актами субъектов РФ оказывают влияние на состояние всей правовой системы, так как при сбоях в работе внутри одного элемента система для эффективного функционирования либо сама реформируется, либо вносит изменения в элемент².

Отметим, что большинство конституций современных государств содержат в себе коллизионные нормы. Однако тут встает вопрос: каким нормам нужно придавать конституционный статус?

Согласно конституционализму, в конституционный акт нужно включать норму о приоритете основного закона. В Конституции РФ такой приоритет можно встретить в следующих нормах:

- Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории РФ (ч. 3 ст. 4);
- Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15).

Как полагает И. А. Кравец, смысл ч. 2 ст. 4 «заключается в установлении принципа верховенства федерального права над правом субъектов РФ»³. Такое же правило внедрено в ч. 3 ст. 76 Конституции РФ. Схожая норма имеется в ч. 2 ст. VI Конституции США: настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение оной, равно как и все договоры, которые были заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны.

Однако конституционные акты могут предусматривать исключения из правила о приоритете федерального законодательства. Так, ч. 4 ст. 76 предполагает приоритет нормативно-правового акта субъекта РФ.

В большинстве конституционных актов субъектов РФ содержатся нормы касательно приоритета Конституций (Уставов) в законодательной системе области, округа и республики. С позиции юридической техники было бы целесообразно норму-запрет и норму-приоритет внедрять в одну статью.

Особенно нежелательны для конституционного права коллизии между естественным и позитивным правом. Тем не менее существует простой способ для разрешения коллизий в таком случае: должен соблюдаться примат естественного права, несмотря на то, что в содержании своих отдельных норм естественное право также может вызвать столкновение трактовок. Опасность коллизий такого качества тем больше, чем шире они несут угрозу реализации основополагающей функции конституционного права – охраны прав и свобод человека и гражданина.

Те или иные коллизии могут вызывать споры о компетенции. Эти споры быстро могут привести к конституционному кризису в случаях, когда в государстве остро стоит вопрос политической борьбы, неясности конституционных трактовок и несовершенства практики общественного согласия. Именно такой конституционный кризис возник в октябре 1993 г. Споры о компетенции постоянно сопровождают государственную жизнь большинства развитых стран. Для их разрешения

важно наличие сильных органов конституционного контроля, способных привести конфликтующие стороны к примирению. Такие споры лишней раз подтверждают неэффективность принятой в той или иной стране формы правления и ее конституционного закрепления. Все это побуждает постоянно улучшать законодательную технику и развивать общий уровень конституционно-правовой теории.

Наиболее часто встречающейся коллизией является коллизия между законом и подзаконным актом. К сожалению, можно констатировать, что принцип приоритета закона, заложенный в самой Конституции как механизм разрешения этих коллизий, часто не срабатывает. Поэтому при решении таких вопросов опять прибегают к принципу целесообразности, который иногда противостоит закону. Также часты коллизии федеральных законов и законов субъектов РФ, хотя приоритет и здесь ясно указан в Конституции РФ. Однако в связи с тем, что власти при решении таких проблем стремятся к наиболее целесообразному их решению, порой создается обстановка, когда даже прямые нарушения норм Конституции не влекут за собой соответствующих санкций против нарушителей. Бесспорно, что ушедшая в историю тоталитарная система нашла свое отражение в правовом нигилизме российского общества.

Таким образом, внимание науки российского конституционного права активно обращено на вопросы коллизий и порядок из разрешений. Отчасти это можно объяснить тем, что в России набирает актуальность новое конституционное право. Но его система на данный момент не способна на должном уровне связать в определенное единство правовые нормы. Предотвращение всех коллизий сразу нереально, так же как нереально остановить «правовую жизнь». Поэтому важной задачей науки и практики конституционного права остается выявление на перспективу мирных путей преодоления коллизий.

В данном случае есть смысл говорить о формировании новой отрасли права – «коллизионное право», которой предстоит пройти период формирования, самоорганизации и структуризации. Но уже сейчас в рамках «коллизионного права» можно выявить перспективные институты и подотрасли, цель которых заключается в создании правового механизма преодоления юридических коллизий. Также «коллизионное право» должно подразумевать гармоничное сочетание норм национального и международного права, согласованное применение которых диктуется общим предметом регулирования, делающего акцент на наиболее значимых социальных интересах.

Пристатейный библиографический список

1. Кравец И. А. Верховенство Конституции – принцип конституционализма // Журнал российского права. – 2003. – № 7.
2. Стародубцева И. А. Коллизии конституционного законодательства на уровне субъектов Российской Федерации. – Воронеж, 2004.
3. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 1998.

2 Стародубцева И. А. Коллизии конституционного законодательства на уровне субъектов Российской Федерации. – Воронеж, 2004. – С. 35.

3 Кравец И. А. Верховенство Конституции – принцип конституционализма // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 17.

Сафина С. Б.
ТОЛКОВАНИЕ КОНСТИТУЦИЙ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

В статье анализируются теоретические и правовые основы толкования конституций республик в составе Российской Федерации, обосновывается необходимость толкования, выявляются цели и значение толкования конституций, исследуются нормы республиканского законодательства о конституционных судах республик.

Ключевые слова: конституция республики, официальное толкование, нормативное толкование, конституционный суд, решение о толковании.

Safina S. B.
INTERPRETATION OF CONSTITUTIONS OF THE REPUBLICS WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL BASICS

Theoretical and legal basics of interpretation of constitutions of the republics within the Russian Federation are analyzed in the article the necessity of the interpretation is substantiated, goals and the importance of the interpretation of constitutions are identified, norms of the republican legislation on republican constitutional courts are researched.

Keywords: constitution of a republic, official interpretation, normative interpretation, constitutional court, decision on the interpretation.

Сафина С. Б.

Конституция, как основной закон, выполняет роль главного правового и политического документа в государстве, занимает особое место в правовой системе и жизни общества. Деятельность всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений, все правовые акты должны соответствовать Конституции. Подобные нормы закрепляются в конституционных текстах Российской Федерации и республик в ее составе. В связи с этим, с целью правильного воплощения в общественную практику заложенных в Конституции принципов и норм необходимо ее толкование.

Конституции республик в составе РФ, как и многие нормативные правовые акты, несмотря на свою значимость, нередко содержат неоднозначно понимаемые формулировки, допускают двусмысленные, недостаточно согласованные друг с другом положения, а также отдельные, выявляемые практикой применения пробелы. В отличие от обычных нормативных правовых актов, конституция обладает еще и высокой степенью обобщенности и лаконичности. Конституционные предписания носят общий характер, кратки и, как следствие, бывают недостаточно ясны. Это также вызывает потребность в толковании (интерпретации) содержащихся в конституционном тексте положений.

Помимо сказанного, конституционные положения конституций республик в составе РФ, содержат специфическую терминологию, особые юридические конструкции, в связи с чем полное их понимание возможно только при наличии специальных юридических знаний. К тому же, как правило, конституционная норма действует только в тесном системном взаимодействии с другими нормами, использует отсылочные нормы, что также обуславливает необходимость их интерпретации.

Цель толкования Конституции в свое время исчерпывающим образом была сформулирована Конституционным Судом РФ в его Определении от 5.11.98 №134-О «По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации». Согласно названному решению цель толкования Конституции заключается в том, чтобы, устранив неопределенность в понимании конституционных положений, обеспечить надлежащее их применение, соблюдение, исполнение и использование.

Правовую основу толкования конституций республик в составе РФ составляют Федеральный конституционный закон

«О судебной системе Российской Федерации», конституции республик и законы республик (в некоторых республиках конституционные) о конституционных судах республик и конституционном судопроизводстве.

Под толкованием (интерпретацией) в правовой науке принято понимать деятельность по установлению подлинного содержания правовых актов в целях их реализации и совершенствования. Какого-либо нормативного определения толкования на сегодняшний день нет ни в федеральном законодательстве, ни в законодательстве республик в составе Российской Федерации.

Толкование конституционных норм – сложная интеллектуальная деятельность, включающая, как известно, два самостоятельных компонента: уяснение и разъяснение. Уяснение – мыслительный процесс субъекта, интерпретирующего нормы, процесс понимания, осознания содержания норм «для себя». Разъяснение же – объяснение, доведение до всех субъектов права усвоенного содержания, истинного содержания нормы, которое хотел выразить законодатель. Уяснение – это необходимый подготовительный этап, предпосылка работы. Разъяснение же обязательно должно быть зафиксировано либо в форме официального акта, либо в форме рекомендаций, не имеющих формально обязательного характера.

Уяснение конституционно-правовой нормы осуществляется при помощи нескольких способов или приемов – грамматического, логического, систематического, историко-политического, специально-юридического, функционального. В юридической литературе отмечается, что в одних случаях предпочтительны одни способы толкования, в других – другие, т.к. для уяснения содержания конституционной нормы не всегда требуется использование всех приемов толкования в одинаковой степени.

Знание и использование разных приемов и способов толкования дает интерпретатору необходимый набор средств и аргументов для обоснования своей позиции по поводу смысла нормы права, позволяет избежать поверхностного и однобокого подхода к выяснению ее смысла. Интерпретатор в результате толкования должен адекватно и полно выявить волю законодателя, заключенную в норме права, и, в конечном счете, правильно применить ее на практике.

Принимая решения по делу, конституционные суды республик используют различные способы толкования, оценивают как буквальный смысл конституционных норм, так и смысл, придаваемый им иным толкованием или сложившейся

ся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм. В процессе толкования конституции республики устанавливается система связей, прежде всего, норм самой конституции.

Преамбула выполняет служебную роль по отношению к собственно конституции, является своего рода ключом к конституционному тексту¹. Обычно в преамбуле в концентрированной форме излагаются цели принятия конституции, условия и обстоятельства, в которых она принималась. Из преамбулы, как правило, видно, каковы приоритеты государственного и общественного развития; в нее могут быть включены ссылки на иные нормативные правовые акты, декларации, договоры. Поэтому преамбула служит идеологической опорой в толковательной деятельности.

В процессе толкования обязательно учитывается иерархия правовых норм. Поэтому все нормы Конституции должны толковаться в соответствии с закрепленными в ней основами конституционного строя. В случае выявления в процессе толкования расхождений между нормами об основах конституционного строя и иных норм верховенство должно принадлежать основам конституционного строя. Практически все республиканские конституции (в Адыгее, Алтае, Бурятии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Коми, Крым, Мордовии, Северной Осетии-Алании, Татарстане, Тыве, Удмуртии, Хакасии, Чеченской Республики, Чувашии) содержат нормы о том, что никакие положения конституции не могут противоречить основам конституционного строя республики, закрепленным в соответствующей главе конституции. Например, в соответствии со ст. 16 Конституции Республики Башкортостан никакие другие ее положения не могут противоречить основам конституционного строя Республики Башкортостан. Поэтому в актах толкования Конституции в качестве оснований толкования выступают такие основополагающие ценности Конституции Республики Башкортостан как приоритет прав и свобод человека (ст. 2), народовластие (ст. 3), разделение властей (ст. 5), конституционные и договорные отношения с Российской Федерацией и другими субъектами Российской Федерации (ст. 4), самостоятельность местного самоуправления (ст. 7), многообразие форм собственности (ст. 8), идеологическое многообразие и многопартийность (ст. 12), социальность (ст. 11), светскость (ст. 13) и т.д.

В зависимости от субъекта толкования и юридических последствий разъяснения правовых норм, в правовой науке, как известно, выделяют официальное и неофициальное толкование. Официальное толкование дается компетентными государственными органами, формулируется в специальном акте и обязательно для всех субъектов права.

Как известно, официальное толкование Конституции РФ является прерогативой исключительно Конституционного Суда РФ, который наделен этим правом согласно Конституции РФ (ч. 5 ст. 125) и Федеральному конституционному закону от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (п. 4 ч. 1 ст. 3; ст. 105-106). Данное полномочие составляет важную часть деятельности Конституционного Суда. Конституция РФ была принята референдумом, непосредственно народом, и потому ее толкование должно осуществляться особым образом – путем квалифицированной юридической экспертизы текста норм тем органом, который осуществляет судебную власть путем конституционного судопроизводства². Таким образом, федеральная конституция поддается легальному, но не аутентичному толкованию.

Толкование конституции специализированным независимым органом видится более предпочтительным, т.к., благодаря своему месту в системе государственных органов и высокопрофессиональному кадровому составу, этот орган может через интерпретацию спорных конституционных положений

осуществлять функции арбитра. Мировой опыт говорит о том, что во многих странах полномочиями по конституционному контролю и толкованию конституции наделен именно специализированный орган. Так согласно Учредительному Акту 2/1979 о Конституционном Суде Испании от 3 октября 1979 г. Конституционный Суд Испании уполномочен истолковывать Конституцию. Конституционный Суд Болгарии согласно Конституции (п. 1 ст. 149) и Закону о Конституционном Суде (п. 1 ст. 12) вправе давать обязательное толкование Конституции.

В целях недопущения возможности подмены законодателя, конституционные суды лишены права самостоятельно инициировать процесс толкования конституции, а лишь реализуют свое право на рассмотрение запроса соответствующих субъектов. Судебный орган в отличие от органов других ветвей управления не имеет материальной власти и личной заинтересованности. Он лишь на страже конституции, которая есть наиболее глубокое выражение народной воли, и если толкование осуществлено надлежащим образом, то и воля народа найдет свое воплощение в разрешении конституционных вопросов судом³.

Конституции республик в составе РФ в большинстве своем были приняты законодательными (представительными) органами, а это значит, что эти органы в любом случае обладают правом толковать принятую конституцию. Тем не менее, практически во всех этих республиках толкование конституций закреплено за соответствующими органами конституционного правосудия. Все республики, где конституционные суды созданы и действуют, закрепили полномочие по толкованию республиканской конституции именно за конституционными судами. Такое решение обусловлено несколькими факторами. Во-первых, из смысла ст. 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» следует, что для толкования республиканской конституции самой республикой может создаваться конституционный суд. Во-вторых, парламенты республик, являясь авторами конституций, как правило, наделены полномочиями на изменение конституции и внесение конституционных поправок. В целях обеспечения баланса законодательной и судебной власти видится разумным возложить толкование конституции на судебный орган, т.е. конституционный суд. В-третьих, толкование конституции должно осуществляться лицами, имеющими специфические профессиональные качества, необходимую специальную подготовку. Требования к депутатам таких качеств не предусматривают, требования же к судьям конституционных судов такие требования устанавливают.

В большинстве республик наличие конституционного суда предусмотрено текстами республиканских конституций – в Адыгее, Башкортостане, Бурятии, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Карелии, Коми, Марий Эл, Саха (Якутии), Северной Осетии (Алания), Татарстане, Тыве, Удмуртии, Хакасии, Чеченской Республике.

Конституциями республик Калмыкия, Крым, Мордовия, Чувашия создание конституционных судов не предусматривается. При этом необходимо отметить, что с 1992 по 1994 годы Конституционный суд существовал в Республике Мордовия, но был впоследствии упразднен. В Республике Бурятия деятельность Конституционного суда Бурятии была приостановлена в ноябре 2013 года до 31 декабря 2016 года по причине недостаточности финансирования этого органа.

В Удмуртии и Хакасии конституционные суды хотя и предусмотрены соответствующими конституциями, но не сформированы. С мая 2015 года в парламенте Удмуртии решается вопрос о принятии поправок в республиканскую конституцию, касающихся исключения нереализованных норм о Конституционном суде республик.

Согласно ст. 131 Конституции Республики Алтай для толкования Конституции Республики Алтай и республиканских

1 Дмитриев Ю. А. О юридическом значении преамбулы Конституции России // Государство и право. 2008. № 12. С. 35-38.

2 Конституционное право России: Учебник / под ред. Е. И. Козловой, О. Е. Кутафина. М., 2003. С. 98.

3 См. Егоров С. А. Конституционный надзор в современной политико-правовой теории США // Государство и право. 1991. № 4. С. 125.

законов может создаваться Конституционный суд Республики Алтай. На сегодняшний день Конституционный суд в республике не создан, а в соответствии со ст. 103 Конституции Алтая толкование республиканской конституции относится к ведению Государственного Собрания Республики Алтай.

Таким образом, на сегодняшний день конституционные суды республик функционируют в 13 республиках: в Адыгее, Башкортостане, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карелии, Коми, Марий Эл, Саха (Якутии), Северной Осетии (Алания), Татарстане, Тыве, Чеченской Республике. В этих республиках конституционные суды исполняют функции по толкованию соответствующих республиканских конституций, т.е. как и на федеральном уровне, толкование в республиках в основном является легальным.

Согласно конституциям республик Алтай, Крым, Мордовия, Чувашия толкование конституций находится в ведении парламента республики, а именно: толкование Конституции Алтая находится в ведении Государственного Собрания Республики Алтай, толкование Конституции Крыма находится в ведении Государственного Совета Республики Крым, толкование Конституции Мордовии относится к ведению Государственного Собрания Республики Мордовия, а толкование Конституции Чувашии относится к ведению Государственного Совета Чувашской Республики.

Учитывая, что конституции республик Алтай, Крым и Чувашия были приняты соответствующими парламентами – законодательными (представительными) органами республик, то предусмотренное толкование конституций в этих республиках следует признать аутентичным. Конституция Мордовии принималась Конституционным Собранием Республики Мордовия, состоящим из депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия, граждан, являющихся депутатами Федерального Собрания Российской Федерации, членов Правительства Республики Мордовия, депутатов районных, городских, районных в городе представительных органов местного самоуправления, глав местного самоуправления всех уровней Республики Мордовия. Конституционное Собрание, как орган, специально создаваемый только для принятия Конституции, не может осуществлять ее толкование. Поэтому толкование Конституции Мордовии было закреплено за парламентом Мордовии, вследствие чего такое толкование аутентичным не является.

Деятельность по толкованию республиканских конституций осуществляется конституционными судами постоянно, при рассмотрении практически любой категории дел. Проверка соответствия Конституции того или иного правового акта, договора или решение спора о компетенции невозможны без толкования норм Конституции. Но в этих случаях толкование не является самостоятельным действием, а осуществляется для обоснования мотивировочной части решения суда. Актами официального толкования Конституции являются лишь те, которые вынесены конституционными судами по делам, специально посвященным толкованию. Такое толкование принято называть нормативным толкованием и оно, как правило, законодательно закреплено в качестве самостоятельного полномочия конституционного суда. Реализуется нормативное толкование путем принятия в особом порядке решения о толковании конституционной нормы по запросу определенных субъектов вне связи с рассмотрением какого-либо конкретного дела.

Особая значимость официального нормативного толкования республиканской конституции обуславливает и особую процедуру принятия решений по ее толкованию. Во-первых, перечень субъектов с правом запроса о толковании конституции, как правило, уже перечня субъектов права обращения для осуществления иных категорий дел. Таким образом, инициатива по нормативному толкованию конституции принадлежит меньшему количеству субъектов. Во-вторых, решение по толкованию принимается, как правило, квалифицированным большинством судей, а не простым большинством, как по иным категориям дел. Например, в соответствии с законо-

дательством республик решение о толковании принимается большинством не менее, чем 4/5 голосов от общего числа судей в республиках Карелия и Коми, большинством не менее 2/3 голосов от общего числа судей в Татарстане и Чеченской Республике. Не менее 3 судей должны проголосовать за принятие решения по толкованию конституции в Северной Осетии (Алании), в то время как по другим делам решение принимается простым большинством голосов (состав суда от 3 до 5 судей). Не менее 4 судей должны проголосовать за принятие решения по толкованию конституции в Кабардино-Балкарии (состав суда от 4 до 6 судей). В-третьих, юридические последствия нормативного и казуального толкования разные. Если нормативное толкование уясняет и разъясняет правовое содержание конституционной нормы, ее подлинный смысл и содержание, то казуальное еще и лишает юридической силы тот или иной нормативный правовой акт. Признанные вследствие казуального толкования неконституционными акт или его отдельные положения утрачивают силу; признанные не соответствующими республиканской конституции договоры не подлежат введению в действие и применению.

Нормативное толкование шире по значению, так как, исходя из интерпретации конституционных норм, оно предупреждает появление других неконституционных нормативных правовых актов. В связи с этим нормативное толкование играет еще и превентивную роль, оно направлено на предупреждение возможного в будущем неправильного истолкования норм Конституции.

В республиках, так же, как и на федеральном уровне, количество актов нормативного толкования сравнительно немного в общей массе решений конституционных судов, а основными субъектами запросов являются законодательные органы.

В республиканских актах толкования соответствующими конституционными судами выявляется смысл и содержание конституции республики, поэтому эти акты становятся как бы частью конституционного текста и не применяются самостоятельно. Акты толкования (интерпретационные акты) действуют в единой связи с конституционными нормами и жизненно зависят от них: если норма утрачивает юридическую силу, то утрачивает свое значение и акт толкования. Решение конституционного суда о толковании не ограничено временем, может в будущем дополняться или уточняться в иных его решениях и разделяет судьбу положения конституции, на основании которого это решение было выработано⁴.

Деятельность конституционных судов республик по толкованию республиканских конституций способствует единообразному их пониманию и применению органами государственной власти и местного самоуправления, организациями, должностными лицами, гражданами и их объединениями. Решения конституционного суда о толковании конституции – это юридические акты особого рода, обладающие нормативно-интерпретационным характером, имеющие обязательную силу, посредством которых формируется единое конституционное правопонимание.

Пристайный библиографический список

1. Дмитриев Ю. А. О юридическом значении преамбулы Конституции России // Государство и право. 2008. № 12. С. 35-38.
2. Егоров С. А. Конституционный надзор в современной политико-правовой теории США // Государство и право. 1991. №4. С. 123-127.
3. Конституционное право России: Учебник / под ред. Е. И. Козловой, О. Е. Кутафина. М.: Юристъ, 2003. 478 с.
4. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 560 с.

4 Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 541.

Гарькавченко О. Ю.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

В настоящей статье автор рассматривает последствия конституционной реформы, связанной с разработкой и принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году в призме гарантий непосредственного участия населения в местном самоуправлении.

Ключевые слова: Конституция, местное самоуправление, МСУ, реформа, непосредственная демократия, Россия, РФ.

Garkavchenko O. Yu.

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE DIRECT PARTICIPATION OF POPULATION IN THE LOCAL GOVERNMENT

In the present article author considers consequences of the constitutional reform connected with development and adoption of the Constitution of the Russian Federation in the 1993 in the prism of guarantees of direct participation of the population in the local government.

Keywords: Constitution, local government, MSU, reform, direct democracy, Russia, Russian Federation.

Одним из ключевых элементов конституционной реформы, связанной с разработкой и принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году, являлось принципиальное решение вопросов, связанных с выбором концепции правового регулирования местного самоуправления. В числе этих вопросов первостепенное значение имел факт закрепления самостоятельности местного самоуправления в Конституции Российской Федерации, статья 12 которой гласит, что «в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти»¹. Видится особенно важным, что указанная норма закреплена в разделе первом «Основные положения», главе 1 «Основы конституционного строя» в числе одной из первых статей.

Общий подход к структурированию публичной власти закреплён в части 2 статьи 3 Конституции Российской Федерации, в нём определено, что «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». С учётом того, что в части 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации определено, что Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления, предусмотрено существование уровней государственной власти и местного самоуправления. Единство публичной власти обеспечивается тем, что в соответствии с частью 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ».

Известно, что при доработке проекта Конституции Российской Федерации перед её вынесением на всенародное голосование разворачивались серьёзные дискуссии относительно природы местного самоуправления, гарантий его самостоятельности во взаимоотношениях с органами государственной власти. Так, при работе Конституционного совещания² представителями органов местного самоуправления, по сути, ставились вопросы о формировании местного

самоуправления как самостоятельного уровня власти, однако «практики доказывали, что местное самоуправление – наименее защищённый уровень управления как со стороны федеральных властей, так и со стороны субъектов Российской Федерации. Поэтому гарантии местного самоуправления должны быть прописаны особенно тщательно»³. Усилия разработчиков проекта Конституции Российской Федерации привели к тому, что в главе 1 «Основы конституционного строя» появилась статья 12.

Указанное положение Конституции Российской Федерации явилось одним из основных положений, гарантирующих самостоятельность местного самоуправления и во многом содержательно определившим последующее развитие законодательства о местном самоуправлении. Однозначность формулировки статьи 12 Конституции Российской Федерации принципиально противодействовала иницировавшимся попыткам «встраивания» местного самоуправления в систему государственной власти. Принципы, изложенные в статье 12 Конституции Российской Федерации, получили свою конкретизацию в главе 8 «Местное самоуправление» в статьях 130–133.

В научной литературе отмечается, что «Конституция РФ регулирует местное самоуправление довольно подробно – подробнее, чем конституции многих других федеративных государств, в которых статус местного самоуправления определяется либо несколькими общими нормами (Франция), либо не определяется вообще, составляя предмет регулирования конституций или других статутных актов субъектов Федерации (США)»⁴. В то же время данное регулирование в целом носит общий характер, если его сравнивать с некоторыми положениями, касающимися организации местной власти, содержащимися в ранее действовавшей Конституции. Конкретных вопросов организации местного самоуправления регулируются федеральным законодательством, законодательством субъекта Федерации, что закреплено в пункте «н» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «в совместном ведении Российской

1 Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

2 Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М.: Юридическая литература, 1995. В 2 т. Т. 15, С. 9; Т. 16. С. 10.

3 Васильев В.И. Местное самоуправление. Учебное и научно-практическое пособие. М., 1999. С. 100.

4 Концепции развития российского законодательства / Под редакцией Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. С. 155.

Федерации и субъектов Российской Федерации находятся ... установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления», что предопределяет структуру законодательного регулирования местного самоуправления.

Наиболее важные, обеспечивающие реализацию конституционной сущности местного самоуправления, решения в сфере организации и функционирования местного самоуправления определяются федеральным законодателем. На основе федерального законодательства субъекты Федерации принимают свои законы.

Роль форм непосредственной демократии, применительно к местному самоуправлению определена в части 2 статьи 130 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Не случайным является то обстоятельство, что в формулировке рассматриваемой конституционной нормы местный референдум стоит на первом месте, а выборы на втором месте. Это связано с тем, что именно выборы и референдум в наибольшей степени способны обеспечить участие населения в решении вопросов местного значения. Кроме того выборы являются необходимым институтом для организации полноценного независимого местного самоуправления, поскольку без них невозможно формирование подотчетных и подконтрольных населению органов местного самоуправления.

В части 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации определены территориальные аспекты – «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций». В качестве первичной территориальной единицы, на которых осуществляется местное самоуправление, был определен город, а в природу статьи положен поселенческий принцип. Признание иных территорий в качестве единиц местного самоуправления зависит от трактовки словосочетания «учет исторических и иных местных традиций».

В. И. Васильев отмечает, что последующее развитие законодательства продемонстрировало, что диапазон этих трактовок был весьма широким, особенно в первоначальный период после принятия Конституции Российской Федерации⁵. Н.С. Бондарь подчеркивает, что «следует обратить внимание на то обстоятельство, что использованное в статье 131 Конституции Российской Федерации в контексте местного самоуправления понятие «территории» не совпадает с понятием «поселения». Первое является по своему содержанию более широким: «другие территории» могут означать и не названные Конституцией, иными законодательными актами разновидности поселений и отдельные части поселения, не являющихся самостоятельными поселениями (микрорайоны, жилые массивы в пределах городского поселения и т.п.), но претендующие на формирование в своих границах самостоятельного муниципального образования. В то же время речь может идти о территориях, объединяющих несколько населенных пунктов (район, уезд, волость и т.п.). ... Таким образом, пространственной сферой местного самоуправления могут выступать территории, которые не

совпадают с границами отдельных поселений»⁶. Очевидно, что характер взаимосвязи граждан, осуществляющих местное самоуправление, с соответствующей территорией является одним из ключевых вопросов структурирования муниципальной власти.

Следует также обратить внимание на немаловажное продолжение данной конституционной нормы, в которой определено, что «структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно», однако Н. С. Бондарь отмечает, что «в настоящее время вопросы территориальной организации местного самоуправления получили подробную регламентацию на федеральном уровне. Закон о местном самоуправлении уже во вводных положениях содержит указания на то, что одна из главных его концептуальных основ – изменение территориальной организации местного самоуправления. При этом основной его новеллой стало введение обязательной для всех субъектов РФ двухуровневой системы муниципальных образований»⁷. «Не получила развития в законодательстве и категория "местное сообщество", что связано с возможностью того, что далеко не каждый житель муниципального образования может стать членом местного сообщества»⁸ – отмечает С. А. Авакьян.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: вопросы реализации // Материалы научно-практической конференции 25 апреля 1996 г. М., 1996. С. 10.
2. Васильев В. И. Местное самоуправление. Учебное и научно-практическое пособие. М., 1999. С. 109-110.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина. М.: Эксмо, 2013. С. 1015.
4. Концепции развития российского законодательства / Под редакцией Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. С. 155.

5 Васильев В. И. Местное самоуправление. Учебное и научно-практическое пособие. М., 1999. С. 109-110.

6 Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Эксмо, 2013. С. 1015.

7 Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Эксмо, 2013. С. 1001.

8 Авакьян С.А. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: вопросы реализации // Материалы научно-практической конференции 25 апреля 1996 г. М., 1996. С. 10.

Климова Д. В.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются некоторые вопросы предоставления, реализации и обеспечения права на охрану здоровья, в том числе предоставление медицинской помощи лицам, находящимся в учреждениях пенитенциарной системы. Проводится анализ официальных статистических данных, опубликованных Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации, а также нормативно-правовой базы, которая регулирует указанную проблематику, предлагаются пути разрешения проблем, связанных с реализацией конституционного права на охрану здоровья осужденных к лишению свободы.

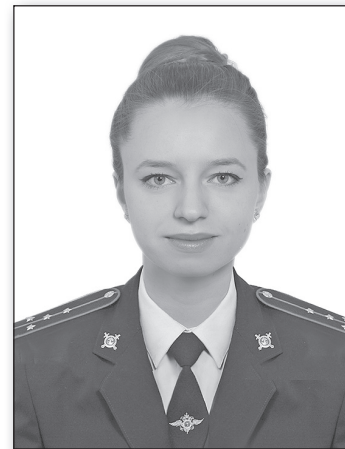
Ключевые слова: конституционные права человека и гражданина, медицинское обеспечение, международные стандарты прав заключенных, пенитенциарная система, медицинская помощь.

Klimova D. V.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT FOR HEALTH CARE OF THE CONVICTED TO IMPRISONMENT

This article highlights some issues of provision, realization and implementation of the right to health care, including the provision of medical care to persons, placed in the penitentiary system institutions. The analysis of official statistics published by the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, as well as of the normative-legal framework that regulates the aforesaid problems is made. The ways to solve the problems associated with the constitutional law implementation to protect the convicted deprived of freedom are suggested.

Keywords: constitutional rights of the person and citizen, medical provision, international standards of prisoners' rights, the penitentiary system, medical aid.

Климова Д. В.

Реализация конституционного права на охрану здоровья и защита интересов лиц, осужденных к лишению свободы, являются одними из важнейших функций государства. Каждый человек имеет природное неотъемлемое право на охрану здоровья, и это право является одним из приоритетных в системе конституционных прав граждан. Основным Законом Российской Федерации задекларировано, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений¹. Лица, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, имеют такое же право на надлежащую медицинскую помощь и лечение, как и все граждане. Вместе с тем порядок реализации этого права существенно отличается, так как указанные лица не могут свободно им пользоваться.

Цель исследования состоит в анализе комплекса нормативных правовых актов, которые регулируют конституционное право на охрану здоровья осужденных к лишению свободы, и проблем, которые возникают при его реализации.

Существует значительное количество публикаций, которые непосредственно касаются конституционных прав осужденных к лишению свободы. Различные аспекты реализации и гарантирования прав и свобод человека и гражданина, в том числе такой категории лиц, как заключенные под стражу, достаточно полно раскрыты в работах таких авторов, как М. В. Баглай, О. И. Бажанов, В. Н. Брызгалов, Н. В. Витрук, А. Б.

Венгеров, М. Н. Гернета, А. В. Датий, М. А. Ефимов, А. Э. Жалинский, Е. И. Козлова, С. А. Комаров, Л. Г. Крахмальник, О. Е. Кутафин, Г. Л. Минаков, А. С. Михлин, А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, В. И. Селиверстов, Б. З. Эбзеев и др. Безусловно, работы вышеуказанных авторов имеют важное теоретическое и практическое значение. Констатируя определенные достижения в исследовании этих вопросов, нельзя не признать, что в целом их теоретическая разработка должна быть продолжена.

Федеральный закон Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепил охрану здоровья граждан как систему мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи².

Однако проведенное исследование позволяет утверждать, что реализация конституционного права на здоровье и его охрану лицами, осужденными к лишению свободы, имеет определенные преграды. Это связано с состоянием социально-экономического развития и финансовых возможностей государства, что обуславливает поиск эффективных правовых путей обеспечения его гарантий. Одной из главных гарантий

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – Ст. 41 [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 15.08.2015 г).

2 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 23 нояб. – С. 18–19. – Ст. 2.

является законодательное закрепление форм реализации и ответственности за нарушение конституционных прав³.

Общие положения медико-санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы предусмотрены Уголовно-исполнительным кодексом, а именно: осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения. Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и законодательством Российской Федерации. В уголовно-исполнительной системе для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, – лечебные исправительные учреждения. Администрация исправительных учреждений несет ответственность за выполнение установленных санитарно-гигиенических и противозидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных⁴.

В Приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» определено, что предоставляемая медицинская помощь оказывается в объемах, предусмотренных программой государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи⁵. Анализируя указанную норму, можно сделать вывод, что она, по сути, предусматривает определенное ограничение объемов медицинской помощи осужденным.

Осужденные также могут получать дополнительную лечебно-профилактическую помощь, оплачиваемую за счет собственных средств. Такие медицинские услуги предоставляются специалистами лечебно-профилактических учреждений государственной или муниципальной систем здравоохранения в медицинской части исправительного учреждения, в условиях лечебно-профилактических учреждений или лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. В исключительных случаях, когда невозможно предоставить необходимую медицинскую услугу в указанных условиях, она может быть выполнена в соответствующем учреждении здравоохранения⁶. Указанное положение является достаточно

прогрессивным, вместе с тем тяжело реализуется на практике, учитывая соответствующие требования режима, что фактически лишает осужденного такого права в полном объеме. Однако, несмотря на предпринимаемые попытки на законодательном уровне максимально обеспечить надлежащее обеспечение права на охрану здоровья осужденных, статистика остается неутешительной. Так, показатель первичной заболеваемости лиц, содержащихся в УИС, в 2014 г. снизился на 7,2 %, при этом общая заболеваемость снизилась на 0,6 %. Показатель смертности в учреждениях УИС снизился всего на 1 %⁷. Это приводит к необходимости решения многих проблем.

В настоящее время идет активный процесс реформирования системы органов исполнительной власти, продолжается становление правовых институтов государства, гуманизация общественных отношений в системе «государство – осужденные». Одним из главных принципов оказания медицинской помощи является ее доступность и, исходя из этого, считаем, что «тюремная» медицина должна быть на более высоком уровне. Для достижения этой цели в 2010 г. была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, в которую заложены гарантии соблюдения прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в том числе в части их медицинского обслуживания. В основу Концепции положены требования международных стандартов по обращению с заключенными. В особенности, положения Европейских пенитенциарных правил, рекомендованных Комитетом министров Совета Европы, и Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых Организацией Объединенных Наций.

Так, в соответствии с Европейскими пенитенциарными правилами каждое пенитенциарное учреждение должно обслуживаться хотя бы одним врачом общей практики. Организация медицинского обслуживания должна осуществляться в тесном контакте с администрацией местной или национальной службы здравоохранения. Оно должно включать психиатрическую службу, обеспечивающую диагностику и, если необходимо, лечение психических расстройств. Заключенные, нуждающиеся в специализированной медицинской помощи, переводятся в специализированные учреждения или общегражданские больницы. В тех случаях, когда в месте лишения свободы имеется стационар, он должен быть оснащен оборудованием и фармацевтическими средствами, позволяющими обеспечить должную заботу и лечение больным заключенным, а соответствующий персонал должен обладать достаточной профессиональной подготовкой⁸.

Концепция предполагает развитие медицинской службы уголовно-исполнительной системы в соответствии с основными концептуальными направлениями совершенствования системы здравоохранения Российской Федерации; участие в реализации федеральных целевых программ, приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения; обеспечение гарантированного объема бесплатной медицинской помощи на основе его рационального распределения между учреждениями (подразделениями) здравоохранения уголовно-исполнительной системы и учреждениями государственной си-

cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=86575 (дата обращения: 15.08.2015 г.).

3 Гошуляк В. В. Состояние и задачи реализации, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (ответы ученых) / В. В. Гошуляк, Г. Б. Романовский, Г. В. Синцов // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 30–32.

4 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.). – Ст. 101 [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/uikrf/> (дата обращения: 21.08.2015 г.).

5 О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2005 г. № 640/190 [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. – Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/part/452897> (дата обращения: 21.08.2015 г.).

6 Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 205 [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>

7 Подведены итоги деятельности управления организации медико-санитарного обеспечения ФСИН России в 2014 году и постановке задач на 2015 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСИН РФ. – Режим доступа: www.fsin.su/structure/medicine/ (дата обращения: 15.08.2015 г.).

8 Европейские пенитенциарные правила: Рекомендация № Rec (2006) Комитета Министров Совета Европы от 11 января 2006 года. [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 15.08.2015 г.).

стемы здравоохранения исходя их принципов ее доступности и качества⁹.

Анализируя требования международных стандартов, стоит отметить, что в целом национальное законодательство в сфере охраны здоровья заключенных не противоречит им, вместе с тем реализация этого конституционного права должна быть организована более доступно в целях дальнейшей реабилитации заключенных и в помощь медицинским службам пенитенциарной системы.

Для решения этой важнейшей задачи считаем необходимым обеспечить надлежащее финансирование для совершенствования и укрепления материально-технической базы лечебных исправительных учреждений, медицинских частей, лечебно-профилактических учреждений; оснащение их современным оборудованием; улучшение лекарственного обеспечения осужденных; дальнейшее принятие необходимых нормативных правовых актов, регулирующих вопросы взаимодействия учреждений здравоохранения уголовно-исполнительной системы с муниципальной системой здравоохранения; поддержание и обеспечение профессионализма сотрудников пенитенциарного здравоохранения; в дальнейшем реализовывать новые подходы в реформировании пенитенциарной системы путем создания условий для исправления, ресоциализации и адаптации осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений, приближения условий содержания осужденных к соответствующим международным стандартам.

Пристатейный библиографический список

1. Европейские пенитенциарные правила: Рекомендация № Рес (2006) Комитета Министров Совета Европы от 11 января 2006 года [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875>.
2. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 году [Электронный ресурс] // Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875>.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 08 января 1997 г. №1-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.). [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/uikrf/>.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 23 нояб.
6. О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу: приказ Министерства здравоохранения и Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2005 г. №640/190. [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. – Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/part/452897>.
7. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 205 [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=86575>.
8. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р. [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/03/08/penitenciariya-site-dok.html>.
9. Подведены итоги деятельности управления организации медико-санитарного обеспечения ФСИН России в 2014 году и постановке задач на 2015 год. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСИН РФ. – Режим доступа: www.fsin.su/structure/medicine/.
10. Гошуляк В. В. Состояние и задачи реализации, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (ответы ученых) / В. В. Гошуляк, Г. Б. Романовский, Г. В. Синцов // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1.

Российский университет дружбы народов
Кафедра международного права
XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

April 11, 2015 Moscow

Peoples' Friendship University of Russia
Department of International Law
International Congress commemorating
Professor I. Blischenko

Лукоянов Д. Н.

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена исследованию нового для российской правовой системы юридического свойства Конституции Российской Федерации – стабильности. Долгие годы глава государства четко придерживался позиции неизменности и стабильности Конституции Российской Федерации, однако, начиная с 2008 года, было внесено несколько поправок в основной закон государства. Автором проводится анализ внесенных в Конституцию Российской Федерации поправок, отмечается их недостаточное научное обоснование, изложенное в пояснительных записках к законопроектам. Проводится анализ мнений конституционалистов относительно признака стабильности конституции, как правового явления. Итогом проведенного исследования стал вывод о целесообразности использования юридического свойства стабильности основного закона, которое применимо к Конституции Российской Федерации. Затронутые в статье вопросы представляют научный и практический интерес.

Ключевые слова: конституция, поправки к конституции, юридические свойства конституции, стабильность, пояснительная записка.

Лукоянов Д. Н.

Lukoyanov D. N.

THE STABILITY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR OF STABILIZATION OF THE LEGAL SYSTEM

The article is devoted to the study of a new for the Russian legal system the legal properties of the Constitution of the Russian Federation is stability. For many years the head of the state clearly maintained the immutability and stability of the Russian Constitution, however, since 2008, there have been several amendments to the basic law of the state. The author of the analysis made to the Constitution of the Russian Federation amendments, their insufficient scientific justification outlined in the explanatory notes to bills. The analysis of the views of the constitutionalists regarding the sign of stability of the Constitution, as a legal phenomenon. The result of this research was the conclusion about expediency of use of legal stability properties of the basic law, which is applicable to the Constitution of the Russian Federation. The article covered the issues are of scientific and practical interest. Keywords: Constitution; constitutional amendments; legal properties of the Constitution; stability; explanatory note.

Key words: the Constitution; constitutional amendments; legal properties of the Constitution; stability; explanatory note.

Конституция – самое большое достижение всего постсоветского развития, основа стабильности и динамизма России

В. Д. Зорькин

Любое государство, стремящееся обеспечить стабильность экономического, социального, культурного и нравственного развития, заинтересовано в неизменности своей конституции. Не является исключением и наше государство. Конституция РФ¹ выступает фактором стабилизации не только политической, но и иных сфер жизни общества. В этой связи является неслучайным появление нового, не выделяемого ранее, юридического свойства (признака) основного закона государства – стабильности. При этом стоит отметить, что данному признаку в настоящее время в научной литературе² уделяется особое внимание, что связано как с тем, что стабильность конституции в качестве юридических свойств стала вы-

деляться недавно³, так и с тем, что в сама Конституция РФ не упоминает о стабильности (в отличие, к примеру, от таких юридических свойств, как высшая юридическая сила, прямое действие и другие).

В научной литературе стабильность, как свойство правовых явлений, трактуется по-разному, что обусловлено различиями в подходах к данной категории.

С.Ф. Литвинова проводит широкий анализ представлений о категории «стабильность» применительно к правовым явлениям, отмечая, что она употребляется в следующих значениях: возможность общественного правосознания усвоить основные правовые предписания; предсказуемость изменения права; отсутствие частых, поспешных изменений; определенность; традиционный характер; хорошая известность для населения; измеримость и предсказуемость государственной хозяйственной деятельности; порождение чувства безопасности у субъектов; и т.д. Автор приходит к выводу, что стабильность правовых явлений – положительное свойство, основанное на их однозначном толковании субъектами права, вытекающем из научно обоснованной и обнародованной доктрины государственной правовой политики, фундаментом которой являются социальные ценности общества. При этом справедливо отмечается, что термин «стабильность» не означает простую неизменность конституции как нормативного правового акта. Изменения общественных отношений могут потребовать пе-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2 Бондарь Н.С. Конституция России: стабильность и (или?) динамизм // Юридический мир. – 2013. – № 12. – С. 10 – 20; Литвинова С.Ф. Оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. через категорию «стабильность» // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 13-15; Фадеев В.И. Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности // Lex russica. – 2013. – № 12. – С. 1292 – 1306; и другие.

3 Можно говорить о том, что конституционное развитие отечественной правовой системы создало предпосылки для проявления данного свойства, заложенного в Конституции РФ.

риодического приведения конституционных предписаний в соответствие с происходящими изменениями, когда такие изменения затрагивают основы конституционного строя⁴.

Авторы монографии, посвященной Конституции РФ, справедливо отмечают, что «стабильность – в целом неотъемлемое качество права, которое характеризует устойчивую эффективность системы регулирования общественных отношений. Закон, тем более Основной Закон, не должен быть подвержен быстрым и многочисленным изменениям. Это подрывает авторитет права, снижает его потенциал»⁵.

Следует поддержать Н.А. Михалева в том, что стабильность проявляется в сохранении высокой степени устойчивости конституционных норм, постоянном целенаправленном воздействии на общественные отношения, составляющие объект конституционного регулирования, на правосознание граждан⁶. Поэтому неверно полагать, что стабильность конституции будет нарушаться с внесением в нее поправок, в том числе даже крупных. В тоже время излишне частая смена конституций, их основных положений, если это вызвано не объективными условиями, а субъективными факторами, влияет на конституционную стабильность. Не случайно недолговечность конституций многих государств Латинской Америки, Азии, Африки была связана с тем, что приходящие к власти новые правительства (нередко после военных переворотов) пытались укрепить свое положение посредством принятия новых конституций⁷.

Сказанное позволяет заметить, что нельзя сводить стабильность Конституции РФ только к неизменности ее текста, а также важно учитывать характер вносимых изменений.

Конституция РФ с момента ее принятия и на протяжении 15 лет была неизменна, если не брать во внимание вносимые в ст. 65 Конституции РФ изменения, касающиеся количества и наименований субъектов Российской Федерации. До декабря 2008 года отечественной правовой системе не было известно, каким образом будет выглядеть закон о поправках к Конституции РФ.

В настоящее время можно говорить о четырех поправках, которые были внесены в Конституцию РФ. Президент РФ неоднократно высказывал свою критическую позицию относительно возможных изменений Конституции РФ, указывая на отсутствие реальных правовых оснований. Так, в Послании Президента РФ 1999 года отмечалось, что анализ предлагаемых изменений основного закона государства свидетельствует, что они носят не столько правовой, сколько политический характер⁸. Данной позиция была характерна и в по-

следующие годы. Поэтому в свете внесенных в последние годы поправок, учитывая, что долгое время глава государства неоднократно публично высказывал свое мнение о неизменности и стабильности Конституции РФ, возникает вполне логичный вопрос даже не о том, какие именно были внесены изменения, их содержательная составляющая, а о том, чем это было обусловлено, каково научное обоснование необходимости внесения изменений в основной закон государства. Представляется, что за предшествующие годы конституционного развития не приходится говорить о «старении» Конституции РФ или о проблемах невозможности реализации её положений. Наоборот, видится перспектива основного закона страны на ближайшие годы и есть убежденность в необходимости максимального использования потенциала нашей Конституции.

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться, пожалуй, к единственному содержательному документу, «сопровождающему» законопроект – пояснительной записке. Регламент Государственной Думы определяет, что она содержит предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, а также мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта⁹. Однако и тут дела обстоят не так, как этого бы хотелось. К сожалению, зачастую пояснительные записки большей частью являются формальностью, подход к их составлению не преследует главную цель – научное (теоретическое) обоснование необходимости и целесообразности предлагаемых изменений. Пояснительная записка к законопроекту в большинстве случаев не дает возможности получить действительный смысл изменений, так как теоретическое обоснование как таковое отсутствует либо сформулировано обобщенно. Следует полагать, что это не способствует легитимации принимаемых изменений и является поводом для сомнений в их действительной необходимости. Такая ситуация позволяет говорить о «политизированности» некоторых положений конституционного законодательства.

Остановимся на характеристике изменений, которые были внесены в Конституцию РФ за годы ее существования.

Первые законы о поправках к Конституции РФ были приняты 30 декабря 2008 года¹⁰. Данными изменениями были увеличены сроки полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также расширены контрольные полномочия Государственной Думы в отношении Правительства РФ.

Увеличение срока полномочий Президента РФ и Государственной Думы обосновывалось тем, что это позволит более эффективно избранным органам реализовать свои идеи в течение одного срока полномочий. Тем самым повышается ответственность главы государства и парламента перед гражданами и обществом за результаты своей деятельности. При

4 Литвинова С.Ф. Оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. через категорию «стабильность» // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 13 – 15.

5 Андриченко Л.В., Боголюбов С.А., Васильев В.И. и др. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография (под ред. Т.Я. Хабриевой). – М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», ИД «Юриспруденция», 2013.

6 Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). – М.: ЮРКОМПАНИ, 2010.

7 Андриченко Л.В., Боголюбов С.А., Васильев В.И. и др. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография (под ред. Т.Я. Хабриевой). – М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», ИД «Юриспруденция», 2013.

8 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направ-

лениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. – 1999. – № 60.

9 Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 16.06.2015) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.

10 Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 1; Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 2.

этом изменение сроков полномочий данных органов было направлено на избежание ситуации, когда бы выборы происходили в рамках одного календарного года, чтобы не было смены всей федеральной власти в течение одного года.

Законом о поправках к Конституции РФ, предусматривающем новые контрольные полномочия Государственной Думы в отношении Правительства РФ, закреплена обязанность Правительства РФ представлять Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой. При этом данные изменения обусловлены повышением в государственной и общественной жизни страны роли демократических институтов, важнейшим из которых является российский парламент.

Стоит отметить, что данные преобразования при всей их значимости не повлияли на изменение существующей системы государственных органов. В этой связи данные изменения Конституции РФ не являются столь существенными для организации и взаимодействия системы органов государственной власти, не меняют соотношение сил в государственном аппарате.

Более значительными стали изменения, внесенные поправкой к Конституции РФ, принятой 5 февраля 2014 года¹¹. Они коснулись уточнения предметов ведения Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ), изменения высших звеньев судебной системы путем упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ, а также порядка формирования органов прокуратуры (ст. 129 Конституции РФ). Создание объединенного Верховного Суда РФ было направлено на укрепление единства судебной системы, чему будет способствовать, по мнению законодателя, единый высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным делам, по разрешению экономических споров и по иным делам, подсудным судам.

В научной литературе отмечается, что одной из главных причин создания единого Верховного Суда РФ является то обстоятельство, что судебная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов, применяющих при рассмотрении дел одни и те же законодательные нормы, может порой кардинально различаться¹², что негативно сказывается на складывающейся судебной практике, на обеспечении защиты прав и интересов физических и юридических лиц, а также не способствует повышению авторитета судебной власти. В этой связи анализируемые изменения направлены на обеспечение единства подходов при отправлении правосудия как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц, исключении возможности отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела, установления общих правил организации судопроизводства, создания единообразия в судебной практике¹³.

Оценивая характер данных преобразований, стоит отметить, что они носят существенный характер, так как направлены на изменение конституционных основ судебной власти и структуры судебной системы.

Последними из изменений, которые были внесены в Конституцию РФ, стали изменения положений ст. 83 и новая редакция ст. 95 Конституции РФ¹⁴. Данные преобразования не получили столь широкого обсуждения среди общественности, однако при этом имеют не менее важное значение, так как касаются формирования Федерального Собрания РФ.

Обращаясь к тексту пояснительной записки, следует, что предложенные поправки направлены на достижение целей совершенствования принципов формирования верхней палаты российского парламента. Предусматривается расширить представительство в Совете Федерации, включив в состав палаты представителей Российской Федерации. Реализация данного предложения создаст дополнительные условия для достижения баланса полномочий и законных интересов Российской Федерации и ее субъектов, что является одной из основных целей деятельности Совета Федерации как конституционного органа Российской Федерации, призванного отражать ее федеративное государственное устройство.

Проведенный анализ позволяет отметить, что, несмотря на указанные изменения, в целом можно говорить о реализации свойства стабильности Конституция РФ.

Н.С. Бондарь справедливо отмечает, что значимым является способность конституции «быть восприимчивой к конкретно-историческим, социокультурным условиям и соответственно возможность всегда, в разные времена по-современному быть прочитанной, понятой и воспринятой современниками как акт своей, а не прошлой эпохи. Гениальность Конституции не в неизменности смысла, который она имела в мире, ныне ушедшем в далекое прошлое, но в способности ее основных принципов приспособляться к текущим проблемам и нуждам»¹⁵.

Говоря о стабильности конституции, важно учитывать не простую неизменность текста нормативного правового акта, а именно характер общественных отношений, которые регулируются основным законом, приводятся в определенный порядок. Вполне очевидно, что не все изменения конституции обусловлены объективными изменениями общественных отношений. В такой ситуации изменение текста основного закона не свидетельствует о нестабильности конституции.

Действующие механизмы охраны Конституции РФ направлены на обеспечение ее стабильности. Стабильности Конституции РФ как нормативного правового акта способствуют следующие факторы: наличие в их тексте более общих, гибко применяемых положений¹⁶; установление запрета изменения отдельных положений, усложненная (жесткая) процедура внесения поправок и пересмотра Конституции, создание системы мониторинга Конституции РФ¹⁷.

Таким образом, анализ положений Конституции РФ свидетельствует о том, что стабильность является ее неотъем-

11 Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.

12 Лейба А. Лучше меньше, да лучше! // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 13. – С. 8.

13 Фоков А.П. О поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российский судья. – 2013. – № 11. – С. 3.

14 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4202.

15 Бондарь Н.С. Конституция России: стабильность и (или?) динамизм // Юридический мир. – 2013. – № 12. – С. 12.

16 Интересно отметить, что целый ряд преобразований в системе государственного управления происходил без необходимости изменения положений Конституции РФ (тип избирательной системы при проведении выборов депутатов Государственной Думы, порядок формирования Совета Федерации, порядок избрания (назначения) глав субъектов РФ и другие).

17 Литвинова С.Ф. Оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. через категорию «стабильность» // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 15.

лемым юридическим свойством (признаком), которое имеет очень важное значение и направлено на упорочение основополагающих положений основного закона, «цементирование» ключевых норм, принципов и общей предсказуемости правовой действительности.

Пристатейный библиографический список

1. Андриченко Л.В., Боголюбов С.А., Васильев В.И. и др. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография (под ред. Т.Я. Хабриевой). – М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», ИД «Юриспруденция», 2013.
2. Бондарь Н.С. Конституция России: стабильность и (или?) динамизм // Юридический мир. – 2013. – № 12. – С. 10 – 20.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.
4. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 2.
5. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4202.
6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 1.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
8. Лейба А. Лучше меньше, да лучше! // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 13. – С. 8.
9. Литвинова С.Ф. Оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. через категорию «стабильность» // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 13-15.
10. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). – М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. – 366 с.
11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. – 1999. – № 60.
12. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 16.06.2015) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.
13. Фадеев В.И. Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности // Lex russica. – 2013. – № 12. – С. 1292 – 1306.
14. Фоков А.П. О поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российский судья. – 2013. – № 11. – С. 2 – 6.

Русанова С. Ю.

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОТЗЫВА ДЕПУТАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМУ ИНСТИТУТОВ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

В статье анализируется отечественный и зарубежный опыт применения отзыва депутата на муниципальном уровне, а также действующее федеральное и региональное законодательство в исследуемой сфере. Автор проводит анализ существующих пробелов в реализации механизма отзыва депутата, характеризует основные препятствия, усложняющие или делающие невозможным применения исследуемой меры конституционно-правовой ответственности.

Ключевые слова: выборное должностное лицо, депутат, мандат депутата, муниципальная власть, ответственность, отзыв, Республика Крым.

Rusanova S. Yu.

IMPLEMENTATION PROBLEMS OF RECALL OF THE REPRESENTATIVE ORGAN DEPUTY OF MUNICIPAL INSTITUTION IN THE SYSTEM OF IMMEDIATE DEMOCRACY IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

In the article the author analyzes the domestic and foreign experience of deputy recall at the municipal level, and also gives analysis to present federal and regional legislation on the theme under research area. The author analyzes the gaps in the realization of the mechanism of deputy recall, characterizes the main obstacles, which complicate or make it unable the use of the studied measure of the constitutional-legal responsibility.

Keywords: elected official, deputy, mandate of the deputy, municipal authority, responsibility, recall, Republic of Crimea.

Русанова С. Ю.

Основываясь на ч. 2 ст. 2 Конституции Российской Федерации Конституция Республики Крым закрепила единственным источником власти в Республике Крым её народ, как часть многонационального народа Российской Федерации¹. Высшим непосредственным выражением власти народа в Республике Крым являются референдум и свободные выборы. Однако понятие непосредственной демократии не ограничивается только институтами выборов и референдума. Действующее законодательство Российской Федерации, законодательство Республики Крым, а также нормативно-правовые акты органов местного самоуправления значительно расширяют перечень институтов непосредственной демократии, относя к ним: голосование по отзыву депутата, правотворческую инициативу граждан, публичные слушания, собрание граждан и другие формы, не противоречащие Конституции Российской Федерации, федеральным законам, Конституции Республики Крым и закону Республики Крым². Закрепление на законодательном уровне возможности отзыва избирателями депутата муниципального совета является законодательной новеллой для Республики Крым. До присоединения Крыма в состав Российской Федерации возможность отзыва депутата лишь иногда закреплялась в уставах муниципальных образований, притом механизм реализации данного права – полностью отсутствовал. Введение данного института непосредственной демократии обусловлено не только законодательной возможностью, но и прямой рекомендацией Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 2 апреля 2002 г. № 7 установил, что отзыв депутата муниципального совета является одной из форм демократии. Самостоятельность муниципального образования в установлении института отзыва заключается в возможности закрепления непосредственно в уставе процедуры отзыва либо отсылки к регулируемому ее закону субъекта РФ³.

Проблема отзыва депутата, а также выборного должностного лица не раз становилась объектом научного поиска от-

ечественных учёных, исследователей, практикующих юристов, среди них: Л. А. Нудненко, В. Н. Витрук, Е. А. Лукьянова, Л. Г. Васькова, Н. А. Петрова, А. Карасёв, О. В. Крупочкин, М. В. Масааковская, Г. М. Муртазина, Л. Г. Берлявский, А. В. Кузько и другие.

В зарубежной практике отзыв депутата местного самоуправления широко применяется как вид муниципально-правовой ответственности за отклоняющееся поведение выборных лиц местного самоуправления. Большинство штатов США предусматривают отзыв выборных должностных лиц⁴. Широкое применение отзыв выборных должностных лиц местного самоуправления нашёл в законодательстве Японии, Кубы, КНР, где на местном уровне развиты демократические институты управления. В ряде зарубежных стран даже косвенные выборы и пропорциональная избирательная система не рассматриваются в качестве препятствий для осуществления отзыва (например, в Швейцарии право отзыва вполне согласуется с избранием депутатов по избирательной системе пропорционального представительства). Одновременно в мировой практике также сохраняется возможность отзыва депутата представительным органом по инициативе избирателей⁵. Однако стоит отметить, что в ряде демократических стран институт отзыва выборных лиц местного самоуправления полностью отсутствует, либо находится под запретом. Считается, что депутат «должен следовать исключительно велениям своего разума и своей совести», он «не должен поддаваться под возможное влияние каких-либо наставлений своих избирателей»⁶.

На современном этапе институт отзыва депутата закреплён в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Статья 71 названного закона устанавливает, что население муниципального образования вправе отозвать депутатов, членов выборных органов местного са-

1 Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 г.

2 Устав муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым: решение Симферопольского гор. Совета от 13 ноября 2014 № 61.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П // СЗ РФ. – 2002. – № 14. – Ст. 1374.

4 Конституционное (государственное право) зарубежных стран: в 4 т. Т. 1-2. Часть общая / отв. ред. Б. А. Страшун. – М.: БЕК, 2000. – С. 365.

5 Варлен М. В. Статус парламентария: теоретические проблемы: монография. – М.: «Проспект», 2011 г. – С. 46.

6 Прело М. Конституционное право Франции. – М.: Изд. иностранной литературы, 1957. – С. 453.

моуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления в соответствии с настоящим Федеральным законом⁷. Под отзывом выборного лица местного самоуправления следует понимать предусмотренный действующим законодательством вид конституционно-правовой ответственности выборного лица местного самоуправления перед избирателями за невыполнение своих должностных обязанностей, выражающийся в возможности досрочного прекращения его полномочий. Законодательство Российской Федерации предоставляет возможность избирателям применять меры ответственности в отношении депутатов. Однако, во-первых, реализовать данное право возможно лишь в отношении депутатов представительных органов муниципального образования. В отношении депутатов Государственной Думы Российской Федерации – данная процедура не предусмотрена, что на наш взгляд, является существенным пробелом в законодательстве, нуждающимся в существенной доработке. Как верно отмечает А. А. Кондрашев, федеральные представители отказались от использования целого ряда процедурных санкций и мер, направленных на прекращение статуса депутата Государственной думы в связи с нарушениями режима осуществления депутатских полномочий⁸. Во-вторых, институт отзыва избирателями депутата выборного органа местного самоуправления применяется только в отношении депутатов, избранных по мажоритарной избирательной системе. Законодательством предусмотрено, что в случае если все депутатские мандаты или часть депутатских мандатов в представительном органе муниципального образования замещаются депутатами, избранными в составе списков кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями (по пропорциональной избирательной системе), отзыв депутата не применяется. Данное положение, на наш взгляд, нарушает принцип равноправия, который лежит в основе деятельности всех органов государственной власти. Исходя из анализа существующего законодательства, можно сделать вывод, что депутаты, избранные по мажоритарной избирательной системе, несут большую ответственность, нежели депутаты, избранные по партийным спискам, таким образом законодатель фактически исключил ответственность политических партий за выполнение своих политических программ и предвыборных обещаний. Данный вопрос имеет немаловажное значение на пути укрепления демократических механизмов контроля власти со стороны народа. Для решения указанной проблемы, необходимо предоставить возможность отзыва депутатов-«пропорциональщики» самим политическим партиям, от которых данные депутаты были избраны. Подобные идеи в современной науке находят большую поддержку. Концепция полусвободного мандата, выдвинутая в 1996 г. судьёй Конституционного Суда РФ В. Н. Витруком, в последнее всё больше актуализируется⁹. Современный опыт регулирования в субъектах РФ депутатского мандата имеет тенденцию приближения в федеральной модели – партийного императивного мандата. Нельзя не согласиться с мнением М. В. Варлена, что «к настоящему времени в Российской Федерации получили признание два новых вида мандата депутата: императивный партийный мандат, характеризующийся возможностью отзыва депутата политической партией, и полусвободный, которому свойственно сочетание свойств императивного и свободного мандатов»¹⁰. Однако этот вид мандата противоречив. Полусвободный мандат допускает отзыв депутата за совершение правонарушений, в то же время вопросы правоприменения не находятся в сфере ведения избирателей. Конструкция

полусвободного мандата также переняла от советской системы отзыва проблему дачи наказов, разрешение которых не входит в компетенцию депутата.

Предусматривая возможность отзыва депутата муниципального совета, законодатель предусмотрел достаточно сложную процедуру, которая, на наш взгляд, является затруднительной для реализации её на практике. Нельзя не согласиться с мнением И. А. Филипповой, которая считает, что реализация отзыва, «с одной стороны, затруднена нечеткостью положений региональных и федеральных законов, с другой – апатичностью населения, с третьей – необходимостью удерживать от соблазна использовать отзыв для фактического пересмотра результатов выборов, который может быть использован как оппозицией, так и отдельными лицами для дестабилизации работы представительного органа, устранения политических противников»¹¹.

Рассмотрим основной механизм отзыва депутата муниципального и выявим основные проблемы его реализации. Уставы муниципальных образований устанавливают обязанности депутата в конкретном муниципалитете. Депутат муниципального совета ответственен перед избирателями и подотчетен им. За ненадлежащее исполнение депутатом своих обязанностей, избиратели вправе привлечь его к ответственности в виде лишения депутатского мандата. Закон Республики Крым «Об основах местного самоуправления в Республике Крым» установил правовую основу института отзыва избирателями депутата выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, закрепив, что голосование по отзыву по инициативе населения проводится в порядке, установленном федеральным законом и принимаемым в соответствии с ним законом Республики Крым для проведения местного референдума, с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹².

Механизм реализации права избирателей на отзыв депутата представительного органа местного самоуправления предусмотрен в локальных актах муниципальных образований – уставах городских поселений, сельских поселений. Основанием для отзыва депутата представительного органа местного самоуправления служит утрата доверия избирателей. Понятие «утрата доверия» является весьма оценочным и не определяется на законодательном уровне. Анализ оснований для применения процедуры отзыва депутата представительного органа местного самоуправления даёт нам возможность выделить следующие элементы содержания данного понятия. Во-первых, это совершение депутатом конкретных противоправных действий (бездействия) или принятие противоправных решений; во-вторых, нарушение им законодательства Российской Федерации, Республики Крым, нормативных правовых актов органов государственной власти, устава муниципального образования и иных нормативных правовых актов органов местного самоуправления, принятых в пределах их компетенции; в-третьих, причинение существенного вреда муниципальному образованию и его жителям; в-четвёртых, наличие решения суда, подтверждающего все три вышеперечисленных условия. Противоправные действия депутата также могут выражаться в систематическом непосещении без уважительных причин сессий представительного органа муниципального образования, неучастие в работе соответствующего комитета, депутатских комиссий, а также уклонение или отказ от выполнения поручений представительного органа муниципального образования¹³.

7 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 10 апреля. – № 19.

8 Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность депутата законодательного органа государственной власти, представительного органа местного самоуправления в РФ: основания классификации и проблемы реализации // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 130.

9 Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука // СЗ РФ. – 2002. – № 14. – Ст. 1374.

10 Варлен М. В. Статус парламентария: теоретические проблемы: монография. – М.: «Прспект», 2011 г. – С. 56.

11 Филиппова И. А. Отзыв депутатов как мера конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России и опыт зарубежных стран. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 350.

12 Об основах местного самоуправления в Республике Крым: закон Республики Крым от 8 августа 2014 № 54-ЗРК.

13 Заболотских Е. М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: научно-практическое пособие. – М.: «Прспект», 2011. – С. 53.

Само голосование по отзыву депутата проводится в порядке, установленном федеральным и региональным законодательством, однако ни в одном нормативном акте нет установленного количества граждан, которые должны явиться на участки голосования. Модельные законы об отзыве, подготовленные ЦИК РФ, устанавливают необходимость 75 % явки избирателей, притом что выборы самого депутата могут считаться состоявшимися при явке только 20 % избирателей, включенных в списки, а победителем становится претендент, набравший больше голосов, чем его соперники (так называемое относительное большинство). Конечно, все это делает отзыв малореальным институтом непосредственной демократии¹⁴. Устав г. Симферополя предусматривает, что депутат муниципального совета считается отозванным, если за отзыв проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в избирательном округе, в котором был избран отзываемый депутат¹⁵.

Крайне редкое использование отзыва выборного должностного лица местного самоуправления на практике обусловлено рядом объективных факторов:

1. депутатом должен стать наиболее авторитетный и порядочный человек, что зачастую и происходит;
2. избиратели зачастую изначально не предъявляют своим избранникам высокие требования;
3. избиратели нередко лишены права возбуждать вопрос об отзыве, так как депутаты в основном не связаны их наказами;
4. в силу низкого уровня правового образования избиратели не знают всех тонкостей закона об отзыве, а иногда и о самой возможности его применения;
5. институт отзыва выборного лица местного самоуправления недостаточно урегулирован в законодательстве, а механизм реализации этого права усложнен.

На сегодняшний день в Республике Крым и городе Севастополе идёт период становления института отзыва депутата представительного органа муниципального образования. Для реализации права на отзыв население муниципальных образований новых субъектов Российской Федерации получило все необходимые правовые инструменты. Выборы депутатов в органы муниципальной власти, которые проходили в Республике Крым и городе Севастополе в сентябре 2014 г., заложили фундамент для применения процедуры отзыва – большинство кандидатов в депутаты представительных органов муниципальных образований, независимо от их партийной принадлежности, получили наказы избирателей и обязались их исполнить. Также возможность отзыва обусловлена установлением мажоритарной избирательной системы при выборах депутатов представительного органа местного самоуправления в большинстве уставов муниципальных образований.

Завершая наше исследование проблем внедрения и правовой регламентации института отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день отзыв выступает не только действенным инструментом для реализации непосредственного народовластия населением муниципальных образований, но и средством превентивного характера для предотвращения злоупотребления властью народными избранниками на местном уровне. Однако для практической реализации отзыва сегодня необходимо внести качественные изменения и дополнения в действующее законодательство для усовершенствования механизма его реализации, а именно, необходимо:

1. на законодательном уровне дать исчерпывающий перечень оснований для утраты доверия избирателей к выборному лицу;
2. отказаться от судебного подтверждения или проверки оснований отзыва;
3. предусмотреть механизмы защиты от злоупотребления правом на отзыв;
4. упростить процедуру реализации отзыва выборного лица;

5. ввести императивный партийный мандат для возможности применения отзыва для депутатов, избранных по пропорциональной избирательной системе, тем самым уравновесив их статус;

6. повысить уровень правовой осведомлённости населения, увеличить заинтересованность и вовлечённость населения муниципальных образований в деятельность по решению вопросов местного значения.

Институт отзыва не должен восприниматься как ограничение для деятельности депутата или как препятствие для его профессиональной работы. Законодатель предусматривает применение отзыва лишь как крайнюю меру конституционно-правовой ответственности при систематическом нарушении либо игнорировании исполнения депутатом своих обязанностей и наказов избирателей. Отзыв должен быть использован лишь в случаях, когда исчерпаны все средства обеспечения правомерной деятельности выборного должностного лица.

Приставейный библиографический список

7. Авакьян С. А. Конституционное право России. – Т. 1. – М.: Юрист, 2005.
8. Варлен М. В. Статус парламентария: теоретические проблемы: монография. – М.: «Проспект», 2011 г.
9. Заболотских Е. М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: научно-практическое пособие. – М.: «Проспект», 2011 г.
10. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность депутата законодательного органа государственной власти, представительного органа местного самоуправления в РФ: основания классификации и проблемы реализации // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1.
11. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: в 4 т. Т.1-2. Часть общая / отв. ред. Б. А. Страшуна. – М.: БЕК, 2000.
12. Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/06/krim-konstituciya-reg-dok.html> (дата обращения: 28.09.2015 г.).
13. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука // СЗ РФ. – 2002. – № 14. – Ст. 1374.
14. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 10 апреля. – № 19.
15. Об основах местного самоуправления в Республике Крым: закон Республики Крым от 8 августа 2014 № 54-ЗРК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/08/29/krim-zakon54-reg-dok.html> (дата обращения: 28.09.2015 г.).
16. По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления»: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002г. №7-П // СЗ РФ. – 2002. – № 14. – Ст. 1374.
17. Прело М. Конституционное право Франции / М. Перло. – М.: Изд. иностранной литературы, 1957.
18. Устав муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым: решение Симферопольского гор. Совета от 13 ноября 2014 № 61 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://simgov.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2014/10/01/Projekt-dlja-pervogo-razmeschenija.pdf> (дата обращения: 28.09.2015 г.).
19. Федеративная Республика Германия: Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1991.
20. Филиппова И. А. Отзыв депутатов как мера конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России и опыт зарубежных стран. – М.: Изд-во Московского университета, 2001.

14 Авакьян С. А. Конституционное право России. – Т. 1. – М.: Юрист, 2005. – С. 410–411.

15 Устав муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым: решение Симферопольского гор. Совета от 13 ноября 2014 № 61.

Семивеличенко Е. А.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ДОГОВОРОВ О СОЗДАНИИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Используя свойство гражданско-правового договора как юридической конструкции, автор раскрывает структурные элементы юридических конструкций договоров о создании коммерческих организаций: юридический факт, правоотношение, юридические процедуры, определяя взаимосвязи между ними. На примере юридических конструкций учредительных договоров и договоров о создании хозяйственных обществ автор показывает самостоятельное инструментально-процедурное значение гражданско-правовых договоров, обеспечивающих регламентацию имущественных и организационных отношений на этапе создания коммерческих организаций и делает вывод о необходимости введения в гражданское законодательство новых договорных конструкций.

Ключевые слова: юридическая конструкция, элементы, юридическое лицо, создание коммерческих организаций, договор о создании хозяйственного общества, учредительный договор, юридическая процедура.

Semivelichenko E. A.

THE FEATURES OF JUDICIAL CONSTRUCTIONS OF AGREEMENTS PROVIDING ESTABLISHMENT OF COMMERCIAL ENTITIES

This article is devoted to the analysis of judicial constructions of agreements providing establishment of commercial entities. Elements and judicial procedures of constituent contracts and agreements on the establishment of jointstock companies and limited liability companies are revealed. Through disclosure of the structural elements of judicial constructions (the legal fact, legal relation, legal procedure) particular importance of civil contracts for the establishment of commercial entities is shown and the need of legal establishment of new legal structures is proved.

Keywords: juridical construction, elements, legal entity, establishment of commercial entities, agreements on the establishment of commercial companies, constituent contracts, legal procedure.

Создание любого юридического лица представляет собой особую юридическую процедуру, состоящую из последовательных стадий: предрегистрационной, стадии государственной регистрации, послерегистрационной стадии¹. Каждая из стадий служит реализации единой цели – созданию нового субъекта права и осуществляется при помощи определенного набора частноправовых и публично-правовых средств. Наибольшее проявление гражданско-правовых средств происходит на этапе предрегистрационной стадии, когда происходит свободное волеизъявление другого субъекта права (учредителя), обладающего необходимым объемом право- и дееспособности. Такая воля учредителя может быть выражена в его решении о создании юридического лица, если же учредителей более одного – могут иметь место и отдельные гражданско-правовые договоры, обеспечивающие создание организации. Еще Г. Ф. Шершеневич, анализируя сущность юридического лица, отмечал, что оно является «не случайным обстоятельством, а результатом предварительного соглашения, что в основании его лежит договор»². В цивилистической литературе неоднократно обращалось внимание на самостоятельность договоров, направленных на создание юридических лиц в системе гражданско-правовых договоров³.

При учреждении коммерческих организаций договорная регламентация отношений приобретает особое значение, поскольку именно на предрегистрационной стадии решаются

ключевые вопросы объединения имущества и распределения управления, от которых зависит функционирование нового субъекта права и достижение его основной цели в виде получения прибыли. Юридическое сопровождение фактической деятельности по созданию юридических лиц осуществляется при помощи специальных договорных конструкций. Как известно, для хозяйственных обществ обязательным требованием при создании является заключение договоров, не являющихся учредительными документами. Так, п. 5 ст. 11 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусматривает договор об учреждении общества, в котором будет определен порядок осуществления учредителями совместной деятельности по учреждению общества, размер уставного капитала общества, размер их долей в уставном капитале общества и иные условия. Согласно п. 1 ст. 98 ГК РФ и п. 5 ст. 9 ФЗ «Об акционерных обществах» договором о создании акционерного общества признается договор, определяющий порядок осуществления учредителями совместной деятельности по учреждению общества, размер уставного капитала общества, категории и типы акций, подлежащих размещению среди учредителей, размер и порядок их оплаты, права и обязанности учредителей по созданию общества. Дуализм правовой природы учредительного договора выражен в том, что он одновременно обеспечивает создание хозяйственного товарищества и является учредительным документом, закрепляющим его гражданско-правовой статус. Соотнося обозначенные выше договоры о создании хозяйственных обществ и учредительные договоры, представляется необходимым отметить их сходства и различия. Единство предмета данных договоров выражено в том, что все они, нося имущественно-организационный характер, предусматривают осуществление совместной деятельности по созданию нового субъекта права, имеющего в качестве цели своей деятельности получение прибыли. Однако же договоры, заключаемые по поводу создания хозяйственных обществ, имеют срочный характер и прекращают свое действие после окончания определенного договором срока оплаты долей (акций), подлежащих размещению среди учредителей. Учреди-

1 См.: Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – С. 7, 19, 53.

2 Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1. – М.: Статут, 2003. – С. 270.

3 См., например: Ломакин Д. В. Договоры о создании и реорганизации юридических лиц: значение и место в структуре Гражданского кодекса РФ // Законодательство. – 2004. – № 2. – С. 44–52; Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. – М.: Юрист, 2004; Семивельченко Е. А. Система гражданско-правовых договоров, обеспечивающих создание, управление и прекращение юридических лиц: понятие и значение // Бизнес в законе. – 2014. – № 6. – С. 73–77.

тельные договоры же носят бессрочный характер и призваны регулировать «внутренние» отношения не только на этапе образования организации, но и на протяжении всей ее деятельности до ликвидации.

Как правовое средство, объективирующее волю учредителей коммерческой организации, договор о создании коммерческой организации должен содержать в себе потенциал для обеспечения и защиты прав и интересов не только участников, но и самой организации, а также кредиторов. Для определения эффективности договорных правовых средств при регламентации отношений на этапе, предшествующем государственной регистрации, следует проанализировать юридические конструкции данных договоров, поскольку именно юридические конструкции являются формами, способами закрепления правовых инструментов, показывающими все их правовые грани⁴. С. С. Алексеев, подчеркивая значение юридических конструкций, указывает, что «юридическая конструкция является ключевым, определяющим элементом содержания права»⁵.

Несмотря на наличие достаточно внушительного объема исследований категорий «юридическая конструкция» в общетеоретическом и частнопрововом аспекте⁶, все же приходится констатировать, что единства в ее понимании не достигнуто. Кроме того, как справедливо отметил М. Ю. Чельшев, в науке гражданского права отсутствует комплексное, прикладное исследование существа юридических конструкций, причем как в целом для всей отрасли, так и для отдельных ее подразделений⁷. Дифференцированное понимание существа юридических конструкций сводится к представлению о них как об идеальных моделях либо структурных элементах позитивного права. В условиях развития инструментального подхода к праву представляется правильным уйти от доктринального уровня понимания юридической конструкции, рассматривающего ее лишь как средство познания, обладающее признаком научной конвенции⁸. Необходимо выявлять сугубо прикладное значение юридической конструкции, поскольку она есть объективно существующий, конкретный способ закрепления в гражданском законодательстве разного рода правовых инструментов⁹. Так, Д. Е. Пономарев определяет юридическую конструкцию как типовое построение юридических правомочий, обязанностей, оснований их возникновения, ответственности и процедур, типовую комбинацию указанных элементов, системную соорганизацию правовых средств, нашедшие свое закрепление в нормах позитивного права¹⁰. Под юридической конструкцией гражданско-правового договора Ю. А. Серкова понимает специальный правовой механизм-регулятор, появившийся в результате юридической деятельности и при-

званный юридически обеспечить удовлетворение интересов определенных субъектов гражданского права, образованный взаимодействующими согласованными элементами, в состав которого с необходимостью входят оформленный надлежащим образом юридический факт, возникший вследствие нормативно регламентированной юридической процедуры, и порожденные им правовые последствия – права и обязанности (правоотношение)¹¹. Методологическая ценность такой структуры выражена в том, что она синтезирует различные понимания гражданско-правового договора, показывает, как «живет» юридическая конструкция того или иного договора, и определяет, насколько она удобна для регламентации соответствующих фактических отношений.

Как правопорождающие, правоизменяющие и прекращающие юридические факты-сделки, гражданско-правовые договоры о создании коммерческих организаций порождают правоотношения, связанные с возникновением, развитием (модификацией) и прекращением соответствующего учредительного обязательства сторон (учредителей). Договоры о создании коммерческих организаций являются элементами сложной юридической процедуры, влекущей возникновение субъекта права и корпоративных правоотношений между организацией и ее учредителями, но при этом их наличие или отсутствие не влияет на процесс государственной регистрации юридического лица, лишь создавая ее предпосылки. Как верно замечает Г. С. Шапкина, заключение таких договоров является закономерным этапом в процессе создания организации, поскольку «на данном этапе действует договорной механизм, основанный на согласовании воли учредителей»¹².

Специфика субъектного состава гражданско-правовых договоров о создании коммерческих организаций предопределяется организационно-правовой формой создаваемых юридических лиц и императивно установленными специальным законодательством требованиями к учредителям. Так, учредительный договор об образовании полного товарищества вправе заключать только граждане-предприниматели и (или) коммерческие организации (п. 4 ст. 66 ГК РФ). Учредителями акционерного общества в соответствии со ст. 4 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» могут быть граждане и (или) юридические лица. Важнейшей характеристикой субъектного состава участников договоров о создании коммерческих организаций является фидуциарный характер отношений между ними. Фидуциарность, в частности, проявляется на этапе выбора контрагента-соучредителя, в правовых последствиях выбытия участников договоров. Вместе с тем стоит понимать, что степень доверительности в подобных типах договоров, как справедливо отмечает В. В. Витрянский, различна и, как правило, обратно пропорциональна количеству участников юридического лица¹³.

Формы гражданско-правовых договоров о создании коммерческих организаций имеют свои особенности. На все договоры распространяются общие правила о форме сделок. В то же время присутствует дифференцированное закрепление правил о форме для некоторых видов договоров, где законом прямо предусмотрена письменная форма – учредительные

4 Чельшев М. Ю. О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Гражданское право. – 2013. – № 1. – С. 34.

5 Алексеев С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. – М.: Норма, 2001. – С. 260.

6 См., например: Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005; Чевычелов В. В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005; Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. Монография. – М.: Волтерс Клувер, 2006; Болдырев В. А. Гражданско-правовая конструкция юридического лица-несобственника: дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013.

7 Чельшев М. Ю. О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Гражданское право. – 2013. – № 1. – С. 33.

8 Давыдова М. Л. Юридическая техника. Монография. – Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 152; Хизов В. Е. Юридическая конструкция как куманод // Юридическая техника. Нижний Новгород. 2012. – № 6. – С. 594. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма, 2012. – С. 230.

9 Чельшев М. Ю. Указ. соч. – С. 34

10 Пономарев Д. Е. Указ. соч. – С. 8

11 Серкова Ю. А. Сущность гражданско-правового договора как юридической конструкции // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Том 155, кн. 4. – 2013. – С. 169, 172; См. также: Серкова Ю. А. Юридические конструкции взаимного и односторонне обязывающего договора // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 2. – С. 172.

12 Шапкина Г. С. Новое в российском акционерном законодательстве (изменения и дополнения Федерального закона «Об акционерных обществах») // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 2. – С. 15.

13 См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 1: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. – М.: Статут, 2011. – С. 707.

договоры полных и коммандитных товариществ, договоры об учреждении хозяйственных обществ. Что же касается договоров, обеспечивающих создание иных коммерческих организаций, то стоит задаться вопросом, означает ли отсутствие нормативно закрепленных требований к форме таких договоров возможность распространения на данные договоры общих правил о сделках в части возможности быть заключенными в устной форме? Теоретически да. Но на практике, представляется, вне зависимости от суммы сделки и ее субъектного состава любые договоры, обеспечивающие создание коммерческих организаций, должны заключаться именно в письменной форме путем подписания единого документа. Это не только позволит четко урегулировать совокупность всех прав и обязанностей участников таких многосторонних соглашений, но и повысит гарантии удовлетворения интересов учредителей, юридического лица и кредиторов.

Существенные условия для поименованных договоров определены нормативно как в самом ГК, так и в отдельных законах. При этом участники соглашений не могут в конкретном договоре проигнорировать императивно закрепленный набор существенных условий или изменить компетенцию органов юридического лица, носящую исключительный характер. Так, в учредительном договоре учредители принимают на себя обязательства создать юридическое лицо, определяют порядок совместной деятельности по его созданию, условия передачи ему своего имущества и участия в его деятельности, определяют условия и порядок распределения между участниками прибыли и убытков, управления деятельностью юридического лица, выхода учредителей (участников) из его состава, указывают наличие представительств и филиалов юридического лица (статьи 52, 55 ГК РФ). Четкое закрепление существенных условий договоров, обеспечивающих создание отдельных видов коммерческих организаций, с одной стороны, существенно ограничивает гражданско-правовую диспозитивность. Но, с другой стороны, повышенная императивность не случайна и обусловлена она необходимостью обеспечения прав и интересов не только самих участников соглашения, но и самого правосубъектного образования, а также его кредиторов. Поэтому при нормативном закреплении юридических конструкций договоров о создании иных коммерческих организаций также предпочтительно императивно закрепить круг существенных условий.

Рассмотрение содержания гражданско-правовых договоров о создании коммерческих организаций как правоотношений выявляет, что они образованы правами и обязанностями имущественного и организационного характера. При этом базовыми обязанностями имущественного характера является внесение вкладов (создание имущественной базы), а организационного характера – проведение регистрационных действий. Дополнительными обязанностями, к примеру, могут быть обязанности по сохранению конфиденциальности коммерчески значимой информации. Права и обязанности участников соглашений, в конечном счете, существуют для реализации перераспределенных между ними экономических и административных возможностей, определения пределов и условий распределения системы «сдержек и противовесов». В этом и выражается характер многосторонних, организационных, фидуциарных, общецелевых договоров, образованных согласованными волеизъявлениями с тождественной, параллельной направленностью и единой для всех целью.

Фидуциарный характер соглашений, связанных с организацией деятельности коммерческих юридических лиц, во многом предопределил специфику прав и обязанностей. В частности, нередко в подобных соглашениях встречаются права участников знакомиться со всей документацией организации, обязанности по неразглашению конфиденциальной информации, запрет на осуществление однородной предпринимательской деятельности и т.п.

Помимо элементов, образующих структуру гражданско-правового договора (субъекты, форма, содержание), в науке стали выделять внеэлементные составляющие гражданско-правовых договоров. А. А. Сайфутдинов в качестве внеэлементных составляющих договора называет юридические процедуры заключения, изменения, прекращения договора¹⁴. Юридические процедуры являются неотъемлемыми составляющими юридической конструкции договора, приводя его элементы в динамику. Г. Н. Давыдова определяет юридические процедуры как систему последовательно совершаемых действий и возникающих на их базе отношений, направленных на достижение определенного правового результата¹⁵. Применительно к договорам о создании коммерческой организации в процедурах заключения, изменения и прекращения проявляются как единство, так и дифференциация. Как уже было обозначено, будучи гражданско-правовыми сделками, эти договоры неизбежно подчинены правовым основам заключения сделок. Однако вместе с тем классическая схема заключения договора «направление оферты – получение акцепта», полагаем, может применяться к рассматриваемой группе договоров не в своем привычном понимании, поскольку с юридической и с практической точки зрения такие договоры, как правило, заключаются посредством одновременного подписания всеми сторонами одного документа. Главный квалифицирующий признак – общая цель договора, опосредует то, что на момент совершения сделки изначально совпадающие воли сторон настолько сливаются, что невозможно определить, где и когда имели место оферта и акцепт¹⁶. Участники становятся «акцептантами» и «оферентами» такое количество раз, которое соответствует их числу. Поэтому юридическое значение придается конечному волеизъявлению участника, которое аккумулирует все его оферты и акцепты в отношении других участников. Следовательно, «фиктивность» порядка заключения договора состоит в том, что волеизъявление участника, выраженное при его заключении, есть одновременно и оферта, и акцепт, так как отражает намерение участника участвовать в договоре и в то же время согласие на участие в нем¹⁷.

Как в любых общецелевых договорах, процедура исполнения договоров, обеспечивающих создание коммерческих организаций, представляет собой два несколько взаимосвязанных и взаимозависимых этапа, когда на первом, как правило, реализуются действия лиц по созданию имущественной и организационной базы, необходимой для достижения общей цели, а на втором этапе участники осуществляют непосредственные действия по ведению общих дел. Надлежащее исполнение некоторых договоров рассматриваемой системы имеет прямую связь с их прекращением. В частности, надлежащим исполнением договора о создании акционерного общества является не только совершение всех организационных действий по созданию общества, но и действий имущественно-организационного характера, а именно оплаты акций, подлежащих размещению среди учредителей. При этом сам ФЗ «Об акционерных обществах» обуславливает прекращение данного договора именно исполнением обязанностей по формированию уставного капитала, чего нельзя сказать об учредительном договоре, который имеет двойную правовую природу, регламентируя процесс как создания, так и управления юридическим лицом, и поэтому его исполнение носит длящийся характер, а договор прекращается одновременно с «прекращением» юридического лица.

14 Сайфутдинов А. А. Договор поручения в гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань. 2006. – С. 46.

15 См.: Давыдова Г. Н. Указ. соч. – С. 27.

16 См.: Козлова Н. В. Учредительный договор о создании коммерческих обществ и товариществ. Учебное и практическое пособие. – М.: БЕК, 1994. – С. 47–48.

17 См.: Пахомова Н. Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. – Екб.: Налоги и финансовое право, 2005. – С. 29.

Системность общественных отношений, складывающихся при функционировании юридических лиц, и в частности, коммерческих организаций, взаимосвязана с системным построением юридических конструкций. При этом внутренние элементы конструкций – юридический факт, правоотношение, юридические процедуры взаимодействуют как между собой, так и со всеми гражданско-правовыми конструкциями, связанными с функционированием юридического лица – юридической конструкцией формирования уставного капитала, юридической конструкцией органов юридического лица, корпоративного управления и др.

Договоры о создании коммерческих юридических лиц являются юридическими процедурами, в динамике отражающими взаимодействие участников, объединяемых с целью создания новых субъектов права. Как уже было установлено, в части оформления отношений по созданию хозяйственных обществ и товариществ данные юридические процедуры характеризуются весьма детальной регламентацией. При этом ограничение свободы договора ярко проявляется на уровне требований об обязательности заключения данных договоров при создании определенных коммерческих организаций, а также требований к содержанию договоров. Однако все это не лишает подобных договоров ценности как важнейших правовых средств обеспечения интересов участников юридического лица. Кроме того, на уровне формирования волеизъявления субъектов гражданского права о вступлении в соответствующее договорное отношение принцип свободы договора остается непоколебимым.

Для коммерческих организаций иных организационно-правовых форм нормативное закрепление договоров о создании отсутствует, вместе с тем на практике заключение подобных договоров весьма распространено, и, как правило, они облекаются в форму гражданско-правовых договоров о совместной деятельности. Вполне допустимо и использование отдельных элементов имеющихся юридических конструкций о создании хозяйственных обществ и учредительных договоров при создании коммерческих организаций иных организационно-правовых форм (кроме основанных на государственной и муниципальной собственности). Так, создавая хозяйственное партнерство, учредители могут заключить договор, в котором будут обозначены цели создания партнерства, определен характер будущей деятельности, регламентированы их права и обязанности по осуществлению процедур государственной регистрации, формированию имущественной базы и др. В то же время следует понимать, что типизация правовых связей крайне важна, и поэтому закрепление в гражданском законодательстве новых договорных конструкций, обеспечивающих создание коммерческих лиц, может стать эффективным с точки зрения упорядочивания взаимодействия участников, поддержания баланса их интересов и интересов юридического лица и учета специфики его организационно-правовой формы.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. – М.: Норма, 2001.
2. Болдырев В. А. Гражданско-правовая конструкция юридического лица-несобственника: дисс. ... д-ра. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 1: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. – М.: Статут, 2011.
4. Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук / Г. Н. Давыдова. – Казань, 2004.
5. Давыдова М. Л. Юридическая техника. Монография. – Изд-во ВолГУ, 2009.

6. Козлова Н. В. Учредительный договор о создании коммерческих обществ и товариществ. Учебное и практическое пособие. – М.: БЕК, 1994.
7. Ломакин Д. В. Договоры о создании и реорганизации юридических лиц: значение и место в структуре Гражданского кодекса РФ // Законодательство. – 2004. – № 2.
8. Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. Монография. – М.: Волтерс Клаувер, 2006.
9. Пахомова Н. Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. – Екб.: Налоги и финансовое право, 2005.
10. Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
11. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. – М.: Юрист, 2004.
12. Сайфутдинов А. А. Договор поручения в гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006.
13. Семивельченко Е. А. Система гражданско-правовых договоров, обеспечивающих создание, управление и прекращение юридических лиц: понятие и значение // Бизнес в законе. – 2014. – № 6.
14. Серкова Ю. А. Сущность гражданско-правового договора как юридической конструкции // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Том 155, кн. 4. – 2013.
15. Серкова Ю. А. Юридические конструкции взаимного и односторонне обязывающего договора // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 2.
16. Хизов В. Е. Юридическая конструкция как куманоид // Юридическая техника. Нижний Новгород. – 2012. – № 6.
17. Чельшев М. Ю. О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Гражданское право. – 2013. – № 1.
18. Чевычелов В. В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005.
19. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М.: Норма, 2012.
20. Шапкина Г. С. Новое в российском акционерном законодательстве (изменения и дополнения Федерального закона «Об акционерных обществах») // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 2.
21. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1. – М.: Статут, 2003.

Белова И. А., Акимов М. Ю. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА

В статье освещается вопрос взаимодействия власти и бизнеса. С учетом результатов анализа публикаций в региональных средствах массовой информации о процессах взаимодействия власти и бизнеса, авторами статьи предлагаются формы медийного диалога. По мнению авторов, содержание форм медийного диалога между властью и бизнесом позволит изменить общественное мнение о взаимодействии власти и бизнеса в регионе.

Ключевые слова: взаимоотношения института публичной власти и представителей бизнеса, взаимоотношение бизнеса с системой профессионального образования, формы медийного диалога, медиапроект.

Belova I. A., Akimov M. Yu. SOCIAL AND LEGAL DIMENSION OF BUSINESS AND GOVERNMENT INTERACTION

The article highlights the issue of interaction between business and government. Taking into account the results of the analysis of regional publications in the media about the processes of interaction between business and government, the authors proposed forms of media dialogue. According to the authors, the content of media forms of dialogue between government and business will change the public opinion about the interaction between business and government in the region.

Keywords: relationship of the institute of public authority and business representatives, relationship of business and the system of vocational education, forms of media dialogue, media project.

Общеизвестно, что гармонизация интересов бизнеса, власти и населения – базовое условие национальной конкурентоспособности. В этом ракурсе высказывание М. Делягина о том, что вершинами общественного треугольника являются государство, бизнес и население представляется весьма актуальным. Развитие российского общества существенно определяет характер взаимоотношений между властью и бизнесом. Бизнес по своей природе «стремится к эффективности, к концентрации благ у наиболее успешных субъектов экономики и политики...»¹. Государственная власть ориентирована на обеспечение гармонизации интересов населения и бизнеса ради достижения успеха всего общества в целом.

Можно согласиться, что неодинаковые исторические условия требуют определенных пропорций во взаимоотношении государства и бизнеса, пропорций между эффективностью и справедливостью. Во внешнем мире «...государство должно реализовать интересы бизнеса как наиболее активного и творческого элемента общества, всячески поддерживая и частично направляя его экспансию...»². Вполне естественно, что внутри общества государство должно реализовать интересы населения (как наиболее преобладающей части общества).

Могут ли интересы государства и бизнеса совпадать в долгосрочном плане во внутренней политике страны? Попытаемся аргументировать ответ:

1. Прежде всего, неотъемлемые функции государства заключаются в установлении норм, правил и обеспечении их соблюдения, стратегическом планировании и организации социальной помощи и т.п. М. Делягин отмечает, что «...чем слабее общество, тем шире поле деятельности государства...»³. Задача же бизнеса заключается в том, чтобы не дать государ-

ству быть неэффективным (иногда даже отбирая у государства ряд функций). Следовательно, отношения государства и бизнеса взаимообусловлены взаимовыгодным интересом. Интересы бизнеса заключаются в том, что бы государство было эффективным. Неэффективное государство способно подчинить бизнес себе, «способно задушить творческий потенциал» бизнеса, а затем и потенциал и всего общества, как это имело место при социализме.

2. Следующий аргумент. Бизнес активнее государства, вследствие чего государство ориентируется на выстраивание отношения с ним. По мнению М. Делягина, «...эти отношения нельзя понять без третьей вершины “общественного треугольника” – населения, этого великого и, при нормальной ситуации, безмолвствующего субъекта политической жизни...»⁴. Опираясь на население, государство получает возможность говорить с бизнесом от имени всего общества, выполняя «свою функцию стратегического планирования».

Поставленные новые крупные национальные задачи порождают у общества вполне оправданные ожидания в отношении бизнеса. Общество ждет от бизнеса не только новых идей, но и предложений по их претворению в жизнь. В рамках долгосрочных ориентиров инновационного развития Российской Федерации от бизнеса также ждут «...обеспечение активного участия в определении и финансировании приоритетов научно-технического развития, в том числе путем формирования технологических платформ...».

Следовательно, интересы государства и бизнеса могут совпадать при соблюдении следующих моментов: государство

4 Там же.

Белова И. А.

Акимов М. Ю.

1 Делягин М. Г. Бизнес, власть, общество: три сосны Российской интеллигенции. – С. 27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/statyi/delyagin1.htm>.

2 Там же.

3 Делягин М. Г. Бизнес, власть, общество: три сосны Российской интеллигенции. – С. 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/statyi/delyagin1.htm>.

ориентируется на создание неких рамок (условий) для бизнеса законодательного и исполнительного порядка, бизнес, естественно, ориентируется на творческое развитие в заданных государством условиях.

Главной проблемой, сдерживающей сегодня развитие бизнеса, по данным многочисленных социологических исследований, является несовершенство законодательства, налогообложения и финансово-кредитных механизмов и т.п.

Рассмотрим, как выстраиваются взаимоотношения института публичной власти и представителей бизнеса на примере Тюменского региона.

Губернатор Тюменской области В. В. Якушев в статье «Бизнес и власть: партнерство ради будущего» отмечает, что «система взаимодействия власти и бизнеса в Тюменской области основана на принципах социального партнерства...». По его мнению, «...власть и бизнес должны заниматься своим делом...». В. В. Якушев достаточно точно определяет границы такого «дела».

По его мнению, власть в регионе призвана создавать условия для развития всех сфер жизни, а задача бизнеса – расширяться и действовать в заданных условиях. От бизнеса в регионе ожидают:

- помощи в решении важных проблем занятости населения региона;
- помощи в решении социальных вопросов региона;
- выполнение обязательств перед бюджетом всех уровней и работодателями.

Проведенные исследования в этой области подтверждают, что наиболее эффективной моделью взаимодействия власти и бизнеса является совместное определение приоритетов социальной политики и тех областей, в которых бизнес может принять активное участие.

Кроме того, наибольшую заинтересованность в развитии механизмов взаимодействия власти и бизнеса сегодня проявляет система профессионального образования⁵. Бизнес все отчетливее осознает, что совместная работа с системой профессионального образования является не только важной социальной ответственностью, но и вполне реальным экономическим стимулом развития бизнеса⁶. Учитывая, что каждая из сторон взаимодействия имеет собственные цели и решает свои конкретные задачи, вопросы создания институциональных условий взаимодействия власти и бизнеса остается по-прежнему актуальной проблемой⁷.

5 Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16); Ларченко И. Н., Акимов М. Ю. Социальные механизмы в практике развития системы профессионального образования // Научное обозрение. – 2014. – № 8. – Ч. 2; Ларченко И. Н. Использование технологий социально-управленческих преобразований в условиях трансформации профессионального образования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5 (15).

6 Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16).

7 Белова И. А., Акимов М. Ю. Институциональные условия развития механизмов взаимодействия власти и бизнеса // Научное обозрение. – 2014. – № 12. – Ч. 3; Белова И. А., Акимов М. Ю. Актуальная практика регионального взаимодействия органов местного самоуправления с представителями малого бизнеса // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87); Белова И. А., Акимов М. Ю. Муниципальные механизмы управления взаимодействием с малым бизнесом // Научное обозрение. – 2015. – № 16.

Вместе с тем существенную поддержку сотрудничеству власти и бизнеса могут и должны оказывать не только созданные для этого специальные структуры, но средства массовой информации⁸.

В соответствии с вышеизложенным можно предложить для обсуждения такое утверждение: определенные формы медийного диалога, направленные на освещение конструктивного характера сотрудничества между региональной властью и бизнесом, могут изменить общественное мнение о характере таких взаимоотношений. Под формами медийного диалога следует понимать разнообразные информационные ресурсы региональных средств массовой информации, используемые в определенном тематическом сочетании.

Проведенный анализ литературы по вопросам освещения взаимоотношений между региональной властью и бизнесом позволил заключить следующее: в Тюменском регионе сложилась комплексная система взаимодействия власти и средств массовой информации.

Губернатор Тюменской области В. Якушев в статье «Бизнес и власть: партнерство ради будущего» выделяет работу по формированию положительного общественного мнения о конструктивном взаимодействии власти и бизнеса в средствах массовой информации как приоритетную и необходимую на современном этапе. Он отмечает, что публикация текстов соглашений, рассказ о ходе и содержании переговоров с компаниями достаточны для информирования потребителей информации. По мнению губернатора, такая «прозрачность делает понятными для тюменцев принимаемые решения...».

Однако количественный и качественный анализ содержания информации в региональных печатных изданиях (газеты, журналы, научные сборники и т.п.) позволил сделать вывод, что взаимодействие власти и бизнеса освещено не в полной мере. Можно говорить об отсутствии определенной системы публикаций (периодичность выхода, название, содержание) в части освещения процесса взаимодействия власти и бизнеса.

Было установлено, что с 2003 г. в основном освещаются вопросы деятельности малого и среднего бизнеса в регионе. С 2005 г. в средствах массовой информации усиливается внимание к проблеме финансовой поддержки малого и среднего бизнеса. В это же время проблемы бизнеса выносятся властью для обсуждения на региональные научно-практические конференции.

К сожалению, приходится констатировать, что освещение вопросов особой роли бизнеса в инновационном развитии регионов до сих пор недостаточно в средствах массовой информации региона. Проведенный анализ дал основание заключить, что чаще всего в газетных, журнальных публикациях рассматриваются вопросы в жанре информационного сообщения, повествующего о функционировании и возможности развития такого уровня бизнеса. Нередко такие публикации заканчиваются перечислением проблем в обоснование необходимости финансовой поддержки.

Для изменения сложившейся ситуации предлагается использовать формы медийного диалога в виде медиапроектов, ориентированных на освещение сотрудничества власти и бизнеса в регионе.

8 Ларченко И. А. Способы сотрудничества власти и бизнеса: анализ региональных аспектов взаимодействия // Вестник самарского государственного университета. – 2013. – № 2 (103).

При разработке медийных форм следует исходить из того, что в них должны быть представлены все возможные направления современных средств массовой информации региона. При формировании содержания медиапроектов следует придерживаться следующих ориентиров⁹:

1. Медиапроекты по возможности должны быть ориентированы на пользователей информации – население региона, поэтому они должны быть представлены так, чтобы сформировать общественное мнение у разных слоев населения.

2. Медиапроекты должны отражать конструктивный диалог между властью и бизнесом. Должны нести доступную и объективную информационную поддержку сотрудничества.

3. Медиапроекты должны иметь векторный характер: представлять интересы власти, бизнеса, удовлетворять информационные потребности молодежи, широких слоев населения.

4. Медиапроекты должны быть направлены на формирование благоприятного общественного мнения о диалоге между властью и бизнесом.

5. Медиапроекты должны ориентироваться на реализацию и представление позиции выбора субъектом медийных форм.

Использование предложенных форм медийного диалога позволит сформировать общественное мнение населения региона о конструктивном характере согласованной политики сотрудничества власти и бизнеса, о новой роли бизнеса в инновационном развитии региона.

9 Там же.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16).
2. Белова И. А., Акимов М. Ю. Институциональные условия развития механизмов взаимодействия власти и бизнеса // Научное обозрение. – 2014. – № 12. – Ч. 3.
3. Белова И. А., Акимов М. Ю. Актуальная практика регионального взаимодействия органов местного самоуправления с представителями малого бизнеса // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87).
4. Белова И. А., Акимов М. Ю. Муниципальные механизмы управления взаимодействием с малым бизнесом // Научное обозрение. – 2015. – № 16.
5. Делягин М. Г. Бизнес, власть, общество: три сосны Российской интеллигенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/statyi/delyagin1.htm>.
6. Ларченко И. А. Способы сотрудничества власти и бизнеса: анализ региональных аспектов взаимодействия // Вестник самарского государственного университета. – 2013. – № 2 (103).
7. Ларченко И. Н., Акимов М. Ю. Социальные механизмы в практике развития системы профессионального образования // Научное обозрение. – 2014. – № 8. – Ч. 2.
8. Ларченко И. Н. Использование технологий социально-управленческих преобразований в условиях трансформации профессионального образования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5 (15).

Копылов Михаил Николаевич – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов, руководитель отделения «Юриспруденция» Института международных программ Российского университета дружбы народов, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), академик Российской экологической академии (РЭА), академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ).

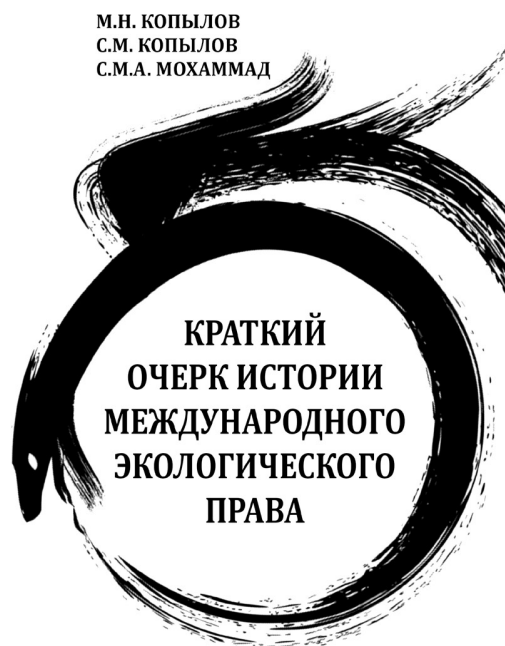
Копылов Станислав Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов.

Мохаммад Сарвар Мохаммад Анвар – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и практики Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

М.Н. КОПЫЛОВ
С.М. КОПЫЛОВ
С.М.А. МОХАММАД

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Мусаева А. Г.
**ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ**

В данной статье на основе существующих нормативно-правовых актов о хозяйственной деятельности и ФЗ № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. рассмотрены особенности осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности в РФ в настоящее время.

Ключевые слова: РФ, ФЗ, Конституция РФ, предпринимательство, особенности осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности.

Musaeva A. G.
**FEATURES OF IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN
THE RUSSIAN FEDERATION**

In this article on the basis of existing regulations on the economic activities and the Federal Law No. 209-FZ "On the development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation" of 24 July 2007, the peculiarities of implementation of individual entrepreneurial activity in the Russian Federation at the present time.

Keywords: the Russian Federation, the Federal law, the Constitution, entrepreneurship, features of individual entrepreneurship.

Мусаева А. Г.

Предпринимательство — неотъемлемый элемент современной рыночной системы хозяйствования, без которого экономика и общество в целом не могут нормально существовать и развиваться.

Независимые предприниматели представляют собой наиболее многочисленный слой частных собственников и в силу своей массовости играют значительную роль не только в социально-экономической, но и в политической жизни страны.

Малое предпринимательство обеспечивает укрепление рыночных отношений, основанных на демократии и частной собственности. По своему экономическому положению и условиям жизни частные предприниматели близки к большей части населения и составляют основу среднего класса, являющегося гарантом социальной и политической стабильности общества.

Предпринимательская деятельность — экономическая деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от производства и/или продажи товаров, оказания услуг. Для этой цели используется имущество, нематериальные активы, труд как самого предпринимателя, так и привлеченные со стороны. Нет гарантий, что затраченные средства окупятся, что произведенное будет продано с прибылью. С этим связан риск потерь всего или части имущества.

Согласно Конституции РФ каждый человек имеет право на использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, которая не запрещена законом.

Права и свободы человека и гражданина, а значит, и право свободной предпринимательской деятельности осуществляются на всей территории Российской Федерации и распространяются на каждого гражданина страны. Все органы государственной власти обязаны обеспечивать и защищать в своей деятельности права предпринимателей и свободу малого предпринимательства, а их противодействие должно рассматриваться как нарушение Конституции Российской Федерации. Государство признает и защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности.

Большое значение при анализе развития предпринимательства в Российской Федерации играют нормативно-правовые акты. Существует Закон РФ «О государственной поддержке предпринимательства в РФ», который закладывает основы нормативно-правового регулирования частного предпринимательства в России. Наиболее важным, с правовой точки зрения, для эффективной реализации государственной политики в сфере поддержки предпринимательства является Федеральный закон «О государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в России». Принятый в 1995 г., он до сих пор играет исключительную роль в правовом регулировании взаимоотношений между государством и предпринимательством, хотя и имеет свои недостатки.

Предпринимательство зародилось во времена Киевской Руси в торговой форме, а также в виде различных промыслов — звероловства и бортничества. Русских купцов можно назвать первыми массовыми представителями российского предпринимательства. Лесной промысел, развивающиеся сельские и городские ремесла, дерево- и металлообработка вместе с торговлей формировали крупные зоны российского предпринимательства. Уже в XI в. на Руси был принят первый документ, регулирующий предпринимательскую деятельность и отношения между предпринимателями — кодекс «Русская Правда». В нем были закреплены принцип и право неприкосновенности собственности, предусмотрена возможность банкротства. Татаро-монгольское иго задержало развитие предпринимательства на Руси на века. До XV–XVI вв. предпринимательство проявлялось в основном в виде сельских промыслов. Затем расцвела торговля смолой, воском, льном, коноплей, изделиями из кожи и металла и др. В XVI в. зародилась Нижегородская ярмарка. Монастырские колонии и казачество внесли большую лепту в развитие предпринимательского дела в России. С XVI в. в Московском государстве расцвело торгово-промышленное предпринимательство, подкрепляемое столичным купечеством. Зарождаются поколения предпринимателей. Первым из них считается род Строгановых, породивший крупнейших купцов и промышленников в период XVI–XX вв. Эпоха Петра послужила мощным импуль-

сом развития предпринимательства. Петр и поколение предпринимателей, порожденное им, заложили базис российского торгово-промышленного бизнеса.

Зарождается российское капиталистическое предпринимательство, увязанное с купечеством. Наиболее многочисленные группы предпринимателей составляют богатые крестьяне, ремесленники, торговцы. К началу XX в. предпринимательством в России занималось приблизительно 5 млн человек.

К началу XX в. в России существовало уже 1500 акционерных компаний. Кроме того, процветал семейный капитал, частный бизнес.

Развитию торгового бизнеса способствовало биржевое дело, а развитию финансового предпринимательства – банковское дело, которые были представлены в полной степени в России начала XX в. Основными организационными формами в то время были кооперативы, товарищества, артели. В сельском хозяйстве благодаря Столыпинской реформе было создано крестьянское предпринимательство, которое, однако, не достигло уровня фермерства.

Жестокий удар по предпринимательству нанесла революция 1917 г. На несколько лет предпринимательство возродилось в период НЭПа (1921–1926 гг.). Лишь начиная с 1965 г., ознаменовавшегося реформой, раскрепощающей товарно-денежные отношения, произошло минимальное размораживание российского предпринимательства. Лишь через четверть века бизнес в Российской Федерации приобрел официальные права гражданства.

Предпринимательская деятельность – экономическая деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от производства и/или продажи товаров, оказания услуг. Для этой цели используется имущество, нематериальные активы, труд как самого предпринимателя, так и привлеченные со стороны. Нет гарантий, что затраченные средства окупятся, что произведенное будет продано с прибылью. С этим связан риск потерь всего или части имущества.

Под понятием индивидуального предпринимателя подразумевается физическое лицо, зарегистрированное в установленном законом порядке и осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. При получении статуса индивидуального предпринимателя не будет необходимости нанимать опытных бухгалтеров, которые должны вести строгую налоговую отчетность. Кроме того, регистрация в качестве ИП не обязывает к составлению устава и его нотариальному заверению, не требует формирования уставного капитала.

Однако нужно учитывать, что предприниматель отвечает по долгам, приобретенным при осуществлении коммерческой деятельности, всем своим имуществом, в том числе и личным. Таким образом, по долгам предприятия взыскание может быть обращено на все имущество лица, имеющего статус ИП.

Особенности государственной регистрации и получения статуса индивидуального предпринимателя

Как и любая другая форма осуществления экономической деятельности, статус индивидуального предпринимателя должен быть зарегистрирован в установленном порядке в соответствующем государственном регистрационном органе. При отсутствии государственной регистрации и ведении коммерческой деятельности наступает не только административная, но и уголовная ответственность.

Для приобретения статуса ИП необходимо заполнить заявление на регистрацию формы Р21001. В нем указываются следующие данные:

- фамилия, имя, отчество будущего предпринимателя;
- информация о дате и месте рождения;
- адрес постоянного местожительства предпринимателя;
- контактные данные;
- коды видов предпринимательской деятельности, за счет осуществления которых планируется извлечение прибыли.

Следующий шаг – оплата государственной пошлины. Информацию о размере пошлины и точные реквизиты получателя можно узнать в территориальном налоговом органе, где будет зарегистрирован предприниматель. Размер пошлины не должен превышать МРОТ.

Следующей ступенью для получения статуса предпринимателя будет передача пакета документов в налоговый орган.

Государством установлены четкие сроки рассмотрения документов сотрудниками налоговой службы – не более пяти рабочих дней. По истечении пятидневного срока и при правильном составлении документов заявителю будут выданы свидетельство о регистрации его в качестве индивидуального предпринимателя, а также выписка из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП).

Отсюда можно сделать вывод, что согласно Конституции РФ, каждый человек имеет право на использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, которая не запрещена законом. Это означает, что государством приветствуется деятельность в качестве ИП при условии соблюдения ряда норм и правил.

Пристатейный библиографический список

1. Волгин В. В. Индивидуальный предприниматель: Практическое пособие. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Дашков и Ко, 2003.
2. Залесский В. В. Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2003.
3. Лапин М. С. Предприниматель без образования юридического лица. – М.: Инфра-М, 2000.
4. Мусаева А. Г. Права и свободы личности в России // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5(84).
5. Мусаева А. Г. Современная российская правовая система – общие вопросы // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.

Ван Хуэй

ФОРМИРОВАНИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОНИМАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Распространение наркомании входит в число острейших социальных проблем человечества. Не избежала значительного роста масштабов незаконного оборота психотропных средств и наркотических веществ и Россия. Увеличение количества наркозависимых лиц неизбежно приводит к росту преступности в сфере, связанной с наркотиками и, как следствие, к увеличению преступных доходов. Гигантская прибыль, получаемая от незаконного оборота наркотиков, толкает организаторов преступных сообществ к постоянному совершенствованию преступных схем, связанных, прежде всего, с распространением зелья. Серьезным препятствием в борьбе с этой общественной угрозой стало отсутствие строгой правовой регламентации процесса оборота психотропных средств и наркотических веществ. Сложившаяся ситуация, изменения, происходящие в мире и в России, формирование новых угроз и вызовов, обусловленных активизацией транснациональных преступных группировок, создание новых видов наркотических веществ, усиление таких тревожных тенденций, как сокращение населения России, в чем не последнюю роль играет рост наркомании, послужило причиной принятия Стратегии государственной антинаркотической политики РФ*. Одним из действенных средств борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ является формирование административно-правовых режимов в данной сфере.

Ключевые слова: регламентация, административно-правовой режим, незаконное потребление наркотических средств.

Ван Хуэй

Wang Hui

THE FORMATION, REGULATION AND UNDERSTANDING OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES IN THE SPHERE OF ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS

Drug addiction is among the most acute social problems of mankind. Russia has not escaped significant growth in the illicit trafficking of psychotropic drugs and narcotic substances too. The increase in the number of drug addicts inevitably leads to an increase in crimes related to drugs and, consequently, to the increase of criminal proceeds. Gigantic profits derived from drug trafficking, are pushing organizers of criminal communities to continually improve criminal schemes, associated primarily with the proliferation of poisons. A major obstacle in the fight against this serious public threat was the lack of strict legal regulation of the turnover of psychotropic drugs and narcotic substances. The current situation, the changes taking place in the world and Russia, formation of new threats and challenges arising from the intensification of transnational criminal groups, the creation of new types of drugs, the increase of such disturbing trends as the reduction of the Russian population, which is due in no small part to the growth of drug use, caused the adoption of the Strategy of State Antidrug Policy of the Russian Federation. One of the most effective means of combating illicit trafficking of narcotic substances is the formation of the administrative-legal regimes in this field.

Keywords: regulation, administrative-legal regime, illicit drug use.

Потребление наркотических средств без назначения врача несет в себе серьезнейшую угрозу здоровью и жизни граждан, а, значит, в конечном счете, и национальной безопасности государства. Итоги общероссийского мониторинга свидетельствуют о том, что общее число лиц, хотя бы раз потребивших наркотики, составляет около 6 млн человек, чуть менее 2 млн из которых — молодежь и подростки возрастом до 24 лет¹. По данным официальной статистики, на 2009 г. число наркоманов в России составляло 503 000 человек. Следует учесть, что это количество лиц, добровольно ставших на медицинский учет. Реальное же число наркозависимых превышает 6 млн человек, что составляет около 4% населения страны. Особенно тревожит возрастной состав этой группы лиц: 20% из них — школьники, около 60 % — молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет и 20% — лица старшего возраста.

Правонарушения, совершаемые в области незаконного оборота и потребления наркотических средств, представляют собой деяния, имеющие антиобщественный противоправный характер, несущие угрозу общественным отношениям в сфере охраны здоровья и подлежащие наказанию. Они направлены на незаконное распространение и потребление этих веществ и осуществляются посредством нарушения режима контроля за ними, установленного государством².

Административно-правовые режимы являются одним из важнейших инструментов борьбы с правонарушениями в сфере незаконного оборота психотропных веществ и наркотических средств. К сожалению, современное состояние административно-правовых режимов торговли, ввоза груза на территорию страны, через ее границы в значительной степени размыто, что является существенным препятствием для формирования эффективной системы противодействия наркотрафику. Отрицательное влияние на эффективность реализации антинаркотической политики государства также оказывает

* Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 // СЗ РФ. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.

1 Статистика наркомании в России // Реабилитационный центр «Путь к свободе». [Электронный ресурс] // Реабилитационный центр «Путь к свободе». — Режим доступа: <http://ksvobode.com/saristic.html>

2 Жеребцов А. Н. Миграционно-правовые режимы: теория и практика административно-правового регулирования: монография. — Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та экон., социол. и права, 2009.

отсутствие системы государственного мониторинга за динамикой наркоситуации в стране.

В рамках фармацевтического рынка присутствуют лекарственные препараты, входящих в перечень веществ, которые подлежат особому контролю на территории Российской Федерации, поскольку они подпадают под действие специальных правовых норм, в том числе — уголовного, административного и международного права³.

Действие около полусотни межведомственных, межправительственных и международных соглашений в области регулирования режима пересечения государственной границы, по сути, девальвирующих механизмы контроля, существенно способствуют наркокурьерам пересекать государственную границу страны.

Мы считаем, исходя из вышесказанного, что реализация механизма эффективного регулирования оборота наркотических и психотропных веществ предполагает долговременную, комплексную реализацию единого механизма способов и средств (блока мероприятий) или, другими словами, применение специального режима правового регулирования.

Перечень основных направлений противодействия правонарушениям в рассматриваемой сфере свидетельствует в пользу именно режимного регулирования данной сферы. Среди стратегических задач в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и прекурсоров необходимо отметить следующие:

1) разработка и внедрение системы мер, направленных на пресечение незаконного оборота наркотических средств и прекурсоров в Российской Федерации;

2) разработка и реализация системы государственного мониторинга в сфере незаконного оборота и потребления наркотиков;

3) реализация комплекса мер, обеспечивающих надежный контроль государства за легальным оборотом наркотических средств и прекурсоров в медицинских целях;

4) внедрение мер, адекватных существующей угрозе, по противодействию наркографии на территории страны;

5) совершенствование нормативно-правового, ресурсного и организационного обеспечения антинаркотической деятельности государства.

Современная юридическая литература предлагает множество определений термина «административно-правовой режим».

Так, А. В. Малько и И. И. Матузов предлагают рассматривать правовой режим как особую форму правового регулирования, представляющую собой сочетание юридических инструментов, цель которой состоит в создании желаемого социального состояния, а также необходимую степень благоприятствования или неблагоприятствования, отвечающую интересам субъектов права. Этот механизм представляет собой систему методов и условий реализации правового регулирования или, другими словами, функциональную характеристику права⁴.

Согласно Д. Н. Бахраху, правовой режим представляет собой совокупность правил, которые закреплены в нормах, юридически регулирующих какую-либо конкретную сферу деятельности людей. Со специальным правовым регулирова-

нием, как правило, связаны объекты деятельности (режимы конкретной деятельности, например, оборота наркотиков, перемещение культурных ценностей и т. д.), место и время ее осуществления, специфика действий, а в большинстве случаев — сочетание перечисленных факторов.

Можно согласиться с мнением некоторых административистов, отмечающих, что, с одной стороны, правовой режим является совокупностью разнообразных юридических инструментов, которые, благодаря ему, работают в рамках единого правового поля, с другой — механизмом, обеспечивающим их (юридических инструментов) дифференциацию, формируя оптимальные условия для реализации субъектами своих прав и обязанностей в зависимости от места и времени, задач и целей совершения деятельности, а также от обстановки, сложившейся под воздействием внешних факторов⁵.

Таким образом, правовой режим является особым, официально установленным порядком правового регулирования, отражающим совокупность организационных и юридических инструментов, направленных на обеспечение устойчивого функционирования объектов воздействия через закрепление их социально-правового состояния.

По нашему мнению, оставив за скобками многочисленные уточняющие характеристики, предлагаемые многими авторами, сущностное определение административно-правового режима можно сформулировать следующим образом: административно-правовой режим представляет собой комплекс административно-правовых механизмов регулирования, опосредованный императивным методом правового воздействия и централизованным порядком.

Административно-правовые режимы характеризуются следующими отличительными признаками:

— поведение юридических и физических лиц, регламентированное специальными правовыми нормами;

— изъятие либо введение дополнительных пунктов к общеобязательным правовым нормам;

— вынужденное детальное регламентирование деятельности общественных и государственных структур;

— введение некоторых ограничительных мер и специального контроля за соблюдением законности в сфере функционирования особого режима.

Конкретный правовой режим можно рассматривать как обособленный правовой институт с характерными для него обеспечивающими организационными компонентами, который направлен на формирование оптимальных, с позиции государства, отношений в рамках относительно ограниченной, но вместе с тем жизненно важной области жизнедеятельности, затрагивающей вопросы государственной, общественной, личной безопасности.

Другими словами, административно-правовой режим является особым, опирающимся на нормы административного права, отличающимся от обычного, порядком функционирования государственных структур, учреждений, предприятий и иных организаций в сферах, нуждающихся в дополнительных административно-правовых средствах регулирования с целью поддержания правопорядка, обеспечения личной, общественной и государственной безопасности и т. д. Целью установления административно-правовых режимов является создание таких правовых преград перед правонарушителями, которые будут способны полностью исключить либо значительно за-

3 Подгорбунских Н. И. Лицензирование деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ / Н. И. Подгорбунских, Н. М. Николаева, Е. В. Толстова // Новая аптека. — 2003. — № 6. — С. 17—24.

4 Музов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. — М.: Юристъ, 2004.

5 Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — 3-е изд., пересмотр, и доп. М.: Норма, 2007. — С. 479.

труднить им возможность совершения противоправных действий⁶.

Федеральными законами регламентируются как общие, так и особые обязанности и права участников управленческих отношений, имеющих отношение к реализации функций и задач административно-правовых режимов, которые могут, в свою очередь, изменяться с помощью подзаконных актов, что предполагает установление административно-предупредительного особого режима. Следовательно, административно-правовым режимом можно считать совокупность административно-правовых средств и государственных мер, в основе которых лежат законодательные нормы и с помощью которых регламентируется порядок реализации административно-правовых отношений в неординарных условиях для недопущения дезорганизации государственного управления с дальнейшим приведением управленческих отношений к стабильному и упорядоченному состоянию.

Установление административно-правового режима в рамках реализации антинаркотической политики заключается в регламентации специальных государственных состояний посредством комплекса специальных правовых инструментов. К таковым относятся:

1) административно-правовые нормы и акты, регулирующие особый порядок отношений между субъектами в соответствующих сферах;

2) специально созданные уполномоченные государственные структуры, выполняющие функцию формирования и поддержания соответствующего режима;

3) система строгой ответственности и контроля деятельности в рамках особого административно-правового режима;

4) расширенное применение запретительных и ограниченно разрешительных мер, сочетаемых, при необходимости, с целевым стимулированием субъектов отношений;

5) наличие соответствующих технических, финансовых, материальных и организационных инструментов (ресурсов, техники и т. д.).

Эффективность административно-правовых режимов, устанавливаемых в сфере оборота наркотических и психотропных веществ, во многом обусловлена их комплексным характером. Комплексный административно-правовой режим мы предлагаем рассматривать как специальный порядок осуществления деятельности государственных структур управления, имеющий нормативный характер и правовую регламентацию, общую для всех либо для определенной категории государственных органов, который подлежит конкретизации при его осуществлении. Рассматриваемые административно-правовые режимы используются достаточно часто во многих сферах осуществления государственного управления. Комплексные режимы характеризуются нормативным или персонифицированным характером по отношению к объектам или субъектам правового воздействия.

Составляющими административно-правовых режимов в сфере оборота наркотических и психотропных средств являются компоненты административно-правовых режимов в области лицензирования, таможенной политики и т. д. Так, система защиты территории РФ от контрабанды наркотиков

подразумевает собой систему мер, цель которых — укрепление пограничного режима через административно-правовое и организационно-техническое регулирование. Обеспечение административно-правового режима в сфере таможенного контроля основано на нормах административного права, которые объединены целевой направленностью на вопросы регулирования отношений в области обеспечения таможенного контроля и ориентированных на обеспечение осуществления соответствующих действий и функций таможенными органами, юридическими и физическими лицами⁷.

Лицензионно-разрешительная система, функционирующая в рамках государственной антинаркотической политики, обладает всеми признаками административно-правового режима, установленного для обеспечения безопасности общества, государства и личности. Аналогично другим административно-правовым режимам, она регламентируется федеральными законами и предусматривает регулирование деятельности исполнительных органов власти, организаций, учреждений и предприятий, поведение граждан в соответствующей сфере общественной жизни, а также регламентирует функционирование разрешительной системы (лицензирование) на определенные виды деятельности, ограничение или запрещение некоторых действий и т. д. Нарушение правил, установленных в рамках лицензионно-разрешительной системы, согласно законодательству РФ, влечет за собой уголовную или административную ответственность. Между тем, определяющая функция лицензионно-разрешительной системы заключается в регламентировании и реализации порядка получения разрешений и лицензий на осуществление отдельных, установленных законом, видов деятельности.

Достичь главных целей, стоящих перед административно-правовыми режимами в сфере контроля за оборотом наркотических и психотропных веществ, возможно лишь при условии обоснованного и сбалансированного сочетания мер, принятых по таким направлениям⁸:

1) активное развитие международного сотрудничества по вопросам контроля над оборотом наркотиков;

2) активизация лечебной, профилактической и реабилитационной деятельности с целью сокращения спроса на наркотические вещества;

3) целенаправленное пресечение нелегального оборота и производства наркотиков на территории страны, противодействие наркоагрессии как меры по сокращению их предложения.

Осуществляемые в рамках административно-правовых режимов в сфере борьбы с незаконным наркооборотом режимные мероприятия могут привести к частичному предупреждению и даже к пресечению преступной деятельности в указанной сфере. Административно-правовой режим в сфере контроля за оборотом наркотических и психотропных веществ можно рассматривать с двух позиций:

— как один из элементов государственно-правового регулирования в сфере оборота наркотиков в Российской Федерации;

— как элемент государственных мер по обеспечению государственной безопасности в Российской Федерации.

Подобный подход к административно-правовому режиму в области контроля за оборотом наркотиков позволяет его отнести к категории функциональных административно-

6 Маилян С. С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью: монография. — Москва: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2003; Мельгунов В. Д. Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности. — М.: Волтерс Клувер 2008.

7 Марченко Р. А. Административно-правовой режим обеспечения таможенного дела // Административное право и процесс. — 2009. — № 1.

8 Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 года № 690 // СЗ РФ. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.

правовых режимов, используемых государством в качестве инструмента обеспечения национальной безопасности и государственного управления. Функциональной характеристикой таких режимов является система методов и условий реализации правового регулирования или, другими словами, своеобразный «алгоритм» действия права⁹.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что наиболее актуальными направлениями совершенствования системы административно-правовых режимов в области контроля за оборотом наркотических и психотропных веществ являются:

- формирование и совершенствование системы государственного мониторинга за наркоситуацией на территории Российской Федерации;
- принятие действенных мер по сокращению спроса на наркотики и их предложению;
- пресечение незаконного оборота наркотиков как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на федеральном уровне;
- усиление эффективности борьбы с наркотрафиком на территории страны;
- совершенствование ресурсного, организационного и нормативно-правового обеспечения государственной антинаркотической политики;
- создание надежной системы государственного контроля в сфере легального оборота наркотиков и прекурсоров.

Пристатейный библиографический список

1. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учеб. для вузов. — 3-е изд., пересмотр, и доп. — М.: Норма, 2007.
2. Долгополов А. А. Понятие и виды нормативных правовых актов, образующих административно-правовые режимы // Российский следователь. — 2006. — № 9.
3. Долгополов А. А. Правовая регламентация административно-правовых режимов // Вестник Московского университета МВД России. — 2006. — № 6.
4. Жеребцов А. Н. Миграционно-правовые режимы: теория и практика административно-правового регулирования: монография. — Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та экон., социол. и права, 2009.
5. Звоненко Д. П. Административное право: Учебник / Д. П. Звоненко, А. Ю. Малумов, Г. Ю. Малумов. — М.: ЮСТИЦ ИНФОРМ, 2007.
6. Иванов В. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. — 2008. — № 3.
7. Маилян С. С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью: монография. — М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
8. Марченко Р. А. Административно-правовой режим обеспечения таможенного дела // Административное право и процесс. — 2009. — № 1.
9. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. — 1996. — № 1.
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. — М.: Юрист, 2004.
11. Махарадзе Н. С. Проблемы производства по делу об административных правонарушениях в сфере оборота наркотиков // Российская юстиция. — 2006. — № 7.
12. Мельгунов В. Д. Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности. — Москва: Изд-во Волтерс Клувер 2008.
13. Новикова Н. В. О мерах государственного контроля оборота наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации / Н. В. Новикова, В. Н. Тарасевич // Вестн. ПГФА. — 2007. — № 3.
14. О федеральной целевой программе «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005-2009 годы: постановление Правительства РФ от 13 сентября 2005 г. № 561 (в ред. от 23 апреля 2006г. № 157) // СЗ РФ. — 2006. — № 13. — Ст. 1409.
15. Подгорбунских Н. И. Лицензирование деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ / Н. И. Подгорбунских, Н. М. Николаева, Е. В. Толстова // Новая аптека. — 2003. — № 6.
16. Розанов И. С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Государство и право. — 1996. — № 9.
17. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы. — М., 2000.
18. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы: монография / В.Б. Рушайло. — М.: Изд-во «Щит-М», 2000.
19. Сидоров Э. Т. Административно-правовое принуждение в условиях специальных административно-правовых режимов: монография. — М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2004.
20. Статистика наркомании в России [Электронный ресурс] // Реабилитационный центр «Путь к свободе». — Режим доступа: <http://ksvobode.com/sraristic.html>
21. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 // СЗ РФ. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.
22. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. — М., 2001.
23. Хесина Н. М. Административно-правовое обеспечение режима законности и правопорядка в Российской Федерации: монография / Под ред.: Кикоть В. Я. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
24. Четвериков В. С. Административное право. — Ростов н/Д.: Феникс, 2004.

⁹ Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы / В.Б. Рушайло. — М., 2000. — С. 14; Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. — 1996. — № 1. — С. 32.

**Панченко В. Ю., Сабиров А. М.
О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА АЛЬТЕРНАТИВНУЮ
ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ***

В статье анализируется состояние правового режима реализации права на альтернативную гражданскую службу в современной правоприменительной практике, исходя из реалистического понимания категории правового режима, отражающего реальную степень обеспеченности прав и законных интересов субъектов в той или иной сфере общественных отношений. Исходя из содержания актов действующего правового регулирования, статистических данных органов государственной власти, уполномоченных содействовать реализации права граждан на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской, а также судебной практики, автор приходит к выводу о том, что режим реализации исследуемого конституционного права является благоприятствующим.

Ключевые слова: правовой режим, реалистическое понимание, оценка правовых режимов, альтернативная гражданская служба.

**Panchenko V. Yu., Sabirov A. M.
ABOUT LEGAL REGIME OF THE RIGHT TO ALTERNATIVE CIVILIAN SERVICE**

The article analyzes the state of the legal regime for the right to alternative civilian service in modern law enforcement, based on a realistic understanding of the category of legal regime, reflecting a real level of provision of the rights and legitimate interests of entities in any sphere of public relations. Based on the acts of current legal regulation, statistics of public authorities charged with promoting the implementation of citizens' rights to replace military service with alternative civilian and judicial practice, the author comes to the conclusion that the regime implementing the test of constitutional law is favoring.

Keywords: legal regime, the realistic conception, assessment of legal regimes, alternative civilian service.

Несмотря на наличие действующего правового регулирования института альтернативной гражданской службы (далее – АГС), которым урегулированы права и обязанности лиц, поступающих на альтернативную гражданскую службу, основания ее предоставления и др.¹, а также популярность настоящего института среди лиц призывного возраста², требует решения вопрос об оценке этого института с позиций реалистического понимания правового режима, т. е. реализации исследуемого конституционного права в правовой действительности.

Учитывая, что нормативная трактовка понятия «правовой режим» оказывается бессильной для объяснения различий реального действия одинаковых наборов нормативно-регулятивных средств³, правовой режим понимается нами посредством реалистического подхода, как характеристика, «отражающая реальную степень обеспеченности прав и законных интересов субъектов в той или иной сфере общественных отношений»⁴.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-33-01354.

1 Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (ред. от 25 окт. 2013 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2004 г. № 256 «Об утверждении Положения о порядке прохождения альтернативной гражданской службы» (ред. от 24 дек. 2014 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Генштаб доказал непопулярность альтернативной гражданской службы [Электронный ресурс] // Веб-сайт ООО «Полит.ру». – Режим доступа: <http://polit.ru/news/2013/09/30/civil/> (дата обращения: 10.04.2015).

3 Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 16.

4 Правовой режим в его реалистическом понимании отражает не только нормативные ограничения или льготы, но и состояние реальной возможности или невозможности пользования правами, что и свидетельствует о благоприятности или неблагоприятности правового режима. См.: Кондрашев А. А., Пикулева И. В. Правовые режимы конституционного права на бесплатную юридическую по-

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (далее – Закон), п. 1 Положения о порядке прохождения альтернативной гражданской службы (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2004 г. № 256) (далее – Положение), последняя представляет собой особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву. Военная служба гражданина в Вооруженных Силах Российской Федерации подлежит замене на альтернативную гражданскую службу в двух случаях: несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию, либо он относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйство и занимается традиционными промыслами.

Исходя из анализа статистических данных и правоприменительной практики судов общей юрисдикции, а именно – количества рассмотренных дел об оспаривании решений военных комиссариатов об отказе в замене военной службы АГС, можно сделать вывод, что режим реализации данного конституционного права можно признать благоприятствующим. Такое свойство данного режима объясняется следующим.

Во-первых, несмотря на попытки оспорить положения Закона в порядке конституционного судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел каких-либо несоответствий положений закона Конституции Российской Федерации⁵, т. е. Закон на данный момент существует в неизменном конституционной практикой виде – все положе-

5 Оспаривание конституционности положений Закона о порядке прохождения альтернативной гражданской службы // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10. – С. 120.

5 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. № 447-О «По жалобам граждан Жидкова Михаила Александровича и Пильникова Олега Сергеевича на нарушение их

Панченко В. Ю.

Сабиров А. М.

ния Закона на данный момент соответствуют Конституции Российской Федерации и исполнены на надлежащем уровне юридической техники.

Во-вторых, на данный момент существует утвержденный Министерством труда и социального развития перечень из 126 профессий альтернативной гражданской службы⁶, среди которых есть такие, как «артист балета», «преподаватель в университете», «экономист». Иными словами, институт АГС представляет широкий перечень возможных видов деятельности.

В-третьих, в соответствии со ст. 3 Закона правом обратиться за заменой военной службы АГС обладает любое лицо призывного возраста, годное к военной службе, что не может не свидетельствовать о благоприятности режима реализации исследуемого права.

В-четвертых, в соответствии с ч. 2 ст. 11 Закона пакет документов, необходимый для замены военной службы АГС выглядит следующим образом: заявление гражданина, автобиография, характеристика с работы или учебы. Кроме того, гражданин может приложить иные документы. Таким образом, у субъекта, желающего заменить военную службу АГС, отсутствует необходимость собирать множество документов, достаточно лишь трех.

Более того, срок предоставления указанных документов не является пресекательным и может быть восстановлен судом или иным правоприменительным органом⁷.

В-пятых, нельзя также не отметить правовую определенность установленной процедуры признания за гражданином возможности прохождения альтернативной службы. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 10 Закона направление гражданина на АГС включает 4 стадии. Еще более детально названная процедура урегулирована Положением: существует около 70 пунктов (40 000 знаков), устанавливающих порядок осуществления гражданином своего конституционного права на прохождение АГС. Нельзя не отметить закрытый перечень оснований для отказа гражданину в замене военной службы АГС (п. 26 Положения).

В-шестых, исходя из статистических данных, всего за период с 2004 по 2010 гг. было подано 5 388 заявлений о прохождении АГС. В отношении 4 072 (80,5 %) граждан вынесены заключения о замене военной службы альтернативной гражданской⁸. Таким образом, подавляющее большинство заявлений лиц, обратившихся к военным комиссариатам о замене военной службы альтернативной, были рассмотрены и удовлетворены военными комиссариатами без соответствующего обращения за судебной защитой.

Часть неудовлетворенных военными комиссариатами заявлений о замене военной службы альтернативной гражданской были предметом судебного рассмотрения. Так, некоторые из них были отменены по процедурным основаниям (отсутствие необходимого кворума на заседании призывной

комиссии и т. д.⁹). Другая часть отменена по материально-правовым основаниям: у комиссии отсутствовали основания для вывода об отсутствии у лица убеждений, препятствующих прохождению военной службы¹⁰.

В тоже время, исходя из судебной практики судов общей юрисдикции, следует отметить, что отказ гражданину в предоставлении АГС обусловлен его собственными, не основанными на законе представлениями об АГС и соответствующих требованиях.

Так, рассмотренные и оставленные судом без удовлетворения требования лиц об оспаривании решений военных комиссариатов были мотивированы либо отсутствием у заявителя убеждений, препятствующих прохождению военной службы¹¹ (в т. ч. и когда лицо ничем не обосновывало наличие у него убеждений, препятствующих прохождению военной службы¹²), либо несоблюдением сроков обращений с соответствующим заявлением и последующим отказом в их восстановлении в виду неумажительности причин пропуска (в т. ч. и в случае поступления обращения во время военной службы)¹³. Другая часть требований не была удовлетворена судом в связи с правомерными действиями военного комиссариата¹⁴, выходящими либо в надлежащей процедуре принятия решения по заявлению гражданина о предоставлении ему АГС, либо в обоснованном решении об отсутствии у гражданина убеждений, препятствующих прохождению военной службы.

Таким образом, несмотря на наличие незначительного числа споров по отношению к общему количеству поданных лицами и рассмотренных военными комиссариатами заявлений о замене военной службы на АГС, правовой режим реализации данного конституционного права представляется благоприятствующим. Также следует учитывать тот факт, что 80% заявлений о замене военной службы АГС удовлетворяются военными комиссариатами без обращения за судебной защитой.

Пристатейный библиографический список

1. Кондрашев А. А., Пикулева И. В. Правовые режимы конституционного права на бесплатную юридическую помощь: подходы к пониманию и методика оценки // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10.
2. Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7.

9 См., напр.: Решение Пролетарского районного суда г. Саранска от 30 нояб. 2010 г. по делу № 2-1385/2011. Доступ из базы данных «РосПравосудие»; Решение Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 нояб. 2010 г. по делу № 2-5721/2010. Доступ из базы данных «РосПравосудие».

10 См., напр.: Решение Кировского районного суда г. Хабаровска от 11 нояб. 2010 г. по делу № 2-1993/2010. Доступ из базы данных «РосПравосудие».

11 См., напр.: Решение Ейского городского суда Краснодарского края от 18 марта 2011 г. по делу № 2-697/2011. Доступ из базы данных «РосПравосудие»; Решение Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 13 нояб. 2010 г. по делу № 2-1729/10. Доступ из базы данных «РосПравосудие»; Решение Бийского городского суда Алтайского края от 4 мая 2012 г. по делу № 2-2045/2012. Доступ из базы данных «РосПравосудие».

12 Решение Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 13 нояб. 2010 г. по делу № 2-1729/10. Доступ из базы данных «РосПравосудие».

13 См., напр.: Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 8 дек. 2011 г. по делу № 2-4699-2011. Доступ из базы данных «РосПравосудие»; Решение Промышленновского районного суда Кемеровской области от 22 дек. 2010 г. по делу № 2-682/2010. Доступ из базы данных «РосПравосудие»; Решение Центрального районного суда г. Омска от 12 нояб. 2011 г. по делу № 2-6116/2011. Доступ из базы данных «РосПравосудие»; Решение Кировского городского суда Мурманской области от 13 дек. 2011 г. по делу № 2-1107/2011. Доступ из базы данных «РосПравосудие».

14 См. напр.: Решение Пролетарского районного суда г. Саранска от 29 мая 2012 г. по делу № 2-704/2012. Доступ из базы данных «РосПравосудие».

конституционных прав статьей 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе». Документ опубликован не был.

6 Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 февр. 2014 г. № 110н «Об утверждении перечней видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, и организаций, где предусматривается прохождение альтернативной гражданской службы, и признании утратившими силу некоторых приказов Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 окт. 2006 г. № 447-О «По жалобам граждан Жидкова Михаила Александровича и Пильникова Олега Сергеевича на нарушение их конституционных прав статьей 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе».

8 Роструд подвел итоги направления граждан на альтернативную гражданскую службу в ходе осенней призывной кампании 2010 года. Государственная служба занятости. Информационный портал Алтайского края по труду и занятости населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trud22.ru/news/20101215_1002.html (дата обращения: 10.04.15).

Михалева А. Е.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПРАВ СТРАХОВАТЕЛЕЙ, ВЫГОДОПРИБРЕТАТЕЛЕЙ И ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦ ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается вопрос оценки условий фактического осуществления прав страхователя, выгодоприобретателя и застрахованного лица по договорам добровольного страхования в России. Автор приходит к выводам о том, что критериями благоприятности правового режима могут выступать информационная доступность страховых услуг (размещение актуальной информации на официальном сайте страховой организации, ее репрезентативность, осуществление дополнительного консультирования клиентов); наличие объективной возможности выбора страхователя (неоднородность предлагаемых программ страхования); использование системы электронного документооборота; адекватность страховых тарифов; продуманность клиентского сервиса.

Ключевые слова: страхование, правовой режим, обеспечение прав человека и гражданина, правовая политика, правовая жизнь.

Михалева А. Е.

Mikhaleva A. E.

SOME ASPECTS OF LEGAL REGIME OF POLICY HOLDER`S, BENEFICIARY`S AND INSURED PERSON`S RIGHTS IN THE CONTEXT OF VOLUNTARY INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes an issue of assessing the factual conditions of policy holder`s, beneficiary`s and insured person`s rights implementation under voluntary insurance policy in Russia. The author comes to conclusions that the favorableness of the legal regime could be measured by criteria of informational accessibility of insurance services (publishing of the relevant information on the official website of insurance organization, its representativeness, provision of additional consultations for clients); existence of real opportunity to choose the insurer (including different conditions in suggested insurance policies); usage of electronic document management; adequacy of insurance premium; high-level client service.

Keywords: insurance, legal regime, ensuring of human and civil rights, legal policy, legal life.

В юридической науке и практике значимость вопроса обеспечения (в т.ч. охраны и защиты) прав человека и гражданина принимается за аксиому независимо от угла его рассмотрения (идеалистического, скептического или иного).

Однако отражение правовых возможностей в абстрактных формулировках (Конституции РФ, международных конвенций) было бы явно недостаточным для их использования в реальной жизни, придавало бы таковым исключительно декларативный, но не прикладной характер, в связи с чем основные права конкретизируются при регламентации отдельных видов общественных отношений: в том числе, правоотношений из договора страхования – в виде прав страхователя, выгодоприобретателя и застрахованного лица¹.

Представляется, что для оценки уровня благоприятности существующих условий фактического осуществления прав страхователя, выгодоприобретателя и застрахованного лица, методологически верным станет использование потенциала категории «правовой режим» как характеристики, отражающей «не только нормативно запрограммированную правотворческими органами, но и реальную степень обеспечен-

ности прав и законных интересов субъектов в той или иной сфере общественных отношений», «не только нормативные ограничения или льготы, но и состояние реальной возможности или невозможности пользования правами»².

В целом «правовой режим прав страхователя, выгодоприобретателя и застрахованного лица» задается совокупностью всех нормативно предусмотренных и фактически осуществляемых правовых возможностей указанных специальных субъектов (т.е. обобщенное понятие «права страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица» охватывает целый ряд правовых дозволений, включая, например, право на получение страхового возмещения, право на отказ от договора и пр.).

Когда речь идет о добровольных формах страхования, необходимо учитывать присутствие большого количества диспозитивных норм в регулировании таких правоотношений, вследствие чего правовой режим прав страхователя, выгодоприобретателя и застрахованного лица может варьироваться в зависимости от условий конкретного договора страхования, трансформироваться по согласованной воле сторон.

Спецификой закрепленного «на бумаге» правового режима прав страхователя, выгодоприобретателя и застрахованного лица является существование некоторой промежуточной (между законом и договором) формы его регламентации – правил страхования, принимаемых страховщиком или объединением страховщиков самостоятельно и определяющих условия страхования и порядок его осуществления, т.е., по сути, фиксирующих «нормы» локального уровня, которые задают (применительно ко всем договорам, заключаемым у кон-

1 Страхователь – лицо, заключившее со страховщиком договор страхования (т.е. сторона договора в силу ст. 927 ГК РФ); выгодоприобретатель – лицо, в пользу которого заключен договор страхования, т.е. имеющее право требовать выплаты страхового возмещения или страховой суммы (исходя из ст. 956 ГК РФ); застрахованное лицо – то лицо, жизнь, здоровье или ответственность которого застрахованы по договору (что следует из ст. 955 ГК РФ). Указанные статусы могут приобретаться как одним субъектом одновременно, так и разными лицами в рамках одного конкретного договора страхования. Именно для того, чтобы учесть все возможные варианты, в работе используется собирательное понятие «права страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица».

2 См.: Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 15–16.

кретного страховщика на их основе) общие рамки страховых правоотношений (п. 3 ст. 3 Закона РФ «Об организации страхового дела в РФ»).

Представляется, что в первую очередь следует обратиться к законодательной характеристике самих договоров, которые выступают основаниями возникновения, изменения и прекращения страховых правоотношений.

Законодатель выделяет два основных вида договора страхования в зависимости от их объекта (т.е. природы страхового интереса): договор имущественного страхования и договор личного страхования.

Последний в соответствии со ст. 927 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) является публичным, что, несомненно, определяет особенности правового режима прав потенциального страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица по договору личного страхования, поскольку для его заключения достаточно инициативы страхователя (т.к. по ст. 426 ГК РФ страховщик обязан оказать указанную страховую услугу в отношении каждого, кто к нему обратится), а в случае необоснованного уклонения второй стороны страхователю предоставлена возможность воспользоваться таким способом защиты своих прав, как обращение в суд с требованием о понуждении заключить договор (ст. 445 ГК РФ).

Как указывалось выше, собирательный институт прав страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица включает в себя ряд отдельных правовых возможностей.

В частности, статьи 929 и 934 ГК РФ закрепляют ключевое по своей сути право лица, в пользу которого заключен договор, на получение страхового возмещения (страховой суммы) при наступлении предусмотренного в нем события (страхового случая). Его фактическая осуществимость, влияющая на правовой режим (в реалистическом понимании) прав страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица в целом, может быть установлена:

– по степени сложности («бюрократизированности») процедур действительного получения денежных средств от страховщика. Так, необходимым условием активации страховых механизмов выступает надлежащее оформление, фиксация, а иногда и доказывание имевших место обстоятельств. Подобные требования к страхователю должны устанавливаться в разумных пределах, не создавая юридических препятствий на пути реализации прав и законных интересов;

– по наличию у страхователя средств дополнительного воздействия на своего контрагента, выполняющих в том числе и компенсационную функцию, дополнительно обременяющих страховщика при неисполнении или ненадлежащем исполнении своего обязательства.

Кроме того, с вопросами информационного контекста правовых взаимодействий страхователя и страховщика в несколько ином его аспекте связано закрепленное в ст. 3 Закона «Об организации страхового дела в РФ» право страхователя, застрахованного лица, выгодоприобретателя, а также лица, имеющего намерение заключить договор страхования, на разъяснение положений, содержащихся в правилах страхования и договорах страхования, и получение иной необходимой информации, что по существу налагает на профессионального участника страхового рынка обязанность оказывать содействие своим клиентам, обеспечивая их осведомленность и достаточную компетентность при принятии тех или иных решений в рамках договора, оценивании возможных вариантов и исходов.

Наконец, страхователь, выгодоприобретатель, застрахованное лицо максимально свободны в определении своего

статуса, т.к. ст. 958 ГК РФ закрепляет за ними право отказаться от договора страхования в любое время в одностороннем порядке.

В то же время правовой режим прав страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица необходимо характеризовать не только по теоретически существующим на уровне формальных источников правовым возможностям, но и по эффективности реализации нормативных положений, т.е. по фактической осуществимости запрограммированных законодателем прав.

Для проведения такой оценки в качестве образца и руководства следует использовать методические рекомендации, предлагаемые А. С. Автономовым и И. Н. Гавриловой для уполномоченных по правам человека³, на основании которых представляется возможным «перепрофилировать» предлагаемые авторами критерии (которые по сути своей применимы к любой сфере жизни общества) для определения степени благоприятности правового режима прав страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица при добровольном страховании в Российской Федерации.

Во-первых, степень информационной доступности страховых услуг может быть установлена по следующим показателям: а) наличию актуальной и релевантной информации на официальном сайте страховой организации в сети Интернет; б) репрезентативности (ясности для лица, не обладающего специальными познаниями в сфере страхования, преимуществ и недостатков того или иного страхового продукта и его отличий от аналогичных вариантов, а также четкости требований о необходимых для получения страховой услуги документов и прочих условий эффективного взаимодействия со страховщиком); в) обеспеченности возможности получения консультаций специалистов по интересующим вопросам как для потенциальных, так и для действительных страхователей (в т.ч. в режиме онлайн, посредством организации телефонной горячей линии и пр.).

Во-вторых, наличие у страхователей объективной возможности выбора подходящего контрагента, которое определяется по количеству субъектов, оказывающих страховую услугу отдельного вида, и неоднородности (неидентичности) содержания предлагаемого ими страхового продукта, т.е. вариативности условий страхового договора.

В-третьих, степень территориальной и инфраструктурной доступности страховых организаций, которая может быть не вполне приемлемой в отдаленных северных территориях, где зачастую не имеется соответствующих филиалов и представительств. При этом следует учитывать, что страховая услуга может предоставляться через страховых агентов, а также существует такой порядок взаимодействий страховщика и страхователя, как электронный документооборот.

В-четвертых, требуется учитывать также и финансовую доступность страховых услуг, т.е. насколько широка имеющаяся у граждан экономическая возможность приобретать специальный статус страхователя, вступать в страховые правоотношения.

Цена страховой услуги должна быть разумной и обоснованной, ведь чем ниже уплачиваемая страховая премия, тем меньше объем страхуемых рисков. Это обусловлено важней-

3 См.: Автономов А. С., Гаврилова И. Н. Критерии оценки прав человека для уполномоченных по правам человека: Методические рекомендации по мониторингу прав человека на доступ к суду, на митинг и на доступ к образованию. – М.: Издательство «Юрист», 2011.

шим фактором эффективного функционирования системы страхования, обеспечения защиты интересов клиентов – финансовой устойчивостью страховых организаций, ведь в случае недостаточности фонда средств, формируемого за счет страховых взносов (вследствие заниженного страхового тарифа), пострадать могут интересы всех получателей «выгодной», на первый взгляд, страховой услуги.

Тем самым, финансовая доступность страховых услуг определяется не самыми низкими страховыми тарифами в сопоставлении со средним уровнем жизни населения, а адекватностью расценок (определяемых по заранее установленным критериям), которые необходимы и достаточны для исполнения страховщиком всех принятых на себя обязательств.

Наконец, в-пятых, поведенческая (бихевиоральная) доступность страховых услуг требует существенной доработки, поскольку на сегодняшний момент едва ли можно говорить о доверии населения страховщикам и стремлении граждан вступать в страховые правоотношения.

Современный рынок страховых услуг начал формироваться относительно недавно (отмечается, что реально некоторое улучшение его конъюнктуры произошло лишь в 2005 г.⁴), поэтому вследствие отсутствия устоявшейся практики функционирования страховых механизмов в отечественной правовой жизни возникает ряд проблем, связанных с невысокой страховой культурой всех участников страховых отношений⁵.

4 См.: Проблемы и перспективы страхового рынка в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.silchenkova.ru/Vidy_dogovorov_perestrakhovaniya/perspektiva/index.html (дата обращения: 30.06.2015).

5 См.: Проблемы рынка: низкая страховая культура не только у страхователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://raexpert.ru/researches/insurance/noeasymaney/part2> (дата обращения: 30.06.2015).

Таким образом, категория правового режима в полной мере применима для определения эффективности реализации прав страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица, поскольку позволяет оценивать как нормативно заданные параметры правовых возможностей, так и их фактическую осуществимость в рамках страховых правоотношений.

Пристатейный библиографический список

1. Автономов А. С., Гаврилова И. Н. Критерии оценки прав человека для уполномоченных по правам человека: Методические рекомендации по мониторингу прав человека на доступ к суду, на митинг и на доступ к образованию. – М.: Издательство «Юрист», 2011.
2. Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7.
3. Проблемы и перспективы страхового рынка в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.silchenkova.ru/Vidy_dogovorov_perestrakhovaniya/perspektiva/index.html (дата обращения: 30.06.2015).
4. Проблемы рынка: низкая страховая культура не только у страхователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://raexpert.ru/researches/insurance/noeasymaney/part2> (дата обращения: 30.06.2015).

<p>АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ</p> <p>Баранов В.А., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Буянова А.В., к.ю.н., доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Войкова Н.С., к.ю.н., ученый секретарь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Еремина О.Ю., научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Петюкова О.Н., д.ю.н., доцент, профессор кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Путило Н.В., к.ю.н., заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Райлян А.И., к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Середа А.В.</p>	<p>Судебная защита семьи: совершенствование механизма правового регулирования</p>	<p>BUSINES COURT ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p> <hr/> <p>СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ</p> <p>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</p> <hr/> <p>Ежемесячное пособие на ребенка</p> <p>Материнский (семейный) капитал</p> <p>Условия и порядок предоставления жилья</p> <p>Особенности предоставления земельных участков многодетным семьям</p> <hr/> <p>Правоприменительная практика</p> <p>Зарубежный опыт</p>
<p>BUSINES COURT</p> <p>ООО «ДЕЛОВОЙ ДВОР» 119571, г. Москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 9 Тел./факс (499) 749-77-16 www.del-dvor.ru del_dvor@bk.ru</p> <p>9 785915 501583</p>	<p>BUSINES COURT</p>	

Кротов А. В. СВОБОДА ИНФОРМАЦИИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается место и роль свободы информации в киберпространстве.

С развитием экономических отношений в киберпространстве, активным включением в сеть Интернет все большего количества пользователей, свобода информации перестала быть единственной доминантой складывающихся интернет-отношений, в то же время принципы свободной обработки информации в электронной форме должны оставаться стержнем современного информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, свобода информации, интернет-отношения.

Krotov A. V. FREEDOM OF INFORMATION IN CYBERSPACE

The article considers the place and role of freedom of information in cyberspace.

With the development of economic relations in cyberspace, active involvement of a growing number of users in the Internet, freedom of information has ceased to be the sole dominant of the emerging Internet relationship, at the same time the principles of free processing of information in electronic form should be the core of the modern information society.

Keywords: information society, freedom of information, Internet relationship.

Кротов А. В.

В современном обществе роль информации как никогда важна.

Информация, информационные процессы, определяют во многом развитие человека, его место в социуме, влияют на содержание его прав и свобод, формируют его мнение по различным вопросам.

Цели информационного общества были определены на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества (Женева, 2003 г. – Тунис 2005 г.) «Мы, Представители народов мира, собравшиеся в Женеве 10–12 декабря 2003 года для проведения первого этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, заявляем о нашем общем стремлении и решимости построить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию и повышая качество своей жизни на основе целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций и соблюдая в полном объеме и поддерживая Всеобщую декларацию прав человека»¹.

Спектр отношений в информационной сфере огромен, технологическая революция представила массу возможностей в области информации, которые можно использовать как во благо, так и во вред человеку.

При этом информация является средством достижения определенных целей, целей, которые порой могут быть диаметрально противоположными.

Более того, можно говорить о создании нового типа общества, «виртуального».

Общества, где «Интернет... перевел традиционные формы взаимодействия индивидов в интерактивный режим...

1 Материалы Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества (Женева, 2003 г. – Тунис 2005 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/So3-WSIS-DOC-0009!R1!PDF-R.pdf

Специфика общения в виртуальном пространстве происходит в режиме реального времени, в возможном сопровождении визуальными приложениями в виде файлов, смайлов или интернет-ссылок на обсуждаемую тему, а также в особенностях электронного письма... виртуальная реальность сети Интернет расширяет возможности общения, делает общедоступными даже те его виды, которые раньше были доступны лишь избранным, творчески одаренным людям. В то же время виртуализация повседневной жизни человека приводит к формированию нового типа социокультурных изменений: деформированы принципы взаимодействия людей и их социокультурные связи, отсутствует иерархическая соподчиненность элементов социальной системы, «размыты» социальные структуры и т.д.»².

Современные реалии повлекли за собой образование новых понятий.

Мы не можем в настоящее время представить наше общество без мобильной телефонной связи, мгновенного обмена сообщениями по электронной почте, видеосвязи и пр.

Глобализация, информационное общество, информационные права и свободы, персональные данные, сеть Интернет – все эти термины не только прочно вошли в наш обиход, но и во многом в настоящее время регулируются правом.

Информационные процессы в киберпространстве активно используются в целях разрешения государственных задач в различных областях, что подчеркивает возросшую значимость информатизации.

Рассматривая современные способы проявления информационных процессов, распространения информации, доминирующей можно назвать сеть Интернет, именно она позволяет реализовать сердцевину информационного общества в понимании ООН (при этом в качестве фундамента информационного общества указана ст. 19 Всеобщей декларации прав человека). «Общение является одним из основополагающих социальных процессов, одной из базовых человеческих

2 Лурье Д. А. Проблемы виртуализации современного общества и их социологическое осмысление // Философия и общество. – 2009. – Вып. № 4 (56). – С. 8–10.

потребностей и фундаментом любой социальной организации. Оно составляет сердцевину информационного общества. Каждый, где бы он ни находился, должен иметь возможность участвовать в информационном обществе, и никого нельзя лишить предлагаемых этим обществом преимуществ... Интернет превратился в публичный ресурс глобального масштаба, и управление его использованием должно стать одним из основных вопросов повестки дня информационного общества... Это управление должно обеспечивать справедливое распределение ресурсов, способствовать доступу для всех, гарантировать стабильное и защищенное функционирование Интернет с учетом многоязычия»³.

По данным Международного союза электросвязи, созданного в качестве специального учреждения ООН, целью деятельности которого является охрана и реализация права на общение, в настоящее время в Европе сетью Интернет пользуются 74,8 % населения (в 2005 г. 46,3 %), в США 65,5 % (в 2005 г. 35,9 %), в странах СНГ 55,9 % (в 2005 г. 10,3 %) ⁴.

Как совершенно верно заметил в своей монографии В. Н. Серета и М. Ю. Серета, «к настоящему времени сеть Интернет и ее сервисы перестали быть лишь средствами хранения, передачи и распространения информации. За последние 20 лет возникло новое пространство для реализации вначале гражданских, а затем и публичных прав, свобод и обязанностей, среда, в рамках которой реализуются важнейшие государственно-властные функции. Большинство конституционных прав и свобод человека и гражданина могут быть реализованы с помощью сети Интернет... Сеть Интернет позволяет не только хранить, получать, передавать, распространять огромные объемы информации, но и пользоваться различного рода услугами (сервисами Интернета)»⁵.

На уникальность сети Интернет, её практическую независимость от деятельности различных юрисдикций указывается также, например, и в Постановлении Верховного Суда США, который определил Интернет как «международную сеть соединенных между собой компьютеров», «уникальное, абсолютно новое пространство всемирной коммуникации между людьми», а киберпространство – как «среду, не расположенную в конкретной географической точке, но при этом доступную каждому в любом месте посредством доступа в Интернет»⁶.

Все более значимая роль сети Интернет в обществе, влияние на жизнедеятельность людей по всему миру, повлекла за собой обособление нового типа общественных отношений – интернет-отношений, существующих в киберпространстве, и, соответственно, создание нового направления юридической науки – интернет-права.

Под киберпространством предлагается понимать совокупность общественных отношений, возникающих в процессе использования Интернета и других сетей, складывающихся

по поводу информации, обрабатываемой при помощи ЭВМ. Следует отметить, что объектом данных отношений выступает не всякая информация, а только та, которая обращается в сети Интернет.

Правовое регулирование киберпространства в последнее время увеличивается, принимается большой массив как международных, так и национальных нормативно-правовых актов.

Эти действия обусловлены увеличивающимся количеством субъектов интернет-отношений, возросшей экономической активностью в виртуальном мире, влиянием виртуальных процессов на права и свободы человека.

Учитывая наднациональный характер киберпространства, регулирование интернет-отношений национальным законодательством многих стран, зачастую противоречивым, осуществляются меры в целях унификации нормативно-правовых актов.

При этом общество старается придерживаться изначальных принципов создания сети Интернет, это принципы свободы информационных процессов в интернет-сети, отсутствия цензуры.

Совершенно верно мнение о том, что «в основе всех законодательных норм, касающихся Интернета, должны лежать фундаментальные конституционные ценности, такие как свобода слова и ее толкование в судебной практике. Нестандартное и неограничительное регулирование должно при необходимости опираться на эти ценности. Новому законодательству следует ограничиваться теми случаями, когда его применение абсолютно неизбежно, и при этом предусматривать лишь минимальные ограничения в отношении свободы выражения мнения и прав пользователей... Регулирование Интернета должно ограничиваться теми областями, где оно неизбежно. Предпочтительно, чтобы Интернет рассматривался как пространство, которое лучше всего работает автономно, без какого либо вмешательства» (Рекомендации представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, принятые на Амстердамской конференции по свободе массовой информации в Интернете (2004 г.)⁷.

В то же время увеличение экономической составляющей киберпространства, построение с помощью интернет-сети взаимодействия государства и общества, реализация в сети прав и свобод человека повлекли за собой необходимость отдельного правового регулирования интернет-отношений, вследствие чего абсолютная свобода информации, присущая ранним интернет-отношениям, фактически нивелирована, что в данном случае нельзя признать неправильным.

Абсолютная свобода в сети, тем более при осуществлении информационных процессов, в настоящее время невозможна, так как это может привести к значительным нарушениям права и свобод человека, не имеющим ни правового, ни морального оправдания.

Основные принципы деятельности информационных процессов в сети Интернет установлены Декларацией о свободе обмена информацией в Интернете, принятой 28 мая 2003 г. Комитетом Министров Совета Европы⁸.

Среди целей принятия Декларации указано на «необходимость сохранения баланса между свободой выражения и

3 Декларация принципов построения информационного общества - глобальная задача в новом тысячелетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/So3-WSIS-DOC-0009/R1/PDF-R.pdf

4 Международный союз электросвязи – отчет 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>

5 Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет: монография / В. Н. Серета, М. Ю. Серета. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – С. 5.

6 Janet Reno, Attorney General Of The United States, et al., Appellants v. American Civil Liberties Union et al (Reno vs. ACLU, 117 S.Ct. 2329 (1997)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ciec.org/SC_appeal/opinion.shtml.

7 Рекомендации представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, принятые на Амстердамской конференции по свободе массовой информации в Интернете (2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book437.pdf>

8 Декларация о свободе обмена информацией в интернете (принята 28.05.2003 на 840-м заседании представителей Комитета министров) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.osce.org/fofom

информации и другими законными правами и интересами в соответствии с параграфом 2 статьи 10 Конвенции по защите прав человека и основных свобод; необходимости твердо установить, что существующий контроль за обменом информацией в Интернете, невзирая на границы, должен осуществляться в порядке исключения; подчеркивая, что свобода обмена информацией через Интернет не должна ущемлять человеческое достоинство, права и основные свободы других людей, особенно несовершеннолетних; учитывая, что должно соблюдаться равновесие между уважением желаний пользователя Интернетом не раскрывать свою личность и необходимостью правоохранительных органов выявлять лиц, ответственных за совершение преступлений».

В качестве основных принципов в Декларации указано на необходимость регулирования или саморегулирования информации в сети Интернет. При соблюдении гарантий, предусмотренных п. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, могут быть приняты меры, обязывающие удалять четко распознаваемую информацию или блокировать доступ к ней в случае, если компетентные национальные власти примут временное или окончательное решение о ее незаконности. Для обеспечения защиты против наблюдения в сети и расширения свободного обмена информацией и мнениями государства-члены должны учитывать желание пользователей Интернетом не идентифицировать свою личность. Это не мешает государствам-членам принимать меры и сотрудничать для установления ответственности за преступления, в соответствии с национальными законодательствами, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и другими международными соглашениями в области правосудия и поддержания общественного порядка.

13 мая 2005 г. Комитет министров Совета Европы принял еще один основополагающий документ – Декларацию о правах человека и верховенстве права в информационном обществе, которая подтверждает, что все права, закрепленные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, полностью сохраняют свое действие и актуальность в информационном веке и должны быть соблюдаемы, несмотря на новейшие технические средства и достижения.

Декларация вводит важный принцип информационного права, который может быть сформулирован так: все, что запрещено офлайн, должно быть запрещено онлайн, и наоборот, все, что разрешено офлайн, должно быть разрешено онлайн.

Свобода слова, информации и общения должны одинаково уважаться в виртуальном и не виртуальном пространстве и не должны подвергаться другим ограничениям, кроме предусмотренных в ст. 10 Конвенции, только потому, что общение осуществляется в цифровой форме.

Помимо этого документ устанавливает, что данные о трафике электронных сообщений и само их содержание полностью подпадают под действие ст. 8 Конвенции (право на неприкосновенность частной жизни) и не должны быть никак ограничены, кроме случаев, предусмотренных данной статьей. Поэтому при любой обработке персональных данных должно соблюдаться право на неприкосновенность частной жизни⁹.

Отсюда следуют и основные цели, к достижению которых необходимо стремиться при обработке информации, относящейся к частной жизни в киберпространстве:

– защита информации о частной жизни субъектов-пользователей сети Интернет;

– защита информации о частной жизни лиц, не являющихся пользователями сети Интернет, но информация о которой обрабатывается в сети Интернет;

– нахождение баланса между свободой информации и правом на уважение частной жизни при осуществлении информационных процессов в сети Интернет, исходя из принципа равноценности указанных прав.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация о свободе обмена информацией в Интернете (принята 28.05.2003 на 840-м заседании представителей Комитета министров) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.osce.org/fom
2. Декларация принципов построения информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0009!R1!PDF-R.pdf
3. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет: монография / В. Н. Середа, М. Ю. Середа. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013.
4. Лурье Д. А. Проблемы виртуализации современного общества и их социологическое осмысление // Философия и общество. – 2009. – Вып. № 4 (56).
5. Материалы Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества (Женева, 2003 г. – Тунис 2005 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0009!R1!PDF-R.pdf
6. Международный союз электросвязи – отчет 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>
7. Рекомендации представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, принятые на Амстердамской конференции по свободе массовой информации в Интернете (2004 г.) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book437.pdf>
8. Janet Reno, Attorney General Of The United States, et al., Appellants v. American Civil Liberties Union et al (Reno vs. ACLU, 117 S.Ct. 2329 (1997)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ciec.org/SC_appeal/opinion.shtml.

⁹ Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет: монография / В. Н. Середа, М. Ю. Середа. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013.

Яковец Е. Н., Журавленко Н. И., Азизян В. Г.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С КОНТРАФАКТНЫМ ПРОГРАММНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ

В статье рассматриваются история развития правовой охраны компьютерных программ, понятие и признаки контрафактности компьютерных программ, особенности программ для ЭВМ как объектов авторского права, виды контрафактного нарушения авторских прав и особенности проведения экспертного исследования контрафактной информационно-программной продукции.

Ключевые слова: авторское право на компьютерные программы, контрафактное программное обеспечение, экспертное исследование контрафактной продукции.

Yakovets E. N., Zhuravlenko N. I., Azizyan V. G.

HISTORY OF LEGAL PROTECTION OF COMPUTER PROGRAMS AND FUTURE DIRECTIONS OF ANTI-COUNTERFEITING SOFTWARE

This article discusses the history of the legal protection of computer programs, the concept and features of the counterfeit computer programs, particulars of computer programs as copyright objects, kinds of copyright infringement, and particulars of an expert study of counterfeit information and software products.

Keywords: copyright in computer programs, counterfeit software, expert examination of counterfeit goods.

В настоящее время в большинстве стран мира существуют законодательные акты, относящие программное обеспечение к объектам авторского права наравне с литературными произведениями. Действительно, как и другие объекты авторского права, компьютерные программы являются результатом творческой деятельности и существуют в объективной форме на соответствующих носителях. Поэтому применение к ним норм авторского права является вполне закономерным и оправданным.

С точки зрения авторского права программа для ЭВМ – это представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программ для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения¹.

Впервые программа для ЭВМ в качестве объекта правовой охраны была зарегистрирована в ноябре 1961 г. в США. Регистр по авторскому праву этой страны выпустил циркуляр № 61, в котором были определены условия регистрации программ. В 1964 г. американское ведомство по охране авторских прав начало принимать заявки на регистрацию таких программ, а в 1967 г. в Конгресс США был внесен на этот счет соответствующий законопроект, который, впрочем, в тот период принят не был. Соответствующая поправка к закону об авторском праве была принята только в 1980 г.

На уровне международного права вопрос о правовой охране программного обеспечения впервые был затронут в 1971 г. Консультативной группой правительственных экспертов Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Работы в этом направлении продолжались в течение нескольких лет – с 1974 по 1977 г. Вопрос о правовой охране программного обеспечения рассматривался также Международной ассоциацией промышленной собственности. В 1978 г. ВОИС одобрила Типовые положения по охране программного обеспечения, которые на тот момент представляли собой наиболее полное изложение проблем и путей их решения. Однако эти положения не были целиком использованы стра-

нами – участниками ВОИС для принятия своих национальных законов. В 1980-е гг. соответствующие поправки к законам об авторских правах приняли США, Великобритания, Франция, Венгрия, Япония и ряд других стран².

В бывшем СССР обсуждение вопросов, касающихся правовой охраны программ, началось еще в 1970-е гг. В 1979 г. было принято постановление Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) № 581 «О повышении эффективности функционирования и использования ГосФАП», согласно которому создавалась единая система Государственного фонда алгоритмов и программ (ГосФАП). В феврале 1984 г. было принято постановление ГКНТ № 41, которое рассматривало программы для ЭВМ еще не в качестве объектов авторского права, а в качестве объектов новой техники.

Лишь в 1992 г., уже после распада СССР, Законы РФ «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» и «Об авторском праве и смежных правах», принятые соответственно в 1992 и 1993 гг., определили, что указанные объекты интеллектуальной деятельности относятся к объектам авторского права³. В положениях этих законов было сказано, что программное обеспечение для ЭВМ и базы данных должны охраняться так же, как произведения литературы. Вместе с тем в расчет должны приниматься их некоторые отличия от традиционных объектов авторского права, лежащие, прежде всего, в экономической плоскости. Произведения литературы, искусства и науки, по мнению законодателя, призваны удовлетворять эстетические потребности людей или содействовать обмену информацией, тогда как программы для ЭВМ и базы данных используются, главным образом, в сфере управления, производства и бизнеса. Большинство из имеющихся на рынке программных продуктов до сих пор ориентированы именно на эти области применения. Такая направленность порождает коммерческий характер отношений по их созданию и распространению, что и определя-

1 См.: Гражданский кодекс РФ. Ст. 1261.

2 См.: Азизян В. Г., Журавленко Н. И. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности: Учеб. пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 48.

3 См.: Ребров А. И. Защита программ и баз данных. Конфидент. – 2001. – № 3. – С. 44.

ет особенности применения норм авторского права в области охраны программ для ЭВМ и баз данных.

Другой характерной особенностью программ для ЭВМ как объектов авторского права является простота их воспроизведения (копирования) при помощи средств вычислительной техники. Так, копию программы стоимостью, скажем, 10 тыс. руб. можно изготовить на любом компьютере в течение 1,5 мин. Материальные затраты при этом составят лишь стоимость нового носителя информации – лазерного диска, флэш-карты и т. п. Необходимо отметить, что по качеству получаемая копия программы для ЭВМ ничем не уступает оригиналу, в отличие, например, от ксерокопии книги или магнитофонной записи музыкального произведения. Более того, и последующее дублирование копии происходит также без снижения качества по сравнению с первым экземпляром. Эта особенность побудила законодателя исключить некоторые случаи свободного использования программ для ЭВМ, в частности, свободное изготовление одного экземпляра произведения для использования в личных целях, так как программы для ЭВМ являются, пожалуй, единственным объектом авторского права, самостоятельное изготовление единичного экземпляра которого обходится пользователю дешевле, чем покупка экземпляра, выпущенного массовым тиражом.

Свободное воспроизведение (и копирование) в личных целях многих видов программ для ЭВМ, ориентированных на личное потребление, например, компьютерных игр, может привести к тому, что у производителей программного обеспечения пропадет экономическая заинтересованность в создании новой продукции этого типа⁴.

Одним из наиболее распространенных видов правонарушений, касающихся компьютерных программ, является контрафакция этой продукции («компьютерное пиратство»)⁵, заключающаяся в воспроизведении, распространении и использовании указанных объектов авторского права без соответствующего на то разрешения их правообладателя.

Под термином «контрафактность продукции» юристы понимают нелегальный характер изделий, в том числе – информационно-программного обеспечения для ЭВМ, – полученных (произведенных, приобретенных, ввезенных в страну и т. п.) с нарушением действующего законодательства.

Под признаками контрафактности изделий (объектов авторского права) подразумеваются соответствующие характерные особенности, свидетельствующие о нелегальном происхождении той или иной продукции.

Проблема противодействия преступлениям, связанным с посягательством на права интеллектуальной собственности в сфере создания программ для ЭВМ и баз данных, на сегодняшний день весьма актуальна. Отечественная правоприменительная практика остро ощущает отсутствие практических рекомендаций по расследованию преступлений, связанных с нарушениями авторских прав в этой области, в связи с чем специалистами высказывается на этот счет ряд предложений.

4 См.: Никифоров И. В. Правовая охрана программ для ЭВМ и баз данных. Правоведение. – 1993. – № 4. – С. 34–35.

5 *Контрафакция* – (от ср.-век. лат. *contrafactio* – подделка), в гражданском праве – незаконное использование производителями продукции с целью получения необоснованной коммерческой выгоды обозначений, упаковки, ярлыков и т. п., относящихся к аналогичным товарам других фирм, которые пользуются повышенным спросом. Последствиями контрафакции является, с одной стороны, – порождение недобросовестной конкуренции, с другой – введение в заблуждение потребителей.

Как отмечают практики, наиболее распространены следующие виды незаконного использования программного обеспечения, которые могут быть квалифицированы как контрафактное нарушение авторских прав:

- продажа компьютерной техники вместе с установленным программным обеспечением, которое получено незаконно;
- тиражирование и распространение экземпляров программного обеспечения на носителях информации без разрешения собственника авторских прав;
- незаконное распространение программного обеспечения через телекоммуникационные сети (Интернет, электронная почта и т. д.);
- незаконное использование программного обеспечения пользователем.

Однако результаты анализа деятельности правоохранительных органов свидетельствуют о том, что нарушители авторских прав в данной сфере (именно за содеянное ими) привлекаются к уголовной или административной ответственности довольно редко. Гораздо чаще им инкриминируется незаконная торговая деятельность, нарушение порядка предпринимательства, обман потребителей, нарушение налогового законодательства, и т. п.

Для усиления противодействия правонарушениям в этой сфере необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, решение вопросов кадрового обеспечения противодействия правонарушениям, связанным с компьютерным пиратством, создание общенационального реестра производителей и распространителей программного обеспечения, налаживание сотрудничества с международными организациями и др.⁶

Немаловажное значение в данной ситуации имеет и правильная квалификация признаков контрафактной продукции рассматриваемого вида, а также ее своевременное выявление на компьютерном рынке.

Окончательное решение о признании информационно-программных продуктов контрафактными имеет правовой характер, поэтому оно выносится следователем или судом. Однако для его обоснования необходимо применение и специальных познаний в области проведения судебной экспертизы или исследования предметов и документов⁷.

Экспертное исследование контрафактной информационно-программной продукции требует привлечения специалистов в различных областях науки и техники и носит комплексный характер. Причем, для получения объективных заключений применяемые научные методики должны дифференцироваться с учетом наличия двух основных стадий исследования:

- выявления внешних признаков контрафактных изделий;
- выявления признаков контрафактности в структуре, содержании и потребительских свойствах информационно-программных продуктов.

Выявление признаков контрафактности программы для ЭВМ или базы данных, зафиксированных на соответствующем носителе, на первой стадии, прежде всего, требует проведения товароведческого исследования его упаковки и внешнего вида

6 См.: Белоусов А. Проведение экспертизы на предмет контрафактности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cubercrime.zp.ua/viewtopic.php?p=2250&sid=b07db974c666c2ad05d3820954d26c7e> (дата обращения: 20.04.2014).

7 Далее – экспертное исследование.

последней с целью установления их соответствия определенным стандартам, принятым фирмами-производителями.

Наряду с этим должна исследоваться и сопроводительная документация на предмет установления ее комплектности и правильности оформления. Определенная группа признаков, свидетельствующая о контрафактности информационно-программных продуктов, например, нестандартное полиграфическое качество упаковки, наличие специальных «пиратских» фирменных знаков или неверное воспроизведение легальных товарных знаков – выявляется и исследуется специалистами в области технико-криминалистического исследования документов.

Для выявления признаков контрафактности информационно-программной продукции могут также применяться специальные познания экспертов-трасологов, исследующих следы технологического оборудования на ее носителях⁸.

На второй стадии должно проводиться аналитическое исследование содержания информационно-программного продукта, представленного на оптических или магнитооптических компакт-дисках, жестких дисках и других машинных носителях информации. Это исследование может выявить дополнительные характерные особенности, свидетельствующие о контрафактности продукта.

При назначении экспертиз и исследований информационно-программной продукции перед экспертами могут ошибочно ставиться вопросы, касающиеся установления правообладателя, авторские права которого нарушены, а также расчета и оценки размеров ущерба, нанесенного ему противоправными действиями⁹, и т. п. В этой связи необходимо подчеркнуть, что решение указанных вопросов правового характера не входит в компетенцию экспертов, а ответы на них в ходе уголовного судопроизводства должны дать следователи и судьи¹⁰.

Как видно из приведенных данных, в настоящее время в достаточной степени разработаны правовые основы защиты авторских прав на компьютерные программы и методики проведения экспертных исследований контрафактной продукции. Вместе с тем они требуют активного применения на практике и своего дальнейшего совершенствования с учетом зарубежного опыта и использованием новейших научных достижений.

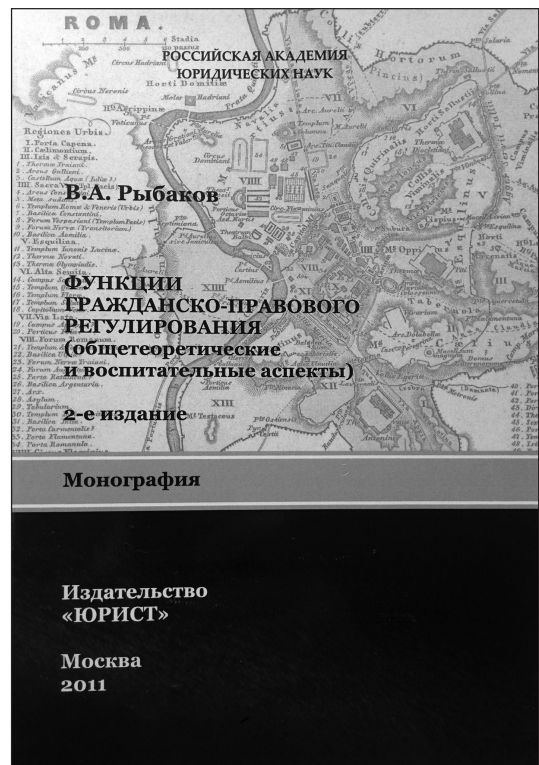
8 См.: Журавленко Н. И., Яковец Е. Н. Правовые основы защиты информации: Учеб. пособие. – Уфа: РИЦ КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 184.

9 См. Логинов П. А., Федотов Н. Н. Доказывание нарушения авторских прав: размер имеет значение // Защита информации. Инсайт. – 2011. – № 1(37). – С. 10–20.

10 См.: Семикаленова А. И. Актуальные вопросы установления признаков контрафактности информационно-программной продукции: Материалы научной конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jurfak.spb.ru/conference/18102000/semikolenova.htm> (дата обращения: 26.05.2014).

Пристатейный библиографический список

1. Азизян В. Г., Журавленко Н. И. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности: Учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
2. Белоусов А. Проведение экспертизы на предмет контрафактности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cubercrime.zp.ua/viewtopic.php?p=2250&sid=b07db974c666c2ad05d3820954d26c7e> (дата обращения: 20.04.2014).
3. Журавленко Н. И., Яковец Е. Н. Правовые основы защиты информации: Учеб. пособие. – Симферополь: РИЦ КФ КрУ МВД России, 2015.
4. Логинов П. А., Федотов Н. Н. Доказывание нарушения авторских прав: размер имеет значение // Защита информации. Инсайт. – 2011. – № 1(37).
5. Никифоров И. В. Правовая охрана программ для ЭВМ и баз данных. Правоведение. – 1993. – № 4.
6. Ребров А. И. Защита программ и баз данных. Конфидент. – 2001. – № 3.
7. Семикаленова А. И. Актуальные вопросы установления признаков контрафактности информационно-программной продукции: Материалы научной конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jurfak.spb.ru/conference/18102000/semikolenova.htm> (дата обращения: 26.05.2014).

Нестерчук О. А.

ЗАПРЕТИТЕЛЬНАЯ И РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ УРОВНЕ

В статье рассматриваются нормативно-запретительные и разрешительные меры в контексте государственной информационной политики. В качестве запретов выделяются недопущение распространения негативной информации в СМИ, злоупотребление свободой массовой информации населением. Разрешения рассмотрены как направленность средств массовой информации на формирование, развитие нравственности, патриотизма, культуры в общественном сознании.

Ключевые слова: государственная информационная политика, нормативно-правовая база, СМИ, опасный контент, запрет и разрешение.

Nesterchuk O. A.

PROHIBITIVE AND PERMISSIVE COMPONENTS OF INFORMATION POLICY AT THE REGULATORY AND LEGAL LEVEL

In article standard and prohibitive and allowing measures in the context of the state information policy are considered. As a ban are allocated prevention of distribution of negative information to mass media, abuse of freedom of mass information of the population. Permissions are considered as an orientation of mass media on formation, development of moral, patriotism, culture in public consciousness.

Keywords: state information policy, legislative base, mass media, dangerous content, ban and permission.

Нестерчук О. А.

Реализация направлений современной информационной политики России сопряжена с мировыми политическими процессами, в результате чего оказывает определенный эффект и влияние на жизнеспособность государства. В 2012 году Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования ранжировал значимость субполитик для жизнеспособности страны. Информационная политика в этом ранжировании отсутствует, хотя индекс свободы прессы, как индекс государственной успешности, был обозначен. С учетом того, что духовное развитие населения не может осуществляться без информационного сопровождения, в исследованиях Центра информационную политику можно соотнести с политикой духовного развития народа, которая по рангу причинно-следственной значимости для коэффициента жизнеспособности страны из сорока двух занимает 19 место на основании оценки государственной идеологии и психологической устойчивости народа¹. Такое соотношение еще более актуализирует совершенствование современной информационной политики, прежде всего, на уровне нормативно-правовой базы.

Проблемное поле медийного пространства связано с культурой, этикой СМИ применения различных технологий формирования, содержательного наполнения социальных, политических убеждений россиян². Информационное перенасыщение, низкое качество контента, создание «клипового» сознания, потребительской идентичности, установок на социально-политическую пассивность и неконструктивный гражданский протест³ с помощью средств массовой информации

и требуют запретительного характера нормативно-правового регулирования.

Необходимость запретительных мер в отношении размещения негативной информации в СМИ связана с ее повседневным информационно-психологическим воздействием на массовое сознание, поведение и с достаточно высоким уровнем доверия населения к информационным источникам. На основании результатов опроса в мае 2014 года уровень доверия к федеральным СМИ составлял 70%⁴.

Функции, принципы, этика СМИ определяются документами: «Международная декларация принципов поведения журналистов», «Международные принципы профессиональной этики в журналистике», «Кодекс профессиональной этики российского журналиста», «Хартия телерадиовещателей», «Декларация Гильдии судебных репортеров России», «Международная декларация принципов поведения журналистов», «Международные принципы профессиональной этики в журналистике», «Декларация принципов поведения журналистов», «Общество профессиональных журналистов. Кодекс этических норм», «Положение о принципах и системе общественного контроля за соблюдением журналистами положений Кодекса профессиональной этики российского журналиста», «Положение о Большом Жюри Союза журналистов России» и др.

Эти документы создают определенную базу запретительных норм в отношении опасного контента и регулирования преподнесения журналистами населению информации, которая должна быть основана на истине, этике, морали, доступности, плюрализме, уважении частных и общественных интересов, толерантности, гуманности, отсутствии агрессивного контекста. Однако с учетом в большей степени декларативного характера содержания этих документов, а отсюда и их отчасти

1 Качество и успешность государственных политик и управления: научная монография. – М.: Научный эксперт, 2012. – 488 с

2 Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 100-111.

3 Никипорец-Такигава Г. Ю. О роли интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – № 22. – С. 13-25.

4 Пресс-выпуск. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет. 17.06.2014 // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet> (дата обращения: 22.09.2015).

игнорирования, в современных условиях возникает необходимость совершенствования законодательства, так как юридическая сторона определяет, контролирует направление, границы, смысловое наполнение медийной информации.

В содержательном аспекте соблюдения профессиональной этики журналиста основополагающим моментом как запрет на опасный контент является предоставление достоверной информации. Так одним из принципов правового регулирования в законе «Об информации, информатизации и защите информации» заявлена достоверность информации и своевременность ее предоставления. Закон о СМИ конкретизирует ответственность журналиста за сокрытие, фальсификацию общественно значимых сведений, формирование слухов, достоверность подаваемой информации⁵. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года⁶ в качестве дополнения и усиления противодействию распространения негативной информации как угрозе национальной безопасности также указывается доступность информации для граждан по социально-политической, экономической и духовной жизни общества.

Значимый запрет для СМИ отражен в Российском законодательстве ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» Закона РФ «О средствах массовой информации», в которой прописывается недопущение распространения материалов с призывами к терроризму, экстремизму, пропаганды порнографии, жестокости, **нецензурной брани**. Кроме того налагается запрет на использование различных приемов воздействия на подсознание людей и являющихся источником вреда для их здоровья⁷.

Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 27 июля 2006 года в ст. 10 «Распространение информации или предоставление информации» тоже устанавливает запрет на информацию с содержанием пропаганды войны, разжигания межнациональной, межрасовой, межконфессиональной ненависти и вражды⁸.

С 1 сентября 2012 года начал действовать Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Закон направлен на защиту детей от опасной информации, которая может травмировать их психику. В ст.5 «Виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей» информацию разделяют: на причиняющую вред здоровью и (или) развитию детей; на запрещенную для распространения среди детей; распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено⁹.

Другим важным законодательным документом является Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2010 года «О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации»¹⁰, где в одном из пунктов ставится запрет на размещение в рамках зарегистрированных сайтов некорректных комментариев читателей, представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации.

В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации в рамках национальной безопасности информационная политика должна противодействовать использованию «информационных и телекоммуникационных технологий»¹¹.

Следовательно, вышеуказанные законодательно-правовые документы представляют понимание запретительного характера информационной политики посредством определения стандартов поведения журналистов, контроля и ответственности за негативное воздействие на общественное сознание и поведение. Их объединяет ориентирование на защиту населения от ложного, опасного контента и в большей степени наблюдательно-регулирующая функция, чем практически наказующая.

Разрешительный контекст информационной политики отражается в формате формирования, развития нравственности, патриотизма, культуры.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года стратегически дается разрешение на здоровьесберегающую ориентацию информации, пропагандирующей социально ответственное поведение, традиционные, нравственные и семейные ценности¹². Концепция утверждена в 2008 году, поэтому последующие документы стратегического, программного формата опираются и берут за основу это направление с небольшими дополнениями и расширением.

Так направленность Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 года, Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 гг.)» определяется развитием «экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества»¹³, сбережением многонациональной культуры России, укреплением нравственности, па-

выпуск № 5376. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 17.09.15).

- 5 Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 05.04.2013 с изменениями, вступившими в силу с 19.04.2013) «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/smi/42_2.html#p142 (дата обращения: 12.09.2015).
- 6 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Сайт Совет Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 17.09.15).
- 7 Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 05.04.2013 с изменениями, вступившими в силу с 19.04.2013) «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/smi/42_2.html#p142 (дата обращения: 12.09.2015).
- 8 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://base.garant.ru/12148555/#help#ixzz3YoF3WD6q> (дата обращения: 17.09.15).
- 9 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ. // «РГ» – Федеральный
- 10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401 (дата обращения: 15.09.2015).
- 11 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212. // «РГ» – Федеральный выпуск №4591. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 17.09.15).
- 12 Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://base.garant.ru/194365/#block_1000#ixzz3e0jKSBBA (дата обращения: 24.09.2015).
- 13 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212. // «РГ» – Федеральный выпуск №4591. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 17.09.15).

триотизма в обществе, развитием системного просвещения в гуманитарной и культурной областях^{14, 15}.

В целом запреты и разрешения для СМИ на законодательно-правовом уровне носят больше контрольный, предупредительный и регулирующий характер. Они возникают и лоббируются из острой необходимости, актуальности, являются ответом на современные вызовы реальности.

Основная проблема не в государственных нормативных запретах, а в том, как профессиональное сообщество журналистов стремится отвечать за свои действия в плане информационного воздействия на массовое сознание и поведение, формирования, развития и поддержания социальных, политических отношений людей в обществе, **образования**, производства культурных ценностей в различных сферах жизни. В итоге следует отметить, что запретительно-разрешительный характер информационной политики представляет собой, прежде всего, отражение комплекса кризисных явлений, характерных для современных внешне и внутривнутриполитических процессов в государстве, которые являются барьером для духовного развития населения.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://base.garant.ru/12148555/#help#ixzz3YoF3WD6q> (дата обращения: 17.09.15).
  2. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ. // «РГ» – Федеральный выпуск № 5376. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 17.09.15).
  3. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 05.04.2013 с изменениями, вступившими в силу с 19.04.2013) «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/smi/42_2.html#p142 (дата обращения: 12.09.2015).
  4. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 05.04.2013 с изменениями, вступившими в силу с 19.04.2013) «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/smi/42_2.html#p142 (дата обращения: 12.09.2015).
  5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401 (дата обращения: 15.09.2015).
  6. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)». Утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313// Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175827/?frame=1 (дата обращения: 17.09.15).
  7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175827/?frame=1 (дата обращения: 17.09.15).
  8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 // Сайт Совет Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 17.09.15).
  9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. №Пр-212. // «РГ» – Федеральный выпуск № 4591. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 17.09.15).
  10. Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – №1. – С. 100-111.
  11. Качество и успешность государственных политик и управления: научная монография. – М.: Научный эксперт, 2012. – 488 с.
  12. Никипорец-Такигава Г. Ю. О роли интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте// Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – № 22. – С. 13-25.
  13. Пресс-выпуск. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет. 17.06.2014 // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-prensa-internet> (дата обращения: 22.09.2015).
- 14 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212. // «РГ» – Федеральный выпуск № 4591. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 17.09.15).
- 15 Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)». Утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175827/?frame=1 (дата обращения: 17.09.15).

Ромашин Э. С. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье анализируются особенности законодательного регулирования вопросов возникновения авторских прав на аудиовизуальные произведения. Рассматриваются случаи и условия перехода к продюсеру прав от авторов аудиовизуального произведения и иных лиц, участвующих в создании такого произведения.

Ключевые слова: авторское право, аудиовизуальные произведения, продюсер, законодательство об авторском праве.

Romashin E. S. THE PROBLEM OF DETERMINING THE COPYRIGHT HOLDER OF THE AUDIOVISUAL WORK

The article analyzes the features of legislative regulation of origin of copyrights to audiovisual works, as well as the conditions of transfer of the rights of the authors of an audiovisual work and other persons involved in the creation of such a work to the producer of the film.

Keywords: copyright, audiovisual work, film producer, copyright law.

Ромашин Э. С.

Одной из проблем, затрудняющих реализацию и защиту прав на аудиовизуальные произведения, является проблема определения правообладателя аудиовизуального произведения. В соответствии с пунктом 4 статьи 1263 ГК РФ продюсером (изготовителем аудиовизуального произведения) признается лицо, организовавшее создание такого произведения. Предполагается, что права такого лица определяются в соответствии со статьей 1240 ГК РФ.

Пункт 4 статьи 1263 ГК РФ содержит также указание на то, что продюсеру принадлежит исключительное право на аудиовизуальное произведение в целом, если иное не вытекает из договоров, заключенных им с авторами аудиовизуального произведения. В соответствии с положениями последнего абзаца рассматриваемого пункта при отсутствии доказательств иного изготовителем аудиовизуального произведения признается лицо, имя или наименование которого указано на этом произведении обычным образом.

Ни одно из указанных положений не обеспечивает достижения целей, которые, как можно полагать, ставились при их разработке.

Так, признание изготовителем и, следовательно, правообладателем аудиовизуального произведения лица, организовавшего его создание, далеко не всегда позволяет однозначно определить такое лицо, особенно с учетом сложных отношений, возникающих в процессе создания аудиовизуального произведения, привлечения необходимых для этого инвестиций, распределения прав и особенностей их закрепления, специфики производственных процессов. В соответствии с пунктом 19.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26.03.2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, которым были разъяснены положения статьи 1240 ГК РФ: «Под лицом, организовавшим создание сложного объекта, понимается лицо, ответственное за организацию процесса создания такого объекта, в частности лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание соответствующего объекта (продюсер и т.п.)».

Следует отметить, что содержащееся в статье 4 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных пра-

вах» 1993 года определение изготовителя аудиовизуального произведения как лица, взявшего на себя «инициативу и ответственность за создание аудиовизуального произведения», также вызывало ряд нареканий, в частности, профессором Э. П. Гавриловым отмечалось, что для признания изготовителем аудиовизуального произведения лицо должно не только взять на себя инициативу и ответственность в какой-либо форме, но и совершить определенные фактические действия, направленные на изготовление произведения².

Критерии, которые позволяли бы однозначно определять изготовителя аудиовизуального произведения или, по крайней мере, устанавливать перечень действий, который мог бы рассматриваться в качестве подтверждающего принятие отмеченной выше «инициативы и ответственности» за создание аудиовизуального произведения, в законодательстве отсутствуют.

Из положений статьи 1240 ГК РФ можно сделать вывод о том, что продюсером в соответствии с проанализированными положениями признается лицо, непосредственно организующее создание аудиовизуального произведения, в том числе приобретающее права, необходимые для правомерного использования результатов интеллектуальной деятельности в составе создаваемого аудиовизуального произведения.

Однако следует признать, что для аудиовизуальной сферы данный вывод верен не во всех случаях, так как положения статьи 1240 ГК РФ регламентируют только вопросы использования результатов интеллектуальной деятельности, включаемых в сложный объект и используемых в составе такого объекта, не регламентируя отношений, связанных с возникновением и переходом прав на сам сложный объект, в частности, переходом исключительного права на аудиовизуальное произведение. Из положений статьи 1263 ГК РФ также не следует, что отношения по переходу прав на аудиовизуальное произведение от его авторов к продюсеру регулируются именно положениями статьи 1240 ГК РФ. Так, в уже упомянутом выше абзаце второго пункта 4 статьи 1263 ГК РФ говорится о принадлежности изготовителю аудиовизуального произведения исключительного права на него, если из договоров с его авторами не вытекает иное.

Судебная практика пошла по пути признания изготовителем аудиовизуального произведения лица, способного предоставить доказательства наличия договоров с авторами такого произ-

1 Буллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 6; Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 6.

2 Гаврилов Э. П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах. - М.: Издательство «Экзамен», 2005. - С. 29.

ведения, что в ряде случаев еще более усложнило защиту прав на такое произведение. Например, при отсутствии договоров с кем-либо из триады авторов аудиовизуального произведения или часто встречающихся в рассматриваемой области сложных схем приобретения, распределения и передачи прав, суды отказывали истцам в защите принадлежащих им прав, полностью игнорируя презумпцию, закрепляемую абзацем третьим пункта 4 статьи 1263 ГК РФ, в соответствии с которой изготовителем аудиовизуального произведения при отсутствии доказательств иного должно признаваться лицо, указанное в качестве такового на данном произведении любым обычным способом.

Продюсер, правомерно приобретший все необходимые права на использование результатов интеллектуальной деятельности, вошедших в аудиовизуальное произведение (статья 1240 ГК РФ, пункт 5 статьи 1263 ГК РФ), а также заключивший договоры с авторами аудиовизуального произведения (пункт 2 статьи 1263 ГК РФ), в дальнейшем распоряжается правами на использование такого аудиовизуального произведения в качестве его правообладателя.

Однако такие договоры имеют значение для регулирования отношений между продюсером и авторами (иными правообладателями), например, при возникновении спора между ними, в то время как для целей распоряжения правами или защиты прав определение изготовителя аудиовизуального произведения может осуществляться в соответствии с установленной законом презумпцией, аналогичной презумпции авторства.

Так, О. А. Радоминова³ приводит следующий характерный пример: при рассмотрении дела по иску относительно незаконного использования фильма «О, не лети так жизнь... Леонид Филатов», истцом не были представлены договоры с автором сценария и режиссером фильма. Поскольку договоры со всеми авторами в материалах дела отсутствовали, суд установил, что «истцом не доказана передача ему исключительных прав всеми авторами произведения», «не доказаны исключительные права на фильм»⁴.

В апелляционной и кассационной инстанциях данный вывод суда первой инстанции был поддержан, «поскольку истцом не подтверждена передача ему прав всеми авторами произведения»⁵. Несмотря на изменения законодательства, регулирующего отношения в рассматриваемой области, изготовителям аудиовизуальных произведений приходится различными способами подтверждать свои права при обращении в Мосгорсуд для принятия предварительных обеспечительных мер в отношении нарушителей⁶.

Сложные правоотношения в сфере кинопроизводства опосредуются зачастую достаточно специфическими договорами, правовая регламентация которых может отсутствовать или быть недостаточно проработанной на современном этапе развития гражданского законодательства. Считается, что «продюсер приобретает право использования как аудиовизуального произведения в целом, так и отдельных объектов, входящих в его состав»⁷, однако на практике такие права могут приобретаться

различными лицами на различных условиях, передаваться для их использования, делиться и закрепляться в зависимости от производственной и коммерческой целесообразности, а также сложившейся деловой российской и зарубежной практики.

Предоставление доказательств наличия договоров с авторами произведения может оказаться невозможным, например, в случае использования для создания аудиовизуального произведения сценария или музыки на условиях открытой лицензии (статья 1261 ГК РФ) или на основании публичного заявления правообладателя, сделанного в порядке, предусмотренном пунктом 5 статьи 1233 ГК РФ. Предъявление в таких случаях не предусмотренных законодательством требований к изготовителям (продюсерам), указанным в качестве таковых в аудиовизуальных произведениях, как представляется, должно рассматриваться как необоснованный отказ в защите прав на аудиовизуальные произведения.

Для кардинального изменения сложившейся правоприменительной практики представляется необходимым дополнить презумпцию, предусмотренную абзацем третьим пункта 4 статьи 1263 ГК РФ, в соответствии с которой при отсутствии доказательств иного изготовителем аудиовизуального произведения признается лицо, имя и наименование которого указано на этом произведении обычным образом, объединив ее с презумпцией принадлежности изготовителю аудиовизуального произведения исключительных прав на такое произведение, предусмотренной абзацем вторым пункта 4 статьи 1263 ГК РФ, изложив рассматриваемые положения в следующей редакции: «При отсутствии доказательств иного изготовителем аудиовизуального произведения и обладателем исключительного права на такое произведение признается лицо, имя или наименование которого указано в аудиовизуальном произведении обычным образом».

В то же время для целей оспаривания выводов, следующих из данной опровержимой презумпции, например, при неправомерном указании в качестве изготовителя аудиовизуального произведения лица, не являющегося таковым, оптимальным вариантом представляется закрепление общего принципа признания изготовителем аудиовизуального произведения лица, заключившего договор с авторами такого произведения.

Таким образом, изготовителем аудиовизуального произведения сможет признаваться лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за его создание, выразившуюся в заключении договоров с авторами такого произведения. При этом для подтверждения своих прав (при отсутствии спора с авторами) продюсер сможет использовать презумпцию правообладания, подтверждаемую его указанием в качестве продюсера в самом аудиовизуальном произведении.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов Э. П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах. - М.: Издательство «Экзмен», 2005. - 384 с.
2. Радоминова А. О. Гражданско-правовое регулирование создания и использования аудиовизуальных произведений: история и современность: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - М.: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2012.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / Отв. редактор Л. А. Трахтенгерц. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Инфра-М, 2009. - 812 с.

3 См.: Радоминова А. О. Гражданско-правовое регулирование создания и использования аудиовизуальных произведений: история и современность: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - М.: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2012. - С. 59-60.

4 Решение Арбитражного суда г. Москвы от 31.07.2007 г. по делу № А-40-6885/07-133-55.

5 Постановление Девятого апелляционного суда по делу № 09АП-13192/2007-ГК от 29.10.2007 г.; Постановление Федерального арбитражного суда московского округа № КГ-А-40/14859-07 от 06.02.2008 г.

6 В соответствии с положениями, предусмотренными Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, № 27, ст. 3479.

7 Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / Отв. редактор Л. А. Трахтенгерц,

- М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Инфра-М, 2009 (Комментарий к статье 1263 ГК РФ).

Бирюкова В. В. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПАРТНЕРСТВ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

В статье раскрываются проблемы государственного регулирования стратегических партнерств в нефтегазовой отрасли. Отмечается влияние международных стратегических партнерств на конкурентоспособность нефтяной компании.

Ключевые слова: стратегические партнерства, международное сотрудничество, государственное управление.

Biryukova V. V. STATE REGULATION OF STRATEGIC PARTNERSHIPS IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

The article reveals the problems of state regulation of strategic partnerships in the oil and gas industry. The impact of international strategic partnerships for a competitive ability of oil company is indicated.

Keywords: international strategic alliances, international cooperation, public administration.

Бирюкова В. В.

Реализация проекта по освоению нефтегазового месторождения в современных условиях представляет собой сложный проект, осуществляемый, как правило, не одной нефтегазовой компанией самостоятельно, а с привлечением внешних ресурсов. Это привлечение происходит на долгосрочной основе (в силу высокой длительности сроков реализации нефтегазовых проектов), предполагает высокую степень сотрудничества всех задействованных участников и имеет большое значение для национальной, а в ряде случаев – и мировой экономики. Анализируя методы и формы государственного регулирования деятельности стратегических альянсов, рассмотрим существующее законодательство в этой области на примере развитых стран и России.

Антимонопольное законодательство США трактует стратегические альянсы в «серой зоне» между консолидацией через слияния и долгосрочными соглашениями между независимыми участниками рынка. Тем самым у бизнеса имеется возможность лавировать между законами и консолидировать усилия в обход этого законодательства. Важно отметить, что в США, как правило, стратегические альянсы рассматриваются как путь повышения эффективности производства и конкурентоспособности бизнеса, и государство в силу размытости законов обычно не вмешивается в процесс их создания. Этим определяется и степень популярности стратегических альянсов в американской экономике.

Развитию альянсов в США также способствуют меры государственной политики, направленные на повышение их эффективности. Так, Министерством торговли США была разработана The Advanced Technology Program (АТР) с целью поддержки инновационных консорциумов и увеличения конкурентоспособности высокотехнологических американских предприятий. Программа АТР стартовала в 1990 г., основным политическим средством ее осуществления было обеспечение финансирования исследовательских консорциумов. Вплоть до 1995 г. 96 консорциумов получали финансирование¹.

В отличие от США европейское законодательство по-разному подходит к альянсам, в зависимости от того, все ли

участники входят в Европейский союз или стратегический альянс представляет один из участников.

Если при формировании международных стратегических альянсов партнеры из стран Европейского союза попадают под действие Договора, то к альянсам европейцев с партнерами из других стран его положения не применяются при условии, что созданные стратегические альянсы не влияют на уровень конкуренции внутри стран ЕС.

Одним из основных нормативных документов, определяющих цели и направления долгосрочного социально-экономического развития РФ, является Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р). В рамках указанного документа сформулированы основные направления долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом вызовов предстоящего периода до 2020 г.; стратегия достижения поставленных целей; цели, приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в социальной сфере, в сфере науки и технологий, а также структурных преобразований в экономике; цели и приоритеты внешнеэкономической политики и т.д.²

Поддержка и развитие стратегических альянсов со стороны государства, особенно международных альянсов, связанных с высокими технологиями, обеспечивающих выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью и конкурентоспособной на мировом рынке, является частью стратегии долгосрочного развития России. Нельзя не отметить, что в России существуют технологические альянсы, создание которых инициировано государством, например, консорциум «Сибнанотех», образованный в 2008 г., основная задача которого – вовлечение в проект организаций Новосибирской области, работающих в области нанотехнологий, с целью создания национальной нанотехнологи-

1 Бобина М. А. Стратегические межфирменные альянсы // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 99.

2 О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.: [распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство Версия. Проф. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.06.2014).

ческой сети (ННС)³. Основные участники консорциума – научно-исследовательские и другие институты, но также в него входят инновационные компании. Однако в России примеры таких консорциумов, как «Сибнанотех», единичны.

Необходима более масштабная поддержка подобных предприятий, разработка специальных программ (подобных The Advanced Technology Program) обеспечения государственного финансирования консорциумов, внутри которых будут организовываться фундаментальные исследования и взаимовыгодный обмен технологиями между предприятиями.

Серьезным препятствием при разработке специальных программ, стимулирующих инновационное сотрудничество, может стать недооценка воздействия инновационных объединений на конкуренцию. Действительно, такое партнерство во многих странах может быть рассмотрено как нарушение антимонопольного законодательства. Однако в отношении инновационных объединений в некоторых странах (например, США – Cooperative Research and Technology Enhancement (CREATE) Act, Европейский союз – Регламент 418/85) существуют специальные акты, разрешающие сотрудничество фирм в сфере научных исследований.

В российском законодательстве сегодня определение понятия «совместное предприятие» полностью отсутствует. Таким образом, с точки зрения закона, в России совместных предприятий не существует, соответственно и порядок их создания, управления, реорганизации и ликвидации также не закреплен⁴.

Вместе с тем следует отметить, что в начале становления в нашей стране рыночной экономики, а именно в 1991 г., Постановлением Верховного совета РСФСР №1546-1 от 4 июля 1991 г. был введен в действие Закон РСФСР № 1545-1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР». В Законе говорилось, что совместное предприятие есть предприятие с иностранным капиталом, где иностранной компании принадлежит определенная доля в активах.

Несмотря на вышесказанное, совместные предприятия с точки зрения российского законодательства обладают рядом преимуществ, которые выделяют их среди прочих организаций с аналогичной организационно-правовой формой. Это, прежде всего, гарантии и льготы, которые получает предприятие в рамках ФЗ № 160-ФЗ, а также правовой режим, который устанавливается для таких предприятий. В США совместные предприятия регулируются законом о партнерствах (Partnership Law), договорным правом (Contract Law), законом о коммерческих операциях (сделках) (Commercial Transactions Law).

Совместные предприятия с иностранными инвестициями подчиняются международному законодательству о торговле и внутреннему законодательству зарубежных стран, где они создаются⁵. Таким образом, проведенный анализ российского законодательства и законодательства развитых стран позволяет сделать следующие выводы:

1. Поддержка и развитие стратегических альянсов является частью стратегии долгосрочного развития России.

2. В российском антимонопольном законодательстве основное внимание уделяется практике регулирования «вертикальных» соглашений между компаниями, в то время как за

рубежом – «горизонтальных», где наиболее вероятно возникновение случаев нарушения конкуренции со стороны компаний.

3. В российском антимонопольном законодательстве отсутствует понятие «стратегический альянс». В связи с этим регулирование деятельности подобных объединений осуществляется на общих принципах, что в определенном смысле затрудняет развитие стратегических альянсов как механизма повышения конкурентоспособности экономики.

4. Российское антимонопольное законодательство в значительной степени направлено на регулирование сделок по слияниям и поглощениям, которые подлежат предварительному согласованию с ФАС (в отдельных случаях, если сделки не являются крупными, установлен уведомительный порядок), и за ними осуществляется строгий государственный надзор. В случае нарушения антимонопольного законодательства установлены строгие санкции, вплоть до ликвидации организации, созданной в ходе слияния/поглощения, либо ее реорганизации в форме разделения или выделения из состава одной или нескольких организаций. Указанные действия осуществляются в судебном порядке по иску антимонопольного органа.

5. Сложившаяся в России законодательная практика в отношении совместных предприятий не соответствует зарубежному опыту наиболее развитых стран. Таким образом, на сегодняшний день совместные предприятия не урегулированы российским законодательством, что, на наш взгляд, является значительным пробелом, на который законодателю следует обратить внимание, учитывая их значимость для экономики Российской Федерации.

Подводя итог, можно констатировать, что стратегические альянсы в нефтегазовой отрасли в современных условиях выступают важным условием успешной реализации нефтегазовых проектов. Однако для стран – поставщиков углеводородов (к которым относится и Россия) большое значение имеет не столько освоение месторождений путем привлечения иностранных операторов, сколько получение доступа к современным технологическим компетенциям.

Приставленный библиографический список

1. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.: [распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство Версия. проф. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.06.2014).
2. Бобина М. А. Стратегические межфирменные альянсы // Вопросы экономики. – 2002. – № 4.
3. Кузнецов И. А. Развитие форм стратегического партнерства: дис. канд. эконом. наук: 08.00.05. – М., 2014.
4. Мусина Д. Р. Международный нефтегазовый бизнес: Учеб. пособие. – Уфа, 2009.
5. РОСНАНО успешно вышло из капитала компании «НИАРМЕДИК ФАРМА» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОАО «Роснано». – Режим доступа: <http://www.rusnano.com/about/press-centre/news/20131213-rosnano-uspeshno-vyshlo-iz-kapitala-niarmedik-farma/> (дата обращения: 01.10.2014).

3 РОСНАНО успешно вышло из капитала компании «НИАРМЕДИК ФАРМА» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОАО «Роснано». – Режим доступа: <http://www.rusnano.com/about/press-centre/news/20131213-rosnano-uspeshno-vyshlo-iz-kapitala-niarmedik-farma/> (дата обращения: 01.10.2014).

4 Кузнецов И. А. Развитие форм стратегического партнерства: дис. канд. эконом. наук: 08.00.05. – М., 2014.

5 Мусина Д. Р. Международный нефтегазовый бизнес. Учеб. пособие. – Уфа, 2009.

Игуменов А. С. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЗЫСКОМ ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ ОТ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ ИЛИ СУДА

В представленной статье рассматриваются актуальные вопросы, возникающие в ходе розыска лиц, скрывшихся от дознания, следствия или суда, а также пути их решения. Существующие проблемы представлены и рассмотрены автором с учетом его практической деятельности в органах внутренних дел, в том числе и по данной линии работы.

Ключевые слова: розыск, разыскиваемый, скрылся, дознание, следствие, суд, мера пресечения.

Igumenov A. S. SOME QUESTIONS RELATED TO DETECTION OF PERSONS FLED FROM INQUIRY, INVESTIGATION OR COURT

In proposed article the pressing questions arising during search of persons fled from inquiry, investigation or court and ways of their solution are considered. Existing problems are presented and considered by the author taking into account his practical activities in lawenforcement bodies, including in this direction of work.

Keywords: detection, wanted person, disappeared, inquiry, investigation, court, pre-trial restriction.

Игуменов А. С.

Термин «розыск» в российской юридической терминологии имеет глубокие исторические корни, и его содержание изначально было весьма широким и многозначным. Начиная с Судебников 1497 г., 1550 г., а затем и Соборного Уложения 1649 г. «розыском» (сыском) обычно называлась процессуальная форма, по которой раскрытие и расследование преступлений вели государственные органы.

С течением времени первоначальный смысл слова «розыск» значительно сузился, поскольку в результате судебной реформы 60-х годов XIX в. в уголовном судопроизводстве России появились новые понятия «дознание» и «расследование». Термин «розыск» получил свое законодательное закрепление в ст. 254 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. как один из видов полицейского дознания, основанного на тайных методах расследования, включающих в себя словесные расспросы, негласное наблюдение, а также другие допустимые меры по установлению преступников, т.е. по своему содержанию он был весьма близок современному понятию ОРД¹.

С зарождением теории ОРД понятие и сущность розыска становится предметом исследований в этой области научных знаний. Первую кандидатскую диссертацию по проблеме розыскной работы в 1963 г. защитил В. А. Лукашов, который, выступая против расширительного толкования понятия розыска, ограничивал его содержание поиском уже известных правоохранительным органам объектов: скрывшихся преступников; лиц, пропавших без вести, и иных категорий разыскиваемых². Такой подход к понятию розыскной работы прочно закрепился в оперативно-розыскной теории.

Розыскная работа является самостоятельным направлением деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел и включает в себя не только обнаружение разыскиваемых лиц, но и установление личности неизвестных граждан, а также предупреждение уклонения лиц от уголов-

ной ответственности, отбывания наказания, исполнения определенных обязанностей и правил, безвестного исчезновения.

Практика показывает, что лица, подозреваемые (обвиняемые) в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, скрывающиеся от следствия или суда, прибегают к более ухищренным способам укрывательства от сотрудников ОВД. В целях установления их местонахождения и задержания необходимы более сложные оперативно-тактические комбинации и более значительные объемы проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Деятельность органов внутренних дел по розыску лиц, совершивших преступление и скрывающихся от уголовного преследования, можно представить одним из аспектов обеспечения уголовно-правового принципа неотвратимости наказания. В этой связи проявляется тесная взаимосвязь решения задачи оперативно-розыскной деятельности по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, с ее уголовно-процессуальным регулированием³.

За последние годы в организации работы органов внутренних дел по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда накопился ряд проблем. Одни из них вполне можно решить имеющимися средствами, другие требуют законодательного урегулирования.

В организации работы правоохранительных органов по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, сохраняются две группы проблем. Одна из них относится к стадии досудебного производства по уголовным делам и включает вопросы взаимодействия следователя (дознателя) и оперативных подразделений органов внутренних дел. Другая – к стадии судебного производства по уголовному делу и охватывает вопросы взаимодействия суда, прокурора, оперативных подразделений органов внутренних дел в случаях, когда подсудимый скрылся от суда либо место его пребывания неизвестно.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ следователь (дознатель) устанавливает место нахождения подозреваемого

1 Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К. К. Горяинова и др. – М.: ИНФРА-М, 2011. – С. 235.

2 Лукашов В. А. Розыск скрывшихся преступников (по материалам органов охраны общественного порядка): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1963. – С. 3

3 Ким Е. П., Гомбоев Б. Ч., Некозырева Т. С. Некоторые аспекты совершенствования розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Российский следователь. – 2007. – № 2. – С. 15.

(обвиняемого), а если он скрылся, принимает меры к его розыску. Таким образом, роль следователей и дознавателей в организации и осуществлении розыска скрывшихся преступников в стадии досудебного производства по уголовному делу основополагающая⁴.

Однако сегодня приходится все чаще сталкиваться с их незаинтересованностью в розыске преступников в ходе расследования. Характерные недостатки в работе следователей (дознавателей) по организации розыска скрывшихся от следствия и дознания лиц таковы:

- непредставление исчерпывающих сведений о разыскиваемом лице подразделениям розыска органа внутренних дел;
- отсутствие документов, подтверждающих, что следователем (дознавателем) принимались меры к установлению местонахождения подозреваемого (обвиняемого) и доставлению его для производства следственных действий (корешки повесток, постановление о приводе, рапорты сотрудников органа внутренних дел, которые исполняли принудительный привод, и т.п.);
- неуведомление либо несвоевременное уведомление органа, осуществляющего розыск, об обнаружении разыскиваемого преступника или поступлении сведений о его местонахождении;
- несвоевременное объявление в розыск;
- необоснованное объявление в розыск.

Ряд исследователей уверены, что существенная проблема взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел со следователями и дознавателями при розыске скрывшихся преступников – непредставление исчерпывающих сведений о разыскиваемом лице при объявлении его в розыск⁵. Нередко в оперативные подразделения не направляются сведения о возможном месте пребывания скрывшегося, его связях, особых приметах, одежде преступника, характеристике личности (особенностях поведения), что негативно сказывается на своевременности проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий и результатах розыска. Поручения следователей о розыске подозреваемых (обвиняемых) в этих случаях отличаются скудными, неполными данными о таких лицах и местах их предполагаемого нахождения, что лишает оперативные подразделения возможности своевременно организовать и эффективно осуществить их розыск и задержание. В последующем материалы уголовных дел изучаются оперативными сотрудниками, и указанный недостаток устраняется, однако на это уходит время. Но если на начальной стадии розыска между следователями (дознавателями) и оперативными подразделениями есть хоть какое-то взаимодействие (представление данных о личности разыскиваемого, обстоятельствах совершенного преступления, круге установленных в ходе следствия знакомых и друзей), то в дальнейшем какого-либо участия в розыске следователь (дознаватель), как правило, не принимает.

Не всегда решения следователей и дознавателей о приостановлении уголовных дел в связи с розыском подозреваемых и обвиняемых законны, считает Р. Ю. Шергин⁶. Имеют место факты невыполнения требования ч. 5 ст. 208 УПК РФ о производстве всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого.

К материалам дела в этих случаях не приобщаются ответы на запросы из медицинских учреждений, моргов, кредитных учреждений, компаний сотовой связи, не допрашиваются все установленные по делу свидетели, отдельные поручения остаются без надлежащего исполнения.

Нередко постановления о розыске обвиняемых выносятся не по факту уклонения подозреваемых и обвиняемых от явки к следователю или дознавателю, а перед окончанием срока предварительного расследования, что влечет несвоевременность начала розыска и фактически предоставляет лицу от 2–3 недель до 2 месяцев на то, чтобы скрыться от органов предварительного расследования.

Из практики известны факты профессионально неграмотного подхода предварительного следствия и прокуроров к избранию меры пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых. Не редки случаи, когда дознавателем или следователем при избрании меры пресечения не учитываются определенные обстоятельства, указывающие на то, что лицо может скрыться.

Инициирование оперативными подразделениями перед следователями или дознавателями заключения под стражу привлекаемых к уголовной ответственности лиц часто остаётся не услышанным. Иногда это объясняется тем, что расследование уголовного дела, по которому в отношении подозреваемого, обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, доставляет следователю, дознавателю гораздо больше трудностей.

На современном этапе развития Российского государства соблюдение прав и свобод человека и гражданина является одним из приоритетных направлений его деятельности, в связи с чем органами государственной власти уделяется усиленное внимание надзору за органами, осуществляющими предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность. Указанные обстоятельства имеют как положительные, так и некоторые отрицательные последствия. В связи с этим следует отметить тот факт, что трактовка следователями, дознавателями уголовно-процессуального законодательства в части касающейся избрания меры пресечения не всегда совпадает с мнением надзирающего прокурора.

Вопрос об избрании меры пресечения можно отнести к категории наиболее значимых проблем, касающихся розыска лиц, скрывшихся от дознания, следствия или суда. Избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы подозреваемых, в значительном количестве случаев приводит к попыткам данных лиц создать обстоятельства, препятствующие расследованию по делу (сокрытие вещественных доказательств, договоренность о даче одинаковых показаний с соучастниками). Кроме того, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу исключает возможность подозреваемого, обвиняемого скрыться от ОВД во время предварительного следствия. Довольно часто осложняет расследование по уголовному делу, является причиной продления сроков предварительного следствия то обстоятельство, что при избрании меры пресечения «подписка о невыезде» сотрудникам уголовного розыска приходится доставлять одно и то же лицо многократно. Это обусловлено необходимостью привода к следователю, дознавателю подозреваемого (обвиняемого), не желающего являться для проведения различных следственных действий, ознакомления с материалами уголовного дела и даже вручения обвинительного заключения. Более того, как правило, данные лица не являются впоследствии и в суд, что порождает собой вынесение судьей постановления о розыске, что также возлагается на подразделения уголовного розыска.

4 Панов С., Клюев С., Малыхин Е. Розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Законность. – 2008. – № 10. – С. 12.

5 Панов С. Указ. соч. – С. 13.

6 Шергин Р. Ю. Объявление в розыск осужденных, скрывшихся от контроля // Законность. – 2012. – № 5. – С. 8.

Подобные действия со стороны подозреваемых, обвиняемых, в большинстве случаев, опять-таки из-за противоречий с органами прокуратуры, не рассматриваются следователями как нарушения избранной ранее меры пресечения. В результате чего замена, к примеру, меры пресечения в виде подписки о невыезде при надлежащем поведении на заключение под стражу не происходит.

Имеющаяся в настоящий момент практика вынесения решений об аресте не только способствует росту преступности, но и препятствует возможности проверки подозреваемых, обвиняемых на причастность к нераскрытым преступлениям.

Не лишена недостатков работа по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, проводимая сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел⁷.

Анализ розыскных дел позволяет выделить следующие наиболее характерные нарушения в работе сотрудников уголовного розыска по розыску скрывшихся преступников:

- несвоевременное заведение розыскных дел;
- необоснованное прекращение розыска;
- другие нарушения (отсутствие ведомственного контроля, неполнота и несвоевременность розыскных мероприятий), которые составляют подавляющее число выявленных нарушений.

В целях решения проблемы по установлению места пребывания подсудимых, уклоняющихся от явки в суд, представляется необходимым внесение соответствующих изменений в

законодательство, в соответствии с которыми первоначальный этап розыска подсудимых (проверка возможных мест пребывания, наведение справок и т.п.) без проведения оперативно-розыскных мероприятий был бы отнесен к компетенции службы судебных приставов.

Таким образом, большая часть проблем в организации розыска скрывшихся преступников относится к стадии досудебного производства по уголовным делам. Однако часть проблем, как указывалось выше, требует совершенствования правового регулирования и вмешательства законодателя.

Пристатейный библиографический список

1. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К. К. Горяинова и др. – М.: ИНФРА-М, 2011.
2. Лукашов В. А. Розыск скрывшихся преступников (по материалам органов охраны общественного порядка): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1963.
3. Ким Е. П., Гомбоев Б. Ч., Некозырева Т. С. Некоторые аспекты совершенствования розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Российский следователь. – 2007. – № 2.
4. Панов С., Клочев С., Малыхин Е. Розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Законность. – 2008. – № 10. – С. 12.
5. Шергин Р. Ю. Объявление в розыск осужденных, скрывшихся от контроля // Законность. – 2012. – № 5.

7 Панов С. Указ. соч. – С. 14.

<p>АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ</p> <p>Баранов В.А., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Буянова А.В., к.ю.н., доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Волкова Н.С., к.ю.н., ученый секретарь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Еремина О.Ю., научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Петюкова О.Н., д.ю.н., доцент, профессор кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Путило Н.В., к.ю.н., заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Райлян А.И., к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Серета А.В.</p>	<p>Социальная защита семьи: совершенствование механизма правового регулирования</p>	<p>BUSINESS COURT ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p>
<p>BUSINESS COURT ООО «ДЕЛОВОЙ ДВОР» 119571, г. Москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 9 Тел./факс (499) 749-77-16 www.del-dvor.ru del_dvor@bk.ru</p> <p>9 785915 501583</p>	<p>СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ</p> <p>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</p>	<p>Ежемесячное пособие на ребенка</p> <p>Материнский (семейный) капитал</p> <p>Условия и порядок предоставления жилья</p> <p>Особенности предоставления земельных участков многодетным семьям</p> <p>Правоприменительная практика</p> <p>Зарубежный опыт</p>

Денисов А. Д.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРИ РЕЦИДИВЕ

В статье рассматриваются точки зрения ученых, исследовавших проблемы ресоциализации. В результате их анализа у автора появляется возможность сформулировать свое определение применительно к осужденным, совершившим преступления при рецидиве.

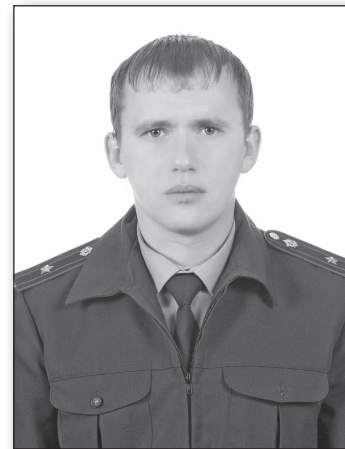
Ключевые слова: ресоциализация, социальная адаптация, стадии, исправление, осужденные.

Denisov A. D.

ON THE CONCEPT OF RESOCIALIZATION OF CONVICTS WHO COMMITTED REPETITION OF CRIME

The article considers the point of view of scientists who studied the problem of resocialization. As a result of their analysis the author gets an opportunity to formulate his own definition as applied to convicted offenders who committed repetition of crime.

Keywords: resocialization, social adaptation, stage, correction, convicted.

Денисов А. Д.

Термин «ресоциализация» в отечественной науке разрабатывается с 60-х годов прошлого века. За это время в различных отраслях знаний представлено множество точек зрения, но, несмотря на существующее многообразие, мы полностью согласны с утверждением, что единого понимания ресоциализации в России нет, существуют лишь отдельные представления ученых, распределенные по разным областям знаний. Рассмотрим и попытаемся проанализировать некоторые из них.

Так, М. Ю. Антонян под ресоциализацией представляет процесс социальной адаптации, приспособления к новым условиям, активное участие в новой жизни, восстановление или приобретение новых ролей, статусов и функций¹.

В понимании И. И. Евтушенко, ресоциализация – это совокупность правовых, организационных, воспитательных и иных мер воздействия на осужденных, применяемых с целью изменения их негативных ценностных ориентаций, устранения отрицательных последствий изоляции, закрепления результатов исправления, включения их в позитивные социальные связи и оказания им реабилитационных мероприятий после освобождения из исправительного учреждения².

Е. Ю. Бирюкова подвергает критике мнение И. И. Евтушенко, указывает на то, что в данное определение является слишком громоздким, в нем автором допущена смысловая ошибка³. На наш взгляд, с подобным утверждением можно согласиться лишь частично. Да действительно, в плане громоздкости мы разделяем точку зрения Е. Ю. Бирюковой, но в остальном нет. Как нам представляется, приведенное определение полностью соответствует нашему представлению о понятии ресоциализация, однако из-за его объемности сложно

определить, где начинается и где заканчивается данный процесс.

Часть авторов отождествляет содержание рассматриваемого нами понятия с процессом исправления осужденных в исправительных учреждениях⁴, другие наоборот, выносят ресоциализацию за пределы исправительных учреждений⁵. Причиной слишком упрощенных, или, наоборот, слишком объемных смысловых конструкций, может являться недостаточно правильное представление о структуре данного процесса. Примером этому, по нашему мнению, является точка зрения М. С. Рыбака, который делит данный процесс на 5 стадий⁶: установление принадлежности осужденного к положительной, отрицательной или нейтральной социальной группе с учетом его интеллектуальных и волевых качеств; создание условий для разрыва негативных связей с той социально-опасной группой, с которой осужденный установил отношения; исправление; воспитательная работа; социальная адаптация.

Как нам представляется, смысловых ошибок в представленном автором взгляде нет, просто данный процесс выглядит весьма широким, как впрочем, и другие определения, где авторы представляют ресоциализацию как процесс, состоящий из 3 стадий⁷.

В своем исследовании мы разделяем точку зрения Н. А. Стручкова, который полагает, что содержание этого процесса следует включать не только пенитенциарный, но и постпенитенциарный период⁸.

1 См.: Антонян Ю. М. Взаимодействие личности преступника и социальной среды // Проблемы борьбы с рецидивной преступностью. М.: Издательство «Проспект», 1980. С. 27-28.

2 См.: Евтушенко И. И. Условно-досрочное освобождение в аспекте ресоциализации осужденных к лишению свободы: автореф. дисс. канд. юридических наук. Саратов: Саратовская гуманитарная академия, 2003. С. 13.

3 См.: Бирюкова Е. Ю. Правовое регулирование и организация социальной адаптации несовершеннолетних осужденных в льготных условиях: дисс. канд. юрид. наук. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 20.

4 См.: Астемиров З. А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы. Рязань: Ряз. выпш. шк. МВД СССР, 1973. С. 35.

5 См.: Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., Вышш. шк. МВД СССР, 1974. С. 67.

6 См.: Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. 2-е издание. Саратов: Саратовская гуманитарная академия, 2004. С. 33-34.

7 См.: Южанин В. Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве: учеб. пособ. Рязань: инст. права и экономики МВД России, 1992. С. 35.

8 См.: Стручков Н. А. Некоторые аспекты исполнения наказания и перевоспитания // Воспитание и порядок № 1. Издательство «Сокол». М., 1981. С. 5.

Такой порядок представляется нам наиболее логичным: на пенитенциарной стадии – исправление осужденного при помощи средств, которые имеются в арсенале исправительных учреждений. На постпенитенциарной – закрепление результатов исправления, приспособление к жизни в условиях свободы, включение в исполнение необходимых обществу функций и социальных ролей. Такой порядок позволяет сначала решать задачи по достижению целей наказания, а затем закрепить достигнутые в период отбывания наказания результаты, подключить освобожденного к социально полезным ролям и функциям. Исходя из этого закрепление результатов исправления можно определить как систему мер, проводимых после освобождения осужденных из исправительных учреждений, направленных на укоренение усвоения тех положительных качеств, которые были им привиты в процессе отбывания наказания, оказание практической помощи в трудовом, бытовом и жилищном устройстве в целях предупреждения с их стороны новых преступлений и приобщения к честной, не противоречащей нормам права, жизни.

Представляется, что изложенная точка зрения на понятие ресоциализации заслуживает самого серьезного внимания, так как действительно воздействие, оказываемое на личность правонарушителя в период предварительного расследования, судебного разбирательства, несомненно, имеет значение для изменения социальной позиции личности, ее, в конечном итоге, ресоциализации. Но поскольку наиболее интенсивное воздействие на личность оказывается на стадии исполнения уголовного наказания, более правильным было бы вести речь именно о такой структуре данного процесса. В той связи мы солидарны с мнением В. А. Каракашева, что «в исправительных учреждениях создаются самые благоприятные возможности для систематического, эффективного и целенаправленного воспитательного воздействия»⁹.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что каждый из этапов ресоциализации имеет свои цели, общей же целью двух этапов будет возвращение обществу правоополнительного гражданина. Сами же по себе эти этапы относительно самостоятельны, поскольку на каждом из них достигаются свои промежуточные цели с помощью присущих только им специфических средств воздействия. Например, на пенитенциарном этапе у осужденного воспитывается установка на дальнейшее, не противоречащее нормам морали и права поведение. В качестве исчерпывающей характеристики данного этапа можно привести определение пенитенциарной ресоциализации, представленное в работе В. Н. Савардуновой, где автор раскрывает его в виде процесса усвоения осужденным (повторно или впервые) общественно одобряемых норм, ценностей, образцов поведения, восстановления утраченных либо несформированных социальных навыков и привычек поведения¹⁰, выражаясь иными словами, происходит его полное или частичное исправление.

Следовательно, постпенитенциарный этап можно охарактеризовать как систему мер, проводимых после освобождения осужденных из исправительных учреждений, направленных на закрепление у них тех положительных качеств, которые были привиты им в процессе отбывания наказания, оказание практической помощи в трудовом, бытовом и жилищ-

ном устройстве в целях предупреждения с их стороны новых преступлений.

Исходя из проведенного нами анализа, ресоциализация осужденных-рецидивистов – это состоящий из двух стадий и регулируемый нормативными правовыми актами процесс, предполагающий применение различных правовых и организационных мер воздействия на них, направленных на преодоление у воспитуемых дефектов в сознании, путем частичной корректировки некоторых их свойств личности, приведших к повторному совершению преступлений, с целью возвращения в общество правоуполнительных граждан.

Приставный библиографический список

1. Антонян Ю. М. Взаимодействие личности преступника и социальной среды // Проблемы борьбы с рецидивной преступностью. М.: Издательство «Проспект», 1980. – С. 27-28.
2. Астемиров З. А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы: учеб. пособие. Рязань: Ряз. высш. шк. МВД СССР, 1973. 120 с.
3. Бирюкова Е. Ю. Правовое регулирование и организация социальной адаптации несовершеннолетних осужденных в льготных условиях: дисс. канд. юрид. наук. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. 246 с.
4. Евтушенко И. И. Условно-досрочное освобождение в аспекте ресоциализации осужденных к лишению свободы: автореф. дисс. канд. юридических наук. Саратов: Саратовская гуманитарная академия, 2003. 50 с.
5. Каракашев В.А. Соотношение наказания и перевоспитания // Советское право. № 4. Издательство «Проспект». М., 1975. 50 с.
6. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. 2-е издание. Саратов: Саратовская гуманитарная академия, 2004. 150 с.
7. Савардунова В. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы: монография. Рязань, 2003. 180 с.
8. Стручков Н. А. Некоторые аспекты исполнения наказания и перевоспитания // Воспитание и порядок. № 1. Издательство «Сокол». М., 1981. 60 с.
9. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания: учеб. пособ. М.: Высш. шк. МВД СССР, 1974. 100 с.
10. Южанин В. Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве: учеб. пособ. Рязань: институт права и экономики МВД России, 1992. 80 с.

9 См.: Каракашев В. А. Соотношение наказания и перевоспитания // Советское право. № 4. Издательство «Проспект». М., 1975. С. 7.

10 См.: Савардунова В. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы: монография. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2003. С. 24.

Ибрагимова Х. А.

К ВОПРОСУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 285 УК РФ.

В юридической литературе указывается на наличие весьма разнообразных форм должностного злоупотребления, которые еще пока не приведены в научно обоснованную систему. Статья посвящена наиболее часто встречающимся формам этих злоупотреблений и их правовому анализу.

Ключевые слова: должностные злоупотребления, попустительство, сокрытие недостатков, порча, запутывание учета и отчетности, подлог, приписки, нецелевое использование, халатность.

Ibragimova Kh. A.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LEGAL ANALYSIS OF THE OBJECTIVE SIDE OF A CRIME UNDER ART. 285 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The legal literature points to a wide variety of forms of abuse of office, which have not been yet brought to a scientifically based system. The article is devoted to the most common forms of abuse and their legal analysis.

Keywords: abuse of office, conniving, concealment of deficits, damage, entanglement of accounting, forgery, false reporting, inappropriate use, negligence.

Объективная сторона злоупотребления должностными полномочиями может выражаться в различных формах, некоторые из которых являются типичными: нарушение правил приема, хранения, сдачи материальных ценностей, повлекшее их порчу; сокрытие недостатков, повлекшее существенный вред; продажа товаров с нарушением установленных правил, в результате чего были ущемлены права граждан; изъятие лицом находящихся в подотчете денежных средств без цели хищения, причинившее материальный ущерб; непроведение необходимых процессуальных действий по уголовным делам, повлекшее необоснованное приостановление или прекращение дела; дача незаконных распоряжений об отпуске материальных ценностей, в результате чего образовалась недостача. В числе прочих форм злоупотреблений должностными полномочиями имеют место как запутывание учета и отчетности, несоблюдение требований штатно-финансовой дисциплины, нарушение правил торговли, подлог документов, приписки к государственной отчетности, нерациональное использование материальных ценностей.

Одной из форм злоупотребления должностными полномочиями может явиться попустительство совершению преступлений иными лицами (например, должностное лицо, в полномочия которого входит контроль за хранением и расходованием товарно-материальных ценностей, сознательно не выполняет этой обязанности, что приводит к существенному нарушению интересов государственного либо муниципального учреждения), а также издание противоречащих закону либо иному нормативному правовому акту приказов и распоряжений, а также нецелевое использование бюджетных средств, обладающее достаточно высокой степенью общественной опасности, особенно в сфере деятельности бюджетных организаций. Вред причиняется наиболее важным конституционным правам и свободам граждан и во много раз превышает ущерб от общеуголовных преступлений.

Необходимо обратить внимание на то, что при оценке фактов злоупотребления должностными полномочиями должностное лицо может при определенных обстоятельствах совершить противоправные, но уголовно-ненаказуемые действия. В. И. Денека, например, предлагает при оценке фактов должностных злоупотреблений с особой тщательностью устанавливать наличие в событии таких обстоятельств, как необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск, которые не могут рассматриваться как преступление¹. Более того, надо иметь виду, что действующий ныне УК РФ четко обозначил и даже расширил перечень обстоятельств,

при которых противоправные действия должностных лиц исключают их преступность. Среди новых норм предусмотрены: обоснованный риск (ст. 41 УК РФ), который может быть оправдан лишь при совершении его во имя общественного блага; причинение вреда при задержании преступника (ст. 38 УК РФ); физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ); исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Последние обстоятельства, исключающие преступность деяния, теоретически (практически фактов преступлений и иных правонарушений найти не удалось) возможны.

Конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, является наступление последствий, связанных с существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

Согласно законодательной конструкции для состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, необходимо, чтобы преступными действиями были существенно нарушены права и законные интересы граждан и организаций либо государственные и общественные интересы, охраняемые законом. Однако закон не определяет, и в науке уголовного права и судебно-следственной практике не установлены общепринятые единые критерии для определения существенного вреда, тяжких последствий, а также для отграничения этих понятий друг от друга.

Установление этих обстоятельств имеет важное практическое значение, т.к. состав должностного злоупотребления является оконченным преступлением при условии фактического наступления вредоносного последствия, иначе говоря, это преступление по своей законодательной конструкции относится к числу материальных составов.

В. И. Соловьев полагает, что существенный вред может быть не только имущественным и физическим, но и моральным. Далее автор предлагает «определять ущерб имуществу на определенную сумму»². Определение существенности вреда в стоимостном выражении получило поддержку среди некоторых ученых, хотя в то же время многие высказывались о невозможности определения единого критерия существенного вреда для состава преступлений, устанавливающих ответственность за должностное злоупотребление, превышение власти и халатность. По мнению последних, для единообразия и правильного понимания закона критерии определения существенного вреда необходим, и при его установлении следует учитывать неодинаковый круг объектов, которым причиняется вред, а также его разнообразие³.

1 Денека В. И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России. – М., 1998. – С. 34.

2 См.: Соловьев В. И. Что понимать под существенным вредом // Советская юстиция. – 1970. – № 9. – С. 1.

3 Там же.

Интересно мнение, согласно которому установить точный размер и вид «существенного нарушения прав и законных интересов» не представляется возможным, однако определенно существенное нарушение прав должно быть выражено только в фактически совершенном ущемлении конституционных и гражданских прав человека, предоставленных ему нормами действующей Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ и иными нормативными актами, регулирующими вопросы правового положения граждан. По мнению В. И. Денеки, в силу того, что только законы закрепляют основополагающие права, свободы и обязанности личности, существенным может быть признано такое нарушение прав и интересов, которые закреплены в указанных законах⁴.

В данном случае мы имеем дело с оценочной категорией, поэтому решение вопроса, связанного с определением существенного вреда и тяжких последствий, следует предоставить правоприменителю, который сам должен вынести оценку наступившим последствиям и аргументированно отнести их к одному из названных последствий должностного преступления.

Разумеется, использование законодателем оценочного признака в рамках известного состава на практике нередко может привести к грубым ошибкам, нарушениям принципа законности, фактическому попранию прав и интересов граждан, «неугодных начальству» (например, они могли быть привлечены к уголовной ответственности или арестованы на длительный срок до суда лишь по одному оценочному признаку: существенному нарушению прав и интересов, или, наоборот, высокопоставленное должностное лицо может рассматриваться те или иные правонарушения по фактам злоупотреблений как проступки, а не как преступления).

Должностное лицо в условиях законопослушного поведения реализует свои полномочия, направленные на правильное регулирование возникающих общественных отношений между разными участниками. В этой связи факт совершения преступления должностным лицом не только нарушает нормальный ход общественных отношений между субъектами, но и создает препятствия для установленного законом порядка правового регулирования общественных отношений, наносит вред правильной деятельности органа власти или управления, интересы которого они должны представлять. Таким образом, вред государственным и общественным интересам может быть нанесен, скажем, и тогда, когда в результате должностного злоупотребления создаются благоприятные условия для разбазаривания чужого имущества или использования материальных ценностей для личного обогащения.

Важно при этом, чтобы установление и выяснение вреда происходило путем анализа и оценки каждого отдельного случая, с учетом всех других обстоятельств и на должном уровне. Вместе с тем хочется отметить, что, как нам удалось выяснить, предварительное либо судебное следствие часто ограничивается формальной фиксацией размера ущерба, оставляя без внимания его характер.

Трудности определения последствий должностных злоупотреблений связаны с тем, что значительная их доля в результате таких действий связана с причинением морального вреда.

Под причинением существенного вреда охраняемым законом правам и законным интересам отдельных граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства следует понимать нанесение должностным лицом морального вреда гражданам путем злоупотребления своими должностными полномочиями, связанное с ущемлением их законных прав и интересов. Следует согласиться с проф. Н. С. Малениным, который пишет, что «к законным интересам могут быть отнесены любые, кроме антиобщественных, интересы, учитываемые государством; материальные и духовные, личные и общественные, получившие выражение в праве»⁵.

Считаем правильным мнение ученых, которые выделяют в системе видов моральных последствий должностного злоупотребления такой вред, причиненный отдельному гражданину, в результате которого у людей теряется чувство уважения к

властям, к их носителям, наступает разочарование в их праведности и справедливости, а иной раз их протест выражается в групповом и массовом выступлении, приобретая демонстративно-митинговый характер.

Понятие существенного вреда охватывает такие действия должностного лица, которые подрывают авторитет, престиж государственного аппарата или его звеньев. В научной литературе упомянутое понятие нередко определяют как объект преступления, однако мы считаем, что престиж — это моральная категория и не может рассматриваться в качестве объекта преступления, поскольку не порождает общественных отношений. В этом плане мы согласны с мнением Т. М. Петрожицкой, которая отмечает разрушительность действия любого должностного преступления на правосознание людей. По ее мнению, «престиж (авторитет) аппарата хотя и не является прямым объектом преступного посягательства, но служит негативным моральным последствием должностного злоупотребления»⁶.

Тяжесть последствий может быть связана также с должностным положением субъекта преступления. Дело в том, что должностные лица, занимающие ответственное положение, наделены широкими полномочиями по решению вопросов, связанных с исполнительно-распорядительной деятельностью, в связи с чем расширяется сфера возможных злоупотреблений с их стороны, а также повышается тяжесть их последствий. Данное положение особенно справедливо для тех фактов злоупотреблений высокопоставленных лиц, в которых разоблачение сопряжено с большим общественным резонансом.

Для наличия преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, необходимо установить причинную связь между действиями (бездействиями) должностного лица и наступившими вредными последствиями. Речь, таким образом, идет об установлении того, что наступившие общественно опасные последствия порождены данными действиями (бездействием) лица, а не действиями третьих лиц или какими-нибудь другими обстоятельствами. Совершенное лицом деяние признается преступным и вменяется ему в вину именно потому, что это его деяние продуцировало предусмотренные законом общественно опасные последствия.

Приставейный библиографический список

1. Буланов Г. Критерии существенного вреда, причиняемого злоупотреблением и халатностью // Советская юстиция. – 1974. – № 10.
2. Галахов А. В. Должностные преступления: Преступления против государственной службы и службы в органах местного самоуправления / Рос. правовая академия МЮ РФ, 1998.
3. Денека В. И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России. – М., 1998.
4. Криминология: Учеб. для бакалавров / под ред. Ю. М. Антонян. – М., 2012.
5. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960.
6. Маленин Н. С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. – 1980. – № 32.
7. Малков В., Хабибулин М. Понятие и критерии существенного вреда как последствие должностного преступления // Советская юстиция. – 1974. – № 12.
8. Петрожицкая Т. М. Уголовная ответственность за злоупотребление властью или служебным положением по законодательству Республики Казахстан: Дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 1997.
9. Соловьев В. И. Что понимать под существенным вредом // Советская юстиция. – 1970. – № 9.
10. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов. / Н. Г. Иванов. – М.: Издательство «Экзамен», 2013.

4 Денека В. И. Указ. соч. – С. 35.

5 См.: Маленин Н. С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. – 1980. – № 32.

6 Петрожицкая Т. М. Уголовная ответственность за злоупотребление властью или служебным положением по законодательству Республики Казахстан: Дис. ... канд. юрид. наук. – Караганда, 1997. – С. 34.

Кемова Н. Н. ЭКСТРЕМИСТСКИЙ МОТИВ В СОСТАВЕ ХУЛИГАНСТВА

Статья посвящена отграничению уголовно наказуемого хулиганства от экстремизма, а также анализируется ст. 213 УК РФ, в частности возможность сочетания двух равнозначных мотивов в одном составе преступления.

Ключевые слова: хулиганство, хулиганский мотив, экстремизм, экстремистский мотив.

Кемова N. N. EXTREMIST MOTIVE AS A PART OF HOOLIGANISM

The article distinguishes the notions of criminally punishable hooliganism and extremism, as well as the Article 213 of the Criminal Code is analysed, in particular the possibility of combining two equivalent motifs in the same crime.

Keywords: hooliganism, hooligan motive, extremism, extremist motive.

Кемова Н. Н.

С включением в ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации пункта «б» – совершение хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной либо религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, вызвало серьезные проблемы в квалификации хулиганства, а именно, в разграничении хулиганства и экстремизма, хулиганства и вандализма по тем же признакам, а также хулиганства по указанному признаку с причинением вреда здоровью человека различной степени тяжести или совершением убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Следует отметить, что в отличие от всех остальных составов преступлений, где мотив ненависти присутствует как квалифицирующий признак, в новом составе хулиганства этот мотив является не квалифицирующим признаком, а криминообразующим.

Подобная законодательная новация вызвала оживленную дискуссию в среде ученых-криминалистов и практиков. В частности, справедливо обращено внимание на то, что при наличии квалифицирующего мотива ненависти практически по всему списку насильственных преступлений не было необходимости упоминать его еще и в отдельных статьях Особенной части, в том числе в ст. 213 УК РФ¹.

Хулиган, как и вандал, посягает на отдельные права и свободы условно определенной группы лиц, представляющих общество. Потому было отмечено, что хулиганству присуща публичная направленность самих действий и заведомая публичность их вредных для общества последствий². Иной подход предполагал бы наличие обязательного дополнительного объекта посягательства: здоровья, чести и достоинства определенных граждан, режима работы организаций, благоустройства поселений и т.п. Покой людей, неприкосновенность личности, здоровье человека и (или) собственность выступают как альтернативно-дополнительные объекты, на один из них посягает хулиган. Публичная направленность присуща также экстремизму. Но в первом случае имеет место ограничение возможности свободного осуществления прав, а во втором –

нарушение прав одних лиц для устрашения всех остальных. Игнорирование данного факта законодателем предвещает сложную судьбу и нормам об экстремизме. Так, уже высказываются предложения о расширении перечня экстремистских деяний, например, за счет деяний террористической направленности³.

В современной научной литературе экстремизм в его широком значении определяется как идеология, предусматривающая принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление.

Экстремизм при этом наделяется следующими признаками:

– отрицание инакомыслия и нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, конфессиональных и др.);

– попытки идеологического обоснования применения насилия по отношению не только к активным противникам, но и к любым лицам, не разделяющим убеждения экстремистов;

– апелляция к каким-либо известным идеологическим или религиозным учениям, претензии на их «истинное» толкование или «углубление» и в то же время фактическое отрицание многих основных положений этих учений;

– доминирование эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды экстремистских идей, обращение к чувствам и предрассудкам людей, а не к их разуму;

– создание харизматического образа лидеров экстремистских движений, стремление представить их непогрешимыми, а все их распоряжения – не подлежащими обсуждению.

Все эти признаки не только имеют место, но и в большинстве случаев тесно взаимодействуют между собой, вытекают один из другого, имеют неразрывную внутреннюю связь. Большинство из них присущи любому экстремистскому движению: от религиозных сект до профашистских организаций⁴.

Для отграничения хулиганства от экстремизма надлежит установить мотив и цель посягательства. Внутренняя побудительная сила, толкающая к хулиганским действиям, может сводиться не к одному какому-либо мотиву, а к множеству, гамме мотивов, называемых в уголовном праве хулиганскими

1 Верховский А. Поправки к антиэкстремистскому законодательству улучшились ко второму чтению. Подробный анализ / Информационно-аналитический центр «Сова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xeno.sova-center.ru>.

2 Пиотковский А. А., Меньшагин В. Д., Чхивадзе В. М. Курс советского уголовного права: Особенная часть. – М., 1959. – Т. 2. – С. 313; Кузнецов А. В. Хулиганство и борьба с ним. – М., 1962. – С. 26–27; Советское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В. А. Владимировой. – М., 1979. – С. 463–464.

3 Павлинов А. В. Насильственный экстремизм. – М., 2004. – С. 17–18; Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологические аспекты. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 48–49, 142; Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. – СПб., 2006. – С. 152–153.

4 Мартыненко Б. Политический терроризм: Понятие, признаки, классификация // Северо-Кавказский юридический вестник. – 1999. – № 7. – С. 66–74.

побуждениями и выступающих в каждом случае либо отдельно, либо в определенном сочетании, в совокупности с иными побуждениями (корыстью, ревностью, мстостью, завистью). Хулиганский мотив многолик, как стремление утвердить свое гипертрофированное «Я» за счет окружающих лиц. Иная ситуация имеет место при совершении преступлений экстремистской направленности, целью которых всегда является преследование (травля) групп населения, воспрепятствование свободному развитию данных социальных групп или общин, в том числе путем совершения посягательств «через одного на многих». В последнем случае обязательным дополнительным объектом выступают честь и достоинство личности, здоровье и жизнь, собственность, но могут выступать и иные права граждан (на труд, на свободу передвижения, на пенсионное обеспечение). Это нехарактерно для хулиганства.

Отличие от хулиганов, посягающих на права и покой случайных лиц (реже – на членов конкурирующей группировки), экстремисты посягают на права и свободы представителей определенной национальной, этнической, религиозной, социальной группы. Это посягательство совершается: а) путем насаждения идеологически окрашенной негативной информации (клеветы, оскорблений); б) путем демонстративного посягательства на ценные для представителей данных групп овецированные объекты (храмы, места захоронений, памятники культуры и др.), а также имущество членов группы; в) путем демонстративного применения насилия и (или) угроз его применения в отношении членов данных групп, их терроризирования⁵.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы о разграничении хулиганства и экстремизма.

1. Различия посягательств заключаются не в мотивах, а в целях действий субъекта. Для хулигана целью является демонстрация своей исключительности, для экстремиста – подавление, ограничение чужой групповой особенности и самобытности.

2. Экстремистские посягательства могут быть совершены только указанными в законе способами. Если при этом совершаются и иные деяния, то имеет место идеальная совокупность преступления экстремистской направленности и иного преступления, совершаемого при наличии признаков, предусмотренных п. «е» ст. 63 УК РФ.

Данные разграничения носят скорее теоретическое значение, чем практическое. В правоприменительной деятельности можно посоветовать квалифицировать деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по самостоятельным составам преступлений, в зависимости от выполняемых действий и наступивших последствий.

Например, п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» предлагает причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести или совершение убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы при отсутствии иных признаков преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, квалифицировать по соответствующим статьям, частям и пунктам Уголовного кодекса РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности (например, по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ). Остается непонятным, для чего необходимо указание в п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ на экстремистский мотив, когда Верховный

Суд все равно предлагает квалификацию по преступлениям против личности. Достаточно тяжело в правоприменительной деятельности будет провести грань в целях действий субъектов преступлений, а именно, демонстрация своей исключительности при хулиганстве, и подавление, ограничение чужой групповой особенности и самобытности при экстремизме.

Объединенными в одной норме оказались фактически два состава, отличающиеся, с одной стороны, по мотивам: хулиганскому и мотиву ненависти или вражды, а с другой – по объективной стороне: в первом случае грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, должно сопровождаться применением оружия, во втором случае этого не требуется. Таким образом, для наличия второго состава хулиганства, уже именуемого в литературе «экстремистским», достаточно будет совершить действия, образующие мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП), но по мотиву ненависти или вражды. Справедливо ли это? Полагаем, что нет, так как характер общественной опасности таких деяний вряд ли требует применения мер уголовно-правового воздействия. Ведь сейчас, исходя из строгого толкования закона, под действие ст. 213 УК РФ можно подвести, к примеру, нецензурную брань бедного пенсионера в адрес хорошо зарабатывающего работника банка, если такая брань мотивирована ненавистью к лицу как представителю социальной группы: а) служащих, в том числе банковских; б) состоятельных сограждан⁶.

В складывающейся ситуации как «экстремистское» хулиганство (со всеми вытекающими юридическими последствиями) можно расценить и первомайские призывы сторонников компартии типа «долой богатых», и оскорбительные выходки фанатиков какого-либо футбольного клуба в отношении иных болельщиков, и нецензурную брань провалившего сессию студента-неудачника в отношении профессорско-преподавательского состава вуза, и т.д. Отсутствие приемлемых правовых признаков какой-либо социальной группы по существу размывает границы уголовной репрессии: при желании хулиганом-экстремистом можно считать любого человека, выразившего в грубой, циничной форме несогласие с поведением или образом жизни представителя (представителей) какой-нибудь общности, не запрещенной законом. И результат этого плачевен: ставится под угрозу само существование свободы выражения мнения⁷.

Рассматривать хулиганство без отрыва от его мотива в виде хулиганских побуждений нельзя, это его обязательный признак. Как же быть с так называемым экстремистским хулиганством – деянием, предусмотренным п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ? Получается, что для состава этого преступления необходимо два мотива, которые будут определять действия виновного – хулиганский и мотив ненависти или вражды. Возможно ли это?

Уголовный закон понятие экстремистского мотива, т.е. мотива ненависти либо вражды, не раскрывает. В литературе под таким мотивом предлагается понимать обусловленные определенными потребностями внутренние побуждения, выражающие стремление виновного показать неполноценность потерпевшего по причине его принадлежности к конкретной (иной) нации, либо по причине его расовой принадлежности, либо по причине исповедования им определенной религии и, вследствие этого, свое ненавистное к нему отношение⁸.

Таким образом, если при хулиганском мотиве лицо, совершая противоправные действия, стремится противопоставить себя окружающим, проявить явное неуважение к обще-

5 Ростокинский А. В. О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и Экстремизма // Российский следователь. – 2007. – № 7. – С. 24.

6 Кунашев А. Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами // Законность. – 2010. – № 2. – С. 44–47.

7 Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. – 2008. – № 4.

8 Капинус О. С. Убийства: мотивы и цели. – М., 2004. – С. 115–116.

ству, то есть к неопределенному кругу лиц независимо от того, кто перед ним, то при мотиве ненависти посягательство совершается в отношении определенных лиц, которые выделяются по признакам принадлежности к конкретной нации, расе, религиозной конфессии, политической партии и иной социальной группе. Это исключает непосредственное посягательство на общественный порядок в целом, так как в этом случае деяние направлено на интересы определенной социальной ячейки, а не всего общества. Это подтверждается и судебно-следственной практикой. В частности, по приговору Хамовнического районного суда от 17 августа 2012 г. по уголовному делу № 1-170/12 по обвинению группы «Pussy Riot» в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, отмечено, что действия виновных были направлены не на посягательство на общественный порядок в целом, а лишь в отношении конкретной социальной группы – группы православных верующих⁹. Следовательно, «экстремистское» хулиганство имеет совершенно иной (по сравнению с хулиганством «общеуголовным») основной непосредственный объект посягательства. Соответственно, с точки зрения криминализации деяния объединение в одну норму УК столь разных по своей направленности проявлений человеческой активности не имеет под собой никаких оснований.

То, что эти мотивы существенно отличаются друг от друга, очевидно. В их основе лежат различные стремления. Конечно, человеческое поведение, в том числе и криминальное, вполне может быть обусловлено несколькими мотивами. В этом случае для правильной юридической оценки преступного деяния правоприменитель должен разрешить вопрос о так называемой конкуренции и сочетаемости мотивов. Теория уголовного права исходит из того, что при наличии нескольких побуждений в действиях виновного основное содержание волевого акта всегда определяется каким-то одним доминирующим (ведущим, основным) мотивом. Остальные мотивы выступают в роли побочных, они лишь сопутствуют основному мотиву, стимулируя или затрудняя принятие решения и его реализацию. Разные мотивы могут сочетаться в одном преступлении, однако квалифицировать содеянное следует по статье УК, предусматривающей тот мотив, в пользу которого избран волевой акт и принято решение¹⁰.

Учитывая изложенное, следует признать, что конструкцию состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213, иначе как парадоксальной, с точки зрения теории уголовного права и сложившейся судебной практики, не назовешь. Мы полностью согласны с С. Кочои, заметившим, что «допустить возможность совершения преступления с несколькими равнозначными мотивами – значит создавать серьезные проблемы в правоприменительной практике и в конечном счете оставлять безнаказанными действия экстремистов»¹¹.

В результате такой новеллизации получается, что правоприменитель должен доказать, во-первых, наличие хулиганского мотива в совершенно конкретных действиях, а затем и наличие экстремистского мотива в этих же совершенно конкретных действиях. Только тогда деяние будет признано в качестве хулиганства. То есть правоприменитель обязан доказать, что поведение виновного обусловлено желанием открыто противопоставить себя обществу, доказать эпатажно-противоправным способом значимость собственной личности (продемонстрировать свое эго), а также неприязнь к конкретной

нации, расе, религиозному направлению и т.д. В этой части возникает целый ряд, как представляется, непреодолимых правоприменительных трудностей.

Таким образом, ни основной непосредственный объект, ни мотивы «экстремистского» и «общеуголовного» хулиганств ничего общего между собой не имеют. По этому поводу А. В. Петрянин высказал такую мысль: «Принимая во внимание то, что в статье 213 УК РФ законодателем необоснованно объединены принципиально разные преступления, считаем, что необходимо на основе признаков, закрепленных в пункте “б” части 1 данной нормы, криминализовать самостоятельный состав преступления “Экстремистское хулиганство”, разместив его в главе 29 УК РФ»¹².

Полагаем, что в сложившейся ситуации выходом, который устранил возникшие противоречия, было бы исключение из ст. 213 УК РФ указания на признак совершения этого преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Пристатейный библиографический список

1. Верховский А. Поправки к антиэкстремистскому законодательству улучшились ко второму чтению. Подробный анализ / Информационно-аналитический центр «Сова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xeno.sova-center.ru>.
2. Капинус О. С. Убийства: мотивы и цели. – М., 2004.
3. Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. – 2008. – № 4.
4. Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. – СПб., 2006.
5. Кочои С. М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: Монография. – М., 2007.
6. Кузнецов А. В. Хулиганство и борьба с ним. – М., 1962.
7. Кунашев А. Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами // Законность. – 2010. – № 2.
8. Мартыненко Б. Политический терроризм: Понятие, признаки, классификация // Северо-Кавказский юридический вестник. – 1999. – № 7.
9. Павлинов А. В. Насильственный экстремизм. – М., 2004.
10. Петрянин А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «Хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2.
11. Пиотковский А. А., Меньшагин В. Д., Чхивадзе В. М. Курс советского уголовного права: Особенная часть. – М., 1959. – Т. 2.
12. Ростокинский А. В. О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и Экстремизма // Российский следователь. – 2007. – № 7.
13. Советское уголовное право: Особенная часть / Под ред. В. А. Владимировой. – М., 1979.
14. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологические аспекты. – Ростов-на-Дону, 2004.

9 Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы от 17 августа 2012 года по уголовному делу № 1-170/12 // Архив Хамовнического районного суда г. Москвы.

10 См., напр.: Волков Б. С. Мотивы преступлений. Изд-во Казанского университета, 1982. – С. 84–85; Тарарухин С. А. Установление мотива и квалификация преступления. – Киев, 1977. – С. 109–110.

11 Кочои С. М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: Монография. – М., 2007. – С. 24.

12 Петрянин А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «Хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 591–596.

Козаченко Б. П., Аммосова В. И.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов назначения уголовного наказания в виде исправительных работ в контексте международных стандартов в сфере защиты прав человека, запрещения принудительного труда. В целях соблюдения международных норм, обеспечения своевременного привлечения осужденного к труду и его исправления авторы предлагают введение нормы получения предварительного согласия осуждаемого при назначении исправительных работ лицам пенсионного возраста и инвалидам.

Ключевые слова: международные стандарты, принудительный труд, уголовное наказание, исправительные работы, привлечение к труду, трудоустройство осужденных, инвалиды, инвалидность, лица пенсионного возраста, уголовно-исполнительные инспекции.

Kozachenko B. P., Ammosova V. I.

INTERNATIONAL STANDARDS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS PROTECTION WHEN ASSIGNING CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOUR

The article considers some aspects of criminal sentencing in the form of correctional works in the context of international standards in the sphere of human rights protection, prohibition of forced labour. In order to comply with international standards, ensure the timely involvement of the convict to work and its correction, the authors propose the introduction of a rule of prior consent of condemned when appointing corrective works to the persons of retirement age and the disabled.

Keywords: international standards, forced labour, criminal penalties, corrective work, engaging in labour, the employment of prisoners, the disabled, disability, the elderly, penal inspections.

Статья 2 Конвенции Международной организации труда № 29 о принудительном или обязательном труде 1930 г.¹ (далее – Конвенция МОТ) определяет термин «принудительный или обязательный труд» как всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг, за исключением ряда объективных обстоятельств. Среди перечисленных в анализируемой Конвенции обстоятельств следует обратить внимание на п. «с», исключающий из понятия принудительного труда «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ».

Практически аналогичная формулировка понятия «принудительного труда» представлена и в иных международных нормативных актах (стандартах), регулирующих сферу прав и обязанностей человека, принятых и ратифицированных всеми странами в последующие годы.

Норма о запрещении использования принудительного труда отражена в основных законах всех государств. В частности, в Российской Федерации она закреплена в ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, однако содержание рассматриваемой дефиниции раскрывается в ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), как «выполнение работы под угрозой применения какого – либо наказания (насильственного воздействия)...». При этом согласно международным нормам из понятия принудительного труда исключается «работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за

соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров» (ч. 4 ст. 4 ТК РФ).

Тем не менее, при всем единообразии дефиниции принудительного труда, в законодательствах отдельных стран имеются некоторые особенности уточняющего характера. К примеру, в трудовом законодательстве Республики Казахстан понятие принудительного труда раскрывается как «любая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой это лицо не предложило добровольно своих услуг, за исключением работ, требуемых вследствие приговора суда, вступившего в законную силу, при условии, что работа будет производиться под надзором и контролем государственных органов и что лицо, выполняющее ее, не будет уступлено или передано в распоряжение физических и (или) юридических лиц, либо работ, требуемых в условиях чрезвычайного или военного положения»². Как нам представляется, в законодательстве Республики Казахстан понятие принудительного труда приводится наиболее приближенно к определению, представленному в международных правовых актах.

Однако следует сказать, что вопросы соотношения уголовных наказаний, предусматривающих привлечение осужденных к труду, с непосредственно принудительным трудом по настоящее время остаются дискуссионными. Например, Э. С. Рахмаев полагает, что в свете приоритета международных договоров применение исправительных работ в качестве наказания недопустимо, так как в их содержание входит обязательный труд. В поддержку своей точки зрения автор приводит доводы о том, что «уголовному праву зарубежных европейских

Козаченко Б. П.

Аммосова В. И.

1 Конвенция Международной организации труда № 29 относительно принудительного или обязательного труда (Женева, 28 июня 1930 г.). Конвенция вступила в силу 1 мая 1932 г. СССР ратифицировал настоящую Конвенцию Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1956. – № 13. – Ст. 279.

2 См.: ст. 8 Трудового Кодекса Республики Казахстан от 15 мая 2007 года № 251-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.06.2015 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2007. – № 9 (2490). – Ст. 65.

стран наказание в виде исправительных работ неизвестно, однако в судебной практике широкое распространение получили общественно полезные работы. Особенность их назначения заключается в том, что они применяются в качестве наказания только с согласия подсудимого и поэтому не являются принудительными или обязательными³. При этом Э. С. Рахмаев в целях устранения возникающих противоречий предлагает введение в УК РФ специальной нормы, регламентирующей назначение рассматриваемого нами наказания только при предварительном согласии подсудимого. Аналогичного мнения придерживается и А. Ю. Корчагина, которая полагает, что при осуждении правонарушителей к уголовным наказаниям, связанным с обязательной трудовой деятельностью, требуется их согласие⁴.

Однако в юридической литературе звучат и достаточно обоснованные противоположные доводы относительно целесообразности получения предварительного согласия осуждаемого лица на назначение определенных наказаний, предусматривающих принудительное привлечение его к труду, и безоговорочное соответствие их, согласно УК РФ, общепринятым международным стандартам⁵. По мнению отдельных авторов, введение подобного условия явится не более чем очевидной для всех юридической фикцией и, в целом, обязанность по назначению наказаний, предусматривающих труд, лишь с согласия осужденного отсутствует и в международных актах⁶.

Как нам представляется, исправительные работы действительно предполагают в той или иной степени принуждение осужденного к труду. Но, тем не менее, они в полной мере соответствуют требованиям общепризнанных международных стандартов в сфере защиты прав и свобод человека. Данное утверждение обусловлено тем фактом, что изначально в понятие запрещенного принуждения лиц к труду не включалось и не включается трудовая деятельность осужденных по соответствующему приговору, решению судебного органа. Как справедливо отмечает В. В. Жернаков, данная деятельность носит принудительный или обязательный характер, но не считается принудительным или обязательным трудом «только для целей настоящей Конвенции»⁷.

Однако есть определенные категории граждан, назначение которым исправительных работ может иметь признаки жестокого обращения, причиняющего моральное и физическое страдание и, руководствуясь требованиями гуманизма, назначение им исправительных работ нецелесообразно. К данной категории следует отнести лиц, достигших общего пенсионного возраста, и граждан, признанных в соответствующем порядке инвалидами не только первой, но и второй группы. Так, согласно ч. 2 ст. 103 УИК РФ мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, осужденные к лишению свободы, а также осужденные, признанные инвалидами первой или второй группы, привлекаются к труду по их желанию. В связи с этим возникает вопрос, в чем принципиальная разница между принудительным привлечением к труду лиц пенсионного

возраста и инвалидов второй группы, находящихся в местах лишения свободы и отбывающих наказания без изоляции от общества? На наш взгляд, такой разницы не существует.

В современных условиях лица пенсионного возраста на рынке труда предстают наиболее незащищенными и малоконкурентоспособными. Зачастую стремление лиц, достигших пенсионного возраста, продолжать работать сталкивается с нежеланием на то работодателя, не говоря уже о трудоустройстве на новом месте работы. Во избежание указанных последствий, в соответствии со ст. 7 Конституции РФ рассматриваемой категории граждан обеспечивается государственная поддержка в виде ежемесячных пенсионных выплат.

Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. была принята Конвенция о правах инвалидов, закрепляющая основные права и свободы личности по отношению к людям с инвалидностью – первый всеобъемлющий договор в области прав человека XXI в.⁸ В 2012 г. к ней присоединилась и Россия.

По статистическим данным ФСИН России на конец 2014 г. на учетах уголовно-исполнительных инспекций состояло 388 (0,73%) инвалидов, осужденных к исправительным работам (в конце 2013 г. – 492 (0,90%))⁹, трудоустройство которых влечет целое множество проблем.

В соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» инвалидом признается лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость социальной защиты этого лица¹⁰. По результатам освидетельствования территориальное бюро медико-социальной экспертизы устанавливает I, II или III группу инвалидности. Одновременно с этим определяется и степень ограничения способности к трудовой деятельности (III, II или I степень ограничения).

Критерием установления первой степени ограничения способности к трудовой деятельности является нарушение здоровья со стойким умеренно выраженным расстройством функций организма, приводящее к снижению квалификации, объема, тяжести и напряженности выполняемой работы, невозможности продолжать работу по основной профессии при возможности выполнения других видов работ более низкой квалификации в обычных условиях труда. Вторая степень устанавливается при нарушении здоровья со стойким выраженным расстройством функций организма, при котором возможно осуществление трудовой деятельности в специально созданных условиях труда, с использованием вспомогательных технических средств и (или) с помощью других лиц. Третья же степень предполагает нарушение здоровья со стойким значительно выраженным расстройством функций организма, приводящее к полной неспособности к трудовой деятельности, в том числе в специально созданных условиях, или противопоказанности трудовой деятельности. При этом немаловажно подчеркнуть, что реализация права инвалидов на труд может осуществляться только при наличии трудовой рекомендации, которая входит в индивидуальную программу реабилитации (ИПР)¹¹.

3 См.: Рахмаев Э. С. Исправительные работы как вид уголовного наказания: дис. ... к-та юрид. наук. – Рязань, 2005. – С. 132–133.

4 См.: Корчагина А. Ю. Проблемы реализации международных стандартов при применении наказаний, не связанных с лишением свободы, в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 4. – С. 33–36.

5 См. напр.: Дanelян С. В., Микаелян А. С. Обязательные, исправительные и принудительные работы в свете международных стандартов прав человека и обращения с осужденными // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 6. – С. 27–32; Осадчая Н. Г., Семенцова И. А. Проблему уголовно-правового регулирования применения наказаний, связанных с принудительным трудом // Юристы-Правоведь. – 2013. – № 3. – С. 80–83.

6 Колосов А. С., Зезюлина Т. А. Международные стандарты в сфере применения наказания в виде обязательных работ // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 1. – С. 125–130.

7 Жернаков В. В. Свобода труда и запрещение принудительного труда в современном трудовом праве // Вестник пермского института. – 2013. – № 3. – С. 89–95.

8 См.: Конвенция ООН о правах инвалидов, принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 6. – Ст. 468.

9 См.: Статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //фсин.рф/statistics/html.

10 См.: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.

11 См. напр.: Мачульская Е. Е. Право инвалидов на труд и гарантии его реализации // Законодательство. – 2008. – № 1. – С. 50–55; Смирнов А. М. К проблемам правового регулирования трудовой реабилитации осужденных инвалидов // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 4. – С. 64–68.

Мы солидарны с Ф. В. Габдрахмановым, который отмечает, что инвалиды второй группы считаются нетрудоспособными при наличии третьей степени ограничения способности к трудовой деятельности, и данной категории лиц нельзя назначать исправительные либо обязательные работы. Если медико-социальная экспертиза определила у относящегося к данной категории лица вторую степень ограничения, то его способность к выполнению трудовой деятельности не исключается¹². Тем не менее принудительное привлечение к труду инвалидов второй группы с ограничением трудоспособности второй и первой степени также допустимо только при условии выполнения всех требований ИПР и предварительного согласия подсудимого. Среди основных причин, обуславливающих данное утверждение, стоит выделить: общий высокий уровень безработицы в стране в целом¹³; отсутствие, в большинстве случаев, в перечне объектов для отбывания исправительных работ, согласованных с органами местного самоуправления, предприятий со специально оборудованными для инвалидов рабочими местами.

В уголовных законодательствах некоторых стран – участниц СНГ (в частности, в Украине, Туркменистане, Узбекистане) лица пенсионного возраста, наряду с гражданами, признанными инвалидами второй группы, включены в перечень лиц, которым назначение исправительных работ исключено. На наш взгляд, данная норма также неоправданно ущемляет права осужденных пенсионеров и инвалидов, сужает перечень альтернативных лишению свободы наказаний, которые могли бы быть применены в отношении определенного лица и, как следствие, увеличивает вероятность назначения наказания, связанного с ограничением или лишением свободы.

Таким образом, норму ч. 2 ст. 103 УИК РФ о привлечении к труду по желанию (предварительному согласию) целесообразно было бы распространить и в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, а в частности к исправительным работам.

Следует обратить внимание, что еще одним из наиболее дискуссионных моментов в соотношении наказания в виде исправительных работ с понятием принудительного труда является непереносимое условие их осуществления под надзором и контролем государственных властей и запрещение уступки или передачи указанных лиц в распоряжение частных лиц, компаний или обществ (п. «с» ч. 2 ст. 2). В этой связи в науке уголовно-исполнительного права существует мнение о необходимости отбывания наказания в виде исправительных работ только в государственных и муниципальных организациях и предприятиях.

На наш взгляд данное утверждение несколько ошибочно. В первую очередь, необходимо заметить, что в отечественном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве нет прямых указаний на формы деятельности организаций, которые могут быть включены в перечень объектов для отбывания рассматриваемого нами наказания. Во-вторых, в современных социально-экономических условиях, с учетом общего уровня занятости населения, любое ограничение объектов трудоустройства осужденных к исправительным работам было бы необоснованно и определенным образом ущемило бы права и законные интересы осужденных и членов их семьи, которые заинтересованы, прежде всего, в приемлемом уровне заработной платы и хороших условиях труда. И, в-третьих, мы солидарны с мнением отдельных ученых, которые отмечают, что толковать эту фразу буквально не следует, и если осужденный работает на предприятии, в учреждении, организации, которые не при-

надлежат государству или муниципалитету, то это означает, что он им как бы «уступается». Более обоснованно, по нашему мнению, в данном случае говорить о том, что эта норма подразумевает полную передачу осужденного в распоряжение негосударственных организаций, в результате чего они смогут использовать преступников по своему усмотрению, однако соответствию с ч. 3 ст. 39 УИК РФ уголовно-исполнительные инспекции контролируют соблюдение условий отбывания наказания осужденными и исполнение требований приговора администрацией организаций, в которых работают осужденные.

Таким образом, нами рассмотрены отдельные аспекты реализации международных стандартов в сфере защиты прав человека при реализации наказания в виде исправительных работ.

Пристатейный библиографический список

1. Габдрахманов Ф. В. Учет группы инвалидности при назначении и исполнении обязательных и исправительных работ // Уголовное право. – 2009. – № 3.
2. Данелян С. В., Микаелян А. С. Обязательные, исправительные и принудительные работы в свете международных стандартов прав человека и обращения с осужденными // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 6.
3. Жернаков В. В. Свобода труда и запрещение принудительного труда в современном трудовом праве // Вестник пермского института. – 2013. – № 3.
4. Колосов А. С., Зезюлина Т. А. Международные стандарты в сфере применения наказания в виде обязательных работ // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 1.
5. Конвенция Международной организации труда № 29 относительно принудительного или обязательного труда (Женева, 28 июня 1930 г.). Конвенция вступила в силу 1 мая 1932 г. СССР ратифицировал настоящую Конвенцию Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1956. – № 13. – Ст. 279.
6. Конвенция ООН о правах инвалидов, принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 6. – Ст. 468.
7. Корчагина А. Ю. Проблемы реализации международных стандартов при применении наказаний, не связанных с лишением свободы, в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 4.
8. Мачульская Е. Е. Право инвалидов на труд и гарантии его реализации // Законодательство. – 2008. – № 1.
9. Осадчая Н. Г., Семенцова И. А. Проблему уголовно-правового регулирования применения наказаний, связанных с принудительным трудом // Юристъ-Правоведъ. – 2013. – № 3.
10. Рахмаев Э. С. Исправительные работы как вид уголовного наказания: дис. ... к-та юрид. наук. – Рязань, 2005.
11. Сергиенко Л. Социально-экономическое положение инвалидов в России // Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2013. – № 2.
12. Смирнов А. М. К проблемам правового регулирования трудовой реабилитации осужденных инвалидов // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 4.
13. Статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //фсин.пф/statistics/html.
14. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 15 мая 2007 года № 251-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.06.2015 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2007. – № 9 (2490). – Ст. 65.
15. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.

12 См.: Габдрахманов Ф. В. Учет группы инвалидности при назначении и исполнении обязательных и исправительных работ // Уголовное право. – 2009. – № 3. – С. 27–30.

13 К примеру, Л. Сергиенко приводит следующие статистические данные: работающих инвалидов-пенсионеров только 18,3% от инвалидов в трудоспособном возрасте. Это меньше, чем работает пенсионеров всех возрастов по старости (18,5%). Среднее время поиска работы инвалидами составляет 10,1 месяцев, в то время как у неинвалидов – 6,2, у пенсионеров по возрасту и на льготных условиях 6,5. См.: Сергиенко Л. Социально-экономическое положение инвалидов в России // Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2013. – № 2. – С. 113–119.

Коробова И. Н.

ПРИМЕНЕНИЕ К ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ МЕР ВЗЫСКАНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования применения к осужденным к лишению свободы мер взыскания, приводится перечень мер взыскания, применяемых к осужденным, лишенным свободы, формулируются предложения по совершенствованию законодательной регламентации применения мер взыскания.

Ключевые слова: меры взыскания, правовое положение осужденных, злостный нарушитель порядка отбывания наказания, дисциплинарное взыскание, дисциплинарная ответственность.

Korobova I. N.

APPLYING SANCTIONS TO PERSONS SENTENCED TO CUSTODIAL MEASURES: THEORY AND PRACTICE

The article considers the problems of legal regulation of application of the sanctions to persons sentenced to imprisonment penalties; list of the penalties to be applied to prisoners deprived of their liberty is given with the proposals for improvement of legal regulation of the application of sanctions.

Keywords: penalties, legal status of prisoners, malicious offender of service of sentence order, disciplinary penalties, disciplinary liability.

Коробова И. Н.

В последние годы государство все больше внимания уделяет вопросам уголовно-исполнительной системы, совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, а также расширению сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы. Проводимые реформы предполагают осуществление качественных изменений в системе исполнения наказаний. Уголовно-исполнительное законодательство должно быть ориентировано на решение задач регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказания, определения эффективных средств исправления и совершенствования дисциплинарной практики среди осужденных. В этой связи особую актуальность приобретают меры поощрения и взыскания, применяемые к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Место человека в системе общественных отношений сделало возможным отношение к стимулам не только благоприятного воздействия (применение мер поощрения) на объект, включенный в такие отношения, но и включить меры взыскания. Это подтверждается следующим высказыванием: «Юридическое стимулирование – это емкая категория, далеко выходящая за рамки поощрительного законодательства»¹. Следовательно, стимулирование правомерного поведения людей в обществе, судя по контексту, может осуществляться не только посредством использования мер поощрений. Угроза применения принуждения также может выступить в качестве побудителя (стимула) позитивного, социально желательного поведения. В. М. Баранов справедливо подтверждает, что стимулирование в праве осуществляется не только с помощью поощрительных мер, но и путем установления юридической ответственности за ненадлежащее поведение или нарушение установленного правовыми нормами порядка².

В настоящее время эта проблема приобрела особую актуальность в связи с тем, что на протяжении последних лет наблюдается омоложение контингента в учреждениях УИС и ухудшение его криминологических характеристик, продолжается процесс «вымывания» положительно характеризующихся осужденных. В связи с этим происходит концентрация отрицательно характеризующихся осужденных, наиболее запущенных в социально-нравственном отношении, склонных к совершению различных злостных нарушений, которые еще больше усугубляют трудности в работе администрации исправительных учреждений по достижению целей наказания. Нарушения дисциплины осужденными приобретают более грубый характер, допускается их большой рецидив, и поэтому от администрации ИУ требуется принятие своевременных и правомерных мер по их предупреждению.

Данные статистики лишь подтверждают этот вывод. Так, количество осужденных, признанных злостными нарушителями порядка отбывания наказания, остается стабильно высоким и составило в 2011 г. – 26774, в 2012 г. – 27074, в 2013 г. – 25889, в 2014 г. – 26197, что при снижении общей численности осужденных к лишению свободы говорит о том, что средний показатель за эти годы увеличился. Что касается структуры злостных нарушений, то стабильно высоким остается количество употребляемых алкогольных и наркотических веществ, а также повторные правонарушения, наглядно эта структура представлена в диаграмме. К злостным нарушителям порядка отбывания наказания наиболее часто применяется мера взыскания в виде водворения в ШИЗО. Поэтому в этих условиях одной из самых важных задач исправительных учреждений является укрепление законности, правопорядка и дисциплины среди осужденных с помощью различных организационных, правовых и иных средств воспитательного характера, в том числе мер взыскания.

Меры взыскания, с одной стороны, служат средством обеспечения режима отбывания наказания, а с другой – средством дифференциации и индивидуализации процесса исправительного воздействия. В данном случае речь идет о мерах взыскания, применяемых к осужденным к лишению

1 Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (Проблемы теории и практики): Моногр. – Рязань, 1994. – С. 11.

2 Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. – Саратов, 1978. – С. 22.

свободы, которые отбывают наказание в условиях изоляции от общества, на которых распространяются правила поведения, регламентированные уголовно-исполнительным законодательством.

Спецификой правового положения осужденных к лишению свободы объясняется возможность применения к ним таких мер взыскания, которые не известны другим отраслям законодательства.

Обязательным условием применения к осужденному тех или иных мер взыскания является его поведение, характеризующееся отношением к соблюдению установленных требований режима отбывания наказания, мероприятиям воспитательного характера, труду и профессиональному обучению.

За нарушения установленного режима отбывания наказания к осужденным могут применяться только те меры взыскания, которые предусмотрены уголовно-исполнительным законодательством (ст. 115 УИК РФ), и этот перечень является исчерпывающим. Осужденные, содержащиеся в исправительных учреждениях, кроме того, могут привлекаться к уголовной и материальной ответственности. И хотя в уголовно-исполнительном законодательстве нет упоминания о дисциплинарной ответственности, а говорится только о мерах взыскания, в ведомственных нормативных актах Минюста России (Правила внутреннего распорядка ИУ и другие) упоминаются «дисциплинарные взыскания», «дисциплинарная ответственность», «дисциплинарная практика». Большинство авторов применение мер взыскания рассматривают как дисциплинарную практику и тем самым признают наличие дисциплинарной ответственности осужденных³.

За нарушения установленного режима отбывания наказания к осужденным могут применяться только те меры взыскания, которые предусмотрены уголовно-исполнительным законодательством (ст. 115 УИК РФ), и этот перечень является исчерпывающим.

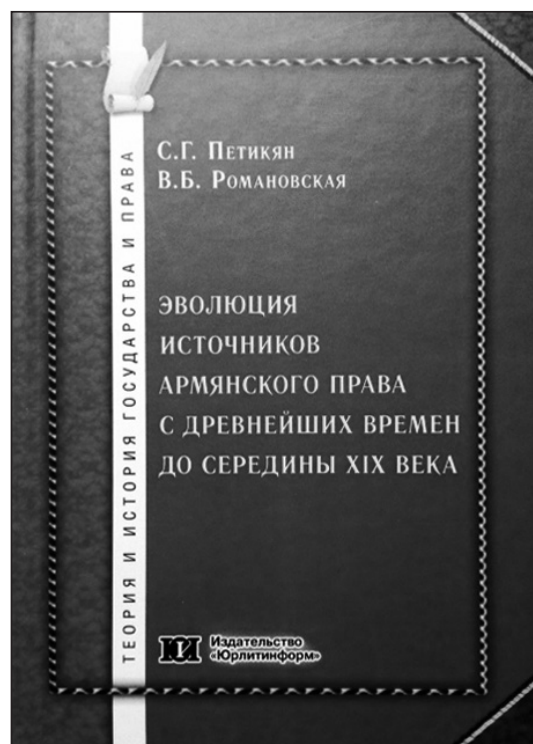
Все меры взыскания, применяемые к осужденным, представляют собой систему, то есть «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся в определенной связи частей для достижения какой-либо цели или решения какой-либо задачи»⁴. Эта аксиома является верной и в нашем случае, так как меры взыскания направлены на достижение одной цели – исправление осужденных и предотвращение совершения ими правонарушений. Данные меры находятся в диалектическом единстве и взаимосвязаны между собой, представлены в определенной последовательности – от менее тяжелых к более тяжелым⁵.

Несмотря на достаточно детальную регламентацию применения мер взыскания к осужденным, существует ряд пробелов, которые требуют дополнительной регламентации: во-первых, законодатель, выстроив в конструкции статьи взыскания от более легких к менее, не указал конкретно, за какой проступок возможно наложение какого взыскания и лишь в ч. 1 ст. 117 УИК РФ говорится об учете личности осужденного, его поведении и др., а ч. 3 этой же статьи указывает, за какие нарушения налагается взыскание в виде дисциплинарного штрафа. В связи с чем предлагается внести в уголовно-исполнительное законодательство нормы, четко прописывающие, какие взыскания могут налагаться за определенные нарушения, тем

более важность данного вывода усиливается и тем, что при признании злостным нарушителем учитывается не только тяжесть совершенного нарушения, но и количество водворений в штрафной изолятор в течение года, что при существующей конструкции норм, регламентирующих меры взыскания к осужденным, может привести к субъективизму.

Пристатейный библиографический список

1. Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (Проблемы теории и практики): Монография. – Рязань, 1994.
2. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. – Саратов, 1978.
3. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов, 1970.
4. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998.
5. Курбатова Г. В. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.08). – Рязань, 2003.

³ Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов, 1970. – С. 229.

⁴ Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998. – С. 645.

⁵ Курбатова Г. В. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.08). – Рязань, 2003. – С. 55.

Лядов Э. В.

ЗАМЕНА НАКАЗАНИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, БОЛЕЕ СТРОГИМ НАКАЗАНИЕМ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы применения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и их замены на более строгий вид, в случае нарушения осужденным требований, установленных приговором суда.

Ключевые слова: альтернативы лишению свободы, штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, наказания, не связанные с лишением свободы.

Lyadov E. V.

REPLACEMENT OF THE PUNISHMENTS ALTERNATIVE TO IMPRISONMENT BY MORE SEVERE SENTENCE: ISSUES OF LEGAL REGULATION

The application of criminal penalties not involving isolation from society, and their replacement by a more severe type in the case of violation by a convicted person of the requirements established by a court verdict is considered in the article.

Keywords: alternatives to imprisonment, fines, compulsory community service, corrective labor, restriction of liberty, forced labor, punishment, not involving imprisonment.

Лядов Э. В.

Реализация уголовного наказания во многом самым непосредственным образом определяет эффективность уголовного закона. В этом процессе важную роль играют уголовно-правовые нормы, регламентирующие обеспечение реализации наказания и замену наказания в случае злостного уклонения осужденного от его отбывания¹.

Согласно Толковому словарю русского языка «уклониться» означает, избегая чего-нибудь, устранившись, отказаться от чего-нибудь². В уголовном праве термин «уклонение» используется, главным образом, для обозначения поведения осужденного, заключающегося в отказе или избегании претерпевания негативных для него последствий, связанных с применением к нему уголовного наказания³.

В настоящее время в России применяется достаточно широкий спектр наказаний, альтернативных лишению свободы, реализация большинства из которых возлагается на уголовно-исполнительные инспекции.

Целесообразность более широкого использования наказаний без изоляции осужденного от общества очевидна, а эффективное их применение в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, должно обеспечивать защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы⁴.

Действующий УК РФ не содержит понятия злостного уклонения от уплаты штрафа. Данное понятие законодатель закрепил в уголовно-исполнительном законодательстве. В

соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющимся от уплаты штрафа является осужденный, который, имея реальную возможность своевременной уплаты суммы штрафа или его части, в течение 60-дневного срока, установленного законом, или ежемесячно не позднее последнего дня каждого последующего месяца, в случае рассрочки, сознательно не делает этого.

В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель не ранее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения предельного срока уплаты, направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания. При этом вид наказания, согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ, может быть определен любой, за исключением лишения свободы. В случае же если штраф установлен в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, он заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. При этом назначенное наказание не может быть условным. Иными словами, не исключена возможность замены штрафа и таким серьезным видом наказания, как лишение свободы на определенный срок⁵. Однако, если в последнем случае лишение свободы может быть избрано судом напрямую, то в первом случае это может произойти последовательно, сначала штраф заменяется, например, на обязательные или исправительные работы, а уже в случае злостного уклонения от отбывания последних суд имеет возможность замены на лишение свободы (ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ).

В данном контексте необходимо сказать об отсутствии системности во взаимозаменяемости штрафа и других видов наказаний. В настоящее время действующее законодательство не содержит каких-либо критериев, служащих ориентиром для

1 Рыжов Р. С. Уголовно-правовое регулирование замены наказания на более строгое // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 3(28). – С. 94.

2 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 818.

3 Демидов О. Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 9.

4 Лядов Э. В. Политика Российского государства в сфере применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1 (34). – С. 48.

5 Лядов Э. В. Злостное уклонение от уплаты штрафа: некоторые аспекты проблемы // Уголовная политика в сфере информационной безопасности Российской Федерации: Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2007. – С. 139.

суда при решении вопроса о замене рассматриваемого наказания. Другими словами, заменяя штраф, в случае злостного уклонения от его уплаты, на более строгий вид уголовного наказания, суд действует исключительно по собственному усмотрению. На данную проблему указывал также С. Ф. Милуков, отмечая: «Ни уголовное, ни уголовно-исполнительное законодательство не содержат каких-либо параметров, позволяющих точно соотнести штраф и наказания, которыми он заменяется. Мало того, законодатель не ориентирует суд, когда в таких случаях следует применять обязательные, а когда исправительные работы или арест»⁶. В целях реализации принципа справедливости, на наш взгляд, необходима разработка отмеченных выше критериев, определяющих в целом конкретные границы назначения размера штрафа и других видов наказаний в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, сократив тем самым возможности судейского усмотрения в данном вопросе. При определении данной пропорции следует учитывать, что последствия подобной замены должны быть явно невыгодны для осужденного, что, в свою очередь, скажется в определенной степени на предупреждении уклонений от уплаты штрафа. Как правильно указывает Б. Х. Агноков, большим срокам наказаний должен соответствовать больший размер штрафа и наоборот⁷. Он предлагает соотнесение размеров наказаний при замене штрафа, определенного исходя из месячной заработной платы осужденного на наказание в виде исправительных работ⁸. Однако конкретных расчетов он не осуществляет, думается, что здесь расчеты можно вести исходя из пропорциональных размеров штрафа и взыскиваемой суммы в доход государства при удержаниях во время отбывания исправительных работ и исходя из примерной суммы определить срок исправительных работ или за приоритет взять процент удержаний, сократив, тем самым, срок исправительных работ. При замене на обязательные работы ориентируемся, с его слов, может служить условная средняя оплата труда рабочего ЖКХ по благоустройству и уборке прилегающих к зданиям территорий за определенный промежуток времени, например, за час⁹. Однако в то же время следует отметить, что, как верно указывает профессор В. А. Уткин, по степени их строгости обязательные работы ныне фактически мягче штрафа, в особенности если последний исчисляется десятками тысяч рублей и выше. Поэтому они не могут выступать действенной угрозой при злостном уклонении от уплаты штрафа¹⁰.

Действующее законодательство устанавливает ответственность осужденного за нарушение порядка и условий отбывания наказания, итогом которого является предупреждение о замене обязательных работ более строгим видом наказания, выносимое уголовно-исполнительной инспекцией. В случае же злостного уклонения от отбывания обязательных работ УИИ направляет в суд представление о замене данного наказания другим более строгим, а именно принудительными работами или лишением свободы. С учетом же того, что реализация уголовного наказания в виде принудительных

работ запланирована лишь с 1 января 2017 г., остается только лишение свободы. Однако в соответствии с УК РФ максимальный срок лишения свободы при замене обязательных работ в случае злостного уклонения не превышает двух месяцев, и то лишь в том случае, если осужденному назначили 480 часов, и он не отбыл ни одного из них. Для большинства осужденных такая угроза, как и ранее, не будет существенной¹¹.

Для повышения эффективности обязательных работ высказываются различные предложения ученых о необходимости внесения изменений в действующее законодательство. Одни предлагают для целесообразности заменять обязательные работы лишением свободы при соотношении 4 часа обязательных работ за 1 день лишения свободы¹², другие – увеличить максимальный срок обязательных работ до тысячи часов, сделав тем самым данное наказание более строгим¹³.

Здесь необходимо обратить внимание на четкое взаимодействие администрации организации, в которой осужденный отбывает обязательные работы, и уголовно-исполнительной инспекции для своевременного принятия со стороны последней соответствующих мер реагирования. Администрация обязана незамедлительно извещать инспекцию обо всех обнаруженных случаях нарушения порядка и условий отбывания обязательных работ. Данное обстоятельство будет способствовать своевременному предупреждению перехода осужденного в разряд злостного нарушителя. В продолжение необходимо отметить, что для признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ нужно, чтоб отсутствовали уважительные причины невыполнения. Следует согласиться с мнением С. В. Чубракова, что уважительными могут быть признаны самые различные причины, например, болезнь родственника, самого осужденного, сессия в вузе, смерть близкого и т.п. Определение того, является ли данная причина уважительной или нет, отнесено к компетенции соответствующей инспекции, которая должна быть максимально объективной при решении этого вопроса¹⁴.

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене исправительных работ другим видом наказания, предусмотренным ч. 4 ст. 50 УК РФ, а именно принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ. Так как в настоящее время принудительные работы не исполняются, исправительные работы заменяются только лишением свободы.

УИК РФ предусматривает понятие и последствия злостного уклонения от отбывания исправительных работ. Злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за любое из указанных в ч. 1 ст. 46 УИК РФ нарушений: а) неявку на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения

6 Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб.: СПбИВЭСЭП, 2000. – С. 197.

7 Агноков Б. Х. Штраф как вид наказания по действующему уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 150.

8 Там же. – С. 152.

9 Агноков Б. Х. Штраф как вид наказания по действующему уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 153.

10 Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. – М., 2013. – С. 31.

11 Лядов Э. В. Содержание уголовного наказания в виде обязательных работ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Вып. № 6-1. – С. 340.

12 Лядов Э. В., Грушин Ф. В. Проблемы правового регулирования исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества / под ред. Э. В. Лядова: научно-практич. пособие. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015. – С. 63.

13 Уткин В. А. Указ. соч. – С. 32.

14 Чубраков С. В. Уголовное наказание в виде обязательных работ. – Томск, 2005. – С. 188.

предписания уголовно-исполнительной инспекции; б) неявку в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин; в) прогул или появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно. Думается, что понятие злостного уклонения от отбывания исправительных работ требует своего закрепления в уголовном законодательстве, поскольку в ч. 4 ст. 50 УК РФ содержится необходимая норма об уголовно-правовых последствиях злостного уклонения, применяемых к осужденному судом.

Согласно п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 при решении вопроса о том, является ли злостным уклонение от отбывания исправительных работ, судам необходимо проверять обоснованность применения к осужденному уголовно-исполнительной инспекцией предупреждения, указанного в ч. 2 ст. 46 УИК РФ.

В отношении лиц, отбывающих исправительные работы, следует выяснять причины повторного нарушения порядка и условий отбывания наказания после объявления осужденному предупреждения в письменном виде (появление на работе в нетрезвом состоянии, прогул, увольнение с работы, уклонение от обязанности сообщить об изменении места работы или места жительства в течение 10 дней и т.п.), а также другие обстоятельства, свидетельствующие о нежелании осужденного работать.

В соответствии с ч. 4 ст. 50 УК РФ в случае злостного уклонения лица от отбывания исправительных работ, назначенных в качестве основного вида наказания, суд вправе заменить неотбытый срок принудительными работами или лишением свободы на срок менее чем два месяца (соответственно из расчета один день лишения свободы или принудительных работ за три дня исправительных работ). Эти положения применяются судом независимо от того, предусмотрено ли наказание в виде принудительных работ или лишения свободы санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой было назначено наказание. При этом замена названного вида наказания лишением свободы допускается и в отношении тех осужденных, которым в соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ не может быть назначено наказание в виде лишения свободы¹⁵.

Часть 6 ст. 53.1. УК РФ устанавливает, что в случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ они заменяются лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ.

В соответствии с ч. 1 ст. 60.17. УИК РФ уклоняющимся от отбывания принудительных работ признается осужденный к принудительным работам: а) уклоняющийся от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания; б) не прибывший к месту отбывания принудительных работ в установленный предписанием срок; в) не возвратившийся в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда; г) самовольно оставивший исправительный центр, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов.

Часть 3 ст. 60.17. УИК РФ регламентирует, что в отношении осужденного, уклонившегося от отбывания принудительных работ, начальник исправительного центра направляет в

суд представление о замене неотбытой части наказания в виде принудительных работ лишением свободы. Однако при решении поставленного вопроса о замене неотбытой части принудительных работ лишением свободы в судебном заседании появляются правовые проблемы.

Суд при рассмотрении данного представления в первую очередь должен руководствоваться ст. 397 УПК РФ, регламентирующей вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора. Однако при ее анализе мы не видим положений данной статьи, относящихся к принудительным работам, то есть суд фактически не может принять к рассмотрению представление начальника исправительного центра и соответственно разрешить его в законном порядке. Аналогичным образом складывается ситуация и с осужденным к принудительным работам, признанным злостным нарушителем.

В случае злостного нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ, исходя из содержания ч. 5 ст. 60.15 УИК РФ, можно сделать вывод, что так же как и в случае уклонения, возможна замена неотбытой части рассматриваемого наказания на лишение свободы, однако если обратиться к ст. 53.1 УК РФ, то можно убедиться, что действующий уголовный закон данного основания не предусматривает. На наш взгляд, требуется согласование между собой действующих УК РФ и УИК РФ.

Кроме того, следует согласиться с мнением В. В. Буш, что некорректным является то, что уклонение от других наказаний, не связанных с лишением свободы, влекущее их замену более строгим, в соответствующих статьях УК РФ (статьи 46, 49, 50 и 53 УК РФ) именуется «злостным». В то время как в принудительных работах законодатель ограничился термином «уклонение». Следует предположить, что принудительные работы не должны быть в этом плане исключением¹⁶.

Злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы свидетельствует о стойкой антисоциальной направленности личности осужденного, его нежелании исправляться. В отношении лиц, признанных злостно уклоняющимися от отбывания наказания, применяются достаточно серьезные меры реагирования со стороны государства¹⁷.

В соответствии с ч. 5 ст. 53 УК РФ в случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции может заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ за два дня ограничения свободы или один день лишения свободы за два дня ограничения свободы. С учетом того, что принудительные работы не будут действовать как минимум до 1 января 2017 г., замена возможна только на лишение свободы. Здесь необходимо обратить внимание на одно обстоятельство. Часть 5 ст. 53 УК РФ говорит о возможности замены ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы, а ч. 5 ст. 58 УИК РФ закрепляет правило, что уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о замене ограничения свободы наказанием только в виде лишения свободы.

Таковы отдельные вопросы правового регулирования замены наказаний, альтернативных лишению свободы, на более

15 О практике назначения Судами Российской Федерации уголовно-го наказания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 января 2007 г. № 2 (ред. от 03 декабря 2013 г.) // Российская газета. – 2007. – 24 января.

16 Буш В. В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2015. – С. 161.

17 Соколов И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания: монография / под ред. канд. юрид. наук, доц. М. Б. Костровой. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 131.

строгий вид, в случае нарушения осужденным требований, установленных приговором суда.

Пристатейный библиографический список

1. Агноков Б. Х. Штраф как вид наказания по действующему уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
2. Буш В. В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2015.
3. Демидов О. Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.
4. Лядов Э. В. Злостное уклонение от уплаты штрафа: некоторые аспекты проблемы // Уголовная политика в сфере информационной безопасности Российской Федерации: Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Ковалева. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2007.
5. Лядов Э. В. Политика Российского государства в сфере применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1 (34).
6. Лядов Э. В. Содержание уголовного наказания в виде обязательных работ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Вып. № 6-1.
7. Лядов Э. В., Грушин Ф. В. Проблемы правового регулирования исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества / под ред. Э.В. Лядова: научно-практич. пособие. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015.
8. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб.: СПбИВЭСЭП, 2000.
9. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 января 2007 г. № 2 (ред. от 03 декабря 2013 г.) // Российская газета. – 2007. – 24 янв.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995.
11. Рыжов Р. С. Уголовно-правовое регулирование замены наказания на более строгое // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 3(28).
12. Соколов И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания: монография / под ред. канд. юрид. наук, доц. М.Б. Костровой. – М.: Юрлитинформ, 2013.
13. Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. – М., 2013.
14. Чубраков С. В. Уголовное наказание в виде обязательных работ. – Томск, 2005.

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh

ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL AGREEMENTS OF RUSSIA

ИНТЕРЕКЛАВ

Базаров П. Р.

ЭКСПЕРТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ СТ. 258.1 УК РФ

Статья посвящена вопросам социально-правовой обусловленности установления уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Автор на основе анализа общественного мнения и экспертной оценки приходит к выводу, что позиция законодателя по введению ст. 258.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации вполне оправдана, однако действующая редакция статьи, по мнению экспертов, нуждается в дальнейшем совершенствовании с целью повышения эффективности ее применения.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы, Красная книга.

Bazarov P. R.

EXPERT AND PUBLIC OPINION AS SOCIAL CAUSALITY CRITERIA OF THE INTRODUCTION OF ART. 258.1 OF THE CRIMINAL CODE

The article deals with the legal issues of social causality of criminal liability for illegal production and trafficking of valuable wild animals and aquatic biological resources belonging to the species listed in the Red book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation. The author based on the analysis of public opinion and expert evaluation concludes that the position of the legislator for introduction in the article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is justified, but the current version of the article according to experts needs further improvement, with the aim of increasing the efficiency of its use.

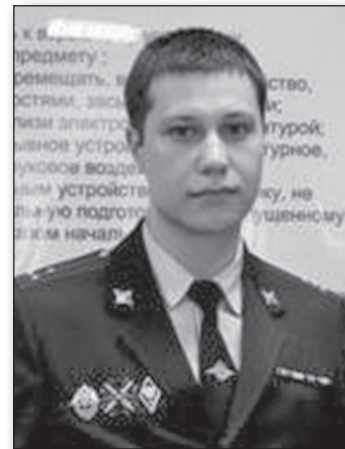
Keywords: criminal-legal protection particularly valuable wild animals and aquatic biological resources, the Red book.

Уголовный закон, как «живой организм», подвержен постоянной трансформации под влиянием меняющихся общественных отношений. Социально значимые интересы и в первую очередь общественная безопасность (включая экологическую) служат серьезным катализатором для развития отечественного уголовного законодательства, именно с этим связано внесение большинства изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) на протяжении последних лет.

Одним из таких нововведений являются нормы, предусмотренные ст. 258.1 УК РФ, которые нацелены на охрану особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, от противоправных посягательств (список которых определен Постановлением Правительства РФ от 31.10.2013 № 978¹).

При этом следует иметь в виду, что нормы об ответственности за посягательства на диких животных и водные биологические ресурсы, занесенные в Красную книгу РФ, а также уничтожение мест их обитания содержались ранее в УК РФ (ст.ст. 256, 258, 259 УК РФ). Следовательно, наука уголовного права ставит перед исследователями ряд вопросов, которые требуют скорейшего решения: окажется ли данная норма востребованной на практике, позволит ли ее принятие эффективно бороться с преступными посягательствами данного вида, улучшит ли она катастрофическую ситуацию по сохранению указанных животных и водных биологических ресурсов. Или

1 См.: Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, для целей статей 226.1 и 258.1 УК РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 45. Ст. 5814.

Базаров П. Р.

напротив, криминализация деяния, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, вызовет неизбежную коллизию с уже имеющимися составами преступлений и внесет дополнительные сложности при квалификации в следственной и судебной практике, а сами нормы, закрепленные в ст. 258.1 УК РФ, так и останутся «мертворожденными» ввиду крайне редкого применения на практике при фактической распространенности анализируемого деяния.

Для ответа на поставленные вопросы, исследователям, в первую очередь, необходимо разобраться в обоснованности криминализации анализируемого деяния, иными словами в социальной обусловленности данной статьи уголовного закона.

В юридической науке в разное время признавалось, что каждая отдельно взятая уголовно-правовая норма может быть социально обусловленной только в том случае если она отражает потребность общества в криминализации того или иного деяния², поскольку сам процесс криминализации – это признание законодателем (высшим представительным органом государственной власти) высокой значимости конкретных общественных отношений, путем включения их в объект уголовно-правовой охраны.

В связи с чем автору представилось целесообразным исследовать вопрос о социальной обусловленности уголовной ответственности за посягательства на указанный предмет преступления, исходя из оценки экспертного и общественного мнения. С этой целью было проведено выборочное социологическое исследование с использованием успешно апробиро-

2 См., напр.: Дагел П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 68-74. Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 19.

Таблица 1. Экспертная оценка социальной обусловленности криминализации деяния, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ.

Вопрос	Ответ в %
Отражает ли реальное положение статистика выявленных правонарушений в отношении животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу?	Да – 0% Нет – 100%
Являются ли противоправные посяательства на животных и водные биологические ресурсы, занесенных в Красную книгу, общественно опасными?	Да – 100% Нет – 0%
Является ли эффективной норма, предусмотренная ст. 8.35 КоАП РФ по охране редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесенных в Красную книгу?	Да – 10% Нет – 90%
Являются ли эффективными уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст.ст. 256, 258, 259 УК РФ по охране животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу?	Да – 45% Нет – 55%
Обоснована ли криминализация деяния, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ?	Да – 85% Нет – 15%
Нуждается ли действующая редакция ст. 258.1 УК РФ в изменениях?	Да – 85% Нет – 15%
Является ли распространенность деяния критерием его криминализации или декриминализации?	Да – 45% Нет – 55%
Какой вид ответственности должен наступать за незаконные уничтожение, добычу или оборот животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу (уголовная/административная)?	уголовная – 95% административная – 5%
Нужна ли уголовная ответственность за подобные незаконные действия для юридических лиц	Да – 65% Нет – 35%

ванного научного метода анкетирования, результаты которого можно свести к следующим выводам.

Так, опрошенные 98 граждан в трёх субъектах Российской Федерации, входящих в Уральский федеральный округ (в большинстве – это лица, занимающиеся любительской и спортивной охотой и рыбалкой), были склонны к единому мнению, что указанные категории животных и водных биологических ресурсов нуждаются в повышенной охране со стороны государства, поскольку всегда найдутся желающие извлечь доход из преступного промысла по их добыче и последующей реализации. Общественная опасность указанных преступлений, по мнению опрошенных лиц, состоит в первую очередь в невосполнимости «краснокнижных» биологических ресурсов, их сокращении и возможности привести к полному исчезновению в результате преступного истребления.

На вопрос: известно ли Вам, что за незаконную добычу, отлов и уничтожение «краснокнижных» животных и водных биологических ресурсов установлена уголовная и административная ответственность, утвердительно ответили 100 % – об уголовной ответственности и около 65% – об административной. Ответ на данный вопрос показал интересную особенность общественного восприятия, что граждане больше склонны воспринимать уничтожение, отлов и иной незаконный оборот указанных животных и водных биологических ресурсов как преступление, а не административный проступок.

На вопрос: нарушают ли они сами нормы, регламентирующие законный процесс охоты и рыболовства, более 45% из лиц, занимающихся охотой и рыболовством, указали, что такие нарушения ими допускаются систематически. При этом 100% из них исключили незаконные действия со своей стороны в отношении названных объектов.

На вопрос: считают ли они введение повышенной уголовной ответственности за посяательства на особо ценные объекты животного мира по ст. 258.1 УК РФ обоснованной, также утвердительно ответили 100%.

На вопрос: какой вид наказания, по их мнению, наиболее эффективен для противодействия данному виду противоправных посятельств, почти 90% ответили, что только уголовная ответственность, включающая высокие штрафные санкции и обязательную конфискацию орудий добычи, оборудования, транспортных, плавательных средств используемых в процессе браконьерского промысла или иного незаконного оборота.

На вопрос: нужна ли уголовная ответственность за подобные действия для юридических лиц, утвердительно ответили 100% респондентов.

Как видим, изучение общественного мнения приводит к однозначному выводу, что позиция законодателя по криминализации деяния в рамках ст. 258.1 УК РФ представляется вполне обоснованной, поскольку она отображает осознание общества в уголовно-правовой охране особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Более того, граждане высказываются за установление уголовной ответственности для юридических лиц, мотивом таких предложений, по их мнению, является то обстоятельство, что уголовное наказание виновных физических лиц, не исключает прекращение аналогичных преступных действий самой организации, работниками которой они являлись.

К аналогичным выводам приводит нас и выяснение экспертной оценки по вопросу обоснованности установления уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 258.1 УК РФ. Именно экспертная оценка законопроектов, а в последующем – действующего законодательства, позволяет с высокой долей вероятности определить его эффективность, выявить существующие недостатки, высказать предложения по совершенствованию нормативных правовых актов. В этом вопросе автор полностью согласен с высказыванием О. А. Коротковой, что «важнейшую роль в обеспечении высокого уровня действующего в стране законодательства играет экспертиза как уже принятых законов, так и законопроектов, что позволяет обеспечить эффективность нормативно-правовых документов... Особое значение экспертиза законодательства приобретает в современный период, поскольку количество принимаемых законов и поправок к ним из года в год увеличивается»³.

По этой причине автор не ограничился выяснением общественного мнения по вопросам социальной обусловленности криминализации анализируемого деяния, а обратился с

3 См.: Короткова О.А. Экспертиза законопроектов и законодательных актов: Теоретико-правовой аспект: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3.

аналогичными вопросами к сотрудникам прокуратуры, органов внутренних дел, природоохранных органов, судьям и преподавателям уголовно-правовых дисциплин (было опрошено 84 респондента), которые высказали свое экспертное мнение о целесообразности преобразований в заданной области уголовного права.

Как видим, полученные результаты экспертного опроса по ряду показателей несколько отличаются от позиции граждан. По мнению самих респондентов, причина этого, в первую очередь, заключается в том, что сотрудники правоохранительных органов, судьи, преподаватели по уголовно-правовым дисциплинам оценивают больший круг вопросов, которые, по их мнению, должны учитываться при криминализации деяний. В частности, такие как распространенность деяний, сложность сбора доказательств, отсутствие смежных уголовно-правовых норм и т.д. Кроме этого, отрицательные ответы по поводу установления уголовной ответственности по ст. 258.1 УК РФ были связаны с несовершенством действующей редакции уголовно-правовых норм названной статьи. Вместе с тем большинство опрошенных нами экспертов признали обоснованность позиции законодателя в части анализируемых нововведений.

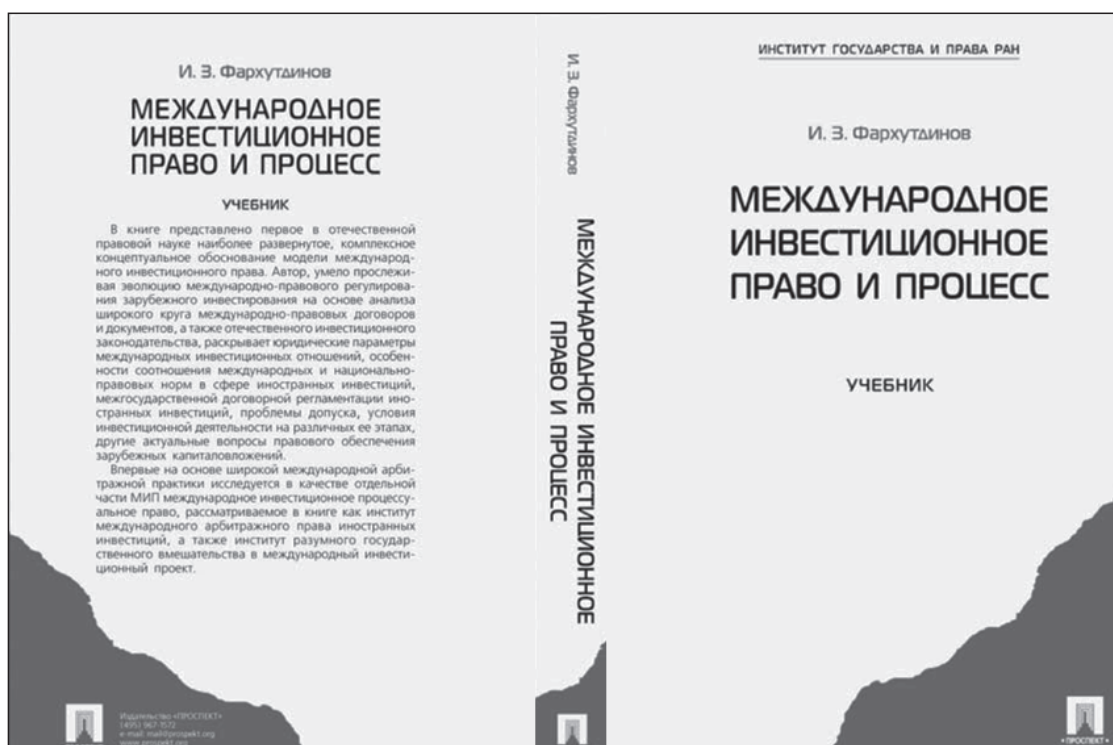
Обобщая полученные результаты на основании анализа общественного и экспертного мнения, представляется обоснованным сделать вывод, что нормы, закрепленные в ст. 258.1 УК РФ являются социально обусловленными, т.к. устанавливают уголовную ответственность за общественно опасное деяние, посягающее на экологические интересы общества и государства. Как справедливо отметил академик В. Н. Кудряв-

цев: «С общественно опасными деяниями можно и нужно вести борьбу уголовно-правовыми методами»⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4.
2. Короткова О.А. Экспертиза законопроектов и законодательных актов: Теоретико-правовой аспект: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
3. Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.
4. Курманов А.С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
5. Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, для целей статей 226.1 и 258.1 УК РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 45. Ст. 5814.

4 См.: Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 6.

Зайдова М. У.

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С каждым годом увеличивается число преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в том числе наблюдается рост преступлений тяжких и особо тяжких. И, соответственно, этим обеспокоены и родители подростков, и другие родственники, и государство. Должны быть предприняты меры не только для раскрытия, но и для предотвращения преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность, тяжкие преступления, особо тяжкие преступления, предотвращение преступности, «опасный возраст».

Zaidova M. U.

JUVENILE CRIME: GENERAL CHARACTERISTIC

Every year the number of crimes committed by minors increase, this includes increase in grievous and extremely grievous crimes. Accordingly this is subject of concern for the parents of such teens, other relatives, and the state. Measures should be taken not only to detect, but also to prevent juvenile crime.

Keywords: juvenile, crime, grievous crime, extremely grievous crime, crime prevention, a "dangerous age".

В настоящее время мы наблюдаем омоложение преступности, ее рост. Все больше увеличивается доля тяжких преступлений. И, соответственно, население нашей страны серьезно обеспокоено явным ростом различных нарушений закона, преступностью и недостаточной, по мнению многих людей, активностью властей в противодействии этому злу. Особую тревогу бьют родители и иные родственники подростков. Их опасения, конечно же, понятны: они боятся, что дети либо станут правонарушителями, либо окажутся жертвами правонарушений.

Продолжающееся реформирование российского общества во многом определяет дополнительные трудности в решении такой сложной проблемы, как правовая защита несовершеннолетних. В нашей стране юридические нормы, регламентирующие правовой статус несовершеннолетнего, фактически входят в состав многочисленных обособленных отраслей права. Такая ситуация порождает как коллизии, так и пробелы в правовом регулировании общественных отношений с участием несовершеннолетних¹.

В доктрине российского права несовершеннолетним признается человек, не достигший определенного возраста, а достижением которого закон связывает его полную дееспособность, т.е. реализацию в полном объеме субъективных прав и юридических обязанностей, провозглашенных Конституцией РФ и другими законами страны².

В последние годы в условиях роста общей преступности в России увеличивается и преступность несовершеннолетних. Так, за 10 месяцев 2014 г. несовершеннолетними или при их участии совершено 175 тыс. преступлений, причем около 30% от этого числа составляют тяжкие и особо тяжкие преступления.

Несовершеннолетние наряду с престарелыми, инвалидами, беременными женщинами, душевнобольными относятся к числу лиц, которые значительно чаще подвергаются негатив-

Зайдова М. У.

ному воздействию со стороны общества, а поэтому нуждаются в особой правовой защите своих прав и законных интересов. И тут взрослые ждут помощи от государства не только в борьбе с нарушениями закона, но и в предупреждении возможных конфликтов с ними.

В такой ситуации возникает острая необходимость комплексного правового подхода к проблемам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и создания системы органов для регулирования общественных отношений с участием несовершеннолетних.

Устанавливая особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, законодатель исходит, в первую очередь, из современных научных представлений о психофизиологических особенностях лиц, не достигших совершеннолетия³.

«Опасный возраст» – так говорят иногда о подростках, еще не воспитавших в себе характер. Повзрослеют, мол, образумятся. Но нельзя забывать, что зрелость приходит не всегда с годами. Она наступает с пониманием ответственности перед людьми, обществом, законом. У большинства несовершеннолетних отсутствует чувство меры, долга, представления о дозволенном, недозволенном, порядочном, непорядочном. У них материальные потребности преобладают над духовными. Бывают случаи, когда, совершая общественно опасное деяние, подростки думают, что могут избежать ответственности. Но, как мы знаем, требования уголовного законодательства для всех одинаковые, ни один правонарушитель не должен уйти от ответственности.

К сожалению, несовершеннолетние часто не знают, с какого возраста и за какие преступления возникает уголовная ответственность. По данным исследований, не менее 30 % несовершеннолетних полагает, что уголовная ответственность наступает лишь с 18 лет. Часто даже 16–17-летние подростки считают, что за кражи, хулиганство, телесные повреждения в их возрасте уголовная ответственность не наступает⁴.

1 Ювенальное право: Учеб. для вузов / Под ред. А. В. Заряева, В. Д. Малкова. – М., 2005. – С. 5.

2 Загорский Г. И. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Г. И. Загорский, Т. В. Орлова // Российский судья. – 2012. – № 10. – С. 7.

3 Ткачев В. Восстановительное правосудие и ювенальное уголовное право // Российская юстиция. – 2002. – № 5. – С. 33.

4 Преступность и правонарушения. Статистический сборник. – М., 2010. – С. 49.

Особенностью уголовной ответственности несовершеннолетних является небольшой перечень мер уголовной ответственности.

Особый порядок производства уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних основывается на возрастных, социально-психологических и других особенностях несовершеннолетних, которые требуют дополнительных гарантий для реализации их прав⁵. Так, необходимость усиленной заботы о несовершеннолетних определена рядом характерных для них специфических особенностей: беззащитностью, недостаточностью жизненного опыта, податливостью и склонностью к подражанию, повышенной эмоциональностью, неуравновешенностью, импульсивностью. Подросток стремится привлечь внимание к себе, выделиться. Несовершеннолетний отличается развитым чувством личной дружбы и групповой солидарностью⁶.

Уголовно-правовые меры противодействия преступности несовершеннолетних не являются основными. Нельзя не учитывать, что рост преступности несовершеннолетних происходит в условиях финансово-экономического кризиса, интенсивного социального расслоения общества, падения жизненного уровня значительной части населения, обострения межнациональных конфликтов, неблагоприятного развития семейно-брачных отношений, роста различных проявлений жестокого обращения с несовершеннолетними. В такой ситуации большое значение имеют социальные, экономические и воспитательно-профилактические меры.

Уголовный кодекс предусматривает и такие случаи, когда несовершеннолетних вовлекают в совершение преступления лица, достигшие 18-летнего возраста. В таких ситуациях взрослое лицо отвечает и за преступление, которое совершил несовершеннолетний. Если совершению преступления несовершеннолетним предшествовало неправомерное и провоцирующее поведение взрослых лиц, в том числе признанных потерпевшими по делу, суд вправе признать это обстоятельство смягчающим ответственность виновного⁷.

В заключение можно сделать следующие выводы: оглядываясь на нынешний мир, наше общество оказывается в сложном правовом положении, принимаются все возможные меры для предотвращения и раскрытия преступности несовершеннолетних, производятся большие государственные расходы для осуществления этих процессов. Государство должно не только провозглашать нормы права, а достичь реального их применения на практике силами соответствующих государственных органов.

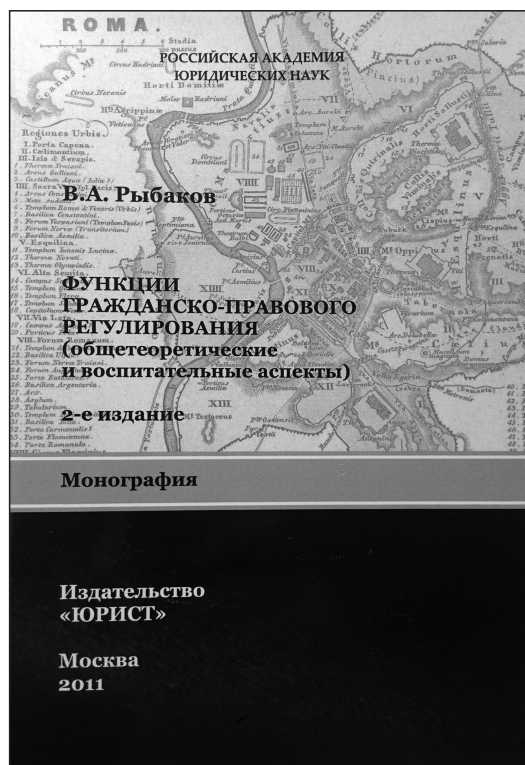
5 Лелеков В. А. Реализация государственных программ по предупреждению безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних / В. А. Кошелева // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 36.

6 Комарницкий А. В. Современное российское законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних: проблемы и пути решения / А. В. Комарницкий // Юридическая мысль. – 2011. – № 1. – С. 80.

7 Евтеев М. П., Кирин В. А. Законодательство об ответственности несовершеннолетних. – М., 2008. – С. 25.

Пристатейный библиографический список

1. Евтеев М. П., Кирин В. А. Законодательство об ответственности несовершеннолетних. – М., 2008.
2. Загорский Г. И. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Г. И. Загорский, Т. В. Орлова // Российский судья. – 2012. – № 10.
3. Комарницкий А. В. Современное российское законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних: проблемы и пути решения / А. В. Комарницкий // Юридическая мысль. – 2011. – № 1.
4. Лелеков В. А. Реализация государственных программ по предупреждению безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних / В. А. Кошелева // Российская юстиция. – 2011. – № 2.
5. Преступность и правонарушения. Статистический сборник. – М., 2010.
6. Ткачев В. Восстановительное правосудие и ювенальное уголовное право // Российская юстиция. – 2002. – № 5.
7. Ювенальное право: Учеб. для вузов / Под ред. А. В. Заряева, В. Д. Малкова. – М., 2005.

Новикова Л. В.

ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей проведения проверки сообщения о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

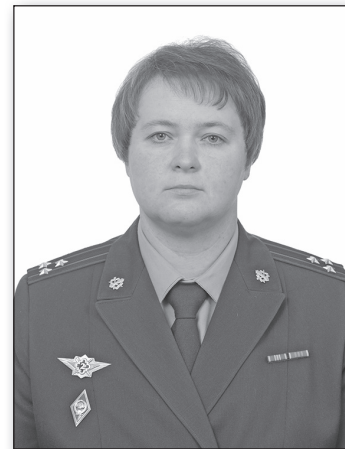
Ключевые слова: дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, исправительные учреждения, осужденные, расследование преступлений.

Novikova L. V.

INSPECTION OF REPORTS ON THE DISRUPTION OF THE ACTIVITY OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

The article is devoted to some peculiarities of the inspection of reports on the disruption of the activity of institutions providing isolation from society.

Keywords: disruption of institutions providing isolation from society, correctional institutions, convicted, criminal investigations.

Новикова Л. В.

Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, осложняет, а порой и препятствует осуществлению нормальной деятельности исправительных учреждений, создает угрозу безопасности сотрудника, места лишения свободы или места содержания под стражей и осужденного, нередко влечет за собой определенные негативные последствия, поэтому расследование каждого подобного факта должно быть быстрым и эффективным.

Быстрое и полное расследование преступлений и изобличение преступников возможно лишь в результате проведения комплекса следственных действий, оперативно-розыскных и режимных мероприятий¹. Предшествует началу расследования проведение проверки поступившего сообщения о преступлении. Несвоевременное реагирование на сообщение о готовящемся или совершенном преступлении может привести к утрате доказательственной информации и, как следствие, к снижению эффективности всего расследования.

Сообщения о преступлениях незамедлительно регистрируются в дежурной части в *Книге регистрации сообщений о преступлениях*, а сообщения о происшествиях – в *Журнале регистрации информации о происшествиях*. Заполнение документов производится дежурным по учреждению или органу УИС. Другим сотрудникам УИС делать записи в регистрационных книгах и журналах запрещается.

В Журнал регистрации заносится информация о происшествиях, требующая определенных проверочных действий на предмет установления наличия признаков преступления и правонарушения или отсутствия таковых. В случае подтверждения информация подлежит оформлению рапортом об обнаружении признаков преступления, с последующей регистрацией в Книге регистрации сообщений о преступлениях.

В своей деятельности сотрудники исправительного учреждения помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации должны руководствоваться Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, утвержденным Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД

России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» (далее – Типовое положение), а также Инструкцией о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях, утвержденной Приказом Минюста РФ от 11 июля 2006 г. № 250.

Как в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (п. 43 ч.5), так и в Типовом положении (пп. 1 п.5 ч.1) используется понятие «сообщение о преступлении». Законодатель, разъясняя понятие «сообщение о преступлении», указывает, что оно может быть представлено в виде заявления о преступлении (устного или письменного), явки с повинной и рапорта об обнаружении преступления.

Сотрудники исправительного учреждения, получив сообщение о совершенном преступлении, на основании ст. 144 УПК РФ (Порядок рассмотрения сообщения о преступлении) проводят проверку поступившего сообщения.

Проверка сообщения осуществляется путем проведения неотложных мероприятий, к которым относятся:

- 1) мероприятия по предотвращению или пресечению преступления;
- 2) осмотр места происшествия с целью обнаружения признаков преступления, обнаружения, фиксации и изъятия следов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение;
- 3) оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление и задержание лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление с поличным или по «горячим следам»;
- 4) опрос очевидцев, лиц, в отношении которых было совершено преступление, и лиц, его совершивших;
- 5) сбор данных, характеризующих личность, как лиц, совершивших преступление, так и лиц, в отношении которых оно было совершено².

1 Морозов Р. М., Цивкунов А. Г. Расследование дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Практические рекомендации. – Вологда, 2014. – С. 3–4.

2 Новикова Л. В., Ханахмедова Л. В. Принятие процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4(33). – С.110.

Собранный материал вместе с рапортом об обнаружении признаков преступления, или заявлением о преступлении, или явкой с повинной в установленные сроки на основании п.3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ («Решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении») направляются по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ.

Выявление при расследовании преступлений всех обстоятельств, которые необходимо знать для полного уяснения события – важнейшая задача предварительного расследования. Поэтому правильное определение круга этих обстоятельств – непереносимое условие установления объективной истины по уголовному делу³.

Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, как правило, совершается в условиях полной очевидности. Поэтому при наличии оснований сотрудникам исправительного учреждения необходимо немедленно возбудить уголовное дело и провести неотложные следственные действия. При этом, учитывая особенности конкретного дела, необходимо устанавливать следующие обстоятельства:

1) имело ли место событие преступления, т.е. факт либо угроза применения насилия в отношении осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения; или аналогичные действия, совершенные в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких; или факты нападения на осужденных и сотрудников, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, и в чем выразались эти действия;

2) где и когда совершены действия, дезорганизующие деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;

3) каким способом были совершены действия, дезорганизующие деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Для этого необходимо установить: осуществлялось ли вооруженное или невооруженное нападение, в чем выразалась угроза применения насилия, кто являлся участником преступной группы, какова роль каждого, и т.п.;

4) в отношении кого совершены или должны быть совершены преступные действия, и в связи с чем они предпринимались;

5) данные о личности потерпевшего-осужденного, указывающие на его исправление либо оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Если потерпевшим является сотрудник учреждения, то выясняется, совершено ли нападение на него в связи с осуществлением им служебной деятельности;

6) кто совершил преступление (данные, характеризующие личность). Если преступление совершено группой – роль каждого из участников;

7) каковы мотивы и цели совершения преступления;

8) каковы последствия преступления. Устанавливается, какой вред причинен здоровью потерпевших действиями преступников, размеры материального ущерба, нанесенного преступлением;

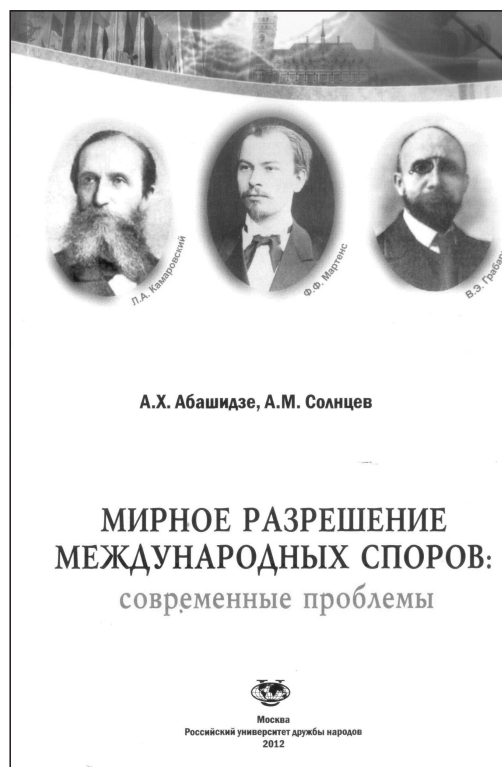
9) причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Например, такие, как недостатки в соблюдении и поддержании режима; неправомерные действия отдельных

должностных лиц администрации исправительного учреждения по отношению к осужденным; нарушение правил хранения и учета инструментов на производстве; и т.п. При установлении подобных недостатков должны быть приняты меры к их немедленному устранению.

При расследовании конкретных преступлений могут быть и иные обстоятельства, которые важно установить и доказать, однако вышеперечисленные обязательны для большинства дел рассматриваемой категории. Зная, что следует доказывать, лицо, проводящее предварительное расследование, будет увереннее строить свою работу по сбору и исследованию доказательств, изобличающих преступника⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Кулагин Н. И. Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы. – Волгоград, 1977.
2. Морозов Р. М., Цивкунов А. Г. Расследование дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Практические рекомендации. – Вологда, 2014.
3. Новикова Л. В., Ханахмедова Л. В. Принятие процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4(33).

3 Кулагин Н. И. Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы. – Волгоград, 1977. – С.36.

4 Кулагин Н.И. Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы. – Волгоград, 1977. –С.39.

Вичева А. А.

ЮРИДИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

В статье рассматривается юридический механизм обеспечения права на охрану здоровья лиц, содержащихся в местах принудительного содержания. Проанализированы особенности обеспечения права на охрану здоровья отдельных категорий лиц, в зависимости от места принудительного содержания. Выявлены ключевые субъекты обеспечения рассматриваемого права. На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих рассматриваемую сферу, сделана попытка дать определение юридического механизма обеспечения права на охрану здоровья исследуемой категории лиц.

Ключевые слова: механизм обеспечения, право на охрану здоровья, юридический механизм обеспечения права на здоровье, места принудительного содержания, оказание медицинской помощи.

Vicheva A. A.

THE LEGAL MECHANISM TO ENSURE THE RIGHT TO HEALTH OF PERSONS HELD IN DETENTION

The article deals with the legal mechanism to ensure the right to health of persons held in detention. The features of ensuring the right to health of certain categories of persons, depending on the place of detention are analyzed. The key players to ensure the right under consideration are specified. Based on the analysis of legal acts regulating the sphere in question, an attempt was made to define a legal mechanism of ensuring the right to health of the studied category of persons.

Keywords: mechanism to ensure, the right to health, the legal mechanism of ensuring the right to health, place of detention, medical care.

Вичева А. А.

В современной России проявляется повышенный интерес к механизму обеспечения прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания как со стороны общественности, так и органов государственной власти. Активизируется работа в направлении осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, а также создаются новые механизмы обеспечения прав рассматриваемой категории лиц. В статье мы попытаемся провести анализ юридического механизма обеспечения указанного права для узкой категории населения нашего государства – лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Вопросам обеспечения прав человека в отдельных местах принудительного содержания уделяли внимание В. А. Кузьмин, Е. В. Китрова, Е. Э. Попова, А. И. Пятакова, А. П. Скиба, А. В. Тиканов и другие. При этом механизму обеспечения права на охрану здоровья рассматриваемой категории граждан как единому правовому явлению должного внимания не оказывается.

Право на охрану здоровья, закрепленное ст. 41 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», можно определить как обеспеченную государством возможность осуществления собственных действий в отношении своего здоровья, требований к органам государственной власти по обеспечению надлежащих законодательных и организационных условий для реализации своих потребностей в сфере здравоохранения, а также возможности использовать принудительные меры для защиты соответствующих интересов¹.

Среди современных исследователей до сих пор не сложилось единого подхода к определению механизма обеспечения прав человека. Так, например, А. Ю. Семенова определяет механизм обеспечения прав человека как систему органов публичной власти, институтов гражданского общества, общественных и иных организаций и правовых средств, применяемых ими в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина². Также механизм обеспечения, как отмечают В. Н. Бутылин и В. Г. Сидоров, может быть рассмотрен в двух аспектах: во-первых, как система нормативных предписаний, обеспечивает основные права (свободы); а во-вторых, как система действий (бездействий) различных субъектов в процессе обеспечения прав (свобод)³. Таким образом, можно сделать вывод, что юридический механизм обеспечения права человека на охрану здоровья представляет собой совокупность юридических норм и мероприятий, реализуемых уполномоченными субъектами в целях обеспечения рассматриваемого права.

Анализируя перечень мест принудительного содержания, указанных в Федеральном законе № 76-ФЗ, следует отметить их неоднородность в системе подчинения, что влечет за собой отсутствие единого нормативного документа, регламентирующего и обеспечивающего право на охрану здоровья рассматриваемой категории лиц. Основываясь на указанном выше, рассмотрим, каким образом обеспечивается право на охрану здоровья в отдельных местах принудительного содержания с целью выработки единого подхода к определению

1 Домникова Л. В. Гражданско-правовые способы реализации права на охрану здоровья в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2006. – С. 37.

2 Семенова А. Ю. Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2006. – С. 18.
3 Босхонджиева Г. Г. Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Саратов, 2007. – С. 60.

юридического механизма обеспечения рассматриваемого права.

Так, например, медицинское обслуживание осужденных, содержащихся на гауптвахте, осуществляется по нормам, установленным для соответствующих категорий военнослужащих, в общем порядке, установленном законодательством об обороне Российской Федерации⁴. Таким образом, ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» устанавливает, что военнослужащие и граждане, призванные на военные сборы, имеют право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих металлов), бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача в соответствующих медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и организациях федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба⁵. Следовательно, обеспечение права на охрану здоровья лиц, содержащихся в дисциплинарных воинских частях и на гауптвахте, осуществляют Министерство внутренних дел РФ, Министерство обороны РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Федеральная служба охраны РФ, Служба внешней разведки РФ, Федеральная служба исполнения наказаний, Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий⁶.

Лица, подвергнутые административному аресту, имеют право на получение первой помощи и медицинской помощи, в том числе при необходимости в медицинских организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения⁷. Специальной правовой основой обеспечения права на охрану здоровья указанной категории лиц является Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» и Приказ МВД России от 10 февраля 2014 г. № 83 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста». Исходя из определения места отбывания административного ареста, закрепленного ч. 2 ст. 3 указанного выше Федерального закона, обеспечение права на охрану здоровья лиц, подвергнутых административному аресту, осуществляет Министерство внутренних дел РФ.

Для лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления и (или) обвиняемых в совершении преступления, к которым применена мера пресечения в виде заключения под стражу, основу правовой регламентации права на охрану здоровья составляет Федеральный закон от 15 июля 1995 г. №103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых

в совершении преступлений». Указанный закон в ст. 7 относит к местам содержания под стражей следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов Федеральной службы безопасности. Следовательно, можем сделать вывод, что юридический механизм обеспечения права на охрану здоровья рассматриваемой категории лиц необходимо анализировать с трех позиций, исходя из видов мест содержания под стражей.

Так, для лиц, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы субъектом обеспечения права будет Федеральная служба исполнения наказаний. Законодатель устанавливает единство правового обеспечения и субъекта обеспечения права на охрану здоровья лиц, содержащихся в следственных изоляторах и местах лишения свободы, поэтому мы рассмотрим их в едином ключе. В соответствии с п. 2 Приказа Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17 октября 2005 г. «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» медицинская помощь предоставляется лечебно-профилактическими учреждениями и медицинскими подразделениями учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, создаваемыми для этих целей, либо лечебно-профилактическими учреждениями государственной и муниципальной систем здравоохранения. Также п. 13 указанного Приказа закрепляет положение о том, что для оказания медицинской помощи подозреваемым, обвиняемым и осужденным в Учреждении организуется медицинская часть, которая является структурным подразделением Учреждения: следственного изолятора, исправительного учреждения, в том числе исправительной колонии, лечебного исправительного учреждения, воспитательной колонии либо филиалом лечебно-профилактического учреждения⁸. Из вышеуказанного можно сделать вывод, что обеспечение права на охрану здоровья лиц, заключенных под стражу и отбывающих наказание в виде лишения свободы, осуществляется путем функционирования в системе исполнения наказания структурных подразделений в виде медицинских частей.

Приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» в п. 22 установил, что администрация ИВС обязана выполнить санитарно-гигиенические требования, обеспечивающие охрану здоровья подозреваемых и обвиняемых. При этом подозреваемые и обвиняемые могут обращаться за помощью к медицинскому работнику, дежурному и начальнику ИВС во время ежедневного обхода камер и опроса содержащихся лиц, а в случае ухудшения состояния здоровья – к любому сотруднику ИВС, который обязан об этом незамедлительно доложить дежурному либо начальнику ИВС⁹. С учетом указанного, возможно сделать вывод, что в изоляторах времен-

4 О правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: приказ Министра обороны РФ от 29 июля 1997 года № 302 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1351060/> (дата обращения 01.07.2015). – п. 29.

5 О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – 1 июня. – № 22. – Ст. 2331.

6 Перечень федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством предусмотрена военная или приравненная к ней служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/409720> (дата обращения: 29.06.2015).

7 О порядке отбывания административного ареста: федеральный закон от 26.04.2013 №67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 29 апреля. – № 17. – Ст. 2034.

8 О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу: приказ Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901954042> (дата обращения 02.07.2015).

9 Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901959116> (дата обращения: 27.06.2015).

ного содержания право на охрану здоровья обеспечивается администрацией учреждения.

Анализ положений Приказа Федеральной службы безопасности РФ от 24 марта 2010 г. № 141 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов» позволяет сделать вывод о том, что обеспечение права на охрану здоровья лиц, находящихся в изоляторах временного содержания пограничных органов Федеральной службы безопасности, осуществляется медико-санитарными частями (военно-медицинской службы) территориального органа безопасности.

Также оказание медицинской помощи иностранным гражданам, содержащимся в специальных учреждениях, осуществляется в соответствии с Правилами оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 г. № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации»¹⁰. При этом указанный нормативный акт предусматривает, что в специальных учреждениях Федеральной миграционной службы медицинскую помощь в амбулаторных условиях оказывает медицинский работник этого учреждения.

Проведенный анализ нормативных документов, регламентирующих деятельность мест принудительного содержания, позволяет сделать вывод, что юридический механизм обеспечения права на охрану здоровья рассматриваемой категории возможно определить как совокупность юридических норм и мероприятий, реализуемых Министерством внутренних дел РФ, Министерством обороны РФ, Федеральной службой безопасности РФ, Федеральной службой охраны РФ, Федеральной службой исполнения наказания в целях обеспечения права на охрану здоровья через специально создаваемые структурные подразделения и должности, в компетенцию которых входит непосредственное оказание медицинской помощи, а таким образом и обеспечение права на охрану здоровья.

Пристатейный библиографический список

1. Босхомджиева Г. Г. Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Саратов, 2007.
2. Домникова Л. В. Гражданско-правовые способы реализации права на охрану здоровья в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
3. О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу: приказ Минздрава РФ № 640, Минюста РФ №190 от 17.10.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://docs.cntd.ru/document/901954042> (дата обращения: 02.07.2015).

4. О порядке отбывания административного ареста: федеральный закон от 26.04.2013 №67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 29 апреля. – №17. – Ст. 2034.
5. О правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: приказ Министра обороны РФ от 29 июля 1997 года № 302 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1351060/> (дата обращения: 01.07.2015).
6. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27.05.1998 №76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – 1 июня. – № 22. – Ст. 2331.
7. Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов: приказ Федеральной службы безопасности РФ от 24.03.2010 г. №141 // Российская газета. – 2010. – 28 мая. – № 5194 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/05/28/pogran-isolator-dok.html> (дата обращения 02.07.2015).
8. Об утверждении правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Федеральной миграционной службы или ее территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии: постановление Правительства РФ от 30.12.2013 №1306 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – 13 января. – № 2 (часть I). – Ст. 130.
9. Перечень федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством предусмотрена военная или приравненная к ней служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/409720> (дата обращения: 29.06.2015).
10. Семенова А. Ю. Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2006.

¹⁰ Об утверждении правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Федеральной миграционной службы или ее территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии: постановление Правительства РФ от 30.12.2013 № 1306 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – 13 января. – № 2 (часть I). – Ст. 130.

Грушин Ф. В.

ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОРНОГО ПОДХОДА ДЛЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВА

В статье рассматриваются аргументы, подтверждающие и обосновывающие необходимость комплексного изучения системы факторов, влияющих на развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного законодательства и права. Приводятся различные примеры, показывающие воздействие (в том числе и системное) факторов на изменение (неизменение) действующего уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: факторный подход, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-исполнительное право, норма жилой площади, осужденные.

Grushin F. V.

IMPORTANCE OF FACTOR APPROACH FOR THE DEVELOPMENT OF PENAL POLICY, PENAL LEGISLATION AND LAW

The article examines the arguments supporting and justifying the need for a comprehensive study of the factors influencing the development of penal policy, penal legislation and law. The various examples show the impact (including systemic) of factors on the change (no change) of current penitentiary legislation of the Russian Federation.

Keywords: factorial approach, penal legislation, enforcement of criminal law, the norm of living space, convicted.

Грушин Ф. В.

Одним из актуальных вопросов в настоящее время, как в теории права, так и в отраслевых юридических науках, является вопрос анализа всевозможных причин и условий, определяющих развитие и функционирование системы права. Применяя факторный подход к оценке правовых явлений, возможно выявить сущность права, повысить эффективность правотворчества и, в конечном счете, реализации правовых норм.

Факторный подход в гораздо большей степени анализируется в трудах ученых по философии и общей теории права. В тоже время идеи детерминизма все чаще звучат и в отраслевых юридических науках, поскольку исследование системы отрасли права на этой методологической основе способствует познанию ее внутреннего содержания, образующих ее структурных элементов, их взаимосвязи и взаимозависимости, выявлению внутренних противоречий и, следовательно, созданию условий для эффективной модернизации конкретной отрасли права.

В теории уголовно-исполнительного права проблема факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного законодательства и права является двойкой. С одной стороны, любой специалист, разбирающийся в проблемах исполнения наказания, без труда назовет такие основные факторы, как экономические, политические и социальные. С другой стороны, самостоятельные исследования системы факторов, влияющих на развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства практически отсутствуют. Отдельные аспекты теории факторов рассматривали такие ученые, как А. И. Зубков, А. Е. Наташев, В. И. Селиверстов, В. А. Уткин, И. В. Шмаров и ряд других.

На наш взгляд, система факторов рассматриваемой сферы заслуживает гораздо большего внимания по следующим причинам.

Во-первых, любые изменения, происходящие в уголовно-исполнительном законодательстве, как, впрочем, и в любом другом, происходят под влиянием тех или иных факторов. Следовательно, комплексный системный анализ данных фак-

торов позволит выявить закономерности, причины, особенности и недостатки развития действующего уголовно-исполнительного законодательства и, в конечном итоге, повысить эффективность исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, сведение всех факторов к банальным экономическим, политическим и социальным в корне не верно, так как упрощает существующую систему и не позволяет получить должного эффекта от ее анализа. Например, в рамках экономических факторов можно выделить такие группы факторов, как: состояние экономики, экономико-географические факторы, уровень жизни населения и некоторые другие. При этом каждая группа этих факторов, в свою очередь, состоит из нескольких факторов. Так, экономико-географические факторы можно разделить, как минимум, на: фактор масштаба территории; фактор структуры территории; климатический фактор; природноресурсный фактор. Совокупность этих факторов образует определенную систему.

В-третьих, как показывает проводимое исследование, в большинстве случаев на внесение (или невнесение) конкретных изменений в уголовно-исполнительное законодательство влияет не отдельный фактор, а системная совокупность самых различных факторов.

Например, ч. 1 ст. 99 УИК РФ предусматривает, что норма жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы в исправительных колониях не может быть менее двух квадратных метров. Данная норма не претерпела ни одного изменения с момента принятия кодекса в 1997 г. Рассмотрим, какие же факторы влияют на это.

С одной стороны, согласно Европейским пенитенциарным правилам, минимальные стандарты в указанной сфере составляют 4 кв. м на заключенного в многоместной камере и 6 кв. м – в одиночной камере. При этом данные минимальные стандарты основаны на более широком анализе конкретной тюремной системы, включающем данные о том, сколько реально времени заключенные проводят в собственной камере, и не должны рассматриваться в качестве нормы. Хотя Прави-

Давыдова И. А.

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, ОСВОБОЖДАЕМЫХ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования условно-досрочного освобождения осужденных от отбывания пожизненного лишения свободы, формулируются предложения по установлению правовых ограничений в отношении указанной категории лиц, позволяющие скорректировать законодательный механизм их условно-досрочного освобождения, а также контроля за поведением осужденных после освобождения

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, пожизненное лишение свободы, психиатрическая экспертиза, степень общественной опасности, ограничения правового положения, административный надзор.

Davydova I. A.

TO THE ISSUE OF ESTABLISHMENT OF THE LEGAL RESTRICTIONS APPLIED CONCERNING CONDEMNED TO LIFELONG IMPRISONMENT, RELEASED ON PAROLE

The article deals with the problems of legal regulation of releasing convicted persons on parole from serving of a lifelong imprisonment. The offers are given on establishment of legal restrictions on the specified category of persons allowing correcting the legislative mechanism of their release on parole, as well as control of their behavior after release.

Keywords: release on parole, lifelong imprisonment, psychiatric examination, degree of public danger, restriction of a legal status, administrative supervision.

Давыдова И. А.

В действующем уголовном законодательстве России пожизненное лишение свободы предусмотрено лишь за особо тяжкие преступления, преимущественно связанные с посягательством на жизнь человека. Неопределенность жизненной перспективы, вызванная назначенной судом мерой наказания в виде пожизненного лишения свободы, способна оказать на осужденного негативное воздействие, близкое к состоянию фрустрации (крушению надежд).

Вместе с тем необходимо отметить то важное обстоятельство, что уголовный закон формально сохраняет для осужденного рассматриваемой категории возможность условно-досрочного освобождения. Применение условно-досрочного освобождения в отношении пожизненно лишенного свободы дает возможность проживания в позитивной социальной среде, является важнейшим стимулом для его исправления.

Законодательный механизм условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы имеет целый ряд недоработок, которые не нашли своего разрешения в настоящее время. Институт условно-досрочного освобождения в части его применения в отношении пожизненно лишенных свободы нуждается в существенном уточнении положений, определяющих условия и основания его применения (ч. 5 ст. 79 УК РФ), а также касающихся установления ограничений в отношении указанной категории.

На основе ретроспективного анализа российского законодательства, а также изучения зарубежного опыта применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания пожизненно осужденных считаем целесообразным установить определенные правовые ограничения в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, освобождаемых условно-досрочно из мест лишения свободы.

1. В настоящее в России все категории осужденных (за исключением лиц, совершивших преступление в период отбывания пожизненного лишения свободы) имеют возможность ходатайствовать перед судом об условно-досрочном освобождении.

При этом в законодательстве ряда зарубежных государств предусматривается пожизненное лишение свободы с возможностью досрочного освобождения и без таковой, либо устанавливается специальный перечень категорий преступников, которые не могут освобождаться досрочно. В российском законодательстве на различных этапах исторического развития также указывались категории осужденных, к которым условно-досрочно освобождение не применяется. В этой связи считаем необходимым установить законодательный перечень осужденных к пожизненному лишению свободы, к которым условно-досрочное освобождение не применяется.

2. В настоящее время возможность освобождения условно-досрочно лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, предусматривается непосредственно из камеры в условия свободы, считаем, что данная ситуация требует корректировки. Осужденные, отбывающие наказание в виде пожизненного лишения свободы, характеризуются более высокой степенью общественной опасности. Кроме того, покамерное содержание указанной категории затрудняет процесс изучения их личности с точки зрения взаимодействия с социумом, не позволяет прогнозировать возможное поведение осужденных после освобождения. В целях более тщательного изучения личности предполагаемого освобожденного необходимо перевести осужденных из камер в общежития. В связи с чем предлагаем предусмотреть за 1 год до наступления срока условно-досрочного освобождения осужденных, отбывающих наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации перевод их по постановлению начальника колонии в специально предназначенное помещение для подготовки осужденных к освобождению, дополнив ч. 4 ст. 127 УИК РФ словами «... Осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях в целях успешной социальной адаптации за 1 год до наступления срока, необходимого для условно-досрочного освобождения, по постановлению начальника колонии

могут быть переведены в специально предназначенное для подготовки к освобождению помещение».

3. В тюрьмах Англии пожизненно заключенные периодически проходят обследование у психиатров и психологов. Исследования указывают на то, что уровень психических отклонений у них выше, чем у других групп заключенных. Более чем четверть пожизненно заключенных ранее совершали членовредительство, причиняли себе увечья; 16% самоубийств (от всех случаев в тюрьмах) совершают осужденные к пожизненному лишению свободы. Такое деструктивное поведение исследователи связывают с расстройствами, вызванными проявлениями чрезвычайной жестокости, насилия, которые свойственны данным категориям преступников при совершении преступлений, а также безысходностью, вызванной необходимостью отбывания заключения на неопределенный срок¹.

В соответствии с ч. 5 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. По нашему мнению суду для этого необходимо оценить психическое состояние освобождаемого (с учетом длительного срока отбывания наказания, категорий преступлений, совершенных ими и т.д.), а также степень его опасности для общества.

Для обеспечения обоснованности принятия решения суда об УДО и целесообразности полного отбытия осужденным наказания, считаем необходимым за 6 месяцев до наступления срока условно-досрочного освобождения предусмотреть проведение судебно-психиатрической экспертизы осужденного, данные о результатах которой должны быть представлены в суд для решения вопроса об условно-досрочном освобождении указанной категории осужденных. А также в характеристике, которую готовит администрация ИУ на осужденного, подавшего ходатайство об УДО, должны содержаться данные комиссии ИУ о степени его опасности для общества. Для чего необходимо внести изменения в ст. 79 УК РФ, дополнив ее ч. 4² в следующей редакции: «В отношении осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы, суд также учитывает результаты судебно-психиатрической экспертизы и степень его опасности для общества», а также дополнить ч. 2 ст. 175 УИК РФ словами «...В характеристике на осужденных к пожизненному лишению свободы должны содержаться также данные об оценке степени его опасности для общества и результаты судебно-психиатрической экспертизы».

4. В Англии условно-досрочное освобождение осуществляется комиссией, которая создается при Тюремном департаменте. При рассмотрении дел члены Комиссии по УДО заседают в составе не менее 3 членов: председателя, являющегося судьей Высокого суда, окружным судьей или судьей городского мирового суда (в зависимости от обстоятельств заслушиваемого дела) и двух других членов, один из которых обязательно должен быть психиатром. Дело рассматривается в учреждении, в котором содержится конкретный заключенный².

С учетом повышенной общественной опасности лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, и сложности рас-

сматриваемого вопроса, а также зарубежного опыта, считаем необходимым рассмотреть дел об условно-досрочном освобождении пожизненно осужденных осуществлять коллегией из трех судей.

5. Часть 7 ст. 79 УК РФ предусматривает правовые последствия неправомерного поведения для лиц, условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы, в течение оставшейся неотбытой части наказания. В отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, нет соответствующего срока.

На наш взгляд, следует установить испытательный срок, поскольку освобождение лица от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется судом условно. Именно данное обстоятельство предопределяет то, что лицо должно своим поведением доказать правильность такого решения суда. Под испытательным сроком следует понимать определенный промежуток времени, на протяжении которого осуществляется контроль за освобожденным от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы, который под угрозой отмены такой поощрительной меры обязан выполнять возложенные на него судом обязанности и другие условия испытания³. Этот срок содержит в себе угрозу реальной отмены условного освобождения и возвращения в места лишения свободы для дальнейшего отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы. Считаем необходимым внести соответствующие изменения в законодательство, установив испытательный срок в отношении указанной категории лиц не менее 10 лет, дополнив УК РФ ч. 5² в следующей редакции: «В отношении лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, освобожденных условно-досрочно, устанавливается испытательный срок, в течение которого действуют правоограничения, предусмотренные ч. 7 настоящей статьи».

6. Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного исполнения определенных обязанностей (ст. 73 УК РФ). Что касается лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, то никаких особенностей по возложению на них обязанностей, либо указания на то, что суд должен в отношении указанной категории их установить, в законодательстве не предусмотрено.

При этом следует подчеркнуть, что далеко не во всех случаях суд использует свое право на возложение соответствующих обязанностей, кроме того, до сих пор не создан в России специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за поведением лиц, осужденных условно-досрочно (предусмотренный ч. 6 ст. 79 УК РФ).

Законодательством предусмотрены административные ограничения лицам, в отношении которых установлен административный надзор:

- 1) запрещение пребывания в определенных местах;
- 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участие в указанных мероприятиях;
- 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;

1 См.: Stern V. Bricks of shame. Britain prisons. Updated second edition. – London, 1993. – P. 224–225.

2 Чорный В. Н. Исполнение пожизненного лишения свободы в тюрьмах Англии и Уэльса. Рязань // Пенитенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Беларуси: Материалы международного научно-практического семинара (15 марта 2004 г., г. Рязань). – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2004.

3 Горбач Д. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2012.

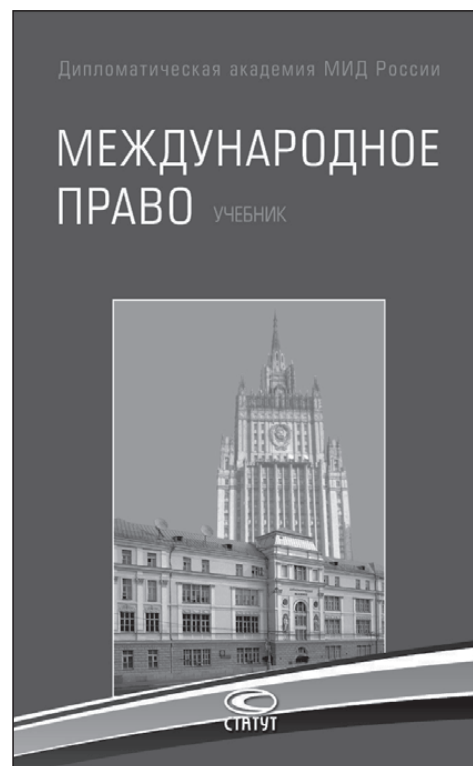
5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации⁴.

Наблюдение за соблюдением поднадзорным лицом установленных в отношении его административных ограничений, а также за выполнением им вышеперечисленных обязанностей осуществляется органом внутренних дел по месту жительства или пребывания поднадзорного лица. При этом в законодательстве не предусмотрено установление административного надзора в отношении лиц, освобождаемых условно-досрочно от отбывания пожизненного лишения свободы. А Пленум Верховного Суда РФ разъяснил следующее: «Лицо, освобожденное условно-досрочно из мест лишения свободы в порядке статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), считается не отбывшим наказание в виде лишения свободы. С учетом того, что в силу части 7 статьи 79 УК РФ при уклонении указанного лица от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при условно-досрочном освобождении, а также при совершении им до момента истечения срока оставшейся не отбытой части наказания административного правонарушения или преступления, условно-досрочное освобождение может быть отменено с исполнением оставшейся не отбытой части наказания, административный надзор к данному лицу не может быть применен до истечения срока оставшейся не отбытой части наказания. Вместе с тем при наличии предусмотренных законом оснований административный надзор в отношении такого лица может быть установлен после истечения срока оставшейся не отбытой части наказания»⁵. Однако, как подчеркивалось выше, у пожизненно осужденных нельзя определить оставшуюся неотбытой часть наказания, а соответственно установить за ними административный надзор. Было бы несправедливым, если бы законодателем не была предусмотрена правовая ответственность для пожизненно осужденных за неисполнение обязанностей или другое противоправное поведение условно-досрочно освобожденного из мест лишения свободы. На наш взгляд, с учетом специфики данной категории правонарушителей следовало бы либо перечислить индивидуальные обязанности установить специально в ст. 79 УК РФ, либо установить административный надзор за лицами, освобождаемыми условно-досрочно от отбывания пожизненного лишения свободы, внося соответствующие изменения в ст. 173¹ УИК РФ и законодательство об административном надзоре.

Таким образом, можно предположить, что сформулированные нами предложения существенным образом скорректируют законодательный механизм условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы, что позволит применить его на практике с минимальным риском для общественной безопасности государства.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013г. № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре».
2. Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».
3. Чорный В. Н. Исполнение пожизненного лишения свободы в тюрьмах Англии и Уэльса. Рязань // Пени-тенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Беларуси: Материалы международного научно-практического семинара (15 марта 2004 г., г. Рязань). – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2004.
4. Stern V. Bricks of shame. Britain prisons. Updated second edition. – London, 1993.

4 См.: Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013г. № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре».

Пестова О. Ю.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ КАК ОСНОВНОЙ АЛГОРИТМ ГУМАНИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Заключенные как особой слой общества всегда находились под пристальным вниманием власти и общественности не только в России, но и за рубежом. Особое внимание уделяется обеспечению прав осужденных: праву на охрану здоровья и оказание качественной и своевременной медицинской помощи в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека.

Ключевые слова: медицина, охрана здоровья, заключенные, пенитенциарные международные стандарты и правила.

Pestova O. Yu.

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS OF MEDICAL CARE PROVISION FOR CONVICTED AS A BASIC ALGORITHM FOR HUMANIZATION OF THE DOMESTIC PENITENTIARY LEGISLATION

Prisoners as a special stratum of society have always been under the scrutiny of the authorities and the public not only in Russia but also abroad. Special attention is paid to the observance of prisoners' rights: the right to health and the provision of quality and timely medical care in accordance with the Universal Declaration of Human Rights.

Keywords: medicine, health care, prisoners, penitentiary international standards and regulations.

Пестова О. Ю.

Впервые правила и нормы обращения с заключенными были разработаны Международной уголовной и пенитенциарной комиссией, а в последующем нашли свое одобрение в Лиге Наций. В 1989 г. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными были зафиксированы ООН и стали обязательны к исполнению.

Россия, ратифицировав Венское соглашение 1989 г., автоматически взяла на себя обязанность по гуманному отношению к лицам, находящимся под стражей и в заключении. Хотя все нормы и носят рекомендательный характер, но в резолюциях ООН и Совета Европы предусмотрен контроль за исполнением и реализацией международных стандартов для того, чтобы сохранить в международном масштабе их высокий авторитет и политический статус.

Проблема оказания медицинской помощи за рубежом, в сравнении с Россией, не настолько остра, и об этом свидетельствуют различные факты: материально-техническое состояние тюрем, географический фактор, финансирование, сама система исполнения наказания и т.д.

Анализ международно-правовых актов (Основные принципы ООН, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Европейские пенитенциарные правила и другое) говорит о том, что соблюдение Россией указанных норм позволит реализовать Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, а также приблизиться не только формально, но и реально к стандартам международного права, направленным на гуманизацию отечественного пенитенциарного законодательства в области оказания медицинской помощи заключенным.

На рубеже XIX–XX вв. в некоторых странах Европы и США под влиянием гуманистических и демократических идей особым объектом обсуждения и внимания стали заключенные, как одна из наименее защищенных групп населения. Пенитенциарные учреждения и содержащиеся в них осужденные становятся предметом специальной заботы во всем мире. Обеспечением прав осужденных начинает заниматься Организация Объединенных Наций (далее – ООН), которая возглавила международные усилия по содействию работам в этой области в рамках конгрессов ООН по пред-

упреждению преступности и обращению с правонарушителями¹.

Всеобщие правила и нормы обращения с заключенными впервые были разработаны Международной уголовной и пенитенциарной комиссией, а затем одобрены Лигой Наций.

25 мая 1984 г. Экономический и Социальный Совет ООН (резолюция 1984/47) одобрил порядок эффективного применения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и рекомендовал государствам-членам принять его к сведению для использования Правил, а также при подготовке периодических докладов ООН об их выполнении. Несмотря на то, что в преамбуле Минимальных правил было записано, что они носят рекомендательный характер, уже в итоговом документе Венской встречи представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15 января 1989 г. было зафиксировано их обязательство – соблюдать принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.

Конечно же, Россия (ранее СССР) стремилась к реализации международных стандартов обращения с заключенными. Так, в 1989 г. СССР выходит на международный уровень и подписывает Венское соглашение, на основании которого берет на себя обязательство обеспечивать гуманное обращение со всеми лицами, содержащимися под стражей или в заключении, с уважением достоинства, присущего человеческой личности, а также соблюдать принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. Аналогичное положение содержалось в подписанном СССР документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ.

Многие международно-правовые обязательства по реализации стандартов при исполнении уголовных наказаний взяла на себя Россия. Ведь основной вектор развития уголовно-исполнительного законодательства России лежит в сфере международного права, в котором в первую очередь предпочтение отдается развитию гуманитарных ценностей и правовых на-

¹ Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. – М., 1983. – С. 4, 118–144.

чал². Все это приводит к тому, что возникает приоритет международного права над внутригосударственным³. Но все эти нормы, по своей сути, сводились к тому, что принимался факт наличия международных пенитенциарных эталонов и лишь в определенной степени приводился в соответствие механизм правового регулирования исполнения и отбывания уголовных наказаний, то есть обязанности их соблюдения не было.

Все изменилось в отечественном законодательстве после принятия Федерального закона от 03 апреля 2008 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», согласно которому уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных нормах международного права. Все это отражает постулат ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в которой закреплены общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации в ее правовой системе.

Конечно же, акты международных правительственных организаций носят рекомендательный характер. Не имея обязательного законного статуса в международном праве, они широко признаны международным сообществом в качестве правил, отражающих фактическое существующее положение в наиболее прогрессивных системах обращения с осужденными. Вместе с тем в резолюциях, как ООН, так и Совета Европы, предусмотрен контроль за реализацией международных стандартов для того, чтобы сохранить в международном масштабе их высокий авторитет и политический статус. Если Россия присоединяется к какому-либо международному документу, определяющему стандарты обращения с осужденными, принимает обязательства по его исполнению или тем более ратифицирует его, то необходимо последовательно претворять его в жизнь.

Всеобщая декларация прав человека провозглашает, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая медицинский уход, который необходим для поддержания здоровья его самого и его семьи. В последнее время в России большое внимание уделяется правовому регулированию охраны здоровья граждан и связанных с ним правоотношений⁴.

В связи с этим проблема оказания медицинской помощи осужденным в пенитенциарной системе зарубежных стран не стоит настолько остро, как в России. Этому предшествует большее количество факторов, таких как материальное положение тюрем, состояние самой медицины за границей, а также организация самого уголовно-исполнительного процесса и многое другое.

Но все-таки данный вопрос беспокоит мировую общественность: здоровье и оказание медицинской помощи осужденным являются предметом обсуждения многих конференций, форумов, как на уровне ООН, так и на уровне Совета Европы.

В большинстве международных стандартов по исполнению уголовных наказаний устанавливаются правила, согласно которым заключенные должны получать медицинскую помощь в том же объеме, что и все граждане страны, также медицинская помощь должна быть бесплатной, осуществляться квалифицированными специалистами и соответствовать тому уровню, как если бы человек находился на свободе. Таким образом, основной целью медицинского исследования заключенных является и индивидуальный подход к оказанию медицинской помощи и защита здоровья других лиц.

Основопологающим документом, в котором закреплены правила получения медицинской помощи заключенным, являются Основные принципы ООН по обращению с заключенными, где в принципе 9 сказано, что заключенные имеют право получать медицинскую помощь без дискриминации⁵. Кроме того, принцип 24 подчеркивает, что задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется возможность пройти надлежащее медицинское обследование в возможно кратчайшие сроки после его прибытия в место задержания или заключения; впоследствии ему предоставляется медицинское обслуживание и лечение всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Обслуживание и лечение предоставляются бесплатно⁶.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (правило 22(1)) сказано: «Все заведения должны иметь в своем распоряжении по крайней мере одного квалифицированного работника, имеющего познания в области психиатрии. Медицинское обслуживание следует организовывать в тесной связи с местными или государственными органами здравоохранения». При этом всех заболевших заключенных, которым требуется специальное медицинское лечение, необходимо перевести в специализированные медицинские учреждения или гражданские больницы (правило 22 (2))⁷.

Тюремные больницы должны располагать оборудованием, установками и лекарствами, необходимыми для должного медицинского ухода за больными и для их лечения, а также достаточно квалифицированным персоналом. В правиле 22 (3) говорится, что «каждый заключенный должен иметь возможность прибегать к услугам квалифицированного зубного врача»⁸.

Каждого заключенного следует подвергать медицинскому осмотру при его принятии и затем по мере надобности, с тем чтобы устанавливать, не болен ли он физически или умственно, принимать необходимые меры; изолировать заключенных, о которых можно предположить, что они страдают какой-либо инфекционной или заразной болезнью; выявить физические или умственные недостатки, могущие воспрепятствовать их перевоспитанию, и определить, какова их физическая способность к труду (правило 24).

О физическом и психическом здоровье заключенных обязан заботиться врач, который должен ежедневно принимать или посещать всех больных, всех тех, кто жалуется на болезнь,

2 Тепляшин П. В. Международные пенитенциарные стандарты и правила как основа гармонизации современного уголовно-исполнительного законодательства России // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 135.

3 Craig P., Grainne de Burca. EU Law. Text, Cases and Materials. 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – P. 178–182, 189–190, 195–196.

4 Павленко А. А. Особенности сохранения медицинской тайны в отношении осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Томского государственного университета. – 2009. Октябрь. – № 327; Датий А. В., Павленко А. А. К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание. – № 1; Датий А. В., Павленко А. А. Высокая миссия медиков УИС // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 14.

5 Основные принципы ООН по обращению с заключенными // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 214–216.

6 Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению Утвержден резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года // Международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материал. – М.: Международные отношения, 1993. – С. 488–497.

7 Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. – М.: Экспертное бюро-М, 1997. – С. 653–654.

8 Там же.

а также всех тех, на кого было обращено его особое внимание (ст. 25.1)⁹.

Странам – членам Совета Европы наряду с этим документом рекомендовано также руководствоваться Европейскими пенитенциарными правилами (далее – ЕПП) 2006 г. Они содержат дополнительные требования по сравнению с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными.

Так, в ЕПП охране здоровья заключенных посвящена вся 3 часть, которая состоит из медицинского обслуживания, организации медицинского обслуживания в пенитенциарных заведениях, медицинского и санитарного персонала, обязанностей врача, медицинского ухода, психического здоровья и прочих вопросов.

Пункт 39 ЕПП закрепляет, что администрация пенитенциарных учреждений обеспечивает охрану здоровья всех заключенных этих учреждений. Данное правило является новым и основывается, в первую очередь, на ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, которая устанавливает «право каждого на наивысший возможный уровень физического и психического здоровья». Считается, что заключенные имеют дополнительные гарантии, вытекающие из их статуса. Когда государство лишает людей свободы, оно берет на себя ответственность об их здоровье, учитывая, как условия их содержания, так индивидуальное лечение, которое может им понадобиться. Тюремная администрация несет ответственность не только за предоставление эффективного доступа заключенных к медицинскому обслуживанию, но также за создание условий, обеспечивающих благополучие как заключенных, так и тюремного персонала. Заключенные не должны покидать пенитенциарные учреждения в худшем состоянии, чем они были до заключения. Особенно это касается вопросов здравоохранения.

Стоит еще обратить внимание на значимые пункты Европейских пенитенциарных правил:

– медицинские службы пенитенциарных учреждений выявляют и лечат физические и психические заболевания или дефекты, которыми могут страдать заключенные (п. 40.4.);

– заключенному оказываются все необходимые медицинские, хирургические и психиатрические услуги, в том числе, имеющиеся в общественных учреждениях (п. 40.5.);

– каждое пенитенциарное заведение должно иметь не менее одного имеющего соответствующую квалификацию врача общей медицинской практики (п. 41.1.);

– услуги квалифицированных дантистов и окулистов должны быть доступны каждому заключенному (п. 41.5);

– п. 42 посвящен обязанностям врача: указывается на то, что работа медицинского специалиста начинается с момента поступления соответствующего лица в пенитенциарное учреждение. Кроме того, существует ряд причин, по которым заключенные должны проходить медицинское обследование сразу по прибытии в пенитенциарное учреждение:

• дать возможность медицинскому персоналу определить состояние здоровья и обеспечить надлежащее лечение;

• обеспечить соответствующую поддержку тем, кто, возможно, страдает от последствий употребления наркотиков;

• помочь выявить любые следы насилия, которое могло быть совершено до помещения в пенитенциарное учреждение, и

• дать возможность квалифицированному персоналу оценить психическое состояние заключенного и обеспечить

соответствующую поддержку тем, кто склонен к самонанесению физических повреждений;

– врач заботится о физическом и психическом здоровье заключенных и осматривает, в условиях и с частотой, соответствующих стандартам здравоохранения в обществе, всех больных заключенных, всех, кто обратился с недомоганием или травмой, или любого заключенного, на которого специально обращено внимание (п. 43.1.). Данное правило означает, что отдельные заключенные имеют право на постоянный конфиденциальный доступ к соответствующим медицинским консультациям, которые, по меньшей мере, должны быть равноценными и предоставляться как в гражданском обществе. Условия оказания таких консультаций предусматривают следующее: если позволяет такая возможность – это должно быть отдельное специально оборудованное смотровое помещение, одновременное осуществление консультаций для нескольких заключенных, а также в присутствии нескольких заключенных – не допускается, во время осмотра заключенные должны быть без наручников, а также не допускается какого-либо физического отгораживания от врача;

– правило 46 посвящено медицинскому уходу: тюремная администрация обязана обеспечить, чтобы в пенитенциарных учреждениях существовала возможность для специализированных консультаций и амбулаторного лечения. Таким образом, необходимо установить тесную связь между тюрьмами и медицинскими учреждениями гражданского общества;

– медицинская служба пенитенциарного учреждения обеспечивает психиатрическое лечение всех заключенных, нуждающихся в таком лечении, и уделяет особое внимание предотвращению суицидов (п. 47.2.);

– заключенные не должны подвергаться никаким экспериментам без их согласия (п. 48.1.).

Перечисленные правила предусматривают прямую обязанность медицинских работников выявлять и лечить заболевания у заключенных в соответствии с национальными стандартами, с использованием всех известных эффективных средств. Несмотря на то, что нормы этих международных документов имеют рекомендательный характер, на наш взгляд, все это является прямым ориентиром любого демократического государства. В связи с этим все лица, содержащиеся в местах лишения свободы, должны получать уровень медицинского обслуживания такой, как его получают люди во всем обществе, тем самым мы сохраним саму суть фундаментального права на здоровье как физическое, так и психическое.

Таким образом, лишение свободы должно осуществляться на условиях, обеспечивающих достойное уважение к человеку, а также условия содержания должны обеспечивать нахождение заключенного в благоприятной моральной атмосфере.

Стоит отметить, что в Европейских пенитенциарных правилах особый упор делается на понятии человеческого достоинства, стремлении администрации мест лишения свободы действовать гуманно и эффективно, значимости роли, которую играет персонал этих учреждений, и внедрении современных методов управления. Еще в редакции от 1987 г. отмечается: «Эти основополагающие принципы воплощают в себе понятия гуманности, уважения человеческого достоинства, социальной ориентированности и эффективности управления, являющиеся предопределяющими для четкого и эффективного функционирования современных пенитенциарных систем»¹⁰.

9 Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. – М.: Экспертное бюро-М, 1997. – С. 653-654.

10 ЕПП / Рекомендация R(87) 3 // КонсультантПлюс.

Таким образом, оказание медицинской помощи осужденным рассматривается во всех международных актах как атрибут исполнения уголовных наказаний.

В России отражение заданных стандартов в практической деятельности в отношении больных осужденных зачастую не находит своих результатов.

Так, ряд авторов считают¹¹, что основной причиной такого положения дел в России является:

- во-первых, профессиональная изоляция специалистов медицинской службы пенитенциарной системы от системы общественного здравоохранения;

- во-вторых, географический фактор – большинство исправительных колоний находится вне областных центров и крупных городов, что обуславливает отсутствие благ цивилизации, и, соответственно, малую привлекательность работы в пенитенциарных учреждениях;

- в-третьих, развитие первичной медицинской помощи, отвечающей потребностям осужденных, так как она ориентирована на оказание неотложной помощи при остро протекающих заболеваниях и патологических состояниях;

- в-четвертых, приближение объема финансирования медицинской помощи уголовно-исполнительной системы к показателям общественного здравоохранения;

- и, в-пятых, отсутствие должного контроля качества медицинской помощи, так как по своей сути он представлен лишь ведомственным, а со стороны общества, Росздравнадзора, он, как правило, осуществляется по жалобам заключенных.

Л. В. Комарова в своем исследовании считает, что основных причин три:

- отсталость материально-технической базы большинства больниц и медицинских частей мест лишения свободы;

- недостаточный уровень санитарно-гигиенического и противоэпидемического режима в исправительных учреждениях;

- неудовлетворительное состояние противотуберкулезной помощи в исправительных учреждениях¹².

В. П. Тепляшин считает, что реализацию международных стандартов осложняют такие обстоятельства, как:

- недостаток ресурсного обеспечения и финансирования;
- рост преступности, закономерно сопровождающийся усилением карательных притязаний общества и увеличением числа заключенных;

- относительное падение престижа профессиональной уголовно-исполнительной деятельности и соответственно снижение качества организованной и воспитательной работы;

- содержание заключенных в основном в колониях, где степень социальной изоляции ниже, нежели в тюрьме. В результате разница между «свободой» и «несвободой» не так значительна, как при тюремном заключении, что снижает исправительный эффект наказания;

- особенности территории и климатических условий России, многонациональный состав ее населения¹³.

В совокупности все эти несоответствия международно-правовым стандартам ведут к тому, что пенитенциарная медицина России находится в крайне тяжелом состоянии.

Таким образом, для дальнейшего совершенствования медико-санитарного обеспечения уголовно-исполнительной системы России необходимо:

- пересмотреть структуру медицинской службы, ее материально-техническое оснащение и финансовое обеспечение;

- стандартизировать медицинскую помощь;

- включить учреждения медицинской службы уголовно-исполнительной системы в систему обязательного медицинского страхования;

- укрепить взаимосвязи здравоохранения пенитенциарной системы и системы общественного здравоохранения;

- создать реабилитационные центры для освобождающихся из мест лишения свободы.

Только совокупность указанных мероприятий, а также реализация поставленных задач, предусмотренных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, позволит российской пенитенциарной системе приблизиться не только формально, но и реально к стандартам международного права, направленным на гуманизацию отечественного пенитенциарного законодательства в области оказания медицинской помощи заключенным.

Пристатейный библиографический список

1. Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. – М., 1983.
2. Датий А. В., Павленко А. А. Высокая миссия медиков УИС // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 14.
3. Датий А. В., Павленко А. А. К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание. – № 1;
4. ЕПП / Рекомендация R(87) 3 // КонсультантПлюс.
5. Комарова Л. В. Правовое регулирование исполнения наказания в лечебно-исправительных учреждениях: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – С. 116.
6. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. – М.: Экспертное бюро-М, 1997. – С. 653–654.
7. Основные принципы ООН по обращению с заключенными // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 214–216.
8. Павленко А. А. Особенности сохранения медицинской тайны в отношении осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Томского государственного университета. – 2009. Октябрь. – № 327.
9. Пономарев С., Туленков А., Половникова А. За рубежом и у нас // Преступление и наказание. – 2013. – № 4. – С. 13–15.
10. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению Утвержден резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года // Международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материал. – М.: Международные отношения, 1993.
11. Тепляшин П. В. Международные пенитенциарные стандарты и правила как основа гармонизации современного уголовно-исполнительного законодательства России // Современное право. – 2010. – № 2.
12. Craig P., Grainne de Burca. EU Law. Text, Cases and Materials. 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002.

11 Пономарев С., Туленков А., Половникова А. За рубежом и у нас // Преступление и наказание. – 2013. – № 4. – С. 13–15.

12 Комарова Л. В. Правовое регулирование исполнения наказания в лечебно-исправительных учреждениях: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – С. 116.

13 Тепляшин П. В. Указ. соч. – С. 137.

Адигамова Г. З., Ситдиков В. М.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматриваются проблемы классификации элементов тактики производства следственных действий по шести группам: правовые, организационные, информационные, технологические, психолого-этические, фиксирующие элементы.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, классификация элементов общей тактики, тактический прием.

Adigamova G. Z., Sitdikov V. M.

CLASSIFICATION OF THE ELEMENTS OF INVESTIGATIVE ACTIONS TACTICS

The article deals with the problem of classification of the elements of investigative actions tactics into six groups: legal, organizational, informational, technological, psychological and ethical, fixing elements.

Keywords: forensic tactics, classification of common tactics elements, tactical option.

Следственная деятельность – это система познавательных, организационно-распорядительных, тактических, процессуальных и иных действий и решений следователя, направленных на раскрытие преступления и расследование уголовного дела. Специфика следственной деятельности состоит в совмещении следователем в своей повседневной профессиональной деятельности различных функций, например, реконструктивной, организационной, исполнительной, процессуальной, криминалистической, коммуникативной, психологической, прогностической и многих других функций.

Цель следственной деятельности – правовая охрана основных социальных ценностей, установление истины при расследовании уголовного дела, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Следственной деятельности присущи следующие свойства: предписанная законом социально-ролевая функция следователя; наличие властных полномочий следователя и его персональная ответственность; вместе с тем ограниченность сроков и процессуальной самостоятельности следователя; значительный объем процессуальных способов, криминалистических средств и методов расследования; познавательно-поисковая и достоверительная направленность и др.

Основным содержанием следственной деятельности является практическая поисково-познавательная ориентированность: на собирание и исследование сведений и фактов, на основании которых реконструируется преступное событие, произошедшее в прошлом; установление закономерностей формирования причинно-следственных связей с событием преступления и лицом, его совершившим; обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование доказательств; установление лиц, причастных к преступлению, и выявление их взаимоотношений и роли каждого; изучение личности виновного в совершении преступления, а также целого ряда иных обстоятельств, имеющих значение для выдвижения версий, планирования и расследования уголовного дела.

Эффективному осуществлению следственной деятельности способствует сочетание таких факторов, как:

1) достаточный объем теоретических и правовых знаний, а также практических навыков следователя по организации расследования и производству процессуальных, в том числе следственных действий;

2) соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

3) грамотная организация следователем действий участников следственно-оперативной группы, а также участников производства отдельных следственных действий;

4) соблюдение процессуальных правил и условий производства следственных действий, выполнение тактических приемов, применение тактических рекомендаций;

5) своевременная и всесторонняя аналитическая работа с поступающей информацией от участников уголовного судопроизводства и иных лиц, четкое определение следственной ситуации.

Следственная ситуация по уголовному делу определяет выбор следователем (дознавателем) тактики производства того или иного следственного действия, его организационный состав, тактические приемы, условия производства. Вместе с тем в ходе производства отдельного следственного действия следственная ситуация имеет тенденции к постоянному изменению, требуя от следователя непрерывного анализа поступающих сведений, их взаимосвязи с предметом доказывания и другими доказательствами, принятия тактических решений по устранению возникающих препятствий на пути установления истины по уголовному делу.

Следственная ситуация характеризуется совокупностью следующих факторов:

– этапом и фактическим состоянием расследования уголовного дела;

– наличием или отсутствием установленного лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления;

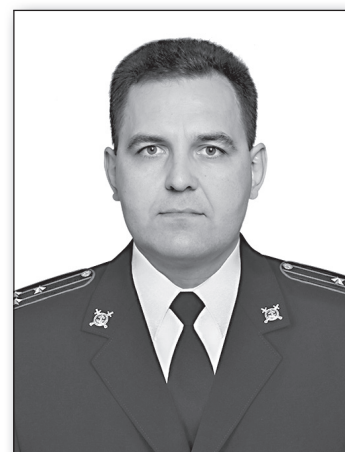
– количеством собранных доказательств и степенью их значимости для предмета доказывания;

– результатами назначенных и проведенных экспертно-криминалистических исследований изъятых объектов;

– подтверждением или опровержением выдвинутых версий и многими другими обстоятельствами.

Адигамова Г. З.

Ситдиков В. М.

Именно от сложности следственной ситуации зависит криминалистическая тактика каждого следственного действия.

Полагаем, что криминалистическая тактика – это комплекс приемов и способов производства следственного действия, различные совокупности которых позволяют достигнуть цели следственного действия наиболее оптимальным и экономичным путем.

Элементы тактики производства следственного действия – это комплекс профессиональных, правовых, психологических, организационных, аналитических, информационных, тактических компонентов, применяемых при производстве следственного действия в определенной следственной ситуации.

Отметим, что в науке криминалистики не предпринимались попытки систематизации элементов тактики производства следственного действия, отсутствует единый подход к содержанию тактики отдельных следственных действий.

Предлагаем следующую классификацию элементов тактики производства следственного действия.

1. Правовые элементы:

1) фактическая реализация при производстве следственного действия уголовно-процессуальных норм, которые определяют целый ряд общих правил, условий, порядка производства следственных действий;

2) допустимость и ограниченность действий и решений следователя в конкретной следственной ситуации;

3) наличие правового (юридического) основания – постановления следователя или суда;

4) наличие фактического основания, т.е. достаточность объема проверенных доказательств, являющихся основанием производства следственного действия. Так, ряд следственных действий, таких как опознание, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, возможно при наличии предварительного допроса участников.

2. Организационные элементы:

– определение цели следственного действия и способов ее достижения.

– определение персонального состава участников следственного действия;

– подбор технико-криминалистических средств для производства конкретного следственного действия в данной следственной ситуации;

– оснащенность и подготовленность следственно-оперативной группы для производства длительного следственного действия или в отдаленных участках местности.

Состав участников планируемого следственного действия определяется исходя из требований, предусмотренных в положениях УПК РФ, регламентирующих порядок производства того или иного следственного действия.

В связи с изменениями, внесенными положениями Ф3 № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. в ст. 170 УПК РФ, участие понятых обязательно лишь при производстве обыска (ст. 182 УПК РФ), при выемке электронных носителей информации (ч. 3 ст. 183 УПК РФ), при личном обыске (ст. 184 УПК РФ), при предъявлении для опознания (ст. 193 УПК РФ). В остальных случаях понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя, либо по ходатайству участников следственного действия (ч. 1¹, ч. 2 ст. 170 УПК РФ).

3. Информационные элементы:

1) непрерывный мониторинг меняющейся следственной ситуации в ходе производства конкретного следственного действия;

2) анализ поступающей оперативной информации;

3) запрос необходимой информации.

4. Технологические элементы:

1) выбор следователем тактических приемов производства следственного действия.

Тактический прием – это научно и эмпирически обоснованный, наиболее рациональный и эффективный способ, условия и порядок производства отдельного следственного действия.

Выбор тактического приема зависит от вида проводимого следственного действия. Так, результативность очной ставки во многом зависит от профессиональных способностей следователя. Ввиду того, что на очной ставке присутствуют одновременно два участника, показания одного из которых по неизвестным причинам не соответствуют действительности, следователю необходимо умело организовать это следственное действие, учитывая психологический фактор конфликтной ситуации. Верно выбранная следователем линия поведения, последовательность задаваемых вопросов, предотвращение возможности ввести в сомнения того участника, который давал правдивые показания, позволят не только устранить противоречия, но и выявить их природу;

2) вариативность тактики, т.е. тактика следственного действия может меняться по ходу его производства следователем в связи с изменением следственной ситуации;

3) грамотное определение линии поведения следователя (дознателя) во время следственного действия;

4) выполнение следователем при производстве следственного действия тактико-криминалистических рекомендаций. Тактико-криминалистическая рекомендация – это научно-обоснованное и подтвержденное эмпирическим опытом предложение по выбору и применению тактических приемов;

5) осуществление тактических комбинаций при производстве отдельных следственных действий. При производстве следственного действия следователь вправе определить содержание тактической комбинации, т.е. выбрать совокупность тактических приемов и рекомендаций, которая предпочтительна в создавшейся следственной ситуации;

6) принятие единовременных тактических решений по ходу следственного действия. Тактическое решение – это основанное на анализе создавшейся следственной ситуации выбор следователем наиболее оптимальной последовательности действий или способа достижения цели следственного действия;

7) использование специальных знаний в двух аспектах – содействие специалиста при производстве следственного действия и производство судебных экспертиз.

Например, если во время производства выемки электронных носителей информации возникает необходимость в применении специальных знаний. Специалист поможет определить наличие следов, объектов, сведений на электронных носителях информации, имеющих значение доказательств, которые подлежат изъятию и приобщению к материалам уголовного дела. При этом, по ходатайству законного владельца информации, находящейся на электронном носителе, в присутствии понятых она может быть скопирована для законного владельца, если, по мнению специалиста, это не повредит ее сохранности.

5. Психолого-этические элементы:

1) установление психологических контактов с участниками следственного действия;

2) организация и контроль психологически-неконфликтной атмосферы во время производства следственного действия. Лицу, осуществляющему следственное действие, в за-

висимости от ситуации необходимо создать психологически неконфликтную обстановку, участники которой будут выполнять поручения, требования лица, осуществляющего предварительное расследование, осознавая законность, правомочность, необходимость и неизбежность следственного действия;

3) соблюдение правил следственной этики.

При производстве следственного действия, в частности, в жилище граждан, следователь, помня о том, что его действиями ограничено право на неприкосновенность жилища и ущемлены внутренние устои семьи гражданина, должен максимально проявить деликатность в отношении к проживающим и принять все меры к наиболее скорейшему завершению осмотра, обыска или выемки в жилище, причинив наименьший урон моральным и имущественным интересам.

6. Фиксирующие элементы:

1) составление протокола – это процессуальный документ, в котором излагается последовательность осуществления следственного действия, ход развития событий и обстановки на месте его производства, с уточнением значимых для расследования обстоятельств;

2) применение технических средств фактического закрепления хода и результатов следственного действия – видеозаписи или фотофиксации;

3) применение в ходе следственного действия технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации и изъятия материальных объектов, которые должны быть отражены в протоколе в виде описания их технических характеристик и вспомогательных материалов.

Типичными ошибками, допускаемыми при составлении протокола, являются:

а) неправильное процессуальное оформление и описание следственного действия;

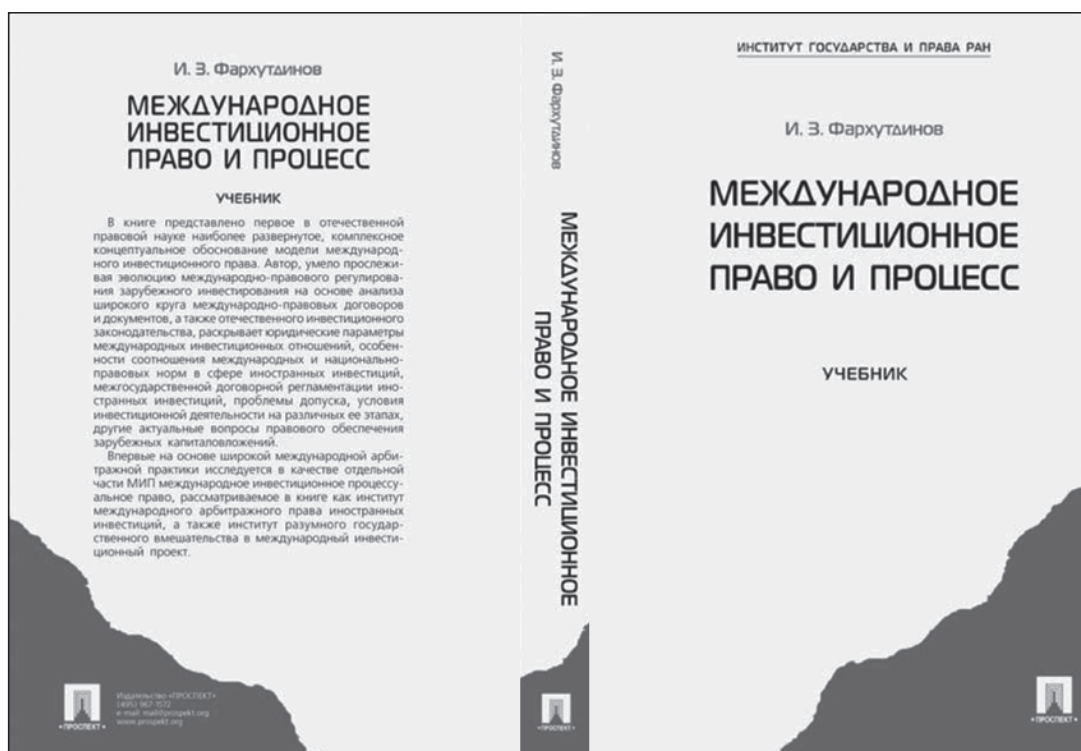
б) неполнота отражения существенных сведений в протоколе (не указана окружающая обстановка, отсутствуют замеры, не указан факт применения технических средств);

в) нарушение последовательности описываемых действий в протоколе.

Таким образом, элементы общей тактики производства следственных действий – комплекс профессиональных, правовых, психологических, организационных, аналитических, информационно-тактических компонентов, применяемых при организации и производстве следственного действия в определенной следственной ситуации.

Следственные действия, ввиду значительности подвержаемых ограничению прав и интересов, требуют достаточного обоснования, тщательной организационной подготовки, обязательного соблюдения условий, тактических приемов и тактико-криминалистических рекомендаций.

Несмотря на сложность осуществления следственного действия в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и положениями криминалистической тактики, их соблюдение является гарантией обеспечения прав участников уголовно-процессуальных отношений, реализации назначения уголовного судопроизводства, своевременного раскрытия преступления и расследования уголовного дела, изобличения виновного лица, привлечения его к уголовной ответственности и назначения справедливого наказания.

Антонов В. В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ ЗУБОВ, ИЗЪЯТЫХ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматриваются тактические особенности обнаружения, изъятия и исследования следов зубов с места преступления. Раскрываются способы сравнительного исследования и процессуальное оформление проведенного исследования.

Ключевые слова: следы зубов, осмотр места происшествия, исследование, экспериментальные образцы.

Antonov V. V. SOME FEATURES OF RESEARCH OF TRACES OF THE TEETH WITHDRAWN FROM THE CRIME SCENE

The article deals with tactical features of detection, withdrawal and research of traces of teeth from a crime scene. Ways of comparative research and procedural registration of the conducted research are revealed.

Keywords: traces of teeth, inspection of the scene, research, experimental samples.

Довольно часто в ходе осмотра мест происшествий по корыстным и насильственным преступлениям обнаруживаются и изымаются следы зубов преступника.

По корыстным преступлениям, совершаемым с магазинов, с квартир, со складов следы зубов преступника обнаруживаются на продуктах питания. Такими продуктами являются: сливочное масло, сало, маргарин, шоколад, сыр, сотовый воск, мармелад, фрукты, овощи и др.

Следы зубов по насильственным преступлениям на теле потерпевшего и преступника образуются в процессе самообороны, нападения или являются результатом садистских действий преступника. На теле потерпевшего это кровоподтеки, отображающие количество, размер и форму зубов. Чаще всего укусы имеются на открытых участках тела; реже – на участках тела, покрытых одеждой (животе, бедрах, груди и др.). Следует отметить, что чаще следы зубов находят на продуктах питания, реже – на теле живого человека или трупа, изредка – на других объектах.

По механизму образования следы зубов подразделяются на следы надкуса, прикуса и откуса. При надкусе происходит неполное смыкание зубов и на противоположных поверхностях объекта образуются следы, отображающие жевательную поверхность верхних и нижних зубов, а также некоторую часть их боковой поверхности. При откусе зубы смыкаются полностью, отделяя откушенную часть. На объекте, от которого произведен откус, остаются следы в виде желобков, повторяющие конфигурацию наружного края зубов. На откушенной части отображаются следы от внутренней поверхности зубов в виде выпуклых дугообразных полос.

После изъятия следов зубов в ходе проведенного осмотра места происшествия они направляются на трасологическое исследование. Проведение трасологического исследования следов зубов поручается эксперту, имеющему допуск на производство трасологических экспертиз. Исследование следов зубов начинается с осмотра упаковки и проверки наличия присланных объектов экспертизы. Для этого по сопроводительным документам проверяется: какие объекты должны исследоваться и сколько их, какие образцы для сравнения присланы, кому они принадлежат и т. д. Далее эксперт знакомится с обстоятельствами дела и вопросами, которые должны быть им разрешены. Для этого последовательно осматриваются и изучаются объекты, представленные на трасологическое исследование. В частности, изучается: какое количество следов зубов прислано на экспертизу, на скольких объектах и на чем они оставлены; каковы форма, цвет, размер объектов; нет ли в следах признаков, указывающих на отсутствие отдельных

Антонов В. В.

зубов и п.р. Разрешение этих вопросов входит в содержание предварительного исследования.

Следы зубов человека имеют такое же значение для расследования преступления, как и следы пальцев рук. По следам зубов можно получить оперативно значимую информацию для выдвижения частных криминалистических версий о причастности конкретного лица к расследуемому преступлению, установить личность неопознанного трупа и идентифицировать личность преступника, совершившего преступление. Исследуя следы зубов, эксперт может ответить на следующие вопросы:

- оставлены ли изъятые на месте происшествия следы зубов подозреваемым;
- какими зубами (клыками, резцами или коренными) оставлены следы;
- зубами верхней или нижней челюсти, правой или левой стороны оставлены следы;
- имеются ли в следах признаки зубных протезов (коронки, мостов и др.);
- не оставлены ли следы запломбированными зубами;
- не принадлежит ли потерпевшему или подозреваемому представленный на исследование участок кожи, отделенный зубами;
- в каком положении по отношению друг к другу находились потерпевший и преступник в момент укуса¹.

В процессе отдельного исследования эксперт выявляет и оценивает идентификационные признаки следов зубов на присланных объектах. Это исследование имеет целью:

- найти в следах идентификационные признаки человека, оставившего эти следы;
- установить, пригодна ли найденная совокупность признаков для идентификации личности;
- определить по копиям и оттискам зубов обвиняемого или подозреваемого лица, какие особенности имеются на его зубах;
- выяснить, сопоставимы ли экспериментальные оттиски и исследуемые следы².

В тех случаях, когда на исследование поступило несколько следов зубов, изъятых с места происшествия, а подозреваемый один, отдельное исследование целесообразнее начинать с экспериментальных оттисков. Если на экспертизу поступает один-два следа, а подозреваемых лиц несколько, то в этом случае исследование лучше начинать со следов, изъятых с места происшествия. Независимо от очередности исследования представленных объектов эксперт должен найти в присланных следах и оттисках зу-

1 Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник. 3-е изд. – М., 2008. С. 44.

2 Крылов И. Ф. Криминалистика: учебник / под. ред. И. Ф. Крылова. – М., 2006. С. 45.

бов признаки, которые индивидуализировали бы эти объекты. Такими признаками являются особенности на отдельных зубах (коронки, пломбы, кариозные полости, изломы и др.), а также особенности строения зубного ряда в целом (искривление, выступание отдельных зубов вперед или вверх, отсутствие зубов, неестественно большие промежутки между зубами и пр.).

При обнаружении в следах и оттисках особенностей эксперт проверяет степень их устойчивости. Для этого устанавливают, имеются ли найденные, например, в одном оттиске особенности в других оттисках и гипсовых копиях. Все следы зубов, присланные на экспертизу, должны быть подвергнуты раздельному исследованию. Это требование позволяет эксперту правильно оценить степень устойчивости интересующих его признаков и дополнить признаки, обнаруженные в одном из следов, особенностями, найденными в другом, оставленном тем же зубом. При сравнительном исследовании следов зубов применяются оптические приборы, преимущественно бинокулярные стереоскопические микроскопы типа МБС. Для измерения размеров следов зубов и размеров (в том числе и глубины) особенностей в следах может быть использован двойной микроскоп Линника (МИС-11). С его помощью можно получить также кривую рельефа дна вдавленного следа или дна линейных особенностей в следах откуса. После того, как в следах будут обнаружены признаки, которые в дальнейшем подвергнутся сравнительному исследованию, их необходимо сфотографировать. Фотографировать следы зубов довольно-таки сложно, так как бесчисленные блики и тепло ламп, которое может растопить объект со следами (масло, маргарин, воск и пр.), затрудняют высвечивание необходимых индивидуальных признаков³.

Идентификационные признаки в следах надкуса рекомендуются фотографировать при рассеянном или отраженном свете. Все следы фотографируются обязательно в одном масштабе. Особенности в следах откуса фотографируются при косопадющем освещении. Мельчайшие бороздки и валики, имеющиеся в следах, должны быть высвечены.

В некоторых случаях эксперты прибегают к изготовлению различных слепков со следов. Следы при этом обычно уничтожаются. Для того чтобы сохранить общий вид вещественного доказательства и самих следов, их перед изготовлением слепков фотографируют.

Найденные в процессе раздельного исследования идентификационные признаки в следах зубов и экспериментальных оттисках сравниваются между собой. Это дает возможность эксперту установить, какие признаки в следах и оттисках совпадают, а какие признаки различаются и почему.

Сравнение целесообразно начинать с сопоставления анатомических признаков зубов (вид зуба, размер, положение и др.) как наиболее общих, а затем сравниваются особенности зубов. Сравнение вначале ведется непосредственно по самим объектам со следами и оттисками, а затем по фотоснимкам с этих следов. В процессе сравнительного исследования эксперт, в зависимости от имеющихся у него следов, использует различные технические способы сравнения. При исследовании следов зубов применяются следующие способы сравнительного исследования: сопоставление и совмещение.

Сопоставление следов – это наиболее простой, а нередко единственно возможный способ сравнения следов зубов. Он состоит в том, что вначале визуально или с помощью увеличительных приборов сопоставляются следы, обнаруженные на месте происшествия, и экспериментальные оттиски, затем фотоизображения этих следов. Сопоставление фотоснимков следов может производиться простейшим образом (по двум положенным рядом снимкам).

Фотографирование следов зубов производится в одном масштабе, в одинаковых условиях освещения и при относительно небольшом увеличении (примерно в 2–3 раза). Полученные снимки на таблице фотоиллюстраций помещаются рядом. Слева обычно помещается след с места происшествия, справа – экспериментальные оттиски зубов подозреваемого. Затем на них чернилами красного цвета отмечают совпадаю-

щие частные признаки зубов. Способ сопоставления является в настоящее время основным при сравнении следов надкуса.

Иногда на исследование поступают не объекты со следами зубов, а слепки с них. В этом случае эксперту приходится сравнивать и сопоставлять не следы зубов, а слепки с них и с зубов подозреваемого. Этот способ также наиболее пригоден для сопоставления слепков со следами надкуса⁴.

Следующим способом сравнительного исследования является совмещение следов. Совмещение заключается в выявлении совпадений и различий признаков в сравниваемых следах, расположенных таким образом, чтобы признаки одного следа рассматривались как продолжение признаков другого следа.

Совмещение следов производится с помощью оптических приборов. Затем следы фотографируются, и совмещение производят по фотоснимкам. Для этого фотоснимки следов зубов (исследуемых и экспериментальных) разрезаются и совмещаются по имеющимся на них особенностям. При этом обращается внимание на совмещение линейных следов в виде бороздок и валиков, образующихся от рельефа режущей кромки коронки зуба и рельефа эмали передней поверхности зубов. При сравнении важно установить не только количество совмещенных полосок, но также их ширину и глубину. Этим способом целесообразно производить сравнение следов откуса.

Способом совмещения можно также производить сравнение фотоснимков, на которых изображены слепки со следов откуса. В случаях, когда эксперт получил для исследования следы откуса или надкуса, изъятые с места преступления, и гипсовые модели зубов подозреваемого, а экспериментальные оттиски его зубов отсутствуют, то при сравнении можно использовать метод наложения снимков. Заключается он в следующем – в одном масштабе, поочередно, при одинаковом освещении и положении, обеспечивающих сопоставимость снимков, фотографируется след с места преступления и гипсовая модель зубов подозреваемого. К фотоснимку следа прикладывается фотоснимок гипсовой модели, обрезанный таким образом, чтобы их особенности совпадали. Верхний снимок на нижний снимок можно наклеивать либо полностью, либо частично. При полной наклейке верхнего снимка необходимо делать небольшой просвет между следами и копией. Если же верхний снимок приклеивается частично, то просвет не обязателен, так как верхний снимок можно слегка приподнять.

После того как эксперт сравнит обнаруженные в следах совпадающие признаки и выявит различия, он оценивает, насколько индивидуальны и устойчивы обнаруженные признаки.

Если оценка совпадений и различий отдельных признаков может производиться еще в стадиях раздельного и сравнительного исследования, то оценка всей совокупности совпадающих и различающихся признаков производится по окончании исследования.

Эксперт должен обосновать, что обнаруженная им совокупность совпадающих признаков достаточна для положительного категорического вывода, а имеющиеся признаки различия несущественны, не могут влиять на вывод и объяснить их происхождение. При оценке найденного совпадения в первую очередь обращается внимание не на количество совпадающих признаков, а на их качественную значимость.

На основании результатов трасологического исследования следов зубов, изъятых с места происшествия и экспериментальных оттисков зубов подозреваемых лиц эксперт составляет заключение. К заключению эксперта прилагается таблица фотоиллюстраций, на которой наглядно, независимо от выбранного способа сравнения следов и оттисков зубов, показывают совпадающие признаки.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник. 3-е изд. – М., 2008.
2. Крылов И. Ф. Криминалистика: учебник / под. ред. И. Ф. Крылова. – М., 2006.
3. Ищенко Е. П. Криминалистика: учебник. – М., 2009.

3 Ищенко Е. П. Криминалистика: учебник. – М., 2009. С. 23.

4 Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник. 3-е изд. – М., 2008. С. 44.

Петров А. И., Корнилова М. А.
ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИСХОДНЫХ ДАННЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЙ

При расследовании причин и механизма дорожно-транспортного происшествия (ДТП) следователям достаточно часто приходится обращаться к услугам экспертов-автотехников. Эти специалисты, используя специальные познания, проводят соответствующие расчеты, реконструируют ход ДТП и отвечают на поставленные следователем вопросы. Между тем, чтобы провести экспертизу обстоятельств ДТП корректно, необходимо иметь точные объективные исходные данные. К сожалению, уголовное дело по ДТП редко содержит всю необходимую для корректной экспертизы информацию. В этой ситуации экспертам часто приходится пользоваться справочными данными, которые всегда носят вероятностный характер. В итоге объективность выводов автотехнической экспертизы по уголовному делу, связанному с ДТП, зависит от полноты исходных данных и опыта эксперта в выборе справочной информации.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия (ДТП), расследование преступлений, связанных с ДТП, авто-техническая экспертиза, неопределенность исходных данных.

Petrov A. I., Kornilova M. A.
PROBLEM OF BASIC DATA UNCERTAINTY WHEN PERFORMING ROAD ACCIDENTS
AUTOTECHNICAL EXPERTISE

When performing investigation of the reasons and the mechanism of the road accidents investigators quite often have to address to services of autotechnical experts. Experts, using special knowledge, carry out the corresponding calculations, reconstruct the course of road accident and answer the questions raised by the investigator. Meanwhile, to carry out expertise of road accident circumstances in a correct way, it is necessary to have accurate objective basic data. Unfortunately, a road accident criminal case seldom contains all information necessary for correct examination. In this situation experts often should use reference data which always have probabilistic character. As a result, objectivity of autotechnical expertise conclusions on the criminal case connected with road accident depends on completeness of basic data and of the expert experience in a choice of help information.

Keywords: the road accidents, investigation of the crimes connected with road accident, autotechnical expertise, uncertainty of basic data.

Петров А. И.

Корнилова М. А.

Несмотря на значительные усилия государства и специализированных подразделений ГИБДД МВД РФ, сегодня наша страна не относится к числу стран с относительно высоким уровнем безопасности дорожного движения¹. Ежегодно возбуждаются десятки тысяч уголовных дел, связанных с расследованием обстоятельств ДТП. Согласно ст. 162 УПК РФ предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня его возбуждения. Однако анализ статистики преступлений, связанных с автотранспортной аварийностью, показывает, что около 10–15 % уголовных дел по ст. 264 УК РФ находятся в производстве значительно дольше нормативов времени, установленных УПК РФ². Связано это со сложностью установления обстоятельств ДТП и неоднозначностью виновности участников этого происшествия³.

- 1 Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6; Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
- 2 Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
- 3 Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Академия, 2012; Евтюков С. А., Васильев Я.

В ходе расследования причин и обстоятельств ДТП должен быть решен главный вопрос – соответствовали ли действия водителя данной дорожно-транспортной ситуации, т.е. необходимо выявить, какими требованиями Правил дорожного движения водитель должен был руководствоваться и выполнил ли он их. Установить названные обстоятельства путем проведения допросов участников ДТП и очевидцев происшествия, а также следственными экспериментами возможно не всегда⁴. В таких ситуациях обычно следователи прибегают к проведению различных видов экспертиз, чаще всего – авто-

- В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008; Иларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1989; Кристи Н. М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. – М.: 1971; Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. – М.: Экзамен, 2003; Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
- 4 Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008; Иларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1989; Кристи Н. М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. – М.: 1971; Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. – М.: Экзамен, 2003; Петров А. И.

технической. Сформулировав в Постановлении на проведение автотехнической экспертизы интересующие его вопросы, следователь зачастую считает, что по итогам этой работы эксперт-автотехник выдаст однозначно объективные ответы и далее расследование преступления будет делом техники. Часто так и бывает, но иногда при проведении автотехнической экспертизы возникают ситуации недостатка исходных данных с места ДТП, неоднозначности, некорректности и противоречивости этих данных, и эксперт-автотехник не способен дать на поставленные следователем вопросы однозначные ответы, в корректности которых он четко уверен. В соответствии с ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» права и обязанности эксперта предусмотрены статьями 16, 17, 57 УПК РФ. Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения эксперт предупреждается по ст. 307 УК РФ и по ст. 310 УК РФ – за разглашение данных предварительного расследования. Это также возлагает на эксперта дополнительную ответственность и в подавляющем количестве случаев эксперты выполняют свою работу ответственно⁵.

Разберем, с какими сложностями обычно сталкиваются в процессе проведения экспертизы обстоятельств ДТП эксперты-автотехники. Первое и главное – отсутствие необходимой для проведения корректных расчетов информации с места ДТП. Следователи, выезжающие на место ДТП, не всегда профессионально подходят к сбору и фиксации данных об обстоятельствах произошедшего. Зачастую у них просто нет необходимого инструментария для сбора этих данных. Примером может быть эмпирическая невозможность для следователя на месте ДТП сделать количественный замер величины коэффициента сцепления шин автомобиля с дорожным покрытием, что в итоге приводит к ситуации необходимости интуитивного выбора экспертом этой величины из табличных данных, а это приводит к возникновению серьезной статистической погрешности. Второе – относительная неточность методик расчета различных параметров движения транспортных средств. До сегодняшнего дня в Экспертно-криминалистических центрах УМВД РФ эксперты-автотехники в основном пользуются методиками, разработанными в 1960–1970 гг.⁶ Конечно, методические подходы, разработанные Н. М. Кристи и В. А. Иларионовым, остаются основой автотехнической экспертизы, но при этом за прошедшие годы значительно изменилась конструкция автомобилей, используемые в автостроении материалы и технологии. Ведущие в стране ученые (С. А. Евтюков и его коллеги)⁷ скорректировали известные методики реконструкции механизма ДТП. Юридическую оценку действий участников ДТП с учетом специфики сегодняшнего дня в своих работах проработал Ю. Б. Суворов⁸. Научное и методическое обеспечение проведения автотехнической экспертизы в нашей стране медленно, но все же развивается, однако помогает ли это в решении тех сложных вопросов, с которыми сталкиваются практики?

Проблеме неопределенности данных при экспертизе ДТП посвящена работа Д. Ф. Тартаковского⁹, в которой автор предлагает использовать с целью получения относительно объективных выводов по экспертизе ДТП статистические характеристики неопределенности (коэффициент вариации, среднее квадратическое отклонение) параметров и коэффициентов, входящих в используемые автотехниками расчетные формулы. Вопросы, поднятые им, не только актуальны, но и существенно важны для тысяч участников ДТП, находящихся на грани, определяемой точностью расчетов экспертного заключения, между статусами потерпевшего и обвиняемого.

Классификация неопределенности различных справочных и расчетных параметров, используемых при анализе обстоятельств ДТП, может быть представлена следующим образом.

1. Неопределенность физиологических параметров жизнедеятельности водителя транспортного средства:

- неопределенность значений времени реакции водителя на возникновение опасной ситуации;
- неопределенность постоянства физического самочувствия водителя;
- неопределенность результатов измерения содержания алкоголя в крови и оценки степени опьянения водителя.

2. Неопределенность параметров перемещения в пространстве транспортного средства:

- неопределенность фактической скорости движения автомобиля до возникновения опасной ситуации;
- неопределенность значений коэффициента сцепления шин автомобиля с дорогой;
- неопределенность значений временных параметров работы тормозной системы;
- неопределенность значений установившегося замедления автомобиля в процессе торможения и остановочного пути.

3. Неопределенность параметров внешней среды:

- неопределенность постоянства состояния дорожного покрытия;
- неопределенность постоянства состояния атмосферных явлений (осадки, туман);
- неопределенность постоянства состояния видимости и обзорности для водителя, зависящего от времени суток, наличия осветительных приборов, естественного солнечного ослепления водителя и ослепления светом фар встречных автомобилей.

Для повышения объективности экспертного заключения по степени виновности участников ДТП необходимо иметь близкими к истине десятки основных параметров обстоятельств ДТП. Однако часто не делается даже попытки снизить степень неопределенности исходных данных.

Рассмотрим кратко теоретически возможные диапазоны изменения тех параметров, которые могут быть использованы при проведении экспертных расчетов.

- Время реакции водителя на возникновение опасной ситуации варьируется в диапазоне от 0,3 сек. до 2,6 сек.¹⁰
- Физическое самочувствие водителя является субъективным параметром, объективно же можно учитывать факт

Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

5 Расследование дорожно-транспортных происшествий /под ред. В. А. Федорова. – М.: Экзамен, 2003.

6 Иларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1989; Кристи Н. М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. – М.: 1971.

7 Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008.

8 Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. – М.: Экзамен, 2003.

9 Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

10 Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

прединфарктного и прединсультного состояния, эпилептического приступ в момент, предшествующий ДТП¹¹.

- Содержание алкоголя в крови водителя может варьироваться в диапазоне от 0 до 5–5,5 ‰¹².

- Фактическая скорость движения автомобиля до возникновения опасной ситуации определяется расчетным путем на основании корректных данных о длине следа юза на дороге от торможения, установившемся замедлении автомобиля (зависит от коэффициента сцепления шины с дорогой) и параметре времени нарастания замедления до максимального значения¹³.

- Значение коэффициента сцепления шин автомобиля с дорогой ϕ может варьировать от 0,05 (идеально гладкий лед) до 0,8–0,85 (новая шина и сухой качественный асфальт)¹⁴.

- Временные параметры работы тормозной системы описываются посредством времени нарастания замедления до максимального значения, но этот процесс может идти неравномерно в разных условиях, время нарастания замедления может варьироваться¹⁵.

- Установившееся замедление автомобиля в процессе торможения также может быть непостоянным по значению; фактически варьируется в разных дорожных условиях для автомобилей различного уровня технической исправности от 0,6 до 8,4 м/с²¹⁶.

- Состояние дорожного покрытия может изменяться в широких пределах, как по параметрам шероховатости покрытия, так и по наличию, относительному расположению и величине дефектов покрытия дороги¹⁷.

11 Там же.

12 Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

13 Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Академия, 2012; Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008; Иларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1989; Кристи Н. М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. – М.: 1971; Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. – М.: Экзамен, 2003; Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

14 Там же.

15 Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Академия, 2012; Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008; Иларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1989; Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006; Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

16 Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Академия, 2012; Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008; Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

17 Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Академия, 2012; Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008; Кристи Н. М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. – М.: 1971; Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006; Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

Атмосферные явления (осадки, туман) обычно описываются количественно за определенный период времени. В конкретный момент формирования ДТП оценить погодные условия в том числе атмосферные явления и степень их воздействия на формирование условий для ДТП, практически невозможно¹⁸.

Состояние видимости и обзорности для водителя зависит как от постоянных факторов, так и от внезапных, преходящих и практически не поддающихся воспроизведению посредством следственного эксперимента и последующей оценке автотехнической экспертизы¹⁹.

Множественное сочетание тех ошибок, которые возможны при проведении автотехнической экспертизы по причине неопределенности исходных данных, многократно усиливают итоговую систематическую погрешность результата. Если погрешности по разным параметрам как бы компенсируют друг друга, то итоговый результат автотехнической экспертизы может быть на приемлемом с точки зрения объективности уровне. Если же эти погрешности накладываются друг на друга и синергетически усиливают негативный результат, то итогом может быть принятие неверного, необъективного решения по отношению к конкретному участнику ДТП.

Как же все же снизить негативный эффект неопределенности исходных данных при проведении расследования обстоятельств ДТП? На этот вопрос есть следующий ответ – необходимо повысить качество сбора исходных данных с места ДТП. Если говорить более предметно, то рекомендации в данной сфере можно дифференцировать на 2 группы – предложения по отношению к следствию и предложения для автопроизводителей.

Рекомендации для следствия просты: необходимо действительно совершенствовать уровень профессиональной подготовленности следователей с тем, чтобы на месте ДТП они действительно имели возможность собрать всю необходимую исходную для будущего проведения автотехнической экспертизы информацию, понимали, что будет нужно эксперту-автотехнику для корректных расчетов. Также важно совершенствовать уровень их инструментальной обеспеченности. В частности, все следователи, выезжающие на место ДТП, должны в обязательном порядке быть обеспечены приборами по количественной оценке величины коэффициента сцепления шин с дорожным покрытием.

Лучшее, что можно было бы предложить научно-производственному сообществу – обязательность промышленной (заводской) установки на автомобили приборов-самписцев, регистрирующих и записывающих параметры работы двигателя, режимы движения автомобиля (в том числе скорость и режимы ускорения-торможения). Вряд ли это значительно увеличит себестоимость автомобиля, но в случае необходимости значительно повысит объективность следствия.

Резюмируя, отметим следующие основные выводы.

1. Около 10–15 % уголовных дел по ст. 264 УК РФ находятся в производстве значительно дольше нормативов времени, установленных УПК РФ, по причине сложности установления обстоятельств ДТП и неоднозначности виновности участников этого происшествия.

18 Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

19 Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Академия, 2012; Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

2. Автотехническая экспертиза, к услугам которой прибегают в таких случаях следователи, позволяет корректно реконструировать ход ДТП и установить его виновников только в случае наличия объективных исходных данных.

3. Фактически почти всегда при расследовании причин ДТП присутствует проблема неопределенности исходных данных для последующего проведения автотехнической экспертизы.

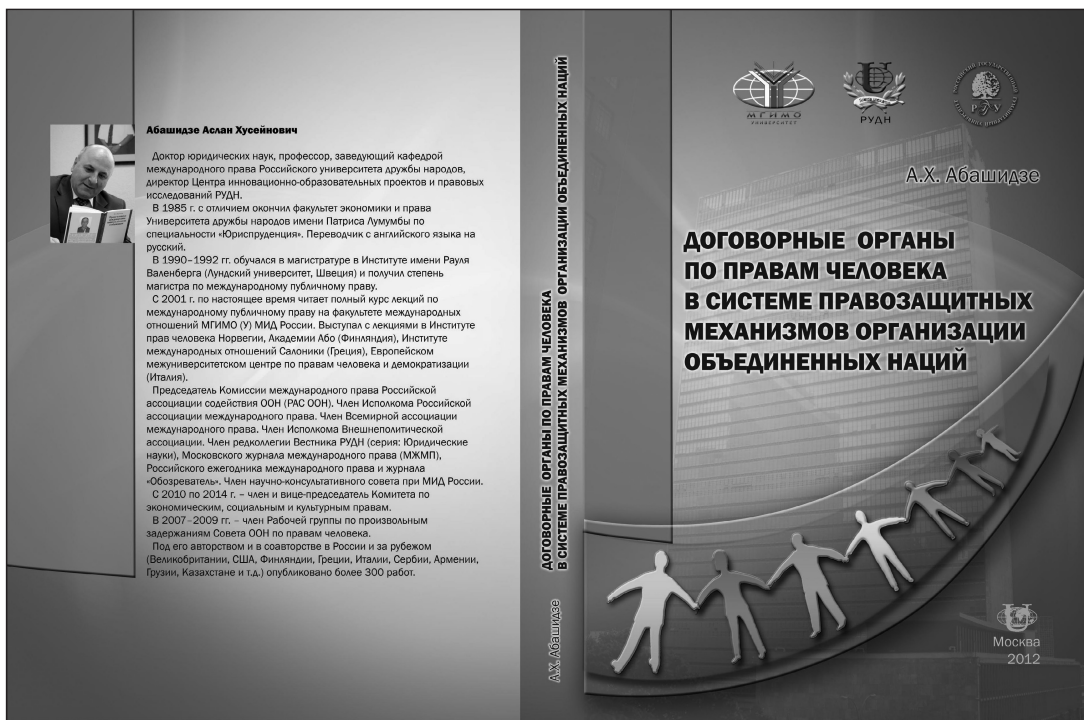
4. Существует три класса неопределенности различных справочных и расчетных параметров, используемых при анализе обстоятельств ДТП, а именно:

- неопределенность физиологических параметров жизнедеятельности водителя транспортного средства;
- неопределенность параметров перемещения в пространстве транспортного средства;
- неопределенность параметров внешней среды.

5. Суть рекомендаций по снижению негативного эффекта неопределенности исходных данных при проведении расследования обстоятельств ДТП заключается в повышении уровня профессиональной подготовки следователей и обеспечении их всем необходимым для сбора на месте происшествия исходных данных инструментарием, а также – в установке в транспортные средства промышленным путем приборов-самописцев, регистрирующих и записывающих параметры движения автомобилей.

Пристатейный библиографический список

1. Домке Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Академия, 2012.
2. Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия: Расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: Издательство ДНК, 2008.
3. Иларионов В. А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт, 1989.
4. Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6.
5. Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3.
6. Кристи Н. М. Методические рекомендации по производству автотехнической экспертизы. – М.: 1971.
7. Суворов Ю. Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. – М.: Экзамен, 2003.
8. Тартаковский Д. Ф. Проблемы неопределенности данных при экспертизе дорожно-транспортных происшествий. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
9. Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.
10. Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
11. Расследование дорожно-транспортных происшествий /под ред. В. А. Федорова. – М.: Экзамен, 2003.

Петров А. И. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ ВИДЕОФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Сегодня с целью повышения контроля за дорожным трафиком ГИБДД все шире использует средства фото- и видеофиксации нарушений Правил дорожного движения. При этом на практике возникает ряд проблем юридического характера. К их числу относятся неопределенность личности нарушителя, необходимость метрологической проверки погрешности фиксирующих нарушение приборов и неоднозначность трактовки правил использования фото- и видеоаппаратуры. В статье рассматриваются юридические аспекты проблематики видеофиксации нарушений правил дорожного движения.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения, фото и видеофиксация правонарушений, «узкие места» в сфере видеофиксации нарушений правил дорожного движения.

Petrov A. I. LEGAL ASPECTS OF THE VIDEO RECORDING OF THE TRAFFIC RULES VIOLATIONS

Today for the purpose of enhance of road traffic control traffic police increasingly uses means of a photo- and video recording of the Traffic Rules violations. Thus in practice there is a number of problems of legal character. Uncertainty of the identity of the violator, need of metrological checking of an error of the devices fixing violation and ambiguity of interpretation of photo- and video equipment use rules belong to their number. In the article legal aspects of a perspective of vid-eo recording of the traffic rules violations are considered.

Keywords: violation of the traffic rules, photo and video recording of offenses, «bottlenecks» in video recording of traffic rules violations.

Петров А. И.

По статистике ГИБДД МВД РФ, на одного среднестатистического водителя в год приходится по три случая нарушения Правил дорожного движения (ПДД)¹. Большая часть водителей в нашей стране являются законопослушными, около 75–80 % всех правонарушений приходится на незначительное число злостных рецидивистов². Во многом их вызывающее поведение формируется по причине относительной безнаказанности. Анализ показывает, что административным штрафам подвергается не более 10–20 % нарушений ПДД такими водителями³. В этой ситуации использование удаленных средств слежения за движением транспортного потока с возможностями фото- и видеофиксации нарушений может серьезно облегчить ситуацию в сфере безопасности дорожного движения⁴.

Сегодня в нашей стране органы ГИБДД активно используют с целью фиксации нарушений ПДД автоматические технические средства. Идеологический суть этого действия состоит в максимальном охвате и последующем учете фактов правонарушений в сфере дорожного движения и, как следствие, административном наказании виновных. Однако при этом возникает множество ситуаций, вызывающих недовольство не только у самих нарушителей, но и у сторонней общественности. Часто в качестве аргумента против использования средств фото- и видеофиксации для целей наказания водителей-правонарушителей приводится положение ст. 49 Конституции Российской Федерации, в которой четко сказано, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном Федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу

приговором суда»⁵. Главный вопрос, который возникает в этой связи, можно сформулировать следующим образом: «Насколько законно, правомерно и корректно использование фото- и видеоаппаратуры для фиксации правонарушений в сфере дорожной безопасности конкретным гражданином РФ и какова должна быть технология этой процедуры?»

Необходимым основанием для всех видов юридической ответственности должно быть наличие состава правонарушения. Сложность использования данного тезиса применительно к конкретному гражданину РФ в сфере нарушений ПДД возникает при оценке субъектности нарушителя. Согласно ст. 2.6.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) к ответственности за административные нарушения привлекается владелец транспортного средства, а в ст. 2.6.2 КоАП РФ указывается, что владелец автомобиля может быть освобожден от административной ответственности, если в ходе разбирательства его жалобы на наказание будет установлено, что «в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту вышло из его обладания в результате противоправных действий других лиц».

Практика показывает, что владельцы транспортных средств достаточно часто передают управление автомобилем другим лицам⁶, и ситуации, когда требование об уплате административного штрафа накладывается на собственника транспортного средства, который не причастен к совершению правонарушения, не являются редкими.

Владелец транспортного средства, по которому есть фото- и видеосвидетельства правонарушения, в этой ситуации может в течение 10 дней с момента получения взыскания подать жалобу, однако вынужден аргументировано доказывать свою невиновность, что не всегда возможно сделать корректно и обоснованно.

Кроме того, есть еще два обстоятельства, важные с позиций законности предоставления в качестве доказательств нарушений ПДД фотоизображений и видеозаписей.

1 Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.

2 Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6.

3 Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3; Колесов В. И., Петров А. И. Использование ранговых распределений при анализе безопасности дорожного движения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участ. «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.

4 Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

5 Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/doc/constitution/>

6 Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

Первое обстоятельство, согласно ст. 26.8 КоАП РФ, заключается в необходимости наличия факта технической исправности и метрологической поверки погрешности измерительных и фото- и видеофиксирующих приборов (например, комплексов «Арена», «Крис», «Радис-видео» и др.). В протоколе об административном правонарушении в обязательном порядке должны быть указаны тип, модель такого прибора и дата последней его поверки. Съемки нарушений водителями ПДД бытовыми видеокамерами или смартфонами, так же как и профессиональными комплексами, но без указания на факт их метрологической поверки, не могут быть приняты в качестве доказательной базы факта нарушения ПДД.

Второе обстоятельство, которое необходимо учитывать при оценке законности действий сотрудников ГИБДД, заключается в корректности использования средств фото- и видеофиксации правонарушений с учетом новых норм ПДД, вступивших в силу с 10 июля 2015 г. В основном тексте ПДД (разделы 1–25) не прописана однозначно как правомерность использования ГИБДД средств фото- и видеофиксации правонарушений, так и технология этой процедуры. В Приложении, в разделе 8 «Знаки дополнительной информации (таблички)», указано, что знак дополнительной информации 8.23 «Фотовидеофиксация» применяется со знаками 1.1, 1.2, 1.8, 1.22, 3.1–3.7, 3.18.1, 3.18.2, 3.19, 3.20, 3.22, 3.24, 3.27, 3.30, 5.14, 5.21, 5.27 и 5.31, а также со светофорами. Данный знак указывает, что «в зоне действия дорожного знака либо на данном участке дороги может осуществляться фиксация административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото-, киносъемки и видеозаписи, или средствами фото-, киносъемки и видеозаписи»⁷. Наверное, информирование водителя о возможных мерах контроля должно выполнять предупредительную по отношению к правонарушению функцию. В то же время эту же функцию несет сам дорожный знак, а табличка несет лишь вспомогательную нагрузку.

В этой связи возникает двусмысленность трактовки данной юридической нормы. Правомерно ли, к примеру, нарушителю скоростного режима (нарушившему требования знака 3.24 «Ограничение максимальной скорости») предъявлять претензии к ГИБДД об отсутствии таблички 8.23 «Фотовидеофиксация» в случае фиксации превышения скорости? С одной стороны, он нарушил пп. 10.1–10.2 ПДД, с другой стороны, он требует, чтобы его информировали о том, что осуществляется фиксация этого правонарушения.

К сожалению, в РФ, в частности в Тюмени, уже создан прецедент, когда водитель-нарушитель, профессиональный юрист А. Воронов не только сумел избежать административного наказания за нарушение скоростного режима, но и получить всероссийскую славу как выгодополучатель решения суда об отмене административного наказания⁸. По словам А. Воронова: «В Правилах дорожного движения прописано, что при фотовидеофиксации нарушений табличка должна быть. Народ должен быть предупрежден. Не для того, чтобы люди знали, что их сейчас будут фотографировать, а именно для предупреждения правонарушения. Не для пресечения, а предупреждения». На деле это не так. Непосредственно в ПДД не прописана четко обязательность установки знака дополнительной информации вместе со знаком 3.24 «Ограничение максимальной скорости». В Приложении к ПДД действительно есть информация о табличке 8.23, но при этом не регламентируется однозначно ее использование. Начальник отделения исполнения административного законодательства УГИБДД МВД РФ по Тюменской области О. Юдин считает, что «в соответствии с требованиями ГОСТа, установка таблички «Фотовидеофиксация» должна быть в обязательном случае на стационарных комплексах фото- и видеофиксации. На передвижных комплексах установку табличек ГОСТ не требует»⁹. Таким образом, сегодня в российском обществе существуют серьезные

разночтения относительно технологии использования средств фото- и видеофиксации правонарушений в сфере БДД. Будет совсем не удивительно, если другой судебный орган, вынося решение по анализу аналогичной ситуации, примет решение о законности использования средств регистрации нарушений без использования таблички 8.23 «Фотовидеофиксация».

В заключение необходимо отметить, что сегодня в сфере фото- и видеофиксации нарушений Правил дорожного движения есть три «узких» места: неопределенность личности водителя, управлявшего автомобилем в момент нарушения ПДД; необходимость метрологической поверки погрешности измерительных и фото- и видеофиксирующих приборов и выработка однозначного понимания необходимости, или, наоборот, необязательности информирования водителей об использовании средств фото- и видеофиксации правонарушений.

Как бы то ни было, использование устройств видеофиксации правонарушений на практике дисциплинирует водителей, которые во избежание потенциального наказания пусть вынужденно, но соблюдают ПДД, что способствует снижению автотранспортной аварийности¹⁰.

Отвечая на поставленный в статье вопрос о законности, правомерности и корректности использования фото- и видеоаппаратуры для фиксации правонарушений конкретным гражданином РФ, можно констатировать, что данная процедура однозначно законна и правомерна (согласно ПДД), но методика ее практического использования, т.е. технология, пока еще не отработана в должной мере и до сегодняшнего дня не может быть признана абсолютно корректной. Вопрос корректности проведения как самой процедуры видеофиксации правонарушений, так и обстоятельство информирования водителей транспортных средств об этом действии пока еще остается открытым. С учетом настоящего запроса общества о законности использования средств фото- и видеофиксации правонарушений без предварительного информирования водителей необходимо достаточно оперативно решить этот вопрос на законодательном уровне с внесением необходимых правок в Правила дорожного движения.

Пристатейный библиографический список

1. Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6.
2. Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3.
3. Колесов В. И., Петров А. И. Использование ранговых распределений при анализе безопасности дорожного движения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участ. «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
4. Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
5. Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.
6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/doc/constitution/>
7. Правила дорожного движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://экзамен-пдд.рф/pdd/>
8. Тюмонец попал на «Первый канал»: он доказал, что получил штраф незаконно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.auto72.ru/news/news83810.html>
9. Там же.
10. Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6. 4; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.

7 Правила дорожного движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://экзамен-пдд.рф/pdd/>

8 Тюмонец попал на «Первый канал»: он доказал, что получил штраф незаконно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.auto72.ru/news/news83810.html>

9 Там же.

10 Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6. 4; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.

Абдулмуслимова Л. Г.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА И ЗНАЧЕНИЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Данная статья посвящена виктимологической профилактике убийства и причинения вреда здоровью человека и значению виктимологических исследований для предупреждения преступления и девиктимизации социума.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, убийство, причинение вреда здоровью, виктимологическая защита, социум, виктимологическое предупреждение, девиктимизация.

Abdulmuslimova L. G.

VICTIMOLOGIC PREVENTION AND IMPORTANCE OF VICTIMOLOGIC RESEARCH FOR THE ORGANIZATION OF VICTIMOLOGIC PREVENTION OF CRIMES AGAINST HUMAN LIFE AND HEALTH

This article focuses on victimologic prevention of murder and causing harm to human health and the importance of victimologic research for the prevention of crime and devictimization society.

Keywords: victimologic prevention, murder, injury, victimologic protection, society, victimologic caution, devictimization.

Виктимологическое направление воздействия на преступность является одним из наиболее гуманных и перспективных. Оно не требует серьезных материальных затрат и, базируясь на присущем всем людям стремлении к самозащите, обладает как бы внутренним источником развития¹.

В настоящее время сложилась определенная система виктимологического воздействия на преступность, которая представляет собой взаимосвязанные между собой формы и методы предупреждения виктимности, обеспечения безопасности потенциальных потерпевших уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами и оказания помощи жертвам преступлений государственными, общественными структурами и отдельными гражданами.

Виктимологическая профилактика в широком смысле включает мероприятия, направленные, во-первых, на устранение, уменьшение и нейтрализацию обстоятельств, способствующих виктимизации, во-вторых, на снижение личностной и ролевой виктимности, в-третьих, на повышение сопротивляемости и противодействия преступным посягательствам, в-четвертых, на девиктимизацию лиц, пострадавших от преступления.

Необходимость первоначальной (виктимологическая профилактика в узком смысле) и реабилитационной профилактики (девиктимизация) заключается в том, что жертвы в последующем могут стать преступниками или повторно виктимами.

Под виктимологической профилактикой в узком смысле понимается специфическая деятельность социальных институтов, направленная на выявление и устранение (нейтрализацию, блокирование) факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и в этом качестве детерминирующих совершение преступлений; установление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств; разработка либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации.

Потребность в широком подходе к проблеме этиологии преступления оказала влияние на развитие виктимологических исследований.

Виктимологические исследования получили развитие прежде всего в США, Германии, Финляндии, Японии, Канаде и Швейцарии. С 80-х годов XIX в. некоторые проблемы виктимологии изучаются в России. Эти исследования помогают при решении практических задач, стоящих перед следственными и судебными органами.

Во многих странах организованы институты по изучению проблем виктимологии, основными задачами которых являются:

- исследование специфики связи и взаимоотношений преступника и потерпевшего с целью выделения соответствующих типологических оснований классификации;
- получение информации о психоэмоциональных и физических признаках жертвы;
- выделение криминалистически значимых специфических черт, признаков и свойств, присущих потерпевшим конкретным преступлениям;
- выявление факторов психологического и социально-психологического характера, предопределяющих или влияющих на поведение потенциальной жертвы.

Есть определенные периоды времени и места, когда и где определенные группы населения особенно часто становятся жертвами тех или иных деликтов.

За последнее время расширился и предмет виктимологии, в связи с чем существенно изменились методы и объекты виктимологических исследований. Виктимология стала приобретать все более прикладной характер. Учеными начали проводиться виктимологические исследования в целях изучения особенностей различных категорий жертв, анализа факторов и условий виктимизации населения (в том числе региональных, что подготовило почву для появления зачатков «этновиктимологии»).

В частности, в Республике Дагестан уже сложился определенный опыт проведения виктимологических исследований. В научных статьях, на конференциях, в СМИ дагестанскими учеными периодически обнародуются результаты исследований виктимизации населения, высказываются прогнозы о дальней-

1 Иншаков С. М. Зарубежная криминология. – М., 1997. – С. 184.

ших перспективах развития данного процесса, предлагаются действенные меры виктимологической защиты потерпевших.

Виктимологические проблемы в той или иной мере были затронуты в научных исследованиях преподавателей юридического факультета ДГУ – профессоров З. А. Астемирова, Р. М. Акутаева, С. М. Шапиева, Т. Е. Рамазаилова, доцентов А. А. Гаджиевой, Д. З. Зиядовой, У. Т. Сайгитова, К. А. Адигюзелова, М. М. Зейналова, Ш. Р. Раджабова и др.

По своему содержанию виктимологические исследования могут носить теоретический и практический характер. Теоретические исследования направлены, в первую очередь, на выработку основополагающих понятийных категорий виктимологии, определение перспективных задач ее дальнейшего развития, обобщение сложившейся базы научной информации. Для получения положительных результатов при их проведении исследователю достаточно проанализировать уже имеющиеся теоретические источники по виктимологии, в которых указанные концептуальные вопросы достаточно подробно рассмотрены.

Практические же исследования нацеливают на получение и обобщение эмпирической информации по конкретным виктимологическим проблемам. Это могут быть исследования социально-демографического и психофизиологического «портрета» жертв преступлений, степени их виктимности, особенностей отношений с преступником и т.д.

При всей своей значимости виктимологические исследования далеко не совершенны. Им, как и всем новшествам, присущи свои недостатки. Так, по мнению Г. В. Антонова-Романовского и А. А. Лютова, среди наиболее существенных недостатков виктимологических исследований отмечаются следующие:

1) искусственный разрыв между криминологической оценкой поведения преступника и виктимологической оценкой поведения потерпевшего. Такой разрыв ведет к гиперболизации роли поведения последнего и снижению значения поступков преступника;

2) использование при оценке поведения потерпевшего и преступника нечетких житейских (обывательских) представлений, противоречащих нормам и принципам морали и нравственности;

3) придание криминологического (виктимологического) значения таким сторонам поведения потерпевшего, которые фактически не могут способствовать совершению преступлений;

4) необоснованная оценка некоторых сторон поведения потерпевшего как обстоятельства, смягчающего вину преступника.

Перечисленные недостатки взаимосвязаны и обычно сопутствуют друг другу в том или ином исследовании. Но первый из них как бы прокладывает дорогу всем остальным. Особенно это относится к проблемам изнасилований. Именно при их изучении наиболее часто упускаются из виду нравственно-психологические дефекты преступника, и потерпевшая становится чуть ли не главным виновником совершенного в ее отношении преступления. Ошибочное толкование социальной сущности событий может также проистекать из-за отсталых житейских представлений и взглядов о взаимоотношениях полов².

2 Антонов-Романовский Г. В., Лютов А. А. Виктимность // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1980. – Вып 33. – С. 41–44.

Основная задача виктимологических исследований состоит в том, чтобы выявить эти периоды и места, информировать об этом данные группы общества, с тем чтобы они могли учесть это и не попадать в виктимогенные ситуации, из которых очень легко развиваются процессы виктимизации, и могли лучше противостоять угрозе стать жертвой преступления, и в частности убийства и причинения вреда здоровью человека.

Результаты виктимологических исследований широко используются в социологии, психологии, политологии и других науках. Их проведение представляет большую ценность даже для таких, на первый взгляд лишь косвенно связанных с проблемой существования преступности явлений, как социальная, национальная, религиозная политика, градостроительство и архитектура и т.д. Виктимологические исследования позволяют существенно расширить возможности социума по предупреждению виктимизации населения при помощи внедрения их результатов в деятельность государственных и общественных институтов.

Не менее важной задачей виктимологического исследования является определение «вклада» жертвы преступления в ту или иную юридически значимую ситуацию, что, в свою очередь, может отразиться на следственных и судебных действиях по отношению к правонарушителям, а также на процессуальном положении жертвы.

При проведении виктимологических исследований можно достичь и других косвенных задач и целей. Например, обзоры виктимизации, помимо сведений о характере виктимизации населения, влиянии факторов и условий на данный процесс, позволяют также получить ценную информацию о масштабах латентной преступности, установить причины естественной латентности преступлений. «Изучение факторов латентности преступлений, включая региональные их особенности, в том числе и виктимологическая их составляющая, все это, в конечном счете, служит основой для разработки эффективных мер по противодействию латентной преступности, устранению (нейтрализации) ее причин»³.

В силу различных объективных и субъективных причин статистика преступности далеко не полностью воспроизводит реальные масштабы виктимизации. И не случайно мировая практика путем широких виктимологических исследований фиксирует в разной мере значительные «ножницы» между данными статистики и виктимизацией, т. е. реальной ситуацией, связанной с причинением вреда.

Опираясь на данные о росте жертв среди определенных социальных групп и соответствующие коэффициенты преступности, виктимология способствует не только разработке предупредительных мер по профилактике убийства и причинения вреда здоровью человека, а также осуществлению мер общей социальной профилактики, имеющей более широкий характер. Такого рода информация является исключительно важной и потому, что показатели виктимности делают представления о состоянии и специфике преступности более «объемными и содержательными».

Хотя виктимология является сравнительно новым научным направлением, результаты ее исследований позволяют сделать определенные выводы применительно к сфере уголовного законодательства и судопроизводства.

3 Акутаев Р. М. Некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты уголовной ответственности // Российская юстиция. – 2015. – № 4. – С. 33.

Важность исследования данных о потерпевшем от убийства и причинения вреда здоровью человеку заключается в правильной квалификации преступных действий и назначении справедливого наказания виновному, а также в привлечении к ответственности тех потерпевших, которые сами совершили незаконные действия. В частности, путем учета лиц с повышенной виктимностью или агрессивных потерпевших, спровоцировавших преступление, создавших ситуацию, приводящую к причинению им, в конечном счете, вреда этим преступлением.

Учет виктимологических характеристик потерпевшего, определенных закономерностей, связанных с его личностью и поведением, в механизме совершения убийства и причинения вреда здоровью человека необходим для разработки версий при возбуждении и расследовании уголовного дела, осуществления всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела, защиты действительного потерпевшего от преступления. Причем изучение личности и поведения потерпевшего, проводимое в рамках уголовного процесса, охватывает эти моменты как до, так и во время совершения преступления, иными словами, определяется роль потерпевшего в генезисе преступления.

Недостаточно рассматривать личность и поведение потерпевшего от убийства и причинения вреда здоровью человека только в качестве смягчающего или отягчающего ответственность обвиняемого обстоятельства либо условия, способствовавшего совершению преступления. Данные о потерпевшем имеют в уголовном судопроизводстве более широкое самостоятельное значение и связаны с другими процессуальными вопросами: признанием потерпевшим, его участием в доказывании по делу, предметом показаний потерпевшего и предметом доказывания.

Изложенные соображения приводят к выводу, что установление и исследование данных о поведении потерпевшего в криминальной ситуации, его взаимоотношений с виновным до преступления, данных о его личности, фактических возможностей по отражению нападения необходимы для установления истины по делу, правильной квалификации преступления, точного установления его объективной и субъективной сторон, отягчающих и смягчающих обстоятельств.

Значение виктимологических исследований не ограничивается вышесказанным. Именно с их помощью ученые получают данные об обратной стороне существования преступности, особенностях виктимизации потерпевших при совершении корыстных, насильственных преступлений, преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, о характере и размерах причиняемого преступлением вреда потерпевшему, специфике его девиктимизации.

Пристатейный библиографический список

1. Акутаев Р. М. Некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты уголовной ответственности // Российская юстиция. – 2015. – № 4.
2. Антонов-Романовский Г. В., Лютов А. А. Виктимность и нравственность // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1980. – Вып. 33.
3. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. – М., 1997.
4. Криминология: Учеб. для бакалавров / под ред. Ю. М. Антонян. – М., 2012.
5. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учеб. для вузов. / Н. Г. Иванов. – М.: «Экзамен», 2013.

Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимова Х. А.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА УБИЙСТВА И ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА: ОБЩИЙ И СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОГЕННЫЙ УРОВЕНЬ

Статья посвящена виктимологической профилактике убийства и причинения вреда здоровью общего и специально-криминогенного уровня, необходимости изменения политики и стратегии общества в этом вопросе, придания ей статуса одного из важнейших направлений в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, общий уровень, специально-криминогенный уровень, девиктимизация потерпевших, виктимологическая обстановка.

Abdulmuslimova L. G., Ibragimova Kh. A.

VICTIMOLOGIC PREVENTION OF MURDER AND CAUSING HARM TO HUMAN HEALTH: GENERAL AND SPECIAL CRIMINOGENIC LEVEL.

The article is devoted to the victimologic prevention of murder and injury to health of general and special criminogenic level, the need to change the policy and strategy of the society in this matter, giving it the status of one of the most important directions in the fight against crime.

Keywords: victimologic prevention, general level, special criminogenic level, devictimization of victims, victimologic situation.

В настоящее время принято считать, что виктимологическая профилактика образует самостоятельное направление в единой системе предупреждения. Поэтому она должна базироваться на единых принципах предупреждения преступности, дополняя и расширяя традиционные формы и методы профилактики в тесном сочетании и во взаимосвязи с последними¹.

В условиях продолжающегося обострения политических и социально-экономических противоречий, роста реального числа и усиления тяжести совершаемых преступлений первоочередной задачей органов внутренних дел является защита граждан России от преступных посягательств, и, прежде всего, от наиболее опасных из них, связанных с посягательствами на личность, ее жизнь и здоровье.

Смещение акцентов и упор на защиту граждан всеми средствами от возможной виктимизации заставляют активизировать не только традиционные средства и способы предупреждения преступлений, но и искать новые, в частности, более продуктивно использовать возможности виктимологической профилактики. Речь при этом идет не просто об усилении виктимологического направления в профилактике преступлений, а об изменении политики и стратегии в этой области деятельности, придании виктимологической профилактике статуса одного из важнейших направлений борьбы с преступностью.

В системе профилактики виктимизации (как и в системе профилактики преступности) выделяют следующие виды: общая, специальная и индивидуальная. Общая профилактика виктимизации – это система мер по устранению процессов детерминации и причинности виктимизации, воздействующих на все население и его группы, выделяемые по общим экономическим, социальным и иным критериям, создающим вероятность виктимного поведения практически всех представителей этих социальных групп.

Виктимологическая профилактика – это совокупность в государственных и общественных мер, направленных на предупреждение преступности путем снижения у населения и отдельных граждан риска стать жертвами преступных по-

сягательств. Виктимологическая профилактика располагает определенными возможностями для предупреждения преступности путем разработки рекомендаций по защите потенциальных жертв от преступных посягательств, по снижению их виктимности. Но меры виктимологической профилактики эффективны лишь в качестве дополнения к целенаправленным мерам профилактического воздействия на лиц, от которых можно ожидать совершения преступления.

Содержание виктимологической профилактики представляет собой систему мер, направленных на выявление потенциальных потерпевших и предотвращение неосмотрительного (легкомысленного, провокационного) поведения последних, т. е. обеспечение эффективной защиты возможных жертв от преступных деяний и девиктимизации потерпевших. Эта система должна быть целостной, гибкой и динамичной. Она должна соотноситься с изменениями виктимологической обстановки в стране.

По мнению В. П. Коновалова и Л. В. Франка, специфической чертой виктимологической профилактики является направленность на снижение потенциальной виктимности граждан путем проведения специальных мероприятий общепрофилактического характера, дифференцированных по категориям и группам населения, на снижение потенциальной виктимности конкретных граждан.

Специфика виктимологической профилактики, как считает Д. В. Ривман, заключается в наличии самостоятельного объекта (реальных и потенциальных потерпевших от преступлений), в специфике методов (преимущественно методов убеждения), в широком использовании помощи населения, в организации подготовки сотрудников профилактической службы по виктимологической проблематике, информационной базы – необходим профилактический учет потерпевших от преступлений².

В литературе виктимологическая профилактика подразделяется на общую, специальную и индивидуальную.

Общая профилактика виктимизации – это система мер по устранению процессов детерминации и причинности виктимизации, воздействующих на все население и его группы,

1 Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. – М., 1982. – С. 38.

2 Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – Л., 1975. – С. 104.

выделяемые по общим экономическим, социальным и иным критериям, создающим вероятность виктимного поведения практически всех представителей этих социальных групп. Общее предупреждение виктимизации включает меры по оздоровлению экономической, социальной, политической и духовной сфер жизни общества.

Общая профилактика виктимизации – это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях снижения виктимности и соответственно криминальности населения.

При специальной профилактике виктимизации населения на основе криминологических исследований выделяются повышено виктимные социальные группы, сферы деятельности и объекты. К ним относятся несовершеннолетние, владельцы капиталов и такие объекты, как хранилища ценностей из сфер деятельности, связанных с денежным и валютным обращением, либо регионы с интенсивными миграционными потоками.

Индивидуальная виктимологическая профилактика состоит в выявлении лиц с повышенной виктимностью и проведении с ними защитно-воспитательных мероприятий, направленных на снижение риска стать жертвой преступных посягательств.

Общая виктимологическая профилактика убийства и причинения вреда здоровью человека не имеет в виду конкретное лицо, а осуществляется в отношении множества лиц, так или иначе втянутых в сферу действия негативных обстоятельств виктимологического плана. Она реализуется по трем направлениям:

1) выявление и устранение обстоятельств, имеющих негативные внешние воздействия на личность, формирующих у нее качества повышенной виктимности от убийства и причинения вреда здоровью человека, выражающихся в негативном виктимном поведении. Сюда же следует отнести и выявление (с последующим устранением) фактов отсутствия необходимых положительных воздействий, в силу чего возникают ситуации бездействия, пассивности, неумения противостоять нападению и др., проявляющиеся на массовом уровне;

2) выявление и устранение условий (обстановки, ситуаций), способствующих реализации качеств повышенной виктимности определенных категорий лиц от убийства и причинения вреда здоровью человека, проявляющейся в виктимоопасном поведении;

3) выявление и устранение условий (обстановки, ситуаций), способствующих реализации качеств повышенной виктимности определенных категорий лиц от убийства и причинения вреда здоровью человека, независимо от их поведения.

Общепрофилактические меры виктимологического содержания должны включать правовую пропаганду, разъяснительную работу среди населения, имеющую целью показать гражданам опасность убийств и причинения вреда здоровью человека, способы их совершения и уловки преступников.

В этом направлении существенную антивиктимологическую роль может сыграть:

а) разъяснение гражданам сущности необходимой обороны и ее значения в деле предупреждения и пресечения противоправных посягательств, в том числе убийства и причинения вреда здоровью человека.

Хороший общепредупредительный эффект в виктимологическом отношении имеет широкая агитационно-разъяснительная работа с использованием сведений о лицах, которые стали жертвами убийства и причинения вреда здоровью чело-

века из-за собственного неправильного поведения. СМИ смогли бы дать информацию о способах действий преступников, рекомендации об элементарных правилах предосторожности в тех или иных жизненных ситуациях. Такая информация повышала бы бдительность граждан, способствовала бы их критическому отношению к своим собственным поступкам и поведению лиц, с которыми они вступают в контакты.

Незаменимым средством при проведении такого рода разъяснительной работы является опора на материалы уголовных дел соответствующей категории. Разъяснение, основанное на реальных фактах, всегда оказывается куда более действенной мерой профилактики, чем абстрактные призывы к осмотрительности и осторожности;

б) использование средств массовой информации, предупредительных плакатов, индивидуальных бесед и т.д.;

в) непосредственное наблюдение за лицами, ведущими себя неосмотрительно в общественных местах, торговых предприятиях, на вокзалах и т.д.;

г) организация предотвращения нахождения на улицах и в общественных местах лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения.

На специально-криминогенном уровне виктимологические меры предупреждения убийств и причинения вреда здоровью человека, прежде всего, охватывают сферу быта и досуга.

Особенное значение имеют меры виктимологической профилактики семейно-бытовых убийств и причинения вреда здоровью человека. Эта работа имеет свои особенности, обусловленные: сложностью отношений в семье и быту; определенной изолированностью сферы семьи и быта, в силу чего факты неприязненных отношений и конфликтов не всегда становятся известными окружающим; субъективным (иногда явно искаженным) представлением потерпевшего о причинах возникновения (обострения) конфликта; нередко криминогенную ролью лиц из ближайшего окружения; возможностью совершения преступления не только в отношении виктимологически опасного потерпевшего, состоящего на учете, но и им самим в отношении другой конфликтующей стороны.

На специально-криминогенном уровне профилактики убийства и причинения вреда здоровью человека к мерам виктимологического характера можно также отнести деятельность полиции общественной безопасности по охране общественного порядка, так как охрана общественного порядка – один из видов административной деятельности полиции, который заключается в практическом обеспечении порядка и безопасности в общественных местах. Особенность охраны общественного порядка заключается, прежде всего, в том, что она осуществляется в людных местах; на улицах, площадях, в парках, на транспортных магистралях, вокзалах, пристанях, в аэропортах, а также при проведении массовых мероприятий³³.

Если рассмотреть некоторые из задач и функций полиции общественной безопасности, они включают:

а) предупреждение и пресечение преступных действий на улицах и в других общественных местах;

б) задержание лиц, совершивших или подозреваемых в совершении правонарушений;

в) выявление граждан, представляющих оперативный интерес для органов внутренних дел;

г) выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению;

3 Административная деятельность органов внутренних дел / Под ред. В. Я. Кикотя. – М.: Закон и право, 2003. – С. 107.

д) оказание в пределах своей компетенции помощи гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также находящимся в беспомощном либо ином состоянии, опасном для жизни и здоровья;

е) оказание консультации гражданам по вопросам личной и имущественной безопасности;

ж) проведение правового воспитания населения.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что деятельность полиции общественной безопасности направлена на оказание помощи гражданам, выявление и пресечение преступлений и правонарушений в общественных местах. Следовательно, основную часть профилактических мер по пресечению убийств и причинению вреда здоровью выполняют подразделения полиции общественной безопасности.

Важным направлением в осуществлении виктимологической превенции является снижение виктимности путем своевременного создания правоохранительными органами и общественными организациями условий для нейтрализации конфликтных ситуаций. Поскольку зарождению и осуществлению преступного замысла нередко способствуют личностные качества потерпевших, особенности их поведения и характер взаимоотношений с правонарушителями, одним из направлений профилактики должно быть сокращение виктимности определенной части населения. Чем меньше людей и в меньшей степени будет предрасположено стать жертвой преступления, тем меньше будет преступлений.

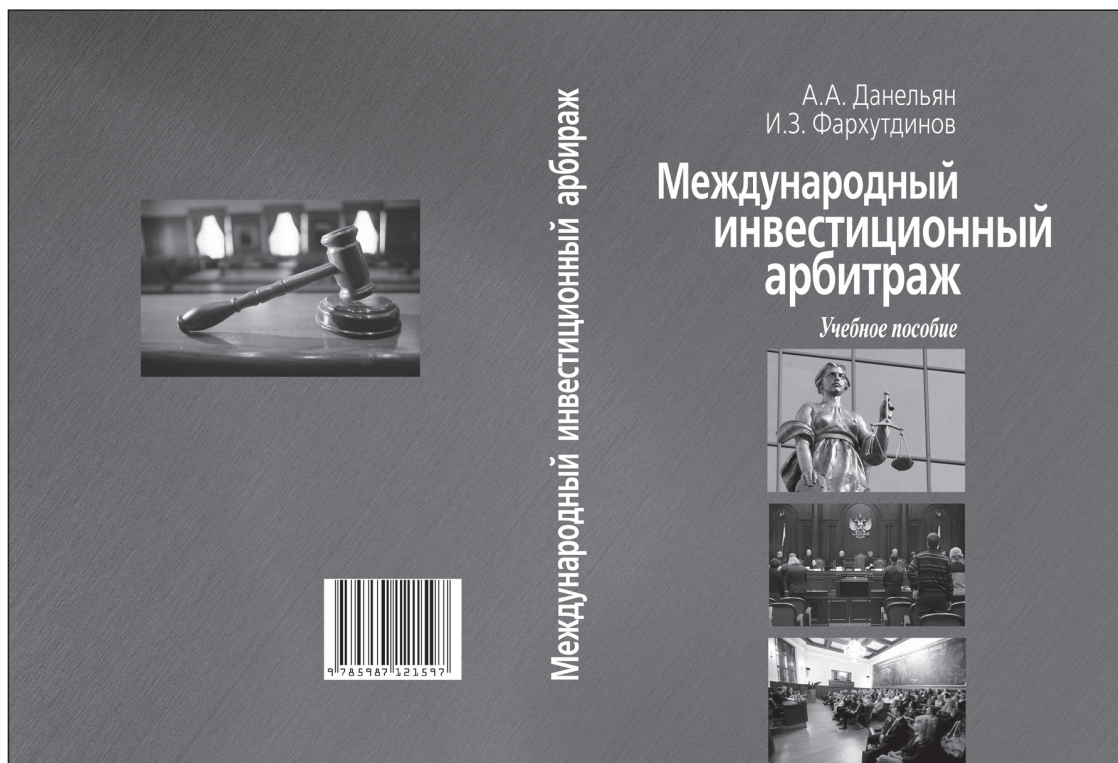
Анализ вышеизложенного свидетельствует о том, что существует достаточная правовая основа для осуществления мер виктимологической профилактики, однако нормы разбросаны по различным источникам, что затрудняет их применение.

По нашему мнению, требуется упорядочить (возможно, даже кодифицировать) законодательство в сфере профилактики в целом и виктимологической профилактики убийства и причинения вреда здоровью человека в частности.

Следует также разработать систему мер виктимологической профилактики убийства и причинения вреда здоровью человека и четко распределить обязанности по их реализации между компетентными органами и должностными лицами. Нормы по виктимологической профилактике убийства и причинения вреда здоровью человека должны носить императивный характер и быть обеспечены контролирующими надзорными функциями прокуратуры и суда.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учеб. для вузов / Н. Г. Иванов. – М.: Издательство «Эк-замен», 2013.
2. Криминология: Учеб. для бакалавров / Под ред. Ю. М. Антонян. – М., 2012.
3. Административная деятельность органов внутренних дел / Под ред. В. Я. Кикотя. – М.: Закон и право, 2003.
4. Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. – М., 1982.
5. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – Л., 1975.

Алиев Х. О., Зайдова М. У.

ОБЩИЙ НАДЗОР КАК ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

В статье поднимается вопрос о понятии и сущности прокурорского надзора за исполнением законов, об изменениях, внесенных в закон «О прокуратуре» от 22 ноября 2014 г.

Ключевые слова: прокуратура, Следственный комитет РФ, закон, Конституция РФ, прокурорский надзор.

Aliev Kh. O., Zaidova M. U.

GENERAL SUPERVISION AS ONE OF THE MOST IMPORTANT DIRECTIONS OF PUBLIC PROSECUTION'S ACTIVITY

The article raises the question about the concept and essence of prosecutor's supervision over law enforcement, about the changes made to the Law "On Prosecutor's Office" of 22 November 2014.

Keywords: Prosecutor's Office, Investigative Committee of the Russian Federation, law, Constitution of the Russian Federation, the public prosecutor's supervision.

Надзор за исполнением законов и законностью издаваемых правовых актов является одним из основных направлений прокурорской надзорной деятельности.

Отрасль прокурорского надзора за исполнением законов является наиболее объемной, охватывающей огромное количество нормативных актов, регулирующих отношения в самых различных сферах деятельности. Число обособленных сфер общего надзора достигает 60 (надзор за законодательством о выборах, беженцах, эпидемиях, охране труда, оружии, защите потребителей, рекламе и т.д.). Осуществляя общий надзор, прокуратура пытается «объять необъятное». Только на районном уровне принимаются сотни тысяч правоприменительных актов. Каждый год в России издается более миллиона нормативных актов, поэтому Федеральный закон «О прокуратуре РФ» ограничил общий надзор рассмотрением лишь тех правовых актов, о незаконности которых поступила соответствующая информация.

Согласно ст. 15 Конституции РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы¹. В силу этого предметом прокурорского надзора за исполнением законов является соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, действующих на территории РФ, федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

Исходя из этого положения Конституции РФ, Федеральный закон «О прокуратуре РФ» в ст. 21 устанавливает, что предметом надзора являются: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными)

ми) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором.

Анализируя предмет прокурорского надзора в данной сфере, хотим остановиться на изменениях, которые были внесены в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» 22 декабря 2014 г., а именно появление полномочия осуществления надзора за исполнением законов Следственным комитетом Российской Федерации. В 2011 г. Следственный комитет при прокуратуре полностью отделился, и образовалось новое самостоятельное ведомство – Следственный комитет РФ². С самого образования СКР начался процесс формирования новых законопроектов, направленных на возврат прокурорского надзора следствию. Данный вопрос был поднят и на заседании Совета Федерации ФС РФ Валентиной Матвиенко, которая выразила опасение Совета о возросшем количестве возбужденных дел, арестах, переполненных СИЗО, невозможности прокурора не только направлять ход расследования, но и вмешиваться в него. Влияние прокуратуры осталось только на стадии вынесения обвинительного заключения, но и его можно обойти. Генпрокурор РФ Юрий Чайка, отвечая на вопросы Председателя Совета Федерации, высказался о том, что баланс полномочий между ведомствами нарушен, профессионализм расследования дел упал, и надлежащий надзор будет повышать качество следствия. А гораздо ранее, на заседании Госдумы ФС РФ, он указал депутатам на их ответственность за существующие проблемы вокруг этого вопроса, подчеркнув, что «СК породила прокуратура. Это мать для СК... и мы бережно относимся к этому. Если есть какие-то шероховатости между ведомствами

1 Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

2 Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете» // Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 15.

– это прежде всего из-за того, что отсутствует баланс полномочий – это вина ваша, прежде всего, законодателей»³.

На остроту проблемы баланса полномочий отреагировал Президент РФ Владимир Владимирович Путин путём внесения президентского законопроекта № 573510-6 «О внесении изменений в ФЗ “О прокуратуре РФ”» от 21 июля 2014 г., который вскоре был подписан – 22 декабря 2014 г. № 427-ФЗ, с одновременными изменениями УПК РФ, ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁴. Данный закон наделил прокуратуру РФ общим надзором за Следственным комитетом России.

Характеризуя содержательную сторону сферы прокурорского надзора за исполнением законов, можно сказать, что в сферу этой деятельности прокурора входят практически все общественные отношения, за исключением тех, которые возникают в деятельности органов правосудия, некоторых других правоохранительных органов (МВД, ФСБ и др.), регулируемой уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным законодательством и рядом иных, сравнительно немногочисленных законодательных актов⁵.

Являясь родоначальником специальной прокурорской деятельности, общий надзор в отличие от других отраслей призван содействовать обеспечению законности в сфере государственного управления. Исходя из этого его свойства, общий надзор можно считать звеном, цементирующим российскую государственность, способом согласования интересов Российской Федерации и субъектов, ее составляющих⁶.

Конституция РФ (ст. 129), Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (статьи 1 и 21) устанавливают, что прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов, действующих на территории РФ. В настоящее время действующие на территории Российской Федерации законы представляют двухуровневую систему, элементами которой выступают федеральные законы и законы субъектов РФ. В связи с этим предметом прокурорского надзора является исполнение как федеральных законов, так и законов субъектов РФ.

Прокуратура осуществляет надзор не только за исполнением законов, но и за соответствием законам правовых актов, издаваемых вышеперечисленными органами и должностными лицами. В России, на всей ее территории, необходимо обеспечение единства законности, одинаковое ее понимание и осуществление, и специальным органом государства, уполномоченным обеспечить это единство, является прокуратура. Для этого она была создана, в этом состоит ее главная задача.

Для успешного осуществления прокурорского надзора за исполнением законов прокуроры наделены определенными правами и несут установленные законом обязанности, т.е. обладают соответствующими полномочиями, указанными в ст. 22 Закона «О прокуратуре».

Характер прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов указывает и на такой ограничитель, как отсутствие у прокурора административных полномочий. Прокурор не вправе и не должен принимать меры по прямому устранению нарушений закона. Его миссия заключается в том, чтобы, выявив нарушения закона, их причины и способствующие им условия, поставить вопрос об их устранении перед тем органом или должностным лицом, в компетенцию которых входит осуществление соответствующих мер. Содержание конкретных мер и порядок их реализации определяются данным органом или лицом. Тем самым достигается цель, с одной стороны, сохранения в подобных ситуациях независимого положения прокурора, а с другой – обеспечения профессионального подхода к решению вопросов восстановления законности.

По нашему мнению, одним из гарантов наиболее эффективного осуществления прокуратурой надзора за исполнением законов является ее независимость от других ветвей государственной власти. Свидетельство тому – ее история, традиции и опыт.

Приставленный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Мельников Н. В. Прокурорский надзор – самостоятельная форма осуществления прокурорской власти в России // Государство и право. – 2003. – № 5.
3. Павлов В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов // Журнал российского права. – 2001. – № 7.
4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете» // Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 15.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в ФЗ “О прокуратуре РФ”» // Собрание законодательства РФ. – 29.12.2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7538.
6. Медведев предложил Чайку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/195438>

3 Медведев предложил Чайку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/195438>

4 Федеральный закон «О внесении изменений в ФЗ “О прокуратуре РФ”» // Собрание законодательства РФ. – 29.12.2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7538.

5 Павлов В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов // Журнал российского права. – 2001. – № 7. – С. 19.

6 Мельников Н. В. Прокурорский надзор – самостоятельная форма осуществления прокурорской власти в России // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 37.

Габдрахманова Э. Ф.

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ДЕТЕЙ-СИРОТ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В статье раскрываются особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства, направленного на защиту жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа. Отмечается, что с 01 января 2013 г. в Российской Федерации действует новый порядок обеспечения этой категории граждан жилыми помещениями специализированного жилищного фонда, при котором значительная роль отведена органам исполнительной власти субъектов. Это своеобразная «дорожная карта», регламентирующая действия всех участников правоотношений, начиная с включения в список детей-сирот, подлежащих обеспечению жилым помещением, и заканчивая заключением договора социального найма. Пошаговое правовое регламентирование действий участников правоотношений направлено на повышение уровня правовой защищенности детей-сирот, обеспечение сохранности занимаемых ими жилых помещений.

Изменившееся законодательство сместило приоритеты прокурорского надзора с муниципального на региональный уровень. Ключевыми в сфере реализации прав сирот на жилище стали прокурорский надзор за региональным законодательством; надзор за исполнением законов исполнительными и иными органами субъектов Российской Федерации; надзор за соблюдением прав детей-сирот в сфере жилищных правоотношений.

Ключевые слова: прокурор, надзор, дети-сироты, жилые помещения, специализированный жилищный фонд.

Габдрахманова Э. Ф.

Gabdrakhmanova E. F.

FEATURES OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER PROVISION OF ORPHANS WITH HOUSING UNITS UNDER THE NEW CONDITIONS

The article discloses the features of prosecutorial supervision over the implementation of legislation aimed at protecting housing rights of orphans and children left without parental care, other persons among them. It is noted that starting from 1 January 2013 the Russian Federation has a new procedure for providing this category of citizens with premises of the specialized housing, in which a significant role is assigned to the bodies of executive power of the entities. It is a kind of "road map", which regulates the actions of the parties involved, starting from the inclusion in the list of persons subject to provision of accommodation and ending with the conclusion of the contract of social hiring. The step by step legal regulation of the activities of the participants of legal relations is aimed at increasing level of legal protection for orphans, safeguarding premises occupied by them.

In the context of the amended legislation priorities of the prosecutor's supervision shifted from municipal to the regional level. The key role in the implementation of the rights of orphans to housing is played by supervision of local laws; supervision over compliance with the law by representative (legislative) and executive bodies of entities of the Russian Federation; supervision of the observance of the rights and freedoms of persons by representative (legislative) and executive bodies of entities of the Russian Federation.

Keywords: prosecutor, supervision, orphans, housing units, specialized housing.

Конвенция о правах ребенка 1989 г. (ст. 20) предусматривает право ребенка, лишённого семейного окружения, на особую защиту и помощь государства.

Смысл и содержание деятельности современного правового государства определяют права человека¹. Среди мер социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, особую значимость приобретает гарантированное ст. 40 Конституции Российской Федерации право на жилище. Эта проблема резко обострилась в условиях перехода на рыночные механизмы хозяйствования. Приватизация и создание рынка жилья не были подкреплены изменением нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность органов опеки и попечительства в новых условиях². Это привело к тому, что к проблеме обеспечения сирот жилыми помещениями добавилась проблема их сохранности.

Приказом Генерального прокурора РФ от 2 октября 2007 г. прокурорам предписано принять меры по усилению надзора за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами государственной власти субъектов Российской Феде-

рации и органами местного самоуправления. А. В. Гришин, М. Л. Харламова обращают внимание на организацию прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов³, указывают на причины неудовлетворительного состояния законности в сфере жилья⁴.

С 1 января 2013 г. в связи с принятием ФЗ от 29 февраля 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – ФЗ от 29.02.2012) изменился порядок предоставления жилых помещений этой категории лиц.

Основная ответственность возложена на органы государственной власти субъектов РФ, к компетенции которых отнесены:

- разработка законодательства по вопросам, относящимся к ведению субъектов РФ;
- формирование списка детей-сирот и лиц из их числа, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями;

1 Капинус О. С., Жубрин Р. В. Реализация правоохранительной функции Российского государства в деятельности государственных органов // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 1(39). – С. 4.

2 Габдрахманов Ф. В. Защита жилищных прав детей-сирот // Законность. – 2008. – № 10. – С. 22–25.

3 Харламова М. Л. Прокурорский надзор за соблюдением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вопросы ювенальной юстиции. – 2012. – № 4. – С. 22–24.

4 Гришин А. В. О состоянии законности в сфере соблюдения прав несовершеннолетних // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 3 (35). – С. 29–30.

– формирование специализированного жилищного фонда (включение и исключение жилых помещений), управление и контроль за сохранностью этого фонда;

– признание невозможным проживания детей-сирот и лиц из их числа в ранее занимаемых жилых помещениях;

– заключение договора найма специализированного жилого помещения, а по его окончании – договора социального найма⁵.

Изменения в законе позволили конкретизировать действия всех участников отношений, связанных с обеспечением жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, выработать алгоритм действий органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, в течение сроков действия договора специализированного найма жилого помещения обеспечить сохранность занимаемых жилых помещений, а в конечном счете защитить гарантированные Конституцией РФ права личности.

Органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями субъекта РФ, в том числе полномочием по обеспечению детей-сирот и лиц из их числа жилыми помещениями, с передачей материальных и финансовых средств⁶. Например, в Республике Марий Эл в отличие от Хабаровского края⁷, Республики Саха (Якутия) и др. отдельные полномочия осуществляют органы местного самоуправления (формирование списка, предоставление специализированных жилых помещений, заключение договоров и т.п.). Суд отказал в удовлетворении иска Л., поскольку он предъявлен к ненадлежащему ответчику. Формирование единого реестра детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, осуществляет уполномоченный орган – Министерство образования республики⁸.

Надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов – одно из ведущих направлений деятельности современной прокуратуры РФ, которое непосредственно связано с укреплением законности в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, ряда иных структур. Его правовую основу составляют Закон о прокуратуре, приказы Генпрокурора РФ от 07 декабря 2007 г. № 195, от 02 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» и иные организационно-распорядительные акты⁹.

В условиях изменившегося законодательства основная тяжесть прокурорской деятельности легла на прокуратуры

субъектов Российской Федерации. Прежде всего, прокуроры акцентируют внимание на соответствии федеральному законодательству регионального законодательства. При выявлении нарушений законов прокуроры принимают предусмотренные ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» меры по их устранению, используют весь арсенал актов реагирования, приемов и средств.

Обращаясь с суд с заявлением, прокурор указал, что региональный законодатель снизил уровень правовых гарантий, установленный для детей-сирот, при предоставлении им жилых помещений в соответствии с федеральным законом. Суд удовлетворил заявление прокурора¹⁰.

Прокурор Тюменской области обратился в суд с заявлением о признании недействующими ряда пунктов Порядка ведения списка детей-сирот и детей, поскольку в нем фактически была установлена очередность предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда, закреплены критерии такой очередности – исходя из даты включения указанных лиц в список, введено понятие «следующий по списку гражданин», что противоречило федеральному законодательству и снижало уровень правовых гарантий, закрепленных РФ. Требования прокурора удовлетворены¹¹.

По заявлению прокурора Хабаровского края из Положения о межведомственной комиссии по решению вопросов, связанных с обеспечением благоустроенными жилыми помещениями государственного жилищного фонда Хабаровского края детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, исключены положения, не отвечающие критерию формальной определенности правовой нормы, вытекающему из принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство могло быть обеспечено лишь при условии ясности, недвусмысленности нормы, её единообразного понимания и применения всеми правоприменителями. Широта дискреционных полномочий – неопределенность сроков принятия решения, юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов представляли коррупционные факторы. Неопределенность стандарта деятельности, произвольный характер организации деятельности как органов государственной власти при решении вопросов собственной компетенции, так и создаваемых ими структур (комиссий, комитетов, иных подразделений), призванных осуществлять юридически значимые действия, не соответствовали целям и назначению деятельности органов государственной власти в целом и в сфере оказания государственных услуг населению, в частности. Содержание понятия «мера необходимости» в оспариваемом нормативном правовом акте не раскрывалось, что не позволяло должностным лицам единообразно толковать и применять указанную норму, а гражданам иметь гарантии своевременного рассмотрения их заявлений¹².

Включение в процедуру предоставления лицам из числа детей-сирот законных представителей с правом согласия или отказа от жилого помещения не соответствовало требованиям ясности, определенности и недвусмысленности правового регулирования. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ решение областного суда отменила

5 Более подробно см. письмо Минобрнауки России от 08.04.2014 N ВК-615/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению эффективного механизма обеспечения жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/search/?lr=41&text=%> (дата обращения: 20.06.2015).

6 Обзор законодательства и судебной практики Сахалинского областного суда по теме: «Обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.sah.sudrf.ru/modules.php?name=documsud&id=193&cl=1> (дата обращения: 26.09.2014).

7 Подласенко О. А. Надзор за соблюдением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на жилое помещение // Законность. – 2014. – № 7. – С. 31–36.

8 Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Саха (Якутия) по рассмотрению гражданских дел в апелляционном порядке за второе полугодие 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=520 (дата обращения: 30.06.2015).

9 Настольная книга прокурора (под общ. ред. С. Г. Кехлерова и О. С. Капину). – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Издательство Юрайт, 2012.

10 Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации № 74-АПГ14-16 от 26 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=750326 (дата обращения: 4.07.2015).

11 Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 89-АПГ14-8 от 3 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=606888 (дата обращения: 4.07.2015).

12 Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2014 г. по делу № 58-АПГ14-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=586768 (дата обращения: 8.07.2015).

и приняла новое решение об удовлетворении заявления прокурора¹³.

Суд, рассмотрев иски требования прокурора, признал незаконным бездействие Министерства строительства, жилищно-коммунального комплекса и транспорта области и обязал его предоставить Л. жилое помещение по договору найма специализированного жилого помещения. В апелляционной жалобе Министерство просило отменить решение суда, указав, что Л. не обеспечена жильем по причине отсутствия специализированного государственного жилого фонда в городе, торги на приобретение жилых помещений в собственность области признавались несостоявшимися. Судебная коллегия не нашла оснований к отмене решения суда и указала, что отсутствие надлежащего финансирования на цели обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, так же как и наличие очередности среди таких лиц, не может служить основанием для отказа в обеспечении указанной категории граждан жильем по договору найма специализированного жилого помещения¹⁴.

По иску прокурора суд возложил обязанность по предоставлению Ф.Д. и членам его семьи жилого помещения на администрацию города. Судебная коллегия указала, что, жилое помещение ему должно быть предоставлено на условиях договора найма специализированного жилого помещения, поскольку ранее возникшее право не было реализовано им до вступления в действие ФЗ от 29 февраля 2012 г. Федеральное законодательство не обязывает учитывать при предоставлении жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, членов семьи гражданина. Предоставление такого жилого помещения с учетом несовершеннолетних детей и супруга гражданина может быть предусмотрено в законодательстве субъекта Российской Федерации¹⁵.

Вывод. Таким образом, в РФ правовое регулирование обеспечения детей-сирот и приравненных к ним категорий граждан осуществляется федеральным законодательством, законодательством субъектов Российской Федерации, а при передаче отдельных государственных полномочий либо дополнительных гарантий органам местного самоуправления – муниципальными нормативными правовыми актами.

Изменившееся законодательство сместило приоритеты прокурорского надзора с муниципального на региональный уровень. Ключевыми стали прокурорский надзор за региональным законодательством; надзор за исполнением законов исполнительными и иными органами субъектов Российской Федерации; надзор за соблюдением прав детей-сирот в сфере жилищных правоотношений.

Пристатейный библиографический список

- Капинус О. С., Жубрин Р. В. Реализация правоохранительной функции Российского государства в деятельности государственных органов // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 1(39).
- Габдрахманов Ф. В. Защита жилищных прав детей-сирот // Законность. – 2008. – № 10.
- Харламова М. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вопросы ювенальной юстиции. – 2012. – № 4.
- Гришин А. В. О состоянии законности в сфере соблюдения прав несовершеннолетних // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 3 (35).
- Письмо Минобрнауки России от 08.04.2014 № ВК-615/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению эффективного механизма обеспечения жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/search/?lr=41&text=%2006.2015> (дата обращения: 20.06.2015).
- Настольная книга прокурора (под общ. ред. С. Г. Кехлерова и О. С. Капинус). – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Издательство Юрайт. – 2012.
- Обзор законодательства и судебной практики Сахалинского областного суда по теме: «Обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.sah.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=193&cl=1> (дата обращения: 26.09.2014).
- Подласенко О. А. Надзор за соблюдением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на жилое помещение // Законность. – 2014. – № 7.
- Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Саха (Якутия) по рассмотрению гражданских дел в апелляционном порядке за второе полугодие 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=520> (дата обращения: 30.06.2015).
- Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации № 74-АПГ14-16 от 26 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=750326 (дата обращения: 4.07.2015).
- Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 89-АПГ14-8 от 3 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=606888 (дата обращения: 4.07.2015).
- Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2014 г. по делу № 58-АПГ14-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=586768 (дата обращения: 8.07.2015).
- Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2014 г. по делу №88-АПГ13-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=583028 (дата обращения: 4.07.2015).
- Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 05 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=46562 (дата обращения: 11.08.2014).
- Обзор судебной практики по гражданским делам Псковского областного суда за 1 полугодие 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=document> (дата обращения: 26.02.2014).

13 Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2014 г. по делу №88-АПГ13-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=583028 (дата обращения: 4.07.2015).

14 Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 05 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=46562 (дата обращения: 11.08.2014).

15 Обзор судебной практики по гражданским делам Псковского областного суда за 1 полугодие 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=document> (дата обращения: 26.02.2014).

Шаврина Е. В.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье освещены вопросы организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав работников предприятий-банкротов, совершенствования законодательства в указанной сфере, затронуты проблемы применения прокурорами в практической деятельности действующего законодательства о несостоятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, законодательство о банкротстве, трудовые права работников предприятий-банкротов, деятельность арбитражного управляющего.

Shavrina E. V.

SPECIFICITY OF ORGANIZING PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE SPHERE OF EMPLOYEES` LABOUR RIGHTS RESTORATION IN INSOLVENT COMPANIES

The article describes the questions of organizing prosecutorial supervision over observance of employees` labour rights in insolvent companies, covers issues of current legislation development and its application by prosecutors in this sphere.

Keywords: prosecutorial supervision, legislation on insolvency, employees` labour rights in insolvent organizations, activity of arbitration managers.

Шаврина Е. В.

Следуя цели осуществления прокурорского надзора, которая в п. 3 ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определяется как обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, органы прокуратуры Российской Федерации особое внимание уделяют вопросам оперативного восстановления трудовых прав граждан, своевременного пресечения нарушений в указанной сфере, поскольку данная область общественных отношений связана не только с возможностью личной, профессиональной самореализации граждан, но и с удовлетворением их первичных жизненных потребностей¹.

Анализ состояния правопорядка, практики контрольно-надзорных, правоохранительных органов свидетельствует о востребованности правозащитной деятельности органов прокуратуры в области обеспечения трудовых прав граждан.

Так, по данным Росстата, в 2014–2015 гг. динамика суммарной просроченной задолженности по заработной плате на предприятиях, в учреждениях, подпадающих под официальное статистическое наблюдение, характеризуется неуклонным ростом. Если на 1 января 2015 г. долг 370 работодателей по оплате труда составлял 2 млрд руб. перед 49 тыс. работников, то к 1 августа 2015 г. он уже возрос до 3 млрд руб. перед 80 тыс. работниками 575 организаций².

К сожалению, с учетом неудовлетворительных показателей экономического положения Российской Федерации, в настоящее время отсутствуют серьезные предпосылки к существенным положительным изменениям в ближайшей перспективе.

Практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что причинами повсеместного нарушения права граждан на своевременную оплату труда являются как неуважительное

отношение работодателей к закону, к правам работников, их неправомерная деятельность по реализации своих коммерческих интересов в ущерб законным интересам трудовых коллективов (чему способствует и не вполне эффективная деятельность государственных органов, призванных охранять указанные интересы (Роструда, Федеральной службы судебных приставов)), так и объективно неустойчивое экономическое положение хозяйствующих субъектов.

Уменьшение удельного веса организаций, просрочивших выплату заработной платы и находящихся в процедуре конкурсного производства, в общем количестве предприятий-должников (40 % на 1 августа 2015 г. против 52,6 % на 1 января 2015 г.) свидетельствует о неблагоприятной экономической тенденции. Это значит, что все большее количество действующих предприятий испытывает недостаток финансовых средств для выполнения обязательств перед работниками, а значит, увеличивается риск их попадания в число несостоятельных³.

Вопросы организации прокурорского надзора за соблюдением прав граждан на оплату труда имеют фундаментальную научно-практическую основу, раскрыты в многочисленных публикациях⁴, регламентированы в организационно-распорядительных и информационных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Однако в условиях нестабильного положения реального сектора экономики страны, с учетом увеличения числа хозяйствующих субъектов, отвечающих признакам несостоятельности (банкротства), все более возрастает потребность глубокой проработки вопросов организации прокурорского надзора и методики проведения проверок соблюдения трудовых прав работников организаций, находящихся на различных стадиях банкротства.

Так, на территории Красноярского края с 2008 г. количество предприятий-банкротов, имеющих долги по оплате труда, составляло в общем числе организаций-должников по заработной плате от 50 до 90 %.

1 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Просроченная задолженность по заработной плате [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237983568234 (дата обращения: 01.09.2015).

3 Там же.

4 См. напр.: Викторов И., Макашева А. Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства об оплате труда. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Процесс реализации задач прокурорского надзора по предупреждению, выявлению, устранению нарушений прав граждан на вознаграждение за труд на таких предприятиях имеет свои особенности, обусловленные действующим Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵, иными нормами, применяемыми к указанным правоотношениям.

Специфика надзорной деятельности в этой сфере выражается в источниках данных о состоянии законности и способах их получения, в предмете и методике проведения проверок исполнения законодательства, а также в особенностях применения мер прокурорского реагирования.

Необходимость организации надлежащего прокурорского надзора за соблюдением прав работников несостоятельных организаций требует обеспечения результативного взаимодействия органов прокуратуры с налоговыми органами, учреждениями внебюджетных фондов, территориальными органами Федеральной службы судебных приставов, Росреестра, органами занятости населения, а также местного самоуправления и внутренних дел правоохраны в целях получения своевременных сведений о предприятиях, отвечающих признакам несостоятельности, а также признанных банкротами, оперативного выявления нарушений в действиях руководителей должников и арбитражных управляющих, привлечения к ответственности, включая взыскание причиненного ущерба, применение мер субсидиарной ответственности.

Эффективность надзорной деятельности в указанной сфере, как и по другим направлениям, зависит, помимо прочего, и от своевременности ее организации.

Поэтому предприятия, не способные обеспечить выплату причитающегося работникам вознаграждения, должны попадать в поле зрения прокурора еще до признания их банкротами.

Так, наличие крупной кредиторской задолженности, в том числе перед бюджетом и внебюджетными фондами, характеризует неудовлетворительное положение организаций и должно являться сигналом для органов прокуратуры о возможном наличии задолженности по заработной плате либо существовании предпосылок для ее образования.

В этой связи комплексное изучение данных территориальных органов Пенсионного Фонда, Фонда социального страхования, Фонда обязательного медицинского страхования, Федеральной налоговой службы о должниках по уплате обязательных платежей в современных условиях является необходимым.

Периодичность, а также размер минимальной задолженности, при наличии которой организация попадает в списки для проверки органами прокуратуры, должны определяться во взаимодействии с указанными органами и зависят от количества должников, размера поднадзорной территории, иных особенностей состояния законности.

При осуществлении мониторинга состояния законности имеет значение эффективное сотрудничество с органами службы занятости населения, которые в соответствии со ст. 25 Закона Российской Федерации «О занятости населения» аккумулируют сведения работодателей о принятии решений о ликвидации организации, прекращении деятельности индивидуальным предпринимателем, сокращении численности или штата работников, введении режима неполного рабочего времени, приостановке производства, а также о применении процедур несостоятельности⁶.

5 О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 О занятости населения в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 19 апр. 1991 г. № 1032-1. Доступ из справ.-

Систематический анализ указанных сведений позволит своевременно осуществлять мониторинг общего экономического положения хозяйствующих субъектов, на ранней стадии выявлять финансово-неблагополучные предприятия, своевременно организовывать проверки соблюдения трудовых прав граждан, предупреждать нарушения либо оперативно реагировать на свершившиеся факты, мерами прокурорского реагирования препятствовать образованию задолженности и способствовать ее погашению до введения процедуры конкурсного производства предприятия.

В целях получения сведений о наличии скрытой или не попадающей под государственное статистическое наблюдение задолженности по заработной плате, иной крупной кредиторской задолженности следует организовать и постоянное взаимодействие с органами Федеральной службы судебных приставов.

Списочные данные о предприятиях, уже вступивших в одну из стадий банкротства, для дальнейшей проверки наличия задолженности по заработной плате могут быть получены в результате взаимодействия с налоговыми органами, участвующими в делах о банкротстве в качестве органов, уполномоченных от Российской Федерации, при наличии задолженности предприятий по уплате платежей в бюджет, а также территориальных органов Росреестра, осуществляющих контроль (надзор) за соблюдением саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих федеральных законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность саморегулируемых организаций.

Однако взаимодействие с указанными и иными государственными органами власти в рамках организации надзора за соблюдением трудовых прав работников предприятий-банкротов не ограничивается получением сведений о несостоятельных организациях и размере долгов.

Получение данных о выявляемых указанными органами в рамках предоставленной компетенции нарушениях в действиях руководителей должников, а также осуществление надзора в отношении самих органов и их должностных лиц также является необходимым элементом системы надзора на данном направлении.

Так, являясь в силу Постановления Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» уполномоченным органом по представлению в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требований об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам, Федеральная налоговая служба обладает правами конкурсных кредиторов, а значит, принимает участие в голосовании при принятии решений в рамках процедуры несостоятельности, имеет полномочия по обжалованию неправомерных, недобросовестных действий арбитражного управляющего⁷.

Кроме того, в силу полномочий, возложенных Положением о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 457⁸, на Росреестр, должностные лица указанного государственного органа осуществ-

правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве: Постановление Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Положение о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: Постановление Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 457. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

влияют функции контроля (надзора) за соблюдением саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих федеральных законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность саморегулируемых организаций, а в силу ч. 10 ст. 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, они имеют право возбуждения в отношении руководителей предприятий и арбитражных управляющих дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 14.12 – фиктивное или преднамеренное банкротство, 14.13 КоАП РФ – неправомерные действия при банкротстве⁹.

Одновременно следует отметить, что предоставленные действующим законодательством Росреестру полномочия в отношении арбитражных управляющих и их саморегулируемых организаций не достаточны в условиях складывающегося состояния правопорядка.

Так, согласно п. 3.6.2. Административного регламента исполнения Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственной функции по осуществлению контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций оценщиков, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 29 апреля 2011 г. № 549, основанием для проведения внеплановой проверки деятельности саморегулируемой организации арбитражных управляющих является представленная в Росреестр (территориальный орган) мотивированная жалоба на действия или бездействие саморегулируемой организации арбитражных управляющих, нарушающие требования Закона о несостоятельности, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также имеющиеся в документах саморегулируемой организации арбитражных управляющих, представленных в Росреестр, несоответствия таким требованиям¹⁰.

Такое основание, как «поступление мотивированной жалобы», является слишком неопределенным и ограничивает право граждан на разрешение их обращений уполномоченным органом.

В то же время должностные лица указанных органов могут привлекаться органами прокуратуры в качестве специалистов в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹¹.

К основным вопросам, требующим прокурорского вмешательства в целях защиты прав работников несостоятельных организаций, относятся: соблюдение гарантий при увольнении персонала таких предприятий, надлежащее оформление и передача в архив кадровой документации, выплата заработной платы работникам и погашение задолженности по оплате труда, что в свою очередь в значительной степени зависит от добросовестности действий арбитражных управляющих при формировании конкурсной массы, взыскании дебиторской задолженности, осуществлении внеочередных расходов, продаже имущества должника, удовлетворении требований кредиторов.

В целях получения исчерпывающей информации о ходе процедур банкротства, в том числе реализации арбитражных

управляющими своих прав и обязанностей, необходим постоянный мониторинг баз данных арбитражного суда, Единого федерального реестра сведений о банкротстве, тщательное изучение судебных актов по делу о банкротстве, протоколов собраний кредиторов, отчетов арбитражных управляющих, сведений о движении денежных средств должника, сообщений о проведении торгов.

Особого внимания в рамках прокурорского надзора требуют вопросы соблюдения арбитражными управляющими предусмотренного п. 4 ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹² принципа разумности и добросовестности при формировании конкурсной массы предприятий-банкротов, в том числе истребовании имущества из чужого незаконного владения, взыскании дебиторской задолженности, осуществлении текущих платежей, удовлетворении требований кредиторов.

Факты ненадлежащего исполнения арбитражными управляющими возложенных на них обязанностей являются основанием для обращения прокуроров с заявлением в арбитражный суд для привлечения виновных лиц к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ и внесения в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих представления для применения к нарушителям мер дисциплинарного воздействия.

Так, прокурором Центрального района г. Красноярск при проверке законности деятельности арбитражного управляющего ОАО «Красавтодорстрой», имеющего задолженность перед работниками в размере более 25 млн руб., К. установлено, что конкурсный управляющий, достоверно зная о наличии на расчетном счете организации-дебитора денежных средств, достаточных для погашения взысканной судом в пользу должника дебиторской задолженности в полном объеме, меры по предъявлению исполнительного листа к принудительному исполнению не принял, а, злоупотребляя предоставленными правами, выставил указанную задолженность на торги, в результате чего она была продана за несоразмерную долгу сумму.

По результатам рассмотрения представления, внесенного президенту саморегулируемой организации арбитражных управляющих, дисциплинарной комиссией принято решение о приостановлении представления кандидатуры К. в арбитражные суды для утверждения в делах о банкротстве сроком на 6 месяцев.

Выявленные в дальнейшем нарушения в действиях указанного арбитражного управляющего, связанные с неопубликованием сведений о результатах торгов, искажением сведений в отчете о своей деятельности и расходовании средств должника, послужили основанием для исключения его из реестра саморегулируемой организации по представлению прокуратуры.

По заявлению прокурора ЗАТО г. Железногорск Арбитражным судом Красноярского края 28 января 2014 г. к административной ответственности привлечен конкурсный управляющий ЗАО «Саянское управление основных сооружений» Л. Судом признаны обоснованными доводы прокурора о нецелесообразности выплаты вознаграждения специалисту, привлеченному для проведения инвентаризации, после ее завершения, а также возложения на него обязанностей в правовой сфере, подлежащих выполнению состоящим в штате организации юристом.

Енисейской межрайонной прокуратурой в деятельности арбитражного управляющего ОАО «Северное» Р. установлены факты непринятия мер к взысканию дебиторской задол-

9 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10 Административный регламент исполнения Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственной функции по осуществлению контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций оценщиков: Приказ Минэкономразвития России от 29 апр. 2011 г. № 549. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

женности, своевременному формированию конкурсной массы, отсутствия контроля за поступлением платежей от аренды транспортного средства. Указанное послужило основанием для применения в отношении конкурсного управляющего мер административного воздействия. По результатам рассмотрения представления прокурора он был исключен из членов саморегулируемой организации.

Прокурором Свердловского района г. Красноярск в арбитражный суд направлено заявление о привлечении конкурсного управляющего ООО «Развитие плюс» Г. к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ в связи с тем, что длительное время платежи от сдачи в аренду нежилого помещения, принадлежащего должнику, направлялись не на расчетный счет должника, а в ООО «Развитие» – бывшему собственнику имущества. В результате указанного в конкурсную массу должника не поступило более 3 млн руб.

Следует отметить, что в практике прокурорского надзора неоднократно выявлялись случаи отражения арбитражными управляющими в отчетах о своей деятельности, формы которых предусмотрены Приказом Минюста РФ от 14 августа 2003 г. № 195 «Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего», недостоверных данных, в том числе о расходовании средств должника, что направлено на сокрытие сведений о неправомерных действиях по отчуждению имущества от кредиторов и органов контроля и надзора¹³.

Одним из способов выявления фактов искажения отчетных сведений является их сверка с данными о движении денежных средств по расчетному счету должника.

Однако действующее законодательство содержит положения, ограничивающие возможность средствами прокурорского надзора оперативно выявлять и пресекать подобные нарушения.

Так, согласно п. 2.1 ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора вправе получать в установленных законодательством Российской Федерации случаях доступ к необходимой им для осуществления прокурорского надзора информации, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами, в том числе осуществлять обработку персональных данных¹⁴.

В то же время ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» органы прокуратуры не перечислены в числе лиц, которым предоставляются сведения, составляющие банковскую тайну, что не вполне отвечает принципам деятельности, а также задачам прокурорского надзора¹⁵.

Полагаем, что данное положение требует корректировки, как например, была изменена норма ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая дополнена положением о том, что сведения, составляющие врачебную тайну, могут предоставляться без согласия гражданина или его законного представителя по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора¹⁶.

Подводя итог, следует отметить, что складывающееся в настоящее время положение в сфере соблюдения трудовых прав граждан, в том числе на оплату труда, требует постоянного совершенствования надзорной деятельности органов прокуратуры, а также действующего законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Административный регламент исполнения Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственной функции по осуществлению контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций оценщиков: Приказ Минэкономразвития России от 29 апр. 2011 г. № 549. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Викторов И., Макашева А. Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства об оплате труда. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 205-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О занятости населения в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 19 апр. 1991 г. № 1032-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве: Постановление Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего: Приказ Минюста РФ от 14 авг. 2003 г. № 195. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Положение о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: Постановление Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 457. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Просроченная задолженность по заработной плате [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237983568234 (дата обращения: 01.09.2015).

сональных данных: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 205-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего: Приказ Минюста РФ от 14 авг. 2003 г. № 195. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15 О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки пер-

Шавкарова Е. Е.

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ КАК МЕТОДОВ ПОБУЖДЕНИЯ ЛИЦ К УЧАСТИЮ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЕЙ

В статье раскрывается проблематика применения в деятельности следователя при расследовании преступлений методов убеждения и принуждения к лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве в качестве свидетелей. Особое внимание уделяется пределам применения принуждения, а также делается вывод о первичности убеждения перед принуждением.

Ключевые слова: свидетель, убеждение, принуждение, побуждение.

Shavkarova E. E.

ISSUES OF THE USE OF PERSUASION AND COERCION AS INCENTIVE METHODS FOR PERSONS TO PARTICIPATE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AS WITNESSES

The article deals with the problems of application in the activities of the investigator in the investigation of crimes of persuasion and coercion to persons involved in criminal proceedings as witnesses. Particular attention is paid to the limits of application of coercion, as well as the conclusion on the primacy of persuasion over coercion.

Key words: witness, persuasion, coercion, inducement.

Шавкарова Е. Е.

В настоящее время приходится констатировать, что нравственные ценности для многих российских граждан не являются их имманентными свойствами, стойкими стимуляторами соблюдения ими правовых предписаний. Без обращения к принудительным средствам реализации содержащихся в уголовно-процессуальных нормах предписаний чаще всего не получается обойтись. Не последняя роль в структуре средств и методов побуждения лица к участию в расследовании преступлений принадлежит убеждению и принуждению.

По разъяснениям толкователей русской словесности, «принудить» означает не что иное, как приневолить, заставить что-нибудь сделать¹. Из данного разъяснения несложно увидеть, что принудить может лишь тот, кто имеет к этому определенные возможности, уполномочен на это; что суть принуждения заключается в оказании определенного (как правило, физического или психического) воздействия на личность; что при этом преследуется цель подчинить волю и сознание личности интересам тех, кто уполномочен на применение принуждения. Проецируя приведенные свойства (признаки), которые характерны для принуждения как средства воздействия на поведение личности, на сферу уголовно-процессуальных отношений считаем возможным констатировать, что принуждение в данном случае выступает в виде государственного воздействия на участников уголовного процесса, проявляющегося в их правовых ограничениях организационного, личностного или имущественного характера, с целью обеспечения с их стороны надлежащей реализации содержащихся в уголовно-процессуальных нормах предписаний². В структуре средств и методов побуждения лица к участию в расследовании преступлений принуждение выступает в форме требований, предъявляемых к участнику уголовного судопроизводства. Комплекс всевозможных принудительных средств воздействия достаточно обширен и объем. Отдельные из них своим адресатом имеют такого участника уголовного процесса, как свидетеля, к примеру, нормы об обязательстве явки по вызовам и приводе (статьи 112, 113 УПК РФ).

Уголовно-процессуальное принуждение следует считать следствием противоречия (конфликта) между волей органа судопроизводства и волей участника уголовного судопроизводства, в данном случае, свидетеля. Осуществляя принуждение, следователь должен ставить своей задачей так повлиять на ум,

сознание, волю, чувства и настрой свидетеля, чтобы он осознал как справедливость примененных к нему принудительных мер, так и необходимость ожидаемого от него уголовно-процессуального поведения. Однако следует помнить, что существуют пределы применения принуждения, которые определены не только Конституцией РФ и Уголовно-процессуальным законом РФ, но и международными правовыми актами, которые должны уважать каждое государство, объявившее себя правовым³.

В юридико-правовой литературе сущность принуждения выявляется при помощи сопоставления его с парной категорией, имеющей противоположное значение. Речь идет о методе убеждения. Убеждение следует рассматривать, с одной стороны, как процесс воздействия на личность с целью побудить к желаемому поведению, склонить к определенному мнению, с другой – как результат такого воздействия, т.е. складывающиеся у лица мнения, воззрения, выражающие его отношение к чему-либо и соответствующие воле убеждающего. Убеждение, понимаемое как чувство уверенности в чем-либо (убежденность) и побуждающее к определенному поведению, может быть результатом не только специального воздействия, но и жизненного опыта лица, результатом осмысления действительности.

Основываясь на литературных источниках и наблюдениях, заметим, что убеждение в структуре средств и методов побуждения лица к участию в расследовании преступлений в качестве свидетеля является наиболее эффективным методом, который следователи чаще всего применяют в своей практике.

По мнению М. И. Еникеева и О. Л. Кочеткова, «проблема эффективного убеждения очень актуальна для лиц, которые занимаются расследованием преступлений, так как одной из наиболее сложных сторон их коммуникативной деятельности выступает убеждение людей в целесообразности правдивого поведения, содействия правосудию»⁴. Отсюда закономерно вытекает вывод о том, что убеждение можно считать одним из важнейших компонентов следственной деятельности.

И. А. Стернин считает, что под убеждением в следственной практике следует понимать типовую ситуацию общения, которая характеризуется использованием стандартных языковых средств⁵ и, как мы полагаем, стандартных стратегий и тактик.

1 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, 2008. – С. 201.

2 Каюмова Э. Р. Убеждение и принуждение в механизме реализации уголовно-процессуальных норм // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – № 3. – С. 32.

3 Ткачёва Н. В. Пределы применения принуждения в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. № 4, 2012. – С. 43.

4 Еникеев М. И., Кочетков О. Л. Общая социальная и юридическая психология: краткий энцикл. словарь. – М., 2001. – С. 150.

5 Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000. – С. 4.

Анализ научных трудов позволяет составить представление об участниках и сущностных характеристиках убеждения как средства и метода побуждения лица к участию в расследовании преступлений.

Центральным участником побуждения лица к участию в расследовании преступлений выступает следователь. Употребляя данное название для лица, ведущего расследование, считаем важным отметить, что даже когда в обществе появилась такая категория людей, они не сразу стали именоваться следователями. В России данный термин обрёл своё звучание лишь после издания судебных уставов 1864 г.⁶

Другим участником убеждения в следственной деятельности могут выступать объекты убеждения: потерпевший, подозреваемый, и, соответственно, свидетели – лица, которым могут быть известны обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу⁷.

В литературе справедливо отмечается, что сила убеждения в юридической теории и практике настолько велика, что подчас убеждения больше чем другие правовые явления созидающе действуют на отечественную правовую культуру и традиционные правовые ценности, устанавливая новые этические и нравственные основы гражданского общества, формируя те правовые и морально-нравственные критерии, достижение которых возможно лишь законным способом⁸. Высказывалось мнение, что убеждение как метод воздействия на личность заключается в передаче моральных, интеллектуальных, эмоциональных и других представлений одного лица к другому (или от общества к его членам) с целью изменения мотивов, которыми лицо подвергается воздействию, руководствуется в своей деятельности. Имея достаточно сложную структуру и будучи методом внешнего влияния на поведение человека через его внутренние побуждения, убеждение создает мотивы свободного и сознательного определения человеком характера своих поступков и поведения в целом⁹.

Взаимодействуя со свидетелем, следователь должен реализовать основную цель своей деятельности, которая состоит в установлении истины по уголовному делу¹⁰. Как справедливо отмечает В. Г. Капустянский, следователю постоянно приходится убеждать лиц, проходящих по делу, в необходимости давать правдивые показания, отказаться от избранной неправильной линии поведения. При этом убеждать необходимо фактами, логическими аргументами, разъяснением законов¹¹.

Мы видим, что убеждение, реализуемое в следственной деятельности, неминуемо предполагает такой компонент, как побуждение (к беседе, к предоставлению правдивой информации, к уточнению деталей и т.д.).

Деятельность следователя, реализуемая, в частности, в ситуации «убеждение», требует кроме высоких квалифицированных знаний и умений наличия знаний психологических, обеспечивающих высокую культуру профессионального взаимодействия и психологического воздействия на людей, с которыми им как юристам приходится контактировать в процессе производства следственных действий¹². Убеждение предполагает коммуникативный контакт следователя со свидетелем, проходящим по делу. Данный контакт основан на осознании необходимости информационного общения¹³.

Указанные квалификационные характеристики следователей были художественно воплощены на страницах романов Н. Леонова и А. Макеева «Версия сыщика Гурова» и «Обойма ненависти», главными персонажами которых являются

полковники МВД сыщики Гуров и Крячко¹⁴. Знакомя с ними читателей, авторы подчёркивали необходимость как теоретического, так и практического мышления в деятельности следователя-субъекта убеждения, который должен использовать их для получения от объектов убеждения необходимой информации. Так, полковник Гуров характеризуется как «прирожденный аналитик, психолог и мыслитель. Он моментально замечает несоответствия в показаниях, чувствует внутреннюю сущность человека. Ум Крячко скорее практический. Но в работе со свидетелями ему нет равных: он умеет “разговорить” любого человека – что называется, не мытьем, так катаньем»¹⁵.

Позволим себе говорить о том, что убеждение и принуждение в структуре средств и методов побуждения лица к участию в расследовании преступлений выполняют весьма существенную роль в эффективном выполнении уголовным процессом своего предназначения – быть действенным средством в борьбе с преступностью. Анализ изложенного позволяет сделать следующий вывод: без принуждения невозможно убеждение, но убеждение всегда первично. В то же время результативность убеждающего воздействия во многом будет обеспечиваться достаточной правовой информированностью субъекта о содержании нормативных предписаний. Получение субъектом информации о требуемом варианте поведения, познание сущности правового велеия – всё это способствует определению им своей позиции в конкретном поведенческом акте. Более того, они являются условием последовательности действий: сначала убеждения, а затем принуждения. Важную роль в деле достижения убеждением его результатов приобретает разъяснение субъектам их обязанностей. Поскольку закреплённая в правовых нормах обязанность определённого поведения поддерживается указанием на потенциальное принуждение, одновременно с разъяснением надлежащего варианта поведения лицу сообщается о принудительных мерах, предусмотренных за их невыполнение.

Другими словами, принуждение всегда применяется вслед за убеждением, т.е. когда субъект не желает выполнить свою обязанность добровольно и тем самым создаёт препятствия правоприменительной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Аскерова Л. А. Правовые убеждения: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012.
2. Аскерова Л. А. Убеждение как метод правового регулирования // Актуальные проблемы современной науки. – 2011. – № 3 (59).
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000.
4. Большой юридический словарь. – М., 2006.
5. Еникеев М. И., Кочетков О. Л. Общая социальная и юридическая психология: краткий энцикл. словарь. – М., 1997.
6. Капустянский В. Г. Убеждение и принуждение в советском уголовном праве. – М., 1990.
7. Каюмова Э. Р. Убеждение и принуждение в механизме реализации уголовно-процессуальных норм // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – № 3.
8. Кусова Н. В. Психологические особенности профессиональной деятельности следователя как субъекта труда в ходе производства следственных действий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2010.
9. Леонов Н., Макеев А. Версия сыщика Гурова. – М., 2012.
10. Леонов Н., Макеев А. Обойма ненависти. – М., 2012.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.: Толковый словарь русского языка, 2008.
12. Орбан-Лембрик Л. Е. Психология управления: Учеб. пособие. – Киев: «Плай», 2001.
13. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000.

6 Белкин Р. С. Профессия – следователь. – М., 1998. – С. 7.

7 Большой юридический словарь. – М., 2006. – С. 555, 534, 663.

8 Аскерова Л. А. Правовые убеждения: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – С. 6.

9 Орбан-Лембрик Л. Е. Психология управления: Учеб. пособие. – Киев: «Плай», 2001. – С. 240.

10 Аскерова Л. А. Убеждение как метод правового регулирования // Актуальные проблемы современной науки. – 2011. – № 3 (59). – С. 13.

11 Капустянский В. Г. Убеждение и принуждение в советском уголовном праве. – М., 1990. – С. 39.

12 Кусова Н. В. Психологические особенности профессиональной деятельности следователя как субъекта труда в ходе производства следственных действий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Тверь, 2010. – С. 3.

13 Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000. – С. 256.

14 Леонов Н., Макеев А. Версия сыщика Гурова. – М., 2012. Леонов Н., Макеев А. Обойма ненависти. – М., 2012.

15 Леонов Н., Макеев А. Версия сыщика Гурова. – М., 2012. – С. 37–38.

Тордия И. В., Савченко С. А.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СЛУЧАЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена анализу проблем определения компенсации морального вреда и возможности совершенствования правового механизма возмещения вреда, причиненного пациенту при медицинском вмешательстве, посредством определения размера вины и ответственности медицинских работников. Исследование обширной судебной практики, содержания наиболее часто высказываемых в научной литературе аргументов в поддержку и против взыскания морального вреда, позволяет положительно оценить перспективу введения в России страхования профессиональной ответственности медицинского работника в обязательной форме.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, судебная практика, ответственность.

Tordiya I. V., Savchenko S. A.

COMPENSATION FOR MORAL HARM IN CASE OF DAMAGE TO LIFE AND HEALTH DURING HEALTHCARE SERVICING: THE ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

The article analyzes the problems of assessment of compensation for moral damage and the possibility to improve the legal mechanism of compensation for damage caused to a patient during a medical intervention by determining the extent of guilt and responsibility of health professionals. Extensive study of judicial practice, and arguments the most frequently expressed in the literature pro and contra punishment for moral harm, allow positive assessment of the prospects of introduction of compulsory insurance of medical malpractice in Russian.

Keywords: compensation for moral harm, court practice, responsibility.

Конституция Российской Федерации¹ провозгласила широчайший перечень основных прав и свобод человека и гражданина, нуждающихся в полноценном обеспечении и защите. Одно из центральных мест в основах правового положения личности в России принадлежит естественному и неотъемлемому праву каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленному в ст. 41 Конституции Российской Федерации. Провозглашая право на охрану здоровья и медицинскую помощь одним из конституционных прав человека и гражданина, государство тем самым берет на себя обязательства по осуществлению комплекса мер по сохранению и укреплению здоровья населения посредством финансирования федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения, принятия мер по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, что обуславливает сложности в установлении адекватного механизма компенсации понесенных потерь в случае посягательства на эти блага. В последнее время наблюдается рост количества гражданских исков, вызванных ненадлежащим качеством оказания медицинских услуг, однако анализ материалов судебной практики² показал, что наиболь-

шую сложность в правоприменительной практике вызывает процесс установления таких условий ответственности за причинение вреда, как наличие вины причинителя вреда и причинно-следственной связи между действиями медицинской организации и причиненным пациенту вредом³.

1 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2 Апелляционное определение Вологодского областного суда от 20.07.2012 № 33-2825/2012 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Воронежского областного суда от 18 декабря 2014 г. № 33-6604 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; кассационное определение Верховного суда Республики Бурятия от 06.02.2012 по делу № 33-232 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 18.04.2013 по делу № 33-1009/2013 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; определение

Московского городского суда от 28 января 2015 г. по делу № 33-2607/15 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Омского областного суда от 14 января 2015 г. по делу № 33-86/2015 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Омского областного суда от 14 января 2015 г. по делу № 33-18/2015 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Свердловского областного суда от 22.01.2014 по делу № 33-581/2014 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Тульского областного суда от 18.04.2013 по делу № 33-823 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Челябинского областного суда от 13 мая 2014 г. по делу № 11-5003/2014 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

3 См., например: Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 18.04.2013 по делу № 33-1009/2013 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.09.2010 № 33-13434/2010 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Челябинского областного суда от 13 мая 2014 г. по делу № 11-5003/2014

Тордия И. В.

Савченко С. А.

Как показывает анализ судебной практики, большую ее часть составляют решения судов, которыми в удовлетворении исковых требований в возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, а также в компенсации морального вреда вследствие ненадлежащего оказания медицинских услуг отказано. Данная тенденция, как нам представляется, наблюдается в силу отсутствия четкого нормативного закрепления критериев качества медицинской услуги, что непосредственно отражается в судебной практике судов общей юрисдикции в различных субъектах Российской Федерации.

Отсутствие единого ориентира судов к определению размера морального вреда, причиненного ненадлежащей медицинской услугой, широта судебного усмотрения и вследствие этого принципиально различные по размеру присуждаемые суммы можно наглядно продемонстрировать на примере определения Приморского краевого суда по делу № 33-4723⁴: истица М. обратилась в суд с иском к КГБУЗ «Владивостокский клинический родильный дом № 3» о возмещении ущерба в связи с проведенным оперативным лечением и компенсации морального вреда. Последнее требование мотивировала тем, что ответчиком ей необоснованно было отказано в бесплатном проведении операции, а платная операция произведена впоследствии ответчиком некачественно. Суд признал, что данная операция подлежит выполнению за счет средств обязательного медицинского страхования и не могла быть оплачена за счет средств больного и удовлетворил требование о компенсации морального вреда частично. При этом суд по закону РФ «О защите прав потребителей» взыскал с ответчика в пользу истицы моральный вред в сумме 5000 рублей за предоставление неверной информации по вопросу бесплатного лечения. Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции в части отказа в иске о компенсации морального вреда, причиненного здоровью истца при оказании медицинской услуги, отменил, взыскав с ответчика в счет компенсации морального вреда многократно большую сумму – 200 000 рублей, указав, что недостаточное информирование истца по поводу оперативного лечения, предоставление недостоверной и недостаточной информации о предложенной медицинской услуге повлекло причинение вреда здоровью, причинение истце нравственных и физических страданий, в связи с чем ее требования о взыскании компенсации морального вреда подлежат удовлетворению в большем размере.

Законодательством в ч. 2 ст. 151 и п. 2 ст. 1101 Гражданского кодекса РФ⁵ сформулированы два критерия, влияющие на размер компенсации нематериального вреда: характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, и степень вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Распространенной причиной подачи пациентами требований о компенсации морального вреда в связи с неблагоприятным исходом оказанной медицинской помощи является нарушение медицинскими работниками определенных этических и деонтологических норм. Определенным стимулом к тому выступает ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»⁶, декларирующий достаточно обширный объем специфических прав и приоритетов

пациента: на уважительное и гуманное отношение со стороны медицинского и обслуживающего персонала; облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и право на отказ от медицинского вмешательства, на защиту сведений, составляющих врачебную тайну и т.д.

В свете сказанного считаем, что должна существовать разница в определении размера компенсации морального вреда пациентам медицинских организаций, вызванной реально причиненным физическим вредом и, напротив, вызванной далекоими от тяжелых, криминальных последствий действиями или бездействием медицинских работников, а именно несоблюдением элементарных прав пациента, таких как информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и др. Так, в апелляционном определении Свердловского областного суда от 22 января 2014 г. по делу № 33-581/2014⁷ судебной коллегией констатируется, что судом первой инстанции верно установлено, подтверждается материалами дела, в частности экспертным заключением, что ГБУЗ СО «Ирбитская ЦГБ» допущено нарушение стандартов медицинской помощи истцу С. В другом деле, как следует из апелляционного определения Новгородского областного суда от 17 декабря 2014 г. по делу № 2-1275/33-2588⁸, установлено, что гражданин П. был госпитализирован в ГОБУЗ «НОКБ» с диагнозом: термический ожог битумом и пламенем верхних и нижних конечностей, живота, шеи и лица. В период нахождения в лечебном учреждении получал лечение, в том числе ему установлен катетер. При удалении установленного катетера медсестрой Ф. была отрезана верхняя часть катетера, а нижняя часть осталась в вене с последующим перемещением в правое предсердие. С целью обнаружения и удаления фрагмента катетера из сердца П. перенес 4 операции. Перенесенные физические страдания явились одним из оснований подачи иска в суд к лечебному учреждению.

Таким образом, очевидно, что, к примеру, размер компенсации морального вреда при нарушении стандарта медицинской помощи без существенных последствий для пациента не должен быть выше компенсации в случае обезображивания лица посредством медицинских манипуляций или причинения вреда небрежностью исполнения медицинской сестрой служебных обязанностей, что повлекло многократное оперативное лечение.

В научной литературе обоснованно заявляют, что в силу специфики вреда жизни и здоровью необходимы дополнительные гарантии его возмещения по сравнению с другими нематериальными благами. В качестве вариантов предлагают для определения размера компенсации учитывать в качестве частного критерия вид и степень тяжести повреждения здоровья, используя для руководства заключение судебно-медицинской экспертизы, а также законодательное установление минимального размера компенсации в зависимости от степени тяжести вреда здоровью⁹.

20.07.2015 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

[Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Определение Приморского краевого суда по делу № 33-4723 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Гражданский кодекс РФ (часть вторая) 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

6 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ: по сост. на

7 Апелляционное определение Свердловского областного суда от 22.01.2014 по делу № 33-581/2014 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2015).

8 Апелляционное определение Новгородского областного суда от 17 декабря 2014 г. по делу № 2-1275/33-2588 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Светличная Т. Г., Цыганова О. А. Характеристика судебного способа защиты прав пациентов и информированности ее субъектов [Электронный ресурс] / О.А. Цыганова, Т.Г. Светличная //

Процесс исследования показал, что суды в настоящее время в делах о посягательстве на здоровье и возникновении физического вреда гражданину уже учитывают степень тяжести вреда здоровью и принимают решение на основании экспертного заключения. Так, апелляционным определением Алтайского краевого суда от 19 июня 2013 г. по делу № 33-4759/2013¹⁰ оставлено в силе решение суда первой инстанции, который при удовлетворении требований о взыскании компенсации морального вреда сослался, в том числе, на факт причинения вреда здоровью истца средней тяжести в период нахождения истца в диспансере на лечении в отделении неотложной наркологической помощи.

Однако сведения о степени тяжести повреждения здоровья не способны дать в полной мере представление о перенесенных человеком страданиях.

Исправлением недостатка в виде назначения судами чисто символического размера компенсации М. Н. Малеина видит установление в законе минимального размера компенсации за неимущественный вред, связав его с кратным (например, трех-, четырех- или более) размером минимальной заработной платы. При этом минимальный размер компенсации надо сделать обязательным для суда, а не потерпевшего. То есть потерпевший мог бы заявить и меньший размер компенсации, чем установленный, и суд в таком случае должен был бы удовлетворить требование потерпевшего (при наличии оснований) в соответствии с иском. Если же истец указал в исковом заявлении размер компенсации, превышающий минимальную сумму, то суд был бы не вправе снизить размер ниже величины, установленной в законе¹¹.

Полагаем, что степень переживания человека по поводу причиненного вреда глубоко индивидуальна, а следовательно, внешне ее трудно установить, что особенно препятствует адекватному способу определения размера подлежащего возмещению морального вреда. М. Н. Малеина предложила в качестве одного из общих критериев при определении компенсации неимущественного вреда общественную оценку действия (бездействия), вызвавшего вред, что направлено на ограничение от субъективной оценки потерпевшим поведения причинителя вреда. Согласно позиции Ю. Н. Филиппова, О.П. Абаевой, А.Ю. Филиппова выявить действительную степень физических и нравственных страданий, зависящих от индивидуальных особенностей лица, может только специалист, в компетенцию которого входит определение психологического статуса человека и степени нанесенного ему урона, и единственным специалистом, способным справиться с этой задачей, является медицинский психолог. Только при тщательном и доскональном изучении конкретных обстоятельств дела и анализе степени страдания потерпевшего (по его собственным оценкам, по мнению его родных и близких и, главное, заключению судебно-психологической экспертизы) суд может прийти к выводу о размере присуждаемой компенсации¹².

В зависимости от категории воздействия на человека моральный вред может быть различным: по продолжительности, по интенсивности воздействия, по глубине последствий, в отдельных случаях его можно симулировать, что может повлечь чрезмерную ответственность деликвента, либо, наоборот, при недооценке уровня страданий потерпевшего вред может оказаться не возмещенным в полной мере.

С этой точки зрения мы поддерживаем идею включения в доказательственную базу заключения медико-психологической экспертизы, тем более что в делах о возмещении вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг, давно используются различного вида экспертизы с целью определения наличия причинно-следственной связи, нарушения стандартов медицинской помощи, определения степени утраты общей и профессиональной трудоспособности и др. Вместе с тем необходимо законодательно определить статус медицинского психолога. Проблема определения компетентности сведущего лица (эксперта или специалиста) имеет для суда значение при оценке соответствующего заключения, так как оценка достоверности специфического вида доказательства в виде заключения сведущего лица фактически проводится судом через призму его допустимости¹³.

Наиболее оптимальным способом введения данного вида доказательства и его распространения будет упоминание о нем в Постановлении Пленума Верховного Суда, в силу ст. 126 Конституции РФ обобщающего, унифицирующего и направляющего практику правосудия. Так, п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 г. Москва «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»¹⁴ заканчивается следующим текстом: «При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела».

Названный пункт следует дополнить предложением о том, что определение степени нравственных или физических страданий может быть произведено медицинско-психологической экспертизой.

Способом введения рассматриваемого доказательства в гражданский процесс послужит разъяснение судом истцу при подготовке и в процессе рассмотрения дела возможности представить в подтверждение степени страданий заключение медицинско-психологической экспертизы. Это согласуется с правилами ст. 150 ГПК РФ¹⁵, обязывающей судью опрашивать истца или его представителя по существу заявленных требований и предлагать, если это необходимо, представить дополнительные доказательства в определенный срок и оказывать содействие в собирании и истребовании доказательств. Также судья вправе предложить им представить дополнительные доказательства, что неизбежно без перечисления их вида и названия.

Медицинское право. – 2013. – № 2. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный.

10 Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 19.06.2013 по делу № 33-4759/2013 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

11 Малеина М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

12 Филиппов Ю. Н., Абаева О. П., Филиппов А. Ю. Проблемы компенсации морального вреда, связанного с оказанием медицинской помощи [Электронный ресурс] // Медицинское право. – 2014. – № 1. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

13 Максимов О. А., Нагорный В. А. Некоторые теоретические и практические вопросы участия специалиста на стороне защиты [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. – 2013. – № 2. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

14 О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Российская газета. – 2010. – № 24.

15 Гражданский процессуальный кодекс РФ 14.11.2002 № 138-ФЗ по сост. на 20.07.2015 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

Таким образом, одним из вариантов решения проблемы судебной практики по определению наиболее точного размера подлежащего компенсации морального вреда, связанного с причиненным вредом жизни или здоровью гражданина некачественной медицинской услугой, является введение в правоприменительную практику письменного доказательств в виде заключения медико-психологической экспертизы. Для этого необходимо на законодательном уровне подробно регламентировать статус медицинского психолога, а также внести дополнение в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» о возможности применения названного доказательства для наиболее скорого и широкого его распространения.

Интерес представляет зарубежный опыт установления причинной связи в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи, поскольку он включает в себя использование нетрадиционных подходов, не применяемых в отечественной доктрине. В качестве примера можно привести обстоятельства дела *Herskovits v. Group Health Cooperative of Puget Sound* (США, 2008)¹⁶. По данному делу пациент обратился за медицинской помощью в связи с хроническим кашлем. Ему был сделан рентген грудной клетки и назначены лекарственные препараты от кашля, других мер предпринято не было. Состояние пациента ухудшалось, и через год он обратился за помощью к другому доктору, в результате проведенных исследований установлен рак легкого, проведена операция по его удалению, однако, несмотря на предпринятые меры, пациент скончался. Согласно заключению специалистов, в случае правильного установления диагноза при первом обращении, на первой стадии развития заболевания, шанс пациента на выживание составлял 39 %, когда диагноз был установлен (через год после первичного обращения за медицинской помощью), имела место вторая стадия заболевания, и шансы на выживание составляли 25 %. Таким образом, в результате задержки установления правильного диагноза, шансы пациента на выживание снизились на 14 %.

В американской судебной практике сложилось несколько подходов к такого рода делам¹⁷. Первый подход, получивший название «все или ничего» (*all or nothing*), основан на традиционной теории причинной связи: истец получает возмещение только в том случае, если при надлежащем оказании медицинской помощи его шансы на выживание (выздоровление) составляли бы 51 % и более. Если же выживание (выздоровление) даже при надлежащем лечении было менее вероятно, это служит основанием для отказа в иске.

Второй подход известен как «теория увеличения риска наступления вреда» (*increased risk of harm doctrine*). Сторонники данной теории считают оправданным выплату возмещения по делам о ненадлежащем врачевании, в том числе в тех случаях, когда шанс пациента на выживание (выздоровление) даже при надлежащем лечении составлял менее 51 %, и обосновывают это тем, что противоправные действия медицинских работников повлекли увеличение риска наступления вреда жизни и здоровью пациента.

Третий подход, называемый «теорией потери шанса» (*loss of a chance doctrine*), был разработан Джозефом Кингом в 1981 г.¹⁸ Согласно этой теории размер возмещения, выплачиваемого истцам, должен определяться в зависимости от того,

на сколько (в процентном выражении) были снижены шансы пациента на выживание ненадлежащими действиями исполнителя медицинской услуги. Данная теория применяется на практике судебными органами целого ряда штатов (Айова, Огайо, Южная Дакота).

Несмотря на наличие недостатков этих доктрин (представляется, что во многих случаях установление «снижения шансов пациента на выживание (выздоровление)» с точностью до нескольких процентов крайне затруднительно), к числу их достоинств следует отнести то, что в конечном итоге они позволяют в наибольшей степени учесть интересы пациентов в случаях ненадлежащего оказания медицинских услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ 14.11.2002 № 138-ФЗ по сост. на 20.07.2015 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Максимов О. А., Нагорный В. А. Некоторые теоретические и практические вопросы участия специалиста на стороне защиты [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. – 2013. – № 2. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Малеина М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
6. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Российская газета. – 2010. – № 24.
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. 323-ФЗ: по сост. на 20.07.2015 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
8. Светличная Т. Г., Цыганова О. А. Характеристика судебного способа защиты прав пациентов и информированности ее субъектов [Электронный ресурс] / О.А. Цыганова, Т.Г. Светличная // Медицинское право. – 2013. – № 2. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный.
9. Филиппов Ю. Н., Абаева О. П., Филиппов А. Ю. Проблемы компенсации морального вреда, связанного с оказанием медицинской помощи [Электронный ресурс] // Медицинское право. – 2014. – № 1. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
10. Health Law. Cases, materials and problems.
11. Joseph King. Causation, Valuation and Chance in Personal Injury Torts Involving Pre-existing Conditions and Future Consequences // 90 Yale L. J. 1353. 1981.
12. Supreme Court of Washington, 2008.99 Wash. 2d 609,664 P. 2d 474.

16 Supreme Court of Washington, 2008.99 Wash. 2d 609,664 P. 2d 474.

17 Health Law. Cases, materials and problems, p. 261–262.

18 Joseph King. Causation, Valuation and Chance in Personal Injury Torts Involving Pre-existing Conditions and Future Consequences // 90 Yale L. J. 1353. 1981.

Пашковский П. В.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ*

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования правоотношений в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства в контексте злоупотребления властью. Анализируется проблематика потенциальных рисков развития коррупционных отношений в сфере государственно-частного партнерства, оцениваются негативные последствия таких отношений и меры, направленные на преодоление указанных рисков. Особое внимание уделяется необходимости развития механизмов общественного контроля в области разработки и реализации проектов государственно-частного партнерства в России.

Ключевые слова: коррупция, государственно-частное партнерство, злоупотребление властью, трипартизм, общественный контроль.

Pashkovskiy P. V.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LEGAL RELATIONSHIPS IN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF ABUSE OF POWER

The article discusses the problems of the legal regulation of legal relationships in public-private partnership projects implementation in the context of abuse of power. The author analyzes the problems of potential risks of corruption relations in the field of public-private partnership, evaluates the negative consequences of such relationships and the measures needed to overcome these risks. Particular attention is paid to the need to develop mechanisms of public control in the development and implementation of public-private partnership projects in Russia.

Keywords: corruption, public-private partnership, abuse of power, tripartism, public control.

Пашковский П. В.

В условиях продолжающегося финансового кризиса и дефицита бюджетных средств публичных образований проблемы развития института государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) приобретают крайне острое значение. С одной стороны, ГЧП может стать эффективным инструментом развития социальной инфраструктуры российского государства. С другой стороны, без должного законодательного регулирования, государственного и, в особенности, общественного контроля существует риск вырождения ГЧП-проектов в механизмы банальной приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, сопровождаемые выкачиванием денег из бюджетов различных уровней и Инвестиционного фонда РФ, а также олигополизации отдельных государственных услуг¹. Отсутствие должного внимания к подобным рискам способно стать серьезной угрозой национальной и региональной безопасности (учитывая потребность использования ГЧП-проектов для развития регионов и отдельных территорий)².

Одной из главнейших проблем на пути эффективного внедрения практики ГЧП в России является коррупция. Тотальное распространение всевозможных теневых практик во взаимоотношениях власти и бизнеса в России привело к фор-

мированию устойчивой коррупционной ментальности в среде российского чиновничества и представителей предпринимательских структур, что выражается в фактическом доминировании неформальных институтов «отката» при решении вопросов получения государственных и муниципальных заказов, конкурсов на продажу объектов государственной и муниципальной собственности, доступа к объектам производственной и коммунальной инфраструктур. Фактически это приводит к завышению цен при определении победителей тендеров, нецелевому расходованию бюджетных средств, уменьшению налоговых поступлений в казну, включению коррупционной и откатной составляющих в конечную цену реализуемой продукции и услуг, обуславливая тем самым неоправданно завышенные экономические и социальные издержки для потребителя и общества в целом³. В отношении проектов ГЧП это даже может повлечь банкротство или отказ частного партнера от продолжения своего участия в проекте, что порождает огромный комплекс проблем, связанных со спасением проекта. Так как проект не является сугубо частным, обычные механизмы банкротства оказываются неприемлемыми. Государство вынуждено спасать проект, обеспечивать бюджетное финансирование и искать нового частного партнера, изобретая для этого дополнительные привилегии, увеличивая привлекательность данного проекта⁴.

При этом коррупционное поле ГЧП как нового, практически не апробированного механизма взаимодействия государства и бизнеса представляется достаточно широким.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского государственного научного фонда (РГНФ) № 15-33-0121. «Государственно-частное партнерство в России: проблемы институционального развития и противодействия злоупотреблениям властью».

1 Коженко Я. В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 1039.
2 См. подробнее об институционализации региональной безопасности: Пашковский П. В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии // Философия права. – 2008. – № 6. – С. 118–120.

3 Дегтярев А., Маликов Р., Арапов В. Антикоррупционные парадигмы развития российского бизнеса в условиях «экономики отката» // Экономическая политика. – 2010. – № 4. – С. 93.

4 Благова С. О. Проблемы развития государственно-частного партнерства в России // Вестник Тульского филиала Финансового университета. – 2014. – № 1. – С. 116.

Наибольшие опасения в этой связи вызывают, на наш взгляд, ГЧП-проекты местного и регионального уровней, хотя, по мнению некоторых исследователей, проекты федерального уровня также не лишены коррупционных рисков⁵. Примером могут служить первоначальные этапы подготовки Олимпиады-2014 в г. Сочи, по результатам которых были вскрыты многочисленные факты мошенничества, умышенного завышения затрат, несоблюдения норм проекта, заключения несуществующих сделок, снижения качества выполнения работ⁶.

Значительным позитивным шагом на пути противодействия коррупционным рискам явилось принятие Федерального закона от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ (далее – Закон о ГЧП). Данный нормативный акт на федеральном уровне закрепил понятие ГЧП и муниципально-частного партнерства (далее – МЧП), требования к сторонам партнерства, разработке и рассмотрению предложений о реализации проектов ГЧП/МЧП и принятию решений об их реализации, объекты, элементы и условия соглашений о ГЧП/МЧП, а также порядок их заключения, изменения и расторжения. Принятие подобного законодательного акта само по себе ограничивает пределы усмотрения и соответственно возможности для злоупотреблений со стороны чиновников. Однако институционализация ГЧП – лишь первоначальный этап в выстраивании цивилизованных партнерских взаимоотношений государства и бизнеса, и его значение не стоит переоценивать. Кроме того, сам Закон о ГЧП требует тщательной и независимой антикоррупционной экспертизы, особенно в связи с установлением в качестве обязательного элемента соглашения о ГЧП возникновения у частного партнера права собственности на объект соглашения при условии обременения объекта соглашения в соответствии с Законом о ГЧП (п. 4 ч. 2 ст. 6).

Провозглашение в качестве принципов ГЧП в ст. 4 Закона о ГЧП отсутствия дискриминации, равноправия сторон соглашения и равенства их перед законом не должно вводить нас в заблуждение. Государство при всех условиях остается субъектом публично-правовых отношений. Это обстоятельство оказывается ключевым и для гражданско-правовых отношений, в которых государство как суверен не может выступать в качестве рядового субъекта гражданского права. Именно поэтому нельзя ставить вопрос об изначальном равноправии государственного и частного партнеров в проектах ГЧП. Такое равноправие наступает только тогда, когда на основе суверенных прав государства в соглашении о ГЧП определены условия и особенности реализации гражданско-правовых отношений. Иными словами, государство как суверен становится особым субъектом гражданского права. Это выражается, во-первых, в том, что государство само определяет правовые рамки, в которых должны действовать все остальные субъекты гражданско-правовых отношений; во-вторых, оно сохраняет властные функции, даже вступив на началах равенства сторон в указан-

ные отношения, так как может принимать административные акты (это равенство игнорирующее)⁸.

Таким образом, чиновник изначально имеет большее число полномочий, фактически он просто не готов к партнерскому взаимодействию. А если его действия еще диктуются и личной материальной заинтересованностью, то это неравноправие неизбежно приводит к появлению коррупционных схем, особенно в ситуации непрозрачности процесса принятия решений в государстве⁹. Полноценное же партнерство не может существовать без доверия, без прозрачности во взаимоотношениях¹⁰. Именно в этой связи, как верно подмечают В. В. Алесковский и К. В. Маковеева, рассуждая о подвижности и изменчивости социально-экономических форм взаимодействия власти и бизнеса, существует риск вырождения ГЧП в коррупцию, государственное управление или лоббирование, когда взаимодействие при определенном стечении обстоятельств трансформируется во взаимодействие или воздействие¹¹.

В таких условиях стратегическим направлением противодействия коррупции и злоупотреблениям властью в ГЧП-проектах должно стать обеспечение максимальной открытости и транспарентности взаимодействия публичного и частного секторов в рамках указанных проектов. Это должно выражаться в обеспечении открытости и доступности информации о разрабатываемых и реализуемых проектах (за исключением сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну), а также в гарантировании прозрачности всех процедур принятия решений на каждом этапе жизненного цикла проекта от разработки предложения о реализации проекта и выбора партнера до фактической реализации проекта и прекращения действия соглашения о партнерстве. Для этих целей представляется необходимым установление обязательности проведения независимой экспертной оценки проектов.

Одновременно необходимо помнить, что конечными целями ГЧП являются развитие инфраструктуры, улучшение социально-экономической ситуации в государстве, повышение благосостояния его граждан, а конечным потребителем товаров, работ и услуг, формирование либо улучшение качества которых происходит в ходе реализации ГЧП-проектов, является население страны. Между тем, функция контроля над решениями в сфере ГЧП почти полностью принадлежит чиновникам. Таким образом, необходимо обеспечить активную вовлеченность общественных структур (профсоюзов работников, отраслевых объединений работодателей, обществ защиты окружающей среды, прав потребителей, других саморегулируемых организаций граждан) в деятельность по разработке проектов ГЧП, контролю над ходом их реализации¹². Только развитые механизмы общественного контроля, по нашему мнению, способ-

5 См.: Кожаринов А. В., Смирнова А. А., Миловидова Н. А. О развитии законодательной базы государственно-частного партнерства // Символ науки. – 2015. – Т. 1. – № 1-2-1 (1-2). – С. 52.

6 Аретова Е. В., Литвинский К. О. Государственно-частное партнерство в России – современные проблемы и перспективы развития // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 4-3. – С. 140.

7 Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть 1). – Ст. 4350.

8 Шаназарова Е. В. Государственно-частное партнерство в России – проблемы развития // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2 (35). – С. 102.

9 Коженко Я. В. Особенности институционализации лоббизма в современной России // Юристы-Правоведь. – 2006. – № 3. – С. 45.

10 Мильшина Ю. В. Основные препятствия для развития механизмов ГЧП в России и способы их преодоления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – № 31. – С. 5.

11 Алесковский В. В., Маковеева К. В. Взаимодействие государства и предпринимательства: форма и содержание // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 7 (85). – С. 15.

12 См.: Коженко Я. В. Институционально-правовые формы лоббистской деятельности в современной России (на примере общественной палаты Российской Федерации): дисс. ... канд. юрид. наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 2007.

ны обеспечить должный уровень прозрачности деятельности в сфере ГЧП, обеспечить соответствие ее результатам заявленным целям, минимизировать коррупционные риски.

В этой связи заслуживает особого внимания наметившаяся в мировой практике тенденция к реинституционализации ГЧП в общественно-государственно-частное партнерство (далее – ОГЧП) на основе концепции трипартизма. Главная цель ОГЧП – вовлечение институтов гражданского общества в процессы принятия управленческих решений и антикоррупционный контроль их выполнения¹³.

К сожалению, анализ принятого Закона о ГЧП показывает, что, за исключением установленного в ст. 22 права конкурсной комиссии на привлечение к своей работе независимых экспертов, никаких иных механизмов общественного контроля в сфере реализации проектов ГЧП законодатель не предусмотрел. Таким образом, угроза коррупционных рисков и злоупотреблений властью в указанных проектах на данный момент остается актуальной.

Пристатейный библиографический список

1. Коженко Я. В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6.
2. Пашковский П. В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии // Философия права. – 2008. – № 6.
3. Дегтярев А., Маликов Р., Арапов В. Антикоррупционные парадигмы развития российского бизнеса в условиях «экономики отката» // Экономическая политика. – 2010. – № 4.
4. Благова С. О. Проблемы развития государственно-частного партнерства в России // Вестник Тульского филиала Фининиверситета. – 2014. – № 1.
5. Кожаринов А. В., Смирнова А. А., Миловидова Н. А. О развитии законодательной базы государственно-частного партнерства // Символ науки. – 2015. – Т. 1. – № 1-2-1 (1-2).
6. Аретова Е. В., Литвинский К. О. Государственно-частное партнерство в России – современные проблемы и перспективы развития // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 4-3.
7. Шаназарова Е. В. Государственно-частное партнерство в России – проблемы развития // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2 (35).
8. Коженко Я. В. Особенности институционализации лоббизма в современной России // Юристъ-Правоведь. – 2006. – № 3.
9. Мильшина Ю. В. Основные препятствия для развития механизмов ГЧП в России и способы их преодоления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – № 31.
10. Алесковский В. В., Макоеева К. В. Взаимодействие государства и предпринимательства: форма и содержание // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 7 (85).
11. Коженко Я. В. Институционально-правовые формы лоббистской деятельности в современной России (на примере общественной палаты Российской Федерации): дисс. ... канд. юрид. наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 2007.
12. Смирнов О. В. Противодействие недружественному поглощению и рейдерству объектов МСК России – организационно-управленческий аспект // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. – 2013. – № 1.

13 Смирнов О. В. Противодействие недружественному поглощению и рейдерству объектов МСК России – организационно-управленческий аспект // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. – 2013. – № 1. – С. 63.

Рагулина И. Т.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СТАЖЕРУ АДВОКАТА ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПОД РУКОВОДСТВОМ АДВОКАТА-КУРАТОРА

В статье на основе исследования законодательства Российской Федерации об адвокатской деятельности и адвокатуре, актов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, адвокатских палат субъектов Российской Федерации и научных работ автором обосновывается необходимость разрешения стажеру адвоката осуществлять оказание юридической помощи под руководством адвоката-куратора.

Ключевые слова: стажер адвоката, помощник адвоката, адвокат, адвокатура.

Ragulina I. T.

TOWARDS A QUESTION OF NEED TO PERMIT THE TRAINEE ADVOCATE TO CARRY OUT RENDERING LEGAL AID UNDER THE SUPERVISION OF THE ADVOCATE-CURATOR

In the article the author justifies the need of permission to the trainee advocate to carry out legal aid under the leadership of the advocate-curator on the basis of research of the legislation of the Russian Federation on advocacy, acts of Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation, chambers of advocates of subjects of the Russian Federation and scientific works.

Keywords: trainee advocate, advocate's assistant, advocate, advocacy profession.

Рагулина И. Т.

В соответствии с п. 2 ст. 28 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» стажер адвоката осуществляет свою деятельность под руководством адвоката, выполняя его отдельные поручения. Стажер адвоката не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью. Из этого следует, что на законодательном уровне не в полной мере конкретно определено функциональное назначение стажера адвоката и не определен перечень его прав и обязанностей. В то же время содержание ст. 57 Трудового кодекса РФ позволяет утверждать, что в трудовом договоре со стажером адвоката, среди прочих условий, необходимо описание его трудовой функции.

В п. 11 Примерного положения о стажере адвоката и порядке прохождения стажировки ФПА РФ указано, что лица, зачисленные в состав стажеров, вправе:

- посещать организуемые адвокатским образованием практические занятия;
- участвовать в работе общего собрания (конференции) адвокатского образования с правом совещательного голоса;
- пользоваться имеющимися в адвокатском образовании правовыми базами данных, специальной литературой.

Согласно п. 12 Примерного положения о стажере адвоката и порядке прохождения стажировки ФПА РФ стажер, осуществляя трудовую деятельность на основании трудового договора, вправе:

- заниматься систематизацией нормативного материала, обобщением правоприменительной практики, сбором документов и иных материалов, необходимых адвокату-куратору для исполнения поручений;
- знакомиться с материалами дел в судах, арбитражных судах, на предварительном следствии, в других государственных и иных органах и организациях, делать выписки и снимать копии;
- совместно с адвокатом-куратором принимать участие в судебных заседаниях, следственных действиях;

- готовить проекты правовых документов;
- совершать иные действия, не запрещенные действующим законодательством.

В Положении также отмечается, что стажер не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью и не допускается к самостоятельному ведению дел при производстве дознания, на предварительном следствии, в общих и арбитражных судах, но в то же время указывается, что стажер вправе по поручению адвоката представлять интересы доверителя (с согласия последнего) в иных государственных и общественных органах и организациях.

Исходя из содержания Положения о порядке организации и прохождения стажировки в Палате адвокатов Нижегородской области перечень прав стажеров адвоката Положением прямо не предусматривается. При этом в п. 7 Положения отмечается, что стажер адвоката не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью. Аналогичная ситуация имеет место в адвокатской палате Красноярского края.

В ряде адвокатских палат, напротив, прямо закреплен перечень прав стажера адвоката. Так, например, в п. 2 Положения Адвокатской палаты Ростовской области о стажере адвоката определено, что стажер вправе:

- заниматься систематизацией нормативного материала, обобщением правоприменительной практики, сбором документов и иных материалов, необходимых адвокату-куратору для оказания юридической помощи;
- знакомиться в судах, арбитражных судах, на предварительном следствии, в других органах и организациях с материалами дел, в которых стажер принимает участие совместно с адвокатом-куратором, делать выписки и снимать копии с документов;
- совместно с адвокатом-куратором вести прием граждан, принимать участие в судебных заседаниях, следственных действиях, в рассмотрении дел любыми судебными и иными правоприменительными органами;

- по поручению адвоката-куратора готовить проекты правовых, процессуальных и прочих документов;
- посещать практические занятия, организуемые адвокатским образованием, в котором стажер работает;
- пользоваться базами данных и специальной литературой, имеющимися в адвокатском образовании, в котором стажер работает;
- совершать иные не запрещенные действующим законодательством действия, направленные на повышение уровня профессиональной квалификации стажера и его подготовки к получению статуса адвоката.

Аналогичные права стажера адвоката определены в актах адвокатских палат Хабаровского края, Брянской области, Вологодской области, Калининградской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Тульской области, Республики Башкортостан, Республики Крым, Чеченской Республики, Мурманской области, Московской области, Оренбургской области, Санкт-Петербурга, Удмуртской Республики.

В Республике Крым стажер вправе обращаться в Совет адвокатской палаты за разъяснениями, связанными с прохождением стажировки.

В ряде адвокатских палат предусмотрено, что стажер вправе участвовать в работе общего собрания коллегии с правом совещательного голоса (адвокатские палаты Хабаровского края, Брянской области, Вологодской области, Калининградской области).

В актах большинства адвокатских палат, а именно в палатах Московской области, Оренбургской области, Санкт-Петербурга, Удмуртской Республики, Чеченской Республики, Липецкой области, Республики Марий Эл, Республики Татарстан) прямо предусмотрено, что стажер не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью, т.е. самостоятельно оказывать квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе физическим и юридическим лицам.

Таким образом, содержание запрета, установленного в п. 2 ст. 28 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в большинстве адвокатских палат, как показал анализ закрепления в актах этих палат функционального назначения деятельности стажера, трактуется таким образом, что стажеру фактически запрещается заниматься не адвокатской деятельностью, а любой деятельностью по оказанию юридической помощи физическим и юридическим лицам.

В то же время из актов ряда адвокатских палат, а именно палат Амурской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Тульской области и Республики Башкортостан, Мурманской области, Калининградской области, следует, что стажер, несмотря на то, что он не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью и не допускается к самостоятельному ведению дел при производстве дознания, на предварительном следствии, в общих и арбитражных судах, вправе по поручению адвоката представлять интересы доверителя (с согласия последнего) в иных государственных и общественных органах и организациях.

В актах адвокатских палат Рязанской области и Чувашской Республики указывается, что по мере приобретения практических навыков стажеру, под непосредственным наблюдением руководителя, поручается самостоятельное выполнение адвокатских обязанностей: дача юридических консультаций,

составление правовых документов, справок по законодательству и т.д. Похожее положение, только содержащее уточнение на минимальный срок, прошедший с начала стажировки, содержится в актах адвокатской палаты Чеченской Республики: стажер после 6 месяцев прохождения стажировки вправе проводить самостоятельные консультации, составлять правовые документы с последующим предъявлением их адвокату – куратору для проверки.

В адвокатской палате Новосибирской области предусмотрено, что стажер под руководством адвоката-куратора может давать юридические консультации, составлять деловые бумаги и участвовать в гражданских делах мировых судов по доверенности.

Таким образом, анализ содержательной стороны всего спектра прав стажера-адвоката, закрепленных в актах адвокатских палат, показывает, что в настоящее время в адвокатских палатах отсутствует единый подход к определению возможностей стажера адвоката под руководством адвоката-куратора осуществлять деятельность, направленную на оказание юридической помощи. Наиболее прогрессивными в этой части нам представляются подход тех адвокатских палат, в которых стажерам адвоката разрешается под контролем их руководителей заниматься деятельностью по оказанию юридической помощи.

По данным практики адвокатских палат, на действия стажеров адвоката нередко поступают жалобы по причине того, что они осуществляют самостоятельное ведение дел. Кураторы-адвокаты в свою очередь ссылаются на то, что стажеры ведут дела как физические лица, что не запрещено¹.

В то же время в юридической литературе также нет единства позиций по вопросу о том, может ли стажер адвоката осуществлять деятельность по оказанию юридической помощи².

Ю. А. Джахбаров отмечает, что стажер под руководством адвоката может осуществлять юридическое консультирование по всем категориям дел, за исключением тех, где необходим статус адвоката³.

В некоторых учебно-методических изданиях отмечается, что стажер не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью, но вправе выполнять отдельные поручения адвоката под его руководством⁴.

При этом нельзя не учитывать, что в настоящее время в российской правоприменительной практике сложилась система, при которой оказывать юридическую помощь, в том числе представлять интересы в суде по гражданским делам в гражданском и арбитражном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях и даже

1 Соловьева Ю. И., Поспелов О. В. Актуальные проблемы приобретения статуса адвоката и подготовки к адвокатуре // Наука и Мир. – 2014. – Т. 2. – № 10 (14). – С. 44–47.

2 Рагулин А. В., Шайхуллин М. С. Современные проблемы и тенденции профессионального развития адвоката // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5(6). – С. 45–47.

3 Джахбаров Ю. А. Пути повышения роли и авторитета адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии. Сборник научных трудов / Под общ. ред. О. М. Барбакова, Ю. А. Зобнина. – Тюмень, 2014. – С. 94.

4 Адвокатура в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mogu24.ru/dev.php/edu/document/558/%D0%90%D0%B4%D0%B2%D0%92%D0%A0%D0%A4_%D0%9C1.pdf

по уголовным делам, находящимся на стадии судебного рассмотрения в производстве мирового судьи, могут абсолютно любые лица. Какие-либо специальные требования к уровню образования, стажу работы, отсутствию судимости и тому подобные требования к этим лицам не предъявляются, лицензирование такой деятельности и иные формы контроля к ним не применяются, за исключением разве что налогового, который в современных условиях применительно к так называемым «частнопрактикующим юристам» практически не осуществим.

По этому поводу не лишним будет обратить внимание и на позицию ФПА РФ по этому вопросу. Так, вице-президент ФПА РФ Евгений Семеняко на одном из заседаний, посвященных вопросам реформирования адвокатуры, обратил внимание собравшихся на то, что в настоящее время, например, лишенный статуса адвокат беспрепятственно продолжает практику в качестве «свободного юриста». При том, что стажер адвоката, согласно закону, не может осуществлять представительство в суде, тогда как любой консультант, даже без юридического образования, вправе быть судебным представителем. Эта проблема может быть решена посредством введения адвокатской монополии на судебное представительство по гражданским и административным делам. «Дуализм» юридической профессии следует устранить путем установления единых стандартов деятельности, правил допуска к профессии и контроля со стороны саморегулируемой ассоциации, как принято во всем мире⁵.

В связи с тем, что одним из важнейших конституционных прав личности в современном демократическом государстве является право на получение квалифицированной юридической помощи, Конституционный Суд РФ в одном из своих решений указал, что, «гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи... и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии»⁶.

В литературе обычно отмечается, что правовым институтом, с которым связывается государственная гарантия реализации указанного права, является институт адвокатуры. В Российской Федерации адвокатская деятельность имеет публично-правовую основу, вытекающую из закрепленной в ст. 48 Конституции РФ гарантии каждого на получение квалифицированной юридической помощи⁷.

В то же время, ввиду того, что стажеры адвоката и помощники адвоката рассматриваются как составная часть института адвокатуры, имеются все основания полагать, что указания Конституционного Суда характеризуют и эти институты. Поэтому в юридической периодике справедливо указывается на то, что именно специфика трудовой функции помощника и стажера адвоката определяет особые требования к ним, одна-

ко как раз собственно трудовая функция этих лиц в Законе и не отражается, за исключением запрета осуществлять адвокатскую деятельность⁸.

Учитывая факт установления применительно к стажерам адвоката определенных требований к уровню образования, их личности, а также учитывая наличие установленного контроля со стороны адвокатов-кураторов, руководителей адвокатских образований и адвокатских палат, за деятельностью стажеров, представляется необходимым утверждать, что для этих лиц уже юридически установлены определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии.

Следует отметить, некоторые адвокаты предлагают разделить стажеров не только полномочиями по юридическому консультированию граждан, составлению документов и ведению гражданских дел, но и полномочиями по самостоятельному ведению уголовных дел на стадии дознания, при рассмотрении дел мировыми судьями и в арбитражных судах первой инстанции⁹.

Так, например, Ю. И. Соловьева и О. В. Поспелов обоснованно отмечают, что если стажер показал за время прохождения стажировки высокий уровень знаний, не нарушал этических правил, и, по мнению адвоката-куратора, способен к осуществлению самостоятельной адвокатской деятельности, ему может быть предоставлена возможность самостоятельного ведения дела под руководством адвоката. Данное положение следует закрепить на законодательном уровне¹⁰.

А. Антипенков и Ю. Домбровский также полагают, что стажерам необходимо предоставить право представлять интересы граждан и юридических лиц в судах по делам, являющимся предметом деятельности адвоката, на основании письменного поручения. При этом соглашение об оказании юридической помощи, разумеется, заключает адвокат, он же и несет ответственность перед доверителем. А стажер привлекается письменным поручением адвоката для представления интересов доверителей под контролем адвоката¹¹.

Ю. А. Джахабаров отмечает, что требуется предоставление возможности стажеру адвоката права на участие в отдельных процессуальных действиях по поручению адвоката, иногда и вместо него¹².

Заслуживающим внимание представляется и мнение Ю. С. Самкова, который отмечает, что в период стажировки стажер адвоката должен приобрести такие навыки профессиональной подготовки, которые бы позволили ему уверенно приступить к самостоятельной адвокатской деятельности. Для этого настоящий закон должен обеспечить гарантии его профессиональ-

5 Круглый стол «Направления развития нормативно-правового регулирования деятельности адвокатуры» // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2013. – № 1 (39). – С. 27.

6 Постановление от 28 января 1997 г. № 2 – П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антонова, Р. Л. Гиттиса и С. В. Абрамова // СЗ РФ. – 1997. – № 7. – Ст. 871.

7 Профессиональная этика адвокатов. Сборник материалов / Составитель Н. М. Кишнис. – М.: ООО «Вариант». – С. 10.

8 Харитонов М. М. Отдельные особенности правового регулирования наемного труда в сфере адвокатской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/j1966.html>.

9 Шаров Г. К. Оказывать юридическую помощь должны независимые профессионалы // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2009. – № 1 (23). – С. 127.

10 Соловьева Ю. И., Поспелов О. В. Актуальные проблемы приобретения статуса адвоката и подготовки к адвокатуре // Наука и Мир. – 2014. – Т. 2. – № 10 (14). – С. 44–47.

11 Антипенков А., Домбровский Ю. О вашем стажере замолвите слово // Российский адвокат. – 2015. – № 2. – С. 45.

12 Джахабаров Ю. А. Пути повышения роли и авторитета адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии. Сборник научных трудов / Под общ. ред. О. М. Барбакова, Ю. А. Зобнина. – Тюмень, 2014. – С. 94–95.

ной подготовки, определив необходимый набор полномочий с ограничениями в виде контроля со стороны адвоката. Отсутствие таких полномочий, закрепленных в законе, на практике приводит к тому, что правоохранительные, судебные и иные органы и должностные лица препятствуют стажеру адвоката в его профессиональной подготовке путем отказа в допуске (присутствии) при осуществлении ими той или иной деятельности, ссылаясь на отсутствие у стажера адвоката соответствующих правовых полномочий, установленных законом¹³.

Учитывая вышеприведенные обстоятельства и имея в виду, что целью стажировки является овладение основами профессионального мастерства и подготовка к самостоятельной адвокатской деятельности, а сам процесс стажировки представляет собой процесс не только теоретического, но и, причем главным образом, производственного обучения, представляется, что в настоящее время назрела необходимость разрешения стажерам заниматься оказанием юридической помощи под руководством адвоката-куратора.

Пристатейный библиографический список

1. Адвокатура в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mogu24.ru/dev.php/edu/document/558/%D0%90%D0%B4%D0%B2%D0%92%D0%A0%D0%A4_%D0%9C1.pdf
2. Антипенков А., Домбровский Ю. О вашем стажере замолвите слово // Российский адвокат. – 2015. – № 2.
3. Джухбаров Ю. А. Пути повышения роли и авторитета адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии. Сборник научных трудов / Под общ. ред. О. М. Барбакова, Ю. А. Зобнина. – Тюмень, 2014.
4. Круглый стол «Направления развития нормативно-правового регулирования деятельности адвокатуры» // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2013. – № 1 (39).
5. Постановление от 28 января 1997 г. № 2 – П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антонова, Р. Л. Гиттиса и С. В. Абрамова // СЗ РФ. – 1997. – № 7. – Ст. 871.
6. Профессиональная этика адвокатов. Сборник материалов / Составитель Н. М. Кипнис. – М.: ООО «Вариант», 2008.
7. Рагулин А. В., Шайхуллин М. С. Современные проблемы и тенденции профессионального развития адвоката // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5(6).
8. Самков Ю. С. Развитие законодательства об адвокатуре за последние двадцать лет и перспективы его развития в дальнейшем // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2014. – № 1 (43)
9. Соловьева Ю. И., Поспелов О. В. Актуальные проблемы приобретения статуса адвоката и подготовки к адвокатуре // Наука и Мир. – 2014. – Т. 2. – № 10 (14).
10. Харитонов М. М. Отдельные особенности правового регулирования наемного труда в сфере адвокатской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/1966.html>.
11. Шаров Г. К. Оказывать юридическую помощь должны независимые профессионалы // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2009. – № 1 (23).

13 Самков Ю. С. Развитие законодательства об адвокатуре за последние двадцать лет и перспективы его развития в дальнейшем // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2014. – № 1 (43). – С. 188–189.

Бондаренко Виктор Николаевич
 доктор философских наук, профессор.
 Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также восемнадцать поэтических сборников. В том числе: монографии – «Из опыта философского исследования методологии и теории марксистского социализма» (Уфа, 1990); «Марксистская светская религия» (Уфа, 1994); «Методологические принципы гносеологической концепции классического марксизма» (Уфа, 1997); философские поэмы – «Диалог Сократа и Ф. Ницше» (Уфа, 2005); «Беседа Г. Фегеля и А. Шопенгауэра» (Уфа, 2006); «Книга перем» (Уфа, 2008); «Небесные беседы с Лао-цзы» (Уфа, 2010).

В.Н. Бондаренко

Полёт над бездной

Поташник И. М.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ, МЕСТЕ И РОЛИ АДВОКАТУРЫ

В настоящей статье автор прослеживает историю суда в России от истоков, имеющих документальное подтверждение, до нашего времени. Отмечается, что в научной литературе до сих пор нет единства мнений относительно юридической природы адвокатуры. Автор анализирует мнения ряда правоведов, рассматривает положение адвокатуры по Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Ключевые слова: судебная власть, адвокатура, судебная реформа, адвокат, место, роль, Россия.

Potashnik I. M.

TO THE QUESTION OF THE JUDICIAL AUTHORITY, PLACE AND ROLE OF THE ADVOCACY PROFESSION

In the present article author traces history of court in Russia from the sources having documentary confirmation till our time. Author notes that in scientific literature still there is no unity of opinions on legal nature of legal profession. Author analyzes opinions of the number of jurists, considers provisions of the Federal Law "On the lawyer activity and legal profession in the Russian Federation" in respect to the status of the legal profession.

Keywords: judicial authority, legal profession, judicial reform, lawyer, place, role, Russia.

Прослеживая историю суда в России от истоков, имеющих документальное подтверждение, до нашего времени, диссертант приходит к выводу, что она находится в тесной связи с национальными особенностями, политическими, социальными, экономическими и природными преобразованиями, самобытностью культуры и традиций народов, страны, государства. Из глубины веков поступают сведения, свидетельствующие о влиянии европейского и мусульманского права на становление и развитие российской судебной системы. Веками хранится информация о впервые созданных военных и чрезвычайных судах (со времён опричнины), об особых совещаниях, действовавших в более близкие для современников сложные моменты отечественной истории¹.

Преобразование судов, начиная с XI в. до Судебной реформы 1864 г., судебная реформа XIX в., создавшая вместо сложной и громоздкой системы дореформенных судов две судебные системы: местных (мировые судьи и мировые съезды в качестве апелляционных судов) и общих судов (окружные суды и судебные палаты в качестве апелляционной инстанции), при этом Сенат по отношению ко всем судам был кассационной инстанцией – всё это свидетельствует о стремлении к развитию и совершенствованию судов и судебной власти².

Развитие институтов судебной власти после реформ XIX века и до революции XX века было непоследовательным. Государство, принимавшее чрезвычайные, спасительные меры, не смогло сохранить правовые традиции и стабилизацию в обществе посредством правовых мер. В конце 80-х годов XX столетия официально стала обсуждаться необходимость и возможность проведения судебно-правовой реформы как условие демократизации права и превращения его в важнейший инструмент обновления жизни страны³⁴.

В научной литературе до сих пор нет единства мнений относительно юридической природы адвокатуры. Как полагает Е. В. Васковский, адвокатура не просто замещает стороны как субъектов процесса, а является фактором правосудия и элементом судебной организации, олицетворяя, таким образом, институт в той ветви публичного права, которая называется судебной или процессуальной⁵.

И. Фойницкий также считал, что адвокатура принадлежит к процессуальным институтам. Во многом такое представление известных дореволюционных адвокатов сформировалось вследствие действовавшего в то время судоустройства в Российской империи⁶. Ныне адвокатуру не рассматривают исключительно как определенный процессуальный институт. Ю. Яковлев и П. Билык изначально относят адвокатуру к обобщающим понятиям, делая акцент на нетождественности адвокатуры с понятием юридического лица⁷. Но, по мнению многих исследователей, юридическая природа адвокатуры достаточно не определена и научно не исследована⁸.

Т. Варфоломеева, анализируя состояние современной адвокатуры, пришла к выводу о том, что многие проблемы адвокатуры не утратили актуальность с тех пор, как она была оформлена в самостоятельный профессиональный институт, так и в период реформирования более чем через 130 лет ее деятельности. Ю. Лубшев считает, что без адвокатуры как социально-правового института невозможно вообще существование власти и управления государством. Г. Чельцов, исследуя функции защиты, отмечал, что защита в советском процессе является также публично-правовой функцией, как и обвинение. А советский защитник - не представитель обвиняемого, который выполняет его волю, а член общественной организации, исполняющий функцию защиты законных интересов обвиняемого. О. А. Святоцкий предлагает определение адвокатуры как общественной, самостоятельного вида организа-

1 Адвокатура в России: Учебник / Под ред. проф. Демидовой Л. А., Сергеева В. И. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2004. С. 71.

2 Блинова Н. В. Правовое положение советской адвокатуры // Труды ВЮЗИ. Т. 1. М., 1963. С. 308.

3 Гвоздев Д. Закон об адвокатуре: четвертая попытка // Бизнес-адвокат. 2001. № 15.

4 Еронин В. А., Савич А. С. К обсуждению Проекта Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Адвокат. 2001. № 8.

5 Васковский Е. В. Организация адвокатуры. В двух томах. Том 1. - Санкт-Петербург: типография П. П. Сойкина, 1893. С. 67.

6 Адвокатура в России: Учебник / Под ред. проф. Демидовой Л. А., Сергеева В. И. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2004. С. 71.

7 Бойков А. Д. Третья власть. Курск, 1999. С. 269.

8 История русской адвокатуры. В 3 т. Т. 1 / Под ред. И. В. Гессена. Адвокатура, общество и государство. 1864-1914. М., 1914. С. 417-421.

ции профессиональных юристов, которая выполняет важную общественную функцию – защиту прав и законных интересов граждан и организаций⁹.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» российская адвокатура является добровольным, профессиональным объединением квалифицированных юристов, которое создается для оказания правовой помощи физическим и юридическим лицам. Задачи контроля заключаются в том, чтобы обеспечить, во-первых, надлежащий качественный состав адвокатского корпуса; во-вторых, доступность юридической помощи для населения¹⁰.

Адвокатура – это не просто объединение адвокатов. Более того, неправильно считать адвокатуру органом сферы услуг (подобных службам быта), потому что услуги, оказываемые адвокатурой, имеют особый характер. Государство признает за задержанным, арестованным, обвиняемым, участниками гражданского спора право воспользоваться помощью адвоката, обеспечивая реализацию этого права. Адвокатская деятельность – разновидность правовой деятельности, которая осуществляется в сфере права профессиональными юристами (адвокатами) с целью получения правовых результатов, удовлетворения законных прав и интересов социальных субъектов в соответствии с существующими юридическими требованиями.

Независимость адвокатских объединений (бюро, коллегий, контор, фирм) – недопустимость любого вмешательства со стороны государственных органов, общественных объединений и граждан. Решение ключевых вопросов организации и деятельности адвокатуры принимаются объединениями или адвокатом самостоятельно, без вмешательства со стороны органов исполнительной власти. Министерство юстиции не устанавливает правил оплаты труда адвокатов. Эти вопросы регулируются Законом «Об адвокатуре» и уставами адвокатских объединений. Однако свобода деятельности адвокатских объединений и отсутствие контроля со стороны государства не свидетельствуют о произволе.

Демократизм деятельности адвокатуры характеризуется тем, что она направлена на обеспечение и гарантию защиты прав и свобод личности, которая нуждается в этой защите. Свобода одного выступает в единстве со свободой всех. Защита интересов физических и юридических лиц является реальным воплощением в государстве важнейших человеческих ценностей – свободы, равенства, справедливости, которые способны приносить пользу личности, обществу и государству¹¹.

Гуманизм как правовой принцип характеризуется тем, что адвокатура предназначена для служения обществу и личности в нем, защиты ее жизни, здоровья, безопасности, чести, достоинства, собственности и других личных, социально-экономических и политических прав и свобод. Гуманизм предполагает уважительное отношение без всяких предрассудков и предвзятости к каждому человеку, с учетом только его личных качеств и индивидуальных способностей. Элемент гуманности неразрывно связан с милосердием, которое представляет со-

бой готовность помочь конкретному человеку. Милосердие в сочетании с гуманностью возвышает любого человека, обладающего возможностью влиять на судьбы других людей¹².

Конфиденциальность адвокатской деятельности заключается в возможности всесторонней защиты прав и интересов личности и гарантии сохранения всей информации, полученной в результате осуществления защиты в тайне. Отсутствие элемента конфиденциальности исключает возможность оказания юридической помощи клиентам, поскольку они испытывали бы недоверие к адвокату.

Пристатейный библиографический список

1. Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. В. Н. Буробина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003.
2. Адвокатура в России: Учебник / Под ред. проф. Демидовой Л. А., Сергеева В. И. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2004.
3. Блинова Н. В. Правовое положение советской адвокатуры // Труды ВЮЗИ. Т. 1. М., 1963.
4. Бойков А. Д. Третья власть. Курск, 1999.
5. Васильевский Е.В. Организация адвокатуры. В двух томах. Том 1. – Санкт-Петербург: типография П. П. Сойкина, 1893.
6. Власов Ю. Н., Калинин В. В. Нотариат. М., 2002. С. 12; Москаленко И. В. Нотариат: модель юрисдикции (превентивное правоохранительное обслуживание). М., 2005.
7. Гвоздев Д. Закон об адвокатуре: четвертая попытка // Бизнес-адвокат. 2001. № 15.
8. Еронин В. А., Савич А. С. К обсуждению Проекта Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Адвокат. 2001. № 8.
9. Смагин Г. А. Конституционно-правовые вопросы оказания юридической помощи в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

⁹ Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. канд. юр. наук В. Н. Буробина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003. С. 59.

¹⁰ Смагин Г. А. Конституционно-правовые вопросы оказания юридической помощи в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4-5.

¹¹ Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. В.Н. Буробина. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003. С. 59.

¹² Власов Ю.Н., Калинин В.В. Нотариат. М., 2002. С. 12; Москаленко И.В. Нотариат: модель юрисдикции (превентивное правоохранительное обслуживание). М., 2005. С. 88.

Шевченко И. А. КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)*

В статье рассматриваются отдельные вопросы организации продуктивного взаимодействия юриста и клиента. Автор приходит к выводам о том, что востребованность услуг конкретного юриста обусловлена спецификой самой юридической услуги, проявляющейся в неясности клиенту ее содержания, а также в ее зависимости от личностных особенностей субъекта оказания юридической помощи, и доверительным характером. Условиями удовлетворенности клиента выступает не только получение квалифицированной юридической помощи, признаками которой являются направленность на достижение правового интереса клиента, осуществление специальными средствами, полнота и реализация в рамках права и обеспечивающих качество профессии специальных профессиональных правил – профессиональной этики юриста, но и высокий уровень клиентского сервиса.

Ключевые слова: юридические услуги, клиентоориентированная юридическая практика, клиентский сервис, профессиональная юридическая деятельность.

Shevchenko I. A. CLIENT-CENTERED LEGAL PRACTICE (SOME ASPECTS)

The article considers issues of managing an effective interaction between a lawyer and a client. The author comes to conclusions that the demand for services of particular lawyers is determined by specific features of the legal services themselves, such as ambiguity of their content for clients, dependence on personal qualities of legal services provider and their trustbased foundation. The conditions of clients' satisfaction include not only qualitative legal assistance, characterized by orientation at achieving clients' legal interests, using of special legal means, completeness and implementation within legal framework as well as rules of professional ethics that guarantee the quality of legal profession, but also a high level of customer service.

Keywords: legal services, client-centered legal practice, customer service, professional legal activity.

Типология отношений, участниками которых являются юрист и клиент – вопрос достаточно актуальный в последнее время¹. Кто в этих отношениях кто, как должно быть организовано их продуктивное взаимодействие и в каких целях – это основные вопросы, на которые сегодня нужно отвечать.

Всякий раз при выходе на рынок оказания юридических услуг юристу в первую очередь необходим клиент, какие бы цели он ни преследовал, будь то защита общественных интересов, помощь слабым и обездоленным, зарабатывание денег и пр., потому что без него профессиональная юридическая деятельность и достижение поставленных целей будут невозможны. Следовательно, возникает вопрос о том, как клиенты находят себе юристов, почему из всей той массы людей с дипломами клиенты выбирают одних и упорно игнорируют других.

Эксперты утверждают, что реклама приводит 8 % клиентов. Это не свидетельствует о том, что не нужно тратить ресурсы на рекламу себя и своей деятельности. Придёт время – и это даст свои плоды. Это говорит о том, что нужно иметь правильные ожидания от такого вложения средств. Стенд размером 1х2 метра с фразой «Юридические услуги» или «Адвокат» не создаст ситуацию, в которой отбоя от клиентов не будет. Почему так?

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-33-01354.

1 См.: Материалы семинара «Клиентоориентированная юридическая практика: критерии эффективности, отношения с клиентами и работодателями, профессиональный подход к управлению», организованного юридической фирмой «ЮСБ-Консалтинг», проведённого организацией LegalStudies.RU (Москва) в г. Красноярске 11 февраля 2008 г.

Шевченко И. А.

Юридическая услуга имеет две важные характеристики, которые отвечают на этот вопрос. Первая заключается в том, что юридическая услуга сама по себе не до конца понятна клиенту. Типичный современный клиент часто не понимает, что она из себя представляет и что делает юрист в процессе её оказания, какой получен результат. Вторая характеристика касается субъекта, оказывающего услугу. Понятно, что им является юрист. Однако фактически услугу оказывает не юрист, а человек, который умеет делать определённую работу. Кто этот человек, что и как он умеет делать, можно ли ему доверять, клиент не знает, если встречается юриста впервые. И возможности получить полную и достоверную информацию об этом у него нет. Поэтому клиент осторожничает и редко заходит к юристу только «по вывеске». К кому же он обращается?

К знакомым юристам, а также к тем, кого ему рекомендуют люди, имеющие позитивный опыт взаимодействия с юристом. Эксперты утверждают, что первым способом юристов находят примерно 43 % клиентов, а вторым – 49 %. Объясняется это довольно просто. Когда мы сталкиваемся с проблемой, решение которой возможно только при помощи специалиста, то такого мы ищем сначала среди своих знакомых. Будь то стоматолог, портной или сварщик. Когда среди знакомых такого нет, мы обзваниваем тех знакомых, которые таких специалистов могут знать. И только потом ищем объявление или вывеску.

Но почему так? Потому что помимо двух указанных выше характеристик юридическая услуга обладает ещё и третьей. Речь идёт о том, что юридическая услуга – услуга доверительная (именно поэтому в отношениях клиент – адвокат клиент называется доверителем). Следовательно, чтобы клиент пришёл, чтобы после завязались доверительные отношения и

продуктивная деятельность юриста, клиент должен ему доверять. Пусть не всецело, но в какой-то степени точно. Поэтому логично возникает следующий вопрос, что лежит в основании доверия к юристу, что формирует его репутацию?

Мы привыкли думать, что репутацию и доверие формирует качественная работа. Ещё её можно в заданном нами контексте называть квалифицированной юридической помощью. Учёные и практики продолжают спорить о том, что это такое. На наш взгляд, для формулирования рабочего определения квалифицированной юридической помощи как юридической деятельности (в том смысле, что её осуществляет юрист) можно выделить следующие ее признаки: направленность на удовлетворение правового интереса клиента; осуществление специальными средствами; полнота; реализация в рамках права и обеспечивающих качество профессии специальных профессиональных правил – профессиональной этики юриста.

Бессмысленно спорить с тем, что квалифицированная юридическая помощь и как процесс и как результат способна оставлять клиента довольным и доверяющим юристу. Однако, как оказывается, она не всегда обеспечивает успех. Для современного российского юриста скорей всего будет открытием мнение экспертов, утверждающих, что клиенты в определённом количестве случаев готовы простить юристу его юридическую ошибку². При этом они почти никогда не готовы прощать юристу отсутствие достаточного внимания к себе. Большая часть клиентов покидает юридическую фирму не потому, что её юристы плохо работают, а потому, что фирма не заботится о них: «Можно быть классным профессионалом, качественно готовить меморандум и заключение, но если отсутствует сервис, клиент к вам не пойдёт»³. Следовательно, если перед юристом стоит задача привлечения клиентов, то он вынужден думать не только над тем, как сделать свою работу качественно, но и над тем, чтобы качественно был выстроен клиентский сервис. Именно для того, чтобы каждый клиент оставался довольным не только работой специалиста, но и вниманием к себе. Сегодня именно такой подход может быть условием успеха отдельного юриста и успеха его фирмы.

В среднем довольный клиент говорит о своём положительном опыте взаимодействия с юристами трем людям. Но тот же человек будет действовать совершенно иначе, если опыт взаимодействия с юристом он получил негативный. Эксперты утверждают, что в таком случае недовольный клиент рассказывает об этом в среднем 12 людям. Следовательно, сарафанное радио гораздо интенсивнее распространяет негативную информацию, нежели позитивную. В ситуации, когда подмоченную репутацию исправить гораздо труднее, чем подмочить безупречную, можно согласиться с экспертами относительно того, что даже 2/3 довольных клиентов не гарантируют развития фирмы. Это, в свою очередь, делает очевидным, что каждый заботящийся о привлечении клиентов юрист, каждая юридическая фирма должны прилагать немалые усилия к тому, чтобы количество недовольных клиентов стремилось к нулю, каким бы невозможным это ни казалось. В то же время делать это необходимо не только качеством работы, но и качеством клиентского сервиса. Последнее, похоже, далеко не

очевидно для большинства современных представителей юридической профессии.

«Юристам, как известно, свойственен динамичный подход к работе: по выполнении определённого этапа работы – двигаться дальше! Нередко мы не задумываемся, что клиенту очень неуютно пребывать в неведении. Несообщённый результат в глазах клиента тождественен отсутствию результата. А отсутствие результата в глазах клиента ведёт к его нежеланию воспринимать полученный счёт. Отсюда – необходимость регулярно рапортовать клиенту о ходе работы!»⁴. При этом система оповещения клиента должна быть отработана до мелочей.

Как бы эффективно ни была выстроена деятельность клиентоориентированной юридической фирмы, полностью избежать недовольства клиентов невозможно. По мнению экспертов, это является основанием для разделения задачи работы с неудовлетворёнными клиентами на две подзадачи. Первая заключается в минимизации моментов и причин неудовлетворённости. Вторая – в недопущении накапливания недовольства.

Так или иначе, затронутыми выше проблемами все аспекты клиентоориентированной юридической практики не исчерпываются. Поэтому тем юристам, кто планирует войти в лидеры цивилизованных продаж юридической услуги, предстоит постичь многие премудрости, доселе считавшиеся не относящимися к юридической профессии.

Пристатейный библиографический список

1. Гольблат А. Юридический бизнес: выстраивание отношений с клиентом // Закон. – 2009. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gblplaw.ru/news/articles/8452/> (дата обращения: 28.09.2015).
2. Калинина И. Система заботы о клиенте или зачем нужны формализованные стандарты клиентской работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legalstudies.ru/publications/articles/LegalStudies_Article2_2006-10.pdf (дата обращения: 28.09.2015).
3. Материалы семинара «Клиентоориентированная юридическая практика: критерии эффективности, отношения с клиентами и работодателями, профессиональный подход к управлению», организованного юридической фирмой «ЮСБ-Консалтинг» проведённого организацией LegalStudies.RU (Москва) в г. Красноярске 11 февраля 2008 года.

2 По данным материалов семинара только 14% клиентов покидают юридическую фирму потому, что они были неудовлетворены уровнем квалификации юристов. 68% покидают фирму, поскольку считают, что фирма не заботится о них.

3 Гольблат А. Юридический бизнес: выстраивание отношений с клиентом // Закон. – 2009. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gblplaw.ru/news/articles/8452/> (дата обращения: 28.09.2015).

4 Калинина И. Система заботы о клиенте или зачем нужны формализованные стандарты клиентской работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legalstudies.ru/publications/articles/LegalStudies_Article2_2006-10.pdf (дата обращения: 28.09.2015).

Нуриев А. Д.

КРАЖА КАК ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается вопрос о месте кражи в исламском уголовном праве, концептуализации данного вида преступления в трудах мыслителей-правоведов Арабского халифата, определении предмета, субъекта и состава преступления представителями различных правовых школ, оформившихся в рамках средневекового суннизма. Особое внимание уделяется проблеме процессуальных методов выявления преступника, требованиям, выдвигаемым к свидетелям кражи, и формам наказания за воровство. Автором исследованы основные различия в подходах представителей ханафизма, маликизма, шафиизма и ханбализма к тем положениям уголовного законодательства, которые регулировали методы выявления лица, совершившего преступление, и определяли формы наказания за данный вид преступления.

Ключевые слова: кража, мусульманское право, источники права, Арабский халифат, предмет преступления, субъект преступления, состав преступления, свидетель преступления, правовые школы, ханафитская правовая школа.

Нуриев А. Д.

Nuriev A. D.

THEFT AS A CRIME IN THE MUSLIM CRIMINAL LAW

The article discusses the issue of theft in Islamic criminal law, the conceptualization of this type of crime in the writings of thinkers of the Arab Caliphate, the definition of the object, the subject and the structure of crime by the representatives of various law schools that were formed in the framework of the medieval Sunni. Special attention is paid to the issue of procedural methods for the detection of the offender, the requirements put forward by the witnesses, and forms of punishment for theft. The author investigated the main differences in the approaches of representatives of hanafi, maliki, shafii and hanbali law schools to the provisions of the criminal law, which regulated standards of the perpetrator identification and defined forms of punishment for this type of crime.

Keywords: theft, the Muslim law, the sources of law, the Arab Caliphate, the subject of crime, the object of crime, the structure of crime, the law schools, the Hanafi law school.

Мусульманское уголовное законодательство, которое в Арабском халифате именовалось укубат, как известно, занимало одно из наиболее важных мест в структуре исламского права раннего Средневековья. Столь высокая значимость юридических регуляторов, формировавших в совокупности достаточно сложную систему наказаний, была свойственна многим правовым семьям в рассматриваемый отрезок времени. Правовая традиция средневековья приобретала свои очертания в соответствии с требованиями своего времени, что обусловило актуализацию прежде всего надзирательных и репрессивных аспектов действующей системы правосудия.

Прежде чем перейти к изложению материала, хотелось бы особо подчеркнуть, что обозначенный нами предмет исследования ограничен хронологическими рамками начала VII – середины XIII вв. Дело в том, что падение Багдада под натиском монголов в 1258 г. знаменовало собой окончание эпохи классического мусульманского права¹. В отечественной научной литературе классическое мусульманское право иногда именуют также раннесредневековым или халифатским².

В трактатах мыслителей-правоведов Арабского халифата краже как разновидности преступления было уделено достаточно большое внимание. Как констатируют зарубежные исследователи, наибольшее признание среди ученых получило определение рассматриваемого нами вида преступного деяния, данное известным специалистом в области действующего законодательства, ярким представителем шафиитской правовой школы Аль-Маварди (974–1058), которое звучит в переводе на русский язык примерно так: «Кража – это тайное отчуждение права на имущество, осуществленное совершеннолетним

и психически здоровым членом общины, сделанное им по собственному волеизлиянию»³.

Согласно базовым положениям мусульманского уголовного права кража, наряду с такими видами правонарушений, как неповиновение органам власти (бунт), разбой, употребление спиртного напитка, супружеская измена, ложное обвинение в супружеской измене и отказ от ислама формировали основу уголовного законодательства Арабского халифата. Подавляющее большинство юридических регуляторов, оформившихся в рамках уголовного права, были задействованы в предотвращении и наказании именно вышеперечисленных видов преступлений, в совокупности образовавших группу так называемых «запредельных» преступлений. Согласно воззрениям многих теоретиков мусульманского законодательства, «запредельные» преступления по своей сути были направлены против воли Всевышнего. В современном российском правоведении данную группу правонарушений нередко именуют арабским словом «хадд», которое переводится на русский язык как «граница» или «предел»⁴. Добавим, что в зарубежной научной литературе, посвященной вопросам уголовного законодательства Арабского халифата, понятия «запредельные» преступные деяния и «уголовно наказуемые правонарушения» нередко употребляются как синонимы. Это вызвано тем, что наказания за совершение «запредельных» преступлений были так или иначе описаны в основных источниках мусульманского права, что, в свою очередь, как считали мыслители прошлого, подтверждало необратимость уголовного наказания. В ходе дальнейшего изложения материала традиция применять термин «запредельное» преступление вместо понятия «уголовно наказуемое преступное деяние» будет нами соблюдена.

1 Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. История мусульманского права. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 99.

2 Иванова Д. Р., Нуриев Б. Д. Институт брака в исламском праве раннего средневековья. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 14.

3 Koçak M., Dalgın N., Şahin O. İslam hukuku. – İstanbul: Ensar Neşriyat, 2013. – С. 352.

4 Гусенова П. А. Особенности доказывания по мусульманскому праву – Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9. – С. 188–189.

Считается, что основные споры и дискуссии среди интеллектуалов раннесредневекового Ближнего Востока были связаны с вопросом о том, есть ли необходимость рассматривать кражу имущества исключительно в качестве «запредельного» преступления. Напомним, что основная, наиболее часто используемая в правоприменительной практике, классификация преступлений, помимо «запредельных» преступлений, включала в себя группу так называемых «доказанных» правонарушений⁵. Данный вид преступлений в современном российском правоведении нередко именуется арабским словом тазир, транслирующим значение «истина» или «доказательство»⁶. «Доказанные» преступления отличались от «запредельных» двумя основными особенностями. Во-первых, наказания за совершение преступлений из группы тазир не оговаривались в основных источниках права. Как правило, судья, вынося свой вердикт по делу, относящемуся к данной группе, опирался на менее значимые источники права. Во-вторых, решение судьи в подобных случаях было менее суровым, а форма наказания была значительно более мягкой и близкой, говоря современным языком, к наказаниям за административные правонарушения.

В Арабском халифате кражу имущества в подавляющем большинстве случаев относили к группе уголовно наказуемых преступных деяний. Однако в исключительных случаях кража могла рассматриваться в качестве «доказанного» преступления. Так, например, воровство ребенком имущества родителей, как полагали мыслители-правоведы Арабского халифата, должно было классифицироваться в качестве преступления из группы тазир, а не из группы хадд. Это объяснялось тем, что в основных источниках права отсутствовала информация о том, каким образом необходимо поступать членам общины в случае обнаружения воровства детьми имущества родителей. Более того, ребенок, согласно действующему наследственному праву, пусть пока еще не являлся полноправным собственником украденного им имущества, тем не менее, в глазах членов общины воспринимался в качестве наследника данного имущества, что также затрудняло классифицировать данное правонарушение как «запредельное» и, соответственно, требующее более сурового наказания⁷.

Вопрос о том, к какому виду преступлений стоит отнести кражу – к «запредельному» или «доказанному» – тесно переплетался с проблемой идентификации признаков данного деяния, в совокупности формировавших состав преступления. Напомним, что под понятием «состав преступления» в современном правоведении понимается «совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление»⁸. В рамках каждой правовой школы, оформившейся на Ближнем Востоке в период раннего Средневековья, был развит свой подход к обозначенной проблеме. Основные положения, легшие в основу концептуализации признаков рассматриваемого нами вида преступления, касались теоретизации таких понятий, как «похититель», «похищенное имущество», «сохранность похищенного имущества», «стоимость похищенного имущества», «мотивы преступника» и др. Как видно, мыслители-правоведы Арабского халифата в группу признаков преступления, которые, как говорилось

выше, вкрупне образуют состав преступления, включали и такие понятия, как субъект и объект преступления.

Считалось, что обвиняемый в совершении рассматриваемого нами вида преступления должен быть совершеннолетним членом общины и не страдать психическими расстройствами. Возбуждаемое дело в отношении несовершеннолетнего жителя Арабского халифата, как правило, рассматривалось в рамках преступлений из группы «доказанных», что, соответственно, предусматривало более мягкую степень наказания. В отношении психически больного члена общины дело о воровстве не возбуждалось совсем. Помимо этого, обязательное условие гласило, что человек, обвиняемый в краже чужого имущества, должен был совершить преступление по собственной воле без какого-либо принуждения со стороны другого лица. В том случае, если похититель совершал преступное деяние вынужденно, например, под воздействием угрозы для жизни и здоровья, данный вид преступления также рассматривался в качестве «доказанного». Как полагали теоретики мусульманского уголовного законодательства, немаловажную роль играло и то обстоятельство, что похититель не мог скрыто или явно претендовать на похищенное имущество по нормам действующего наследственного законодательства. Как уже говорилось выше, воровство в кругу членов семьи или ближайших родственников не предполагало суровое наказание, так как, согласно положениям мусульманской системы правосудия раннего Средневековья, кровное родство подразумевало наследственные правоотношения. И, наконец, в трактатах мыслителей-правоведов Арабского халифата достаточно отчетливо прослеживается мысль, согласно которой похититель мог быть сурово наказан только в том случае, если он «не испытывал крайнюю степень нужды и тем голодал»⁹.

В ходе теоретизации положений относительно похищенного имущества среди мыслителей прошлого, как констатируют исследователи, разгорались оживленные споры. Единственным исключением была, пожалуй, норма о ценности похищенного имущества, которая гласила, что стоимость похищенного имущества должна быть определена в соответствии с действующими на данный момент рыночными ценами на то или иное имущество. Исходя из данного положения, похищение ребенка, например, не могло стать причиной наказания из группы «запредельных»: как правило, подобные преступления рассматривались в качестве «доказанных», что, впрочем, не становилось причиной смягчения наказания за подобные деяния. Аналогичную оценку получила и кража спиртных напитков. Данное обстоятельство объяснялось тем, что алкогольные напитки считались запрещенными в Арабском халифате, и по этой причине их рыночную стоимость определить было невозможно.

Спорным в Арабском халифате был вопрос о минимальной стоимости похищенного имущества. Согласно общепринятой точке зрения, для того, чтобы кража рассматривалась в качестве уголовно наказуемого преступного деяния, ущерб, причиненный владельцу похищенного имущества, не мог быть ниже определенного денежного эквивалента. Дискуссии между представителями различных правовых школ вызвала проблема определения минимального размера стоимости. Как правило, под минимальным размером оценочной стоимости принимался так называемый нисаб, помимо уголовного права широко применявшийся и в налоговом праве Арабского халифата. Напомним, что в действовавшем в Арабском халифате налоговом законодательстве нисаб – это годовой доход члена общины, преодоление которого обязывало жителя Арабского халифата выплачивать обязательный налог – закят. Для определения нисаб мыслителями-правоведами была разработана соответствующая методика. В уголовном праве Арабского ха-

5 Миннихаев Р. А., Нуриев А. Д. Понятия «вина» и «преступление» в мусульманском праве раннего средневековья // Вестник Башкирского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 764.

6 Гусенова П. А. Особенности доказывания по мусульманскому праву // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9. – С. 188–189.

7 Koçak M., Dalgin N., Şahin O. İslam hukuku. – İstanbul: Ensar Neşriyat, 2013. – С. 532.

8 Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: Учебник / Г. Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – С. 98.

9 Koçak M., Dalgin N., Şahin O. İslam hukuku. – İstanbul: Ensar Neşriyat, 2013. – С. 533.

лифата нисаб определялся проще, однако в рамках каждой правовой школы доминировало собственное видение данной проблемы. Известно, что представители ханафитской правовой школы предлагали рассматривать кражу в качестве уголовно наказуемого деяния только в том случае, если стоимость похищенного имущества была выше одного динара или десяти дирхемов. Заметим, что динар – золотая монета, имевшая хождение в Арабском халифате, и равнявшаяся стоимости десяти серебряных монет – дирхемов. Приверженцы конкурирующих правовых школ считали, что в денежном эквиваленте нисаб не мог быть ниже четырех динаров. Добавим, что рассматриваемая нами минимальная стоимость похищенного имущества касалась только разовой кражи. Говоря другими словами, в случае, если одно и то же физическое лицо преодолело нисаб в ходе совершения более одной кражи, оно, как правило, освобождалось от уголовной ответственности.

Следующим обязательным условием, выдвигавшимся мыслителями-правоведами Арабского халифата в отношении похищенного имущества, было его так называемое «свойство нахождения под охраной»¹⁰. В юридической литературе Арабского халифата сохранность имущества рассматривалась двояко. Изначально предполагалось, что имущество находится в неком помещении. Подобные помещения, как считали теоретики уголовного законодательства, можно было условно разделить на две группы. В первую группу входили помещения, вход в которые для постороннего лица был запрещен. В первую очередь, подразумевались жилища и частные владения членов общины. Свойство нахождения под охраной в данном случае проявлялось в том, что вход в помещение был затруднен из-за наличия замка или иного подобного препятствия. Вторая группа состояла из помещений общественного пользования. Самым наглядными примером данного типа помещений были мечети и другие культовые сооружения. Свойство нахождения под охраной предполагало присутствие охранника или смотрителя. Согласно базовому положению уголовного законодательства Арабского халифата, преступным деянием считалась кража имущества из охраняемого помещения независимо от того, к какой группе оно относилось. В том случае, если помещение не обладало свойством сохранности, похититель освобождался от уголовной ответственности.

Заслуживающим внимание было положение, развитое мыслителями-правоведами Арабского халифата, о том, можно ли причислить кражу к уголовно наказуемому деянию, если предмет преступления был быстропортящийся предмет, например, продукты питания. Как констатируют исследователи, ханафиты предлагали не рассматривать в качестве уголовного преступления кражу имущества, теряющего свои основные свойства в течение короткого времени. Их оппоненты считали, что необходимо учитывать специфику быстропортящегося похищенного предмета. В том случае, если у похитителя была возможность в короткий срок его реализовать и выручить некую сумму денег, факт кражи должен быть считаться уголовно наказуемым деянием. В противном случае виновный освобождался от уголовной ответственности.

Неоднозначную оценку в воззрениях мыслителей-правоведов Арабского халифата находил вопрос о краже имущества, которое находилось в государственной собственности или принадлежало всем членам общины. Нередко в границах одного селения находились общедоступные материальные ценности, владельцами которых были члены уммы. Подобные стратегически важные виды собственности находились под контролем наместников. Подходящим примером рассматриваемому виду имущества могут послужить запасы пресной воды, предназначенной для сельскохозяйственных угодий, запасы соли и известняка. Кража подобного имущества неоднозначно оце-

нивалась приверженцами той или иной правовой школы. Как отмечают исследователи, ханафитская школа предлагала не рассматривать в рамках уголовного права кражу общественного имущества, однако их оппоненты в своем большинстве были не согласны, полагая, что кража общественной собственности – «запредельное» преступление, требующее уголовной ответственности.

Достаточно интересна была постановка вопроса о мотивах, сподвигших лицо на совершение преступления. Мыслители-правоведы Арабского халифата призывали судей, которых, как известно, именовали кади, различать истинные мотивы, подтолкнувшие члена общины к совершению рассматриваемого нами вида преступления. В современной научной литературе, изданной за рубежом, в качестве примера, наглядно демонстрирующего сочетание в акте кражи истинных и так называемых ложных мотивов, используется похищение ребенка, у которого на пальце был дорогостоящий перстень¹¹. Данный же пример, как констатируют современные исследователи, часто приводился в трактатах мыслителей-правоведов Арабского халифата. Так, если подозреваемый пошел на подобное преступление с целью завладеть ювелирным украшением, то данное дело должно быть рассмотрено в рамках действующего уголовного законодательства. Если же истинным объектом преступления был ребенок, данное деяние не могло считаться «запредельным». Исследователи констатируют, что данной точки зрения придерживались большинство ханафитов, а также некоторые приверженцы маликитской и ханбалитской правовых школ. Сторонники шафиизма полагали, что в подобной ситуации дело неоднозначно должно рассматриваться как уголовно наказуемое.

Достаточно интересна была позиция теоретиков уголовного законодательства относительно формы собственности по отношению к похищенному имуществу со стороны потерпевшего. Согласно положениям уголовного права Арабского халифата, считалось, что отношение между хозяином похищенного имущества и самим объектом преступления могло быть оформлено в следующих видах. Во-первых, пострадавшее лицо могло быть полноправным собственником похищенного имущества, что подтверждалось соответствующей документацией или показаниями свидетелей. Во-вторых, объект кражи мог находиться у пострадавшего во временном пользовании. И, в-третьих, похищенное имущество могло находиться у потерпевшего на хранении. Как констатируют современные исследователи раннесредневекового мусульманского уголовного законодательства, только при наличии вышеперечисленных форм отношений между объектом преступления и потерпевшим лицом кража имущества могла рассматриваться как уголовно наказуемое преступное деяние.

Большое внимание мыслителями-правоведами Арабского халифата было уделено методам определения преступника. Основной блок данных методов образовали положения, регулировавшие показания свидетелей. На Ближнем Востоке в рассматриваемый нами отрезок времени считалось, что данные, полученные от свидетелей преступления, представляют собой наиболее надежный метод поимки похитителя. Исходя из данного положения, основоположники исламского уголовного законодательства теоретизировали и развили критерии, которым должны были соответствовать очевидцы преступления:

- необходимы были показания как минимум двух членов общины из числа мужчин. Показания женщины не принимались в качестве достоверной информации;
- свидетели должны были иметь внушающую доверие репутацию и не иметь судимости;

10 Koçak M., Dalgin N., Şahin O. İslam hukuku. – İstanbul: Ensar Neşriyat, 2013. – С. 536.

11 Koçak M., Dalgin N., Şahin O. İslam hukuku. – İstanbul: Ensar Neşriyat, 2013. – С. 537.

• свидетели, участвовавшие в ходе расследования дела, должны были быть непосредственными очевидцами кражи, их показания не могли опираться на доводы третьих лиц;

• показания свидетелей могли иметь срок давности, который варьировался в зависимости от особенностей каждого возбуждаемого уголовного дела. Данное положение поддерживали приверженцы ханафитской правовой школы, в то время, как маликиты отвергали его;

• показания свидетелей могли быть приобщены к делу только после его возбуждения. Безосновательные показания не могли приниматься в расчет.

Однако сторонники маликизма предлагали учитывать показания свидетелей, данные до подачи иска со стороны потерпевшего.

Мыслители-правоведы Арабского халифата в качестве метода определения преступника рассматривали также чистосердечное признание последнего. Как известно, религиозная концепция очищения от грехов, свойственная всем мировым конфессиям, приветствовала такие поступки прихожан, как покаяние и исповедование, что, соответственно, накладывало отпечаток на формирование положений действующего законодательства. Как констатируют современные исследователи исламской системы правосудия, большинство теоретиков мусульманского уголовного законодательства считали, что признание члена общины в совершении им преступного деяния считалось достаточным для закрытия дела. Однако некоторые мыслители прошлого настаивали на том, что подобное признание должно быть озвучено дважды перед судьей и в присутствии свидетелей. Более оживленные споры вызывал вопрос о том, могло ли рассматриваться деяние как уголовно наказуемое, если виновник чистосердечно раскаялся после подачи иска со стороны потерпевшей стороны. Так, например, основоположник ханафитской правовой школы Абу Ханифа (699–767) и некоторые его последователи полагали, что в данном случае акт правонарушения не мог считаться уголовно наказуемым преступным деянием. Однако другой видный представитель ханафизма, первый глава Верховного суда Арабского халифата Абу Юсуф (737–798) и его сторонники из числа приверженцев шафиитской правовой школы придерживались диаметрально противоположной позиции, не признавая за покающимся похитителем возможности избежать сурового наказания.

Наказания, предусмотренные за совершение кражи, в условиях Арабского халифата были одними из наиболее суровых. В случае, когда правонарушение признавалось уголовно наказуемым преступным деянием, в силу вступали положения о так называемых «запредельных» наказаниях¹². Во-первых, член общины, обвиненный в краже имущества, лишался руки путем ее отсечения. Во-вторых, украденное имущество возвращалось потерпевшей стороне. В случае невозможности возврата похищенного имущества, предусматривалась выплата компенсации со стороны осужденного. Методы определения компенсации варьировались в зависимости от положений той или иной правовой школы. Заметим, что положение о выплате компенсации далеко не всегда получало однозначную оценку в глазах мыслителей-правоведов Арабского халифата. Некоторые ханафиты отказывались признавать необходимость возврата украденного имущества или выплаты компенсации, аргументируя свою позицию тем, что в основных источниках исламского права однозначное положение по данному вопросу отсутствует. Сторонники маликитской правовой школы считали, что компенсация похищенного имущества в пользу пострадавшей стороны возможна только в том случае, если украденное имущество, в принципе, могло быть без суще-

ственных препятствий продано и имело однозначную рыночную стоимость. В противном случае, как полагали маликиты, отсечение руки у преступника – достаточное по степени суровости наказание. Считается, что положение о необходимости возвращения украденного имущества или его денежного эквивалента наибольшую поддержку получило у приверженцев шафиизма и ханбализма.

Итак, кража, как вид уголовно наказуемого общественно опасного деяния в Арабском халифате, получила достаточно подробный анализ в работах мыслителей-правоведов. Более того, теоретические концепции, развитые в рассматриваемый отрезок времени, нашли свое широкое применение и в практической плоскости. Безусловно, данный вид преступления и сопряженная с ним правоприменительная практика наложили отпечаток на формирование мусульманской правовой традиции, сложившейся веками и не утратившей своей актуальности и в современном мире. Думается, что исследованию столь значимого для мусульманской правовой культуры уголовно наказуемого преступного деяния, каким являлась кража в период раннего Средневековья, должно уделяться соответствующее внимание со стороны российских ученых. Как справедливо отмечают отечественные специалисты, «те государства, которые не дают себе труда проводить соответствующую идеологическую работу по разъяснению сути ислама вообще и мусульманского права в частности, освещению как достоинств, так и недостатков, рискуют, что это сделают радикальные секты»¹³. Безусловно, в условиях усиления исламского радикализма на Ближнем Востоке необходимость в изучении основных положений мусульманского права актуализируется как никогда ранее. Верное понимание тех сложных трансформаций, которые происходят сегодня в мусульманском мире, возможно только с помощью всестороннего и тщательного изучения основ мусульманской правовой традиции, включая ее уголовную и уголовно-процессуальную части.

Пристатейный библиографический список

1. Быкова Е. В. Современные вопросы ислама. – М.: Юрлитинформ, 2009.
2. Гусенова П. А. Особенности доказывания по мусульманскому праву // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9.
3. Иванова Д. Р., Нуриев Б. Д. Институт брака в исламском праве раннего средневековья. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
4. Миннихметов Р. А., Нуриев А. Д. Понятия «вина» и «преступление» в мусульманском праве раннего средневековья // Вестник Башкирского государственного университета. – 2014. – № 2.
5. Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. Вспомогательные источники исламского права и их классификация // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 5.
6. Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. История мусульманского права. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
7. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Г. Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Херай. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011.
8. Koçak M., Dalgın N., Şahin O. İslam hukuku. – İstanbul: Ensar Neşriyat, 2013.

12 Миннихметов Р. А., Нуриев А. Д. Понятия «вина» и «преступление» в мусульманском праве раннего средневековья // Вестник Башкирского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 764.

13 Быкова Е. В. Современные вопросы ислама. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 25.

Галушкин А. А., Коровяковский Д. Г., Понаморенко В. Е.

ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье рассматривается влияние высшего юридического образования на формирование правосознания и правовой культуры юриста. Особое внимание уделяется идее социального компромисса как базису современного правосознания, преодолению позитивизации правосознания за счет большей востребованности в образовательном процессе достижений социологии права.

Ключевые слова: образование, высшее юридическое образование, правосознание, правовая культура, правотворчество, компромисс.

Galushkin A. A., Korovyakovskiy D. G., Ponamorenko V. E.

HIGHER LEGAL EDUCATION AS A FACTOR IN THE EVOLUTION OF LEGAL AWARENESS AND LEGAL CULTURE

This article examines the impact of higher legal education on the formation of legal awareness and legal culture of a lawyer. Particular attention is paid to the idea of social compromise as the basis of modern legal awareness, to overcoming of legal sense positivism due to the greater demand of the achievements of the sociology of law in the educational process.

Keywords: education, higher legal education, legal awareness, legal culture, lawmaking, compromise.

В настоящее время большинство развитых демократических стран мира осознали необходимость реформирования своих систем высшего образования с тем, чтобы студенты действительно стали центральной фигурой учебного процесса в высшей школе, чтобы познавательная деятельность учащегося находилась в центре внимания педагогов-исследователей, разработчиков программ образования средств обучения административных работников, т.е. процесс познания, а не преподавание, как это было до сих пор при традиционном обучении.

Требования, предъявляемые к квалификации выпускников профессиональной школы, постоянно меняются. Особенно это стало очевидным в последнее десятилетие, когда специалисты все в большей мере нуждаются в междисциплинарных знаниях и умениях, которые дают им возможность анализировать, моделировать, трансформировать и использовать информацию применительно к разным ситуациям и системам¹.

Правовая культура занимает обособленное место в социокультурном пространстве. Полностью она не совпадает ни с одним видом культуры (материальной, духовной, политической и т.д.), создавая своеобразное, уникальное сочетание как материальных, так и идеальных, духовных компонентов. Культурная норма всегда социальна, ибо социальна человеческая деятельность, ею нормируемая².

Юридическое образование выступает как форма воспроизводства профессиональной правовой культуры и подчиняется закономерностям развития и функционирования правовой системы общества³. С другой стороны, высшее юридическое образование является частью системы высшего профессионального образования страны. Оно имеет свои содержательные элементы в виде стандартов, образовательных программ и других документов; реализуется в различных формах спе-

циализированными социальными институтами- высшими учебными заведениями. В этом аспекте высшее юридическое образование выступает как часть образовательной культуры общества и подчиняется закономерностям функционирования и развития системы образования⁴. В настоящее время подготовка юристов ведется в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования четвертого поколения⁵.

С 2012 г. все основные образовательные программы ВПО реализуются по уровням согласно федеральному государственному образовательному стандарту ВПО, срок освоения образовательной программы для получения квалификации (степени) «бакалавр» - четыре года, а для получения квалификации (степени) «магистр» - два года⁶.

В основе государственной политики реформирования юридического образования должно лежать четкое представление о национальной конституционной модели современного юриста⁷. Она (эта модель) сама по себе, в основных своих характеристиках, имеет конституционное обоснование: в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России.

В этой же модели должна лежать, на наш взгляд, фундаментальная идея **социального компромисса** как важной предпосылки формирования правового демократического государства. А значит, правосознание и правовая культура современного юриста должны формироваться на «закваске» компромиссного сознания.

Мы вводим понятия «конфронтационное правосознание» и «компромиссное правосознание» в следующих значениях.

1 Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / Под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. унта, 1989. 397 с.

2 Смоленский М. Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства: Перспективы становления в современной России / Дисс... докт. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 79.

3 Алешина Е. А. Формирование правовой культуры в процессе юридического образования / Дисс... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 23.

4 Горбатова М. К. Высшее юридическое образование в современной России: теоретико-правовые аспекты развития / Дисс... канд. юрид. наук. Новгород, 2007. С. 41-42.

5 Загородский В. В. Правовая культура в контексте прав человека / Дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 42-43.

6 Приказ Минобрнауки РФ от 02.03.2012 № 163 // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

7 Бондарь Н. С. Конституционная модель современного юриста: отвечает ли ей нынешняя система юридического образования? // Человек и закон. 2010. № 1. С. 18-27.

Конфронтационное правосознание – это правосознание субъекта, содержащее установку на защиту им своего субъективного права (как оно его понимает) в оппозиции к правам других лиц. Компромиссное правосознание – это правосознание субъекта, содержащее установку на удовлетворение им своего субъективного права в конструктивном взаимодействии с иными управомоченными субъектами.

Одной из наиболее востребованных идея компромисса является в англо-саксонской правовой семье, вследствие социальной ориентации прецедента как основного источника права, а также плюрализма и комплексности использования социальных регуляторов в правоприменении. Идея компромисса как довлеющая в правоприменении выделяется и в семье традиционного права.

Мы полагаем, что конфронтационное правосознание наиболее присуще позитивистскому типу правопонимания, при котором главным источником права признается нормативный правовой акт, а главным субъектом правотворчества выступает государство. Мы считаем, что позитивистское правосознание формирует конфронтационный потенциал законодательства еще на стадии правотворчества, который только усиливается на стадии правоприменения. Господствующее сегодня позитивистское понимание правотворческого процесса полностью отрицает или существенно обесценивает влияние психологических и социальных факторов на процесс позитивного правотворчества. По нашему мнению, правообразование как процесс более широкий, чем правотворчество, включает в себя социально-психологически обусловленные предзаконодательную и постзаконодательную стадии.

Правотворчество сегодня и теоретически осмысливается, и фактически осуществляется, начиная со стадии подготовки проекта нормативного правового акта и заканчивая опубликованием нормативного правового акта, без учета иных выше-названных стадий.

В современном правотворческом процессе не уделяется достаточного внимания изучению общественного мнения на предмет наличия конфликтогенных факторов и возможных правовых инструментов снижения социальной напряженности, и тем более – изучению и мониторингу содержания общественного правосознания. Изучение общественного правосознания предполагает не только оценку при помощи социологических методов отношения индивида к тем или иным социальным институтам и правовым текстам, но прежде всего, посредством психологического инструментария, анализ его фактических интересов, потребностей, притязаний (могущих быть объектом правового регулирования), содержания идеи права и правового идеала, деформаций правосознания и т.д.

Таким образом, в юридической практике не уделяется должное внимание эффективности закона, его регулятивному, конфликтологическому потенциалу. Закон не проходит ни предваряющей законотворчество социальной легитимации, ни последующей социальной верификации. К закону не предъявляются требования социальной полезности, закон не рассматривается в координатах системы нормативного регулирования как один из инструментов гармонизации общественных отношений в его взаимосвязи с другими инструментами.

Критериями качества нормативного правового акта в социологическом подходе выступают адекватность нормы права уровню развития общественных отношений и уровню правосознания, полезность правовой нормы в качестве социального регулятора. Если норма права не удовлетворяет этим критериям, она не должна использоваться в качестве медиативного

инструмента, и тогда медиатор обращает преимущественное внимание на иные источники права и даже на иные, нежели право, социальные регуляторы.

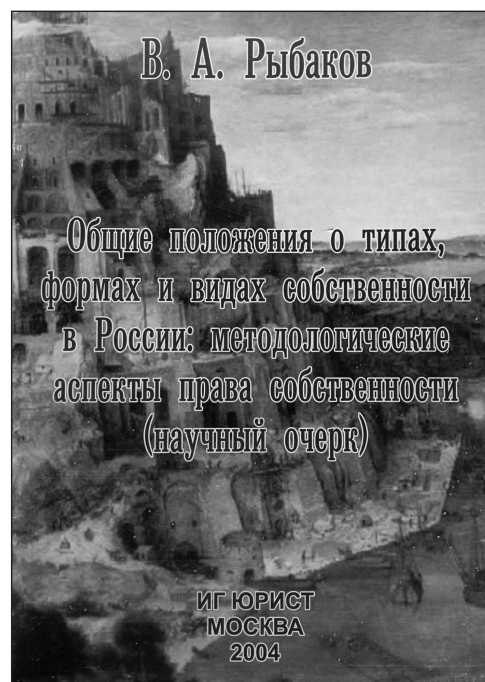
Конечной целью правового регулирования через призму социологии права может быть только гармонизация, упорядочение общественных отношений через удовлетворение потребностей, интересов, притязаний, что снижает конфликтный потенциал социального взаимодействия.

Итак, можно резюмировать, что имеющиеся в отечественном общественном (в том числе профессиональном) правосознании установки, проявляющие себя и в подготовке юристов, и в юридической практике, не способствуют, а возможно и прямо противоречат целям гармонизации общественной жизни.

Таким образом, отечественная система подготовки юристов требует существенной адаптации для целей подготовки юриста как активного субъекта формирующегося гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Алешина Е. А. Формирование правовой культуры в процессе юридического образования / Дисс... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 23.
2. Шаммазов А. М., Бахтизин Р. Н. Приказано выжить, или способы адаптации государственного университета к рыночной экономике // Университетское управление: практика и анализ. – 2001. – № 2. – С. 61-65.
3. Бондарь Н.С. Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования? // Человек и закон. 2010. № 1. С. 18-27.
4. Горбатова М. К. Высшее юридическое образование в современной России: теоретико-правовые аспекты развития / Дисс... канд. юрид. наук. Новгород, 2007. С. 41-42.

Акимов М. Ю., Ларченко И. Н.
РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ КАДРОВОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается вопрос развития компетенций педагогических работников общеобразовательных школ. На основе анализа программных документов и современных требований, предъявляемых к качественному составу педагогических работников, предлагается подход к изменению организации методической работы в школе. Это окажет содействие в формировании востребованных компетенций педагогов.

Ключевые слова: модернизация кадровой политики, методическая готовность педагогических работников, профессиональное развитие педагогических работников, профессиональная компетентность педагогических работников.

Akimov M. Yu., Larchenko I. N.
DEVELOPMENT OF TEACHERS' COMPETENCIES IN SECONDARY SCHOOLS IN THE
CONTEXT OF MODERNIZATION OF THE STATE PERSONNEL POLICY

The article discusses the issue of competence development of pedagogical staff of secondary schools. Based on the analysis of policy documents and the modern requirements to the qualitative composition of pedagogical staff the approach to change the methodical work organization at school is proposed. This will facilitate in formation of teachers' requested competences.

Keywords: modernization of personnel policy, methodical preparedness of teachers, professional development of teachers, professional competency of teachers.

Вопросам подготовки кадров и развития трудовых ресурсов страны уделяется особое внимание с начала становления казахстанской государственности.

Модернизация кадровой политики государства стала частью экономической политики нового курса, которая возведена в ряд приоритетных направлений Стратегии «Казахстан-2050». Предлагается новое национальное видение: к 2020 г. Казахстан – образованная страна, умная экономика и высококвалифицированная рабочая сила. Развитие образования должно стать платформой, на которую будет опираться будущее экономическое, политическое и социально-культурное процветание страны¹. Развитие человеческих ресурсов определено в качестве одного из приоритетов Стратегического плана развития республики Казахстан до 2020 г.²

В Государственной программе развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы ставится ключевая задача обеспечения системы образования высококвалифицированными кадрами³. В программном документе также отмечается, что в системе среднего образования имеют место проблемы, связанные со слабой учебно-методической базой и необходимостью обновления содержания и методов обучения.

Приведенные выше суждения ориентируют педагогических работников общеобразовательных школ Казахстана на постоянную методическую готовность к созданию, освоению и использованию в учебном процессе педагогических нововведений. Внедрение инновационных форм и методов обучения определяет высокие требования к личности и профессиональной компетентности педагогических работников⁴.

1 Стратегия «Казахстан-2050» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://strategy2050.kz/ru/page/message_text2014

2 Стратегический план развития республики Казахстан до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ortcom.kz/ru/program/program-2020/text/show>

3 Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.resurs.kz/eleгал/programma-2011-2020>

4 Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Особенности использования инновационных технологий в социальном управлении качеством профессионального образования в условиях университетского комплекса // Омский научный вестник. – 2012. – № 2 (106); Ларченко И. Н., Акимов М. Ю. Социальные механизмы в практике развития системы профессионального образования // Научное обозрение. – 2014. – № 8. – Ч. 2.

Акимов М. Ю.

Ларченко И. Н.

В связи с этим особую роль в профессиональном развитии педагогических работников приобретает методическая работа. Действительно, если среди задач, стоящих перед школой, все большее значение придается формированию ключевых компетенций, то умение обеспечить этот процесс становится важнейшим компонентом педагогического профессионализма. Нельзя не согласиться с мнением, что «...важным для сферы профессионального развития учителей является также представление об управлении знаниями, которое получило большое развитие в бизнесе, но осталось практически вне сферы образования...»⁵.

Можно констатировать, что особым образом организованная в общеобразовательной школе методическая работа будет способствовать профессиональному развитию педагогических работников. Используемые в работе с педагогическими работниками общеобразовательных школ традиционные формы и методы работы оказывают сегодня недостаточное методическое воздействие и имеют незначительный, по сравнению с затраченными моральными и материальными ресурсами, эффект. Традиционные формы и методы работы практически не учитывают индивидуальные особенности педагогических работников, избирательные потребности в применении методического опыта, повышение квалификации и т.п. Слабо реализуется потребность в издании лучших методических разработок, рекомендаций, программ и инновационных курсов.

Содержание методической работы реализуется через традиционные направления работы: обобщение положительного педагогического опыта, повышение квалификации и т.п. Слабо реализуется потребность в издании лучших методических разработок, рекомендаций, программ и инновационных курсов.

5 Развитие педагогического мастерства учителей общеобразовательных школ Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.primeminister.kz/page/article-180>

6 Там же.

Сложным является качественный состав педагогических работников общеобразовательных школ: каждый пятый работающий учитель в возрасте от 50 лет и старше. Из общего количества педагогов стаж до 3-х лет имеют 13 %. Ежегодное пополнение из числа молодых кадров составляет лишь 2,6 %⁷. Организация методической работы с ними должна способствовать процессу формирования индивидуальной траектории методического развития учителя.

Новые требования Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы расширяют профессиональные функции педагогических работников, указывают на обязательное формирование и последующее развитие у них таких компетенций как: профессиональная, информационная и коммуникативная.

Особую роль в процессе формирования компетенций отводится выбору адекватных формируемым компетенциям методов работы с педагогическим коллективом. В целом существующая система повышения квалификации педагогических работников должна быть пересмотрена в сторону ее диверсификации. Кроме того, программы подготовки и обсуждения потребностей учителей в повышении квалификации должны быть содержательно выстроены в контексте задач развития школ, где они работают⁸.

Организация методической работы должна быть ориентирована на реализацию «программы введения в профессию в первые три года работы» молодого учителя; наставничество через консультирование более опытными коллегами⁹; создание условий для непрерывного профессионального развития с последующим признанием компетенций¹⁰, полученных в рамках неформального и информального обучения. Результатом методической работы будут выступать внедренные в учебный процесс интерактивные формы проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой для формирования и развития общих и профессиональных компетенций обучающихся¹¹.

Осознание потребности изменения существующей ситуации позволило сформулировать предложения, позволяющие достичь требования к профессиональной компетентности педагогических работников, разработать способы определения избирательной потребности педагогических работников в применении педагогических новшеств с учетом личностных предпочтений, индивидуального опыта работы в профессиональной сфере и стажа работы в общеобразовательной школе¹²:

1. Определить факторы и условия, способствующие профессиональному развитию педагогических работников в школе.
2. Разработать инновационную модель методической работы и подобрать социально-управленческие технологии в ее организации, способствующие профессиональному развитию педагогических работников и формированию у них востребованных компетенций.
3. Разработать и внедрить в практику работы новые формы и методы, технологии взаимодействия с педагогическими работниками, а также способы совместной деятельности.
4. Разработать систему показателей, отражающих качественные изменения педагогических кадров.

7 Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.resurs.kz/elegal/programma-2011-2020>.

8 Там же.

9 Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16).

10 Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Реструктуризация структурной и содержательной интеграции в университетском комплексе // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2; Силин А. Н., Акимов М. Ю. Организация практик в механизме обеспечения качества управленческого образования // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 6. – Т. 18.

11 Актуальные вопросы современного образования: монография / Епишева О. Б., Игнатова В. А., Белова Л. П., Бутакова Н. В., Верховцев К. Н. [и др.]. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010.

12 Ларченко И. Н. Использование технологий социально-управленческих преобразований в условиях трансформации профессионального образования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5 (15); Ларченко И. Н. К вопросу о системных трансформациях в профессиональном образовании на современном этапе // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: межвузовский научный сборник / Казахский национальный ун-т им. Аль-Фараби; Ун-т имени Витаса Великого; ТюмГНГУ. – Алмааты; Каунас; Тюмень, 2012. – Вып. 2.

5. Обеспечивать системное организационно-методическое сопровождение процесса профессионального развития педагогических работников¹³.

6. Сформировать способы управленческих воздействий в целях регулирования процесса профессионального развития педагогических работников¹⁴.

В Государственной программе развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы прогрессивное развитие и модернизация образования являются возможными благодаря пониманию необходимости и важности профессионального развития каждого педагогического работника общеобразовательной школы.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16).
2. Акимов М. Ю. Региональный подход к развитию системы подготовки магистров // Научное обозрение. – 2015. – № 8.
3. Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Особенности использования инновационных технологий в социальном управлении качеством профессионального образования в условиях университетского комплекса // Омский научный вестник. – 2012. – № 2 (106).
4. Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Реструктуризация структурной и содержательной интеграции в университетском комплексе // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2.
5. Актуальные вопросы современного образования: монография / Епишева О. Б., Игнатова В. А., Белова Л. П., Бутакова Н. В., Верховцев К. Н. [и др.]. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010.
6. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.resurs.kz/elegal/programma-2011-2020>.
7. Ларченко И. Н. Использование технологий социально-управленческих преобразований в условиях трансформации профессионального образования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5 (15).
8. Ларченко И. Н. К вопросу о системных трансформациях в профессиональном образовании на современном этапе // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: межвузовский научный сборник / Казахский национальный ун-т им. Аль-Фараби; Ун-т имени Витаса Великого; ТюмГНГУ. – Алмааты; Каунас; Тюмень, 2012. – Вып. 2.
9. Ларченко И. Н. Концептуальные подходы к развитию кадрового потенциала в системе начального и среднего профессионального образования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16).
10. Ларченко И. Н., Акимов М. Ю. Социальные механизмы в практике развития системы профессионального образования // Научное обозрение. – 2014. – № 8. – Ч. 2.
11. Развитие педагогического мастерства учителей общеобразовательных школ Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.primeminister.kz/page/article-180>.
12. Силин А. Н., Акимов М. Ю. Организация практик в механизме обеспечения качества управленческого образования // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 6. – Т. 18.
13. Стратегический план развития республики Казахстан до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ortcom.kz/ru/program/program-2020/text/show>.
14. Стратегия «Казахстан-2050» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://strategy2050.kz/ru/page/message_text2014.

13 Акимов М. Ю. Региональный подход к развитию системы подготовки магистров // Научное обозрение. – 2015. – № 8.

14 Ларченко И. Н. Концептуальные подходы к развитию кадрового потенциала в системе начального и среднего профессионального образования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16).

Фахрисламов Т. Р., Хакимов Н. Н.

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ МВД РОССИИ

В работе рассматривается специфика профессиональной физической подготовки курсантов МВД в условиях постоянного роста требований к сотрудникам органов внутренних дел и к моральному облику стража порядка. Выявлены задачи воспитательного процесса и физической подготовки курсантов.

Ключевые слова: курсант, физическая подготовка, качества, нравственность, здоровье.

Fakhrislamov T. R., Khakimov N. N.

SPECIFIC FEATURES OF PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING OF CADETS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This paper considers the nature of professional physical training of cadets of the Ministry of Internal Affairs under the conditions of constant severization of requirements to employees of internal affairs bodies and to the moral standing of the officer. Objectives of educational process and physical training of cadets are identified.

Keywords: cadet, physical fitness, quality, ethics, health.

На сегодняшний день происходящие в стране социально-экономические процессы находят свое отражение и в правоохранительной системе, обуславливая развитие в ней негативных явлений, снижающих эффективность ее деятельности и авторитет в российском обществе. Профессиональные и нравственные качества сотрудников органов внутренних дел нередко подвергаются сомнениям и критике. Поэтому проблема улучшения работы правоохранительных органов приобретает все большую актуальность. При этом особенно важно, чтобы главной целью их деятельности было реальное обеспечение прав и свобод личности.

В современных условиях возрождения национально-культурных традиций, построения демократического российского общества, осуществления реформ, интеграции в международное экономическое, информационное, культурное и образовательное пространство, актуальной становится проблема формирования высокодуховной, интеллектуально развитой и, прежде всего, здоровой личности. Особого внимания требует физическая подготовка курсантов, так как именно молодежь, степень ее готовности к будущей жизни определяет возможность реализации масштабных государственных задач. И только профессионально подготовленный курсант в состоянии успешно учиться и в будущем реализовать свои физические возможности. Изучение проблемы физической подготовки курсантов МВД показало, что значительное количество современных исследований посвящено специфике профессиональной подготовке путем физического совершенствования курсантов¹.

Актуальность рассматриваемой проблемы состоит еще и в том, что на современном этапе развития общества постоянно растут требования к сотрудникам органов внутренних дел и к моральному облику стража порядка. Возросший уровень преступности, наличие в обществе противоборствующих политических сил, сепаратизм, национализм, экстремизм усложняют условия, в которых осуществляется деятельность органов внутренних дел, требуют укрепления законности и правопорядка, что находится в прямой зависимости от качества профессиональной физической подготовки, воспитания сотрудников и их личной дисциплинированности. Многие явления современной жизни вызывают значительные перемены во взглядах и суждениях курсантов. По этой причине физическая подготовка приобретает особое значение.

Приоритетными задачами воспитательного процесса являются:

– формирование у курсантов высокой культуры, нравственности и гуманизма, необходимости учета общественного мнени-

ния, уважения к конституционным правам и свободам граждан, готовности к защите их жизни, воспитание чувства собственного достоинства, способности к саморазвитию и самосовершенствованию, повышение престижа своей профессии в глазах граждан;

– формирование морально-психологической устойчивости и поддержания здорового физического состояния личного состава;

– создание действенной системы социально-правовой защиты личного состава ОВД.

Курсанты МВД России – это особая группа молодых людей со своими проблемами, заботами, убеждениями и стремлениями, как в образовательном пространстве высшего учебного заведения, так и вне его. Их деятельность характеризуется многообразной жизнедеятельностью учебного процесса. Безусловно, все изложенное нуждается в комплексном изучении и разработке специальных программ, направленных на формирование нравственно-волевой подготовки курсантов, так как их дальнейшая профессиональная деятельность обусловлена высокой социально-психологической напряженностью и требует достаточного уровня физической и боевой подготовки, а нередко и спортивной квалификации.

Значимость рассматриваемой проблемы состоит еще и в том, что в стране отмечается нестабильность социально-экономического развития, а с ней и криминогенной обстановки.

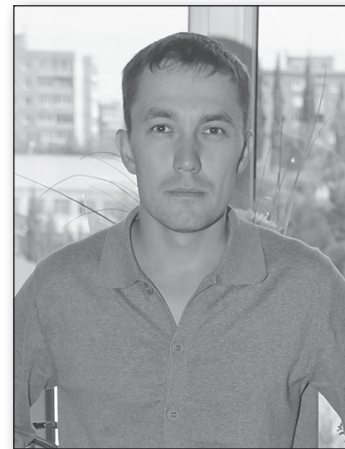
Задачами физической подготовки курсантов являются:

– формирование их физической и психологической готовности к успешному выполнению оперативно-служебных мероприятий, умелому применению физической силы, боевых приемов борьбы и специальных средств при пресечении противоправных действий, а также обеспечение их высокой работоспособности в процессе служебной деятельности;

– подготовка к преследованию правонарушителей к длительному ускоренному передвижению на местности;

– овладение системой практических умений и навыков самозащиты и личной безопасности в экстремальных ситуациях служебной деятельности;

– формирование необходимых интеллектуальных и профессионально-психологических качеств личности (смелость, решительность, гуманность, самодисциплина, бдительность, внимание, самообладание, настойчивость и другие);

Фахрисламов Т. Р.

Хакимов Н. Н.

1 Щекина Н. Б. Физическое воспитание учащихся как фактор формирования здоровья (первая половина XX века) // Физическое воспитание студентов. – 2011. – № 3. – С. 108.

– формирование у них сознательной потребности в занятиях физическими упражнениями, всеми прикладными видами спорта;

– укрепление здоровья, развитие у них физических и волевых качеств;

– практическое участие их в работе спортивных секций, спортивных состязаний и спортивно-массовых мероприятий².

Как известно, курсант во время учебного процесса ставит перед собой задачу – как можно лучше подготовиться к своей профессиональной деятельности. В этом особую роль играет такое качество личности, как мировоззрение. Поэтому специфика профессионального воспитания личности должна рассматриваться с точки зрения содержания того, кто воспитывается и совершенствуется. В таком случае следует уделить внимание высокому уровню методологической и методической подготовки будущего специалиста МВД, подготовке его к постоянному развитию идейной и нравственной культуры, развитию социального подхода к учебному процессу, профессиональной компетентности и его физической подготовленности.

Изучение личности курсанта лучше всего начать с общих положений, а потом с индивидуальных особенностей. Для выполнения указанных рекомендаций лучше всего приступить к построению модели структуры личности. Такая модель должна включать систему требований, предъявляемых к его будущей профессии. Ведь личность – это сложное социально-психологическое образование, которая состоит из множества взаимосвязанных и взаимопроникающих моментов и факторов. Естественно, такая личность должна отвечать определенному ряду требований.

Первое требование к личности курсанта МВД должно отражать социальный заказ государства, то есть быть работником правоохранительного коллектива.

Второе требование касается его профессиональной подготовленности, в том числе и физической. А она зависит от развития эмоционально-мотивационной сферы, творческого мышления, волевых привычек и умения овладевать основными теоретическими и практическими навыками.

Третье требование включает стремление личности к изучению познавательных и дидактических процессов. Ведь будущему специалисту во время работы придется сталкиваться со стратегическими, тактическими и оперативными планами и действиями. А в этом важную роль играют аналитическое мышление, без которого трудно решать поставленные задачи.

Не менее значимым в рассматриваемой модели личности считается четвертое требование – развитие эмоционально-волевых качеств у курсанта. Ведь специфика его будущей профессии связана с людьми особого склада характера, управлением деятельностью этих людей и воздействием на их психику. Естественно, будущий работник правоохранительных органов должен быть способным к аналитическому и педагогическому мышлению, а также быть критичным, самостоятельным, гибким, активным, быстрым, наблюдательным и творчески мыслящим. В то же время курсант должен отличаться высокой эмоциональной чувствительностью к другому человеку и обладать устойчивой нравственно воспитанной волей. А поэтому целеустремленность, упорство, самодисциплинированность, способность к торможению, терпимость также важны в их будущей профессиональной деятельности. Конечно, эти качества нужно постоянно развивать и совершенствовать.

Учитывая изложенное, курсант необходимо постоянно работать над самовоспитанием: совершенствовать направленность жизненных стремлений, способностей (организаторских, познавательных, художественных, исследовательских), определить, какие из них больше поддаются развитию, понять свой характер т.д.

Пятое требование к личности курсанта касается его психологических особенностей, то есть состояния здоровья, которое во многом зависит от него самого.

Здоровье, как записано в 1946 г. в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не толь-

ко отсутствие болезней и физических дефектов. В дальнейшем появились другие определения здоровья. Предлагаем некоторые из них. Так, рабочая группа экспертов ВОЗ, обсуждая в 1984 г. Концепции и принципы обеспечения здоровья, дала новую формулировку здоровья – степень способности индивида или группы, с одной стороны, реализовать свои стремления и удовлетворять потребности, с другой, изменять или кооперироваться со средой. Здоровье, поэтому, рассматривается как ресурс каждодневной жизни, а не цель жизни³.

В то же время Ю. П. Лисицын и А. В. Сахно (1988) представили свой подход к пониманию здоровья – отсутствие болезней, здоровье и норма – понятия тождественны; это единство морфологических, психологических и социально-экономических констант. Ведущие специалисты в области медицинской валеологии Г.Л. Апанасенко и Л.А. Попова (1998) дали следующее определение здоровья – это гармония, внутрисистемный порядок, обеспечивающий такой уровень энергетического потенциала, который позволяет человеку хорошо чувствовать себя и оптимально выполнять биологические и социальные функции.

Как видим, здоровье состоит из трех основных составляющих: физического, душевного и социального.

Физический компонент здоровья характеризуется способностью сохранять и использовать тело. Он определяется физическим развитием человека и его физической подготовленностью, физической формой и тренированностью, физической активностью и функциональной готовностью.

Второй основной компонент здоровья – душевный или психическое здоровье. Оно определяется способностью сохранять душевное равновесие и использовать резервы психики. А это значит, что курсант должен контролировать свои эмоции и поведение. Психическое состояние курсанта определяется эмоциональным состоянием. Оно может быть адекватным, эйфоричным, депрессивным, беспокойным, познавательным и т.д. Эмоции в жизнедеятельности курсанта помогают ему адаптироваться к окружающей среде.

Социальный компонент здоровья отражает способность курсанта сохранять и использовать отношения с другими людьми. На характер взаимоотношений во многом влияют его успеваемость, поведение, отношение к учебному процессу, занятие спортом, способность к общению и т.д.

Таким образом, специфика формирования профессиональной физической подготовки у курсантов является одной из сложных комплексных проблем науки и практики. Для его изучения необходимо привлекать специалистов разного профиля – психологов, физиологов, врачей, социологов, специалистов по физической культуре. Причем при разработке профессиональной физической подготовки следует учитывать не только условия, обстоятельства, факторы риска, образ жизни курсанта, но и компоненты здоровья – физический, душевный и социальный.

Пристатейный библиографический список

1. Шаммазов А. М., Бахтизин Р. Н. Приказано выжить, или способы адаптации государственного университета к рыночной экономике // Университетское управление: практика и анализ. – 2001. – № 2. – С. 61-65.
2. Гайсина Л. М. Формирование модели механизма трансформации системы управления персоналом // Власть. – 2015. – № 3. – С. 76-81.
3. Лисицын Ю. П., Сахно А. В. Здоровье человека – социальная ценность. – М.: Мысль, 1988.
4. Тонков Е. Е. Ведущие принципы конструктивного разрешения конфликтов в процессе спортивной подготовки сотрудников МВД // Современные психолого-педагогические технологии в подготовке специалистов по физической культуре и спорту. Материалы международ. науч.-практ. конф. Ч. I. – М., Белгород: БелГУ, 1999.
5. Щекина Н. Б. Физическое воспитание учащихся как фактор формирования здоровья (первая половина XX века) // Физическое воспитание студентов. – 2011. – № 3.

2 Тонков Е. Е. Ведущие принципы конструктивного разрешения конфликтов в процессе спортивной подготовки сотрудников МВД // Современные психолого-педагогические технологии в подготовке специалистов по физической культуре и спорту. Материалы международ. науч.-практ. конф. Ч. I. – М., Белгород: БелГУ, 1999. – С. 20.

3 Лисицын Ю. П., Сахно А. В. Здоровье человека – социальная ценность. – М.: Мысль, 1988. – С. 82.

Акимов А. М.

МОДЕЛЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ МУЖЧИН ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Модель регулирования общественного здоровья мужчин трудоспособного возраста построена на основе результатов популяционного исследования. Исследование выполнено по алгоритмам программы Всемирной организации здравоохранения «МОНИКА–психосоциальная» на репрезентативной выборке населения г. Тюмени среди лиц мужского пола в количестве 1000 человек. Результаты исследования показали, что регулирование состояния общественного здоровья должно включать в себя коррекцию тех факторов риска, которые оказались наиболее значимыми для мужского населения г. Тюмени. Это курение, нарушение питания, низкая социальная поддержка, преимущественно среди лиц, занятых физическим трудом, с начальным и средним уровнями образования, не имеющих постоянного спутника жизни, а также низкая физическая активность в группах низкого социального статуса и женатых мужчин.

Ключевые слова: модель, общественное здоровье, мужчины, трудоспособный возраст, открытая тюменская популяция, репрезентативная выборка.

Акимов А. М.

Akimov A. M.

PUBLIC HEALTH REGULATORY MODEL OF WORKING-AGE MEN AT THE REGIONAL LEVEL

Public Health Regulatory Model of Working-Age Men is based on the results of population-based study. Research is made according to the algorithms of the program of the World Health Organization «MONICA – psychosocial» on the population representative sample in Tyumen consisting of 1000 men. The results showed that the regulation of the state of public health must include the correction of the risk factors that have been the most significant for the male population of the city of Tyumen. This is smoking, eating disorders, low social support, mainly among people engaged in physical labor, with the primary and secondary levels of education, without a permanent partner in life, and low physical activity in groups of low social status and married men.

Keywords: model, public health, men, working age, open Tyumen population, representative sample.

Важнейшими составляющими потенциала здоровья, как человеческого сообщества, так и отдельных его популяций, являются социально-экономические условия среды, включая социально-экономические, демографические, поведенческие и другие факторы¹. Не вызывает сомнения зависимость показателей общественного здоровья населения от данных факторов, управление которыми обеспечивает устойчивое социальное и экономическое развитие страны в целом и отдельных ее регионов². В связи с этим по результатам наших исследований проведена теоретическая структуризация элементов социального управления здоровьем мужчин трудоспособного возраста г. Тюмени, выявлены управляемые факторы риска и возможности воздействия на них³.

Объектом исследования явились представители репрезентативной выборки населения (из избирательных списков граждан г. Тюмени) среди лиц мужского пола 25–64 лет (n=1000 чел.), отклик на исследование составил 85,0 %⁴. Методическую основу исследования составили анкеты Всемирной организации здравоохранения «МОНИКА–психосоциальная», которые предлагались на самозаполнение лицам, приглашенным на скрининг в Тюменский кардиологический центр⁵.

На основе проведенного исследования была установлена взаимосвязь отношения к своему здоровью с социальным градиентом населения. Наиболее низкая ответственность за свое здоровье отмечалась у лиц физического труда (43,5 %), негативное и индифферентное отношение к профилактическим мероприятиям – у одиноких мужчин (19,0 %), в группах лиц с высшим образованием (51,9 %), руководителей (56,9 %) и инже-

1 Казначеев В. П. К проблеме формирования концепции и критериев общественного здоровья. – Ставрополь, 1997.

2 Akimova E. V., Kayumova M. M., Gafarov V. V., Kuznetsov V. A. The prevalence of psychosocial risk factors of coronary artery disease in Siberian male population aged 25–64 years: abstracts the XI international Medical Congress “Euromedica-Hannover 2012”, 31. May – 1 June, 2012, Hanover, Germany. – P. 20–21.

3 Каюмова М. М., Гафаров В. В., Смазнов В. Ю. и др. Самооценка здоровья, отношение к своему здоровью и медицинской помощи в мужской популяции // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (том 31). – С. 161–167; Каюмова М. М., Смазнов В. Ю., Акимова Е. В. и др. Отношение к профилактике и лечению сердечно-сосудистых заболеваний в открытой мужской популяции Тюмени // Профилактическая медицина. – 2012. – № 4. – С. 13–16; Каюмова М. М., Гафаров В. В. Эффективность превентивных мероприятий у мужчин 25–64 лет с наличием и отсутствием ИБС: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Неинфекционные заболевания и здоровье населения России», Москва, 16–17 мая 2013 // Профилактическая медицина. – 2013. – № 2. – Выпуск 2. – С. 57; Силин А. Н., Акимов А. М. Отношение к

своему здоровью и характер труда среди мужчин города Тюмени // Известия высших учебных заведений РФ. – 2014. – № 4. – С. 86–88.

4 Каюмова М. М., Гафаров В. В., Смазнов В. Ю. и др. Самооценка здоровья, отношение к своему здоровью и медицинской помощи в мужской популяции // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (том 31). – С. 161–167; 8. Силин А. Н., Акимов А. М. Отношение к своему здоровью и характер труда среди мужчин города Тюмени // Известия высших учебных заведений РФ. – 2014. – № 4. – С. 86–88.

5 Каюмова М. М., Гафаров В. В., Смазнов В. Ю. и др. Самооценка здоровья, отношение к своему здоровью и медицинской помощи в мужской популяции // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (том 31). – С. 161–167; Каюмова М. М., Гафаров В. В. Эффективность превентивных мероприятий у мужчин 25–64 лет с наличием и отсутствием ИБС: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Неинфекционные заболевания и здоровье населения России», Москва, 16–17 мая 2013 // Профилактическая медицина. – 2013. – № 2. – Выпуск 2. – С. 57.

Рисунок 1. Модель регулирования общественного здоровья мужчин на уровне города

нерно-технических работников (ИТР) (49,6 %) – максимальное стремление улучшить самочувствие и выйти на работу. Среди мужчин трудоспособного возраста г. Тюмени также были выявлены ассоциации социального градиента с поведенческими характеристиками. С ростом уровня образования и квалификации труда определялось формирование принципов здорового питания, негативного отношения к курению табака, отмечался рост физической активности и трудоспособности. У одиноких мужчин выявлялась тенденция к росту табакокурения, отрицанию принципов здорового питания, в то же время – к увеличению физической активности⁶. Следовательно, регулирование состояния общественного здоровья мужского трудоспособного населения г. Тюмени должно включать в себя коррекцию регулярного курения и нарушения питания преимущественно среди лиц, занятых физическим трудом, с начальным и средним уровнями образования, не имеющих постоянного спутника жизни; коррекцию низкой физической активности – в группах низкого социального статуса и семейных мужчин.

Модель регулирования общественного здоровья мужчин на уровне города разработана исходя из потребностей реалий российской действительности и включает в себя комплекс мер, которые могут быть реализованы на региональном уровне управленческой деятельности, при этом предполагается, что департаменты взаимодействуют с органами местного самоуправления⁷. Так, посредством законодательных органов

государственной власти (областная дума) необходимо изменить нормативное законодательство с планированием затрат в бюджете области на социальную, спортивную сферы и сферу общественного питания. Посредством исполнительных органов государственной власти (департаменты здравоохранения, образования и науки, спорта и молодежной политики, социального развития, информационной политики) необходимо построить организационную структуру профилактических мер на уровне города (Рисунок 1).

Согласно полученным нами данным, объектом влияния среди лиц мужского пола трудоспособного возраста Центрального административного округа г. Тюмени прежде всего должны быть выделены группы населения с наличием следующих факторов риска: лица старшей возрастной категории 55–64 лет, лица с низким уровнем образования, занятые физическим трудом, как с наличием, так и с отсутствием спутника жизни. Категория мужчин с низкой социальной поддержкой по результатам настоящего исследования также является рискогенной, поскольку испытывает наиболее выраженный стресс дома и на рабочем месте.

Среди неорганизованного населения города прежде всего необходимо сформировать «моду на здоровье», что определяет создание информационно-пропагандистской системы для распространения среди населения гигиенических знаний и поведенческих факторов риска и включает в себя опубликование статей в местной печати ведущих специалистов в области общественного здоровья по проблемам поведенческих факторов риска; выступления организаторов здравоохранения, ведущих специалистов в области общественного здоровья на местном телевидении в научно-популярных и информационных программах; создание и демонстрацию социальных ре-

6 Силин А. Н., Акимов А. М. Отношение к своему здоровью и характер труда среди мужчин города Тюмени // Известия высших учебных заведений РФ. – 2014. – № 4. – С. 86–88.

7 Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Особенности использования инновационных технологий в социальном управлении качеством профессионального образования в условиях университетского комплекса // Омский научный вестник. – 2012. – № 2 (106). – С. 48–52; Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная

мысль. – 2012. – № 6 (16). – С. 69–74; Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Реструктуризация структурной и содержательной интеграции в университетском комплексе // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 99–103.

кламных радио- и телевизионных роликов, а также создание социальных интернет-сайтов (клубов здоровья) по проблеме поведенческих факторов риска дифференцированно для различных социальных групп населения – «рискогенных групп». Создание информационно-пропагандистской системы по распространению гигиенических знаний среди населения должно быть реализовано посредством действий департамента информационной политики.

Вместе с тем, кроме обучения самого населения, в модели предусмотрено и повышение квалификации специалистов, участвующих в программных мероприятиях. Так, прежде всего, необходимо более глубокое обучение врачей методам профилактики заболеваний путем воздействия на поведенческие факторы риска дифференцированно для различных социальных групп населения. Такое обучение должно включать в себя повышение квалификации врачей по специальности «общественное здоровье», проведение врачебных конференций по общественному здоровью, создание системы тестов по поведенческим факторам риска для оценки уровня профессиональной подготовки медицинских кадров, обучение врачей и средних медицинских работников по вопросам организации профилактических программ. Модель предусматривает также обучение работников социальной сферы по вопросам общественного здоровья методам повышения физической активности трудоспособного населения дифференцированно для различных социальных групп. Отделом организации отдыха и оздоровления департамента социального развития может быть реализовано повышение уровня социальной поддержки населения.

Следующий этап – организация профилактических мероприятий в организованных коллективах города и поддержка структур и учреждений, способствующих их выполнению. Реализация модели предусматривает пропаганду отказа от курения в организованных коллективах, материальную стимуляцию лиц, отказавшихся от курения, а также организацию бесплатных овощных столов в учреждениях общественного питания организованных коллективов и организацию бесплатных тренажерных залов, спортивных баз.

Безусловно, для оценки эффективности проводимых мероприятий необходимо создание системы учета трудоспособного населения с наличием поведенческих факторов риска в организованных коллективах города. Этот этап включает в себя создание и сервисное сопровождение электронного регистра лиц с наличием поведенческих факторов риска в организованных коллективах и статистическую обработку результатов.

Последний этап – научное обеспечение, проводится для оценки реальной ситуации по распространенности поведенческих и социальных факторов на репрезентативной выборке населения города на момент начала и окончания программных мероприятий (анкетирование лиц, вошедших в математическую выборку, сформированную методом «случайных чисел», через 5 и 10 лет после реализации модели). Научное обеспечение проводится НИИ и вузами города с целью прогнозирования ситуации по оценке уровня здоровья и продолжительности жизни трудоспособного населения.

Таким образом, результаты настоящей работы могут служить базой и отправной точкой для развертывания комплексных социальных программ среди неорганизованного мужского населения г. Тюмени. Разработанная модель регулирования общественного здоровья мужчин трудоспособного возраста города предполагает деятельность как самого населения, общественных институтов, так и деятельность региональных ор-

ганов законодательной и исполнительной власти при взаимодействии с органами местного самоуправления.

Пристатейный библиографический список

1. Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Особенности использования инновационных технологий в социальном управлении качеством профессионального образования в условиях университетского комплекса // Омский научный вестник. – 2012. – № 2 (106).
2. Акимов М. Ю. Модель интеграции профессионального образования и производства в условиях университетского комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16).
3. Акимов М. Ю., Ларченко И. Н. Реструктуризация структурной и содержательной интеграции в университетском комплексе // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2.
4. Казначеев В. П. К проблеме формирования концепции и критериев общественного здоровья. – Ставрополь, 1997.
5. Каюмова М. М., Гафаров В. В., Смазнов В. Ю. и др. Самооценка здоровья, отношение к своему здоровью и медицинской помощи в мужской популяции // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (том 31).
6. Каюмова М. М., Смазнов В. Ю., Акимова Е. В. и др. Отношение к профилактике и лечению сердечно-сосудистых заболеваний в открытой мужской популяции Тюмени // Профилактическая медицина. – 2012. – № 4.
7. Каюмова М. М., Гафаров В. В. Эффективность превентивных мероприятий у мужчин 25-64 лет с наличием и отсутствием ИБС: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Неинфекционные заболевания и здоровье населения России», Москва, 16–17 мая 2013 // Профилактическая медицина. – 2013. – № 2.– Выпуск 2.
8. Силин А. Н., Акимов А. М. Отношение к своему здоровью и характер труда среди мужчин города Тюмени // Известия высших учебных заведений РФ. – 2014. – № 4.
9. Akimova E. V., Kayumova M. M., Gafarov V. V., Kuznetsov V. A. The prevalence of psychosocial risk factors of coronary artery disease in Siberian male population aged 25–64 years: abstracts the XI international Medical Congress “Euromedica-Hannover 2012”, 31 May – 1 June, 2012, Hanover, Germany.

Теплякова О. А.

АДРЕСНОСТЬ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ

В статье рассматривается понятие социальных прав, их место в системе экономических, социальных и культурных прав. Автор ставит задачу определить существенный признак социальных прав, при этом отмечает, что социальные права обладают всеми признаками естественных прав человека, всеми признаками группы экономических, социальных, культурных прав. В качестве существенного признака социальных прав автор предлагает считать возможность их адресного предоставления. Вводятся понятия «тотальная адресность» и «избирательная адресность».

Ключевые слова: социальные права, адресность социальных прав.

Тeplyakova O. A.

TARGETING AS A SIGNIFICANT SIGN OF SOCIAL RIGHTS

The article discusses the concept of social rights and their place within the system of economic, social and cultural rights. The author poses the problem to determine the essential features of social rights. Social rights have all the attributes of the natural rights, all the attributes of a group of economic, social and cultural rights. The author proposes to consider the targeted focus of social rights as their essential feature. The author introduces the concepts of total targeting and selective targeting.

Keywords: social rights, targeting of social rights.

Теплякова О. А.

Социальные права человека относятся к группе экономических, социальных и культурных прав, согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах¹. Экономические, социальные и культурные права можно определить как комплекс прав и свобод, принадлежащих каждому человеку, направленных на обеспечение его физических, материальных, духовных и других жизненных потребностей, при реализации которых человек выступает как член гражданского общества. Исходя из этого, социальные права обладают всеми признаками указанной группы, однако им присущи и самостоятельные признаки.

Мы полагаем, и попытаемся обосновать в данной статье, что социальные права можно отграничить от других прав по признаку адресности, т.е. возможности их адресного предоставления.

На наш взгляд, именно социальные права гарантируются встречными материальными обязательствами государства по отношению к конкретным гражданам. О.Г. Румянцев отмечает, что социальные права дают человеку «возможность претендовать на получение от государства на определенных условиях определенных материальных благ»². И. А. Алебастрова указывает, что большинство экономических, социальных и культурных прав «гарантируется встречными обязательствами государства»³. Однако сложно представить адресное предоставление экономических прав, таких как свобода экономической деятельности или право частной собственности. Государство должно содействовать реализации этих прав путем создания благоприятных экономических условий, путем обеспечения равенства всех форм собственности и т.п. Адресное предоставление культурных прав тоже проблематично, государство должно не препятствовать осуществлению этих прав, а также должно создавать условия, но встречных материальных обязанностей по отношению к каждому гражданину оно, как правило, не имеет.

Адресность социальных прав предполагает материальные затраты государства в пользу каждого гражданина. Мы

выделяем общую (тотальную) адресность и избирательную адресность предоставления гарантий социальных прав. Тотальная адресность обеспечения социальных прав государством возникает тогда, когда социальное право является одновременно обязанностью гражданина. Например, правом и обязанностью учащихся является получение общего образования, право и обязанность родителей – обеспечение получения детьми общего образования, воспитание детей. В данном случае государство несет затраты в пользу каждого лица, независимо от его социального статуса и материального положения (финансирование школ в расчете на каждого учащегося, выплата пособий на ребенка).

Избирательная адресность возникает тогда, когда гражданин вправе воспользоваться или не воспользоваться своим правом (например, правом на высшее образование), а государство не может обеспечить равную возможность всем гражданам для реализации их социальных прав. Тогда оно определяет категории граждан, в пользу которых будет нести затраты, или устанавливает заявительный порядок получения материальных благ от государства.

Например, ярким примером избирательной адресности является реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом⁴, меры социальной поддержки малоимущим гражданам⁵.

Адресность – как признак социальных прав в последнее десятилетие реализуется в социальной политике государства. Так, выделение средств на сферу образования осуществляется на основе принципа нормативно-подушевого финансирования 2006 г.⁶ О. Марова отмечает, что «финансирование образовательных учреждений дошкольного, основного и среднего

1 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.
2 Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 293.
3 Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран.: Учеб. пособие. – М.: Юрайт-М, 2001. – С. 88.

4 Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Российская газета. – 2013. – 17 сент.
5 Федеральный закон от 05.04.2003 № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 14. – Ст. 1257.
6 Модельная методика введения нормативного подушевого финансирования реализации государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного общего образования,

общего образования уже в основном осуществляется по такому принципу. Учреждения же высшего профессионального образования находятся в процессе перехода на «нормативно-подушевое финансирование»⁷. Следует заметить, что адресность как признак социальной помощи не ставится под сомнение ни законодателем, ни учеными. Так, адресность предоставления социальных услуг закреплена в качестве принципа социального обслуживания в федеральном законодательстве⁸. Однако мы полагаем, что указанный принцип распространяется на все социальные права как их качественная характеристика, что в последние годы становится неотъемлемой частью политики государства.

Помимо адресности, ученые выделяют также иные признаки социальных прав. Так, А. Е. Козлов считает, что, «выделяя социальные права в особую группу, следует иметь в виду их характерную особенность: они направлены прежде всего на удовлетворение материальных потребностей граждан, как правило, независимо от количества и качества труда»⁹. Такое понимание социальных прав выдвигает государство на передний план в реализации социальных прав, тогда как граждане тоже ответственны за уровень обеспечения своих социальных прав и также являются активными субъектами реализации социальных прав, во-первых, потому, что они участвуют в создании общественного богатства, которое впоследствии перераспределяется государством путем налогообложения и другими способами, а во-вторых, уровень обеспечения социальных прав человека зависит от его материального благосостояния и, следовательно, от результатов его труда. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что социальные права не зависят от результатов и количества труда.

Н. В. Путило связывает социальные права с возможностью получить «защиту и поддержку со стороны общества и государства в случае объективной невозможности самостоятельно обеспечить достойные условия существования для себя и своей семьи, обеспечивающих доступность элементарных благ цивилизованного общества»¹⁰. Н. В. Путило в данном случае ограничивает реализацию социальных прав минимальным объемом, а круг субъектов социальных прав ограничивает лицами, «не способными самостоятельно обеспечить достойные условия существования». Эта точка зрения перекликается с точкой зрения А. Е. Козлова, где на первый план выходит государство, которое обязано позаботиться в первую очередь о «больных и немощных», предоставив им специальные социальные гарантии в минимальном объеме. Здесь происходит смешение двух понятий: социальные права и право на социальное обеспечение. Это не одно и то же. Социальное обеспечение – это благотворительность государства в пользу лиц, которые не способны сами о себе позаботиться. Поэтому государство принимает позицию дарителя: сколько могу – столько и дам. Социальное обеспечение и существует в силу того, что государство не способно в равном объеме обеспечить социальные права всех граждан и поэтому вынуждено создавать систему льгот и гарантий отдельным категориям населения, прибегать к избирательной адресности. Социальные права надо понимать шире, чем просто систему социального обеспечения, которую создает государство. Социальные права, как и другие естественные права человека, неотчуждаемы, принадлежат ему от рождения и распространяются на каждого.

Противоречие реализации социальных прав заключается в том, что, с одной стороны, социальные права являются есте-

ственными и неотчуждаемыми, а с другой стороны – материальные ресурсы общества ограничены, что не позволяет на настоящем этапе реализовать в полном объеме и равной степени все социальные права граждан, поэтому тотальная адресность предоставления гарантий социальных прав возможна только для той части прав, которая государством и обществом признается наиболее значимой.

Разрешение противоречия при обеспечении социальных прав, на наш взгляд, лежит в двух плоскостях, во-первых, в плоскости гражданского общества, члены которого должны солидаризироваться и создать систему норм, где каждый имеет равные возможности для реализации своих социальных прав, а также право на долю общественного богатства, и, во-вторых, в плоскости государства, которое устанавливает минимальные социальные стандарты и обеспечивает их каждому гражданину. Обеспечение минимальных социальных стандартов требует значительных финансовых затрат из бюджета государства.

Следует обратить внимание на то, что адресно предоставляется только часть социальных прав, а именно: определенный их минимум, который государство на данном этапе экономического развития способно обеспечить. Причем данный минимум условно состоит из двух частей: затраты государства в пользу каждого гражданина (тотальная адресность) и затраты государства в пользу отдельных категорий граждан (избирательная адресность). Сверх данного минимума человек вправе реализовывать свои социальные права исходя из собственных возможностей и потребностей.

Конституция Российской Федерации закрепляет следующие социальные права: право на защиту материнства и детства (ст. 38 Конституции РФ), право на социальное обеспечение (ст. 39 Конституции РФ), право на жилище (ст. 40 Конституции РФ), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), право на образование (ст. 43 Конституции РФ). Конституция также закрепила, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Мы можем предложить следующее определение социальных прав: социальные права – естественные права человека на обеспечение физических, материальных, духовных и других жизненных потребностей человека в рамках возможностей общества путем адресного распределения общественного богатства государством и путем активной деятельности человека, направленной на реализацию указанных потребностей.

Существенными признаками социальных прав являются следующие: 1) принадлежность социальных прав к категории естественных прав определяет то, что данные права неотчуждаемы, даны человеку от рождения; 2) принадлежность социальных прав к категории экономических, социальных и культурных прав определяет, что данные права направлены на обеспечение материальных, физиологических, духовных потребностей человека; 3) возможность обеспечения социальных прав в пределах имеющегося общественного богатства; 4) обеспечение материальными затратами со стороны государства, общества, человека, а не только государства; 5) адресность материальных затрат государства при обеспечении социальных прав.

Пристайный библиографический список

1. Алебастрова И. А. Конституционное право зарубежных стран.: Учебн. Пособие. – М.: Юрайт-М, 2001.
2. Козлов А. Е. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы. – М., 1990.
3. Марова О. Нормативно-подушевое финансирование образовательных учреждений // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2014. – № 7.
4. Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
5. Румянцев О.Г., Додонов В. Н. Юридический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.

утв. Минобрнауки РФ от 13.09.2006 № АФ-213/03 // Официальные документы в образовании. – 2006. – № 34.

7 Марова О. Нормативно-подушевое финансирование образовательных учреждений // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2014. – № 7.

8 Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – № 295.

9 Козлов А.Е. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы. – М., 1990. – С. 87.

10 Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав: Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. – М., 1999. – С. 17.

Фирсова О. Н., Шепетько И. В.
ВЛИЯНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ НА МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В статье раскрываются проблемы и направления развития субъектов малого и среднего предпринимательства в России под воздействием объективных и субъективных факторов, обусловленных кризисными явлениями как в мировой, так и в российской экономике.

Ключевые слова: предпринимательство, субъекты малого и среднего предпринимательства, экономический кризис, специфика поведения субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях экономического кризиса, проблемы развития малого и среднего предпринимательства, меры по развитию малого и среднего предпринимательства

Firsova O. N., Shepetko I. V.
IMPACT OF THE ECONOMIC CRISIS IN RUSSIA ON SMALL AND MEDIUM BUSINESS

The article describes the problems and directions of development of small and medium-sized businesses in Russia under the influence of objective and subjective factors caused by the crisis phenomena in the world, and in the Russian economy.

Keywords: entrepreneurship, small and medium-sized businesses, economic crisis, specific behavior of small and medium-sized businesses in the economic crisis, problems of small and medium-sized enterprises, measures to promote small and medium enterprises.

По своему экономическому содержанию предпринимательство представляет собой такой вид деятельности, который в качестве своей основной цели преследует получение дохода за счет использования собственных или заемных средств, а также путем вложения в дело своего капитала. Формами предпринимательства, способными быстро реагировать на спрос и требования хозяйствующих субъектов — участников рыночных отношений, имея при этом высокий уровень специализации и обладая возможностью мобилизации своих ресурсов в перспективных направлениях, являются малое и среднее предпринимательство¹.

Показатели Федеральной службы государственной статистики РФ на 1 января 2014 г. свидетельствуют о том, что в России зарегистрировано 5,6 млн субъектов малого и среднего предпринимательства. Среди указанного числа субъектов 62,8 % представлены индивидуальными предпринимателями, 37,2 % — юридическими лицами (среди них 32,7 % — микропредприятия, 4,2 % — малые предприятия и 0,3 % — средние предприятия). В целом показатель количества субъектов малого и среднего предпринимательства сократился на 7,5% по сравнению с предшествующим годом².

Негативными тенденциями, влияющими на сокращение численности субъектов малого и среднего предпринимательства в России, являются сложившаяся международная политическая ситуация, которая привела к непростым взаимоотношениям России со странами Евросоюза и введению экономических санкций.

Экономический кризис обуславливает значительное количественное сужение субъектов малого и среднего предпринимательства, которые в силу сложившихся рыночных условий вынуждены временно свернуть или даже полностью прекратить свою легальную хозяйственную деятельность, что в конечном итоге скажется не лучшим образом на численности занятых на малых и средних предприятиях, приведет к снижению объемов оборота основного капитала на малых и средних предприятиях и сокращению инвестиций в него.

В таблице 1 представлен анализ специфики малого и среднего предпринимательства относительно кризисных явлений в экономике, который позволяет выделить проблемные

и уязвимые точки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Представленный анализ указал на то, что основные существующие или возможные проблемы у субъектов малого и среднего предпринимательства при наступлении кризисных ситуаций в экономике носят финансовый характер.

Помимо этого, стоит указать тот факт, что малое и среднее предпринимательство при реализации своей деятельности находится в зависимости от внутреннего спроса, так как ориентировано в основном на удовлетворение потребностей населения и предприятий, действующих в России. Снижение покупательской способности населения в период экономического кризиса приводит к значительному негативному влиянию на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства. Сложившиеся кризисные явления могут спровоцировать рост теневой экономики. В условиях отсутствия средств и платежеспособного спроса субъекты малого и среднего предпринимательства будут вынуждены сокращать масштабы деятельности. Чтобы высвободить дополнительные средства, многие предприятия будут минимизировать налоговые поступления, принимать максимальные усилия по экономии издержек, в том числе укрывать собственные доходы.

Для решения указанных проблем и предотвращения негативного влияния кризисных явлений на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства должны быть приняты меры, направленные на создание финансовой базы малого и среднего бизнеса и снижение издержек малого и среднего бизнеса.

Меры, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства в условиях экономического кризиса, можно разделить на три группы (рисунок 1).

Возможными мерами, направленными на снижение влияния кризисных явлений на деятельность малых и средних предприятий, могут выступать:

- меры в области увеличения финансовой поддержки;
- меры в области имущественной поддержки;
- меры, направленные на стимулирование спроса на товары и услуги малых и средних предприятий;
- меры в области информационной поддержки.

Фирсова О. Н.

Шепетько И. В.

1 Бусыгин А. В. Предпринимательство. – М.: Бусыгин, 2012. – С. 54.
2 Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/database/cbsd/> (дата посещения: 28.09.2015).

Таблица 1. Специфика малого и среднего предпринимательства относительно кризисных явлений в экономике

Категория субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП)	Проблемные точки
Субъекты МСП, которые активно используют заемные средства для производства, оказания услуг	отсутствие доступа к банковскому финансированию переоценка залогового обеспечения, ухудшения условий кредитования, проблемы с оборотными средствами, переход к теневому кредитованию в форме нелегальных кредитных услуг ростовщиков и организованных преступных группировок
Субъекты МСП, производящие продукцию для средних и крупных предприятий	снижение спроса на продукцию, риск неплатежей со стороны контрагентов
Субъекты МСП, оказывающие производственные, маркетинговые, кадровые, информационные, консультационные и прочие услуги	снижение спроса на услуги, риск неплатежей
Субъекты МСП, действующие в сфере строительства (производство строительных материалов, выполнение строительных и ремонтных работ)	снижение спроса на продукцию и услуги, снижение стоимости продукции, тогда как материалы могли быть закуплены по высоким ценам начала – середины года
Субъекты МСП, действующие в оптовой и розничной торговле	повышение стоимости импортной продукции, проблема с оборотными средствами, в среднесрочной перспективе - снижение спроса на продукцию
Субъекты МСП, действующие в сфере общественного питания и ресторанном бизнесе	снижение спроса на продукцию и услуги, снижение рентабельности и ликвидация отдельных предприятий
Субъекты МСП, оказывающие услуги в сфере транспорта	снижение спроса на продукцию и услуги, снижение рентабельности и ликвидация отдельных предприятий
Субъекты МСП, работающие по государственному и муниципальному заказу	снижение объемов заказов в 2012 году, неоплата произведенных работ в 2011 г. повышение конкуренции за государственный и муниципальный заказ
Субъекты МСП, реализующие инвестиционные проекты, направленные на модернизацию, расширение производства	отсутствие финансовых средств для развития, замораживание проектов развития
Все субъекты МСП	административное давление на бизнес, увеличение числа проверок, снижение оборачиваемости капитала, увольнение наемных работников

Рисунок 1. Меры, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства в условиях экономического кризиса

В условиях кризиса необходимо уделять внимание и осуществлению специальных информационных мероприятий и акций (включая поведение специальных семинаров, конференций, брифингов, размещение информации на сайтах федеральных и региональных органов государственной власти, посвященных вопросам малого и среднего предпринимательства), направленных на разъяснение информации:

- об особенностях кризиса;
- о влиянии кризиса на деятельность малых и средних предприятий;
- об особенностях управления в условиях кризиса;
- о дополнительных возможностях доступа малых и средних предприятий к финансовым и имущественным ресурсам.

В целом необходима грамотная поддержка предприятий малого и среднего предпринимательства с учетом кризисных явлений, предполагающая сочетание всех перечисленных мероприятий.

Пристайный библиографический список

1. Асаул А. Н. Организация предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigi-uchebniki.com/predpriyatiy-ekonomika/tseli-predprinimatelskoy-deyatelnosti.html>
2. Бусыгин А. В. Предпринимательство. – М.: Бусыгин, 2012.
3. Муравьев А. И. Предпринимательство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=economics&author=muravievai&book=2001>
4. Организация предпринимательской деятельности // Под общ. ред. профессора А. С. Пелиха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/biznes-41/2.htm>
5. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/database/bsd/>

Егоров В. С.

ПАЕВОЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОНД КАК ОПТИМАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ КОЛЛЕКТИВНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РФ

В статье проведен анализ преимуществ юридической конструкции паевого инвестиционного фонда как механизма коллективного инвестирования. Выявлена проблема в дефиниции паевого инвестиционного фонда, рассмотрено соотношение гражданского и специального законодательства, регулирующего его правовой режим. Дано авторское определение паевого инвестиционного фонда.

Ключевые слова: паевые инвестиционные фонды, коллективное инвестирование, управляющая компания, преимущества паевых инвестиционных фондов, доверительное управление, имущественные комплексы.

Egorov V. S.

UNIT INVESTMENT FUNDS AS OPTIMAL VEHICLE FOR COLLECTIVE INVESTMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes advantages of legal structure of unit investment fund as collective investment vehicle. Problem in definition of unit investment fund is identified, correlation of civil and special legislation which regulates its legal status is considered. Author's definition of unit investment fund has been given.

Keywords: unit investment funds, collective investment, management company, unit investment funds advantages, trust management, property complexes.

Развитие международного финансового центра (далее – «МФЦ») является одной из приоритетных задач, решени которой необходимо для устойчивого развития России. МФЦ нуждается в прозрачных и надежных правовых конструкциях коллективного инвестирования, позволяющих привлекать средства инвесторов и размещать их на рынках капитала. В связи с этим представляется целесообразным проведение анализа паевого инвестиционного фонда (далее – «ПИФ») как основного механизма коллективного инвестирования.

ПИФы обычно используются для инвестирования в активы, потенциальная доходность которых значительно выше традиционных низкорискованных способов вложений (к примеру, депозитов). Общеизвестным является принцип, что уровни доходности и риска имеют прямую корреляцию (чем выше доходность, тем выше и риск). В этой связи интересно проанализировать юридические гарантии инвесторов, предусмотренные действующим законодательством. Управление экономическими рисками зависит от управляющей компании и инвестиционной стратегии, которой она придерживается, а юридические риски определяются действующим законодательством.

Ключевой гарантией прав и интересов пайщиков (инвесторов) является сохранение за ними права собственности на имущество, переданное в ПИФ¹. Таким образом, исключается риск обращения взыскания на имущество ПИФа в случае банкротства управляющей компании. Данное положение получило особую актуальность на волне массового отзыва банковских лицензий². В случае банкротства банка или отзыва его лицензии страдают прежде всего крупные вкладчики и держатели его облигаций, которые по сути не получают возможность возместить хотя бы часть своих средств. Указанный риск исключается в случае банкротства управляющей компании ПИФа.

Одновременно с этим конструкция доверительного управления ПИФом позволяет осуществлять все фактические и юридические действия, необходимые для инвестирования его средств³. Однако стоит отметить, что управляющая компания ПИФа ограничена в действиях, совершаемых ею в качестве доверительного управляющего. Данные ограничения оправданы, т.к. они направлены прежде всего на исключение риска злоупотребления со стороны управляющей компании и диверсификации инвестиций⁴. Данные ограничения носят исключительно положительный характер, обеспечивая интересы инвесторов.

Доверительное управление ПИФом осуществляет только специальный субъект – управляющая компания. Деятельность последней подлежит лицензированию, которое является гарантом достаточной квалификации сотрудников управляющей компании, что необходимо для осуществления доверительного управления. Дополнительно контроль за деятельностью управляющей компании проводится Банком России.

Стоит отметить также, что наряду с очевидными преимуществами конструкции ПИФа, есть недостатки в его правовом регулировании, которые необходимо выявить и устранить.

В частности, стоит отметить, что правовое регулирование отношений по формированию и использованию такой формы коллективного инвестирования, как паевой инвестиционный фонд, отличается комплексным характером регулирования. Так, основу регулирования составляет специальный Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» и Гражданский кодекс РФ, дополняемые многочисленными актами, принятыми Федеральной службой по финансовым рынкам.

Обращает на себя внимание текстуальная неточность формулировки связи ГК РФ и ФЗ «Об инвестиционных фондах». Так, в соответствии с ФЗ «Об инвестиционных фондах» под паевым инвестиционным фондом понимается обособлен-

1 Федеральный закон от 29 ноября 2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

2 Дементьева С. Дан приказ ему на запад // Коммерсантъ. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2457405>

3 Федеральный закон от 29 ноября 2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

4 Федеральный закон от 29 ноября 2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

ный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией.

Из приведенного определения следует, что ПИФом может признаваться только такой имущественный комплекс, который формируется и управляется через договорный институт доверительного управления и существует до тех пор, пока сохраняют силу отношения по доверительному управлению. Иными словами, признак нахождения имущественного комплекса в доверительном управлении является существенным для определения понятия ПИФа. Соответственно, если говорить о ПИФах во взаимосвязи п. 4 ст. 1012 ГК РФ⁵ и п. 1 ст. 10 ФЗ «Об инвестиционных фондах», то возникает несколько парадоксальная ситуация, а именно: ГК РФ определяет⁶ (п. 4 ст. 1012), что особенности доверительного управления имуществом комплексом, передаваемым в доверительное управление и предполагающим данный аспект как существенный признак, лишено всякой логики. В этой связи целесообразно говорить об особенностях правового режима ПИФа, который уже включает в себя в качестве конструктивного элемента наличие доверительного управления имуществом комплексом.

Логическая связь понятий «доверительное управление» и «паевой инвестиционный фонд» транслируется далее в ФЗ «Об инвестиционных фондах» и ряде других подзаконных нормативных актов, где говорится о правилах доверительного управления ПИФом и т.п. По нашему мнению, если доверительное управление как договорная форма является той самой специфической юридической конструкцией ПИФа как имущественного комплекса и отделяет его от иных имущественных комплексов как объектов гражданских прав, включая иные инвестиционные фонды, то выражение «доверительное управление ПИФом» является неточным, так как не учитывает существенный признак ПИФа. Соответственно, более точным является использование сочетаний «особенности правового режима ПИФа» как объекта гражданских прав.

Для устранения текстуального противоречия в использовании понятий «паевой инвестиционный фонд» и «доверительное управление», а также ввиду того, что определение ПИФа, данное в ст. 10 ФЗ «Об инвестиционных фондах», по нашему мнению, размывает грани между понятиями «инвестиционный фонд» и «договор доверительного управления», предлагается следующее определение понятия «паевой инвестиционный фонд» и соответственно авторская редакция п. 1 ст. 10 ФЗ «Об инвестиционных фондах»: паевой инвестиционный фонд – обособленный имущественный комплекс, предназначенный для осуществления инвестиционной деятельности исключительно в интересах физических и юридических лиц, находящийся в их общей долевой собственности, доли которых удостоверяются ценной бумагой – инвестиционным паем.

Паевой инвестиционный фонд передаётся в доверительное управление управляющей компании, пользование и распоряжение которым осуществляются управляющей компанией исключительно в интересах учредителей доверительного управления.

Учредителем (учредителями) доверительного управления являются физические и юридические лица, в общей долевой собственности которых находится паевой инвестиционный фонд.

Имущество и имущественные права учредителя (учредителей) доверительного управления передаются в доверительное управление управляющей компании на условиях объединения этого имущества и имущественных прав с имуществом и имущественными правами иных учредителей доверительного управления, а также имуществом и имущественными правами, полученными в процессе такого управления.

Таким образом, понятие «доверительное управление» в текстуальном плане обособляется от понятия «паевой инвестиционный фонд» в тексте ФЗ «Об инвестиционных фондах» и принятых в соответствии с ним нормативно-правовых актах. Кроме этого, в предлагаемом определении выделяется, что доверительное управление является исключительной договорной формой, посредством которой паевой инвестиционный фонд формируется и используется для реализации инвестиционных целей собственников (пайщиков), но не смешивается непосредственно с понятием ПИФа как обособленного имущественного комплекса.

Паевой инвестиционный фонд является оптимальной структурой коллективного инвестирования, которая исключает риск утраты имущества в связи с обращением взыскания по обязательствам управляющей компании, позволяя при этом осуществлять все фактические и юридические действия, необходимые для инвестирования средств пайщиков.

Пристатейный библиографический список

1. Дементьева С. Дан приказ ему на запад // Коммерсантъ. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2457405>

5 Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

6 Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2015.

Шумаев В. А., Илюхина С. С., Галушкин А. А.
ИННОВАЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЫНКА
И ЛОГИСТИКИ

В статье показаны инновационные технологии создания и расположения инфраструктуры рынка и логистики, например, зерновых терминалов, строительства дорог, электроснабжения.

Ключевые слова: инфраструктура, логистика, транспорт, порт, терминал, дорога.

Shumaev V. A., Ilyukhina S. S., Galushkin A. A.
INNOVATIVE DIRECTIONS OF THE MARKET AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT

Innovative technologies of creation and arrangement of infrastructure of the market and logistics, for example, of grain terminals, construction of roads, power supply are revealed in the article.

Keywords: infrastructure, logistics, transport, port, terminal, road.

Движение продукции на рынке осуществляется с помощью инфраструктуры товарных рынков, которая представляет собой совокупность организаций, служб и средств, обеспечивающих функционирование рынков. Составными частями рыночной инфраструктуры являются также государственное организационно-правовое обеспечение, кредитная и эмиссионная системы и соответствующие банки, различные инвестиционные фонды, таможенные организации¹. В настоящее время наблюдается формирование рыночной инфраструктуры. Однако и формирование новых инфраструктурных организаций, и развитие имеющихся осуществляется по-старому, недостаточно создаётся прогрессивных объектов.

Развитые страны с рыночной экономикой значительно опережают Россию в области развития инфраструктуры, как рыночной, так и бытовой, поэтому имеют положительный опыт, который целесообразно изучить и использовать в развитии отечественной инфраструктуры. Известно, что менее затратными видами транспорта являются водный и трубопроводный. Следует отметить, что по трубам перемещаются жидкости и газы, а речным и морским транспортом по воде осуществляется движение разнообразных грузов. Одним из эффективных видов транспортировки, например зерна, признан водный транспорт. В США и Канаде на берегах рек расположено несколько сотен элеваторов и зернохранилищ разной производительности с причалами для погрузки-выгрузки с барж. Только на небольшой реке Снейк на северо-западе США имеется до 10 зерновых портов, не считая множества причалов портов общего пользования, способных принять и отправить зерновые лихтеры².

В последние годы за рубежом широкое распространение приобрели предварительное хранение и перевозка зерна в интермодальных контейнерах типа «грэйнтайнер» грузоподъемностью 4680 кг и «мэлтайнер» (комп. Alberta Wheat Pool), прицепах типа SFCM 950004 (комп. Santa Fe), C-16 и C-25 (Аргентина) и др., а также в плавучих контейнерах – малых баржах-лихтерах, которые могут буксироваться индивидуально и перевозиться штабелями на крупных лихтеровозах. К зерновым терминалам в нижнем течении р. Колумбия, например, 50 % зерна подвозится баржами, 49 % – по железной дороге и всего 1 % – автотранспортом. Зерновые грузы перевозятся

по внутренним водным путям в специально строящихся (чаще двубортных) или переоборудуемых баржах-зерновозах, часто составами (до 10–12 счаленных барж). Там, где это возможно, зерно от ферм перевозится речным транспортом. Так, более 50 % экспортного зерна в США собирается в бассейне реки Миссисипи и транспортируется в морской порт Новый Орлеан и другие устьевые порты судами, тем самым обеспечивая благосостояние многих тысяч фермеров и работу работников речного транспорта³.

Таким образом, для создания и модернизации отечественной зерновой инфраструктуры по опыту зарубежных стран необходимо повышать уровень механизации по всей цепочке «сбор-переработка-перевозка-хранение-реализация» зерна и зернопродукции, обеспечив создание районных и межрайонных зерновых терминалов и элеваторов на реках и озёрах, резко увеличив транспортировку зерна внутренним водным транспортом, строительство судов для перевозки зерна, как навалом, так и в контейнерах и лихтерах, сооружение и переоборудование портов и причалов, крупных элеваторов на берегах рек под приёмку судов-зерновозов и лихтеровозов. В результате создания транспортно-логистического кластера достигается повышение конкурентоспособности российских транспортно-экспедиционных структур на внутреннем и мировом рынках логистических услуг⁴. При этом обеспечивается значительный экономический эффект и ряд положительных последствий, в частности, рост доходов участников транспортно-логистического кластера, снижение издержек, получение синергетического эффекта, повышение качества обслуживания, повышение точности времени поставки грузов, использование мультимодальных перевозок⁵.

Так, для обеспечения энергией морских и плавучих объектов, прибрежных и островных поселений можно использовать поплавок электростанции. Устройство представляет собой

3 CargoSystems (www.cargosystems.net)

4 Королев С. В., Коровяковский Д. Г. Научно-образовательная система стратегического планирования для целей управления демографическими процессами в России как фактор национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 14. — С. 58–64.

5 Шумаев В. А. Логистическое обеспечение развития Северных регионов // Современные проблемы использования потенциала морских акваторий и прибрежных зон: материалы XI международной научной конференции; в 2-х ч. / под ред. А. В. Семенова, Н. Г. Малышева, Ю. С. Руденко. — М.: Изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2015. — С. 336–346.

1 Шумаев В. Маркетинг и логистика оптового звена / В.А. Шумаев // Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция (РИСК). — 2013. — № 1. — С. 41–45.

2 www.nowpublic.com

капсулу-поплавок, плавающую на поверхности воды. В ней предусмотрен специальный колебательный механизм, который действует согласованно с морским волнением и эффективно преобразует энергию колебаний в электричество. Можно также установить серию капсул, которые будут связаны между собой, при этом их общая мощность может достигать нескольких десятков мегаватт. Стоимость выработанной таким способом электроэнергии может составлять не более 2 рублей за кВт/ч, а капитальные затраты на сооружение электростанций окупятся за два года при общем сроке службы капсул в десятки лет⁶.

На основании открытий в этой области был изобретен «Способ получения электроэнергии в электрогенераторе Шуваева Г. В.» (RU БИПМ № 3,27.01.2006 г., стр. 816) и «Электрогенератор Шуваева Г. В.» (RU БИПМ № 13, 10.05.2006 г., стр. 708). Функционально электрогенераторы предназначены для использования в качестве автономных энергоисточников двигателей, как в транспортных средствах, вместо двигателей внутреннего сгорания, так и в отдельных объектах промышленности, жилищно-коммунального и сельского хозяйств. Реализация прорывного проекта «Лазерная энергетика» открывает неограниченные перспективы развития науки и экономики страны, в частности освоения новых территорий и создания транспортных сетей современного уровня⁷.

Освоение новых территорий невозможно без создания современной транспортной инфраструктуры на базе наукоёмких технологий⁸. Рассмотрим некоторые пути совершенствования железных дорог. Имеются прогрессивные разработки и части транспортных средств. Так, для освоения приполярных регионов России, развития Северного морского пути специально создан скоростной высокоэффективный вид транспорта, названный наземно-воздушной амфибией (НВА). Высокие скорости движения обеспечивают уход от опасности в любое время. Высота крейсерского движения от 1 до 15 метров обеспечивает несущие свойства планера в 3–4 раза большие, чем у современного самолета. НВА имеет способность вертикально отрываться от любой (жидкой или твердой) поверхности и садиться на неё, что позволяет осуществлять остановки на любом участке трассы движения.

Одним из прогрессивных направлений совершенствования объектов инфраструктуры является применение в строительстве новых материалов и технологий. Так, технология ROCAMIX существует уже более 20 лет и используется для улучшения транспортной инфраструктуры в разных странах, проста, надежна, не требует специального дорогостоящего оборудования. Она изменяет состояние грунта и превращает его в гидроизоляционную прокладку для верхнего слоя покрытия дорог, обеспечивает высокие гидроизоляционные качества практических любых грунтов и позволяет уменьшить влияние влаги на земляное полотно. В результате её применения образуется монолитная плита, аналогичная камню. ROCAMIX обеспечивает повышение несущей способности грунта от трех до пяти раз, что приводит к значительному повышению износостойкости дорожного покрытия и увеличению его срока службы. ROCAMIX характеризуется высокой эффективностью и низкой стоимостью.

Другим прогрессивным направлением является применение гидравлической оболочки при строительстве объектов. Геооболочка — специально разработанная геотекстильная конструкция в виде простой прямоугольной емкости. Она устойчива к перепаду температур, воздействию соленой воды, агрессивных сред и ультрафиолетовому излучению. Особенно актуально использование геооболочки на слабых, неустойчивых или нарушенных сыпучих, талых, пучинистых почвах, на подтопляемых, заболоченных и обводненных участках земли (с близким залеганием грунтовых вод), болотах, а также в условиях вечной мерзлоты.

Геооболочка используется для эффективного укрепления оснований дорог и площадок, тротуаров, мостов, прибрежных территорий и прочих сооружений на различных грунтах. Геооболочка применяется в строительстве автомобильных дорог, а также в сооружении аэродромов и вертолетных площадок, служит для укрепления естественных и искусственных откосов и склонов, оврагов, обочин, подходов насыпей мостовых переходов, подпорных стен. Она с успехом применяется при устройстве гидротехнических сооружений — насыпей, дамб, береговых укреплений, подпорных стен, противозерозионных сооружений, и др.

В настоящее время осуществляется постепенный переход на новый вид дорожного бетона — фибробазальтовый шлако-щелочной бетон. Применение такого бетона позволяет решать две задачи: фибры (волокна из базальта) повышают прочность, а щелочь повышает стойкость к воздействию кислотных сред. Также применяется технология производства коррозиоустойчивых бетонов, особо прочная поверхность которых не «шелушится» при воздействии солей, не разрушается в климатических условиях Северо-Запада. Строительство инфраструктуры рынка целесообразно отразить в Федеральной целевой программе «Логистизация российского хозяйства», которую необходимо разработать. Совершенствование управления экономическим развитием с учетом логистики должно базироваться на использовании прогрессивных инновационных технологий.

В настоящее время наблюдается тенденция к интеграции логистических процессов в единую систему. Стали появляться технопарки, особые экономические зоны, комплексные транспортные логистические объекты и сети. Это целесообразно учесть при реализации проектов освоения новых, в том числе северных территорий, что приведет к улучшению управляемости создания и функционирования объектов.

Пристатейный библиографический список

1. Карпов Ю. Взлетят ли дирижабли над железной дорогой? Нужны принципиально новые технологии строительства транспортной инфраструктуры // Якутия. — 2012. — 12 декабря.

6 Электростанция-поплавок получила международное признание [Электронный ресурс] // Наука и технологии РФ (STRF). 2009. — Режим доступа: www.strf.ru

7 Шуваев Г. В. Путь к ноосфере (Сборник). — Ярославль: Спринт, 2012.

8 Коровяковский Д. Г. Инновационные подходы к развитию педагогических систем: теоретико-правовой подход // Правовая инициатива. — 2014. — № 3. — С. 9-15.

Аминова А. Г., Гареева З. А.
РОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ОТЧЕТНОСТИ КОМПАНИИ

В статье приводится обобщение нормативных и методических основ формирования консолидированной отчетности компании с учетом российских и международных норм.

Ключевые слова: консолидированная отчетность, МСФО, консолидированная группа, стандарты бухгалтерского учета, материнское предприятие, дочернее предприятие, контроль.

Amineva A. G., Gareeva Z. A.
RUSSIAN AND INTERNATIONAL STANDARDS OF CONSOLIDATED STATEMENTS

The article provides a summary of regulatory and methodical bases of formation of the consolidated financial statements of companies taking into account Russian and international standards.

Keywords: consolidated reporting, IFRS, consolidated group, accounting standards, parent company, subsidiar, control.

Аминова А. Г.

Рыночные преобразования в России, глобализация бизнеса и национального пространства, процессы приватизации и реструктуризации предприятий и отраслевых комплексов привели к образованию холдинговых структур, объединений предприятий, в состав которых входят материнское и его дочерние предприятия. С юридической точки зрения участники группы являются отдельными субъектами хозяйствования, которые ведут учет деятельности и составляют собственную отчетность. В связи с этим особую актуальность приобретает учет деятельности группы предприятий как единой экономической единицы. Информация о финансовом состоянии, результатах деятельности и движении денежных средств в разрезе обычной и чрезвычайной деятельности холдинговых структур, объединений предприятий обобщена в консолидированной финансовой отчетности.

Безусловно, в условиях постоянного обострения конкуренции информация о бизнесе имеет все более важное значение, потому что позволяет как влиять на движение капиталов внутри группы предприятий, так и привлечь дополнительные финансовые ресурсы от других субъектов. Поэтому рост значения информации как фактора экономического развития должен иметь регламентированный (правовой) характер.

Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО) содействуют высокому уровню ведения бухгалтерского учета, составления и сопоставления финансовой отчетности субъектов хозяйствования во всем мире.

Весомый вклад в развитие вопросов по методике составления консолидированной финансовой отчетности сделали отечественные ученые, в частности, Н. А. Бортник, А. В. Глушченко, Д. А. Ендовицкий, В. Т. Козлов, В. Д. Новодворский, В. Ф. Палий, В. С. Плотников, А. Д. Шеремет, А. Н. Хорин, Л. З. Шнейдман и др. Однако в условиях нынешних перспектив целесообразнее будет обобщить и усовершенствовать имеющиеся подходы к методике составления консолидированной финансовой отчетности.

Целью данной статьи является обобщение нормативных основ формирования консолидированной отчетности компании с учетом российских и международных норм.

Известный экономист, создатель теории межотраслевого баланса В. В. Леонтьев в своей работе 1927 г. заложил основы научного понимания концентрации и экономической консолидации: «Современная организация экономической

системы... представляет собой сложную систему единиц концентрации, причем каждая единица полностью содержится в следующей, более сложной... для любого статистического исследования нужно, чтобы каждая система была составлена из эквивалентных единиц»¹. Автор считает, что «конечно, и экономическая консолидация является фактором концентрации»². Сравнение промышленных предприятий (независимого и дочернего) с различным составом затрат позволяет определить оптимальную величину концентрации предприятия. «Технологические единицы становятся подчиненными экономическим, как чтобы последние были краеугольным камнем всей системы. Экономическая единица является наиболее емкой из всех статистических единиц»³.

Из приведенного следует, что в экономике при осуществлении консолидации объектов для обеспечения потребностей пользователей нужно выбирать эквивалентные, тождественные единицы. Наилучшим образом требованиям заинтересованных пользователей соответствует отчетность самостоятельной экономической единицы (англ. – single economic entity) по выбранным параметрам; поэтому кроме индивидуальной финансовой отчетности составляется консолидированная финан-

Гареева З. А.

- 1 Леонтьев В. В. Теория и статистическое описание концентрации // В кн. Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990. – С. 249–264.
- 2 Леонтьев В. В. Теория и статистическое описание концентрации // В кн. Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990. – С. 259.
- 3 Ишкинина З. А., Гареева З. А. Прозрачность корпоративной отчетности // Современные тенденции в экономике и финансах. Межвузовский сборник научных трудов по материалам II Всероссийской заочной научно-практической интернет-конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» / Под общ. ред.: Л. И. Ванчухиной, Ю. А. Фролова, 2012. – С. 260–261.

совая отчетность как совокупная или сводная отчетность юридического лица и его дочерних предприятий (они составляют группу предприятий в современном понимании) как единой экономической единицы. Во избежание двойного учета вычитаются взаимные долги членов группы, объемы продаж друг другу и выделяется неконтролируемая доля участия.

Методологически разработка системы консолидированного учета заключается в определении консолидированной группы предприятий как объекта бухгалтерского учета и состоит в разработке системы консолидированного учета, позволяющей обеспечить необходимой информацией все уровни управления холдингом и при этом являющейся основой для формирования консолидированной финансовой отчетности.

В системе бухгалтерского учета России предприятия имеют возможность составлять консолидированную отчетность (далее – КО) по национальным и международным стандартам. По этим стандартам консолидированная финансовая отчетность дает характеристику общему финансовому состоянию и общему финансовому результату, который наряду с финансовой отчетностью субъектов группы (отдельной финансовой отчетности) дает четкое представление как о перспективах инвестирования в такую группу, так и о ее вкладе в экономическое развитие страны.

Нынешнее российское законодательство содержит достаточные правовые основания для составления консолидированной отчетности, включая ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» от 27 июля 2010 г. № 208-ФЗ, принятый ГД Федерального Собрания РФ и введенный в действие с 10 сентября 2010 г.; Положение о консолидированной отчетности, утвержденное Банком России 30 июля 2002 г. № 191-П и зарегистрированное в Минюсте РФ 11 октября 2002 г. № 3857; Приказ Минфина РФ от 30 декабря 1996 г. № 112 «О методических рекомендациях по составлению и предоставлению сводной бухгалтерской отчетности и ряд других документов.

С 20 декабря 2011 г. Приказом Министерства финансов РФ от 25 ноября 2011 г. № 160н «О введении в действие Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности» в РФ были приняты и введены в действие Международные стандарты финансовой отчетности. В письме Минфина России от 12 декабря 2011 г. № 07-02-06/240 «Об официальном опубликовании документов международных стандартов финансовой отчетности» была озвучена рекомендация при составлении консолидированной отчетности использовать МСФО. Следует отметить, что к основным отличиям международных стандартов учета от РСБУ относят менее жесткую регламентацию действий бухгалтера. Поэтому непривыкшие к большей свободе отечественные бухгалтеры сталкиваются с определенной проблемой при трансформации отчетности по МСФО.

Необходимость составления консолидированной финансовой отчетности предприятия обусловлена целями внутренних и внешних пользователей. Внутренними пользователями консолидированной финансовой отчетности выступают топ-менеджеры и сотрудники отдела финансово-экономического департамента холдинга. Внешними пользователями консолидированной финансовой отчетности предприятия выступают собственники, бизнес-партнеры и государственные органы власти.

В связи с тем, что детальные предложения по составлению консолидированной финансовой отчетности предприятий России отсутствуют, возникает необходимость рассмотреть некоторые нормативно-прикладные основы консолидации консолидированной финансовой отчетности.

Директива 2013/34/ЕС (ст. 22–29)⁴ определяет сферу и порядок консолидации финансовой отчетности. В частности, компании, которые имеют дочерние предприятия, должны консолидировать не только финансовую отчетность, но и управленческую отчетность. Однако малые и средние группы предприятий могут быть освобождены от обязательства составлять консолидированную финансовую отчетность и консолидированный отчет руководства за исключением случаев, когда аффилированные предприятия (члены группы) являются субъектами, в отношении которых существует общественный интерес. В директиве подробно изложены условия такого освобождения. Процедуры консолидации финансовой отчетности, изложенные в Директиве 2013/34/ЕС, в целом согласуются с МСФО. Однако ст. 26 Директивы 2013/34/ЕС предусматривает возможность применения пропорциональной консолидации для совместных предприятий, которая исключена МСФО.

Федеральным законом № 208-ФЗ утверждены нормы по финансовой отчетности и консолидированной финансовой отчетности юридических лиц всех форм собственности (кроме банков и бюджетных учреждений), также новые формы финансовой отчетности. Необходимость составления консолидированной финансовой отчетности, прежде всего, определяется потребностями пользователей. В состав пользователей информации КО можно отнести: акционеров материнского предприятия и дочерних предприятий; внешних инвесторов; кредиторов; управленческий персонал группы; руководство и наблюдательный совет материнского предприятия и дочерних предприятий; государственные органы управления; покупателей; поставщиков; аналитиков и консультантов; общественность.

Таким образом, для внешних пользователей консолидированная финансовая отчетность выступает в качестве дополнительной информации, которая устраняет ограниченность отдельных финансовых отчетов. Соответственно, при разработке организации и методики составления консолидированной финансовой отчетности необходимо учитывать все особенности консолидированной финансовой отчетности, что относится и к корпоративной отчетности⁵.

Согласно и российской, и общемировой практике, методика составления консолидированной финансовой отчетности является достаточно сложной, поскольку связана с необходимостью элиминирования статей, то есть последствия по реализации соглашений между членами корпоративной группы не включают в консолидированную отчетность, показывают только активы и обязательства, доходы и расходы от операций с третьими лицами. Для получения достоверной информации о деятельности группы нужно внедрить единые учетные

4 Directive 2013/34/EU of the European parliament and the council of 26 June 2013 on the annual financial statements, consolidated financial statements and related reports of certain types of undertakings, amending Directive 2006/43/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directives 78/660/EEC and 83/349/EEC [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.oroc.pt/fotos/editor2/diretivacont.pdf

5 Ишкинина З. А., Гареева З. А. Прозрачность корпоративной отчетности // Современные тенденции в экономике и финансах. Межвузовский сборник научных трудов по материалам II Всероссийской заочной научно-практической интернет-конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» / Под общ. ред. Л. И. Ванчухиной, Ю. А. Фролова, 2012. – С. 87–91.

и контрольные процедуры для целей консолидации на уровне группы.

Следуя общепринятой международной правовой базе МСФО, критерии контроля и принципы подготовки консолидированной финансовой отчетности регулируют МСБУ 1 «Представление финансовой отчетности», МСФО (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность»⁶, МСБУ-27 «Консолидированная и отдельная финансовая отчетность»⁷.

Таким образом, установлено, что консолидированная финансовая отчетность – это отчетность, отражающая финансовое положение и результаты деятельности юридического лица и его дочерних предприятий как единой экономической единицы.

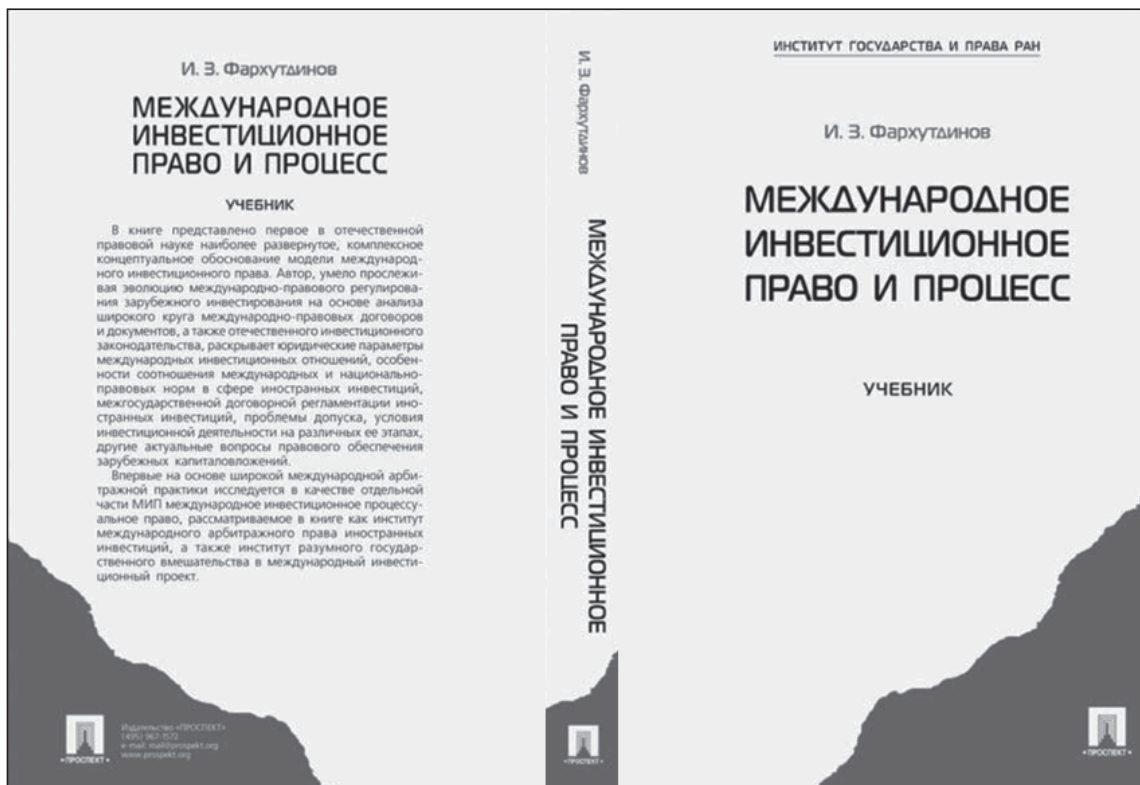
Консолидированная группа предприятий как единая хозяйственная единица является объектом бухгалтерского учета. На основании консолидированного учета информацию о финансовом состоянии, результатах деятельности и движении денежных средств таких групп предоставляет исключительно консолидированная финансовая отчетность. Обоснование сущности консолидированной группы позволяет определить периметр консолидации при составлении КО и конкретизировать объекты учета при процедурах консолидации.

6 Международный стандарт финансовой отчетности 10 (МСФО 10) «Консолидированная финансовая отчетность» от 01.01.2013.

7 Международный стандарт бухгалтерского учета 27 (МСБУ 27) «Консолидированная и отдельная финансовая отчетность» от 01.01.2012.

Пристатейный библиографический список

1. Леонтьев В. В. Теория и статистическое описание концентрации // В кн. Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990.
2. Гайсина Л. М. Формирование модели механизма трансформации системы управления персоналом // Власть. – 2015. – № 3. – С. 76-81.
3. Directive 2013/34/EU of the European parliament and the council of 26 June 2013 on the annual financial statements, consolidated financial statements and related reports of certain types of undertakings, amending Directive 2006/43/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directives 78/660/EEC and 83/349/EEC [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.oroc.pt/fotos/editor2/diretivacont.pdf
4. Ишкинина З. А., Гареева З. А. Прозрачность корпоративной отчетности // Современные тенденции в экономике и финансах. Межвузовский сборник научных трудов по материалам II Всероссийской заочной научно-практической интернет-конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»; Под общ. ред.: Л. И. Ванчухиной, Ю. А. Фролова, 2012.
5. Международный стандарт финансовой отчетности 10 (МСФО 10) «Консолидированная финансовая отчетность» от 01.01.2013.

Чернова Г. Ш., Игбаева Г. Р., Пономарева Е. В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье осуществлен правовой анализ закона о банкротстве физических лиц. Рассмотрен порядок осуществления процедуры банкротства: условия, основания, правовые документы. Проведенный анализ позволил определить плюсы и минусы, и правовые последствия реструктуризации долга гражданина.

Ключевые слова: банкротство граждан, неплатежеспособность, реструктуризации долга, реализация имущества.

Chernova G. Sh., Igbaeva G. R., Ponomareva E. V. LEGAL ASPECTS OF BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS

The article presents the legal analysis of the law on bankruptcy of physical persons. The order of the implementation of bankruptcy proceedings: the conditions, grounds and legal documents. The analysis allowed us to determine the pros and cons and the legal consequences of debt restructuring citizen.

Keywords: bankruptcy citizens, insolvency, debt restructuring, the implementation of the property.

С 1 июля 2015 г. в России введена процедура банкротства физических лиц, которая предусматривает судебную процедуру признания несостоятельными не только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, но и граждан¹ (далее – Закон о банкротстве).

С момента вступления изменений в законную силу прошло три месяца. Что произошло за этот период?

Сомнений относительно необходимости принятия данного положения было много. В частности, до недавнего времени не было единого мнения относительно судов, к подведомственности которых будет относиться рассмотрение данных дел. Неоднозначное мнение было относительно процедуры реструктуризации и др.

На сегодняшний день все сомнения решены и в окончательном варианте определен суд, рассматривающий дела о банкротстве физических лиц. Изначально предлагалось передать данные дела в ведение судов общей юрисдикции, однако чаша весов склонилась в пользу арбитражных судов.

Небезынтересным представляется вопрос относительно того, кто может инициировать судебный процесс, и что в конечном счете данная процедура дает участникам гражданских правоотношений?

Согласно п. 1 ст. 213.3 Закона о банкротстве гражданина правом на обращение в суд с заявлением о признании гражданина банкротом обладают гражданин, конкурсный кредитор, уполномоченный орган.

Условия необходимые для обращения в суд граждан обозначены в ст. 213.3 Закона о банкротстве и сводятся к следующему:

- сумма просроченной задолженности превышает 500 тыс. рублей;
- требования по уплате задолженности не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены, если иное не предусмотрено Законом о банкротстве.

Закон предусматривает обязанность гражданина обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом в случае, если удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения гражданином денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей в полном объеме перед другими кредиторами и размер таких обязательств и обязанности в совокупности составляет не менее чем пятьсот тысяч рублей, не позднее тридцати рабочих дней со дня, когда он узнал или должен был узнать об этом.

Также гражданин вправе подать в арбитражный суд заявление о признании его банкротом в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Таким образом, основанием для признания гражданина банкротом признаются его неплатежеспособность и неоплатность его долга. Законодатель вполне логично отказался от неоплатности в пользу неплатежеспособности, ибо неоплатность означает превышение задолженности гражданина над стоимостью его имущества.

При рассмотрении дела о банкротстве гражданина возможно применение трех процедур: реструктуризация долгов гражданина, реализация его имущества и мировое соглашение (ст. 213.2 Закона о банкротстве гражданина).

К. Б. Кораевым было высказано мнение, с которым следует согласиться, что концептуально выверенными являются только нормы, регулирующие восстановление его платежеспособности. Нормы, устанавливающие банкротство гражданина, нельзя признать таковыми. Это связано с тем, что они не обеспечивают достижение главной цели института неплатежеспособности – устранение неплатежеспособного должника из сферы потребления кредита². Такой вывод следует из содержания п. 1 ст. 213.30 Закона о банкротстве гражданина.

Как видно, процедура банкротства в отношении граждан имеет ряд особенностей, однако, как и в случае с банкротством организаций, она предоставляет ряд преимуществ как должнику, так и кредиторам. Основным преимуществом для должника является возможность легального ухода от долгов. Уход от долгов невозможен был в силу по ФЗ «Об исполнительном производстве», о чем должники знали, и заключали мнимые сделки с целью избежать обращения взыскания на свое имущество. При отсутствии имущества должника ст. 46 ФЗ «Об исполнительном производстве» предусматривает возможность окончить исполнительное производство с возвращением исполнительного документа взыскателю. Однако оконченное исполнительное производство не препятствует повторному предъявлению исполнительного документа для исполнения. Сейчас же, закон по существу, дает должникам финансовую амнистию.

Для кредитора преимущества заключаются в возможности применения ряда специфических механизмов формирования конкурсной массы, которые не свойственны исполнительному производству: возможность оспорить сделки должника по отчуждению имущества, заявить о разделе имущества супругов, контролировать ход торгов по реализации имущества должника, признать невозвращенную задолженность безнадежной к взысканию.

Вызывают одобрения положения статьи 213.32, которая предусматривает возможность оспаривания сделки должника-гражданина. Сделки указанных граждан, совершенные до 1 октября 2015 года с целью причинить вред кредиторам, могут быть признаны недействительными на основании статьи 10 ГК РФ по требованию финансового управляющего или конкурсного кредитора (уполномоченного органа) в порядке, предусмотренном пунктами 3 - 5 статьи 213.32. Заявление об оспаривании сделки должника-гражданина по основаниям, предусмотренным статьей 61.2 или 61.3 настоящего Федерального закона, может быть подано в течение 3 лет финансовым управляющим по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов, а также конкурсным кредитором или уполномоченным органом, если размер его кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его заинтересованных лиц. При этом срок исковой

1 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N 43, ст. 4190

2 Кораев К.Б. Новеллы законодательства о банкротстве гражданина-потребителя // Закон. - 2015. - N 3. - С. 121 - 127.

давности исчисляется с момента, когда финансовый управляющий узнал или должен был узнать о наличии указанных в статье 61.2 или 61.3 настоящего Федерального закона оснований.

Безусловным плюсом является наличие Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в котором в соответствии с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с 1 апреля 2011 года арбитражные управляющие, организаторы торгов и саморегулируемые организации обязаны публиковать сведения о банкротстве в указанном реестре, где содержится публикация сведений о ходе процедур о несостоятельности. Дальнейшее участие несостоятельного гражданина в сфере кредитных отношений путем принятия им на себя обязательств по кредитным договорам и (или) договорам займа делается возможным только при условии обязательного указания факта своего банкротства.

Все имущество должника, включая валютные ценности³, на которое можно обратить взыскание, включается в конкурсную массу. В конкурсную массу может включаться имущество гражданина, составляющее его долю в общем имуществе, на которое может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским законодательством, семейным законодательством. Кредитор вправе предъявить требование о выделе доли гражданина в общем имуществе для обращения на нее взыскания. Что касается супругов, когда один из них признан банкротом, то в конкурсную массу включается часть средств от реализации общего имущества супругов, соответствующая доле гражданина в таком имуществе, остальная часть этих средств выплачивается супругу.

Следует также отметить, что согласно ст. 446 ГПК РФ предусмотрен перечень имущества, на которое обращение взыскания не допускается. Не вдаваясь в подробности заметим, что данный перечень достаточно внушительный. К тому же предусмотрен срок, в течение которого должник должен исполнить требования кредиторов, который не может превышать 3 лет. По истечении 3 лет кредиторы вынуждены списать долги должнику, т.к. они признаются невозвратными.

Процедура оценки имущества должника отсылает нас к ст.85 Закона «Об исполнительном производстве». Согласно положениям данной статьи оценка имущества должника, на которое обращается взыскание, производится судебным приставом-исполнителем по рыночным ценам, если иное не установлено законодательством РФ.

Ч. 2 ст.85 Закона «Об исполнительном производстве»⁴ обязывает привлечь оценщика для оценки при обнаружении следующего имущества:

- 1) недвижимого имущества;
- 2) ценных бумаг, не обращающихся на организованных торгах (за исключением инвестиционных паев открытых и интервальных паевых инвестиционных фондов);
- 3) имущественных прав (за исключением дебиторской задолженности, не реализуемой на торгах);
- 4) драгоценных металлов и драгоценных камней, изделий из них, а также лома таких изделий;
- 5) коллекционных денежных знаков в рублях и иностранной валюте;
- 6) предметов, имеющих историческую или художественную ценность;
- 7) вещи, стоимость которой по предварительной оценке превышает тридцать тысяч рублей.

Судебный пристав-исполнитель также обязан привлечь оценщика для оценки имущества, если должник или взыскатель не согласен с произведенной судебным приставом-исполнителем оценкой имущества. Сторона исполнительного производства, оспаривающая произведенную судебным приставом-исполнителем оценку имущества, несет расходы по привлечению оценщика.

Если суд признает заявление гражданина обоснованным, то начинается процедура реструктуризации долга. Составляется проект плана реструктуризации, который утверждается судом. План действует не более трёх лет. При этом должны быть у гражданина постоянный источник дохода, отсутствует неснятая или непогашенная судимости за умышленное преступление в сфере экономики, гражданин не подвергался административной ответственности за мелкое хищение, умышленное уничтожение или повреждение имущества, фиктивное или преднамеренное банкротство или уже истек срок, в течение которого наказание

считается наложенным. При этом реструктуризация задолженности не возможна, если ранее уже применялась эта процедура и с этого момента не прошло восемь лет, либо пять лет с момента признания гражданина банкротом.

Что же все-таки представляет собой реструктуризации долга? Какие плюсы и минусы в ней усматриваются? Плюсы реструктуризации – прекращается начисление неустойки (штрафов, пеней) и подлежащих уплате процентов. Но будут начисляться проценты в размере ставки рефинансирования, установленной Банком России на дату утверждения плана судом.

Минусы реструктуризации – гражданин лишается права распоряжаться своим имуществом. Необходимо будет заручиться письменным согласием управляющего на сделки с недвижимостью, ценными бумагами, долями в уставном капитале компаний и транспортными средствами, а также любым другим имуществом, если его цена более 50 тысяч рублей. На получение и выдачу займов, поручительство и гарантий тоже потребуется согласие управляющего. В течение срока исполнения плана реструктуризации и пяти лет после его завершения гражданин не вправе скрывать этот факт своей биографии при обращении за получением кредита, а также приобретении товаров в рассрочку.

После завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в т.ч. требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина. Однако суд может и не освободить гражданина от обязательств в случае его неправомерных действий при банкротстве (преднамеренное банкротство, сокрытие своего имущества и т.д.). Кроме того, требования кредиторов по текущим платежам о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о выплате заработной платы и выходного пособия, о возмещении морального вреда, о взыскании алиментов, а также иные требования, неразрывно связанные с личностью кредитора, в т.ч. требования, не заявленные при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина, сохраняют силу и могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве гражданина в непогашенной их части.

Закон все-таки оставляет гражданину возможность прекратить производство по делу о банкротстве в виде заключения мирового соглашения. Мировое соглашение заключается между кредиторами или уполномоченными органами и должником. Мировое соглашение утверждается судом, после чего гражданин или участвующее в мировом соглашении третье лицо приступает к погашению задолженности перед кредиторами.

В заключении хотелось бы отметить, что разработанный механизм банкротства дает возможность гражданам освободиться от бремени неподъемных долгов, однако не исключает возможности злоупотреблений со стороны недобросовестных заемщиков.

Сложившаяся ситуация в банковской сфере свидетельствует о том, что банки, выдавая кредиты гражданам рискуют не вернуть суммы займа от недобросовестных участников. Поэтому, наличие единой информационной системы, содержащей сведения о всех должниках должна быть доступна и актуальна, и является как никогда целесообразной и необходимой.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» //Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, № 43, ст. 4190
2. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об исполнительном производстве» //Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, № 41, Ст. 4849.
3. Федеральный закон «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты российской Федерации» //Собрание Законодательства РФ», 06.07.2015, № 27, Ст. 3945
4. Игнатова С.В., Игбаева Г.Р.Правовая природа валютных правоотношений // Банковское право. 2004. № 4. С. 59–63.
5. Кораев К.В. Новеллы законодательства о банкротстве гражданина-потребителя // Закон. 2015. –№ 3. – С. 121 – 127.
6. Кондрат Е.Н., Рыжих И.В., Шашихина Т.В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2015.

3 Игнатова С.В., Игбаева Г.Р.Правовая природа валютных правоотношений // Банковское право. - 2004. - № 4. - С. 59-63.

4 Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. №41. Ст. 4849.

Аюпов М. А. НОВЫЙ ЭТАП РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье освещаются основные этапы и особенности регионализации в России за последнюю четверть века. Выявлены общие точки приложенных усилий Федерации и ее субъектов в создании проекта Будущего высокоразвитой и конкурентоспособной России в условиях глобализации и постиндустриального развития.

Ключевые слова: регионализация, юрисдикционный этап, преемственность, период конкурентного развития, проекты Будущего, федерализм, сильный центр, конкурентоспособные регионы.

Аюпов М. А. A NEW PHASE OF REGIONALIZATION AND ITS PROBLEMS

The article highlights the main stages and features of regionalization in Russia over the recent quarter of a century. Common points for exerting every effort of the Federation and its subjects in creation of Future highly developed and competitive Russia in the context of globalization and postindustrial development are identified.

Keywords: regionalization, jurisdictional stage, the continuity, the competitive period of development, the projects of the Future, federalism, strong center, competitive regions.

Аюпов М. А.

Российская Федерация в своем пространственно-территориальном развитии вступила в новый этап. Главное содержание сегодняшних перемен заключается в нарастании социокультурных и экономических своеобразий регионов. Вместо планомерного размещения производительных сил в республиках, краях и областях из единого центра и выравнивания уровня их социально-экономического прогресса развертывается борьба между ними за лидерство в международном, всероссийском хозяйственном пространстве, стремление к самодостаточности и саморазвитию¹.

Следует отметить, что на первом, административно-политическом («юрисдикционном», «суверенном») этапе регионализации, Республика Башкортостан прошла самостоятельный путь развития, в рамках которого были предприняты усилия выстроить отличные от советского, (госплановского) директивного планирования самостоятельные конкурентоспособные политико-властные и социально-экономические отношения. Это было обусловлено практической необходимостью выжить в условиях разрушения общего государства, формирования новой России, в отсутствие единых федеральных законов и демократических правил жизни.

Стремление стать сначала союзной республикой по законам Союза СССР, а затем самостоятельным государством по рецепту Б. Н. Ельцина «Берите суверенитета столько, сколько проглотите», привело в рамках Федеративного Договора максимализации самостоятельности до суверенной республики с особым статусом в новой России.

В условиях огромной по территории, различной по природным, социально-экономическим, этническим, конфессиональным характеристикам державы и неопределенности ее государственного состояния², республики, края и области были

довольно сильны и самостоятельны, чтобы делать как свои собственные, так и российскую политическую историю³.

Это был результат трансформационных процессов, связанных с радикальными изменениями российской политической системы, включая ее государственно-территориальное

ленность государства», по их мнению, означает завершенность и стабильность его территориального устройства, легитимность, эффективность, законопослушность аппарата, когда принятые в установленном порядке законы выполняются, а государство обладает способностью силой заставить себя слушаться. Они указывают на незавершенность процессов территориального обустройства России, что подтверждается, по их мнению, такими фактами, как практический выход Чечни из состава Федерации, борьба ряда республик за статус суверенных государств, территориальный сепаратизм некоторых русских регионов (в виде попытки создать Дальневосточную, Приморскую и Уральскую республики). В этих условиях неопределенность, слабость федеральной власти (особенно неустойчивость экономической жизни) обуславливают возрождение некоторых элементов квазигосударственности. (Фурман Д. «Случай России». Российская демократизация в мировом контексте. Свободная мысль. 1997. № 9. С. 32-33. Рецензия на книгу: Х. Линц, А. Степан. Проблемы перехода к демократии и ее укрепление. Южная Европа, Южная Америка и посткоммунистическая Европа. Изд. в 1996 г. в США. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Политические исследования. 1993. № 1. С. 44-51; Раствоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования. 1996. № 5. С. 5-15. Нынешние «замороженные» конфликты в Приднестровье, Южной Осетии, присоединение Крыма, образование ЛНР и ДНР на Украине подтверждают этот тезис применительно к современности.

- 3 Туровский Р. Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований // Политические исследования. 2001. № 1. С. 138-139. По мнению автора, который для характеристики территориально сложных государств вводит понятие «территориально неоднородная (гетерогенная) страна», такие государственные образования, как Россия, – не исключение в мировой практике. Все федеральные государства, «большие» унитарные государства, имеющие разные регионы, полиэтнические образования, и государства, включающие в состав особые этнические ареалы, где развиты сепаратистские настроения, составляют территориально неоднородные страны. Поэтому региональная политология, по сути, есть наука об опыте территориально-государственного строительства в условиях сложной структуры государства. См.: Туровский Р. Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований // Политические исследования. 2001. № 1.

1 Доклад-2001 г. На пороге новой регионализации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/new/lecture/>

2 Ряд западных исследователей, в частности Х. Линц, А. Степан, В. Банс, Д. Раствоу указывают на зависимость политических трансформаций от «определенности государства», от ответа на вопрос: существует ли государство как единое целое, чувствуют ли его граждане, что у них есть самодостаточное государство? «Опреде-

устройство, когда эти процессы охватывали фундаментальные политико-властные преобразования в регионах. Происходила постепенная «регионализация» политических процессов. Обусловленные мощным инновационным «импульсом» центра, эти процессы включали в себя, по меньшей мере, два взаимосвязанных содержательных направления: 1) выстраивание федеративного государства, т.е. становление качественно новых субъектов Федерации и налаживание новых федеративных отношений между двумя уровнями власти⁴; 2) формирование новой политической и политико-властной системы в стране и в регионах с самостоятельными субъектами политических отношений, имеющих перспективу демократической направленности⁵.

Подобных сложных, многоуровневых трансформаций при таком количестве региональных политико-территориальных образований не наблюдалось ни в одной стране мира⁶.

Таким образом, эффекты российской трансформации (федерализации и демократизации) обусловили эффект регионализма, что в свою очередь не могло не предопределить быстрое становление прежних, в основном административных, территорий в качестве реальных субъектов Федерации, т.е. субъектов государственно-территориальной организации страны и субъектов федеральной и региональной политики⁷.

В качестве ключевой тенденции этого периода один из первых регионалистов 90-х гг. М. Афанасьев указывал на организацию и законодательное оформление в регионах «своей» государственной власти⁸. Это привело к статусно-политическому и финансово-бюджетному обособлению, прежде всего республик, относительной автономии руководителей этих субъектов в вопросах бюджета, их контролю за финансовыми и кадровыми вопросами.

4 Гельман В. Я. Региональная власть современной России: институты, режимы и практики // Политические исследования. 1998. № 1. С. 87.

5 Борисов С. В. Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 1990-е годы // Политические исследования. 1999. № 1. С. 99.

6 Великая Н., Шишкин В. Российский федерализм. Проблемы и перспективы развития // Свободная мысль – XXI. 2002. № 10. С. 15.

7 Обращая внимание на различия регионов по уровню политического, социально-экономического развития многие исследователи рассматривают это явление как эффект регионализации, как прямое следствие их торга с центром и проведения на местах собственной модели политических реформ. Так, В. Гельман называет разнотипность регионов по этим критериям диверсификацией, понимая под этим институциональное разнообразие (Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Политические исследования. 1998. № 1. С. 88); В. Нечаев – дивергенцией, рассматривая это явление как увеличение межрегиональных различий в способе организации политического процесса и осуществлении политической власти (Нечаев В. Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et Contra. М., 2000. Т. 5. № 1. Афанасьев характеризует эту тенденцию феодализацией, т.е. обособлением политической жизни. (Афанасьев М. Н. Региональное измерение российской политики // Политические исследования. 1998. № 2. С. 90.) На многовариантность институционального дизайна, трансформационных характеристик властно-политических отношений, в целом политических процессов в регионах обращают внимание также Н. Лапина и А. Чирикова (Региональная власть и реформа российского федерализма: сценарии политического будущего // Социологические исследования, 2001. № 4. С. 16-17.), Макарычев А. (Регионализм и региональная культурная идентичность // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1997. Вып. 11.), Пенько С.В. (Политическая культура как фактор развития политического процесса в современной России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2002. С. 32.) и другие.

8 Афанасьев М. М. Указ. соч. С. 89.

Так, концепция суверенного государства Башкортостан предполагала его субъектность в составе Российской Федерации, договорной характер отношений с Федерацией и базировалась на сохранении идеи реализации права башкирского народа на самоопределение, закрепленного в политико-государственном устройстве прежней, советской автономии. Поэтому суверенизация республик не могла не включать в себя элементы национального самоопределения титульной нации. Это было вызвано следующими причинами: 1) объективной необходимостью со стороны российского руководства развития российского федерализма и недопущения повторения «горького опыта» развала союзного государства; 2) демократического разрешения накопившихся этнополитических проблем; 3) предоставления реальной политико-государственной самостоятельности регионам в решении собственных проблем развития.

В то же время этот процесс имел общедемократическое содержание. Значительная часть жителей республики рассматривала децентрализацию власти, укрепление государственности Башкортостана как решающий фактор осуществления коренных общественных преобразований на основе распределения властных полномочий между центром и республикой, как реальный механизм согласования интересов народов и обеспечения прав граждан, достижения политической стабильности республики.

Основные национальные и социальные группы были склонны, как показывали опросы общественного мнения, поддерживать политику органов власти Башкортостана по наиболее полному использованию природного и производственного потенциала в интересах ее населения на основе постепенного, осуществляемого под контролем государства перехода к рыночным отношениям.

Граждане республики были заинтересованы в усилении социальных функций формируемого ими государственного образования. Именно самостоятельность в этой сфере, основанная на разграничении властных полномочий, позволяла проводить эффективную социальную политику, оказывать дополнительную по сравнению с общегосударственными нормами поддержку наименее защищенным группам населения, вести в значительных объемах строительство жилья и дорог, школ, объектов культуры и здравоохранения, благоустройство городов и сел, оказывать широкую государственную поддержку развитию образования, науки и культуры.

Децентрализация власти позволяла лучше обеспечить идейно-культурную жизнь людей с учетом их национальных особенностей, добиваться наиболее полного удовлетворения духовных потребностей представителей различных национальных, социальных, демографических групп, придать процессам, осуществляемым в этой сфере, больший динамизм.

Весьма ценным являлось то, что в Башкортостане в ходе политико-трансформационных процессов национальные движения постепенно институционализировались в качестве общественных объединений с гражданскими характеристиками или инкорпорировались в государственные структуры, специально занимающиеся проблемами этносов. При этом формировалась еще одна базовая ценность – гражданская активность других слоев населения в виде экологических, культурных, религиозных движений.

В начале 2000-х гг. выявилось, что регионы не имеют потребное количество финансовых ресурсов, чтобы реализовать взятые на себя полномочия и обязательства перед федеративным государством, несущим общие функции. Недостаточность бюджетных ресурсов, замедление темпов развития экономики, потреб-

ность в инвестициях, постепенное ослабление региональной идентичности, отсутствие ясных перспектив на будущее привели к кризису прежней идеологии регионального развития.

Ряд республик, крупных краев и областей стали терять свою политическую и экономическую значимость в стране, а затем на своей территории. Началось общее замедление их развития, миграция экономически активного населения за пределы региона, снижение уровня рождаемости и увеличения смертности.

В политико-властной сфере основное внимание уделялось удержанию власти и действующих практик управления. Отсутствие новых идей, программ, проектов, ориентированных на будущее в политической повестке дня постепенно подменялось повторением изживших себя методов управления, возвратом к «ручному» управлению и персонализации власти, инфляцией гражданских, профессиональных, социальных качеств людей, ухудшением их отношения к трудовой и общественной деятельности, разными формами отчуждения от власти, издержками в социальных отношениях, постепенным превращением регионов в зоны депрессивного застоя и деградации.

Для сравнительного анализа исследуем этапы регионализации в ведущих республиках – Башкортостане и Татарстане.

Р. З. Хамитов объявил курс на коренное изменение положения дел в республике, модернизацию политики и экономики, оживление институтов гражданского общества, открытости власти. Была изменена структура и принципы деятельности Правительства. Ключевая фигура премьер-министра в нем была ликвидирована. Его функции взял на себя Президент. Из политически стабильной республики Башкортостан превратился в регион, где межнациональные отношения, по признанию его новой главы, стали требовать постоянного внимания.

В середине 2012 г. была возвращена прежняя модель управления Правительством, Президент стал им руководить. Работа, зарплата, жилье – эта триада приоритетов стала ключевым направлением социально-экономической политики⁹.

«Перестраивание» республики на новый лад продолжается вот уже 5 лет. Несмотря на курс на демократию и открытость выборы в республике поражают высокими результатами кандидатов от партии власти. По результатам выборов в Государственное Собрание – Курултай в марте 2011 г. из 120 депутатов более 110 представляют «Единую Россию»¹⁰.

В представительных органах местного самоуправления также верховодят единокорсы. Их там более 70 %. В Кармаскалинском и Баймакском районах в выборах Государственную Думу ФС РФ партия власти набрал 96,4 и 93 проц., почти как в советское время¹¹.

Стало заметно, что уровень жизни населения не отвечает экономическому потенциалу республики, более того он из квартала в квартал снижается. В этих условиях были определены новые источники доходов: строительство, торговля и ИТ – технологии, изменены структура и принципы управления, акцент был смещен на привлечение инвестиций, развития малого и среднего бизнеса. Однако из-за коррупции, снижения предпринимательской и социальной активности людей ситуация в экономике не меняется¹².

Между тем федерализм, по Конституции страны, остается единственным механизмом, который дает возможность рас-

пределять функции (полномочия) и ответственность между Федерацией и ее самостоятельными политико-государственными субъектами; способом обеспечить баланс их интересов во всем направлениям.

В то же время было понятно, что централизация власти как способ управления остается одной из существенных характеристик функционирования российского государства. Но по существу степень укрепления вертикали власти была такова, что все важные предметы ведения находятся у центра, изъятие и реализация ими предметов совместного ведения не ограничена никакими правовыми условиями.

Действующее законодательство по предметам совместного ведения еще больше ограничивало полномочия регионов. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (и его редакцию по состоянию на декабрь 2006 г.). Закон устанавливает широкие, неоднозначно понимаемые способы вмешательства центра в деятельность исполнительной и законодательной власти регионов.

Процессы централизации власти, поддерживаемые руководством страны, отражаются в следующих конституционных положениях:

1. На принципе государственной и территориальной целостности, который объявляет Россию единым государством федеративного типа, в котором, в отличие от СССР, не предусмотрен выход субъектов Федерации из ее состава.

2. На принципе неделимости российского суверенитета и верховенства федерального законодательства, основанного на положении о распространении суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию. Это создает очередную правовую коллизию, по которой федеративность государства снижается в пользу его единства, т.е. централизации.

3. На принципе равноправия субъектов Федерации, которое зачастую понимается как единообразие регионов, что объективно недостижимо в условиях огромных различий в их статусе и других характеристиках. К тому же равное отношение центра к неравным по потенциалу и статусу регионам приводит к их неравенству.

4. На принципе единообразия подходов к хозяйственной и иной деятельности, что делает и хорошее и плохое общим достоянием Российского государства. Между тем федеративные отношения требуют использования механизмов, позволяющих выбрать рациональное, эффективное, оптимальное для укрепления и усиления центра и развития инициативы и самостоятельности регионов.

5. На принципе разграничения полномочий, который после отмены договоров уже не работает по следующим причинам: федеральный законодатель при принятии законов по предметам совместного ведения как можно больше полномочий закрепляет за собой.

6. На принципе автономии региональной и местной власти, что в условиях постепенного изъятия у регионов полномочий и ресурсов приводит к тому, что все больше сужается их самостоятельность и самодостаточность, стремление к саморазвитию¹³.

На новом этапе централизации резко возрастает роль главы государства и федерального правительства. Определяя и реализуя региональную политику, эти центры власти из года в год обеспечивают все более высокий уровень централи-

9 Евдокимов Н. А. Современные политико-властные изменения // История Башкирского народа: в 7 т. Т. VII. Уфа, 2012. С. 110-111.

10 Коммерсант, 2011. 15 апреля.

11 Евдокимов Н. А. Указ. соч. С. 113.

12 Хамитов Р. З. Делаем все необходимое, чтобы не снизить уровень жизни людей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mkset.ru/news/person/23571/>

13 Аюпов М. А. Республики Башкортостан: актуальные вопросы современного развития. Уфа, 2015. С. 101.

заций власти: создают новые политические институты, вносят поправки в федеральное законодательство, меняют в зависимости от политической ситуации сущность и характер конституционных положений, принципы и механизмы решения кадровых вопросов и процедур выборов в регионах.

Многие отечественные и зарубежные эксперты считают, что принятые по инициативе Правительства РФ бюджетный и налоговый кодексы, законодательства о недрах, лесах, водах, животном мире, собственности и др. усилили степень централизации в Федерации до уровня унитарного государства. Перераспределение ресурсной базы между центром и регионом приближается к формам и объемам, присущим планово-распределительной системе, что, бесспорно, отрицательно влияет на деятельность региональной власти. Отсутствие в системе исполнительной власти Федерации государственной структуры по вопросам федерализма и национальной политики свидетельствует о реальном отказе государства от развития федеративных отношений.

Хотя законодательное обеспечение баланса интересов центра и регионов является одним из ключевых направлений деятельности Федерального Собрания, однако жесткий неформальный контроль за депутатским корпусом через партию власти – «Единую Россию» не позволяет парламенту играть в этом деле активную роль. Правом законодательной инициативы эффективно пользуются органы исполнительной власти. Как показывает практика, все основные предложения, направленные на изменение баланса отношений «центр-регионы» в сторону их централизации, внесены указанными структурами. Роль депутатов при этом сводится лишь к некоторой корректировке содержания предложенных проектов законов¹⁴.

Результатом такого развития стало существующее сегодня реальное противоречие между федеративным характером России де-юре и унитарной моделью государственной власти де-факто.

В связи с этим особо отметим, что основным субъектом государственности России по ее Конституции является многонациональный народ РФ, что Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Из 19 предметов исключительного ведения РФ (ст. 71) 10 предметов ведения начинаются или имеют в своем названии слово «федеральный».

Президент РФ принимает меры по охране суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности и т.д. В соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами он определяет основные направления внутренней и внешней политики. Как видно, полномочия главы Российского государства предписывают ему быть, прежде всего, гарантом суверенитета и государственной целостности России. Он также призван, определяя внутреннюю политику, решать проблемы национального и регионального развития, составляющих сущность, содержание и состояние федеративных отношений в государстве.

В этих условиях президентская власть в стране не может не быть сильной, способной предпринимать любые меры для укрепления независимости и целостности государства. Это означает, что глава государства действует, прежде всего, согласно Конституции, добиваясь централизации и укрепления вертикали власти¹⁵.

Совет Федерации, напротив, как институт власти по своей конституционной сути должен заниматься вопросами, касающимися защиты интересов субъектов Федерации.

К отстаиванию интересов регионов в федеральном законодательстве могут подключиться и региональные отделения партии «Единая Россия». Должно стать правилом предварительное партийное обсуждение в региональных отделениях, во фракциях Государственной Думы, законодательных собраний субъектов Федерации и принципов и подходов к учету предложений и замечаний региональных избирателей и депутатов из различных регионов страны. Также необходимо внесение в регламент Государственной думы нормы, которая устанавливала бы обязательность рассмотрения и инкорпорирования законодательных инициатив в федеральное законодательство, если за это выступает не менее половины законодательных собраний субъектов Федерации.

Таким образом, современный этап регионализации создаст дополнительные возможности и механизмы роста экономики и уровня жизни населения. На карте страны появляются качественно новые «центры развития» – «прообразы будущего», которые черпают энергию не из развития традиционного производства, а из концентрации и использования человеческого капитала: в частности, знаний и прорывных технологий. Такой подход предполагает формирование новой пространственной локализации социально-экономической деятельности на местах и переосмысления роли развития человеческого капитала во внутрирегиональных хозяйственно-технологических процессах. Человек, его здоровье, образование и квалификация, ценностные ориентации и экономическая активность становятся реальной материальной силой в стратегическом социально-экономическом и культурно-духовном развитии регионов.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев М. М. Региональное измерение российской политики // Политические исследования. 1998. № 2. С. 89.
2. Аюпов М. А. Республики Башкортостан: актуальные вопросы современного развития. Уфа, 2015.
3. Борисов С. В. Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 1990-е годы // Политические исследования. 1999. № 1. С. 99.
4. Великая Н., Шишкин В. Российский федерализм. Проблемы и перспективы развития // Свободная мысль – XXI. 2002. № 10. С. 15.
5. Гельман В. Я. Региональная власть современной России: институты, режимы и практики // Политические исследования. 1998. № 1. С. 87.
6. Доклад-2001 г. На пороге новой регионализации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/new/lecture/>
7. Евдокимов Н. А. Современные политико-властные изменения // История Башкирского народа: в 7 т. Т. VII. Уфа, 2012. С. 110-113.
8. Коммерсант, 2011. 15 апреля.
9. Туровский Р. Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований // Политические исследования. 2001. № 1. С. 138-139.
10. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. М., 2006. С. 488.
11. Хамитов Р. З. Делаем все необходимое, чтобы не снизить уровень жизни людей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.http://mkset.ru/news/person/23571/>

14 Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. М., 2006. С. 488.

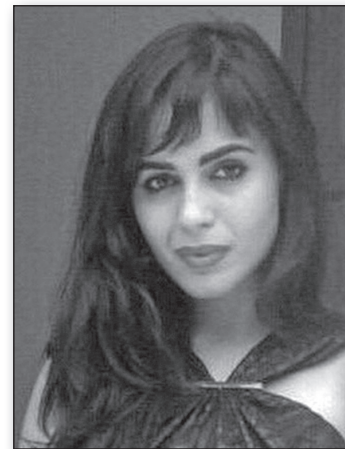
15 Аюпов М. А. Указ. соч. С. 102.

Аббасова Н. Р.

РОЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Распад Советского Союза привел к окончанию холодной войны. США стали единственной сверхдержавой, а мир – однополярным. Превосходство гегемона проявлялось во всем, но особенно важно идеологическое господство, ведь идейный проект сверхдержавы (либерализм, переживший ряд трансформаций) – доминирующий по всему миру. Однако сила Америки достигла своего пика, намечается отставание США в экономическом, информационном плане, и, что самое главное, политика страны все чаще становится агрессивной. В связи с этим вопрос сопротивления мировому лидеру и возможности смены сил становится все более и более актуальным. Данная статья посвящена оценке трансформаций процессов современной мировой политики. В ходе исследования было выявлено, что инструментом решения поставленной задачи мог бы выступить идеологический фактор.

Ключевые слова: идеология, глобальное лидерство, баланс сил, холодная война, информационная война, информационная политика.

Аббасова Н. Р.

Abbasova N. R.

THE ROLE OF THE IDEOLOGICAL FACTOR IN MODERN WORLD POLITICS

The USSR collapse led to the end of the cold war. The USA became the only superpower, the world became unipolar henceforth. A superiority of hegemon was manifested in everything, but the especially important fact was that its ideological project was dominating world-wide. However, the strength of America has reached its peak, the USA starts to lose its position in economics, the information technologies, and, what is essential, its politics becomes more aggressive. This article is devoted to the assessment of the transformations of the modern world politics processes. During the investigation it was found that the aim could be achieved using the ideological factor.

Keywords: ideology, global leadership, balance of power, the Cold War, information war, information policy.

Масштабное противостояние между США и СССР стало новой отметкой в истории человечества с точки зрения войн, формируемых и определяемых идеологией. Именно глубинное противоречие двух блоков, капиталистического и социалистического, стало самой важной причиной холодной войны, войны, целью которой стало желание соперников перестроить мир согласно своей идеологической установке. Ее итоги дали возможность США установить «американскую» однополярность, американскую «действительность» во всех смыслах этого слова. Но является ли мир таковым сейчас?

Ответ на поставленный вопрос может быть дан с трех ракурсов: акцент на сами США, акцент на так называемых «претендентов» на роль мирового лидера (или оппонентов, сдерживающих глобальное лидерство) и акцент на явление «идеологии» в том виде, в котором оно представлено в наши дни.

Применение Америкой открытой военной силы уже является неоспоримым фактом ее дискредитации в качестве гегемона. Афганистан (2001), Венесуэла (2002), Ирак (2003), Гаити (2004), Ливия (2011)... Более того, несмотря на то, что США сумели занять позицию информационного лидера теленовостей и Интернета, они так и не сумели стать информационным гегемоном в мире. Исторически вложенные в политическую мысль США идеи богоизбранности, мессианства, прочно закрепились в сознании американцев и сейчас все чаще отражаются в их империалистических целях и действиях. Америка способна проводить любую политику, пользуясь полученным имиджем «страны демократии и свобод», причем это фиксируется на уровне доктрин. Однако в наши дни имидж страны-гегемона изменился. Зачастую внушается мысль, что на Западе в принципе отсутствует идеология, существует плюрализм убеждений, свобода мысли и слова. На самом деле, любая идеология может быть тоталитарна, просто вместо прямых репрессий используются тактика «мягкого удушения», экономический шантаж и т.д. «Если Соединенные Штаты желают сохранить у себя дома уклад жизни и свободу, которым они столь при-

вержены, им надо обеспечить легитимность своего господства за пределами Америки»¹. О легитимности же судить тяжело, учитывая очень многие обстоятельства: будь то скандальное дело Эдварда Сноудена, доказавшее тотальность слежки американских спецслужб за информационными коммуникациями между людьми по всему миру, или вовсе признание сетевой войны в качестве стратегии, которая «надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы»².

Все чаще можно встретить суждение о том, что претендующим на роль мирового лидера является Китай. Причиной является нарастающая экономическая мощь. Политические мнения, выраженные Китаем, также крайне весомы: и как влиятельного участника экономического мира, и как постоянного члена Совета Безопасности. Например, с 2007 г. Китай использовал свое право вето 6 раз: 2007 г. – Китай заблокировал проект касательно положения в Мьянме, 2008 г. – мира и безопасности в Африке (Зимбабве), в 2011 г., дважды в 2012 г. и в 2014 г. – положения на Ближнем Востоке³, объясняя свою позицию нежеланием вмешиваться во внутренние дела государств, что противоречит Уставу ООН. Существует точка зрения, что история Китая, его культуры и обычаев, территориальные размеры, динамичная экономика и самопредставление побуждают его занять место гегемона в Восточной Азии. Эта цель является естественным результатом быстрого развития экономики. В качестве доказательства можно привести Вели-

1 Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2010. – С. 16.

2 Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 254.

3 Вето в Совете Безопасности ООН. Проекты резолюций, не принятые в результате голосования постоянных членов против них на открытых заседаниях Совета Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/meetings/veto/china.shtml> (дата обращения: 09.06.2014).

кобританию, Францию, Германию и Японию, США и СССР, которые утверждали свои притязания и империалистические идеи именно тогда, когда проходила быстрая индустриализация и росла экономика, или же сразу после этого⁴. Но есть и другое мнение, согласно которому Китай не хочет и не намерен становиться мировым лидером. «Стратегическая цель Китая – добиваться гармонии и развития внутри страны, мира и сотрудничества в мире. ... Исторически Китай никогда не имел экспансионистской и гегемонистской традиции. ... Территория Китая практически не изменилась за две тысячи лет, со времен династии Западная Хань. Социальные и экономические проблемы, с которыми мы сталкиваемся, по праву могут считаться крупнейшими и сложнейшими в мире. Так что у нас нет никаких оснований для зазнайства и самодовольства»⁵, – так в своей статье «Как правильно есть из одного котла. Китай не собирается заменить США в роли гегемона» одна из самых важных фигур внешней политики Китая, член Госсовета Дай Бинго отвечает на опасения в связи с динамичным ростом экономики и мощи Китая.

Есть мнение, что среди потенциальных претендентов на роль мирового лидера числится и Индия. Эта страна наряду с упомянутым Китаем – самые многонаселенные страны мира. Нация Индии – одна из самых молодых во всем мире. Тем не менее, надо помнить, что плотность населения в Индии очень неравномерна, средний доход на душу населения низок, и хотя тенденция к росту населения сохранится, в Пекине, например, власти сосредоточены именно на повышении качества жизни своих граждан. Индия – действующая ядерная держава, обладающая значительным военным и морским потенциалом. Однако военная мощь очень неравномерна: акцент сделан на приграничные территории (КНР и Пакистан). Индия обладает идеологическим проектом, причем она не настаивает на том, чтобы все исповедовали индуизм: она лишь предлагает следовать ценностям этой религии, что, в принципе, не нарушает личную свободу. Индия входит в G-20, БРИКС, ШОС и является очень перспективной, однако экономика этой страны все равно остается на уровне развивающейся страны, поэтому говорить об Индии как о сверхдержаве пока рано.

Некоторые рассматривают в качестве претендента и исламский мир. Он выгодно отличается от остальных тем, что не является какой-то одной страной: это огромное комплексное образование, которое включает в себя и государства, и межнациональные исламские движения, и отдельные общины и индивидов. С помощью возможностей глобализации, исламский мир становится все более и более «масштабным», увеличивается экономическое, и, что особенно важно, политическое и идеологическое влияние. Однако следует заметить, что исламский мир выступает не только в роли игрока за гегемонию, но и в роли некой «карты», которой могут играть другие. Например, благодаря ряду действий США ислам по всему миру ассоциируется в умах людей или прямо как терроризм, или косвенно как нечто, к нему близкое, и большинство даже не задумывается, что террористы не являются мусульманами по сути. «...Существует путаница: например, к ваххабитам часто относят тех, кто не имеет никакого отношения к радикализму, некоторые даже употребляют это как синоним к слову “террорист”, а между тем, в самом исламе даже нет понятия “ваххабизм” – это искусственно созданный тер-

мин, придуманный не мусульманами. Вахаб – это одно из имен Всевышнего»⁶. Более того, анализируя происходящие события последних лет, можно сказать, что США используют терроризм для того, чтобы скрыть свои стратегические цели и завуалировать их под маской борьбы против него. По словам бывшего директора ЦРУ США Дж. Вулси, «Четвертая мировая война – это не просто борьба против терроризма. Это война “за распространение демократии на те регионы арабского и мусульманского мира, что угрожают нашей свободолобивой цивилизации, на создание и защиту которой мы потратили столько сил во время Первой, Второй и Третьей мировых войн”»⁷.

Также выделяют и Латинскую Америку, предлагающую миру «социализм XXI века» – гибрид католичества и радикального революционного марксизма. Однако данная идеология не универсальна, а также противоречит свободе личности. Более того, Латинская Америка, как и исламский мир, не консолидирована, поэтому вряд ли станет мировым лидером.

Россия, поднимающаяся после распада СССР, долги которой она взяла на себя, имеющая свои энергетические и демографические ресурсы, крупную многоотраслевую экономику, ядерное оружие и опыт сверхдержавы, является хорошим претендентом на роль мирового лидера. На ней лежит особенная ответственность, потому что она была и остается главным идеологическим и геополитическим врагом Запада. Еще в ходе Второй мировой войны США пытались подорвать силу СССР. Достаточно вспомнить слова бывшего президента США Г. Трумэна: «В случае, если будут одерживать верх немцы, надо помочь русским, а если дела повернутся иначе, то надо помогать немцам. И пусть они убивают друг друга как можно больше»⁸. Россия – многонациональная, многокультурная страна. В ней, в целом, мирно уживается много наций, традиций и религий. Возрастает и политический вес страны. По словам американского журналиста Донна Мартена, «Администрация Обамы, за которой стоят американские корпорации, абсолютно не отдает себе отчета в последствиях, вводя санкции против России и обостряя и так неспокойную ситуацию на Украине»⁹. Тем не менее, у России пока нет как такового идеологического проекта, способного всех объединить.

Все критикующие США в качестве лидера должны понять, что шансы повышаются не у того, кто использует силовой метод, а у того, кто использует инновации, а в этом вопросе США преуспели. Более того, на данный момент нельзя назвать какую-то одну страну, способную им противостоять. В связи с этим, следует говорить о совместных усилиях, представленных союзами, блоками, организациями, форумами. Список международных акторов, играющих значимую роль на современной политической арене, огромен: ООН, ЕС, НАТО, ОДКБ, АСЕАН, ШОС, ЛАГ, СНГ, G-8, ОБСЕ, БРИКС, ЕАЭС, АТЭС и пр. Они классифицируемы по целям создания, по эффективности и другим показателям, но их объединяет одно – идеологический фактор.

6 Интервью с бывшим главой мечети Хаджи Султanelи, Агой, 20.03.2011, Азербайджан, г. Баку (цитата переведена с азербайджанского языка).

7 Шершнев Л. И. Четвертая мировая война и ее исторические особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosnarod.ru/main/sobytiya-i-mneniya/federalnye/mneniya/chetvertaya-mirovaya-voyna-i-istoricheskie-osobnosti.html> (дата обращения: 04.06.2014).

8 Там же.

9 Политика США приближает крах американской империи («ОПЕДNEWS») // Глобальный конфликт [Электронный ресурс]. – М., 2014. – Режим доступа: <http://globalconflict.ru/foreign-media/63121-politika-ssha-priblizhaet-krax-amerikanskoj-imperii-opednews>

4 Китайская гегемония: «балансирование» и подстраивание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.k2x2.info/politika/stolknovenie_civilizacii/p80.php (дата обращения: 10.06.2014).

5 «Как правильно есть из одного котла. Китай не собирается заменить США в роли гегемона» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/03/03/bingo.html>

Существует мнение, что с окончанием холодной войны, в первую очередь идеологической войны, международные отношения перестали быть идеологизированными, поскольку США «победили», а следовательно, «победил» либерализм. Вместо понятия «идеология» значимыми стали «геополитика», «национальные государства», «национальные интересы». Однако победа одной из воюющих стран вовсе не значила уход самого явления «идеологии» с арены международных отношений, наоборот, идеологические тенденции, быть может, стали возрастать: теперь в идеологии политического и экономического либерализма убеждены еще больше, а значит, развитие должно происходить по западной модели – доминирующей идеологией становится западный взгляд и глобализация, им диктованная. С приобретением положения единственной сверхдержавы США приобрели еще большую уверенность в исключительности своего видения на течение международно-политических процессов.

Если в годы холодной войны осями были капиталистический и социалистический лагеря, то сейчас мир, в общем, делится на «Запад» и «не Запад», а точнее на тех, кто за глобальное лидерство Запада, во главе с Америкой, и тех, кто против такого распорядка сил. Позиции стран четко выявляются в их действиях в уже упомянутых организациях и союзах, членами которых они являются.

Разрыв между «богатыми» и «бедными» странами, по сути, не сокращается, а еще больше увеличивается, поскольку развитие страны создают такие условия включения в свои союзы и организации для развивающихся стран, что работает принцип, согласно которому богатый становится еще богаче и сильнее, а бедный – беднее и слабее. В связи с этим частыми являются дебаты на тему: «Почему, несмотря на перевешивающие преимущества невыгодные условия членства в союзе/организации, страны с недостающей до такого уровня экономикой стремятся все же войти в ее состав?» В рамках данного исследования очень важно отметить следующее: мы живем в мире, разделенном на геополитические сферы влияния ведущих стран. В наше время, помимо того, что членство в «успешной» организации дает ее участнику некий имидж, порой пустой с точки зрения экономической состоятельности, оно накладывает и политические обязательства. Сейчас мы наблюдаем явления совершенно другого уровня: сильные организации буквально «вынуждают» своих участников высказываться только надлежащим своей политике образом. Интересы, мнения, позиции народов и отдельных стран перестали быть актуальными, теперь главенствующими являются интересы ведущих стран и организаций, в состав которых они входят. Иллюстрацией к этому могут быть последние события, связанные с украинским вопросом, в частности результаты голосования в Генассамблее ООН по Крыму¹⁰. При массивном давлении со стороны Запада «воздержаться от голосования» – значит поддержать действия России. В списке воздержавшихся нет ни одной европейской страны, даже дружественно настроенных по отношению к России. Фактически «воздержаться» могли позволить себе только страны, проводящие относительно независимую политику на международной арене. Россия не была осуждена ни одной страной, входящей в состав таких международных организаций, как БРИКС, МЕРКОСУР и СААРК. Мнение, которое идет в разрез с мнением ведущих стран, в нынешней политической обстановке рассматривается как вызов, угроза, желание дестабилизировать обстановку, может быть расценено и в качестве агрессии. Волеизъявляющий в лучшем случае остается не услышанным, в худшем – объектом политического

«бойкота»: всяческих санкций, исключений из членства организаций, образований и т.д.

Развитие и интенсивное распространение новейших информационных, телекоммуникационных технологий сегодня носит характер глобальной революции, оказывающей усиливающееся влияние на экономику, финансы, управление, культуру, науку, политику и другие сферы во всем мире. Как отмечается Окинавской Хартией глобального информационного общества 2000 г., «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века»¹¹. Процесс обмена информацией переходит на новый этап. Внедрение, переплетение различных форм коммуникационных служб (компьютеры, телефонные технологии, теле- и радиовещание, глобальные и локальные коммуникационные сети) – все это создало условия для принципиально нового трансграничного обмена информацией и использования данной ситуации в качестве инструмента воздействия на сознание людей. Социально-психологические и культурно-информационные аспекты глобализации еще больше возросли. Коммуникационные технологии сформировали новый тип экономики – «киберэкономике». Существующие в жизни экономические системы были вынуждены приспособливаться и подстраиваться под компьютерную реальность. Изменения в экономике стали причиной вынужденных трансформаций политической мысли. Появились такие понятия, как «электронное гражданство», «электронное правительство», «кибердемократия», «киберполитика», «политическая коммуникация» и др.¹² Информационно-технологической революцией определился вектор к абсолютно новому, информационному типу общества – обществу знания, основополагающей характеристикой которой является глобальный характер. Происходит постепенное стирание границ между людьми и странами, радикальное изменение структуры мировой экономики, рынок становится более конкурентным и динамичным. Информация, знания становятся стратегическим ресурсом государства, которые с точки зрения масштабов использования являются сопоставимыми с традиционными ресурсами, а в качестве важного фактора социально-экономического развития выступает доступ к ним. Но вместе с преимуществами, созданными развитыми современными технологиями, появляются и новые угрозы: цифровой разрыв между государствами, а также в рамках отдельно взятой страны, защита интересов подрастающего поколения и этнических меньшинств, свободы слова и ее соблюдения, сохранение культурного наследия и национального языка в совершенно новых условиях, охрана собственности интеллектуальной, противостояние экспансии других государств, борьба с преступлениями, носящими компьютерный и высокотехнологичный характер, вопросы касательно цензуры в глобальных сетях. В условиях глобализации попыткой теоретического обоснования значимости информационной политики явился предложенный американским политологом Джозефом С. Наем-младшим концепт “soft power” (мягкой силы). По мнению автора, обеспечение позитивным имиджем государства не является новым веянием, это происходило и раньше, но условия для проведения гибкой силы изменились. Автор, в основном, говорит о доступе к информации, полученном достаточной частью населения¹³.

11 Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 52.

12 Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003.

13 Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs Group, 2004.

10 Генассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС, 2014. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1079720>

В связи с этим хотелось бы рассмотреть особенности информационных войн нашего времени, оценить воздействие на население путем распространения конкретной, «нужной» информации. Сущность информационной войны можно описать словами Адольфа Гитлера: «...еще до того как армии начнут военные действия, противник будет психологически разоружен пропагандой. Она подобна артподготовке перед фронтальной атакой пехоты в позиционной войне. Враждебный народ необходимо деморализовать, подвести к порогу капитуляции и лишь после этого начинать вооруженную борьбу»¹⁴. Только в наше время, живя в информационном обществе, в котором политическое манипулирование достигло своей кульминации благодаря новым инструментам давления, информационные войны стали сильнее и сложнее, в виду того, что сама идеология по своей природе усложнилась. Нетрадиционные идеологические методы ведения войны оказались очень эффективными и поэтому одним из ведущих направлений политических игроков стали именно информационные войны, перешедшие в наше время в перманентное состояние. Такой тип войны – еще одно важнейшее доказательство мощи и опасности явления «идеологии». «Игрок» информационной войны влияет как на массовое, так и на индивидуальное сознание людей, навязывает им чуждые цели (и именно это делает информационную войну войной, а не рекламой), искажая факты и навязывая эмоциональное восприятие, которое выгодно именно содействующей стороне, и использует при этом любые методы передачи информации (будь то СМИ, социальные сети, радио почта, или сплетни). События в Афганистане, Ираке, Грузии, Ливии, Сирии – это далеко не все. А последней информационной войной, одной из самых острых, провокационных, идеологических войн, стало происходящее в Украине. Позицию России по данному вопросу можно рассматривать в качестве некоего «бума» внешней политики РФ: как проявление ее состоятельности и усиливающейся политической силы и значимости в мире. По мнению журналиста, обозревателя OpEdNews.com Донна Мартена, «...если другие страны последуют примеру Путина и сорвутся с крючка, это станет прахом Америки»¹⁵.

Все вышесказанное доказывает, как опасно недооценивать анализ идеологической составляющей в вопросе мировой политики и распорядка сил. В зависимости от того, как будут себя вести действующий мировой лидер и страны-претенденты, сценарий может быть следующим: или лидером останутся США, или функция мирового лидера перейдет к другому государству, или им станет квазигосударственное образование, объединившееся против США. Но для того, чтобы добиться этого, необходимо наличие успешного идеологического проекта. Ядерной монополии нет, в экономике наблюдается огромная конкуренция – только идеологическое воздействие может способствовать успешному становлению страны/стран в качестве мирового лидера, потому что в условиях информационного общества и политического манипулирования мнение людей и имидж государства могут сыграть решающую роль.

Идеологический проект должен быть подкреплен сильной политической стратегией, в особенности хорошо проду-

манной информационной политикой, которая в наше время играет первостепенную роль. Сила такого типа войны, как информационная, просто огромна, и такая война ни в коем случае не должна быть проиграна. Нужно использовать все свои позитивные стороны в борьбе за глобальное лидерство или в борьбе за сдерживание мирового лидера, укреплять добрососедские отношения с другими странами и «сыграть» на минусах нынешней Америки: на ее империалистических настроениях, на том, что общество потребления как форма капиталистического развития потерпело крах, на том, что она, можно сказать, занимается «политическим запугиванием» и злоупотребляет своей силой и влиятельностью, что США заявляют, что они озабочены построением демократического мира, а на деле «решается задача формирования будущей модели мира, основанной на западническо-либеральных ценностях с отрицанием всех других, с унификацией воззрений, поведенческих установок, межкультурных различий»¹⁶, что «не может быть такого положения, что только народы Юга должны исполнять законы, тогда как Север их нарушает, разрушая и эксплуатируя»¹⁷.

Если в традиционной, властной, политике главным вопросом было, чья экономика и военная мощь одержит верх, то сейчас, во время информационной эпохи и информационных войн, все зависит от того, чья рассказанная людям история победит.

Пристатейный библиографический список

1. Вето в Совете Безопасности ООН. Проекты резолюций, не принятые в результате голосования постоянных членов против них на открытых заседаниях Совета Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/meetings/veto/china.shtml>
2. Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8.
3. Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Многополюсный мир. – М.: Восток-Запад, 2010.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1999.
5. Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2010.
6. Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003.
7. Шаклеина Т. С. Россия и США в мировой политике. – М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2012.
8. Gilpin R. The Political Economy of International Relations. – Princeton: Princeton University Press, 1987.
9. Modelski G. Long Cycles in World Politics. – Seattle: University of Washington Press, 1987.
10. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs Group, 2004.

14 Бобров А. Информационная война: от листовки до твиттера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pentagonus.ru/publ/informacionnaja_vojna_ot_listovki_do_twittera_2013/105-1-0-2371

15 Политика США приближает крах американской империи («OPEDNEWS») // Глобальный конфликт [Электронный ресурс]. – М., 2014. – Режим доступа: <http://globalconflict.ru/foreign-media/63121-politika-ssha-priblizhaet-krax-amerikanskoj-imperii-opednews>

16 Шершнева Л. И. Четвертая мировая война и ее исторические особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosnarod.ru/main/sobytiya-i-mnenija/federalnye/mnenija/chetvertaja-mirovaja-voyna-i-istoricheskie-osobnosti.html> (дата обращения: 14.06.2014).

17 Исторический провал ООН. Письмо Уго Чавеса Генеральной Ассамблее ООН. Каракас, 26.09.2011. – URL: <http://www.europaeische-aktion.org/Dokumente/ru/Jewropjejskaja-Diskussija/Istorischjeskij-prowal-OON.pdf> (дата обращения: 27.06.2015).

Бабаев Э. З.

ТЕХНОЛОГИИ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Глобализация сделала возможным не только распространение информации и знаний, но и генерацию различных проявлений массового манипулирования и символического насилия. Активно применяющиеся на постсоветском пространстве технологии «цветных революций» посредством символического насилия преследуют цель укрепления западного влияния и ослабления положение России на мировой арене.

Ключевые слова: глобализация, геополитика, постсоветское пространство, символическая власть, технологии массовой манипуляции, «цветные революции».

Babayev E. Z.

TECHNOLOGIES OF COLOURED REVOLUTIONS WITHIN A CONTEXT OF GEOPOLITICAL TENSION IN THE POST-SOVIET SPACE

Globalization has made it possible not only to disseminate information and knowledge, but also to generate various manifestations of mass manipulation and symbolic violence. Actively used technologies of coloured revolutions through the symbolic violence pursue a target of strengthening Western influence in the former Soviet Union and weakening Russia's position on the world stage.

Keywords: globalization, geopolitics, post-Soviet space, the symbolic power of technology of mass manipulation, coloured revolutions.

Бабаев Э. З.

Происходящие в современном мире процессы глобализации характеризуются не только ростом взаимозависимостей между различными сферами общества и регионами земного шара (Д. Хелд), «сжатием» социального пространства социальным временем (Д. Харви, Э. Гидденс, Ю. Хабермас), но также интенсификацией геополитической активности ведущих акторов мировой политики. Стратегии, тактики и технологии, которые они применяют, направлены на трансформацию сложившихся геополитических конфигураций. В частности, глобализация, распространяя информационные технологии и социальные сети, обеспечила трансляцию представлений, норм, этосов и других ценностных ориентиров. Чаще всего под ними понимаются вестернизированные паттерны, трансляция которых в инокультурную среду зачастую происходит болезненно, порождая конфликт цивилизаций¹.

Одним из драйверов развития процессов глобализации является формирование в мире единого информационного и, шире, социокультурного пространства. Следовательно, создается принципиальная возможность участия в политической жизни суверенных государств акторов различного поля. Иными словами, иностранные агенты получают возможность влиять на важнейшие властно-управленческие решения государства. Становление информационного общества, таким образом, ведет к тому, что стратегии и тактики социального поведения акторов различного уровня все больше зависят от их способности реагировать на постоянно воспринимаемые информационные потоки.

Один из ведущих теоретиков концепции информационного общества М. Кастельс использует для этого термин «информационность», под которым понимается атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальным источником производительности и власти².

Неудивительно, что в этих условиях некоторые акторы пытаются использовать циркулирующие/генерируемые в социальности информационные потоки в своих корыстных по-

литических/экономических целях. В современной политике и геополитике возрастает значение симулякривных величин, в том числе идеологем и мифологем, трансляция которых осуществляется через различные медиумы. Такие процессы массового манипулирования ведут к подавлению рефлексии субъектов социального действия и индоктринации в сознание граждан предзаданных политических и гражданских убеждений. Если в эпоху модерна политика предполагала наличие программы у основных субъектов, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь все это больше заменяется конкуренцией образов, имиджей политиков и привлекательных идеологем. Формула такова: «Если ты не принимаешь меня таким, каков я есть на самом деле, я стану таким, каким ты хочешь меня видеть»³.

Информационность публичного пространства современного общества привела не только к распространению знаний и информации, но и к широкому применению технологий массовой манипуляции. С точки зрения Д. Г. Михайличенко, технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности, посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих репрессивное воздействие на объект. Сущность технологий массовой манипуляции заключается в том, что они выступают важным элементом воли к власти⁴ применяющих их акторов. Значение таких технологий может быть интерпретировано посредством категории «символическая власть».

Ведущий социолог XX в. П. Бурдьё трактует символическую власть в качестве превращенной, то есть неузнаваемой и легитимированной формы власти, подчиненной другим ее формам. Символическая власть конструирует социальную реальность через образы, высказывание и текст, побуждает видеть, верить, утверждать, изменять и навязывает видение мира. Она не заключена лишь в символических системах, но

1 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Издательство АСТ, 2003.

2 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 42.

3 Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С. 318–319.

4 Михайличенко Д. Г. Субъективация современного человека в контексте технологий массовой манипуляции: Дисс. д-ра филос. наук. – Челябинск, 2011. – С. 180–181.

встроена в социальный контекст. Иными словами, в ансамбле властных отношений символическая власть занимает специфическое место: она не может существовать автономно, но лишь интегрировано с другими формами, и при этом выступая мощным источником власти. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности – чувство социального мира) предполагает гомогенное, унифицированное восприятие процессов⁵.

Таким образом, увеличивающаяся информациональность политического пространства современной социальности обуславливает распространение технологий массовой манипуляции и других проявлений символической власти, которую используют в своих интересах не только внутривнутриполитические, но и внешнеполитические акторы.

Геополитическое измерение этой проблемы выражается в различных феноменах современности, одним из которых, безусловно, следует признать т.н. «цветные революции». Сам по себе феномен «цветных революций» неплохо описан в научной литературе⁶. Под ними чаще всего понимаются процессы смены власти в результате массовых демонстраций и акций гражданского неповиновения. Произошедшие в конце XX – начале XXI вв. процессы смены политических режимов в Югославии, Грузии, Кыргызстане, а также государствах Северной Африки и Ближнего Востока по схожести, а подчас единичному, сценарию позволяют утверждать, что «цветные революции» используются в качестве инструмента геополитического влияния западных стран, и прежде всего США. В широком смысле «цветные революции» представляют собой инструмент Запада, направленный на попытку сохранения монополярности мира, который объективно стремится к многополярности.

«Цветные революции» становятся возможными в странах, где элиты оказываются не способными/заинтересованными в извлечении позитивных практик, знаний и технологий с целью оптимизировать текущие властно-управленческие конфигурации. Как следствие, растет социальное недовольство, которое при соответствующей технологической и информационной поддержке позволяет генерировать массовый протест и социальную энтропию.

При этом, поскольку политика (и геополитика как ее важнейшая часть) – это сфера возможного, такой стратегией организации смены власти могут пользоваться не только внешнеполитические акторы, но и никем не ангажированные акторы внутривнутриполитического поля суверенного государства. Иными словами, трудно разграничить феномен «цветных революций» и собственно «революций» (как процесса насильственной смены власти)⁷. В данном случае одним из критериев разграничения может считаться последующий эффект от смены власти. Если позитивных изменений не произошло, оснований (как в случае с вышеприведенным списком государств и регионов мира, в которых политологи фиксируют наличие всех признаков «цветные революции») нет. Впрочем, этот критерий не может носить абсолютный характер, так как, например, отсутствие позитивных изменений после насильственной смены власти в той или иной стране не свидетельствует о том, что у субъектов этого процесса не было таких целей. Проще говоря, процесс смены власти мог, в силу объективных и субъективных причин, не привести к позитивным изменениям.

В любом случае «цветными революциями» динамичные процессы смены власти могут называться только в том случае, когда попытки сменить действующую власть имеют геополитические цели. Анализ постсоветского пространства свидетельствует, что это зона геополитической напряженности. С одной стороны, активно развиваются процессы евразийской интеграции, а с другой стороны, сформирован целый ряд не-

доляльных к России политических режимов (постмайданная Украина, Грузия, Молдова, страны Прибалтики). Иными словами, постсоветское пространство представляет собой зону турбулентности, которая в условиях текущего напряженного геополитического контекста имеет тенденцию к эскалации.

США и Евросоюз не скрывают, что выбрали стратегию активной интервенции в суверенную жизнь государств постсоветского пространства посредством поддержки т.н. некоммерческого сектора. Благодаря деятельности программы «Восточное партнерство» (2009 г.), USAID и других, западные страны фактически финансируют сегмент гражданских организаций, деятельность многих из которых отвечает геополитическим интересам Запада. В этих условиях формулировки «развития демократии и гражданского общества», «соблюдения прав человека», «обеспечения гражданских свобод» превращаются в инструмент идеологического диктата, прежде всего, США и Евросоюза.

В условиях разворачивающейся евразийской интеграции технологии «цветных революций» используются западными акторами для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в суверенных государствах. Помимо украинского майдана, сюда же относятся перманентные попытки дестабилизации ситуации в Казахстане, Кыргызстане, Армении, Азербайджане, Беларуси и других государствах постсоветского пространства. В соответствии с «заветами» главного теоретика «цветных революций» Д. Шарпа в этих и других странах политтехнологи пытаются посредством массового манипулирования индоктринировать в общественное сознание граждан парадоксальные идеологии, а затем закрепить их в качестве основополагающих. Учитывая, что на постсоветском пространстве ключевым актором в силу объективных геоэкономических и геополитических факторов остается Российская Федерация, именно против нее направлены технологии «цветных революций», применяемые в информационном пространстве независимых государств.

В конечном счете, западные акторы преследуют цель дестабилизировать ситуацию по украинскому сценарию и создать вокруг России дугу нестабильности, которая повлечет за собой распад структур евразийской интеграции и утерю Москвой положения притягательного геополитического центра мировой политики. Именно поэтому через работу аналитических центров, академических структур и других лидеров общественного мнения необходима актуализация продуманной работы по деконструкции попыток различных акторов использовать технологии «цветных революций», репрессивные последствия которых уже почувствовали на себе не только в постмайданной Украине, но и в других государствах постсоветского пространства.

Пристайный библиографический список

1. Арендт Х. О революции. – М.: Издательство «Европа», 2011.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетей, 2007.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Эксмо, 2006.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Михайличенко Д. Г. Субъективация современного человека в контексте технологий массовой манипуляции: дисс. ... д-ра филос. наук. – Челябинск, 2011.
6. Нарочницкая Н. В. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. – М.: «Алетейя», 2008.
7. Наумова А. Ю., Авдеев В. Е., Наумов А. О. Цветные революции на постсоветском пространстве. – Алетейя, 2014.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Издательство АСТ, 2003.

5 Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. – С. 89.

6 Наумова А. Ю., Авдеев В. Е., Наумов А. О. Цветные революции на постсоветском пространстве. – Алетейя, 2014; Нарочницкая Н. В. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. – М.: «Алетейя», 2008.

7 Арендт Х. О революции. – М.: Издательство «Европа», 2011.

Бенина Л. И. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕВЫХ СИЛ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются некоторые специфические черты политической культуры организаций, находящихся на левом фланге российского политического спектра. Отмечается эволюция идеологии российских левых сил в направлении консерватизма и патриотизма.

Ключевые слова: левое движение, политическая культура, политическая идеология, эволюция стиля политического мышления и поведения.

Benina L. I. SOME DISTINCTIVE FEATURES OF THE RUSSIAN LEFT FORCES POLITICAL CULTURE

The article reveals some specific distinctive features of the political culture of the left movement in Russia and draws attention to the evolution of the left mentality in direction to conservatism and patriotism.

Keywords: left movement, political culture, political ideology, political mentality, evolution of the style of political thinking and behaviour.

Бенина Л. И.

Политическая культура любого общества обладает специфическими чертами, обусловленными особенностями его исторического развития. Сущность и динамика российской политической культуры обусловлены комплексом факторов. В частности, следует отметить евразийскую цивилизационную специфику России, огромные размеры её территории, геополитическое положение, полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, традиционный авторитаризм и чрезмерную централизацию власти, доминирование в общественном сознании коллективистских настроений, ценностей социального равенства и справедливости, недостаточную развитость в обществе механизмов самоорганизации и самоуправления. Данные факторы предопределили такие особенности российской политической культуры, как неоднородность и фрагментарность, связанную с конфликтом интересов «верхов» и «низов» общества, отсутствием в нём базового консенсуса по вопросу о генеральной цели развития. Отмеченная ментальная специфика, в свою очередь, предопределила характер политической коммуникации в обществе, которая зачастую приобретает характер острой полемики, конфронтации между политическими силами, стремящимися к противоположным целям и не желающими слушать аргументы своих оппонентов и учитывать их интересы.

Используя аллегории И. А. Крылова, содержащиеся в его известной басне, можно представить политическую культуру нашей страны как явление, определяемое разнонаправленными попытками лебедя, рака и щуки сдвинуть с места тяжёлый воз. Представляется, что применительно к нашей теме, «лебедь» – это либерал-западник, стремящийся «в облака», то есть к формированию в России либеральной социально-политической системы европейского образца. «Рак» – это тот, кто «плетётся назад», то есть традиционалист-почвенник, намеренный отгородить страну от «глетворного влияния Запада» и вернуть её на «исконно российский» путь развития. «Щука» – это левые силы, стремящиеся активно воздействовать на власть с целью корректировки её деятельности в направлении усиления роли государства, сокращения масштабов социального неравенства, то есть ратующие за возвращение в государственную политику элементов социализма.

Отмеченные особенности относятся как к генотипу российской политической культуры в целом, так и к характеристике всего многообразия субкультур, отражающих условия жизнедеятельности различных субъектов политики, их цели, интересы и роль в политическом процессе. Левое движение в России имеет богатую историю. Его представители в лице РСДРП(б), ВКПБ, а затем КПСС сыграли ключевую роль в судьбе России, которая под их руководством пережила в XX в. социалистическую революцию, несколько этапов системной трансформации и неорганической модернизации, вызванной необходимостью преодолеть отсталость от развитых капиталистических стран. В результате этого воздействия страна неузнаваемо преобразилась. Догматический, конфронтацион-

ный стиль политического мышления, политический и идеологический террор по отношению к инакомыслящим, радикальные волюнтаристские методы осуществления политических, экономических и социальных преобразований, именуемые «большевизмом», стали в первые десятилетия советской власти яркими проявлениями тоталитарного типа политической культуры. На следующих этапах построения социализма происходила определённая эволюция как когнитивного, ценностного, нормативного, так и поведенческого её компонентов. В связи с утратой в 1991 г. коммунистами властных позиций и их уходом в оппозицию некоторые из названных элементов их политической культуры к концу XX в. были утрачены, другие существенно трансформировались. Новые политические реалии предопределили проникновение в революционную матрицу марксистско-ленинского мировоззрения адекватных новым политическим задачам центристских, социал-демократических идей и ценностей, а в тактику – парламентских методов борьбы, ранее считавшихся «соглашательскими».

В связи с этим представляется актуальным анализ специфики политической культуры современных левых партий и движений, степени преемственности их стратегических целей и тактических установок, стиля политического мышления и поведения по отношению к идеологической и практической деятельности предшественников. В частности, представляет большой научный интерес выяснение того, как за сто с лишним лет существования в России левого движения изменилась система его ценностей и способы взаимодействия с союзниками и политическими оппонентами. На каждом этапе развития партии и движения левого направления выдвигали актуальные для сложившейся политической ситуации лозунги и требования, включали в свои программы различные стратегические направления деятельности, идеологические установки и избирали соответствующую тактику, пути и методы достижения поставленных целей. Всё это характеризует особенности и динамику их политической культуры. В дореволюционный период основные российские партии левого толка – большевики и меньшевики провозглашали во многом общие цели – свержение самодержавия и построение социалистического общества, но при этом были сторонниками двух противоположных тактик политической борьбы, ведущих к достижению этой цели. Представляется, что именно несовместимые тактические установки предопределили формирование двух конкурирующих течений внутри субкультуры левого движения: революционного и реформистского, в результате борьбы которых верх одержала революционная тенденция развития как политического процесса, так и политической культуры в нашей стране. Данный тренд доминировал на протяжении советского этапа российской истории.

Вместе с тем и в условиях построения социализма в недрах правящей коммунистической партии периодически предпринимались попытки скорректировать как идеологические принципы, так и тактические установки. Но в период

сталинизма в СССР доминировала тоталитарная политическая культура, отличавшаяся, наряду с прочими известными признаками «подданческой» культуры (по терминологии Г. Алмонда), ригидностью и догматизмом политического мышления. В данных условиях подобные тенденции к «пересмотру марксизма» резко осуждались, квалифицировались как ревизионизм, соглашательство с буржуазией и прочие отклонения от истинного марксизма-ленинизма и влекли за собой репрессии по отношению к партийным деятелям, осмелившимся отстаивать собственную точку зрения. Доминировавшая «подданческая» политическая культура была нацелена на подавление любых отклонений от ортодоксального марксизма-ленинизма. И всё же, несмотря на постоянное идеологическое давление, ещё в период «застоя» внутри КПСС возникла неформальная «русская партия», мировоззрение которой базировалось на сочетании антизападничества и этатизма¹. Идеология данной группировки, в целом оставаясь в рамках левой марксистской традиции, вместе с тем включала в себя отрицание отмирания государства в процессе построения коммунизма, а также признания необходимости учёта цивилизационной специфики нашей страны.

Таким образом, ещё в советский период начался противоречивый процесс синтеза коммунистических и консервативных идей, во многом предопределивший специфику становления и развития постсоветского российского левого движения и ангиномичный характер его политической культуры. Советская традиция стала важным институциональным и культурным фактором, способствовавшим консолидации левых сил вокруг консервативной идеи противостояния политике радикальных либеральных преобразований и «вестернизации» России.

Динамику политической культуры субъектов политики, исповедующих левую идеологию, следует рассматривать в историческом контексте. Шокировавший общество распад СССР, социальные издержки радикальных рыночных реформ и последовавший за ними рост народного недовольства политикой новой власти не могли не сказаться на состоянии общественного сознания. Появление «новых бедных» – образованных людей, обладающих профессиональными навыками и довольно высокой квалификацией, но при этом получающих мизерную зарплату, создало массовую социальную базу для распространения в обществе левых взглядов. Постсоветская политическая система в 1990-е гг. характеризовалась высокой степенью партийной фрагментации, то есть наличием множества мелких организаций, как правого, так и левого толка, не способных в одиночку вести борьбу за власть. Ради достижения тактических целей малочисленные партии были вынуждены создавать широкие коалиции, такие как «Фронт национального спасения», включавший в себя коммунистов, социалистов и национал-патриотов на близкой всем им идейной платформе антилиберализма и антизападничества. Их общей задачей было противодействие рыночным реформам, проводимым правительством Е. Гайдара.

Левая мысль в современной России сформировалась на основе трёх идейно-политических традиций: дореволюционной политической мысли, советского марксистско-ленинского наследия и внешних идеологических воздействий. Переосмысление левых идей в постсоветский период происходило на основе знакомства с ранее недоступными концепциями евразийцев, неотроцкистов, еврокоммунистов, Н. Бердяева, И. Ильина и др. авторов, которых идеологи современного левого движения стремились встроить в традиционную матрицу российской политической культуры и актуализовать в ходе разрешения пореформенных социальных конфликтов.

В процессе либеральной трансформации общественного сознания в период «перестройки» в первую очередь подверглись сомнению базовые ценности советской политической культуры – этатизм, патернализм, коллективизм. Однако наступивший в конце горбачёвского периода системный кризис советского общества привёл к глубокому разочарованию большинства граждан в лозунгах «гласности» и «ускорения», породил у них ностальгию по стабильности и относительному благополучию эпохи «застоя». Реакцией на сложившуюся ситуацию в ранний постсоветский период стала актуализация в массовом сознании ценности «порядка», поиски так называемой «национальной идеи», способной сплотить общество. Идеологи левых сил стали проявлять интерес к поиску «перво-

основ» российской государственности, к попыткам возродить и сохранить духовные традиции, то есть обратились к ценностям консерватизма. Наибольшую популярность приобрело лево-консервативное течение, в котором причудливо переплелись элементы марксизма и консерватизма.

В настоящее время большинство российских теоретиков левого движения и политиков, представляющих соответствующие партии, в основном, придерживается социал-демократических взглядов, отвергая курс на социалистическую революцию и насильственное низвержение власти, и выступает с умеренных, реформистских позиций, пропагандируя эволюционные методы возвращения к социализму в рамках действующей политической системы. В качестве тактической цели они выдвигают постепенное завоевание позиций в органах исполнительной и законодательной власти через участие в федеральных, региональных и муниципальных выборах. В программных установках «левых» реальные политические задачи порой весьма причудливо сочетаются с довольно архаичными лозунгами национально-патриотического, этического и даже религиозного содержания. Подобное отсутствие идеологической чёткости можно объяснить трудным положением, в котором левые силы оказались после крушения социализма. Им пришлось, с одной стороны, объяснять обществу причины своего политического поражения, оправдываться перед народом за эксцессы сталинского режима, гонения на церковь, с другой стороны – разрабатывать актуальные лозунги, пытаться «нащупать» направление своей эволюции, адекватное новым российским реалиям. Находясь в оппозиции, «левым» пришлось вновь брать на вооружение тактику организации протестных выступлений, что проявилось, в частности, во время острого политического кризиса в октябре 1993 г. Их блокирование с национал-патриотическими силами породило термин «красно-коричневые», подчёркивающий идейную и политическую близость в тот период коммунистов и националистов.

Вместе с тем задача осуществления социалистической революции стала рассматриваться идеологами КППФ как неактуальная и практически неосуществимая. Её место заняли прагматичные тактические цели. В адрес Г. А. Зюганова звучала критика со стороны ортодоксальных коммунистов за его высказывание о том, что Россия уже «исчерпала лимит на революции», но ряд объективных и субъективных аспектов развития левых сил свидетельствовал в пользу этого утверждения лидера КППФ. В частности, у российских «левых» отсутствовали реальные возможности осуществления радикального революционного курса в силу изменения социальной структуры общества в результате деиндустриализации 1990-х годов, ослабления позиций рабочего класса, его люмпенизации и распыления по структурам торговли, превращения в «челноков», озабоченных лишь проблемами выживания.

В пореформенные десятилетия в российском левом движении объективно отсутствовала идеологическая основа, способная превратить сутубо левые установки в авангардное направление общественной мысли. Марксизм с его подчеркнуто интернационалистскими ценностями оказался не способен выполнить эту консолидирующую функцию в условиях, когда вопрос национального возрождения становился ключевым для большинства российских национально-ориентированных политических сил. В целом можно сделать вывод о том, что на рубеже XX и XXI вв. идеологи левых партий рассматривали проблемы социально-политического развития страны, прежде всего, с точки зрения патриотического императива, который лёг в основу их идеологии и практики. Тема восстановления геополитического статуса России как великой державы, возрождения сильного государства, национальной консолидации стала одной из центральных в программных документах организаций, принадлежащих к левому крылу оппозиции. Одним из центральных элементов их политической культуры стал традиционализм, выражающийся в стремлении к сохранению культурного достояния русского народа, его самобытности, коллективистских и этатистских традиций, опора на достижения российской классической мысли, обращение к православию как к духовной матрице российской цивилизации.

Пристатейный библиографический список

1. Митрохин Н. А. Русская партия. Фрагменты исследования // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 2.

¹ См.: Митрохин Н. А. Русская партия. Фрагменты исследования // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 2. – С. 245–297.

Вильданов Р. Р.

ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТОВ КАК ОРГАНОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассказывается о возникновении оригинальной системы представительных органов власти – Советов, в начале XX в. Раскрываются различные подходы к функционированию Советов.

Ключевые слова: Советы, органы представительной власти, революция, политические партии.

Vildanov R. R.

ORIGIN OF SOVIETS AS REPRESENTATIVE BODIES IN THE EARLY XX CENTURY

The article reveals the origin of the original system of representative bodies – the Soviets, in the early twentieth century. Various approaches towards the functioning of the Soviets are disclosed.

Keywords: Soviets, representative bodies, revolution, the political parties.

Вильданов Р. Р.

Рассматривая историю представительных органов власти в России наряду с дореволюционным Парламентом, земскими соборами, следует особое внимание уделить и системе Советов. Эта своеобразная система органов представительной власти сложилась в России после Февральской революции 1917 г. и существовала следующие 70 лет.

Такая система не могла возникнуть в одночасье. Советы следует воспринимать как орган, выросший на базе традиций самоуправления русского народа, самоорганизации крестьян и рабочих. Кооперативное движение, профессиональные союзы были их предшественниками. На ярко выраженную социальную природу Советов неоднократно ссылались различные авторы, даже в эмигрантских кругах¹. Бывший глава Временного правительства В. Н. Львов признавал что: «Советы есть осколок общинного управления и поэтому понятен народу»². То, что Советы – «продукт самобытного народного творчества» и «проявление самостоятельности народа», указывал и В. И. Ленин. Их силу он как раз видел в реальной и неразрывной связи с массами. Учитывал он и то, что сама форма Советов отражала исконно русскую, традиционную идею коллективизма, соборности³.

Возникшие в ходе революции 1905–1907 гг. Советы рассматривались левыми политическими партиями в качестве боевых органов вооруженного восстания. Большевиками высказывалась мысль о том, что они могут стать «зародышем временного революционного правительства»⁴. При этом массовый характер беспартийных Советов требовал от партий четко определиться в своем отношении к ним. В совместной резолюции большевиков и меньшевиков, принятой по этому вопросу, задача социал-демократии определялась как приобщение Советов к своей партийной программе. В случае отказа Советов принять программу РСДРП(б) в письме ЦК РСДРП(б) всем партийным работникам предписывалось «разоблачать перед пролетарскими массами их непролетарский характер»⁵.

В апреле 1906 г. в Стокгольме был созван Объединительный IV съезд РСДРП, на котором был поднят вопрос об отношении социал-демократов к Советам рабочих депутатов, которые стихийно возникли на почве массовых политических стачек «как беспартийные организации широких масс». Учитывая их революционный потенциал, съезд признал необходимым использование Советов в вооруженной и политической борьбе. Для этого большевики предлагали создавать в Советах партийные группы, направляющие их работу в «строгой связи с деятельностью партии». Это положение определялось как одна из основных задач местных организаций партии⁶. Несмотря на некоторые особенности трактовки степени влияния партии на Советы, и большевики, и меньшевики воспринимали их как организации, способные расширить влияние социал-демократов на рабочих.

В связи с поражением в революции 1905–1907 гг. у революционных партий пропал интерес к Советам как боевым революционным органам, тогда как создание демократической республики и созыв всенародного Учредительного собрания продолжали оставаться основными политическими требованиями социал-демократов⁷.

Февральская революция заставила вновь обратить внимание на Советы. Большинство представителей РСДРП(б) продолжали воспринимать их как боевые организации рабочего класса, нацеленные на захват власти, оставляя при этом в тени вопрос об их судьбе после революции⁸. Отсутствие единства во мнении о возможности перехода власти в руки Советов отчетливо проявилось при создании Петроградского Совета⁹. Несмотря на некоторое замешательство в первые дни Февральской революции, в начале марта 1917 г. ЦК партии на заседании Бюро допускал в перспективе возможность превращения Советов из зародышей революционной власти во Временное революционное правительство. В резолюции Бюро ЦК «О Временном правительстве», утвержденной Всероссийским Совещанием партийных работников в конце марта –

1 Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л. К. Слиски. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 382.

2 Львов В. Н. Советская власть в борьбе за российскую государственность. – М., 1922. – С. 35.

3 Курицын В. М. Октябрьская революция и создание советского государства. – М., 2000. – С. 7.

4 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 12. – С. 63.

5 Третий съезд РСДРП(б): Сб. документов и материалов. – М., 1957. – С. 366, 367.

6 КПСС в резолюциях. – Т. 1. – С. 184–185.

7 Резолюция V Конференции РСДРП «О современном моменте и задачах партии» (1908 г.) // КПСС в резолюциях. – Т. Г. – С. 314.

8 Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. – Т. 1. – М., 1997. – С. 57, 88, 92–93.

9 Леонов С. В. Советы сквозь призму внутрипартийных дискуссий в РСДРП(б) (март – апрель 1917 г.) // Общественные организации в политической системе России. 1917–1918 гг. – М., 1991. – С. 77–79.

начале апреля 1917 г., отмечалось, что Советы, «как зачатки революционной власти», готовы в «определенный момент развития революции осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией для проведения в жизнь полностью требований восставшего народа». Однако лозунг немедленной передачи власти в руки Советов не выдвигался¹⁰.

Отношение к Советам после создания Временного правительства было связано с оценкой возможности перерастания буржуазной революции в социалистическую. Обосновывая в статье «Нарастающий конфликт», опубликованной в марте 1917 г., курс на пролетарскую революцию, Л. Д. Троцкий говорил, что сделать это можно с опорой на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При этом непременным условием оставался созыв Учредительного собрания после победы революции¹¹.

Идея создания «Республики Советов» как государства, созданного на основе замены пролетариатом «старой» государственной машины и буржуазных парламентов «Советами рабочих депутатов» впервые была сформулирована В. И. Лениным в работе «Марксизм о государстве», написанной зимой 1917 г. В «Апрельских тезисах» он подтвердил свой тезис, что формой диктатуры пролетариата должна стать «не парламентская республика, возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад, а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»¹². Ленинская идея не была поддержана большевиками безоговорочно, несмотря на общее одобрение его курса, направленного на переход всей власти в руки Советов как органов диктатуры пролетариата и завоевание большинства в Советах. В частности, допускалось, что власть в равной степени может перейти как в руки Советов, так и в руки других органов, непосредственно выражающих «волю большинства народа». Ими могли стать и органы местного самоуправления, и Учредительное собрание¹³.

Не поддержал идею о превращении Советов в органы государственной власти и собравшийся в июне 1917 г. I Всероссийский съезд Советов. При составлении Наказа ВЦИК соответствующая резолюция большевистской фракции была отклонена, а один из лидеров меньшевиков Ф. И. Дан открыто заявил, что лозунг «Вся власть Советам!» не имеет практического значения. Основным политическим требованием ВЦИК I созыва оставался созыв Учредительного собрания. 3 октября 1917 г. его Бюро постановило при определении повестки дня Всероссийского съезда первым пунктом обозначить вопрос об отношении к Учредительному собранию¹⁴. Эсеры в партийной газете «Дело народа» 6 октября 1917 г. писали, что Советы в качестве института власти «совершенно не приспособлены к будничной работе»¹⁵.

Тем не менее Советы, возникшие спонтанно в ходе революции 1905–1907 гг., стали органами государственной власти. Это связано как с идеологическими установками партии большевиков, так и с объективными предпосылками. Прежде всего, Советы являлись классовыми организациями, что делало их идеально подходящими для воплощения провозглашенной диктатуры пролетариата. «Для социалистической револю-

ции, – указывал В. И. Ленин, – необходимы не так называемые “общенародные” учреждения буржуазного парламентаризма, а классовые учреждения трудящихся и эксплуатируемых масс»¹⁶. В этой связи Ленин отказывался от парламентаризма, который, по его мнению, с одной стороны, демонстрировал привилегированное положение депутатов, являясь олицетворением классового противоречия, а с другой – олицетворял разделение законодательного и исполнительного труда. Не случайно один из параграфов его работы «Государство и революция» так и назван «Уничтожение парламентаризма». Выход из парламентаризма видится не в уничтожении представительных учреждений и выборности, которая составляла демократическую основу партийной программы, а в превращении представительных органов из говорилки в «работающие» учреждения. Идея скрывалась в преодолении отчуждения масс трудящихся от аппарата управления через «соединение законодательной и исполнительной государственной работы»¹⁷.

Пристатейный библиографический список

1. КПСС в резолюциях. – М., 1983–1990. – Т. 1.
2. Кукушкин Ю. Русская государственность: От общины к Советам // Диалог. – 1999. – № 11.
3. Курицын В. М. Октябрьская революция и создание советского государства. М., 2000.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 12.
5. Леонов С. В. Советы сквозь призму внутрипартийных дискуссий в РСДРП(б) (март – апрель 1917 г.) // Общественные организации в политической системе России. 1917–1918 гг. – М., 1991.
6. Львов В. Н. Советская власть в борьбе за российскую государственность. – М., 1922.
7. Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л. К. Слиски. – М.: РОССПЭН, 2004.
8. Резолюция V Конференции РСДРП «О современном моменте и задачах партии» (1908 г.) // КПСС в резолюциях. – Т. Г.
9. Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. – Т. 1. – М., 1997.
10. Третий съезд РСДРП(б): Сб. документов и материалов. – М., 1957.
11. Троцкий Л. Д. Сочинения. – М.; Л., 1925. – Т. 3. – Ч. 1.
12. Федоров К. Г. ВЦИК в первые годы советской власти. 1917–1922 гг. – М., 1957.

10 КПСС в резолюциях. – Т. 1. – С. 487.

11 Троцкий Л. Д. Сочинения. – М.; Л., 1925. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 13.

12 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 31. – С. 115.

13 КПСС в резолюциях. – Т. 1. – С. 496.

14 Федоров К. Г. ВЦИК в первые годы советской власти. 1917–1922 гг. – М., 1957. – С. 13.

15 Кукушкин Ю. Русская государственность: От общины к Советам // Диалог. – 1999. – № 11. – С. 68.

16 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 35. – С. 232.

17 Там же. – Т. 36. – С. 72.

Галяутдинов Р. Ф., Абдуллин А. Р.
ФОРМИРОВАНИЕ, СТРУКТУРА ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ОБЯЗАННОСТЕЙ В ЕГО СОСТАВЕ

В данной статье рассматриваются аспекты формирования Правительства Российской Федерации, его структура и распределение обязанностей в составе Правительства. Статья написана на основании Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации».

Ключевые слова: Правительство Российской Федерации, формирование, структура, обязанности в составе Правительства.

Galyautdinov R. F., Abdullin A. R.
FORMATION AND STRUCTURE OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND ALLOCATION OF RESPONSIBILITIES THEREIN

This article discusses the aspects of formation of the Government of the Russian Federation, its structure and allocation of responsibilities in the Government. The article is written on the basis of the Constitution of the Russian Federation and the Federal Constitutional Law "On the Government of the Russian Federation".

Keywords: government of the Russian Federation, formation, structure, responsibilities within the Government.

Правительство Российской Федерации – высший федеральный орган, осуществляющий исполнительную власть в России. Статус правительства и порядок его деятельности определены 6-й главой Конституции и Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г.¹

Правительство Российской Федерации состоит из членов Правительства Российской Федерации – Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров. В соответствии с указами Президента Российской Федерации заместители Председателя Правительства Российской Федерации и федеральные министры могут замещать должности полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах.

Председатель Правительства Российской Федерации назначается Президентом России с согласия Государственной думы. В случае трёхкратного отклонения Государственной думой представленных кандидатур Президент назначает Председателя Правительства, распускает Государственную думу и назначает новые выборы. Президент России не имеет права распускать Государственную думу на этом основании в течение последних шести месяцев действия его полномочий, в период действия военного или чрезвычайного положения на всей территории государства, а также в случае инициирования Государственной думой процедуры отрешения Президента от должности в порядке импичмента.

Заместители Председателя Правительства и федеральные министры назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации по предложению Председателя Правительства.

Структура федеральных органов исполнительной власти (Правительства Российской Федерации) утверждается указом Президента Российской Федерации на основании предложе-

ния Председателя Правительства, направляемого в течение недельного срока после его назначения (ст. 112 Конституции РФ).

В результате административной реформы 2004 г. уточнен статус и распределение функций между федеральными министерствами, федеральными службами и федеральными агентствами. Кроме того, федеральные органы исполнительной власти разделены на находящиеся в ведении Президента (так называемые силовые ведомства) и Правительства.

Правительство Российской Федерации осуществляет свою деятельность на основе Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов и нормативных указов Президента Российской Федерации (ст. 3 Закона «О Правительстве Российской Федерации»).

На основании ст. 114 Конституции Российской Федерации Правительство осуществляет следующие полномочия²:

- разрабатывает и представляет Государственной думе федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение; представляет Государственной думе отчёт об исполнении федерального бюджета; представляет Государственной думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной думой;
- обеспечивает проведение в государстве единой финансовой, кредитной и денежной политики;
- обеспечивает проведение единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии;
- осуществляет управление федеральной собственностью;

Галяутдинов Р. Ф.

Абдуллин А. Р.

1 О Правительстве Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (ред. 12.03.2014) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Конституция Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 декабря 1993 года (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики государства;

– осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью;

– осуществляет иные полномочия, возложенные на него Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами Президента Российской Федерации.

На основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, нормативных указов Президента Российской Федерации Правительство издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение. Подзаконные постановления и распоряжения Правительства обязательны к исполнению в Российской Федерации. Постановления и распоряжения Правительства в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам и указам Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации.

Конституция РФ предопределяет коллегиальный состав Правительства РФ и, следовательно, коллегиальную форму принятия им наиболее важных решений.

Правительство РФ возглавляет Председатель Правительства. Непосредственно Председателю подчинены заместители Председателя. В соответствии с Указом Президента РФ от 1 сентября 2000 г. № 1602 Председатель Правительства РФ имел пять заместителей Председателя Правительства РФ, в том числе двух первых заместителей, руководителя Аппарата Правительства РФ – заместителя Председателя Правительства РФ, а также заместителя Председателя Правительства РФ – Министра финансов РФ, в настоящее время восемь заместителей.

Указом Президента РФ от 17 октября 2001 г. № 1232 в целях усиления координации деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации национальной политики введена должность министра Российской Федерации³. Кроме указанных лиц, в состав Правительства РФ входят федеральные министры.

В юридической литературе не раз отмечалась двойственность (дуалистичность) системы исполнительной власти. Фактически сложилось разделение полномочий исполнительной власти между Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации.

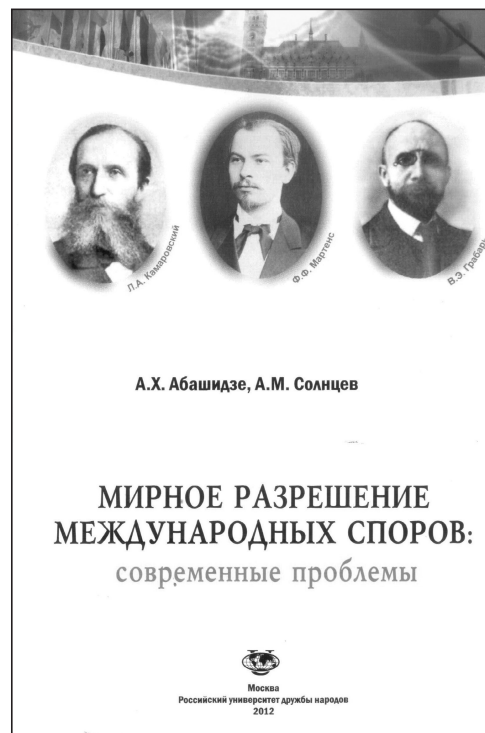
Закон отводит Председателю Правительства определяющую роль в направлении деятельности Правительства Российской Федерации и организации его работы, избегая для характеристики его полномочий термина «руководить». Между тем есть достаточные основания утверждать, что Председатель именно руководит деятельностью высшего органа исполнительной власти. Не лишено оснований и обращение к лингвистическому толкованию терминов.

Таким образом, Председатель Правительства подбирает кандидатуры тех, кто будет входить с ним в состав Правительства Российской Федерации, и предлагает их Президенту Российской Федерации. Правда, форму, в которой осуществляется представительство, закон не уточняет. Окончательное решение о назначении на должность указанных лиц принимает Президент Российской Федерации, который может и не согласиться с предложенными кандидатурами. Механизма раз-

решения возможных разногласий по данному вопросу между Президентом Российской Федерации и Председателем Правительства Российской Федерации в законодательстве нет и не должно быть именно потому, что Президент Российской Федерации назначает членов Правительства, включая его Председателя. Можно говорить лишь о разрешении разногласий в рабочем порядке, т.е. о согласовании кандидатур членов Правительства Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 декабря 1993 года (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Правительстве Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (ред. 12.03.2014) [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О Министре Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17 октября 2001 г. № 1232 [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 О Министре Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17 октября 2001 г. №1232 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Горбачев А. А. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассмотрен феномен коррупции как угрозы национальной безопасности. Исследованы различные пути к определению термина «коррупция». Проанализированы разные причины высокого уровня коррупции в странах. Рассмотрены различные методики оценки уровня коррупции, среди которых индексы ИВК, ГКИ, ВУИ. Рассмотрен международный опыт противодействия коррупции, в частности опыт Сингапура, Финляндии, Индонезии. Сделаны выводы о неоднозначности методов оценки уровня коррупции. Предложены меры по противодействию коррупции, среди которых строительство гражданского общества, высокий экономический уровень в государстве, открытость государственных механизмов.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, национальная безопасность, угрозы национальной безопасности.

Gorbachev A. A. ANTI-CORRUPTION AS A WAY TO REDUCE THE THREAT TO NATIONAL SECURITY

The article deals with the phenomenon of corruption as a threat to national security. The authors explore various ways to the definition of corruption. Different causes of high levels of corruption in countries were analyzed. Various methods of assessing the level of corruption, including the WGI, GCI, TI indicies, and international experience of combating corruption, in particular the experience of Singapore, Finland, Indonesia are considered. Conclusions about the ambiguity of methods of corruption assessment are made. Measures to combat corruption are proposed, including establishing of civil society, high economic level in the country and the openness of state mechanisms.

Keywords: corruption, anti-corruption, national security, threats to national security.

Анализ современных политических реалий заставляет рассмотреть проблему национальной безопасности страны под иным углом. Наряду с внешними угрозами, среди которых рост геополитического давления стран конкурентов, международный терроризм, природные катаклизмы, существенными также являются внутренние проблемы страны. Среди данных проблем можно выделить увеличивающееся социальное расслоение в обществе, снижающийся гуманитарный, культурный уровень в стране, определенные проблемы в сфере образования и здравоохранения. Так, следует согласиться с российскими учеными В. В. Колесниковым, В. Н. Быковым, О. А. Борисовым в том, что среди эндогенных угроз национальной безопасности наибольшим разрушительным потенциалом обладает коррупция. Ю. С. Дерябин утверждает, что «коррупция является одной из наиболее серьезных угроз не только для экономики и социального развития отдельных стран, но и для национальной и международной безопасности в целом»¹. Коррупция давно перешагнула государственные границы и стала зачастую носить межстрановой характер. М. А. Шебанова справедливо отмечает, что «... во всем мире найдется множество примеров партнерства транснационального капитала и местных элит, которые называют «компрадорскими» и которые не только не способствуют, но и препятствуют национальному строительству и благосостоянию широких слоев общества»². Процесс взаимоинтеграции местных элит и транснационального капитала представляет реальную опасность национальной безопасности. Отметим, что по мнению М. Уаррена, коррупция наносит вред самой культуре демократии. Повреждение культурного ядра государства, по нашему мнению, несет опасность национальной безопасности страны. Феномену коррупции, а также методам противодействия этому феномену посвящена настоящая работа.

1 Дерябин Ю. С. Можно ли одолеть коррупцию? (опыт Финляндии) // Современная Европа. – 2005. – № 1 (21). – С. 71.

2 Шебанова М. А. Проблема легитимности власти транснациональных элит // Politbook. – 2012. – № 4. – С. 125.

Отметим, что феномен коррупции известен с незапамятных времен. О нем упоминается в античные времена, средние века, эпоху Возрождения. При этом для современного понимания необходимо внести уточнение при определении самого термина «коррупция».

На этот счет существуют разные точки зрения. Американский политолог А. Этциони выделяет три подхода к определению коррупции: незаконное использование общественной власти и ресурсов с целью персональной выгоды, нелегальная передача общественных благ в пользу интересов локальной группы и действия по обходу принятых правил и норм. В первом подходе речь идет о коррупции частной, во втором и третьем – о «политической коррупции».

Мы согласны с Р. Роузом и У. Мишлером, что «политическая коррупция» – «...важный показатель того, что институты управления не соответствуют веберовской парадигме политической системы, которая слаженно управляется чиновниками, беспристрастно действующими в соответствии с нормами и законами, а также политиками, принимающими решения в рамках этих законов и норм»³. Фактически «политическая коррупция» нарушает механизм работы государственных институтов. Рассматривая коррупционные практики в США начала XX в., Л. И. Элсворт в контексте «политической коррупции» акцентирует внимание на покупке должностей государственного и частного характера. Полагаем, что опасность для общества «политической коррупции» много выше, поскольку в предоставлении должности в обход норм закона закладывается потенциал будущей коррупции.

Вместе с тем термин «политическая коррупция» (англ. political corruption) имеет и более широкое понимание. Согласно М. И. Уоррену «политическая коррупция» – это любое злоупотребление служебным положением в личной выгоде, без фокусировки на последствиях данного деяния. Ряд исследователей выделяют в этом плане коррупцию нижнего и верхнего

3 Роуз Р., Мишлер У. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 3. – С. 22.

Горбачев А. А.

уровня. В случае коррупции верхнего уровня в качестве форм проявления выделяются: непотизм, патронаж, конфликт интересов в сфере законодательной или исполнительной власти. Мы будем разделять понятия «частной коррупции» – как широкого понимания данного феномена, и «политической коррупции», как более узкого определения коррупционного деяния, связанного с повышенной общественной опасностью.

Исследователи А. С. Быстрова, М. В. Сильвестрос предлагают иную точку зрения. Они выделяют четыре взгляда на определение «коррупции»: «идеалистически-философский», «ревизионистский», «экономико-рыночный», «ортодоксальный марксистский». В «традиционном» взгляде «коррупция» – это поведение за рамками принятых общественных норм, сводящееся к получению личной выгоды за счет общества. Выгоды могут принимать как материально-денежный характер, так и нематериально-общественный. «Ревизионистский» взгляд полагает коррупцию следствием естественных процессов развивающихся государств, необходимым этапом в модернизации. Коррупция «ревизионистами» рассматривается как «неизбежная плата» за модернизацию. «Экономико-рыночный» взгляд воспринимает коррупционное вознаграждение как транзакционные издержки в процессе общественного обмена услугами⁴. Коррупция является ответом бизнес-сообщества на избыточное регулирование бизнес-процессов государством. Причиной коррупции выступает чрезмерное государственное вмешательство в частный сектор. «Ортодоксальный марксистский» взгляд в противовес «экономико-рыночному» рассматривает коррупцию как фундаментальную проблему капитализма и неотделим от нее. Так, мы не согласны с философом А. С. Кожушко, что «коррупция никак не связана с национальной, классовой или сословной принадлежностью... политическим режимом»⁵. Мы полагаем, менталитет, сословно-классовая принадлежность, а также политический режим оказывают существенно влияние и на форму, и на уровень коррупции. Кроме того, мы не разделяем точку зрения А. Н. Савенкова и А. А. Савенкова, что коррупция становится возможной «... в результате несовершенных правовых систем и правового регулирования, отсутствия правоприменительной практики и неэффективного межведомственного сотрудничества»⁶. На наш взгляд, феномен коррупции шире существующих «белых пятен» законодательства, а его решение может носить лишь комплексный междисциплинарный характер за пределами одной лишь юриспруденции.

Вместе с тем согласимся с учеными Е. И. Головановой, О. В. Гариной, что уровни заработной платы низшего звена чиновников не сопоставимы с зарплатами в частном секторе, что может служить косвенной причиной коррупции. Зачастую у коррупции в первую очередь социально-экономические причины, требующие серьезных изменений в государстве с активным применением институтов гражданского общества и мировых практик противодействию коррупции⁷. Начнем с рассмотрения существующих методик оценки уровня коррупции.

Так, организация «Transparency International» рассчитывает «Индекс восприятия коррупции». Индекс рассчитывается на основе опросов мнения представителей бизнеса и экспертного сообщества. ИВК за 2014 г. рассчитывался из 12 разных источников с использованием 11 независимых органи-

заций, регистрирующих уровень восприятия коррупции в 175 государствах⁸.

С конца 90-х годов Всемирный банк рассчитывает индикаторы качества государственного управления (World Governance Indicators – WGI) – интегрированные показатели государственного управления более чем по 200 странам. Показатели измеряются на основе данных, полученных в ходе исследований различных негосударственных организаций. Одним из шести индексов является «контроль коррупции». Несмотря на критику, WGI позволяет получить представление об уровне коррупции и его динамике в различных государствах.

Международная организация «Freedom House» начиная с 1995 г. проводит комплексное исследование государств мира «Нация в транзите». Исследуются 29 стран, разделенных на группы балканского полуострова, центральной Европы и Евразии⁹. Несмотря на локальный характер исследования (не затрагивается большая часть стран планеты), данные исследования также можно использовать при оценке уровня коррупции.

Международный экономический форум публикует индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index – GCI), в котором одним из показателей выступает коррупция. В отчете за 2014–2015 гг. рассматриваются 144 страны¹⁰. В отличие от предыдущих исследований, происходит оценка еще и институтов государства на предмет прозрачности и удобства для бизнеса.

Подводя итог рассмотрению международных методов оценки уровня коррупции, можем констатировать, что, несмотря на существующие у каждого метода оценки объективные минусы¹¹, в целом их совокупность вполне применима для оценки уровня коррупции.

Наряду с негативными оценками коррупции считаем нужным отметить и существование альтернативного мнения. В частности, коррупция выступает в роли «экономической смазки», «социального стабилизатора», вызванного нормализовать неадекватную работу госинститутов. Кроме того, коррупция на низком уровне позволяет силам, не представленным в политическом поле, все же участвовать в политическом процессе страны. Коррупция выступает способом взаимовыгоды государства со своими гражданами – «передача взятки – всего лишь одна из альтернатив в отношениях между тем, кто хочет получить государственную услугу, и агентом, который ее предоставляет»¹². Нам данные мнения представляются спорными, но, тем не менее, они имеют право на существование. Перейдем к рассмотрению методов противодействия коррупции.

А. Г. Лахман предлагает консолидировать общественно-необходимую, социально-правовую деятельность государства, гражданского общества, физических и юридических лиц по преодолению коррупции. Мы полагаем, что требовать от каждого борьбу с коррупцией излишне, достаточно специализированных институтов. С иной точки зрения предлагает взглянуть на феномен С. П. Юхачев. Исследователь выделяет пять экономических факторов противодействия коррупции и

4 Златанов Б. Г. Караткевич Александр Григорьевич о современном мире, постсоветском регионе и глобальных трансформационных вызовах // Youth World Politic. – 2014. – № 2. – С. 58–63.

5 Кожушко А. С. Коррупция общества, коррупция индивида // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 6. – С. 113.

6 Савенков А. Н., Савенков А. А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 8.

7 Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // Youth World Politic. – 2014. – № 2. – С. 41–51.

8 ИВК-2014. Краткая методологическая справка (русский перевод). Официальный сайт «Transparency International» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.transparency.org.ru/component/docman/doc_download/607--2014-----pdf (дата обращения: 08.07.15)

9 Nations in Transit 2015: Democracy on the Defensive in Europe and Eurasia // Freedom House. – 2015. – P. 28.

10 The Global Competitiveness Report. / World Economic Forum. 2014–2015. – 2014. – P. 5.

11 Charron N. Assessing the relationship between experiences and perceptions of corruption among citizens and experts // European Political Science Review. – FirstView Article. July 2015. – P. 6.

12 Роуз Р., Мишлер У. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 3. – С. 31.

теневой экономике: увеличение эффективности и компетентности власти, повышение экономических рейтингов страны, снижение экономических издержек, стимулирование рынка, оздоровление социально-психологического состояния населения¹³. Кроме того, для борьбы с коррупцией может помочь поднятие общего уровня нравственности чиновников. Ученые В. В. Колесников, В. Н. Быков, О. А. Борисов делают при борьбе с коррупцией упор на гражданские институты: информационную прозрачность государственных институтов, верховенство права при сменяемой демократическим путем власти и функционирующие институты гражданского общества¹⁴.

Вместе с тем Ю. С. Дерябин, рассматривая антикоррупционный опыт Финляндии, отмечает, что основой является открытость госструктур для критики со стороны гражданского общества, кроме того, выделяется высокий уровень социально-экономического обеспечения чиновничества, а также низкий уровень социального расслоения в стране. Полагаем, совокупность этих факторов наряду с экономическим развитием способствует поддержанию низкого уровня коррупции.

На основе работы Комиссии по искоренению коррупции в Индонезии С. З. Абидин отмечает такие меры по противодействию коррупции, как ведение единой базы доходов и имущества чиновников, финансирование исследований на тему борьбы с коррупцией, работа с населением в просветительском плане. Фактически воздействие на проблему идет не только с фронта силовых ведомств, но и в плане работы с институтами гражданского общества.

Наряду с государственными мерами и созданием специальных структур, ученый отводит основную роль гражданскому обществу, которое выступает одним из институтов противодействия коррупции. Исследователи В. К. Евдокименко, А. Д. Ворошан также отмечают, что благодаря активной позиции граждан эффективность борьбы с коррупцией возрастает. Мы согласны с тем, что борьба с коррупцией должна носить многофакторный комплексный подход, включающий одним из основных субъектов гражданское общество.

Ряд специалистов полагают, что «бедные» страны изначально подвержены коррупции в большей степени. Мы считаем, что в большей степени относится к «частной коррупции». В условиях безработицы, нехватки высокооплачиваемых рабочих мест должность чиновника может рассматриваться как способ заработка. Коррупция вместо сопутствующего занятия, становится основным родом занятий. Однако следует отметить, что в таких странах «частная коррупция» зачастую есть следствие nepotизма и патронажа «политической коррупции». Это означает, что противодействие только «частной коррупцией» без принятия соответствующих мер к «политической коррупции» будет неэффективно.

Таким образом, коррупция представляет собой актуальную проблему для большинства государств, решить которую полностью на данный момент адекватным образом не удалось ни одному из них. Однако ряду государств удалось снизить уровень коррупции до приемлемого обществом уровня. По уровню общественной опасности выделяется частная и политическая коррупция. Вред обществу от последней существенно выше и представляет реальную угрозу национальной безопасности государства. Существующие способы измерения уровня коррупции, сводящиеся к опросам респондентов о восприятии коррупции и коррупционном опыте, дают лишь косвенное представление об уровне коррупции. Основные методы противодействия коррупции сводятся к жесткому регулированию и упрощению государственных процедур, минимизации государственного участия в бизнес-процессах,

максимальной открытости процесса взаимодействия государства с обществом на всех этапах. Снижению коррупции способствует: высокий уровень благосостояния (ИРЧП) при одновременно равномерном распределении доходов среди населения (индекс Джинни), наличие работоспособных институтов развитого гражданского общества. Коррупция является существенным фактором снижения национальной безопасности государства, и ее высокий уровень представляет угрозу существованию политической элиты в условиях глобализации.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквоиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // *Youth World Politic.* – 2014. – № 2.
2. Буренко В. И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // *Вестник Университета (Государственный университет управления).* – 2011. – № 20.
3. Дерябин Ю. С. Можно ли одолеть коррупцию? (опыт Финляндии) // *Современная Европа.* – 2005. – № 1 (21).
4. Златанов Б. Г. Караткевич Александр Григорьевич о современном мире, постсоветском регионе и глобальных трансформационных вызовах // *Youth World Politic.* – 2014. – № 2.
5. ИВК-2014. Краткая методологическая справка (русский перевод). Официальный сайт «Transparency International» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.transparency.org.ru/component/docman/doc_download/607--2014-----pdf дата обращения: 08.07.15).
6. Кожушко А. С. Коррупция общества, коррупция индивида // *Гуманитарные и социальные науки.* – 2012. – № 6.
7. Роуз Р., Мишлер У. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* – 2009. – № 3.
8. Савенков А. Н., Савенков А. А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // *Правовое поле современной экономики.* – 2012. – № 7.
9. Харичева М. С. Международный опыт борьбы с коррупцией: Сингапур // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.* – 2011. – № 3.
10. Харичева М. С. Сингапур: история и опыт борьбы с коррупцией // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2011. – № 10.
11. Чернова В. В. Взаимосвязь коррупции и теневой экономики в России: социально-экономические проявления и последствия // *Социально-экономические явления и процессы.* – 2008. – № 4 (12).
12. Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // *PolitBook.* – 2014. – № 4.
13. Шебанова М. А. Проблема легитимности власти транснациональных элит // *Politbook.* – 2012. – № 4.
14. Charron N. Assessing the relationship between experiences and perceptions of corruption among citizens and experts. / *European Political Science Review.* – FirstView Article. July 2015.
15. Nations in Transit 2015: Democracy on the Defensive in Europe and Eurasia / *Freedom House.* – 2015.
16. Tengiz Tatishvili. Anti-corruption examination in the system of measures designed to counteract and prevent corruption // *Law and modern states.* – 2013. – № 3.
17. The Global Competitiveness Report // *World Economic Forum.* 2014–2015. – 2014.

13 Буренко В. И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // *Вестник Университета (Государственный университет управления).* – 2011. – № 20. – С. 18–23.

14 Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // *PolitBook.* – 2014. – № 4. – С. 178–189.

Гришин О. Е.

РЕГРЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПОДХОДЫ, ПРИЧИНЫ, ТЕХНОЛОГИИ

В статье представлены некоторые подходы к пониманию регресса социально-политических институтов, политической системы в целом. Показаны регрессивные механизмы с учетом деградации элиты, выбора идеологии, недоверия к социально-политическим институтам, глобализации. Акцентировано внимание на этнической фрагментации как инструменте архаизации общества и социального регресса. Предложены некоторые способы и методы устранения причин, ведущих к регрессу политической системы.

Ключевые слова: политическая система, регресс, государство, революция, контрреволюция, элита, политический институт, этнос, общество, протест.

Grishin O. E.

REGRESS OF THE POLITICAL SYSTEM: APPROACHES, CAUSES, TECHNOLOGY

The article presents some approaches to understanding the regression of social and political institutions, the political system as a whole. Taking into account the degradation of the elite, the choice of ideology, distrust of the social and political institutions and globalization, regressive mechanisms are shown. The attention is paid to the ethnic fragmentation of society as an instrument of archaization and social regression. Some ways and methods to eliminate the causes leading to the regression of the political system are proposed.

Keywords: political system, regression, state, revolution, counterrevolution, elite, political institution, ethnicity, society, protest.

Гришин О. Е.

На фоне кризисных явлений в мировом сообществе, по-прежнему актуальна задача исследования современных политических систем с точки зрения их эффективного функционирования. Политические системы относятся к классу самоорганизующихся систем. Потенциальные случайные или запрограммированные изменения могут привести к частичной или полной потере политической системой способности к функционированию. Нарушение ее устойчивости приводит к появлению в ней дестабилизирующих процессов, которые не поддаются управлению и дезинтегрируют взаимодействие ее элементов, что в свою очередь может обуславливать отход от поступательного развития, откат к пройденным худшим условиям функционирования политической системы. В связи с этим рассмотрим совокупность алгоритмизированных средств и методов, обеспечивающих регресс политической системы.

Регресс (от лат. *regressus* – обратное движение) – движение назад; *regressus in infinitum* – движение назад (в прослеживании причин или условий), в бесконечное, то есть не имеющее завершения. Регрессивный – идущий назад (от обусловленного к условию, от действия к причине)¹.

Приведем ряд точек зрения на исследуемую проблематику. Так, например, С. М. Коломиец утверждает, что генеральными целями государства являются самосохранение (самовоспроизведение) и самоутверждение. Цели (интересы) разных государств и людей различны, и это приводит к противоречиям, что в свою очередь ведет к эволюции государства. Социальный прогресс государства характеризуется как «гармонизация» интересов государства и достаточно больших групп людей, при этом увеличивается количество людей с положительным (субъективно понимаемым) «балансом» прав и обязанностей. Регресс же есть уменьшение количества людей с положительным «балансом» прав и обязанностей². В. П. Мохов связывает регресс с деградацией

элиты, акцентируя внимание на том, что отдельные элитные группы прекращают осуществлять свою функцию по институционализации общества. Эта функция переходит к другим группам, которые начинают приобретать статус элитных. С потерей ее элита деградирует, что в свою очередь ведет к регрессу социально-политических институтов³. А. Д. Тысячина, цитируя Э. Тодда, связывает утрату доверия к социально-политическим институтам с движением назад в развитии человеческой цивилизации (революции неравенства, олигархические трансформации)⁴. Неверно выбранная идеология также является регрессивным цивилизационным компонентом⁵. А. Н. Федин рассматривает элементы социального регресса, опираясь на концепцию Р. Генона⁶. В фокусе зрения автора – проблема взаимодействия культур различных цивилизаций в процессе общественного развития. Он полагает, что «преодоление регрессивных тенденций в современной России невозможно без построения новой модели социального прогресса, ориентированной на использование русской культурной матрицы в качестве источника развития»⁷. По мнению же О. А. Гомцяна, «Россия находится в полосе затяжного кризиса, носящего системный характер. В государстве не сформировались ни результативная система современных общественных институтов, ни гражданское общество. Чело-

1 Регресс // Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 389.

2 Коломиец С. М. Эволюция государства как социальной системы // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 4(20). – С. 27.

3 Мохов В. П. Деградация элит: проблема анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-2(50). – С. 134-138.

4 Тысячина А. Д. Диалектика прогресса и регресса в развитии общества // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2013. – № 1(7). – С. 27.

5 Сергеев С. М. Сталинизм как регресс // Вопросы национализма. – 2014. – № 19. – С. 205-226.

6 Генон Р. Восток и Запад / Пер. с фр. Т. Б. Любимовой. – М.: Беловодье, 2005. – 234 с.

7 Федин А. Н. Элементы социального регресса в концепции Р. Генона и их актуальность в России XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8-1(34). – С. 199-202.

веческий потенциал страны в условиях кризиса заметно снизился. Все это – результат приобретения Россией периферийного статуса в мире после периода бурных перемен, свергших общество в процессы на мировой арене, связанные с глобализацией»⁸. Существует весьма оригинальный подход, предлагающий вариант выхода из кризисных регрессивных процессов человечества. «Выход из нынешнего глобального антропоинвайронментального кризиса в большей мере зависит от нравственного возрождения человечества ... Чтобы современной цивилизации предоставить более адекватный шанс в преодолении этого регресса ... создать ... политическую биоэтику. В прикладном смысле политическая биоэтика занимается вопросами давления политиков и управленцев на биоэтические институты и биоэтическое сознание, а также способствует наращиванию влияния биоэтических организаций, научных и профессиональных сообществ гражданского общества на социополитические решения»⁹. Г. И. Авцинова полагает, что регресс политической системы связан и с радикальными трансформациями. Политический радикализм, по ее мнению, – это «социокультурный феномен, обусловленный особенностями исторического, социально-политического, психологического, религиозного развития страны, проявляющийся в ценностных ориентациях, устойчивых формах политического поведения субъектов, нацеленных на оппозиционность, изменения, тотальный, быстрый темп перемен, примат силовых методов в реализации политических целей»¹⁰. И. Л. Морозов, отмечает, что «политический радикализм – основной принцип экстремистской идеологии, согласно которому существующая политическая система воспринимается как абсолютно неприемлемая, несправедливая, не способная к эффективной модернизации и эволюции, а потому подлежащая уничтожению в максимально короткие сроки, немедленно»¹¹. Это далеко не полный перечень подходов. Существуют и другие точки зрения на эту проблему...

На наш взгляд, важно зафиксировать, что некоторые исследователи увязывают регресс с этнической фрагментацией общества. Н. Годжатюрк отмечает, что «любой этнос может опираться на свою историю. В случае предания этой истории забвению или недостаточного внимания к ней, народ обречен на регресс. А ведущую линию истории составляют инвариантные факторы, проявившиеся на первых этапах человечества, и в этом смысле определяющие границы развития общественно-политической среды»¹². А. Л. Сафонов полагает, что «этническая фрагментация общества, порожденная кризисом нации, как более развитой социальной общности, связанной с социальным прогрессом XIX–XX веков, объективно порождает явления социального регресса и архаизации общественных отношений, что, в свою очередь, является одним из ключевых факторов дальнейшего углубления кризиса нации,

национального государства и его институтов»¹³. К. С. Даллакян рассматривает негативные стороны этноиммиграции, убедительно демонстрируя отчужденность от участия в управлении национальным государством¹⁴, которая ведет к регрессу существующей политической системы. Исследователи И. Ф. Кононов, С. В. Хобта и С. А. Щудло на широком фактологическом материале убедительно доказывают вышеизложенный тезис на примере Украины, что межрегиональные отношения, которые сформировались на Донбассе и Галичине, сложились традиционно как наиболее различные. Порядок дискурса задается борьбой за доминирование двух определений социальной реальности: этнического и гражданского. Данный порядок дискурса представлен во всех регионах Украины, но Восток и Запад демонстрируют максимальную концентрацию противоположных позиций¹⁵. Таким образом, разделение общества по принципу «свои – чужие» ведет частичному или полному распаду политической системы. Примером для этого служат драматические события в бывшей Югославии, Украине, Сирии и т.п.

Импонирует подход, предложенный М. Г. Анохиным. Он, рассматривая гомеостазис политической системы, выделял процессы ее дестабилизации и регресса. К регрессивным, как правило, достаточно динамичным способам и методам политических изменений он относил революции, контрреволюции, гражданские войны, перевороты, кризисы, а также указывал на возможность реверсивных изменений в политической системе на определенных этапах ее развития¹⁶. Такие формы политических изменений, как правило, связаны с применением, в той или иной степени, насилия¹⁷, технологий социального и политического протестов¹⁸, внешнего влияния¹⁹, манипулирования массовым сознанием и поведением²⁰, технологий создания хаоса²¹, террористических актов²² и т.п.

Таким образом, анализ показал, что, как правило, среди причин и условий возникновения регресса политических систем можно назвать следующие: общие кризисные системные явления человеческой цивилизации, борьба политических акторов за реализацию своих утилитарных интересов, потеря доверия к социально-политическим институтам, деградация

8 Гомцяц О. А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем постсоветской России // Человек. Общество. Управление. – 2015. – Т. 16. – № 1(16). – С. 60-77.

9 Тестемичану Н. А., Спринчан С. Л. К вопросу о необходимости обоснования политической биоэтики // Биоэтика. – 2014. – № 2(14). – С. 10-15.

10 Авцинова Г. И. Политический радикализм в России: социокультурный аспект проблемы: автореф. дисс. ... д. филос. н. – М., 1996. – С. 13.

11 Морозов И. Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XX – начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: автореф. дисс. ... д. полит. н. – Саратов, 2010. – С. 22-23.

12 Годжатюрк Н. Мифическое мышление и этническое становление // Гилея: научный вестник. – 2015. – № 93(3). – С. 165.

13 Сафонов А. Л. Этническая фрагментация наций в эпоху глобализации: социально-философские аспекты // Философская мысль. – 2015. – № 6. – С. 26-59.

14 Даллакян К. С. Этноиммиграция: сравнительный анализ // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2014. – № 203. – С. 122-127.

15 Кононов И. Ф., Хобта С. В., Щудло С. А. Зазеркалье региональной системы Украины: Донбасс – Галичина // PolitBook. – 2015. – № 3. – С. 6.

16 Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1996. – С. 83-94.

17 Жильцов С. С. Революционные волны на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 6(42). – С. 7-13.

18 Скиперских А. В. Вызовы провинциального протеста // Свободная мысль. – 2011. – № 12. – С. 45-50.

19 Шульц Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «арабской весны» // Международные процессы. – 2015. – № 1(40). – Т. 13. – С. 90-96.

20 Несстерчук О. А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. – 2015. – № 2. – С. 84-103.

21 Бочанов М. А., Проказина Н. В. Политический процесс современной Украины – управление хаосом? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т. 6. – № 6-2(28). – С. 21-26.

22 ФСБ: теракт в Москве планировали, чтобы помешать операции РФ в Сирии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/13oct2015/fsb.html> (дата обращения: 13.10.2015).

элит, выбор ошибочного идеологического вектора развития, этническая дефрагментация общества, неэффективное функционирование государства и гражданского общества, революционные и реверсивные политические изменения. Алгоритмированными средствами и методами таких изменений выступают в основном неконвенциональные технологии политической деятельности.

Для устранения причин и условий возникновения регрессионных тенденций трансформации политической системы, не претендуя на полноту и всеобъемлемость, назовем следующие:

- выбор эволюционных механизмов развития политической системы;
- разработка и осуществление поступательной модели ее модификации;
- открытость функционирования и повышение доверия к социально-политическим институтам;
- построение (усиление) институтов гражданского общества;
- поиск и реализация оптимальных системных идеологических платформ государства, как центрального звена политической системы;
- этническая интеграция общества;
- противодействие радикализму и экстремизму;
- консолидация интересов различных социальных групп;
- отрицание использования неконвенциональных технологий политического участия и т.п.

Конец XX – начало XXI веков наглядно демонстрируют наряду с дестабилизацией, неустойчивостью, разрушением и регрессию некоторых конкретных политических систем, характеризующихся возвратом к родоплеменному (клановому) устройству, к крайним формам национализма, ксенофобии, шовинизма, радикализма, отходом от демократических принципов построения государства, расщеплением обществ по этническому и религиозному принципам.

Пристатейный библиографический список

1. Авцинова Г. И. Политический радикализм в России: социокультурный аспект проблемы: автореф. дисс. ... д. филос. н. – М., 1996. – С. 13.
2. Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1996. – С. 83-94.
3. Бочанов М. А., Проказина Н. В. Политический процесс современной Украины – управление хаосом? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т. 6. – № 6-2(28). – С. 21-26.
4. Генон Р. Восток и Запад / Пер. с фр. Т. Б. Любимовой. – М.: Беловодье, 2005. – 234 с.
5. Годжатурк Н. Мифическое мышление и этническое становление // Гилея: научный вестник. – 2015. – № 93(3). – С. 165-169.
6. Гомцяк О. А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем постсоветской России // Человек. Общество. Управление. – 2015. – Т. 16. – № 1(16). – С. 60-77.
7. Даллакян К. С. Этноиммиграция: сравнительный анализ // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2014. – № 203. – С. 122-127.
8. Жильцов С. С. Революционные волны на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 6(42). – С. 7-13.
9. Коломиец С. М. Эволюция государства как социальной системы // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 4(20). – С. 27.
10. Кононов И. Ф., Хобта С. В., Шудло С. А. Зазеркалье региональной системы Украины: Донбасс – Галичина // PolitBook. – 2015. – № 3. – С. 6-34.
11. Морозов И. Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XX – начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: автореф. дисс. ... д. полит. н. – Саратов, 2010. – С. 22-23.
12. Мохов В. П. Деградация элит: проблема анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-2(50). – С. 134-138.
13. Нестерчук О. А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. – 2015. – № 2. – С. 84-103.
14. Регресс // Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 389.
15. Сафонов А. Л. Этническая фрагментация наций в эпоху глобализации: социально-философские аспекты // Философская мысль. – 2015. – № 6. – С. 26-59.
16. Сергеев С. М. Сталинизм как регресс // Вопросы национализма. – 2014. – № 19. – С. 205-226.
17. Скиперских А. В. Вызовы провинциального протеста // Свободная мысль. – 2011. – № 12. – С. 45-50.
18. Тестемидану Н. А., Спринчан С. Л. К вопросу о необходимости обоснования политической биоэтики // Биоэтика. – 2014. – № 2(14). – С. 10-15.
19. Тысячина А. Д. Диалектика прогресса и регресса в развитии общества // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2013. – № 1(7). – С. 21-29.
20. Федин А. Н. Элементы социального регресса в концепции Р. Генона и их актуальность в России XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8-1(34). – С. 199-202.
21. ФСБ: теракт в Москве планировали, чтобы помешать операции РФ в Сирии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/13oct2015/fsb.html> (дата обращения: 13.10.2015).
22. Шульц Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «арабской весны» // Международные процессы. – 2015. – № 1(40). – Т. 13. – С. 90-96.

Ерофеева Н. В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ

В статье анализируются подходы к пониманию сущности политической стабильности. Дается определение основным компонентам. Сфокусировано внимание на комплексности понятия «политическая стабильность». Показаны взаимосвязи между стабильностью политической системы, политическими институтами, политическим режимом и политической стабильностью.

Ключевые слова: политическая стабильность, стабильность и развитие государства, политическая наука, политическая система, политические подсистемы, политические режимы, политические институты.

Erofeeva N. V. POLITICAL STABILITY: MAIN COMPONENTS AND THEIR RELATIONSHIPS

The article analyzes approaches to understanding the essence of political stability. The definition of the main component is given. Focus on the complexity of the concept of «political stability» is made. The relationship between the stability of the political system, political institutions, political regime and political stability are shown.

Keywords: political stability, stability and development of the state, political science, the political system, the political subsystem, political regimes, political institutions.

Ерофеева Н. В.

Проблема политической стабильности всегда была в центре интереса исследователей еще до момента возникновения и формирования политологии как отдельной отрасли гуманитарного знания. При этом политическая стабильность рассматривалась как часть стабильности общественной системы. Политическая стабильность – основная оставляющая стабильности развития государства¹.

Термин «стабильность» (от лат. *stabilis* – устойчивый, постоянный) означает упрочение, приведение в постоянное устойчивое состояние или поддержание этого состояния, например, обеспечение постоянства каких-либо процессов. В теории систем под стабильностью системы подразумевается ее способность функционировать, не изменяя собственную структуру, и продолжать находиться в равновесии. В общетеоретическом плане близкими к понятию «стабильность» выступают такие категории, как «неизменность» и «устойчивость».

Можно выделить три основных подхода к пониманию устойчивости и стабильности. В первом случае они применяются в качестве характеристик разных состояний политики – статического и динамического соответственно².

Политическая стабильность определяется как «система связей между различными политическими субъектами, для которой характерны определенная целостность и способность эффективно реализовывать возложенные на нее функции», причем реализовывать их «длительное время без резких изменений»³. В социальном контексте стабильность представляется сочетанием прогресса и социальной солидарности, ба-

ланса сил основных политических факторов⁴. Иными словами, стабильность есть состояние развития при общественном консенсусе по отношению к тому, по каким правилам развитие проходит. Определение устойчивости в основном дается с позиций системного анализа, характеризуя «способность системы восстанавливать нарушенное равновесие» в рамках «стратегических, исторических ее измерений»⁵.

Пожалуй, наиболее популярными подходами к анализу политической стабильности выступают системный и институциональный подход.

Системный подход накладывает ограничения на объект своего применения. Система есть «совокупность элементов, претерпевающих непрерывные изменения и формирующих единое целое, отношения между элементами образуют структуру, управляющую поведением системы». Поиск системной политической стабильности на территории России, исторически характеризующейся обилием физических, географических, экономических и пр. препятствий для создания единой государственной системы, содержит в себе равную долю научного оптимизма и исследовательского абсурда. Системный анализ полезен в приложении к политиям малых размеров или высокой гомогенности – ни тем, ни другим Россия не отличается, что неизбежно заставляет нас искать уровень агрегирования, нивелирующий большинство расколов российского общества – от географических, экономических и технологических до центр-периферийных, культурных и национальных.

Понятие института, напротив, предоставляет широкие возможности для применения. К исследованию институтов, сводятся достаточно много моделей исследования политической стабильности. Институт легко идентифицировать – хотя бы как то, на что можно «указать пальцем» – и наличие или отсутствие соответствующих институтов можно считать по-

1 Жириков А. А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ). – М.: Ин-т массовых коммуникаций, 1996. – 390 с.

2 Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теорет.-прикладн. анализ). – М.: Агентство «Инфомарт», 1996. – 305 с.

3 Соболева И. В. Перспективы политической стабильности в России: интерпретация снижения интереса к проблемам стабильности в 2008–2009 гг. сквозь призму институционального подхода. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2010/09/08/1219562544/Соболева_Перспективы%20политической%20стабильности%20в%20России.pdf (дата обращения: 12.10.2015).

4 Паутова Л. А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология, методология, методы, математические модели. – 2004. – № 19. – С. 32–66.

5 Гришин О. Е. Технологическое обеспечение устойчивости политической системы // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 16. – С. 26–30.

казателем текущей стабильности. Мы подразумеваем под институтами политической стабильности совокупность правил, позволяющих координировать действия в ходе принципиальных общественных изменений; их содержание может серьезно различаться, но нас интересует, каким требованиям должны отвечать институты политической стабильности.

Таким образом, мы – в традициях социологии коммуникаций, а не системного анализа – примем в качестве объекта воспринимаемую политическую стабильность, стабильность как совокупность институтов и фактических показателей, а не системное свойство. Вопросом исследования в таком случае становится возможное влияние изменений в восприятии стабильности на институты, ее составляющие.

Обеспечение политической стабильности представляет собой сохранение действующих институтов власти, существующих ролей, ценностей, а также основных функций политической системы в условиях изменяющегося общества. При этом важен учет экспектакционного подхода⁶ к деятельности государства (например, в области образования), так как информационное воздействие на массовое сознание позволяет динамично изменять установки, убеждения населения (например, использование негативного контента в отношении властных структур⁷).

Институты становятся объектом анализа в большом количестве теоретических построений: теориях модернизации, легитимности, изучения гражданского общества, в парадигмах исторического институционализма и пр. Первое необходимое свойство институтов политической стабильности – наличие общественного консенсуса по поводу их содержания. Классическая работа по политической стабильности С. М. Липсета ограничивается изучением демократических режимов, однако обоснованная в работе «многомерность» политической стабильности представляется нам полезной. Формула Липсета – в сочетании легитимности и эффективности управленческих структур (в первую очередь речь идет об экономической эффективности). Только в этом случае проведение реформ опирается на общественный консенсус по поводу эффективных институтов, что и является залогом стабильности.

В работе С. Хантингтона политические организации различаются по «уровню политической институционализации и уровню вовлеченности населения в политику». «Стабильность любого общества зависит от соотношения между уровнем политической активности населения и уровнем политической институционализации... С возрастанием политической активности должны возрастать также сложность, автономия, адаптивность и согласованность политических институтов общества – если мы хотим, чтобы политическая стабильность сохранялась»⁸. Наличие общественного консенсуса предполагает предсказуемость институтов политической стабильности. Непредсказуемость институциональной сферы, ее несочетаемость и логическая несогласованность с соответствующими институтами в прошлом наносит прямой удар по стабильности в настоящем.

В современном мире быстрого протекания общественных реформ и перестройки общественных отношений все большую роль играет возможность обеспечения стабильности политической системы, от которой зависит успешность и эффективность проводимых государством трансформаций в общественной, политической, экономической и других сферах жизнедеятельности государства.

Как отмечают Л. Н. Алисова и З. Т. Голенкова, категорию «стабильность» правомерно применять для характеристики достаточно сложных систем, которые сохраняют свою идентичность и функционируют в условиях относительной нестабильности⁹. Стабильность всегда связана с внутренней логикой развития системы, с ее структурой и порядком взаимодействия ее составных частей, с параметрами и вектором их совместного движения и контролируемых изменений. Последние происходят, как правило, в соответствии с природой той или иной конкретной системы, то есть носят «естественный» для нее характер.

Политическая система – это организованная совокупность отношений политических субъектов, связанных с осуществлением власти. Взаимодействие следующих политических подсистем организует политическую целостность всей политической системы: институциональной, нормативной, коммуникативной, культурной и функциональной.

Стабильность политической системы можно исследовать с помощью структурно-функционального анализа¹⁰, а также неинституциональной парадигмы. Дестабилизацию политической системы можно проследить через следующие аспекты:

- системный (включает в себя закономерности и тенденции целостного, комплексного развития политической системы в обществе и устойчивости всех институциональных форм реализации властных полномочий);

- когнитивный (основывается на разумном и рациональном распределении властных полномочий и наличии у каждого субъекта политической системы достаточно полной информации о событиях и процессах, происходящих в обществе, и механизме принятия и согласования решений на различных уровнях политического управления по стабилизации ситуации);

- функциональный (формируется из планов и программ субъектов политической системы и учитывает возможные и реальные результаты политической деятельности в обществе)¹¹.

Политический режим определяет способ осуществления власти, функционирование политических институтов и отношений, динамику политической системы, а также соотношение между собой власти и общества, кто контролирует и обеспечивает достижение целей и реализацию интересов правящей элиты¹². Как подчеркивают американские политологи Г. О'Доннел и Ф. Шмиттер, политический режим – это совокупность явных или скрытых структур, «которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей, используемые ими ресурсы и стратегии...». Понятие «политический режим» яв-

9 Алисова Л. Н., Голенкова З. Т., Иванов В. Н. и др. Политическая социология. – М.: Мысль, 2000. – 196 с.

10 Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 34.

11 Нисевич Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 1(6). – С. 68-80.

12 Савушкина О. В. Парламентаризм как фактор устойчивого развития и политической стабильности российского общества // Вопросы политологии. – 2011. – № 1. – С. 33-41.

6 Нестерчук О. А. Государственная политика современной России в области Высшего профессионального образования. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Российский государственный социальный университет. – Москва, 2009.

7 Никипорец-Такигава Г. Ю. Агрессия в языке СМИ – опыт статистического анализа // Язык, сознание, коммуникация. – 2006. – № 33. – С. 56-65.

8 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 83.

ляется важнейшим в европейской политологии, в отличие от американской, отдающей предпочтение по фундаментальности категории «политическая система». Политический режим – явление более подвижное, чем политическая система – ее эволюция может осуществляться в течение смены нескольких политических режимов.

Политический режим вырабатывает и осуществляет внутренний и внешний политический курс. По мнению Ж.-Л. Кермона все политические режимы имеют общие черты:

- 1) Осуществление власти через принцип легитимности.
- 2) Существование структуры институтов.
- 3) Наличие партийной системы и пр.

Стоит заметить, что независимо от сложившегося политического режима в стране, интересов и деятельности элит, деятельность политических институтов направлена на сохранение стабильности политической ситуации в государстве¹³.

Некоторые исследователи определяют политическую стабильность как стабильность политического режима (Д. Кауфманн, А. Краай, М. Матруцци). По их мнению, уровень политической стабильности можно определить через «вероятность того, что правительство, находящееся у власти, может быть дестабилизировано или свергнуто возможными неконституционными и/или насильственными мерами, включая терроризм».

По степени управляемости общественными процессами (одной из характеристик политических режимов) политические режимы можно условно разделить на стабильные, средне стабильные и крайне нестабильные. У каждого из перечисленных видов есть свои возможности управления обществом, резервы и ресурсы регулирования общественных порядков, способности к самосохранению и развитию. Стабильность политического режима представляет собой сложное явление, включающее такие параметры, как сохранение системы правления, утверждение гражданского порядка, сохранение легитимности и обеспечение эффективности управления. При этом критериями и индикаторами стабильности режима могут являться длительности нахождения правительства или правящей партии у власти, его опора на политические партии, представленные в законодательных органах, уровень многопартийности, соотношение сил в парламенте¹⁴ и т.д.

От качества реагирования элит и взаимодействия основных субъектов политики, эффективности деятельности властных структур, способности политического руководства и гражданского общества в целом адекватно и совместно отвечать на вызовы и конфликты в обществе, решать насущные задачи и других условий и факторов во многом зависит сохранение устойчивости и стабильности политической системы.

Можно сделать вывод, что политическая стабильность государства зависит от стабильности:

- 1) политических институтов;
- 2) политической системы;
- 3) политического режима;
- 4) образования политической элиты.

В заключение стоит обобщить, что политическая стабильность – это сложное социально-политическое явление, зависящее от целого ряда факторов, иногда слабо поддающихся

прогнозированию, а также от управленческой деятельности основных субъектов политической системы. Особое внимание уделяется позиции, деятельности, и уровню согласованности интересов политической элиты, которая ответственна за принятие основных политических решений.

Приставленный библиографический список

1. Алисова Л. Н., Голенкова З. Т., Иванов В. Н. и др. Политическая социология. – М.: Мысль, 2000. – 196 с.
2. Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теорет.-прикладн. анализ). – М.: Агентство «Информарт», 1996. – 305 с.
3. Гришин О. Е. Технологическое обеспечение устойчивости политической системы // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 16. – С. 26-30.
4. Жириков А. А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ). – М.: Ин-т массовых коммуникаций, 1996. – 390 с.
5. Иванов В. Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Ч. 2 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2012. – № 1. – С. 7-12.
6. Нестерчук О. А. Государственная политика современной России в области Высшего профессионального образования. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Российский государственный социальный университет. – Москва, 2009.
7. Никипорец-Такигава Г. Ю. Агрессия в языке СМИ – опыт статистического анализа // Язык, сознание, коммуникация. – 2006. – № 33. – С. 56-65.
8. Нисневич Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 1(6). – С. 68-80.
9. Паутова Л. А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология, методология, методы, математические модели. – 2004. – № 19. – С. 32-66.
10. Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 34.
11. Савушкина О. В. Парламентаризм как фактор устойчивого развития и политической стабильности российского общества // Вопросы политологии. – 2011. – № 1. – С. 33-41.
12. Соболева И. В. Перспективы политической стабильности в России: интерпретация снижения интереса к проблемам стабильности в 2008–2009 гг. сквозь призму институционального подхода. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2010/09/08/1219562544/Соболева_Перспективы%20политической%20стабильности%20в%20России.pdf (дата обращения: 12.10.2015).
13. Толочко А. В., Фоменко С. С. Особенности конституционного регулирования деятельности и практическая эффективность института парламентаризма в современной России // PolitBook. – 2013. – № 3. – С. 108-109.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 83.

13 Иванов В. Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Ч. 2 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2012. – № 1. – С. 7-12.

14 Толочко А. В., Фоменко С. С. Особенности конституционного регулирования деятельности и практическая эффективность института парламентаризма в современной России // PolitBook. – 2013. – № 3. – С. 108-109.

Златанов Б. Г. МОДЕРНИЗАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Рассмотрена модернизация в политической системе с учетом противоречий в мировом политическом процессе. Акцентировано внимание на противоречиях в политической модернизации. Доказано, что вектор развития политической модернизации может привести не только к положительному результату, что требует постоянного контроля со стороны лиц, находящихся на уровне принятия решений с целью минимизации негативных явлений. Формирование и распространение идеологии, ценностей, отвечающих интересам большинства населения страны, способно обеспечить эффективность политической модернизации.

Ключевые слова: политический процесс, политическая модернизация, политическая система.

Zlatanov B. G. MODERNIZATION IN POLITICAL SYSTEM

Modernization in political system is considered in the article with due regard for contradictions in world political process. The attention is paid to contradictions in political modernization. It is proved that the vector of development of political modernization can lead not to positive result only, which demands a constant control from the persons at the decision-making level for the purpose of minimization of the negative phenomena. Formation and distribution of ideology, the values which meet the interests of most of the population of the country is capable to provide efficiency of political modernization.

Keywords: political process, political modernization, political system.

Мировой политический процесс развивается противоречно. Большинство стран мира ощущают не только мировой экономической кризис, но и последствия от санкционной политики, инициированной США и странами Западной Европы в отношении России¹. В идеале модернизация должна быть направлена на улучшение благосостояния большинства граждан. Общеизвестно, что на процесс формирования общественно-политических институтов оказывали и пытаются оказывать влияние западные фонды и международные гражданские организации. По сути, большинство данных организаций были трансплантированы извне при финансовой поддержке зарубежных партнеров². Руководства данных структур полагали, что мировая общественность наряду с лидерами западных стран окажет поддержку трансформационным преобразованиям во всех сферах жизнедеятельности и, прежде всего, в экономической³. Взаимодействие различных органов как государственной власти, так и институтов гражданского общества, с другими акторами политического процесса в будущем внесет определенную ясность в отношении реальных интересов, преследуемых со стороны своих партнеров, и переосмысления взаимодействий с ними с целью защиты своих интересов⁴.

Политическое реформирование органически связано с процессом политической модернизации. Потребность в обновлении политической сферы жизнедеятельности общества, которая практически всегда нуждается в совершенствовании,

1 Буренко В. И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 17. – С. 9–14.

2 Шумилов А. В. Модернизация общества и электоральные процессы: проблемы и подходы // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 6. – С. 220–225.

3 Ласка А. Основные детерминанты государственной инновационности // PolitBook. – 2015. – № 1. – С. 93–110.

4 Матвеев Ю. И. Модернизационные стратегии для современной России // Социология власти. – 2012. – № 3. – С. 185–190.

Златанов Б. Г.

приводит к политической модернизации общества, вхождению той или иной страны в современную цивилизацию.

Необходимо согласиться с позицией исследователей научной школы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Е. Г. Морозовой, Л. Н. Тимофеевой, О. Ф. Шабровым в отношении политической модернизации, которую рассматривают как более широкое понятие, включающее в себя процессы реформирования отдельных структур общественно-политической системы⁵. Политическая модернизация является более радикальным процессом изменения политической системы, чем простое реформирование ее отдельных элементов. Это не просто ее улучшение, а придание ей неких новых характеристик. Политическое реформирование в процессе политической модернизации представляет собой чрезвычайно важный компонент. Именно политическое реформирование позволяет приводить все политические институты в состояние, соответствующее изменившимся условиям жизни общества, достигая той или иной страной новых позитивных достижений, направленных на повышение благосостояния граждан.

Общеизвестно, что политическая модернизация предполагает ряд конструктивных подходов, учитывающих специфику конкретного государства и невозможность прежней политической системы самостоятельно справиться с вызовами времени и решением актуальных задач.

Понятие политической модернизации акцентирует внимание на аспекте улучшения, усовершенствования политических институтов, общественно-политических институтов, и тем самым отличается от понятий «политическое развитие», «трансформация», «политическое реформирование», кото-

5 Морозова Е. Г., Фалина А. С. Модернизация как концепт современной политологии // Государственная служба. – 2013. – № 1 (81). – С. 79–83; Тимофеева Л. Н. Политическая модернизация и формирование элиты госуправления в России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3. – № 3. – С. 113–118; Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // PolitBook. – 2014. – № 4. – С. 178–189.

рые более нейтральны по отношению к динамике политического процесса. Политическая модернизация ориентирует общество и его политическую сферу на совершенствование, продвижение вперед, на разработку и реализацию новых целей, задач, приоритетов, стратегий.

Опираясь на достижения мировой социально-политической мысли в осмыслении опыта политической модернизации в разных обществах, необходимо отметить возрастание способности политической системы постоянно и успешно адаптироваться к новым общественно-политическим реалиям, формирование новых институтов на политическом поле государства, обеспечивающих каналы для эффективного диалога между властными структурами и населением. При этом происходит расширение политического участия в политической жизни различных групп населения, рационализация власти и политической бюрократии, постоянное усовершенствование нормативной и ценностной систем общества⁶.

Политическая модернизация позволяет системе быстрее адаптироваться, при этом действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне⁷. Любое общество, вступая в контакт с более развитыми обществами и культурами и сопоставляя собственные параметры с характеристиками данных обществ, вынуждено модернизироваться, чтобы не потерпеть поражения в состязании с опередившими его и не оказаться в зависимости от них, в конце концов, чтобы улучшить своё качество жизни. При этом политическая модернизация не обязательно приводит к положительным результатам⁸. Особенно риски возрастают в условиях мирового экономического кризиса, а также отсутствия четкой стратегии взаимодействий среди основных мировых политических акторов.

Традиционным объектом исследования процесса политической модернизации является политическая система. По нашему мнению, процесс политической модернизации выходит за рамки политической системы, ибо изменение одной сферы общества всегда отражается на функционировании его других сфер. Следовательно, проблема политической модернизации общества относится не к отдельным политическим институтам или элементам политического процесса, а к целостности социально-политической системы, подразумевающей наличие совокупности структур и отношений, характеризующихся единством и функциональной взаимозависимостью.

Для эффективного осуществления политической модернизации современного общества важно сформулировать концепцию развития, которая предполагала бы осуществление преобразований в русле современных глобальных политических процессов и в то же время учитывала собственный культурный капитал, ментальность, идентичность, особенности исторического развития. Формирование и распространение идеологии, ценностей, отвечающих интересам большинства населения страны, способно обеспечить эффективность политической модернизации.

Политическая модернизация общества, согласно исследователю Е. В. Лисеенко, должна включать следующие направления: модернизацию существующих политических институтов и структур; совершенствование законодательной базы; совершенствование всей сферы жизнедеятельности общества, связанной с развитием гражданского общества⁹.

Общеизвестно, что современные социально-политические процессы характеризуются стремительными и масштабными изменениями. Это требует от исследователей не только выявления основных тенденций изменения, но и развития политической теории — критического рассмотрения теоретических понятий в конкретной общественной ситуации и переосмысления их в связи с изменением исторических условий. Несмотря на критику модернизационного подхода в последнее десятилетие, понятие политической модернизации используется современными исследователями для изучения направленности и глубины преобразований, происходящих в политической сфере общества.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // *Youth World Politic.* – 2014. – № 2.
2. Бронников И. А. Политическое пробуждение в информационном обществе // *PolitBook.* – 2015. – № 2.
3. Буренко В. И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // *Вестник Университета (Государственный университет управления).* – 2012. – № 17.
4. Златанов Б. Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // *Знание. Понимание. Умение.* – 2015. – № 1.
5. Ласка А. Основные детерминанты государственной инновационности // *PolitBook.* – 2015. – № 1.
6. Лисеенко Е. В. Политическая модернизация общества: зарубежный опыт и его адаптация к украинским условиям // *Перспективы.* – 2006.
7. Матвеев Ю. И. Модернизационные стратегии для современной России // *Социология власти.* – 2012. – № 3.
8. Морозова Е. Г., Фалина А. С. Модернизация как концепт современной политологии // *Государственная служба.* – 2013. – № 1 (81).
9. Тимофеева Л. Н. Политическая модернизация и формирование элиты госуправления в России // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование.* – 2010. – Т. 3. – № 3.
10. Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // *PolitBook.* – 2014. – № 4.
11. Шумилов А. В. Модернизация общества и электро-ральные процесс: проблемы и подходы // *Вестник Чувашского университета.* – 2006. – № 6.

6 Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // *Youth World Politic.* – 2014. – № 2. – С. 41–51.

7 Златанов Б. Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // *Знание. Понимание. Умение.* – 2015. – № 1. – С. 70–77.

8 Бронников И. А. Политическое пробуждение в информационном обществе // *PolitBook.* – 2015. – № 2. – С. 33–147.

9 Лисеенко Е. В. Политическая модернизация общества: зарубежный опыт и его адаптация к украинским условиям // *Перспективы.* – 2006. – С. 75–80.

Иванова Е. А.

БЛОГОСФЕРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются некоторые подходы к пониманию блогосферы. Автор, опираясь на технологический подход в политической сфере, рассматривает типы блогов, способы и методы взаимодействия политика и аудитории, акцентирует внимание на аспектах эффективности функционирования политиков-блогеров в современном политико-коммуникационном пространстве.

Ключевые слова: блог, блогосфера, блогер, политик, политическая коммуникация, Интернет.

Ivanova E. A.

BLOGOSPHERE AS A TOOL OF THE PROFESSIONAL POLITICAL COMMUNICATION

The article analyzes some of the approaches to understanding of the blogosphere. The author, based on the technological approach in the political sphere, considers the types of blogs, techniques and methods of interaction between politics and the audience, focuses on aspects of the functioning of politicians-bloggers in the contemporary political and communication space.

Keywords: blog, blogosphere, blogger, politician, political communication, Internet.

Иванова Е. А.

Исследование проблем, подходов, особенностей, возможностей использования блогосферы в качестве политической технологии формирования и функционирования политического пространства, коммуникации и взаимодействия граждан, их групп и политических акторов разного уровня является достаточно новым направлением для российской политической науки¹. Так, например, К. О. Квятковский и О. Ф. Русакова полагают, что «дискурс политической блогосферы представляет собой интересный объект для научного исследования, к которому применимы разнообразные методологические подходы», по их мнению, «взаимодополняющими могут стать компаративный подход и теоретическое моделирование, структурно-функциональный и конструктивистский, возможны иные сочетания»². В свою очередь, Г. А. Акопов считает, что реализуемые новые виды интернет-коммуникации позволяют вывести демократию на более высокую качественную ступень, давая раскрыть потенциал для обмена информацией и прямого доступа к ней, при этом значительно сужая возможности существования авторитарных режимов³. Ю. И. Нестеренок акцентирует внимание на практике создания и использования политических блогов в различных контекстах политического участия, имиджа политической элиты, результативности взаимодействия граждан и бюрократии⁴. Д. Ш. Усманова отмечает, что «для российских регионов блогосфера часто остается единственной площадкой для свободного выражения мыслей и мнений», особенно для субъектов с авторитарными тради-

циями⁵. Е. В. Кудряшова возлагает на блогосферу надежды, связанные с повышением политического сознания граждан⁶. П. В. Ушанов заключает, что с изменением правового поля Российской Федерации необходимо блогосферу трактовать и регулировать как средства массовой информации⁷. О. Е. Гришин и А. Э. Соколова, анализируя современные информационно-коммуникационные технологии, выделяют важность участия и активность политических лидеров в формировании репутационного капитала государства посредством блогосферы⁸. Некоторые исследователи убедительно демонстрируют перспективы эффективного использования блогосферы, указывая на прямую пропорциональность реализации сетевых принципов (прежде всего установление неиерархических связей между участниками политического процесса, обмен информационными ресурсами) и степени учета в коммуникативных стратегиях конвергентных и интерактивных свойств современной политико-коммуникативной среды⁹. В связи с конвенциональностью и полипарадигматичностью современной политической науки существуют и другие интерпретации, взгляды и подходы к сути этого явления. На наш взгляд, политологии еще предстоит в будущем в полной мере исследовать блогосферу и ее воздействие на политические процессы. Мы солидарны с утверждением, что важно анализировать блогосферу и ее значимые свойства для осуществления паритетного

1 Авцинова Г. И., Анохин М. Г., Беляева В. П. и др. Технологии политической деятельности: опыт, проблемы, приоритеты // Под общ. ред. О. Е. Гришина, Г. И. Авциновой. – М.: РГСУ; АПКППРО, 2011. – С. 102.

2 Квятковский К. О., Русакова О. Ф. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосфера // Социум и власть. – 2011. – № 3. – С. 74.

3 Акопов Г. Л. Интернет-технологии и формирование «электронной демократии» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 4. – С. 159–170.

4 Нестеренок Ю. И. Власть и политические блоги: проблемы взаимодействия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2013. – № 3. – С. 200–206.

5 Усманова Д. Ш. Региональная блогосфера как дискуссионная политическая и социальная площадка (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 3–16.

6 Кудряшова Е. В. Степень влияния блогосферы на российский политический процесс // Современная наука и инновации. – 2015. – № 1(9). – С. 158–163.

7 Ушанов П. В. Русскоязычная блогосфера в национальной системе СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 1. – С. 143–145.

8 Гришин О. Е., Соколова А. Э. Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникационные технологии // PolitBook. – 2013. – № 2. – С. 106–116.

9 Анохин М. Г., Бочанов М. А., Ваховский А. М., Глебов В. А., Гришин О. Е., Давыдов В. Н., Матвеев Д. О., Молодчая Е. Н. Политика. XXI век. Инновационные технологии: монография / под общ. ред. М. Г. Анохина, В. М. Платонова, О. Е. Гришина. – М.: РУДН, 2013. – С. 57.

управления информационными процессами между государством и обществом, опираясь на опыт и достижения технологического подхода¹⁰. В этой связи она может быть представлена эффективным «инструментом для создания условий благополучия граждан, защиты их прав и свобод, успешной самореализации в постиндустриальном обществе»¹¹.

Существует достаточно много видов блогов. Наиболее популярные пишутся. Но известность получили блоги с роликами (часто размещённые на сервисе Youtube.com) – video blog (vlog), fotoblog, где главным материалом являются фотографии, linklog, где размещены ссылки на другие материалы, опубликованные в интернете, а также audiolog (podcasting), где размещаются, прежде всего, аудиоматериалы, tubeblog, где размещается краткая информация со смешанными типами сообщений (фотографии, podcasting, wideo, текст)¹².

Блоги можно ранжировать с точки зрения типа опубликованных сообщений (в 2010 г. было определено, что существует 152 млн зарегистрированных блогов¹³) на:

- личные, где люди описывают свои переживания, воспоминания или делятся с родственниками и друзьями фотографиями;

- бизнес – делятся по профессиональным категориям, например, юристы, посредники в недвижимости и т.п.

- школьные – ученики делятся информацией, но также это служит местом «встреч» с учителями, где могут задаваться дополнительные задания или развиваться интересы;

- non-profit – блоги неправительственных организаций, благодаря которым увеличивается самосознание общества и которые служат инструментом сбора средств на общественную деятельность;

- политические, где политическую реальность комментируют парламентарии, общественные деятели или кандидаты на выборах;

- спортивные, где собираются фанаты определённых видов спорта или клубов;

- тематические – для поваров, знатоков моды и т.п.¹⁴.

Сейчас политические блоги подразделяют на три группы:

- лиц, не связанных профессионально с политикой;

- самих политиков;

- публицистов, которые занимаются описанием политических событий и их комментариями¹⁵.

Блогосфера – это объединение связанных между собой сайтов, которые создают общественную сеть. В ней собираются авторы с похожими интересами, политическими и общественными взглядами. Благодаря общим интересам, блогеры создают контент на основе существующих интернет-платформ, где обмениваются взглядами, мнениями и иногда советами.

Блогосфера как инструмент позволяет формировать настроения и изучать мнения блогеров по отношению к раз-

личным сферам жизнедеятельности общества, рекламировать идеи, символы, взгляды, создавать аргументационную базу для решения существующих политических проблем, внедрять агентов PR-влияния, осуществлять обратную связь, взаимодействовать с определенной (выделенной) аудиторией, с целью создания позитивного (негативного) имиджа политических акторов, проводить мониторинг общественного мнения и т.п. С другой стороны, влияние блогов не стоит преувеличивать. Ряд исследователей относят блоги к неформальным каналам политической коммуникации, наряду со слухами, сплетнями, анекдотами. С помощью этих каналов создаётся, как правило, «объёмный» фон по отношению к существующему политическому режиму, государству в целом, в виртуальном пространстве¹⁶.

Политический блог может эффективно использоваться для создания образа политика. Со времени, когда Интернет стал одним из наиболее популярных инструментов поиска информации, он стал также местом проведения политических дискуссий. Благодаря блогам политики могут представлять своё мнение, обличать несправедливость власти или хвалить правящие круги. Ведение блога в настоящее время уже является необходимостью. Не важно, будет ли блог писаться, или это будет видео- или фотоблог.

Успешные политики, как правило, реализуют профессиональную коммуникацию, потому что действуют во взаимодействии со специалистами из сферы маркетинга, обращаясь к исследованиям общественного мнения, и благодаря этому влияют на решения избирателей. Очевидным фактом является профессионализация мира политики, политические акторы стремятся к углублению своих коммуникационных навыков, благодаря которым хотят играть такую же роль, как и журналисты. Третьим фактором является функционирование политиков под давлением новых технологий, в чём они усматривают шанс в обход СМИ, как селекционеров и модераторов, передаваемых через них мнений и информации занять их место¹⁷.

По мнению польского политолога Д. Норемберга, благодаря названным выше качествам, политик в своём блоге может писать любые сообщения и любым способом, иногда «непарламентарным» языком, в связи с чем может «достучаться» к более широкой аудитории. Самая важная черта блога – это то, что каждый может комментировать пост политика, задать ему вопрос и получить ответ, имеется полная интерактивность. Политик-блогер может, благодаря этому, создать свою блогосферу, которая будет функционировать в Интернете, а со временем может перенестись в реальный мир. Примером этого процесса, который был перенесён в реальный мир, стал «Клуб Ронина» в Польше, объединивший консервативных политиков и публицистов¹⁸. Это блог, который вёл публицистами, комментирующими политическую жизнь в Польше. Авторы блога встречаются с читателями из разных частей страны, обговаривая актуальные проблемы, экономику и общественную жизнь.

Таким образом, блог политика сближает обычного человека и политического актора, и это происходит благодаря

10 Гришин О. Е. Технологический подход в российской политической науке: сущность, становление, проблемы // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 75–84.

11 Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 100.

12 Types of blog. URL: <http://library.thinkquest.org/06aug/01826/types.html> (дата обращения: 10.07.2015).

13 Internet 2010 in numbers. URL: <http://royal.pingdom.com/2011/01/12/internet-2010-in-numbers> (дата обращения: 15.07.2015).

14 Types of Blogs. URL: <http://en.wordpress.com/types-of-blogs> (дата обращения: 15.07.2015).

15 Dorenda M. Blogosfera w polityce / Nowe nowe media we współczesnym świecie // Jeziński M., Seklecka A., Wojtkowski Ł. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. – С. 236.

16 Гришин О. Е., Соколова А. Э. Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникационные технологии // PolitBook. – 2013. – № 2. – С. 106–116.

17 Biniewicz J. Blogosfera w polityce / Nowe nowe media we współczesnym świecie // Jeziński M., Seklecka A., Wojtkowski Ł. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. – С. 218.

18 Klub Ronina. URL: <http://www.blogpress.pl/taxonomy/term/6960> (дата обращения: 16.07.2015).

публикации более личной информации, открытии фрагмента частной жизни. Блог очень помогает при создании образа политика, как один из его инструментов, хотя и трудно определить его эффективность. Политики заинтересованы в функционировании блогов, в том числе в условиях широкой медиатизации современной политической коммуникации.

Пристатейный библиографический список

1. Авцинова Г. И., Анохин М. Г., Беляева В. П. и др. Технологии политической деятельности: опыт, проблемы, приоритеты // Под общ. ред. О. Е. Гришина, Г. И. Авциновой. – М.: РГСУ; АПКИППРО, 2011.
2. Квятковский К. О., Русакова О. Ф. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы // Социум и власть. – 2011. – № 3.
3. Акопов Г. А. Интернет-технологии и формирование «электронной демократии» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 4.
4. Нестеренок Ю. И. Власть и политические блоги: проблемы взаимодействия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2013. – № 3.
5. Усманова Д. Ш. Региональная блогосфера как дискуссионная политическая и социальная площадка (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2015. – № 2.
6. Кудряшова Е. В. Степень влияния блогосферы на российский политический процесс // Современная наука и инновации. – 2015. – № 1(9).
7. Ушанов П. В. Русскоязычная блогосфера в национальной системе СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 1.
8. Гришин О. Е., Соколова А. Э. Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникационные технологии // PolitBook. – 2013. – № 2.
9. Анохин М. Г., Бочанов М. А., Ваховский А. М., Глебов В. А., Гришин О. Е., Давыдов В. Н., Матвеев Д. О., Молодчая Е. Н. Политика. XXI век. Инновационные технологии: монография / под общ. ред. М. Г. Анохина, В. М. Платонова, О. Е. Гришина. – М.: РУДН, 2013.
10. Гришин О. Е. Технологический подход в российской политической науке: сущность, становление, проблемы // PolitBook. – 2013. – № 4.
11. Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – № 1.
12. Types of blog. URL: <http://library.thinkquest.org/06aug/01826/types.html> (дата обращения: 10.07.2015).
13. Internet 2010 in numbers. URL: <http://royal.pingdom.com/2011/01/12/internet-2010-in-numbers> (дата обращения: 15.07.2015).
14. Types of Blogs. URL: <http://en.wordpress.com/types-of-blogs> (дата обращения: 15.07.2015).
15. Dorenda M. Blogosfera w polityce / Nowe nowe media we współczesnym świecie, // Jeziński M., Seklecka A., Wojtkowski Ł. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011. – с.236.
16. Гришин О. Е., Соколова А. Э. Формирование репутационного капитала государства: инновационные информационно-коммуникационные технологии // PolitBook. – 2013. – № 2.
17. Biniewicz J. Blogosfera w polityce / Nowe nowe media we współczesnym świecie, // Jeziński M., Seklecka A., Wojtkowski Ł. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2011.
18. Klub Ronina. URL: <http://www.blogpress.pl/taxonomy/term/6960> (дата обращения: 16.07.2015).

<p>АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ</p> <p>Баранов В.А., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Бунова А.В., к.ю.н., доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Волкова Н.С., к.ю.н., ученый секретарь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Еремичева О.Ю., научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Петухова О.Н., д.ю.н., доцент, профессор кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Путило Н.В., к.ю.н., заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Райлин А.И., к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Середа А.В.</p>	<p>Содержательная защита семьи: совершенствование механизма правового регулирования</p>	<p>BUSINESS COURT ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p> <p>СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ</p> <p>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</p> <p>Ежемесячное пособие на ребенка</p> <p>Материнский (семейный) капитал</p> <p>Условия и порядок предоставления жилья</p> <p>Особенности предоставления земельных участков многодетным семьям</p> <p>Правоприменительная практика</p> <p>Зарубежный опыт</p>
<p>BUSINESS COURT</p> <p>ООО «ДЕЛОВОЙ ДВОР» 119571, г. Москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 9 Тел./факс (499) 749-77-16 www.del-dvor.ru del_dvor@bk.ru</p> <p>9 785915 501583</p>		

Леонтьева О. В.

КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Исследован состав, качество и эффективность политической элиты. Доказано, что используемая в России модель может быть заимствована другими государствами, а нормативно-правовое закрепление состава политической элиты оказывает положительное влияние на выработку критериев оценки элиты. Предложена авторская методика измерения эффективности элиты.

Ключевые слова: политическая элита, качество политической элиты, эффективность политической элиты.

Leontyeva O. V.

CRITERIA OF QUALITY AND EFFICIENCY OF POLITICAL ELITE

The structure, quality and efficiency of political elite are investigated. It is proved that the model used in Russia can be borrowed by other states, and statutorization of structure of political elite can have positive impact on development of criteria of an elite assessment. The author's technique of measurement of elite efficiency is offered.

Keywords: the composition of political elite, political elite's quality, political elite's effectiveness.

Леонтьева О. В.

В современном мире вопрос качества и эффективности политических элит является дискуссионным. Достаточно сказать, что нередко ставится под сомнение вопрос о том, можно ли вообще использовать термин «политическая элита» применительно к правящим общественно-политическим группам на постсоветском пространстве либо же в России у власти находится фактически «и.о. элиты», а максимум составляют «чиновники, которые имитируют своей деятельностью политическую практику»¹.

Политологами В. И. Буренко и А. В. Шумиловым справедливо указывается на то, что оценка качества и эффективности политических элит должна строиться на системе критериев², которые сочетали бы в себе как эмпирические, так и теоретические составляющие. Без наличия такой системы критериев любые оценки деятельности элиты могут стать или апологетикой, или свестись к критике, не основанной на объективных основаниях³.

Чрезвычайно актуальным в связи с этим является и вопрос о том, кого именно относить к политической элите, т.е. о том, кто является оцениваемым субъектом. В литературе господствующими являются два подхода – «структурно-функциональный» и «нормативный», хотя большинство авторов сходятся во мнении относительно большего удобства в использовании структурно-функционального подхода, т.е. отнесении к политической элите лиц, занимающих определенные посты в государственной иерархии и способных принимать общегосударственные стратегические решения и (или) влиять на их принятие.

Тем не менее, согласимся с тем, что одного формального критерия (т.е. место в государственной иерархии и право

принимать решения) недостаточно для понимания сути процесса формирования политической элиты, а также оценки ее эффективности. Оценка эффективности при структурно-функциональном подходе отходит на второй план, поскольку те или иные лица и так являются частью политической элиты⁴.

Можно выделить два направления в преодолении трудностей, связанных с формальным определением круга лиц, принадлежащих к политической элите, а также с выработкой критериев качества и эффективности политической элиты. По нашему мнению, определение круга лиц, входящих в политическую элиту на основе системного, обоснованного подхода, и выработка критериев качества и эффективности политической элиты взаимно детерминируют, дополняют друг друга⁵.

Первым направлением мы считаем формально-юридический подход, который применен в российском законодательстве. Решение российского законодателя стало ответом на вызов «десуверенизации» элиты, вследствие чего в России было объявлено о курсе на «национализацию» политической элиты, т.е. снижение ее зависимости от возможного влияния со стороны иностранных государств и т.п.

Практическим шагом в данной сфере стало принятие Федерального закона Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». В российском экспертном сообществе закон так и был назван – «закон о национализации элит». Посредством перечисления категорий должностных лиц, подпадающих под действие данного Закона, российский законодатель фактически регламентировал состав политической элиты – прежде всего по структурно-функциональному признаку и праву тех или иных лиц принимать общегосударственные решения.

1 Карабущенко П. Л. Элиты, неэлиты и псевдоэлиты современной демократии // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 73.

2 Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. – 2012. – № 4.

3 Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквозиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // Youth World Politic. – 2014. – № 2. – С. 41–51.

4 Крючков В. А., Сквозиков А. К., Титова О. Н. Политическая элита: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-8. – С. 1736–1740.

5 Сквозиков А. К. Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия // Политика и общество. – 2010. – № 10. – С. 15–23.

В соответствии с Законом № 79-ФЗ к руководству страны в ее функциональном понимании относятся лица, замещающие (занимающие):

- а) государственные должности Российской Федерации;
- б) должности первого заместителя и заместителей Генерального прокурора Российской Федерации;
- в) должности членов Совета директоров Центрального банка Российской Федерации;
- г) государственные должности субъектов Российской Федерации;
- д) должности федеральной государственной службы, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации или Генеральным прокурором Российской Федерации;
- е) должности заместителей руководителей федеральных органов исполнительной власти;
- ж) должности в государственных корпорациях (компаниях), фондах и иных организациях, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Президентом РФ или Правительством РФ;
- з) должности глав городских округов, глав муниципальных районов,
- а также иные лица в соответствии с федеральными законами.

Функциональный подход позволяет определить состав политической элиты на основе объективного критерия – т.е. места того или иного лица в иерархии властных структур. Есть все основания полагать, что по мере развития схожих тенденций на постсоветском пространстве (в частности, борьба с коррупцией среди высшего управленческого звена) аналогичные правовые акты будут приняты и в других государствах, где присутствуют схожие проблемы⁶. Считаем, что конкретный перечень высших должностных лиц, для которых будут устанавливаться те или иные законодательные требования, вполне может считаться правовым определением политической элиты, и его фиксация может иметь серьезное позитивное воздействие на эффективность антикоррупционных мероприятий.

Такой подход законодателя позволяет определить политическую элиту как совокупность лиц, занимающих ведущие позиции в государственно-властных институтах политического механизма и непосредственно взаимосвязанных с ними структурах, что позволяет им принимать решения, касающиеся всего общества, или влиять на принятие/непринятие таких решений, распределять основные общественные ресурсы, но при этом нести ответственность за принимаемые решения, как перед населением, так и перед другими государственными и (или) общественными институтами. Иными словами, политическая элита – это верхняя страта политического класса, под которым мы понимаем более широкую структуру, включающую в себя весь государственный аппарат, а также иных политических акторов (политические партии, журналисты, эксперты, а также политически активные общественные деятели, интеллектуалы и пр., способные влиять на общественное мнение, восприятие им политических решений и т.д.).

6 См.: Матвеев Ю. И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. – 2014. – № 4. – С. 107–134; Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // PolitBook. – 2014. – № 4. – С. 178–189.

Вопрос о качестве и эффективности политических элит является весьма дискуссионным, в значительной степени из-за того, что оценка качества управленческой деятельности не всегда может быть измерена объективными критериями и (или) показателями⁷.

В связи с этим мы считаем целесообразным разделять понятия «качества» и «эффективности» политической элиты.

В нашем представлении качество является более объективным показателем, который традиционно определяется как соответствие оцениваемого объекта различным требованиям или ожиданиям. Эффективность – более оценочное, субъективное понятие, которое основывается на персональном восприятии теми или иными лицами (экспертами, журналистами, населением в целом) деятельности политической элиты по достижению стоящих перед ними целей. Как справедливо отмечается, в самом общем плане эффективность государственного управления может рассматриваться как «отношение чисто положительных результатов (превышение желательных последствий над нежелательными) и допустимых затрат как увеличение отдачи на единицу ресурса в единицу времени»⁸. Тем не менее, в рамках настоящей работы мы рассматриваем данные понятия как синонимы.

При этом мы разделяем мнение о том, что сложность оценки эффективности системы государственного управления определена отсутствием в государственно-политическом сегменте единого универсального критерия оценки, которым в бизнесе выступает прибыль; результат деятельности политической элиты, как правило, трудно поддается измерению; оценка деятельности политической элиты сопряжена со значительным числом измерений (в сфере политики, экономики, государственного управления и т.п.)⁹.

В литературе предлагаются различные подходы к оценке качества и эффективности деятельности политической элиты. Так, В. И. Буренко отмечает, что качество государства, выполнение им своих функций – это то, что отражает эффективность деятельности политической элиты. В свою очередь, эффективность правящего класса – это его результативность, проявляющаяся в функционировании государственного механизма, осуществлении им внешне- и внутривластных функций¹⁰. Базовые функции любого государства определяются на высшем нормативном уровне – в конституции.

По мнению А. В. Дуки, важным критерием качества элиты является ее открытость/закрытость, а снижение возможностей для попадания в политическую элиту со стороны представителей других общественно-политических групп рассматривается им как показатель, негативно влияющий на качество политической элиты.

Качество государственного управления в странах проекта «Восточное партнерство» определяется через систему следующих показателей: надежность и предсказуемость (правовые рамки); открытость и транспарентность; ответственность; эффективность; при этом эффективность измеряется посред-

7 Сквиков А. К. Газтано Москва об акторах политического управления и власти // PolitBook. – 2012. – № 4. – С. 104–115.

8 Гаман-Голутвина О. В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 226.

9 Там же.

10 Буренко В. И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2011. – № 20. – С. 18–23.

ством условий для ведения бизнеса и обоснованности государственных расходов¹¹.

Безусловно, спектр критериев к оценке качества и эффективности политической элиты не исчерпывается приведенными выше. Существуют и иные модели, сформулированные в науке и в прикладных исследованиях, в том числе в качестве методологии для различных рейтингов¹².

Подытоживая рассмотренные нами модели и идеи, считаем целесообразным группировать критерии качества и эффективности политических элит по следующим основным группам:

1) собственно политические (свобода рекрутирования, наличие консолидирующей идеи, соблюдение базовых политических свобод, суверенитет элит, т.е. отстаивание ими интересов своего государства; независимость СМИ);

2) «математические», т.е. составленные на основе различных индексов/рейтингов (доверие населения; соотношение благосостояния населения и высших должностных лиц; оценки рейтинга коррупции и т.д.);

3) организационно-правовые (зависимость зарплаты представителей государственного аппарата от установленных в законодательстве критериев эффективности; открытость сведений об имуществе высших должностных лиц; независимость судебной власти, возможность контроля гражданского общества)

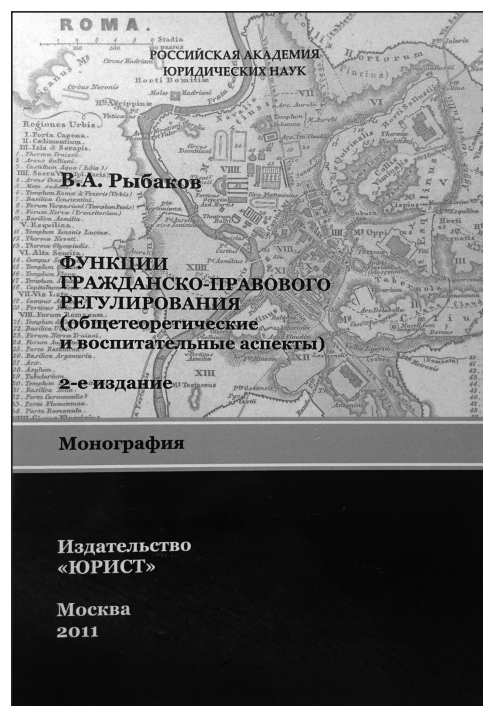
4) иные (уровень культуры и образования политической элиты и пр.).

Вместе с тем вопрос о целесообразности тех или иных критериев не может существовать в отрыве от принципиально важного вопроса об ответственности представителей политической элиты. Иными словами, если эти, как и любые иные критерии качества и эффективности политической элиты, не могут быть применены на практике, тогда их востребованность существенно снижается. Важнейшей формой такой ответственности должна выступать собственно политическая ответственность, т.е. исключение того или иного лица из состава политической элиты в связи с его неэффективностью. Нельзя также исключать и применения иных форм ответственности, прежде всего юридической, за соответствие критериям качества и эффективности. В этом контексте, как нам представляется, проявляется взаимосвязь критериев и нормативного закрепления состава политической элиты в законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // Youth World Politic. – 2014. – № 2.
2. Буренко В. И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2011. – № 20.
3. Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. – 2012. – № 4.

4. Гаман-Голутвина О. В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
5. Златанов Б. Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1.
6. Карабущенко П. Л. Элиты, неэлиты и псевдоэлиты современной демократии // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / [под ред. Пляйса Я.А.]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
7. Крючков В. А., Сквиков А. К., Титова О. Н. Политическая элита: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-8.
8. Матвеев Ю. И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. – 2014. – № 4.
9. Сквиков А. К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти // PolitBook. – 2012. – № 4.
10. Сквиков А. К. Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия // Политика и общество. – 2010. – № 10.
11. Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // PolitBook. – 2014. – № 4.
12. Public Administration in EU Eastern Partners: Comparative Report, 2013 // Estonian Center of Eastern Partnership. – 2013. November. – № 14.

11 Public Administration in EU Eastern Partners: Comparative Report, 2013 // Estonian Center of Eastern Partnership. – 2013. – November. – № 14. – Р. 6.

12 Златанов Б. Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 70–77.

Макухин А. В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША

В статье рассматривается организация системы органов местного самоуправления в республике Польша на сегодняшний день. В качестве важных особенностей, которые напрямую влияют на успешное функционирование органов местного самоуправления, выделяются его четко прописанный правовой статус и разграничение предметов ведения, закрепленные в высшем законе – Конституции страны.

Ключевые слова: Польша, конституция, местное самоуправление, субсидиарность, гмина, повят, воеводство, экономическое развитие.

Makuhin A. V.

POLITICAL AND JURIDICAL ASPEKTS OF FUNCTION THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM IN POLAND

The article describes organization system of local government in Poland. As important features that directly affect the successful operation of local authorities, the author points out their clearly defined legal status and differentiation of terms of reference set out in the supreme law – the Constitution.

Keywords: Poland, the Constitution, local self-government, subsidiarity, commune (gmina), county (powiat), province (województwo), economic development.

Макухин А. В.

В польском государстве вопрос о применении концептов субсидиарности, «local democracy» и как следствие этого – принципа приоритета развития гражданского общества и прав граждан над иерархической пирамидой различного рода государственных органов стал актуален уже в конце 1989 года, когда в государстве были проведены первые, на тот момент ещё «частично свободные» выборы. Новым парламентом был принят закон о местном самоуправлении, который вступил в свою силу уже в январе 1990 года. Одним из важных черт этого закона стал тот факт, что сама совокупность жителей, населяющих основную территориальную единицу (гмину) стала обладать правовым статусом¹.

Кроме того, в принятой уже в 1997 году новой Конституции Республики Польской были закреплены в качестве основополагающих принципы «общественного диалога», а также «принцип субсидиарности, укрепляющий права граждан и их сообществ»². Таким образом, политико-правовой принцип субсидиарности, как один из определяющих в системе взаимоотношений институтов публичной власти и гражданского общества, напрямую закреплен в ныне действующей Конституции государства, принятой в 1997 году.

Стоит также отметить, что в Конституции Польши все институты власти, не относящиеся к высшим, общегосударственным институтам четко обозначаются как «органы публичной власти, а такие институты Сейм, Сенат, Президент и Верховный Суд, обозначаются как "органы государственной власти"». Таким образом, происходит символическое "сращивание" органов власти с органами самоуправления через определение их "публичности". Это подтверждается также отдельными статьями Конституции, согласно которым "территориальное устройство Польского государства обеспечивает децентрализацию публичной власти"³, а также прямым указанием на тот факт, что «территориальное самоуправление участвует в осуществлении публичной власти. Принадлежащую в рамках законов часть публичных задач самоуправление выполня-

ет от собственного имени и под свою ответственность»⁴. При этом, система местного самоуправления никак не отделяется от системы органов государственной власти, за исключением вышеупомянутых высших государственных институтов. Более того, система местного самоуправления должна выполнять все публичные задачи и осуществлять все полномочия, которые законодательно прямо не закреплены за какими-либо другими органами государственной власти⁵. Таким образом, можно утверждать, что система местного самоуправления в Польше отличается от подобных систем в других стран Центральной и Восточной Европы именно своим достаточно широким диапазоном предметов ведения.

Кроме того, в конституционных нормах закреплены собственные задачи местного самоуправления, которые определяются как «публичные задачи, служащие удовлетворению потребностей самоуправляемого сообщества»⁶. При этом конституционная норма определяет также и источники основного финансирования системы институтов самоуправления – это освоение «публичных доходов», то есть всех видов доходов, которые поступают в бюджет органов самоуправления.

Кроме того, именно низовой уровень местного самоуправления – «гмина» (пришедшее от немецкого *gemeinde* – община), согласно законам страны, является не только институтом в системе местной власти, но и юридическим лицом (в статусе самоуправляемого сообщества), которое обладает безусловным и неоспоримым правом собственности и распоряжения всеми муниципальными землями и сопутствующим имуществом, а также обладает правом первоочередного распределения местного бюджета. Таким образом, в польской системе распределения финансов, действует принцип «распределения снизу», а не «распределения сверху», как, например, это происходит в Российской Федерации⁷.

Таким образом, гмина в Польше является не только малым государственным институтом, но и общественной, экономической и правовой формой организации. Главной задачей

1 Глебов В. А., Макухин А. В. Роль местного самоуправления в становлении гражданского общества в республике Польша // Полис. – 2015. – №4. – С. 114-122.

2 Конституция Республики Польши, преамбула. Цит. по: Конституции государств Европы. – М.: Норма, 2001.

3 Конституция Республики Польша. Ст. 15.

4 Конституция Республики Польша. Ст. 16.

5 Конституция Республики Польша. Ст. 163.

6 Конституция Республики Польша. Ст. 166.

7 Андреева И. А. Реформа местных органов власти и территориального самоуправления в Польше (1990 г.) // Реформы местного самоуправления в странах Западной Европы / Отв. ред. Маклаков В. В. – М.: ИНИОН, 1993. – С. 92-110.

такой организации становится оказание всех необходимых и востребованных услуг гражданам, проживающих в рамках того или иного сообщества.

Кроме гминного уровня, по итогам второй реформы системы местного самоуправления, осуществлённой в 1999 году, в Польше организованы два иерархически более высоких уровня – это уровень повятов и уровень воеводств. До реформы 1999 года эти уровни также существовали, но фактически выполняли только функции государственной власти. При этом один из самых веских доводов, которые приводили сторонники расширения системы местного самоуправления посредством введения нескольких уровней – это весьма заметные достижения гмин как юридических лиц, обладающих правом ведения финансово-экономической деятельности, благодаря чему они смогли внести весомый вклад в формирование доходной части бюджета Польши и увеличения таких параметров как занятость населения, а также объём ВВП страны⁸.

Однако, в отличие от гмины, повяты и воеводства занимают только непосредственно той сферой задач, которая прописана в законе о местном самоуправлении республики Польша от 1999 года. Для повятов такими задачами являются поддержка социально важных учреждений, таких как больницы, школы, а также пожарные, полицейские и налоговые службы. Для воеводства основной задачей является формирование политики регионального развития, которая должна способствовать максимально эффективному использованию всех видов ресурсов, которыми обладает тот или иной воеводский регион. Таким образом, между полномочиями гмины, повяты и воеводства в Польше не происходит конфликта, и разграничение предметов ведения между этими органами местного самоуправления в этом случае является крайне четким и не допускающим двойственного толкования. Фактически всю деятельность органов местного самоуправления любого уровня можно разделить согласно пяти основным приоритетным направлениям: социальная помощь, образование, здравоохранение, развитие инфраструктуры (в том числе и информационной) а также развитие культуры и общества. Важно отметить, что выполнение задач в любой из этих сфер может быть осуществлено не только непосредственно органами местной власти, но и любыми другими юридическими лицами, на основе договорных отношений между ними и органом самоуправления соответствующего уровня. Так, например, местное медицинское учреждение, которое обслуживает жителей определенной гмины, может быть самостоятельным хозяйствующим субъектом, который будет управляться наёмным менеджером, назначаемым бургомистром (высшее лицо гмины). При этом жители данной гмины не станут объектами коммерческой деятельности такого предприятия – так как для них медицинские услуги, предоставляемые данным предприятием будут льготными или бесплатными⁹.

Немаловажным является также тот факт, что именно к сфере приоритетов воеводского самоуправления относятся программы экономического развития, повышения инвестиционного привлекательности и развитие инновационных технологий. Это также является отличимым фактором, который характерен именно для польской модели взаимоотношения государственных институтов между собой – в рамках этой модели приоритеты развития для государства выстраиваются в первую очередь, «на местах» и затем только систематизируются и актуализируются «центром». При этом все уровни органов местного самоуправления занимаются также выполнением специальных задач, которые ставятся по отношению к ним центральными органами власти. Как правило, такие задачи устанавливаются соответствующими правовыми актами и обеспечиваются определенным уровнем субвенций (финансовых поступлений) на выполнение конкретных задач, которые подлежат строгой

отчётности и возврату в случае, если данные задачи не были выполнены). Как правило, для уровней повяты и воеводства основные субвенции со стороны государства направляются на поддержку сфер среднего и высшего образования¹⁰.

Стоит отметить, что в законодательстве Польши прописан также порядок применения санкций по отношению к органам местного самоуправления, которые не исполняют (или исполняют ненадлежащим образом) возложенных на них задач. За первое нарушение выполнения своих непосредственных обязанностей, органу местной власти выносится предупреждение от лица премьер-министра страны с описанием недостатков, которые должны быть исправлены в конкретный срок. В случае, если по итогам этого срока недостатки по-прежнему не были исправлены, премьер-министр имеет право введение особого порядка управления по отношению к неэффективному органу самоуправления, путем назначения Комиссара по специальному управлению, который может осуществлять управление данным органом на более двух лет для исправления всех выявленных в его работе недостатков.

В качестве заключения стоит отметить, что процесс реформирования (а фактически – полной перестройки по сравнению с положением времен Польской Народной Республики) системы органов местного самоуправления в Польше, прошел весьма успешно и последовательно, и результатом этой целенаправленной работы и стала высокая эффективность принципа «гминного самоуправления». Однако даже на сегодняшний день преждевременным будет говорить о полном завершении процесса формирования максимального эффективного взаимодействия общества и публичной власти. Так, по оценке Союза польских метрополий (организации, занимающейся координацией взаимоотношений на уровне крупных городов), окончательное складывание системы самоуправления произойдет не ранее 2020–2025 годов, что связано с постепенным преодолением некоторых ментальных барьеров среди основной массы населения¹¹.

Пристатейный библиографический список

1. Глебов В. А., Макухин А. В. Роль местного самоуправления в становлении гражданского общества в республике Польша // *Полис*. – 2015. – №4. – С. 114-122.
2. Конституция Республики Польша // Конституции государств Европы / под общ. ред. Л. А. Окунькова, в 3-х томах. – М.: Норма, 2001.
3. Андреева И. А. Реформа местных органов власти и территориального самоуправления в Польше (1990 г.) // Реформы местного самоуправления в странах Западной Европы / Отв. ред. Маклаков В. В. – М.: ИНИОН, 1993. – С. 92-110.
4. Hula R. C. The state reassessed: The privatization of local politics. In the new localism, *Comparative Urban Politics in a Global Era*. – Edited by E.G. Goetz and S.E. Clarke, Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 22-45.
5. Swianiewicz P. Reforming Local Government in Poland: Top-Down Bottom-Up Processes // N. Kersting and A. Vetter (eds.) *Reforming Local Government in Europe*, Opiaden: Lrske+Budrich, 2003. – P. 283-309.
6. Pollitt C. and Bouckaert G. Public management reform. A comparative analysis. – Oxford University Press: Oxford, 2000. – P. 69.

8 Глебов В. А., Макухин А. В. Роль местного самоуправления в становлении гражданского общества в республике Польша // *Полис*. – 2015. – №4. – С. 114-122.

9 Hula R. C. The state reassessed: The privatization of local politics. In the new localism, *Comparative Urban Politics in a Global Era*. – Edited by E.G. Goetz and S.E. Clarke, Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 22-45.

10 Swianiewicz P. Reforming Local Government in Poland: Top-Down Bottom-Up Processes // N. Kersting and A. Vetter (eds.) *Reforming Local Government in Europe*, Opiaden: Lrske+Budrich, 2003. – P. 283-309.

11 Pollitt C. and Bouckaert G. Public management reform. A comparative analysis. – Oxford University Press: Oxford, 2000. – P. 69.

Мальшева А. С. ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

В статье рассматриваются основные факторы становления неолиберализма в странах Западной Европы и США. Особое внимание уделяется принципам и особенностям неолиберализма как политико-правовой теории, а также деятельности её отдельных представителей.

Ключевые слова: неолиберализм, коллоквиум Липпмана, Общество Мон-Пелерин, стагфляция, социальные программы.

Malysheva A. S. FACTORS OF FORMATION OF WESTERN NEOLIBERALISM AS A LEGAL AND POLITICAL THEORY

The article examines the main factors of formation of neoliberalism in the countries of Western Europe and the United States. Particular attention is paid to the principles and features of neoliberalism as a legal and political theory, as well as the activities of its individual members.

Keywords: neoliberalism, Lippman colloquium, Mont Pelerin Society, stagflation, social programs.

Мальшева А. С.

Проблема взаимодействия государства, права и экономики является актуальной не только для общей теории экономики, но и для всей теоретико-правовой науки. Рассматривая методологические проблемы взаимодействия права и экономики в эпоху глобализации, И.Л. Честнов отмечает, что существующие тенденции глобализации «приводят к необходимости пересмотреть основные принципы организации социума как такового и его отдельных подсистем – экономики, права, политики. В частности, нуждается в пересмотре господствующее сегодня неолиберальное по своей сути представление об экономике, ее роли в мире и связях с другими социальными подсистемами»¹.

Теоретические модели соотношения государства, права и экономики исторически формировались в поисках оптимального соотношения между экономической свободой и экономическим равенством людей. Среди моделей соотношения государства, права и экономики наиболее обобщенно можно выделить две основные: этатистскую и либеральную.

Этатистская модель – концепция государственного регулирования экономики с помощью правовых инструментов и непосредственного участия государства в функционировании хозяйственной системы страны в качестве доминирующего субъекта. Ради совершенствования человека государство может вмешиваться во все сферы жизни, в том числе и в частную. В Германии идеология этатизма была разработана в XVII в. немецким философом Христианом Вольфом. Этатистская модель соотношения экономики, права и государства предполагает, что право есть концентрированное выражение политики, а политика – концентрированное выражение экономической структуры общества.

Либеральная модель – концепция невмешательства государства и права в экономику. Истоки либеральной идеологии находятся в трудах Дж. Локка, А. Смита, Ш. Монтескье, Д. Юма, Вольтера, И. Канта, Г. Гроция, Д. Дидро и других мыслителей.

На рубеже XIX – XX вв. либеральная идеология Запада подверглась изменениям, появились новые версии основных либеральных идей, оформившихся в 20–30-е гг. XX в. в виде «нового» либерализма (неолиберализма). Как отмечает Н.А. Веденина: «Наряду с традиционным индивидуализмом в либеральной идеологии начинают появляться коллективистские и этатист-

ские моменты; неолиберальные концепции, формирующиеся в это время, стремятся обосновать и осуществить регулирование со стороны государства экономической и социальной жизни, создать государство «всеобщего благоденствия»².

Термин «неолиберализм» изначально был связан с именем Фридриха Августа Хайека, который родился в Вене в 1899 г. Ф. А. Хайек считался критиком социалистических течений, противником Джона Мейнарда Кейнса. Дж. М. Кейнс предполагал государственное стимулирование совокупного спроса через повышение занятости за счет проведения активной бюджетной и денежно-кредитной политики³. Противники кейнсианства скооперировались еще до Второй мировой войны в 1938 г. на коллоквиуме Уолтера Липпмана в Париже. Результатом проведенной конференции стало одобрение основных принципов неолиберализма, таких как: необходимость государственного содействия в возвращении правил свободной конкуренции; обеспечение государством выполнения правил свободной конкуренции всеми хозяйствующими субъектами; приоритет частной собственности, свободы сделки и свободных рынков может быть пересмотрен только в случаях войн и катастроф⁴.

После Второй мировой войны последовал следующий шаг в развитии неолиберализма: организация Фридрихом фон Хайеком в 1947 г. в Швейцарии общества Мон-Пелерин⁵, в состав которого входили Милтон Фридман, Вальтер Ойкен, Людвиг фон Мизес, Майкл Полани, Карл Поппер и другие. Сторонники господства неолиберальных идей далеко выходят за национально-государственные ориентиры и организуют неолиберальный блок на транснациональной основе, прежде всего в сфере гражданского общества с различными научными центрами и институтами. Они участвовали в политических спорах и в процессе формирования научных теорий. Ф. Хайек исходил из того, что осуществление неолиберальных идей займет два поколения, и он оказался прав.

Неолиберализм стал доминирующей политико-правовой теорией в странах Западной Европы и США с 70-х годов XX в. В это время в экономике Запада наступает состояние стагфляции. Дефицитное финансирование стало причиной галопирующей инфляции, а неустойчивость мирового капиталистического хозяйства обусловила невозможность стабилизации экономики на-

1 Честнов И.Л. Методологические проблемы взаимодействия права и экономики в эпоху глобализации // Экономика и право: институциональный подход в обеспечении законности правопорядка, 28 марта 2008 г.: тезисы выступлений / науч. ред. В.В. Колесников. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008. – С.21.

2 Веденина Н.А. Современный политический либерализм и проблема социальной справедливости: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С.63.

3 Keynes J.M. The Economic Consequences of the Peace. – London, 1871.

4 Мишель Фуко. Рождение биополитики. – М.: Наука, 2010.

5 Официальный сайт Общества Мон-Пелерин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.montpelerin.org/montpelerin/home.html> (дата посещения: 10.09.2015 г.).

циональными средствами. До второй половины 1960-х годов для циклически развивающейся экономики характерным являлось то, что спад производства и депрессия вызывали понижение цен или тормозили их повышение. В 1970 г. безработица и инфляция в США достигли рекордного за послевоенный период уровня — 6% и 5,5% (до середины 1960-х годов инфляция не превышала 1–1,5%, а безработица — 2–2,5%). Похожая ситуация наблюдалась в этот период и в других развитых странах Запада — в ФРГ, Франции, Великобритании, Италии, Нидерландах, Канаде.

К стагнации может привести снижение производства из-за резкого изменения цены на сырье, важное для данной экономики, или одновременное замедление роста производства и рост цен могут быть результатом неверной экономической политики правительства. Именно этими причинами была вызвана глобальная стагнация 70-х годов XX в. Толчком к началу процесса послужил резкий подъем цен на нефть со стороны стран ОПЕК. В 1970-х ценообразование нефти перешло под контроль 12 стран ОПЕК, тогда на них приходилась половина добываемой в мире нефти. В результате действий ОПЕК в 1970–1974 годах цена на нефть выросла более чем в шесть раз. Гигантский ценовой скачок определялся экономикой (запросы стран-экспортеров и девальвация доллара) и геополитикой (нефтяное эмбарго 1973 г., арабо-израильская война). Ситуация усугубилась из-за неверной реакции национальных центральных банков, попытавшихся стимулировать рост за счет вложения в экономику денег, что привело лишь к бесконтрольному росту цен и зарплат. Кроме того, научно-техническая революция привела к резкому изменению номенклатуры изделий, их быстрой сменяемости, возрастанию роли мелкого и среднего бизнеса. Таким образом, существенно увеличилось количество объектов управления, приблизился порог управляемости. В этих условиях меры централизованного воздействия на экономику стали малоэффективными. В связи с этим кейнсианская теория подверглась критике.

Начиная с 1970 г. в странах Западной Европы и США возрастает уровень безработицы и инфляции. В мае 1979 г. премьер-министром Великобритании стала Маргарет Тэтчер. Ей был выдан мандат на усмирение профсоюзов и преодоление стагнации. В июле 1979 г. в США на пост Председателя Федеральной резервной системы был назначен Пол Волкер, который начал бороться с инфляцией и уже через два месяца изменил кредитно-денежную политику США. В 1980 г. президентом США был избран Рональд Рейган, который поддерживал деятельность Пола Волкера в Федеральном резерве, передал власть финансовым рынкам внутри США и на мировом уровне, проводил дерегулирование в промышленности, сельском хозяйстве и добывающих отраслях.

П. Волкер, Р. Рейган, М. Тэтчер проводили политику, опираясь на интересы и аргументы меньшинства, которые впоследствии стали доминирующей идеологией. Согласно нелиберальной политэкономической теории индивид может достигнуть благополучия, применяя свои предпринимательские способности в условиях свободного рынка, хотя и в определенных институциональных границах права собственности, свободного рынка и свободной торговли. Роль государства, которое призвано гарантировать надежность и целостность денег, состоит в создании и сохранении институциональных структур. Государство должно гарантировать обороноспособность страны, содержать армию и полицию. В обязанности государства входит формирование законодательных структур и выполнение всех функций, необходимых для охраны и соблюдения прав частной собственности, обеспечения правильной работы рынков. В тех областях, где до этого времени рынков не существовало, например, в области образования, здравоохранения, социального обеспечения, государство должно их создать посредством действий правительства. При этом государственное вмешательство в работу рынков должно быть минимальным. Падение Берлинской стены в 1989 г. привело к дальнейшему усилению и распространению нелиберальной теории, что стало очевидным благодаря применявшейся во многих государствах восточного блока «шоковой терапии», то есть радикальной приватизации при реструктуризации экономики⁶.

Наряду с переосмыслением отношений личности, общества и государства, в нелиберальной теории были пересмотрены отношения равенства и свободы. Если ранее приоритет отдавался свободе, существовало определенное противостояние между либеральными принципами и принципами эгалитаризма, предполагающими создание общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями, то в нелиберальных концепциях большее значение имеют умеренно эгалитаристские устремления. Западный нелиберализм ориентировался на социальный реформизм, примирение понятий равенства и свободы, этическое понимание социального блага, осознание совместимости идеала свободы с мерами по защите индивида. Теоретики нелиберализма предлагали гармонизировать социальные противоречия, примирить идеалы коллективизма с сохранением свободы при помощи государства, местного самоуправления, профсоюзов, кооперации, не преследуя при этом цель обобществить все средства производства.

Особенности теории нелиберализма были связаны с воплощением в жизнь идеи взаимных прав и обязанностей человека и государства, с пониманием равенства как равенства перед законом, предоставляющего равные шансы для каждого, с пониманием принципов правового государства, проводящего идею защиты личной свободы и учитывающего естественное неравенство и социальные различия, признающего законно гарантируемое право на образование, прожиточный минимум. Нелиберальная идеология подразумевает, что определенное государственное вмешательство в жизнь общества необходимо для уменьшения фактического неравенства, складывающегося между людьми в условиях свободной рыночной конкуренции. В целях наиболее полной реализации принципа равных возможностей представители нелиберальной теории выступают за осуществление государством регулирующих функций и расширение социальных программ.

Таким образом, теория нелиберализма формировалась под влиянием объективных экономических, политических и социальных факторов. Основные принципы нелиберальной теории были утверждены на конференции 1938 г. в Париже («коллоквиум Липпмана»). Развитию нелиберальной идеологии способствовала деятельность образованного в 1947 г. Фридрихом фон Хайеком общества Мон-Пелерин. Следующим фактором становления нелиберальной теории стала стагнация 1970-х годов и проводимая в связи с ее преодолением политика Маргарет Тэтчер, Пола Волкера и Рональда Рейгана. Падение Берлинской стены в 1989 г. стало также одним из факторов распространения и развития нелиберализма как политико-правовой теории.

Пристатейный библиографический список

1. Веденина Н. А. Современный политический либерализм и проблема социальной справедливости: дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2003.
2. Мишель Фуко. Рождение биополитики. — М.: Наука, 2010.
3. Честнов И. Л. Методологические проблемы взаимодействия права и экономики в эпоху глобализации // Экономика и право: институциональный подход в обеспечении законности правопорядка, 28 марта 2008 г.: тезисы выступлений / науч. ред. В.В. Колесников. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008.
4. Официальный сайт Общества Мон-Пелерин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.montpelerin.org/montpelerin/home.html> (дата посещения: 10.09.2015 г.).
5. Gunnar Zerowsky. Der Neoliberalismus als neuer Feind des Staates? Geschichte und Zukunft des Staates als politischer Institution, 2005.
6. Keynes J. M. The Economic Consequences of the Peace. — London, 1871.

6 Gunnar Zerowsky. Der Neoliberalismus als neuer Feind des Staates? Geschichte und Zukunft des Staates als politischer Institution, 2005.

Миннигулова Д. Б., Курманов А. С., Ишмуратов М. М.
**ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Коррупция как комплексное явление, присущее современному государственно-му управлению большинства стран мира, является одним из факторов, негативно влияющих на эффективность государственной власти. Поэтому политика государства по противодействию коррупции для предотвращения актов коррупции и минимизации их последствий на государственной службе, по мнению автора, требует внедрить особую систему оценки эффективности профессиональной деятельности государственных служащих и увязать ее с общей системой оценки их деятельности, с размером денежного содержания и т.п. В статье представлен подробный анализ современного российского законодательства как основного направления государственной политики по противодействию коррупции, в частности относительно антикоррупционной оценки деятельности государственных служащих, и предложены пути дальнейшего совершенствования законодательной базы России в данном управленческом кластере.

Ключевые слова: коррупция, политика государства, противодействие коррупции, политика государства по противодействию коррупции, государственная гражданская служба, государственный служащий, антикоррупционная оценка деятельности государственных служащих, коррупционно-опасные функции, коррупционные риски на государственной службе.

Minnigulova D. B., Kurmanov A. S., Ishmuratov M. M.
**STATE POLICY ON ANTI-CORRUPTION IN THE CIVIL SERVICE
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Corruption as a complex phenomenon inherent to modern governance in most countries is one of the factors adversely affecting the efficiency of the government. Therefore, the policy of the state to combat corruption for prevention of acts of corruption and minimization of their impact on the public service, in our opinion, needs to introduce a special system of assessing the effectiveness of the professional work of civil servants and to link it with the general system for evaluating their performance, the rate of salaries etc. The article provides a detailed analysis of the current Russian legislation as the main directions of state policy on combating corruption, in particular with respect to the anti-corruption assessment of civil servants and the ways to further improve the legal framework in the Russian managerial cluster.

Keywords: corruption, policy of government, anti-corruption policy of government, civil servant, anti-corruption evaluation of civil servants, corrupt dangerous functions, risks of corruption in civil service.

Противодействие коррупции как энтропия общественного развития приобретает особую актуальность в контексте государственного управления и реализации полномочий государственными органами, вот почему требуется четкая законодательная регламентация, связанная с возможностью выявить и пресечь коррупцию на этапе возникновения ее предпосылок.

В настоящее время в России государственная антикоррупционная политика достаточно широко демонстрирует имеющиеся механизмы по противодействию коррупции, к примеру, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, предупреждение коррупции, антикоррупционное образование и просвещение, борьба с коррупцией. Однако требует внимательного изучения такая важная часть политики государства по противодействию коррупции, которой уделено недостаточное внимание, как антикоррупционная оценка деятельности государственных гражданских служащих.

Анализ законодательства России позволил выявить имеющиеся механизмы антикоррупционной оценки деятельности государственных гражданских служащих:

- 1) проводится оценка коррупционно-опасных функций, при реализации которых могут возникнуть (существуют предпосылки для возникновения) коррупционные риски (коррупционно-опасные функции);
- 2) определяются перечни должностей государственной службы и должностей в государственных корпорациях, замещение которых связано с коррупционными рисками;
- 3) внедряются системы мониторинга исполнения должностных обязанностей государственными служащими и работниками государственных корпораций, деятельность которых

связана с коррупционными рисками.

Действующая система формирования антикоррупционной компетентности государственных служащих наряду с позитивными опытом, традициями, научным, образовательным, человеческим потенциалом не лишена определенных противоречий, которые не в полной мере обеспечивают ее соответствие растущим запросам общества и потребностям государственной службы в современных кадрах.

В существующей теории и практике подготовки государственных служащих возможно выделить следующие недостатки, относящиеся к антикоррупционной компетентности государственных служащих:

- отсутствие теоретически обоснованной целостной оптимизационной модели формирования антикоррупционной компетентности государственных служащих;
- отсутствие научно обоснованных критериев, показателей и уровней оценки антикоррупционной компетентности государственных служащих и их деятельности в контексте противодействия коррупции;

Миннигулова Д. Б.

Курманов А. С.

Ишмуратов М. М.

– дефицит практико-ориентированных, научно обоснованных образовательных программ, направленных на формирование конкретных аспектов антикоррупционной компетентности государственных служащих в соответствии с современными требованиями и задачами их профессиональной деятельности.

На основании мнений экспертов и анализа законодательной базы к наиболее эффективным методам противодействия коррупции необходимо отнести: повышение «транспарентности» всех проводимых государственных операций, сокращение дискреционных полномочий государственного служащего; выявление и предотвращение ситуации наличия у государственного служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов; заключение антикоррупционных соглашений между субъектами деловых отношений; формирование определенного психологического климата в коллективе государственного органа, обеспечивающего нетерпимость к коррупционным проявлениям; разработку программ внутриведомственных тотальных проверок; действующих этических кодексов поведения, за нарушение норм которых наступает юридическая ответственность.

Анализ направлений повышения антикоррупционного статуса государства позволяет выделить основные векторы стратегий:

- совершенствование антикоррупционного законодательства и ужесточение контроля за его исполнением, повышение риска наказания для лиц, допустивших коррупционные правонарушения;
- усиление экономических мер, направленных на повышение роли конкуренции и качества предоставляемых государственных услуг, минимизация потенциальной прибыли от коррупции, формирование дублирующих государственных структур, позволяющих оптимизировать конкретные административные процедуры;
- расширение и уточнение сферы внутреннего и внешнего контроля и надзора, использование внутренних механизмов и стимулов, существующих в самом аппарате управления государственного органа;
- создание специализированных органов, предназначенных для расследования нарушений законности в сфере государственной службы;
- создание реестров лиц, организаций, участвовавших в коррупционных событиях;
- исследование зон коррупционных рисков, оптимизация административного ресурса;
- формирование экспертного пула на корпоративном и государственном уровне, позволяющего компетентно оценивать прецеденты коррупционных рисков и профессионально соотносить должности лиц;
- идейно-нравственное возрождение общества, формирование позитивного репутационного ресурса государственной службы и ее сотрудников, совершенствование корпоративных принципов, этики делового поведения, обеспечение социальных гарантий государственным служащим;
- перманентно совершенствующаяся кадровая политика и система подготовки государственных служащих;
- создание дееспособного органа управления государственной службой;
- формирование системы материального поощрения антикоррупционного поведения государственных служащих;
- разработка и внедрение механизмов дифференциации ответственности за коррупционное поведение государственных служащих, в зависимости от степени коррупционности функций, которые они выполняют;
- проведение антикоррупционной экспертизы всех должностей, с целью снижения количества коррупционных рисков;
- систематизация и кодификация имеющейся нормативной правовой базы, сосредоточение усилий на подготовке комплексных мер предупреждения коррупции, отраженных в нормативных правовых актах;
- внедрение методики оценки коррупционных рисков.

В целом же общая логика модернизации и совершенствования процесса формирования антикоррупционной компетентности государственных служащих, по нашему мнению, должна представлять собой увеличение социальных гарантий и льгот для государственных служащих при одновременном

ужесточении наказаний для них, но разработанных на современной научной и рациональной основе.

Характеризуя законодательную базу современной России, следует отметить, что отсутствует федеральный закон, специально разработанный для оценки деятельности служащих в контексте противодействия коррупции на государственной службе (отсутствует специальное законодательство).

Вместе с тем указанная сфера представлена в Российской Федерации общими нормативными правовыми актами, которые тем или иным образом касаются антикоррупционной оценки деятельности государственных служащих, и эти акты возможно разделить на три основные группы:

1. Нормативные правовые акты, регулирующие противодействие коррупции (в том числе нормативные правовые акты об основах противодействия коррупции, программные акты о противодействии коррупции, о коррупционных правонарушениях, об органах, занимающихся расследованием таких правонарушений, об органах, в том числе общественных, занимающихся контролем и надзором в сфере противодействия коррупции), например, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

2. Нормативные правовые акты, регулирующие организацию и систему государственной службы (в том числе нормативные правовые акты *о системе, об отдельных видах государственной службы, об особых антикоррупционных мерах в сфере государственной службы*), например, Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

3. Подзаконные и локальные нормативные правовые акты, регулирующие практику реализации положений нормативных правовых актов, представленных в первых двух группах, которые в основном регламентируют такие вопросы как:

3.1. Проверка достоверности и полноты сведений, предоставляемых гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и соблюдения ограничений лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации.

3.2. Проверка достоверности и полноты сведений, предоставляемых гражданами, претендующими на замещение должностей государственной службы, и государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению.

3.3. Порядок сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации.

3.4. Порядок уведомления государственными служащими министерств и ведомств России представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и проверки содержащихся в них сведений.

3.5. Утверждение положения о «телефоне доверия» по вопросам противодействия коррупции министерств и ведомств Российской Федерации (или Порядок работы телефона «горячей линии» для приема сообщений граждан и юридических лиц по фактам коррупции; Порядок организации работы «телефона доверия» по вопросам профилактики и противодействия коррупции).

3.6. Порядок уведомления представителя нанимателя государственными служащими министерств и ведомств Российской Федерации о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов и принятия мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов.

3.7. Утверждение Перечня коррупционно опасных функций, выполняемых министерствами и ведомствами России (или Перечня функций, при реализации которых наиболее вероятно возникновение коррупции или Порядок оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций министерств и ведомств РФ).

3.8. Порядок поступления в комиссию по соблюдению требований к служебному поведению государственных слу-

жащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационную комиссию) государственного органа Российской Федерации обращения гражданина, замещавшего в государственном органе Российской Федерации должность государственной службы, включенную в перечень должностей, утвержденный нормативным правовым актом Российской Федерации, о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации.

3.9. Утверждение Этического кодекса государственных служащих министерства, ведомства, федеральной службы РФ или Кодекса этики и служебного поведения государственных служащих.

3.10. Утверждение порядка проведения и состав комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов на государственной службе.

Вместе с тем стоит отметить, что не только законодательно, но и организационно сопровождается процесс противодействия коррупции. Так, в отдельных министерствах и ведомствах созданы специальные антикоррупционные подразделения на основании Типового положения о подразделениях по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадровой службы федерального государственного органа (утв. Аппаратом Правительства РФ 18 февраля 2010 г. № 647п-П16), которые в том числе занимаются оценкой профессиональной деятельности государственных служащих в контексте противодействия коррупции, в частности это проявляется в проведении оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций, на основании Письма Минтруда России от 22 июля 2013 г. № 18-0/10/2-4077 «О проведении оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций» (вместе с Методическими рекомендациями по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций). Именно указанный локальный акт наиболее всех остальных конгруэнтен теме исследования и рекомендует государственным органам и государственным корпорациям из всего комплекса реализуемых ими функций выделить перечень тех функций, при реализации которых могут возникать (существуют предпосылки для возникновения) коррупционные риски (коррупционно-опасные функции).

Оценка коррупционных рисков заключается в выявлении условий (действий, событий), возникающих в ходе конкретного управленческого процесса, позволяющих злоупотреблять должностными обязанностями в целях получения, как для должностных лиц, так и для аффилированных лиц выгоды материального характера (имущество, услуги или льготы), а также иной (нематериальной) выгоды вопреки законным интересам общества и государства.

В этой связи в ходе проведения данной работы должны быть выявлены те административные процедуры, которые являются предметом коррупционных отношений, а также определена степень участия (широта дискреционных полномочий) должностных лиц в реализации коррупционно-опасных функций, учитывая, что степень такого участия является «высокой» для извлечения «коррупционной прибыли».

Результатом реализации вышеизложенных мероприятий станет сформированный (уточненный) перечень должностей в федеральных государственных органах и государственных корпорациях, замещение которых связано с коррупционными рисками. Предполагается, что утверждение данных перечней должно осуществляться руководителем федерального государственного органа, государственной корпорации после рассмотрения соответствующего вопроса на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

В соответствии с антикоррупционным законодательством лица, замещающие должности, включенные в обозначенный перечень должностей, обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера членов семьи.

Таким образом, федеральными государственными органами и государственными корпорациями будет определен круг должностных лиц, деятельность и имущественное положение которых являются объектом пристального внимания, как со стороны общественности, так и со стороны сотрудников кадровых служб, ответственных за работу по профилактике

коррупционных и иных правонарушений, что позволит осуществлять обоснованный контроль за благосостоянием данных должностных лиц и имущественным положением членов их семей. Они также определяют, что минимизация коррупционных рисков либо их устранение достигается различными методами: от реинжиниринга соответствующей коррупционно-опасной функции до введения препятствий (ограничений), затрудняющих реализацию коррупционных схем.

В целях недопущения совершения должностными лицами федеральных государственных органов и государственных корпораций коррупционных правонарушений или проявлений коррупционной направленности реализацию мероприятий, содержащихся в настоящих методических рекомендациях, необходимо осуществлять на постоянной основе посредством: организации внутреннего контроля за исполнением должностными лицами своих обязанностей, основанного на механизме проверочных мероприятий. При этом проверочные мероприятия должны проводиться как в рамках проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, так и на основании поступившей информации о коррупционных проявлениях, в том числе жалоб и обращений граждан и организаций, публикаций о фактах коррупционной деятельности должностных лиц в средствах массовой информации; использования средств видеонаблюдения и аудиозаписи в местах приема граждан и представителей организаций; проведения разъяснительной и иной работы для существенного снижения возможностей коррупционного поведения при исполнении коррупционно-опасных функций.

Также следует отметить, что пп. «б» п. 2 Указа Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» дополняет указанные методы мониторинга коррупционных проявлений путем обязанности Правительства Российской Федерации организовать внедрение в деятельность подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений компьютерных программ, разработанных на базе специального программного обеспечения «Справки БК» и «Справки ГС».

Кроме того, каждым государственным органом России ведется работа по: мониторингу правоприменения законодательства о противодействии коррупции (Методика мониторинга правоприменения законодательства о противодействии коррупции, разработанная Минюстом России); контролю за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции; повышению эффективности работы по безопасности и предупреждению коррупционных и иных правонарушений; антикоррупционному обучению федеральных государственных служащих.

Пристатейный библиографический список

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газета. – 2008. – 30 дек.
2. О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы: указ Президента Рос. Федерации от 11 апр. 2014 г. № 226 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 15. – Ст. 1729.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 14. – Ст. 2008.
4. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: указ Президента Рос. Федерации от 02. апр. 2013 № 310 // Рос. газета. – 2013. – 04 апр.
5. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции: федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ // Рос. газета. – 2012. – 05 дек.

Пищулина М. В.

ПРИНЦИП ОБРАТНОЙ СВЯЗИ КАК ОБЩИЙ ПРИНЦИП УПРАВЛЕНИЯ

В данной статье рассматривается концепция обратной связи как имманентного свойства любых систем, в том числе и общественных. Междисциплинарный анализ исследований в данной области, а также анализ системных концепций, разработанных политологами XX в., показывает наличие каналов обратной связи в системах органического и неорганического происхождения, а также в организме человека и в обществе в целом.

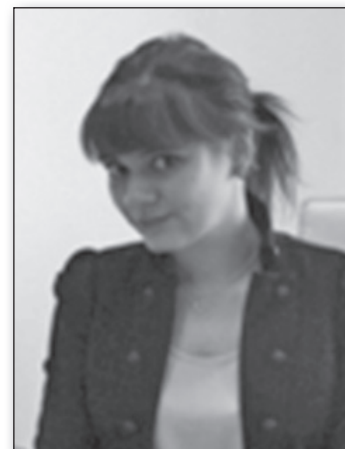
Ключевые слова: обратная связь, общая теория систем, кибернетика, управление.

Pishchulina M. V.

PRINCIPLE OF FEEDBACK AS GENERAL PRINCIPLE OF MANAGEMENT

This article discusses the concept of feedback as the integral property of all systems, including social systems. Cross-disciplinary analysis of researches in this area, as well as the analysis of system concepts developed by political scientists of the 20th century, shows the presence of feedback loops in the system of organic and inorganic origin, as well as in the human body and in social systems.

Keywords: feedback, general theory of systems, cybernetics, management.

Пищулина М. В.

В науке в целом есть множество парадигм, представляющих объект исследования как систему, что привело к появлению аналогий в функционировании машин и целенаправленной деятельности людей.

Так, сигналы, поступающие в средства связи, транслируются соответствующим образом или с отклонениями (ошибками), автоматические устройства стали способны не просто выполнять алгоритм, а обучаться усвоенной из внешней среды практике, чтобы использовать ее для адекватной реакции на новые вызовы. Компьютеры обладают «памятью» – запоминающим устройством.

Изучение человеческого организма привело к тому, что в теории наследственности применяется термин «кодирование информации», первоначально разработанный для технических средств связи.

Ряд ученых в середине XX в. поставили перед собой задачу найти общеорганизационные законы, которые будут действительны для различных типов систем – для механистических, социальных, биологических. В 1937 г. Л. Фон Берталанфи на семинаре по философии в Чикагском университете предложил концепцию, в основу которой легло допущение об изоморфизме законов, действующих в системах разного происхождения, порядка и уровня.

Затем Н. Винер вводит термин «кибернетика», определяя его как «науку об управлении в животном и машине».

Во время Второй мировой войны разработки общей теории систем применялись в вооружении для увеличения точности попадания снарядов в движущуюся цель. Именно в этот момент впервые особое внимание было уделено понятию «обратная связь», которое связывали с возможностью обучения машин тактике противника.

В послевоенное время У. Эшби публикует книгу «Введение в кибернетику», где подробно описывает возможности этой науки с точки зрения применения ее к человеческому организму, к психике, к мозгу. Однако, во-первых, он акцентирует внимание на ее применимости в различных областях человеческого знания, в том числе – в философии, а во-вторых, ставит новые задачи перед исследователями, которые трансформируются в новые гипотезы и теории.

Результаты исследований, полученные в точных и естественных науках, стали проникать в гуманитарную область как в виде аналогий, так и в виде новых разработок теорий, представлявших государство и общество схожим образом, а именно в виде системы¹.

Общезначимые предпосылки для формирования понятия «обратная связь» лежат в системном подходе к изучению любого объекта исследования. Очевидно, они начались с тезиса о том, что весь мир можно объяснить с помощью механического взаимодействия. Так, основоположник рационализма Р. Декарт разработал учение о субстанции. Столетием позже Ж. О. де Ламетри объяснял существование и функционирование человеческого организма через процессы в механике и использование законов движения. М. Вебер с помощью понятия «машина» стремился охарактеризовать предел бюрократизации общества. В классическом менеджменте человек прямо называется «винтиком» в машине.

Положение о возможности применения принципа обратной связи к социальным системам спорно, ряду ученых представляется, что обратная связь характерна для механистических систем. Действительно, политологические теории 40–60 г. XX в., разрабатывавшие системный подход применительно к социальным системам, подвергаются критике, однако современные работы Общества общих системных исследований показывают, что междисциплинарный барьер может быть преодолим. Более того, в современном мире, где мы существуем среди огромных потоков информации, сложных систем, иерархий повышается необходимость выведения общих законов, принципов управления. Системы становятся все более многосоставными, дополнительная сложность заключается в том, что они охватывают большое количество областей, где один человек не может быть специалистом. При этом крупные организации, корпорации, государства продолжают функционировать и совершенствоваться. Соответственно можно предположить существование общих принципов, характерных для управления. Циркулирование информации, направление ее потоков в целях оптимизации процесса управления свидетельствует о том, что аналог обратной связи в технике существует и в социальной системе.

Одной из функций политики является целеполагание, причем, в отличие от технических систем, в политике необходимо учесть огромное количество факторов, а цель может быть долгосрочной и многокомпонентной. Более того, сложность возникает и в том, что оценивать стратегию достижения цели необходимо с учетом сохранения баланса интересов противоборствующих в системе элементов, иначе можно систему раз-

1 Агеев Г. В., Крючков В. А., Сковиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект //

рушить и вызвать социальные потрясения². И если в технике обратную связь можно легко увидеть и оценить с точки зрения исправности функционирования аппарата, то в социальных системах это не представляется возможным, так как иногда цель недостижима в принципе, часто цель слишком абстрактна, иногда цели взаимоисключающие и их одновременное достижение невозможно. Формулирование и постановка целей также должна быть согласована с целью сохранения баланса интересов. Средства достижения цели требуют того, чтобы они были приняты большинством и не выходили за рамки принятой в обществе морали и нравственности. Чтобы соблюсти эти условия, субъекту управления необходимо выяснить допустимые цели и средства³, то есть получить информацию. Так как круг вопросов, решаемый государством, крайне широк, то это можно проверить посредством уровня поддержки той или иной политики, а также тех или иных политиков, транслирующих определенные ценности. Безусловно, субъект управления представлен человеком – в этом большая сложность – который обладает определенными навыками, определенным складом ума, характера и прочим набором личностных качеств, поэтому решение, которое принимает, может привести к последствиям, которые не предполагались, и обратную связь можно рассматривать как процесс обмена информацией между частями системы, направленный на ее адаптацию к текущим изменениям. Типичное представление об изменениях базируется на допущении о возможности планирования, контроля и прогнозирования изменений⁴. Но в связи с тем, что политическая система государства встроена в мировую систему, то возможности контроля и прогнозирования изменений достаточно ограничены. Однако необходимость целеполагания, необходимость определения спектра средств, которыми политик может пользоваться, остается, то есть возникает необходимость коллективной выработки допустимых стандартов поведения, основанных на консенсусе. Последнее – очень важное условие, иначе система может выйти из равновесного состояния, следовательно, перед субъектом управления встает задача получения этой информации, что позволяет говорить о наличии обратной связи в социальных системах.

Таким образом, можно утверждать о наличии обратной связи в системах различного типа, различного происхождения и сложности. Она может трансформироваться, усложняться, поддаваться неоднозначной интерпретации, однако, так как система должна сохранять равновесное состояние, т.е. адаптироваться, существует канал, посредством которого это происходит.

Обратная связь как принцип управления в целом характерна для всех систем в том или ином виде. Вопрос о способах и методах взаимодействия управляющих и управляемых в политической системе также разрабатывается в рамках огромного количества подходов. С одной стороны, эти группы противопоставлены, с другой – ни одна из них не может существовать без наличия другой. Управляющие вносят организованность в сложную политическую систему, задают ориентиры для ее развития, создают баланс между группами внутри управляемых, имеющих разные интересы. Строго говоря, они несут в себе функционал политической элиты.

Управляемые вынуждены выстраивать свое поведение исходя из правил и норм, установленных в данной политической системе, потому как оно контролируется, а за неисполнение норм следуют санкции. Однако это не означает отсутствие механизмов воздействия объекта управления на субъект управ-

ления. Даже исходя из такой простейшей модели представленной об обществе, как деление на управляющих и управляемых и наличие связей между ними, следует предположение о том, что общество является системой. Понятие «система» имеет огромное количество определений, однако большинство из них схожи в том, что у любой системы имеется два основополагающих признака: наличие элементов в количестве более одного и наличие взаимосвязи между ними. Эти характеристики были определены еще первыми учеными, разрабатывавшими общую теорию систем, такими как А. И. Берг, Л. Фон Берталанфи, Г. Саймон и другими.

Еще одной особенностью системы является то, что элементы с их взаимосвязями обладают качественной определенностью, то есть во всей совокупности порождают новое качество, присущее именно системе, а не каждому из ее элементов и отношений в отдельности. Такое свойство в теории систем называется интегративным качеством. Итак, система – совокупность элементов, взаимосвязанных между собой, имеющая интегративное качество, ограничивающее данную совокупность от среды. Учеными был выработан ряд критериев, согласно которому конкретный объект исследования можно считать системой: наличие структуры, существование взаимосвязей (пространственных, генетических, функциональных) между элементами системы, целостность (единообразие, возможность выступать к внешнему миру как единое образование), наличие цели, наличие механизмов управления, наличие механизмов самоорганизации, а также функционирование и развитие системы.

Политическая система, как известно, имеет структуру в виде институтов и взаимосвязей между ними, нормативного элемента в виде социально-политических и правовых норм. Она также характеризуется наличием информационного компонента, реализующегося в виде выстраивания отношений по поводу политической власти, а также методов взаимодействия между системой и обществом⁵. Также обязательным в структуре политической системы является культурный компонент, представленный в виде политического сознания, идей и идеологий, политической культуры, и функциональный элемент, такой как формы и направления политической деятельности. Однако эта система функционирует среди непрерывных вызовов, которые вынуждают ее адаптироваться к новым политическим реалиям. Для этого ей необходимы каналы связи с остальными системами и с обществом как таковым⁶.

Таким образом, обратную связь можно трактовать как принцип, характерный для любой системы, как общий принцип управления, преодолевший междисциплинарные барьеры.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // *Youth World Politic.* – 2014. – № 2.
2. Матвеев Ю. И. Политический риск: о некоторых методах и прикладных моделях его анализа и изучения // *Социология власти.* – 2012. – № 1.
3. Матвеев Ю. И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // *PolitBook.* – 2014. – № 4.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000.
5. Ур-Рахман И. Роль обратной связи в различных системных методологиях // *Проблемы управления в социальных системах.* – 2011. – № 5. – Т. 3.
6. Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // *PolitBook.* – 2014. – № 4.

2 Матвеев Ю. И. Политический риск: о некоторых методах и прикладных моделях его анализа и изучения // *Социология власти.* – 2012. – № 1. – С. 147–158.

3 Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000.

4 См.: Ур-Рахман И. Роль обратной связи в различных системных методологиях // *Проблемы управления в социальных системах.* – 2011. – № 5. – Т. 3. – С. 56–80.

5 Матвеев Ю. И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // *PolitBook.* – 2014. – № 4. – С. 107–134.

6 Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // *PolitBook.* – 2014. – № 4. – С. 178–189.

Рожков Г. А. РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ КАК СУБЪЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рассмотрена эволюция партийного строительства в России с учетом обеспечения национальной безопасности. Доказано, что несмотря на максимальную либерализацию законодательства в области партийного строительства и регистрацию более семидесяти партий за последние два года, в России так и не сложилась эффективная партийная система. Относительная стабилизация политической системы в условиях санкционной политики и более четкое определение партий на политическом поле приведут к анализу их действий по принятию/непринятию законопроектов, направленных на развитие благосостояния россиян, а также формированию условий для создания эффективной системы национальной безопасности.

Ключевые слова: политический процесс, политические партии, национальная безопасность, национальные интересы.

Rozhkov G. A. RUSSIAN PARTIES AS SUBJECTS OF NATIONAL SECURITY PROVISION

In the article the evolution of party construction in Russia is considered taking into account provision of national security. It is proved that despite maximum liberalization of the legislation in the field of party construction and registration of more than seventy parties during the last two years, effective party system in Russia haven't developed. Relative stabilization of political system under the conditions of sanctions policy and more accurate positioning of parties on a political field will result in the analysis of their actions on acceptance/rejection of the draft laws aimed at the development of welfare of Russians, and in formation of conditions for creation of effective system of national security.

Keywords: political process, political parties, national security, national interests.

Важными элементами в политической системе современного общества являются политические партии, выступающие связующим звеном институтов гражданского общества и политической власти. Необходимо разделить позицию политологов А. К. Сквикова, В. И. Тимошенко и О. Ф. Шаброва относительно того, что посредническая функция во взаимоотношениях рядовых граждан и государства позволяет минимизировать негативные проявления в обществе, даёт возможность цивилизованного разрешения острых социально-экономических, политических, культурных и религиозных проблем, неизбежно возникающих в дифференцированном обществе¹.

Политические партии с учётом того, что они являются основными конкурентами в борьбе за власть, могут посредством победы на выборах в представительные органы власти оказывать влияние на процесс управления. От их представителей в законодательных органах власти зависит оперативность, качество принятия законопроектов. В действительности потенциальных угроз по мере развития человечества с каждым годом становится всё больше, в том числе техногенного, экологического, военного характера, возрастает масштаб террористических актов. Государства могут использовать новые виды войны – информационную, продовольственную и т.п., что оказывает пагубное влияние на национальные интересы и состояние безопасности. Вместе с тем политическая практика подтверждает, что не всегда

политический класс ведущих политических партий определяет вектор политического развития с учётом интересов граждан, а также выражает обеспокоенность за формирование как самой системы национальной безопасности, так и учёта внутривнутриполитических преобразований с целью минимизировать негативное влияние на обороноспособность государства².

Общезвестно, что, если в странах демократии политические партии выросли в результате естественного развития, то в России своим появлением они во многом обязаны авторитарно-олигархической системе. Первые политические партии возникли в России на рубеже XIX–XX вв. Российской спецификой является появление, прежде всего, партий социалистической направленности. Массово-политические партии были образованы в ходе первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. Октябрьские события 1917 г. оказали влияние на расстановку политических сил. Изначально у власти было две партии. Благодаря идеологии в России была установлена однопартийная система практически с момента прихода к власти большевиков и вытеснения представителей партии эсеров из федеральных, а в последствии региональных и местных органов власти³. Однопартийная система в СССР существовала сначала юридически не оформленной, а затем закреплённой в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. в качестве руководящей и направляющей роли КПСС. Отмена этой статьи в 1991 г. Съездом народных депутатов означала, по сути, конец монополии на власть какой-либо политической партии в определении вектора политического развития страны как внутривнутри-

Рожков Г. А.

1 Сквиков А. К. Политические партии и молодежь: диалог взаимодействия в развитии гражданского общества // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5 (84). – С. 254–257; Тимошенко В. И. «Единая Россия» – партия «правого центра» // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 93–96; Шабров О. Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 15–40; Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // Youth World Politic. – 2013. – № 1. – С. 4–10.

2 Златанов Б. Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 70–77.

3 Буренко В. И., Предыбайлов С. М. Парламентаризм и политическое представительство // PolitBook. – 2013. – № 3. – С. 43–52.

тического, так и внешнеполитического, направленного на нахождение компромиссных решений между основными участниками мирового политического процесса с целью защиты национальных интересов посредством формирования эффективной системы обеспечения национальной безопасности страны.

Началась новая политическая история – второй этап формирования многопартийности в России. Российские партии стали массово образовываться на поверхности фрагментированного общества после краха тоталитарной системы и поддерживались властью скорее не ради содействия зарождающемуся институту демократии, а для обеспечения управляемости политическим процессом. Характерным свидетельством тому служат попытки власти минимизировать количество партий на современном политическом поле с целью сокращения конкурентов для «партии власти».

Деятельность политических партий в России регламентируется Конституцией РФ и Федеральным законом «О политических партиях» (2001 г.). Согласно ст. 3. Закона политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан РФ в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

Анализ внесения изменений в ФЗ «О политических партиях» позволяет утверждать заинтересованность правящего класса максимально сократить круг политических акторов, способных выйти на уровень принятия решений посредством ужесточения критериев предъявляемым к партиям. Экс-Президент СССР М. С. Горбачев неоднократно в интервью СМИ обращал внимание на практические трудности в образовании партий, что противоречит духу демократических преобразований конца прошлого столетия, а также препятствует формированию эффективных институтов гражданского общества, способных оказывать влияние на принятие политических решений в определении развития российской государственности. Диалог конструктивных политических партий был бы направлен на разрешение острых проблем современного общества. Среди первоочередной проблемы, требующей разрешения, – демографическая ситуация. Необходимо минимизировать коррупцию, проявления различных девиантных форм поведения. Разрешение данных вопросов наряду с укреплением обороноспособности будет способствовать формированию положительного имиджа России в мировом сообществе, а также укреплять позиции России в международных организациях.

Резкое сокращение количества политических партий на политическом поле России до 2012 г. способствовало чёткому очертанию их позиций, узнаваемости в электоральной среде и наполнению программных документов положениями, связанными с разрешением острых социально-экономических и политических проблем россиян, что будет направлено и на формирование системы национальной безопасности в целом.

По данным Министерства юстиции России, в 1998 г. было зарегистрировано 92 общероссийских и межрегиональных партий. В 2003 г. количество зарегистрированных политических партий сократилось до 44, в 2006 – до 33. В начале 2007 г. с учётом принятых поправок в Закон «О политических партиях» зарегистрировано 17 партий. В 2009 г. официально зарегистрированных партий в стране стало 7.

Особо следует выделить структурные преобразования на политическом ландшафте современной России. Именно благодаря активности граждан на Болотной площади и проспекте академика Сахарова в Москве и в других субъектах Российской Федерации в конце 2011 г. – начале 2012 г. удалось внести существенные изменения в партийное строительство. В 2015 г. в России более семидесяти партий официально зарегистрированы Министерством юстиции. Однако проведенное исследование (опрошено 1200 респондентов, выборка квотная) в 5 вузах мегаполиса позволяет констатировать их неузнаваемость среди молодежи, притом что молодежь является активным субъектом политических преобразований. Гендерных различий не было установлено.

Политическим партиям в современной России не удаётся стать основным посредником между властью и обществом. Они не выполняют сколько-нибудь удовлетворительно ни одну из функций, свойственных этому институту в демократических государствах, не сумели стать ни массовыми объединениями, выражающими интересы определенных социальных слоёв, ни универсальными партиями электората, стремящимися представлять интересы самых широких слоёв населения⁴. Они не являются также конкурирующими корпорациями менеджеров по управлению государством, предлагающими проведение политики с учетом интересов россиян. Процесс оформления большинства российских партий идёт не снизу вверх, а наоборот. Узкая группа единомышленников или один потенциальный лидер ищут сторонников, финансовую поддержку и лишь затем создают политическую партию с целью участия в парламентских выборах. В результате большинство современных партий известно исключительно благодаря их лидерам, а также деятельности в Федеральном Собрании РФ⁵.

Следует заметить, что в России складывается партийная система, ориентированная на поддержание внутриэлитной коммуникации и содействие представителям политического класса, стремящимся через выборы институционализировать своё участие в публичной политике. Партии существуют в основном за счет средств спонсоров, как правило, банков и финансово-промышленных структур, которые в условиях непредсказуемости будущего стремятся заручиться поддержкой наиболее перспективных претендентов на власть, использовать их в качестве лоббистов своих интересов. Российская бизнес-элита заинтересована в сохранении и приумножении своего капитала, что с учётом предоставленных технологических возможностей в результате глобализационных процессов в экономике негативно сказывается на благосостоянии страны и противоречит национальным интересам граждан⁶. Данные процессы оказывают дестабилизацию и в системе национальной безопасности. Например, в условиях мирового экономического кризиса имеет место отток капитала из России, а инвестиционный климат не способствует притоку иностранного капитала. Как правило, представители крупного российского бизнеса не уверены в том, что их интересы будут защищены правящим политическим классом в полном объеме.

4 Златанов Б. Г. Караткевич Александр Григорьевич о современном мире, постсоветском регионе и глобальных трансформационных вызовах // Youth World Politic. – 2014. – № 2. – С. 58–63.

5 Матвеев Ю. И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. – 2014. – № 4. – С. 107–134.

6 Буренко В. И. Политическая оппозиция: история идей и современный политический процесс // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2013. – № 8. – С. 228–232.

Российские партии остаются протопартиями, то есть образованиями, для которых характерны малочисленность и организационная слабость, аморфность программ и фракционная борьба, популизм при отсутствии ощутимых результатов. Партии отражают не многообразие социальных интересов, а неупорядоченность, текучесть и бессистемность политических взаимоотношений при разрешении актуальных проблем общества.

В обозримой перспективе вероятность превращения российских партий, за исключением партий, представленных в парламенте, в существенный фактор политической и гражданской жизни незначительна. Слабость партий компенсируется созданием сети групп интересов, лоббирования и давления. Это свидетельствует о формировании в России элитарного корпоративизма вместо плюралистической демократии.

Современные российские политологи Ю. А. Головин, В. И. Буренко, С. Е. Заславский, Л. Г. Титова выделяют ряд важнейших факторов, негативным образом воздействующих на партийное строительство, — относительная неразвитость демократической политической культуры и отсутствие эффективных институтов гражданского общества; изменения в формировании представительных органов власти посредством преимущественного использования пропорциональной системы, что препятствует консолидации партий.

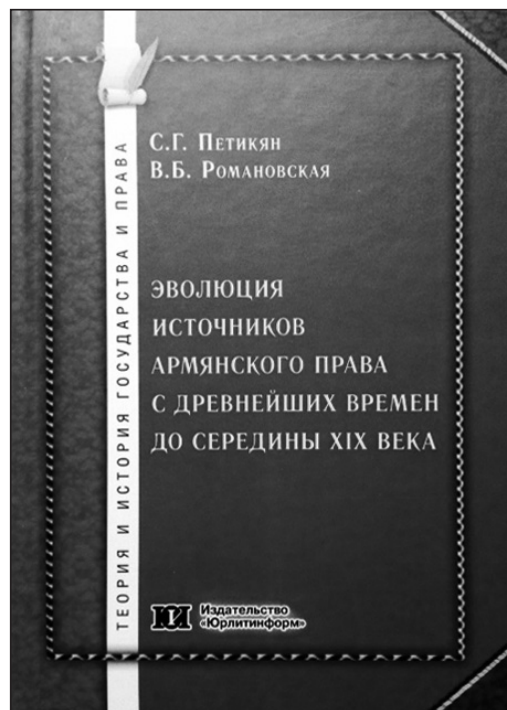
Несмотря на некоторые позитивные изменения, нельзя говорить об окончательном формировании партийной системы. Относительная стабилизация политической системы в условиях санкционной политики со стороны США и Европейского союза по отношению к России и более четкое определение партий на политическом поле приведут к анализу их действий по принятию/непринятию законопроектов, направленных на развитие благосостояния россиян, а также формированию условий для создания эффективной системы национальной безопасности со стороны электората. От деятельности партий будет зависеть исход голосования при проведении очередных выборов представительных органов власти. Рациональная составляющая постепенно вытеснит иррациональную.

Пристатейный библиографический список

1. Агеев Г. В., Крючков В. А., Сквовиков А. К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект // Youth World Politic. – 2014. – № 2.
2. Буренко В. И., Предыбайлов С. М. Парламентаризм и политическое представительство // PolitBook. – 2013. – № 3.
3. Буренко В. И. Политическая оппозиция: история идей и современный политический процесс // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2013. – № 8.
4. Златанов Б. Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1.
5. Златанов Б. Г. Караткевич Александр Григорьевич о современном мире, постсоветском регионе и глобальных трансформационных вызовах // Youth World Politic. – 2014. – № 2.
6. Крючков В. А., Сквовиков А. К., Шуилова О. В. Зарубежный опыт политического развития общества (по

материалам архивных документов) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/118-13948 (дата обращения: 21.09.2015).

7. Матвеев Ю. И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. – 2014. – № 4.
8. Сквовиков А. К. Политические партии и молодежь: диалог взаимодействия в развитии гражданского общества // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5 (84).
9. Тимошенко В. И. «Единая Россия» – партия «правого центра» // Социология власти. – 2006. – № 1.
10. Шабров О. Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. – 2006. – № 1.
11. Шабров О. Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // PolitBook. – 2014. – № 4.
12. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // Youth World Politic. – 2013. – № 1.

Сабитов М. Р.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

В статье раскрывается проблема межэтнического взаимодействия различных молодёжных групп в Республике Башкортостан, рассматривается исторический аспект данного вопроса, а также его современное состояние. Автор формулирует предложения к концепции межнационального согласия, которую необходимо принять в регионе.

Ключевые слова: этнополитический процесс, межэтнические отношения, молодёжная политика, молодёжные национальные организации.

Sabitov M. R.

INTERETHNIC RELATIONS OF YOUNG PEOPLE IN A MULTINATIONAL AREA (EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

The article reveals the problem of inter-ethnic interaction of various youth groups in the Republic of Bashkortostan, the historical aspect of the issue, as well as its current status. The author formulates proposals to the concept of inter-ethnic harmony to be adopted in the region.

Keywords: ethno-political processes, inter-ethnic relations, youth policy, youth national organizations.

Сабитов М. Р.

Изучение межэтнических отношений, формирующихся в среде молодёжи – одна из наиболее актуальных задач современной российской политологии. Это связано с некоторыми важнейшими характеристиками современной этнополитической и социально-политической ситуации в России и Башкортостане. Прежде всего, речь идёт о необходимости снизить напряжённость в межнациональных отношениях и, особенно, в молодёжной среде, где она несколько выше, чем среди других категорий населения.

Резкое обострение межэтнических противоречий возникло в период распада СССР. Спустя четверть века негативные последствия этого процесса постепенно преодолеваются, но нет гарантий того, что в случае обострения социально-экономической или политической ситуации национальные и конфессиональные проблемы вновь не поднимут голову (тем более что латентные конфликты сохраняются во многих регионах России, в том числе, в Поволжье). Несмотря на то, что в советские годы были достигнуты серьёзные успехи в плане межнационального взаимодействия (в том числе в молодёжной среде), скрытые корни потенциальных конфликтов не были обнаружены. Более того, интересы части так называемых «малых» народов учитывались далеко не в полной мере. Это породило их недовольство своим политическим статусом и ролью, что особенно ярко проявилось среди молодёжи¹. Как следствие, распад политической структуры спровоцировал рост количества и качества национальных движений. В том числе в Республике Башкортостан.

В условиях многонационального кризисного социума, смены его базовых ценностей и установок этническое становится единственным феноменом, придающим людям чувство самоценности и защищённости. Особенно важно это для молодого поколения, проходящего процесс бурной политической социализации. Как пишет В. Банс, в это время люди держатся за то немного, что кажется им долговечным². Наиболее очевидный пример – этническая принадлежность, т.е. то, что

в отличие от остальных социальных характеристик не подвержено «колебаниям» в переходный период. Этническое превращается в политическую проблему тогда, когда у народов или этносов, проживающих на территории данного государства, возникает определенное взаимодействие с органами власти по поводу их политического, социально-экономического положения, удовлетворения культурно-духовных потребностей.

На региональном уровне главной предпосылкой возникновения идей и воззрений этнополитического характера являются, в основном, социальные и этносоциальные проблемы, связанные с изменением этнической и социальной структуры, уменьшением численности представителей коренных народов, ухудшением их жизненных условий в зависимости от места жительства, условий труда и профессиональной структуры. Наиболее болезненно на эти изменения реагирует молодёжь.

Возрастающее влияние этнического фактора, массовый характер его распространения поставили на повестку дня следующие ключевые проблемы: 1) решение национального вопроса, связанного с дальнейшим развитием этносов; 2) определение места и роли молодёжи в этнических процессах в современной России; 3) обеспечение политической интеграции молодёжи разных наций и народов в демократическую российскую государственность; 4) установление демократических отношений между русским народом и другими народами, населяющими Россию, коренных этносов с другими нациями и народностями, проживающими в национальных республиках и округах; 5) формирование новой общности – «многонациональный народ» Российской Федерации. Чтобы подчеркнуть злободневность этих государственно-политических идей, можно привести следующий пример. В 1990-е только в Республике Башкортостан ежегодно публиковалось около двух тысяч названий литературы, связанной с проблематикой национального возрождения, его генезисом, хронологией, обстоятельствами выхода этнических факторов на общественную арену.

Это говорит о том, что государственная власть в Российской Федерации (а ранее – в Советском Союзе) не уделяла должного внимания решению межэтнических вопросов, в том числе, в молодёжной среде. Как результат, значительная часть молодого поколения стала связывать последующее развитие

1 См., например: Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга / [А. Козлов и др.]. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2009.

2 Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полит. – 1993. – № 1. – С. 48.

своего этноса с возможностью его полного государственного самоопределения, с идеями сепаратизма и партикуляризма. В свою очередь, это привело к серьёзным политическим изменениям в механизме взаимодействия между центром и регионами уже на современном этапе, так как федеральный центр увидел в этих настроениях однозначную угрозу целостности Российской Федерации.

Данная тенденция затронула и Республику Башкортостан. Локомотивом представительства этнических интересов в этом регионе становится Башкирский народный центр «Урал». Его учредительный съезд состоялся 17–18 декабря 1989 г.³ По сути, он положил начало активным этнополитическим процессам в республике. В его решениях, помимо требований представить Башкирии статус союзной республики (что должно было кардинально изменить её политическую роль в происходящих процессах), нашли своё отражение ещё ряд актуальных вопросов. В первую очередь, такие важные для башкирской молодёжи проблемы, как придание башкирскому языку статуса государственного, создание условий для реализации башкирами соседних регионов своих духовно-культурных потребностей, восстановления обучения на родном языке, дабы стимулировать молодёжь обращаться к собственной культуре. На съезде были признаны необходимость решить проблемы увеличения выпуска книг и газет, передач на башкирском языке в электронных СМИ⁴.

В ситуации, когда полным ходом шло разрушение структур комсомола, стали заявлять о себе политические группировки молодёжи, деятельность которых зачастую носила этнополитический характер, что стало логическим продолжением роста политической активности молодёжи в эти годы. Так, например, в ноябре 1990 года в Башкирии громко заявила о себе организация «Союз башкирской молодёжи» (СБМ), деятельность которой носила ярко выраженный национальный характер. Лидеры данной организации (Р. Ш. Баимов, А. М. Идельбаев, Д. А. Гайнуллин и др.) провозглашали такие цели и задачи, как «защита экономических, политических, юридических, социальных и других прав и национальных интересов башкирского народа, особенно его молодёжи», о чём говорится в Уставе СБМ. За сравнительно короткий срок (2 года) Союз башкирской молодёжи сумел организовать выпуск двух периодических изданий, секцию по восточным единоборствам, провел мирную демонстрацию в защиту индивидуальных и коллективных прав человека. Организация приобрела широкую известность в Башкортостане благодаря и таким акциям, как массовые голодовки протеста.

Активная позиция башкирских молодёжных организаций во многом спровоцировала оформление структур татарского и русского национальных движений.

Наибольшую активность демонстрировала татарская общественность. Первой крупной татарской организацией в Башкортостане становится Татарский общественный центр (ТОЦ), который был создан в начале 1989 г. В качестве своей основной задачи ТОЦ провозгласил «содействие органам государственной власти и управления в реализации политических и культурных прав татарского населения республики, его всестороннее развитие, а также поддержание культурных, научных и деловых контактов с лицами татарской национальности и их сообществами». Председателем Татарского общественно-го центра с момента его образования до середины 1990-х го-

дов становится хорошо известный в республике активист – К. Яушев. В рамках организации действовала достаточно многочисленная и активная молодёжная группа в конечном счёте создавшая собственную организацию – «Азатлык»⁵. Однако, в целом, в отличие от башкирского движения, проблемы молодёжи в деятельности ТОЦ не носили первостепенного характера, что сказывалось на влиятельности и популярности ТОЦ в среде татарской молодёжи.

Несколько позже, чем у представителей башкирского и татарского этносов, формируется общественная организация у русских Башкортостана. Ею становится Общественное движение «Русь», созданное весной 1992 г. Лидером русского движения в Башкортостане становится А. Н. Аринин, который, в отличие от руководителей других национальных организаций, попытался выстроить и политическую карьеру. В качестве основной цели развития «Русь» провозгласила реализацию и защиту гражданских, экономических, социальных, политических, культурных прав и свобод русского и других народов. Акцент также делался на подъеме активности и самостоятельности русских, их участии в управлении государством и общественными делами, возрождении духовно-нравственных ценностей. Особо оговаривалось необходимость возрождения казачества, развитие научного, технического и художественного творчества, необходимость стимулирования благотворительной деятельности. «Русь» изначально противопоставляла себя не только региональным органам власти, но и, в известной мере, другим национальным организациям (особенно Союзу башкирской молодёжи), обвиняя их в сепаратизме. Как следствие, власть стимулировала создание «альтернативных» русских организаций, более умеренных и менее ориентированных на политику. Такой организацией становится Русский национально-культурный центр (РНКЦ) Республики Башкортостан «Вече». РНКЦ и его лидер И. А. Степанов стали заниматься исключительно культурными проблемами. То есть уже на начальном этапе русского национального движения произошло разделение «сфер влияния». «Русь» стала заниматься преимущественно политикой, а «Вече» — только вопросами культуры⁶. Однако, в отличие от татарского и, особенно, башкирского национального движения, «Русь» скорее апеллировала к молодёжи, нежели привлекала её к активной деятельности. Как следствие, русская молодёжь перестала воспринимать «Русь» как организацию, способную отражать их интересы, и постепенно стала группироваться вокруг других сил, преимущественно не имеющих официального статуса.

Подобная ситуация развивалась не только в Башкортостане, но и в других регионах. Так, главной идеей в документах Всетатарского общественного центра (1989 г.), принятых в Казани, национальных движений в Калмыкии, Тыве, Саха (Якутии), Чувашии и других республик стала проблема превращения автономных республик в самостоятельные государства. Среди представителей радикальной части этих общественных движений возникли (с разной интенсивностью) и лозунги полной государственной независимости с немедленным или последующим отделением от России. Одновременно на массовое сознание действовали историческая память и некоторые документальные источники, говорящие об установлении многими народами (например, башкирами) договорных (в определенном смысле «федеративных») отношений с Россией. Оба фактора были выражением реализации довольно сложной и

3 Этнополитическая мозаика Башкортостана: Очерки. Документы. Хроника / сост. М. Н. Губогло. – М.: УОП ИЭА РАН. (Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве). Т.2: Башкирское национальное движение. – 1992. – С. 102–107.

4 Национальные молодежные организации Республики Башкортостан: сборник документов и материалов / сост. М. А. Шайхетдинов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. – С. 6.

5 Каюмова А. Ф. Молодежные общественные объединения Республики Башкортостан в 1990–2010 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2011. – С. 22.

6 Аюпов М. А. Современные политико-трансформационные процессы в Республике Башкортостан. Т. 1: Эпоха перестройки: генезис современных политико-трансформационных процессов. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. – С. 284.

противоречивой национальной политики в Российском государстве.

Можно сделать вывод, что в период начального этапа политических трансформаций в идеях молодёжных организаций этнополитического характера взаимодействовали две основные тенденции. Во-первых, убеждение в том, что сохранение идентичности, развитие этносов возможны лишь с помощью институтов этнического государства. Во-вторых, осмысление нации как гражданского политического сообщества, которое требует лишь добровольного ситуативного отнесения себя к одному или нескольким этнокультурным сообществам.

Важным для политико-трансформационных процессов является то, что эти тенденции в Республике Башкортостан тесно сочетались при преобладании первой тенденции, создавая в последующем основу для интеграции молодёжи всех этносов в рамках гражданского общества.

Можно констатировать, что наиболее характерной чертой начального этапа развития молодёжных общественных объединений Башкортостана явился ряд факторов. Во-первых, неформальный характер возникновения многих молодёжных общественных объединений (впрочем, как и национальных и национально-культурных центров, общественно-политических, экологических движений). Это было связано с накопившимся в молодёжной среде недовольством качеством жизни в республике, несправедливым распределением в экономике, диктатом центра и партийных структур во всех сферах. Сказывались и неразрешенные национальные и культурные проблемы, тяжелая экологическая ситуация в Башкортостане, а также политика партийного руководства республики, старавшегося игнорировать сложившуюся ситуацию, и более того – бороться с объективными процессами роста национального и общественно-политического сознания молодёжи республики старыми, характерными для тоталитарного режима, методами, не отвечавшими новым реалиям⁷. Во-вторых, политическая по преимуществу окраска требований, выдвигаемых лидерами молодёжных общественных объединений, напрямую связанная с целым узлом противоречий, накопившихся в республике. В-третьих, всплеск национального самосознания, приведший к созданию, в том числе, и молодёжных национальных и национально-культурных движений в республике, во многом предопределивший развитие политических процессов в Башкортостане в последующее время.

На сегодняшний день, несмотря на стабилизацию политической и социально-экономической ситуации, проблемы межэтнических взаимоотношений стоят по-прежнему остро. Потенциальное обострение социально-экономической ситуации вполне может привести к росту этнического радикализма в молодёжной среде. Поэтому государству необходимо направлять серьёзные усилия на формирование толерантности и взаимоуважения именно в молодёжной среде, как в той социальной группе, которая будет определять экономическое и социально-политическое развитие страны в ближайшие годы.

В данный момент в Республике Башкортостан можно выделить несколько крупных молодёжных организаций, чья деятельность прямо связана с отстаиванием национальных интересов. Крупнейшей организацией по-прежнему является Союз башкирской молодёжи. Вместе с тем, в 2000-е годы СБМ оказался довольно тесно связан с властными структурами, в известной степени потеряв свою прежнюю привлекательность в молодёжной среде. В 2005 г. Союз башкирской молодёжи вступил в состав Евразийского союза молодёжи и сконцентрировал основную свою политическую активность

на противоборстве «оранжевой угрозе» в России, оставив этнополитический дискурс исключительно как культурно-просветительский проект⁸. Таким образом, СБМ всё больше становился молодёжным крылом региональной «партии власти», демонстрируя соответствующую её интересам и пониманию повестку дня.

Естественно, что часть оппозиционно настроенной башкирской молодёжи (в том числе более радикально настроенной) со временем нашла другую институциональную форму отстаивания своих интересов. Так появилась башкирская молодёжная организация «Кук буре». Возникнувшая около 2008 г. «Кук буре» официально не связывает себя исключительно с молодым поколением, но её фактический актив, как и ряд программных документов, позволяют судить о ней как о преимущественно молодёжной структуре. В то же время «Кук буре» объективно притягивает к себе наиболее радикальную часть башкирской молодёжи, апеллируя, в первую очередь, к национальному происхождению человека. В частности, это нашло своё отражение в программной статье «Наше слово башкирам»⁹.

Создание радикальной организации башкирской молодёжи во многом стимулировало схожие процессы в среде молодых людей русской национальности. Часть из них попыталась найти себя в продолжающем действовать Собрании русских Башкортостана. Однако, как и Союз башкирской молодёжи, СБР в конце концов стал слишком тесно аффилирован с региональной властью, что оттолкнуло от него какую-то часть недовольных сложившейся ситуацией молодых людей. При этом Собрание русских Башкортостана продолжает вполне успешно справляться с культурно-просветительскими функциями. Радикальная часть русской молодёжи активно проявляет себя в интернет-пространстве, участвует в Русском Марше и ряде других мероприятий, организованных русскими националистами¹⁰. Надо отметить, что данные акции не носят массового характера, а недовольство русские националисты проявляют не столько в отношении народов, проживающих в регионе, сколько в отношении мигрантов из южных республик России или стран СНГ. Иначе говоря, русское молодёжное национальное движение заимствует, преимущественно, федеральную повестку. Это, на наш взгляд, говорит об относительно спокойной ситуации в межнациональных отношениях молодёжи в современном Башкортостане.

Тяжёлый кризис в данный период испытывает татарское молодёжное движение. Организация «Азатлык», действовавшая с начала 1990-х, практически свернула свою работу. Это также связано с тем, что данная структура перестала носить оппозиционный характер и фактически была включена в качестве составного элемента в провластные молодёжные организации. Её председатель Р. Тулеганов прямо говорил о том, что деятельность и эффективное функционирование Союза татарской молодёжи «Азатлык» было бы невозможно без поддержки органов власти Республики Башкортостан¹¹.

В похожей ситуации оказался и Союз чувашской молодёжи (СЧМ) Башкортостана. Правда следует признать, что СЧМ никогда не выступал в качестве активного политического игрока, ограничиваясь поддержкой региональной власти в период

7 История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов; редкол.: Аюпов М. А. [и др.]; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2012. – Т. 7. – С. 118.

8 Кульшарипов М. М., Газизов Р. Р. Новейшее башкирское национальное движение и проблемы российского федерализма. — Уфа, 2011. — С. 17.

9 Наше слово башкирам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kyk-byte.ru/bashkiram.html> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

10 В Уфе прошел первый «Русский марш» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/04/reg-pfo/miting-anons.html> (дата обращения: 20.09.2015 г.).

11 Тулеганов Рустам: Нам, молодым, нечего делить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/105547-rustam-tuleganov-nam-molodym-nechego-delit/?sphrase_id=674153 (дата обращения: 20.09.2015).

той или иной избирательной кампании. Вместе с тем это позволяло ему спокойно заниматься культурно-просветительской и образовательной программой среди чувашской молодежи Башкортостана. На сегодняшний день СЧМ объединяет в своих рядах около ста молодых людей, координируя их действия, прежде всего, посредством популярных социальных сетей.

Вообще следует отметить, что проблема молодежной коммуникации в полиэтничной среде на современном этапе приобретает специфическое наполнение в связи с широким использованием и внедрением в обыденной жизни информационных технологий (в первую очередь, всемирной компьютерной сети Интернет и электронных средств массовой информации), которые позволяют получить доступ к самой широкой базе знаний. Помимо позитивного эффекта, связанного с расширением кругозора и круга общения молодежи, данная тенденция несёт и негативные черты, выраженные в распространении молодежного радикализма, появляющегося в результате широкого использования ложных мифических представлений о тех или иных этносах. В этих условиях государство и общественные структуры должны задуматься об общих механизмах формирования молодежной культуры межнациональных взаимоотношений и всячески заботиться о ее развитии. Богатейший опыт накопил в этом плане Башкортостан, для которого характерно совместное проживание в течение многих веков на относительно небольшой территории разных народов, каждый из которых, включая сравнительно небольшие по численности (латыши, марийцы, чуваш и другие), смог не только сохраниться как этнос, но и развиваться, внести вклад в общую культуру всего региона. Таким образом, формирование культуры межнациональных отношений важно не только с точки зрения поддержания мира и согласия, но и в целях обеспечения поступательного развития и взаимного обогащения всех национальных культур.

Налаживание процесса межнационального общения в молодежной среде невозможно без повышения общей культуры молодежи, каждого отдельного молодого человека, воспитания терпимости и уважения к культуре других народов. К сожалению, именно в молодежной среде такие негативные явления, как ксенофобия, неуважение и пренебрежение культурой других народов, агрессивный национализм распространяются наиболее быстро. В Республике Башкортостан на современном этапе проблема национальной нетерпимости в молодежной среде не является первостепенной. Но это не значит, что органы государственной власти и местного самоуправления могут игнорировать этот вопрос. Между тем стратегии развития муниципальных районов республики практически не содержат упоминаний о конкретных программах, направленных на профилактику экстремизма и национализма в молодежной среде. Недостаточно активно ведёт себя в этом отношении и образовательная система республики. Отсутствуют эффективные мероприятия, направленные на повышение уровня политической культуры, расширение полиэтничного кругозора учащейся молодежи, включение молодых людей в процесс познания традиций и культуры других этносов.

Следует отметить, что рассматриваемая проблема является важной и с точки зрения политической социализации. Поэтому при разработке концепции межнациональной политики необходимо особое внимание уделить именно вопросам практики межэтнического взаимодействия в молодежной среде. Полагаем, что для этого необходимо внести в концепцию формирования межнационального согласия в Республике Башкортостан следующие пункты: 1) поручить органам государственной власти и местного самоуправления Республики Башкортостан осуществлять ежеквартальный мониторинг тенденций межэтнических отношений в Республике Башкортостан; 2) организовать работу с региональными от-

делениями политических партий и общественно-политическими организациями, действующими в регионе, по вопросу о предупреждении этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде; 3) поручить Министерству образования республики разработать комплексную программу по адаптации детей мигрантов, прибывающих в регион на долговременную работу или постоянное место жительства; 4) обязать Министерство образования Республики Башкортостан включить в учебные планы курса средней школы «История и культура Башкортостана» часы, посвященные ознакомлению учащихся с длительной историей добрососедских отношений народов, проживающих в регионе. Пока все вышеперечисленные вопросы не находят достойного отражения в деятельности государственных структур и органов местного самоуправления республики. Наблюдается некоторая успокоенность, связанная с действительно достаточно спокойной этнополитической обстановкой в регионе, в том числе в молодежной среде. Однако сохранение завоеванных позиций, дальнейшее обеспечение этнополитического спокойствия, инкорпорирование молодежи в сложную структуру межэтнических отношений невозможно без постоянной работы всех заинтересованных сторон, включая как органы государственной власти и управления, так и структуры гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Аюпов М. А. Современные политико-трансформационные процессы в Республике Башкортостан. Т. 1: Эпоха перестройки: генезис современных политико-трансформационных процессов. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010.
2. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. – 1993. – № 1.
3. В Уфе прошел первый «Русский марш» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/04/reg-pfo/miting-anons.html> (дата обращения: 20.09.2015 г.).
4. История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов; редкол.: Аюпов М. А. [и др.]; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2012. – Т. 7.
5. Каюмова А. Ф. Молодежные общественные объединения Республики Башкортостан в 1990–2010 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2011.
6. Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга / [А. Козлов и др.]. – М.: Московская Хельсинкская группа, 2009.
7. Кульшарипов М. М., Газизов Р. Р. Новейшее башкирское национальное движение и проблемы российского федерализма. – Уфа, 2011.
8. Национальные молодежные организации Республики Башкортостан: сборник документов и материалов / сост. М. А. Шайхетдинов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012.
9. Наше слово башкирам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kyk-byre.ru/bashkiram.html> (дата обращения: 20.09.2015 г.).
10. Тулеганов Рустам: Нам, молодым, нечего делить. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/105547-rustam-tuleganov-nam-molodym-nechego-delit/?sphrase_id=674153 (дата обращения: 20.09.2015 г.).
11. Этнополитическая мозаика Башкортостана: Очерки. Документы. Хроника / сост. М. Н. Губогло. – М.: УОП ИЭА РАН. (Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве). – Т. 2: Башкирское национальное движение. – 1992.

Тепляков Д. О., Хандрик Е. А. УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА ПОСРЕДСТВОМ НАПРАВЛЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ СУБЪЕКТАМ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Статья подготовлена за счет средств гранта РГНФ № 15-03-00626 «Доступ граждан и организаций к реализации внешней политики Российской Федерации по отношению к Северным странам». В статье описано право граждан на участие в управлении делами государства во внешнеполитической сфере посредством направления обращений граждан в организации – субъекты публичной дипломатии. Рассматриваются условия, при которых субъекты публичной дипломатии обязаны реагировать на обращения граждан в порядке, установленном Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Ключевые слова: субъекты публичной дипломатии, обращения граждан, право на участие в управлении делами государства, участие общественности в реализации внешней политики.

Teplyakov D. O., Khandrik E. A. THE CITIZENS' PARTICIPATION IN MANAGING STATE AFFAIRS BY APPEALING TO THE ACTORS OF THE PUBLIC DIPLOMACY

This article was prepared at the expenses of the RGNF grant No. 15-03-00626 "Access of Individuals and Legal Entities to Implementing Russia's Foreign Policy towards the Nordic States". The article describes the citizens' right to participate in managing of state affairs in foreign policy by appealing to the organizations which are the actors of public diplomacy. In the article conditions when the subjects of public diplomacy must respond to the citizens' complains in the order established by the Federal Law "On the Procedure of the Consideration of Citizens' Complains in the Russian Federation" are considered.

Keywords: an actor of public diplomacy, the citizens' complains, the right to take part in administration of public affairs, public participation in foreign policy.

Вопрос о реализации гражданами права на участие в управлении делами государства во внешнеполитической сфере уже обсуждался в российской правовой науке¹. Наиболее эффективно это право граждан может быть реализовано через участие в публичной дипломатии.

Публичная дипломатия – одно из средств, используемых государством во внешней политике для достижения стоящих перед ним целей. Доктрина публичной дипломатии окончательно сформировалась в 70-х годах прошлого столетия (в период президентского правления Джима Картера в США)². Н. Каала определяет публичную дипломатию следующим образом: деятельность международного актора по воздействию на международную обстановку через установление контактов с иностранной общественностью³.

Отличие между «традиционной» и «публичной» дипломатиями состоит в участниках выстраиваемых контактов – для «традиционной» дипломатии свойственно контактирование между государствами и их представителями. Публичная дипломатия является одним из инструментов «мягкой силы», т.е. «когда одно государство заставляет другое хотеть то, что хочет первое»⁴. При этом государство прибегает не к насилию, угрозам или экономическому воздействию, а достигает поставленных целей посредством убеждений, формирования привлекательности своей позиции.

1 См., например: Ширококов С. А. Пробелы допустимости участия граждан в управлении международными делами // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 43–46.

2 Зонова Т. В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М., 2003. – С. 142.

3 Cull N. J. Public Diplomacy: Lessons from the Past. – Figueroa Press, 2009. – P. 12.

4 Nye J. S., Jr. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 166.

Возникшая как главное орудие «холодной войны», а затем утратившая свое значение в 90-е годы, после ряда потрясений начала XXI в. публичная дипломатия вновь стала объектом научных исследований, результатом которых стала концепция «новой» публичной дипломатии⁵. «Новая» публичная дипломатия строится на схеме коммуникации «от людей – людям», пришедшей на смену «от актора – людям», и характеризуется посреднической ролью актора⁶. Этим определяется и все большая ориентация государства на выстраивание связей с «домашним» гражданским обществом и гражданами. Некоторые формы современной публичной дипломатии предполагают непосредственное вовлечение граждан в ее осуществление. Самым ярким примером является дипломатия обмена (exchange diplomacy), проявляющаяся в поездках граждан за рубеж с целью учебы или ознакомления с культурой («мои студенты отправятся за рубеж и расскажут, как замечательна моя страна; твои студенты приедут ко мне в страну и узнают, как она прекрасна»). В этих условиях важно развитие и поощрение международного обмена не только студентами, но и преподавателями, а также открытие программ двойных дипломов и иные формы сотрудничества российских и зарубежных вузов. Еще одним примером может служить привлечение диаспор для собирания и анализа информации о зарубежном обществе («listening»)⁷. С развитием Интернета

5 Долинский А. В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 25. – С. 63.

6 Cull N. J. Public Diplomacy: Lessons from the Past. – Figueroa Press, 2009. – P. 12.

7 См., например: Curtis S., Jaine C. Public Diplomacy at Home in the UK: Engaging Diasporas and Preventing Terrorism // The Hague Jour-

Тепляков Д. О.

Хандрик Е. А.

как средства массовой коммуникации отдельному гражданину также стали доступны средства международного вещания («international broadcasting»), что позволяет с помощью большого числа каналов объяснять позицию государства по актуальной повестке. Поэтому именно через участие в публичной дипломатии возможна наиболее эффективная реализация гражданами права на управление делами государства.

Суть участия граждан в публичной дипломатии через направляемые обращения заключается в возможности воздействовать на проводимую субъектом публичной дипломатии деятельность. Граждане могут вносить предложения о корректировке их деятельности. Либо же целью обращений может быть получение информации о возможностях непосредственного участия граждан в отправлении публичной дипломатии.

В п. 41 Концепции внешней политики РФ устанавливаются цели, которые должны быть достигнуты в рамках публичной дипломатии, а именно: «Россия будет добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом ... активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности...»⁸. Достижение данных целей главным образом возложено на Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)⁹ и Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова¹⁰. Так, на 2014 г. Россотрудничеством открыто 60 российских центров науки и культуры за рубежом (РЦНК)¹¹. Деятельность Фонда им. А. М. Горчакова полностью направлена на развитие публичной дипломатии в России. Для информирования иностранной аудитории о российской позиции по актуальным информационным событиям созданы международное информационное агентство «Россия Сегодня», сеть телеканалов Russia Today и новостное агентство Sputnik News (до 2014 г. – радио «Голос России»).

Интересным является вопрос о возможности влияния граждан на деятельность вышеуказанных организаций, осуществляющих публичную дипломатию, посредством направления им обращений. И если при подаче гражданином обращения в орган государственной власти (Министерство

иностраннных дел, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств) применяется порядок рассмотрения обращений, установленный Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», то при направлении обращений к иным субъектам публичной дипломатии необходимо учитывать правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 18 июля 2012 г. № 19-П Конституционный Суд предположил возможность обращения граждан и их объединений к иным, помимо органов публичной власти, организациям, наделенным публично значимыми функциями, указав, что отдельные публично значимые функции могут быть возложены законодателем и на иные субъекты, не относящиеся к системе публичной власти, а соответствующие гарантии могут быть им установлены в порядке дополнительного обеспечения прав и свобод человека и гражданина с учетом, в том числе, характера деятельности тех или иных организаций, как имеющей публично-правовое значение, и конкретных условий развития политико-правовой системы Российской Федерации¹².

Когда организации создаются публично-правовыми образованиями для достижения публично значимых целей (при этом в решении отмечается, что публично значимые функции могут быть возложены как на государственные и муниципальные учреждения и предприятия, так и на организации, созданные в иных организационно-правовых формах), не требуется облачения их обязанности, вытекающей из ст. 33 Конституции Российской Федерации, в форму нормы федерального закона. Установление обязанности по рассмотрению обращений граждан этими организациями предполагается постольку, поскольку на такие организации возложено исполнение государственных или муниципальных публично значимых функций в рамках компетенции создавшего их публично-правового образования.

Во исполнение данного постановления Конституционного Суда федеральный законодатель распространил порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами на правоотношения, связанные с рассмотрением указанных органами, должностными лицами обращений объединений граждан, в том числе юридических лиц, а также на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами¹³.

Таким образом, организацию следует рассматривать как обязанную отвечать на обращения граждан при соблюдении следующих условий: на нее возложено выполнение публично значимой функции; существует объективное выражение такой обязанности.

12 Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4470.

13 Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2307.

nal of Diplomacy. – Vol. 7 (4). – P. 369–394.

8 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>

9 На Россотрудничество возложены полномочия по участию в разработке, реализации и информационно-аналитическом мониторинге политики укрепления позитивного восприятия и культурно-гуманитарного влияния в мире современной России: Указ Президента Российской Федерации от 06 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 37. – Ст. 4181.

10 Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова был создан в целях поддержки публичной дипломатии, содействия участию российских НПО в международном сотрудничестве: Распоряжение Президента Российской Федерации от 02 февраля 2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 6. – Ст. 643.

11 Согласно Докладу о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/default/files/final_councilors_doklad_2014.pdf

В то же время не каждое обращение, пусть и направленное в адрес субъекта, выполняющего публичные функции, следует рассматривать в смысле ст. 33 Конституции Российской Федерации. Обращение к организации должно быть направлено именно в связи с осуществляемой публичной функцией¹⁴. Если же обращение выходит за пределы публично значимых вопросов, которые организация призвана разрешать, то на порядок рассмотрения такого обращения не будут распространяться нормы Федерального закона № 59-ФЗ. В качестве признака для определения, распространяются ли нормы Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», можно принять содержащееся в данном законе требование к обращениям – цель его подачи. Посредством предложения гражданин или организация обращает внимание на возможности совершенствования нормативно-правового регулирования или развития общественных отношений; заявления направлены на содействие в реализации прав, сообщение о нарушениях законов или критику деятельности публичных органов; путем подачи жалобы возможно получить защиту или восстановление своих нарушенных прав. Очевидно, что не все цели могут быть достигнуты путем обращения к непубличному субъекту.

Остается открытым вопрос, какую деятельность следует относить к «публично значимой». Федеральный закон и решения Конституционного Суда РФ, содержащие данный термин, не дают четкой характеристики деятельности в публично значимых целях. В литературе отмечается, что отсутствие четко определенных критериев для определения публично значимых функций позволяет трактовать их довольно широко, относя к ним, например, деятельность по ремонту дорог, розничной купле-продаже продуктов питания, общеобразовательному обучению¹⁵. В данном аспекте интересна доктрина «государственного акта» (или государственного действия – state action) в американском праве. Лаконично суть данной доктрины изложена в знаковых решениях Верховного Суда США Civil Rights Cases 1883 г.: «Гражданским правам, защищенным Конституцией от нарушения со стороны государства, не может быть причинен ущерб неправомерными действиями частных лиц, не находящихся под поддержкой государством через право, обычаи, процессуальные или исполнительные процедуры»¹⁶. Предписания, содержащиеся в американской Конституции, адресованы и ограничивают действия лишь государства, оставляя вне поля своего воздействия иных субъектов (за исключением 13-й поправки, прямо запрещающей людям прибегать к рабству)¹⁷. Одно из исключений из данного правила имеет место в случаях выполнения частными субъектами «публичных функций». Деятельность частного субъекта будет сопряжена с выполнением «публичных функций», если: 1) такая деятельность обычно и исключительно выполняется государством; 2) частный субъект по большей части замещает своей деятельностью по отправлению данных функций аналогичную деятельность государства¹⁸. В практике Верховного Суда США в качестве «публичных функций» признавались организация праймериз,

руководство «company town» (образованиями, где все жизненно важные функции осуществляются одной компанией, которая зачастую является и единственным работодателем), руководство парками¹⁹.

Принимая во внимание вышеизложенное, стоит согласиться с узкой трактовкой²⁰ публично значимых функций в контексте решений Конституционного Суда РФ и норм Федерального закона № 59-ФЗ. Говорить о выполнении публично значимых функций частной организацией возможно только в случае, если деятельность такой организации по сути замещает государство в решаемых вопросах.

Организации, задействованные в сфере публичной дипломатии, определенно выполняют публично значимую функцию в силу следующего. Во-первых, данные субъекты публичной дипломатии действуют в интересах всего государства и для достижения стоящих перед государством целей во внешней политике. Например, одной из таких целей является распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация культурных достижений народов России, консолидация русской диаспоры за рубежом (пп. «з» п. 4 Концепции внешней политики). Для ее достижения в 2007 г. был создан Фонд «Русский мир»²¹. В частности, одним из результатов деятельности Фонда «Русский мир» являются открытые 139 кабинетов Русского мира (площадки, предоставляющие возможность знакомиться с культурой России, изучать русский язык, общаться с носителями русского языка, объединяться соотечественникам за рубежом) в 57 странах мира (по состоянию на 2014 г.)²². Данный пример наглядно подтверждает вовлеченность субъектов публичной дипломатии в процессы осуществления внешней политики. Поэтому, и во-вторых, публичная дипломатия является государственной по своему свойству деятельностью. Но в силу специфики данной деятельности, она может осуществляться эффективнее не государственными органами, а институтами гражданского общества и государственными организациями.

Обязанность отвечать на обращения граждан отсутствует в учредительных актах крупнейших структур, занимающихся публичной дипломатией, созданных государством (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова; Российская ассоциация международной дружбы; Фонд «Русский мир»)²³. Представляется, что такое положение дел не препятствует распространению норм Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» на

14 На это специально обращает внимание Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2012 г. № 19-П.

15 Практикум по юридическому консультированию / под. ред. Г. Н. Чеботарева. – М., 2015. – С. 60; Савоскин А. В. Проблемы реализации новых пределов права граждан на обращение // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод. – 2014. – № 3. – С. 156.

16 Supreme Court of the United States. Civil Rights Cases. 109 U.S. 3 (1883). Decision of 16 October 1883.

17 Wilson R. Huhn. The State Action Doctrine and the Principle of Democratic Choice // Hofstra Law Review. – Vol. 34 (4). – P. 1386.

18 Strickland H. The State Action Doctrine and the Rehnquist Court // Hastings Constitutional Law Quarterly. – Vol. 18 (3). – P. 633.

19 Brown J. K. Less is More: Decluttering the State Action Doctrine // Missouri Law Review. – Vol. 73 (2). – P. 565.

20 Цит. по Савоскин А. В. Проблемы реализации новых пределов права граждан на обращение // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод. – 2014. – № 3. – С. 155: «При узком толковании в число организаций реализующих публично-значимые функции следует включать, прежде всего, те которые в том или ином виде реализуют отдельные государственные (муниципальные) полномочия».

21 Указ Президента РФ от 21 июня 2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 26. – Ст. 3166.

22 Согласно Отчету о деятельности фонда «Русский мир» в 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russkiymir.ru/events/docs/report_2014.pdf

23 На основании анализа учредительных документов, см.: Устав Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/about/documents/>; Устав фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/fund/docs/ustav.pdf>; Устав Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rams.org.ru/assets/files/Ustav.pdf>

организации подобного типа, так как они специально созданы государством для осуществления функций публичной дипломатии (т.е. на них возложено осуществление публично значимых функций). Данный вывод основывается на позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который указал, что положения Федерального закона № 59-ФЗ могут применяться в отношении организаций, на которые возложены публично значимые функции, и до введения соответствующего регулирования²⁴. Несмотря на тот факт, что нормативно обязанность отвечать на обращения граждан в отношении субъектов публичной дипломатии не закреплена на уровне федерального закона, решающее значение в вопросе распространения на субъекта публичной дипломатии порядка рассмотрения обращений, закрепленного в Федеральном законе № 59-ФЗ, будет иметь его «связь с государством»: создание государством специально для данной цели либо возложение обязанности осуществлять деятельность в сфере публичной дипломатии иным образом. Существуют и другие признаки, позволяющие выявить связь той или иной организации с государством, например, финансирование организации средствами из федерального бюджета для реализации проектов в сфере публичной дипломатии²⁵. Предоставляя средства из бюджета, государство рассчитывает на полезный эффект от финансируемой деятельности, тем самым делегирует возможность на осуществление публичной дипломатии в интересах государства.

Таким образом, граждане Российской Федерации могут воздействовать на внешнюю политику государства посредством обращений.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2307.
2. Указ Президента Российской Федерации от 06 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 37. – Ст. 4181.
3. Указ Президента РФ от 21 июня 2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 26. – Ст. 3166.
4. Распоряжение Президента Российской Федерации от 02 февраля 2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 6. – Ст. 643.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4470.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>
7. Устав Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/about/documents/>
8. Устав фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/fund/docs/ustav.pdf>
9. Устав Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» // URL: <http://rams.org.ru/assets/files/Ustav.pdf>
10. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/default/files/final_councilors_doklad_2014.pdf
11. Отчет о деятельности фонда «Русский мир» в 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russkiymir.ru/events/docs/report_2014.pdf
12. Долинский А. В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 25.
13. Зюнова Т. В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М., 2003.
14. Савоськин А. В. Проблемы реализации новых пределов права граждан на обращение // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод. – 2014. – № 3.
15. Практикум по юридическому консультированию / под ред. Г. Н. Чеботарева. – М., 2015.
16. Ширококов С. А. Проблемы допустимости участия граждан в управлении международными делами // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 5.
17. Supreme Court of the United States. Civil Rights Cases. 109 U.S. 3 (1883). Decision of 16 October 1883.
18. Brown J. K. Less is More: Decluttering the State Action Doctrine // Missouri Law Review. – Vol. 73 (2).
19. Cull N. J. Public Diplomacy: Lessons from the Past. – Figueroa Press, 2009.
20. Curtis S., Jaine C. Public Diplomacy at Home in the UK: Engaging Diasporas and Preventing Terrorism // The Hague Journal of Diplomacy. – Vol. 7 (4).
21. Nye J. S., Jr. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80.
22. Strickland H. The State Action Doctrine and the Rehnquist Court // Hastings Constitutional Law Quarterly. – Vol. 18 (3).
23. Wilson R. Huhn. The State Action Doctrine and the Principle of Democratic Choice // Hofstra Law Review. – Vol. 34 (4)

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4470.

²⁵ Например, среди приоритетных направлений, определенных Фондом им. А. М. Горчакова для выдачи грантов в 2016 г., значатся информационное сопровождение деятельности России во внешних отношениях, популяризация проектов евразийской интеграции, международное молодежное сотрудничество.

Третьюхин М. В.
**ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР
ТРАНСФОРМАЦИИ МАССОВОЙ БАЗЫ «ЛЕВЫХ» ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ**

Переходные периоды в истории и сопровождающие их различного рода и степени трансформации социума вызывают к жизни новых субъектов политического действия, которые, в свою очередь, определяют характер и масштабы наступающих перемен и, в конечном итоге, лицо всей последующей эпохи. Обстоятельства нынешнего глобального кризиса диктуют необходимость выявления и более пристального изучения тенденций, рисков, противоречий в социальной сфере. Новый социологический анализ общества, изменяющихся ценностей, политического поведения его членов способствует детекции противоречий и конфликтов внутри него, позволит более точно прогнозировать возникновение и последующий рост общественно-политических движений, возможную радикализацию форм и методов политической борьбы, будущую расстановку политических сил. Изменения в структурах ставших давно привычными для целого ряда стран социального государства и среднего класса превращаются в одни из факторов, способствующих появлению исторического заказа в обновлённом, отвечающем условиям современности «новом левом» проекте. Исследование сущности и технологий общественно-политической активности «левых» даёт представление о способности и возможностях их влиять на общественно-политическую ситуацию в мире через призму идеологических установок и философских воззрений современных течений марксизма и анархизма. Социалистическая теория и практика в настоящий момент сами по себе переживают существенный кризис. Кардинально меняющаяся экономическая, политическая, социальная обстановка в мире побуждают «левых» совершенствовать свою идеологию, осваивать новые методы политической деятельности. Применительно к России, обращает на себя внимание возникновение неких нетипичных для Запада форм гражданского общества.

Ключевые слова: «левые», антикапиталистический субъект, средний класс, гражданское общество.

Третьюхин М. В.

Tretiukhin M. V.
**CHANGES IN THE SOCIAL SPHERE OF SOCIETY AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE MASS BASE OF
THE «LEFT» SOCIAL AND POLITICAL MOVEMENTS**

Transitional periods in history and their accompanying transformations of society of various kinds and degree bring to life the new subjects of political action, which, in turn, determine the nature and extent of the coming changes and, ultimately, the face of the whole of the next epoch. The circumstances of the current global crisis underscore the need for identification and further investigation of trends, risks, contradictions in the social sphere. New sociological analysis of society, changing values, political behavior of its members contributes to the detection of contradictions and conflicts within it, will allow to predict more accurately the emergence and subsequent growth of socio-political movements, the possible radicalization of forms and methods of political struggle, the future balance of political forces. Changes in the structures of the welfare state and the middle class became long before customary for a number of countries is one of the factors contributing to the emergence of the historical order in updated «new left» project corresponding to the conditions of modernity. Essence and technology research of socio-political activity of the «left» gives an idea of the abilities and possibilities to influence the political situation in the world through the prism of ideological and philosophical beliefs of modern schools of Marxism and anarchism. Socialist theory and practice currently on their own experience a significant crisis. Radically changing economic, political, and social situation in the world encourage «left» to improve their ideology, to develop new methods of political activity. With regard to Russia, the occurrence of certain forms of civil society unusual for West draws the attention.

Keywords: «left», anti-capitalist subject, middle class, civil society.

Обязательным условием и важнейшим элементом сколько-нибудь значимых политических и социальных преобразований является наличие соответствующего им исторического субъекта. И если рассматривать революционные изменения в мире на протяжении многих веков не как произвольную последовательность «случайных» событий, а в качестве фундаментальной мировой трансформации, то становится понятна неравномерная скорость, прерывистость этого процесса. Ведь далеко не всегда наличествовали те субъекты, организованные социальные силы, которые могли бы стимулировать и направлять его на каждом последующем этапе истории.

Одной из главных проблем революционной теории всегда был и остаётся поиск (либо формирование) «революционного гегемона» или, если использовать более современную терминологию, – «антикапиталистического субъекта». Как известно, Маркс и Энгельс безраздельно отводили роль субъекта революционных изменений общества рабочему классу (крестьянский вопрос затрагивался в их работах довольно по-

верхностно). Но как показал весь последующий ход истории – пролетарские революции (такими, какими их предсказывала и описывала марксистская теория) не смогли победить нигде. Ставка на наиболее «передовой» и «сознательный» класс, у которого «нет Отечества», которому «нечего терять, кроме собственных цепей», себя не вполне оправдала.

Но классики марксизма заблуждались, видимо, ещё глубже, ошибочно принимая за рабочий класс «опасные классы» – вчерашних крестьян, в ходе европейской «Промышленной революции» вынужденных массово переселяться в города и становившихся там наёмными работниками. Они не только оказались поставленными в тяжелейшие условия жизни и труда, но, вырванные из привычного уклада, оставались в своём первом, посткрестьянском поколении чужды и враждебны самому городскому, «промышленно-финансовому» образу жизни, испытывали постоянный психологический дискомфорт и сильнейший стресс. Эти переходные и нестабильные социальные группы нередко находились на самой грани истеричного,

«бессмысленного и беспощадного» бунта. Именно по этим причинам «опасные классы» с такой готовностью примыкали к вооруженным восстаниям разночинцев и городских люмпенов в Европе на протяжении всего XIX в. (классический пример – Парижская коммуна 1871 г.). Однако «Капитал» увидел свет именно в тот период, когда «опасные классы» в Западной Европе уже стали трансформироваться в собственно рабочий класс, интегрированный в капитализм посредством национализма (вспомним неподдельный патриотизм и энтузиазм народных масс в начальный период Первой мировой войны).

К слову, в Российской империи этот процесс по понятным причинам запоздал. «Опасные классы» здесь стали зарождаться только после отмены крепостного права и резко увеличились в численности после «рыночных реформ» Столыпина, нанёвших окончательный удар по традиционной русской крестьянской общине. На это обстоятельство обращает внимание С. Г. Кара-Мурза в работе «Столыпин – отец русской революции» (2002), когда выводит неизбежность революционных потрясений в России начала XX в. из-за её форсированной интеграции в мировую капиталистическую систему. Пожалуй, именно «опасные классы», а не относительно малочисленный тогда российский рабочий класс, стали здесь основным «социальным поводом» событий 1905–1907 и 1917 гг.

Неомарксисты рассматривали потенциальный социальный состав участников будущей революции уже существенно шире, чем Маркс и Энгельс. Ещё Грамши отнёс к «социальному пороку», помимо собственно рабочего класса, «гендерно угнетённых» женщин, «некоренные» этнические группы и часть мелкого криминалитета. Спустя почти полвека, Маркузе объединял в революционный «новый пролетариат» радикальные молодёжные группировки, разного рода маргиналов, борцов за те или иные права, всевозможные меньшинства, повстанческие движения «третьего мира» и др.

Собственно, в эпоху «золотого тридцатилетия» капитализма 1945–1973 гг., в период социального благополучия, постоянного роста производства и потребления в США и Западной Европе говорить о каких-либо «единстве» и «сознательности» тамошнего рабочего класса, получившего свою «долю» от коллективной эксплуатации «третьего мира», было бы большой натяжкой. Именно это стало основной причиной того, что «новые левые» переориентировали свои пропаганду и рекрутинг потенциальных сторонников на студенчество, интеллигенцию и «средний класс». Экономический подъём и всплеск рождаемости в Европе и США после 1945 г. создали новое поколение, не знавшее голода, изнурительного труда и войны, воспринимавшее социальные уступки государства и капитала трудящимся не как достижения, результаты долгой, упорной и порой жестокой борьбы, а нечто вполне естественное и само собой разумеющееся. Малейший повод – будь то необходимость увеличения рабочего дня в связи с наращиванием темпов производства, агрессивная внешняя неокolonialная политика собственных государств или чрезмерно «строгие» университетские уставы – вызывали теперь сильнейшие неприятие и раздражение, переходящие в гневный протест. И «новым левым» удалось более-менее успешно играть на инстинктивном недовольстве и общественно-политических амбициях западной молодёжи.

Но время и сама сущность «государства всеобщего процветания» (welfare state) работали против него. Социальная «идиллия» в «ядре» капиталистической мир-системы впервые была серьёзно поставлена под вопрос в годы «энергетического» кризиса середины 70-х годов прошлого века. Последовавшие спад производства, инфляция, безработица и рост цен вызвали к жизни неолиберальный и неоконсервативный проекты в тех их современных вариантах, которые, предполагаем, мягко говоря, весьма неоднозначные рецепты социальной политики. Пораже-

ние СССР в Третей мировой («холодной») войне естественным образом устранило одну из основных причин, повлиявших на создание и становление западной модели «социального государства». Впрочем, данная социально-экономическая система, хотя и в достаточно ограниченном количестве стран, могла ещё определённое время довольно эффективно поддерживать себя благодаря имевшимся там финансам и технологиям, а также используя новые ресурсы и рынки сбыта, появившиеся после крушения «социалистического блока». Однако новый глобальный экономический кризис начала XXI в. («...один из самых масштабных и глубоких за всю мировую историю»¹) нанёс свой первый удар, в первую очередь, именно по «социальному государству» и «среднему классу», их благополучию и уверенности в завтрашнем дне. «Средний класс», долгое время тщательно взращиваемый в «тепличных» условиях, неоднократно провозглашаемый «опорой демократии» и «основой стабильности», в новых неблагоприятных обстоятельствах становится «ахиллесовой пятой» буржуазной демократии и одним из факторов нестабильности. «Для того чтобы умиротворить массы, их превратили в средний класс. Но элиты нарушили социальный компромисс. Война объявлена. И средний класс, нехотя и неожиданно для самого себя, вновь превращается в неуправляемую и бунтующую массу, которая так испугала буржуазных мыслителей в конце позапрошлого века»².

Вышедший в 2006 г. доклад Центра развития, концепций и доктрин Министерства обороны Великобритании гласил: «...Средний класс может стать одним из революционных классов, приняв на себя роль, которую Маркс отдавал пролетариату». В документе было особо подчёркнуто, что в сложившихся обстоятельствах в среде «среднего класса» могут стать особо популярны и востребованы «...доктринерские политические идеологии, такие, как... марксизм...»³. Впрочем, подобное развитие событий, обусловленное социальной фрустрацией, было довольно точно предугадано ещё в 1975 г. в докладе «Кризис демократии», сделанном для Трёхсторонней комиссии: «Включение значительной части общества в состав средних классов вызывает рост надежд и ожиданий, а затем и острое недовольство, если эти ожидания не оправдываются»⁴.

Известный российский футуролог М. Калашников, ссылаясь на доклад профессора А. Н. Фурсова «Хронораздел 1975–2025 гг.: новая передача карт мировой истории», пишет: «Где тот исторический субъект, что победит нынешнюю капиталистическую элиту? ...низы на эту роль не годятся. А вот погибающий средний класс вполне может подняться на борьбу. Ведь этому классу не выжить ни при строе нового глобального монополизма, ни в случае нашествия новых варваров... Очевидно, что успешная революция возможна в случае, если наступит раскол в капиталистической верхушке. Если часть «бояр» (в своих интересах) заключит союз с радикальным антисистемным движением и уничтожит другую часть...»⁵. Последнее уточнение довольно-таки важно, т.к. опыт большинства успешных революций свидетельствует о том, одним из главнейших условий одержанных ими побед были именно деконсолидация и вражда внутри самого «правлящего класса».

- 1 Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 619.
- 2 Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. – М.: Эксмо / Алгоритм, 2012. – С. 9.
- 3 Нортон-Тэйлор П. Revolution, flashmobs, and brain chips. A grim vision of the future // Коммерсантъ. – № 59. – С. 12. – 10.04.2007.
- 4 Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report for the Trilateral Commission. – N.Y.: New York University Press, 1975. – P. 158.
- 5 Калашников М. Глобальный смутокризис. – Минск: Харвест, 2010. – С. 161–162.

Тем не менее, многие «левые» аналитики продолжают довольно скептически относиться к возросшей за годы наступившего кризиса протестной активности «среднего класса», наёмных работников и общегражданских движений в государствах ЕС и Северной Америки. Сохраняется мнение о том, что среднестатистический рядовой гражданин «развитых» стран на протяжении нескольких десятилетий господства «общества потребления» был слишком им «избалован» и «развращён», чтобы проникнуться теперь «подлинно революционным духом», и в настоящих условиях способен требовать от «правлящих классов» всего лишь сохранения любой ценой прежнего status quo – комфорта и благополучия для значительного большинства членов западных социумов. И здесь вновь просматривается стабилизирующий, «консервирующий» эффект наличия «среднего класса» и деятельности буржуазного «гражданского общества», полезных для «самокорректировки» и самовоспроизведения существующей системы.

Показательно в этой связи, что подобным же образом оценивают место и роль «среднего класса» и некоторые идеологические оппоненты «левых» из «правого» националистического «лагеря»: «...общество, на 70% состоящее из среднего класса... – голубая мечта власть имущих: потому, что это общество абсолютно лояльное к власти, ведь всем этим людям уже есть что терять, а обрести что-то путем революций и баррикад им не светит... Они поддержат всей своей инертной массой любое правительство, лишь бы оно не препятствовало их “частной инициативе” (проще говоря, не мешало барахтаться в гряде мелких личных проблем, составляющих самую суть их жизни)... Средний класс повсеместно социально инертен, его жизненная программа – приспособиться, встроиться, выжить»⁶.

Тем не менее, представляется весьма очевидным, что, по мере нарастания глобального кризиса, в руках «элит» будет оставаться всё меньше возможностей и ресурсов для долгое время практиковавшегося ранее «коллективного подкупа» недовольных «средних» слоёв и «низов» общества. А потому есть достаточные основания ожидать всё большей радикализации тех и других.

Между тем, говорить применительно к современной России о каком-то массовом «среднем классе» по типу западного, безусловно, было бы очень большой натяжкой. И пресловутый «креативный класс» российских мегаполисов отнюдь не может считаться его аналогом. Конечно, наиболее опасными и последовательными «противниками режима, способными этот режим опрокинуть, становятся не те, кто не встроился в существующую систему по бездарности, непрактичности и ущербности, а те, кто мог бы это сделать, но не пожелал в силу своих убеждений»⁷. Но российские «креаклы», несмотря на своё определённое внешнее сходство с западным «средним классом», либеральную «оппозиционность» и даже демонтируемый иногда интерес к «левому» дискурсу, в действительности – именно неплохо встроены в существующую социально-экономическую систему социальные группы, «... которые паразитируют даже не на труде, а непосредственно на капитале»⁸.

6 Севастьянов А. Н. Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса [Электронный ресурс] // Сайт «Агентство политических новостей» («АПН»). – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article19974.htm> (дата публикации: 28.05.2008).

7 Вахитов Р. Р. Демшиза – феномен прошлого [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое издание «Интернет против телеэкрана». – Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/711> (дата обращения: 20.12.2014).

8 Кагарлицкий Б. Ю. Загадка «креативного класса» [Электронный ресурс] // Сайт «Альтернатива». – Режим доступа: <http://alternativa.org/articles/item/4039-> (дата публикации: 29.10.2012).

Тем не менее, А. Н. Тарасов, анализируя проведённые А. Уайтфордом исследования структуры латиноамериканских обществ, распознаёт по аналогии с ними в современной России целых три «средних класса»: «потребительский средний класс», зачастую напрямую работающий на зарубежные компании и ориентированный на очень высокие по сравнению с основной массой населения «стандарты жизни»; «некультурный средний класс», объединяющий в себе чиновников разного ранга, мелкий и средний бизнес, криминал; и, наконец, «бедный средний класс», частично сохраняющий за собой только лишь формальный социальный статус – инженеры, врачи, учителя и пр. Опыт Латинской Америки наглядно свидетельствует о том, что «левые» достаточно легко находят общий язык именно с «бедным средним классом», а тот, в свою очередь, является источником новых кадров для разного рода революционных групп и организаций⁹.

В той же степени, что и наличие в России «полноценного» «среднего класса», достаточно обоснованно ставится под сомнение существование здесь «гражданского общества» западного образца. Но с точки зрения возможных в будущем классовых баталий данное обстоятельство, как это на первый взгляд ни парадоксально звучит, является, скорее, положительным фактором. Дело в том, что в нашей стране понимание неоднородности характера и роли «гражданского общества» в массовом и даже научном сознании было в последние десятилетия почти полностью заблокировано постоянными упоминаниями этого термина исключительно в положительном контексте.

Подобно тому, как когда-то античное «гражданское общество» довольно часто приводило к власти в том или ином полисе очередного тирана, дабы противопоставить его амбициям своих олигархов или аристократии, «гражданскому обществу» Новейшего времени, может быть, не в меньшей степени присуща предрасположенность к тоталитаризму, к «правой» диктатуре. Так, ряд современных западных учёных указывает на то, что не только слабость, но и повышенная активность развитаго «гражданского общества» может таить в себе довольно опасные тенденции. Классический пример из прошлого века – Третий рейх. «Когда оказалось, что национальные политические институты и структуры либо не хотят, либо не могут ответить на нужды своих граждан, многие немцы отвернулись от них и вместо этого нашли утешение в институтах гражданского общества... .. богатая общественная жизнь веймарских времён обеспечила необходимую основу для подготовки будущих нацистских кадров... Будь немецкое гражданское общество слабее, нацисты никогда бы не смогли привлечь к своему делу столько граждан или так быстро обезоружить своих оппонентов»¹⁰. Похожей точки зрения придерживаются и некоторые отечественные исследователи: «... приход к власти гражданского общества есть не победа демократии, а победа над демократией, потому что здесь на смену демократическому и легитимному государству приходят лишённые демократической легитимности, в лучшем случае опирающиеся на страсти толпы структуры гражданского общества, которые подчиняют себе народ, сначала при помощи манипуляции, а затем и откровенного насилия»¹¹. Кажется, что политический кризис 2013–2014 гг. на Украине и последовавшая за ним

9 Тарасов А. Н. Антиглобалисты: «ликбез» // Научно-просветительский журнал «Скепсис». – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_2287.html (дата обращения: 13.10.2014).

10 Berman Sh. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // World Politics. – 1997. – Vol. 49. – № 3. – P. 402, 408.

11 Вахитов Р. Р. Рождение тоталитаризма: диалектическое перерождение либерального общества в тоталитарное [Электронный ресурс] // Сайт «nevmenandr.net» – Режим доступа: <http://www.nevmenandr.net/vaxitov/totalgen.php> (дата обращения: 10.12.2014).

ценная реакция могут послужить наглядной иллюстрацией в пользу такого мнения.

Впрочем, большинство социологов и политологов, как в России, так и за рубежом, продолжают оценивать «гражданское общество» сугубо позитивно. И в этом есть свой смысл. В периоды относительного благополучия «гражданское общество», как и «средний класс», действительно служит «основой стабильности», выполняя роль «противовеса» государственной машине. Основная функция «гражданского общества» здесь – «конструктивная критика» и относительно «мягкая» конфронтация с госбюрократией. Борясь с одними элементами существующей системы, «гражданское общество» тем самым, вольно или невольно, выступает инициатором и создателем её новых структур, более отвечающих целесообразности и соответствующих «духу времени». Таким образом, система в целом получает новые «точки опоры» и тем самым продлевает своё существование.

Маркс во многих работах («К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права», «Святое семейство», «Немецкая идеология») оценивал роль «гражданского общества» своей эпохи однозначно отрицательно. Согласно сделанным им выводам, такого рода способ самоорганизации социума зиждется скорее на «низкой», нежели на «высокой гражданственности» (по терминологии Ж. Ж. Руссо). Буржуазное «гражданское общество» пассивно и предрасположено к компромиссам. Последующие апологеты марксизма именно так его и воспринимали, пока предтеча «новых левых» – Антонио Грамши – не сформулировал в рамках своей «теории гегемонии» идею «активного гражданского общества» (или «политического общества»). Если победу над эксплуататорским государством призваны совершить революционные партии и движения, то нейтрализовать «несущий каркас» такого государства – буржуазное «гражданское общество» по силам лишь его антиподу – «активному гражданскому обществу». Грамши был уверен, что наличие и деятельность «активного гражданского общества» как антитезы буржуазного «гражданского общества», является одним из важнейших необходимых условий победы революции и последующих социальных преобразований в «центре» мировой капиталистической системы.

«Классовый и политический враг навязывает свои правила игры через государство как машину прямого классового подавления и через “гражданское общество” – как дублирующую (формально независимую от государства) систему классового подавления. ... Именно из-за наличия при капитализме этой дублирующей репрессивной системы – “гражданского общества” – революционные силы смогут победить, лишь противопоставив институтам буржуазного “гражданского общества” институты своего, антибуржуазного “контр-гражданского общества”... Стратегически верным является не дублирование институтов буржуазного “гражданского общества” и буржуазных культурных институтов, а отказ от них, замена их другими институтами»¹².

Достаточно забавным в данном свете выглядит то, что российские реалии в данном вопросе вновь демонстрируют свои «вопиющие» отличия от зарубежного «эталона». Если проанализировать целый ряд известных и крупных кампаний гражданского сопротивления в РФ за последний десяток лет (борьба за Химкинский лес, «гаражный кризис» в Санкт-Петербурге и др.), то невольно обнаруживаются как раз признаки того самого «гражданского общества наоборот», основанного не столько на совпадении частных интересов, сколько на солидарности. Кто знает – быть может, подобное отсутствие в России «настоящего» «гражданского общества» является не

её бедой (и, уж тем более, не виной), а положительной отличительной чертой, дающей её шанс (как и 100 лет назад при схожих обстоятельствах) открыть новую страницу в своей и мировой истории.

Что бы там ни было, а в условиях весьма «рыхлой» и «пёстрой» классовой структуры постмодернистского общества, задаче его революционной мобилизации вновь более соответствует «якобинский», а не «большевистский» подход: «...социальной базой большевиков был консолидированный индустриальный пролетариат (во всяком случае, они его таким считали – прим. авт.), тогда как якобинство опиралось на неразделённую, хотя и социально неоднородную плебейскую массу, в составе которой были и рабочие, и мелкая буржуазия, и обедневшие лица свободных профессий... Современный капитализм, размывая традиционный рабочий класс, одновременно ведёт к пролетаризации средних слоёв... Однако массы новых полупролетариев, наёмных работников неиндустриального сектора, обедневшие средние слои и потерявшая свой прежний статус интеллигенция склонны к радикальным антикапиталистическим выступлениям отнюдь не меньше, чем промышленные рабочие...»¹³. На сцену истории начинают выходить новые «плебейские массы» «эпохи офисного планктона».

Разумеется, в «эпоху глобализации» политические и социальные процессы, происходящие в России (окончательно стаявшей частью мировой капиталистической системы в 90-е гг. прошлого века) нельзя рассматривать в отрыве от всего остального мира. Приходится констатировать, что в социальном отношении человечество вернулось к своему состоянию столетней давности. Сегодня, как и в начале прошлого века, 1 % населения Земли владеет 40 % её богатств (в 1980 г. этот «золотой процент» обладал «всего лишь» 20 %). В 1980-х гг. в мире умирало от голода 30 млн человек в год, в начале 1990-х – 40 млн. К началу наступившего века подобные данные становились всё более закрытыми. И вот, на I Всемирном социальном форуме 2001 г. в Порту-Алегри представители международных детских организаций огласили информацию о 80 млн (!) одних только детей в возрасте до 16 лет, погибших от голода в течение 2000 г. При этом эксперты МВФ лицемерно пытаются объяснить нынешний рост смертности от недоедания увеличением населения планеты. Однако если бы нынешняя голодная смертность росла пропорционально росту человечества, население Земли должно было бы насчитывать уже около 27,5 млрд человек. Разрыв доходов между «развитыми» странами Запада и всеми прочими увеличился с 1980-х гг. в 3 раза. При этом социальное расслоение растёт и в самом «ядре» мировой капиталистической системы, «коллективном эксплуататоре» «третьего мира». Так, к примеру, с 2000 г. доходы работающих по найму граждан США сократились на 19 %, а доходы управленцев крупных компаний и ТНК выросли на 66 %¹⁴. Подобное развитие событий вполне закономерно: «...разразившийся кризис – первый действительно всеобщий экономический кризис за весь послевоенный период. Этого следовало ожидать: как только прекратилось мировое противостояние двух систем (“Холодная война”, то есть III Мировая, де-факто заставлявшая работать капиталистическую экономику как военную – за счет гонки вооружений и влияния на внутреннее положение факта противостояния с «внешним врагом»), вновь заработали без искажений механизмы функционирования ка-

12 Тарасов А. Н. Мировая революция-2 // Левая политика. – 2010. – № 10–11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.left-policy.ru/articles.php?article_id=93 (дата обращения: 18.09.2014).

13 Костюк Р. В. Южную Европу ждёт встряска // Интернет-журнал «Рабкор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/01/30/shake-europe/> (дата публикации: 30.01.2015).

14 Тарасов А. Н. Мировая революция-2 // Левая политика. – 2010. – № 10–11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.left-policy.ru/articles.php?article_id=93 (дата обращения: 18.09.2014).

питалистической экономики, хорошо известные нам из марксистской политэкономической классики»¹⁵. Концентрация собственности естественным образом ведёт к сокращению числа тех, кто этой собственностью владеет и имеет доступ к ресурсам. Очевидно, что глобализация («концентрация мира»), концентрация капитала и концентрация власти – «восстание элит» (наступление на демократию и «гражданское общество») идут параллельно друг другу.

В то же самое время 80 % нынешнего городского населения стран капиталистической «периферии» составляет т.н. «трущобный миллиард» (1/3 от всех городских жителей Земли, согласно докладу ООН «Вызов трущоб» (2003)). Его половину составляет молодёжь младше 20 лет (согласно теории революции четвёртого поколения Д. Годдстоуна, превышение молодёжью 15–25-летнего возраста 20-процентного порога в человеческой популяции приводит к социальным и политическим потрясениям). К 2020 г. численность «трущобного миллиарда» должна будет достигнуть 2 млрд человек¹⁶. Иными словами, сейчас мы становимся свидетелями обусловленных разложением традиционных обществ процессов в странах «третьего мира», сильно напоминающих те, которые во времена «Промышленной революции» в Европе привели к возникновению там «опасных классов» – «социального пороха» восстаний и революций той эпохи. В то же самое время обусловленная нынешним глобальным кризисом деиндустриализация стран «мирового Юга» ведёт к «консервации» здесь этих самых «опасных классов», невозможности их дальнейшего окончательного превращения собственно в наёмных рабочих, социализированных существующей системой и оттого более-менее лояльных ей. Аналогичные последствия влечёт за собой «перепроизводство» в «третьем мире» образованных специалистов – своего рода «недосреднего класса», «социальная фрустрация» которого легко может канализироваться в бунтарское и революционное «русло». Другими словами, на «периферии» складывается условия для описываемого А. Н. Тарасовым сценария образования «тыловых баз мировой революции»¹⁷.

Симптоматично, что даже в Германии – экономическом «локомотиве» ЕС, одной из наиболее благополучных стран, развитая система социальной защиты населения которой пока ещё наименее всего пострадала от неолиберальных «реформ» и кризиса, по сравнению с большинством других европейских государств – с каждым годом растут симпатии к «красным», а манифестанты впервые с начала 70-х гг. прошлого века начали бросать в полицию взрывные устройства. Европейские специалисты объясняют нынешнее возрождение «ультралевого терроризма» по всей Европе периодом «экономической и политической нестабильности». Однако Европол более всего тревожит рост «левого» терроризма именно в Германии, нежели в странах Южной Европы (Греции, Италии, Испании), где он рассматривается уже едва ли не как «местная традиция»¹⁸. В этой связи, можно вспомнить, что поражение «студенческих революций» в Западной Европе полвека тому назад побудило многих «новых левых», исчерпавших, как им тогда казалось, все ненасильственные способы борьбы, взяться за оружие. Сами собой напрашиваются некоторые исторические параллели:

«Учитывая успех сапатистов в мексиканском штате Чьяпас и марксистских партизан в Непале, я бы не стал недооценивать возможный виток ультралевого терроризма. Уже сейчас ясно, что все акции антиглобалистов сродни укусу комара для их противников и, кто знает, не возьмут ли они на вооружение опыт своих более радикальных предшественников...»¹⁹.

В то время как в «третьем мире» социальная база и кадры «левых» движений остаются относительно низменными (студенчество, «левая» интеллигенция, крестьянство и пр.), в «первом мире» и России они могут в ближайшей перспективе претерпеть под влиянием целого ряда факторов (один из главных – «демонтаж» ставших за несколько десятилетий такими привычными моделей «социального государства») существенные количественные и качественные изменения. Разворачивающийся глобальный кризис по-разному влияет на изменения в расстановке политических сил в тех или иных конкретных государствах. Нельзя оставить незамеченным очередное доказательство популярности «крайних левых» в странах Южной Европы: речь идёт, прежде всего, об испанской партии «Подemos» и коалиции «СИРИЗА» в Греции (в состав которой входят такие радикальные течения, как троцкисты и маоисты). Характерно, что эти новые политические силы демонстративно дистанцируются как от коммунистических партий «старого образца», так и от «оппортунистов» социал-демократов. В то же время аналогичные социально-экономические процессы, рост протестных и оппозиционных настроений на Западе и Севере ЕС привели к, если так можно выразиться, диаметрально противоположным результатам – увеличению рейтинга «правых» радикалов и популистов²⁰.

Надо признать, что в сегодняшней России обе эти тенденции – «крайне левая» и «крайне правая» – сосуществуют вместе. И пока ещё совсем не ясно, к каким результатам это приведёт. Возможно, что обе они придут к некому «симбиозу» – чему-то вроде современного варианта национал-большевистской идеологии. Или же, напротив, сойдутся в неприемлемом противоборстве. Последние драматические события в другой части «постсоветского пространства» – очередная украинская «революция» – не только не дали возможности тамошним «левым» сколько-нибудь существенно проявить себя, но, напротив, нанесли сильнейший удар по ним: привели к фактическому запрету деятельности компартии (как это некогда имело место в Третьем рейхе) и террору «правых» радикалов против «левых» и рабочих активистов по всей стране. Показательно, что в ходе государственного переворота и гражданской войны на Украине либералы-западники и неонацисты, несмотря на возникающие время от времени между ними разногласия, смогли действовать в унисон друг другу под общими русофобскими и популистскими лозунгами. Но это нельзя считать локальным явлением – подобные «правые» альянсы, имеющие, в том числе, откровенно выраженную антикоммунистическую направленность, уже сейчас наметились во многих западных государствах²¹.

15 Тарасов А. Н. Мировая революция-2 // Левая политика. – 2010. – №10-11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.left-policy.ru/articles.php?article_id=93 (дата обращения: 18.09.2014).

16 Мямлин К. Е. Высокий Коммунитаризм как Русская Идея. – М.: Кислород, 2011. – С. 404.

17 Тарасов А. Н. Мировая революция-2 // Левая политика. – 2010. – №10-11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.left-policy.ru/articles.php?article_id=93 (дата обращения: 18.09.2014).

18 Базаркина Д. Ю. Терроризм и антитеррористическая деятельность: коммуникационный аспект (на материалах Европейского Союза). – М.: БФРГТЗ «Слово», 2013. – С. 103, 109, 115.

19 Антоновский Р. Ю. Новые левые: Вчера. Сегодня. Завтра [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Новая политика». – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/-novyie-levyie-vchera-segodnya-zavtra-text690.html> (дата публикации: 20.10.2004).

20 Костюк Р. В. Южную Европу ждёт встряска [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Рабкор». – Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/01/30/shake-europe/> (дата публикации: 30.01.2015).

21 Рычкова Е. Андрей Фурсов: Украина – это репетиция союза либералов и неонацистов в Европе [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Накануне.ру». – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/19050/#sthash.rhJyQdFK.dpuf> (дата публикации: 27.05.2014).

В РФ, согласно исследованиям социологов, с начала наступавшего века «левые» настроения продолжают явно доминировать. Так, если в 2007 г. сторонниками «социалистического пути» определяли себя 43 % россиян, а в симпатии к буржуазной демократии и «свободному рынку» признавались 18 % их сограждан²², то в 2013 г. это соотношение равнялось соответственно 51 % и 29 %²³, т.е. остаётся примерно на том же уровне. Иное дело, что вся эта значительная масса потенциальных сторонников «левых» продолжает оставаться дезориентированными и разобщенными. КППФ, получившая «монопольное право» представлять «левую» идею в российской политической системе, долгие годы, главным образом, эксплуатирует в электоральных целях «ностальгию по СССР», но не имеет сколько-нибудь перспективной самостоятельной стратегии и внятной идеологии, подменяя последнюю эклектичным набором лозунгов. В этом смысле КППФ имеет все основания провозглашать себя приемником КПСС, попытки переосмыслить и «модернизировать» официальную идеологию которой – марксизм-ленинизм – фактически прекратились ещё в 40-х годах прошлого века со смертью А. А. Жданова.

В то же время нельзя отрицать наличия в России более современных «левых» политических сил, соответствующих духу и вызовам эпохи, перспективных с точки зрения своего численного и качественного роста. Здесь можно отметить, например, такие организации, как «Левый фронт» и «Автономное действие» (последних по всем признакам можно отнести к «новым левым» или постмодернистам по классификации А. Г. Дугина²⁴).

Так или иначе, а современным «левым», с учётом надвигающихся неизбежных перемен и возможных катаклизмов, придётся совершенствовать свою теорию, освоить новые формы политической борьбы и вступать при этом в самые неожиданные тактические союзы.

Пристатейный библиографический список

1. Антоновский Р. Ю. Новые левые: Вчера. Сегодня. Завтра [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Новая политика». – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/novyie-levyie-vchera-segodnya-zavtra-text690.html> (дата публикации: 20.10.2004).
2. Базаркина Д.Ю. Терроризм и антитеррористическая деятельность: коммуникационный аспект (на материалах Европейского Союза). – М.: БФРГТЗ «Слово», 2013.
3. Вахитов Р. Р. Демшиза – феномен прошлого // Информационно-аналитическое издание «Интернет против телеэкрана» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/711> (дата обращения: 20.12.2014).
4. Вахитов Р. Р. Рождение тоталитаризма: диалектическое перерождение либерального общества в тоталитарное [Электронный ресурс] // Сайт «nevmenandr.net». – Режим доступа: <http://www.nevmenandr.net/vaxitov/totalgen.php> (дата обращения: 10.12.2014).
5. Возвращение к глобальной революционной стратегии с учетом опыта XX века [Электронный ресурс] // Сайт журнала «левая политика». – Режим доступа: http://www.leftpolicy.ru/articles.php?article_id=93 (дата обращения: 18.09.2014).
6. Дугин А. Г. Четвёртая политическая теория. – СПб.: Амфора, 2009.
7. Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. – М.: Эксмо/ Алгоритм, 2012.
8. Кагарлицкий Б. Ю. Загадка «креативного класса» [Электронный ресурс] // Сайт «Альтернатива». – Режим доступа: <http://alternatio.org/articles/item/4039-> (дата публикации: 29.10.2012).
9. Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
10. Калашников М. Глобальный смуткризис. – Минск: Харвест, 2010.
11. Костюк Р. В. Южную Европу ждёт встряска [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Рабкор». – Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/01/30/shake-europe/> (дата публикации: 30.01.2015).
12. Костюк Р. В. Южную Европу ждёт встряска [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Рабкор». – Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/01/30/shake-europe/> (дата публикации: 30.01.2015).
13. Матвеева А. Левых прибыло [Электронный ресурс] // Сайт «РБК». – Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/politics/562949979111872> (дата публикации: 04.04.2007).
14. Мямлин К. Е. Высокий Коммунитаризм как Русская Идея. – М.: Кислород, 2011.
15. Нортон-Тэйлор P. Revolution, flashmobs, and brain chips. A grim vision of the future // Коммерсантъ. – № 59. – С. 12. – 10.04.2007.
16. Рычкова Е. Андрей Фурсов: Украина – это репетиция союза либералов и неонацистов в Европе [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Накануне.ру». – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/19050/#sthash.rhJyQdfK.dpuf> (дата публикации: 27.05.2014).
17. Севастьянов А. Н. Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса [Электронный ресурс] // Сайт «Агентство политических новостей» («АПН»). – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article19974.htm> (дата публикации: 28.05.2008).
18. Тарасов А. Н. Мировая революция-2 // Левая политика. – 2010. – № 10–11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leftpolicy.ru/articles.php?article_id=93 (дата обращения: 18.09.2014).
19. Тарасов А.Н. Антиглобалисты: «ликбез» // Научно-просветительский журнал «Скепсис». – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepis.ru/library/id_2287.html (дата обращения: 13.10.2014).
20. Черняховский С. Сторонники «западной» модели развития России потерпели полный крах [Электронный ресурс] // Интернет-портал «КМ.РУ». – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/02/13/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-rossii/703884-storonniki-zapadnoi-modeli-razvi> (дата публикации: 13.02.2013).
21. Berdan Sh. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // World Politics. – 1997. – Vol. 49. – № 3.
22. Crozier M. Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report for the Trilatera Commission. – N.Y.: New York University Press, 1975.

22 Матвеева А. Левых прибыло [Электронный ресурс] // Сайт «РБК». – Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/politics/562949979111872> (дата публикации: 04.04.2007).

23 Черняховский С. Сторонники «западной» модели развития России потерпели полный крах [Электронный ресурс] // Интернет-портал «КМ.РУ». – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/02/13/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-rossii/703884-storonniki-zapadnoi-modeli-razvi> (дата публикации: 13.02.2013).

24 Дугин А. Г. Четвёртая политическая теория. – СПб.: Амфора, 2009. – С. 57.

Парфёнова С. Р., Шарипкулов А. В.
РОЛЬ ЭТНОТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

Авторы статьи ищут ответы на вопросы, связанные с запросом общественности на компетентные решения проблем уровня формализованной структуры, инициируют актуализацию задач политологической науки по обнаружению механизмов выдвижения определенного качества людей на государственную службу и, как следствие, выявление источников централизации и децентрализации процессов принятия решений – центрального звена политических процессов. В связи с этим рассматриваются основания посылов этносов к политической адаптации своего жизнеобеспечения, укрепления своих этнических контактов, в результате которых происходит политическая этнодиффузия, обеспечивающая эволюционную преемственность.

Ключевые слова: этнотрадиции, эндогамия, патриотизм, этнические ценности, комплиментарность, социальные чувства, этнодиффузия.

Parfenova S. R., Sharipkulov A. V.
THE ROLE OF ETHNIC TRADITIONS IN THE FORMATION OF POLITICAL PHENOMENA AND PROCESSES

Article authors are looking for answers to the public's perception of a competent decision problems formThe authors of the article are looking for answers to the public's query for a competent decision of problems of formalised structure, initiate an update of the tasks of political science in detection of the mechanisms which govern nomination of certain people for public service and as a result, the identification of sources of centralization and decentralization of decision-making processes as a central part of the political process. In this regard the grounds of the ethnic groups' message to adapt their livelihoods, strengthen their ethnic contacts resulting in political ethnodiffusion, which provides volutionary continuity are considered.

Key words: ethnotraditions, endogamy, patriotism, ethnic values, complementarity, social feelings, ethnodiffusion.

Поиск роли этнокультурной составляющей в трансляции общечеловеческих ценностей населением актуализируется в связи с размыванием ценностных ориентаций в общественных отношениях в условиях кризисных явлений, в частности, в духовно-нравственной сфере. Традиционные этнические ценности в форме самосознания являются показателями качественного состояния социального института — семьи, как носителя идентичности. Семейное воспитание, народное творчество, фольклор, этническая символика, игры, обряды как элементы воспитания этнокультурного человека, обладающего, кроме всего, системными знаниями, представляются основой национальных духовно-нравственных ценностей. Этнокультурная личность в этих условиях должна формироваться не просто гармоничной, терпимой, но способной к межкультурному, межэтническому диалогу. Государству совсем не просто воспитать межэтническую культуру, если в семье не закладываются фундаментальные высоконравственные начала. Именно через семью усваивается мировоззрение народа, и в этом видится искусство и совершенство национального воспитания. Уже в раннем возрасте ребенок воспринимает информационное пространство через семью, что, безусловно, влияет на его формирование как личности. Семьи являются элементом воспроизводства культуры и общественных отношений во всех сферах общества. Тип поведения, заложенный семьей, влияет на дальнейшее воспроизводство общечеловеческой культуры. Через семейные традиции ребенок приобретает навыки поведения и формирует социальные чувства: патриотику, героику, интернационализм. В связи с этим авторы склоняются рассматривать этнотрадиции в социокультурном пространстве через культурологический и социоцентрический подходы объяснения политических явлений и политических процессов. Данные подходы позволяют рассматривать политическую дея-

тельность через носителей определенной культуры, которая выражается в системе определенных знаний, интересов и ценностных ориентаций, определяющих содержание и социальную направленность формирования политических процессов.

Г. Алмонд, приверженец культурологического подхода, главным назначением политики считает реализацию в том числе политической культуры. Сочетание двух подходов к изучению политических процессов позволяет сбалансировать интересы общества и отдельной личности в восприятии мира и политической действительности. Кроме того, анализ воздействия социальных и социокультурных факторов предполагает социологический подход, анализирующий главным образом среду. Так или иначе, роль этнотрадиций в формировании политических процессов велика. Кроме того, необходимо отметить, что разнообразие национальных традиций, лежащих в основе воспитания, несмотря на их различие, впитало в себя общечеловеческие ценности: добро, справедливость, патриотизм, преданность, любовь к Родине, красоту, истину, приверженность к созидательному труду. При этом ни один из этносов не транслирует негативные послылы.

Связь времен и народов помогает объяснить настоящее и прогнозировать будущее. Изменение этнотрадиций – длительный процесс, но всегда связан с колоссальными общественными трансформациями, лежащими в основе политических процессов, позитивных или дестабилизирующих, зависит от конкретного исторического контекста. Если обратиться к современному состоянию самочувствия граждан в их политической составляющей, можно констатировать, что политический интерес к общественному развитию, безусловно,

Парфёнова С. Р.

Шарипкулов А. В.

присутствует. Однако многие люди выключены из политической жизни из-за низкого уровня личного развития, образованности. На наш взгляд, это, в том числе, результат утраты веры в собственные возможности влиять на политические процессы. Речь, в данном случае, идет о выборе представительства. Отчужденность от политической жизни является результатом организационного сбоя политической системы, заключающегося, на наш взгляд, в однородности (одинаковости) политических партий и их программ. Уровень принятия решений, в том числе, в части формирования представительства, а также определения итогов голосования, настолько отдалился от электората, что люди все дальше отчуждаются от политики вследствие того, что не видят разницы между участием в голосовании и неучастием. Во-первых, потому что политические решения все равно будут принимать немногие (политическая элита) и, во-вторых, потому что не видят личной выгоды от политики, ведь политика обслуживает интересы этих немногих. Так думают граждане, входящие в процент не участвующих в голосовании и в других политических событиях. Связано ли это с этнотрадициями или нет судить сложно, но есть предположение, что отказ от политической активности скорее, все же, связан с семейными устоями невмешательства в активные политические фазы развития. Точно так, как и прямая взаимосвязь враждебности к политической системе в форме политического бойкота в одних условиях, и активной политической позиции в других.

Безусловно, на уровень политического участия влияют социальные факторы: образование, социально-экономический статус, возраст, пол, место жительства, профессия, доступ к информации, социально-экономическая ситуация. Уход от реальной политической самоорганизации народа, политическое отчуждение, представляется, связано с экстремальными культурно-экологическими условиями. Дети, молодежь все большую часть времени проводят вне дома, вне семьи, что наносит урон духовному, нравственному и патриотическому становлению личности. Семья, как носитель традиционной культуры, все больше утрачивает свою основополагающую роль. Игнорирование этнотрадиций дало свои плоды уже сейчас: равнодушие к истории родного края, страны, а значит и к судьбе народа. Проблема поиска идентичности, так актуальная сегодня, напрямую связана, представляется, с проблемой утраты этнотрадиций в семейном воспитании. В связи с этим не вникать в процессы социокультурного контекста при принятии решений значит, по нашему мнению, не учитывать специфику сюжета политического процесса. А значит, анализ этих факторов является необходимым элементом исследования политических процессов. Политическая социология является здесь как раз инструментом, помогающим вскрыть политические аргументы в пользу тех или иных политических явлений. Проблема заключается в существовании полярных политических взглядов и их принятии и поддержке отдельными группами населения, малыми и большими, выступающими как за модернизацию общества, так и против обновления страны и всей системы общественных отношений. Политический процесс как совокупность действий, осуществляемых соответствующими субъектами, рассматривается наукой как воспроизводство политической системы. В этой связи интересными представляются исследования О. В. Борисовой, в частности, ее монография «Этнические группы в политическом процессе (концептуальные основы этнополитологии)» в части определения стереотипа поведения в зависимости от принадлежности к определенному этносу и от этнотрадиций. Так, О. В. Борисова утверждает: «Стереотип поведения

– это система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение, специфичная для каждого этнического коллектива. Членами коллектива он воспринимается как единственно возможный стандарт взаимоотношений, образа жизни и действия людей. Чужие же стереотипы поведения на обычном уровне воспринимаются как чудачества или дикость. Таким образом, системообразующим фактором этнической общности на биосферном уровне выступает стереотип поведения, а границы ее поддерживаются механизмом противопоставления «мы/они» («свой/чужой») и эндогамией (запрет на межэтнические браки). Механизм «свой/чужой» на уровне чувственного восприятия формирует негативное отношение ко всему необычному, непривычному. Эндогамия регулирует размер популяции и обеспечивает её целостность». Ссылаясь на утверждения А. В. Козенко и Л. Ф. Моногаровой, О. В. Борисова указывает на то, что «эндогамность предопределяет консервацию генетического фонда; у современных же крупных этнических общностей степень эндогамности несомненно снижается. По мнению этих авторов», – продолжает О. В. Борисова, – «тип семьи влияет на работу сигнальной наследственности: эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения, а экзогамная – два (взаимоисключающих). Деструктивными факторами этнической системы на биосферном уровне являются неблагоприятный этнический контакт и экзогамный брак, которые размывают её границы и могут её уничтожить. В качестве внутренней связи между членами этнического коллектива Л. Н. Гумилев, в частности, выделяет чувство комплиментарности (неосознанная симпатия), которое в процессе политической модернизации рефлексируется на уровне ноосферы как идеология (от национализма до шовинизма). Данный контекст представляется нам необходимым для презентации и цитирования, поскольку есть понимание того, что этнические группы выступают в современных политических процессах как специфические акторы. Борьба граждан за свои интересы через включение в избирательные кампании для презентации, в том числе, и своих социально-этнических взглядов в институтах власти, является формой политического участия и типом политической культуры. В этой связи, обнаружение механизмов выдвижения людей на государственные должности и выявление источников централизации и децентрализации процессов принятия политических решений – центрального звена политического процесса – может служить объяснением формирования многих политических явлений в обществе. Конструкция «общество – политическая система» раскрывает понятие политического процесса. Посредством различных конституционных способов предъявления своих интересов – выборы, референдумы, партийная принадлежность и иное – различные группы по интересам пытаются навязать свою волю обществу; политические элиты, представляющие волю государства, навязывают свою собственную: это может быть компромисс, принуждение, модернизация и иное. Российский политолог А. Ю. Шутов отмечает несколько «идеальных» типов политических процессов на основании социокультурного аспекта, особенностей эволюционной стадии развития общества и его состояния. На основе особенностей эволюционной стадии развития общества А. Ю. Шутов выделяет политический процесс в традиционном обществе и политический процесс модернизации. Для первого типа характерны патриархальность политической жизни, низкий уровень участия в ней населения, отсутствие у него ярко выраженных политических интересов. В целом политический процесс по А. Ю. Шутову носит экстенсивный характер, а принятие и судьба политических решений всецело зави-

сят от воли правящей группировки. Политический процесс в странах, переживающих модернизацию, характеризуется его интенсификацией, вовлечением в политическую жизнь населения, созданием институтов, позволяющих оказывать влияние на процесс принятия политических решений.

Политологическая доктрина трактует, что дуалистическая конструкция «общество – власть» реализуется в трех функциях: формирование и изменение политической системы, ее поддержание или оппозиционирование к ней; артикуляция как формирование интересов индивидами, группами, здесь же, внимание, активность групп интересов; агрегирование как деятельностная активность партий: политический курс, рекрутирование политического персонала. Исполнение этих функций способствуют формированию определенных структур, типов поведения. Все это имеет непосредственное значение для групп интересов, групп давления, политических партий и выборов, являющихся в своей совокупности политическим процессом, процессом политического формирования воли.

Воспроизводство и обновление политической и бюрократической элиты обеспечивает политический процесс. Совокупность органов управления политическим процессом (парламент, правительство, администрация) в соответствии с доктриной имеет своей задачей трансформацию потребностей, интересов и требований структур гражданского общества в политические решения. Претензии общественности на компетентное решение проблем на уровне формализованной структуры, инициируют актуализацию задач политологической науки обнаружения механизмов выдвижения определенного качества людей на государственную службу и как следствие, выявление источников централизации и децентрализации процессов принятия решений – центрального звена политических процессов. В связи с этим важным представляется рассмотреть основания посылов этносов к политической адаптации своего жизнеобеспечения, укрепления своих этнических контактов, в результате которых происходит политическая этнодиффузия, обеспечивающая эволюционную преемственность, безусловно, в рамках антропосферы, но и в рамках определенных политических процессов. Свообразие природных условий в сочетании с этнической культурой (символика, традиции, материальная культура, фольклор) являются, по нашему мнению, сильным мотиватором внутриэтнической интеграции и межэтнической дифференциации. С. В. Соколовский выдвигает концепцию, в которой утверждает, что внутри каждого этноса идет горизонтальная и вертикальная дифференциация культуры, существует наличие разных стилей жизни и миропонимания. Стабильность и устойчивость культуры – это идеальные типологические конструкции, считает исследователь. Он утверждает, что “не культурная однородность порождает этнос (нередко он и определяется именно в качестве осознающей себя культурной общности), но само бытие этой общности может порождать известный уровень культурной однородности”. При этом С. В. Соколовский отмечает, что механизмом социосферной адаптации индивида является традиция.

О. В. Борисова исследуя проблемы этнических групп в политическом процессе адресует к концепции Б. Дж. Сингера. Она отмечает, в свою очередь, что, согласно концепции Б. Дж. Сингера, члены этнического сообщества объединены общей культурной перспективой, т.е. традицией, включающей в себя комплексы норм, которые часто бывают независимыми как от политического строя, так и от географического местоположения сообщества. Мы полностью поддерживаем определение

исследователя О. В. Борисовой, которая под традицией понимает устойчивые, повторяющиеся типичные связи, системы отношений, образов, ценностей, стереотипов и форм поведения и мышления. Освоение традиций каждым представителем этноса обеспечивает стабильность функционирования её внутренних связей. Традиция задаёт инерционность данной общности и способствует жёсткому отбору новых культурных вариаций. Передача традиций происходит в семье и образовательных учреждениях. Большую роль в сохранении этнокультурного наследия играют праздники и культурные мероприятия, проводимые этническими землячествами и организациями при поддержке органов государственной власти и самоуправления. При этом считаем необходимым дополнить характеристики, отличающие этно-индивида от иной группы. Это психология, вызывающая в определенные моменты поведения, безусловно, базирующееся на особом этно-мышлении, глубинные мотивы, связанные с, казалось бы, ставшим атавизмом чувством выживаемости и влекущим к объединению и установлению устойчивых длительных связей со своей этногруппой. Поскольку для традиций характерным условием является воспроизводство, то в определенные этапы развития этногрупп, представляющих целые этносистемы, у них могут проявляться мотивы шовинизма, переходящие в экстремизм и в крайние формы, такие как терроризм. Однако, этнотрадиции и традиции в политической жизни отличаются по своей сути и прежде всего по месту зарождения. Р. Ф. Матвеев, полагая, подтверждает эту мысль, высказывая точку зрения, что «традиция в политической жизни и политической борьбе не является запрограммированным фактором в подсознании народа, чем-то вроде генотипа, который подспудно развивается только по своей внутренней логике, вне связи с общественно-политической жизнью». По мере усложнения политической системы – вырабатываются новые традиции этноса.

В рамках психологического подхода в связи с исследованием этнотрадиций представляется верным обратиться к понятиям «идентификации» и «идентичности». Э. Эриксон определяет идентичность как качество существования, основанное на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на основании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими. В. М. Суханов в свою очередь, определяет идентификацию как процесс, который завершается выборами, не противоречащими идентичности. Процесс идентификации стимулирует поиск идентичности (и кризис), а ощущение идентичности – база для выбора внутри новых идентификаций и система контроля аутентичности этих выборов.

Учитывая специфику данного исследования, представляется необходимым обратиться к методу анализа идентичности, используя понятие субкультуры. Г. Мердок определяет понятие субкультуры следующим образом: «Субкультуры представляют собой аккумулярованные значения и средства выражения, с помощью которых группы, занимающие в обществе подчиненное положение, пытаются адаптировать доминирующую систему значений или противостоять ей». Замкнутость группы, собственные установки и нормы, определяющие образ жизни ее представителей, являются чертами, противопоставляющими группу обществу. Этническая идентичность связана с теорией этноса и с подходами к изучению этнических групп. В. Коннор относит этничность к элементам мировосприятия, нежели к элементам культуры. Психологические качественные характеристики и субъективная сторона

представлений индивида связывается, по мнению исследователя, с процессами этнической идентификации. В. Коннор выдвигает тезис нелогичности и эмоциональности современного национализма и говорит о неизбежности усиления роли этнического фактора и активизации национализма в будущем.

Идея поступательной глобальной универсализации и стирание этнонациональных противоречий как теоретическая модель модернизации в 90-е годы сменяется конфликтологическими теориями модернизации, связывающими модернизацию с активизацией национализма как основного источника напряженности и международных конфликтов. Л. С. Перепелкин, изучая проблемы региональной идентичности в современной России, говорит о двух типах этнокультурной идентичности. Для первого типа, так называемого «шотландского», по мнению Л. С. Перепелкина, характерна частичная культурно-языковая ассимиляция меньшинства при сохранении своего национального своеобразия (карелы, мордва, удмурты, коми). Второй тип – «Баскский» характерен дистанцированием от доминирующего народа (татары, башкиры, чеченцы, тувинцы). Такое разделение мотивирует «культурное разделение труда». В основе региональной идентичности в 90-е годы в России акцент делался на политико-правовом обеспечении консолидированных социокультурных интересов титульных этнических групп на территориях республик, автономных областей и округов. Понятно, что в основу ложилась прежде всего этничность, а не иерархия ценностей. Исследователь Л. М. Дробижева отмечает представительство титульных национальностей в депутатском корпусе выше их доли в населении территории. Башкиры, составляя 22,0% населения республики, имели в Палате Представителей Государственного Собрания, избранного в 1999 г., 43,7% голосов, в Законодательной Палате – 55,0%. Таким образом, обращает внимание Л. М. Дробижева, башкир среди депутатов вдвое больше, чем в населении, а русских почти в два раза меньше. В составе Государственного Совета Татарстана тоже преобладали депутаты титульной нации. По результатам выборов 1995 года их было 73,0% (русских – 25,4%) после выборов 1999 г. – 75%. По результатам переписи населения, между тем, в Татарстане проживало 48,4 татар, и 42,3 русских. В составе Государственного Собрания – Ил Тумен Якутии после выборов 1997 г. якуты составляли 73,1 при 39% в составе населения. Мы не случайно выбрали именно указанный временной период, так как, во-первых, тогда существовала мажоритарная избирательная система, позволяющая сделать свой выбор непосредственно за конкретного кандидата по одномандатному округу и во-вторых, такую ситуацию возможно рассматривать как компенсационную политику в отношении этнических республик за сохранение стабильной территориальной целостности страны. Однако многие исследователи отмечают, что подобное положение вещей является причиной роста русского национализма и неизбежно ведет к межэтническим конфликтам. С. Градировский делает вывод о том, что необходима «рамочная идентичность, связующая разное в единый политический организм. В таком качестве не может выступить ни расовая, ни этническая, ни религиозная идентичность. Это может быть только гражданская идентичность, идентичность политической нации, которая основывается на коллективном опыте, ценностях и параметрах будущей судьбы».

Пристатейный библиографический список

1. Борисова О. В. Этнические группы в политическом процессе (концептуальные основы этнополитологии). Ульяновск, ГСХА, 2003. 172 с.
2. Градировский С. Поликонфессиональность как ресурс и как угроза формирования гражданского общества в России // гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конф.: Казань, 2-3 июня 2004 г. / под ред. А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2005. С. 47.
3. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. 554 с.
4. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 61-62.
5. Матвеев Р. Ф. Теоретическая и практическая политология. М.: РОССПЭН, 1993. 239 с.
6. Перепелкин Л. С. Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России. Том 1. 1992. № 1. С. 93-94.
7. Соколовский С. В. Билингвизм и когнитивное развитие: мифы, концепции, гипотезы // Этические факторы в жизни общества. Сборник. М., 1991. С. 3-15.
8. Суханов В. М. региональная политическая идентичность в постсоветской России: теория и практика: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 254 с.
9. Шутов А. Ю. Типология политических процессов (социокультурный контекст) // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. №2;
10. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 215 с.
11. Almond G. A. Comparative political system // Political behavior: A reader in Theory research. Clencoe, 1956. P. 36;
12. Connor W. Nationalism and Political Illegitimacy // Ethnonationalism in the Contemporary World/Daniel Conversi Ed. London; New York: Routledge, 2003. P. 24-50.

Пашковский П. В.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ПРИВАТИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ*

В статье рассматриваются проблемы соотношения институтов государственно-частного партнерства и приватизации в контексте злоупотребления властью. Анализируется проблематика потенциальных угроз приватизации объектов государственной и муниципальной собственности посредством государственно-частного партнерства. Особое внимание акцентируется на необходимости критического анализа действующего законодательства о государственно-частном партнерстве в России.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, приватизация, злоупотребление властью, национальная безопасность.

Pashkovskiy P. V.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND PRIVATIZATION: THE PROBLEMS OF CORRELATION IN THE CONTEXT OF ABUSE OF POWER

The article deals with the problems of the correlation of public-private partnership and privatization institutions in the context of abuse of power. The author analyzes the problems of potential threats posed by the privatization of state and municipal property through public-private partnerships. Particular emphasis is placed on the need for a critical analysis of the current legislation on public-private partnership in Russia.

Key words: public-private partnership, privatization, abuse of power, national security.

Пашковский П. В.

В настоящее время во всем цивилизованном мире институт государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) признан эффективным механизмом развития социально-производственной инфраструктуры государства. С одной стороны, он позволяет привлекать частный сектор с его финансовыми, логистическими возможностями, эффективным менеджментом, ориентированным на сокращение издержек, к развитию сферы государственных услуг. С другой стороны, государство сохраняет за собой право контролировать проекты ГЧП на каждой стадии их реализации. Таким образом, ГЧП становится реальной политической и экономической альтернативой приватизации, выражающейся в полной передаче частному сектору объектов государственной и муниципальной собственности для последующего содержания и эксплуатации по своему усмотрению. Как известно, нередко такая передача ведет в лучшем случае к изменению функционального назначения объекта, а в худшем – к его деградации и даже уничтожению.

Как показывает практика, во многих развитых странах уже давно отказываются от чистой приватизации для целей развития социально-производственной инфраструктуры. Примером здесь может служить Великобритания, ставшая своего рода законодательницей моды в сфере ГЧП. В целом сегодня главная политическая линия в сфере управления государственной собственностью в Великобритании – полноценное сотрудничество с частным сектором вместо приватизации. В этой связи М. Б. Джеррард, глава компании «Британские партнерства государства и частного сектора», созданной правительством Великобритании для содействия ГЧП, указывает: «Партнерства создаются и действуют на границе государственного и частного секторов хозяйства, не являясь, вместе с тем, ни национализированными, ни приватизированными активами

и услугами. Таким образом, политически, они представляют собой третий путь, с помощью которого правительства могут предоставлять населению некоторые общественные услуги»¹. В других странах ОЭСР наблюдаются сходные тенденции.

В этой связи, говоря о соотношении приватизации и ГЧП, В. Г. Варнавский характеризует ГЧП как «косвенную или частичную приватизацию», своего рода альтернативу полной приватизации жизненно важных, имеющих стратегическое значение объектов государственной собственности². Проведение такой аналогии вполне оправдано, поскольку ГЧП позволяет перераспределить полномочия и риски между государством и бизнесом в стратегических отраслях, которые не могут быть приватизированы, а их бюджетное финансирование ограничено. К таковым можно, в частности, отнести жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, социальную сферу, благоустройство населенных пунктов, поддержание объектов культурного наследия и др. Данные объекты партнерства с чисто рыночной позиции не представляются привлекательными и могут исчезнуть, если их активы передать частному сектору. Это дает основание рассматривать ГЧП в качестве промежуточной формы между государственной и частной собственностью, а также как своеобразную управленческую альтернативу приватизации³.

Если чистая приватизация означает уход государства из экономики, ее отдельных отраслей и производств, то создание партнерств, предметом которых являются объекты государственной и муниципальной собственности, приводит лишь к передаче частному бизнесу части экономических, организационных и управленческих функций в отношении государственных объектов, но при этом сами объекты остаются в собственности государства. Важно то, что в данном случае, в отличие

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-33-0121. «Государственно-частное партнерство в России: проблемы институционального развития и противодействия злоупотреблениям властью».

1 Gerrard M.B. What are public-private partnerships, and how do they differ from privatizations? // Finance & Development. 2001. v. 38. № 3.
2 Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: в 2-х томах. Т. 1. М., ИМЭМО РАН, 2009. С. 8, 22.
3 См.: Варнавский В. Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М., Наука, 2005. 315 с.

от чистой приватизации, государство посредством партнерств реализует свою хозяйственную активность⁴.

Таким образом, ГЧП является выгодной альтернативой как государственному предпринимательству (в форме казенных и унитарных предприятий, акционерных обществ со стопроцентным государственным капиталом), так и полной передаче соответствующей хозяйственной деятельности в частный сектор, в том числе через приватизацию активов. Специфика ГЧП заключается в том, что, во-первых, речь идет о привлечении частного сектора к предоставлению общественных благ и услуг и, во-вторых, права собственности в отношении объектов ГЧП не отчуждаются целиком в пользу частного инвестора и оператора. Как правило, передача этих прав ограничена функционально и по времени и обусловлена соблюдением установленных государством требований⁵.

Особую важность в сфере институционального обеспечения ГЧП в России сегодня занимают вопросы законодательного разграничения объектов, которые должны оставаться исключительно в государственной собственности и объектов, которые могут быть переданы частному бизнесу в управление, владение и пользование. Отсутствие правовой определенности в этих вопросах значительно повышает риски ГЧП, усложняя, в конечном итоге, процесс привлечения российских и зарубежных частных инвестиций в инфраструктурные проекты, так как всегда существует опасность принятия федеральным либо региональным правительством ряда мер по ограничению прав частных инвесторов, что грозит в перспективе и возможностью лишения права собственности и национализации переданных в рамках проектов объектов.

Многие объекты инфраструктуры следует рассматривать как имеющие стратегическое значение для конкретного региона либо страны в целом, независимо от того, в чьем управлении и в чьей собственности они находятся. Передача таких объектов в частные руки может существенным образом затронуть вопросы национальной безопасности и ее регионального компонента⁶. Возникает вопрос, на каких условиях (аренда, лизинг, концессия и т.п.) частный капитал будет привлекаться для работы с такими объектами. Ведь только по той причине, что частные компании вложили свои средства в строительство, права собственности на эти объекты не могут перейти частному инвестору. Более того, в ряде случаев это может быть просто неприемлемо. Отсюда вытекает необходимость четкого законодательного разграничения прав собственности и права использования и управления такими объектами⁷.

В настоящее время законодательной базой функционирования института ГЧП в России являются федеральные законы от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ (в ред. от 29.12.2014 г.) «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессиях) и от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ГЧП).

По Закону о концессиях передачи объекта концессионного соглашения в собственность частного лица (концессионера) не происходит – передаются на определенный концессионным соглашением срок лишь права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления предусмотренной концессионным соглашением деятельности (ч. 1 ст. 3 Закона о концессиях). Однако в случае включения объекта концессионного соглашения в прогнозный план (программу) приватизации федерального имущества, в документ планирования приватизации имущества, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации, или муниципального имущества на период, соответствующий окончанию срока действия концессионного соглашения, концессионер имеет преимущественное право на выкуп этого объекта концессионного соглашения при условии добросовестного исполнения им условий концессионного соглашения (ч. 4 ст. 4 Закона о концессиях). Само по себе данное положение представляется допустимым и оправданным. Тем не менее, ряд экспертов Центра развития ГЧП, Комитета ТПП РФ по ГЧП и юридических компаний Legal Capital Partners, Herbert Smith Freehills CIS LLP и Gide Loyrette Nouel высказывают мнение о целесообразности определения минимального срока концессионного соглашения для возникновения у концессионера права преимущественного приобретения объекта концессии после истечения срока соглашения. В противном случае возникает риск массового заключения концессионных соглашений на минимальный срок с последующим внеконкурсным приобретением объекта концессии в обход требований законодательства о приватизации⁸.

Существуют и другие скрытые угрозы со стороны концессионных соглашений. Так, А.Е. Кузнецов, анализируя результаты внедрения проектов ГЧП в Пермском крае, говорит о возможности оформления с их помощью фактического сговора муниципальной администрации и бизнеса для установления монополии отдельной предпринимательской структуры в ущерб интересам отрасли, рынка и потребителя⁹.

Гораздо более примечательной представляется ситуация с Законом о ГЧП. Не секрет, что проект указанного закона рассматривался в Государственной Думе Федерального Собрания РФ в течение более чем двух лет и был принят в окончательной редакции 1 июля 2015 г. под самый занавес весенней сессии. При этом от первоначального проекта, внесенного Правительством РФ, в окончательной редакции не осталось практически ничего, даже названия. Особенно в принятом Законе о ГЧП настораживает положение п. 4 ч. 2 ст. 6, устанавливающее «возникновение у частного партнера права собственности на объект соглашения при условии обременения объекта соглашения в соответствии с настоящим Федеральным законом» в качестве обязательного элемента соглашения о ГЧП или о муниципально-частном партнерстве. Наличие же у частного партнера обязательства по передаче объекта соглашения о ГЧП либо о муниципально-частном партнерстве в собственность публичного партнера по истечении определенного концессионным соглашением срока, но не позднее дня прекращения соглашения, указывается, напротив, в п. 4 ч. 3 ст. 6 Закона о ГЧП среди необязательных элементов соглашения.

4 Евлаев А. Н. Социально-политическая ответственность бизнеса в механизме государственно-частного партнерства // *Власть*. 2010. № 7. С. 93.

5 Неганов С. А., Полищук Л. И. Государственно-частное партнерство в региональном развитии – преимущества и риски // *Экономика региона*. 2008. № 2. С. 271.

6 См.: Пашковский П. В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии // *Философия права*. 2008. № 6. С. 118-120.

7 Сидорова Е. Н., Татаркин Д. А. Государственно-частное партнерство в условиях кризиса – проблемы, риски, возможности // *Экономика региона*. 2010. № 2. С. 100-101.

8 Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в России. М., 2014. С. 52.

9 См.: Кузнецов А.Е. Внедрение государственно-частного партнерства на региональном уровне в России: опыт внедрения в здравоохранении, транспортной отрасли и ЖКХ в Пермском крае // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. № 3(11). С. 169-175.

Примечательно, что в первоначальном проекте, принятом Государственной Думой в первом чтении, говорилось лишь о том, что соглашением о ГЧП может быть предусмотрен переход права собственности на объект соглашения от одной его стороны к другой стороне (ч. 14 ст. 3 проекта Федерального закона № 238827-6 «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» в редакции, принятой ГД ФС РФ в I чтении 26.04.2013 г.).

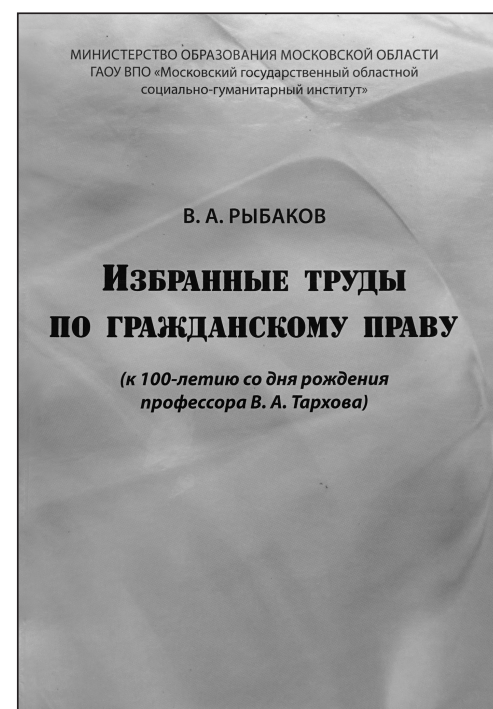
Таким образом, пока теоретики наперебой расхваливают достоинства института ГЧП как альтернативы приватизации и восхищаются найденной, наконец, золотой серединой между национализацией и разгосударствлением социально-производственной инфраструктуры, законодатель фактически уравнивал приватизацию и все неконцессионные формы ГЧП, стыдливо прикрыв этот вопиющий факт указанием на некоторые обязательные обременения передаваемого в частную собственность объекта соглашения, предусмотренные Законом о ГЧП. Анализ положений указанного закона позволяет сделать вывод о том, что такими обременениями (ограничениями) являются, во-первых, запрет отчуждения частным партнером объекта соглашения до истечения срока действия соглашения, за исключением случаев замены частного партнера по соглашению в соответствии с Законом о ГЧП (ч. 12 и 13 ст. 6), и, во-вторых, запрет передавать в залог объект соглашения и (или) свои права по соглашению, за исключением их использования в качестве способа обеспечения исполнения обязательств перед финансирующим лицом при наличии прямого соглашения (ч. 6 ст. 7).

Конечно, приведенному выше мнению автора можно возразить, ведь в ч. 2 ст. 7 Закона о ГЧП прямо указано, что объектами соглашения может быть только имущество, в отношении которого законодательством Российской Федерации не установлены принадлежность исключительно к государственной, муниципальной собственности или запрет на отчуждение в частную собственность либо на нахождение в частной собственности. Однако необходимо признать, что российское законодательство в сфере управления государственной собственностью и определения государственных объектов в настоящее время по-прежнему далеко от совершенства и пестрит пробелами. Как следствие, сложившуюся на данный момент ситуацию большинство инвесторов характеризуют как запутанную, поскольку зачастую вопрос определения вида собственности имущества, являющегося объектом соглашения о ГЧП, невозможно разрешить по причине отсутствия неоспоримых и четких формулировок в законодательных и иных актах¹⁰.

Таким образом, необходимым в этой ситуации видится дальнейшее совершенствование законодательства о государственной и муниципальной собственности в части выработки единых и понятных критериев разграничения различных форм собственности и определения принадлежности к таким имущественным объектам и комплексам.

Пристатейный библиографический список

1. Gerrard M. B. What are public-private partnerships, and how do they differ from privatizations? // Finance & Development. 2001. v. 38. № 3.
2. Варнаровский В. Г. Государственно-частное партнерство: в 2-х томах. Т. 1. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 312 с.
3. Варнаровский В. Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М., Наука, 2005. 315 с.
4. Евлаев А. Н. Социально-политическая ответственность бизнеса в механизме государственно-частного партнерства // Власть. 2010. № 7. С. 93-97.
5. Неганов С. А., Полищук Л. И. Государственно-частное партнерство в региональном развитии – преимущества и риски // Экономика региона. 2008. № 52. С. 271-276.
6. Пашковский П. В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии // Философия права. 2008. № 6. С. 118-120.
7. Сидорова Е. Н., Татаркин Д. А. Государственно-частное партнерство в условиях кризиса – проблемы, риски, возможности // Экономика региона. 2010. № 2. С. 95-103.
8. Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в России. М., 2014. 56 с.
9. Кузнецов А. Е. Внедрение государственно-частного партнерства на региональном уровне в России: опыт внедрения в здравоохранении, транспортной отрасли и ЖКХ в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3(11). С. 169-175.
10. Шатель Ж. Л. Новости государственно-частного партнерства в России // Право и инвестиции. 2011. № 3-4(48). С. 84-92.

¹⁰ См.: Шатель Ж. Л. Новости государственно-частного партнерства в России // Право и инвестиции. 2011. № 3-4(48). С. 84-92.

Алиев Х. К., Магомедова М. М.
**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЛОНТЕРСКИХ ДВИЖЕНИЙ
В РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье рассматриваются особенности функционирования волонтерских движений в России и США: выявляются сходные и отличительные критерии.

Ключевые слова: доброволец, волонтер, альтруизм, взаимопомощь, пионер.

Aliyev Kh. K., Magomedova M. M.
**FEATURES OF VOLUNTEER MOVEMENTS OPERATION IN RUSSIA AND THE USA:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

The article deals with the peculiarities of volunteer movement in Russia and the US: similar and distinctive criteria are revealed.

Keywords: volunteer, altruism, mutual aid, pioneer.

Волонтерство как организованная форма деятельности на Западе зародилось в начале XX в. Его появление есть ответ на созревшие социально-экономические проблемы (голод, разруха после войн, экономические кризисы, безработица, появление в лице безработных социально опасных членов общества). Инициатива создания волонтерских проектов исходила от правительств государств, когда речь шла о восстановлении разрушенных городов. Такую ситуацию можно было наблюдать и в России, и в зарубежных странах. «После Первой мировой войны, во Франции, под Страсбургом, был реализован первый волонтерский проект по восстановлению разрушенных в ходе Войны ферм в местах наиболее ожесточенных боёв»¹. Волонтерами проекта стали молодые люди, граждане Германии и Франции. Материального вознаграждения за свою работу они не получили, однако были обеспечены заинтересованной стороной проживанием, питанием и медицинским страхованием – этот принцип организации волонтерского труда сохранился и по сей день. «Данный волонтерский проект дал начало первому в мире волонтерскому движению под названием Service Civil International (Международная гражданская помощь), продолжающему функционировать и на сегодняшний момент». Её логичным продолжением явилось основание в 1961 г., в эпоху холодной войны президентом США Джоном Кеннеди, с одобрения конгресса, государственного агентства «Корпус мира». В основе его создания лежали различные цели: оказания бескорыстной помощи развивающимся странам, повышения имиджа США в этих самых странах. Однако некоторые исследователи считали его организацией, имеющей разведывательную миссию. В связи с этим советской пропагандой Корпус мира объявлен филиалом ЦРУ, а его сотрудники – квалифицированной, специально подготовленной разведывательной агентурой противника, ведущей подрывную идеологическую работу против системы социализма. Советская идеология того времени отказывалась принимать саму возможность массового бескорыстного труда со стороны представителей капиталистического общества. Послереволюционный период советской политики не допускал никаких форм благотворительности не только извне, но и внутри страны. Все средства общественных и частных благотворительных органи-

заций были в короткие сроки национализированы, их имущество передано государству, а сами организации упразднены специальными декретами. В этот период пресекалась также любая частная (как, впрочем, и общественная) благотворительная деятельность граждан. Так, в 1921 г. писателю Максиму Горькому запретили организовать кампанию помощи голодающим в Поволжье, а международным благотворительным организациям не разрешили доставить голодающим продукты питания и медикаменты.

В отличие от законодательства Российской Федерации, добровольцы в зарубежных странах получали не зарплату, а две стипендии. Одна – в размере 225 долларов в месяц – накапливается на счету волонтеров и выдается единой суммой по окончании службы, другая – около 200 долларов в месяц – в местной валюте, чтобы купить еду и другие необходимые вещи. Принимающие добровольцев Корпуса мира страны – а таких сегодня насчитывается уже 75 – берут на себя жилищные расходы; они должны предоставить добровольцам жилье такого же стандарта, как у местных жителей.

Американский университет им. Дж. Хопкинса² в конце 1990-х годов провел исследование в 22 странах, а позднее в 36 странах, которое выявило масштабы явления – суммарное количество времени труда волонтера в течение года было эквивалентно труду 10,5 млн человек, работающих полный рабочий день. Для этого были выделены четыре ключевые переменные: расходы, занятость, количество добровольцев и доход³. Добровольчество рассматривалось как неоплачиваемая занятость. Такой подход реализуется в практике рынка труда развитых стран (особенно в периоды спада производ-

Алиев Х. К.

Магомедова М. М.

1 Потапенко О. В., Тимошенко С. И. Волонтерство как активный вид деятельности по формированию гражданской ответственности и патриотизма студенческой молодежи. – Горки.: БХСА, 2011. – С. 4.

2 Global Civil Society. Dimensions of the Nonprofit Sector. The Hopkins Center for Civil Society Studies. – Baltimore, MD, 1999. – P. 28.

3 Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика. – М., 2006. – С. 35.

ства), где существуют бюро по найму добровольцев, с которыми оформляются контракты, а волонтерам оплачивают в 90 % случаев проезд и в 50 % – питание на рабочем месте (Великобритания). Работа волонтером по контракту в США зачитывается в трудовой стаж, причем в этом случае волонтеры должны быть не моложе 18 лет⁴. Признавая уникальные свойства и возможности труда волонтеров на глобальном уровне, ООН в своих резолюциях настоятельно рекомендовал включать добровольчество компонентом в национальные стратегии социально-экономического развития государства. С каждым годом добровольческое движение в мире становится все шире. Возникают международные организации волонтеров, в том числе под патронажем ЮНЕСКО и ООН.

Существует несколько видов волонтерской службы, можно участвовать в долгосрочных проектах, уезжать за границу на полгода или на год, можно поехать в добровольческий лагерь на пару недель, а можно участвовать в различных семинарах, акциях и мероприятиях. Проекты добровольческой службы многогранны, они охватывают различные сферы, начиная с работы с детьми и молодежью и заканчивая деятельностью по охране окружающей среды. Заработная плата волонтеру не полагается, но взамен участник проекта получает бесплатное питание и проживание, карманные деньги, новых друзей и интенсивную языковую практику, ведь ничто так не улучшает знание иностранных языков, как общение с носителем языка.

Труд добровольцев в 90-е годы XX в. стал для США и европейских стран весомым экономическим ресурсом, что подтверждают статистические данные. В 1998 г. этим видом деятельности была охвачена почти половина граждан, а с учетом подростков старше 14 лет – 79 %⁵. В этой работе участвуют все слои населения независимо от уровня образования, профессии и доходов.

Идеи волонтерской деятельности в России отличаются от зарубежных стран. Прививать идеи волонтерства в современной России невероятно трудно. Прежде всего, это проблемы правового характера. На сегодняшний день единственным законодательным документом, регулирующим деятельность в данной сфере, является Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», который был принят 11 августа 1995 г. Государственной Думой РФ. В стране нет четко закрепленного юридического статуса молодежи. Это выражается, в первую очередь, в отсутствии такого нормативно-правового акта, как закон о молодежи, в котором были бы конкретно выражены юридические рамки жизнедеятельности молодых людей, входящих в состав данной возрастной категории, как социальной группы. Результатом этого и явились проблемы социальной адаптации молодежи. В то же время перед каждым обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несет страна из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство.

Следующим типом проблем можно назвать проблемы «организационного» характера, например, недостаточное мотивирование организациями волонтеров. Так, в отличие от США, «волонтерская деятельность не засчитывается в общий трудовой стаж». Слабая информированность о деятельности

НКО, недостаточная работа организаций над своим имиджем влияют не лучшим образом на привлечение волонтеров в организацию. Например, по данным ООН на 2012 г., в Англии добровольной помощью занимаются 24 % молодежи, в Германии – 23 %, а во Франции – 19 %. В России волонтерской деятельностью в целом охвачено лишь около 10 % молодежи, в основном это студенты вузов⁶.

Если рассматривать социально-демографический состав участников волонтерского движения по стране в целом, то можно увидеть, что в России основным контингентом волонтерской деятельности типичного российского региона является «учащаяся молодежь в возрасте от 13 до 30 лет». В то время как в США «основную долю добровольцев (59 %) составляют 33–51-летние американцы, тогда как наименьшую (18,4 %) – молодые граждане (14–24 лет)». Это происходит во многом потому, что взрослая часть населения ввиду низкого уровня жизни вынуждена работать на 2–3 работах, и на добровольческую деятельность не хватает времени, что также является проблемой для развития добровольческой деятельности в России⁷.

Для западной компании наличие в резюме записи «работал в волонтерском проекте» – серьезный аргумент в пользу кандидата на вакантную должность, из этой записи работодатель понимает, что перед ним человек с активной жизненной позицией, а он может стать и харизматичным лидером, который успешно справится с поставленными задачами и будет способен повести за собой людей. Однако в России эта практика пока не приживается. К сожалению, добровольческое движение в России не поддерживается государством, которое пока не оценивает его как значимый политический и социально-экономический ресурс.

То обстоятельство, что добровольческое движение может внести существенный вклад не только в решение социальных, экологических и других «традиционных» проблем, но и в дело борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности, активно поддерживается и развивается в США. После трагедии 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке администрация Буша предложила проект законодательства, предусматривающего расширение общенациональных добровольческих программ, направленных на повышение действенности общественно-полезной работы, которую выполняют учителя, медики, пожарные, сотрудники полиции и служб чрезвычайного реагирования. Согласно этому плану, добровольцам предлагается взять на себя административные функции, чтобы те, кто «обладают специальными техническими навыками, могли посвящать все свое время и энергию задачам, к выполнению которых они профессионально подготовлены». На поставленную задачу «создать организованную сеть добровольцев, готовых и способных заниматься чрезвычайными ситуациями, когда бы и где бы они ни возникали», в первую очередь, «обеспечить безопасность домов, жилых районов, школ» откликнулись миллионы американцев, разделяющих убеждение, что «участие добровольцев в обеспечении внутренней безопасности страны является неотложной необходимостью»⁸.

Таким образом, в связи с отсутствием четкой мотивации, стимулирующих санкций в отношении труда волонтеров, а также используя опыт зарубежных исследователей необходимо внести дополнения в Закон «О благотвори-

4 Городецкая И. Добровольческое движение в США // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1. – С. 17.

5 Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционной среде. – М., 1999. – С. 54.

6 Волонтер № 1-2' 2013. Всероссийский научно-практический журнал // Под общей редакцией Л. В. Шарахиной. – С. 56.

7 Городецкая И. Добровольческое движение в США // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1.

8 Шлихтер А. А. Некоммерческие организации и добровольческий труд в США // Труд за рубежом. – 2000. – № 4. – С. 52.

тельной деятельности и благотворительных организациях», прежде всего касающиеся изменения формулировки о «безвозмездности труда волонтера», исключающей любое материальное и нематериальное поощрение, а также определения механизмов стимулирования добровольного труда и контроля за ним. Дополнительно внести изменения в Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (с изменениями и дополнениями), а также в региональное законодательство субъектов РФ.

Либо целесообразно создать новый закон на федеральном уровне – ФЗ «О добровольчестве (волонтерстве)», регламентирующий не только цели, задачи, функции рассматриваемой деятельности, но и с использованием опыта зарубежных организаций предусматривающий различные формы государственного стимулирования волонтеров, которые могут осуществляться в следующих направлениях:

Образовательное: предоставление волонтерам возможности участия в образовательных программах организации культуры на бесплатной или льготной основе, возможность пройти различные курсы повышения своей квалификации, приобретения опыта работы на различных направлениях деятельности и т.д.

Информационное: подразумевает доступ к информационным источникам и материалам, таким, как библиотечная система, научно-исследовательские разработки, новые технологии и др.

Досуговое: предполагает предоставление волонтерам возможностей организации досуга, например, бесплатного посещения проводимых учреждением культуры мероприятий, скидок на продукцию, услуги и т.д.

Налоговое: льготы в области налогообложения, частичное освобождение от уплаты государственных или муниципальных услуг при осуществлении добровольческой (волонтерской) деятельности.

Страховое возмещение вреда и т.д.

Получение добровольцем продукции и услуг организации на бесплатной или льготной основе.

Вручение наград, поощрений. Если в России есть «почётный донор», то возможно появление и «почётного волонтера».

Кроме того, на развитие отечественного волонтерства отрицательно влияет то, что эта деятельность не засчитывается в трудовой стаж.

Пристатейный библиографический список

1. Global Civil Society. Dimensions of the Nonprofit Sector. The Hopkins Center for Civil Society Studies. – Baltimore, MD, 1999.
2. Городецкая И. Добровольческое движение в США // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1.
3. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика. – М., 2006.
4. Потапенко О. В. Тимошенко С. И. Волонтерство как активный вид деятельности по формированию гражданской ответственности и патриотизма студенческой молодежи. – Горки.: БХСА, 2011.
5. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционной среде. – М., 1999.
6. Шлихтер А. А. Некоммерческие организации и добровольческий труд в США // Труд за рубежом. – 2000. – № 4.

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh

ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL AGREEMENTS OF RUSSIA

ИНТЕРЕКЛАВ

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих

ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

ДВУСТОРОННИЕ

Бондаренко Г. В. МЕТАФИЗИКА ПОБЕДЫ

В статье содержится философское обоснование истинности тезиса об исключительной роли Советского Союза и советского народа в достижении победы во Второй мировой войне 1941–1945 гг. С позиции философской онто-материалистической концепции мира и человека, представляющей собой также новую версию метафизики, названную автором «метафизикой Глубины», в статье раскрывается глубинно-метафизический смысл победы Советского Союза над нацистской Германией как преодоление действительным человеком идеологии господства и власти надчеловеческого человека над миром, базирующейся на основоположениях ложной по своей сути «метафизики Высоты», на протяжении веков исподволь управлявшей сознанием и поступками людей «западного мира». Предлагаемая в статье аргументация позволяет также обосновано опровергать и отвергать все плоские спекуляции на тему великой победы советского народа, имеющие целью принизить его роль в мировой истории.

Ключевые слова: онто-материалистическая концепция мира и человека, метафизика Глубины, метафизика Высоты, действительный человек, надчеловеческий человек, Советский Союз, нацистская Германия, победа.

Бондаренко Г. В.

Bondarenko G. V. METAPHYSICS OF VICTORY

This article contains philosophical justification of the validity of the thesis about an exclusive role of the Soviet Union and the soviet people in achievement of a victory in World War II of 1941–1945. On the basis of the philosophical onto-materialistic concept of the world and the human being representing the new version of metaphysics called by the author also "metaphysics of Depth", the article deals with the deep and metaphysical sense of a victory of the Soviet Union over nazi Germany as overcoming by the true human being the ideology of domination and the power of the overman human being over the world which is based on the principles of false "metaphysics of Height", which throughout centuries gradually operate consciousness and acts of people of "Western world". The argumentation offered in article allows to disprove and reject all trivial speculations on the great victory of the Soviet people aiming to belittle its role in world history.

Keywords: onto-materialistic concept of the world and the human being, metaphysics of Depth, metaphysics of Height, true human being, overman human being, Soviet Union, nazi Germany, victory.

ЧАСТЬ II

Вернемся к теме метафизики как таковой, чтобы понять, почему «метафизику Высоты», которая на протяжении нескольких тысячелетий «культивировалась» элитой Запада, неоднократно выстраивавшей на ее фундаменте, как казалось, вечные МИРОИМПЕРИИ, в какой-то исторический момент необходимо было преодолеть окончательно и бесповоротно. И далеко не только по соображениям чисто философским.

Метафизика зачинается, по-моему, в такие моменты, когда разум уже устремленного к истине человека (потому и ставшего собственно философом) не только различает реальность *всего сущего* (прежде всего, природу (фюсис, натура)¹ как реальность собственно чувственно-данного мира, куда относят и человеческие телесно-сущие (природо-сущие) существа, и интеллигибельную реальность иного рода (реальность Космоса), но и когда на фоне последней узревает человека как освобождающегося и освобождающего от хаоса чувственно-данный мир СУБЪЕКТА творческой деятельности, осуществляемой по основаниям реальности Космоса, пребывающего за границами существования самого чувственно-данного мира.

Именно в такого рода творческой деятельности разум начинает *прозревать* непреходящую действительную сущность человека, кардинально отличающуюся от его существования как телесно-природного существа, и непреходящий действительный смысл его (человека) существования в мире.

Но где следует искать реальность интеллигибельного Космоса? Первый философский ответ: в царстве «чистых идей». Ведь разум способен непосредственно созерцать только идеи. Чистый разум созерцает чистые идеи, среди которых главен-

ствующее положение занимает идея «Бытие как таковое». Мир чистых идей есть высокий, «горный», мир.

Как показывает история философии, метафизика изначально сознательно актуализируется именно как *метафизика ВЫСОТЫ*, которая полагает чувственно-данный, телесно-природный мир и человеческие существа как особые телесно-природные существа, соответственно наделяемые метафизикой ВЫСОТЫ статусом *реальности низшего*, реальностью пассивного материала, должно быть подвергнутым упорядочивающей и преобразующей деятельности ВЕЛИКОГО ДЕМИУРГА, НАДЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА, создателя ВЕЛИКИХ МИРОЗДАНИЙ (МИРОИМПЕРИЙ) с целью преодоления УЗАКОНОМЕРЕННОГО ХАОСА ущербно-материального, изменчиво-телесного мира и человеческого существа как его части. Преодоление это, по мысли создателей и апологетов метафизики ВЫСОТЫ, должно осуществляться по основанию *универсальной необходимости* в соответствии с идеальными образами (формами) и образцами (парадигмами) *реальности высшего*, явленными НАДЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ в результате созерцания избранными сокровенно-сущего КОСМОСА.

Полагаю, что декларируемое *метафизикой ВЫСОТЫ* включение *всего сущего* в пространство универсальной необходимости, отличной от единично-вещной (изменчиво-случайной) и частично-закономерной необходимости фюсиса (натуры), по существу есть длящийся во времени процесс творчески-практического перевода *фюсиса* (натуры) в пространство реальности высшего, то есть либо в пространство КУЛЬТУРЫ (античность), либо в пространство ОБЩЕСТВА (Новое время). Представляется, что *метафизика ВЫСОТЫ* утверждала себя по мере того, как в пространстве синкретического, *природокультурнообщественного мира*, мифологического мира *первобытного человеческого существа*, освобождающийся от мифологии посредством философии разум человека после-

1 Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). – М.: «Наука», 1988.

довательно обнаруживал и абстрагировал – в античную эпоху реальность культуры как реальность действительного обиталища человека, а в эпоху Нового времени реальность общества как реальность действительного обиталища человека. В первую из этих эпох уже «метафизический разум», первый раз пренебрегший позицией разума человека, к которой с самого своего начала устремлена действительная философия, трансцендирует реальность культуры (путем предельной универсализации и идеализации конкретно-типических черт культуры эллинов), превращая ее в реальность высшего, реальность царства универсальной необходимости и обиталища надчеловеческого человека как субъекта космосотворящей деятельности. Тем самым незаметно происходит разрыв связи (западной) культуры с действительным человеком. В эпоху Нового времени «метафизический разум» второй раз пренебрегший позицией разума человека, философски обосновавшим идею общества как действительного обиталища человека, отличного от природы, трансцендирует реальность общества (путем предельной универсализации и идеализации конкретно-типических черт капиталистического общества), превращая его в реальность высшего, реальность царства универсальной необходимости и обиталища надчеловеческого человека как субъекта космосотворящей деятельности. И в этот раз также незаметно происходит разрыв связи (западного) общества с действительным человеком.

В таком ложном (по основанию действительности мира и человека – Г. Б.) представлении мира и человека, которое продуцируется метафизикой высоты, тем не менее, скрывается истина самой метафизики. Истина, которую, по моему разумению, следует раскрыть (сделать явной) и которую необходимо положить в основание оправдания собственно метафизики (то есть, метафизики как таковой) как теории, которая должна быть вновь воссоздана и сохранена, невзирая на все попытки расправиться с ней. Конечная цель таких усилий по возрождению метафизики: непрекращающееся побуждение человеческих существ быть причастными к собственно человеческой (родо-человеческой) практической деятельности, объектом которой является этот мир и целью которой является мир будущий. Установку же «метафизики Высоты» на «Беспредельное Величие Человека» путем беспредельной «культуризации» и «социализации» природы, по основанию действительной необходимости, следует бесповоротно преодолеть, ибо она подобно ложному дорожному знаку указывает человеку направление на «штurm недостижимых высот», сопровождающийся бессмысленной, все возрастающей тратой духовных и материальных сил людей, бессмысленным, во все возрастающих масштабах разрушением природы, по существу уводя человека прочь не только от горизонта сознания «обыденного человека», но и от горизонта действительного разума человека, ориентирующего его на решение именно тех задач, ради которых он и явился в этот мир и которые он должен решать потому, что он действительно может их решать. Человеку не предназначены задачи творить мир и творить человека. Это – задачи Бога. Человеку предназначены задача и творчество в пределах его собственно человеческого дела по созданию условий, необходимых для возникновения будущего мира и будущего человека. Пределы этого, родо-человеческого, дела определяют и действительную меру свободы и ответственности человека и, следовательно, меру его, человека, действительности. Установление этих мер есть дело свободного разума, способного непосредственно созерцать недоступный чувственному познанию действительный мир и давать человеку возможность постигать действительные смысл, необходимость и пределы его собственно человеческого мира, то есть, культуры и общества.

Надчеловеческий человек в своем недействительном устремлении бесконечно творить мир и творить человека по канонам «Бытия как такового», безгранично-насильственно расширяет «предел пределов» и «меру мер» телесно-природной экзистенции человека, стремясь полностью присвоить себе не только

разум, но также и рассудок, ум (ratio), хитроумие, мышленность и интуицию, присущие телесно-экзистенциальному человеку как телесно-природному индивиду, тем самым создавая реальную тотальную угрозу существованию индивидуального бытия человека и, следовательно, существованию самого действительного человека, пребывающего, как было уже сказано выше, в каждом человеческом индивиду как потенциальный субъект действительно-творческой деятельности.

Дважды в истории западной (мировой) истории позиция надчеловеческого человека преодолевалась, как я полагаю, именно по основанию сокровенной творческой интенции действительного человека. (Вот, кто в действительности является повелителем «крота истории»! Вот, «служанкой» кого на деле является действительная философия, философия *par excellence!*). Причем дважды преодоление осуществлялось одинаково: вначале философско-теоретическим путем, а затем путем практически-государственного (насильственного) действия, целесообразно и последовательного, ибо оно инициировалось по основанию соответствующей философской доктрины.

Итак, первый эпизод. Крах Западно-Римской империи как воплощения мирового Космоса на Земле и как обиталища надчеловеческого человека. Первое преодоление в это время позиции нечеловеческого человека: в философско-религиозной доктрине христианства, полагающей Бога единственно-сущим творцом мира и человека. Любой человек есть «раб Божий», то есть инструмент реализации Божественного Провидения. Второе преодоление в это время позиции надчеловеческого человека: через практическую религиозно-политическую деятельность церковно-государственного аппарата, направленную на объединение людей во всем мире в единый «Град Божий».

Второй эпизод. Второе явление надчеловеческого человека. Завершение в ситуации чудовищных антагонизмов эпохи капиталистического общества, обиталища нового надчеловеческого человека.

Первое преодоление в это время позиции надчеловеческого человека: в философской диалектико-материалистической доктрине К. Маркса в той его части, где говорится о роли мирового пролетариата как могильщика класса капиталистов. И где насильственное уничтожение класса капиталистов формулируется в качестве объективно-необходимого условия построения коммунистического общества в масштабах Земли.

Второе преодоление в это время позиции надчеловеческого человека: через практическую партийно-государственную деятельность Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, направленную на консолидацию людей во всем мире для построения коммунистического общества.

На мой взгляд (о чем говорилось выше), действительный смысл создания Советского Союза и общности «советский народ» из мультикультурных народов царской России заключался в действительной необходимости полного и окончательного преодоления позиции надчеловеческого человека, порожденного ложной по ее направленности и чреватой катастрофами и антагонизмами метафизикой Высоты, мешающей постичь действительный мир, действительного человека и действительный смысл существования человека на Земле. Именно из контекста этой задачи преодоления позиции надчеловеческого человека, кульминацией решения которой и явилась Вторая мировая война, и следует неопровержимый вывод об исключительной роли Советского Союза и советского народа, совершившего, таким образом, не только военный, но и «метафизический», действительно-человеческий подвиг. **Подвиг на все последующие времена!**

Пристатейный библиографический список

1. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). – М.: «Наука», 1988.

Салихов Г. Г.

К МЕТОДОЛОГИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: О ФАКТОРАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ

В статье рассматриваются философские проблемы, связанные с отношением и взаимоотношением человека в эпоху глобализации. Отмечается, что взаимоотношение становится действительной формой бытия, а отношение – возможной. Человек по своей природе стремится быть в общении с себе подобными. Люди в основном хотят строить отношения с выгодой для себя, но реальность приводит к взаимоотношениям с конкуренциями, и противостояниями. На этой основе возникает множество затруднений в жизни.

Ключевые слова: глобализация, человек, пространство, движение, бытие, благо, регионализация, культура, цивилизация, общество.

Salikhov G. G.

TO THE METHODOLOGY OF GLOBALIZATION: ON FACTORS OF PEOPLE'S RELATIONS

The article deals with philosophical problems of relation and interrelation of a person in the epoch of globalization. It is emphasized, that interrelation becomes a real form of being, and relation – a possible form of being. A person wants to associate with similar ones, but he has to deal with competition and opposition. That's why many life difficulties appear.

Keywords: globalization, person, space, motion, being, blessing, regionalization, culture, civilization, society

Салихов Г. Г.

Согласно Аристотелю: «Задача науки вообще состоит в том, чтобы понять действительность, а это достигается через выведение частного и условного, составляющего предмет наших представлений, из общего и основного, составляющего предмет понятий»¹. Научная методология является особой дисциплиной, а для философии – первоосновой. Рассматриваемая нами проблема глобализации и факторы взаимоотношения людей связаны с научной картиной мира, а для их исследования необходима своя методология. Для современной науки вообще нужны различные модели глобализации и их методология. При этом логика философского исследования глобализации необходимо должна обладать определенной формой мышления, которая, в одном из случаев, может придерживаться установленному отношению общего к частному в рамках умозаключения. Но умозаключения состоят из суждений, а суждения – из понятий. В понятии «глобализация» выражается то общее, которое многим факторам глобализации принадлежит не случайно, но необходимо.

Во-первых, глобализация – это общее представление или сущность современного мирового бытия, или то, что выводится из этой сущности. В первом случае термин «глобализация» относится к понятию рода предмета, во втором – к понятию свойства, состояния современной жизни человечества. Если к родовому понятию глобализации присоединить существенные отличительные признаки состояний для определенных групп культуры, стран, регионов, входящих в пространство глобализации, то получается вид. Наконец, если к родовым и видовым свойствам глобализации как предмета, присоединить все его индивидуальные отличия так, что образованное таким путем определение уже не может быть приложено ни к какому другому предмету, то получается понятие отдельного предмета глобализации. К последнему таким образом мысль движется путем нисхождения от родов к видам, а от видов к подвидам. Происходит нисхождение от общего к частному, производимого умозаключающей деятельностью мысли. В

суждении ставятся во взаимоотношение два понятия – понятия субъекта и предиката.

В каждой частной науке есть свои принципы и свои основные понятия. Так, например, силлогизм является умозаключением, идущим от общего к частному, индукция предполагает восхождение от частного к общему. Индукция имеет доказательную силу только тогда, когда она полная, но достигнуть полноты в действительности трудно. Путь, которым можно достигнуть большей вероятности индуктивного заключения, это диалектика, или теория вероятных доказательств. Материалом для диалектических операций в исследовании глобализации служат общераспространенные мнения, которые и подвергаются сравнению и проверки. Но никто не может поручиться за полноту и точность отдельных наблюдений процессов глобализации, критика же существующих мнений обычно являться неоправданной и неблагоприятной.

Силлогизм и индукция суть пути к определению понятий, к достижению той цели, какую ставит себе наука вообще. В правильном определении общие и индивидуальные признаки глобализации должны быть не даны во всей полноте, но и не расположены в порядке строгой постепенности нисхождения от общего к частному. Вспомогательным приемом в данном случае служит правильно проведенное деление, в котором мысль от самых высших понятий, через промежуточные степени спускается к низшим понятиям. Они в свою очередь восходят к первым понятиям. Но это не завершается одним понятием, а ограничивается несколькими, несводимыми уже к более общему. Подобные родовые понятия, как известно, называются категориями. Необходимо исследование таких категорий глобализации как ее субстанция, количество, отношение, место, время, действие, страдание, положение и владение. Категории являются различными определениями реальной глобализации. Наиболее важной в философском исследовании процесса глобализации может являться изучение субстанции, являющейся субстратом всех остальных категорий. Изъяснение процесса глобализации должно начинаться с исследования этой категории или сущего, как такового.

1 Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн: Литература, 1998. – С. 19.

Но при переходе к дедукции категорий отмечают, что «возможны лишь два случая, при которых синтетическое представление и его предметы могут сообразоваться, необходимым образом относиться друг к другу и как бы встречаться друг с другом: если предмет делает возможным представление или если представление делает возможным предмет»². Предметом в данном случае являются не отдельные области бытия глобализации, а сущее, как таковое, точнее – первые начала и основы всего существующего феномена глобализации. Попробуем исходить из гносеологических предпосылок. Для этого сформулируем, что сущность всего, в частности глобализации, заключается в его идее, мыслимой нами в форме общего понятия. Надо полагать, что действительное бытие глобализации принадлежит только той общей форме в мировом масштабе, которое осуществляется в отдельном регионе и государстве. Если нельзя приписать субстанционального бытия глобализации единичному образу в рамках государства, региона, республики, то невозможно видеть таковое и в отвлеченном общем понятии глобализации в планетарном масштабе. Субстанция глобализации будет сохранять свою сущность в ходе ее проявления в любом уголке мира, а также в России и ее регионах и республиках.

Во-вторых, на реальную действительность глобализации следует смотреть как на нечто по существу своему подлежащее развитию и в процессе развития переходящее из одного состояния к другому. Состояние, от которого начинается переход к глобализации, можно назвать состоянием человека, когда он впервые начинает строить свое отношение к внешнему миру, к своему окружению. Этап, которым заканчивается это отношение, назовем взаимоотношением, которое становится формой. Взаимоотношение, таким образом, становится целью развития человеческой культуры, которая выливается в форму глобализации или во взаимоотношения на мировом уровне. При этом взаимоотношение становится действительной формой бытия, а отношение – возможной. Люди в основном хотят строить отношения с выгодой для себя, но реальность приводит к взаимоотношениям с конкуренциями, противостояниями и взаимоуважениями. В мире культуры, доступном наблюдению, отношения неразрывно связаны с взаимоотношениями. Но если иметь в виду предельные пункты мирового процесса в эпоху глобализации, то следует предположить отношение, лишенное всяких взаимоотношений, и наоборот.

Первое отношение человека к ближайшему окружению должно быть мыслимо не просто как его отношение к внешнему миру без присутствия взаимоотношений, а как взаимоотношение в возможности. Это потому, что отношение представляя собой субстрат, лишенный каких-либо форм взаимоотношений, тем не менее, несет в себе задатки и предрасположение ко всяким формам взаимоотношения. Процесс перехода отношения к взаимоотношению является движением. К движимому относится отношение, к движущему – взаимоотношение. К принципам движения глобализации можно отнести отношение, взаимоотношение, движущую причину и цель. Последние из этих двух входят в рамки взаимоотношения, которое, составляя понятие и сущность глобализации, служит и причиной, и целью движения. Взаимоотношение таким образом, ведущее к глобализации, является не механической причиной всего движения в мире человечества, а целью, к которой стремятся люди, объектом их естественного тяготения.

Как отмечает А. Н. Чумаков: «Для правильного понимания динамики и сущности социальных процессов, принявших на соответствующем этапе своего развития формы глобализации, а также с целью различения реальных событий и их отражения в языке на уровне категорий, важно обратить внимание на тесную взаимосвязь и взаимодополняемость широко распространенных понятий «культура», «цивилизация», «глобализация», которые задают самый крупный масштаб во взглядах на историю»³. Движения или изменения в культуре человечества, проявляющиеся во всяком переходе от возможности к действительности, бывают пространственные, как перемена места; качественные, как превращение; количественные, как увеличение или уменьшение; и субстанциональные, как возникновение и уничтожение. Абсолютного субстанционального изменения глобализации не может быть. Относительное изменение происходит в трех первых родах движения – пространстве, качестве и количестве глобализации. Эти три рода движения представляют градации движения глобализации от низшего к высшему. Причем движение глобализации к высшему обуславливается движением в пространстве. Пространственное движение глобализации является основным для всех остальных форм, но это не говорит о том, что все в мире объясняется этим именно движением и механическими причинами. Это не положительные причины движения, а только необходимые его условия. Положительное значение принадлежит причинам конечным или целям. Обычно в процессе движения глобализации господствует смена и разнообразие.

Отметим, что весь мир, глобальная культура человечества представляется иногда как ряд регионов и государств, концентрированно расположенных вокруг одного региона или страны. В связи с этим возникает учение об ограниченности глобальной культуры в пространственном отношении. Пространство глобализации есть только граница окружающей мировой культуры по отношению окружающей национальной или региональной. Вне мира человеческих обществ нет пространства культуры, пустоты не существует. Из этого истекает, что без существования культуры не может быть и ее времени. Время глобализации есть только число движения в отношении к «прежде» и «после», можно добавить и «сейчас». Каждая малая или национальная культура способна существовать отдельно от высших мировых культур, но высшая всегда существует в соединении с малыми.

В-третьих, бытие людей отличается от бытия природы в способности к самодвижению, стремлением к цели, выработанной разумом. Движущим началом процесса глобализации является человек, движимым – культура. Телесная и психическая стороны человека способствуют активизации движения. Но всякое движение можно разделить на две половины, рассматривать двояко. Первое направление внутренней работы движения человека в культурологическом плане это теоретическое, состоящее в основном в созерцании бытия. Второе – это практическая деятельность, когда ум человека целенаправленно руководит желанием, вырабатывает свободу воли. Регионы, нации и их культуры, следовавшие в первом направлении, становятся пассивными, а вторые – активными, ведущими к глобализации мира. Первое направление представляет собой форму региональной культуры и ее бытия, взятую в себе самой. Второе – ту же форму, но взятую в процессе ее осуществления в жизни всего человечества. Если это так, то можно предположить, что в будущем планетарная культу-

2 Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С. 123.

3 Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 161.

ра, мировая цивилизация без взаимоотношения с культурой иных цивилизацией окажутся в условиях, схожих с современным отставанием изолированных регионов.

Высшее благо или высшая цель человеческой деятельности в блаженстве, утверждают философы. Развитие культуры должно вести людей к этому. Но люди не могут добиться в одиночестве и по отдельности этого блага. Следовательно, глобализация по своему духу является дорогой в данном направлении. Но человеческое благо, всего лишь субъективная сторона стремления людей. Существует и объективная половина всего этого – это добродетель. В ходе движения мира к счастью необходимо руководствоваться именно вторым направлением, оно ценнее первого. В строительстве глобального мира люди должны отдавать предпочтение добродетели, как ценной в себе самой. Она состоит в разумной деятельности человечества перед лицом множественности мировых культур.

Разумная деятельность человека, согласно Аристотелю, делится на две половины: теоретическая и практическая или этическая. В основе добродетели лежит разум, но добродетель – это не только лишь знание. Это одинаковое направление разума и свойства воли. Поэтому в процессе глобализации человечеству нужно не только знание положительных и отрицательных сторон инновационной техники и технологии в мировом масштабе, но и проявление свободы воли. Воля между двумя крайностями процесса глобализации всегда выберет середину. Но середина определяется усмотрением разума. На практике же глобализации наблюдается, что воля определенной части человечества идет наперекор разуму. Это подтверждает о том, что одного усмотрения разумом середины между крайностями оказывается недостаточно. Кроме разума людям необходимо естественное предрасположение к доброму началу, усилие воли. Только тогда глобализация будет проходить в рамках добродетели, окажется прочным состоянием мировой системы, каковым она должна быть по своей сути.

Обратим внимание, что человек по своей природе стремится быть в общении с другими людьми. Идеал этого общего стремления есть достижение блага, удовлетворение потребностей. Люди не могут не общаться также на мировом уровне, а это общение уже и есть глобализация. Согласно П. А. Сорокину: «Как бы не отличались друг от друга идеациональная и чувственная культура, общества, являющиеся их носителями, обязательно должны располагать "общим фондом" сходных поведенческих актов. Этот фонд состоит в первую очередь из всех тех актов, которые необходимы для удовлетворения элементарных биологических потребностей»⁴. Современная глобализация вписывается в логику истории, хотя она и беспрецедентна. Взлет современной глобализации есть совпадение истории с новыми реалиями, но она может смениться и на аналог дезинтеграции.

Остановимся на том, что глобализация предполагает человечество, мировую систему, а регионализация имеет в виду культуру отдельного региона, государства. Культура и цивилизация отличаются прежде всего по своим функциям. Культура есть процесс самоопределения и создания им различных ценностей. Цивилизация как социокультурное явление характеризует массовое внедрение ценностей материальной и духовной культуры в социум. Она моложе культуры, возникает и укрепляется благодаря строительству городов и развитию торговли, средств коммуникации. Оно и ясно, ибо в силу присущего людям социального инстинкта они нуждаются в обще-

стве и совместном проживании в целях сохранения физической жизни и нравственного прогресса. Чем больше общения в пространстве, тем больше прогресса, а из этого вытекает, что глобализация должна являться естественной формой человеческого бытия в мире. Предназначением новой планетарной системы становится решение задачи по охране природы и всего мира, а также воспитание граждан к добродетели. Мировая система должна соответствовать характеру и потребностям людей, для которых она предназначена. Каждая из форм мироустройства, будь это государственная, региональная или мировая система вообще, могут являться положительной если ими достигается общее человеческое благо, а не выгода отдельного государства, региона или нации. Все страны и регионы, а также нации имеют право на равное участие в процессе глобализации и равное взаимоотношение. Но на практике допускаются к ним отдельные страны только по достижении определенного экономического, политического, правового, социального уровня и выполнения условий и требований в рамках мирового стандарта. Те государства, у которых отсутствует достаточная база для этого, все равно вовлекаются в процесс глобализации самой жизнью, но это оборачивается для них большими издержками.

К тому же в процессе глобализации начинает проявляться необходимая поляризация мира на центр и периферию. В отличие от принятого деления мира на прогрессивный Запад – отсталый Восток, богатый Север – бедный Юг предлагаемое разделение способствует более доступному исследованию в глобалистике характера глобализации и ее последствий. Согласно О. В. Малюкову: «1. Все во всем – такова структура глобалистики. Весь XX век можно рассматривать структурно. Однако равновесие биполярного мира было нарушено в конце 80-х гг. По законам философии и структуры такое состояние объективно временное, т.к. должно быть два полюса, ибо декомпенсация приводит к катастрофе. 2. Противостояние Запада и Востока крайне актуально в связи с проблемами терроризма. Нерешенность этой проблемы тоже ведет к катастрофе. Противостояние Севера и Юга, богатых и бедных также приводит к тяжелым драмам»⁵. В мире наблюдается картина, когда центр глобализации все более берет на себя право управления человечеством, расширяет у себя досуг, сферу услуг, науку, образование. На периферию же возлагается физический труд по обеспечению всего мира необходимыми предметами потребления. Это происходит по воле центральной части в рамках парадоксального требования гуманного отношения к жителям периферии. Регионы и отдельные государства выступают против происходящего поглощения их культуры глобальной мировой системой в ходе взаимоотношения. Не может быть в многоликом мире единой культуры, общей нации, географических территорий. Но главная мысль во взаимоотношениях людей такова, что воспитание индивидов должно вести человечество к достижению умственной и нравственной высоты в рамках общих требований.

Актуальность данного тезиса обосновывается тем, что тенденция развития современного общества ускоряется по геометрической прогрессии. Это движение нельзя воспринимать также лишь как однолинейное. Оно следует от некоего первоначального центра в своем логическом хаосе, в рамках закономерного беспорядка, с периодами остановок, бифуркаций и самоорганизации.

4 Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. – М.: Астрель, 2006. – С. 767.

5 Малюкова О. В. Философско-методологические исследования глобализма // Вестник Росс. Фил. Общ. – 2005. – № 2. – С. 126–128.

В связи с этим можно сказать, что человечество всегда стремилось к познанию законов бытия, выстраивало теории о развитии природы, возникновении жизни, социальном устройстве. Но все подобные учения возникали в основном задним числом, с оглядкой назад, а о сути событий люди «догадывались» спустя время. Накопленный опыт о прошлом чаще всего оказывался обманчивым в настоящем и будущем, поэтому людям казалось, что прошлое лежит в логике, в рамках причинно-следственных явлений и закономерностей, а настоящее в случайностях, будущее – в хаосе. На современном же этапе, «базовое противоречие развитого общества, которое лишь начинало складываться и проявляться в ходе научно-технической революции и распространения информационных технологий, на вершине этого процесса – в условиях глобализации и тотального доминирования технологий формирования сознания – обнажилось в полном объеме и во всей своей безобразной самоочевидности»⁶. В действительности должно быть, что бытие имеет причинно-следственную связь от прошлого через настоящее к будущему. Отличие только лишь в том, что каждая причина имеет несколько следствий, включая и тупиковые варианты. Незнание путей необходимого дальнейшего продвижения ставит человека в растерянность во взаимоотношениях на мировом уровне, приводит к потере контроля.

Если коснуться эволюции природы, то она происходит по более жесткой форме, ибо за период ее существования уже произошла самоорганизация. Качественные и количественные изменения в ней, образование новых форм движется в доминирующем направлении. Но в структуре социального бытия намного сложнее. Это вызвано двойственностью человеческого положения. Человек, как биологический вид, продолжает оставаться внутри природы, подчинен ее законам, движется вместе с ней, пребывает во взаимоотношении. С другой стороны люди, являясь деятельным и мыслящим субъ-

ектом, отделяют себя от нее, используют природные ресурсы в борьбе с проявлениями той же самой природы, вместо взаимоотношения с ней. В силу этого находит свою проблематику во всех сферах человеческого бытия и различных формах взаимоотношения так называемая уже палиндромия, которая по иному активизирует скрытые пласты человеческого сознания, познания, мышления. Особенностью палиндромов является то, что смысл любого действия, поступка, мышления является открытым только в одну сторону, а в другую завуалированным. В эпоху глобализации человек во всех своих взаимоотношениях стал мыслить палиндромически, симметрично. Но человек – это социальное существо, он создает семью, общество, моделирует будущее. В силу этого социальное бытие должно переходить в форму процесса его воспроизведения и обновления. В этом плане взаимосвязанная жизнь людей и их взаимоотношения оказываются фундаментальным слоем всеобщего бытия, а различные сочетания индивидуальных форм взаимоотношения обнаруживают значение активных сил и структур социального процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн: Литература, 1998. 1392 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 736 с.
3. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 432 с.
4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
5. Малюкова А. В. Философско-методологические исследования глобализма // Вестник Росс. Фил. Общ. – 2005. – № 2. – С. 126–128.
6. Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.

6 Делягин М. Г. Указ. соч. – С. 193.

Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Койше К. К.
АКТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ Н. МАКИАВЕЛЛИ

Статья посвящена интерпретации философско-политической мысли одного из наиболее концептуальных теоретиков политики итальянского Возрождения – Никколо Макиавелли. Актуальность идей Макиавелли (в частности, интерес к его наиболее известному произведению – «Государю»), резко возросла в 60-е г. XIX века в связи с объединением Италии и Германии в единые государства. В наши дни актуализация политической мысли Макиавелли связана с текущим мировым политическим кризисом.

Ключевые слова: Н. Макиавелли, «Государь», макиавеллизм, мировая политика

Lukiyanov M. Yu., Bondarenko A. V., Kojshе K. K.
THE ACTUALIZATION OF PHILOSOPHICAL AND POLITICAL THOUGHT OF N. MACHIAVELLI

The article is devoted to the interpretation of philosophical and political thought of one of the most conceptual policy theorists of the Italian Renaissance, Niccolo Machiavelli. The relevance of the ideas of Machiavelli (in particular, the interest in his most famous work "The Sovereign"), has increased dramatically in the 60 g of the XIX century in connection with the unification of Italy and Germany into a single state. Nowadays, the actualization of the political thought of Machiavelli is associated with the current global political crisis.

Keywords: N. Machiavelli, "The Sovereign", machiavellism, world politics

Произведения Макиавелли, как изданные при его жизни, так и – вскоре после его смерти, вызывали у читателей глубокий интерес благодаря прежде всего богатству идей, выраженных в исключительно точном и современном стиле. К этому следует добавить то, что Макиавелли выступал и в качестве лингвиста, теоретика самого языкового творчества. Он был одновременно ученым и писателем, причем совмещал эти качества в одних и тех же произведениях. Неудивительно, что его произведения стали очень популярными в Европе и Италии¹, но это же и вызвало вначале настороженное, а потом и враждебное отношение со стороны церкви, которое в 1559 году включило произведения Макиавелли в Индекс запрещенных книг². Однако, переводы и издания под разными предлогами, иногда анонимно, продолжались. Непосредственно-наивное восприятие знаменитых разделов «Государя» о принципах поведения правителя, якобы в противостоянии морали и политики, вызвало целую волну так называемых антимачиавеллиевских трактатов. Они же в свою очередь провоцировали выступления в защиту идей Макиавелли, стимулировали попытки его адекватного прочтения. Во всяком случае, произведения Макиавелли оставались в арсенале активных политических действий и мыслей. Разумеется, в таком контексте наиболее важный и показательный пример давала сама Италия.

В конце XVIII века Италия вступает в первый этап Рисорджименто – национально-освободительного движения, направленного прежде всего на объединение Италии, ликвидации ее политической раздробленности и зависимости от иностранных держав. Буржуазия жаждала ликвидации феодальных порядков и установлений, преграждавших ей путь к политической власти и препятствовавших приобретению огромных земельных богатств церкви и аристократии.

Передовые представители буржуазной и дворянской интеллигенции остро ощущали назревшую необходимость обновления страны. Однако те группы буржуазии и дворянства, которые сочувствовали идее преобразования итальянского общества, были слишком слабы, разобщены, оторваны от масс, а их представления о содержании общественного переустройства и о его методах не выходили за рамки умеренной реформаторской программы. Понадобился могучий толчок и пример победившей во Франции великой революции, чтобы назревший кризис феодально-абсолютистского строя вылился в открытую борьбу передовых сил Италии за буржуазное преобразование страны и ее политическое и национальное объединение³.

В ходе этой борьбы выдвинулся крупный ученый, принимавший активное участие и в политических событиях, Франческо Де Санктис (1817–1883). Он дал очень емкое и выразительное обоснование задач, стоящих перед обновленным итальянским обществом. Италии необходимо было построить заново свою культуру и найти новые источники вдохновения

Лукиянов М. Ю.

Бондаренко А. В.

Койше К. К.

1 Турецкий султан Мустафа III даже приказал перевести «Государя» для себя и воспитания собственных детей (См.: Темнов Е. И. Макиавелли – политический писатель // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1997. С. 16).

2 Там же. С. 15.

3 Бондарчук В. С. Италия в конце XVIII – первой половине XIX в. // История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 7.

в реальных основах ее национальной жизни. «Великий труд XIX века завершается. Мы присутствуем при новом брожении идей, возмещающем о создании нового. Мы уже видим, как в нашем веке обрисовывается новый век. И на этот раз мы не должны оказаться ни позади, ни на вторых местах»⁴.

На карте Европы появилось новое государство, Итальянское королевство, уходящее своими корнями в римскую древность. Объединение страны, завершённое в 1870 г., поставило перед итальянским обществом множество политических, социальных, экономических, культурных, даже научных проблем, решение которых как бы откладывалось до этого насущными потребностями непосредственной борьбы с чужеземной тиранией. Одним из краеугольных камней идеологии Рисорджименто, итальянской буржуазно-демократической революции, было понятие нации как морального фактора, идея свободного и сознательного содружества людей, связанных традицией, славным прошлым, общей борьбой за национальную независимость, общими верованиями и надеждами. Мадзинисты и гарибальдисты были идеалистами и верили, что возрожденная и обновленная Италия покажет всем народам мира путь к созданию гуманного, справедливого, прекрасного общества, основанного на разуме и добре⁵.

На деле Рисорджименто оказалось не завершено, в Италии сохранились такие пережитки феодализма как помещичья латифундия. Ужасающая бедность основной массы населения породила многомиллионную эмиграцию преимущественно в Северную и Южную Америку. В городах торжествовала буржуазная «проза жизни», в чем Италия «догнала» другие европейские страны⁶.

Популярным в начале XIX столетия становится «Государь» Макиавелли и в Германии, где его переводят, комментируют и анализируют такие исследователи, как Реберг, Лео, Ранке, Келлерман. Актуализация идей Макиавелли в Германии происходит по тем же причинам, что и в Италии – Германия также стремилась преодолеть свою раздробленность. Но если объединение Италии преследовало своей целью преодоление отсталости страны, то объединение Германии было обусловлено потребностью дальнейшего наращивания своей индустриальной мощи.

После первой мировой войны, Италия вступила в полосу фашистской диктатуры. Антонио Грамши вел революционную деятельность, и, хотя он был депутатом парламента, Муссолини воспользовался убийством политического деятеля Маттеотти, принял чрезвычайные законы, позволявшие преследовать нефашистские организации, особенно компартию. Антонио Грамши был арестован и приговорен к пожизненному заключению. Это был один из революционеров и великих мыслителей Италии, неортодоксальный марксист.

Грамши проявлял живой интерес к политической науке Макиавелли. В «Тюремных тетрадах» тексты о Макиавелли условно объединены под названием «Современный государь»⁷. Грамши придавал большое значение роли интеллигенции в воспитании масс, называя партию коллективным интеллигентом.

В зашифрованном от цензуры тексте под видом изучения политических трактатов Макиавелли Грамши размышляет о стратегии и тактике современной пролетарской партии в борьбе за гегемонию, но у него немало мыслей и собственно о Макиавелли, которым он сильно увлекся⁸.

Грамши, перечитывая Макиавелли, предвидел кризис, который повлечет за собой захват власти. Революция (левых или правых) потерпит поражение, если она не завоеует поддержки большинства внутри демократических институтов. Очевидные постмодернистские элементы теории Грамши сводятся к следующему: децентрализация, плюралистическая активность и уважение к народной культуре. Он с подозрением относился к модернистским утопиям, которым недоставало органического контакта с социальной реальностью, которую они желали преобразить. Социализм, построенный без учета гражданско-республиканской основы, будет аналогом модернистских архитектурных сооружений, в которых никто не хочет жить. «Народ – это государь», – утверждал Грамши⁹.

Помимо размышлений в связи с наследием Макиавелли и задачами современной политической борьбы, Грамши имел оригинальные взгляды на эпоху Возрождения. В очерке «Никколо Макиавелли»¹⁰ Грамши анализирует трактат «Государь». «В своей книжице Макиавелли рассуждает о том, каким должен быть государь, чтобы привести народ к созданию нового государства, и его рассуждения ведутся строго логично, научно отрешенно; в заключительной же главе сам Макиавелли становится народом, сливается с народом, но не с народом вообще, а с тем самым народом, который он убедил своими предшествующими рассуждениями, народом, сознанием которого и выражением которого он себя ощущает, народом, с которым он мысленно отождествляется; кажется, что вся «логическая» работа оказывается не чем иным, как саморефлексией народа, внутренне целостными рассуждениями, развивающимися в народном сознании и завершающимися страстным непронизвольным криком. Страсть в ходе внутренней саморефлексии снова оборачивается аффектом, лихорадочным чувством, фанатизмом действия. Вот почему эпилог «Государя» не является чем-то внешним, «навешенным» на него извне, чем-то риторическим – эпилог этот следует истолковывать как необходимый элемент произведения, более того, как тот элемент, отсвет которого лежит на всем произведении и превращает его в своего рода «политический манифест»¹¹.

Грамши задаётся вопросом, почему в Италии во времена Макиавелли не было абсолютной монархии? Причину неудачи всех, много раз предпринимавшихся попыток создать коллективную национально-народную волю следует искать в существовании определенных общественных групп, сформировавшихся в результате разложения буржуазии коммун, в особом характере всех прочих групп, отражающих международную роль Италии как местопребывание Церкви и изначального хранителя Священной Римской империи и т.д. Эта роль и вытекающая из нее позиция определяют внутреннюю ситуацию, которую можно назвать «экономико-корпоративной», то есть в политическом отношении худшей формой феодального общества, формой наименее прогрессивной и наиболее застойной: при ней всегда отсутствовала и не могла сложиться сила по-настоящему яacobинская, та самая сила,

4 Де Санктис Ф. История итальянской литературы. Т. 2. М., 1964. С. 555, 558.

5 См.: Кин Ц. И. О некоторых идейных течениях в итальянской культуре 1870–1917 гг. // История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 525.

6 Подробнее см.: Григорьева И. В. Италия в 1870–1900 гг. Оформление конституционно-монархического государства. Становление самостоятельного рабочего движения // История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 252 и сл.

7 Грамши А. Искусство и политика. Т. I–II. Пер. с ит. С. А. Ошерова и др. [Серия «История эстетики в памятниках и документах»]. М., 1991. С. 255 и мн. др.

8 Юсим М. А. Макиавелли и марксизм // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 115.

9 Карри П. Макиавелли для начинающих. Ростов-на-Дону, 1998. С. 157, 159.

10 Грамши А. Указ. соч. С. 269–286.

11 Там же С. 270.

которая в других странах пробудила и организовала коллективную национально-народную волю и основала современные государства¹².

После этих слов не кажется парадоксальным вывод Грамши о том, что гуманизм в Италии становился все более реакционным, поскольку само итальянское общество становилось все более реакционным.¹³

Грамши ставит и проблему макиавеллизма. По его мнению макиавеллизм послужил улучшению технических приемов традиционной политики консервативных господствующих групп, точно так же как он послужил политике философии практики; это не должно скрывать от нас его существенно революционного характера, который ощущается уже теперь и объясняет все проявления антимаккиавеллизма¹⁴.

Общий вывод об использовании наследия Макиавелли революционной мыслью Италии, видимо, может прозвучать так: от революционного романтизма Рисорджименто к практике борьбы с реакционным фашистским режимом, когда мысль Макиавелли через перипетии повседневной борьбы ведет к пониманию необходимости демократического развития. Еще раз сошлемся на Грамши, говорившего «народ – это государь», тогда как Муссолини верил в единовластие и в ударную силу элиты¹⁵.

Дальнейший переход к «обществу потребления» четко разделил сферы влияния на государственную политику элиты и народа. Народ не стал «коллективным государем», в авангарде которого стояла бы интеллигенция. Г. Маркузе в своем труде «Одномерный человек»¹⁶ пишет о полной управляемости общества посредством пропаганды, культы потребления и т.д. При этом, государственная элита не является замкнутой структурой и рекрутируется из народа путем выборов, карьерного роста. Г. Маркузе предлагает формировать контркультуру, которая бы предполагала непринятие идей такого навязываемого общества. В качестве контркультуры стали выступать многочисленные движения второй половины 20 века – от отрицавших общество потребления аполитичных групп (хиппи, битники и т.д.) до различных молодежных политических движений как левого, так и правого толка. Но сама контркультура очень быстро инкорпорировалась в современную структуру потребительского общества, став своего рода «товаром»¹⁷.

Современная радикализация политических тенденций, бросающих глобальные вызовы человечеству (международный терроризм, военные конфликты, усугубляющийся мировой политический кризис), заставляет по-новому взглянуть на политические мысли Макиавелли. Глобальный экономический кризис, который берет начало в 2007-2008 гг., продолжается. Не найдены новые точки роста для преодоления этого кризиса, не созданы новые сектора экономики для реформирования общества потребления. Потребление продолжает сокращаться, падает спрос (а вместе с тем и цена) на энергоресурсы, во всем мире растет бедность, прежде всего, в странах третьего мира. В такой ситуации возникает множество локальных военных конфликтов, повсеместно происходят «цветные революции». Основным разработчиком и проводником этих конфликтов является элита США, не сумевшая найти точки роста для своей экономики и создающая зоны нестабильности во всем мире для решения своих проблем. Элита США, противопоставляя себя всему миру, проявляет макиавеллизм

в самом неприглядном виде – решая свои узко утилитарные интересы за счет остального мира.

Итак, как же относиться к Макиавелли, в чем его современность? Думается, что в самой общей форме прав К. М. Долгов, писавший: «Для нас Макиавелли и его творчество имеют прежде всего конкретно-историческую и культурную ценность»¹⁸.

Один из знаменитых итальянских философов отметил, что возвращение к принципам, рекомендованным Макиавелли, есть возвращение от догмы к критике; от эпохи застойных форм, лишенных духа и не способных на прогресс, к эпохе порыва и юношеской энергии, в которой дух творит свои формы¹⁹.

Концепция человека и его политической практики, разработанная великим флорентийцем, изначально наполнена положительным содержанием. Все споры о макиавеллизме последующих веков разбивались об это содержание. Другими словами, макиавеллизм мог быть объяснен с позиций высокой нравственности. Особенно это заметно в трудах революционных мыслителей Италии Ф. Де Санктиса и А. Грамши. Условия времени (эпоха Рисорджименто и утверждение фашизма) оказали, конечно, разное воздействие на «качество» этой мысли, но она сумела сохранить главное – гуманистический посыл и даже пафос великих творений Макиавелли. Уникальна, но и показательна сама попытка мыслить в параметрах «современного Государя». С другой стороны сам же Макиавелли отчасти «провоцирует» на практицизм, доходящий до беспринципности, ибо кто мешает прочтению «Государя» как учебника для монархов и тиранов? Классика на то и классика, что каждый находит в ней нечто созвучное себе.

Пристатейный библиографический список

1. Бондарчук В. С. Италия в конце XVIII – первой половине XIX в. // История Италии. Т. 2. М., 1970. 5–152
2. Грамши А. Искусство и политика. Т. I–II. Пер. с ит. С. А. Ошерова и др. [Серия «История эстетики в памятниках и документах»]. М., 1991. 432 с.
3. Григорьева И. В. Италия в 1870–1900 гг. Оформление конституционно-монархического государства. Становление самостоятельного рабочего движения // История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 252–311.
4. Де Санктис Ф. История итальянской литературы. Т. 2. М., 1964. С. 624–654
5. Джентиле Дж. Введение в философию. СПб., 2000. 470 с.
6. Долгов К. М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 3–128.
7. Карри П. Макиавелли для начинающих. Ростов-на-Дону, 1998. 174 с.
8. Кин Ц. И. О некоторых идейных течениях в итальянской культуре 1870–1917 гг. // История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 525–550.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 367 с.
10. Темнов Е. И. Макиавелли – политический писатель // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1997. С. 5–36.
11. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. М., 2007. 456 с.
12. Юсим М. А. Макиавелли и марксизм // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 112–132.

12 Там же. С. 272–273.

13 Григорьева И. В. Указ. соч. С. 125.

14 Там же. С. 277.

15 Карри П. Указ. соч. С. 156.

16 См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

17 См.: Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. М., 2007.

18 Долгов К. М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 127.

19 Джентиле Дж. Введение в философию. СПб., 2000. С. 301.

Ермолина М. А.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ КАРТАШКИНА В. А.

«ООН И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ». – М.: НОРМА, 2015. – 176 С.

В монографии В. А. Карташкина «ООН и международная защита прав человека в XXI веке» рассматриваются проблемы и перспективы развития международной защиты прав человека в XXI веке.

Ключевые слова: ООН, международное право, XXI век, защита прав человека.

Ermolina M. A.

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V. A. KARTASHKIN «UN AND INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN TWENTY-FIRST CENTURY». – M.: NORMA, 2015. – 176 P.

The monograph of V.A. Kartashkin «UN and international protection of human rights in twenty-first century» examines problems and prospects of international human rights protection in twenty-first century.

Keywords: UN, international law, twenty-first century, human rights protection.

Ермолина М. А.

Автор представленной монографии – доктор юридических наук, профессор Владимир Алексеевич Карташкин, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук.

Занимая почетное место в среде российских ученых, В. А. Карташкин исследует проблемы международного публичного права и является автором многочисленных трудов по вопросам механизмов защиты прав человека и гражданина. Результатом многолетней работы автора стали свыше 250 трудов, в том числе в соавторстве, опубликованные в России и за рубежом.

Работа написана на чрезвычайно актуальную с точки зрения науки и практики проблему. Она посвящена теоретическому осмыслению широкого спектра проблем современного международного права и итогов плодотворной деятельности ООН, касающихся гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

В ней разработаны и научно обоснованы теоретические положения и специфические закономерности, проявляющиеся в сфере международно-правового обеспечения прав человека. Рассматриваются проблемы становления института прав человека в историческом ракурсе; раскрывается сущность защиты прав человека в системе ООН; показывается значимость прав человека с учетом региональной специфики. Обобщаются результаты деятельности ООН в области защиты прав человека.

Представленные в монографии концептуальные и практические выводы в полной мере отвечают государственным стандартам образовательного процесса на всех уровнях и по всем направлениям специальности «Юриспруденция», а также могут быть использованы в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов и внешнеполитических ведомств Российской Федерации, правозащитных организаций.

В концептуальном и практическом смысле необходимость развития тематики современного международного права о защите прав человека является научно обоснованной и своевременной. Автор обращает внимание на то, что «в таких сложных реалиях развития современного общества особенно важное значение имеет реформирование кон-

трольных, судебных и иных международных органов, расширение их компетенции, императивной силы принимаемых решений» (с. 8).

Ценность монографии состоит в том, что она написана языком понятным для широкого круга научных и практических работников. В систематизированном виде в ней обобщен международный и отечественный опыт в исследуемой сфере и определены предпосылки универсальных мер ООН, обоснована необходимость всестороннего учета в отечественном законодательстве выработанных международным сообществом нормативных предписаний, обеспечивающих правовые основы деятельности Российской Федерации по добросовестному исполнению международно-правовых обязательств в области защиты прав человека.

Основные концептуальные выводы, сделанные автором, как и полученные им практические результаты, могут быть использованы в научных разработках в ходе процесса преподавания в высших учебных заведениях, а также практическими работниками органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Позитивно-прикладной характер тематики современного международного права о защите прав человека удачно отражен в пяти структурированных главах монографии.

В первой главе, «Создание ООН и принятие ее Устава – кардинальный прорыв в развитии сотрудничества государств по правам человека и обеспечении международной безопасности», концептуально точно в контексте взаимосвязи между правами человека и международной безопасностью звучит вывод автора о том, что «предотвращение конфликтов и предупреждение преступных нарушений прав человека являются обязанностью как государств, в частности, так и международного сообщества в целом» (с. 22). Тем самым, автор призывает к эффективному взаимному сотрудничеству.

Во второй главе, «Трансформация основных принципов современного международного права», сделан заслуживающий внимания вывод о том, что «в современном мире лишь путем разумного сочетания интересов государства, личности и международного сообщества в целом можно создать такой правопорядок, который будет достойным цивилизации XXI века» (с. 81).

В третьей главе, «Реформирование правозащитного механизма ООН: глобальные и национальные последствия», автор предлагает порядок реорганизации правозащитных органов ООН «по линии расширения их полномочий и придания их решениям в ряде случаев обязательной для государств силы. Тогда их влияние на национальное законодательство и правоприменительную практику участников международных отношений будет существенным образом усилено. В аналогичных же целях следует ускорить ратификацию государствами основных международных соглашений в сфере прав человека. При этом нужно исходить из того, что степень влияния международного права на национальное законодательство в значительной степени определяется ратификацией международных соглашений. Чем больше международных договоров ратифицировано государством, тем эффективнее воздействие международного права на внутреннее законодательство» (с. 119).

В четвертой главе, «Международное право и личность», весьма убедительно показана взаимосвязь личности и государства и подчеркивается, что «тенденции развития международного права состоят не только в регулировании многообразных отношений между государствами, но и в усилении роли человека, который стал одним из участников международных отношений и субъектом международного права. При этом надо иметь в виду, что первоначальные субъекты международного права – государства – не только обладают правами и обязанностями по международному праву, но и в отличие от индивидов создают его нормы и принципы».

В пятой главе проводится анализ понятия «международное преступление» и проводится обзор международных актов, содержащих признаки соответствующих деяний, а также международной судебной практики. Это позволило автору сделать вывод о том, что «в современном международном праве постепенно складывается принцип универсальной юрисдикции». Признание такой юрисдикции всеми государствами мира, с точки зрения автора, будет способствовать привлечению к ответственности всех лиц, нарушающих права человека (с. 215).

Работа В. А. Карташкина вносит существенный вклад в разработку проблематики и объективно содействует повышению престижа российской науки международного права на общемировом уровне. Разработанные и сформулированные автором результаты комплексного и системного исследования современных международно-правовых проблем в сфере защиты прав человека являются передовыми и благотворно воздействуют на всю науку и практику современного международного права. Представленные в монографии теоретические и практические предложения имеют большое научное и прикладное значение. Монография написана на уровне современной науки международного права. Сугубо объективный анализ работы позволяет говорить о собственном вкладе автора в отечественную науку международного права. Исследование В. А. Карташкина «ООН и международная защита прав человека в XXI веке», несомненно, окажет положительное влияние на развитие общемировой науки международного права.

Бондаренко Виктор Николаевич
 доктор философских наук, профессор. Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также восемнадцать поэтических сборников. В том числе: монографии – «Из опыта философского исследования методологии и теории марксистского социализма» (Уфа, 1990); «Марксистская светская религия» (Уфа, 1994); «Методологические принципы гносеологической концепции классического марксизма» (Уфа, 1997); философские поэмы – «Диалог Сократа и Ф. Ницше» (Уфа, 2005); «Беседа Г. Гегеля и А. Шопенгауэра» (Уфа, 2006); «Книга перемелен» (Уфа, 2008); «Небесные беседы с Лао-цзы» (Уфа, 2010).

В.Н. Бондаренко

Полёт над бездной

Корбут Л. В.
ОБЗОР РАБОТЫ 58-ГО ЕЖЕГОДНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (24–26 ИЮНЯ 2015 Г.)

В аналитическом обзоре рассматриваются доклады и выступления, сделанные на 58-м ежегодном собрании Российской ассоциации международного права 24–26 июня 2015 г.

Ключевые слова: международное право, ежегодное собрание, Российская ассоциация международного права, доклады, выступления.

Korbut L. V.
REVIEW OF THE 58TH ANNUAL MEETING OF THE RUSSIAN ASSOCIATION
OF INTERNATIONAL LAW (24–26 JUNE 2015)

Analytical survey focuses on reports and presentations made at the 58th Annual Meeting of the Russian Association of International Law on 24–26 June 2015.

Keywords: international law, annual meeting, Russian Association of International Law, reports, speeches.

Корбут Л. В.

24–26 июня 2015 г. в Москве состоялось 58-е ежегодное собрание Российской Ассоциации международного права, посвященное 70-летию Устава Организации Объединенных Наций и развитию международного права.

Открыл Собрание доктор юридических наук, профессор, президент Ассоциации А. Я. Капустин. Он приветствовал членов Ассоциации и отметил, что за истекший год ушли из жизни выдающиеся юристы-международники Г. П. Жуков и Ю. М. Колосов.

Затем он упомянул, что 70 лет назад завершилась одна из самых кровопролитных страниц в мировой истории – Вторая мировая война, что привело к началу нового этапа развития международного права. В настоящее время Россия придает важнейшее значение как теории, так и практике применения международного права.

С приветствием к участникам Собрания обратился академик Российской академии наук, директор Института государства и права Российской академии наук, вице-президент Ассоциации А. Г. Лисицын-Светланов.

В своем выступлении он отметил, что 70 лет назад после окончания войны и принятия Устава Организации Объединенных Наций была открыта новая страница в развитии международного права. В 1945 г. международное право было сформировано державами, одержавшими победу во Второй мировой войне. В дальнейшем международное право развивалось как право мирного сосуществования двух блоков государств. Поиск баланса интересов этих блоков давал почву для развития международного права. В настоящее время один из блоков государств распался.

В связи с этим современные ученые отмечают тенденцию создания однополярного мира. Юристы-международники все чаще встречаются с такими вызовами как локальные конфликты, которые ранее осуждались мировым сообществом.

В настоящее время полномасштабные военные действия ведутся в Югославии, Ливии, Пакистане, Ираке и других странах Ближнего Востока. Принцип неприменения силы в международных отношениях все чаще нарушается на практике.

Заместитель руководителя Правового департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации И. А.

Панин обратился со словами приветствия к участникам Собрания от имени Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Он отметил, что многие влиятельные государства, которые стояли у истоков Устава Организации Объединенных Наций¹, в настоящее время пытаются оправдать свержение политических режимов в неудобных им государствах под предлогом защиты прав человека. На этом фоне все чаще предлагается подменить Устав Организации Объединенных Наций различными новомодными концепциями. Во многих государствах проводится политика героизации нацизма.

Министерство иностранных дел Российской Федерации ведет системную работу по недопущению ревизии Устава Организации Объединенных Наций. Важный вклад в эту работу вносит и Российская ассоциация международного права. Выступления и публикации членов Ассоциации служат важным элементом в международно-правовом обеспечении российской внешнеполитической линии.

Руководитель Аппарата Ассоциации юристов России С. В. Александров огласил приветственный адрес от имени председателя Ассоциации юристов России С. В. Степашина.

В этом адресе, в частности, отмечалось, что собрания Ассоциации традиционно являются важной площадкой для обсуждения теоретических и практических проблем международного права. Тематика 58-го ежегодного собрания Ассоциации чрезвычайно актуальна.

В настоящее время необходимо на основе соблюдения Устава Организации Объединенных Наций и международного права обеспечить взаимодействие членов мирового сообщества для поддержания безопасности и сотрудничества в условиях многополярного мира. Следует обсудить острые проблемы, возникающие в области международных отношений и предложить эффективные пути их решения. Целесообразно также еще раз проанализировать уроки, вытекающие из решений Нюрнбергского процесса.

Затем состоялось пленарное заседание «70-летие Устава Организации Объединенных Наций и развитие междуна-

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. — М., 1956. — С. 14–47.

родного права» под руководством доктора юридических наук, профессора А. Н. Вылегжанина.

В рамках этого заседания выступил доктор юридических наук, профессор С. В. Черниченко с докладом «Соотношение международного и внутригосударственного права: концепция объективного дуализма».

Он отметил, что концепцию объективного дуализма кратко можно обозначить в виде следующего тезиса: международное право регулирует только межгосударственные отношения; остальные отношения, которые подвергаются правовому регулированию – область внутригосударственного права. Международное право объективно не может «перешагнуть» такие границы. Оно регулирует отношения, естественно, между государствами, межправительственными организациями, которые в своих уставах могут выступать от собственного имени в межгосударственных отношениях, и, вообще, образованиями, способными объективно участвовать в межгосударственных отношениях.

Для переадресовки своих международно-правовых обязательств государства должны обеспечить правила международно-правового характера переходом в сферу внутригосударственного права. При этом международно-правовые обязательства остаются таковыми на уровне межгосударственных отношений. Нормы международного права, закрепляющие такие обязательства на уровне межгосударственных отношений, остаются нормами международного права. Указанная переадресовка нередко называется трансформацией.

Следует различать национальное и внутригосударственное право, хотя часто эти термины используются как синонимы. Внутригосударственное право имеет более широкое значение. Оно охватывает право внутригосударственное по своей природе, но не включаемое в систему национального права каких-либо государств. В качестве примера можно привести право, установленное для Германии в 1945 г. в период оккупации державами антигитлеровской коалиции (зоны оккупации). Надо также выделить отношения между субъектами национального права разных государств, которые сами устанавливают нормы договора между собой. Государства этим не занимаются. Компаниям разных государств предоставляется возможность определять в каких-то пределах свои взаимоотношения. Необходимо назвать и нормы контрактов между межправительственными организациями и их служащими.

Доктор юридических наук, профессор В. А. Карташкин выступил с докладом «Устав Организации Объединенных Наций и основные принципы современного международного права».

Докладчик отметил, что согласно ст. 1 Устава Организация Объединенных Наций в своей деятельности руководствуется принципом уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Статья 2 Устава Организации Объединенных Наций закрепляет следующие принципы международного права: принцип суверенного равенства всех государств; принцип добросовестного выполнения государствами принятых на себя обязательств; разрешение международных споров мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость; принцип воздержания в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности, так и политической независимости любых государств и т.д.

Эти принципы в течение 70 лет, прошедших после принятия Устава Организации Объединенных Наций, не остаются

неизменными. Они постоянно изменяются и развиваются, наполняются новым нормативным содержанием.

Несмотря на то, что некоторые принципы выходят на первый план, все они являются взаимозависимыми. Все принципы международного права необходимо рассматривать в тесной связи друг с другом.

Одной из целей Организации Объединенных Наций является развитие уважения к правам человека и способствование их соблюдению. Если изначально принцип уважения прав человека был задачей, к выполнению которой должна была стремиться Организация Объединенных Наций, то впоследствии принцип уважения прав человека стал обязательным принципом современного права. Более того, принцип уважения прав человека наполнился новыми нормативными положениями.

С этим принципом тесно связан принцип невмешательства во внутренние дела государств. Устав Организации Объединенных Наций не дает права на вмешательство во внутренние дела государств, за исключением главы 7 «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии».

Одним из самых сложных и спорных вопросов современных международных отношений является принцип самоопределения и территориальной целостности государств, закрепленный в Уставе Организации Объединенных Наций.

После принятия Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Пактов о правах человека, принцип самоопределения стал обязательным принципом современного международного права.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении принципов самоопределения и территориальной целостности государств, закрепленного в п. 4 ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций, согласно которому государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любых государств.

Можно отметить, что все вопросы, относящиеся к принципу самоопределения и территориальной целостности государств, могут решаться исключительно мирным путем.

Доктор юридических наук, профессор О. И. Тиунов выступил с докладом «Современный международный правопорядок – факторы его обеспечения в изменяющемся мире».

Докладчик отметил, что среди наиболее важных факторов, влияющих на международное право, можно обратить внимание на глобализацию процессов мирового развития и влияние норм международного права на национальное законодательство.

Международный правопорядок проявляет себя в ряде сфер, таких как деятельность государств, международных организаций и других органов, опирающихся в своей деятельности на нормы международного права.

Затем профессор У. Батлер выступил с сообщением «О концепции нового журнала об истории международного права». Он обратил внимание на то, что в журнале об истории международного права планируется публиковать материалы о выдающихся юристах-международниках, источниках государственной практики, классические научные труды, обзоры доктринальных трудов, записки и воспоминания практиков международного права и т.д.

Доктор юридических наук В. С. Котляр в своем докладе «Что же такое «гибридная война?»» отметил, что хотя пока не существует единого толкования термина «гибридная война»,

который был изобретён военными специалистами и политологами для характеристики реакции России и населения русскоязычных районов Украины на государственный переворот на Украине, но многие из российских специалистов исходят из того, что «гибридная война» означает по существу масштабную подрывную операцию без участия регулярных вооружённых сил нападающего государства, но с опорой на те внутренние политические силы страны-жертвы, которые разделяют позицию нападающего государства, с целью смены режима страны-жертвы или радикального изменения её политики, при массивной материальной и информационной поддержке. При этом Запад, провоцируя международные конфликты и дирижируя их развитием, лишь имитирует попытки их постконфликтного урегулирования и делает это в основном на словах. Мы это видели на примере конфликтов в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, а теперь видим на примере невыполнения соглашения «Минск-2».

Профессор Б. М. Ашавский выступил с сообщением «Роль Организации Объединенных Наций и ее Устава в развитии основных принципов международного права».

Выступающий отметил, что с принятием Устава Организации Объединенных Наций были закреплены основные принципы международного права. До принятия Устава Организации Объединенных Наций принципы международного права не были закреплены в одном документе и существовали в виде обычно-правовых норм.

Одним из главных принципов международного права является принцип, согласно которому государства должны разрешать международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость.

Заведующий кафедрой международного права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова А. С. Исполинов выступил в докладе «Статья 103 Устава Организации Объединенных Наций в современном мире».

Докладчик отметил, что одним из основных элементов конституционности Устава Организации Объединенных Наций признавалась ст. 103, в соответствии с которой в случаях, когда обязательства государств по Уставу Организации Объединенных Наций окажутся в противоречии с их обязательствами по каким-либо другим международным соглашениям, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций.

Однако к своему 70-летию Организация Объединенных Наций подходит не в лучшей форме. Виной тому является нарастающая критика в адрес Совета Безопасности, главного органа Организации Объединенных Наций, снижение его авторитета, легитимности решений и доверия к ним со стороны международного сообщества.

Совет Безопасности более не располагает монополией при использовании санкций для решения вопросов мира и безопасности. Отныне Совету Безопасности Организации Объединенных Наций придется делить эти полномочия с международными судами.

Доктор юридических наук, профессор О. И. Ивонина выступила с сообщением «Организация Объединенных Наций: мост из прошлого в будущее международного права».

Докладчица отметила, что Организацию Объединенных Наций можно считать основой современного международного правопорядка. Организация Объединенных Наций, как единственная международная универсальная организация, должна сохранять целый ряд функций для отстаивания общих принципов мира и всеобщей безопасности.

Начало работы ежегодного Собрания РАМГ

Одной из таких функций является роль мирового форума, поскольку субъектами современного международного права являются не только государства. При этом существует проблема ответственности новых субъектов международного права.

Организация Объединенных Наций выполняет также функцию информационно-аналитической работы, что позволяет осуществлять мониторинг эффективности сотрудничества государств в различных сферах международных отношений.

После этого состоялось пленарное заседание «Актуальные проблемы современного международного права» под руководством доктора юридических наук, профессора А. Я. Капустина.

Председатель Международного союза юристов, член Исполкома Ассоциации А. А. Требков отметил, что на ежегодных собраниях Ассоциации всегда обсуждаются актуальные вопросы международного права. Он также обратил внимание на некоторые аспекты работы Международного союза юристов и пожелал членам Ассоциации успешной работы.

Выступающий отметил, что в этом году юридическая общественность отмечает 80-летие со дня подписания Пакта Рериха, известного также как Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Это первый в истории международный договор о защите культурного наследия, установивший преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью. Он был подписан в Вашингтоне 15 апреля 1935 г. представителями двадцати одного государства. Основная идея Пакта Рериха – преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью.

Однако действующие конвенции Организации Объединенных Наций, затрагивающие вопросы защиты культурных ценностей в период военных конфликтов, не дают их эффективного решения. Трудно разрешимой является проблема практического применения и взаимосвязи текстов конвенций Организации Объединенных Наций.

Международный союз юристов и Российская ассоциация международного права считают, что интересы защиты культуры от разрушения в результате вооруженных конфликтов требуют скорейшего принятия мер, направленных на придание документам Организации Объединенных Наций необходимой эффективности.

25 июня 2015 Секция МЧП

Л. Н. Галенская, С. Н. Лебедев, Л. В. Корбут, Е. В. Кабатова

Не умаляя значения усилий экспертов Организации Объединенных Наций по созданию необходимой взаимосвязи конвенций по защите культуры, следует совершенно определенно сказать, что эти усилия не затрагивают главного — устранения концептуального изъяна, допущенного при подготовке и принятии текста Гаагской конвенции 1954 г., когда международное сообщество сделало шаг назад по сравнению с идеями Пакта Рериха 1935 г. и отказалось от принципа подчинённости военной необходимости интересам защиты культуры.

Без восстановления в международных правах этой идеи процесс формирования международно-правового механизма защиты культуры не сможет соответствовать уровню задач, стоящих перед Организацией Объединенных Наций в XXI в.

Учитывая это, Председатель Международного союза юристов А. А. Требков и Президент Российской ассоциации международного права А. Я. Капустин обратились к Министру иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврову и Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций Пан Ги Муну с письмами, в которых предложили начать разработку концепции и после её одобрения подготовку проекта новой конвенции Организации Объединенных Наций, который будет основан на идеях Пакта Рериха, с передачей прав по контролю за её реализацией в компетенцию Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Эксперты Международного союза юристов и Российской ассоциации международного права готовы принять участие в этой работе.

Доктор юридических наук, профессор Е. Г. Ляхов выступил с докладом «Международное право и Организация Объединенных Наций: взаимодействие и взаимозависимость ради мира и сотрудничества на планете Земля».

Докладчик обратил внимание на вопрос о взаимном влиянии Устава Организации Объединенных Наций на современное международное право и международного права на Устав Организации Объединенных Наций.

Системообразующая сущность современного международного права связана с тем, что оно действует по следующим направлениям: международное право помогает формировать современный международный правопорядок и международную законность; обеспечивает международный мир и безопасность личности, национальных обществ, самих государств и мирового сообщества; обеспечивает и защищает права и

свободы человека; обеспечивает всемирное разделение труда; обеспечивает использование санкционных форм сотрудничества на международном уровне.

Затем докладчик рассмотрел формулу обеспечения безопасности, которая состоит из следующих элементов: объекты безопасности (личность, национальные общества, государства, мировое сообщество); угрозы, имеющие сложную структуру и способы фиксации; субъекты и системы обеспечения безопасности.

Кандидат юридических наук, доцент Н. В. Афоничкина выступила с докладом «Роль Устава Организации Объединенных Наций в развитии отечественной доктрины соотношения международного и внутригосударственного права, проблема уточнения содержания доктрины в современных условиях».

Докладчица рассмотрела вопрос о влиянии Устава Организации Объединенных Наций на доктрину международного права. Она обратила внимание на то, что сама доктрина международного права зародилась в XIX в. При этом всегда был и остается актуальным вопрос о юридической силе норм международного права в отношении государств.

В современных условиях появилась необходимость уточнения содержания принципов международного права, изложенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

Кандидат юридических наук, доцент А. М. Барнашов выступил с сообщением «О способах гармонизации конституционных положений и норм международных договоров Российской Федерации».

Выступающий отметил, что под термином «гармонизация» можно понимать обеспечение координации, согласованности, взаимодополняемости правовых систем и предотвращение несовместимости норм основных законов государств и их международных обязательств.

Международное право требует уважения к установленному конституциями правопорядку, опираясь на принципы суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, неприменение силы. Однако государства не могут ссылаться на свое внутреннее право для оправдания невыполнения международных обязательств.

Кандидат юридических наук В. О. Нешатаева в сообщении «Иммунитет культурных ценностей: актуальные проблемы и пути их решения» отметила, что в сфере международно-правового регулирования культурных ценностей действует недостаточное количество международно-правовых норм и механизмов их реализации.

Культурные ценности в ряде случаев остаются незащищенными от применения к ним принудительных мер. В настоящее время в практике можно выделить следующие основания для применения принудительных мер к культурным ценностям: нарушение договорных обязательств; существенное нарушение прав человека и т.д.

Для защиты от принудительных мер государственные культурные ценности должны обладать иммунитетом. Однако в современном мире большинство выставок формируется за счет частных коллекций. В связи с этим возможна выдача гарантийных писем, подтверждающих, что культурные ценности будут находиться под государственной охраной.

Затем под руководством доктора юридических наук, профессора С. В. Бахина состоялся круглый стол «70-летие Нюрнбергского процесса и актуальные вопросы международного уголовного права».

Доктор юридических наук, профессор С. В. Бахин в своем докладе «Победа в Великой Отечественной войне и формиро-

вание современного международного права» обратил внимание на то, что постоянное создание норм представляет опасность для международного права.

В научной правовой литературе по международному праву все чаще высказываются мнения о том, что международные организации вправе создавать нормы международного права. Однако международные организации не вправе творить нормы международного права вопреки воле государств. Если международное право будет создаваться без участия государств, то со временем появится новое международное право.

В свете 70-летия Нюрнбергского процесса докладчик обратил внимание на то, что вся система поддержания международного мира и безопасности Организации Объединенных Наций может работать только в том случае, если ни одно государство не заявит претензий на мировое лидерство.

Профессор С. И. Красов в своем докладе «Куйбышев – дипломатическая столица военного времени (1941–1943 гг.)» рассмотрел вопрос о классификации такого преступления, как преступление против мира, а именно подготовки, планирования, ведения агрессивной войны или войны в нарушение международных обязательств.

В настоящее время точно известно, что 15 октября 1941 г. немецкие войска были под Москвой и Государственный комитет обороны принял Проставление от 15 октября 1941 г. № ГКО-801 «Об эвакуации столицы СССР Москвы», в котором иностранным миссиям было заявлено о необходимости эвакуации в г. Куйбышев.

На дипломатическую службу в этот период возлагались следующие задачи: недопущение вступления в войну Японии; недопущение расширения гитлеровской коалиции за счет потенциальных союзников; заключение экономических соглашений как основы для будущих политических и военных союзов. Все эти задачи были успешно выполнены.

Профессор Н. И. Малышева в сообщении «Учение Ганса Кельзена о праве в контексте философско-правового обоснования решений Нюрнбергского процесса» рассмотрела вопросы значения Нюрнбергского процесса в контексте учения Ганса Кельзена.

Выступающая отметила, что Нюрнбергский трибунал подвел итоги Второй мировой войны и создал предпосылки для формирования основ современного мирового правопорядка.

С точки зрения теории международного права необходимо иметь в виду, что Ганс Кельзен известен проектом создания нового мирового правопорядка на основе естественно-правовых идей.

С точки зрения философского осмысления результатов Нюрнбергского процесса важно помнить о том, что разные правовые школы и разные правовые системы были синтезированы в Учении Ганса Кельзена о праве.

С точки зрения международного права новое прочтение трудов Ганса Кельзена может снять с него шаблон противника и критика решений Нюрнбергского трибунала.

25 июня состоялось заседание секции международного частного права под руководством профессора С.Н. Лебедева и доктора юридических наук, профессора Л. Н. Галенской.

Доктор юридических наук, главный редактор международного научно-практического юридического журнала «Евразийский юридический журнал» И. З. Фархутдинов выступил с фундаментальным сообщением «Международное право и геополитика в новейших условиях (доктрина и практика)».

В своем сообщении он отметил, что в современном мире начинается новый этап гонки вооружений, который противо-

Выступление президента РАМП А. Я. Капустина

речит такому фундаментальному принципу международного права, как принцип мирного сосуществования государств.

Доктор юридических наук, профессор Н. Г. Доронина выступила с докладом «Новые положения Гражданского кодекса Российской Федерации о международном частном праве».

Докладчица обратила внимание на то, что совершенствование Гражданского кодекса Российской Федерации осуществляется в свете принятого в 2015 г. документа в сфере международного частного права – Гаагских принципов выбора права в международных коммерческих договорах.

В ст. 1206 Гражданского кодекса Российской Федерации² был введен новый параграф, в соответствии с которым стороны могут договориться о применении положений о возникновении и прекращении права собственности и иных вещных прав на имущество без ущерба для права третьих лиц.

В настоящее время участниками реформы Гражданского кодекса Российской Федерации разрабатывается понятие «финансовая сделка», связанное с понятием движимых активов и защитой прав собственников материальных ценностей.

Профессор Е. В. Кабатова в своем докладе «Ещё раз об автономии воли сторон в современном международном частном праве» обратила внимание на расширение использования института автономии воли сторон в современном международном частном праве.

В связи с этим вызывает интерес появление Регламента Европейского парламента от 20 декабря 2010 г. № 1259/2010 «О сотрудничестве в области применения законов о разводе и раздельном проживании супругов («Рим III»)»³ (далее – Регламент «Рим III»).

При этом согласно Регламенту «Рим III» в сфере выбора права при разводах речь идет о том, что стороны вправе выбрать применимое право в зависимости от места совместного проживания супругов, бывшего места совместного проживания супругов, исходя из критериев, обозначенных для автономии воли.

Профессор Н. Г. Вилкова в своем докладе «Об истории развития регулирования вопросов национализации в кон-

2 ПГ. — 2001. — № 233.

3 Council Regulation 1259/2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation (OJ 2010 L 343) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:343:0010:0016:n:PDF> (дата обращения: 01.10.2015).

Президиум РАМП

тексте инвестиционных споров (к 100-летию Г. Е. Вилкова)⁴ отметила, что по данным Международного центра по урегулированию инвестиционных споров на 31 декабря 2014 г. зарегистрировано 497 дел. Среди спорящих Восточная Европа и Центральная Азия занимают 25 процентов. Всего опубликовано 530 решений.

При этом необходимо иметь в виду, что в 1962 г. Г. Е. Вилков опубликовал книгу, посвященную проблематике национализации в контексте инвестиционных споров⁴. Г. Е. Вилков был разработчиком Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. и участвовал в заключительной сессии Организации Объединенных Наций, которая приняла этот документ. Им были поставлены такие вопросы, как понятие национализации, компенсаций за национализированную собственность, экстерриториальное действие законов о национализации.

Кандидат юридических наук С. И. Крупко в докладе «Институт автономии воли сторон в сфере отношений интеллектуальной собственности: пределы применения» обратила внимание на то, что все отношения в области интеллектуальной собственности можно разделить на три категории: вопросы, связанные с созданием результатов интеллектуальной деятельности и определением правообладателей; распоряжение исключительными правами; внедоговорные отношения, связанные с нарушением исключительных прав.

Кандидат юридических наук О. А. Хазова выступила с сообщением «Гагские конвенции 1980 и 1996 гг. о детях». Россия недавно присоединилась к Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.⁵ и Конвенции о юрисдикции и применимом праве, признании и исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г.⁶

Присоединение России к этим международным документам позволяет обеспечить разрешение трансграничных споров о детях. Перемещение и удержание детей признается незаконным в тех случаях, когда были нарушены права опеки,

принадлежащие определенным лицам в соответствии с законодательством тех государств, в которых дети имели обычное место жительства, если права опеки эффективно осуществлялись.

Кандидат юридических наук А. И. Лобода в своем сообщении «*Uberimae fides* в современном морском страховании» отметил, что регулирование морского страхования сложилось в значительной степени под влиянием английского права. Так, согласно ст. 250 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации⁷ при заключении договоров морского страхования страхователи обязаны сообщить страховщикам сведения об обстоятельствах, которые имеют существенное значение для определения степени риска.

В последнее время в английской судебной практике происходит эрозия принципа *uberrimae fides*. Так, для признания нарушения этого принципа необходимо, чтобы между сокрытыми сведениями и наступлением негативных последствий была причинно-следственная связь.

Референт Р. В. Курашов в своем сообщении «Транспарентность в международном инвестиционном арбитраже» обратил внимание на то, что в 2013 г. в результате деятельности рабочей группы по разработке новых процессуальных правил были приняты Правила Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров (далее — Правила транспарентности).

Правила транспарентности представляют собой свод процессуальных правил, призванных обеспечить прозрачность арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами посредством предоставления общественного доступа к следующим документам: уведомление об арбитраже; ответ на уведомление об арбитраже; исковое заявление; возражения по иску; письменные заявления сторон споров и т.д.

Для реализации Правил транспарентности 10 декабря 2014 г. была принята Конвенция Организации Объединенных Наций о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров.

Магистрант А. Д. Перевозицкова в сообщении «Принцип наиболее тесной связи в наследственных правоотношениях (на примере Гагской конвенции 1989 г. и Регламента ЕС 2012 г.)» отметила, что наследственное право с трудом поддается унификации на международном уровне.

В делах о наследовании с иностранным элементом проблема усугубляется спецификой международного частного права, которое является императивным регулятором для отечественных судов.

В связи с этим Гагская конвенция о праве, применимом к вопросам наследования имущества умерших 1989 г. (Гагская конвенция 1989 г.), так и не вступила в силу.

При этом именно Гагская конвенция 1989 г. установила важный принцип наиболее тесной связи. Основной коллизионной привязкой остается *lex personalis* или основная резиденция, под которой понимается обычное место жительства или действительный центр жизни лиц.

Принцип наиболее тесной связи может быть использован в качестве дополнительной коллизионной привязки в Гражданском кодексе Российской Федерации.

4 Национализация и международное право / Вилков Г. Е. — М.: Изд-во ИМО, 1962.

5 СЗ РФ. — 2011. — № 51. — Ст. 7452.

6 СЗ РФ. — 2013. — № 32. — Ст. 4297.

7 СЗ РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2207.

Магистрант М. В. Егорова выступила с сообщением «Актуальные проблемы, связанные с применением Базельской конвенции о регистрации завещаний 1972 г.».

Выступающая отметила, что в области наследственного права одной из актуальных проблем является получение информации о наличии завещательных распоряжений.

Для предотвращения проблем, связанных с получением информации о наличии завещательных распоряжений, необходим механизм, позволяющий фиксировать завещательные распоряжения. Такой механизм был предложен в Базельской конвенции о регистрации завещаний 1972 г.

В силу положений Базельской конвенции о регистрации завещаний 1972 г. государства-участники должны создавать свои агентства, которые фиксируют сведения о завещательных распоряжениях, их отмене и предоставляют информацию по запросам государств.

В настоящее время в России ведется реестр завещательных распоряжений. При этом Россия не участвует в Базельской конвенции о регистрации завещаний 1972 г. Поэтому представляется целесообразным присоединение России к Базельской конвенции о регистрации завещаний 1972 г.

Доктор юридических наук Г. Д. Улетова в докладе «Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов: возможна ли либерализация российского законодательства?» отметила, что проблема признания и исполнения решений иностранных судов является одной из наиболее актуальных.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать российскую доктрину и правовое регулирование для ответа на вопрос о возможности либерализации российского законодательства в этой сфере.

В настоящее время преждевременно менять российское законодательство. Необходимо использовать практику арбитражных судов, которые неоднократно в своих решениях признавали решения иностранных судов при отсутствии международных договоров, ссылаясь на договоры общего характера.

Затем состоялась секция «Актуальные вопросы международного права в региональной экономической интеграции» под руководством доктора юридических наук Б. И. Нефедова.

Доктор юридических наук Г. В. Петрова в докладе «Развитие международно-правовых и национальных норм и принципов защиты валютного и финансового суверенитета государств в рамках евразийского сотрудничества» отметила, что в связи с изменившимися реалиями международного права существует угроза финансовому суверенитету государств.

Финансовый и валютный суверенитет многих государств ограничивается в современном мире. В международном финансовом праве понятие суверенитета государств размыто. В связи с этим требуются срочные меры по исследованию концепции государственного суверенитета.

Кандидат юридических наук Ю. Е. Князев в докладе «Право Объединенных Наций: международные отношения и межгосударственные союзы» отметил, что международное право — это право Объединенных Наций, основанное на Уставе.

Распад Союза Советских Социалистических Республик привел к нарушению военного баланса сил в мире. Межгосударственные объединения, которые сложились на постсоветском пространстве, образовывались с некоторыми трудностями. Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, Таможенный союз — это организации, которые могут привлечь в евразийское пространство на основе норм международного права 70 процентов государств мира.

Магистр Э. А. Хачатрян в своем выступлении «Правовые особенности участия Республики Армения в Евразийском экономическом союзе» отметил, что 2 января 2015 г. Армения присоединилась к Евразийскому экономическому союзу. Участие Республики Армения в Евразийском экономическом союзе характеризуется следующими особенностями: отсутствие общих границ с другими государствами-участниками; товары национального рынка Армении защищены в наименьшей степени от вмешательства внешних факторов; Армения является членом Всемирной торговой организации.

Кандидат юридических наук Н. Е. Тюрина выступила с сообщением «Роль Организации Объединенных Наций в многосторонней торговой системе». Она обратила внимание на то, что Организация Объединенных Наций всегда уделяла большое внимание вопросам торговли. Организация Объединенных Наций стояла у истоков создания Всемирной торговой организации. Устав Организации Объединенных Наций допускает применение экономических санкций.

Затем под руководством доктора юридических наук, профессора С. В. Бахина состоялась секция «Актуальные вопросы международного экономического права и права региональной экономической интеграции».

Кандидат юридических наук А. А. Родин в своем докладе «Международно-правовые механизмы защиты интересов России и оспаривания экономических санкций в рамках Организации Объединенных Наций, Европейского союза и Всемирной торговой организации» отметил, что начиная с марта 2014 г. были введены пакеты санкций: персональные санкции в отношении конкретных лиц и компаний; секторальные санкции, которые оказали наибольшее влияние на российскую экономику.

Международный суд Организации Объединенных Наций является более независимым. Он был учрежден Уставом Организации Объединенных Наций в 1945 г. Международный суд Организации Объединенных Наций функционирует в соответствии со Статутом, который является частью Устава Организации Объединенных Наций, и своим Регламентом. При этом все стороны споров должны быть согласны на рассмотрение дел Международным судом Организации Объединенных Наций.

Экономические санкции против России противоречат праву Всемирной торговой организации и поэтому они также могут быть оспорены в рамках Всемирной торговой организации. Однако практика применения права Всемирной торговой организации в отношении санкций еще не сформировалась.

Кандидат юридических наук А. С. Южно в докладе «Международно-правовые аспекты выплаты компенсации при разрешении инвестиционных споров государств: последние тенденции» отметил, что проблема выплат по делам бывших акционеров открытого акционерного общества «Нефтяная компания «ЮКОС»», превышающих 50 млрд долларов США, при нынешнем состоянии российской экономики и цене на нефть не может быть решена экономическими методами.

В настоящее время процесс выработки международной инвестиционной политики государств находится на переходном этапе. В этой связи государствам следует более активно использовать предоставленную им свободу согласования двусторонних и многосторонних соглашений о взаимной защите и поощрении иностранных капиталовложений в целях восполнения пробелов в области расчета и выплаты компенсации при разрешении международных инвестиционных споров.

Магистр Г. К. Ходикян в сообщении «Принципы биоэтики в декларациях организаций семьи Организации Объединенных Наций» обратила внимание на следующие принципы биоэтики: человеческое достоинство; соблюдение прав человека; примат прав человека над интересами государства; информированное согласие человека на любые манипуляции, проводимые с ним; защита лиц, не обладающих правоспособностью; неприкосновенность частной жизни; социальная ответственность государств и т.д.

Затем под руководством доктора юридических наук, профессора Е. Г. Ляхова состоялась секция «Актуальные проблемы теории и практики международного права».

Кандидат юридических наук Э. А. Каракулян в своем сообщении «Поле международного права как пространство универсального согласия (попытка историко-концептуального осмысления)» рассмотрел вопросы теории международного сообщества.

В основе международного права лежит консенсус существования, который заключается в том, что все люди на Земле стремятся к благополучной жизни и консенсус воле должен заканчиваться конвенциональным согласием.

Профессор Ж. Г. Калишева в своем сообщении «Реализация Республикой Казахстан принципа сотрудничества государств: теория и практика» обратила внимание на то, что согласно ст. 8 Конституции Республики Казахстан Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права, проводит политику сотрудничества и добрососедских отношений между государствами.

Нормы международного права нашли свое закрепление в национальном законодательстве Республики Казахстан. Так, в 2005 г. был принят Закон «О международных договорах Республики Казахстан».

На сегодняшний день усилия Республики Казахстан направлены на реализацию принципа мирного сотрудничества государств. Так, 22 июня 2015 г. завершились переговоры о вступлении Республики Казахстан во Всемирную торговую организацию, которые велись почти 20 лет.

Профессор О. О. Хохлышева в своем сообщении «Концепция международного мира и безопасности Организации Объединенных Наций и её международно-правовое обеспечение» отметила, что в современном мире многочисленные вооруженные конфликты и кризисы военного характера позволяют сделать вывод о нарушениях международного мира и безопасности.

Кандидат юридических наук М. Г. Смирнов в докладе «Международный аспект защиты окружающей среды в нефтяной промышленности» отметил, что проблема загрязнения окружающей среды связана с устаревшими и небезопасными технологиями бурения и разработки пластов.

Кандидат юридических наук А. В. Иглин выступил с сообщением «Роль Организации Объединенных Наций в развитии спортивного права». Выступающий отметил, что Организация Объединенных Наций устанавливает принципы, которые могут применяться к спортивному праву. При этом под спортивным правом можно понимать систему юридических норм, которые регулируют отношения между профессиональными участниками спортивных соревнований.

Можно выделить следующие принципы спортивного права: принцип равного доступа к спортивным соревнованиям; принцип воздержания от угроз силой, ее применения в международных отношениях и разрешения международных споров мирными средствами; принцип арбитражного разрешения споров; принцип невмешательства в дела, входящие

во внутреннюю компетенцию государств; принцип сотрудничества государств; принцип равноправия и самоопределения народов и т.д.

Кандидат юридических наук А. Ю. Кожанков выступил с сообщением «Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация и Всемирная таможенная организация: на пути свободной торговли».

Выступающий отметил, что свободная торговля является одним из благ общества, государства и цивилизации в целом и оказывает влияние на экономическое развитие. При этом свобода транзита является одним из необходимых условий экономического развития и свободной международной торговли.

Доктор юридических наук О. И. Тиунов выступил с сообщением «90 лет Институту законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и отечественная наука международного права».

В своей деятельности Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации часто рассматривает вопросы международного права.

В рамках 58-го ежегодного собрания Ассоциации также состоялась круглый стол «Правовой режим сохранения природных ресурсов в Центральной Арктике» под руководством доктора юридических наук, профессора А. Н. Вылегжанина.

В заседании круглого стола приняли участие сотрудники Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, европейских и североамериканских исследовательских центров, а также представители посольств приарктических государств.

В своих докладах выступающие рассмотрели концепции и правовую основу экономической и природоохранной политики пяти приарктических государств в связи с активизацией некоторыми неарктическими государствами промысловой разведки в Центрально-арктическом районе, окруженном 200-мильными исключительными экономическими зонами этих пяти государств. Участники круглого стола затронули также тему правового положения района в настоящее время, обсудили вопросы нерегулируемых, браконьерских промыслов в связи с таянием льда, предотвращения нерегулируемых промыслов в других «анклавах» открытого моря.

Кроме того, докладчики обсудили перспективы принятия Декларации приарктических государств о предотвращении нерегулируемого рыболовства в Центрально-арктическом районе; о возможности разработки и заключения межправительственного соглашения по сохранению морских живых ресурсов в высокоширотной Арктике.

26 июня состоялась секция «Актуальные проблемы современного международного права» под руководством доктора юридических наук, профессора Т. Н. Нешатаевой и профессора Б. И. Осминина.

Доктор юридических наук, профессор Т. Н. Нешатаева в своем докладе «Правовые основы Евразийского союза» отметила, что в настоящее время наднациональные органы получают финансирование и полномочия по применению мер принуждения. В Евразийском союзе существует два наднациональных органа: Суд Евразийского экономического сообщества и Евразийская экономическая комиссия.

Применение правовых основ Евразийского союза на практике связано со значительными затруднениями. В связи с этим необходимо реформирование системы преподавания

в юридических высших учебных заведениях. Элементы норм необходимо будет собирать из разных источников права.

Старший юрист международной юридической компании «Бейкер и Макензи» Д. Л. Лысенко в своем сообщении «Тенденции к расширению экстерриториальной юрисдикции государств» отметил, что основными сферами экстерриториального регулирования являются: борьба с коррупцией за рубежом; антимонопольное законодательство; процессуальное законодательство и т.д.

Для применения экстерриториального регулирования на практике необходим международно-правовой механизм. Критериями законности действий государств по применению экстерриториальной юрисдикции может быть принцип государственного суверенитета. На практике юрисдикция государств разграничивается международными договорами.

Ассистент кафедры международного права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Е. В. Машкова в своем докладе рассмотрела Резолюции Совета Безопасности Организации Объединённых Наций, касающиеся содействия поддержанию международного мира и безопасности, в ситуациях военного присутствия одного государства на территории другого.

Магистр В. В. Петрищев выступил с сообщением «Юридическая сила решений Совета Безопасности Организации Объединённых Наций и повышение эффективности его деятельности».

Он отметил, что решения Совета Безопасности Организации Объединённых Наций должны быть юридически обязательными. Так, согласно ст. 25 Устава Организации Объединённых Наций государства должны подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их.

Для повышения эффективности деятельности Совета Безопасности Организации Объединённых Наций можно было бы расширить институт постоянного членства и ограничить применение права вето постоянными членами.

Кандидат юридических наук В. Р. Авхаев в своем сообщении «Роль Организации Объединённых Наций в регулировании международно-правового режима Арктики» отметил, что роль Организации Объединённых Наций в регулировании международно-правового режима Арктики велика.

Так, в 1958 г. была принята Конвенция об открытом море. В 1982 г. была принята Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву. При этом необходимо иметь в виду, что Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 г. предусмотрела положения о согласительной процедуре, комиссии по границам континентального шельфа, международном трибунале по морскому праву, арбитраже. Многие споры по международно-правовому режиму Арктики решаются в Международном суде Организации Объединённых Наций.

После этого состоялась секция «Актуальные проблемы международного права» под руководством доктора юридических наук, профессора А. А. Моисеева.

Доктор юридических наук Т. Л. Сыроед в докладе «Роль Организации Объединённых Наций в защите детей во время вооружённых конфликтов» отметила, что защита детей от насилия является важнейшей задачей.

Насилие в отношении детей приобретает различные формы и определяется целым рядом факторов, от личных особенностей потерпевших и посягателей до их культурного и физического окружения. Вместе с тем значительная часть информации о насилии в отношении детей остается скрытой.

Защита детей во время вооружённых конфликтов возможна при выполнении следующих условий: наличие правовых основ защиты прав детей; наличие механизмов реализации прав детей; неотвратимость ответственности за нарушение прав детей.

Доцент Д. Н. Джунусова в докладе «Международно-правовые аспекты репатриации моряков» отметила, что проблема репатриации моряков является наиболее актуальной при защите их профессиональных интересов.

При этом моряки имеют право на репатриацию без каких-либо затрат с их стороны. Государства должны требовать, чтобы суда, плавающие под их флагами, предоставляли финансовые гарантии, обеспечивающие надлежащую репатриацию моряков.

Е. Н. Решетина в сообщении «Регулирование рейтинговой деятельности и проблемы ответственности в международном праве» отметила, что рейтинговая деятельность связана с прогнозированием банкротства компаний и проблематикой защиты прав инвесторов. Рейтинговая деятельность призвана уберечь инвесторов от ошибок и недостоверных данных.

Кандидат юридических наук С. В. Глотова в своем докладе «Проблемы выявления обычных норм международного права: деятельность Комиссии международного права и Шестого Комитета Организации Объединённых Наций» отметила, что источниками обычных норм международного права могут быть дипломатическая переписка, решения национальных судов, официальные публикации в сфере международного права, заявления от имени государств, практика в связи с договорами и т.д.

Затем Ассоциация заслушала отчет доктора юридических наук, профессора, Президента Ассоциации А. Я. Капустина о работе за прошедший год, который после активного обсуждения был одобрен. Был заслушан и единогласно одобрен отчет Ревизионной комиссии. Все участники Ежегодного собрания дали высокую оценку научному и организационному уровню проведения данного мероприятия.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ (ред. от 5 мая 2014 г.) // СЗ РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Карташкин В. А. Организация Объединённых Наций и международная защита прав человека в XXI веке: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.
3. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Заключена в г. Гааге 25 октября 1980 г. / СЗ РФ. — 2011. — № 51. — Ст. 7452.
4. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей. Заключена в г. Гааге 19 октября 1996 г. // СЗ РФ. — 2013. — № 32. — Ст. 4297.
5. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ. (ред. от 13 июля 2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24 июля 2015 г.) // СЗ РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2207.
6. Национализация и международное право / Вилков Г. Е. — М.: Изд-во ИМО, 1962.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а.л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В.В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АББАСОВА Нигяр Рустам кызы – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений Российского Государственного Гуманитарного Университета.

АБДУЛЛИН Артур Ришатович – преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, майор полиции.

АБДУЛМУСЛИМОВА Лейла Гусейновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АДИГАМОВА Гузель Зуфаровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.

АЗИЗОВА Пасихат Магомедовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЗИЗЯН Виген Гарникович – старший преподаватель кафедры информационной безопасности Института управления и безопасности предпринимательства.

АКИМОВ Александр Михайлович – аспирант кафедры маркетинга муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, специалист кафедры транспортных и технологических систем Тюменского государственного нефтегазового университета; младший научный сотрудник филиала НИИ кардиологии «Тюменский кардиологический центр».

АКИМОВ Михаил Юрьевич – кандидат технических наук, доцент кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета.

АКСЕНЧУК Максим Андреевич – аспирант Российского Государственного Университета Правосудия.

АЛИЕВ Хабибула Омарович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛИЕВ Хиби Курбанович – старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права Дагестанского государственного педагогического университета.

АМИНЕВА Алина Гениятовна – магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета.

АММОСОВА Варвара Иннокентьевна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

АНТОНОВ Владимир Вениаминович – преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.

АРСЕНЬЕВ Игорь Андреевич – аспирант кафедры европейского права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

АЮПОВ Мансур Анварович – доктор политических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан.

БАБАЕВ Эммин Зулфи оглы – аспирант кафедры мировых процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

БАБКИНА Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

БАЗАРОВ Павел Рустамович – адъюнкт кафедры уголовного права Уральского юридического института Министерства внутренних дел России, старший лейтенант полиции.

БАКЛАНОВА Ксения Юрьевна – соискатель Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

БЕЛОВА Ирина Алексеевна – соискатель Тюменского государственного нефтегазового университета, специалист 1 категории отдела по обеспечению деятельности Главы администрации г. Тюмени, заместителей Главы администрации г. Тюмени Управления по обращениям граждан и делопроизводству административного департамента Администрации г. Тюмени.

БЕНИНА Лариса Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета.

БИРЮКОВА Вера Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

БИСУЛТАНОВ Асланбек Камаудинович – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

БОНДАРЕНКО Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

БОНДАРЕНКО Геннадий Викторович – кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ВАН Хуэй – аспирант кафедры государственного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

ВИЛЬДАНОВ Руслан Раисович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ВИЧЕВА Алёна Андреевна – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России.

ГАБДРАХМАНОВА Эльмира Фаритовна – выпускница Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

ГАЛУШКИН Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры муниципального права Российского университета дружбы народов.

ГАЛЯУТДИНОВ Рустем Флюрович – преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, майор полиции.

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГАРЬКАВЧЕНКО Олег Юрьевич – стажер кафедры муниципального права Российского университета дружбы народов.

ГОРБАЧЕВ Антон Александрович – доцент кафедры прикладной математики и информатики Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

ГРУШИН Федор Владимирович – докторант Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

ГУЗНОВ Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный юрист РФ.

ДАВЫДОВА Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

ДАЛГАТОВА Аида Османгаджиевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ДЕМЕНТЬЕВ Андрей Андреевич – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ДЕНИСОВ Алексей Дмитриевич – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

ЕГОРОВ Владимир Сергеевич – Заместитель директора по правовым Представительства вопросам ПАО «Корпорация ВСМПО – АВИСМА».

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

ЕРОФЕЕВА Наталья Владимировна – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.

ЖУРАВЛЕВ Андрей Рональдович – кандидат юридических наук, полковник полиции Бюро по координации борьбы с организованной преступностью (БКБОП).

ЖУРАВЛЕВ Рональд Андреевич – доктор юридических наук, профессор Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист России.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ЗАИДОВА Манарша Усманхановна – старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

ИБРАГИМОВА Ханича Алибуттаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ИВАНОВА Екатерина Александровна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических наук Российского Университета Дружбы Народов.

ИГБАЕВА Гузель Римовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.

ИГУМЕНОВ Антон Сергеевич – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ИЛЮХИНА Светлана Сергеевна – кандидат технических наук, доцент кафедры Таможенного права и организации таможенного дела юридического института Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

ИШМУРАТОВ Миннираис Минигалиевич – доктор экономических наук, профессор кафедры Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

КЕМОВА Наталья Николаевна – соискатель Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

КИСЛИЧКО Юрий Викторович – преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, майор полиции.

КЛИМОВА Дарья Викторовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России.

КОЗАЧЕНКО Борис Павлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

КОЙШЕ Кенесар Куанышевич – доктор филологических наук, профессор кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета.

КОРБУТ Людмила Васильевна – ученый секретарь Российской Ассоциации международного права.

КОРНИЛОВА Мария Александровна – магистрант кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета.

КОРОБОВА Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

КОРОВЯКОВСКИЙ Денис Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного права и организации таможенного дела Юридического института Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

КРОТОВ Андрей Владиславович – кандидат юридических наук, докторант Южного Федерального университета.

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

ЛАРЧЕНКО Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, Западно-Сибирский государственный колледж.

ЛЁЗОВ Игорь Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры социологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

ЛИЧИДОВ Александр Андреевич – юрисконсульт ООО Управляющая Компания «УРАЛКРАН», соискатель кафедры гражданского права и процесса Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет)

ЛУКАНИН Виктор Викторович – заместитель начальника курса юридического факультета Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич – кандидат политических наук, преподаватель кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ЛУКОЯНОВ Денис Николаевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой административного права и публично-правовых дисциплин юридического факультета имени Ю. П. Новицкого Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

ЛЯДОВ Эдуард Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

МАГОМЕДОВА Марьям Магомедовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

МАКУХИН Александр Владимирович – аспирант кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

МАЛЫШЕВА Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета.

МИННИГУЛОВА Динара Борисовна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой предпринимательского и финансового права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

МИХАЛЕВА Анастасия Евгеньевна – стажер-исследователь кафедры теории государства и права юридического института Сибирского федерального университета.

МУСАЕВА Асма Гаджиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-прикладных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

НАЗАРЯН Гурген Саркисович – аспирант кафедры политических наук Российского Университета Дружбы Народов.

НАРЫШКИНА Наталья Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России.

НЕВДАХ Татьяна Михайловна – преподаватель кафедры математики и информационных технологий управления Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист России.

НУРИЕВ Ахат Дамирович – старший преподаватель Уфимского филиала Уральского государственного юридического университета.

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна – аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

ПАНТЕЛЕЕВА Ксения Александровна – аспирант кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.

ПАРФЕНОВА Светлана Рафатовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета.

ПАШКОВСКИЙ Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

-
- ПЕСТОВА Оксана Юрьевна** – соискатель Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.
- ПЕТРОВ Александр Александрович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства права Сибирского федерального университета.
- ПЕТРОВ Артур Игоревич** – кандидат технических наук, доцент кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета.
- ПИКУЛЕВА Ирина Владимировна** – стажер-исследователь кафедры теории государства и права юридического института Сибирского федерального университета.
- ПИЩУЛИНА Мария Васильевна** – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- ПОЛИЩУК Николай Иванович** – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, международного и Европейского права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России,
- ПОНОМАРЕВА Екатерина Владимировна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.
- ПОНОМАРЕНКО Елена Витальевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права Тюменского государственного университета.
- ПОСУЛИХИНА Наталья Семеновна** – аспирант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).
- ПОТАШНИК Игорь Михайлович** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов.
- РАГУЛИНА Индира Тагировна** – научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского института проблем права, адвокат.
- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Татьяна Эдуардовна** – доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).
- РОЖКОВ Георгий Александрович** – преподаватель кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Института деловой карьеры (г. Москва).
- РОМАШИН Эдгар Сергеевич** – юрисконсульт ЗАО «Квантум» (г. Москва).
- РУСАНОВА Светлана Юрьевна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России.
- САБИРОВ Артем Маратович** – стажер-исследователь кафедры теории государства и права юридического института Сибирского федерального университета.
- САБИТОВ Марат Ринатович** – кандидат политических наук.
- САВЧЕНКО Светлана Антоновна** – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета.
- САЛИХОВ Гафур Губаевич** – доктор философских наук, декан факультета философии и социологии Башкирского государственного университета.
- САРИБЕКЯН Степан Норикович** – юрисконсульт ООО «Премьер-Инвест».
- САФИНА Светлана Борисовна** – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.
- СЕМИВЕЛИЧЕНКО Евгений Александрович** – старший преподаватель кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, соискатель кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Поволжского федерального(Казанского) государственного университета.
- СЕРИКПА Аттеби Рене** – аспирант кафедра международного права Российского университета дружбы народов.
- СИТДИКОВ Ильдар Мавлиевич** – заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.
- СОКОЛОВ Вячеслав Владимирович** – старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции.
- СЫЧЕВА Ольга Валерьевна** – главный государственный инспектор УФНС по Республике Татарстан.
- ТЕПЛЯКОВ Дмитрий Олегович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета.
- ТЕПЛЯКОВА Ольга Андреевна** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета.
- ТОРДИЯ Инна Валентиновна** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета.
- ТРЕТЬЮХИН Михаил Вячеславович** – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.
- ФАХРИСЛАМОВ Тагир Равилович** – преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России, майор полиции.
- ФИРСОВА Ольга Николаевна** – доцент кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.
- ХАКИМОВ Назим Назипович** – преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России, капитан полиции.
- ХАНДРИК Егор Андреевич** – студент Института государства и права Тюменского государственного университета.
-

ХОТЬКИНА Ольга Константиновна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

ЧЕРНОВА Гульнара Шарифулловна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.

ШАВКАРОВА Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии Министерства внутренних дел России.

ШАВРИНА Евгения Владимировна – начальник отдела по надзору за соблюдением прав и свобод граждан управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Красноярского края, соискатель Академии Управления Генпрокуратуры России.

ШАРИПКУЛОВ Айдар Вильевич – магистрант кафедры философии и политологии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета.

ШЕВЧЕНКО Илья Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета.

ШЕПЕТЬКО Ирина Владимировна – ассистент кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

ШУМАЕВ Виталий Андреевич – доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте, профессор Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

ЩЕРБАКОВ Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ЯКОВЕЦ Евгений Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии управления Министерства внутренних дел России.

ABOUT THE AUTHORS

ABBASOVA Nigyar Rustam kuzu – postgraduate student of World Politics and International Relations sub-faculty of the Russian State University for the Humanities.

ABDULLIN Artur Rishatovich – lecturer of Special Preparation sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police major.

ABDULMUSLIMOVA Leila Guseinovna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ADIGAMOVA Guzel Zufarovna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.

AKIMOV Alexandr Mikhailovich – postgraduate student of Marketing of Municipal Management sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University, specialist of Transport and Technological Systems sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University; Junior Researcher Institute of Cardiology of the branch “Tyumen Cardiology Center.”

AKIMOV Mikhail Yurievich – Ph.D. in technical sciences, associate professor of Motor Transport Operation sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.

AKSENCHUK Maksim Andreevich – postgraduate student of Russian University of Justice.

ALIEV Hibi Kurbanovich – senior lecturer of Civil and Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.

ALIEV Khabibula Omarovich – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

AMINEVA Alina Geniyatovna – magister student of the Ufa State Petroleum Technological University.

AMMOSOVA Varvara Innokentjevna – adjunct of Training Scientific and Pedagogical Personnel faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

ANTONOV Vladimir Veniaminovich – lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.

ARSENYEV Igor Andreevich – postgraduate student of the European Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation.

AUPOV Mansur Anvarovich – Ph.D. in political sciences, professor, Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan.

AZIZOVA Pasikhat Magomedovna – Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

AZIZYAN Vigen Garnikovich – Senior lecturer of the Institute of Information Security Management and Security business.

BABAYEV Emmin Zulfi ogly – postgraduate student of the World Process sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation.

BABKINA Elena Viktorovna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal-Executive Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

BAKLANOVA Ksenija Yurjevna – competitor of the Federal Service for the Execution of Punishments of the Russian Federation.

BAZAROV Pavel Rustamovich – adjunct of Criminal law sub-faculty of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, senior police lieutenant.

BEKYASHEV Damir Kamilevich – Ph.D. in Law, associate professor of the International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation

BEKYASHEV Kamil Abdulovich – Ph.D. in Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored scientist of the Russian Federation.

BELOVA Irina Alekseevna – competitor of the Tyumen State Oil and Gas University, specialist of 1st category of Department for Ensuring Activity of the Head of the Tyumen City Administration, the deputies of the Tyumen City Administration and the Office for Petitions and Records of the Administrative Department of the Administration of Tyumen.

BENINA Larisa Ivanovna – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy and Political Science sub-faculty of the Bashkir State University.

BIRYUKOVA Vera Vitaljevna – Ph.D. in economics, associate professor of Economics and Management at the Enterprise of the Oil and Gas Industry sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

BISULTANOV Aslanbek Kamaudievich – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

BONDARENKO Alexandr Viktorovich – Ph.D. in philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

BONDARENKO Gennadiy Viktorovich – Ph.D. in philosophy, professor, Head of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

CHERNOVA Gulnara Sharifullovna – Ph.D. in Law, Deputy Head of Civil Law disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

DALGATOVA Aida Osmangadzhievna – Ph.D. in Law, Head of State and Legal disciplines of the Dagestan State Institute of National Economy.

DAVYDOVA Irina Alexandrovna – Ph.D. in Law, associate professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

DEMENTYEV Andrey Andreevich – postgraduate student of International Law sub-faculty of Peoples' Friendship University of Russia.

DENISOV Alexey Dmitrievich – adjunct of Training Scientific and Pedagogical Personnel faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

EGOROV Vladimir Sergeevich – Deputy Director on legal affairs of the Representative office of the VSMPO-AVISMA Corporation.

ERMOLINA Marina Anatoljevna – Ph.D. in Law, associate professor of World Politics sub-faculty of International Relations faculty of the Saint-Petersburg State University.

EROFEEVA Natalya Vladimirovna – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.

FAKHRISLAMOV Tagir Ravilovich – lecturer of Special Preparation sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police major.

FIRSOVA Olga Nikolaevna – associate professor of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.

GABDRAKHMANOVA Elmira Faritovna – graduated from the St. Petersburg Law Institute (branch) of The Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

GALUSHKIN Alexander Alexandrovich – Ph.D. in Law, associate professor of Municipal Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

GALYAUDINOV Rustem Flurovich – lecturer of Special Preparation sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police major.

GAREEVA Zemfira Anisovna – Ph.D. in economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

GARKAVCHENKO Oleg Yurjevich – researcher of Municipal Law sub-faculty of the the Peoples' Friendship University of Russia.

GORBACHEV Anton Alexandrovich – associate professor of Applied Mathematics and Informatics sub-faculty of the Moscow State Humanitarian and Economic University.

GRISHIN Oleg Evgenjevich – Ph.D. in political sciences, associate professor of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russian.

GRUSHIN Fedor Vladimirovich – doctoral student of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

GUZNOV Alexey Gennadevich – Ph.D. in Law, associate professor, of Financial Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honoured lawyer of Russia.

HOTKINA Olga Konstantinovna – Ph.D. in Law, associate professor of criminology and prevention of crime sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

IBRAGIMOVA Khanicha Alibuttaevna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of a National Economy.

IGBAEVA Guzel Rimovna – Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

IGUMENOV Anton Sergeevich – the lecturer of Operational-investigative activity of internal affairs bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.

ILYUKHINA Svetlana Sergeevna – Ph.D. in technical sciences, associate professor of Customs Law and Organization of Customs Affairs sub-faculty of the Law Institute of the Moscow State University of Railway Engineering.

ISHMURATOV Minnirais Minigalievich - Ph.D. in economics, professor of sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan.

IVANOVA Ekaterina Alexandrovna – Ph.D. in political sciences, senior lecturer of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

KEMOVA Natalya Nikolaevna – competitor of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

KHAKIMOV Nazim Nasipovich – lecturer of Special Preparation sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, captain of police.

KHANDRIK Egor Andreevich – student of the State and Law Institute, of the Tyumen State University.

KISLICHKO Yuriy Viktorovich – lecturer of Special Preparation sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police major.

KLIMOVA Darya Viktorovna – Ph.D. in Law, senior teacher of State-legal Subjects sub-faculty of the Crimean Affiliate of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation the Krasnodar University of Interior Ministry.

KOJSHE Kenesar Kuanyshevich – Ph.D. in philological sciences, professor Sociology sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.

KORBUT Ludmila Vasiljevna – Scientific Secretary of the Russian Association of International Law.

KORNILOVA Marija Alexandrovna – magister student of Motor Transport Operation sub-faculty of the Tumen State Oil and Gas University.

KOROBOVA Irina Nikolaevna – Ph.D. in Law, associate professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

KOROVYAKOVSKIY Denis Grigorjevich – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Customs Law and Customs Organization sub-faculty of the Law Institute of the Moscow State University of Railway Communications (MIIT).

KOZACHENKO Boris Pavlovich – Ph.D. in Law, associate professor of Penitentiary Law of the Federal Penitentiary Service of Russia.

KROTOV Andrey Vladimirovich – Ph.D. in Law, doctoral student of the Southern Federal University.

KURMANOV Albert Safuatovich – Ph.D. in political sciences, professor of Criminal law, Process and Criminalistics sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan.

LARCHENKO Irina Nikolaevna – Ph.D. in pedagogical sciences, West Siberian State College.

LEONTYEVA Olga Vasiljevna – senior lecturer of Sociology sub-faculty of the Public Sciences Faculty of the Pridnestrovien State University named by T. G. Shevchenko.

LICHIDOV Alexandr Andreevich – legal adviser of JSC Management Company «URALKRAN», competitor of Civil Law and Process sub-faculty of the Southern Ural State University (National research university).

LUKANIN Viktor Viktorovich – Deputy Head of course of the Law Faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

LUKIYANOV Mikhail Yurjevich – Ph.D. in political sciences, lecturer of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

LUKOYANOV Denis Nikolaevich – Ph.D. in Law, Head of Administrative Law and Public Law Disciplines of the Law faculty named after Y. P. Novitskiy of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov.

LYADOV Eduard Vladimirovich – Ph.D. in Law, associate professor, professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

LYOZOV Igor Leonidovich – Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Russian foreign trade Academy of the Ministry of economic development of the Russian Federation.

MAGOMEDOVA Maryam Magomedovna – Ph.D. in historical sciences, associate professor of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

MAKUHIN Alexandr Vladimirovich – postgraduate student of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

MALYSHEVA Anastasija Sergeevna – postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Law Faculty of the Kazan (Volga region) Federal University.

MIKHALEVA Anastasija Yevgenjevna – intern researcher of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

MINNIGULOVA Dinara Borisovna – Ph.D. in Law, professor, Head of Business and Finance law of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan.

MUSAEVA Asma Gadzhievna – Ph.D. in historical sciences, associate professor of State-Applied Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

NARYSHKINA Natalya Igorevna – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal-Executive Law sub-faculty of the Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.

NAZARYAN Gurgen Sarkisovich – postgraduate student of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

NECHEVIN Dmitry Konstantinovich – Ph.D. in Law, professor of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honoured lawyer of Russia.

NESTERCHUK Olga Alexeevna – Ph.D. in political sciences, professor of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.

NEVDAKH Tatjana Mikhailovna – Ph.D. in Law, lecturer of Mathematics and Information Technology Management sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

NURIEV Ahat Damirovich – senior lecturer of the Ufa branch of the Ural State Law University.

OVCHINNIKOVA Yulija Sergeevna – postgraduate student of International and European law sub-faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University.

PANCHENKO Vladislav Yuryevich – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

PANTELEEVA Kseniya Alexandrovna – postgraduate student International law sub-faculty of the Law faculty of the Lomonosov's Moscow State University.

PARFENOVA Svetlana Rafatovna – Ph.D. in Law, associate Professor of Sociology and Works with youth sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University.

PASHKOVSKIY Pavel Valerjevich – Ph.D. in Law, associate professor of Civil and Criminal Law sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov state economic Institute.

PESTOVA Oksana Yurjevna – competitor of the Federal Service for the Execution of Punishments of the Russian Federation.

PETROV Alexandr Alexandrovich – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of the Siberian Federal University.

PETROV Artur Igorevich – Ph.D. in technical sciences, associate professor of Motor Transport Operation sub-faculty of the Tumen State Oil and Gas University.

PIKULEVA Irina Vladimirovna – Intern researcher of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

PISHCHULINA Marija Vasiljevna – postgraduate student of Politology and Political Management sub-faculty of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

POLISHCHUK Nikolay Ivanovich – Ph.D. in Law, professor of Theory of State and Law, International and European Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

PONAMORENKO Vladislav Evgenjevich – Ph.D. in Law, associate professor of Monetary Relations and Monetary Policy sub-faculty and of Financial Law sub-faculty of the Finance University under the Government of the Russian Federation.

PONOMARENKO Elena Vitalevna – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law and International Law sub-faculty of the Tyumen State University.

PONOMAREVA Ekaterina Vladimirovna – Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil Law disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

POSULIKHINA Natalia Semenovna – postgraduate student of Administrative Law and Process sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

POTASHNIK Igor Mihailovich – Ph.D. in Law, senior lecturer of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia.

RAGULINA Indira Tagirovna – research employee of the Center of research of problems of organization and activity of legal profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, advocate.

ROMASHIN Edgar Sergeevich – legal advisor of PC «Quantum» (Moscow).

ROZHDESTVENSKAYA Tatiana Eduardovna – Ph.D. in Law, professor of Financial Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

ROZHKOV Georgiy Alexandrovich – lecturer of Humanities and Natural Sciences sub-faculty of the Business Career Institute (Moscow).

RUSANOVA Svetlana Yurjevna – Ph.D. in Law, senior teacher of State-legal Subjects sub-faculty of the Crimean Affiliate of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation the Krasnodar University of Interior Ministry.

SABIROV Artem Maratovich – intern researcher of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

SABITOV Marat Rinatovich – Ph.D. in political sciences.

SAFINA Svetlana Borisovna – Ph.D. in law, associate professor, Head of Constitutional and Administrative Law sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan.

SALIKHOV Gafur Gubaevich – Ph.D. in philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University.

SARIBEKYAN Stepan Norikowich – legal adviser of JSC "Prime invest".

SAVCHENKO Svetlana Antonovna – Ph. D. in Law, professor of Civil Law and Process sub-faculty of the Tumen State University.

SEMIVELICHENKO Evgeniy Alexandrovich – senior lecturer of Civil Law sub-faculty of the Law institute of the Bashkir State University, competitor of Civil and Entrepreneurial of Law sub-faculty of the Kazan (Volga region) Federal University.

SERIKPA Attebi Rene – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

ŠHARIPKULOV Aidar Viljevich – magister student of Philosophy and Political Science sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University.

SHAVKAROVA Elena Evgenjevna – senior lecturer of Preliminary Investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

SHAVRINA Evgenija Vladimirovna – Head of the Department on supervision of rights and freedoms protection at Prosecutor's Office in Krasnoyarsk Kray, competitor in Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

SHCHERBAKOV Alexander Sergeevich – Ph.D. in historical sciences, associate professor of History and Cultural Studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University.

SHEPETKO Irina Vladimirovna – assistant Professor of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.

SHEVCHENKO Ilya Alexandrovich – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Procedure sub-faculty of the Siberian Federal University.

SHUMAEV Vitaliy Andreevich – Ph.D. in economics, professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Witte Moscow University, professor of Moscow State University of Railway Engineering.

SITDIKOV Ildar Mavlievich – Deputy Head of Professional Training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.

SOKOLOV Vjacheslav Vladimirovich – senior lecturer of Special Preparation sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police Lieutenant Colonel.

SYCHEVA Olga Valerjevna – Chief State Inspector of the Federal Tax Service of the Republic of Tatarstan.

TEPLYAKOV Dmitriy Olegovich – Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and Municipal Law sub-faculty of the State and Law Institute of the Tyumen State University.

TEPLYAKOVA Olga Andreevna – Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Constitutional and Municipal Law sub-faculty of the State and Law Institute of the Tyumen State University.

TORDIYA Inna Valentinovna – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil Law and Process sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University.

TRETIUKHIN Mikhail Vyacheslavovich – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.

VICHEVA Alena Andreevna – lecturer of State and Law Disciplines of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

VILDANOV Ruslan Raisovich – Ph.D. in political sciences, associate professor of History and Culturology sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

WANG Hui – postgraduate student of State law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentation.

YAKOVETS Evgeniy Nikolaevich – Ph.D. in Law, professor of Operational and Investigative Activities sub-faculty of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ZAIDOVA Manarsha Usmanhanovna – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Information Technologies in the work of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ZHURAVLEV Andrey Ronaldovich – Ph.D. in Law, police Colonel of the Bureau on coordination of fight against organized crime (BCBP).

ZHURAVLEV Ronald Andreevich – Ph.D. in Law, professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honoured lawyer of Russia.

ZLATANOV Blagoy Georgiev – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy, Cultural Studies and Political Science of the Moscow Humanitarian University.